

Советское градостроительство 1917–1941

КНИГА ПЕРВАЯ

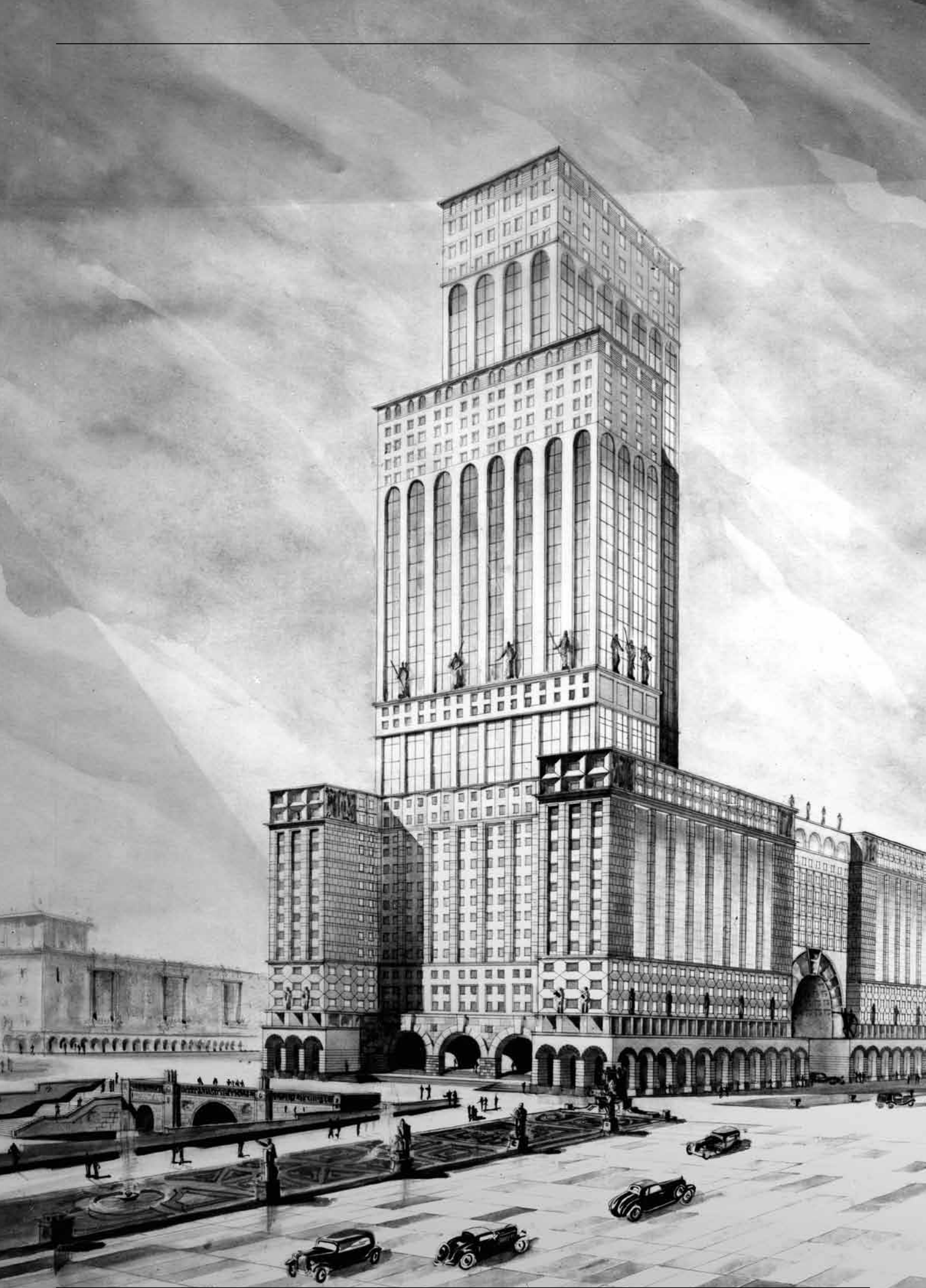

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ
АРХИТЕКТУРЫ
И СТРОИТЕЛЬНЫХ НАУК

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ
ТЕОРИИ И ИСТОРИИ
АРХИТЕКТУРЫ
И ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА

МОСКВА
ПРОГРЕСС-ТРАДИЦИЯ 2018

Советское градостроительство 1917–1941

К Н И Г А   П Е Р В А Я

ББК 85.11
УДК 67,01
К 71
ISBN 978-5-89826-502-1
ISBN 978-5-89826-503-8

*Исследование выполнено в Филиале ФГБУ
«ЦНИИП Минстроя России» НИИТИАГ
по Программе фундаментальных
научных исследований РААСН и Минстроя РФ*

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
по проекту № 17-04-16020, не подлежит продаже*

Печатается по решению ученого совета НИИТИАГ

Редакционная коллегия:

Бондаренко И.А., Казусь И.А., Конышева Е.В., Косенкова
Ю.Л., Старостенко Ю.Д., Щенков А.С.

Автор концепции издания и ответственный редактор:

Косенкова Ю.Л.

Советское градостроительство. 1917–1941.

М.: Прогресс-Традиция, 2018. — 820 с., ил.

Монография, написанная коллективом авторов - специалистов по истории отечественной архитектуры XX в., посвящена проектированию и реконструкции городов в 1920–1930-е гг. Достижения русского авангарда 1920-х гг. были отмечены рядом новаторских градостроительных проектов-концепций, однако реальное формирование городов и поселков, в которых обитали миллионы людей, происходило под влиянием множества противоречивых факторов. Идеальные образы общества и человека, выстраиваемые в этот период советской культурой, не только определяли теоретические представления о городах будущего, но влияли и на практические подходы архитекторов к формированию архитектурно-градостроительной среды. Вместе с тем профессиональный опыт и накопленные знания архитекторов вступали в сложные взаимоотношения с государственной градостроительной политикой, ее менявшимися во времени установками. Феномен советского градостроительства 1920–1930-х гг. во всей своей многогранности до сих пор остается недостаточно изученным. Монография направлена на восполнение этого пробела. Вводится в научный оборот широкий пласт новых, в том числе архивных, материалов, позволяющих лучше понять как социально-культурные, так и технико-экономические аспекты развития градостроительства этого периода.

- © Коллектив авторов, 2017
- © Филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России»
НИИТИАГ, 2017
- © Орлова И.В., оформление, 2017
- © Издательство «Прогресс-Традиция», 2017

На переплете: Москва. Здание Наркомата земледелия. Арх. А.В. Щусев при участии А.З. Гринберга, Д.Д. Булгакова, И.А. Француза, Г.К. Яковлева. 1928–1933 гг.

Фронтиспис: Конкурсный проект здания Наркомата тяжелой промышленности. Арх. М.Ф. Гунгер, инж. Г.П. Домшлак, Ф.Ф. Гурский. 1934 г.

Оглавление

К Н И Г А П Е Р В А Я

Введение (Ю.Л. Косенкова)	9
---------------------------------	---

РАЗДЕЛ I. ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

Г Л А В А 1	
Представления о будущей организации градостроительства в первые годы советской власти (Ю.Л. Косенкова)	19
Г Л А В А 2	
Концепция города-сада и ее трансформация в послереволюционный период (М.Г. Меерович)	31
Г Л А В А 3	
От нового административно-хозяйственного районирования страны — к новой системе расселения (М.Г. Меерович)	77
Г Л А В А 4	
Районная планировка в СССР: от децентрализации крупных городов к обслуживанию военно-промышленного комплекса (Ю.Л. Косенкова, М.Г. Меерович)	115
Г Л А В А 5	
Концепция «социалистического города» и практика ее реализации (М.Г. Меерович)	180

РАЗДЕЛ II. МОСКВА: ФОРМИРОВАНИЕ «ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОГО ЭТАЛОНА» СТРАНЫ СОВЕТОВ

Г Л А В А 6	
От «соцгорода» к «городу-ансамблю»: наложение концепций (Ю.Л. Косенкова)	259
Г Л А В А 7	
Три проекта реконструкции Москвы (1918—1925) (Г.Н. Яковлева)	273
Г Л А В А 8	
Процесс формирования генерального плана Москвы 1935 г. и принципы композиции будущей столицы (Г.Н. Яковлева)	298
Г Л А В А 9	
Проблема ансамбля в советском градостроительстве 1920—1930-х гг. в теории и на практике (Ю.Д. Старостенко)	327

РАЗДЕЛ III. УНИФИЦИРУЮЩЕЕ НАЧАЛО В ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВЕ И ЕГО ПРЕЛОМЛЕНИЯ

Г Л А В А 10	
Особенности градорегулирования в Петрограде—Ленинграде: формирование внутригородской системы управления (А.Г. Вайтенс)	387

ГЛАВА 11

Ведомственные и региональные особенности формирования городов в процессе индустриализации страны (на примере Западной Сибири первой пятилетки) (С.С. Духанов) 420

ГЛАВА 12

Градостроительство Урала 1920–1930-х гг.: региональный аспект общероссийских тенденций (Е.В. Конышева) 474

ГЛАВА 13

Особенности градостроительства в союзных республиках (Ю.Л. Косенкова) 522

ГЛАВА 14

На периферии: проблемы планировки и застройки селений (Ю.Л. Косенкова) 634

РАЗДЕЛ IV. ГОРОДСКОЙ КОНТЕКСТ

ГЛАВА 15

Трехмерное пространство города в работах мастеров архитектуры (Ю.П. Волчок) 709

ГЛАВА 16

Архитектурно-градостроительное наследие в советском городе довоенного периода (А.С. Щенков) 737

ГЛАВА 17

Жилище в структуре советского города 1920–1930-х гг. (Г.Н. Яковлева) 783

КНИГА ВТОРАЯ

РАЗДЕЛ V. ОРГАНИЗАЦИЯ ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА И МЕТОДОЛОГИЯ ПРОЕКТИРОВАНИЯ ГОРОДОВ

ГЛАВА 18

Проблемы законодательного регулирования советского градостроительства (Ю.Л. Косенкова) 831

ГЛАВА 19

Роль конкурсного дела в становлении предвоенного советского градостроительства (И.А. Казусь) 864

ГЛАВА 20

Межведомственная борьба внутри государственной системы проектного дела в СССР (М.Г. Меерович) 919

ГЛАВА 21

Различие и сходство двух проектных подходов к планировке городов (на примере городов Западной Сибири) (С.С. Духанов) 942

ГЛАВА 22

Становление методологии проектирования городов: опыт харьковского Гипрограда (Ю.Л. Косенкова) 966

РАЗДЕЛ VI. ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО В СССР И ЗАПАДНАЯ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

ГЛАВА 23

Основные тенденции градостроительства стран Европы и Америки в 1920–1930-е гг. (А.Г. Вяземцева) 1003

ГЛАВА 24

«Корпоративный город» в Италии: модель взаимодействия экономики и градостроительства (А.Г. Вяземцева) 1055

ГЛАВА 25

Восприятие западного опыта городского планирования и жилищного строительства в СССР 1920–1930 гг.: эволюция задач и форм (Е.В. Коньшева) 1071

ГЛАВА 26

Европейские архитекторы в советском градостроительном проектировании эпохи первых пятилеток (Е.В. Коньшева) 1107

ГЛАВА 27

Участие зарубежных архитекторов в разработке проекта перепланировки Москвы и в работе над проектами реконструкции Москвы в 1930-е гг. (Е.В. Коньшева) 1158

ГЛАВА 28

Архитектура и градостроительство СССР в зарубежной печати 1920–1930-х годов (А.Г. Вяземцева, Э. Писториус) 1183

ГЛАВА 29

Освещение западной градостроительной практики в советской профессиональной прессе 1920–1930 гг. (Е.В. Коньшева) 1215

РАЗДЕЛ VII. АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

Преамбула 1245

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Архивные документы 1918–1930-х гг. по советскому градостроительству (составитель Ю.Л. Косенкова) 1248

Обсуждение проблемы государственного проектирования городов 1248

Вопросы планировки и застройки сел 1302

Организация съемки планов и разработки проектов планировки городов и поселков 1310

Борьба с жилищным кризисом 1313

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Краткий хронологический перечень основных постановлений, инструкций и распоряжений по градостроительству (1917–1941) (составитель Ю.Л. Косенкова) 1329

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Постановления, инструкции и распоряжения по градостроительству. 1917–1941 (Избранные материалы) (составитель Ю.Л. Косенкова) 1345

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

Архитектурно-градостроительная жизнь Москвы 1930-х гг. (Из документов Российского центра хранения и изучения документов новейшей истории) (составитель Ю.Л. Косенкова — по архивным записям Т.Н. Самохиной) 1383

Список сокращений 1402

Именной указатель 1409

Сводный список иллюстраций с указанием источников 1424

Об авторах 1490

Введение

Ю.Л. Косенкова

Предлагаемая вниманию читателей коллективная монография написана историками советской архитектуры, объединенными желанием более пристально взглянуть в то, как воплощались в реальность представления о настоящем и будущем, содержащиеся в концепциях и проектах 1920–1930-х гг., как менялись со временем сами эти представления. Объектом внимания в этой книге стало также и то обстоятельство, что жизнь огромной страны, всегда испытывавшей острый дефицит «архитектурных сил», формировала среду обитания для миллионов людей зачастую вне потока архитектурно-градостроительной мысли. Осознание специфического характера социокультурных и технико-экономических факторов, действовавших в советском обществе и неизбежно влиявших на творческую деятельность архитекторов, также в значительной степени определило научные позиции авторов этой монографии.

В начале 1990-х гг. вопрос о том, нужно ли переосмысливать предмет истории советской архитектуры, вызывал достаточно много волнений. Слишком еще свежи были воспоминания о конъюнктурных переосмыслениях и переоценках, которые, как известно, А.В. Иконников тогда обозначил морским термином поворот «все вдруг». Прошедшее с тех пор время показало, что в историко-архитектурных исследованиях, во-первых, постепенно формировалось не столько оценочное, сколько целостно-ценностное отношение к предмету исследования, понимание его взаимосвязей со сложнейшим историческим и культурным контекстом; во-вторых, складывалась по возможности объективистская позиция исследователя, стремящегося не оценить, а объяснить то или иное явление; в-третьих, постепенно происходило не столько переосмысление, сколько расширение предмета исследования.

Если говорить коротко, в поле зрения историка архитектуры и градостроительства оказались не только традиционные вопросы «что?» и «как?»,

но и «почему?». А предмет исследования включил в себя не только некий набор «объектов», будь то постройки, проекты или архитектурно-теоретические тексты, но и «деятельностные механизмы», подчас разрушавшие и изменявшие до неузнаваемости самые лучшие архитектурно-градостроительные замыслы. Разведение желаемого и действительного в советской архитектуре — в этом, на наш взгляд, состоит одно из самых глубоких изменений в работе историков в последние годы. Именно с этих позиций написано большинство исследовательских текстов в коллективной монографии.

Благодаря трудам таких крупных ученых-историков архитектуры советского времени как С.О. Хан-Магомедов, В.Э. Хазанова, А.В. Иконников, М.И. Астафьева-Длугач и др.¹, еще в советское время прервавших традиции официальной историографии, мы познакомились с теоретическими взглядами и творческими позициями архитекторов 1920-х — начала 1930-х гг., в том числе в деле проектирования городов, определившимися в концептуальных проектах того времени, выступлениях в печати и в ходе известных дискуссий. Однако все, что происходило в советском градостроительстве после «золотого века» архитектурного авангарда, в значительной степени оставалось белым пятном, отчасти справедливо связываясь с мрачным периодом советской истории середины—конца 1930-х гг.

Вместе с тем в последние десятилетия внимание исследователей все более стала привлекать фактически неизученная, но чрезвычайно важная и сложная область: градостроительство как повседневная проектно-практическая деятельность, определявшая собой характер среды обитания для многомиллионного населения страны. Каким закономерностям подчинялась эта работа, как она была связана: с концептуальным градостроительным проектированием и фактическим состоянием профессионального архитектурного сообщества в целом; с характером экономики, культуры, социаль-

ного устройства советского общества, с уровнем его технического развития; со стратегическими целями и тактическими задачами власти и пр. — весь этот комплекс весьма непростых проблем стал предметом углубленного изучения.

Историками архитектуры, в том числе авторами данной коллективной монографии, был осуществлен целый ряд исследований, направленных на реконструкцию как организационной стороны градостроительного дела (изучение организации и преобразования системы проектирования, области градостроительных директивных и нормативных актов и т.п.), так и непосредственно методологических приемов градостроительного проектирования (в том числе планировки и застройки «соцгородов»), а также практики градостроения, в частности, ее сложных взаимодействий с местными социальными, архитектурными традициями, природными условиями. Значительно также были продвинуты исследования, соотносящие развитие советского градостроительства довоенного периода с мировым опытом, в том числе отражающие участие иностранных архитекторов в советской градостроительной практике².

И все же задача воссоздания целостной, но в то же время дифференцированной как в географическом, так и в хронологическом отношении картины проектирования городов в СССР не снята с повестки дня. Решение этой задачи как значительной составляющей современной истории архитектуры советского периода требует, в частности, более подробного обращения к местной градостроительной практике (в том числе в исторических границах СССР), даже там, где региональные школы в полном смысле этого понятия в довоенный период не смогли или не успели сложиться. Если неоднозначный характер взаимодействия национальной, региональной специфики с общесоветскими тенденциями в архитектуре и градостроительстве проявлялся, по понятным причинам, более определенно в бывших союзных республиках, то углубленное исследование под этим углом зрения регионов России только начинается.

Не секрет, что многие конкретные историко-архитектурные исследования, посвященные особенностям того или иного региона России, как правило, прерываются на рубеже 1917 г. — слишком кардинальной представляется «ломка» жизненных устоев в советское время, слишком стертыми оказываются местные особенности. В последние годы эта исследовательская позиция медленно, но все же меняется. Постепенно приходит понимание того,

что региональные особенности, несмотря на схематизм и повторяемость многих принимавшихся в советский период архитектурно-градостроительных решений, все же проявлялись, хотя и специфически. Такие факторы, как ландшафт, климат, уровень развития градостроительной базы, местные архитектурно-градостроительные традиции, сформировавшие в прошлом те или иные города, наконец, просто нежелание властей и деятелей городского хозяйства «на местах» некритично принимать указания «центра» — создавали сложную и неоднозначную картину градоформирования в регионах, достойную специального изучения.

Принцип, определивший построение данной монографии: множественность авторского видения — необходимое условие для того, чтобы, многократно меняя объект, предмет и масштаб исследования, попытаться как можно более полно выявить наиболее общие, фундаментальные свойства советского градостроительства. Они с очевидностью проявлялись на всех этапах его развития, несмотря на резкие зигзаги «творческой направленности» советской архитектуры и отрицание всего сделанного в предыдущие годы. Возможно, последнее обстоятельство также является одним из фундаментальных свойств советской архитектуры — смена тактик при неизменности целей, определявшихся задачами построения «большого общества».

Это понятие, в свое время разработанное А.С. Ахиезером, указывает не столько на размеры общества, сколько на его качественную специфику, не сводимую к сумме локальных сообществ. На заре формирования советского государства существование множества исторически сложившихся локальных миров, живущих своей жизнью и отчужденно воспринимающих власть «центра», никак не вписывалось в проект создания счастья для всего человечества. Необходимо было найти средства, позволяющие, с одной стороны, экстраполировать сложившиеся ценности и культурные смыслы локального мира на новую реальность, дать истолкование большого общества как братской семьи, с другой стороны, доходчиво интерпретировать новые смыслы, социальные нормы, модель нового общественного устройства. Градостроительство было одной из тех сфер, где подобные средства следовало искать в первую очередь.

Сложный узел проблем, возникавших в процессе реализации проекта «большого общества», очевидно, в самом общем виде можно рассматривать как коллизии борьбы должного и сущего, общего и особенного. Анализ исторического ма-

териала советского градостроительства позволяет заметить, что большинство конфликтных ситуаций, возникавших на протяжении его развития, определялось тем, как соотносились между собой эти общие категории. Напряженная модальность, которая всегда была присуща советскому обществу, приоритет должного перед сущим, общего перед особенным, неизменно отражались и в архитектурно-градостроительной проблематике.

Вместе с тем при попытках обозреть всю градостроительную практику, делавшихся в советское время, всегда считалось правомерным говорить о единых и неизменных принципах советского градостроительства. К ним, как правило, относили: государственное значение градостроительства как важнейшего элемента народного хозяйства; значение генерального плана как законодательного документа; проектирование селитебной части города во взаимоувязке с промышленностью; комплексный подход к проектированию жилых районов, направленный на удовлетворение всех потребностей трудящихся, развитие массовых типов жилых и общественных зданий; ансамблевую застройку городов; сохранение исторической структуры городов с обязательной ее реконструкцией; вынос вредных производств за пределы города и т.п.

Анализ практики советского градостроительства на различных этапах ее развития показывает, что эти принципы либо не воплощались в жизнь, оставаясь общими декларациями, либо, так или иначе воплощаясь, приводили к неоднозначным результатам, дававшим повод говорить об ошибках, вновь и вновь ставить в повестку дня одни и те же проблемы.

Таким образом, принципы, с помощью которых самоидентифицировалось советское градостроительство, вряд ли дают реальные основания говорить об общей структурной основе градостроительного мышления этого периода. И все же можно предположить, что, как бы ни трансформировались основные градостроительные концепции, как бы ни развивались строительные технологии и ни менялась направленность в формообразовании, глубинные структуры профессионального градостроительного мышления оставались почти неизменными. Но нужно иметь в виду, что на самом деле они не таковы, какими казались ранее, и лежат не там, где их искали.

Это особенности, скрытые от поверхностного наблюдения, но обладающие возможностью разнообразными способами реализоваться в практике, каждый раз определяя неповторимое лицо того или

иного момента развития советской архитектуры. Очевидно, их выявление и описание — необходимая составляющая построения современной концепции истории советской архитектуры. В свою очередь, построение такой концепции важно не только для истории, — без осмысления советского периода архитектурно-градостроительного развития невозможна и полноценная рефлексия в сегодняшней практике застройки городов.

Сами по себе способы реагирования профессии на особенности комплекса социальных, культурных, экономических, технических факторов, связанных с развитием советского общества, — условий, которые вновь и вновь порождали воспроизводство схожих или идентичных по своей сути ситуаций в градостроительном процессе, — и есть те устойчивые структуры профессионального сознания, которые определяли единство и специфику советского градостроительства.

Можно попытаться предварительно сформулировать несколько таких позиций, в полной мере относящихся и к довоенному советскому градостроительству:

- преимущественная ориентированность градостроительного мышления на интересы производства и невыявленность интересов горожан;
- одновременное сосуществование двух или нескольких градостроительных концепций, недостаточно оформленных и профессионально отрефлексированных, часто взаимоисключающего характера;
- фрагментарность знаний о текущем состоянии города, возникающая вследствие как отсутствия достоверных сведений о нем и способов отслеживания изменений, так и «закрытости» некоторых фрагментов городской территории и его инфраструктуры в силу «экстерриториальности» промышленных и военных ведомств;
- стремление к разработке единой универсальной градостроительной модели и отсутствие интереса к исследованию возможностей развития собственного функционально-планировочного и художественного потенциала каждого конкретного города;
- взгляд на город как на бесконфликтный объект, полностью подчиняющийся единой проектной воле, отказ от признания его самопроизвольной жизнестроительной изменчивости;
- абсолютизация проектных идей, связанных с конструированием отдаленного будущего, и отсутствие разработки последовательности шагов для их осуществления, расхождение между глобальностью

замыслов и сиюминутным прагматизмом повседневных практических решений;

- попытки «задним числом» дать некое гуманитарное обоснование явлениям, возникшим в практике по тем или иным причинам экономического или технического характера, приоритет технократических идей перед социокультурным смыслом градостроительной деятельности;

- эксплуатация национальных и региональных особенностей исторического наследия на уровне декора и игнорирование этих особенностей на уровне планировочных структур;

- превалирование в процессе целеполагания ценностных установок идеологического характера, на фоне постоянных апеллаций к науке, отсутствие развитой системы градоведческих знаний и всесторонне обоснованных критериев формирования градостроительной концепции;

- сосредоточенность на «правильном» формировании «костяка» города и невнимание к фактуре градостроительной среды, составляющей непосредственное окружение человека;

- неразделенность в профессиональном сознании государственных, ведомственных и общественно-гражданских интересов, невыявленность реальных потребностей различных групп людей, ориентация города на предельно обобщенную идеальную модель человека;

- невозможность в реальных социально-политических условиях советской действительности полноценной профессиональной рефлексии по поводу целей, средств и результатов градостроительной деятельности, субъективизация возникающих проблем, перенесение их в сферу индивидуальной профессиональной этики;

- окостенение формулировок, характеризующих принципы советского градостроительства, при постепенной глубокой трансформации их содержательного наполнения, вплоть до противоположного смысла.

Последняя позиция указывает на то, что при изучении советского градостроительства поиск общих основ для разнообразия конкретных проявлений должен также сопровождаться и выявлением, напротив, эволюции во времени смыслов одних и тех же принципов, заявлявшихся самим советским градостроительством в качестве своей основы.

К примеру, коллективистское начало — один из краеугольных камней всей советской архитектуры. Приоритет коллективистского над личностным в советской архитектуре всегда был очевиден и задавался ею самою как программная установка. Но на

отрезке времени от 1920-х к началу 1940-х гг. заметен явный дрейф от функционально-организационных форм выражения коллективистского начала к образным формам, от дома-коммуны и квартала с полным обслуживанием к кварталу, основное содержание которого сводилось к его «работе» на общий образ социалистического города. По мере вставания советского градостроительства в культурную ситуацию конца 1930-х гг. коллективизм все более рассматривался не как средство создания новой счастливой жизни, а как самодостаточная цель, образное выражение которой есть главный критерий «правильной» организации архитектурно-пространственной среды. Такая установка недвусмысленно разъяснялась архитекторам. В послевоенные и последующие годы содержание этого понятия приобретало все новые смысловые оттенки.

* * *

Представляемая коллективная монография не является в узком смысле «академическим» изданием: возможно, в ней подчас недостаточно внимания уделяется тем или иным конкретным объектам, ставшим хрестоматийными в истории советских архитектуры и градостроительства. Но в то же время нельзя не отметить, что исследования, вошедшие в монографию, сугубо академичны по своим научным подходам, базируются на обширных массивах новых исторических материалов, в том числе архивных, и отличаются, насколько это возможно, приверженностью к традиции точного, документально подтвержденного знания.

Исследования, вошедшие в монографию, не только имеют концептуальный характер, они также существенно восполняют имеющиеся многочисленные фактические пробелы в знании об объекте исследования — советском градостроительстве довоенного периода. Материал этот до сих пор остается недостаточно изученным и зачастую труднодоступным. Так, к примеру, о проектно-градостроительной практике конца 1930-х гг. можно косвенно судить в основном по ссылкам на нее в ходе восстановления городов после войны. Становится очевидным, что в предвоенные годы объем практического градостроительного проектирования достиг внушительных размеров, хотя открытая информация о проектировании городов после 1935–1936 гг. практически исчезает из профессиональной печати, вытесняясь либо общими фразами, либо сведениями о развитии городского коммунального хозяйства. Архивные фонды этого периода, связанные с проектированием городов,

также понесли значительный урон в ходе их многочисленных «чисток».

Монография в двух книгах включает в себя шесть исследовательских разделов и седьмой раздел — документальные приложения. Первый раздел показывает, как в 1920-е гг. под давлением государства постепенно происходил уход от общемировых тенденций в градостроительстве, как выкристаллизовывалась, через новые системы районирования и расселения в стране, связанные с задачей индустриализации, специфически советская концепция «социалистического города». Второй раздел посвящен процессу формирования в 1930-е гг. новой градостроительной концепции — «города-ансамбля», сложным образом сочетавшейся с концепцией «соцгорода». Эта проблема рассматривается в основном на примере Москвы, во второй половине 1930-х гг. превратившейся в своеобразный символ, или идеологизированный «эталон», советского градостроительства.

Третий раздел отражает различные аспекты соотношения общего и особенного, проявившиеся в практике советского градостроительства по мере реализации заложенных в нем общих принципов в конкретных условиях. Четвертый раздел — это своего рода «взгляд изнутри» исторически сложившегося города, спектр различных отношений архитектурного сообщества к тем или иным обстоятельствам и условиям, предлагаемым таким городом. Пятый раздел посвящен организационной стороне советского градостроительства, неразрывно связанной с его содержательной стороной — от трудностей формирования законодательной базы до методологии проектирования городов и постановки конкурсного дела. И наконец, в шестом разделе сделана попытка рассмотреть советское градостроительство в мировом контексте. Раздел открывается очерком основных тенденций зарубежного градостроительства 1920—1930-х гг. Также здесь рассмотрен тот опыт, который был привнесен зарубежными специалистами, работавшими в СССР,

и степень взаимного интереса, отражавшегося в советской и иностранной прессе того времени.

Каждый исследовательский раздел, в свою очередь, состоит из нескольких глав, написанных разными авторами и раскрывающих на конкретном материале те или иные стороны проявления тематики, обозначенной в названии разделов. Такая структура книги позволила, с одной стороны, сохранить для каждого автора возможность индивидуального научного высказывания, а с другой — выявить те основные направления, в которых движется современная историко-архитектурная мысль.

Архитектура и градостроительство советского периода представляют собой сложное явление, хронологически охватывающее почти весь XX в. Представляемая вниманию читателя коллективная монография — только один из шагов на пути исследования этого феномена. В то же время эта монография является логическим продолжением фундаментальных исследований истории отечественного градостроительства, на протяжении многих лет проводимых в Научно-исследовательском институте теории и истории архитектуры и градостроительства³. Данная монография посвящена межвоенному периоду развития советского градостроительства, вплоть до начала Великой Отечественной войны. Однако с ее выходом в свет исследование этого периода, конечно, не завершается. Вот почему в монографии не приведены общие библиография и список архивных фондов, содержащих материалы, связанные с градостроительством довоенного периода. В настоящее время авторским коллективом накоплен огромный объем как публикаций и архивных данных того времени, представляющих источниковедческий интерес, так и более поздней историографии, посвященной 1920—1930-м гг., относящейся к советскому и постсоветскому периодам. Структурное упорядочение и тщательный анализ накопленных знаний мыслятся авторами как неотъемлемая составляющая продолжения исследования, позволяющая наметить новые исследовательские горизонты.

Ю.Л. Косенкова

Примечания

1. Назовем лишь некоторые известные работы, давно ставшие классикой отечественного архитектуроведения: Хан-Магомедов С.О.: Архитектура советского авангарда. Кн. 1, 2. М.: Стройиздат, 1996, 2001; Серия монографий: Конструктивизм. Концепция формообразования. М.: Стройиздат, 2003; «Супрематизм и архитектура» и «Рационализм (рацио-архитектура)». М.: Архитектура-С, 2007 и др.; Хазанова В.Э. Архитектура первых лет Октября. М.: Наука, 1970; Архитектура первой пятилетки. Проблемы города будущего. М.: Наука, 1980 и др.; Иконников А.В. Архитектура XX века. Утопии и реальность. Т. I, II. М.: Прогресс-Традиция, 2001, 2002 и др.; Астафьева М.И. Развитие теоретической мысли и принципов советского градостроительства в первые послереволюционные годы. 1917–1925 / Дис. ... канд. арх. М., 1971; Формирование проблематики теории и истории советской архитектуры. 1917–1954 гг. Опыт историографического исследования / Дис. ... докт. арх. М., 1990 и др.
2. В качестве краткого примера упомянем лишь два сборника научных трудов, выпущенных Научно-исследовательским институтом теории и истории архитектуры и градостроительства (НИИТИАГ): Архитектура сталинской эпохи: Опыт исторического осмысления. М.: КомКнига, 2010; Советское градостроительство 1920–1930-х годов. Новые исследования и материалы. М.: Книжный дом «Либроком», 2010.
3. В предыдущие годы вышли издания: «Русское градостроительное искусство» / Под общ. ред Н.Ф. Гуляницкого. Т. 1–5. М.: Стройиздат, 1993–1998; Градостроительство России середины XIX – начала XX века / Под общ. ред. Е.И. Кириченко. Кн. 1–3. М.: Прогресс-Традиция, 2001–2010.

Авторы выражают глубокую благодарность организациям, чьи архивные фотоматериалы были использованы в монографии: Российскому Государственному архиву кинофотодокументов; Государственному архиву Российской Федерации; Российскому государственному архиву экономики; Государственному научно-исследовательскому музею архитектуры им. А.В. Щусева; Государственному музею истории Санкт-Петербурга; Центральному государственному архиву г. Москвы; Музею истории архитектуры Сибири им. С.Н. Баландина; Центральному государственному архиву-музею литературы и искусства Украины; Государственному архиву Новосибирской области; Объединенному государственному архиву Челябинской области; Государственному архиву Свердловской области; Государственному архиву Саратовской области; Орскому филиалу Государственного архива Оренбургской области; Центральному государственному архиву Волгоградской области; Краеведческому музею Магнитогорска; Краеведческому музею Новокузнецка; Красноярскому краевому краеведческому архиву; Баухауз-Архиву (Германия); Архиву университета Флоренции (Италия), Пинакотеке г. Комо (Италия).

РАЗДЕЛ I

**Градостроительство
в контексте
политики
советского
государства**

---

*На стр. 16: Большое Запорожье. Новые жилые дома
в соцгороде. Начало 1930-х гг.*

Представления о будущей организации советского градостроительства в первые годы советской власти

Ю.Л. Косенкова

Практическая сторона постановки градостроительного дела в СССР до сих пор остается недостаточно изученной. Между тем для градостроительства, развивавшегося в условиях советской системы, этот аспект имел весьма важное, если не решающее, значение. Фактически полное огосударствление градостроительного процесса делало особенно ответственным звеном создание продуманной и эффективной системы управления застройкой городов. Однако на практике монополизация государством ролей как заказчика, так и разработчика и исполнителя, вкуче с многочисленными финансовыми и технологическими ограничениями, связанными с хроническими трудностями развития советской экономики, создавали значительную угрозу для реализации самых передовых и здравых идей в области планировки и застройки городов.

Сложная и постоянно менявшаяся схема практического руководства градостроительным процессом довольно трудно поддается описанию и анализу, особенно это касается довоенного периода. Постоянные административные «перетряски», эфемерность сроков существования и практического влияния на ход градостроительного процесса управленческих учреждений даже самого высокого государственного уровня указывают на довольно «стихийное» (как ни парадоксально это звучит для плановой экономики) формирование системы управления застройкой городов, на расхождение декларируемых целей градостроительства и тех целей, которые преследовались на практике.

Слабость государственной системы руководства застройкой городов проявилась уже в первые годы советской власти, несмотря на достаточно быстро предпринятые шаги по созданию единой централизованной структуры, которая должна была

взять на себя руководство градостроительством по всей стране. В декабре 1917 г. был создан ВСНХ, а при нем 9 мая 1918 г. — Комитет государственных сооружений (Комгосоор) с Управлением городского и сельского строительства.

Согласно административной схеме ВСНХ и подчиненных ему учреждений от 10 мая 1918 г., Угорсельстрой состоял из отделов: художественного, технического, санитарно-технического, научно-го, статистического, финансово-экономического, общей части, счетной части, юридической части¹. Однако эта схема, очевидно, имела вполне отвлеченный характер и фактически все время менялась на протяжении недолгого (чуть более полутора лет) существования Угорсельстроя². В Управлении рассматривались проекты и давались экспертные заключения по тем немногим при заводским поселкам, строительство которых велось в это время: при автозаводе в Филях при Саратовском заводе сельскохозяйственных машин «Звезда», при Подольском паровозостроительном заводе, Паратского рабочего поселка в Ярославской губернии и др.³; под его руководством через собственные построечные управления выполнялся ряд муниципальных строительных работ в Ярославле, Казани, Воронеже, Рязани, Саратове, Самаре и других городах.

Однако немалая часть времени в работе Угорсельстроя уходила на то, чтобы определить свои собственные задачи и выработать те принципы, на которых должно строиться руководство градостроительной деятельностью в стране. В декабре 1919 — январе 1920 г. вместо Угорсельстроя был образован Архитстрой, в ведении которого было не только гражданское, но и промышленное строительство. Эта организация просуществовала до 1924 г., ничем особенно себя не проявив.

Одновременно с Угорсельстроем было создано другое учреждение, в сферу деятельности которого также входило управление строительством городов. В 1918 г. было создано Главное управление коммунального хозяйства Наркомата внутренних дел (ГУКХ НКВД). Однако практическая деятельность и этого учреждения в первой половине 1920-х гг., в условиях разрухи и других последствий Гражданской войны, не выходила за пределы мелких восстановительных мероприятий и курирования строительства небольшого количества рабочих поселков при предприятиях.

Третьей государственной системой, ведавшей застройкой городов, были коммунальные отделы при исполкомах местных советов — губернских, уездных, волостных и городских (там, где они были созданы). Достаточно серьезным шагом к восстановлению городского хозяйства можно считать Первый Всероссийский съезд заведующих коммунальными отделами, состоявшийся 20—25 января 1920 г. Резолюция съезда об организации и задачах коммунальных отделов была положена в основу декрета СНК РСФСР от 8 апреля 1920 г. «Положение о Коммуноотделах Исполкомов». Среди других резолюций съезда принципиальный характер носило постановление по вопросу муниципализации недвижимости. Съезд категорически высказался против проведения «сплошной муниципализации», считая ее нерациональной прежде всего с хозяйственной точки зрения.

Второй съезд, как тогда писали, «завкоммуноотделами» состоялся в Москве 15 октября 1920 г. Главным вопросом на нем была организация центрального органа коммунального хозяйства. Съездом была принята резолюция о необходимости изъятия коммунального хозяйства из ведения НКВД и учреждения специального Наркомата коммунального хозяйства. Однако НКВД высказался резко против этой идеи, и постановление съезда не было принято во внимание⁴.

Состоявшийся 6—12 декабря 1921 г. Третий Всероссийский съезд «завкоммуноотделами» протекал уже в условиях новой экономической политики. Здесь была принята резолюция о создании местных коммунальных бюджетов и их разграничении с государственным бюджетом. Съезд также принял резолюцию о наделении городов землей, так как большинство городов в годы революции и Гражданской войны фактически утратили принадлежавшие им земельные фонды.

Если съезды «завкоммуноотделами» обсуждали скорее хозяйственно-организационные вопросы и способы осуществления мероприятий по благо-

устройству городов, то собравшийся в 1921 г. Первый съезд по оздоровлению населенных мест больше внимания уделил самой направленности градостроительной политики. На съезде работали три секции: планировки и благоустройства; жилищная; водопровода и канализации. Всеми докладчиками признавалась необходимость составления планов роста и перепланировки городов, которые должны лечь в основу местного благоустройства⁵. Вопросы планировки и застройки городов рассматривались Секцией благоустройства. Докладчиками выступили известные к тому времени инженеры и архитекторы — А.П. Иваницкий, А.В. Шусев, М.Н. Петров, петроградские архитекторы А.А.Зазерский и Л.М. Тверской.

Было признано, что для планировки и перепланировки городов необходимо наделение их земельным запасом и обеспечение достаточным зеленым фондом. В резолюции отмечалось, что в текущий момент надо сосредоточиться на систематическом проведении социально-экономических, санитарных, топографических, почвенных и строительно-технических обследований городов, направленных не только на их восстановление, но и на перспективное развитие. Материалы таких обследований в дальнейшем, когда позволят экономические условия, лягут в основу рациональной перепланировки населенных мест, без которой, в свою очередь, невозможен быстрый экономический подъем и рост производительности труда. Должна быть также проделана большая работа по переработке Строительного устава, по выработке норм и инструкций по планировке населенных мест, по разработке декрета и общего регламента о планировке городов и селений, указывающих сроки и порядок ведения планировочных работ, по выявлению экономического значения и перспектив развития населенных мест республики и т.д.

На этой волне всеобщего оживления времени НЭПа в конце 1921—1922 гг. развернулась работа по подготовке основных регламентирующих актов в области градостроительства. Отдел благоустройства ГУКХ НКВД был переименован в Отдел градостроительства с тремя подотделами: планировки, дорожным и земельным. В программу этого отдела, принятую на 1922 г., входили, как самые неотложные, разработка нового Строительного устава, устанавливающего общие санитарные и технические строительные нормы для застройки населенных мест, разработка и проведение через законодательные органы декрета о планировке населенных мест, а также разработка инструкции о порядке его применения.

Земельному подотделу поручалось разработать проект декрета о наделении городов землей и прояснить в законодательном порядке взаимоотношения органов коммунального хозяйства и Наркомзема, претендовавшего на то, чтобы этот процесс оставался полностью в его ведении, разработать инструкцию по коммунальному земельному вопросу.

К этому времени в ГУКХ НКВД был уже составлен проект «Положения об установлении городских планов», разработанный с участием крупнейших теоретиков и практиков градостроительства и специалистов по оздоровлению городов того времени — В.Н. Семенова, А.П. Иваницкого, Б.В. Сакулина, М.Н. Петрова, И.Г. Гельмана, М.Д. Загряцкова и др. Согласно этому проекту, городские власти должны были предусматривать расширение городской межи для селитебных целей, устройство защитной зоны и размещение вне городской селитебной территории зданий и сооружений, необходимых для удовлетворения общественных нужд. Проектные планы должны были предусматривать развитие города на 25 лет вперед. Для их разработки и рассмотрения образовывались губернские комиссии по планировке, а также Высший и областные советы градоустройства в составе представителей заинтересованных ведомств и общественных организаций. Проекты планов должны были утверждаться Совнаркомом. При этом ГУКХ настаивал на том, чтобы в трехлетний срок разработать проекты планировки всех городов страны.

Однако при рассмотрении этого Положения в созданной ГУКХ Межведомственной комиссии разгорелась довольно жесткая дискуссия вокруг проблемы: без скорейшей разработки новых планов городов невозможно быстрое развитие народного хозяйства, но в то же время поспешность и отсутствие глубокой подготовки делают эту работу бессмысленной. Оказалось, что отсутствует продуманная концепция не только системы управления застройкой городов, но и лежащая в ее основе концепция самого города. Неясны также и перспективы развития народного хозяйства.

Некоторые члены комиссии писали в своем «особом мнении»: «В настоящий момент трудно предвидеть те колоссальные изменения, которые могут произвести в наших предположениях по отношению к городам начавшиеся работы по электрификации России, предстоящее разрешение вопросов железнодорожного и водного узла, развитие авиации, приближение промышленности к источникам сырья и пр., а также то или иное направление переживаемого Европой международного кризиса.

Мы стоим сейчас лишь в преддверии Эпохи Великих Работ, а потому все наше внимание в выработке законченных планов городов и их будущего расширения должно быть направлено на вышеуказанную предварительную и подготовительную работу»⁶.

Этот документ действительно оказался преждевременным, поскольку даже собрать сведения о существующем состоянии городов оказалось сложной задачей, несмотря на многочисленные циркуляры, рассылавшиеся ГУКХ «на места», не говоря уж об организации топогеодезических съемок, требовавших огромных финансовых вложений.

Кроме того, в процессе реорганизации Главкомгосоора в 1922 г. обязанность разработки и издания санитарно-технических норм была возложена на Госплан, что вызвало резкие возражения ГУКХ. Отчасти вопросы застройки городов были освещены лишь в проекте нового Административного кодекса, проект которого разрабатывался в 1922–1923 гг. НКВД в связи с начавшейся реформой административного деления РСФСР. Градостроительным вопросам была посвящена VI часть Кодекса, в которой трактовались не только общие правовые вопросы строительства и благоустройства, разработки планов населенных мест, земельных городских фондов, но даже основные требования эстетики населенных мест.

В связи с попыткой разработать концепцию управления застройкой городов, предпринятую в начале 1920-х гг., имеет смысл рассмотреть те представления об этой проблеме, которые приносили с собой специалисты городского хозяйства, сформировавшиеся в дореволюционный период и сотрудничавшие в советских коммунальных органах в первые послереволюционные годы.

1890–1910 гг. были периодом бурного обсуждения перспектив развития российских городов и будущего устройства системы управления градостроительным процессом и градостроительного законодательства. В этот период известными архитекторами (Г.В. Барановским, Л.Н. Бенуа, М.Г. Диканским, В.Н. Семеновым и др.), инженерами (Г.Д. Дубелиром, А.К. Еншем, В.С. Карповичем, Л.В. Шмеллингом и др.), предпринимателями (Ф.Е. Енакиевым), деятелями городского самоуправления (А.А. Журавлевым, А.Н. Никитиным, Д.Д. Протопоповым и др.) были выдвинуты предложения по совершенствованию градостроительного законодательства, расширению градорегулирующих прав городской власти и местного самоуправления. В современных исследованиях показано, что, несмотря на множество существовавших проблем, при рас-

ширении прав выборных органов общественного самоуправления в сфере регулирования земельных отношений и контроля за результатами строительства, они смогли бы в перспективе стать ведущими субъектами регулирования архитектурно-градостроительного развития российской столицы⁷.

В том числе на съездах российских земских были высказаны предложения о включении в новые редакции строительных уставов ряда новых законов, касавшихся градорегулирования: запрещения застраивать территории, отведенные в утвержденных городских планах под улицы и площади, право городских властей отчуждать у частных владельцев территории, необходимые для реализации градостроительной деятельности согласно утвержденным планам на приемлемых для городов условиях, санитарных, гигиенических и противопожарных норм жилой и производственной застройки.

Активно обсуждались в это время также вопросы расширения предметов ведения городских дум и городских управ, повышения статуса и уровня компетенции городских архитекторов, создания независимых от городских управ технических советов, необходимость разработки для городов планов перспективного развития, экономические мероприятия по реализации градорегулирования, такие как продажа городских территорий с инфраструктурой для последующей застройки, местное налогообложение государственных имуществ и т.д.⁸.

В годы Первой мировой войны обсуждение либеральных идей развития будущего градостроительства продолжилось в рамках деятельности Союза городов, созданного в 1914 г. Первоначально Союз ставил своей целью помощь раненым и мирному населению в городах, не охваченных военными действиями. Однако сфера его деятельности быстро расширялась, захватывая все более широкий спектр вопросов городского благоустройства. Вместе с Февральской революцией повсеместно началась лихорадочная работа по преобразованию городской жизни на демократических началах, созданию комитетов городского самоуправления, в которой Союз городов, имевший к тому времени разветвленную сеть своих организаций, принимал деятельное участие. С июня 1917 г. стал выходить «Вестник Всероссийского союза городов», взявший на себя функцию информирования и координации той работы по обновлению жизни городов, которая велась на местах.

«Русские города, — говорилось в редакционной статье первого номера, — освобожденные от пут административной опеки, омоложенные здоровым

дыханием революции, полные свежей энергией, куют свою новую жизнь каждый по-своему. Новые общественные группы, раньше не участвовавшие в городском строительстве, выступают с интересами, им свойственными, и входят в состав полноправных хозяев городского дела. Но работа еще не сведена воедино...»⁹.

Наряду со Всероссийским земским союзом, Союз городов ставил себе целью создание по всей стране развитой системы органов самоуправления и налаживание горизонтальных связей между ними. «Теперь, когда старое правительство само сошло со сцены, никакие “виды” больше не препятствуют замене суррогата самоуправления действительным самоуправлением. Население, в лице своих представителей, может “само себя обдумать” и само позаботиться о своих пользах и нуждах. И не удивительно, что вопрос о введении в жизнь мелкой городской единицы, или участкового, районного городского управления, стал на очередь одним из первых в ряду вопросов, требовавших немедленно разрешения»¹⁰.

Основные задачи демократического городского самоуправления Союз городов видел в привлечении самых широких слоев населения к муниципальной работе, в сосредоточии в руках этого населения — в его муниципалитетах — всей местной административной власти, в проведении принципа муниципализации городских предприятий в различных областях хозяйственной жизни городов и в перестройке городского бюджета на началах высокого налогового обложения имущих классов с предоставлением городам широких финансовых прав¹¹.

Окончательное юридическое оформление этой организации произошло буквально накануне Октябрьской революции, на VII съезде¹², принявшем «Положение о Всероссийском союзе городов» и широкую программу преобразования всех аспектов городской жизни, в том числе и городского благоустройства. Эта программа во многом впитала в себя передовую для того времени западный опыт ведения городского хозяйства, отраженный, в частности, в только что тогда изданной, но написанной за пять лет до этого книге А. Ильина «Очерки городского хозяйства в Северной Америке». Автор, умерший ко времени выхода книги в свет в Якутии как административно-ссылный, написал ее под впечатлением от поездки на Первый международный муниципальный конгресс в Чикаго в 1911 г.

Характерно, что автор опубликованной положительной рецензии на эту книгу не скрывал своего ироничного отношения к революционному

радикализму, воспринимавшему буржуазную урбанистическую культуру как вселенское зло. Для него эти взгляды сконцентрировались в очерке М. Горького «Город Желтого Дьявола» и созданном в нем образе «мстителя», который хочет подняться над городом и смешать все в груды мусора и праха.

«С той поры, — писал автор рецензии, — как М. Горький побывал в Америке и написал цитированный выше очерк, минуло более 10 лет. А, между тем, “мститель”, которого нарисовала мрачная фантазия писателя, покуда что, — ни в Америке, ни в Западной Европе не замахнулся ни на одну из созданных человеческой культурой ценностей. И не замахнется, надеюсь. Потому что та же культура создает методы, при помощи которых, — путем планомерно организованных усилий, — ценности, служившие во вред “мстителю”, можно заставить служить ему на пользу, отнюдь не разрушая их»¹³.

После Октябрьской революции городское движение, возглавлявшееся профессионалами муниципально-хозяйственной работы, фактически прекратило свое существование¹⁴. И хотя ряд специалистов, таких как М.Н. Петров, А.И. Петров, А.Н. Сысин, А.А. Журавлев, С.А. Монковский, З.Г. Френкель, И.Г. Гельман и др., стали активно сотрудничать с новой властью в деле преобразования городов, все же окончательные решения зачастую принимали люди, преследовавшие прежде всего политические цели, иногда совпадавшие, а иногда шедшие вразрез с задачами преобразования городов.

Среди консультантов, привлеченных к деятельности Угорсельстроя, были опытные специалисты: Г.Д. Дубелир, В.Н. Семенов, А.В. Щусев, А.П. Иваницкий и др., оставившие заметный след в истории градостроительства. Но осталось очень мало материалов, по которым можно судить, какой представлялась новая система управления застройкой городов людям, чье формирование как профессионалов произошло до революции. В основном это соображения, высказанные в связи с внутренним устройством самого Угорсельстроя и его подразделений.

Один из таких текстов — доклад, сделанный юристом А.А. Журавлевым (7 октября 1918 г.), которому предстояло возглавить нормативный подотдел (впоследствии на этой должности работал Н.М. Клементьевский) создававшегося в это время Отдела планирования, урегулирования и постройки городов и селений (другой обсуждавшийся вариант названия — Отдел градостроительства).

Основываясь на своем дореволюционном опыте, он писал о том, что в России слабее, чем в других странах, были развиты публично-правовые нормы,

ограждающие интересы населения. Рациональное градостроительство крайне трудно осуществлять на частноправовой основе, но на Западе уже созданы публично-правовые нормы, ограничивающие свободу частной собственности в городах. В России такой проект появился лишь после Февральской революции. Декрет о национализации недвижимых имуществ в городах¹⁵, писал А.А. Журавлев, устранил эти затруднения, но создал новые огромные трудные задачи, до сих пор не стоявшие в таком объеме перед властью.

Суть этих трудностей, по мнению автора, заключалась в том, что государство теперь не может ограничиться регулированием градостроительной деятельности, а *должно полностью принять на себя обширную практическую задачу* постройки жилых, общественных и промышленных зданий. Прежнее узкое значение понятия «градостроительство» расширяется до значения постройки целых городов. И при таком положении планировки и застройки городов правовые вопросы играют роль еще более значительную, чем раньше.

Главная цель архитектурно-градостроительной деятельности виделась А.А. Журавлеву в решении социальной задачи: развитии творческих сил населения.

«Социализм есть система публично-правового регулирования всех экономических отношений. Поэтому в такой области, как планировка и застройка, где даже при капиталистическом строе публично-правовые нормы находят обширное применение, государство, стремящееся к социалистическому строю, не может обойтись без таких норм. Выработка их не менее неотложное дело, чем строительная деятельность в таких случаях как Ярославль, Казань и др. города. Поэтому приступить к составлению основных положений для разработки проекта декрета о планировке и застройке городов необходимо также немедленно... Это задача не юридическая, не гигиеническая, не архитектурная (хотя все эти элементы и входят в нее), а социальная. По отношению к ней юрист и гигиенист такие же техники, как и архитекторы и инженеры»¹⁶.

Деятельность Отдела градостроительства и его нормативного подотдела А.А. Журавлев рассматривал как основной рабочий аппарат, который все элементы проблемы планировки и застройки городов объединял бы как одну общую социальную задачу, охватываемую им со всех сторон. С этой целью нужно, считал он, собирать и изучать материалы по иностранному и русскому градостроительному законодательству, местные обязательные постановления, статистические данные и т.д.

Следует обратить внимание на то, что в первые послереволюционные годы широко использовался термин «градоустройство», берущий свое начало в работах дореволюционных теоретиков-градоведов. Этот емкий термин подразумевал, что градостроительство — это прежде всего широкая социальная задача, система мероприятий по обустройству среды обитания, куда планировка городов входит лишь как составной элемент. В советской практике этот термин постепенно перестал применяться, хотя первые соображения о содержании будущего градостроительного законодательства были выдержаны именно в этом духе.

Понимание проблемы управления градостроительством прежде всего как проблемы социального творчества, решаемой на основе единого плана, высказал и консультант Угорсельстроя, проф. Института инженеров путей сообщения Г.Д. Дубелир¹⁷ в своей программе деятельности Отдела планировки, урегулирования и постройки городов, составленной 20 сентября 1918 г.

«Первой задачей должно быть планомерное разрешение жилищной нужды. В каждом частном случае надо сопоставить потребность в жилище с теми средствами, которые имеются для их удовлетворения. И на основании такого сопоставления выяснить, какого типа дома, в каком количестве и в каком месте нужно и можно строить.

Решение этих вопросов, конечно, не должно подчиняться шаблону, поскольку разнообразна сама жизнь и ее условия, постольку индивидуальные должны быть здания и города, но нужное решение должно быть следствием единого плана и расчета.

Второй задачей является создание города и развитие его частей, как органического целого. Жилье не есть единственный элемент города — последний является важным органом хозяйственной и духовной жизни страны, крупным центром производства, распределения и потребления материальных и духовных богатств. Все эти стороны городской жизни должны получить отражение в плане. Этот план перестает быть простым чертежом расположения улиц и площадей; вместе с неразрывно связанными нормами и мероприятиями план является программой организации городской жизни и орудием социального творчества... Стихийность и случайность в прошлом — целесообразность и планомерность в будущем. Задачей настоящего является переход от старого к новому»¹⁸.

В деятельности Угорсельстроя в целом и его Отдела градоустройства поражает несоответствие огромных, сложнейших градостроительных задач,

взваленных на себя государством, и малочисленности кадров, которым предстояло принимать масштабные и ответственные решения. Так, например, для уяснения принципов, которые должны были лечь в основу управления застройкой, Журавлевым был разработан список из 17 вопросов, на которые должны были ответить члены Коллегии Отдела градоустройства. В Коллегию входило три человека: сам Журавлев, врач-гигиенист Н.Ф. Николаевский, исполнявший в этот момент обязанности зав. Отделом градоустройства, и проф. Б.В. Сакулин, возглавлявший подотдел планировки. На основе их ответов предполагалось разработать проект декрета о планировке и застройке городов, а также проект правил эксплуатации земель.

Архитектор Я.И. Райх, возглавлявший подотдел монументальной архитектуры Архитектурно-строительного отдела Угорсельстроя, видел свою задачу во «внесении планомерности, объединения с архитектурно-художественной стороны всего строительства республики и направления его по пути воплощения в художественные формы». В составленном им проекте положения о подотделе монументальной архитектуры (ноябрь 1918 г.) предполагалось создание трех его секций: по составлению и рассмотрению проектов; разработке программ и подготовке организации архитектурных конкурсов; регистрации, обмерам, ремонту и реставрации памятников архитектуры¹⁹.

Вообще, неразделенность функций управления и проектирования составляла характерную черту времени. Так, А.П. Иваницким в сентябре 1918 г. было представлено 2 варианта программы деятельности Общего отдела планировки и постройки городов (Отдела градоустройства). По первому варианту исполнительные функции не присваивались, отдел оставался органом, направляющим текущую работу по градостроительству и подготавливающим общее градостроительное законодательство; по второму — включал в себя также подготовку и осуществление планов благоустройства и общего расширения городов, и кроме того — организацию преподавания и пропаганды знаний по благоустройству и планировке городов. При этом практически подотделы Угорсельстроя состояли из 3–5 человек, включая чертежников и делопроизводителей.

Логичным выходом из этого несоответствия были предложения по созданию «образцово-показательных» объектов. Так, Г.Д. Дубелир, в своей «Записке о приступе к работе Отдела планировки и постройки городов» (16 октября 1918 г.) пред-

лагал, наряду с организацией специальных групп для обследования вопросов планировки на местах, построить в течение строительного периода 1919 г. в Москве показательный примерный квартал из 3–12 зданий для жилых и общественных помещений с населением в 100–200 человек и на нем учить приезжих с мест, наглядно распространяя таким образом новые идеи об устройстве населенных мест²⁰.

На этом же принципе основывался проект устройства Образцовой культурной деревни, представленный на рассмотрение Техническому совету Архитектурно-строительного отдела Угорсельстроя молодым архитектором Б.С. Сидоровым 19 октября 1918 г.²¹

Автор предлагал образовать особую секцию по ознакомлению с бытом «крестьян хлебопашцев», направить специальных лиц в губернии для ознакомления и выработки на местах, совместно с представителями от крестьян, общего плана создания культурной деревни.

Однако еще до выяснения «желаний крестьян хлебопашцев» Б.С. Сидоров уже предлагал план устройства образцовой деревни, рассчитанной на обобществление хозяйственных функций и быта²².

Проект был передан в Коллегию Отдела градостроительства, где его признали чрезвычайно важным и актуальным²³. Было решено немедленно приступить к разработке вопроса об урегулировании дела сельского строительства, образовав для этого специальную комиссию. Практическое проведение в жизнь этого проекта было поручено проф. Б.В. Сакулину.

Но в своем докладе по этому вопросу, сделанному 30 декабря 1918 г.²⁴, Сакулин призвал отнестись с чрезвычайной осторожностью к вмешательству государственных органов управления в проблему строительства на селе, передав его на рассмотрение местных губсовнархозов и оставив за Центром лишь общую инициативу и разработку законоположений в этой области.

Он выдвинул большую и сложную программу работ, включающую пересмотр статей строительного Устава, касающихся планировки селений, сбор данных по планировке селений в различных регионах России, учет предложений, разработанных до революции различными земствами, рассылку специальной анкеты в губсовнархозы, разработку программы конкурса на планировку селений, создание специального раздела градостроительного законодательства и т.д.

Однако тот же Б.В. Сакулин в своей докладной записке от 13 февраля 1919 г. признавал, что Отдел градостроительства превратился в «Малый Угорсельстрой» — и в отделе, и в Угорсельстрое в целом нет ни штатов, ни специалистов для полноценного решения вопросов градостроительства²⁵. Работа привлеченных консультантов не компенсирует отсутствия специальных подразделений по всем видам транспорта, освещению, санитарным очистным устройствам, водопроводу, земельному межеванию и т.д. Нет архитектурно-планировочной мастерской (Сакулин предлагал передать в ведение Угорсельстроя Архитектурно-планировочную мастерскую Моссовета, где в это время под руководством А.В. Щусева и И.В. Жолтовского разрабатывался проект реконструкции Москвы), нужно создать секции авиафотограмметрии, геодезическую, санитарно-техническую и т.д.

Б.В. Сакулин разработал тезисы по созданию крупного государственного центра (который, как он подчеркивал, ни в коем случае не должен был повторять структуру Техническо-строительного комитета дореволюционного Министерства внутренних дел, для которого рассмотрение и утверждение планов городов было лишь одной из задач). Такой центр он условно назвал «Застройплан'урегом», он должен был иметь специальную задачу «самого широкого экономического, исторического, финансово-технического обследования городов, позволяющего на основании такого всестороннего обследования составить план развития города, его регулирования и застройки в соответствии с его ростом, промышленным и культурным значением и в полном согласовании с задачами его санитарного благоустройства». Такой аппарат, созданный при Объединенном совете комгосоора ВСНХ, вне всяких ведомств, должен был иметь секции: плановую, историко-археологическую, финансово-экономическую, врачебно-санитарную, промышленно-техническую, художественно-архитектурную, культурно-просветительную.

Лишь в результате такого всестороннего планового обследования городов, проведенного в государственном масштабе, считал Сакулин, могут рассматриваться планы их урегулирования, расширения и застройки, причем на весьма отдаленное будущее. План, принятый в «Застройплан'уреге», должен был иметь значение закона как для Отдела градостроительства, так и для органов государственного и местного самоуправления. Планы урегулирования и застройки малых городов и селений должны были разрабатываться при местных городских и губернских совнархозах.

План Б.В. Сакулина по организации масштабного всестороннего обследования городов так и остался на бумаге. Угорсельстрой, поглотивший все организации по сельскому строительству Наркомата земледелия, практически ничего не сделал для застройки села. Сельское строительство оказалось разбитым по разным отделам и их подотделам. Связь с сельским строительством практически поддерживал только подотдел огнестойкого строительства в составе пяти человек (один заведующий, два техника, один чертежник и один делопроизводитель) — это на всю Россию при ставившихся гигантских задачах переустройства деревни на новых социальных началах²⁶.

В начале 1919 г. встал вопрос о замене явно нежизнеспособной конструкции Угорсельстроя, отличавшейся путаницей во взаимоотношениях отделов и подотделов, параллелизмом в работе, отсутствием нужных специалистов — на новую структуру, схему которой предстояло разработать.

18 марта состоялся доклад по этому вопросу М.В. Крюкова, в этот момент занимавшего пост председателя Комгосоора. Текст этого доклада пока не удалось обнаружить в архиве, и о нем можно судить только по той критике, с которой выступил заведующий Общим отделом, член Технического совещания Угорсельстроя гражданский инженер С.А. Монковский. Опытный специалист, служивший до революции в Техническо-строительном комитете МВД и в качестве его инспектора объездивший всю Россию, Монковский в это время был уже немолодым человеком²⁷. Но очевидно, именно опыт и практическое знание ситуации позволили ему наиболее ярко и последовательно сформулировать свои соображения о том, как должна быть устроена система управления застройкой городов.

Он дважды, 25 марта и 3 апреля, выступал с критикой предложений М.В. Крюкова, но, очевидно, это не было принято во внимание, поэтому 8 апреля С.А. Монковский подал пространное, на 185 страницах, письменное «Заявление», по своему эмоциональному накалу и стилистике значительно отличавшееся от сухих и не всегда внятных служебных документов тех лет²⁸.

С.А. Монковский сформулировал основные требования, которым должна удовлетворять правильная организация Угорсельстроя: деятельность этой организации должна быть построена на синтезе местных строительных нужд; она должна быть построена по схеме, приближенной к фазам строительного производства.

Недостатки прежнего режима в деле организации управления застройкой Монковский видел в сложности утвердительной процедуры; ведомственной розни; смешении функций распорядительных с исполнительными. Проект Крюкова, по мнению Монковского, не устранял главных недостатков прежней организации управления, убивавших всякую инициативу и предприимчивость, — медленности прохождения проектов через управляющий аппарат, отсутствия понимания и учета местной специфики. При прежнем режиме С.А. Монковский насчитал 19 стадий утверждения проектов.

По проекту Крюкова — в компетенции центра должны были находиться города и селения в целом, местные строительные органы курировали только отдельные здания и сооружения, и то лишь в исполнительной, отчетной и эксплуатационных фазах.

Инициатива и проектирование оставались за отдельными ведомствами и учреждениями, но проекты и сметы должны были утверждаться СНК, затем поступать в Угорсельстрой для осуществления через местные совнархозы.

Монковский утверждал, что, если эту схему расписать практически по стадиям, их получится не менее 25, причем каждая стадия является сложной, комбинированной. Минимальное время прохождения проекта по этой схеме — полгода, и то лишь при полной удаче.

Но дело было не только во времени. Монковский увидел в этой схеме системные противоречия, «зародыш будущего ведомственного антагонизма», и, кроме того, антагонизма между техническим аппаратом в центре и на местах, между авторами и исполнителями. В проекте Крюкова, по мнению Монковского, было заложено также, в силу смешения и неясности разделения распорядительных и исполнительных функций, огромное удорожание процесса управления, его отстраненность от реальных нужд на местах.

Единственно правильная организация, по Монковскому, — та, при которой роль центральных властей в деле застройки городов была бы сведена к минимуму. Он предлагал срочно и повсеместно ввести неполную строительную автономию, а полную предварительно испытать в нескольких губерниях.

По предложению Монковского, рассмотрение проектов должно происходить в строительных коллегиях (в том числе местных), с участием всех заинтересованных сторон, в заранее определенные дни совместных заседаний, решения должны быть окончательными, одновременно должен производиться отпуск необходимых кредитов.

«Указанные дефекты, — писал он, — устранимы без каких-либо сложных мероприятий. Нужно лишь решиться на отказ от некоторых вкоренившихся в нас наследственно, веками, предрассудков, которые можно назвать: “привычкой центра опекать все, что внецентренно”. Всякая власть вне центра признается аргіогі настолько неразвитой в государственном смысле, что может распоряжаться лишь по самой строгой указке центра, лишь в самых ограниченных пределах... Такой предрассудок вполне понятен в монархической России, боявшейся всяких новшеств, и, особенно, в области управления... Но в Советской Республике, шагнувшей в этом деле так далеко, как не шагнуло еще ни одно Государство на всей площади земли, носящей название ФЕДЕРАТИВНОЙ, т.е. сочетания добровольно объединенных территорий, такое опасение не приличествует...»

Упрощение и удешевление государственного механизма управления застройкой городов Монковский считал главным, ссылаясь на опыт США и недоумевая, почему гражданин советской России не может жить столь же автономно, как гражданин этой страны.

«Из личного опыта, — писал он, — изъездив и работая почти по всему пространству бывшей Российской империи, я признаю его вполне пригодным для этой самостоятельности. Нужно только, чтобы он поверил в искренность мероприятия... Поверьте, что это будет один из самых успешных способов пропаганды порядков Советской власти на всем пространстве Республики».

«Заявление» С.А. Монковского — фактически последний для первой половины 1920-х гг. документ, специально посвященный устройству системы управления градостроительством. В архивном фонде Архитстроя, сменившего Угорсельстрой, пока не удалось обнаружить никаких соображений по этому поводу. Деятельность этого учреждения была целиком погружена в текущую работу по рассмотрению множества мелких, никак не связанных между собой проектных и строительных работ, большая часть которых перешла к нему от Угорсельстроя.

Отчасти можно судить об идеях организации управления застройкой городов этого времени по отдельным высказываниям в статьях Б.В. Сакулина 1922–1924 гг. Он, среди прочих своих многочисленных обязанностей, служил с августа 1921 г. инспектором Комгосоора по планировке и застройке городов²⁹.

Сакулин, как известно, был последовательным противником «эстетической схемы планировки Москвы», разрабатывавшейся мастерской Моссо-

вета. Он считал, что до постановки художественных проблем необходимо решить все проблемы рациональной технической организации города и района его влияния. Предложение по развитию Москвы и прилегающего к ней экономического района стало составной частью его крупнейшего проекта, разработанного им в 1922 г., — схемы расселения в масштабе европейской территории СССР³⁰. Не вдаваясь здесь в подробный анализ градостроительных взглядов Б.В. Сакулина³¹ и его личной судьбы в истории советского градостроительства³², заметим лишь, что, в отличие от С.А. Монковского, Б.В. Сакулин связывал будущее страны с активными процессами урбанизации и централизованным государственным подходом к руководству этими процессами. Ко всеобщему увлечению теорией города-сада он относился скептически: «По идее Гоурда город-сад это враг существующему большому городу, он как отшельник бежит от него и культура такого города должна быть весьма невысока. Город-сад это торжество власти на местах, кругозор города не дальше горизонта с его колокольни, он вне государственности»³³. Город-сад для Сакулина — это всего лишь одна из техник застройки. Он полагал, что «...прежде чем поднять вопрос об удобствах жизни в городах — необходимо поставить вопрос о смысле жизни в городах. Необходимо оправдать город. И это оправдание города мы видим — в развитой промышленности, сконцентрированных завоеваниях культуры, в рассадниках лабораторий технической и научной мысли, в сосредоточии живых импульсов промышленности. С развитием указанных моментов развивается притягательная сила городов, как центров сосредоточия. Правильно заложенное начало — успех стихийного развития в будущем. И в этой работе заложения живых начал — боевая задача времени»³⁴.

Эта проблема, по мнению Сакулина, могла быть решена только на основах «разумно выполненной задачи экономического районирования государства». А в ее основе, в свою очередь, должен лежать всесторонний анализ каждого города, составление его характеристики в прошлом и настоящем, а также видов на будущее. «В изучение экономической базы наших городов должно быть положено систематическое исследование и планомерная программа, позволяющая каждый город изучить в связи с жизнью района, наметить и развить ряд пунктов района, находящихся в экономически-промышленной связи с жизнью изучаемого центра, производя таким образом шаг за шагом планомерную работу по технической организации территории

страны и подведению под эту организацию прочного экономического основания»³⁵.

Рациональное развитие сети коммуникаций, рассчитанное на 25–30 лет, будет оправдывать себя и в весьма отдаленном периоде — до 100 лет: «отсюда становится ясной необходимость увязать эти основные вопросы, ибо установленные заранее путем надлежащих изысканий пределы предупредят беспредельные искания в будущем». И возникающие здесь основополагающие проблемы, такие как железнодорожные и водные узлы, дорожная сеть и т.п., по мнению Сакулина, не могут находиться в ведении местных органов самоуправления и тем более частных лиц. Хотя инициатива с мест возможна, но она должна подчиняться строго продуманному общегосударственному плану развития городов по всей стране.

Полемизируя с проф. А.Н. Долговым, который говорил, что отставание промышленности в России не дает возможности переоборудования городов, и не верил в возможность государства руководить этим процессом, Сакулин указывал, что «внешние импульсы» к урбанизации дает не только крупная промышленность: многие бывшие торговые и промышленные села выявляют тенденцию к урбанизации и ждут своей рациональной застройки и приобщения к разряду городских поселений, идет рост железнодорожных образований и расселения при них, происходит строительство поселков при фабриках и заводах, которое существует изолированно, а должно носить характер городского и согласовываться с общим планом города, наконец, необходимы работы по приведению городов в надлежащее санитарное состояние и т.п.

Сакулин соглашался, что время для широкого преобразования городов еще не настало, но предлагал использовать вынужденный период строительного затишья для разработки проектов коренного переустройства городов, создания научной системы их классификации по промышленно-экономическому значению, увязки с вопросами экономического районирования России и ее электрификации. Такая подготовительная работа не требует больших вложений средств, и потому государство должно найти их источники. Но здесь нужны согласованные усилия ВСНХ и многих наркоматов — внутренних дел, земельного, промышленного, здравоохранения и др.³⁶

Сакулин с горечью отмечал, что практика государственного руководства градостроительством уже пошла по неверному пути, в частности, вопрос о создании единой сети коммуникаций упущен при

экономическом районировании России. Положения Земельного кодекса РСФСР, утвержденного IV сессией ВЦИК 30 октября 1922 г., повсеместно нарушаются. Так, например, Кодекс предоставлял право городским советам составлять перспективные планы и правила застройки земель, находящихся за городской чертой, но инструкция по применению постановлений Кодекса, согласованная с НКВД и Наркомземом, практически запретила эту деятельность. Поэтому, по мнению Сакулина, необходимо образовать еще один (помимо существовавшего Архитстроя) центральный государственный орган — Комитет планировки и застройки городов при Госплане СССР, который смог бы осуществлять связь между различными ведомствами³⁷.

Распространению юрисдикции города на прилегающий к нему земельный фонд Сакулин придавал очень важное значение в деле рационального переустройства городов. Это не только нужда в увеличении жилой застройки, но и потребности коммунального хозяйства, связанные с площадями, расположенными на весьма почтительном расстоянии от городской черты, — ценные насаждения, водоохранные площади, земли, которые могут подвергнуться быстрой антисанитарной застройке, например возле железных дорог и заводов, прилегающих к городу, окрестности для полей орошения, биостанций и т.п. Эти разрозненные огромные площади надо объединять по единому плану и предоставлять городу право строительной юрисдикции на эти территории. «Чем глубже, всесторонней и на более отдаленные перспективы развития городской жизни будут исследованы эти районы, чем заблаговременнее будут наложены запреты на бессистемное распыление этих площадей под частные нужды и застройки, тем совершеннее будет разрешена задача технической организации территории в интересах будущего благоустройства города»³⁸.

Если до революции обсуждение вопроса о том, как обратить дальнейшее развитие градостроительства на благо народа, активно велось широким кругом заинтересованных специалистов разных профилей, с привлечением членов выборных органов и предпринимательских кругов, то в первые послереволюционные годы наблюдается явное снижение интенсивности и общественного статуса такого обсуждения, определенная растерянность и постепенное сведение конкретных деловых предложений по усовершенствованию существующей системы к лозунговым заявлениям. Так, известный специалист по коммунальной гигиене А.Н. Сысин, закрывая Первый съезд по оздоров-

лению населенных мест в 1921 г., говорил: «Здесь сошлись работники в области благоустройства и встретились лицом к лицу. Еще не налажена работа на местах, многое неясно, раздроблено между различными учреждениями... Несмотря на различие наших политических взглядов, мы все одинаково стремились к одной цели, к созданию благоустройства местной коммуны, так как благоустройство, просвещение и труд являются теми нитями, на которых стоит государство. Для здорового духом и телом населения работаем мы. Пожелаем же, чтобы и в будущем продолжались наши встречи и совместные работы во имя процветания Коммун, во имя того светлого будущего, ради которого гремел гром революции и лилась народная кровь...»³⁹.

Если в начале XX в. все же шла демократизация градостроительства, основанная на внедрении либеральных идей благоустройства, несмотря на сопротивление правительственных кругов империи, не склонных к переменам, то после революции, на фоне демократических лозунгов, исподволь начал разворачиваться обратный процесс: жесткая централизация, подчинение принимаемых решений сиюминутной, узко понимаемой экономической выгоде, и, главное, постепенная смена приоритетов власти: во главу угла ставилось уже не благо народа, а развитие военно-промышленного комплекса. Реально советское градостроительство пошло иными путями, нежели это представлялось воодушевленным «старым специалистам».

Примечания

1. РГАЭ. Ф. 2261. Д. 21. Л. 4.
2. Казусь И.А. Организация архитектурно-градостроительного проектирования в СССР: этапы, проблемы, противоречия (1917–1933) / дисс. на соиск. учен. степ. канд. арх. Т. 2. М., 2001; В исследовании И.А. Казуся приводится несколько иная структура Угорсельстроя (т. 2, табл. 11), но и она носила временный характер. По данным И.А. Казуся, за краткий срок существования Угорсельстроя в нем сменилось четыре руководителя: А.И. Дитрих, П.П. Малиновский, М.В. Крюков, Я.Ю. Грингаут.
3. Подробнее о проектировании этих поселков см: Астафьева М.И. Развитие теоретической мысли и принципов советского градостроительства в первые послереволюционные годы (1917–1925) / Дис. на соиск. учен. степ. канд. арх. М., 1971.
4. Шабад Я.М. Всероссийские съезды заведующих коммунальными отделами // Коммунальное дело. 1923. № 2. С. 5.
5. Съезд по оздоровлению населенных мест // Коммунальное дело. 1921. № 1. С. 98–105.
6. ГАРФ. Ф. Р-4041. Оп. 2. Д. 40.
7. Вайтенс А.Г. Исторический опыт регулирования архитектурно-градостроительного развития Санкт-Петербурга – Ленинграда (1870-е – конец 1950-х гг.) / Дис. на соиск. учен. степ. докт. арх. М., 2014. Т. 1. Гл. 2. С. 85–147.
8. Там же.
9. Вестник Всероссийского Союза Городов. 1917. № 1. С. 1.
10. Город. Вестник Всероссийского Союза Городов. 1917. № 5. С. 12.
11. Там же. № 8. С. 5.
12. Председательствовал на съезде московский городской голова В.В. Руднев. Председателем главного Комитета Союза Городов был избран Н.И. Астров.
13. Кранихфельд В. В городах Желтого Дьявола // Город. Вестник Всероссийского Союза Городов. 1917. № 8. С. 12.
14. Всероссийский Союз Городов перестал функционировать в 1918 г.
15. Имелся в виду Декрет о социализации земли, вступивший в силу 9 февраля 1918 г. По этому декрету в пределах РСФСР отменялась частная собственность на землю, недра, воды, леса и живые силы природы.
16. РГАЭ. Ф. 2261. Оп. 1. Д. 4. Л. 15–16 об.
17. Взгляды на общую проблему реконструкции городов были высказаны Г.Д. Дубелиром в журнале «Городское дело», 1917. № 4 (февраль).
18. РГАЭ. Ф. 2261. Оп. 1. Д. 4. Л. 22–24.
19. РГАЭ. Ф. 2261. Оп. 1. Д. 4. Л. 77–78.
20. РГАЭ. Ф. 2261. Оп. 1. Д. 4. Л. 25.
21. Скорее всего, в 1918 г. Б.С. Сидоров еще не был дипломированным архитектором, так как он закончил архитектурный факультет ВХУТЕМАСа только в 1922 г., в составе первого выпуска.

22. РГАЭ. Ф. 2261. Оп. 1. Д. 288. Л. 6–7.
23. РГАЭ. Ф. 2261. Оп. 1. Д. 288. Л. 1.
24. РГАЭ. Ф. 2261. Оп. 1. Д. 288, Л. 2–2 об.
25. РГАЭ. Ф. 2261. Оп. 1. Д. 4. Л. 72–74 об.
26. РГАЭ. Ф. 2261. Оп. 1. Д. 4. Л. 75–76.
27. Славомир Альбертович Монковский родился во Вроцлаве, по одним данным — в 1862 г., по другим — в 1856 г. Дата смерти не установлена.
28. РГАЭ. Ф. 2261. Оп. 1. Д. 24. Л. 1–185.
29. Личный архив Б.В. Сакулина, ГНИМА им. А.В. Шусева.
30. *Астафьева-Длугач М.И.* Архитектор-градоостроитель Б.В. Сакулин // Проблемы истории советской архитектуры. М., 1985. С. 61–68.
31. Основные градоостроительные разработки и теоретические построения Б.В. Сакулина достаточно подробно рассмотрены М.И. Астафьевой-Длугач — см. указ. канд. дис.
32. Найденные автором архивные документы середины 1930-х гг. проливают дополнительный свет на причины, заставившие Сакулина отойти от активной деятельности, но это отдельная тема рассмотрения.
33. *Сакулин Б.В.* Городское строительство // Техника, строительство и промышленность. 1922. № 1. С. 16–21.
34. *Сакулин Б.В.* Городское строительство. План застройки в городах и пригородах. К задачам основной планировки городского промышленного района // Техника, строительство и промышленность. 1922. № 3. С. 13–21.
35. Там же.
36. *Сакулин Б.В.* Экономические предпосылки городского и сельского строительства в России // Техника, строительство и промышленность. 1922. № 1. С. 30–32.
37. *Сакулин Б.В.* Судьба градоостроительства под углом зрения Земельного кодекса в ведомственном усмотрении // Техника, строительство и промышленность. 1923. № 1–2. С. 26–28.
38. *Сакулин Б.В.* Основной план городской застройки. (Архитектурные элементы неименяемого строительного плана) // Техника, строительство и промышленность, 1923. № 4–5. С. 19–28.
39. Съезд по оздоровлению населенных мест // Коммунальное дело. 1921. № 1. С. 104.

Концепция города-сада и ее трансформация в послереволюционный период

М.Г. Меерович

Социальные, организационные и финансовые предпосылки зарождения и развития идеи города-сада и причины ее популярности в дореволюционной России

Идея города-сада Э. Говарда возникла в конце XIX в. как ответ на неразрешимость жилищных проблем капиталистической эпохи, вызванных прежде всего высокой стоимостью городской земли. Выкупать под новое строительство территорию, уже находящуюся в чьей-то собственности, приходилось по завышенным ценам, в результате чего конечная стоимость возведенных жилищ оказывалась непосильной для большей части тех, кто в них нуждался. Идея обрела на Западе большую популярность и широкое планировочное воплощение — на ее основе начали разрабатываться проекты создания вокруг английских городов новых спутных поселений, размещаемых в природном окружении (на «здоровых» местностях) на расстоянии до 50 км. от старых городов, связываемых с ними системой транспортного сообщения¹. В октябре 1903 г. в 50 км. от Лондона произошла закладка первого города-сада Лечворса. Начали строиться пригороды-сады: Хемпстед, Эдгбастон, Роифорд, Новый Эрвик и др. В последующие годы поселения-сады появились в других странах Европы: Италии — Аньен близ Рима; Германии — Ротсгоф, Фолькенбург, Геллерау; Швейцарии и др.

В России в начале XX в. в профессиональном и общественном сознании сформировалось твердое понимание необходимости планомерного (не стихийного) роста городов и поселков, их комплексного (а не фрагментарного) благоустройства, рациональной планировки вновь возводимых поселений (а не случайной их застройки в результате земельных спекуляций), ослабления

жилищного кризиса в крупных городах за счет кооперирования малоимущих застройщиков (а не за счет возведения арендного жилья в виде доходных домов) и т.п. Все это подготовило благоприятную социально-культурную почву для положительного восприятия российскими архитекторами пришедшей извне идеи города-сада, ставшей широко известной благодаря пропагандистско-публицистической деятельности, начатой с 1914 г. журналами «Зодчий» и «Городское дело».

Первое в России сообщение о городах-садах было опубликовано в журнале «Зодчий» в виде небольшой заметки некоего «Х»². В 1909 г. Д.Д. Протопопов публикует статью об организованной германским обществом городов-садов экскурсии в Англию³. В следующем году с активной пропагандой идеи городов-садов в журнале «Зодчий» выступает побывавший в Великобритании профессор А.К. Енш⁴. К этому времени в Англии уже практически возведены два рабочих поселка-сада, основанных на идее Э. Говарда — Борнвилль под Бирменгемом и Порт-Сенлянд под Ливерпулем.

В 1911 г. распространение идеи Э. Говарда получает дополнительный импульс — его книга⁵ выходит на русском языке⁶. Кстати, книга немецкого градостроителя Теодора Фритча «Город будущего»⁷, содержащая очень сходные с говардовскими предложения, вышла в Лейпциге двумя годами ранее, но в силу целого ряда обстоятельств ни она, ни ее автор не получили такой широкой международной известности.

В 1913 г. по инициативе Д.Д. Протопопова и А.Ю. Блоха⁸, который являлся переводчиком книги Э. Говарда на русский язык, возникает Русское общество городов-садов⁹, а несколько позже — Общество изучения городского хозяйства.

Российских архитекторов к идее города-сада притягивала ее художественно-планировочная составляющая: живописность создаваемой планировочной структуры и, как следствие, разнообразие форм пространственной композиции поселений; богатые возможности для формирования яркого образного решения жилой застройки. Привлекал отказ от монотонной регулярности планировки, характерной для традиционного для Запада и России способа нарезания участка узкими и длинными полосами, вытянутыми в глубь квартала, с фронтом всего 3–5 саженей с целью достижения максимальной плотности использования территории и экономической выгоды при проведении систем канализации, водопровода, газификации и проч. В частности, в книгах В. Дадонова «Социализм без политики. Города-сады будущего в настоящем»¹⁰ и П.Г. Мижучева «Сады-города и жилищный вопрос в Англии»¹¹ приводился пример того, как одна и та же территория, на основе существовавшего в Англии строительного законодательства, могла быть распланирована двумя способами: а) по прямоугольной планировочной сетке (с соблюдением строительных постановлений и требований обеспечения аэрации поселения); б) по принципу города-сада (в качестве примера выступало английское предместье-сад Харборн). Российских архитекторов привлекал в идее города-сада специфический характер решения технико-экономических вопросов, но прежде всего — социальных, финансовых, организационно-управленческих. В конечном счете российские проекты поселений для рабочих и служащих, создававшиеся в дореволюционный пе-

риод, начинали целенаправленно формироваться в виде целостно спланированного поселка (рабочего или дачного) при промышленном предприятии (или без такового) с общественным центром, развитой сетью культурных, просветительных, детских, лечебных и иных обслуживающих учреждений и, как следствие, стали именоваться городами-садами (поселениями-садами).

Идея возводить новые автономные поселения за чертой существующих городов позволяла не только размещать их в благоприятных природных условиях, но и серьезно снижать «спекулятивную» составляющую расходов. Кроме того, при строительстве на пустом месте появлялась возможность оптимизировать численность населения, обеспечивать нормирование размеров территории поселения в целом и отдельных участков земли, изначально комплексно формировать систему инженерных коммуникаций, размещение общественных зданий и проч. Но самым главным в предложениях Э. Говарда было то, что города-сады основывались на специфических формах кредитования строительства, общественном самоуправлении, коллективном характере собственности на землю и недвижимость. В организационном плане идея города-сада предполагала свободное открытое членство в кооперативном жилищном товариществе — все желающие, внося незначительные стартовые суммы, вступали в члены кооператива, становясь акционерами (пайщиками) товарищества, возводившего поселок, а затем владевшего им¹². Собираемый капитал направлялся на постройку или приобретение уже построенных домов и земельных участков,

План предместья Харборн (Великобритания),
выполненный в соответствии с планировочными принципами города-сада

а свободные суммы помещались под накопительные проценты¹³.

Постепенно погашая свой облигационный долг и тем самым выкупая жилье, члены товарищества превращались из нанимателей квартир в собственников, и в конечном счете сам поселок постепенно становился полной собственностью его обитателей. Руководство процессами функционирования поселения и распоряжение его территорией осуществлялось в виде коллективного волеизъявления — важнейшие вопросы решались общим собранием, в котором на равных правах участвовали все собственники (акционеры). Текущая работа по управлению поселением велась публично избранным правлением.

Основополагающим принципом существования кооперативного жилищного движения было недопущение каких бы то ни было спекуляций с недвижимостью — членство в товариществе рассматривалось как средство индивидуального разрешения потребности в жилище, а не как форма бизнеса. Исходя из этого, категорически запрещалось использование кооперативных жилищ в качестве коммерческой недвижимости (доходных домов и т.п.), а кроме того, уставы товариществ оговаривали специальное условие, при котором член товарищества не мог иметь в собственности больше одного дома¹⁴.

Примечательно и то, что в социально-организационном плане кооперативное движение в буржуазных странах уже в дореволюционный период стремилось основываться на демократических принципах равного участия каждого члена в управлении социальным организмом, вне зависимости от его «финансового веса». Так, согласно уставам некоторых товариществ каждый член, каким бы количеством паев он ни владел, при решении любых вопросов имел только один голос. Эти финансовые и организационно-управленческие стороны поселений-садов и их практическая эффективность в разрешении жилищной нужды малоимущими слоями населения, привлекли к ним широкое внимание российской общественности — либеральная общественность, а также архитектурное сообщество приняли идею города-сада почти восторженно.

В России инициаторами возведения поселений-садов выступали: а) частные промышленники (фабриканты) и производственные объединения; в) городские управы; б) государственные ведомства (министерства); г) дачные жилищные товарищества; д) землевладельцы¹⁵. Довольно активными «субъектами», иницирующими повсеместную реализацию идеи города-сада, также стали профессиональные сообщества, непосредственно свя-

занные с процессом проектирования поселений: архитекторы, гражданские инженеры, санитарные врачи, экономисты и др. Они широко и убедительно ратовали за устройство разгружающих крупные города «поселков-садов», «предместий-садов»¹⁶, «хуторов-садов». Призывали к осуществлению перспективного планирования и практической застройки поселений по единому генеральному плану, в точных границах, с рациональным размещением общественных зданий и общепоселковых центров, инженерным благоустройством территории и оборудованием зданий, с обязательным устройством садов и парков рекреационного назначения, с развитой сетью культурных, просветительных, детских, лечебных и обслуживающих учреждений, дифференцированной сетью жилых улиц и магистралей. Теоретическое осмысление градостроительных проблем в связи с идеей городов-садов осуществлялось в работах А.К. Енша¹⁷, Л.Н. Бенуа¹⁸, Е.В. Виленц-Горовиц¹⁹, В. Дадонova²⁰, М.Г. Диканского²¹, Н.В. Дмитриева²², Г.Д. Дубелира²³, В.С. Карповича²⁴, Г.П. Ковалевского²⁵, Б.Г. Кнатца²⁶, П.Г. Мижурова²⁷, Д.Д. Протопопова²⁸, В.Н. Семенова²⁹, Н.А. Сытенко³⁰, И.А. Фомина, З.Г. Френкеля³¹ и др.

В провинции просветительскую работу вели местные отделы Общества городов-садов. В частности, в Барнауле действовало отделение, возглавляемое управляющим Алтайской железной дороги А.В. Ларионовым. В общество входили гражданские инженеры И.Ф. Носович, А.Ф. Ильин, Луицкий, краевед Г.Д. Няшин. Деятельность Барнаульского отделения стала настолько популярной, что в августе 1917 г. А.В. Ларионова избирали гласным Городской думы по отдельному списку Общества городов-садов. Сибирское отделение Русского общества городов-садов было создано также и в г. Бийске.

Городские управы, при расширении зоны городской жилой застройки, стремились использовать прогрессивный зарубежный опыт. Первым российским городом-садом стал возведенный под Ригой поселок, названный Царским лесом³². Одним из инициаторов создания этого поселения выступал член-корреспондент Петербургского общества архитекторов, гражданский инженер А.К. Енш. В 1908 г. А.А. Веснин разработал проект поселка-сада Никольское близ Москвы. В этот же период был создан поселок-сад Новая Варшава (близ Варшавы)³³. В 1913 г. была закончена инициированная городской управой постройка трех городов-садов под Петербургом — за Нарвской заставой, в Сосновке за Лесным и близ Полюстровского и Выборгского проспектов³⁴. Московской городской управой

было предпринято строительство предместья-сада на Ходынке³⁵, между Петербургским шоссе и Солдатенковской (ныне Боткинской) больницей. В 1914 г. также на основе принципов города-сада был выполнен проект планировки окраины Полтавы. Барнаульские городские власти после пожара 2 мая 1917 г., в котором сгорело 53 квартала наиболее благоустроенной городской застройки, приняли решение о строительстве города-сада. Его предполагалось разместить в северной части, у железной дороги, на территории выгона, где сохранился значительный участок березового леса. Активным организатором проектирования и строительства этого поселения-сада выступал секретарь городской думы, член Общества городов-садов А.И. Петров, который в 1914 г. принимал участие в работе Первого международного конгресса городов-садов в Англии, а в после революции стал активным участником советского кооперативного движения³⁶.

Другим, довольно активным, «субъектом» возведения поселений-садов выступили министерства. Так, строительной программой Министерства путей сообщения предусматривалось строительство поселений-садов для ведомственных рабочих. В частности, размещение поселка-сада предполагалось близ Ново-Фарфоровского поста Николаевской железной дороги в окрестностях Харькова. Министерство прорабатывало планы приобретения земельных участков для подобных поселков и на других железных дорогах — Пермской, Северо-Донецкой, Самаро-Златоустовской. Для этой же цели Рязано-Уральская железная дорога приобрела участок земли на станции Уральск. В качестве образца для строительства поселений-садов железнодорожное ведомство рассматривало поселок, заложенный в 1913 г. близ станции Прозоровская³⁷ по проекту В.Н. Семенова и А.И. Таманова (в районе современной железнодорожной платформы Загорянка (бывш. ст. Раменская Московско-Казанской железной дороги))³⁸.

В 1916 г. Министерство путей сообщения приняло решение о строительстве новых поселков-садов для железнодорожных чинов Николаевской, Омской и Томской³⁹, Московско-Казанской железных дорог для обеспечения жильем в общей сложности около 2 миллионов рабочих и служащих⁴⁰. Этому решению Министерства путей сообщения предшествовала инициатива гражданского инженера В.А. Глазырина о формировании общероссийской системы поселений-садов близ столиц, крупных городов и узловых транспортных пунктов (железнодорожных, морских и речных

портов), рядом с головными транзитными станциями, а также вблизи заводов, фабрик, рудников и копей, находящихся от городов на значительном удалении. Глазырин предлагал три разновидности поселений-садов и, соответственно, различные способы расположения их относительно базового города: 1) «пригородный поселок-сад», который размещался на некотором отдалении от города; 2) «предмесье-сад», которое, в отличие от пригородного поселка-сада, непосредственно примыкало к территории существовавшего города или крупной железнодорожной станции⁴¹; 3) «квартал-сад» — небольшой фрагмент застройки, спланированный по принципу города-сада непосредственно на территориях пристанционной селитьбы (на остановочных пунктах со средним и малым движением).

Программы создания поселений-садов для железнодорожных рабочих разрабатывались также инженерами путей сообщения Н.В. Кунициным и В.И. Бошко⁴².

Еще одним «субъектом», прилагавшим усилия к практическому возведению поселений-садов, являлись частные промышленники (фабриканты) и производственные объединения. Например, возникшее с привлечением иностранного капитала в 1912 г. частное акционерное общество каменноугольных копей и металлургических заводов в Кузбассе («КопиКуз»), разрабатывавшее кольчугинские и кемеровские копи, вело исследование угольных месторождений Кузбасса и железнорудных месторождений Тельбесского района. Для этих целей оно подтянуло к г. Кузнецку отдельную ветку частной железной дороги и в целях размещения рабочих выступило с инициативой возведения при станции Кузнецк (около деревень Черноусово и Горбуново) города-сада⁴³. Проект выполнялся в 1916 г. гражданским инженером А.Д. Крячковым, специально приглашенным для этой цели Управлением Кольчугинской железной дороги. В 1915–1917 гг. общество «КопиКуз» построило железнодорожную ветку от станции Топки Кольчугинской железной дороги до деревни Щеглово. Стихийно растущему новому поселению Коксохима был необходим план. Был объявлен конкурс, в котором приняли участие профессора Томского технологического института, представившие пять проектов: П.И. Земсков, Я.И. Николин, А.Д. Крячков (представил два проекта) и П.А. Парамонов, который и победил в конкурсе⁴⁴. Свое проектное решение он оформил «по типу города-сада»⁴⁵.

«Субъектом» создания пригородных городов-садов выступали также и сами рабочие, доброволь-

но объединявшиеся в кооперативные жилищные товарищества. Например, многочисленная группа московских рабочих (во главе которой стоял также простой рабочий) активно ратовала за формирование поселения-сада на Лосином острове. Особенности этой территории, подаренной Москве императорской фамилией, заключались в условии, что город не передаст подаренную землю в частную собственность и не вырубит ни одного дерева. Эти условия порождали ряд очень нестандартных юридических и планировочных ограничений⁴⁶ и приводили к фактически единственному возможному решению — о формировании жилищного товарищества (с кооперативным характером землепользования), способного сохранить зеленые насаждения Лосино-го острова за счет разбивки на нем поселения-сада.

С 1914 г. пытался осуществить свою инициативу по возведению поселка-сада давний энтузиаст говардовской идеи, рабочий С.И. Шестеркин. Эта инициатива получила практическое воплощение лишь после революции, в 1919 г.: «Шестеркин С.И. добился выделения участка земли около 104 десятин, близ станции Перловка Северных ж. д. в 14 верстах от Москвы, где 30 мая 1922 г., по получении небольших денег, была произведена закладка первого дома»⁴⁷.

В начале XX в. отдельные фабриканты, увлеченные идеей города-сада, прилагали усилия к превращению уже существовавших при заводских сел во внешнее подобие городов-садов — подвергали их перепланировке и благоустройству. Примером такого превращения может служить село Бонячки в Костромской губернии при фабрике текстильных магнатов Коноваловых. «В результате осуществления социальной программы Коноваловых к середине 1910-х гг. в Бонячках сложился образцовый по тем временам прифабричный город-сад... В его центре располагался обширный парк-сад, включавший не только аллеи и поляны, но и теннисные корты, площадки для крикета (что было редкостью для России тех лет). По одну сторону парка размещалась фабричная зона и целый ряд общественных зданий: церковь, училище, богадельня, ясли, клуб для служащих. Среди этих построек выделялся своими размерами гигантский Народный дом, включавший большой театральный зал и обширную библиотеку. На противоположном конце парка находился поселок для служащих (его выразительные двухквартирные дома с фронтонами и портиками на главных фасадах строились предположительно по проекту И.В. Жолтовского), а за ним — комплекс больницы...»⁴⁸. Пример Бонячек не был уни-

кальным, так как подобные промышленные поселки возникали в этот период вокруг текстильных и льняных фабрик Красильниковых, Балиных, Ясунинских, Щербаковых в селах Родники, Южа, Кохма и др.

Любопытно отметить, что «дословное» воспроизведение в реальных генпланах российских поселений-садов концептуальных схем Э. Говарда, как, например, в Бонячках или как в проекте А.А. Яковлева для Выксунского завода и др., было распространенной ошибкой, несмотря на то что сам Говард неоднократно подчеркивал, что его графические иллюстрации являются лишь условными схемами, а не градостроительными проектами; что они призваны лишь пояснять смысл его рассуждений, не более. И если в английской практике строительства городов-садов практически не обнаруживается формального подражания говардовским диаграммам, то в России схемы, изображавшие принципы организации города-сада, подчас воспринимались буквально и фабриканты-землевладельцы почему-то считали, что поселение-сад обязательно должно состоять из нескольких концентрических кругов, в центре которых, вокруг площади, должны располагаться общественные здания, цветники и площадки для детских игр и гимнастики, затем — большой садово-парковый пояс, потом жилые кварталы, кольцевая дорога и сельскохозяйственное окружение...

Усилия «субъектов» осуществления российской расселенческой (градостроительной) политики, направленные на придание существовавшим или возводимым фабричным, пристанционным, пригородным поселкам большего благоустройства и озеленения, как правило, приводили к появлению лишь внешнего сходства с говардовскими городами-садами. Российские сторонники идеи города-сада критиковали подобный подход, указывая на то, что содержание идеи города-сада заключалось вовсе не в насыщении улиц деревьями и кустарниками, не в «прививке» существовавшим городам или прифабричным поселкам особых форм «городского садоводства», не в увеличении количества общественных парков и скверов.

Суть говардовской организационно-управленческой и финансово-экономической инновации, разъясняли они, заключается в «разрешении жилищной нужды» для тех, кто при существовавшем уровне цен не способен был приобрести собственного жилья. В строительстве жилого фонда, более дешевого, чем в существовавших городах, но значительно более комфортабельного благодаря наличию собственного обособленного дома с индиви-

дуальным участком земли (кстати, исходя из этого принципа, постройка в городах-садах «многоэтажных домов с массой квартир» категорически отвергалась). Это была попытка «ввести социализм мирным путем», законодательно допустимым способом уничтожив главный признак капитализма — «эксплуатацию человека человеком в жилищной нужде». Сторонники идеи города-сада были уверены, что города-сады есть оптимальный, в рамках существовавшего строя, путь в разрешении жилищной проблемы, потому что он позволял:

- превратить нанимателей жилищ в собственников;
- ликвидировать присущую крупным городам скученность населения, пагубную для его здоровья;
- обеспечить каждой семье оптимальные жилищные условия;
- ввести демократические формы управления недвижимостью и землей, исключавшие обогащение одних за счет других;
- использовать поддержку государства, заинтересованного в ликвидации жилищной нужды и тем самым снижении социальной напряженности в обществе.

Но на практике подобные убеждения воплощались далеко не всегда. Даже в тех случаях, когда крупные промышленные кампании или руководство железных дорог начинали именовать возводимые ими поселки для своих рабочих и служащих «поселениями-садами»; даже когда эти поселения, действительно, представляли собой образцово спланированный поселок — с общественным центром, развитой сетью культурных, просветительных, детских, лечебных и обслуживающих учреждений и т.п.; часто их социально-организационное «содержание» глубоко противоречило социальному замыслу говардовских городов-садов. Потому что вопросы, собственно, социальных преобразований в них не только не решались, но даже и не ставились.

В результате в России идея города-сада стала востребована «не столько с ее социальной стороны, как, главным образом, со стороны архитектурно-технической»⁴⁹. Именно в отношении социального содержания эти поселения оказывались весьма далеки от исходного говардовского прототипа, специфика градостроительной парадигмы которого заключалась не столько в архитектурно-планировочной и художественно-образной составляющих, сколько в социально-экономической, организационно-управленческой и финансово-экономической компонентах.

Многие из спроектированных и возведенных в конце XIX — начале XX в. поселений при приисках и предприятиях добывающей промышленности, железнодорожные и дачные поселки и даже отдельные жилые районы российских городов роднили с говардовскими поселениями-садами лишь внешние черты, а в организационно-управленческом плане действовала схема, противоположная говардовской — владельцем земли выступала городская управа, ведомство или фабрикант. Именно они, а не сами акционеры — члены кооперативного товарищества, предлагали проекты домов для будущего строительства, предписывали характер планировки и общий тип застройки, настаивали на привлечении тех или иных связанных с ними подрядчиков, назначали конкретных поставщиков строительных материалов и т.п.

В итоге даже в тех случаях, когда полностью совпадали лозунги, провозглашаемые в Европе и в России, о необходимости «разрешения жилищной нужды для малоимущих слоев населения»; в тех случаях, когда поселки-сады, возведенные в России городскими управами, крупными заводчиками и ведомствами, внешне разительно походили на те, которые строились на Западе жилищными кооперативными товариществами, между ними существовало одно кардинальное различие, заключавшееся в том, что российские поселения возводились без образования «краеугольного камня» города-сада — жилищного товарищества. Так, например, предместье-сад на Ходынском поле таковым являлось только по названию, а «...вся постановка дела не предусматривала образования и деятельности кооперативного жилищного товарищества»⁵⁰.

Другое отличие состояло в том, что в России при устройстве поселений-садов часто в качестве основного типа жилья возводили не индивидуальные жилые дома, а многоквартирные, доходные. Например, правила застройки предместья-сада на Ходынском поле в Москве разрешали использовать землю как под индивидуальные жилища, так и под многоэтажные доходные дома. Но крупный капитал, естественно, предпочитал вкладывать средства в более выгодное многоквартирное строительство и резко увеличивал в поселении долю именно этого типа жилья по отношению к индивидуальному. Кроме того, в целях наживы, затевал комбинации с многократной перепродажей строительных участков. В итоге спекуляций земельными участками конечная цена на жилье многократно возрастала и низкооплачиваемые слои городского населения — рабочие и мелкие городские служащие (для реше-

ния жилищных проблем которых, собственно, и затевалось создание поселений-садов) — так и оставались в прежнем положении — не имея возможности для приобретения недвижимости, а «выгоду от дешевизны земли приобретало... лишь несколько лиц — устроителей поселка», но не его население⁵¹.

«Могут ли доходные дома облегчить сколько-нибудь жилищную нужду московских обывателей, не имеющих средств самим снять участок и строить дом? Конечно, нет. ...Вообще города-сады исключают доходные дома частных лиц. Повсюду: в Лечворсе, в Гемпстеде, в Геллерау, в Удеме строятся большие дома или соединенные коттеджи, но они составляют или собственность города, или собственность строительной компании, одинаково преследующих идейные цели, а не личную выгоду»⁵². «Жилищный вопрос только тогда приближается к своему разрешению, когда за постройку домов для всех классов населения, начиная от самых беднейших, принимаются или сами города, или строительные товарищества с дешевым кредитом, поставившие своей целью не коммерческую выгоду, а разрешение социальной задачи»⁵³.

Описанные выше действия и городских управ, и крупных частных инвесторов искажали и извращали социальное содержание говардовской идеи, коверкали организационное и финансовое существо города-сада, заключенное в равноправном участии акционеров в общественном самоуправлении, равнодолевом владении акциями и в коллективном хозяйственном ведении строениями и самой территорией поселения-сада, в конечном счете приносили выгоду одним лишь домовладельцам⁵⁴.

«С технической, санитарной и быть может даже с эстетической стороны, это... настоящие города-сады, только социальные элементы полностью отсутствуют в этом начинании...»⁵⁵.

За счет возведения ведомственных поселений, модно именовавшихся городами-садами, руководство частными промышленными предприятиями или государственные ведомства вполне успешно решали насущные организационно-управленческие и финансово-экономические задачи, используя подобные поселения не столько в целях разрешения жилищной проблемы для сотрудников, сколько в качестве формы привязывания их к месту работы, способа комплектования потребных трудовых ресурсов, а также в роли средства управления рабочими кадрами, потому что угроза потерять жилье и быть выброшенным на улицу серьезно «саморегулировала» трудовое и бытовое поведение людей.

В целом дореволюционные российские проекты поселений-садов, как правило, представляли собой образцово спланированные поселки, часто воплощавшие художественно-планировочные принципы отечественного зодчества: учет природных условий, реализацию комплексного характера застройки и благоустройства территории, формирование общественного центра, возведение некоторого количества культурных, просветительных, детских, лечебных и обслуживающих учреждений и т.п. Но эти поселения, строившиеся в дореволюционный период в России городскими управами, крупными частными промышленными объединениями, отдельными фабрикантами и землевладельцами, руководством железных дорог и т.п., не ставили и не решали вопросов социальных преобразований⁵⁶. В этом отношении они оказывались не просто далеки, а противоположны идее города-сада.

В отличие от либеральной общественности России и отечественного архитектурного сообщества, позитивно настроенных в отношении переноса идеи города-сада на российскую почву, царское правительство относилось к говардовской идее весьма и весьма настороженно. Причина в том, что идея города-сада базировалась на принципах общественного самоуправления, которую царское правительство воспринимало с большой опаской. Безусловно, в России в конце XIX в. существовало городское самоуправление — проведенная в 1870 г. реформа в известной мере отвечала потребностям развития буржуазного города и открывала некоторые пути рационализации городского управления⁵⁷. Но начала самоуправления, заложенные земской, а затем и городской реформами, отвечали прежде всего интересам царского правительства, так как передавали общественному управлению лишь часть дел в сферах деятельности, с которой чиновничье-бюрократический аппарат справлялся плохо: образование, медицинское обслуживание, общественное призрение и т.п.

В целом же правительственные органы были оппозиционны к структурам «городского общественного управления», невзирая на успехи в муниципальной деятельности, достигнутые к концу 1880-х гг. органами самоуправления на местах.

Во всех тех случаях, когда речь заходила о расширении полномочий городского самоуправления в существовавших городах или о возведении новых поселений изначально на основе общественного управления, царское правительство проявляло не только явное беспокойство, но и открытое противодействие.

Самодержавная власть, негативно относясь к идеям расширения общественного самоуправления, не допускала мысли отдавать в его руки целые населенные пункты. Государственные органы не хотели утрачивать контроль над жилыми образованиями и прилегающими к ним значительными участками земли, над системами городского жизнеобеспечения и проч. Власть не могла допустить потери контроля над населением, позволяя ему самостоятельно создавать среду обитания и независимо управлять ею. Подобное отношение к идее города-сада в значительной степени ограничивало реализацию социального организационного, политического и экономического содержания гомардовской идеи в градостроительной политике предреволюционной России. Кроме позиции правительства, ее широкому внедрению в российскую градостроительную практику дореволюционного периода препятствовали и другие причины — недостаточная степень развитости кооперативного движения, менее острая, нежели в Европе, потребность в децентрализации городов, несоответствие существовавшего строительного законодательства и т.д.

Поселки-сады в послереволюционной России

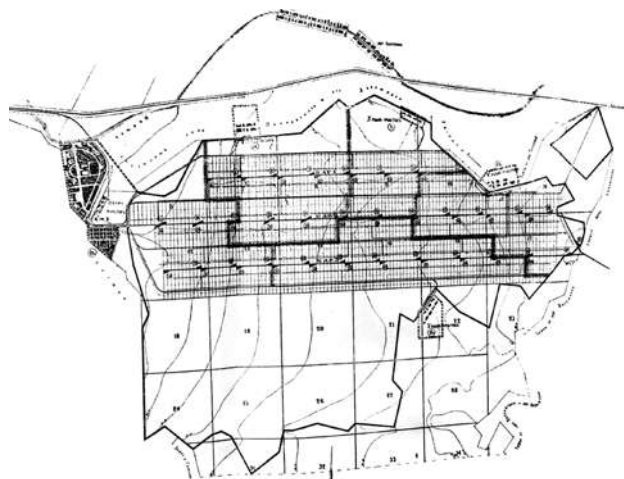
В первые годы советской власти, в условиях революционных социальных преобразований — отмены частной собственности на землю, провозглашения приоритета общественных интересов перед частными и т.п., российские архитекторы обратились к идее города-сада. Они надеялись, что советская власть устранит все недостатки дореволюционных поселений подобного типа и создаст подлинные города-сады — с коллективными формами организации быта, с общественным управлением процессами градоустройства и повседневной эксплуатации поселений, с комфортабельными индивидуальными домами коттеджного типа для отдельной семьи, с персональными участками земли для разведения сада, огорода, домашней живности. Архитекторы видели в городе-саде прообраз поселений будущего: с общественной собственностью на землю и государственным финансированием возведения жилища и инфраструктуры. С этих сторон идея рабочего поселка-сада, с учетом ее приложения к идеалам, возникшим на фоне революции, рассматривалась в трудах Г.Б. Бархина, Б. Великовского, И.И. Везубова, Е.В. Виленца-Горовица, Л.В. Воронина, Я.Г. Гевирца, И.Г. Гельма-

на, В.А. Глазырина, М.Г. Диканского, В.Ф. Иванова, В.С. Карповича, П.М. Кожаного, В.Д. Мачинского, М.Н. Петрова, П.В. Прейса, С.Н. Семенова, З.Г. Френкеля, Д.И. Шейниса и др.⁵⁸

Российские архитекторы, гражданские инженеры, гигиенисты, экономисты — все, кого объединяла идея города-сада, стремились в новых политических условиях практически реализовать наиболее привлекательные художественно-планировочные принципы города-сада: комплексное проектирование застройки, озеленения и инженерной инфраструктуры, целостность композиции, единое пространственное решение улиц, кварталов, поселения в целом и т.п. Но, самое главное, они рассчитывали воплотить не реализованное в предреволюционной России социально-реформаторское содержание: государственную поддержку в финансировании массового строительства жилища и инфраструктуры, специфические организационные формы коллективного владения и распоряжения землей, кооперативные формы осуществления строительства, демократические принципы управления текущей эксплуатацией поселений, их благоустройством и развитием. То есть применить на практике те принципы градоустройства, которые вызревали до этого в России как протест против существовавших городов, но в них самих в дореволюционный период не были осуществимы. В 1918–1922 гг. в проектировании поселков-садов участвовали: братья Веснины, В.В. Воейков, П.А. Голосов, А.З. Гринберг, Л.М. Гуржиенко, Г.Д. Дубелир, В.Е. Дубовский, И.В. Жолтовский, А.П. Иваницкий, А.Д. Крячков, А.В. Кузнецов, А.Л. Пастернак, П.А. Парамонов, А.В. Самойлов, В.Н. Семенов, С.Е. Чернышев, А.В. Щусев и многие другие.

Идея города-сада, разделяемая прогрессивной частью архитектурного сообщества, оказалась транслированной во все те инстанции, которые обращались к архитекторам с заказами по разработке проектов планировки поселений.

Так, идея города-сада использовалась местными органами власти в качестве средства «разгрузки существовавших городов». Для этого в начале 1918 г. была инициирована разработка проектов подмосковных поселков-садов и пригородов-садов для рабочих⁵⁹. Для чего весной того же года была создана первая государственная проектная организация — Архитектурно-художественная мастерская строительного отдела Московского совета РК и КД, которую возглавили И.В. Жолтовский и А.В. Щусев⁶⁰. Проект пригорода-сада под Москвой, для строительства которого определили участок в Рублево,

Поселок-сад на Шатурском государственном болоте.

Схема размещения поселка по отношению к зоне торфоразработок. 1918

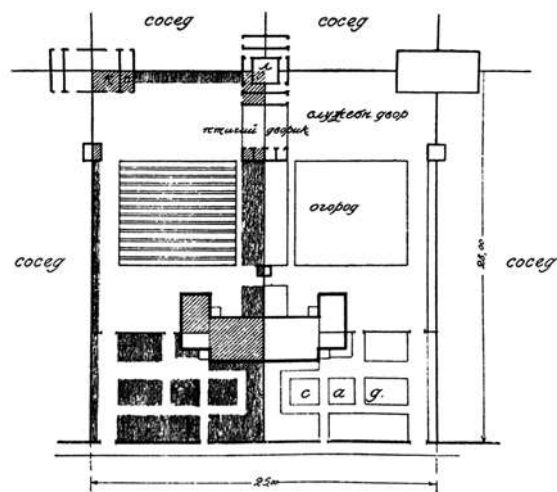
21 октября 1918 г. был представлен на рассмотрение председателя ВЦИК Я.М. Свердлова⁶¹. Аналогичная задача решалась и в рамках программы «Большой Петроград» другой, созданной в это же время государственной проектной организацией — Архитектурной мастерской по урегулированию плана г. Петрограда и его окраин⁶².

Свои инициативы по строительству жилья для рабочих основывали в этот период на принципах города-сада и все советские ведомства. Так, Государственное объединение машиностроительных заводов ВСНХ (ГОМЗА) поставило перед созданной им 11 ноября 1918 г. Жилищно-строительной комиссией следующие две задачи строительного сезона следующего года: а) приступить к выработке плана улучшения рабочих поселков, уже существующих при заводах (т.е. перепланировки, постройки нормальных жилищ и зданий общественного пользования и т.п.) и б) приступить к постройке новых поселков по типу города-сада⁶³. Пригласив архитекторов В.Е. Дубовского (одного из авторов проекта города-сада «Приволье» под Москвой⁶⁴), Л.М. Гуржиенко и санитарного врача А.Н. Сони́на, Жилищно-строительная комиссия начала срочную разработку проектов рабочих поселков-садов для 10 крупнейших машиностроительных заводов: Сормовского, Коломенского, Брянского, Кулебакского, Тверского, Мытищенского, Выксенского, Русско-Балтийского и др.⁶⁵, в целом численностью на 400—500 тыс. человек. В 1919 г. возведение поселков-садов началось «в малом масштабе» на Брянском, Коломенском, Кулебакском, Выксенском заводах⁶⁶. В этом же году при Кузнецком металлургическом обществе (г. Томск) был создан Отдел про-

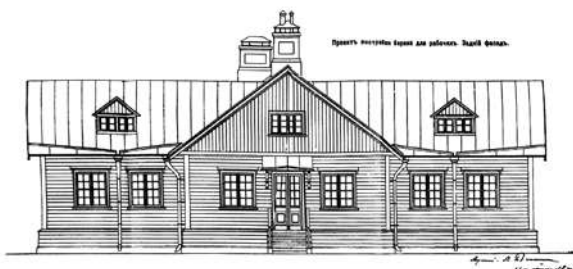
Поселок-сад при Шатурском государственном болоте.

Генплан. Арх. Л.А. Веснин. 1918

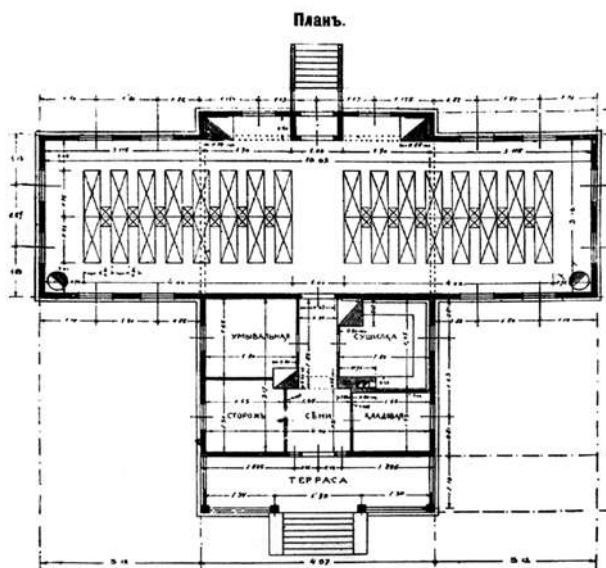
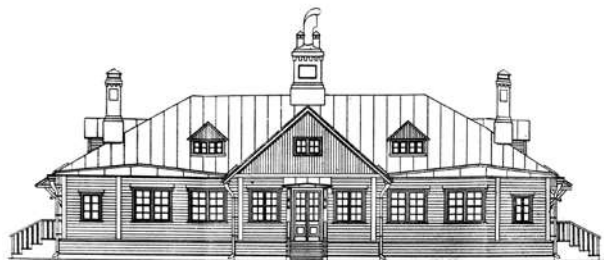

Поселок-сад при Шатурском государственном болоте.

Распланировка участка парных блокированных индивидуальных домов. 1918

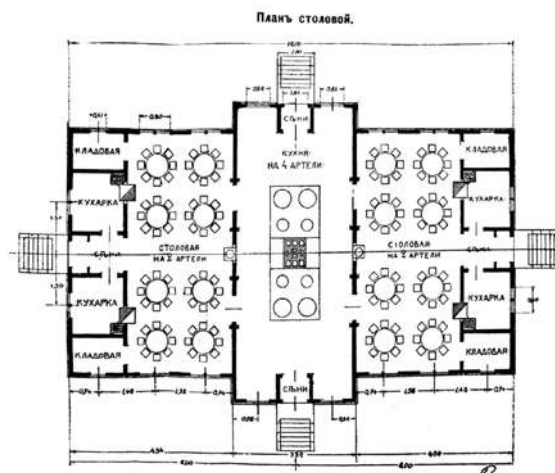
Проект барака для рабочих в поселке-саде на шатурских торфяных разработках. Фасад. 1918

Проект барака для рабочих в поселке-саде на шатурских торфяных разработках. План. 1918

ектирования сооружений и заводских поселений по типу городов-садов. Его заведующим стал местный архитектор А.Д. Крячков.

Другое ведомство — Главторф — также осуществляло инициативы по возведению поселков-садов. По его заданию над проектом поселка-сада при Шатурском государственном болоте в 1918—1920 гг. трудилось Архитектурное исполнительное бюро Главторфа⁶⁷. Подобная работа рассматривалась как «начало широкого жилищного строительства на других торфяных месторождениях»⁶⁸ и предусматривала возведение по той же программе при станции «Электропередача»: а) центрального поселка (на 1000 человек) и б) восьми сезонных поселков для рабочих (на 500 человек каждый), располагавшихся непосредственно в зонах торфоразработок. Бюро Главторфа привлекло для проектирования архитектора Л.А. Веснина, который в этот период (а в целом, с июня 1918 г. по май 1921 г.) работал в Главном торфяном комитете⁶⁹, а также архитек-

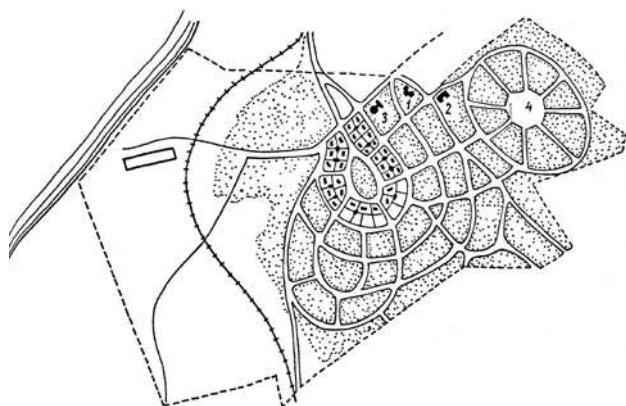
Столовая для рабочих в поселке-саде на шатурских торфяных разработках. Фасад. План. 1918

торов В.Е. Дубовского и А.Л. Пастернака⁷⁰. Еще одно ведомство — Главсахар, обследовав состояние жилищной нужды на 31 (из 45) подведомственном заводе, наметило возведение в 1919 г. 95 домов по 2 квартиры и 19 бань⁷¹.

Можно утверждать, что практически все ведомства при разработке проектов рабочих поселков при строящихся или реконструируемых крупных предприятиях, в той или иной степени опирались на принципы города-сада. Согласно этим принципам проектировались поселки: при ткацкой фабрике в Ярцево Смоленской губернии; Истоминской текстильной фабрике под Москвой⁷²; Каширской электростанции⁷³; при станции Шилово⁷⁴; Чернореченском химзаводе Нижегородской губернии⁷⁵; Бондюжском Волго-Камском химическом заводе близ Перми⁷⁶; паровозо-ремонтном заводе в г. Подольске⁷⁷; заводе резинтреста «Красный Богатырь»⁷⁸, поселка Кожуховский⁷⁹ и проч.

С предложениями строительства поселений-садов, помимо руководства ведомств, выступали также акционерные общества. В частности, акционерным обществом «Московское рабочее жилищное строительство»⁸⁰ была намечена на 1925 г.

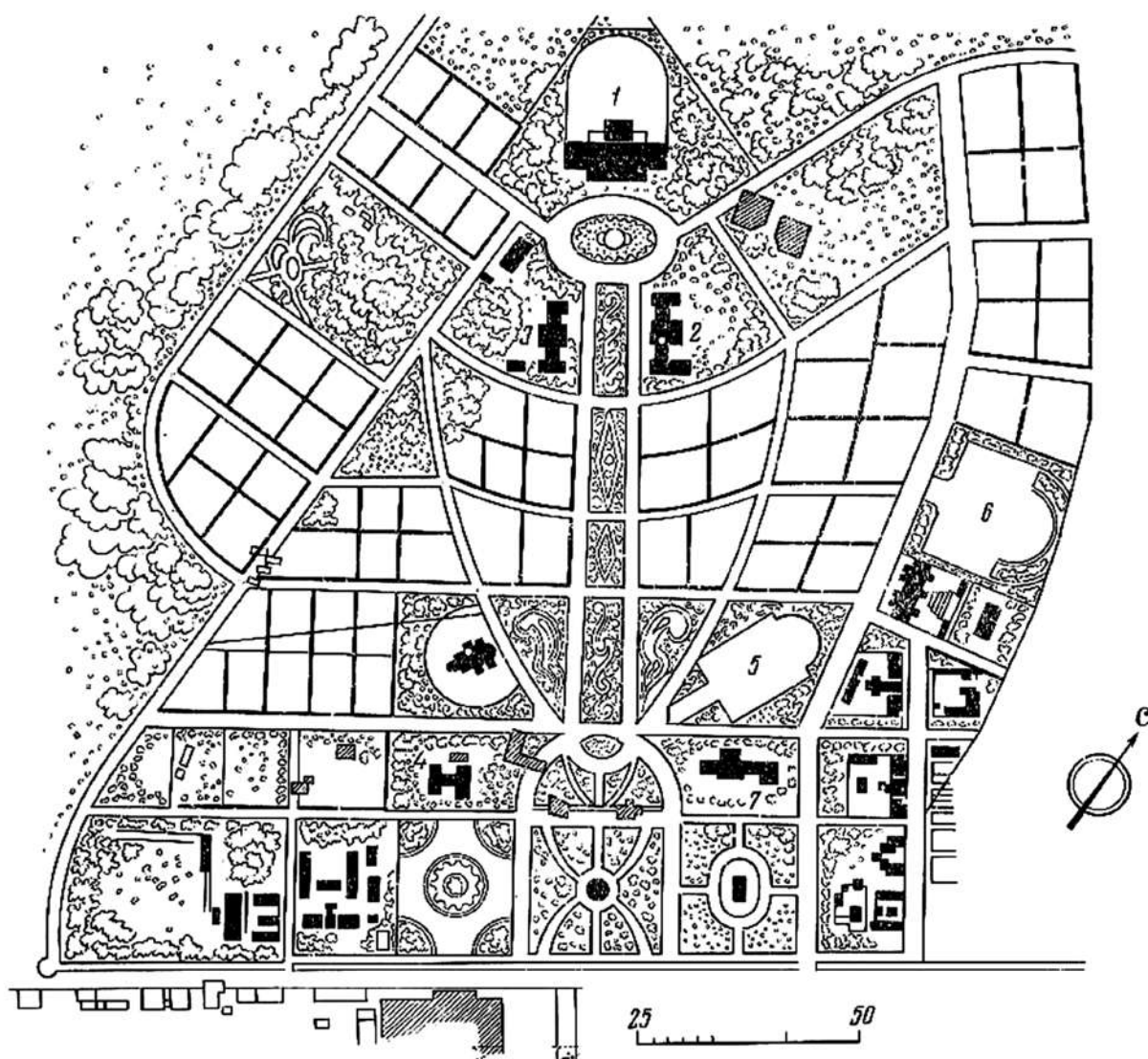
Проект рабочего поселка при Ярцевской мануфактуре.

Инж. Захаркин. 1919:

1 — народный дом; 2 — школа; 3 — баня;
4 — парк революции

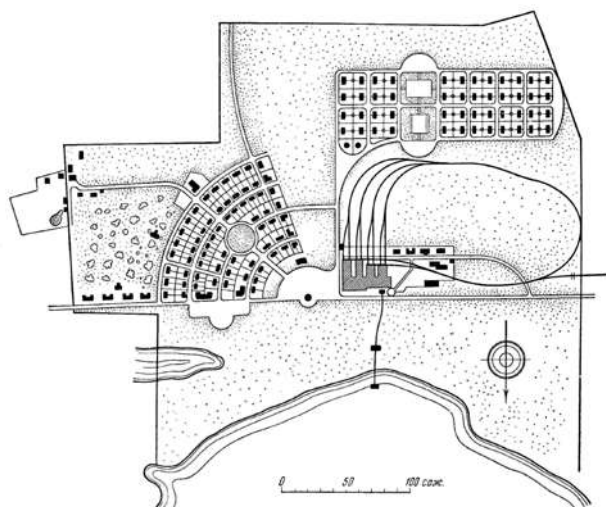
«постройка районных поселков-садов, которые окружают Москву кольцом здоровых, изящных, благоустроенных кварталов»⁸¹.

Начинания по возведению поселений-садов для рабочих проявляли также и государственные органы. Так, в 1919 г. при Комитете государственных сооружений (Комгосоор) была создана Коллегия по постройке, а точнее, по продолжению строительства автозавода в Филях, начатого еще в 1916 г. Русско-Балтийским акционерным обществом⁸², а также поселка-сада при нем на 2000 человек (1500 рабочих и 500 служащих). 21 февраля 1919 г. Управление городского и сельского строительства Комгосоора (Угорсельстрой) объявило заказной конкурс на проект поселка. В нем участвовали: А.В. Самойлов, С.Е. Чернышев, П.А. Голосов, И.А. Голосов, Л.А. Веснин. 29 марта 1919 г. руководство Коллегии

Рабочий поселок при Истомкинской мануфактуре. Генплан. Арх. К.А. Карсеев. 1920:

1 — народный дом; 2 — школа; 3 — детский дом; 4 — ясли; 5 — площадка для детских игр; 6 — спортивная площадка; 7 — дом для одиноких

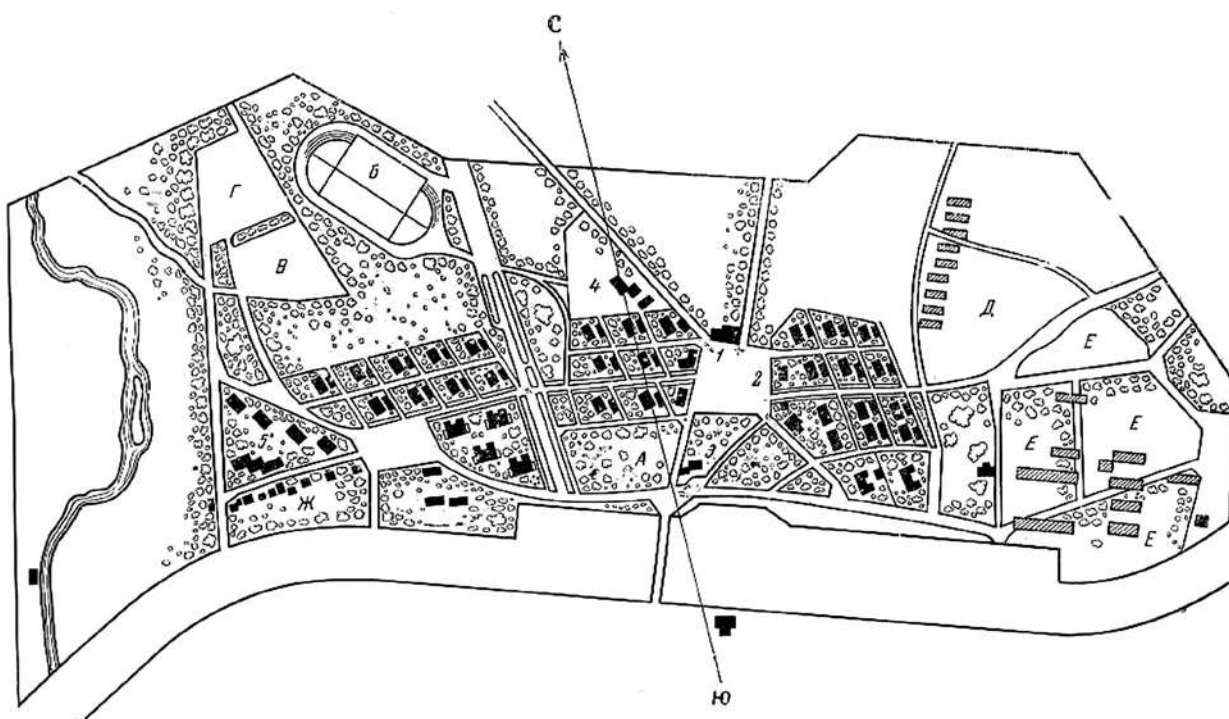

Проект рабочего поселка при Каширской электростанции. Арх. П.А. Голосов

по постройке завода и поселка, недовольное постоянным переносом сроков завершения конкурса, заказало проект А.В. Кузнецову (при участии А.Ф. Лолейта) и не отменило этого решения, даже когда 10 июня 1919 г. жюри конкурса, наконец-то, подвело итоги, присудив первую премию проекту А.В. Самойлова, а вторую — проекту Л.А. Веснина (совместно с В.А. Весниным и А.П. Иваницким).

Однако строительство поселка так и не состоялось, потому что 25 сентября 1919 г. Особое совещание по строительной политике Моссовета отказало ВСНХ в отводе участка в Филях для возведения самого завода (и, соответственно, поселка при нем), как «противоречащим основным задачам планировки и благоустройства окраин Москвы»⁸³. 28 октября приказом по Угорсельстрою Управление работами по постройке рабочего поселка в Филях было расформировано⁸⁴.

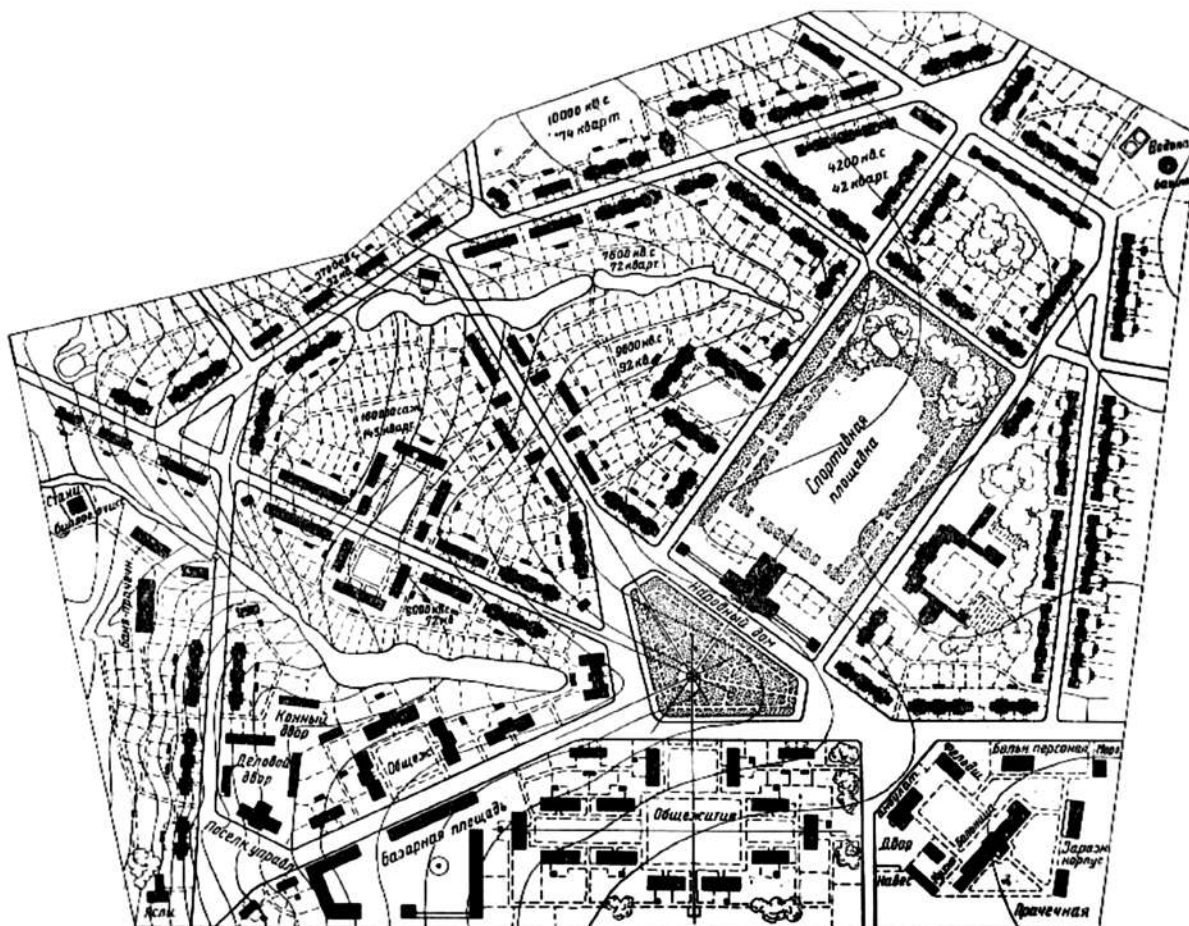
Управление городского и сельского строительства Комгосоора (Угорсельстрой), как государственный орган, курировало работы основных ведомств по строительству рабочих поселков. Контроль над ходом работ осуществлял Отдел градоустройства, специально для этих целей сформированный в рамках Угорсельстроя. В частности, он ведал постройкой рабочего поселка при Собиновской мануфактуре⁸⁵. В сентябре 1919 г. на заседании Отдела был рассмотрен вопрос о проектировании поселка для рабочих бывшей канатной фабрики Журавлева в селе Авакумове Рыбинского уезда⁸⁶. Осуществлялся контроль за проектированием и строительством рабочего поселка «Звезда»⁸⁷ на 8000 человек⁸⁸ при саратовском заводе сельскохозяйственных машин⁸⁹. Непосредственная организация работ по строитель-

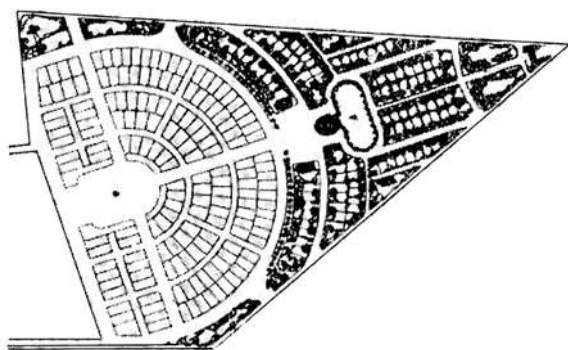
Генеральный план рабочего поселка-сада при Кизелковской электростанции. 1921–1925:

А — спортивная школьная площадка; Б — стадион; В — конюшенный двор; Г — скотный двор; Д — больничный участок; Е — запасные участки для расширения поселка; Ж — существующий поселок; 1 — народный дом; 2 — дом для приезжих; 3 — ясли; 4 — школа; 5 — баня-прачечная

Генеральный план рабочего поселка-сада при Подольском паровозоремонтном заводе.
Арх. Л.А. Веснин. 1922

Ленинград. Генеральный план рабочего поселка-сада при электростанции «Красный Октябрь». Арх. А.А. Оль. 1924

ству завода «Звезда» и поселка при нем находилась в ведении Отдела металла ВСНХ. Первоначальный вариант планировки был готов уже к марту 1919 г., а уже осенью 1919 г. с возведения деревянных бараков и закладки двух каменных зданий началось

строительство поселка, хотя окончательно генплан был утвержден на заседании Технического совещания Архитстроя лишь 28 февраля 1921 г.⁹⁰ (автором окончательного проекта генплана, предположительно, был А.З. Гринберг).

Работа по возведению поселков-садов для рабочих оказалась настолько масштабной, что потребовала объединения усилий: а) государственных органов управления жилищным строительством; б) руководства ведомств; в) органов жилищной кооперации и г) местных органов власти. Так, 5 февраля 1919 г. Отдел градоустройства Угорсельстроя совместно с комитетом государственных сооружений ВСНХ, рассмотрел предложение Московского центрального рабочего кооператива (МЦРК) об устройстве пригородных рабочих поселков, призванных разгрузить Москву. Г.Д. Дубелир докладывал по этому вопросу: «В промышленном отделе МЦРК возникло предложение об организации поселков, в которые могли бы вынести часть промышленных учреждений и которые вместе с тем могли бы служить городом-садом

для жилья служащих»⁹¹. Один из поселков предполагалось разместить под Москвой (в районе Симонова), другой — на юге Самарской губернии (в Нижне-Бузулукском уезде). Второй поселок должен был соединить в себе: фермы, огородно-садовый пояс, сельскохозяйственное производство, способное прокормить население города в 3000 человек, и постоянные промышленные предприятия, в частности большой кожевеннообувной завод⁹².

Г.Д. Дубелир, а затем и Коллегия Отдела градостроительства Угорсельстроя, которая позднее неоднократно рассматривала данный вопрос, подчеркивали, что «организация подобных городов промышленно-кооперативного типа является в высшей степени желательной», потому что подобное «соединение большой промышленности, сельского хозяйства и города-сада на кооперативных началах...»⁹³ дает значительный организационный и финансовый эффект.

С первых дней утверждения новой градостроительной политики ее субъекты — а) органы государственной власти; б) руководство ведомств; в) правления жилищной кооперации, выступавшие инициаторами строительства советских рабочих поселков, — рассматривали организационно-финансовые вопросы их возведения не только в контексте гвардовской социально-управленческой программы, но и в соответствии с постулатами государственной идеологии о роли производственного предприятия (и шире — производственной деятельности) в организации жизни людей, в характере обустройства их повседневного бытового существования.

Применительно к условиям советской России эта новая социально-организационная и финансово-экономическая модель «советского города-сада» представлялась следующим образом:

- земля для города-сада бесплатно бралась у государства в долгосрочную аренду или бессрочное пользование создаваемым для этих целей общественным объединением (кооперативным товариществом);

- все желающие проживать в данном поселении вступали в члены данного товарищества (внося вступительный и паевой взносы);

- необходимые для строительства средства заимствовались на льготных условиях из государственного бюджета или частично предоставлялись соответствующим профильным ведомством (для рабочих которого возводилось поселение) на безвозмездной основе, так как предназначались в конечном счете для решения общезначимой социальной задачи — удовлетворения потребностей рабочего населения в жилье;

- по мере застройки и эксплуатации поселка, а также функционирования промышленного предприятия, на котором трудилась основная масса обитателей поселка, кооперативное товарищество, используя коллективную форму собственности на землю и строения, самостоятельно вело хозяйственную деятельность на подвластной территории и, аккумулируя прибыль от деятельности промышленного предприятия, направляло ее на благоустройство территории поселения и расширения состава обслуживаемых учреждений, а также на развитие форм внутриселковой общественной жизни;

- кооперативное товарищество постепенно возвращало государственные кредиты, а члены кооператива (при желании) выкупали у товарищества недвижимость, превращаясь из арендаторов в собственников жилья и коллективных пользователей бесплатно предоставленной (в бессрочное аренду) земли⁹⁴.

Подобная программа финансирования и организации кооперативного жилищного строительства выражала идеологические воззрения организаторов советской жилищной кооперации о сути кооперативного движения в новом обществе и соответствовала их наивно-утопическим представлениям о той миссии, которую, по их мнению, советское государство должно выполнять в решении социальных задач. Причинами, по которым именно принципы города-сада были выбраны в качестве концептуально-теоретической базы проектирования рабочих поселений молодой Советской республики, являлись: во-первых, дореволюционная популярность этой идеи, постоянно пропагандировавшейся через периодическую печать, среди населения и заказчиков; во-вторых, уверенность в том, что финансовая схема города-сада может быть серьезно упрощена в советских условиях и теперь не нужно будет просить денег у частных банков или фабрикантов-кредиторов, а советское государство, национализировавшее землю, теперь станет бесплатно предоставлять ее для нужд рабочих, возводя для них такие же красивые и комфортные поселения-сады, какие уже существуют на Западе и которые до революции строились в России лишь для зажиточных слоев населения (например, в виде дачных поселков); в-третьих, потому что подобные предпочтения распространяли архитекторы, которые предлагали соответствующие решения, обосновывая и доказывая необходимость проектирования поселков для рабочих именно по образцу городов-садов.

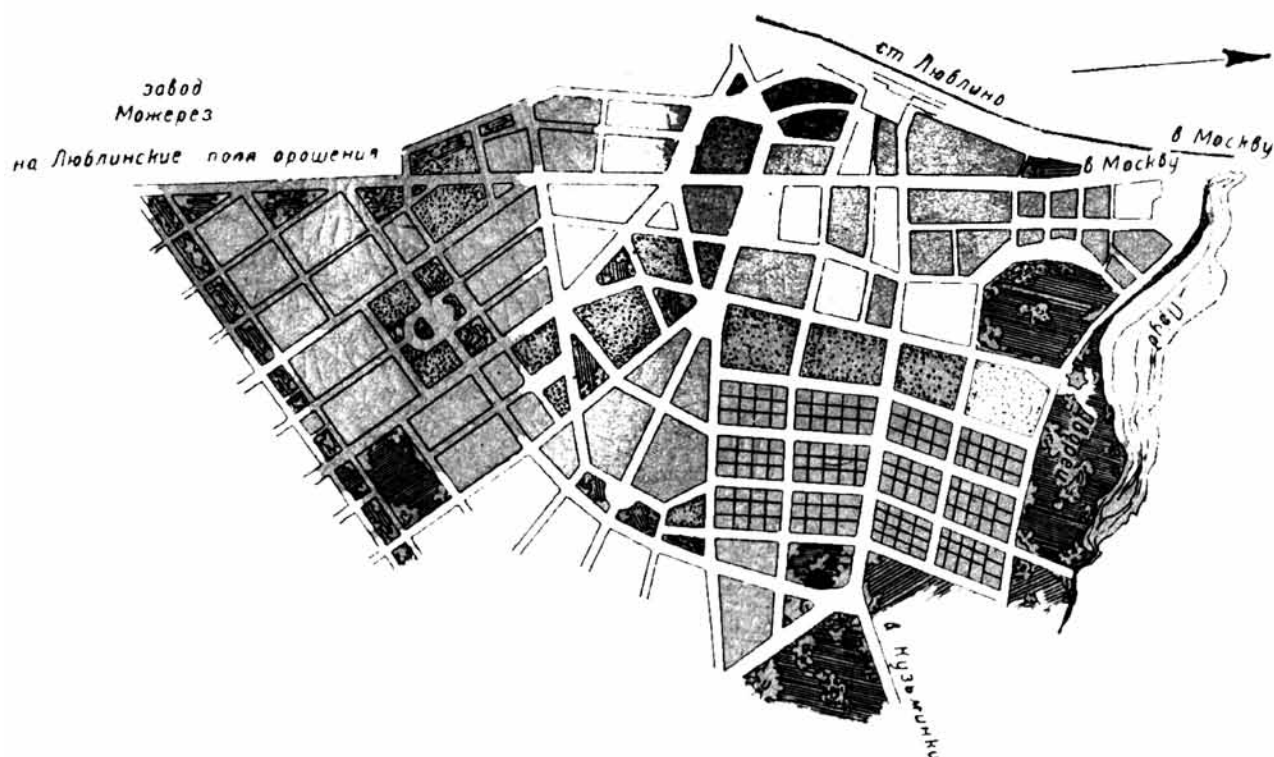
Причем архитекторам, ратовавшим за проектирование поселений-садов, приходилось подчас

вступать в острую полемику с будущим потребителем — «революционно настроенными» рабочими, возражавшими против поселений подобного типа. Так, например, рабочие Саратовского завода сельскохозяйственных машин и орудий, для которых разрабатывался проект поселка «Звезда», под влиянием революционных идей отказывались от индивидуального жилища, выступали категорически против личных огородов и частного домашнего животноводства, а В.Н. Семенов, в развернутом отзыве на проект поселка, критиковал их за эти убеждения, поясняя, что усадебная застройка является типичной для поселка-сада и совершенно нормальной для поселений подобного рода⁹⁵.

Планировочные идеи города-сада проявлялись во многих проектах рабочих поселков середины 1920-х гг. Например, в эскизном проекте планировки г. Люблино; в проекте планировки станционного поселка для рабочих и служащих железнодорожной станции, мастерских и депо в Кашире⁹⁶; в проекте поселка рабочих текстильной фабрики на ст. Яхромы Савеловской железной дороги в 6 км от г. Дмитрова и др. В последних особенно выразительно воплощена живописная система трассировки улиц с учетом особенностей ландшафта — сильно выраженного рельефа, пересеченного глубокими оврагами.

Вообще, советская жилищная кооперация, возникшая в первые послереволюционные годы и особенно активизировавшая свою деятельность в период НЭПа и НЖП (новой жилищной политики⁹⁷), являлась в первой половине 1920-х гг. одной из наиболее мощных движущих сил в проектировании поселений-садов. Руководящие органы жилищных кооперативных товариществ ориентировались на возведение поселений именно по образцу городов-садов, потому что такая концепция подходила им прежде всего тем, что обосновывалась на добровольном объединении желавших обрести собственное жилье. В советских условиях это позволяло привлекать будущих жильцов к самостоятельному возведению домостроений, сводя к минимуму необходимость найма профессиональных строителей и тем самым, экономя значительные суммы денег.

Идея города-сада, в рамках советского кооперативного движения, была скорректирована по численности населения с 32 тыс. человек как в говардовском городе-саде, до 0,7–1,5 тыс. челеловек (больше не набиралось). Поселение-сад жилищной кооперации, в полном соответствии с говардовской идеей, представляло собой обособленное населенное место с индивидуальным жилищем усадебного типа с придомовыми участками. В отличие от говардовского

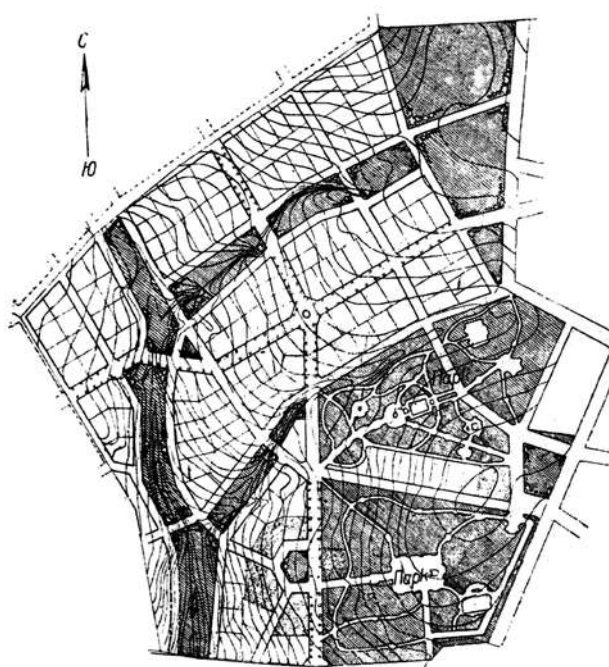
Люблино. Эскизный проект планировки. 1927

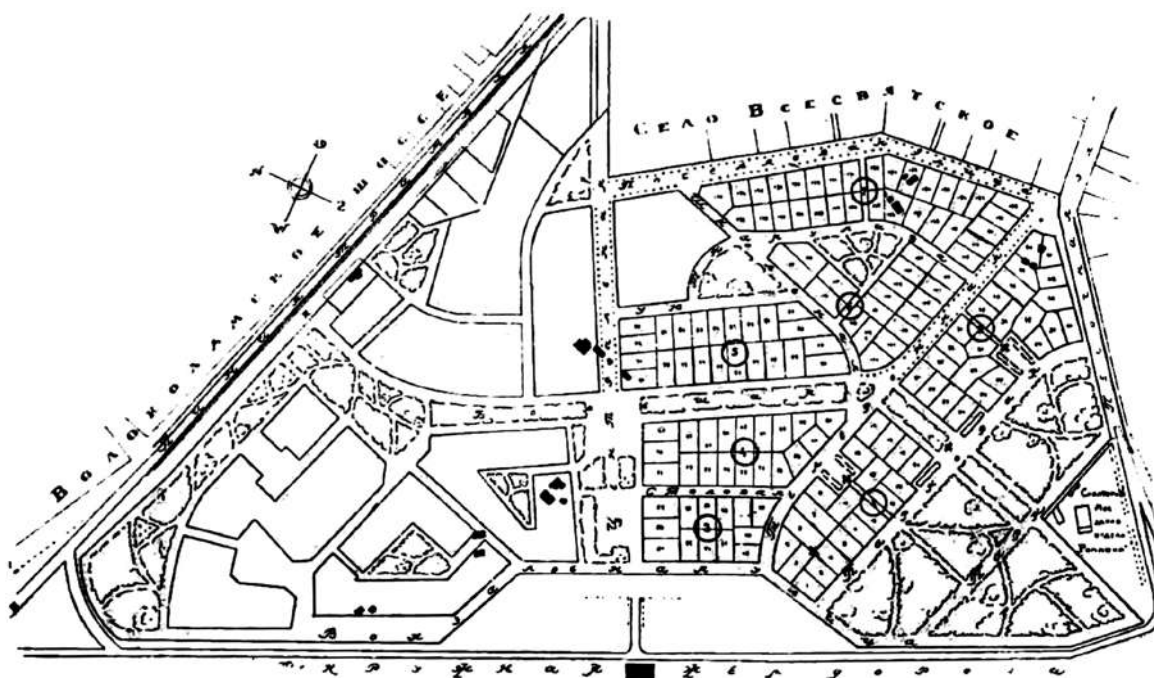
Станционный поселок (г. Кашира). Эскизный проект планировки. 1927

прототипа приусадебные участки были изначально предназначены для разбивки сада и огорода и даже для ведения домашнего хозяйства, что в условиях острого продуктового дефицита оказывалось очень актуальным для всех без исключения категорий населения. Советские поселения-сады жилищной

Эскизный проект планировки района с. Андреевское при Яхромском поселке. 1927

кооперации также предусматривали создание обобщественных форм обслуживания (и самообслуживания): общественных столовых, коллективных прачечных, общественных библиотек, общего спортивного инвентаря и иных проявлений коллективных форм обеспечения повседневной жизни.

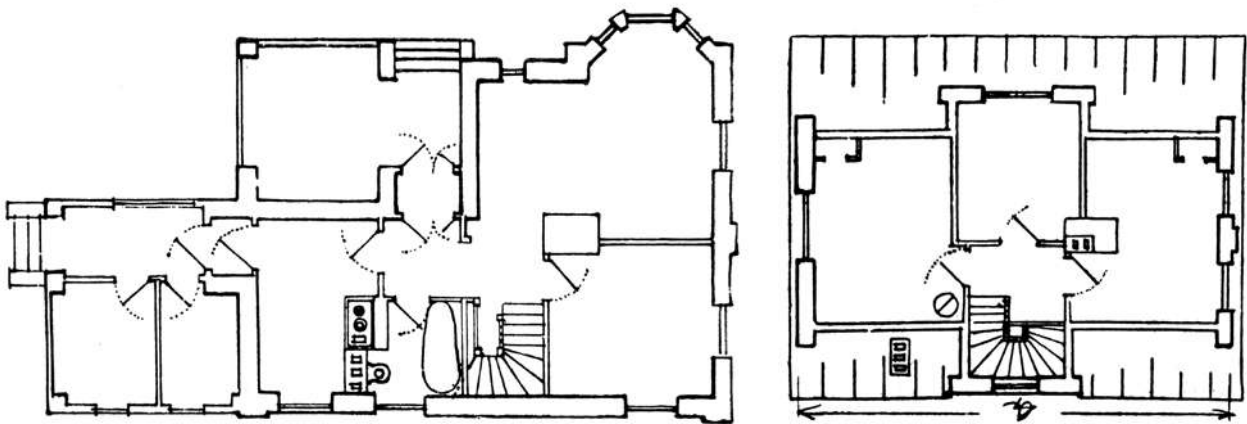
Поселок Сокол. Генплан. Первая очередь застройки

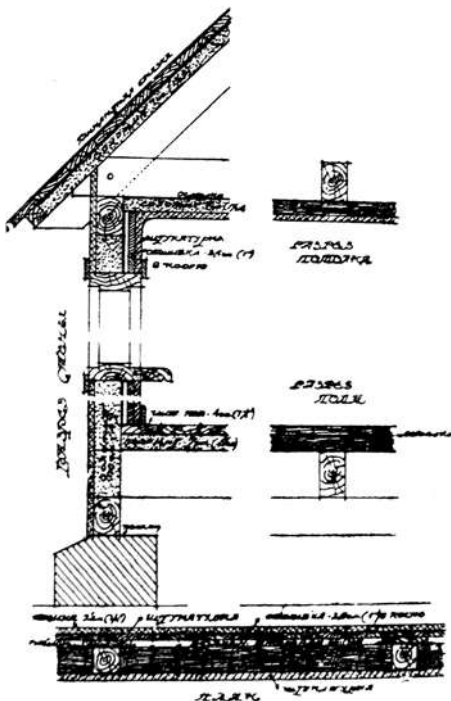
Поселок Сокол. Фото с натуры. Середина 1920-х гг.

Поселения-сады являлись наиболее популярным планировочным концептом среди жилищно-строительных кооперативных товариществ (ЖСКТ). В соответствии с ним проектировался поселок кооперативного жилищно-строительного товарищества «Дружба», созданный в 1917 г. рабочими фабрики «Богатырь» и сотрудниками Центросоюза⁹⁸. В начале 1923 г. архитекторами Б.М. Великовским и П.М. Нахманом был разработан генплан поселка Сокол⁹⁹, предусматривавший разбивку 250 индивидуальных участков в среднем по 200 кв. саж¹⁰⁰.

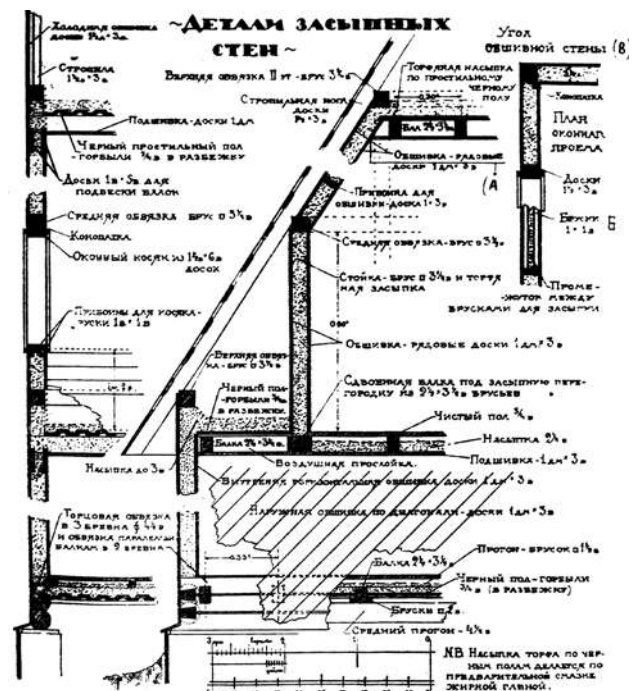
19 августа 1924 г. вышло в свет постановление ЦИК и СНК СССР «О жилищной кооперации»¹⁰¹,

Поселок Сокол. Жилой дом на Телефонной улице.
Планы первого этажа и мансарды. Арх.-худ. Н.В. Марковников. 1926

Конструкции каркасно-обшивного дома

Конструкции засыпного дома

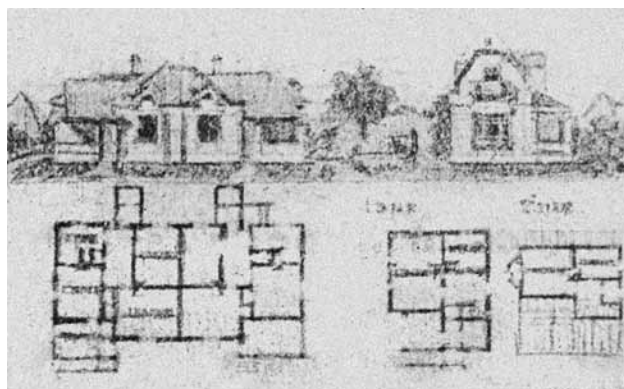

представлявшее собой очередную попытку власти ослабить жилищный кризис за счет финансовых средств и трудовых усилий самого населения¹⁰². Это постановление инициировало вспышку активности жилищных кооперативов по проектированию и строительству именно поселков-садов, потому что, разрешая возводить кооперативное жилище, власть не диктовала никаких конкретных требований, не предписывала никакой конкретной формы планировки поселения, не требовала возведения какого-либо определенного типа жилья. При этом дореволюционный российский опыт возведения кооперативных поселений имел фактически лишь один яркий и убедительный позитивный пример — поселения-сады.

В следующем — 1925 г., земельные органы, в условиях отсутствия каких бы то ни было регулятивных указаний свыше в отношении землеотводов, стали массово и достаточно бессистемно выделять жилищно-строительным кооперативным товариществам земельные участки под возведение поселений. Начиная с середины 1920-х гг. жилищная кооперация все более и более активно проектировала и строила поселения-сады: поселок Дружба¹⁰³; поселок Орехово-Зуевского рабочего жилищно-строительного кооперативного товарищества с двух квартирными (2 шт.), четырех квартирными термолитовыми (24 шт.) и деревянными домами (7 шт.)¹⁰⁴. В этот период был запланирован к строительству Серебряный Бор — поселок жилищно-строительного кооператива при Всероссийской ассоциации инженеров (ВАИ)¹⁰⁵. Начато строительство рабочего кооперативного поселка-сада Реутовской прядильной фабрики «Красный Реутовец», рассчитанного на 1000 домиков на 1–2 семьи¹⁰⁶ и т.д.

Поселки ЖСКТ возникали преимущественно как обособленные автономные жилые пригородные образования с индивидуальной малоэтажной жилой застройкой, практически без какой-либо связи с существовавшими городами и без всякого учета их влияния на общую планировку населенных мест в будущем — вплотную к городской черте, без расчета на возможное превращение их в крупные жилые массивы и т.п. Подобное положение было вполне закономерным, поскольку все эти вопросы попросту не интересовали правления ЖСКТ, так как, во-первых, лежали за пределами их компетенции (жилые кооперативы не «отвечали» за город в целом) во-вторых, не относились к их текущим задачам (руководство ЖСКТ было нацелено на обеспечение жилищем только своих членов), в-третьих, казались бессмысленными (ЖСКТ возводили поселение не для того, чтобы в будущем заменять жилье на какое-то иное, они строили жилые дома, чтобы обитать в них долгие годы, а затем передать их своим наследникам, поэтому вопросы будущей перепланировки поселения — учета возможных перспектив превращения малоэтажной застройки кооперативных поселков в многоэтажные крупные жилые массивы — их абсолютно не интересовали) и т.п.

А муниципальные органы, осуществлявшие землеотводы, были не в состоянии учитывать перспективы развития городов, так как в этот период не располагали ни разработанными перспективными планами (схемами) роста поселений, ни даже точными топографическими съемками существующей застройки. Количество «прирезанных» к городу, но планировочно независимых от него, обособленно существовавших поселений жилищной кооперации, проектировавшихся и возводившихся в те-

Рабочий поселок-сад «Красный Реутовец» жилищно-строительного кооператива Реутовской прядильной фабрики. Фасады и планы домостроений

Рабочий поселок-сад «Красный Реутовец» жилищно-строительного кооператива Реутовской прядильной фабрики. Генплан

ние 1920-х гг., оказалось довольно значительным. В течение 1926 г. в Московской губернии лишь одной проектной организацией — Секцией уездно-городской планировки МКХ, осуществлялся просмотр и корректура 15 проектов поселков жилищной операции. В 1927 г. на просмотр и корректуру был представлен уже 21 проект¹⁰⁷.

Социальные, организационно-управленческие, финансово-экономические основы возведения и планировки советских рабочих поселков

Жилищное кооперативное движение в Советской России с каждым годом набирало все большие объемы и темпы проектирования и строительства, но неожиданно встретило непонятное противодействие своим инициативам по строительству поселков-садов со стороны государственных органов. Это произошло в середине 1922 г., а поводом явилось учредительное заседание по возрождению в Советской России общества городов-садов. Заседание проходило 30 июня 1922 г. в Москве, на совершенно законных основаниях, причем под довольно высоким «государственным патронажем» — председателем заседания был заместитель народного комиссара здравоохранения т. Соловьев¹⁰⁸ и ничто не предвещало никаких проблем.

Организаторы общества много говорили о том, что «идея города-сада и движение в пользу устройства городов-садов являются одним из лучших наследий, которые оставило старое буржуазное общество и что революционный пролетариат, творящий новую коммунистическую культуру, должен реализовать великие идеи рационального градоустройства... в пользу устройства городов-садов»¹⁰⁹. Они подчеркивали соответствие идеи Э. Говарда социальным задачам советских городских реформ: а) отказу от частной собственности на землю; б) слиянию города с деревней («сельскохозяйственный пояс» в говардовской концепции); в) рациональной планировке поселений; г) созданию новых социалистических типов жилья (в их трактовке — «коттеджа для семьи рабочего»). Совпадение концепций городов-садов Э. Говарда и поселков-садов советской жилищной кооперации виделось участникам заседания в том, что и те, и другие возводились за счет финансов самого населения при поддержке государства, а также в том, что главной иницилирующей и движущей силой в появлении поселений-садов и в их последующем функционировании должна выступать «рабочая

инициатива»¹¹⁰. Возводимые поселки-сады для рабочих должны были представлять собой поселения совершенно нового типа, объединявшего самоорганизующихся рабочих и «мощь заботящегося о них государства»¹¹¹.

Однако помимо доводов в пользу городов-садов на заседании звучали и прямо противоположные суждения. Критические выступления противников города-сада были направлены прежде всего на его социальное содержание¹¹². Они утверждали, что идея Э. Говарда неразрывным образом связана с капитализмом. Противники идеи города-сада возражали против коттеджной застройки, резонно утверждая, что «в город-сад не способна проникнуть идея коммунизма, рабочий, попавший в такой рай, становится туговат на ухо к революционной пропаганде»¹¹³. С их точки зрения, индивидуальное жилище являлось не просто несовместимым, но принципиально враждебным советскому «коллективизму».

Отвечая им, сторонники поселений-садов и индивидуального жилища пытались доказать, что «не следует опасаться, что английские особняки с мелким индивидуальным хозяйством будут отрицательно влиять на психологию рабочих», потому что идеологически рабочие «... организуются на фабриках и заводах, где выковывается их революционное сознание. Дома, где они только живут и отдыхают, не оказывают на это никакого влияния...»¹¹⁴. Но подобные доводы вызывали лишь еще более жесткие возражения, потому что они резко противоречили социально-организационной установке советской власти на «коллективизм», практически реализуемой через создание трудодетских коллективов («от станка — до пиджака» / «вместе работают — вместе живут»).

Противники идеи города-сада отмечали фактически, лишь одну позитивную составляющую говардовской идеи — возможность создавать обособленные рабочие поселки, являвшиеся автономными, «самодостаточными» поселениями «индустриально-сельскохозяйственного характера», сочетавшими культурные достижения города с природными качествами деревенской жизни.

Критика жилищной кооперации за проектирование поселений-садов, основывавшаяся на заповедях марксизма-ленинизма, звучала как непосредственно на заседании по возрождению общества городов-садов (30 июня 1922 г.), так и позднее — на страницах печати, потому что Российское общество городов-садов, невзирая на возражения оппонентов, все же представило в начале 1923 г. свой устав на утверждение.

И выглядела эта критика весьма странно на фоне того, что наркоматы, муниципальные власти и два основных государственных органа, руководивших в СССР осуществлением градостроительной и жилищной политики — ГУКХ НКВД и ВСНХ, изучали зарубежный опыт, сами проектировали и строили поселки-сады. Так, например, ГУКХ НКВД — основной исполнитель государственной жилищной политики — целенаправленно вело работу по изучению зарубежного опыта проектирования и строительства городов-садов и поселков-садов и широко публиковало в 1921–1925 гг. в издаваемых им журналах статьи, посвященные данному вопросу. ВСНХ — главный застройщик селитбы подле возводимых и реконструируемых промышленных, энергетических, транспортных производств, активно проектировал и строил поселения по образцу городов-садов — для размещения контингента ведомственных рабочих. Наркоматы организовывали акционерные общества по возведению поселений-садов. Так, в 1922 г. в Москве по инициативе жилищно-санитарного подотдела Наркомздрава было создано акционерное общество по постройке «1-го рабочего поселка-сада в память Октябрьской революции», учредителями которого выступили несколько наркоматов и крупных ведомственных организаций: Наркомздрав, НКВД, МГСПС, Моссельпром, Москвотоль, Моссиликат, Цемтрест, ряд профсоюзов и других организаций¹¹⁵. Ведомство Мосуголь в 1919–1920 гг. силами своего архитектурного бюро осуществляло проектирование нескольких рабочих поселков-садов¹¹⁶ и т.п.

Государственные органы других республик, где была установлена советская власть, в период 1920–1921 гг. также вели практическую работу по созданию проектов городов-садов. Например, проекты рабочих поселков-садов для трудящихся Баку и других промысловых районов разрабатывала специально созданная для этих целей государственная комиссия при Азербайджанском комитете государственных сооружений (Азкомгосооре)¹¹⁷.

Муниципальные власти, в целях «разгрузки» существовавших городов и разрешения жилищной нужды в них, активно изучали передовой зарубежный опыт возведения городов-садов и даже отправляли с этой целью за границу делегации. Так, в конце 1924 г. Московский совет рабочих и крестьянских депутатов отправил делегацию в Англию и Германию для посещения «ряда рабочих поселков и городов-садов... для знакомства с жилищным строительством»¹¹⁸.

Особо резкая критика была направлена на стремление сторонников городов-садов реанимировать традиционную организационно-управленческую структуру — Российское общество городов-садов. Наиболее жесткие претензии вызывал вопрос об источниках финансирования общества, программа деятельности которого включала довольно широкий спектр задач: а) издание научной и популярной литературы; б) проведение конкурсов по составлению планов городов, поселков и жилищ; в) организация систематических курсов по вопросам градоустройства с целью подготовки практических работников в области планировки и оздоровления городов; г) открытие музеев и выставок по вопросам градо- и благоустройства и т.д.¹¹⁹ Противники говардовской идеи замечали: если общество рассчитывает на то, что получит право распределять правительственные субсидии, то это категорически недопустимо, так как распределение государственных средств, выделяемых из государственного бюджета на жилищное строительство, — это дело: а) главного государственного органа хозяйственного ведения и распоряжения жилищем в существующих городах — ГУКХ НКВД и б) главного органа, руководящего возведением новых населенных мест для промышленных рабочих — ВСНХ. И не следует дублировать их функции, которые как раз и заключаются в издании литературы, проведении конкурсов, организации подготовки кадров и т.п.¹²⁰ А если Российское общество городов-садов стремится подменить собой коммунальные отделы на местах (находящиеся в непосредственном подчинении ГУКХ НКВД) и выступить альтернативой им, выполняя их функции, то это тем более недопустимо, причем уже не столько с организационной, сколько с политической стороны¹²¹.

Заметим, что градостроительное содержание идеи поселков-садов, возводимых жилищной кооперацией, и тип проектируемого и возводимого в них жилья оказались изначально тесно связанными. Инициативы советской жилищной кооперации были обращены на возведение индивидуального жилища коттеджного типа, составлявшего основу социальных реформ, проводимых жилищной кооперацией в капиталистических городах-садах и в дореволюционных российских поселениях-садах. И вовсе не из-за желания последовательно и точно воплотить исходные постулаты говардовской идеи, а сугубо из экономических мотивов: строительство стандартных небольших домиков диктовалось «хозяйственно-материальными соображениями... так как скудость средств, находящихся в распоряжении

руководителей жилищной политики, не позволяла говорить о возведении дорогостоящих многоэтажных зданий, строящихся к тому же очень долго»¹²².

Таким образом, обращение к типу отдельностоящего жилого дома (коттеджа) было предопределено прежде всего особенностями послереволюционной экономической обстановки — отсутствием квалифицированных строительных кадров и техники для осуществления многоэтажного строительства, дефицитом стройматериалов, стремлением упростить конструктивную систему и тем самым удешевить и ускорить возведение жилья. Руководство жилищными кооперативами искало максимально экономичные проектировочные и строительные решения¹²³, стремилось к предельному сокращению сроков ввода объектов в эксплуатацию, к экономии строительных материалов¹²⁴ и т.п. В этот период, по инициативе советской жилищной кооперации, велись исследовательские работы по поиску простых и дешевых конструктивных решений¹²⁵, переводились и публиковались статьи, обобщавшие и популяризовавшие западный опыт возведения поселков-садов¹²⁶, вырабатывались планировочные приемы объединения в градостроительное целое отдельно стоящих индивидуальных жилых домов¹²⁷, разрабатывались проекты малоэтажных, малокубатурных зданий из доступных строительных материалов с применением упрощенных конструкций.

Истоки идеологических разногласий и беспокорства государственных органов осуществления градостроительной политики (ГУКХ НКВД, местных советов, коммунальных отделов исполкомов, управлений недвижимых имуществ и проч.) по поводу направленности усилий жилищной кооперации на возведение индивидуального жилища заключались в том, что официальная государственная жилищная политика была направлена на возведение жилища для коллективного обитания, а жилищная кооперация вкладывала средства в возведение идеологически «чуждого», «мелкобуржуазного» жилища — для индивидуального проживания (обособленного, рассчитанного на одну семью, способного функционировать вполне автономно).

Власть отдавала себе отчет в том, что стихийное возникновение таких кооперативных поселений представляет прямую опасность для централизованно осуществляемых ею управленческих воздействий в сфере градостроительства, основанных на единой «планировочной конструкции» (так в этот период назывался генплан. — М.М.) населенных мест, потому что в это время уже оформлялись первые концептуальные

представления о том, какими должны быть рабочие поселки «особого социалистического» типа:

— в административно-организационном аспекте социалистические рабочие поселки должны были основываться на принципах трудобывтовых коммун (совместного обитания производственных коллективов);

— в территориальном — на дифференциации поселения на две части: а) производственную, где локализовались промышленные объекты, и б) селитебную, где должны были проживать производственно-бытовые коллективы;

— в управленческом — в членении селитебной территории города на управляемые территориальные единицы;

— в градостроительном — на объединении коммунального жилища в единое планировочное целое в виде жилых комплексов-коммун или «кварталов-коммун» (так как данный тип расселения в несравненно большей степени, нежели индивидуальное жилище, соответствовал задачам повседневного контроля над людьми и административно-территориального руководства ими).

Поселения, возводимые жилищной кооперацией, даже отдаленно не походили на этот «идеал». А точнее, совершенно ему не соответствовали — жилые дома находились в частной собственности, их заселение одной семьей приводило к возникновению права личного владения и распоряжения жилищем, а также персонального пользования прилегающим к дому земельным участком. Индивидуальное жилище с прилегающим к нему клочком земли становилось основой независимости людей от воздействия на них государства через систему административного распределения продуктов и вещей, потому что позволяло им самостоятельно обеспечивать себя некоторым количеством пропитания за счет возделывания сада и огорода или разведения домашней скотины и птицы. Подобное положение дел мешало административным органам использовать жилище в качестве средства управления людьми — привязывать людей к месту труда за счет предоставления ведомственного жилища (и отнимания его в случае увольнения), поощрять предоставлением большего количества квадратных метров жилья за ударный труд, наказывать за тунеядство и ничегонеделание принудительным выселением, осуществлять догляд и контроль благодаря «прозрачности» переуплотненного коммунального быта, вторгаться внешним нормирующим воздействием в пространство, традиционно являвшееся сферой личной жизни, и т.д.¹²⁸.

Власть выступала против инициатив жилищной кооперации, поскольку они были направлены на строительство индивидуального жилища с персональными земельными участками и тем самым разрушали основу организационно-управленческой стратегии советской власти, базировавшейся на пространственном закреплении трудобытовых коллективов за счет формирования коммунального жилища покомнатно-посемейного заселения. Власть не могла допустить в рамках единой планировочной структуры населенного места никакой социально-культурной или территориально-управленческой автономизации отдельного человека или семьи, присущей кооперативным поселкам-садам с индивидуальным усадебным жилищем. Поэтому она противодействовала инициативам жилищной кооперации по строительству поселков-садов с индивидуальными жилыми домами. А когда подобные поселения все же появлялись¹²⁹, то прилагала усилия к тому, чтобы вернуть их в рамки государственной жилищной политики за счет принуждения жилищных товариществ к превращению возводимого ими жилища — изначально предназначенного для одной семьи — в коммунальное, в результате заселения в многоквартирный дом по две-три семьи¹³⁰.

Государство, в отличие от жилищной кооперации, возводило жилой фонд, который не переходил в собственность тех, кому разрешалось проживать в нем. Подобное домовладение не давало вселенному в него лицу никаких прав собственности на недвижимость и землю. Гражданин, обитавший в таком жилище, не имел права самовольно распоряжаться им (продать, обменять, надстроить и т.д.). Напротив, он и его семья в любой момент могли оказаться выселенными из жилища — в случае увольнения с работы или перехода на другую, в случае судебного преследования, осуждения и т.п.

Свою официальную градостроительную политику в отношении массового жилищного строительства власть основывала, прежде всего на многоквартирном типе дома, в котором формировала ведомственный жилой фонд, предназначенный для расселения прежде всего промышленных рабочих и членов их семей. Его распределение осуществлялось через администрацию предприятий и учреждений, через ведомственные жилищно-строительные кооперативные товарищества, создаваемые для этих целей при фабриках, заводах и советских учреждениях.

Следует отметить, что высшая законодательная власть официально не запрещала строительство поселков по образцу говардовских городов-садов.

Но избегала упоминать о них — в законодательных документах, издававшихся в рассматриваемый период, «города-сады» никогда терминологически не упоминались. В декретах и постановлениях речь шла исключительно о «рабочих поселках при промышленных предприятиях», о «пригородных рабочих поселках», об «автономных рабочих поселках», но никогда — о «поселках-садах». При этом в специальной литературе середины 1920-х гг., не охваченной тотально влиянием государственной идеологии и цензуры, этот термин использовался довольно широко.

Пространственно-планировочные особенности рабочих поселков

Советская градостроительная политика основывалась на той особой роли, которая приписывалась промышленному производству. Каждая новая фабрика, завод, электростанция, железнодорожный узел, речной порт, ремонтные мастерские — возводимые, реконструируемые или расширяющиеся — выступали поводом для расширения селитьбы или строительства новой, часто на пустом месте. Общегосударственное распределение финансов на возведение поселений для рабочих осуществлялось, прежде всего, по линии ведомств, которым планами развития народного хозяйства предписывалось возведение и эксплуатация промышленного (транспортного, энергетического, ресурсоперерабатывающего) предприятия.

В рамках советской градостроительной политики, именно промышленный объект выступал в роли «градообразующего» импульса. Его расчетная мощность предопределяла планирование объемов финансирования жилищно-гражданского строительства, развития культурной и общественной сфер¹³¹; его расположение на территории влияло на характер планировочной структуры, ориентируемой на него.

Если говардовские города-сады не предполагали наличия собственной градообразующей базы, так как создавались на основе иных финансово-экономических и социально-организационных механизмов и были лишены производственного ядра, несмотря на наличие некоторого количества объектов местной, обслуживающей промышленности (из-за чего и получили в советской специальной литературе негативное наименование «пригородовспален»), то советский рабочий поселок, в отличие от них, должен был обладать промышленным ядром в обязательном порядке — проектирование рабо-

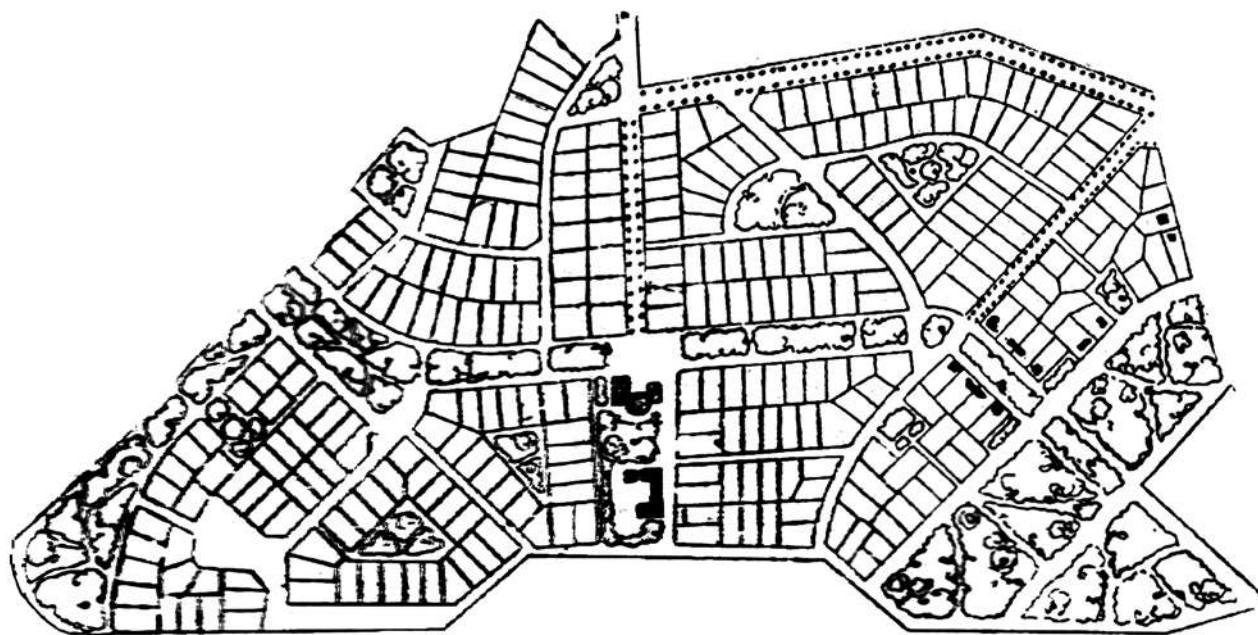
чих поселков, осуществляемое государственными структурами начиная с 1920-х гг. происходило лишь как сопутствующее возведению градообразующего промышленного объекта (мануфактуры, завода, паровозоремонтного депо, электростанции и т.п.).

В первых проектах советских рабочих поселков промышленный объект, как правило, располагался в центре поселения. Подобное явление, конечно же, не являлось жестким законодательным правилом, и в реальной практике проектирования и экспертизы архитекторы, в соответствии со своими представлениями, предлагали и иные варианты. Так, например, в отзыве на первый проект рабочего поселка «Звезда», от которого завод из-за санитарно-технических требований был отнесен на значительное расстояние, В.Н. Семенов предлагал вместо него, в центре поселка, разместить детский сад¹³².

Тесному «соприкосновению» производственного объекта с селитьбой способствовало то обстоятельство, что в нормативных предписаниях начала 1920-х гг. удаленность промышленного предприятия от жилых зданий метрически никак конкретно не задавалась. Указывалось лишь качественное требование — разрыв должен быть таким, чтобы «оградить жилые дома от вредного влияния». В итоге архитекторы сами принимали решения, как «предотвратить вредное влияние» и как сделать производственный объект центром планировочной композиции. Например, в проекте поселка-сада в Петрограде здание электростанции «Красный

Октябрь» предлагалось разместить прямо в общественно-культурном центре, чтобы оно выступало композиционным ядром планировочной структуры и на него была пространственно ориентирована вся жилая застройка¹³³. В тех случаях, когда в проектах советских рабочих поселков отсутствовало композиционное влияние на структуру поселения отдельно стоящего производственного объекта, они подвергались резкой критике. Так, например, экспертиза проекта поселка при Кожуховской электростанции, проведенная Отделением поселкового строительства Архитстроя, фиксировала в качестве одного из важнейших отрицательных замечаний: «...по отношению к зданию электрической станции расположение домов является случайным, не связанным с этим зданием»¹³⁴. То же и в проекте поселка Каширской электростанции¹³⁵.

В отдельных случаях, когда производство по причине своей вредности располагалось на значительном отдалении от селитьбы (как в рабочем поселке «Звезда»), главенствующую композиционную роль промышленного предприятия начинал играть «объект-заместитель» — производственно-управленческое здание (заводоуправление) или сооружение общественного назначения (народный дом, клуб, здание административно-партийных органов власти, дом для приезжих, в конце концов даже баня-прачечная и т.п.). Подобное замещение промышленного объекта обнаруживается уже в первых проектах рабочих поселков, выполненных в начале 1920-х гг.

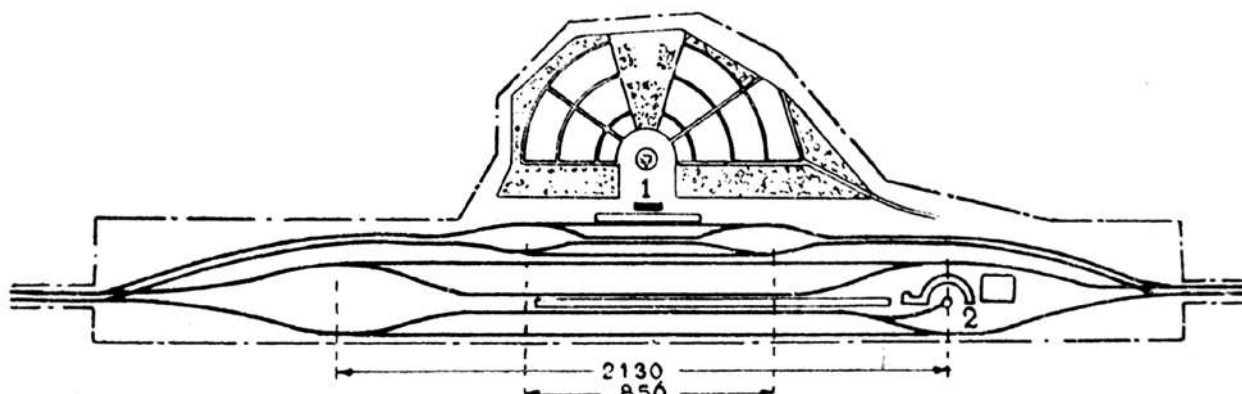

Поселок Сокол. Схема генплана

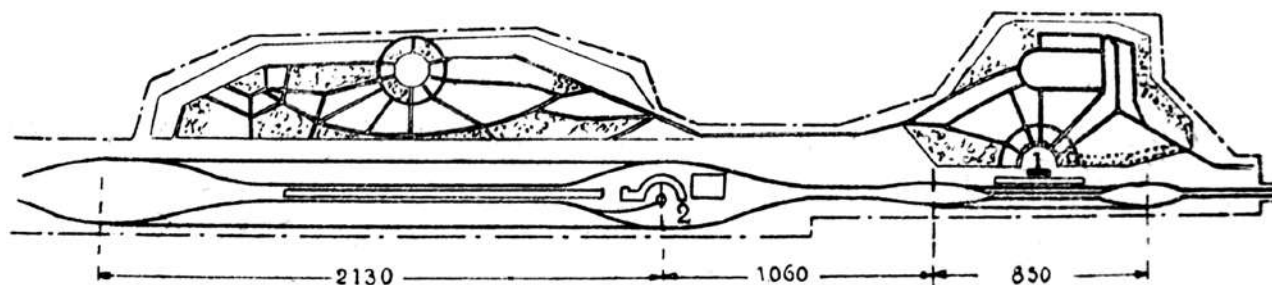

Постулат о ведущей композиционной роли градообразующего предприятия в планировке поселения и требование его размещения в общественном центре поселения были сформулированы не сразу, а складывались постепенно. Поэтому в некоторых проектах рабочих поселков, выполненных в самые первые послереволюционные годы, не только отсутствовал промышленный объект, но и отсутствовал сам общественный центр¹³⁶. Например, поселок Сокол имел децентрализованную планировку с несколькими центрами, связанными широкими озелененными аллеями¹³⁷. Фактически отсутствовали общественные центры в проектах рабочего поселка при Ярцевской мануфактуре¹³⁸ и в первом варианте рабочего поселка в Иваново-Вознесенске (здесь композиционным ядром планировочной структуры выступал парк). Эти решения подвергались резкой критике со стороны экспертизы. А проекты исправлялись в соответствии с замечаниями. Так, в последующих вариантах генплана Иваново-Вознесенска в нем был сформирован обширный общественный центр, включавший здания театра, клуба, библиотеки, магазинов, спортивного зала и двух школ.

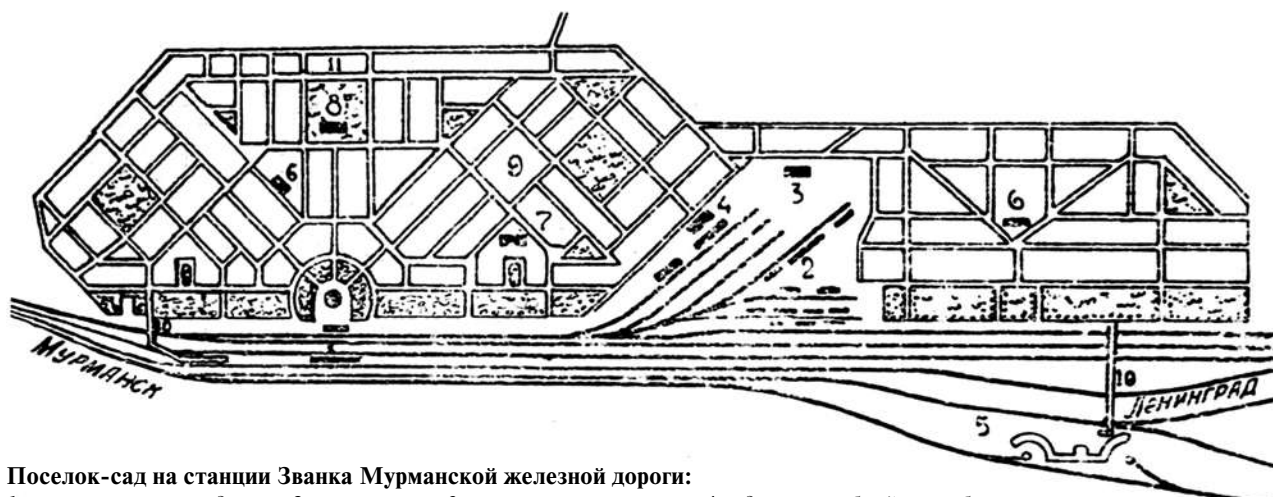
Следует заметить, что, особенно на первых порах формирования советской градостроительной политики планировочная структура железнодорожных поселков иногда включала два центра. Предпосылкой таких решений выступал дореволюционный опыт возведения подобных поселений, принципиальное влияние на планировочную структуру которых оказывало наличие нескольких станций — пассажирской и сортировочной (товарной). В частности, последовательное расположение сортировочной и пассажирской станций часто обуславливало разбивку единой селитебной территории на две части, а часто и на два автономных поселения: а) для станционных рабочих и б) для железнодорожных служащих. Эти поселения через некоторое время, как правило, сливались в одно, но наличие двух отдельных планировочных центров сохранялось. Примером такой двухцентровой композиции может служить рабочий поселок-сад на станции Дно Северо-Западных железных дорог, спроектированный А.А. Гречанниковым по эскизу В.А. Глазырина¹³⁹, строительство которого началось в 1920 г. Здесь роль главного центра принадлежала

Поселок-сад при параллельном расположении пассажирской и сортировочных станций.
Генеральный план. Схема. Инж. В.А. Глазырин

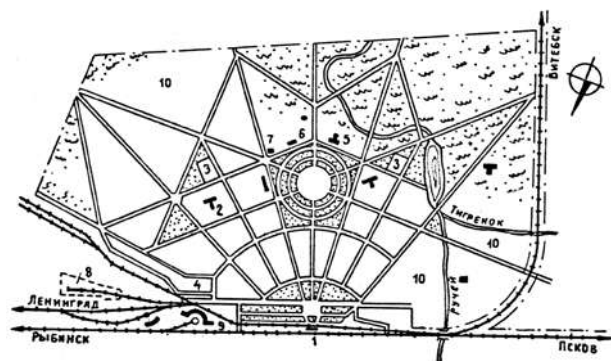

Поселок-сад при последовательном расположении пассажирской и сортировочных станций.
Генеральный план. Схема. Инж. В.А. Глазырин

Поселок-сад на станции Званка Мурманской железной дороги:

1 — пассажирское здание; 2 — пакгаузы; 3 — товарная контора; 4 — дом врачебной службы;
5 — тяговое хозяйство (депо и мастерские); 6 — школы; 7 — кооператив; 8 — Дом культуры; 9 — рынок;
10 — путепровод; 11 — спортивная площадка

Поселок-сад при станции Дно Северо-Западных ж/д.

Проект. Инж. А.А. Гречанников;
по эскизу В.А. Глазырина. 1919:

1 — пассажирское здание; 2 — школа;
3 — спортплощадки; 4 — рынок; 5 — клуб;
6 — исполком; 7 — почта; 8 — склад; 9 — депо;
10 — сельскохозяйственные угодья

привокзальной площади, формировавшейся пассажирским зданием, а центральная площадь поселка трактовалась авторами проекта как второстепенная (местная)¹⁴⁰.

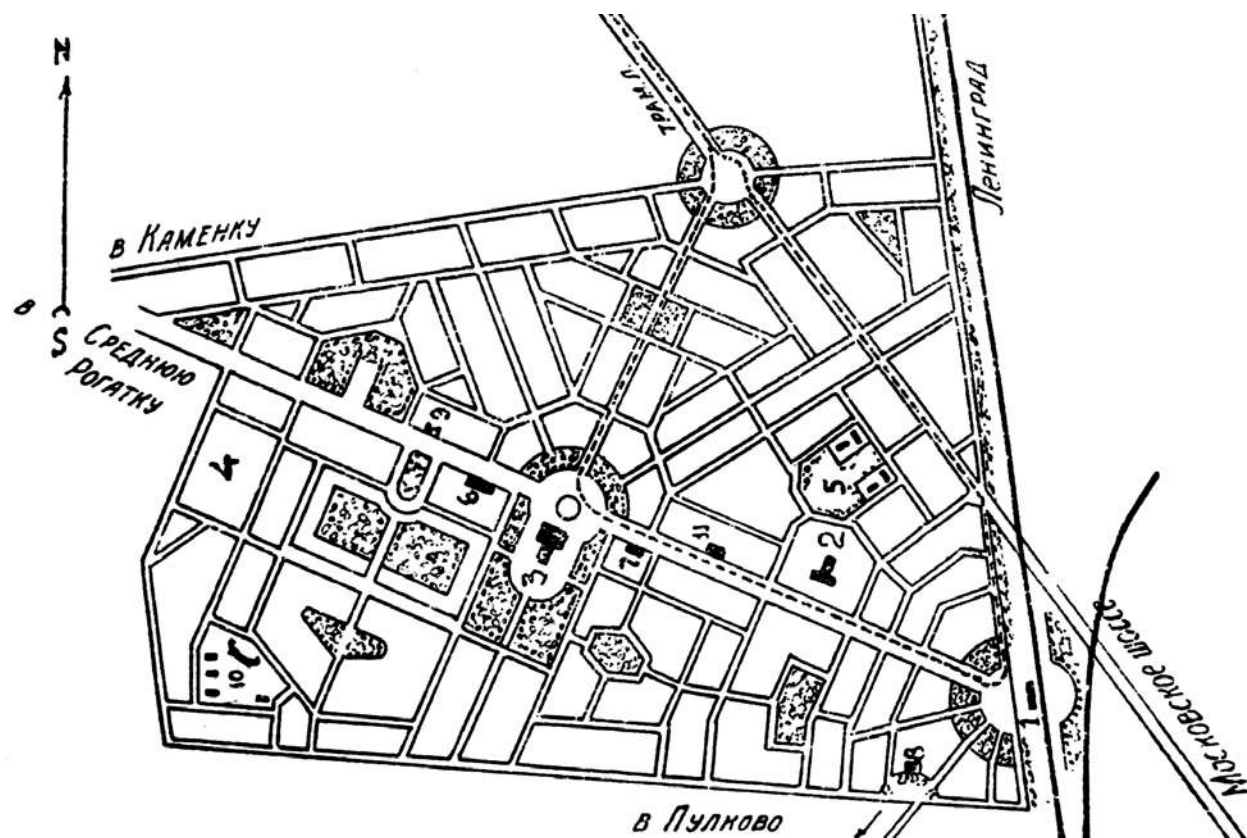
Поселения при железнодорожных станциях имели и трехцентровые решения. Причиной возникновения таких структур являлось наличие: а) пассажирской железнодорожной станции, выполнявшей роль особого — «въездного» центра; б) общепоселкового общественного центра; в) речного порта или автостанции на интенсивной шоссейной трассе, связывавшей поселение с близлежащим крупным городом. Все эти функциональные ядра формировали свои планировочные центры.

Примером трехцентрковой композиции является проект поселка-сада около платформы Средняя Детско-сельской линии Северо-Западных железных дорог¹⁴¹. В данном случае формирование трех центров было вызвано расположением поселения вблизи крупного города (Ленинграда), связанного с поселком не только железной дорогой, но и трамвайной линией, а также шоссе. Эти три пути переходили в поселковые улицы и инициировали образование трех площадей: а) около пассажирского здания железнодорожной станции; б) перед домом культуры; в) в точке ввода на территорию поселка трамвайной линии. Ярko выраженная трехцентровая композиция присутствует и в проекте поселка для рабочих Азнефти им. Ст. Разина (арх. А.П. Иванович, А.А. Веснин, В.А. Веснин и др.)¹⁴².

Примером более усложненной — четырехцентрковой композиции может служить генеральный план рабочего поселка-сада на станции Малая Вишера Октябрьской железной дороги, спроектированного в 1919—1920 гг. архитектором А.В. Самойловым.

Пятицентровая композиция реализована в проекте поселка около Н. Фарфоровского поста Октябрьской железной дороги. Здесь формирование трех основных центров предопределено наличием трех направлений людских потоков к местам работы подавляющей части жителей города: а) пассажирской станции; б) сортировочной станции; в) близлежащему большому городу (Ленинграду), с которым поселок был соединен трамвайной линией. Кроме основных были запроектированы еще два второстепенных центра: г) около дома культуры, расположенного в парке (в зоне протекания реки Волковки), и д) на пересечении «парковой»

Поселок-сад около платформы Средняя Деткосельской линии Северо-Западных железных дорог:

1 — пассажирское здание; 2 — школа; 3 — театр; 4 — спортивная площадка; 5 — рынок и кооперативы; 6 — здание для общественных собраний; 7 — библиотека; 8 — баня и прачечная; 9 — дом врачебной службы; 10 — больница; 11 — детский сад и ясли

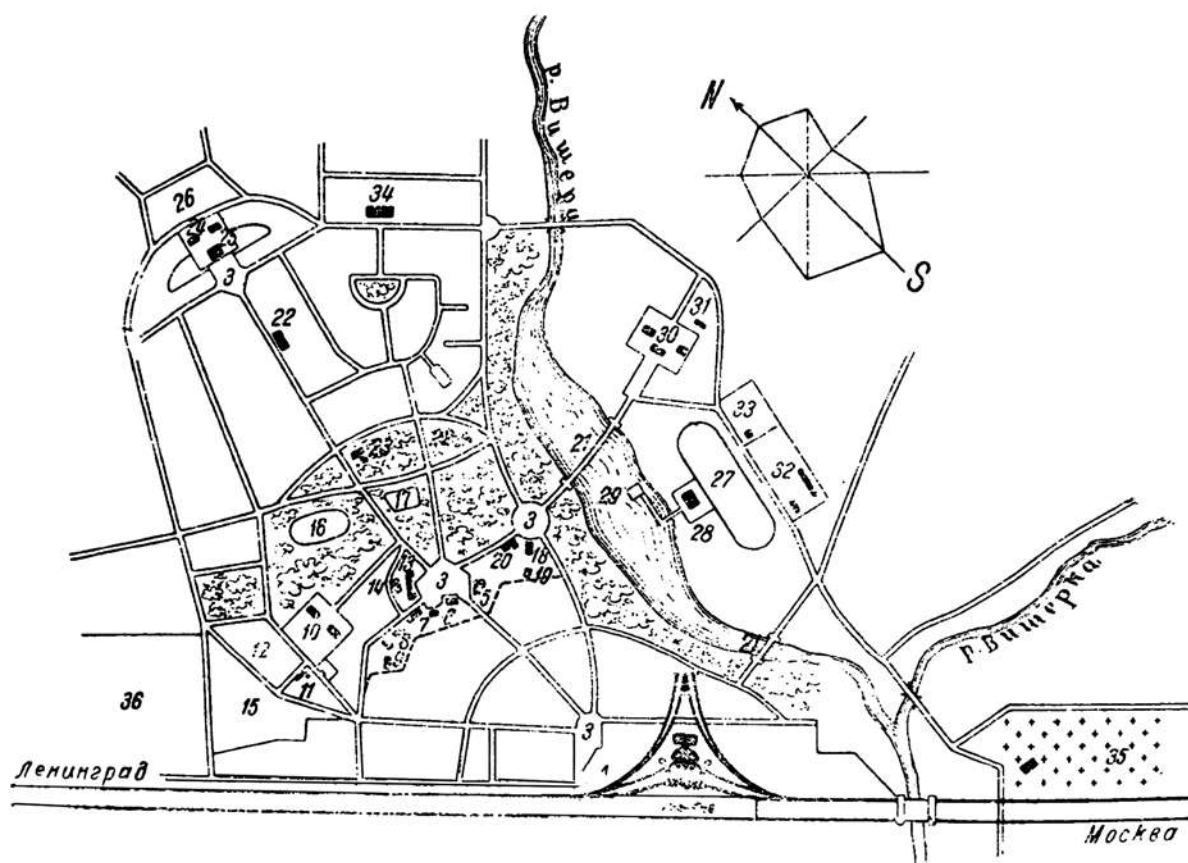
оси и поперечной с ней центральной улицы, по которой проходил трамвай, где устраивалась главная площадь, предназначенная для «общественных собраний в дни празднеств».

Впоследствии, когда концепция советского рабочего поселка будет заменена доктриной соцгорода, планировочная структура последнего в обязательном порядке станет предполагать наличие всего лишь одного главного общегородского общественного центра. А вот количество центров «второго уровня» (центров планировочных районов) будет варьироваться в зависимости от исходных условий. Например, если соцгород будет состоять из нескольких рабочих поселков, соответственно, в каждом из них будет сформирован свой собственный подцентр. Или если соцгород будет включать одновременно крупный речной (морской) пассажирский порт и крупный железнодорожный узел — при каждом из них будут формироваться локальные центры.

Следует подчеркнуть, что советский рабочий поселок возникал в особых социально-политических условиях, исключавших капиталистическое предпринимательство и частную коммерческую

инициативу. Это обстоятельство выдвигало целый ряд проектных задач, которые ранее полностью отсутствовали в архитектурно-планировочной деятельности. В частности, в дореволюционных российских проектах поселений-садов не предусматривалось размещение таких объектов как: а) магазины (вещевые, продуктовые и проч.); б) предприятия обслуживания (парикмахерские, салоны фотографии, мастерские по ремонту бытовой утвари, пошивочные и проч.); в) заведения питания (кафе, рестораны и проч.). Появление подобных учреждений являлось исключительно результатом частной инициативы и индивидуального предпринимательства. Задача их проектного создания даже не могла возникнуть в капиталистических условиях, поэтому не входила в традиционные границы градостроительного моделирования, расчета и проектно-планировочного воплощения¹⁴³.

Советский рабочий поселок, в отличие от города-сада, исключал частое предпринимательство в сфере удовлетворения нужд населения. Зато выдвигал задачи государственного (так называемого общественного) обслуживания, что требовало

Поселок-сад на станции Малая Вишера Октябрьской железной дороги. Арх. А.В. Самойлов. 1919:

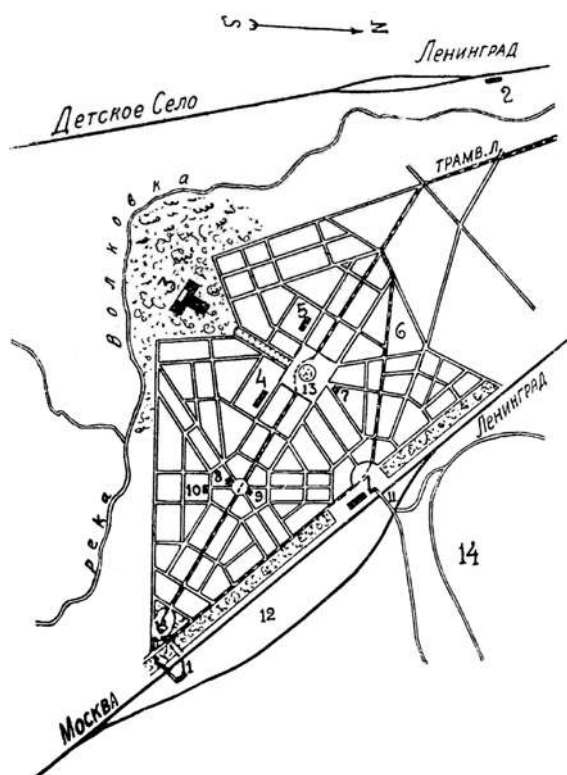
1 — пассажирское здание; 2 — депо и мастерские; 3 — площадь; 4 — павильон для приезжающих; 5 — гостиница; 6 — магистратура, аптека, почта; 7 — хлебопекарня; 8 — склады; 9 — ремонтные мастерские; 10 — школьный городок; 11 — интернат; 12 — квартал с домами педагогов; 13 — магазины; 14 — базарная площадь; 15 — служебный двор; 16 — футбольная площадка; 17 — детская площадка; 18 — народный дом; 19 — открытая эстрада; 20 — клуб; 21 — мостик; 22 — общежитие; 23 — ясли; 24 — водопроводная станция; 25 — водоемное здание; 26 — склад топлива; 27 — спортивное поле; 28 — речной клуб; 29 — купальня; 30 — больница; 31 — заразные бараки и служебный двор; 32 — ферма; 33 — контора; 34 — баня и прачечная; 35 — кладбище; 36 — стеклянный завод

предварительного расчетного определения как оптимального состава форм быта, так и нормативных объемов предлагаемых услуг¹⁴⁴. В качестве обязательной составляющей проекты рабочих поселков должны были включать сооружения коллективного обслуживания¹⁴⁵. В середине 1920-х гг. эта система уже предусматривала несколько пространственно-территориальных уровней (очень сходных со схемой трехступенчатого обслуживания, которая позднее станет общепринятой в советском градостроительстве).

Как следствие в советских рабочих поселках, в сравнении с городом-садом, функции жилых зон существенно расширились в результате включения в них объектов общественного обслуживания, а также за счет устройства при группах жилых домов общих досуговых, спортивных, детских площадок и внутриквартальных пространств коллектив-

ного пользования — хозяйственного и рекреационного назначения. Планировка советского рабочего поселка также предусматривала создание специальной зоны, в которой на озелененных участках располагались «учреждения для нужд всего поселка»: школа, детские заведения, больница, общепоселковое спортивное сооружение. В соцпоселках также создавалась сеть малых спортивных сооружений (спортплощадки при домах, школах и клубах). А на периферии поселка нормативами предусматривалось размещение зеленой зоны для эпизодического отдыха проживавшего в соцпоселке населения.

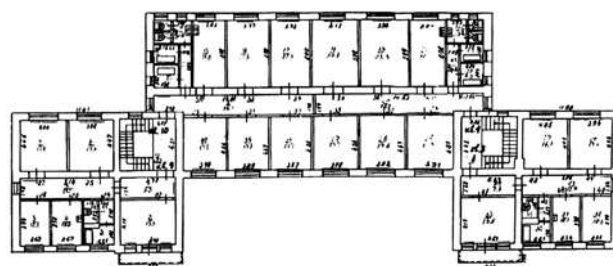
В полном соответствии с вышеуказанными принципами проектировались и строились новые рабочие поселки при небольших промышленных предприятиях и районных электростанциях в период, предшествовавший массовому старту программы индустриализации (1926–1928). Показательным

Поселок-сад около Н. Фарфоровского поста Октябрьской железной дороги:

1 — пассажирское здание у остановочного пункта «Н. Фарфоровский пост» Октябрьской железной дороги; 2 — остановочный пункт у платформы «Воздухоплавательный парк» Детскосельской линии Северо-Западных железных дорог; 3 — Дом культуры; 4 — школа; 5 — детский сад; 6 — рынок; 7 — театр и библиотека; 8 — дом врачебной службы; 9 — ясли; 10 — баня и прачечная; 11 — пешеходный мостик; 12 — сортировочная станция; 13 — центральная площадь; 14 — заводская территория

примером может служить рабочее поселение при Челябинской государственной районной электростанции (ЧГРЭС)¹⁴⁶, игравшей роль градообразующего предприятия. Жилые дома государственного жилого фонда двух типов: а) общежития; б) 2–3-этажные секционные были «строчно» расположены в планировочных квадратах¹⁴⁷. Заселение в них рабочих и служащих — членов трудовых коллективов градообразующего предприятия и обслуживающих учреждений осуществлялось коммунально (в секционных домах — покомнатно-посемейно)¹⁴⁸. Между параллельными группами домов были «размещены просторные озелененные дворы с различными досуговыми площадками»¹⁴⁹ для коллективного отдыха взрослых и детей. В полном соответствии с постулатами градостроительной политики по проектированию рабочих поселков здесь была сформирована система общественно-бытового обслуживания¹⁵⁰.

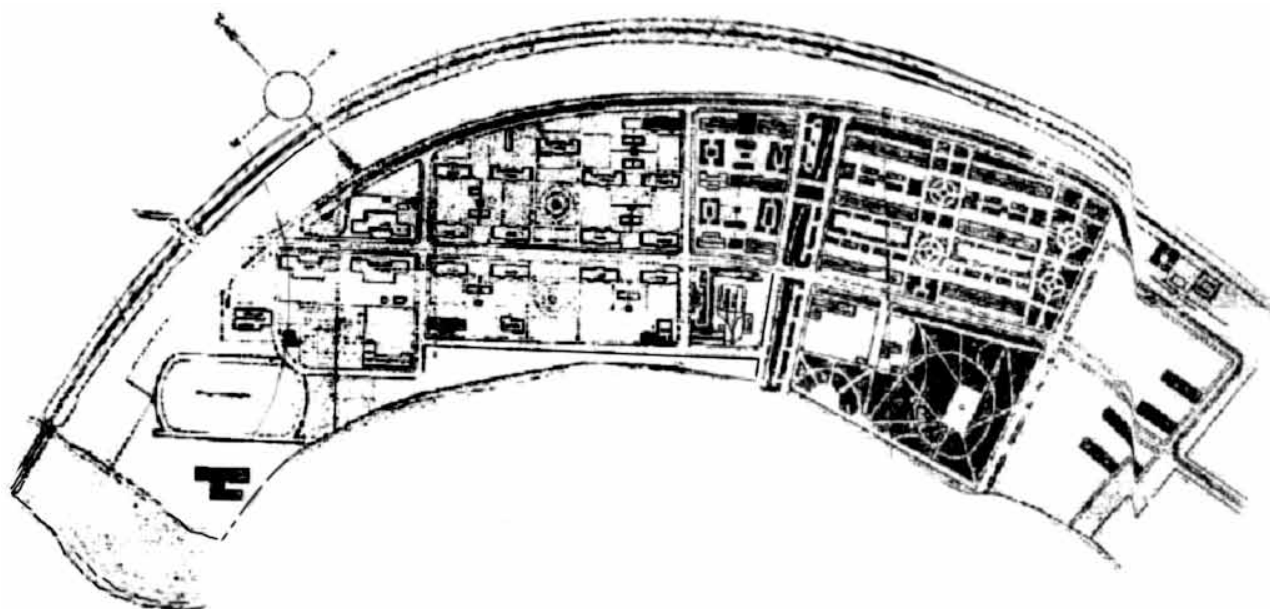
Рабочий поселок ЧГРЭС. Секционные дома покомнатно-посемейного заселения.

Общий вид. План. Начало 1930-х гг.

А также выделена отдельная зона, в которой на озелененных участках размещались: школы I и II ступеней, амбулатория-больница и энерготехникум. Детские учреждения (ясли и сад) располагались в «детской зоне» — на берегу р. Миасс, рядом с вынесенными сюда же клубом и стадионом. Заметим, что в поселке ЧГРЭС, в противоречии с указанными выше принципами, компактный общественный центр отсутствовал — социально-бытовые учреждения были рассредоточены по всей территории.

В полном соответствии с изложенными принципами проектировались и строились, в виде обособленных жилых районов, и рабочие поселки при уже существовавших городах. Они размещались на территориях, вынесенных за городскую черту везде, где это было возможно. Подобное решение было вынужденным — вызванным острейшим жилищным кризисом, который заставлял администрацию промышленных предприятий требовать от городских органов власти незамедлительных отводов земли под строительство жилищ для рабочих. В свою очередь городские власти переадресовывали это требование проектным организациям, предлагая им самим определять приемлемые места возведения новых жилых образований. А у последних для принятия взвешенных, грамотных решений не было ни средств, ни времени, ни исходной геоде-

Рабочий поселок ЧГРЭС. Генплан. 1927–1930

зической документации. У них не было не только каких-либо объемлющих планировочных материалов, но даже квалифицированных специалистов¹⁵¹. Поэтому проектировщики не в состоянии были осуществлять полномасштабную работу по составлению общей схемы планировки городов (как того требовало существовавшее законодательство и что действительно было необходимо для принятия грамотных решений). В результате при разработке планировочной документации архитекторам приходилось выбирать под новое строительство те территории, которые в силу их отрезанности от основного массива городской застройки могли проектироваться как самостоятельные районы, т.е. вне общей схемы планировки и развития города.

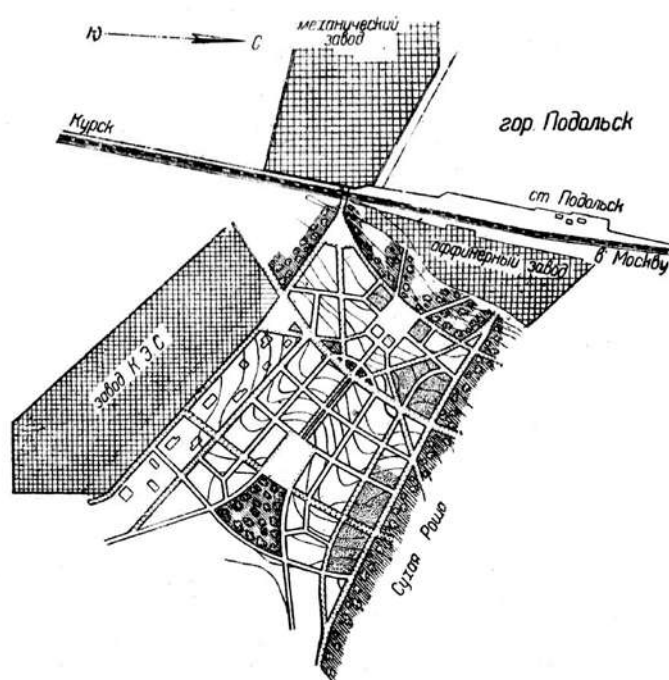
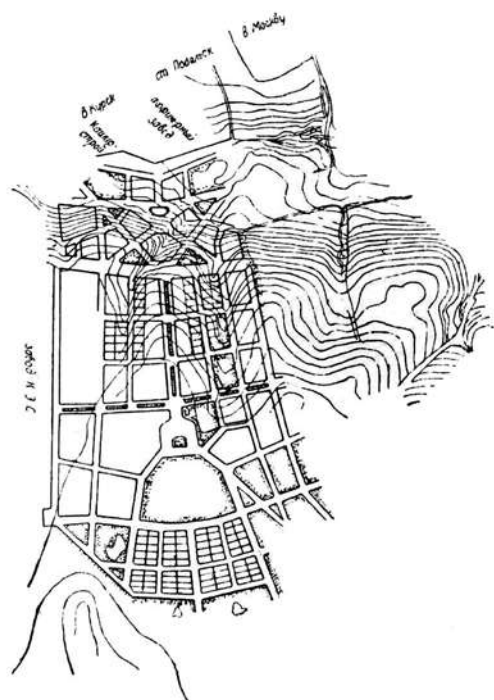
Примерами подобного рода рабочих поселков, спроектированных в период 1927–1928 гг., являются: поселение в урочище Сухая Роща в г. Подольске, поселок Крутое в г. Орехово-Зуево, Занарский район в г. Серпухов¹⁵² и др.

Следует заметить, что поскольку большинство этих новых рабочих поселений располагались за чертой города — в естественном природном окружении, постольку далеко не очевидной была необходимость наличия внутри их планировочной структуры массивов общественных озелененных пространств. Близость естественной природы и стремление сэкономить на протяженности инженерных сетей и обустройстве внутрипоселковых улиц за счет придания поселению максимальной компактности приводили к тому, что площадь ис-

кусственного озеленения сводилась к минимуму и предполагала лишь озеленение центральной площади (центрального бульвара).

К концу 1920-х гг. официальная градостроительная политика окончательно сместила приоритеты от кооперативной формы строительства поселений-садов с индивидуальным жилищем к ведомственно-государственной форме возведения поселений подле промышленных предприятий, сузив зону самостоятельности кооперативного движения и подчинив ее администрации промышленных предприятий и отделам коммунального хозяйства на местах. Причина — недопущение, в рамках единой системы расселения, никакой социально-культурной и территориально-управленческой автономии, присущей говардовским поселкам-садам и преемственным им поселкам советской жилищной кооперации.

Планировочные черты советских рабочих поселков, в сравнении с говардовским прототипом, претерпели значительные изменения. В частности, свободная планировка, основанная на художественно-живописных принципах, практически повсеместно оказалась вытесненной регулярной. К ее выбору приводила провозглашаемая руководством страны ориентация на максимальную экономию финансовых средств и материальных ресурсов, вынуждавшая проектировщиков принимать наиболее экономически выгодные решения. А поскольку регулярная планировочная схема (с укрупненным кварталом) позволяла сокращать общую протяженность проездов и инженерных сетей¹⁵³, что

Район Сухая Роща в г. Подольске. Схема и проект детальной планировки. 1927

в совокупности приводило к снижению расходов на благоустройство и инженерное оборудование территории и в целом к уменьшению затрат на строительство поселка, постольку именно она и использовалась в основе проектов. Кроме того, экономия денег диктовала сокращение числа скверов, объезды вокруг которых увеличивали протяженность улиц¹⁵⁴. Пример планировки такого рода — соцпоселок Правдинск (арх. П. Струков, 1926)¹⁵⁵.

Очень часто требования придания художественности (живописности) планировке поселка отсутствовали изначально, потому что заказчик перед проектировщиками таких задач не ставил и сами они себя подобными сверхзадачами не утруждали. В таких случаях планировка рабочих поселков осуществлялась по принципу простейшей геометрической решетчатой разбивки территории на застроечные участки.

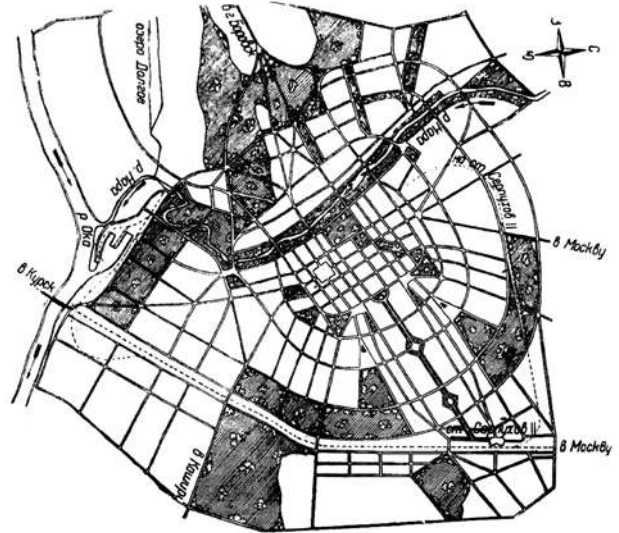
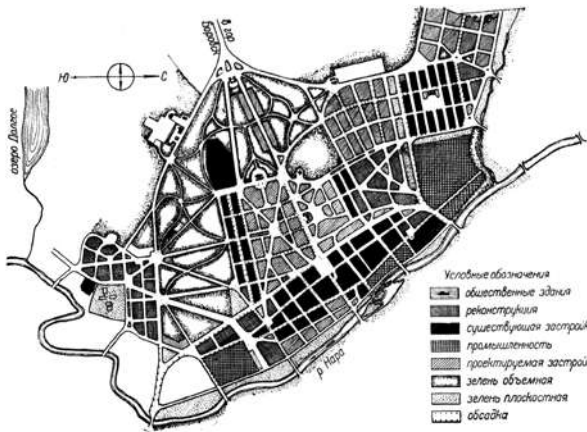
В сравнении живописной и регулярной планировок последняя давала очевидный эффект экономии денег и материалов. С этим вынужден был согласиться даже такой негибкий приверженец живописной планировочной структуры поселений, каким являлся архитектор Н.В. Марковников¹⁵⁶. Будучи убежденным сторонником индивидуального жилища и художественных принципов планировочной организации поселений-садов, он осуществил в качестве доказательства правильности своей позиции сравнение технико-экономи-

ческих показателей живописной планировочной структуры существовавшего поселка-сада Сокол с возможными вариантами планировки той же самой территории на основе регулярной сетки улиц. И невольно пришел к выводу об экономической эффективности регулярной структуры.

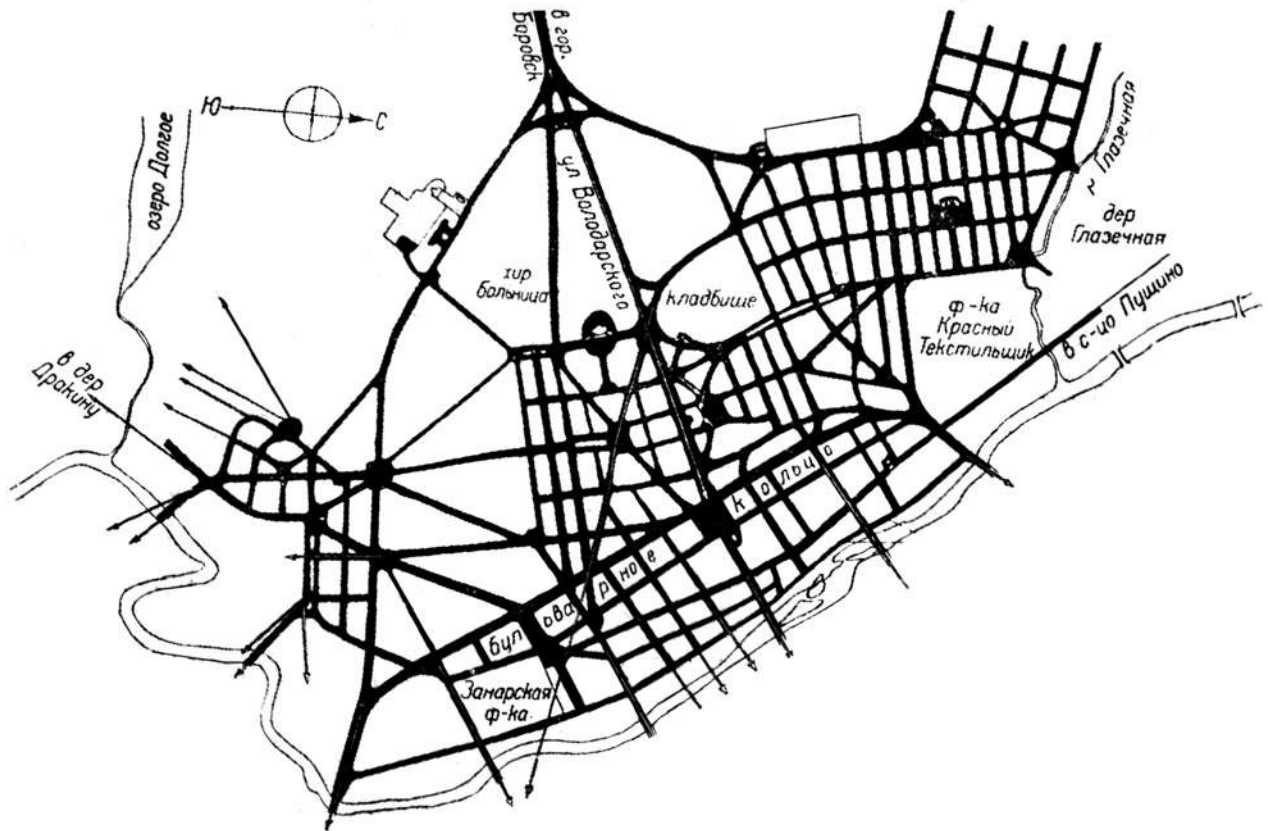
Рассматривая эти и другие варианты планировки и застройки территории поселка (например, целиком домами коммунального типа), Н.В. Марковников конкретными финансовыми расчетами невольно продемонстрировал себе и другим, что регулярная планировка оказывается экономически целесообразнее, нежели живописная. При этом, оставаясь последовательным и убежденным сторонником малоэтажной деревянной индивидуальной поселковой застройки, он доказывал экономическую неэффективность многоэтажного каменного строительства и рекомендовал осуществлять проектирование и строительство жилых домов из дерева, не выше двух этажей.

Веря в то, что главная причина, по которой государственная жилищная политика отвергает мелкое индивидуальное жилищное строительство, лежит в идеологической плоскости и основана на отрицании «буржуазно-мещанского индивидуального быта, присущего малоэтажному дому», Н.В. Марковников стремился «реабилитировать» деревянное одноэтажное индивидуальное домостроительство, доказывая, что «мелко-жилищное

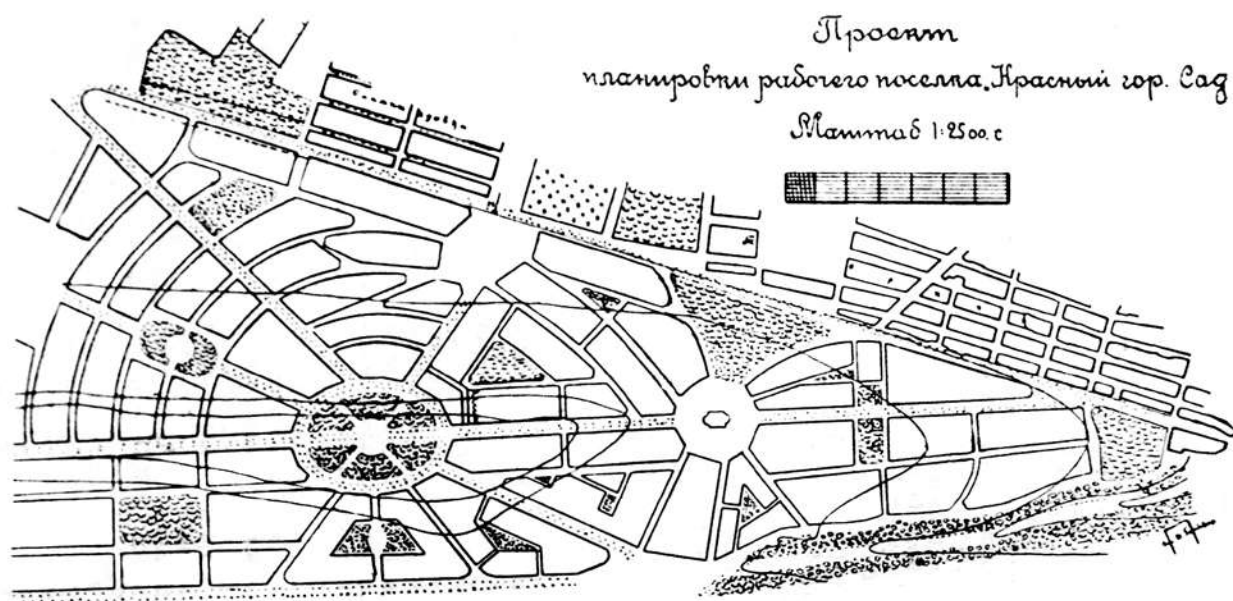
Серпухов. Схемы: а) Эскизный проект планировки части Занарского района; б) расположения главных проездов и зеленых насаждений г. Серпухова; в) схема проездов Занарского района

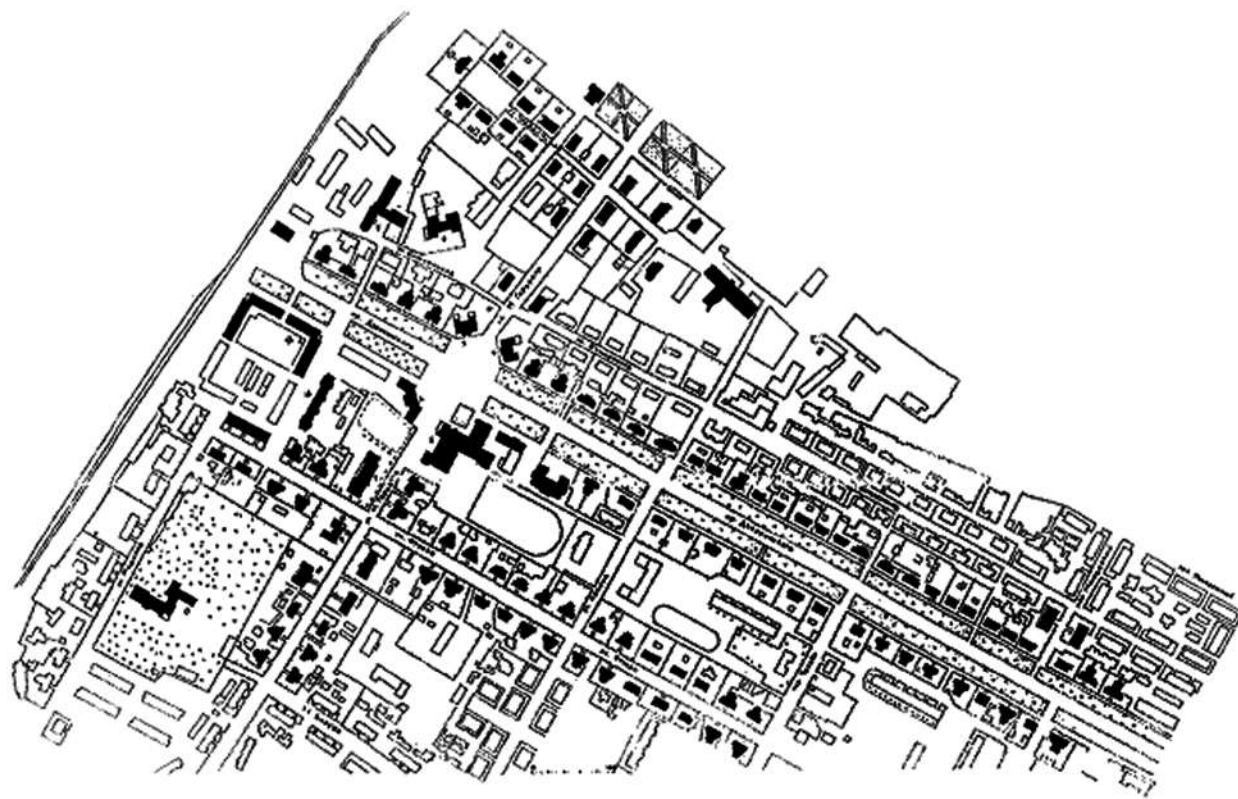
строительство вовсе не находится в том непротиворечии с коллективизмом, как это многие думают»¹⁵⁷. В качестве компромиссной меры он предлагал осуществлять «социализацию быта» — выносить традиционные бытовые функции «индивидуального домашнего хозяйства» (гостиная, кабинет, детские спальные и игровые комнаты, кухня, кладовые и проч.) за пределы жилого дома, а в случае крайней необходимости «подогревание

пищи» или регулярное «приготовление чая и кофе» осуществлять в ванной комнате, на установленном в ней «электрическом таганке»¹⁵⁸. Он полагал, что подобные компромиссные решения по применению индивидуальных домов в советском поселковом строительстве способны будут удовлетворить советскую власть.

Н.В. Марковников расчетами доказывал, что плотная блокировка подобных «социализирован-

Рабочий поселок «Красный город-сад» (г. Ростов-на-Дону). 1927

Соцпоселок Правдинск (г. Нижний Новгород). Генплан. Арх. П. Струков. 1926

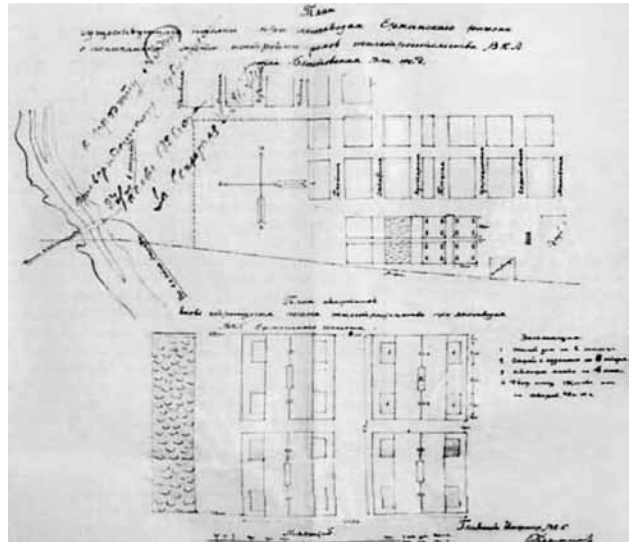
Рабочий поселок им. Рыкова завода «Красный Октябрь» (г. Сталинград). 1925

Рабочий поселок Город-сад им. В.И. Ленина в Канавине (г. Нижний Новгород). 1925

Рабочий поселок им. Минина (г. Сталинград).
Арх. И. Летюшов. 1925

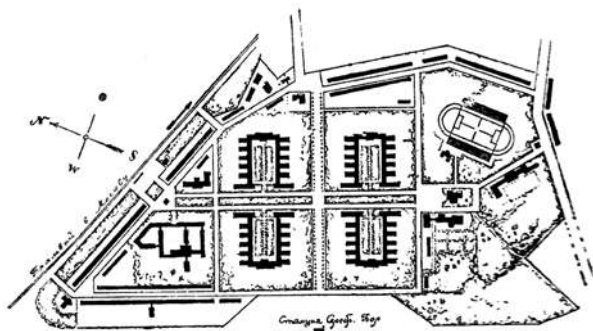
Рабочий поселок при лесозаводе на станции Бекетовская (г. Сталинград). 1925

ных» одноэтажных деревянных жилых ячеек, соединенных с помещениями коллективного пользования при помощи крытых переходов, дает наиболее экономичное поселковое строительство. По его утверждениям, строительство даже отдельностоящих (не блокированных) зданий данного типа все равно получается экономически более выгодным, нежели многоэтажное строительство¹⁵⁹.

Не осознавая, как и многие другие, смысла подлинных мотивов возведения властью многоквартирного многоэтажного жилья, Н.В. Марковников пытался обосновать преимущества планировки поселений с малоэтажной застройкой, оперируя одними лишь финансово-экономическими доводами.

Однако напомним, что власть направляла свои усилия на компактное расселение производствен-

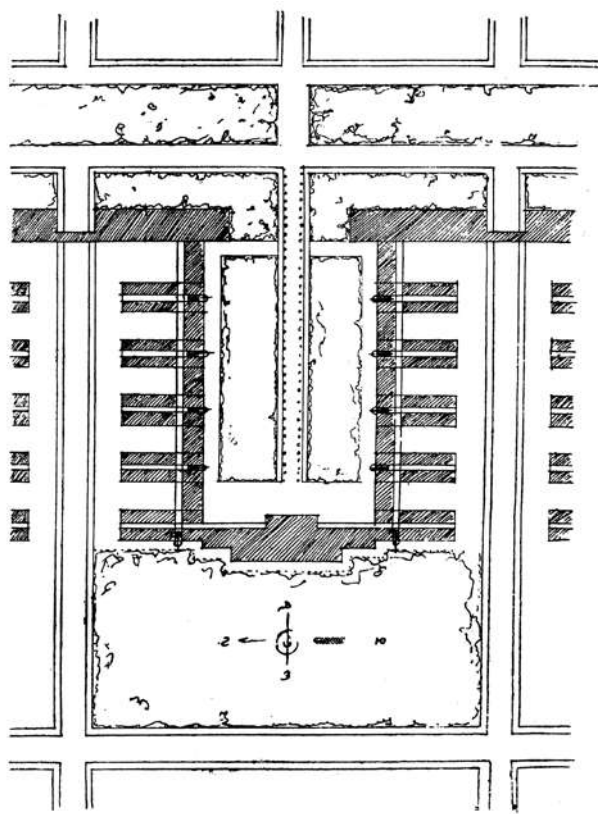
но-бытовых коллективов (подчас в ущерб экономической выгоде) и индивидуальное обособленное жилище посемейного заселения этой доктрине принципиально не соответствовало. Потому оно не могло стать основой государственной жилищной политики, несмотря ни на какие обоснования его дешевизны. Многоквартирное, многоэтажное жилище коммунального заселения, несмотря на его затратность, постепенно превращалось в ведущий тип массового жилищного строительства в СССР, поскольку для советской власти любые финансово-экономические аргументы являлись основанием принятия решений лишь тогда, когда они не противоречили идеологическим и концептуальным воззрениям. Во всех остальных случаях выгода неизменно приносилась в жертву идее.

Поселок Сокол. Альтернативная планировка территории (с прямоугольной сеткой улиц).

4-й вариант. Застройка домами коммунального типа.

Арх. Н.В. Марковников

Поселок Сокол. Альтернативная планировка территории.

4-й вариант. Двухэтажный дом-коммуна. Расположение на участке. Арх. Н.В. Марковников

Итак, государственная градостроительная политика середины — второй половины 1920-х гг., в рамках которой сформировалась и была реализована доктрина советского рабочего поселка, воплощала общеидеологические установки, организационно-управленческие принципы и административно-территориальные формы организации населения. Она была направлена на:

- вытеснение индивидуального жилищного строительства массовым многоквартирным многоэтажным жилым фондом, предназначенным для покомнатно-посемейного заселения членами трудовых коллективов;

- замену жилой застройки коттеджного типа домами-коммунами и кварталами-коммунами вблизи заводов-комбинатов, фабрик-совхозов (сельскохозяйственного профиля), транспортных узлов, электростанций и прочих производственных объектов, подле которых, согласно расселенческой доктрине, должны были жить люди, сначала строившие их, а затем остававшиеся на них работать¹⁶⁰;

- возведение незначительного количества индивидуального жилища в виде 1–2 этажных отдельностоящих или блокированных домов, исключительно в целях вознаграждения представителей рабочей олигархии и партийно-государственного аппарата;

- замену общественного самоуправления и автономных форм семейного быта (в гомардовском понимании), предполагавших свободный выбор образа жизни, на административно-территориальное руководство (в советском понимании, т.е. как принудительное объединение трудящихся в трудовые коллективы — социально-производственные единицы советского общества);

- структурирование (двухуровневое) селитбы на жилые единицы, объединяемые в кварталы в целях территориально-административной организации, призванной обеспечивать управление населением как в трудовом, так и в бытовом отношении;

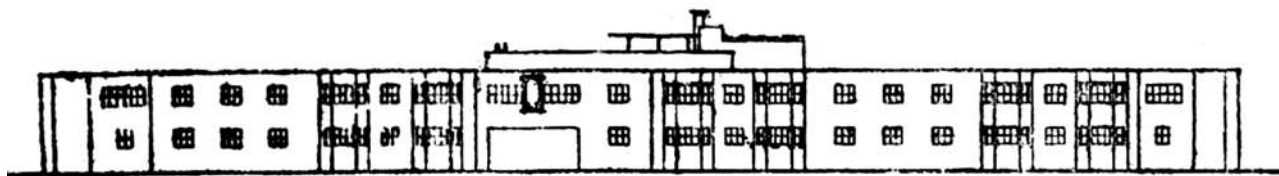
- фиксацию (планировочными и пространственно-композиционными средствами) основополагающей роли градообразующего промышленного предприятия (в отличие от поселений советской жилищной кооперации середины 1920-х гг., которые размещались вне существовавших городов, в природной среде и не предполагали наличия крупной промышленности).

Планировочно-пространственное воплощение этих установок и принципов выразилось в двухуровневом иерархическом членении территории проектировавшихся поселений на:

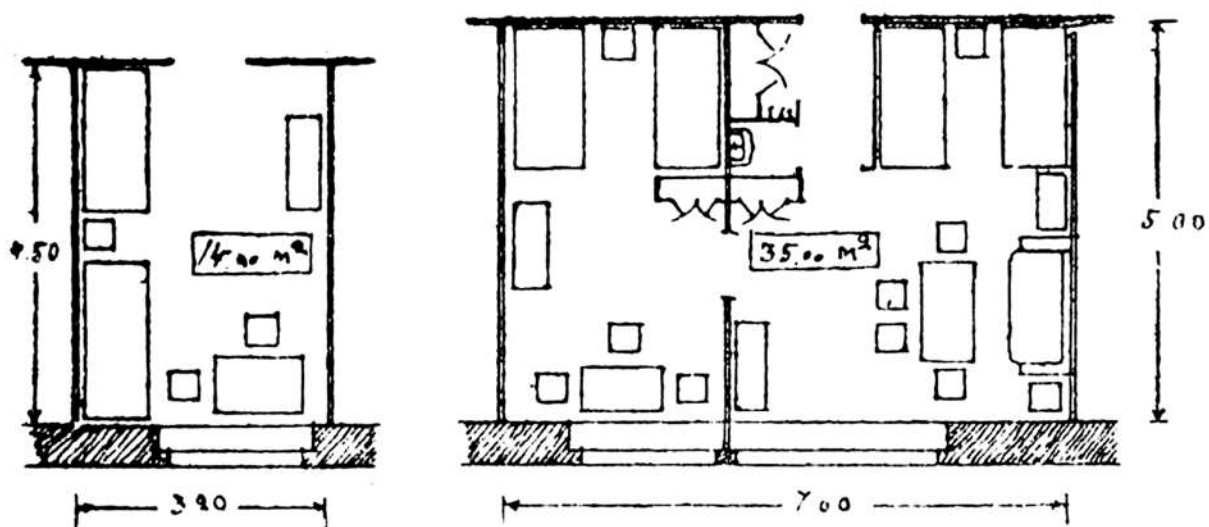
- «домостроения первично-коллективного хозяйственно-бытового типа» (т.е. казармы, общежития, дома-коммуны, секционные дома покомнатно-посемейного заселения и т.п.);

- «планировочные единицы» (квартал, объединяющий несколько домостроений и обеспечивающий баланс количества проживающего в них населения и «вместимости» расположенных в квартале объектов обслуживания)¹⁶¹.

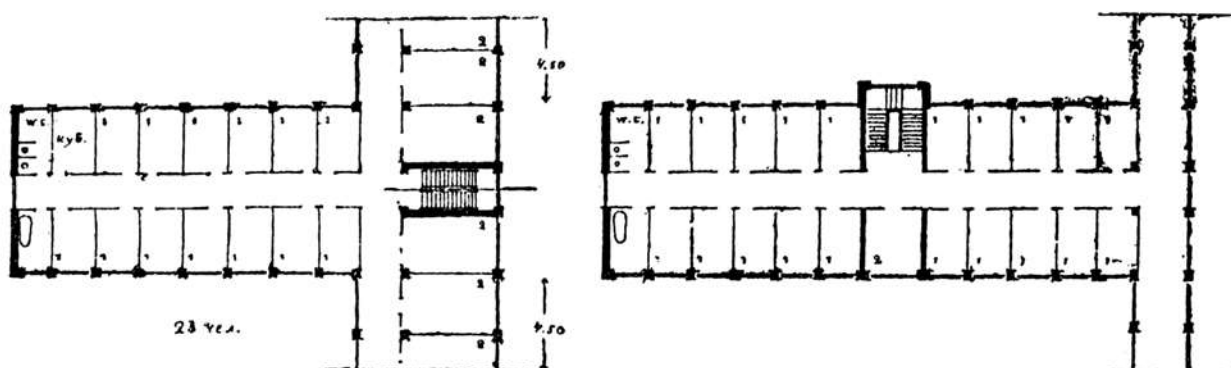

Поселок Сокол. Альтернативная планировка территории. 4-й вариант. Двухэтажный дом-коммуна.
Фасад. Арх. Н.В. Марковников

Поселок Сокол. Альтернативная планировка территории. 4-й вариант.
Планировка жилой ячейки дома-коммуны. Варианты

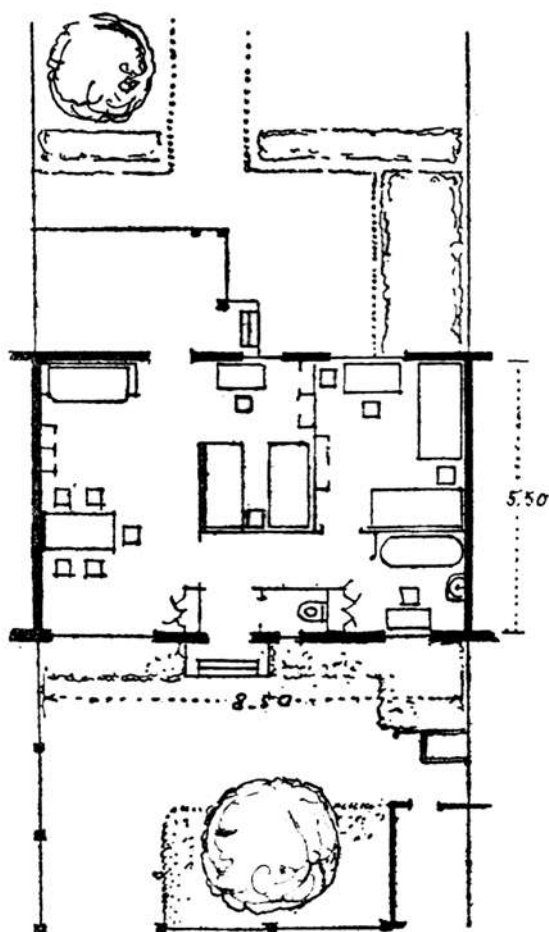
Поселок Сокол. Альтернативная планировка территории. 4-й вариант.
Дом-коммуна. Компонка жилых комнат (на 2 и 5 человек)

Элементы поселка	Вариант 1-й			Вариант 2-й			Вариант 3-й			По существующему плану		
	Кол-ч.	Стои-мость	Всего	Кол-ч.	Стои-мость	Всего	Кол-ч.	Стои-мость	Всего	Кол-ч.	Стои-мость	Всего
Жилые дома												
1. Блочного типа	832	6.244—00	5.829.680—00	1.688	6.255—00	10.525.200—00	900	6.255—00	5.638.500—00	300	800—00	2.400.000—00
2. Многоквартирные	168	6.385—00	1.069.320—00	—	—	—	—	—	—	—	—	—
3. Общежития и коммуналь- дом м ²	8.000	127—30	1.018.400—00	800	127—30	1.018.400—00	8.000	127—30	1.018.400—00	—	—	—
Всего квартир	1.260	—	7.917.390—00	1.840	—	11.543.600—00	1.060	—	6.651.900—00	300	—	2.400.000—00
Службы, заборы и дворы												
4. Службы	1.260	300—00	368.000—00	1.840	300—00	552.000—00	1.060	300—00	318.000—00	300	800—00	240.000—00
5. Заборы погоны м	32.600	2—00	64.600—00	11.200	2—00	224.000—00	41.360	2—00	82.620—00	300	500—00	150.000—00
6. Планировка и укрепл. дво- ров м	50.000	2—00	100.000—00	55.700	2—00	111.400—00	20.700	2—00	41.400—00	—	—	—
7. Дворовая канализац. двор	1.260	200—00	252.000—00	1.840	160—00	294.400—00	1.060	220—00	233.200—00	300	200—00	60.000—00
8. " водопровод	1.260	180—00	201.600—00	1.840	120—00	220.800—00	1.060	180—00	190.800—00	300	180—00	43.000—00
Всего	—	—	986.200—00	—	—	1.201.000—00	—	—	866.020—00	—	—	498.000—00
На одну квартиру	1.260	—	783—00	1.840	—	653—00	1.060	—	817—00	300	—	1.680—00
Устройство улиц												
9. Планировка М	83.270	—10	8.327—00	83.270	—10	8.327—00	83.060	—10	8.306—00	—	—	—
10. Замощение (посе) М	28.348	6—00	173.088—00	28.840	6—00	173.038—00	31.720	6—00	180.320—00	—	—	—
11. Трубопровод канализации	—	—	104.850—00	—	—	104.850—00	—	—	87.120—00	—	—	—
12. " водопровода	—	—	102.030—00	—	—	102.030—00	—	—	83.765—00	6.668	еще про- 120—00	тлжение 300.000—00
13. Троотары по типу садово- дорож. М	17.780	2—00	35.520—00	17.780	2—00	35.520—00	20.700	2—00	41.400—00	—	—	—
14. Освещение, проводка и фонари	—	—	32.600—00	—	—	32.600—00	—	—	3.800—00	—	—	—
Всего	—	—	456.215—00	—	—	456.215—00	—	—	415.711—00	—	—	—
Непредвиденные расходы 10%	—	—	45.621—00	—	—	45.621—00	—	—	41.571—00	—	—	—
Зеленые насаждения												
15. Бульвары и парки новые м	36.300	—30	10.890—00	36.300	—30	10.890—00	36.300	—30	10.390—00	45.000	—30	14.500—00
16. Посадка деревьев шт	200	2—50	500—00	200	2—50	500—00	200	2—50	500—00	300	2—50	650—00
17. Существующий парк М	72.000	—10	7.200—00	72.000	—10	7.200—00	72.000	—10	7.200—00	72.000	—10	7.200—00
Всего	—	—	520.428—00	—	—	520.428—00	—	—	475.872—00	—	—	822.350—00
На одну квартиру	1.260	—	413—00	1.840	—	284—00	1.060	—	449—00	300	—	2.741—00
Общий итог стоимости на од- ну квартиру	—	—	1.196—00	—	—	937—00	—	—	1.268—00	—	—	4.401—00
То же без служб и заборов	—	—	773 (12,3%)	—	—	564 (9%)	—	—	886 (14,1%)	—	—	3.101 (38,7%)
18. Стоимость центр. канал. и водопровод. устройств	1.260	250—00	315.000—00	1.840	250—00	460.000—00	1.060	250—00	265.000—00	300	—	90.000—00
Итого стоимость сооруже- ния всего поселка	—	—	9.740.000—00	—	—	13.720.000—00	—	—	8.500.000—00	—	—	3.800.000—00
Одной квартиры в 50 м жил. площ. с округл.	—	—	7.700—00	—	—	7.400—00	—	—	7.800—00	—	—	12.700—00
Стоимость квартиры в 4-х этажном казенном доме, учитывая благоустройство в 50 м, в число квартир в 2 раза больше	9.250	—	—	9.100	—	—	9.300	—	—	—	—	(9.900—00)

Таблица сопоставления стоимости вариантов планировки и застройки территории поселка Сокол в сравнении с осуществленным решением

Таким образом, во второй половине 1920-х гг. на смену говардовскому «городу-саду» окончательно пришел советский ведомственный рабочий поселок, а возведение обособленных поселений жилищной кооперации, автономных в социальном, организационно-управленческом и финансовом планах, полностью сошло «на нет»¹⁶². Советский ведомственный рабочий поселок, в соответствии с рекомендациями по его проектированию, подготовленными под руководством Цекомбанка представителями основных организаций-застройщиков и проектировщиков соцпоселений — ВСНХ СССР, НКПС, НКТ, Центрожилсоюза, Моссовета, Института сооружений, должен был представлять собой «самостоятельный жилищно-производственный комплекс»¹⁶³. Но это положение в большей степени оставалось рекомендацией, потому что проектировщики, обязанные следовать предписа-

ниям свыше, не могли не учитывать специфику реальных ситуаций. Например, при разработке схемы планировки г. Лосиноостровск (Московская обл.) проектировщики прежде всего, как это требовалось от них предписаниями, постарались выявить и усилить градообразующие факторы¹⁶⁴. Но тут же обнаружили, что данное поселение, выросшее из крупного дачного поселка, не имело вообще никакой промышленной базы — ни государственного значения, ни местного; за исключением мелких предприятий по обслуживанию бытовых потребностей, которые никоим образом не способны были выступить в роли «градообразующего предприятия». Более того, существующее поселение вряд ли имело шансы обрести крупную градообразующую промышленность и в будущем. Но в условиях острой жилищной нужды именно это поселение наряду с другими мелкими населенными пунктами,

Поселок Сокол. Альтернативная планировка территории.
Одноэтажная типовая ячейка стандартного жилого блока — квартира площадью 35 кв. м (для заселения по 5 человек). Арх. Н.В. Марковников

располагавшимися вблизи столицы по всем линиям Московского железнодорожного узла, стихийно превращалось в место постоянного проживания значительной массы людей, работавших в Москве.

Проектировщики столкнулись с реальной, причем весьма типичной для того времени, ситуацией: 1) требовалось возведение массивов новой жилой застройки вследствие самостоятельного неорганизованного притока населения, а ее нельзя было осуществлять без наличия генплана; 2) генплан невозможно было разработать без конкретного указания на наличие на территории поселения соответствующего количества мест приложения труда, а они отсутствовали; 3) градообразующего промышленного предприятия, способного предоставить места приложения труда, не было и никаких перспектив его появления в ближайшем будущем не просматривалось.

Компромисс, в конечном счете предложенный проектировщиками, заключался в следующем: кон-

цептуально сославшись на схему Большой Москвы, они трактовали проектируемое поселение не как обособленное, а как один из наиболее удаленных районов столицы, в которой — так было сформулировано в пояснительной записке — и размещались промышленные предприятия, являвшиеся «градообразующими» для станции Лосиноостровской¹⁶⁵. Подобное решение по формированию «самостоятельного жилищно-производственного комплекса», в котором «градообразующее предприятие» находится в Москве, а само поселение — на какой-либо отдаленной станции Московской железной дороги (как в данном случае — на станции Лосиноостровской), являлось довольно распространенным в рассматриваемый период приемом фиктивного выполнения нормативных положений градостроительной политики.

Кстати, следует отметить, что в проектах Секции уездно-городской планировки МКХ, как раз и занимавшейся в 1926 г. разработкой планировки г. Лосиноостровск, пожалуй, впервые в отечественной проектной практике было обосновано и зафиксировано положение о том, что показатель территориальной удаленности друг от друга различных точек планировочной единицы следует определять не по физической величине расстояния между ними, а по времени транспортной доступности¹⁶⁶. Именно поэтому ст. Лосиноостровская, территориально находившаяся на значительно большем расстоянии от Москвы, нежели некоторые другие поселения, была включена в границы столицы, так как передвижение по железной дороге обеспечивало быстроту транспортной доступности, которой не было у поселений, расположенных гораздо ближе к Москве, но лишенных удобных связей с ней при помощи общественного транспорта¹⁶⁷.

Требование обязательного наличия в советском рабочем поселке мест приложения труда для основной части населения в конце 1920-х гг. начинает учитывать особенности описанной выше реальной ситуации. Так, в отношении наличия «градообразующего» производственного объекта ведомственные рабочие поселки начинают дифференцироваться на три разновидности: а) «рабочий поселок при внегородском промышленном предприятии» (объединяющий на одной территории место приложения труда и селитьбу), а также два других вида социалистических рабочих поселений — пространственно оторванных от места работы для основной части населения; б) «рабочий городской квартал» (возникавший в условиях расширения и реконструкции существовавших городов); в) «рабочий пригород» (возводимый на окраинах существовавших городов)¹⁶⁸.

Жилые дома в поселке Сокол. Внешний вид.
Арх. Н.В. Марковников. 1925–1926

Жилые дома в поселке Сокол. Внешний вид.
Арх. Н.В. Марковников. 1925–1926

Жилые дома в поселке Сокол. Внешний вид.
Арх. Н.В. Марковников. 1925–1926

Жилой дом № 36 в поселке Сокол. Внешний вид.
Арх. Н.В. Марковников. 1926

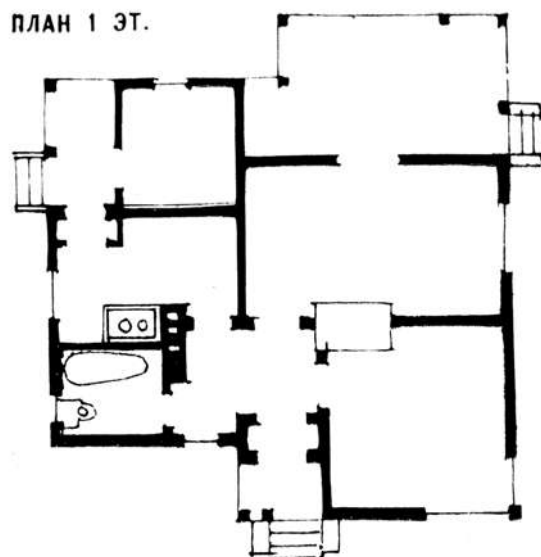
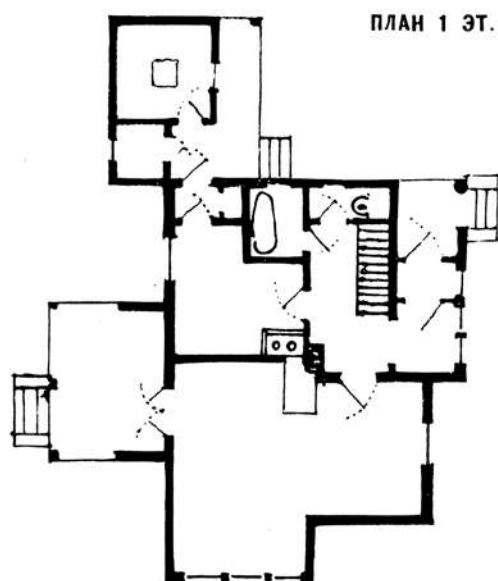

Жилой дом в поселке Сокол. Внешний вид.
Арх. Н.В. Марковников. 1926

Жилой дом в поселке Сокол. Внешний вид. План.
Арх. Н.В. Марковников. 1926

Жилые дома в поселке Сокол. Планы этажей. Арх. Н.В. Марковников. 1925–1926

Первая разновидность наиболее оптимальным образом обеспечивала социальную сегрегацию населения, выражавшуюся в том, что право жить в поселке имели лишь те, кто трудился на градообразующем предприятии, работал в системе общественного обслуживания или в системе поселкового управления. Обитать в нем и ничего не делать, кормясь с собственного приусадебного участка, торгуя, оказывая услуги или частным образом ремесленничая (как, например, в городе-саде или в дореволюционной деревне), было запрещено. Помимо жилого фонда еще одним средством, обеспечивавшим подобную фильтрацию населения, являлось распределение продуктов, вещей, а также медицинского, образовательного и прочего обслуживания — получать все это могли лишь те, кто являлся трудящимся (рабочим, служащим или членом их семьи) и как следствие имел право проживать в ведомственно рабочем поселке.

Два других вида поселений фактически — это те же соцпоселки, только лишенные градообразующего производственного объекта. Местом приложения труда для населения, обитающего в них, являлись предприятия, расположенные в промышленной зоне города. Условием возникновения таких «рабочих кварталов» и «рабочих пригородов» являлись: 1) «постоянство работы» основной части его населения на «большом фабричном, заводском или ином хозяйственном предприятии»; 2) преобладающее количество «рабочих» по отношению к

другим категориям населения; 3) преобладающая численность (или ее прогнозируемый рост) трудоспособного населения, проживающего в них¹⁶⁹.

С 1927 г. идея городов-садов все более предается забвению, а в теоретических и критических статьях именуется не иначе как «заглохшая идея» и «прошлогодня мода». И все же постоянно, невзирая на общую направленность официальной градостроительной и жилищной политики, на страницах периодической печати не перестают появляться теоретические и проектные материалы, ратовавшие за «возрождение идеи города-сада» в советских условиях, обсуждавшие отдельные аспекты их проектирования¹⁷⁰ и иллюстрируемые фотографиями домов особнякового типа. Следует указать на показательный пример полного расхождения политических, с одной стороны, и профессиональных — с другой, оценок концепции города-сада — в разгар критики гомардовской доктрины (в 1927 г.) ленинградские архитекторы, наперекор официальной позиции власти, избрали Эбенизера Говарда почетным членом Ленинградского общества архитекторов¹⁷¹.

Вероятно, последним случаем открытого указания на использование идеи города-сада была программа конкурса на проектирование рабочего поселка Москвуголь, в районе рудника им. А. Рыкова при Бобриковской электростанции (близ Бобрик-Донской железнодорожной станции), проведенного в 1929 г. Московским архитектурным обществом (МАО). Именно за это она и была подвергнута

острой критике. Негативная оценка использования идеи города-сада, опубликованная в журнале «Строительство Москвы», целиком и полностью опиралась на официальное «запретительное» отношение к идее Э. Говарда: «...следует критически отнестись к требованию конкурса осуществить в планировке поселка принципы “города-сада”. Этот термин... неправильно употреблять при определении путей развития поселений в социалистической системе и связывать его с требованием развития коллективной жизни на основе новых социально-бытовых условий, ввиду слишком большой специфичности этого термина и возникающих при этом ассоциаций с западноевропейскими образцами»¹⁷².

Принципы-постулаты советской градостроительной политики постоянно серьезно трансфор-

мировались в условиях непрерывных изменений во внутренней политике и по-разному реализовывались на протяжении 1920-х гг. Во второй половине 1920-х гг. теоретико-концептуальное содержание советского рабочего поселка все дальше и дальше уходит от говардовского прототипа. В конце концов, сходство остается лишь в том, что город-сад и советский ведомственный рабочий поселок являются замкнутыми жилыми образованиями, имеющими стабильные размеры и фиксированное количество населения¹⁷³. Отличительных же характеристик становится все больше, в том числе и в отношении типологии возводимого в них жилища. И эти отличия имеют принципиальное значение в контексте осуществлявшейся государством градостроительной политики.

Примечания

1. *Прейс П.В.* Планировка городов и поселков. М.—Л., 1927.
2. См: Зодчий. 1904. № 17. С. 209.
3. *Протопопов Д.* Города будущего // Городское дело. 1909. № 18. С. 913.
4. *Ениш А.* Города-сады // Зодчий. 1910. № 30. С. 307—310; № 31. С. 319—323; № 32. С. 327—330; № 33. С. 335—338; № 34. С. 345—348; № 35. С. 353—354.
5. «To-Morrow: A Peaceful Path to Real Reform» 1898 («Будущее: мирный путь к подлинной реформе»). При переиздании в 1902 г. книга получила название «Garden Cities of To-morrow» («Города-сады будущего»).
6. *Говард Э.* Города будущего / Пер. А.Ю.Блоха. СПб., 1911.
7. *Fritsch T.* Die Stadt der Zukunft. Leipzig, 1896.
8. См: Городское дело. 1911. № 18. С. 1348—1349.
9. *Борисова Е.А., Каждан Т.П.* Русская архитектура конца XIX — начала XX века. М., 1971. С. 75; *Близнакова М.* Советское жилищное строительство в годы эксперимента: 1918—1933 годы / Жилище в России: век XX. Архитектура и социальная история. М., 2001.
10. *Дадонов В.* Социализм без политики. Города-сады будущего в настоящем. М., 1913.
11. *Мижусев П.Г.* Сады-города и жилищный вопрос в Англии. Пг., 1916.
12. Преимуществам кооперативных форм объединения людей для совместного разрешения ими жилищной проблемы, посвящены издававшиеся до революции книги М.Г. Диканского: Жилищная нужда и строительные товарищества. Харьков, 1908; Квартирный вопрос и социальные опыты его решения. С-Пб., 1908 и др.
13. Извлечение из Устава Берлинского строительного товарищества // М.Г. Диканский. Квартирный вопрос и социальные опыты его решения. СПб., 1908. С. 218.
14. Устав Берлинского строительного товарищества, Устав Дрезденского общепольного строительного союза // Диканский Квартирный вопрос и социальные опыты его решения. СПб., 1908.
15. Так, в 1910 г. в имении Щербатовых в Полтавской губернии А.В. Щусев проектирует поселок-сад для детей-сирот. См: Русское градостроительное искусство. Градостроительство России середины XIX — начала XX вв. Кн. 2 / Под. общ. ред. Е.И. Кириченко. М., 2003. С. 538.
16. Например, предместье-сад, возводимое Московской городской Управой на ближайшей к Москве части Ходынского поля.
17. *Ениш А.К.* Городской план и застройка городов. Пг., 1914.
18. *Ружжее В.Л.* Градостроительные взгляды архитектора Л.Н. Бенуа // Архитектурное наследство. 1955. Сб. 7. С. 67—86.
19. *Виленц-Горовиц Е.В.* Из области жилищного вопроса в Германии (законодательство, инспекция, строительство). М., б. г.

20. *Дадонов В.* Указ. соч.
21. *Диканский М.Г.* Постройка городов, их план и красота. Пг., 1915.
22. *Дмитриев Н.В.* Как разрешен жилищный вопрос в совете Лондонского графства. (Доклад в имп. Петербургском обществе архитекторов) // Зодчий. 1913. № 52. С. 521.
23. *Дубелир Г.Д.* Планировка городов. СПб., 1910.
24. *Карпович В.С.* Особняки в городе и деревне. СПб., 1914.
25. *Ковалевский Г.П.* Большой город и города-сады: Пособие для деятелей по городскому и земскому делу и студентов. Киев, 1916.
26. *Кнатц Б.Г.* Города-сады в связи с жилищным вопросом. Пг., 1918.
27. *Мижухев П.Г.* Лечворс — первый город-сад в Англии и современном культурном мире (Доклад в имп. Петербургском обществе архитекторов) // Зодчий. 1914. № 9. С. 92; Планировка городов в Англии // Зодчий, 1915. № 4. С. 435–442; Сады-города и жилищный вопрос в Англии. Пг., 1916.
28. *Протопопов Д.* Города будущего // Городское дело. 1909. № 17. С. 853–867; № 18. С. 907–916; Судьба российских городов // Городское дело. 1911. № 2. С. 141–148.
29. *Семенов В.Н.* Благоустройство городов. М., 1912.
30. *Сытенко Н.А.* О городе-саде Московско-Казанской железной дороги // Зодчий. 1913. № 47. С. 485.
31. *Френкель З.Г.* Задачи правильной застройки населенных мест в освещении современной гигиены: по данным отдела застройки городов на Международной Дрезденской выставке 1911 г. М., 1912.
32. Автор — берлинский архитектор Янсен (проект — в 1902 г., осуществление — 1908–1914 гг.) (*Глазырин В.А.* Поселки-сады и поселки на путях сообщения. Вып. 1, 2. Л., 1928–1929).
33. *Нащокина М.В.* Москва на рубеже XIX–XX веков: английские отражения // Архитектура в истории русской культуры. Вып. 6. М., 2005. С. 316–331.
34. См: Зодчий. 1913. № 34. С. 372.
35. *Дадонов В.* Указ. соч. С. 110–114.
36. *Петров А.И.* Опыт постройки городов-садов в Западной Сибири // Коммунальное дело. 1923. № 1. С. 35–36.
37. Первый город-сад в России // Городское дело. 1912. № 22. С. 1398–1403; *Сытенко Н.А.* О городе-саде Московско-Казанской железной дороги // Зодчий. 1913. № 47. С. 483–487.
38. *Дадонов В.* Указ. соч. С. 105.
39. Хроника Петрограда // Зодчий. 1916. № 48. С. 434.
40. Русское градостроительное искусство. Градостроительство России середины XIX — начала XX вв. Кн. 2 / Под. общ. ред. Е.И. Кириченко. М., 2003. С. 539.
41. *Глазырин В.А.* Поселки-сады и поселки на путях сообщения. Вып. XCVII. Л., 1928. С. 83–122.
42. *Бошко В.И.* Жилищный вопрос. Дома и поселки для профессиональных служащих и рабочих. Киев, 1917.
43. *Баландин С.Н., Смирнова Е.А.* Города-сады в Сибири. Новосибирск, 1985. С. 3.
44. Там же. С. 10.
45. *Петров А.И.* Планировка городов Сибирского края // Коммунальное дело. 1929. № 2. С. 98–102.
46. Из истории советской архитектуры. 1917–1925 гг. [Текст]: документы и материалы; отв. ред. К.Н. Афанасьев / сост., автор статей и примечаний В.Э. Хазанова. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. С. 119–120.
47. *Гуревич С.А.* Обзор жилищно-коммунального дела в Москве и деятельность Московской жилищно-санитарной инспекции и Секции коммунальной санитарии в 1922 г. М., 1923. С. 35.
48. *Шорбан Е.А.* Архитектурный «мир» русского купечества конца XVIII — начала XX столетий: От крестьянской усадьбы к промышленному городу // Культурное наследие российского государства. Вып. IV. Ученые, политики, журналисты об историческом и культурном достоянии. СПб., 2003. С. 215. С. 172–176.
49. *Диканский М.* Жилищный вопрос. Харьков, 1919. С. 227.
50. *Дадонов В.* Указ. соч. С. 111.
51. *Ениш А.* Города-сады // Зодчий. 1910. № 35. С. 353–354.
52. Там же. С. 110.
53. *Дадонов В.* Указ. соч. С. 111.
54. Там же. С. 110.
55. Там же. С. 105.
56. *Диканский М.* Жилищный вопрос. С. 227.
57. *Нардова В.А.* Городское самоуправление в России в 60-х — начале 90-х гг. XIX в. Правительственная политика. Л., 1984.

58. *Бархин Г.Б.* Современные рабочие жилища. Материалы для проектирования и плановых предположений по строительству жилищ. М., 1925; *Великовский Б.* Планировка рабочих поселков // Рабочая жилищно-строительная кооперация. 1925. № 4. С. 63–72; *Верезубов И.И.* Благоустройство селений и кооперация. М., 1925; *Верезубов И.* К вопросу о проблеме социалистического города // Строительство Москвы. 1930. № 1. С. 13–16; *Вилениц-Горовиц Е.В.* Из области жилищного вопроса в Германии (законодательство, инспекция, строительство). М., б.г.; *Воронин Л.В.* Рациональное устройство жилищ, поселков и городов. Современные методы планировки. М., 1926; *Гевириц Я.Г.* Эволюция жилищ. М., 1925; *Глазырин В.А.* Поселки-сады и поселки на путях сообщения. Вып. 1–2. Л., 1928–1929; *Диканский М.Г.* Борьба за рабочее жилище. М., 1925; *Диканский М.* Жилищный вопрос. Харьков, 1919; *Диканский М.Г.* Квартирный вопрос и социальные опыты его решения. СПб., 1908; *Диканский М.Г.* Постройка городов, их план и красота. Пг., 1915; *Диканский М.Г.* Проблема современных городов. Движение в больших городах. Кризис жилищ. М., 1926; *Иванов В.Ф.* Города-сады и поселки для рабочих. Планировка, водоснабжение, канализация. Л., 1925; *Карпович В.С.* Рост городов и достижения Запада в области рабочего строительства // Справочник по жилищному строительству. М., 1925. С. 17–29; *Кожаный П.* Рабочее жилище и быт. М., 1924; *Мачинский В.Д.* Рабочий поселок. М., 1925. С. 110–111; *Петров А.И.* Опыт постройки городов-садов в Западной Сибири // Коммунальное дело. 1923. № 1. С. 35–36; *Прейс П.В.* Планировка городов и поселков. М.–Л., 1927; *Семенов В.Н.* Благоустройство городов. М., 1912; *Френкель З.Г.* Задачи правильной застройки населенных мест в освещении современной гигиены: по данным отдела застройки городов на Международной Дрезденской выставке 1911 г. М., 1912; *Шейнис Д.И.* В борьбе за научное обоснование проектов планировки // Планировка и строительство городов. 1934. № 2. С. 8–9 и др.
59. Из истории советской архитектуры. 1917–1925 гг.: документы и материалы; отв. ред. К.Н. Афанасьев / сост., автор статей и примечаний В.Э. Хазанова. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. С. 36.
60. *Казусь И.А.* Организация архитектурно-градостроительного проектирования в СССР: этапы, проблемы, противоречия (1917–1933 г.) / Дис. ... канд. арх. В 2 т. М., 2001. С. 45.
61. Там же. С. 36.
62. *Ружжее В.Л.* Прогрессивные творческие воззрения архитекторов петербургской школы конца XIX – начала XX вв. (Идеи «городов-садов») / Дис. ... канд. арх. М., 1961. С. 14.
63. *Раевский М.* Жилищный вопрос на объединенных машиностроительных заводах // Экономическая жизнь, 1918. № 42 (26 декабря). С. 1.
64. Там же. С. 1.
65. Там же. С. 1.
66. РГАЭ. Ф. 2261. Оп. 2. Д. 7. Л. 13 об.
67. Деятельность Строительного Совета при Главном торфяном комитете за период 17 июня – 1 октября 1918 г. // Бюллетени Главного торфяного комитета отдела Топлива ВСНХ. 1918. № 3–5. С. 39–44.
68. К вопросу об устройстве жилых поселков для служащих и рабочих на торфяных разработках // Бюллетени Главного торфяного комитета ВСНХ. 1918. № 3–5. С. 77–92; Положение о Строительном Совете при Управлении Главного торфяного комитета // Бюллетени Главного торфяного комитета ВСНХ. № 2. С. 60–61; Программа задания по первоочередным постройкам поселков (рабочего № 1 и административного) при Шатурском Государственном болоте // Бюллетени Главного торфяного комитета ВСНХ. № 3–5. С. 50–52.
69. *Астафьева М.И.* Развитие теоретической мысли и принципов советского градостроительства в первые послереволюционные годы. 1917–1925 / Дис. ... канд. арх. М., 1971. С. XXVI.
70. Пояснение к проекту планировки центрального поселка на Петрово-Шатурских государственных торфяных разработках при станции Запутная Московско-Казанской ж. д. // Бюллетени Главного торфяного комитета ВСНХ. 1918. № 3–5. С. 58–76.
71. РГАЭ. Ф. 2261. Оп. 2. Д. 7. Л. 13 об.
72. Автор генплана инж. К.А. Карасев, конс. И.В. Жолтовский; проектирование жилых домов – С.Е. Чернышев, Л. Бетелев (Из истории... С. 109–115; *Астафьева М.И.* Указ соч. С. XXI).
73. Первый варианта генплана выполнен в Электрострое в октябре 1918 г. Второй – в июне 1921 г. (РГАЭ. Ф. 2266. Оп. 3. Д. 10. Л. 4). Поселок предусматривал расселение 3500 человек.
74. Арх. Л. Веснин, 1917–1918.
75. Арх. Л. Веснин, 1918–1926.
76. Арх. Л. Веснин, 1919.
77. Арх. Л. Веснин, 1922.
78. Арх. В. Маят, 1924.
79. Над проектом генерального плана работали Б.А. Коршунов, В.Д. Кокорин, П.А. Голосов, Н.Я. Колли и др. (Из истории... С. 116–117).
80. Устав утвержден СНК РСФСР 4 июля 1924 г. Учредители: Моссовет, МГСПС, МСНХ, Мосгорбанк и МСПО (*Казусь И.А.* Указ. соч. С. 453).

81. Там же. С. 453.
82. РГАЭ. Ф. 2261. Оп. 2. Д. 17. Л. 4–5.
83. Астафьева М.И. Указ. соч. С. XIX–XX.
84. Там же. С. XIX–XX.
85. Казусь И.А. Указ. соч. С. 573.
86. РГАЭ. Ф. 2261. Оп. 1. Д. 122. Л. 1.
87. Хазанова В.Э. Советская архитектура первых лет Октября. 1917–1925 гг. М.: Наука, 1970. С. 53.
88. РГАЭ. Ф. 2261. Оп. 1. Д. 124. Л. 2.
89. РГАЭ. Ф. 2261. Оп. 1. Д. 124. Л. 1.
90. Астафьева М.И. Указ. соч. С. XX.
91. РГАЭ. Ф. 2261. Оп. 1. Д. 119. Л. 2–3.
92. РГАЭ. Ф. 2261. Оп. 1. Д. 119. Л. 2 об.
93. РГАЭ. Ф. 2261. Оп. 1. Д. 119. Л. 4.
94. РГАЭ. Ф. 2261. Оп. 1. Д. 119. Л. 2–3.
95. РГАЭ. Ф. 2261. Оп. 1. Д. 124. Л. 21 об.
96. В данном проекте планировочная структура ориентирована на центральную площадь, застраиваемую общественными сооружениями.
97. Подробнее см.: Меерович М.Г. Рождение и смерть жилищной кооперации. Жилищная политика в СССР. 1924–1937 гг. (социально-культурный и социально-организационный аспекты). Иркутск, 2004.
98. Для его постройки товарищество получило участок земли в 103 десятины у станции Перловка Северной железной дороги и разбило территорию на 350 индивидуальных участков в среднем по 450 кв. саженей каждый. Поселок предполагалось застраивать спаренными коттеджами. В 1922 г. были возведены 8 одно- и двухквартирных домов.
99. Строительство поселка Сокол началось в 1923 г., несмотря на то что генеральный план поселка окончательно был утвержден Отделом благоустройства Московского управления коммунального хозяйства с огромной задержкой – лишь в июне 1927 г. Необходимость жесточайшей экономии материалов подталкивала проектировщиков к поиску и принятию наиболее экономичных решений – наряду с традиционными рублеными деревянными домами были запроектированы и возведены щитовые, каркасно-засыпные, термолитовые и другие типы жилых домов.
100. Гуревич С.А. Обзор жилищно-коммунального дела в Москве и деятельность Московской жилищно-санитарной инспекции и Секции коммунальной санитарии в 1922 г. М.: Изд. Санитарной части М.О.З., 1923. С. 57.
101. СЗ СССР. 1924. Отдел первый. № 5. Ст. 60.
102. Подробнее см.: Меерович М.Г. Власть и жилище (жилищная политика в СССР в 1917–1940 гг.). // Вестник Евразии. 2003. № 1 (20). С. 5–66; Кто не работает, тот не живет – жилищная политика в СССР. 1929–1937 гг. // Проблемы земной цивилизации. Сб. статей. Иркутск, 2003. Вып. 7. Ч. 2. С. 41–58.
103. Кооперативные жилищно-строительные товарищества // Жилищное товарищество. 1924. № 4. С. 57.
104. Деятельность Жилищно-строительных кооперативных товариществ // Жилищное товарищество. 1925. № 2–3. С. 43.
105. О планах строительства поселка см.: Жилищно-строительный кооператив при Всероссийской ассоциации инженеров (ВАИ) // Жилищная кооперация, 1924. № 1. С. 44.
106. Строительный кооператив на Реутовской прядильной фабрике // Жилищная кооперация, 1924. № 6. С. 28–27.
107. Боровой А.А. Планировка городов Московской области. Работы сектора планировки Московского областного проектного треста за 1925–1933 гг. М.: Госстройиздат. 1933. С. 87.
108. Шлиосберг И.А. Нужно ли общество городов-садов? // Власть Советов. 1923. № 5. С. 59–62.
109. Там же. С. 60.
110. Гельман И. Многоквартирные дома или рабочие поселки? // Коммунальное хозяйство. 1922. № 14. С. 11–12.
111. Там же. С. 11.
112. Я.Р. [Я. Райх]. К вопросу о городах-садах для РСФСР // Известия ВЦИК. 1922. № 292 (24 декабря). С. 4.
113. Там же. С. 4.
114. Гельман И. Многоквартирные дома или рабочие поселки? // Коммунальное хозяйство. 1922. № 14. С. 11–12.
115. Поселок рассчитывался на 5000 чел. (1000 жилищ или 300–400 домов). Место предполагалось на выбор «в одном из подмосковных районов – дача Катуара, Останкино, Измайловский зверинец или Погоно-Лосиный остров...» // Правда. 1922. № 218 (28 сентября).
116. Казусь И.А. Указ. соч. С. 351.
117. Астафьева-Длугач М. Проект районной планировки Апшеронского полуострова // Архитектура СССР. 1971. № 10. С. 42–43.

118. Современное жилищное строительство на Западе. М.: Новая Москва, 1925. С. II.
119. *Шлиосберг И.А.* Указ. соч. С. 60.
120. Там же. С. 60.
121. Там же. С. 61.
122. От редакции // Жилищное товарищество. 1925. № 1. С. 5.
123. Пути и методы удешевления жилищного строительства // Жилищное товарищество. 1924. № 10–11. С. 16; Пути и методы удешевления жилищного строительства // Жилищное товарищество. 1925. № 2–3. С. 5–6; Выборы материала и системы для домов рабоче-жилищного строительства // Жилищное товарищество. 1925. № 1. С. 19–10; Стандартизация работ в рабочем жилищном строительстве // Жилищное товарищество. 1925. № 1. С. 11–12; Совещание о типах жилых построек // Жилищное товарищество. 1925. № 1. С. 12–13; Дома рубленые или дома каркасные // Жилищное товарищество. 1925. № 7–8. С. 362–364 и др.
124. Что мы должны строить // Жилищное товарищество. 1925. № 2–3. С. 9–12; Выбор способа производства строительных работ // Жилищное товарищество. 1925. № 2–3. С. 35–36; Выбор подрядчика для производства работ // Жилищное товарищество. 1925. № 2–3. С. 37–38; Искусственный шифер «Террофазерит» как кровельный материал // Жилищное товарищество. 1925. № 5–6. С. 92; Оцинкованное железо как кровельный материал // Жилищное товарищество. 1925. № 5–6. С. 93–96; Об использовании камышитовых зарослей в районах юго-востока СССР // Строительная промышленность. 1926. № 10. С. 730–731; Пути рационализации строительства // Жилищное товарищество. 1926. № 1. С. 61 и др.
125. Экономия при постройке жилищ // Жилищное товарищество. 1922. № 4. С. 16–18; Совещание о типах жилых построек // Жилищное товарищество. 1925. № 1. С. 12–13; Дома рубленые или дома каркасные // Жилищное товарищество. 1925. № 7–8. С. 362–364; Выборы материала и системы для домов рабоче-жилищного строительства // Жилищное товарищество. 1925. № 1. С. 19–10.
126. Рабочие поселки-сады // Коммунальное дело. Сборник Главного управления коммунального хозяйства НКВД, 1922. № 2. С. 27–28; Жилищный вопрос в Германии // Жилищное товарищество. 1922. № 5. С. 10–12; *Кожаный П.* Рабочее жилище и быт. М., 1924; Переселенческая политика // Жилищное товарищество. 1925. № 1. С. 5–9; Образцовый город-сад в Англии // Жилищное товарищество. 1925. № 1. С. 45–47; Жилище и поселок // Строительная промышленность. 1926. № 2. С. 131–133 и др.
127. *Дубнов Л.* О типах жилищ // Жилищное дело. 1925. № 3. С. 20–25.
128. Эта концепция использования жилища лежит в основе жилищной политики советской власти (подробнее см.: *Меерович М.Г.* Жилищная политика в СССР. Уроки истории // Проектирование и строительство в Сибири. 2004. № 1 (19). С. 41–44; Жилищная ситуация и жилищная политика в СССР в 20–30-е гг. // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2003. № 3–4 (15–16). С. 97–102.
129. В 1925 г. в Москве и уездах новые дома жилищной кооперации главным образом предназначены для посемейного заселения (в одну квартиру — одна семья). Это одноэтажные одно или двухквартирные дома (О типах жилищного строительства // Строительная промышленность. 1926. № 8. С. 556–562), а также двухэтажные четырехквартирные деревянные рубленые (либо каркасные) дома (*Вольфензон Г.* Рабочее жилищное строительство Московской губернии // Строительная промышленность. 1926. № 2. С. 133–135; О типах жилищного строительства // Строительная промышленность. 1926. № 8. С. 556–562).
130. *Вольфензон Г.* Указ. соч. С. 134.
131. *Хлебников И.Н.* План ГОЭЛРО — первый государственный заказ советской архитектуре. М., С. 52–61; *Хазанова В.Э.* Советская архитектура первых лет Октября. 1917–1925 гг. / В.Э. Хазанова. М.: Наука, 1970. С. 54–57; *Шорбан Е.* От заводского барака к городу-саду: деревянное жилище в индустриальную эпоху // Проект Россия. 2004. № 3 (33). С. 113–116.
132. РГАЭ. Ф. 2261. Оп.1. Д. 124. Л. 2.
133. *Хазанова В.Э.* Советская архитектура первых лет Октября. 1917–1925 гг. [Текст] / В.Э. Хазанова. М.: Наука, 1970. С. 55.
134. РГАЭ. Ф. 2266. Оп. 3. Д. 10. Л. 7–9.
135. РГАЭ. Ф. 2266. Оп. 3. Д. 10. Л. 5.
136. *Мачинский В.Д.* Рабочий поселок. М., 1925. С. 101.
137. Там же. 110–111.
138. 1919 г., автор — инж. Захаркин.
139. *Глазырин В.А.* Поселки-сады и поселки на путях сообщения. Вып. 1–2. Л., 1928–1929. С. 63.
140. *Глазырин В.А.* Поселки-сады и поселки на путях сообщения // Сб. Ленингр. ин. инж. путей сообщ. им. Я.Э. Рудзутака. Железнодорожный транспорт и военные сообщения. Л.: Изд. Ленингр. ин-та путей сообщения, 1929. Вып. СII. С. 119–150.
141. Там же. С. 141.
142. Ежегодник МАО. М., 1928. № 5. С. 54.

143. Так, например, программа проектирования поселка-сада Прозоровская предусматривала размещение только тех общественных зданий, которые должны были возводиться на муниципальные либо государственные средства: 1) церкви (на 400–500 человек); 2) общественного собрания (с театральным залом, библиотекой и читальней, помещениями для лекций и проч.); 3) больничного городка; 4) школьного городка; 4) общежития для детей служащих, живущих на трассе железной дороги; 5) бань (мужской и женской); 6) прачечной и сушильни; 7) почты; 8) телеграфа; 9) пожарной команды; 10) спортивных площадок (теннис, футбол, крокет).
144. Заметим, что эта задача будет иметь свое продолжение позднее, в конце 1920-х – начале 1930-х гг., когда власть отменит идею «обобществления быта», а перед архитекторами и градостроителями поставит задачу разработки состава необходимых для нормального функционирования поселений учреждений «общественного обслуживания», а также принципов их территориального размещения, уже не для соцпоселков, а для соцгородов – населенных мест, в десятки раз превышающих численность советских рабочих поселков.
145. *Кожаный П.* Жилищная кооперация и новый быт // Рабочая жилищно-строительная кооперация. 1925. № 4. С. 46–47.
146. Поселок проектировали и застраивали в 1928 – начале 1930-х гг. См: *Коньшева Е.В.* Градостроительство и архитектура Челябинска конца 1920-х – 1930-х гг. в контексте развития советского зодчества. Челябинск, 2005. С. 21.
147. Планировочно воплощалось иерархическое (двухуровневое) членение территории поселка: жилище покомнатно-посемейного заселения – квартал.
148. *Коньшева Е.В.* Указ. соч. С. 21.
149. Там же. С. 21.
150. Там же. С. 22.
151. *Боровой А.А.* Планировка городов Московской области. Работы сектора планировки Московского областного проектного треста за 1925–1933 гг. М.: Госстройиздат, 1933. С. 67, 73.
152. Занарский район в г. Серпухове специально проектировался «изолированно и отвлеченно от общего проекта планировки», что стало возможным благодаря отрезанности данного района на всем его протяжении от центральной части города рекой Нарой (Там же. С. 56.).
153. Водяных и канализационных трубопроводов.
154. Также выдвигалось требование максимальной стандартизации жилья в целях массового его строительства.
155. *Орельская О.В.* Архитектура г. Балахны 20–30-х гг. XX в. // Вестник Волгогр. гос. архит.-строит. ун-та. Сер.: Стр.-во и архит. 2013. Вып. 31(50). Ч. 1. Города России. Проблемы проектирования и реализации. С. 295.
156. *Марковников Н.* Планировка и благоустройство поселков. М., 1931.
157. Там же. С. 88.
158. Там же. С. 86–88.
159. Там же. С. 86–88.
160. *Хазанова В.Э.* Опыт изучения истории советской архитектуры. 1917–1932 гг. / Автореф. дис. ... док. искусствовед. М., 1996. С. 29.
161. «Под главными составляющими частями поселка подразумеваются: а) жилые здания, объединенные в кварталы... жилой квартал суммирует и организует отдельные плановые единицы – строительные участки». См: Проекты рабочих жилищ. Центральный банк коммунального хозяйства и жилищного строительства. М., 1929. С. 92.
162. В 1928 г. в уездах Московской губернии проектировались всего лишь три поселка РЖСКТ. Информации о проектировании обособленных поселков жилищной кооперации в 1930-е гг. не обнаружено.
163. Проекты рабочих жилищ. ... С. 11, 90.
164. *Боровой А.А.* Указ. соч. С. 70.
165. Там же.
166. Там же.
167. Там же.
168. Проекты рабочих жилищ. ... С. 90.
169. Там же. С. 90.
170. *Марковников Н.* Современные экономические принципы планировки и застройки поселков // Строительная промышленность. 1927. № 1. С. 47–50; Опыт применения типа малого дома к проектированию дома-коммуны // Строительная промышленность. 1927. № 2; Планировка и благоустройство поселков. М., 1931; *Иванов В.Ф.* К вопросу водоснабжения и канализации в городах-садах // Строительная промышленность. 1927. № 2. С. 137–139.
171. *Блок А.* Город будущего (от нашего лондонского корреспондента) // Жилищная кооперация. 1928. № 14. С. 27–28.
172. По поводу конкурса на проект планировки поселка «Москвуголь» в Бобрике // Строительство Москвы. 1930. № 1. С. 25–26.

173. Следует заметить, что это количество разное – в гомардовском городе-саде – 32 тыс. человек, в советском рабочем поселке-саде расчетная численность населения также конкретна, но определяется (как и размеры территории) каждый раз ситуативно, в зависимости от количества рабочих мест на фабрике или заводе, при которых он возводится, умноженного на «коэффициент семейности» (Подробнее см.: *Меерович М.Г.* Рождение соцгорода. Градостроительная политика в СССР. 1917–1932 гг. Иркутск, 2008).

От нового административно-хозяйственного районирования страны — к новой системе расселения

М.Г. Меерович

Теоретико-методологические основания территориальных преобразований

С первых дней своего существования советская власть поставила вопрос о формировании структуры управления территориями, соответствующей природе пролетарского государства. Согласно марксистско-ленинской доктрине, пролетариат являлся наиболее прогрессивным классом, самой сознательной частью народных масс, основной преобразующей силой общества. Именно поэтому на него опиралась партия большевиков в ходе подготовки и осуществления революции и именно ему теоретики большевизма приписывали ведущую организационную роль в предстоящих социальных, культурных, технических и прочих преобразованиях страны — он призван был выступать ядром органов местного управления (местных советов рабочих, солдатских, крестьянских и батрацких депутатов), основой трудовых коллективов, формируемых из вчерашних крестьян, костяком милицейских и военных подразделений, комплектуемых органами власти на местах, в границах своих административных образований и т.п.

Существовавшее на тот момент административно-территориальное деление России не соответствовало этим концептуально-теоретическим представлениям. Прежде всего потому, что в ряде случаев размещение фокусов власти (губернских, уездных и проч.) оказывалось совершенно не совпадающим с местами концентрации пролетариата, а иногда губернии и уезды вообще были лишены крупных пролетарских контингентов, потому что располагались в местах процветания торговли или размещения военных гарнизонов. Положение усугублялось и геополитическими особенностями

России: огромной линейно ориентированной территорией, специфическим расположением природных ископаемых, климатическими факторами, неблагоприятными для многих видов деятельности. Все это исторически сформировало поясной, очень неоднородный характер освоенности территорий, «очаговый» характер индустриального развития, неравномерность расселения (т.е. различную наполненность территорий населением: интенсивно — в европейской части, экстенсивно — на Урале; еще меньше — в Сибири и почти исчезающее — на севере и Дальнем Востоке). Необходимость заполнения удаленных, окраинных, слабозаселенных территорий страны дополнительным населением оказывалась в прямой связи с вопросами территориального суверенитета. Комплекс этих причин не позволял новой власти обеспечить эффективное единообразное руководство хозяйственно-экономическими процессами в масштабе всей страны.

В конечном счете прежнее административное деление России было объявлено устаревшим, а перед новым был поставлен ряд необычных задач. Например, задача превращения «экономического районирования» из метода научного познания и прогнозирования (как это было до революции) в орудие социального и хозяйственно-производственного управления. Новое районирование, по своей сути, должно было стать административно-управленческим, так как его содержанием являлись процедуры административного контроля над процессами производства продукции и ее распределением по территории страны. Таковым оно и стало. В отношении этих процессов экономика играла лишь декоративную роль (с особенной очевидностью это проявилось в конце 1920-х гг., после запрещения НЭП), потому что в условиях советской

власти она переставала быть, собственно, «экономикой» с понятийной точки зрения, превращаясь в систему идеологически и политически формируемых волевых решений.

Теоретико-методологические принципы расселенческой политики советского государства базировались на двух основаниях: концептуально-теоретических разработках, относящихся к теории размещения промышленности; теоретико-методологических постулатах, выработанных основоположниками марксизма-ленинизма (К. Марксом, Ф. Энгельсом, В.И. Лениным).

Отечественные разработки по теории размещения промышленности имели свою дореволюционную и послереволюционную предысторию. В 1909 г. в Германии на немецком языке вышла книга А. Вебера «Теория размещения промышленности». На русский язык она была переведена и издана почти через полтора десятка лет — в 1926 г.¹ Но в среде дореволюционных российских экономгеографов, читавших научную литературу на иностранных языках, она была широко известна задолго до этого. Интерес к ней в Советском Союзе возник в середине 1920-х гг., потому что в этот период руководство страной начало осуществлять очередной этап работ по «хозяйственному районированию» — в то время так именовалось административно-управленческое членение территории в увязке со схемой размещения промышленности, формированием единой распределительной системы продуктов питания и вещей, а также с планами перераспределения трудовых ресурсов.

Власть, оказавшись перед необходимостью осуществления практических действий по размещению новых промышленных предприятий и рабочей силы по территории страны, провозгласила идеологический тезис о том, что в отличие от капитализма ее решения будут основаны не на частных, случайных интересах, а на знании об объективных законах развития нового общества.

В начале века вера в науку (научное знание) и в ее способность решать социальные, культурные, технические и прочие проблемы была непоколебимой. Имелась убежденность в том, что с развертыванием упорядоченных форм государственного планового хозяйства грубый эмпиризм должен все более уступать место точному подсчету на основах научного исследования². В соответствии с этой верой большевистское руководство, при принятии организационно-управленческих решений, испытывало острую нужду в научном знании, способном обеспечивать эти решения — подтверждать исто-

рическими фактами, обосновывать и оправдывать описанием закономерностей и тенденций, аргументированно разъяснять, уточнять расчетными данными и т.п. Поэтому власть поставила перед советскими учеными задачу скорейшей разработки такой экономгеографической теории, которая была бы способна подтверждать принятие практических решений по реорганизации административно-территориального устройства страны. А для этого основывалась бы на принципиально иных базовых представлениях, нежели буржуазная теория: не на статистических наблюдениях, а на волевом выдвижении целей; или, например, отрицала бы такое фундаментальное понятие буржуазной теории как «экономическая выгода».

Труд Альфреда Вебера «Теория размещения промышленности»³ был выбран советскими учеными в качестве предмета для критического анализа, так как он являлся на тот период главным в буржуазной теории, ибо обобщал наибольшее количество факторов, максимально точно и всесторонне раскрывал экономические механизмы капиталистической системы. Ученым, сотрудничавшим с Госпланом, труд А. Вебера давал наиболее точную и завершенную картину «капиталистической природы» экономических процессов. Его разбор и критика с позиций марксизма позволяли наглядно продемонстрировать причины, по которым в условиях социализма оказывались неприменимыми знания о закономерностях размещения и развития производства, характерные для условий капитализма.

В противоположность капитализму Госплан разрабатывал программу построения принципиально иной модели хозяйства — «социалистической». Прекрасно осознавая специфику задачи, стоявшей перед ними, советские ученые отдавали себе отчет в том, что они должны разработать теоретическую модель, которой еще не знает мировая наука, потому что этой модели не существует в социуме, и абсолютно невозможно понять закономерности ее функционирования на основе эмпирического материала, потому что такового нет в реальности. Это означало, что сотрудникам Госплана «социализм» нужно было создать мыслительно, т.е. на основе критики описанных буржуазными учеными процессов реального капитализма; придумать законы и правила, которых пока не существует в обществе и хозяйстве, но на базе которых и промышленность, и формы ее организации, и сопутствующие ей перемещения рабочей силы, и места концентрации масс населения (новые поселения), и система управления, которая свяжет все это воедино, будут

изначально и целенаправленно созданы как «антикапиталистические».

Цель подобной работы была сформулирована следующим образом: на основе критики закономерностей размещения промышленности в условиях капитализма (проделанной основоположниками марксизма-ленинизма) сконструировать новые теоретико-гипотетические постулаты распределения промышленности, специфические для условий нового социалистического строя. Именно поэтому, используя труд А. Вебера в качестве отправной точки исходной концептуально-теоретической базы, научные сотрудники Госплана принялись критиковать теорию размещения капиталистической промышленности и, переиначивая ее, подчас с точностью до наоборот формулировать основы советской промышленной и расселенческой политики.

Итак, пункт первый — согласно теории А. Вебера на размещение производства влияли три основных фактора: 1) издержки на поставку сырья; 2) издержки на размещение рабочей силы; 3) транспортные издержки на перемещение топлива, продукции или полуфабрикатов. В своих теоретических построениях А. Вебер доказывал, что на всех этапах исторического развития хозяйства размещение новых производств неизменно определялось действием суммы этих факторов (которые он именовал «штандортными»⁴).

Труд А. Вебера основывался на том, что человечество всегда стремилось производить любую продукцию с наименьшими затратами. Любое производство всегда исходило из экономической выгоды по изготовлению продукта, которую мог извлечь предприниматель в зависимости от выбора места, в котором производство и сбыт протекали бы с наименьшими издержками⁵. Причем закономерности «наиболее выгодного размещения производства» были характерны не только для индустриального производства, но и для любого рода сельскохозяйственных предприятий.

Последнее положение детально раскрывалось в теории сельскохозяйственного штандорта И. Тюнена (1826), которая основывалась на тех же базовых постулатах и в свою очередь доказывала, что сельскохозяйственные предприятия в условиях капитализма размещались в местах, где точно так же обеспечивались наименьшие издержки производства, включая расходы на транспортировку⁶.

Основанные на одной и той же методологической и понятийной базе теории «промышленного штандорта» А. Вебера и В. Лаунхардта⁷, «теория сельскохозяйственного штандорта» И.Г. Тюнена,

а также «теория общего штандорта» О. Энглендера раскрывали всеобщий характер проявления экономических законов размещения производительных сил в капиталистическом обществе. Именно с этой, эмпирически подтвержденной «неизменностью», «надисторичностью», «универсальностью», «вечной повторяемостью» экономических законов капитализма, с этими, казалось бы, незыблемыми правилами буржуазной экономической теории и практики и стали бороться как советская власть, создававшая новое внеэкономическое общество, так и советская наука, призванная сформулировать новые законы «внеэкономического» существования социалистического хозяйства.

Ученые, принявшие эту идеологию, стремились выискать и раскрыть источники «ошибок», допущенных представителями буржуазной экономгеографической науки. Они указывали на то, что теоретические схемы буржуазной экономгеографии неприемлемы для объяснения принципов размещения производства в социалистической стране⁸. Упрекали буржуазных теоретиков, а также отечественных экономистов и географов, разделявших их взгляды, в том, что те не видят и не хотят видеть в СССР «особой страны с особыми закономерностями»; страны, «к которой нельзя подходить с буржуазной теоретической меркой»⁹. Писали о том, что выявление («регистрация») естественных закономерностей и составление статистических показателей применимы лишь для формирования «познавательной» картины существующего состояния, но не для «преобразовательной» программы, не для «проектирования будущего». Утверждали, что постановка целей ни в коей мере не должна лимитироваться существующей статистикой, способной лишь в ограниченной степени влиять на планирование — в основном лишь подсказывая выбор средств для достижения намеченных результатов. «Ставить цели и разрабатывать планы» следует совершенно иным образом, нежели путем экстраполяции в будущее существующих показателей, потому что на основе статистически установленной «динамики прошлого» невозможно создать «динамику будущего», как, например, нельзя на основе «прошлого грузооборота» определить величину «грузооборота, который потребуется завтра»¹⁰.

С современной научной точки зрения это правильная позиция. Потому что законы социальной организации и экономические закономерности не являются чем-либо раз и навсегда постоянным и неизменным. Они изменяются и трансформируются, как и любые иные закономерности социальной

и экономической организации. И как следствие мыслительное (теоретическое) описание этих законов также не является чем-либо раз и навсегда заданным и неизменным, потому что всякая теория верна лишь с точностью до тех условий и допущений, в рамках которых она возникла; так как мышление реалистично лишь постольку, поскольку существуют хозяйственно-экономические процессы и социально-организационные структуры, которые поддерживают его правдоподобность. Как только эти процессы или эти структуры эволюционно или революционно исчезают, тотчас же исчезает и тот тип теоретического мышления, который их существование разъяснял и интеллектуально оформлял¹¹. «Обладает ли человеческое мышление предметной истинностью, вовсе не вопрос теории, — утверждал К. Маркс, — а практический вопрос»¹². Изменяется практика — изменяется и истинность. То есть прежние знание об этой практике перестает ей соответствовать — перестает быть истинным.

Подобная методологическая позиция применима в отношении любых экономических теорий, выросших на почве одних социальных и экономических условий, при попытках приложить их к другим социальным и экономическим условиям. Эта позиция была справедлива и по отношению к теории А. Вебера, потому что истинность положений его модели подтверждалась не столько строгостью теоретических доказательств, последовательностью логических построений или полнотой привлекаемого статистического материала, сколько практикой осуществления социальных, экономических и управленческих действий. В том числе и политической практикой (принятием определенных решений) и общественной практикой (последующим осуществлением этих решений).

Однако эта методологическая позиция и приходящее ей онтологическое разделение хозяйственно-экономических процессов на «естественные» и «искусственные» станут привычными и очевидными для интеллектуальной мысли лишь в середине XX в. В первой же половине 1920-х гг. подобная позиция вызывала недоумение и серьезные дискуссии в научной среде. Вопросы о границах приложимости теоретических постулатов экономгеографии применительно к различным «общественно-историческим практикам», о степени неизменности или «сиюминутности» теоретических положений, об универсальности теоретических моделей (и соответствующих знаний), о «социально-преобразовательной природе» методологии «экономического проектирования» и др., еще только лишь ставились.

Однако уже к концу 1920-х гг. специфика этой методологической позиции и основанный на ней подход стали вполне осознанными, обоснованными научно и даже получили наименование «преобразовательных», в отличие от прежних — «познавательных»¹³.

Общественно-политическая практика, осуществлявшаяся советской властью, опровергала теорию А. Вебера и прочие теории буржуазной экономгеографии, сознательно противопоставляя им политическую и организационно-управленческую деятельность совершенно иного рода. При этом в научной среде отношение к труду А. Вебера было не столь однозначно отрицательным, как в среде политической. Его теория раскрывала объективные закономерности размещения промышленности (и, соответственно, производительных сил), веками существовавшие в мировой цивилизации, поэтому она находила последователей среди российских ученых. Причем не только разделявших базовые методологические основания этих теорий, но и эмпирически проверявших и подтверждавших эти постулаты на фактическом статистическом материале дореволюционной России (Г.Н. Баскин, Ляшенко и др.)¹⁴. Многие российские ученые — Е.С. Варга, Э.З. Гольденберг, С.В. Бернштейн-Коган, И. Дашковский, Н.Н. Баранский, Н. Морозов¹⁵ и др. хоть и с оговорками, но принимали теоретический подход, основные положения и главные выводы теории А. Вебера. Некоторые из них в своих работах доказывали, что для решения задач размещения социальной промышленности эти выводы вполне подходят¹⁶.

В споре представителей экономгеографических теорий — старой (буржуазной) и новой (социалистической) расчетно-финансовые доводы, основанные на экономических показателях, сталкивались с телеологическими, основанными на целевых установках.

Сторонники старой экономгеографической теории утверждали, что равномерное распределение промышленности по территории страны, к которому призывала марксистско-ленинская доктрина, — нерационально¹⁷. Невыгодно! Они утверждали, что «...не может быть никакой речи о равномерной индустриализации страны, ибо это неизбежно означало бы совершенно непроизводительную затрату национального капитала и замедление темпа индустриального развития, а должен быть выдвинут принцип сосредоточения промышленного строительства в оптимальных для этого районах»¹⁸. Сторонники старой теории приводили все новые и новые дово-

ды, доказывая на основе финансово-экономических расчетов, что, например, перемещение металлургической промышленности на Урал — это пустая растрата национального капитала, что стоимость железнодорожных перевозок «съест» все средства.

Их оппоненты — противники теории Вебера — доказывали, что к задачам «размещения социалистической промышленности» капиталистическая теория неприменима, потому что справедлива только для рыночной системы железнодорожных тарифов¹⁹. А в СССР не рынок и тем более не наличные средства определяют возможности, а, наоборот, выдвигаемые цели и задачи предопределяют выбор средств. Здесь стоимость единицы сырья, тарифы на его перевозку, показатели трудоемкости и проч. назначает не экономика, а власть. Причем делает это, исходя из организационно-управленческих и военно-промышленных соображений. И победа в споре осталась за последними, потому что «социалистическое хозяйство» — это не капитализм. Здесь идея весомее всех калькуляций; здесь экономика подчинена политике, а расчет подчинен цели. В итоге советское правительство установило льготный тариф на перевозки кузнецкого угля²⁰, и все финансово-экономические расчеты сторонников веберовской теории оказались недействительными, все теоретические постулаты, на которых они основывались, — опровергнутыми, а сами сторонники веберовской методологии — посрамленными.

Кроме возможности произвольного, волевого установления показателей «экономической целесообразности», несоответствие старой теории новым условиям доказывал и тот факт, что теория Вебера отражала постепенные естественные изменения буржуазного общества, т.е. изменения, по своей природе являющиеся «эволюционными». Изменения, которые естественным образом постепенно накапливались, суммировались, приводили к улучшающим преобразованиям и в конечном счете к трансформации исходного состояния. А Вебер в конце своей работы прямо указывал на то, что для правильного понимания закономерностей размещения производительных сил необходимо принять «за исходный пункт следующее положение: каждое данное расположение промышленности и каждое локально-хозяйственное образование, взятое как фотографический снимок для определенного исторического периода, представляют собой не что иное, как модификацию аналогичного предыдущего снимка, модификацию, соответствующую данной стадии хозяйственного развития». С точки зрения какого-либо одного периода эту модификацию надо

рассматривать как некоторое «рационалистическое» преобразование исторически предшествовавшего хозяйственного организма, который в определенной своей части стал «иррациональным»²¹.

Новая социалистическая теория размещения промышленности по территории страны изначально (на уровне идеологических и методологических предпосылок) формировалась как «преобразовательная» и тем самым противостоящая старой теории тем, что: а) отвергала «эволюционные» изменения; б) провозглашала приоритет «революционных» («искусственных») общественных изменений; в) призвала формировать основы размещения производительных сил, кардинально отличающиеся от закономерностей их размещения при капитализме²².

Собственно, в этом и состояло основное различие между старым «эволюционным» подходом к административно-территориальному районированию и новым «революционным», который отстаивали «плановики-коммунисты»²³. Эти два основных подхода к разработке стратегии народнохозяйственного планирования и административно-территориального районирования, резко столкнувшиеся в дискуссиях 1926–1927 гг., получили наименования «генетического» (основанного на экстраполяции существующих статистических данных о естественных тенденциях экономического развития) и «телеологического» (основанного на исполнении директив и направленного на конструирование способов достижения целевых заданий-предуказаний)²⁴.

«Генетический» подход продолжал традиции научной практики дореволюционного периода — выводить тенденции и закономерности, исходя из систематизированных сведений о естественном развитии, представленном, как об этом писал А. Вебер, в виде совокупности состояний объекта изучения на различных стадиях его существования. Этот подход базировался на выявлении характерных культурно-исторических свойств, естественным образом накапливавшихся в течение определенного времени; на обобщении закономерностей формирования на той или иной территории специфических хозяйственных укладов; на систематизации данных о совпадавших или различавшихся признаках и на количественных показателях этих признаков. К данной методологической позиции принадлежали теоретические разработки Н.Д. Кондратьева, А.В. Чаянова, П.Н. Макарова, теория аграрных «генетических районов» А.Н. Челинцева и др.²⁵

Основывая свои теоретические представления о районировании на данной мировоззренческой

позиции, представители старой научной школы остро критиковали Госплан в дискуссиях 1926–1927 гг. за неверный подход к районированию промышленности, идущий вразрез с районированием сельского хозяйства. Они говорили о том, что в госплановском проекте «интерес» сельского хозяйства и «сущность сельскохозяйственного содержания» отодвинуты на задний план, никак не представлены: «сейчас в перспективном плане народного хозяйства Госплана СССР нет порайонного подхода к... сельскому хозяйству»²⁶. Они требовали от руководства Народного комиссариата земледелия (НКЗ) вмешаться — поправить госплановское районирование: «НКЗ должен определенно сказать, что невозможно рационально построить план сельского хозяйства, если не будут выделены однородные местности в сельскохозяйственном отношении и их перспективы»²⁷.

Эти крупные и мудрые ученые, прекрасно знающие свой предмет, никак не могли понять, что Госплан принципиально не желал подходить «к каждому району с точки зрения тех функций, которые тот выполняет сейчас и которые может потенциально выполнять дальше»²⁸, что «методология индустриализации» Госплана сознательно шла по пути принесения рациональной организации сельскохозяйственного производства в жертву определенному типу организации производства промышленного.

Позиция «генетиков» полностью соответствовала распространенной в этот период в среде экономистов-аграрников убежденности в том, что решать теоретические и практические задачи районирования в отрыве от условий конкретной местности и без опоры на массивный эмпирический материал невозможно. Для них было очевидным, что без знания об исторически сложившихся закономерностях существования сельского хозяйства, без «рисующего» эту картину статистического материала, описывающего и раскрывающего специфику сельскохозяйственной жизни, нельзя построить никаких реалистичных прогнозов дальнейшего развития. Поэтому они искренне не понимали, почему концепции, которые обусловили успешность до-reволюционного развития российской экономики, не использовались в работах Госплана. Они не понимали, почему ученые, сотрудничавшие с Госпланом, дистанцировались от всего того, что было сделано в отечественной науке в предшествовавший период; почему статистический подход и соответствующие теоретические взгляды объявлялись неприменимыми в советских условиях. «Генетики» не воспринимали сугубо идеологических деклараций,

звучавших из уст «телеологов» (или «плановиков-коммунистов», как те себя называли²⁹), о необходимости отрицания основного правила традиционной экономгеографии, гласившего: «вся экономическая жизнь страны определяется присущими ей естественноисторическими условиями». Они были категорически не согласны с провозглашавшимся «телеологами» новым «правилом»: «естественно-исторические условия должны целенаправленно кардинально изменяться в соответствии с поставленными целями». Не понимали утверждения о том, что «факторы» и «тенденции» нужно не «выявлять», а «создавать», а районы не «обнаруживать» в результате исследований, а искусственно «образовывать», следуя принятым властью перспективным планам.

Представители «генетического подхода» были не в состоянии осознать тот факт, что Госплан следует конкретной административно-управленческой логике запуска в общегосударственном масштабе процесса формирования системы современного, технологически передового промышленного комплекса и поэтому осуществляет районирование, прежде всего основываясь на концепции размещения новой промышленности. Не понимали, что госплановские разработки рассматривают программу индустриализации России как создание супергигантской «всесоюзной фабрики», централизованно управляемой из одного центра; а районирование используют как средство, призванное обеспечивать оптимизацию этого управления одновременно на отраслевом и территориальном уровнях.

Госплан, формируя новый промышленный костяк страны, занимал методологическую позицию, исходившую из примата целей, т.е. «телеологическую». Он исходил из того, что доставшиеся в наследство от капиталистической России «пространственно-застывшие массы основного капитала (т.е. промышленности, — М.М.) с сосредоточенными вокруг них массами людского населения» совершенно не соответствуют задаче смещения сгустков промышленных производств на восток, в глубь страны, ближе к местам залегания природных ресурсов и подальше от границ с вероятным противником³⁰. Как следствие, в рамках генеральной установки на индустриализацию госплановские ученые основывали грядущее административно-хозяйственное членение территории страны не на существовавшем сельскохозяйственном производстве, а на будущем промышленном, пока еще только намечаемом. А это означало, что в их предложениях вовсе не традиционные факторы ведения сельского хозяйства или «однородность» естествен-

ных природных признаков и существовавших климатических условий становились определяющими для назначения мест расположения новых районов и прочерчивания конкретных контуров их границ (или выдвижения требований к изменению конфигураций границ старых районов), а точки размещения промышленных новостроек (подчас на пустом месте — в степи, тайге — подле карьеров по добыче сырья или возле возводимых крупных энергетических объектов).

В проектах Госплана именно промышленные новостройки «назначали» места возникновения новых центров административно-хозяйственного управления прилегающей местностью, а не наоборот. Именно из «пролетарского ядра» — промышленного центра — очерчивались ареалы народнохозяйственного влияния будущих «промышленно-селитебно-энергетических» районов, призванных втягивать в сферу своего «потребления» прилегающие сельскохозяйственные территории, вне зависимости от их естественных природных условий, традиционно сложившихся характеристик или изначальной «культурной предрасположенности». Именно «мощность» промышленно-селитебно-энергетических районов предопределяла будущее количество населения. Именно они вызвали трассировку транспортной структуры и инициировали возникновение здесь в будущем крупных транспортных узлов. Именно эти промышленные ядра, выступавшие одновременно в роли центров административно-хозяйственного руководства, предопределяли величину прилегавших к ним сельскохозяйственных районов, исходя из того объема сельскохозяйственного производства, который был необходим для снабжения города продуктами питания и сельскохозяйственным сырьем для промышленности.

«Телеологи» — сторонники «искусственно-конструктивного» подхода к определению путей и темпов индустриального развития — однозначно исходили из методологического постулата о невозможности принимать перспективные решения и намечать стратегии, основываясь на наличных условиях. Потому что, экстраполируя существующее положение преимущественно аграрной России в ее советское будущее, можно было построить только лишь аграрную стратегию развития. Но большевистское руководство однозначно определяло, что Советской России «...совершенно невыгодно присутствовать в системе мирового разделения труда в роли поставщика сельскохозяйственной продукции и тем самым обеспечивать лишь подъём производительных сил других стран, вместо того,

чтобы развивать собственную промышленную базу. СССР всячески стремится к тому, чтобы избежать превращения его в ресурсно-колониальный придаток западного империализма»³¹. Будущее страны — в индустриализации, а не в аграризации.

Лидер «телеологической» методологии С.Г. Струмилин мыслил план индустриализации как программу действий, ведущую от заданных конкретных условий к намеченной цели. Безусловно, не без учета специфики существовавшей обстановки и с ориентацией на наименьшие затраты времени и усилий. Но он рассматривал характеристики обстановки лишь как второстепенные по значимости предпосылки. А целям, выдвигаемым партийно-государственным руководством, придавал абсолютную значимость. Он и другие госплановские телеологи разъясняли, почему они считали партийные установки приоритетными, а учет существовавших тенденций — несущественным: в капиталистическом обществе, где воля и интересы отдельных классов и групп взаимно противоречили друг другу и сталкивались, «объективная тенденция» возникала как равнодействующая этих разнонаправленных волей и интересов, как итог их стихийного взаимодавления и взаимодополнения. Эта тенденция могла быть исследована капиталистической наукой, выявлена и даже учтена при составлении прогноза развития буржуазной экономики. Но в СССР подобное столкновение интересов отсутствовало, так же как отсутствовала стихия рыночных отношений. Партийно-правительственные органы намечали планы движения в будущее, исходя из того, что необходимо иметь, а не из того, куда вели тенденции, стихийно сложившиеся в предыдущие десятилетия в результате борьбы и примирения разнообразных коммерческих интересов³². В условиях планомерной организации общественного производства в СССР не должно было существовать никакого противоречия между программами, формируемыми единой волей партии, с одной стороны, а с другой — «живой силой масс», призванной претворять общегосударственные цели в жизнь. Формирование нового территориально-экономического районирования СССР являлось средством административного управления создаваемыми хозяйственно-производственными процессами.

Кое-кто из ученых-«генетиков» (например, А.В. Чаянов, Н.Н. Колосовский³³ и др.) пытался оспаривать эти положения, говоря о неправомерности совмещения «районирования» и «администрирования»: «Считаем необходимым подчеркнуть, что выделенные организационно-производствен-

ные районы ни в коем случае не могут являться основанием для административного деления...»³⁴. Кто-то (например, А.Н. Челинцев протестовал против произвольной «придуманности», «измышленности» намечаемых Госпланом хозяйственно-экономических районов, требуя отказаться от «произвольного их очерчивания», а выводить из «корней исторически сложившихся условий»³⁵. Но все они не могли понять того мировоззренческого постулата, на котором базировались разработки Госплана — когда районирование осуществляется для целей общегосударственного управления цепочками производственных процессов, то и количество районов, и их величина, и конкретные траектории их границ, и все прочие параметры определяются не «историческими предпосылками», а разметкой будущей трассировки этих производственных цепочек по территории страны, намечаемыми местами расположения их функциональных ядер, планируемым характером связей с другими районами, проектируемыми траекториями транспортировки сырья, топлива, полуфабрикатов, конечной продукции и т.п. Именно в этом и коренилось кардинальное отличие «генетического» и «телеологического» подходов. Именно на этом основывалась «инженерная проектировка» нового пространственно-административного каркаса страны. Из этого исходила разработка первого пятилетнего плана.

Поэтому госплановские разработчики и утверждали, что не нужно скрупулезно высчитывать количественные характеристики естественных факторов, не следует тратить силы и время на выявление признаков имеющихся тенденций, а необходимо определить, какие промышленные объекты следует возвести, чтобы создать законченные промышленные комплексы по каждому из запланированных видов промышленного производства, затем наметить конкретные места их возведения, определить потребности будущего строительства и подсчитать расходы, составить план выделения государством финансовых средств (так называемый план капитальных вложений), проработать конкретные отраслевые планы освоения этих средств с учетом потребности в трудовых, материальных и прочих ресурсах и... переходить к реализации³⁶.

Работа Госплана и все действия советского руководства в отношении административного районирования в период разработки программы индустриализации, а также в отношении неразрывно связанных с ней процессов территориального размещения поселений, формирования транспортной инфраструктуры, целенаправленного перемеще-

ния трудовых ресурсов и т.д. целиком и полностью опирались на эту методологию и лежавшую в ее основе марксистско-ленинскую теорию. Кроме этого, разработки Госплана были подкреплены результатами анализа состояния промышленного потенциала СССР, проведенного к этому времени отечественными учеными и доказывавшего, что степень износа и отставания российской промышленности таковы, что модернизировать ее бессмысленно³⁷.

Итак, постулаты промышленного (территориально-производственного) районирования и следующего за ним расселения, предопределившие реформирование существовавшего и создание нового административно-территориального деления, заключались в следующем:

1. Развитие промышленности (индустриализация) являлось неоспоримой приоритетной задачей, потому что прогресс промышленности давал рост численности пролетариата — единственного, по Марксовой теории, класса, способного к кардинальным социальным преобразованиям³⁸ (как следствие любые иные стратегии — аграрного, аграрно-индустриального и прочего развития категорически отвергались).

2. Следовало не восстанавливать и не модернизировать существовавшие промышленные предприятия, а возводить новые с самыми передовыми технологиями (закупленными за рубежом за неимением отечественных); прежде всего потому, что переоборудование существовавших заводов требовало значительных затрат, но при этом очень незначительно увеличивало выпуск продукции³⁹, а также потому, что «наши заводы даже при полном восстановлении не смогут дать эффекта, равного новым современным заводам Европы и Америки... траты на восстановление становятся менее выгодными, чем вложения средств в новые предприятия»⁴⁰.

3. Буржуазные теории размещения промышленности представляли «рабочее население» как бы «прикрепленным» к географическим пунктам, в которых оно было сосредоточено, и предлагали новые производства размещать как можно ближе к сосредоточению этой рабочей силы. В отличие от них советская теория районирования рассматривала промышленность как «открепленную» от мест сосредоточения рабочей силы и как следствие предписывала не новые заводы располагать в тех местах, где имелись излишки рабочей силы, а рабочую силу перемещать в места размещения новой промышленности: «Долгое время и у нас в дореволюционной России, и за границей наблюдалась определенная картина размещения: организация заводов

приурочивалась к центрам размещения населения... В новых условиях... развивается и новая тенденция размещения промышленности»⁴¹.

4. Новая промышленность должна была распределяться по территории страны максимально равномерно, исправляя тем самым дисгармонию концентрации промышленности в крупных городах, присущую капитализму: «...уничтожение разрыва между городом и деревней... условием его является, возможно, более равномерное распределение крупной промышленности по всей стране»⁴². Собственно, одной из ведущих задач пролетарской революции и являлось создание общества, способного «...устанавливать гармоничное сочетание своих производительных сил по единому плану», общества, способного «позволить промышленности разместиться по всей стране так, как это наиболее удобно для ее развития и сохранения, а также для развития прочих элементов производства»⁴³.

5. Прямым следствием тезиса о равномерности размещения промышленности по территории страны являлось требование равномерного размещения привязываемого к ней населения, т.е. «равномерное распределение крупной промышленности» и неотрывно следующее вслед за ней «равномерное распределение населения по всей стране»⁴⁴.

6. Новые промышленные центры и поселения при них следовало располагать на неосвоенных территориях. Они призваны были придавать импульс развитию неиндустриальных (сельскохозяйственных) ареалов, окружавших промышленные зоны, обеспечивая «тесную связь промышленного и земледельческого производства с необходимым для этого расширением средств сообщения...»⁴⁵.

7. При определении мест размещения новых производств следовало исходить из необходимости развития конкретных районов, потому что появление промышленности и пролетарского населения — согласно марксистско-ленинскому учению — с неизбежностью должно было приводить к развитию всех сторон деятельности и жизни.

8. При очерчивании крупных фрагментов территории — «экономических районов», «выгодных» для размещения промышленности, следовало исходить не из сырьевого потенциала данного района, как это до сих пор практиковалось в буржуазной науке, а из «комбинации продукции», т.е. из представления о «цепочках» производства продукции, в которые включались различные фрагменты территории страны и соответствующие предприятия (добывающие и перерабатывающие сырье, обогащающие, производящие полуфабрикаты, вы-

пускающие отдельные составляющие конечного продукта и проч.).

9. Формирование новой транспортной инфраструктуры следовало осуществлять, исходя из необходимости связи «промышленных районов» друг с другом в целях «перевозки массовых грузов»⁴⁶, а использование существующей структуры регулировать посредством целенаправленного назначения «выгодных» тарифов на перевозки грузов.

10. Отрываемое от земли (в ходе коллективизации) крестьянское население являлось материалом для «создания» индустриального пролетариата; для искусственного формирования контингентов дешевой, подчиненной государству-работодателю рабочей силы. Оно должно было перемещаться к местам возникновения новой промышленности (в противоположность веберовской стратегии приближения производств к местам расположения дешевой рабочей силы). Именно таким образом основоположники марксизма мыслили вырвать деревенское население из «идиотизма сельской жизни»⁴⁷. При этом следовало создавать искусственные условия повышения мобильности населения (в противовес традиционной территориальной оседлости), а также искусственные механизмы осуществления миграций населения и внеэкономические меры принуждения рабочих к перемещению к местам планируемого приложения труда («добровольно-принудительные» миграции в противоположность естественным формам перемещения трудовых ресурсов, вызванного тенденциями внутреннего рынка рабочей силы).

11. Административно-территориальное реформирование существовавшей системы управления хозяйственными процессами должно было осуществляться в увязке с промышленной реформой и быть направлено на приведение планов размещения (возведения) новых производств в соответствие с разделением территории страны на «экономические районы» в целях «создания новой организации союзного хозяйства»⁴⁸.

Разработка принципов административно-территориального деления страны

С первых послереволюционных дней новое руководство страной вынуждено было начать решать вопросы территориального переустройства. Реформируя старое административно-территориальное деление и создавая новое, советская власть стремилась решить одновременно две задачи: сформировать органы власти на местах и привести

административно-территориальное деление страны в соответствии с марксистской доктриной. Для исполнения первой задачи в тех местах, где, несмотря на революционный переход власти в руки большевиков, новые структуры местного управления оставались все еще не сформированными, власть постановлением ВЦИК упразднила военно-революционные комитеты — боевые органы, возникшие во время переворота, и поручила органам власти верхнего регионального уровня — губернским и уездным советам рабочих, солдатских, крестьянских и батрацких депутатов — «немедленно и самым энергичным образом приступить к завершению работы по организации советов во всех уголках своей территории, связывая их воедино»⁴⁹. Координатором работы по формированию местных Советов (а также органом руководства деятельностью кое-где все еще сохранявшихся городских и земских самоуправлений) постановлением СНК от 19 декабря 1917 г. (1 января 1918 г.) был назначен Народный комиссариат местного самоуправления⁵⁰. Согласно постановлению, передаче в его ведение из НКВД подлежали: а) главное управление по делам местного хозяйства; б) касса городского и земского кредита; в) все учреждения, относящиеся к местному самоуправлению⁵¹.

Во исполнение второй задачи — реформирование старого административно-территориального деления страны согласно новой структуре управления — в обращении, озаглавленном «Ко всем советам рабочих, солдатских, крестьянских и батрацких депутатов. Об организации местного самоуправления»⁵², НКВД потребовал от местных Советов незамедлительно подчинить себе все находящиеся на их территории учреждения административного, хозяйственного, финансового и культурно-просветительного значения⁵³. А кроме того, призвал изменить границы территориальных единиц так, чтобы их административные центры переместились в промышленные города. Либо границы оставить прежними, но взамен старых административных центров сформировать новые в местах концентрации промышленности и, соответственно, пролетариата⁵⁴.

Крестьянско-аграрным регионам законодательно было предложено объединяться с промышленно-пролетарскими, потому что, как им разъяснялось, «многие территории, принадлежащие к различным административным округам давно экономически тяготеют друг к другу»⁵⁵.

Но Советы на местах — органы местного самоуправления — или не хотели, или не способны были решить подобную задачу — в этот период многие из

них, стремясь утвердить свою собственную власть, не желали признавать никакого вмешательства в свои дела со стороны «центра». В итоге «первоначальная форма Советской республики представляла собой даже не столько федерацию или союзное государство, сколько... весьма слабый союз мало связанных друг с другом Советов»⁵⁶. Поэтому центральная власть сама взялась за решение задачи создания нового административно-территориального деления и формирования органов, ведавших деятельностью местных Советов — постановлением СНК РСФСР от 30 марта 1918 г. Комиссариат по местному управлению был упразднен, а его функции переданы созданному в структуре НКВД РСФСР Отделу местного хозяйства (ОМХ НКВД)⁵⁷. С этого момента самостоятельность Советов в управлении территориями постоянно сокращалась, а в партии происходил переход от провозглашенного ранее принципа коллегиальности принятия решений к единоначалию, в рамках которого основные политические решения принимались узким кругом лиц, входивших в высшие партийные круги, а затем уже «одобрялись» СНК (имевшим законодательные функции) и ВЦИК, сформированными из тех же партийных лидеров, которые принимали общие стратегические решения⁵⁸.

Формирование иерархической вертикали подчинения местных органов власти центральным, практическое перемещение территориальных центров власти в промышленные ареалы потребовало соответствующей корректировки административно-территориальных границ. Для осуществления этой работы 21 сентября 1918 г. постановлением Президиума ВЦИК была создана государственная Административная комиссия по установлению областейных единиц РСФСР⁵⁹.

Создание комиссии позволило начать формирование еще одной важной составляющей общегосударственной организационно-управленческой структуры — единой системы распределения продовольствия и предметов первой необходимости.

В декабре 1919 г. VII Всероссийский съезд Советов⁶⁰ принял решение произвести незамедлительную перестройку административного деления Советской России с таким расчетом, чтобы в центре каждой территориально-административной единицы (губернии, уезда, а по возможности и волости) оказался местный промышленный центр... с тяготеющей к нему крестьянской периферией⁶¹ и управляемой из этого центра локальной распределительной системой. Съезд подтвердил решение Президиума ВЦИК о создании Административной

комиссии⁶² и своим постановлением определил перед ней основную задачу — «практически разрабатывать вопрос о новом административно-территориальном делении РСФСР»⁶³. Поскольку речь шла о создании единого общегосударственного хозяйственно-распределительного механизма и о формировании единой структуры административного обеспечения «коммунальных» процессов, постольку комиссия обрела общегосударственный масштаб представительства — в нее были включены сотрудники ВСНХ, НКВД, НКПС, НКПродовольствия, НКЗемледелия, НКПросвещения, Наркомата по делам национальностей, Наркомата по военным и морским делам, НКТруда, ЦСУ⁶⁴. При этом собственного аппарата комиссия не имела и опиралась в своей работе на аппарат НКВД⁶⁵.

В своей деятельности в этот период Административная комиссия не занимала реформаторской позиции, а направляла свои усилия в основном на уточнение отдельных границ конкретных губерний, областей и уездов⁶⁶. В то же время наркоматы, стремясь максимально эффективно организовать исполнение возложенных на них задач, пытались объединять местные административные органы тех территорий, на которых разворачивалась их деятельность, в особые административно-территориальные образования для того, чтобы привести в соответствие пространственные границы объекта управления с «функциональными» рубежами своей хозяйственной деятельности. Но эта практика приносила больше хаоса, нежели порядка. Как следствие она была подвергнута резкой критике со стороны высшего руководства на IX Съезде партии (3 апреля 1920 г.)⁶⁷.

Но если наркоматы можно было довольно легко заставить выполнять любые команды свыше, потому что они находились в прямом и жестком подчинении партийно-государственному аппарату, то с местными самоуправлениями в этот период взаимодействовать было намного сложнее. Поэтому центральные органы вынуждены были усилить борьбу с Советами на местах за право распоряжаться территориями. Осуществляемое центральной властью предельное ограничение и даже ликвидация местного самоуправления имели целью обеспечить устойчивость иерархической системы руководства государством.

Искусственное преобразование административно-управленческой структуры, способной обеспечивать управление огромной территорией, стало для высшего советского руководства сознательно поставленной и планомерно реализуемой задачей.

Его не пугало «вмешательство субъективной воли в объективный процесс».

Территориально-экономические районы рассматривались в рамках нового административного деления не как теоретическая, интеллектуальная категория, обеспечивающая изучение и статистический обсчет, а как практическое средство руководства производственными предприятиями и трудовыми ресурсами, которые к началу этой работы оказались довольно хаотично и весьма неравномерно разбросаны по стране.

В 1921 г. вопросами районирования страны, помимо Административной комиссии ВЦИК, занимались еще три органа: 1) Секция районирования Госплана (создан 21 февраля 1921 г.); 2) Центральное статистическое управление⁶⁸; 3) Комиссия по районированию Народного комиссариата земледелия (НКЗ), которая разрабатывала собственный проект районов, исходя из соображений рациональной организации сельского хозяйства.

Эти органы работали в определенном контакте. Кроме того, свои требования в районировании предъявляли военные — в Народном комиссариате по военным и морским делам (Наркомвоенмор) была сформирована собственная комиссия, разрабатывавшая предложения по районированию, исходя из мобилизационных и прочих соображений. Она предлагала расчленять территорию страны на административные единицы, приблизительно равные по численности населения⁶⁹, для упрощения выполнения задач призыва на военную службу и территориального размещения гарнизонов. Свои проекты районирования разрабатывали также и другие ведомства — НКПС (Наркомат путей сообщения), НКПрод (Народный комиссариат продовольствия), НКВД.

Центральное статистическое управление предлагало основывать районирование на имевшихся в его распоряжении статистических данных, касающихся промышленности, правда, довоенного периода.

Руководство Госплана считало, что ни один из ведомственных проектов не подходит для районирования страны в целом, потому что все они страдали той же «узкой ведомственностью», которая стала предметом критики дореволюционного районирования. Поэтому Госплан разработал и 4 ноября 1921 г. представил в Совет труда и обороны (СТО)⁷⁰ свой проект. СТО обратился в Президиум ВЦИК с просьбой образовать новую комиссию для выработки нового объемлющего плана с обязательным включением в работу этой комиссии представите-

лей наркоматов и делегатов с мест (в первую очередь тех автономий, которые активно возражали против представленного Госпланом проекта).

В стенах Госплана, на первых порах, работа по районированию проходила под влиянием дореволюционной «привычки» опираться на «интересы места» при принятии решений по любым вопросам, касавшимся экономического и промышленного развития данного места. Предполагалось, что она станет вестись на основе «установления связи с местными органами власти, обмена мнениями и совместной работы с ними», на «увязке с интересами и воззрениями мест», на основе «взаимоотношений между местными экономическими организациями и центром в установлении пределов их компетенции» и т.п.⁷¹ Но постепенно проработка проекта районирования все больше отходила от «интересов места» и начинала выражать «интересы центра».

Несмотря на то что работы по районированию сопровождались постоянным рефреном заверений о том, что «нет административных вопросов, которые не имели бы глубокой экономической основы»⁷², в реальности власть и обслуживавшие ее ученые исходили из совершенно иной практической и «теоретической» действительности. Организационно-административные вопросы имели для советского руководства абсолютный приоритет перед всеми иными, рассматривавшимися лишь как вспомогательные средства. Власть стремилась создать максимально эффективную систему руководства населением страны, основанную на диктате партийных органов, в которой экономика подчинялась управлению, а не наоборот.

Проект районирования призван был обеспечить практическое выполнение ряда задач: 1) пропорциональность присутствия на территории различных категорий населения: пролетариев, крестьян, ремесленников-кустарей, инженерно-технической интеллигенции, военных контингентов и т.п.; 2) баланс в каждом из административных районов промышленных, сельскохозяйственных производств; 3) темпы развертывания военно-промышленного комплекса; 4) баланс численности населения районов на каждом из иерархических уровней подчинения партийным органам; 5) интенсификация развития существовавшего народного хозяйства и при этом б) равномерное освоение территории страны с целью заполнения новым населением пустовавших приграничных зон (например, за счет создания Дальневосточного и Юго-Западного расселенческих «упоров»⁷³) и т.п.

Также следовало еще учесть и то, что районирование, материализовавшее «советское строительство», осуществлялось по «отраслевому» принципу⁷⁴, т.е. в условиях, когда отдельные сферы деятельности и крупные фрагменты территории, на которых они разворачивались, передавались в распоряжение таким «субъектам» государственного управления, как ведомства (народные комиссариаты). Именно им было доверено определять потребность в людских ресурсах и объектах инфраструктуры подле возводимых или эксплуатируемых ими промышленных объектов и самим распределять финансовые и материальные средства в рамках отводимых им лимитов. Вопросы экономической эффективности при постановке задач районирования страны изначально были поставлены в зависимость от эффективности ведомственных решений «функциональных»⁷⁵ задач. А также от общеполитических установок, кардинальным образом влиявших на решение организационно-административных вопросов, потому что власть прекрасно понимала, что определение любых территориальных границ вне организационно-управленческого устройства бессмысленно, поскольку членение «территории» являлось прежде всего средством «концентрации сил, внимания, воли, руководства и организации в советском строительстве»⁷⁶.

Районирование не было абстрактным прочерчиванием на картах условных линий, разделявших территорию государства на самостоятельные административно-хозяйственные ареалы. Напротив, оно призвано было таким образом оконтурить привязанные к территории законченные фрагменты общих цепочек производственно-технологических процессов, чтобы это позволило «...скрепить отдельные части государства в единое целое и разрешить проблему общественного сотрудничества всего трудового населения и разделения труда как между населением отдельных районов, так и между центром и местами»⁷⁷.

Госплановским ученым, которым поступали разнообразные предложения по принципам, на которых необходимо строить новое районирование страны (от НКЗ, ЦСУ, других ведомств), в конце концов пришлось вообще отказаться от принятия за исходный критерий какого-либо из статистических признаков, поскольку, по их мнению, на отдельные полагаться было невозможно, а всеобъемлющего не могло быть применительно к промышленному районированию. Поэтому фактически с самого начала работ по промышленному районированию им пришлось самостоятельно вырабатывать параме-

тры оценки территории, пригодные для ответов на вопросы о предпочтительных местах размещения новых промышленных производств.

Сформулированное в итоге понятие «экономический район» оказалось тесно связанным с возможным «потенциалом» данного района, способным обеспечить ему в будущем выполнение той или иной функции в рамках общегосударственного плана развития народного хозяйства. Этот «потенциал» складывался из: а) определенной комбинации природных особенностей (т.е. наличия комплекса местных ресурсов); б) капитальных ценностей (т.е. строительных накоплений прошлого времени — зданий, сооружений и проч.); в) количества и качества населения (т.е. трудовых ресурсов с необходимой базовой подготовкой их для определенного вида хозяйственно-производственной деятельности). Необходимый «потенциал» не обязательно должен был присутствовать актуально, часто он оценивался лишь потенциально: 1) определялись величина необходимого финансирования работ по формированию дополнительных или созданию новых капитальных ценностей (производственных мощностей); 2) рассчитывались потребности привнесения на данную территорию новой техники; 3) определялись необходимые объемы перемещения в данное место потребных контингентов рабочей силы (трудовых ресурсов конкретной квалификации).

Территория, очерченная на основе «полноценного потенциала», т.е. наличия всех трех составляющих (сырьевых и трудовых ресурсов, капитальных ценностей) и их достаточности для обеспечения бесперебойного протекания производственного процесса, именовалась «экономически законченной». Обмен между несколькими такими «экономически законченными» районами должен был ограничиваться строго фиксированным количеством «целесообразно» переправляемой готовой продукции, а все те грузовые потоки, которые оказывались ненужными с точки зрения единой общегосударственной производственно-распределительной системы должны были ликвидироваться в целях обеспечения наибольшего объема перевозок при наименьшей себестоимости транспортировки единицы груза.

Район, не способный обеспечить собственным «потенциалом» функционирование локализованного в данном месте фрагмента производственной цепочки (т.е. зависимый от поставок сырья или полуфабрикатов, нуждавшийся во внешних производственных связях с другими районами), именовался «экономически незавершенным» районом.

4 ноября 1921 г. постановлением СТО РСФСР «стратегические» разработки были отделены от «текущей» работы. Для осуществления стратегических задач районирования страны 10 ноября 1921 г. образована Комиссия по районированию РСФСР⁷⁸ в составе представителей НКВД, ВСНХ, НКПС, НКПрод, НКЗем, Наркомата по делам национальностей, ЦСУ, Всероссийского Совета профессиональных союзов, Наркомата иностранных дел, с привлечением представителей всех прочих заинтересованных ведомств, которая и начала осуществлять выработку конкретного проекта районирования. А текущая деятельность была возложена на продолжающую функционировать прежнюю Административную комиссию, роль которой в этот период и последующие годы (начиная с 1922 г. и вплоть до середины 1930-х гг.) была сведена к решению пограничных споров — к фрагментарному изменению трассировки границ республик, губерний, волостей, решению вопросов переименования населенных пунктов и административно-территориальных единиц⁷⁹.

Комиссия по районированию РСФСР под председательством М.И. Калинина приняла за основу проект границ районов, разработанный в недрах Госплана. Потому что она исходила из того же самого базового принципа, на котором основывался проект Госплана — управлять следует прежде всего цепочками производственных процессов, трассированных по стране, организуя включение в них населения тех административных районов, на территории которых разворачиваются фрагменты этих процессов. Исходя из этого принципа, а также из понятия об «экономически законченном районе», Комиссия предписывала: «...в виде района должна быть выделена своеобразная, по возможности экономически законченная территория страны, которая благодаря комбинациям природных особенностей, культурных накоплений прошлого времени и населения с его подготовкой для производственной деятельности представляла бы одно из звеньев общей цепи народного хозяйства»⁸⁰.

Итогом работы комиссии под председательством Калинина стало размежевание территории страны на 12 районов для Европейской России: 1) Северо-Западный с центром в г. Петрограде; 2) Северо-Восточный с центром в г. Архангельске; 3) Западный с центром в г. Смоленске; 4) Центрально-промышленный с центром в г. Москве; 5) Центрально-Черноземный с центром в г. Воронеже; 6) Вятско-Ветлужский с центром в г. Вятке; 7) Средне-Волжский с центром в г. Самаре; 8) Уральский с центром в г. Екатеринбург.

ге; 9) Юго-Западный с центром в г. Киеве; 10) Южный горнопромышленный с центром в г. Харькове; 11) Юго-Восточный с центром в г. Саратове; 12) Кавказский с центром в г. Владикавказе. И девять районов для Азиатской части России: 1) Западно-Сибирский с центром в г. Омске; 2) Кузнецко-Алтайский с центром в г. Томске; 3) Енисейский с центром в г. Красноярске; 4) Ленско-Ангарский с центром в г. Иркутске; 5) Якутский с центром в г. Якутске; 6) Западно-Киргизский с центром в г. Оренбурге; 7) Восточно-Киргизский с центром в г. Семипалатинске; 8) Туркестанский с центром в г. Ташкенте; 9) Дальневосточная республика с центром в г. Чите⁸¹.

Поскольку производственный потенциал и специфика каждого из районов рассматривались как составные части единого общегосударственного процесса промышленного производства, а также потому что основным принципом являлось совмещение в одном органе управления административного и экономического рычагов, предлагалось в обязательном порядке вводить в областные центры управления представителей ведомств, «распоряжавшихся» отдельными составными частями этого процесса. Конкретный состав представителей основных наркоматов (ВСНХ, НКТруда, НКФина, НКЗема, НКПрода, Наркомпути, НКВнешторг, ВЦСПС, РКИ и др., а также ЦСУ с совещательным голосом), вводимых в областные органы управления, должен был определяться и назначаться центром, исходя из характера тех конкретных функций в общегосударственных хозяйственных процессах, которые призван был исполнять данный район.

Однако этому плану районирования, как и многим другим планам данного периода, не суждена была долгая жизнь, так как он лишь частично учитывал партийно-идеологические установки власти. Его недостаток заключался в том, что при определении мест размещения новых центров машиностроения, металлургии, автомобильной, авиационной, химической промышленности этот план исходил из реалий послевоенной и послереволюционной России начала 1920-х гг. Например, данный план районирования базировался на подразделении городов на две категории: «производственных», т.е. «обладавших формирующей способностью воздействия на окружающую местность», и «торговых», т.е. «игравших чисто служебную роль при первых». Исходя из этого, проект, например, отрицал значение Нижнего Новгорода как самостоятельного экономического центра, рассматривая его исключительно «как волжский аванпост Москвы»⁸². Потому что Нижний Новгород, согласно существовавшему

на тот период положению дел, относился ко второй категории городов («торговых»). Более того, по плану районирования, индустриально-производственное значение Нижнего Новгорода как центра металлургической промышленности в будущем должно было еще больше снизиться в результате усилившегося промышленного значения Урала. Таким же образом в разряд «служебных», т.е. не обладавших собственной «формирующей способностью», оказался отнесенный и такой крупный центр, как Ростов-на-Дону, а также Одесса, трактовавшаяся как «естественный порт Киева и центр окружающего земледельческого района»⁸³. Кроме того, данный проект районирования опирался на существовавшее территориальное деление и развивал прежде всего именно его, игнорируя тот факт, что новые административные единицы должны возникать не «стихийно» — сами собой, а «целенаправленно»⁸⁴ — в соответствии со всесторонне продуманными перспективными планами развития страны.

Районы в данном проекте получались явно неравноценными как по количеству населения (что усложняло структуру партийного руководства, точнее, не давало ей сформироваться в должном виде), так и по производственно-экономическому наполнению. То есть либо небольшими по промышленному потенциалу, но огромными по площади (как, например, районы в азиатской части страны — плохо освоенной и слабо обжитой), либо, наоборот, мощными по производственному потенциалу, с большой концентрацией населения, но с весьма ограниченной территорией (как некоторые районы в европейской части страны). Кроме того, и в европейской части далеко не все районы оказывались соразмерными друг другу. Так, например, предложенный Вятско-Ветлужский район (Вятская губерния с присоединенной к ней северной, необжитой частью Костромской и Нижегородской губерний) невыгодно отличался от соседних в соотношении потенциала промышленности, размеров территории и количества населения.

Проект районирования принципиально не брал в расчет сложившееся в России национальное размежевание и стремление национальных элит сохранить свою административно-территориальную независимость. Так, например, предлагавшийся Южный горнопромышленный район объединял части территорий России и Украины, Западный — часть России и всю Белоруссию, Кавказский — южную Россию и всю Закавказскую Федерацию.

Через год после образования Комиссии по районированию РСФСР, на X Всероссийском съезде

Советов (23–27 декабря 1922 г.) было принято законодательное решение о создании Союза Советских Социалистических Республик, членами которого стали РСФСР, Украина, Закавказская Федерация и Белоруссия⁸⁵. А с образованием СССР была создана и новая комиссия по районированию, соответственно, более высокого иерархического уровня — Комиссия ЦИК СССР.

На Съезде группа членов ВЦИК⁸⁶ при активном участии Ю. Ларина выступила с кардинальным предложением — вообще отказаться от формирования районов, а вместо этого осуществить укрупнение губерний в результате слияния воедино некоторых из них. Эта позиция в значительной степени выражала интересы представителей местной партийно-государственной власти, в частности, руководителей отдельных губерний, стремившихся расширить свои территории за счет слабых соседних, а также местных этнических элит, не желавших утрачивать какие-либо фрагменты своей территории в результате присоединения их к приграничным административным единицам соседних республик. Конкретные предложения по территориальному районированию, предложенные группой членов ВЦИК, вызвали резкие возражения со стороны представителей Госплана, ВСНХ, ЦСУ и наркоматов⁸⁷. 13 апреля 1922 г. тезисы по районированию, переработанные в Комиссии Калинина, были приняты и утверждены Президиумом ВЦИК.

Работа была продолжена, и состоявшийся через год (17–25 апреля 1923 г.) XII съезд РКП(б) вновь вынес на повестку дня и специально обсудил вопросы районирования страны. Доклад о районировании делал А.И. Рыков, особо подчеркивая тот факт, что вопрос административно-хозяйственного деления на районы — это вопрос «реорганизации советского аппарата, системы партийных органов и системы диктатуры пролетариата»⁸⁸. Съезд указал на важность решения вопросов территориальной организации страны и подчеркнул, что, несмотря на свое «техническое» название, работы по районированию (и, как следствие, по расселению) имеют целью прежде всего «целесообразную организацию аппарата власти», рациональное формирование процессов промышленного производства и организацию рабочего класса.

К моменту обсуждения вопроса о новом районировании на съезде партии высшее руководство страной уже окончательно отошло от первоначальной идеи независимости Советов и рассматривало их как «тесно связанную и объединенную организацию, которая должна «находиться под громадным

давлением централизации»⁸⁹. Центральная власть, присвоив себе право перекраивать границы административных единиц (вплоть до полной ликвидации тех или иных территориально-административных образований), тем самым получила в свои руки мощнейший механизм «вразумления» непокорных местных Советов (под угрозой их ликвидации в результате реформирования «объекта» управления). Осуществляемое в этот период перекраивание границ административных единиц закрепляло результаты первой фазы административной борьбы центральной и местных властей⁹⁰, принуждая последние к безоговорочному принятию главенства над собой центральных органов власти.

Кроме этого, от нового административного деления требовалось обеспечить совершенно инновационное прочерчивание границ административных районов, ориентированное на перспективу, т.е. такое, которое отвечало бы планам развития страны в будущем. А поскольку проект, предложенный Госпланом и Административной комиссией Президиума ВЦИК, таковым в должной мере не являлся, постольку Съезд РКП(б) принял решение считать план нового хозяйственно-административного деления лишь предварительной рабочей гипотезой, нуждавшейся в дополнении, проверке и доработке.

Через неделю после завершения съезда — 4 мая 1923 г., в целях интенсификации работ по районированию, Совет труда и обороны (СТО) постановил: а) просить Президиум ВЦИК создать при нем комиссию для окончательной подготовки проекта административно-хозяйственного районирования, в состав комиссии включить по одному представителю Госплана, Административной комиссии ВЦИК, НКВД, ЦСУ; б) определить два «экспериментальных» района для отработки на них административной реформы.

Эта новая комиссия — Комиссия Президиума ВЦИК по районированию РСФСР — была создана 9 мая 1923 г. в составе 10 человек. В нее, помимо представителей СТО, Госплана, Административной комиссии ВЦИК и НКВД, были включены представители ВСНХ, Народного комиссариата по делам национальностей, НКПС, НКВоеМор и представители с мест (в частности, от Украины)⁹¹. Она приняла тезисы по районированию, предложенные Госпланом по докладу проф. И.Г. Александрова. Они были положены в основу дальнейших работ по районированию не только самого Госплана и Административной комиссии ВЦИК, но также и образовавшихся впоследствии специальных комиссий при ЦИК и ВЦИК по наблюдению за осуществлением

районирования на местах⁹². Эти тезисы утверждали элементы административно-территориального устройства (всех уровней — города, области, экономические районы и т.д.) как рычаги централизованного государственного управления: «...наш подход: центры производства, центры новой культуры, новые города страны — очаги роста пролетариата являются главными сотрудниками государственной власти... С этой точки зрения экономическое районирование... является опорным пунктом для создания новых высших форм организации народного труда»⁹³. Промышленные городские центры, вместе с прилегающими к ним «непролетарскими» зонами, должны были объединяться производственно-хозяйственными связями в единые территориально-производственные системы.

В середине июня 1923 г. на Комиссию ВЦИК РСФСР по районированию, существовавшую параллельно с Комиссией ЦИК СССР, были возложены обязанности подготовительной работы по районированию РСФСР в целом, а также решение вопроса об укреплении волостного аппарата. Комиссия получила задание осуществить (как это предписал в своем постановлении СТО) первоочередное районирование двух территориальных зон — Урала и Юго-Востока.

24 сентября 1923 г. Комиссия ВЦИК РСФСР и Комиссия ЦИК СССР в целях скорейшего «решения вопросов развития страны в целом» были объединены в одну комиссию⁹⁴. После этого общесоюзные планы стали фактически директивными для отдельных республик и тем более краев и губерний. Работы по районированию в республиках (в том числе и в РСФСР) и в содержательном, и в организационном, и в законодательном отношении лишились самостоятельности и превратились в программы, концептуально дублирующие, а в деталях — лишь конкретизирующие главные установки союзного руководства. Республиканские, краевые, губернские планы фактически превратились лишь в списки мер, воплощавших спускаемые сверху задачи. Законодательным оформлением данного положения дел явился выход постановления Президиума ВЦИК от 31 мая 1926 г. о ликвидации местных комиссий и бюро по районированию, а также принятие постановления Президиума ВЦИК от 28 июня 1926 г. об упразднении Комиссии ВЦИК по районированию РСФСР⁹⁵.

Это решение во многом было обусловлено также и тем, что в данный период (1926—1927 гг.) Госпланом уже была начата разработка первого общегосударственного пятилетнего плана развития народно-

го хозяйства СССР и, как следствие, вся работа по районированию, призванная обеспечить реализацию этого плана, сосредоточивалась в его стенах.

Следует подчеркнуть, что разрабатываемый Госпланом пятилетний план был ориентирован прежде всего, на исполнение военно-оборонных задач. Впоследствии эта особенность сыграла ключевую роль в решениях по размещению промышленности, назначению конкретных мест строительства новых городов и рабочих поселков, административно-территориальному районированию в целом⁹⁶.

4 мая 1927 г. РЗ СТО создало Военную комиссию, в задачи которой, помимо довольно широкого круга вопросов, входила «разработка плана работы всего народного хозяйства в военное время»⁹⁷. Начиная с этого времени и вплоть до появления окончательной версии первого пятилетнего плана в 1929 г., все расчеты и положения программы индустриализации проверялись и визировались военными⁹⁸.

На ВСНХ была возложена ответственность за мобилизацию всей советской промышленности, он должен был составить список важнейших гражданских предприятий, которые при объявлении мобилизации должны были незамедлительно перейти на выпуск военной продукции⁹⁹. Что же касается наркоматов, то кандидаты на должности руководителей их мобилизационных управлений отбирались, а фактически назначались Реввоенсоветом из числа офицеров Красной армии.

28 мая 1927 г. СТО, проанализировав подготовленные ВСНХ документы, обязал последнего кардинально пересмотреть выработанный им пятилетний план развития военной промышленности, обратив особое внимание на связь между производством вооружений и гражданской промышленностью¹⁰⁰.

Новое районирование, неразрывно связанное с разработкой и реализацией программы индустриализации, как, впрочем, и вся работа Госплана, являлось, как мы уже отметили выше, «преобразовательным» в отношении сложившейся «пространственной конструкции» страны. Оно намечало новые ареалы ресурсодобычи, места размещения новых промышленных районов, реструктурировало транспортную и энергетическую структуры, перераспределяло население, изменяло конфигурацию хозяйственно-экономических единиц и, в соответствии с этим, трансформировало административно-территориальные границы. В конечном счете перестраивало всю систему руководства¹⁰¹.

Причем, что крайне важно, это новое районирование целенаправленно совмещало хозяйственно-экономическое членение территории, которое

находилось в ведении народных комиссариатов, с административно-политическим, которое осуществлялось территориальными органами управления¹⁰². Подобное делалось специально для того, чтобы создать «двойную» систему управления как хозяйственно-экономическими процессами, так и людьми, т.е. совместить: а) экстерриториальную (ведомственно-отраслевую), отвечавшую за производство определенного вида продукции, и б) территориальную (территориально-административную), отвечающую за организацию человеческих масс. И, соответственно, обеспечить взаимодействие, взаимный контроль и, в определенном смысле, противовес этих двух систем.

На основе этих целей, задач, проблем, установок, конкретных заданий, получаемых со стороны политического и военного руководства страной, и начинает осуществляться практическая работа по реализации базовых положений новой пространственно-промышленной «сборки» страны. Следует заметить, что ни на одном из описанных выше этапов разработки принципов административно-территориального деления страны архитекторы-планировщики ни в какой степени (ни персонально, ни в качестве представителей каких-либо организаций) не участвовали. Профессиональное содержание их деятельности и знания о качественных характеристиках среды обитания никак не были представлены в принимавшихся решениях по формированию нового пространственного каркаса страны.

Подытоживая сказанное, нужно констатировать, что в 1926–1927 гг. в СССР начала разрабатываться программа формирования военно-промышленного комплекса, именовавшаяся «индустриализацией». Эта программа указывала, сколько и каких следует построить заводов и фабрик, чтобы сформировать единую, технологически взаимосвязанную сеть производств, способных максимально быстрыми темпами производить военно-гражданскую продукцию, осваивать природные запасы сырья, заселять пустующие территории и быть предельно неуязвимой во время возможных боевых действий. Подобная постановка вопроса привела к выработке стратегии создания эшелонов оборонных предприятий в зонах, недоступных на тот период для воздушных ударов авиацией любого из вероятных противников — на Урале, в Сибири, в отдаленных частях севера, юга, востока страны. К 1929 г. Госплан завершил разработку теоретических принципов территориального членения и определил производственно-экономический потенциал неосвоенных регионов, а также потребность в рабочей силе для их освоения.

Работа Госплана над программой индустриализации всецело опиралась на концептуальные постулаты, содержащиеся в работах К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина. Разработки Госплана основывались также и на результатах анализа состояния производственного потенциала СССР, который доказывал, что следует не модернизировать существовавшие промышленные предприятия, а возводить новые, потому что приобретение за рубежом передовых технологий и строительство для них современных промышленных сооружений с точки зрения экономики и трудозатрат являлось более выгодным, нежели модернизация старых фабрик и заводов.

Расселенческая политика призвана была обеспечить реализацию программы индустриализации, формируя систему новых населенных мест, готовых принимать население, перемещаемое из существовавших городов и выдавливаемое коллективизацией из сельской местности. Градостроительная политика в отношении слабо освоенных территорий в своих содержательных моментах полностью основывалась на стратегических разработках Госплана, концептуально постулировавшего новые принципы пространственной концентрации индустрии — в местах возведения производственно-энергетических комплексов. Подобное осуществлялось за счет «отрыва» зон размещения промышленности от мест залегания энергоносителей (угля, торфа) и переноса их (а также неразрывно связанной с ними селитьбы) к местам залегания сырья (т.е. в базовые ареалы новой территориальной структуры), где, собственно, и намечалось возведение новых промышленных предприятий, а также гидро- и теплоэлектростанций для обеспечения производств необходимой энергией. Таким образом, была практически осуществлена трансформация ранее существовавшего пространственного каркаса расселения.

Новое районирование исходило из требования административно-территориального единства пространственной локализации различных функций. Этим оно кардинально отличалось от прежнего, расчленявшего одну и ту же территорию страны одновременно на функционально разнородные управленческие ареалы: 13 судебных, 15 учебных, 9 водных, 14 военных, 11 горных и т.п., границы которых не совпадали. Подобное послойное членение территории страны на ареалы разных видов деятельности концептуально отвергалось Госпланом как «порождавшее рыхлую управленческую структуру».

В отношении градостроительства новое районирование ставило задачу возведения поселений около возникавших промышленных предприятий, а также

трансформации старых поселений, получавших импульс роста в связи с размещением в них новых объектов промышленности, энергетики, транспорта. Сознательно закрепляя за новыми крупными индустриальными центрами роль опорных узлов единого общегосударственного производственно-распределительного процесса и присваивая им функцию центров территориальной организации населения, власть тем самым выстраивала систему партийно-административного управления, рассматривая ее в качестве важнейшего атрибута государственности. При этом задачи формирования комфортной среды обитания отходили на второй план или вообще не ставились, а только лишь идеологически провозглашались. Окраинные и слабозаселенные территории страны «заполнялись» новым населением не благодаря созданию здесь более привлекательных, более качественных условий жизни, а за счет приказного перемещения демобилизованных красноармейцев, ссыльнопереселенцев, трудомобилизованных, лиц принудительного труда.

Главной задачей создания новой «пространственной конструкции» страны являлось обеспечение «экономического сжатия пространства». Достигалось это за счет «магистрализации» (оптимизации транспортной сети, повышения скорости движения и паровозоспособности) а также «агломерирования» (т.е. повышения доли коротких связей в производственных процессах и расселении). Советская власть в точном соответствии с теоретическими признаками агломерации, которые будут сформулированы через много лет, практически создавала в базовых ареалах в целом дезурбанизированного расселения локально сконцентрированные урбанизированные территории, впоследствии довольно хаотично развивавшиеся.

Практическое и нормативное обеспечение новой системы расселения

Расселение, сначала планируемое, а затем практически осуществляемое в рамках государственных программ, целиком и полностью следовало административно-территориальному районированию, базировавшемуся на формируемых промышленно-энергетических комплексах. Поэтому концепция «социалистического расселения», как и прочие основные положения советской градостроительной политики, вызревала и законодательно оформлялась фактически с момента начала работ Административной комиссии по новому промышлен-

но-административному районированию СССР, т.е. с первой половины 1920-х гг.

Вероятно, самым первым нормативным документом, отразившим складывавшуюся систему представлений о новых принципах районирования и расселения, было принятое ВЦИК РСФСР 15 сентября 1924 г. «Общее Положение о городских и сельских поселениях и поселках»¹⁰³. Оно вместо ранее существовавших 6 типов поселений (двух категорий населенных мест, подразделявшихся каждая, на три вида) в качестве главного критерия вводило в новую классификацию поселений их «промышленно-рабочую» характеристику. В результате этого все населенные пункты РСФСР — очень разные по образу жизни и хозяйственной деятельности, именовавшиеся посадами, слободами, поселками, станицами, деревнями, селами, местечками и т.д., — теперь начинали подразделяться всего лишь на две основные категории, в зависимости от наличия или отсутствия на своей территории промышленного предприятия, предопределявшего их «пролетарский» характер¹⁰⁴: городские, имевшие промышленность, и сельские поселения, лишенные промышленности. К ним добавлялись три разновидности специальных поселков: а) рабочие (с промышленностью); б) курортные (лечебно-санаторные); в) дачные. Постановление ВЦИК требовало при отнесении поселения к «городскому» типу, прежде всего, принимать во внимание: «...развитие населенного пункта в отношении концентрации промышленности... близости к железной дороге или другим пунктам сообщения, наличие пролетарского населения...»¹⁰⁵.

Отличие новой типологии поселений от прежней состояло в том, что если в дореволюционный период деление населенных пунктов на категории производилось в зависимости «от местных обычаев, бытовых условий, религиозных культов, экономического значения и т.п.»¹⁰⁶, то теперь (в соответствии с формирующейся концепцией соурасселения), основными признаками отнесения населенного пункта к той или иной категории становились: производственно-экономическое значение населенного места и основной характер хозяйственной деятельности его жителей; наличие административного центра, путей сообщения¹⁰⁷.

Государственные органы параллельно с разработкой первого пятилетнего плана непрерывно осуществляли приведение существовавшей нормативно-правовой базы в соответствие с уже назревшей работой по проектированию, а затем и строительству новых населенных пунктов. Так, 4 ноября 1927 г. СНК РСФСР принял постановле-

ние «О сроках и правилах составления, рассмотрения и утверждения планов существующего расположения и проектов планировки городских поселений и поселков»¹⁰⁸, которое предписывало незамедлительно развернуть деятельность по разработке проектов планировки и застройки городов, которые (согласно прорабатываемому плану индустриализации) попадали в списки населенных мест, подлежащих коренной реконструкции из-за размещения в них новой промышленности.

Постановление утверждало список 49 городов и городских поселений, которым предписывалось незамедлительно приступить к составлению съемок существовавшего расположения и завершить планировочные работы с предоставлением проектов планировки в НКВД РСФСР в основном к 1 мая 1931 г.¹⁰⁹ Постановление указывало, что проекты планировки должны включать переустройство существовавшей селитебной части и проект перспективного роста городского поселения или поселка на срок не менее 15 лет¹¹⁰. По ряду городов: Алма-Ате, Микоян-Шахару — строящемуся центру Карачаевской автономной области, Чамбаю, Фрунзе, Грозному, Новороссийску, Астрахани, Шахтам, Ростову-на-Дону с Нахичеванью, Сочи — проекты планировки предписывалось представить к 1 мая 1930 г.; по Владивостоку, Казани, Керчи, Перми с Мотовилихой, Самаре, Саратову, Свердловску, Смоленску, Сталинграду, Чебоксарам — к 1 мая 1932 г.; по Ленинграду и Москве — к 1 мая 1933 г.; по прочим городам (а также рабочим и курортным поселкам) «предельные сроки» предоставления проектов поручалось определить НКВД РСФСР¹¹¹.

Эти поселения являлись «точками роста» активно прорабатывавшегося в это время первого пятилетнего плана, потому что в них намечалось возведение крупных объектов: промышленных сооружений, электростанций, сооружений железнодорожного, речного и морского транспорта, инфраструктурных объектов (элеваторов, государственных складов, мостов), военных сооружений и пр. Подобное строительство вызывало «значительное расширение городской или поселковой территории», которое в соответствии с принципами «промышленного районирования» приводило к образованию в данном населенном пункте крупного административного центра или к «преобразованию существовавшего поселения в поселение другой категории», или даже к постройке рядом со старым населенным пунктом — нового (именуемого «вновь образующимся городским поселением или поселком»). Для таких случаев постановление

предписывало выполнять проекты планировок внепланово и в ускоренном порядке¹¹², а финансирование проектных работ осуществлять целевым образом — «отпускать особые средства из государственного или местного бюджета» и все «расходы на работы по планировке включать в общие сметы на переустройство или постройку вновь образуемого населенного места»¹¹³. Во всех остальных случаях потребные расходы вносились в соответствующие подразделения местных бюджетов на общих основаниях, что серьезным образом сдвигало сроки разработки проектов. Таким образом, программа индустриализации резко дифференцировала населенные пункты на те, которые получали импульс к развитию, благодаря строительству в них промышленных предприятий, и на те, которые, будучи лишенными крупной промышленной базы, на долгие годы оставались на периферии внимания власти к своим планировочным проблемам.

Постановление СНК РСФСР от 4 ноября 1927 г. поручало НКВД РСФСР к 1 октября 1928 г. разработать, согласовать с заинтересованными ведомствами и Госпланом РСФСР, а затем представить на утверждение СНК РСФСР проекты трех постановлений — базовых для осуществления будущей расселенческой и градостроительной политики в контексте грядущей индустриализации: 1) о порядке выбора мест для образования новых городских поселений, а также рабочих и курортных поселков; 2) об основных нормах планировки городских поселений, рабочих и курортных поселков¹¹⁴; 3) о порядке выполнения проектов планировки.

23 ноября 1927 г. вышло постановление ЦИК и СНК СССР «Положение о порядке утверждения проектов по промышленному строительству, производимому ВСНХ СССР, высшими советами народного хозяйства союзных республик, их местными органами и подведомственными им предприятиями и учреждениями»¹¹⁵, которое законодательно закрепило один из постулатов государственной градостроительной политики 1920–1930-х гг. — жилищное гражданское строительство, а также возведение объектов коммунального и бытового обслуживания в поселках-новостройках, возводимых для расселения рабочих градообразующего предприятия (а позднее, и городах-новостройках) утрачивало свой самостоятельный статус и переводилось в разряд «промышленного строительства»¹¹⁶. Тем самым за жилищным и коммунальным строительством законодательно закреплялась подчиненная, обслуживающая роль по отношению к промышленному строительству.

В соответствии с этим постановлением ВСНХ фактически превратился в главного распорядителя всего нового жилищного строительства при всей новой промышленности (за исключением объектов транспорта). Данное постановление освобождало ВСНХ от необходимости какого-либо взаимодействия с местными органами власти, сводя формат их взаимоотношений лишь к согласованию на местах готовых проектов планировки поселений на предмет их соответствия местным условиям¹¹⁷.

Власть приняла это решение, исходя из организационно-управленческих соображений — так было легче осуществлять общегосударственное планирование и распределение средств, проще контролировать их использование и обеспечивать комплексное (взаимувязанное) возведение промышленности и жилья, необходимого для размещения сначала строительных рабочих, а потом постоянных кадров работников промышленности. Такая форма представляется более простой для функционирования вертикали партийно-государственного руководства, обеспечения единоначалия, для придания персональной ответственности и исполнительской дисциплины со стороны «красных директоров».

В 1928 г. власть на государственном уровне, фактически впервые за весь период своего существования, высказала свою официальную позицию в отношении своей градостроительной политики и являвшейся ее неотъемлемой частью жилищной политики — 4 января и 28 мая вышли два документа, фактически до конца 1930-х гг. остававшиеся основополагающими для гражданского проектирования.

4 января было принято Постановление ЦИК и СНК СССР, которое так и называлось: «О жилищной политике»¹¹⁸, а 28 мая НКВД издал Инструкцию № 184 «О порядке составления, рассмотрения и утверждения проектов планировки городских поселений и рабочих, дачных, курортных поселков»¹¹⁹, которая была разработана в Бюро планировки Картоиздательства НКВД на основе опыта «научно-экспериментальных» проектов: послепожарного г. Котельнича (1926 г.), Вятки, Новосибирска¹²⁰. Постановление ЦИК и СНК СССР представляло собой развернутую программу действий власти в отношении жилища (и указывало, каким оно должно быть), а Инструкция НКВД № 184 предписывала, как должны проектироваться советские города и рабочие поселки.

Инструкция НКВД № 184 — была последним из советских градостроительных документов, который в нормативной форме содержал одновременно: концептуально-теоретические представле-

ния, генетически вытекавшие из идеи города-сада; принципиально иные представления о поселениях нового типа — соцгородах и соцпоселках. То есть две группы требований, совершенно различных по содержанию и идеологической направленности, которые условно можно назвать: «нормативы города-сада» и «нормативы соцгорода».

Через «нормативы города-сада» город раскрывался таким, каким он укоренился в профессиональном сознании еще со времени активного увлечения социально-реформаторскими идеями Э. Говарда¹²¹ (т.е. с конца 1890-х гг. до конца 1920-х гг.). А через «нормативы соцгорода» город представал таким, каким его желала видеть власть, осуществляя программу ускоренного формирования военно-промышленного комплекса и индустриального освоения отдаленных сырьевых регионов, — таким, каким он концептуально формулировался в доктрине соцрасселения, вырабатывавшейся в недрах комиссий Госплана и ведомств.

«Нормативы соцгорода», в частности, были принципиально «безразличны» ко всем особенностям места будущего города, кроме технических (геологические условия, климатические характеристики и проч.). Даже по отношению к такой традиционно важной для градостроительного проектирования характеристике, как рельеф, они оказывались нейтральными, так как площадка для возведения будущего промышленного комплекса и привязанной к нему селитьбы еще на предварительной стадии выбиралась максимально ровной, как это было законодательно предписано еще в декабре 1927 г. постановлением ЭКОСО РСФСР «Об утверждении строительных правил и норм для постройки жилых домов в поселках на территории РСФСР»¹²².

В части, касавшейся «нормативов соцгорода», Инструкция законодательно обеспечивала реализацию концепции соцрасселения, которая официально утверждала безусловный идеологический приоритет промышленно-производственного потенциала существования и развития поселений перед всеми прочими. Согласно концепции соцрасселения, Инструкция теперь уже нормативно закрепляла приоритеты «производства» и «транспорта» перед «селитьбой», трактуя соцпоселения как «производственные и экономические центры»¹²³ и предписывая осуществлять их планировку таким образом, чтобы обеспечивать прежде всего «развитие и организацию промышленности во всех ее видах»¹²⁴.

Инструкция, воплощая данное положение концепции соцрасселения, предписывала при разра-

ботке проектов планировки учитывать «взаимодействие и тесную связь интересов города и тяготеющих к нему районов (местного края)»¹²⁵. Инструкция рассматривала новый город, как организующее ядро всей прилегавшей сельскохозяйственной территории, требовала «с достаточной точностью и полнотой охватывать не только селитебную часть города и городских (поселковых) земель, но и земли вне городской (поселковой) черты»¹²⁶, предусматривать возможное расширение городской территории с «включением в нее сельских поселений»¹²⁷. Она также требовала разрабатывать планировку населенного пункта так, чтобы «содействовать хозяйственно-экономическому развитию... тяготеющего к нему района»¹²⁸ и предусматривать возможность «объединения города с соседними городами, рабочими поселками и промышленными предприятиями в общую районную планировку»¹²⁹.

Положения Инструкции были тесно связаны с еще одним базовым постулатом концепции соцрасселения — о том, что административно-территориальное деление должно обеспечивать руководство производственными процессами. Так, концепция предписывала в административно-территориальные границы района включать все «объекты», составляющие производственный процесс: а) промышленное «ядро» с соответствующей партийно-хозяйственной управленческой надстройкой (собственно соцгород); б) зону притяжения трудовых ресурсов; в) принадлежность сырьевых регионов; г) транспортные ареалы, обеспечивающие поставку сырья, материалов, энергоносителей, комплектующих; д) зону действия распределительной системы и т.п.¹³⁰

«Нормативы города-сада» и «нормативы соцгорода», исходившие из разных теоретических концепций, несли и различные «идеалы жилища». Так, «нормативы города-сада» предполагали наличие в проекте детальной планировки «строительных участков частного пользования»¹³¹, а «нормативы соцгорода» предусматривали наличие «кварталов коллективной застройки»¹³². Они выражали разные взгляды на природу городов. Один — «индивидуализированный», предполагавший индивидуальный подход к каждому населенному пункту и обеспечение населения персональным жилищем. Другой — «индустриальный», нарождавшийся в рамках доктрины административно-промышленного районирования (когда размещение и предназначение соцпоселения и характер его эксплуатации всецело предопределялись местом расположения и характером функционирования промышленного предпри-

ятия, являвшегося элементом общегосударственной системы военно-гражданского производства). Первый в рассматриваемый период подспудно выдвигался из доктрины расселения. Второй — насаждался в практику проектирования, как отвечающий задачам советской индустриализации.

Две эти группы нормативов невольно иллюстрировали существование в этот период диаметрально противоположных профессионально-идеологических представлений о социальном предназначении городов: а) являться самодостаточным, общественно самоуправляемым автономным в финансово-экономическом отношении поселением, без промышленности — «поселением-спальной» или б) выступать в роли элемента общегосударственной системы управления процессами производства и руководства людьми, прикрепленными к этим процессам, являться «пролетарским центром», административно и политически организующим прилегающие территории.

Одновременное присутствие в рамках одного документа двух разнородных групп предписаний — «нормативов соцгорода» и «нормативов города-сада» — превращало Инструкцию в своеобразное историческое свидетельство того концептуально-идеологического противостояния, которое происходило во второй половине 1920-х гг. в недрах органов руководящих проектированием поселений. Объединяя две различные урбанистические парадигмы, Инструкция представляла собой своеобразное нормативное перепутье, на котором власть осуществила окончательный выбор стратегии своей архитектурно-градостроительной и расселенческой политики. В дальнейшем через «нормативы соцгорода» власть станет неуклонно закреплять в практике общегосударственной архитектурно-градостроительной проектной деятельности новое концептуальное содержание, а «нормативы города-сада» будут с конца 1920-х гг. окончательно устранены из нормативной действительности. В последующие годы в советских нормативных градостроительных документах они больше никогда уже не появятся.

Используя нормативные документы, власть изменяла не только идеологию градоформирования, сложившуюся в предреволюционный период, но и те теоретические представления, которые успели вырасти под влиянием идеологии реформаторских социальных преобразований первого послереволюционного десятилетия. Используя нормативы, власть вводила деятельность архитекторов в систему надличностных правил, обладавших, в рамках целенаправленно создаваемой общегосударствен-

ной системы проектного дела, мощью, значительно превышавшей и волеизъявление отдельных людей, и даже организационные возможности целых проектных коллективов.

Законодательно утверждая определенные нормативы, власть принуждала проектировщиков перестраивать свои персональные представления о предназначении городов и о целях проектной деятельности в соответствии с официальной доктриной. Причем эти «добровольно-принудительные» изменения оказывались обязательными для всех участников проектного процесса, так как процедуры согласования и утверждения проектной документации основывались на тех же самых нормативах и неисполнение их обесмысливало результаты проектной работы.

Публичная дискуссия о соцрасселении и ее итоги

Принципы распределения трудовых ресурсов (населения) по территории страны, постулаты промышленного районирования, неразрывно связанного с административно-территориальным членением, регулятивы осуществления архитектурно-градостроительной политики отрабатывались (идеологически, научно, законодательно и даже нормативно), как мы показали выше, на протяжении фактически всех 1920-х гг. Они постепенно уточнялись, дооформлялись и воплощались в конкретных экономгеографических, промышленных, транспортных, организационно-управленческих, военно-оборонных и прочих решениях. Эта работа велась в тиши кабинетов ЦК ВКП(б), ЭКОСО, СТО, ВСНХ, Госплана, наркоматов и других партийных и правительственных учреждений и не выходила в сферу общественного обсуждения.

Отличие кратковременного периода конца 1929 г. — середины 1930 г., когда содержание этой работы внезапно стало предметом широкой публичной дискуссии, заключалось в том, что работа вплотную подошла к конкретному приложению ее постулатов к условиям жизни и деятельности подавляющей части городского (поселкового) населения страны. Разработка принципов перераспределения рабочей силы, принципов районирования, нормативов архитектурно-градостроительной и расселенческой политики, объединенная общим названием «концепция социалистического расселения», перешла с началом реализации программы индустриализации (во второй половине 1929 г.) в стадию

решения конкретных планировочных вопросов. А это, в свою очередь, потребовало выработки общегосударственных подходов, общих регулятивов проектирования, писанных (и неписанных) установок — единых для всей системы проектного дела в стране. Поэтому архитекторы, ученые, общественные деятели, представители плановых и советских руководящих органов и др. невольно оказались инициированными к тому, чтобы увязать воедино общие проектные установки и принципы: а) планировки соцгородов; б) проектирования жилища в них; в) формирования всей системы расселения по территории страны.

Началом широкомасштабной дискуссии о соцрасселении можно считать рабочее совещание, прошедшее 26 октября 1929 г. в стенах Госплана — главного разработчика плана первой пятилетки¹³³. На нем обсуждалось содержание книг и статей Л.М. Сабсовича, выразивших основные базовые положения и позицию того варианта плана индустриализации, который разрабатывался в стенах ВСНХ. Вопрос оказался настолько актуальным, что к нему незамедлительно подключилась Коммунистическая академия ЦК ВКП(б) и обсуждение предложений Л.М. Сабсовича стало массовым, а благодаря публикациям в центральной печати — воистину всесоюзным.

По инициативе руководства Комакадемии, 31 октября 1929 г. в ее помещениях прошло заседание, посвященное докладу М.А. Охитовича — главного оппонента Л.М. Сабсовича (сам доклад был сделан Охитовичем здесь же — в Кооперативной секции Комакадемии 1 октября — за месяц до заседания 31 октября¹³⁴). М.А. Охитович сотрудничал с Объединением современных архитекторов (ОСА) и поэтому свою «антисабсовичевскую» позицию зафиксировал, прежде всего, на страницах журнала «Современная архитектура», издававшегося ОСА, в статье «К проблеме города»¹³⁵. Следующее заседание, посвященное дискуссии о соцрасселении, проходило также в стенах Комакадемии через несколько дней — 6 ноября 1929 г.¹³⁶ А следующие два были проведены в Госплане СССР (26 и 29 ноября 1929 г.)¹³⁷; а затем еще два снова в Комакадемии (20 и 21 мая 1930 г.)¹³⁸.

Дискуссия не исчерпывалась только публичными обсуждениями — в ходе ее делались и отдельные тематические доклады. Так, например, 22 февраля 1930 г. в помещении Комакадемии выступал с докладом о коллективизации быта один из активных участников дискуссии Ю. Ларин. Позднее содержание доклада было изложено им в статье «Кол-

лективизация быта в существующих городах»¹³⁹. В дискуссии участвовали такие известные государственные и общественные деятели, ученые и архитекторы, как Н.А. Ковалевский, Г.М. Кржижановский, Н.К. Крупская, А.З. Гольцман, Б. Гуревич, А.В. Луначарский, Н.А. Милютин, Н.А. Паскуцкий, Н.А. Семашко, С.Г. Струмилин, Г.Б. Красин, Ю. Ларин, Т.С. Хвесин, А.У. Зеленко, В.Я. Беловусов, П.М. Кожаный, братья Веснины, М.Я. Гинзбург, Н.А. Ладовский, А.В. Щусев и др. Одно лишь заседание в мае 1930 г. в Комакадемии собрало более чем тысячную аудиторию¹⁴⁰.

В начале 1930 г. к дискуссии о соцрасселении «залпом» подключился ряд журналов, посвятивших данной проблематике свои первые номера журналов: «Литература и искусство»¹⁴¹; «Современная архитектура»¹⁴²; «Революция и культура»¹⁴³; «Строительство Москвы»¹⁴⁴; «Плановое хозяйство» и др. Материалы дискуссии публиковались также на страницах ведущих газет страны: «Правда»¹⁴⁵, «Известия»¹⁴⁶, «Комсомольская правда»¹⁴⁷, «Экономическая жизнь»¹⁴⁸, «Вечерняя Москва»¹⁴⁹, «За индустриализацию»¹⁵⁰ и др. Периодическую (общественно-политическую и профессиональную) печать заполняли заметки и статьи, посвященные социалистическому расселению, новому жилищу и новым городам. Отдельными брошюрами издавались доклады, публиковались стенограммы выступлений¹⁵¹.

Государственные деятели — участники дискуссии — стремились найти ответы на вопросы о том, как следует формировать среду обитания, которая была бы способна обеспечивать социально-политическое управление и регулирование численности городского населения. Каким образом за счет градостроительных структур можно было бы наиболее эффективным образом внедрять извне нормы социального поведения, межличностного общения, коллективного быта и трудового взаимодействия, а также контролировать их усвоение и повседневное исполнение.

Архитекторов дискуссия привлекала возможностью изложить свое видение того, каким должен быть новый, «некапиталистический» тип городов нового политического строя. Каким должен быть «социалистический» город — как он должен выглядеть, как должен быть спланирован, какое жилище в нем должно строиться, какие общественные здания должны включаться в его структуру и т.п.

Градостроительство рассматривалось лишь как одно из многих средств воплощения первого пятилетнего плана. Причем, не основное. Но обязательное. Потому что сооружение сотен новых про-

мышленных предприятий было абсолютно невозможным без возведения рядом с ними сотен новых поселений для размещения рабочих и членов их семей. Градостроительному и архитектурному проектированию, в рамках реализации общегосударственной программы индустриализации, отводилась обслуживающая, сопутствующая, подчиненная роль, но незаменимая и поэтому важная.

Позиция Госплана и позиция ВСНХ совпадали в главном — в стремлении практически воплотить выработанные и утвержденные концептуально-теоретические постулаты реформирования административно-территориального деления страны. Именно эти постулаты в дальнейшем оказались сохраненными, доработанными, законодательно оформленными и последовательно практически реализованными в государственных программах проектирования и строительства соцгородов.

Основным, практически не оспариваемым в ходе дискуссии утверждением являлось то, что «новые поселения» должны быть совершенно иного вида, нежели существующие¹⁵²; что они призваны заменить старые города¹⁵³ и воплотить новые формы организации производства, быта, общественного обслуживания, отдыха, досуга, воспитания детей, профессионально-технической подготовки подрастающего поколения и проч. в особых формах: «обобщественного жилья», «обобщественного питания», «обобщественного воспитания» и т.п.

Для участников дискуссии было очевидным, что старые города несоизмеримо сложнее реформировать под новые формы жизни, нежели изначально возводить города-новостройки в соответствии с новыми концептуальными постулатами. Поэтому в ходе дискуссии основное внимание обращалось на принципы проектирования новых поселений. В отношении же старых практически всеми участниками дискуссии однозначно фиксировалось, что они должны быть реконструированы «...под углом зрения возможного их переустройства на социалистических началах» и разукрупнены, т.е. часть промышленности и часть населения из них должны быть перемещены на новые места¹⁵⁴. Эта позиция полностью соответствовала установкам Госплана¹⁵⁵.

В полном соответствии с постулатами о децентрализации, Л.М. Сабсович предлагал размещать новые промышленные предприятия равномерно по территории страны, формируя тем самым «...новые центры поселения, объединявшие сельскохозяйственное население, работавшее в нескольких смежных крупных сельскохозяйственных предпри-

ятиях».¹⁵⁶ Кстати, тезис Л.М. Сабсовича о равномерности соцрасселения и «равномерности распределения социалистического жилища» разделял и его основной оппонент М.А. Охитович¹⁵⁷, считавший, что «равномерность территориального размещения людей обеспечивает равномерность распределения культуры, равномерность устройства автодорожной сети и т.п.»¹⁵⁸. Разделяли этот тезис и многие другие участники дискуссии — А.У. Зеленко, Г.Б. Пузис, Ц.Г. Рысс, П.М. Кожаный, Н.А. Милютин и др., рассматривавшие новую систему расселения в неразрывной связи с равномерным размещением новых производств¹⁵⁹.

Вопрос равномерного распределения населения по территории страны имел, условно говоря, свой масштаб. Так, например, практически все участники разделяли тезис о том, что промышленность и обслуживающее ее население должны быть равномерно распределены по территории страны. А вот предложение о равномерном размещении индивидуального жилища (и об автономном, а не коллективном проживании людей в нем) встречало резкую критику, так как противоречило основополагающим принципам марксистской теории, рассматривавшей коллективную организацию пролетариата как базовый принцип управленческой стратегии партии.

При широком разбросе мнений об аграрном типе городов преобладало все же отрицательное отношение к нему. Подобное предопределено, пожалуй, общей концептуально-идеологической установкой на индустриальный путь развития страны. К тому же ратовать за аграрный путь развития было особенно и некому, так как основные сторонники «аграрной стратегии» к этому времени были уже политически разгромлены и публично осуждены. Программа индустриализации была провозглашена официальной программой развития страны, и как следствие вполне закономерным было признание всеми участниками дискуссии главенствующей роли пролетариата в осуществлении социально-экономических и социально-культурных преобразований и вывод (озвученный на заседании в клубе Госплана СССР им. Г. Кржижановского) о том, что соцгород — это город исключительно пролетарско-индустриальный.

На этом постулате, кстати, основывалась и позиция Н.А. Милютина, открывшего своим докладом заключительный (20–21 мая 1930 г.) диспут о планировке социалистических городов. Он заявил о том, что новое градостроительство и жилищное строительство — это прежде всего «следствие» про-

мышленного строительства и осуществляться оно будет в полном соответствии с планом индустриализации¹⁶⁰. Этим же постулатом было определено и отрицательное отношение к дезурбанистическим тезисам М. Охитовича о признании индивидуальных отдельно стоящих жилых домов основным типом жилища для нового расселения. Даже несмотря на то, что индивидуальное жилище объявлялось его разработчиками как «бессемейное» и «лишенное домашнего хозяйства», многие участники дискуссии (Ц.Г. Рысс, В.Я. Белоусов, Ложечкина и др.) критиковали М.А. Охитовича за этот призыв как кардинально противоречащий генеральным установкам на индустриальное развитие страны¹⁶¹.

В полном соответствии с принципами промышленного районирования, разработанными Госпланом, Л.М. Сабсович рассматривал размещение новых промышленных предприятий как независимое от существовавших транспортных путей. Он предлагал рассматривать новую транспортную сеть как производную по отношению к размещению новых производств, трассируя ее в соответствии с размещением новых городов; предлагал формировать ее как максимально плотную, создающую связность промышленных предприятий друг с другом и с аграрными зонами в любых местах. Кстати, с этими предложениями соглашались и многие оппоненты Л.М. Сабсовича, считавшие наличие развитой транспортной сети обязательным условием формирования любого, в том числе и линейного, расселения¹⁶².

Еще один момент, который отстаивали сторонники ортодоксального марксизма, — обязательное наличие центра города, где должны быть сосредоточены все «советские, профсоюзные, партийные организации, к которому примыкало бы театральное здание, место больших собраний, съездов и пр.»¹⁶³, «живое сердце города... советские, правительственные учреждения и его основные культурные аппараты», «большие зоны для политических собраний, празднеств, спектаклей... Сюда будут приливать толпы из отдельных домов, и здесь они будут сливаться в свой городской коллектив, неразрывную часть коллектива всей страны, а в будущем всего человечества»¹⁶⁴. Хотя, нужно отметить и наличие иных предложений. Так, например, Г.Б. Красин, прикладывая марксистско-ленинский тезис о равномерном распределении промышленности к планировке города, предлагал также равномерно распределять по территории соцгорода промышленность, административные и торговые учреждения.

Дискуссия, как надеялись ее участники, даст исчерпывающий и окончательный ответ на важней-

шие вопросы планировки новых городов: а) о специфике планировочных структур социалистических поселений; б) типах социалистического жилища; в) характере инфраструктуры, способной обеспечивать распределительное снабжение населения продуктами, вещами и услугами; г) специфических «социалистических» формах проведения свободного времени; д) пространственном устройстве механизма агитационно-идеологического воздействия и т.п.

Участники дискуссии прежде всего стремились дать ответы на вопросы о том, каким должен быть «социалистический город» в пространственно-планировочном отношении: как он должен быть территориально структурирован; на какие составные части расчленен; по какому принципу должны соотноситься друг с другом различные его планировочные элементы; какую «пространственно-композиционную» роль призвана играть промышленность, т.е. как соцгород должен планироваться, рассчитываться, проектироваться и т.д.

Позицию некоторых участников дискуссии предопределяло то жесткое размежевание социалистического и капиталистического городов, которое было проделано классиками марксизма. В частности, И. Черня, активно подключившийся к дискуссии в январе 1930 г. в своей статье, опубликованной на страницах журнала «Революция и культура»¹⁶⁵, основываясь на постулатах марксистской доктрины, клеймил мелкобуржуазный индивидуалистический быт — «долгой коттеджи»; и объявлял индивидуальные квартиры «апологией индивидуалистически-семейного быта»¹⁶⁶. В соответствии с партийно-мобилизационной стратегией он трактовал соцгород как центр, не только «формирующий коллективное производство», но и «организующий коллективную жизнь», являющийся «организационно-территориальным выражением мощного расцвета новой общественной формации»¹⁶⁷.

Но в дискуссии была представлена и противоположная точка зрения — «даешь коттеджи». Она основывалась на том, что строительство малоэтажного жилища, во-первых, являлось более экономичным в противоположность существовавшим мифам о его дороговизне и дешевизне многоэтажного строительства¹⁶⁸.

Во-вторых, возведение малоэтажного жилища позволяло «проскочить» переходный период к тому состоянию стройиндустрии, которое позволит возводить дома будущего: «Правильно ли строить города и дома, рассчитанные на многие десятки лет, если знать, что очень скоро современное строительство отстанет от техники и новых возможностей и

будет обречено на уничтожение динамитом»¹⁶⁹.

В-третьих, обеспечивало повышенную оборотоспособность (по причине рассредоточенности и легкой разборки завалов)¹⁷⁰.

В-четвертых, позволяло широко вводить стандартизацию, унификацию и обеспечивать быстроту и легкость сборки¹⁷¹. Оно хотя и не способствовало «обобществлению», но «в наших пока тяжелых условиях» позволяло избежать отращения к идее коллективного проживания — «практика же говорит о том... что большие дома с множеством жильцов не увеличивают общественные настроения живущих»¹⁷².

Идея города-сада (тесно связанная с индивидуальным жилищем), несмотря на то что к этому времени она была уже всесторонне раскритикована с марксистско-ленинских позиций, также оказалась до конца не забыта, и некоторые участники дискуссии пытались вернуть ее в теоретическую действительность будущего расселения: «...реакционная идея города-сада реакционна лишь в капиталистических условиях и соответственно преобразованная, может оказаться полезной для дела революции»¹⁷³.

Концептуальные представления о соцгороде основывались на идее «искусственно-технической» организации процессов функционирования поселений. «Труд», «быт», «отдых» в них должны были быть организуемы целенаправленно, на основе научных знаний и расчетов так, чтобы сформировать новые типы межличностных отношений и исключить любые неконтролируемые процессы жизнедеятельности.

Этот же принцип лежал в основе установки на архитектурное упорядочивание социума¹⁷⁴ таким образом, чтобы превратить его в рациональную (ускоренную, повторяемую, технологизируемую, экономичную, минимальную в отношении затрат и проч.) организацию всех городских процессов. В соответствии с этой установкой любой населенный пункт представлялся в виде «одного большого сложного производства, где все процессы увязаны в рациональном графике материалов и людей»¹⁷⁵. Именно в соответствии с этим Н.А. Милютин, основываясь на принципах господствовавшей в этот период системы поточно-конвейерной организации промышленного производства, предлагал свой «функционально-поточный» принцип организации жизнедеятельности («труда» и «жилища») в соцгородах. Этот принцип формально-композиционно воплощался в виде линейной планировки, которую Н.А. Милютин идеологически и концептуально противопоставлял структуре старого (центрического) капиталистического

города с его поквартальной «домовладельческой» застройкой¹⁷⁶.

В дискуссии о соцрасселении столкнулись две точки зрения на то, как следует размещать новое население: концентрированно в новых городах или рассредоточенно, в индивидуальных «кабинах для сна», разбросанных по территории страны вдоль транспортных коммуникаций. При этом вопросы: откуда возьмется это «новое» население, для чего его нужно расселять по территории страны, почему оно обязательно должно хотеть перемещаться туда, куда ему прикажут, и др., никем из представителей этих точек зрения не обсуждались. Предложения урбанистов и дезурбанистов не касались основополагающих принципов государственной политики расселения, не критиковали и никак не оспаривали ее. Они лишь обосновывали те или иные предложения о конкретной направленности ее архитектурного и градостроительного воплощения.

Ни урбанисты, ни дезурбанисты не видели никакой альтернативы политике соцрасселения, осуществлявшейся властью. Ни те, ни другие не возражали против скорейшего возведения добывающих и перерабатывающих сырье предприятий, тепловых и электрических станций и т.п. Никто из них не сомневался в необходимости возведения вблизи новых фабрик и заводов «селитебно обслуживающих» их соцгородов и соцпоселков. Никто не оспаривал планы массового вовлечения в производительный труд женщин и подростков. А в некоторых основополагающих принципах, например в вопросе о равномерности соцрасселения и «равномерности социалистического жилища», концептуальные предложения урбанистов и дезурбанистов совпадали полностью¹⁷⁷. Сходились они и в вопросе о независимости размещения новой промышленности от существовавших транспортных путей.

Водный, речной, автомобильный и те новые виды транспорта, которые обязательно должны появиться в недалеком будущем, обязаны были «дотягиваться» до мест возведения новой промышленности. А еще лучше — создать сеть (инфраструктуру), глобально покрывающую территорию страны, благодаря чему в широком диапазоне могли быть обеспечены благоприятные условия доступности, коммуникации и транспортировки сырья, грузов и продукции. Сходились урбанисты и дезурбанисты также и во взглядах на то, что соцгород должен являться средой формирования нового человека. Как аксиому принимали они и необходимость регламентации жизни.

Практически все участники дискуссии о соц-

расселении (и урбанисты, и дезурбанисты) разделяли утверждение о том, что «каждому способу производства соответствует свой способ расселения, а каждому способу расселения соответствует свой тип жилья»¹⁷⁸. Именно об этом — о кардинальной перестройке процессов возникновения, роста и развития городов, управления процессами, текущими в них, вели речь участники дискуссии о социалистическом расселении, вне зависимости от того, как их называли (или как они сами себя называли) — урбанистами или дезурбанистами.

Следует заметить, что сами участники дискуссии отдавали себе отчет в том, что позиции урбанистов и дезурбанистов различались по вопросам, которые не являлись принципиальными для социалистической расселенческо-градостроительной доктрины. Они указывали на то, что «совершенно неверно пытаться противопоставить урбанистов и дезурбанистов...»¹⁷⁹. Об этом, в частности, говорил Н.А. Милютин, открывая 20–21 мая 1930 г. последний перед официальным запретом дискуссии диспут в Комакадемии: «...проблемы урбанизма или дезурбанизма не существует, как и не стоит проблемы строительства так называемых зеленых городов и городов-садов»¹⁸⁰.

То, что объединяло позиции урбанистов и дезурбанистов, при всех расхождениях их профессиональных взглядов и творческих позиций, оказывалось несоизмеримо более глубоким и значимым в отношении государственной политики, нежели моменты разногласий, которые безусловно были, но относились к второстепенным аспектам планировочного воплощения, а не к основополагающим постулатам социально-политического, административно-управленческого, социально-пространственного реформирования страны, начавшего реализоваться со стартом программы индустриализации.

Так, в подготовленной в конце 1929 г. — начале 1930 г. редакционной статье журнала «Современная архитектура» члены редколлегии — урбанисты открыто характеризовали совпадение своей позиции с позицией других членов редколлегии, их оппонентов — дезурбанистов: «Для нас, как и для дезурбанистов, не подлежит сомнению: 1) что способ общественного производства определяет формы общественного расселения и что, следовательно, новому социалистическому производству должно соответствовать в итоге новое социалистическое расселение; 2) что осуществление социализма означает уничтожение “кретинизма деревенской жизни” (К. Маркс) и утонченностей специфически

городской, “столичной”, “асфальтовой культуры”, культуры скученных, лишенных природы людей, означает уничтожение противоположности между “городом” и “деревней”; 3) что осуществление социализма означает более или менее равномерное распределение высокой культуры по всей территории страны и что, следовательно, в процессе социалистического строительства желательна планомерно проводить постепенную децентрализацию элементов, сосредоточенных в “мировых городах” — децентрализацию промышленности, высшей школы, административно-управленческого и хозяйственного аппарата и т.д., подымая культуру “деревни” до уровня “столицы”; 4) что осуществление социализма ведет к максимальному развитию и творческому росту каждой отдельной личности в коллективе и, следовательно, проектируя жилище необходимо предусмотреть в нем необходимый максимум пространственных возможностей для личного культурного досуга, остающегося после общественной жизни, для развернутых личных способностей и удовлетворения личных потребностей; 5) что предлагаемые некоторыми в проектах “домов-коммун” социалистических городов вместо полноценных жилищ “спальные кабины” площадью 5–7 м², резко ограничивающие возможности личного развития, являются вульгаризацией идей социалистического строительства, грубо упрощенной схемой, казарменно-аракчеевским “социализмом”, не имеющим ничего общего с тенденциями развития и роста подлинно социалистической культуры»¹⁸¹. Члены редколлегии — урбанисты также особо подчеркивали тот факт, что они, как и дезурбанисты, «разделяют общие предпосылки теории социалистического расселения».

При этом урбанисты, конечно же, оговаривали принципиальное отличие своих представлений от предложений дезурбанистов: «Мы выступаем против конкретных проектов дезурбанистов, предлагающих как систему расселения рассеяние индивидуальных домиков... Мы выступаем против перепрыгивания через реальные условия... Мы выступаем против сквозящего в проектах дезурбанистов фетишизирования природы...»¹⁸². Но, при всех отличиях, как мы видим, убеждения урбанистов и дезурбанистов совпадали в главном — в согласии с провозглашенными властью, основополагающими принципами осуществления социалистического расселения¹⁸³. После закрытия дискуссии и официального осуждения «правых» и «левых» фраз¹⁸⁴ именно это содержание осталось неизменным и определявшим дальнейшее развитие советской архитектурно-градостроительной теории. И в по-

следующие годы именно это содержание составило суть практики воплощения советской доктрины расселения и государственной градостроительной и жилищной политики.

При этом власть, принимая за основу расселенческой и архитектурно-градостроительной политики то общее, что объединяло урбанистов и дезурбанистов, делала это вовсе не из желания справедливо разрешить их спор или найти устраивавший все стороны компромисс. Это было ей в высшей степени безразлично. Какое бы решение ни было принято властью, она была уверена, что обязательно найдет способ принудить всех исполнять это решение вне зависимости от характера личных или групповых профессиональных воззрений. Предложения и урбанистов, и дезурбанистов были отвергнуты прежде всего потому, что, несмотря на совпадение профессиональной терминологии, используемой архитекторами, с принятой в тот период политической риторикой, употребляемой представителями партийно-государственных органов, смыслы, вкладывавшиеся в одни и те же слова: «децентрализация», «равномерное распределение населения», «культурное обслуживание», «новые формы быта», «связь с промышленностью» и т.п., с одной стороны, работниками плана индустриализации, а с другой, проектировщиками-градостроителями, абсолютно не совпадали.

Практические действия советского руководства в отношении государственной жилищной и градостроительной политики основывались, как мы уже отмечали, на положениях, содержащихся в работах К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина, рассматривавших пролетариат как единственный класс, способный к кардинальным социальным преобразованиям. Численное увеличение этого класса являлось автоматическим следствием роста промышленности¹⁸⁵. Именно поэтому «промышленность», как таковая, являлась ключевым фактором во всех государственных планах и программах. В том числе и в отношении расселенческой и архитектурно-градостроительной политики. Позиция высшего советского партийно-государственного руководства в вопросах роста промышленности и неразрывно связанного с нею роста пролетариата, а также перераспределения населения, следующего за смещением зон промышленного освоения на восток, север, на Урал, в Сибирь, основывалась на следующих принципах:

а) новые поселения являлись поселениями при промышленности (транспорте, энергетике и т.п.), административно-территориальное районирова-

ние, основанное на «диктате промышленности», являлось основой расселенческой политики;

б) новая крупная промышленность должна была располагаться прежде всего на неосвоенных территориях, давая тем самым импульс развитию этих территорий и их «пролетарскому наполнению»;

в) новая промышленность инициировала возникновение крупных промышленных узлов, вызвала формирование транспортной инфраструктуры, а расселение и архитектурно-градоостроительная политика являлись средствами планировочного воплощения этого процесса;

г) градоостроительная политика призвана была создавать соцгорода как административно-управленческие центры управления промышленно-хозяйственным освоением территорий;

д) промышленность и поселения при ней призваны были «давать запрос» прилежавшим поселениям сельскохозяйственного профиля в отношении обеспечения соцгородов конкретными объемами продуктов питания, а соцпоселки и соцгорода — гарантировать полное употребление этой продукции и встречное обеспечение прилежавших сельскохозяйственных территорий промышленной продукцией; формирование баланса промышленного и сельскохозяйственного производства становилось одной из базовых задач работ по районной планировке, а данное положение идеологически трактовалось как практическое «стирание различий между городом и деревней»;

е) отрываемое от земли (в ходе коллективизации) крестьянское население являлось материалом для формирования индустриального пролетариата; оно должно было перемещаться (как добровольно, так и принудительно) к местам возникновения новой промышленности, поскольку именно таким образом, по замыслу основоположников, должно было происходить «вырывание деревенского населения из идиотизма сельской жизни»¹⁸⁶;

ж) жилище в рабочих поселениях при промышленности выступало «предметом распределения» — средством упорядочивания миграций трудовых ресурсов соцгородов-новостроек и удержания его в местах приложения труда.

В отношении к этим принципам «дезурбанизация», с точки зрения градоостроителей, и «равномерное распределение населения по территории страны», с позиций организационно-управленческой стратегии власти, оказывались совершенно разными явлениями. Они кардинально различались по смыслу, вкладываемому в эти слова архитекторами и политиками. Произносимые партий-

но-советским руководством слова о «децентрализации» и «равномерном распределении населения» абсолютно не совпадали с аналогичными понятиями градоостроительной теории и, как следствие, с предложениями дезурбанистов о равномерном расселении трудящихся в разбросанных по территории страны индивидуальных домиках. «Стирание различий между городом и деревней», к которому призывали идеологи партии, вовсе не означало того «сельско-пролетарского» образа жизни, который подчас предлагали архитекторы (с попеременной работой то на промышленном предприятии, то на колхозном поле); не предполагало появления и реализации проектов жилищ «сельско-пролетарского типа» (с придомовыми участками земли для домашнего животноводства и ведения личного подсобного хозяйства). А «концентрация пролетариата в соцгородах — центрах новых ареалов промышленного освоения и создание рабочих коммун», к чему призывали архитекторы-урбанисты, вовсе не предусматривала с точки зрения власти, что государство станет брать на себя бытовое обеспечение рабочих и членов их семей.

Но архитекторы этого различия смыслов не понимали. Так, дезурбанисты, исходя из своей профессиональной логики, полагали, что раскритикованный основоположниками марксизма и получивший отрицательную оценку теоретиков большевизма феномен концентрации населения в капиталистических городах, приводивший к перенаселению, скученности, антисанитарии, эпидемиям и проч., должен в отношении социалистического расселения вызывать стратегический отказ от урбанизации; приводить к переориентации на планомерное осуществление дезурбанистических мероприятий. Однако с точки зрения политической доктрины социализма градоостроительная дезурбанизация оказывалась совершенно неприемлемой, так как исключала один из основополагающих принципов марксистско-ленинской теории — предназначение городов как «аккумуляторов сконцентрированного пролетариата», мест «пролетарской организованности». Именно поэтому в адрес дезурбанистов звучало: «Некоторые наши горе-теоретики социалистического города оказались полностью в плену капиталистического города, от которого они отталкивались по методу худосочных буржуазных реформаторов, рассуждая по весьма своеобразному “диалектическому методу”: это — зло, следовательно, противоположное будет добром»¹⁸⁷.

Идея равномерного распределения населения по территории страны, доведенная до своего ло-

гического градостроительного воплощения в виде системы равномерно рассредоточенных стационарных индивидуальных жилищ или мобильных домов, свободно перемещаемых их владельцами по территории страны, была революционной по отношению ко всей предшествовавшей градостроительной теории и практике, но она не отвечала положениям марксистско-ленинской доктрины об «организующей и направляющей роли пролетариата», концентрируемого в пролетарских центрах. Поэтому в ходе дискуссии предельно четко и однозначно было сформулировано требование: «Всякие разговоры о “дезурбанизации”, воспроизводящие настроение буржуазии, боящейся скопления пролетариата, толстовская ненависть к большим городам должны быть откинута»¹⁸⁸.

Власть, провозглашая принципы равномерно-го распределения объектов индустрии по территории страны и создавая «законы» формирования обслуживающих поселений при них, не отрицала возможности концентрации пролетариата вокруг промышленных предприятий. Напротив, она стремилась к ней, так как подобная концентрация являлась условием осуществления диктатуры пролетариата, основой административного членения территории страны, при котором новые населенные пункты (социалистические города) становились «пролетарскими центрами», распространявшими свое влияние на непролетарское (сельскохозяйственное) население прилегающих местностей.

Градостроительная «дезурбанизация» и организационно-управленческое «равномерное распределение населения по территории страны» по смыслу, вкладываемому в эти слова архитекторами и политиками, оказывались далеко не одним и тем же. Реализуя требование равномерного размещения промышленности по территории страны, власть не могла и не желала отказываться от концентрации производительных сил, наоборот, она стремилась к объединению пролетарских масс в «административно-политические ядра» — «опорные пункты диктатуры пролетариата»¹⁸⁹, так как не способна была опираться на разобщенные пролетарские элементы, не умела руководить рассредоточенными человеческими массами. Поэтому постулаты дезурбанистов о «рассеянии населения» однозначно и жестко трактовала как призывы «к распылению организованных пролетарских кадров, обессиляющих их в настоящий момент в борьбе с мелкобуржуазным окружением»¹⁹⁰.

Власть считала стратегически правильным перемещение промышленности в осваиваемые сырь-

евые регионы — тем самым она сводила к минимуму транспортные издержки на перевозку сырья, колонизировала территории, формировала рассредоточенную, более неуязвимую для противника структуру предприятий военно-промышленного комплекса, отрывала от земли и «опролетаривала» значительные массы крестьянства.

Власть планировала создавать новые населенные пункты — соцгорода, таким образом, чтобы они были изначально лучше, нежели старые, приспособлены к задачам социального управления: а) содержали точно рассчитанное, искусственно пополняемое количество населения; б) включали предписанные свыше типы жилищ; в) основывались на конкретных планировочных структурах; г) включали конкретный список объектов обслуживания; д) удерживали фиксированный социально-профессиональный состав населения и проч.

Существовавшие города к выполнению этих задач были абсолютно не приспособлены. Именно поэтому советская власть, в полном соответствии с призывами участников дискуссии (но вовсе не потому, что прислушивалась к их рекомендациям), отказывалась опираться на существовавшие поселения в достижении своих планов и готова была разукрупнять старые города, рассредоточивать и даже разрушать, передавая их функции городам-новостройкам. Только неспособность справиться с существовавшим дефицитом жилья не позволяла осуществить эту цель практически. Поэтому в рамках стратегии пространственного освоения территории страны, в ходе реализации плана индустриализации и осуществления обеспечивавшей его расселенческой программы, советская власть отводила существовавшим городам временную роль своеобразных «перевалочных пунктов», предназначение которых состояло в том, чтобы принимать «раскрестьяненное крестьянство», опролетаривать его, включая в трудовые коллективы промышленных предприятий, а затем в организованном виде направлять в города-новостройки — новые центры хозяйственного развития индустриально осваиваемых территорий. Под эти цели и предполагалось кардинально реформировать существовавшие города. В полном соответствии с этой установкой Пленум ЦК ВКП(б) 15 июня 1931 г. по докладу т. Л.М. Кагановича постановлял: «Вопрос о... реконструкции городского хозяйства является вопросом не только обслуживания живущих там сейчас трудящихся масс, но и вопросом размещения, передвижения и материально-культурного обслуживания новых сотен и миллионов рабочих»¹⁹¹.

В определенной степени концепции расселения (как ее формулировала власть) соответствовала позиция урбанистов. Так, например, урбанисты (в полном соответствии с концепцией соцрасселения) рассматривали соцгорода-новостройки как элементы государственного управления населением в структуре централизованной власти. Еще на ноябрьском (10–17 ноября 1929 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) А.И. Микоян указывал на этот аспект размещения новых промышленно-селитебных объектов, как на один из важнейших структурообразующих принципов районирования: «Политический момент здесь играет немаловажную роль. Если построить новый завод в крупном рабочем центре и прибавить 5000 новых рабочих, это не даст серьезного увеличения политического веса данного рабочего центра, но дайте один такой завод Борисоглебску, Козлову или другому крестьянскому округу из 5000 рабочих, и это будет иметь громадное значение. Это создаст прочную пролетарскую опору в гуще крестьянских масс, укрепит руководящее влияние пролетариата над крестьянством и облегчит задачу социалистического переустройства деревни. По моему предложению в постановлении СНК по пятилетке, утвержденной пленумом ЦК и съездом советов¹⁹², имеется специальное указание на необходимость перераспределения промышленных предприятий с перенесением их части в ряд крестьянских районов...»¹⁹³.

Каждое новое крупное промышленное предприятие — это фактически новый соцгород. Поэтому урбанисты предполагали размещать их там, где существовала или искусственно создавалась максимальная концентрация пролетариата. Однако и предложения урбанистов оказались категорически отвергнутыми, так как были чересчур тесно связанными с идеей обобществления быта. Причина в том, что широко освещавшиеся в прессе предложения архитекторов по формированию новых «форм быта» грозили сформировать у населения беспочвенные надежды на то, что государство станет обеспечивать ему беспроblemное бытовое существование. Но власть вовсе не стремилась к этому. Она была заинтересована в том, чтобы поголовно заставить людей самоотверженно трудиться. И бытовые проблемы были ей на руку, так как, вверяя заводууправлениям и руководству советских учреждений заботу о своих сотрудниках, она передавала им механизмы воздействия на трудовые массы, в числе которых одним из наиболее мощных средств принуждения к труду являлось предоставление крыши над головой. Вселяя в жи-

лье, выселяя из жилья, улучшая бытовые условия передовикам производства или ухудшая их в отношении лоботрясов и туенядцев, власть очень эффективно воздействовала на людей. За счет контроля над бытом она получала возможность управлять трудовым поведением.

Призывы урбанистов к «созданию бытовых коллективов по обобществлению обслуживания бытовых нужд», звучавшие во время дискуссии¹⁹⁴, были вполне созвучны заветам основоположников марксизма-ленинизма. Во-первых, тем, что действительно учитывали традиционный характер бытового уклада крестьянского населения, превращаемого в пролетариат; во-вторых, тем, что реально способны были облегчить людям повседневные тяготы продуктового и жилищного кризисов. Но при этом они кардинально противоречили организационно-управленческой стратегии, которую высшее партийное руководство в этот период вырабатывало в отношении соцгородов-новостроек и существовавших городов. Противоречили в отношении предоставления коммунальным хозяйствам особых прав владения и распоряжения жилищем, потому что власть не могла позволить бытовым коммунальным хозяйствам располагать независимыми финансовыми возможностями и административными полномочиями. Противоречили также и в отношении требования приоритетного снабжения коммунальных хозяйств продуктами. Поэтому концептуально-проектные архитектурные разработки домов-коммун с полностью обобществленным бытом и получили в конце концов резкую критическую отповедь со стороны власти.

Масштабы формирования нового административно-территориального устройства страны, соответствовавшего характеру производственно-хозяйственных процессов общегосударственного масштаба, с центрами в виде поселений нового типа — соцгородов — были огромными. За годы первых двух пятилеток планировалось возвести более 100 соцгородов и соцпоселков с населением около 13 млн человек: в первой пятилетке 38 новых поселений с населением почти 5 млн человек¹⁹⁵; во второй 87 соцгородов с населением в 4,5–5 млн человек, а также десятки поселков с населением каждый свыше 10 тыс. человек; всего — 6–7 млн человек¹⁹⁶. Причем следует отметить, что эти цифры явно занижены. Например, согласно исходному расчету, численность рабочей части населения Магнитогорска должна была составлять 11 400 человек. При этом проектирование города изначально велось на значительно большую численность — 80 тыс. человек, затем на 120 тыс. человек, а потом на — 200 тыс. человек (т.е. в десятки

раз больше, нежели первоначально запланированные показатели). Вероятно, вполне обоснованно можно говорить о реальной численности населения соцгородов и соцпоселков — новостроек первых пятилеток в 40–50 млн человек. К концу первой пятилетки одних только крупных поселений, по которым разрабатывались генпланы, насчитывалось не 38, как это планировалось, а 150¹⁹⁷.

В сравнении с этой стратегией, неверными оказывались и предложения архитекторов-урбанистов, которые в качестве главных центров индустриального развития страны рассматривали прежде всего существовавшие города, так как в них функции государственного управления в структуре централизованной власти были уже сформированы. Неверными оказывались и предложения архитекторов-дезурбанистов об отказе от городов вообще и переходе к совершенно иному — рассредоточенному способу расселения.

В итоге получалось, что логически выстроенные и последовательно сформированные советскими архитекторами-теоретиками градостроительные идеи урбанизации и дезурбанизации, а также концептуальные предложения в отношении существовавших и будущих городов, публично высказанные ими в дискуссии о соцрасселении, одинаково не отвечали уже полностью сформировавшейся к этому времени административно-управленческой, индустриальной и расселенческой стратегиям власти. Тезисы о разукрупнении городов, о концентрации населения понимались теоретиками-градостроителями, с одной стороны, и партийно-государственными органами, с другой, совершенно по-разному. Рассогласование предлагавшихся участниками дискуссии концептуальных предложений, теоретических моделей, проектных подходов, с той политической направленностью общегосударственных планов и программ, которые формировались в Оргбюро и Политбюро ЦК ВКП(б), СНК, Президиуме ВЦИК, Госплане, СТО, ЭКОСО, наркоматах, было недопустимым. Прежде всего с точки зрения механизма функционирования единой централизованной машины тоталитарного управления государством, специально создавшей для проектного исполнения своих плановых заданий общегосударственную систему проектного дела.

Именно поэтому власть в конечном счете категорически запретила дальнейшее развитие в рамках советской градостроительной теории как позиций «урбанизма», так и «дезурбанизма». Какими бы целостными, логически завершенными и последовательно выстроенными с точки зрения,

собственно, градостроительства они не являлись. Но при этом сама предельно парадоксальным, как это может показаться на первый взгляд, образом призывала одновременно и к дезурбанизации (равномерному распределению промышленности), и к урбанизации (концентрации пролетариата в новых поселениях).

Как мы показали выше, почти за год до публичной дискуссии о соцрасселении фактически все основные положения концепции соцрасселения были не только интеллектуально проработаны, но и законодательно зафиксированы (в частности, в обобщающей Инструкции НКВД № 184). Там, «наверху» все уже было давно решено: сверстаны списки объектов ВПК; распределен бюджет на индустриальное строительство, определена потребность в трудовых ресурсах, намечены планы ее поставки на новостройки; под эту численность выделены финансовые и материальные средства, предназначенные для возведения временного примитивного жилища для основной части населения и капитального (деревянного и каменного) — для руководства новостроек; сформулированы нормативные представления о распланировке соцпоселения; проектно разработана типология жилья. И вдруг выяснилось, что где-то там «внизу», в широких массах архитекторов, экономистов, транспортников, планировщиков, экономгеографов, партийных деятелей среднего звена, руководителей департаментов Госплана и ВСНХ, Коммунистической Академии и НКПС, Наркомтруда и Наркомздрава, в рядах профсоюзной общественности, рабочих и служащих, причем, с активным участием официальной прессы — государственных газет и даже партийных журналов, через книги и брошюры, издаваемые государственными издательствами, по всей стране распространяется совершенно иная «картина ближайшего будущего». Картина, формирующая неверные ожидания населения, опасные в будущем совершенно непредсказуемой негативной реакцией на несбывшиеся мечты.

Публичная дискуссия о соцрасселении, таким образом, оказалась не просто сильно запоздавшей и поэтому бесполезной, но и резко деструктивной в отношении к уже принятым партийно-государственным решениям и именно поэтому крайне вредной для реализации той политики, которая в этот период уже последовательно и неуклонно практически осуществлялась властью. Прежде всего тем, что отвлекала архитекторов и планировщиков от решения конкретных, текущих проектных задач, поставленных перед ними с началом индустриализации. Власти было

нужно, чтобы архитекторы не спорили о том, какую стратегию градостроительного развития страны следует избрать, а безоговорочно воплощали ту, которую предписывала осуществлять власть. Диспутировать было уже не о чем. Нужно было исполнять спускаемые свыше постановления, инструкции, приказы и распоряжения. Именно поэтому высшее руководство страной решительно остановило дискуссию.

Следует заметить, что к началу 1930-х гг., наряду с позициями урбанистов и дезурбанистов, оказалась законодательно отвергнутой и идея города-сада. Госплан разработал проект базовых положений о строительстве новых городов, в которых предписывал в качестве основного типа застройки применять исключительно многоквартирное, многоэтажное жилище: «при планировании строительства городов... избегать... рассыпного характера стройки в виде мелких домов, разбросанных на большой территории», «строить жилые здания в 3–4 этажа (не больше пяти) на несколько сотен жителей»¹⁹⁸.

Окончание публичной дискуссии о соцрасселении датируется 29 мая 1930 г. — днем опубликования принятого 16 мая постановления Центрального Комитета ВКП(б) «О работе по перестройке быта». Постановление строгое, жесткое, но не очень внятное. Оно как бы и не отрицало обобществления быта как такового, как бы не осуждало урбанизм;

как бы не отвергало дезурбанизм, но почему-то запрещало все это обсуждать и почему-то не давало ни одного однозначного ответа на вопросы, поднимавшиеся в дискуссии.

Самая важная фраза постановления — о «необходимости в данный момент максимального сосредоточения всех ресурсов на быстрейшей индустриализации страны...». Она означала, что деньги, материальные и человеческие ресурсы будут направляться в первую очередь на развитие индустрии (промышленности, транспорта, энергетики, добычу природного сырья и редких металлов и проч.), а не на строительство комфортабельного жилья. И время это полностью подтвердило — впоследствии на строительство всех соцгородов-новостроек — первенцев первой пятилетки, на жилищное строительство, коммунальное обслуживание и инженерное благоустройство хронически не хватало ни финансовых средств, ни материальных (строительных материалов, технического оборудования), ни человеческих (рабочей силы) ресурсов. Но не потому, что их не было, а потому, что приоритетным являлся ввод в строй и бесперебойная работа гигантского общегосударственного производственного механизма, а не обеспечение нормальных условий жизни населения и не опережающее строительство нормального жилища.

Примечания

1. Вебер А. Теория размещения промышленности. Л.—М., 1926.
2. Кржижановский Г.М. К теории и практике планового хозяйства // Плановое хозяйство. 1925. № 3. С. 20.
3. Вебер А. Указ. соч.
4. Там же.
5. Там же. С. 19.
6. Тюнен И.Г. Изолированное государство в его отношении к сельскому хозяйству и национальной экономии. М., 1926.
7. Работа В. Лаунхардта выходит в 1882 г. Она посвящена расчету штандорта промышленного предприятия.
8. Вопросы экономической географии. М., 1934. С. 11, 73–74.
9. Там же. С. 11.
10. Александров И.Г. Экономическое районирование России. М., 1921. С. 1.
11. Попов С.В. Современное состояние методологии. Иркутск, 2000. С. 31.
12. Маркс К. Тезисы о Фейербахе. Соч. Т. 3. С. 1.
13. Баранский Н. Экономическая география СССР. Образ по областям Госплана. М.—Л.: Госиздат, 1927. С. 15.
14. Там же. С. 12.
15. Переводчик книги А.Вебера на русский язык.
16. Бернштейн-Коган С.В. К вопросу о постановке работ по районированию и рационализации географического размещения промышленности. М.—Л., 1925; Морозов Н. Веберовская теория промышленного штандорта и ее критики. М.—Л., 1927. Кн. 3. С. 220–238; Варга Е. Мировое хозяйство М., 1922; Дашковский И. Рецензия на книгу Вебера

- А. «Теория размещения промышленности» // Хозяйство Украины. 1926. № 11–12; Баранский Н. Предисловие к работе А.Вебера «Теория размещения промышленности» и др.
17. Диманштейн Я.Б. Проблема районирования металлопромышленности в связи с условиями промышленного развития Украины и Союза, 1927. С. 202; Он же. Металлургическое производство Закавказья в связи с условиями развития металлургии СССР. М., С. 25.
18. Диманштейн Я.Б. Проблема районирования... С. 202.
19. Александров И.Г. Географические центры нового строительства и проблема районных комбинатов / Первая всесоюзная конференция по планированию научно-исследовательской работы. М.—Л., 1931. Вып. IV. С. 3–4.
20. Александров И.Г. Географические центры... С. 3–4.
21. Вебер А. Указ. соч. С. 147.
22. Вопросы экономической географии. С. 85.
23. Меерович М.Г. «Генетики» и «телеологи» — дискуссия о районировании СССР. — URL: http://archvuz.ru/2012_4/8 — на рус. яз.
24. Базаров В.А. О методологии построения перспективных планов // Плановое хозяйство. 1926. № 7. С. 9.
25. Дятлова Л.А. Концепция «генетических районов» А.Н. Челинцева // Пространственная Экономика. 2005. № 2. С. 144–153.
26. Челинцев А.Н. С.-х. районы, порайонные перспективы сельского хозяйства и направление мероприятий с.-х. политики. Материалы к перспективному плану развития сельского и лесного хозяйства на 1928/1929–1932/1933 гг. М.: Новая деревня, б.г. С. 6.
27. Там же.
28. Там же.
29. История экономических учений [Электронный ресурс] / Под ред. В. Автономова, О. Ананьина, Н. Макашевой: Учеб. пособие. М.: ИНФРА-М, 2001. С. 784. — <http://economuch.com/page/ieu4/ist/ist-8--idz-ax244--nf-29.html>
30. О пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР. Дискуссия в Коммунистической Академии. М., 1928. С. 40.
31. Споры о планировании. URL — <http://abbzads.livejournal.com/31154.html?1343559079>.
32. О пятилетнем плане... С. 35–36.
33. Демьяненко А.Н., Дятлова Л.А. Вопросы экономического районирования в работах экономистов-аграрников // Пространственная Экономика. 2008. № 4. С. 71–102. URL: http://www.spatial-economics.com/images/spatial-economics/4_2008/demyanenko4_2008.pdf.
34. Чаянов А.В. Введение // Сельскохозяйственное районирование Московской губернии / Н.П. Никитин. М.: Госиздат, 1921. С. 6.
35. Челинцев А.Н. Указ. соч.
36. О пятилетнем плане... С. 35–36.
37. Александров И.Г. Восстановление производства в России. М., 1924.
38. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии. Соч. Т. 3. С. 152–153.
39. Александров И.Г. Восстановление производства... С. 4.
40. Там же. С. 1–2, 10.
41. Александров И.Г. Географические центры... С. 6.
42. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом. Соч. Т. 20. С. 308.
43. Там же. С. 238–239.
44. Энгельс Ф. К жилищному вопросу. Соч. Т. 18. С. 277.
45. Там же. С. 277.
46. Александров И.Г. Восстановление производства... С. 12.
47. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии. Соч. Т. 4. С. 428.
48. Александров И.Г. Восстановление производства... С. 21.
49. СУ РСФСР. 1917. Отдел первый. № 12. Ст. 180. С. 188.
50. «...Для объединения деятельности всех городских и земских учреждений» (СУ РСФСР. 1917. Отдел первый. № 10. Ст. 153. С. 152).
51. Там же. С. 152.
52. СУ РСФСР. 1917. Отдел первый. № 12. Ст. 180. С. 187.
53. Там же.
54. Там же.

55. СУ РСФСР. 1917. Отдел первый. № 12. Ст. 180. С. 188.
56. *Рейснер М.* Союз социалистических Советских республик // Власть Советов. 1923. № 1–2. С. 11.
57. Государственный архив Российской Федерации. Фонды Государственного архива Российской Федерации по истории РСФСР. Путеводитель. М., 1996. С. 258.
58. *Чекулаев Е.П.* Процесс формирования номенклатуры РКП(б) – ВКП(б) и ее взаимодействие с аппаратом государственного управления РСФСР – СССР в период с 1917 года до конца 20-х годов. — URL: http://elis.pstu.ru/index.php?a=9&pod_id=34&pod3_id=189 (23 сентября 2013)
59. Комиссия просуществует 20 лет и будет ликвидирована постановлением Верховного Совета РСФСР от 3 декабря 1938 г. (Государственный архив Российской Федерации. Фонды... С. 11).
60. СУ РСФСР. 1919. Отдел первый. № 64. Ст. 578.
61. *Троцкий Л.* Вопросы хозяйственного районирования в связи с применением сил 1-й Армии Труда. Письмо т. Пятакову от 9 февраля 1920 г. — URL: <http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotl562.htm> — на рус. яз.
62. Там же. С. 580.
63. Там же.
64. В начале 1922 г. в комиссию вводятся представители ВЦСПС и Госплана. (ГАРФ. Ф. 5677. Оп. 1. Д. 17. Л. 129).
65. На местах, согласно циркуляру Административной комиссии от 10 марта 1920 г., при губернских и уездных исполнениях образовывались аналогичные комиссии (ГАРФ. Ф. 5677. Оп. 1. Предисловие. Л. 2).
66. ГАРФ. Ф. 5677. Оп. 2. Д. 3. Л. 1.
67. *Александров И.Г.* Экономическое районирование России. С. 3; *Баранский Н.* С. 15.
68. *Александров И.Г.* Экономическое районирование России. С. 1.
69. *Владимирский М.* Основные положения установления границ административно-хозяйственных районов (Доклад на 2-й сессии ВЦИК 8-го созыва. Март, 1921). М., 1921. С. 10.
70. Дата проведения доклада Госплана, указанная Усягиным А.В. (*Усягин А.В.* Экономическое районирование 1920-х гг. — URL: <http://www.terrus.ru/mono/r3/3.4.2.shtml>), скорее всего, ошибочна. Вероятно, следует принять дату, названную в книге: Районирование СССР. Сборник материалов по районированию с 1917 по 1925 год / Под. ред. К.Д. Егорова. М.: Госплан СССР; Плановое хозяйство, 1926. С. 310. С. 11.
71. *Александров И.Г.* Экономическое районирование России. С. 3.
72. Там же. С. 10.
73. Там же. С. 9.
74. Там же. С. 10.
75. Районирование СССР. Сборник материалов по районированию с 1917 по 1925 г. / Под ред. К.Д. Егорова. М.: Госплан СССР; Плановое хозяйство, 1926. С. 10.
76. Там же. С. 11.
77. Там же.
78. Государственный архив Российской Федерации. Фонды... С. 15.
79. 23 марта 1922 г. Президиум ВЦИК утверждает положение, в соответствии с которым состав Административной комиссии определяется в 3 человек, назначаемых Президиумом ВЦИК (позднее он расширяется до 5 человек). В своей работе комиссия продолжает использовать аппарат НКВД.
80. Районирование СССР. С. 47.
81. Там же. С. 48.
82. Там же. С. 50.
83. Там же.
84. Там же.
85. *Каменев Л.* Итоги X Всероссийского Съезда Советов // Власть Советов. 1923. № 1–2. С. 7.
86. *Рогов М., Богуславский М., Осинский В., Мельничанский Г., Матвеев В., Коршунов С., Чернышев М., Пакун, Тер-Егназарян М., Левин А.*
87. Районирование СССР. С. 51.
88. РКП(б). Съезд 12-й. Москва. 1923. Стенографический отчет. М.: Политиздат, 1968. С. 903. (Доклад Рыкова А.И. по вопросу о районировании. С. 468–478).
89. *Рейснер М.* Указ соч. С. 15.
90. Там же. С. 10.
91. Государственный архив Российской Федерации. Фонды... С. 15.

92. Волков Е.З. К истории хозяйственного районирования СССР // Плановое хозяйство. 1925. № 3. С. 236.
93. Кржижановский Г.М. Хозяйственные проблемы РСФСР и работы государственной общеплановой комиссии (Госплана). М., 1921. С. 92–95. С образованием Госплана дело районирования «стало на прочную основу», так как естественному «приспособительному» методу был противопоставлен «преобразовательный» — «глубоко продуманный, революционный и в то же время вполне научный и чисто марксистский подход» (Там же. С. 236). 11 июня 1923 г. на Комиссию ВЦИК по районированию РСФСР возлагаются обязанности подготовительной работы по районированию РСФСР в целом (а также решение вопроса об укреплении волостного аппарата) и задание практического районирования двух территориальных зон — Урала и Юго-Востока.
94. ГАРФ. Ф. 6984. Оп. 1. Д. 8. 202 л., Л. 100.
95. Дела комиссии передаются сначала в организационный отдел ВЦИК, а затем в Административную комиссию при ВЦИК (Государственный архив Российской Федерации. Фонды. С. 16).
96. Самуэльсон Л. Красный колосс. Становление военно-промышленного комплекса СССР. 1921–1941. М.: АИРО-XX, 2001. С. 62, 251, 296.
97. Там же. С. 57.
98. Там же. С. 81.
99. Там же. С. 58.
100. Там же. С. 62.
101. Госплан СССР. Пятилетний план народно-хозяйственного строительства СССР. Сводный обзор. Т. 1. 2-е изд. М.: Плановое хозяйство, 1929. С. 25, 296.
102. Баранский Н. Экономическая география СССР... С. 18.
103. СУ РСФСР. 1924. Отдел первый. № 73. ст. 726.
104. Колычев А. «Город» в советском законодательстве // Коммунальное дело. 1926. № 17–18. С. 14–22.
105. СУ РСФСР. 1924. Отдел первый. № 73. Ст. 726. С. 1024.
106. К вопросу об установлении категории населенных мест РСФСР и их наименовании // Коммунальное дело. 1924. № 1–2. С. 43.
107. Там же.
108. СУ РСФСР. 1927. Отдел первый. № 117. Ст. 799.
109. По Алма-Ате, Микоян-Шахару — строящемуся центру Карачаевской автономной области, Чамбаю, Фрунзе, Грозному, Новороссийску, Астрахани, Сочи, Шахтам, Ростову-на-Дону с Нахичеванью проекты планировки предписывалось представить к 1 мая 1930 г.; по Владивостоку, Казани, Керчи, Перми с Мотовилихой, Самаре, Саратову, Свердловску, Смоленску, Сталинграду, Чебоксарам — к 1 мая 1932 г.; по Ленинграду и Москве — к 1 мая 1933 г. По прочим городам (а также рабочим и курортным поселкам) НКВД РСФСР поручалось разработать подобные «предельные сроки» предоставления проектов планировки до 1 октября 1928 г.
110. СУ РСФСР. 1924. Отдел первый. № 73. ст. 726. С. 1505.
111. Там же. С. 1507–1508.
112. Там же. С. 1505.
113. Постановление указывало, что проекты планировки должны включать в себя: 1) переустройство существующей селитебной части; 2) проект перспективного роста городского поселения или поселка на срок не менее 15 лет (Там же. С. 1505).
114. СУ РСФСР. 1927. № 117. Ст. 799. С. 1503.
115. «Положение о порядке утверждения проектов по промышленному строительству, производимому ВСНХ СССР и высшими советами народного хозяйства союзных республик, их местными органами и подведомственными им предприятиями и учреждениями» — Постановление ЦИК и СНК СССР от 23 ноября 1927 г. (СЗ СССР. 1927. Отдел первый. № 66. Ст. 672).
116. Там же. С. 1291.
117. Там же. С. 1293.
118. СЗ СССР. 1928. № 6. Ст. 49.
119. О порядке составления, рассмотрения и утверждения проектов планировки городских поселений и рабочих, дачных, курортных поселков: инструкция НКВД № 184 от 28 мая 1928 г. // Бюллетень НКВД. 1928. № 21 (276). С. 397–412.
120. Органов Л.И. Методология планировочных работ в практике Гипрогора // Планировка и строительство городов, 1934. № 2. С. 10.
121. Э. Говард в 1927 г., за полгода до выхода в свет данной Инструкции был избран Почетным членом Ленинградского общества архитекторов (Блок А. Город будущего // Жилищная кооперация. 1928. № 4. С. 28).

122. Об утверждении строительных правил и норм для постройки жилых домов в поселках на территории РСФСР. Постановление ЭКОСО от 31 декабря 1927 г. // Систематическое собрание законов РСФСР действующих на 1 января 1928 г. (7 ноября 1917 г. — 31 декабря 1927 г.) / под. ред. Я.Н. Бранденбургского. М., 1929. Т. 2. С. 912–922.
123. О порядке составления... С. 399.
124. Там же. С. 399.
125. Там же. С. 402.
126. Там же. С. 401.
127. Там же. С. 406.
128. Там же.
129. Там же.
130. Вопросы экономической географии. С. 72–73.
131. О порядке составления... С. 408.
132. Там же.
133. *Хазанова В.Э.* Советская архитектура первой пятилетки. Проблемы города будущего. М.: Наука, 1980. С. 105.
134. *Охитович М.* Социалистический способ расселения и социалистический тип жилья // Вестник Коммунистической академии, 1929. Кн. 35/36. С. 334–338.
135. *Охитович М.* К проблеме города // Современная архитектура. 1929. № 4. С. 130–134.
136. *Гинзбург М.* Социалистическая реконструкция существующих городов // Революция и культура. 1930. № 1. С. 50–53.
137. *Хазанова В.Э.* Советская архитектура... С. 105.
138. К проблеме соцгорода // Вестник Коммунистической академии. 1930. № 42. С. 109.
139. *Ларин Ю.* Коллективизация быта в существующих городах // Революция и культура. 1930. № 7. С. 54–62.
140. К проблеме соцгорода... С. 109.
141. *Мордвинов А.* Строительство новых городов // Литература и искусство. 1930. № 1. С. 139–149.
142. *Охитович М.* Заметки по теории расселения // Современная архитектура. 1930. № 1/2. С. 7–16; *Барш М.О., Гинзбург М.Я.* Зеленый город // Современная архитектура. 1930. № 1/2. С. 20–37; *Барш М.О., Владимиров В.Н., Охитович М.А., Соколов Н.Б.* Магнитогорье. К проблеме генплана // Современная архитектура. 1930. № 1/2. С. 39–56; *Пастернак А.* Споры о будущем города // Современная архитектура. 1930. № 1/2. С. 57–62.
143. *Зиновьев Г.* От утопии к действительности // Революция и культура. 1930. № 1. С. 4–10; *Черня И.* Города социализма // Революция и культура. 1930. № 1. С. 11–16; *Зеленко А.* Город ближайших лет // Революция и культура. 1930. № 1. С. 29–34; *Гинзбург М.* Социалистическая реконструкция существующих городов // Революция и культура. 1930. № 1. С. 50–53; *Луначарский А.* Современное оформление социалистических городов // Революция и культура. 1930. № 1. С. 59–61 и др.
144. *Сабосвич Л.М.* Новые пути в строительстве городов // Строительство Москвы. 1930. № 1. С. 3–5; *Зеленко А.У.* Проблема строительства социалистических городов // Строительство Москвы. 1930. № 1. С. 5–9; *Охитович М.* Отчего гибнет город? // Строительство Москвы. 1930. № 1. С. 9–11; *Пузис Г.* Пути нового расселения // Строительство Москвы. 1930. № 1. С. 11–14; *Верезубов И.* К вопросу о проблеме социалистического города // Строительство Москвы. 1930. № 1. С. 13–16; *Петров М.* К планировке новой Москвы // Строительство Москвы. 1930. № 1. С. 16–17; *Ладовский Н.* Москва «историческая» и социалистическая // Строительство Москвы. 1930. № 1. С. 17–20; *Красин Г.* Основные проблемы планировки Москвы // Строительство Москвы. 1930. № 1. С. 21–23; *Заславский А.* Против искривления классовой линии в строительстве социалистических городов // Строительство Москвы. 1930. № 1. С. 24–25 и др.
145. Использовать проекты утопистов // Правда. 1929. 2 декабря (№ 282). С. 2; *Туров В.* Старые штампы и новые выкрутасы. Поставить проектировку под контроль масс // Там же. С. 2; Социалистическая перестройка быта. Организация общественного питания // Правда. 1929. 9 декабря (№ 289). С. 4; Социалистическая перестройка быта. Жилищное строительство // Правда. 1929. 12 декабря (№ 292). С. 2; Социалистическая перестройка быта. Новый быт и новая индустрия // Правда. 1930. 2 января (№ 2) и др.
146. *Хвесин Т.* Строительство социалистических городов // Известия ЦИК. 1930. 30 января (№ 29). С. 5.
147. № 211 от 13 сентября 1929 г.; № 289 от 15 декабря 1929 г.; № 301 от 31 декабря 1929 г.; № 7 от 9 января 1930 г.; № 11 от 14 января 1930 г.; № 15 от 18 января 1930 г.; № 69 от 26 марта 1930 г.; № 77 от 4 апреля 1930 г.; № 151 от 28 июня 1930 г. и др.
148. *Охитович М.* Не город, а новый тип расселения // Экономическая жизнь. 1929. 7 декабря (№ 282). С. 3; *Гинзбург М.Я.* Социалистическое расселение. Децентрализация крупнейших городов (Там же. С. 3); *Гольцман А.* На путях коллективизации быта (Там же. С. 3).
149. № 273 от 27 ноября 1929 г.; № 276 от 30 ноября 1929 г.; № 280 от 5 декабря 1929 г.; № 283 от 9 декабря 1929 г.; № 289 от 16 декабря 1929 г.

150. № 18 от 22 января 1930 г.; № 25 от 31 января 1930 г. и др.
151. К проблеме соцгорода...
152. *Сабсович Л.М.* Города будущего. С. 22.
153. *Зеленко А.У.* Проблема строительства... С. 5–9; *Пузис Г.* Пути нового расселения. С. 11–14; *Он же.* Прения по докладу М. Охитовича «Социалистический способ расселения и социалистический тип жилья» // Вестник Коммунистической академии. 1929. Кн. 35/36. С. 339–342; *Верезубов И.В.* К вопросу о проблеме социалистического города // Строительство Москвы. 1930. № 1. С. 14–16; *Заславский А.* Против искривления... С. 24–25 и др.
154. *Сабсович Л.М.* Новые пути... С. 3.
155. *Колычев А.* Город прошлого и будущего // Советское строительство. 1928. № 10 (27). С. 38.
156. *Сабсович Л.М.* Новые пути... С. 3.
157. *Охитович М.* К проблеме города // Современная архитектура. 1929. № 4. С. 130–134.
158. *Охитович М.* Социалистический способ расселения и социалистический тип жилья // Вестник Коммунистической академии, 1929. Кн. 35/36. С. 335, 337 (доклад М. Охитовича зачитан в Кооперативной секции Комакадемии 1 октября 1929 г.).
159. Прения по докладу М. Охитовича «Социалистический способ расселения и социалистический тип жилья»... С. 335, 336; Вестник Коммунистической академии. 1930. № 42.
160. К проблеме планировки соцгорода. Реферированная стенограмма // Вестник Коммунистической академии. 1930. № 42. С. 110–111.
161. Прения по докладу М. Охитовича... С. 338–344.
162. *Охитович М.* К проблеме города. С. 134; *Рысс Ц.* Прения по докладу М. Охитовича... С. 342–343.
163. *Крупская Н.* Города будущего // Комсомольская правда. 1929. 15 декабря (№ 289).
164. *Луначарский А.* Современное оформление... С. 59–61.
165. *Черня И.* Города социализма. С. 11–16.
166. Там же. С. 14.
167. Там же. С. 11.
168. *Кожаный П.* Прения по докладу М. Охитовича... С. 343.
169. Там же.
170. Там же.
171. *Пузис Г.* Прения по докладу М. Охитовича... С. 342.
172. *Кожаный П.* Прения по докладу М. Охитовича... С. 343.
173. Там же.
174. *Хазанова В.Э.* Советская архитектура... С. 75.
175. *Милютин Н.* К проблеме соцгорода // Вестник Коммунистической академии. 1930. № 42. С. 119.
176. Там же. С. 112.
177. *Сабсович Л.М.* СССР через 15 лет. Гипотеза генерального плана построения социализма в СССР. М., 1929; *Охитович М.* К проблеме города...; *Он же.* Социалистический способ...
178. «Структура жилища (например, деление жилищ на комнаты) вытекает в свою очередь из факта разделения труда внутри жилища» (*Охитович М.* Социалистический способ... С. 334).
179. *Пузис Г.* О новом способе... С. 52.
180. Вестник Коммунистической академии. 1930. № 42.
181. Цит. по: *Хан-Магомедов С.О.* Архитектура советского авангарда. В 2 кн. Кн. 2. Социальные проблемы. М.: Стройиздат, 2001. С. 208.
182. Там же. С. 208.
183. АСНОВА. Ассоциация новых архитекторов // Советская архитектура. 1931. № 1–2. С. 44–45; Декларация Всероссийского архитектурного научного общества при профсоюзе строителей // Современная архитектура. 1930. № 3. С. 1; Декларация Объединения архитекторов-урбанистов (АРУ) // Советская архитектура. 1931. № 1–2. С. 19–20; Декларация Объединения молодых архитекторов // Современная архитектура. 1928. № 1. С. 39; Декларация Объединения пролетарских архитекторов // Строительство Москвы. 1929. № 8. С. 25–26; Декларация художественного объединения «Октябрь» // Современная архитектура. 1928. № 3. С. 73–74; *Пузис Г.* О новом способе... С. 46–53; *Михайлов А.* ВОПРА – АСНОВА – САСС. К вопросу об идейно-методологических разногласиях // Советская архитектура. 1931. № 1–2. С. 73–77; *Мордвинов А.* ВОПРА. Всесоюзное объединение пролетарских архитекторов // Советская архитектура. 1931. № 1–2. С. 65–66; Программно-идеологическая установка сектора АСНОВА // Советская архитектура. 1931. № 1–2. С. 46–47; САСС (Сектор архитекторов социалистического строительства). На новом этапе. Тезисы // Советская архитектура. 1931. № 1–2. С. 99–102 и др.

184. В постановлении «О работе по перестройке быта», принятом 16 мая, опубликованном 29 мая 1930 г.
185. *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест коммунистической партии. Избранные сочинения. Т. 3. М., 1985. С. 152–153.
186. Там же. С. 428.
187. *Светлов Ф., Горный С.* Социалистический город в бесклассовом обществе // Плановое хозяйство. 1934. № 2. С. 158.
188. *Крупская Н.* Города будущего.
189. Там же. С. 163.
190. *Мордвинов А.* Строительство новых городов // Литература и искусство. 1930. № 1. С. 140.
191. Из резолюции Пленума ЦК ВКП(б) 15 июня 1931 г. по докладу т. Л.М. Кагановича о городском хозяйстве (Цит. по: *Боровой А.А.* Планировка городов... С. 3).
192. Имеется в виду ноябрьский (1928 г.) Пленум ЦК ВКП (б) и V Всесоюзный съезд Советов.
193. Как ломали НЭП. М., 2000. Т. 5. С. 87.
194. Цит. по: *Ларин Ю.* Коллективизация быта в существующих городах // Революция и культура. 1930. № 7. С. 56.
195. К контрольным цифрам строительства новых городов // Современная архитектура. 1930. № 4. — облож; *Гуревич И.* Строительство соцгородов // Наше строительство. 1932. № 21–22. С. 1010.
197. *Петров М.Н.* Основные вопросы организации и методологии планировки городов / Госплан СССР. Реконструкция городов СССР. М., 1933. Т. 1. С. 47.
198. Хроника строительства // Строительство Москвы. 1930. № 11. С. 40.

Районная планировка в СССР: от децентрализации крупных городов к обслуживанию военно- промышленного комплекса

1. ЭВОЛЮЦИЯ ПРИНЦИПОВ РАЙОННОЙ ПЛАНИРОВКИ

Ю.Л. Косенкова

Современная отечественная экономгеографическая и градостроительная наука констатирует, что районная планировка развивается на основе потребностей практики, вбирая в себя идеи и методы из различных областей знаний, в том числе теории систем, кибернетики и теории информации, экологии, которые до сих пор не интегрировались в единую синтетическую теоретическую систему. Несмотря на 80–90-летнюю историю становления и развития как особого проектного вида деятельности, районная планировка как область научного знания до сих пор остается недостаточно сформированной, нет даже единого подхода к определению ее задач, устоявшегося понимания терминологии¹.

Сходная оценка дела районной планировки была характерна для отечественной науки также в течение всего советского периода. В послевоенные годы, когда в СССР были развернуты гораздо более масштабные, чем до войны, работы по районной планировке, ощущение «невыстроенности», неопределенности этой важнейшей сферы государственной и профессиональной деятельности было еще более сильным. Журнал «Архитектура СССР» писал: «Работы по районной планировке проводятся в нашей стране на протяжении ряда лет, но их опыт до сих пор не изучен и не обобщен, в то время как содержание и методика ведения этих работ продолжают оставаться еще во многом неясными»².

В постсоветский период отмечается «плачевное, катастрофическое положение районной планировки, в котором она оказалась через семьдесят пять лет (!) после ее зарождения в нашей стране»³.

Тем интереснее, используя возможности исторического исследования, обратиться к первым опытам в развитии этой важнейшей составляющей градостроительной деятельности, которой в СССР, учитывая плановый характер экономики страны, придавалось особое, в том числе и идеологическое, значение.

При попытке исторического анализа раннего этапа становления районной планировки в нашей стране важно осознать следующее. Зарождение районной планировки в мире было связано с формированием принципиально нового градостроительного мышления, перешагнувшего традиционные границы, архитектура XX столетия не может быть до конца осмыслена вне этого процесса. Теория и практика районной планировки в СССР — одна из тех областей, в которых находят свое выражение во многом скрытые от поверхностного наблюдения взаимосвязи между хозяйственно-экономическим развитием советского общества и происходившими в нем сложными культурными процессами, формированием новой, специфически советской ментальности, во многом определявшей, в свою очередь, общее состояние архитектурно-градостроительной среды в стране. В силу своего междисциплинарного характера, закрытости проектных материалов и пребывания вне традиционного круга архитектуроведческой проблематики, районная планировка практически не нашла отражения и должного анализа в истории советской архитектуры. Фактология ее становления в 1920–1930-е гг. известна достаточно поверхностно, несмотря на, казалось бы, относительно ограниченный круг проектных разработок в этот период. Здесь мы попытаемся рассмотреть лишь некоторые, но, на наш взгляд, принципиально важные для истории советского градостроительства моменты становления районной планировки в нашей стране.

В русле мировых тенденций

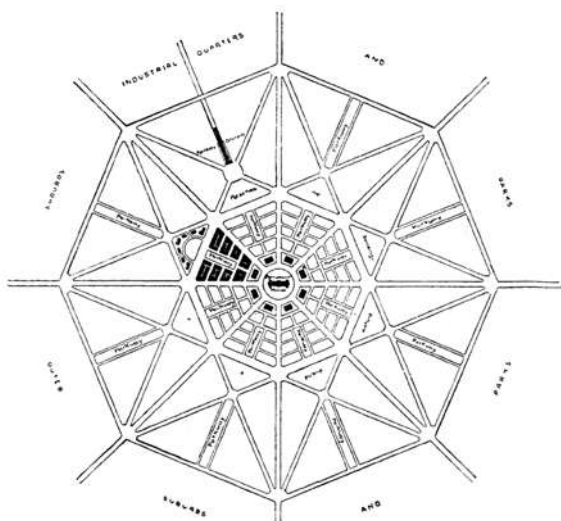
Советские архитекторы в 1920-е гг. получали не слишком подробную, но все же довольно объективную информацию о развитии дела районной планировки на Западе. Правда, эта информация непременно снабжалась оговорками о принципиальной невозможности для зарубежных архитекторов решать крупные градостроительные проблемы и о преимуществах советской системы, где отменена частная собственность. Общая тональность таких обзоров в прессе 1920-х гг. была благожелательной. Советские градостроители (имея в виду, конечно, в первую очередь перепланировку Москвы, Петрограда — Ленинграда и прилегающих к ним районов) внимательно изучали новейший опыт не

только Германии, но и Англии, Франции, Швеции, других стран Европы, а также Соединенных Штатов Америки и даже Австралии (проектирование и строительство нового города Канберры) и стран Переднего Востока (районная планировка и строительство новых поселений в осваиваемых районах Палестины). В 1920-е гг. еще были возможны зарубежные командировки с целью непосредственного изучения этого материала⁴.

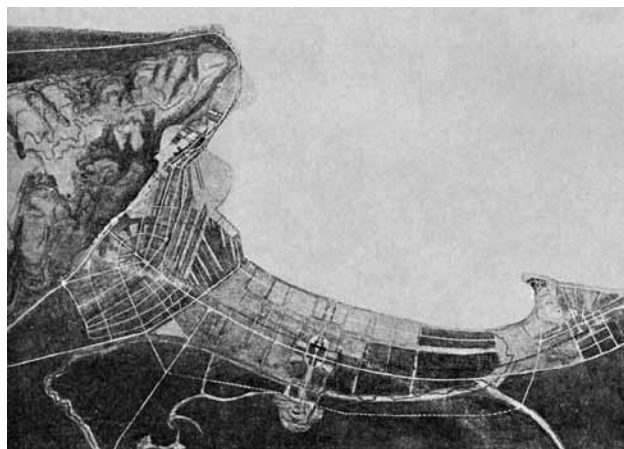
Идеи и первые разработки по районной планировке, принадлежавшие советским архитекторам (Б.В. Сакулину, И.А. Фомину, Л.А. Ильину, А.П. Иваницкому и др.), в 1920-е гг. развивались в русле общемировых тенденций, возможно, даже опережая их по масштабу, но явно уступая в плане практической реализации. Так, уже в 1922 г., в связи с планом ГОЭЛРО, проф. Б.В. Сакулин⁵ создал схему расселения в масштабе центрального промышленного района европейской части СССР, охватывающую территорию более 1 млн кв. км, с населением около 40 млн человек. В пределы района полностью или частично входили территории 18 губерний. В проекте все основные поселения рассматривались как связанные одной транспортной сетью элементы системы расселения, причем были учтены существующие тенденции развития городов, выявлены промышленные центры, которые предстоит развивать в будущем⁶. Это был, скорее, проект-идея, не основанный на конкретных данных и не предназначенный для осуществления.

В мировой практике потребность в районной планировке стала особенно остро осознаваться сразу после Первой мировой войны. Интенсивное развитие в военные годы угольной, металлургической и других видов промышленности, соответствующее усиление железнодорожного строительства создали во многих промышленно развитых районах такую скученность и чересполосицу, что вопрос о рационализации хозяйства стал насущной необходимостью. Дальнейшее развитие многих районов без учета и взаимоувязки перспектив промышленности, сельского хозяйства, транспорта, стало практически невозможным. «Районная планировка, — писал в конце 1920-х гг. немецкий теоретик градостроительства Юрген Брандт, — является средством для устранения отрицательных сторон индивидуального землепользования, средством реорганизации земельного хозяйства. Эта реорганизация становится настоятельнее, чем больше растут взаимные связи между отдельными хозяйственными областями»⁷.

Условия жизни в крупных городах и других населенных пунктах стремительно ухудшались. Дым,

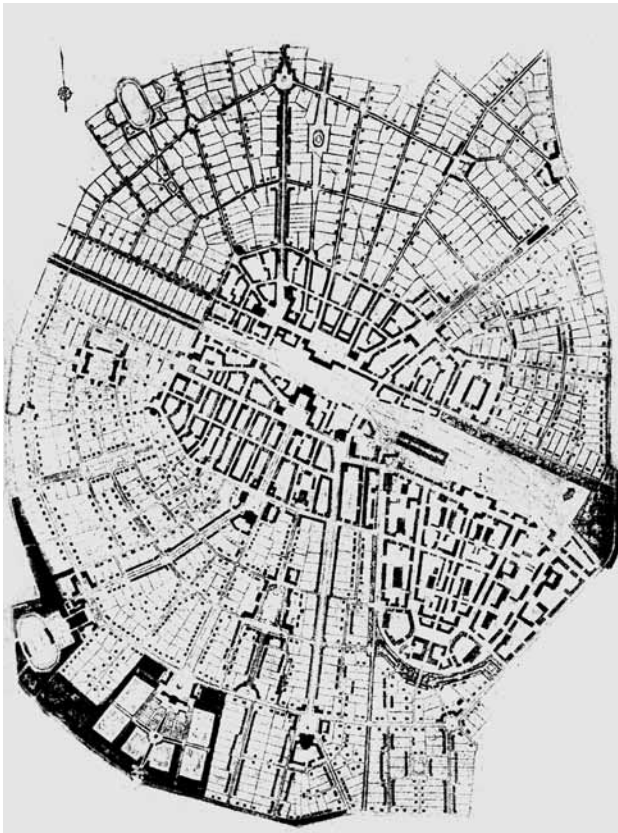

Конкурсный проект планировки Канберры.
Проект Л. Салливена

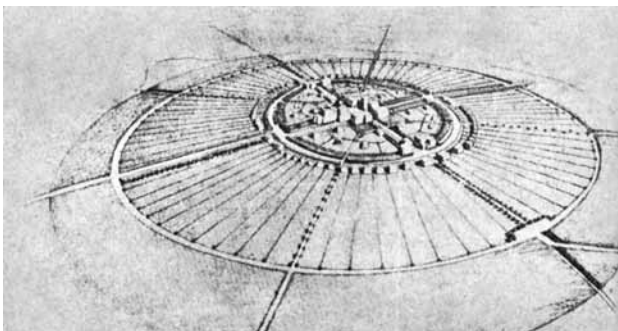

Палестина. Генеральный план местности между Хайфой и Акко

Палестина. Проект планировки нового г. Эмек

Палестина. Проект планировки нового города Кфар Нагалал

копоть, загрязнение воды и воздуха, шум, отсутствие удобного транспортного доступа к местам труда, скученность населения — все это становилось все более обострявшейся общественной проблемой. Не случайно одним из первых инициаторов работ по районной планировке в Англии стало Общество городов-садов.

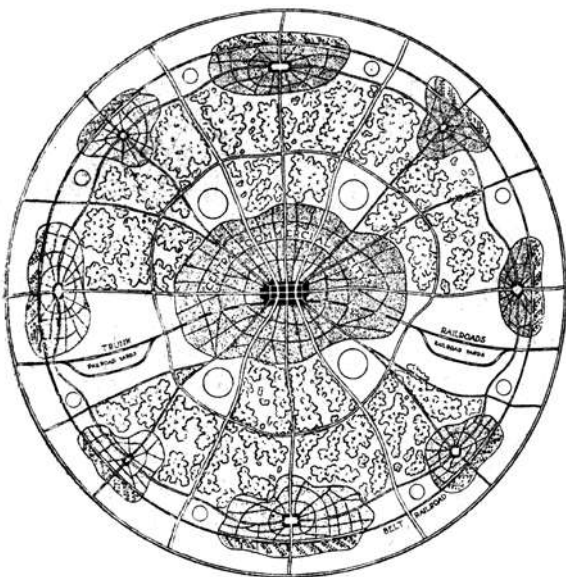
Впоследствии в советской архитектурной прессе неизменно подчеркивалось, что при капитализме частная собственность на землю является непреодолимым препятствием для развития районной планировки и что советское общество об-

ладает неоспоримым преимуществом в этом вопросе. Однако, несмотря на частную собственность и сложность административных границ, западным проектировщикам все же удавалось постепенно разрабатывать соответствующие процедуры, формировать проекты, перекрывающие границы не только отдельных городов, но и провинций, и даже государств. Об этом рассказал в начале 1930-х гг. просоветски настроенный Бруно Таут в своей статье, написанной по заказу журнала «Проект и стандарт»⁸. Юрген Брандт упоминал, что уже в 1920 г. был поднят вопрос о генеральном строительном плане для всей Германии, но он не нашел должной поддержки в рейхстаге⁹.

Анализ западной практики и тех идей, которые высказывались советскими архитекторами, показывает, что уже в 1920-е гг. сложились две основные формы, или две модели, по которым развивалась районная планировка: 1) децентрализация крупных городов, сопровождавшаяся образованием городов-спутников; 2) коммунальный союз населенных мест, находящихся в сходных условиях. Между этими моделями было множество переходных, смешанных форм, тем не менее они вполне различимы.

1. Децентрализация крупных городов. Одним из наиболее крупных достижений того времени в деле разукрупнения городов была работа по созданию плана «Большого Берлина», начатая еще в 1910 г. масштабным конкурсом, в котором приняли участие лучшие планировщики Германии. Два премированных проекта, разделившие первое место, были разработаны группами: знатока жилищной проблемы экономиста Р. Эберштадта, архитектора-градостроителя Б. Мёринга и инженера-транспортника Р. Петерсона; инженеров-строителей Н. Брикса и Ф. Генцмера и инженеров — специалистов берлинского метрополитена Г. Кеммана и Бандекова¹⁰.

В градостроительной истории Берлина, как и любого крупного промышленного города, еще в XVIII—XIX вв. периодически наблюдались периоды стихийной децентрализации, когда и промышленность, и население из-за дороговизны городской жизни перемещались в окрестные поселения, образуя систему так называемых спутников. Уже в 1880-х гг. эти процессы планомерно поддерживались государством и местными коммунами, главным образом за счет организации разветвленной сети пригородного пассажирского транспорта, в том числе и железнодорожного. Но к началу XX в. оказалось, что пригородные поселения уже поглощены Берлином, и начался новый цикл децентрализации, на этот раз проводившийся государством и местными

Система городов-спутников

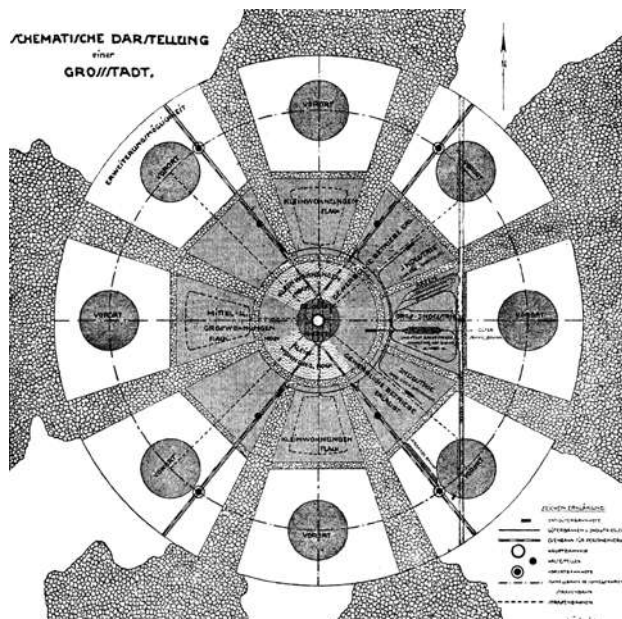
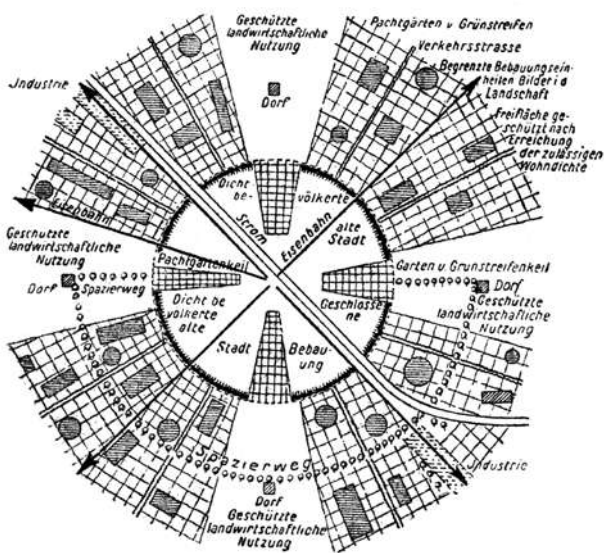
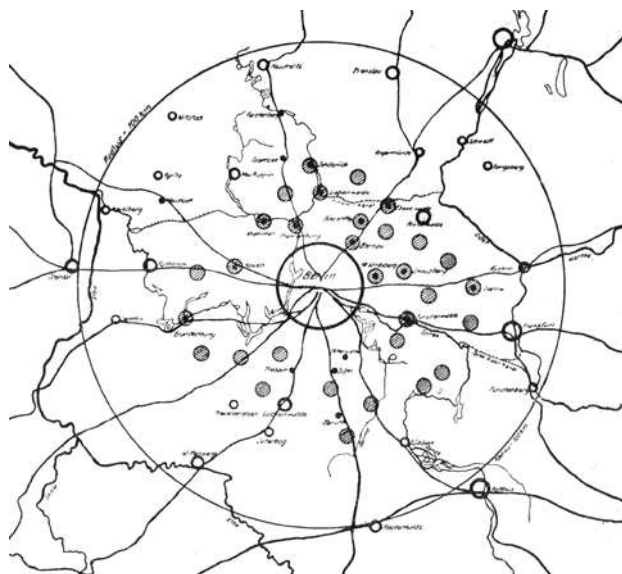

Схема большого города, окруженного спутниками

Идеальная схема децентрализации города.

Арх. А. Радинг

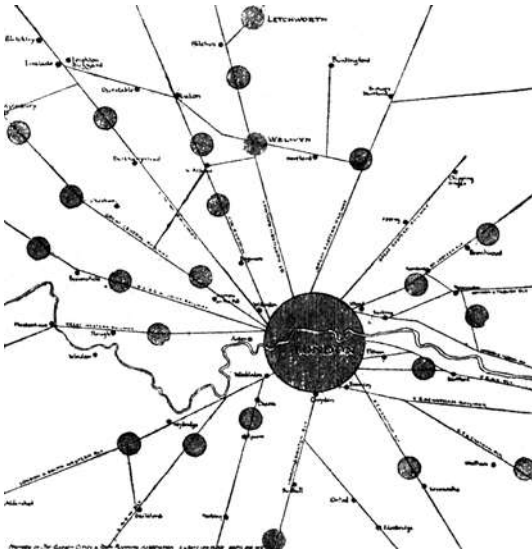
Проект системы городов-спутников вокруг Берлина

коммунами в виде осознанной и целенаправленной градостроительной политики.

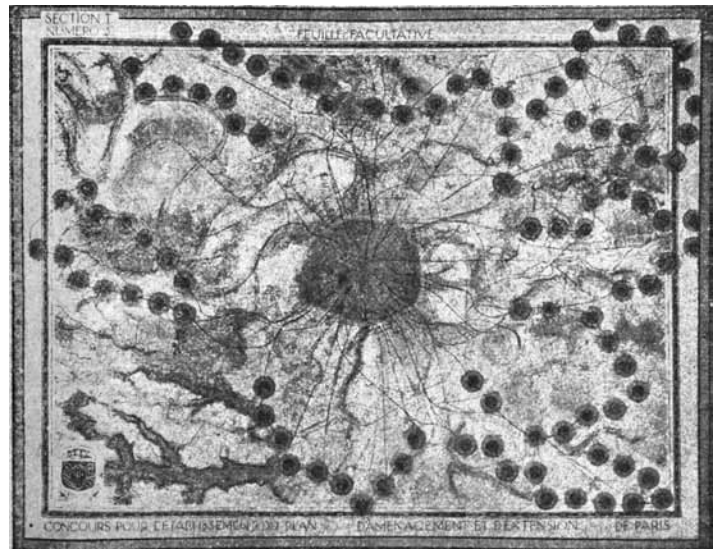
Началась планомерная работа по устройству вокруг Берлина, на расстоянии в среднем около 30 км от него, городов-спутников, объединяющих и места труда, и места проживания населения — Ораниенбурга, Фельтена, Шпандау, Генигсдорфа и др. В первую очередь при этом внимание уделялось созданию самых современных путей сообщения, железнодорожных (электрифицированных) и водных, как для грузов, так и для пассажиров¹¹.

Проект Большого Берлина должен был упорядочить эту работу муниципальной администрации, охватив огромную территорию. Оба победивших проекта были рассчитаны на 90 лет (до 2000 г.), что значительно превышало обычные расчетные сроки в 25–30 лет. Оба сходились и в другом: предполагалось, что население собственно Берлина к 2000 г. практически не изменится, оставаясь в пределах 2,5 млн человек, хотя Большой Берлин должен был иметь население до 10 млн человек, располагающееся в благоустроенных городах-спутниках,

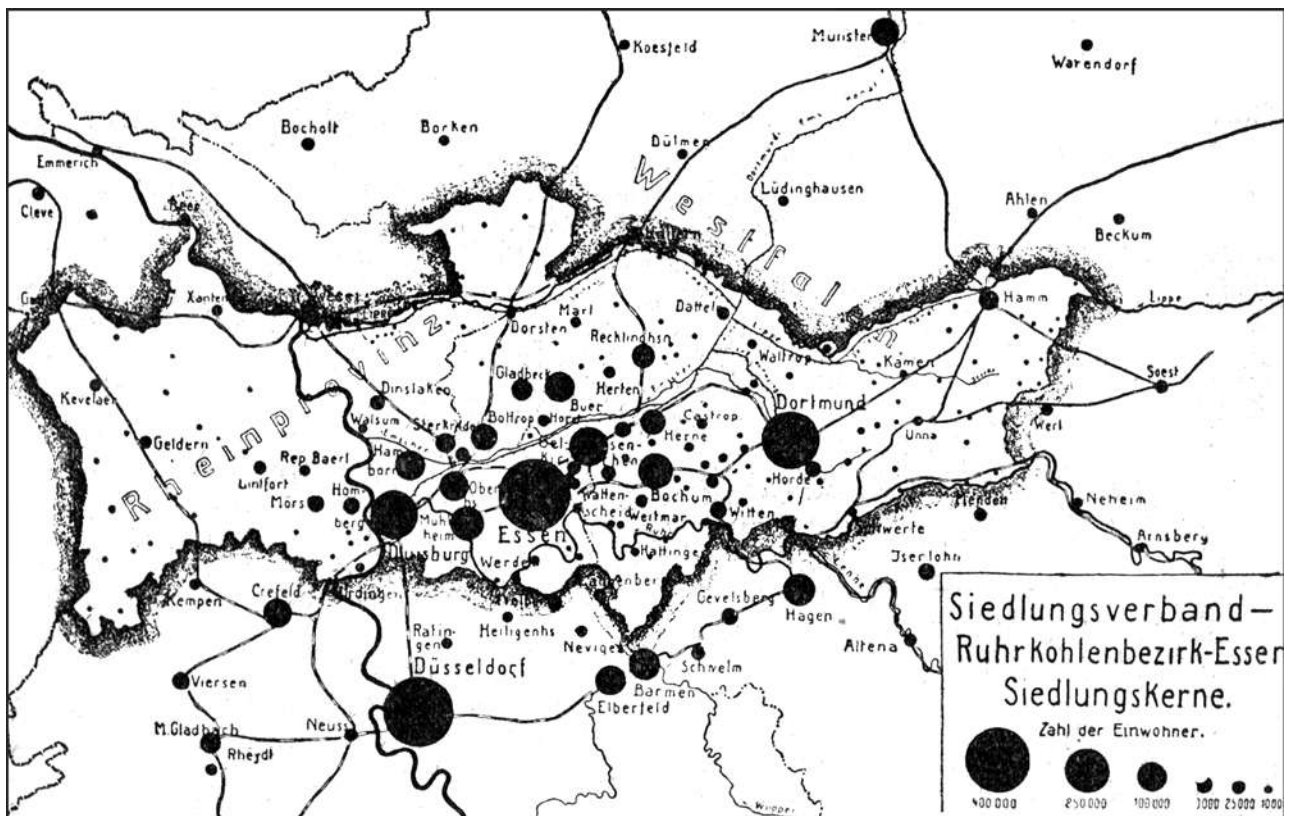

Проект системы городов-спутников вокруг Лондона

Проект системы городов-спутников вокруг Парижа

План федерации городов в Рурской области. Германия

с гораздо меньшей плотностью населения, чем в сложившемся городе, удобно связанных развитой транспортной сетью с местами работы и с основным городом.

Из 200 тыс. га, отведенных под Большой Берлин, 120 тыс. га представляли собой защитную зону, состоящую из окружающих город зеленого кольца

лесов, парков, лугов, полей и пр. Как многие крупные города, Берлин застраивался концентрическими кольцами, опоясывающими городской центр. Этой схеме авторы проектов противопоставили радиальную схему развития города. Быстроходный транспорт, идущий по радиальным направлениям, связывал старый город с городами-спутниками,

создавая удобство для населения. Кроме того, по радиальным направлениям на территорию города вводились озелененные пространства, по которым в него проникал чистый воздух из защитного зеленого пояса¹².

Достижения немецкой градостроительной мысли в еще большей степени, чем в Берлине, воплотились в проекте децентрализации Бреславля, разработанном архитектором А. Радингом. Это была своего рода идеальная схема, где в старый город также вводились зеленые клинья. Окружающее город пространство, радиусом около 60 км, разделялось на секторы, из которых одни сохранялись за сельским хозяйством, а другие предоставлялись под децентрализованную городскую застройку. Последняя располагалась изолированными островками среди зеленых зон-заповедников. Планируя поселения Большого Бреславля Радинг выбирал для промышленных поселков преимущественно пункты, где железнодорожные пути соприкасались с водными, а для жилых поселков — здоровые, лесистые, высоко расположенные среди холмов места¹³.

А. Радингом совместно с французским экономистом и теоретиком кооперативного движения Ш. Жидом был также предложен проект грандиозного линейного города вдоль железной дороги Бреславль — Берлин, протяженностью 350 км. Застройка города, рассчитанного на 150 тыс. человек, предполагалась с одной стороны от железной дороги, со станциями через каждые 50 км и автобусными линиями. Через каждые 100 м располагался домик на одну семью¹⁴.

В Англии в 1920-е гг. разрабатываются такие крупные проекты, как планировка Юго-западного Ланкашира, района Шеффилда, района Манчестера¹⁵.

Одной из самых масштабных работ по децентрализации крупного города в Америке стала разработка окружного плана Нью-Йорка под руководством архитектора Томаса Адамса, охватившего площадь 5528 кв. миль (1 американская миля — 1609,344 м. — Ю.К.)¹⁶. Территория располагалась в пределах трех штатов — Нью-Йорк, Нью-Джерси и Коннектикут. По проекту в 1965 г. население округа должно было достигнуть 21 млн человек¹⁷.

Одной из важнейших установок проекта был прирост населения, для чего разрабатывались меры по здравоохранению, увеличению зеленых насаждений, организации удобных мест отдыха, повышению жизненного комфорта и безопасности. Огромное внимание уделялось развитию транспортной системы, удобному расположению мест жилья и работы, торговли и отдыха, сокращению

излишних затрат времени на поездки. Неправильное использование земельного фонда и транспорта было признано одной из основных причин перенаселенности. В соответствии с проектом, исходя из принципов децентрализации, вокруг Нью-Йорка создавались новые промышленные центры, новые населенные пункты, окруженные зелеными пространствами и снабженные системой децентрализованной торговли. Причем плановое устройство благоустроенных пригородных поселков рассматривалось разработчиками как действенная мера против беспорядочного включения в крупные города поселений сельского типа, нежелательного как для самого города, так и для селений¹⁸.

В 1920-е гг. в Америке разрабатывались также планировка района Чикаго, охватывающая район с населением 5 млн человек; планировка района Ниагары с населением 850 тыс. человек¹⁹; планировка районов Детройта, Кливленда, Бостона, Лос-Анджелеса и др.

Вопросы районной планировки все больше привлекали внимание американских проектировщиков. Вышедший в 1928 г. 52-й том трудов Американского общества гражданских инженеров содержал четыре доклада, посвященных «regional planning»: «Основные данные, необходимые для составления районного плана» Г. Льюиса; «Жилищное строительство и районный план» Д. Айльдера; «Культурные возможности в районном планировании» Э. Крауфорда; «Районы — общины будущего. Прогноз» Т. Адамса. Причем доклады в этом сборнике сопровождались дискуссией, где выражались другие точки зрения членов общества на проблему районной планировки. Однако для всех участников дискуссии районная планировка являлась средством направить в определенное русло стихийный рост городов, избежать их скученности и перенаселенности. Район, распланированный таким образом, чтобы в нем было отведено место для всех сторон как городской, так и сельской жизни, должен, благодаря путям сообщения, представлять из себя единое целое. Районные планы должны были, по мнению докладчиков, составляться с расчетом на 35—40 лет вперед. Далее предполагалось вмешательство в характер использования частными собственниками их земель как путем налоговых мероприятий, так и путем утверждения планов в законодательном порядке²⁰.

Под районом американские планировщики понимали группу самостоятельных общин, образующих со своей метрополией единый округ с общими интересами. Такой район должен тяготеть к большому порту или промышленному центру. Рай-

онный план должен предусмотреть согласованный рост всей группы таких общин и способствовать наиболее желательному и действенному развитию всего района в целом. При этом указывалось, что проектировщику не следовало исходить из интересов крупных центров и способствовать поглощению ими соседних мелких городов и деревень. Наоборот, предлагалось обратить внимание на периферию района. Изучить существующие общины, стараться пробудить их к развитию, отстаивая то, что в них есть ценного и что следует спасти от вовлечения в водоворот крупных центров и полного поглощения ими.

Такой подход, ориентированный на интересы населения, сохранение экономической самостоятельности и культурной ценности небольших поселений, пробуждение инициативы снизу, в советской России был в принципе невозможен даже в 1920-е гг. Тот же Б.В. Сакулин мыслил общегосударственными категориями, ставя во главу угла рациональную организацию экономики, выражавшуюся прежде всего в математической гармонизации пространственных связей огромных территорий²¹. Никакие самостоятельные общины со своими интересами не могли иметь место, именно поэтому Сакулин скептически относился к популярной идее городов-садов, сводя их значение лишь к композиционным приемам застройки. Сакулин считал, что город-сад в трактовке Говарда — это враг большого города, «он как отшельник бежит от него и культура такого города должна быть весьма невысока. Город-сад это торжество власти на местах, кругозор города не дальше горизонта с его колокольни, он вне государственности»²².

Вместе с тем, в отличие от более поздних проектов районной планировки 1930-х гг., где целью проектирования была новая промышленность, здесь центром планировочного района, как и в западной практике, оставался крупный сформировавшийся город — культурный центр, активно влияющий на другие составляющие системы и формирующий пространство вокруг себя. Сакулин полагал, что «прежде чем поднять вопрос об удобствах жизни в городах — необходимо поставить остро вопрос о смысле жизни в городах. Необходимо оправдать город. И это оправдание города мы видим — в развитой промышленности, сконцентрированных завоеваниях культуры, в рассадниках лабораторий технической и научной мысли, в сосредоточии живых импульсов промышленности. С развитием указанных моментов развивается притягательная сила городов, как центров сосредоточия»²³.

Схема размещения новых городов в СССР

В 1922 г. Сакулин опубликовал проект «Инфлюэнтограммы Москвы» — московской промышленной агломерации, основанной на комплексной организации большого района²⁴. В проекте Москву окружали три кольца городов-спутников. Первое кольцо составляли Люберцы, Павшино, Щелково и другие фабричные поселки, куда архитектор намеревался вывести заводы и фабрики из Москвы. Во второе кольцо входили города Воскресенск, Подольск, Звенигород, Нара и др. В третье — Клин, Дмитров, Александров, Коломна, Можайск и др. Эти города по проекту обладали собственным промышленным потенциалом и значительной степенью автономности. Москва оставалась по преимуществу культурным и научным центром, активно взаимодействующим с другими частями планировочной системы. Границу Москвы Сакулин предлагал проводить по окружной железной дороге. За ней он располагал широкий зеленый пояс с сельскохозяйственными угодьями, лесами и парками. От зеленого пояса радиально в центр Москвы архитектором протягивались широкие парковые улицы.

Рациональная организация территории, считал Сакулин, должна продумываться на целое столетие вперед и основываться на создании «схематического скелета» органического развития города в периферийные районы. Поэтому взгляд планировщика должен неизбежно выйти из рамок существующей или даже возможной в ближайшее время муниципальной границы города и устремиться на карту экономического района, или всей области.

«Экономическое изучение элементов, составляющих инфлюэнтсистему наших городов и экономически-промышленных центров, — писал Сакулин, — должно быть начато без промедления организо-

ванным образом, специально созданным государственным аппаратом... В изучение экономической базы наших городов должно быть положено систематическое исследование и планомерная программа, позволяющая каждый город изучить в связи с жизнью района, наметить и развить ряд пунктов района, находящихся в экономически-промышленной связи с жизнью изучаемого центра, производя таким образом шаг за шагом планомерную работу по технической организации территории страны и подведению под эту организацию прочного экономического основания»²⁵.

По Сакулину, на город воздействуют отдельные

«пункты влияния» (экономические и производственные центры, красочные и исторически ценные места), «линии влияния» (железнодорожные магистрали, водные пути, шоссейные и грунтовые дороги, водопроводные и канализационные, газовые, электрические коммуникации), «площади влияния» (промышленные зоны, сельскохозяйственные территории, заповедные парки, пригодные для жилья площадки, поля орошения, свалки и т.п.). Всестороннее изучение всех этих компонентов позволит создать научно обоснованную систему дальнейшего развития города. При этом главным условием становится рационально ор-

Ленинградский планировочный район. 1932

ганизованная сеть транспортных коммуникаций, обеспечивающая как нормальное функционирование внутренних частей города, так и связь его с внешними территориями. Все магистрали по своей значимости Сакулин разделял на дороги общегосударственного значения и дороги местного значения. Город, таким образом, рассматривался им как органическое звено в общей цепи организации целого экономического района²⁶.

Термин «районная планировка» вошел в употребление к середине 1920-х гг. Однако понимание необходимости разворачивания подобного рода работ, несомненно, пришло гораздо раньше. Так, Л.М. Тверской писал позднее, в 1933 г., что в СССР идея районной планировки впервые выявилась при составлении проекта урегулирования и развития Петрограда в 1919–1922 гг.: «Отрицательные примеры больших капиталистических городов и новые возможности в связи с отменой частной земельной собственности, естественно, привели к мысли о расширении пределов планировки на территории района, тяготеющего к Ленинграду»²⁷.

Деятельность по восстановлению городского хозяйства в Петрограде в первые послереволюционные годы была сосредоточена в Совете коммунального хозяйства Петрогубисполкома. По решению этого исполнительного органа в мае 1919 г. были созданы Совет по урегулированию плана Петрограда и его окраин и при нем Архитектурная мастерская (переименованная позднее в Научно-художественное бюро отдела градостроительства²⁸), которую возглавил И.А. Фомин²⁹. Под его руководством к началу 1921 г. был разработан проект перспективного плана Большого Петрограда, рассматривавший развитие города совместно с окружающими его территориями³⁰.

Сходная задача создания поселков-садов в пригородной зоне стояла при планировке Нового Ярославля³¹. Состоявшие из малоэтажных домов с приусадебными участками хорошо озелененные поселки строились в первые годы советской власти в пригородах не только Москвы и Петрограда, но и Вологды, Нижнего Новгорода, Саратова, Твери, Брянска и др.³²

Проект Большой Москвы С.С. Шестакова, опубликованный в 1925 г.³³, опирался как на западный опыт, так и на разработки Б.В. Сакулина. Проект стал популярным и широко обсуждался в печати. Он получил признание со стороны деятелей городского коммунального хозяйства, поскольку гораздо более отвечал их ощущениям кризисного состояния Москвы, нежели более ранний проект Новой

Москвы, разработанный по руководством А.В. Щусева и И.В. Жолтовского.

Автор предлагал значительное расширение границ города и дальнейшее его развитие за счет городов-сателлитов. Ссылаясь на опыт американских городов, он предлагал плотность населения для Москвы 60–70 жителей на гектар, в отличие от существовавшей тогда плотности в 192 жителя на гектар. При этом традиционная для Москвы радиально-кольцевая система не нарушалась, а только расширялась и укреплялась. Кольца дорог разделяли между собой административную, жилую, промышленную и зеленую зоны Москвы. Радиальные дороги разделяли эти зоны на секторы различного назначения.

Центральное историческое ядро Москвы оставалось в проекте Шестакова нетронутым, промышленность выводилась за его границы. Излишек населения рассредоточивался за окружной дорогой и в ближайших к Москве городах первого кольца (Дмитров, Сергиев Посад, Богородск, Подольск, Бронницы, Звенигород, Воскресенск) и второго кольца (Клин, Волоколамск, Руза и др.)³⁴.

Все идеи децентрализации городов, как зарубежные, так и советские, в целом не посягали на сложившееся ядро крупного города, предлагая расселять по окружающим поселкам «избыточное» население. Однако в профессиональном сознании советских архитекторов идеи децентрализации городов накладывались на провозглашенные преимущества отмены частной собственности, что в принципе давало возможность попытаться преобразовать на новых началах и сам старый город. Примером может служить проект-предложение «город-федерация» Л.Я. Выгодского. Автор, хорошо знакомый с западной практикой, регулярно освещавший ее на страницах профессиональной печати, создал специфически советский проект-«гибрид», где смешались идеи районной планировки, зонирования территории города (соответствующий закон был принят в эти годы в США), города-сада Э. Говарда и постепенно вызревавшей в советском союзе концепции соцгорода — поселения при производстве.

Он исходил из того, что любой крупный город может быть безболезненно для его экономического существования разложен на целый ряд самостоятельных элементов, не нуждающихся в тесном территориальном сплетении на общей городской территории: административные функции, учебно-научные, торговые, промышленные по разным видам производств, военные, спортивно-зрелищные и т.п.

Каждая из этих групп застройки может быть вынесена на отдельную территорию, а в случае разрастания — подвергнуться более мелкому расчленению. Л.Я. Выгодский считал, что «существует полная экономическая возможность, без разрыва жизненных нитей, связующих отдельные части и элементы сложного городского организма, разбить любой большой город по *производственному признаку* (по расположению мест труда) на очень большое число самостоятельных поселений, в каждом из которых вокруг мест труда будут сосредоточиваться жилые районы». Эти поселения, в связи с появлением усовершенствованных городских средств сообщений (метрополитены, трамваи, автобусы и т.п.), могут быть расположены на большом расстоянии друг от друга, так как особенно интенсивной потребности в сообщениях между описанными автономными элементами города быть, по мнению Выгодского, не может. Это значит, рассуждал автор, что градостроительный облик современного большого города «может свободно принять совершенно невиданную до настоящего времени форму *федерации автономных небольших поселений*, благодаря чему задачи градостроительной гигиены смогут превосходно совместиться с требованиями экономии»³⁵.

Выгодский отмечал, что общий характер планировки «города-федерации», состоящего из автономных мелких и средних поселений, близко подходит к идее городов-спутников (городов-спутников). Однако последние в капиталистических странах намечаются лишь для будущего расширения города, размещения в них прироста населения, старый же центральный город, по Выгодскому, — остается без изменения, «в виде прежнего города-монстра». В предлагаемой же Л.Я. Выгодским схеме и основной старый город подлежал коренной перепланировке, разбивке на отдельные автономные поселения, часть которых предполагалось вывести на новые, отдаленные от центра места, а вместо них в старом городе посредством обширных зеленых насаждений восстанавливать здоровые естественные условия жизни на лоне природы. В этом Выгодский видел логическое развитие идеи городов-спутников и преимущества социалистического строя, поскольку при капитализме невозможно осуществить столь масштабное переселение коренных горожан в соответствии с «правильной» схемой города, в советском же городе, где нет частной собственности, это не представляло, по его мнению, труда.

2. Коммунальный союз населенных мест.

Л.А. Ильин писал в 1926 г.: «Районная планировка

в полной мере является таковой, когда она противоположна по характеру центральной, где в основе регулируемой местности лежит доминирующий центр, в связи с которым находятся пригороды и города-спутники (подчиненные экономически). Конечно, на практике может быть различаемо весьма много переходных разновидностей между этими типами больших планировок...»³⁶.

Именно такой, по словам Ильина, «районной планировкой в чистом виде» представлялось преобразование Рурского промышленно-угольного района в Германии. Этот район занимал площадь в 3800 кв. км с населением около 4 млн человек, включая в себя несколько административных единиц с 18 крупными городами. Города, почти равноценные по своему значению, размещались на тесном пространстве, с расстоянием около 9 км друг от друга (Дуйсбург, Мюльхайм, Эссен, Бохум, Дортмунд и др.).

Все эти города образовались на разрабатываемых угольных участках, и их планировка представляла особенные трудности. Затруднения возникали и вследствие передвижения мест горных разработок угля. В южной части Рурского угольного района применяли способ открытой разработки. После истощения верхних пластов угля эти участки с горами отвалов были брошены и разработки переместились на север, где располагались богатые, глубокие залежи угля и где находились крупные города. Промышленное производство не интересовалось дальнейшей судьбой этих изменившихся районов, бросая их на произвол судьбы. Поэтому в задачу районной планировки входило противодействовать этому явлению посредством регулирования водных ресурсов и разведения лесов, т.е. возвращение этих районов к жизни. Но районная планировка должна была содействовать и регулированию самого угольного производства, обеспечив ему хорошую связь с химическими предприятиями. При этом особую важность приобретало расположение участков, предназначенных для заселения, обеспечение чистоты воздуха и воды.

Здесь образовалась самая густая в Европе железнодорожная сеть, однако уже перед Первой мировой войной она испытывала огромные перегрузки из-за товарных и пассажирских перевозок. Численность и плотность населения быстро возрастала. Увеличение добычи угля, рост индустриализации, различная административная принадлежность районов вызвали осложнения, и дальнейшее развитие района оказалось невозможным. Общие условия хозяйственной жизни требовали объединения и единых законодательно-планировочных мероприятий.

Такой процесс начался еще в 1904 г., когда был принят единый закон о сточных водах, затем на территории появились крупные инженерные компании, занимавшиеся водоснабжением, канализацией и другими видами обустройства. В 1920 г. был принят единый устав Союза поселений Рурской области³⁷. Это был коммунальный союз, включивший в себя 18 городов, 11 сельских округов с 18 уездными городами и 289 сельскими общинами³⁸. Руководило Союзом общее собрание представителей от общин и промышленности (рабочих и предпринимателей), а исполнительная власть принадлежала президиуму, вступавшему, в случае надобности, в контакт с соответствующим государственным министерством. Практически вся коммунальная, планировочная и законодательная деятельность на территории подчинялась этому органу самоуправления. В том числе была разработана совершенно независимая от государственных железных дорог система сообщения, охватывающая всю область и дававшая возможность быстрого передвижения к местам работы и отдыха. Своей властью Союз мог влиять и на планы развития государственных железных дорог, увязывая их интересы со своими. Союз также активно занимался резервированием и охраной оставшихся зеленых территорий, насаждением новых зеленых массивов, поощряя также частное садоводство и создание образцовых садов.

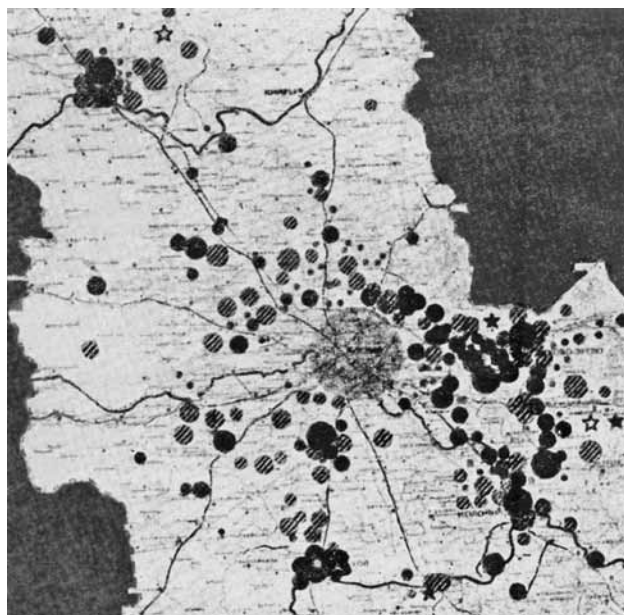
Но, пожалуй, главным в работе Союза было то, что он вмещался в формировавшуюся тенденцию замкнутой системы расселения, жестко связанной только с определенным видом промышленности, развивавшейся на территории того или иного района. Эта тенденция была признана тяжелой ошибкой, мешавшей развитию крупной промышленности и жилищной культуры. Было проведено предварительное распределение пространств области, разработаны генеральные планы целых округов. При этом проводились консультации и согласительные процедуры с представителями крупной промышленности, владельцами шахт, резервные территории, необходимые для развития, наносились на планы. Исходя из этого, рассчитывались места для селитьбы, учитывая направление ветров, расстояние от предприятий, близость к различным видам транспорта, наличие зеленых пространств, запрещенных для застройки. При этом жилище принципиально не привязывалось к какому-то конкретному предприятию, оно располагалось таким образом, чтобы рабочие, переходя с одного предприятия на другое, не были стеснены расстоянием³⁹.

Каждый генеральный план обсуждался совместно с общинами и корректировался и только после этого становился частью обязательного законодательного постановления, издаваемого Союзом. Собственно архитектурно-художественные задачи не входили в сферу деятельности Союза, но рациональной планировкой создавались благоприятные условия для создания крупных архитектурных комплексов, приглашения инженеров и архитекторов.

В Советском Союзе образование такого коммунального союза, управляемого общественной организацией и учитывающего интересы отдельных групп населения, хотя и признавалось теоретически, на практике, конечно, не было возможно. Вместе с тем в наиболее урбанизированных районах жизнь неизбежно ставила похожие задачи уже в конце 1920-х гг., когда начало разворачиваться практическое строительство. Так, вопрос о создании единой коммунально-строительной системы для городов и поселков городского типа Московской губернии был поставлен еще в 1925 г., на съезде губернских работников коммунального хозяйства. Острая жилищная нужда в Москве, население которой, резко сократившееся в годы войны, теперь быстро восстанавливалось, заставила обратить внимание на подмосковные города, их благоустройство и возможности промышленного и жилищного строительства в них. Московским отделом коммунального хозяйства (МКХ) 1 августа 1925 г. была образована при Планировочно-геодезическом бюро специальная секция по съемке и планировке уездных городов и поселений Московской губернии, которая должна была подробно изучить условия каждого города и прилегающего к нему района, выявить перспективы его развития в связи с его особенностями, в том числе и исторически сложившимися, и новой конъюнктурой экономических и бытовых условий. Намечалось комплексное обследование каждого города и смежных землевладений, составление проектов планировки расширенной территории городов⁴⁰. С первых дней в уездных городах были организованы специальные планировочные комиссии, куда входили специалисты разных профилей и представители организаций и ведомств. Все они работали под единым руководством МКХ.

По постановлению президиума Моссовета МКХ было предоставлено право контроля над строительной и планировочной деятельностью на обширной территории, включающей 32 города и 139 поселков, причем количество поселений в этом районе быстро росло.

Однако для работников МКХ достаточно быстро стало очевидным несоответствие между грандиозностью задач по планировке развивающегося центрального промышленного района, включающего столицу нового государства («мировой город», как тогда писали), и отставанием социальной сферы (существующая в уездных промышленных центрах норма заселения равнялась 2–3 квадратным аршинам жилой площади на человека). Это обстоятельство рассматривалось не только как угроза благополучию населения, но и угроза осуществлению государственной программы индустриализации страны⁴¹. МКХ был представлен перспективный план работ, направленный на развитие жилищного строительства и коммунальной сферы на территории Московской губернии, но на это необходимо было изыскать огромные средства. При этом сама Москва в ее тогдашних границах переживала не менее острый жилищный кризис и быстрый механический прирост населения, требуя колоссального

Московская обл.

Схема размещения промышленности. 1930

и непосильного финансирования. Таким образом, попытка создания коммунального союза городов московского региона не получила развития.

В определенной степени по смыслу приближался к коммунальному союзу городов первый в нашей стране детально проработанный и практически реализованный проект районной планировки — генеральная планировка Апшеронского полуострова, выполненная в 1924–1925 гг. А.П. Иваницким. Этот проект был основан на серьезном и глубоком

изучении имевшихся картографических материалов, исследовании местных климатических и топографических условий и демографических данных⁴².

Создание проекта районной планировки Апшерона было непосредственно связано с планом восстановления разрушенной нефтяной промышленности в стране. Проходивший в конце декабря 1921 г. — начале января 1922 г. Первый Всероссийский съезд нефтеработников принял резолюцию о необходимости начать в Баку, Грозном и Эмбе постройку рабочих поселков по определенному плану. Необходимо было улучшить нечеловеческие условия жизни рабочих, а также расселять где-то поток новых рабочих.

Первые проекты нефтяных поселков были признаны неудовлетворительными, и тогда Бакинский горсовет поручил А.П. Иваницкому проектирование не только поселков Азнефти, но и перепланировку г. Баку. Эта работа охватывала район площадью около 13 тыс. гектаров с очень сложными природными и социальными условиями⁴³. Благоустройство огромной, депрессивной по своему характеру территории, развитие и гармонизация ее функциональных связей, взаиморасположения жилья и мест приложения труда, создание хороших условий для жизни людей — задачи, схожие с условиями Рурской области. Однако Иваницкий нашел своеобразный путь решения этих задач.

Новые поселки располагались внутри кольца, лежащего между территориями, намеченными к эксплуатации, и границами Баку. Размещение поселков по окраинам промыслов, как это предполагалось ранее, Иваницкий признал нецелесообразным. Располагая новые поселки вдоль северной и северо-восточной границ Баку, вне промыслов, он, по сути, не решал задачу децентрализации, а сознательно рассчитывал на возможность слияния в будущем новых поселков с Баку, тем самым как бы приобщая их к культурному потенциалу большого города.

Планировка районов добывающей промышленности, в первую очередь Донбасса, в конце 1920-х гг. разворачивалась, по всей видимости, с учетом западного опыта, в том числе проектирования Рурской области. Правительство Украины еще в 1929 г. назначило специальную Комиссию по постройке новых городов в Донбассе, в основу работы которой было положено введение в плановое русло жилищно-коммунального и культурно-бытового строительства. Принципы, разработанные комиссией, легли в основу проекта, разрабатывавшегося в Гипрограде УССР, созданном в 1930 г.

На обширной территории Донбасса существовало огромное количество мелких поселков, в беспор-

рядке разбросанных по всему району, состоявших из мелких домиков и землянок, лишенных каких-либо коммуникаций, дорог и средств передвижения рабочих к месту труда. Средства, выделяемые на культурно-бытовое строительство, неизбежно распылялись, поскольку в районе существовала не только каменно-угольная, но и металлургическая, химическая, машиностроительная, силикатная и другие виды промышленности. Текучесть рабочей силы из-за плохих условий труда и быта была очень высокой.

Комиссией было проведено технико-экономическое изучение Донбасса, что послужило основой для создания 13 основных промышленных районов. Было решено, что решение жилищной проблемы в Донбассе должно идти не по линии насаждения в хаотическом порядке отдельных мелких поселков, а районирования всего Донбасса и постройки вместо них двух-трех десятков благоустроенных поселений городского типа, полностью приспособленных для культурной жизни, с населением от 35–40 до 100–150 тыс. человек. Такие цифры были приняты исходя из наиболее выгодного построения системы транспортного обслуживания рабочих и быстрого попадания за пределы города. Вопросы транспорта, водоснабжения, сельского и энергетического хозяйства предполагалось решать в едином комплексе. Каждый город должен был обслуживать промышленный район с радиусом в 10 км, со средним расстоянием до мест труда в 5 км, что вызывало множество возражений. Оппоненты указывали на потери времени трудящихся, которое они будут тратить, чтобы добраться до работы⁴⁴.

Разработчики проекта ссылались, в частности, на опыт Бельгии, где большинство рабочих живут на расстоянии от 11 до 30 км от работы, но при хорошо развитом транспорте не испытывают неудобств, в то время как рабочие Краматорского завода, по данным обследования, тратят на дорогу от 2 до 4 часов в сутки, покрывая расстояние пешком⁴⁵. К тому же по санитарным условиям жилье должно быть расположено не ближе 2–3 км от производства. Все принципы, положенные в основу районной планировки Донбасса, были названы в печати «урбанистическим загибом»: «Не случайно, что сейчас 91% рабочих живет на расстоянии до 2 км, предпочитая проживание в землянках передвижению в условиях степного климата Донбасса на десятки километров⁴⁶.

Строительство новых городов там, где это было возможно, предполагалось с использованием потенциала уже имевшихся населенных пунктов Сталино (ныне Донецк), Горловки, Краматорска, Кадиев-

ки, Ворошиловска и др. Были разработаны десятки проектов планировки этих городов. В последующие годы система расселения, принятая для Донецкого бассейна на основе районной планировки, заключалась в системе городов с численностью населения от 100 до 300 тыс. в каждом, с обслуживанием района промышленных предприятий радиусом 10–12 км.

Предполагалось использование всех видов транспорта: электрифицированных железнодорожных веток местного значения, трамваев, автобусов, автомобилей.

Донецкий бассейн оказался первым экономическим районом, для которого были разработаны относительно точные перспективные планировочные наметки, что дало возможность развернуть работы по районной планировке. Однако уже первые два года реализации этого плана показали, что строительство безрельсовых дорог и обеспечение автобусами, не говоря уж о железных дорогах, значительно отстает от потребностей в жилом и коммунальном строительстве. Капитальное 3–4-этажное строительство, запроектированное для новых городов, со всеми видами коммунального оборудования, требует таких вложений, которые не могут быть «выделены» государством для всей массы жилищно-бытового строительства в Донбассе.

Концентрация строительства велась практически только для предприятий, непосредственно примыкающим к этим городам, с отдалением от них не более 3–4 км. Более отдаленные предприятия продолжали мелкое распыленное и неорганизованное жилищное строительство, которое практиковалось и до утверждения проекта районной планировки. В связи с этим проектировщики вынуждены были заговорить о поиске «промежуточных форм» расселения, «которые соответствовали бы материальным возможностям сегодняшнего дня и в то же время создавали бы достаточный сдвиг в области жилищного и культурно-бытового и коммунального обслуживания трудящихся Донбасса, по сравнению с тем, что мы имеем на сегодняшний день»⁴⁷.

Выход виделся в проектировании поселков-спутников с радиусом обслуживания не более 3–4 км, рассчитанным на пешеходное сообщение с местами труда. Предполагалось, что такие поселки просуществуют 3–5 лет и, как только будет налажен механизированный транспорт, они прекратят свое существование. Временный, как тогда считалось, характер этих поселков давал возможность не развивать в полном объеме коммунальное и культурно-бытовое обслуживание. Отсутствие канализации и водопровода в домах компенсировалось малоэтаж-

ным строительством. С 1933 г. основной задачей районной планировки Донбасса стали разработка планировочных нормативов для таких поселков-спутников (для городов они уже были к этому времени разработаны), дополнительные изыскания и сама планировка поселков⁴⁸.

Таким образом, первоначальная идея районного проектирования Донецкого бассейна — создание урбанизированного района, дающего благоприятные возможности для обустройства жизни населения, вскоре была разрушена и принесена в жертву интересам отдельных предприятий. Проектировщики прекрасно понимали причину этого — отсутствие хозяина всего района. Технический директор Гипрограда проф. А.Л. Эйнгорн писал: «Основные задачи хозяина области в деле районной планировки это не только организация финансирования этих сравнительно дорогостоящих работ и привлечение средств всех заинтересованных хозяйственных организаций, но и авторитетное разрешение всех текущих спорных вопросов, возникающих в процессе работы по районной планировке, контроль и понуждение к тому, чтобы планировочные решения, получаемые как результат работ по районной планировке, осуществлялись в натуре, не игнорировались бы отдельными руководителями хозорганов»⁴⁹.

Тогда казалось, что в роли такого «хозяина» сможет выступить Донецкий облисполком, но он, в отличие от независимой и обладавшей собственными средствами общественной организации, стоявшей во главе преобразования Рурской области, не мог действовать самостоятельно и тем более, бороться с могущественными промышленными ведомствами, а местного бюджета едва хватало на покрытие насущных нужд.

* * *

В целом, анализируя отношение советских и зарубежных проектировщиков к проблеме районной планировки в 1920-е гг., можно заметить общность, несмотря на разницу социально-политических условий, во-первых, в стремлении ввести этот вид проектной деятельности в градостроительное законодательство; во-вторых, в самих принципиальных подходах к решению этой проблемы.

Насколько можно судить по известным на сегодняшний день архивным документам, первая отечественная попытка ввести понятие районной планировки в проекты законодательных градостроительных актов была сделана в 1925 г. Так, в шестой редакции (от 9 октября) проекта правил «Основ-

ные положения для планировки городов», разработанном ГУКХ НКВД, многочисленные варианты которого рассматривались в Бюро нормирования стройпроизводства Госплана СССР⁵⁰ на протяжении 1925 г., говорилось:

«...18. Проекту планировки города должно предшествовать составление ориентировочного проекта районной планировки в случаях: а) наличия установившегося непосредственного взаимодействия и тесной связи интересов (экономических, культурных, технических и т.п.) между городом и ближайшими имеющими к нему тяготение населенными, промышленными, торговыми или иными пунктами; б) возникновения новых пунктов, приобретающих вышеуказанное значение в отношении данного города.

19. Ориентировочный проект районной планировки должен выяснить в общих чертах основные приемы планировки в целях использования охватываемой настоящим проектом территории для хозяйственных, технических и культурных назначений, предусматривая: а) рациональное распределение земельного фонда различного назначения (селитебного, сельскохозяйственного, промышленного, площадей, занятых лесными массивами, парками, полями орошения и т.п.); б) пути сообщения (дороги шоссейные, железнодорожные, водные и воздушные, их узлы и устройства, обслуживающие транспорт)»⁵¹.

Видимо, к этому новому понятию разработчики правил пришли не сразу, поскольку в отзывах на более ранние редакции проекта правил ГУКХ НКВД документ критиковался как раз за отсутствие широкого комплексного взгляда на формирование системы расселенных мест. Приведем несколько пространную, но характерную для этого времени цитату из отзыва творческой группировки «Новый Ленинград»⁵²:

«Из представленного материала не ясна общая политика развития населенных мест. Политика, которая должна быть связана с общими перспективами жилищного дела, промышленности, транспорта и прочими элементами государственного строительства. В этом отношении обращает на себя внимание узкий подход к городу как индивидуальной единице, в то время как правильная постановка вопроса требует охвата целого комплекса населенных мест, связанных общими экономическими и географическими условиями. Только на основе так называемой районной планировки могут быть выявлены как общие принципы, так и границы отдельных территорий, подлежащих

планировке. Между тем в правилах предусматриваются границы городов, вызванные лишь односторонним “землеустроительным принципом”. Следствием упомянутого подхода к планировке городов как к результату взаимодействия целого ряда государственных, районных и местных интересов должно явиться создание особых междоуездных комиссий для каждого “планировочного района”, которым и надлежало бы заняться той задачей, которая правилами поручается лишь органам коммунального хозяйства»⁵³.

Из подобных цитат и многочисленных высказываний того времени архитекторов, инженеров, работников коммунального дела, сотрудников Госплана, управленцев разных уровней, зафиксированных в архивных документах, можно уяснить некоторые важнейшие составляющие тех представлений о районной планировке, которые сложились в СССР к середине 1920-х гг.

Попытаемся их выявить и обобщенно сформулировать на основе различных подходов: 1) целью и смыслом работы по районной планировке должно являться правильное, научно обоснованное развитие крупного города или системы населенных мест⁵⁴ (условно обозначим это как «социально-градостроительный подход»); 2) в основе районной планировки должен лежать комплексный подход к обустройству данной территории («территориальный подход»); 3) работа над районной планировкой не должна быть только проектной дисциплиной, она должна сопровождаться поисками взаимоувязки различных интересов, согласительными процедурами («деятельностный подход»); 4) город и район его экономического и культурного влияния («инфлюэнтограмма» в терминологии Б.В. Сакулина) должны строиться на основе тщательного изучения и выявления специфики функционального назначения различных площадей земельного фонда в их взаимодействии («функционально-зональный подход»); 5) необходимо развивать единую сеть всех возможных видов транспортных коммуникаций, со строгой иерархией их общего, районного и местного значения, без чего быстрый подъем производительных сил страны будет невозможен («сетевой подход»).

Эти принципы, однако, в советской градостроительной науке не успели оформиться достаточно четко, а тем более найти отражение в действующем законодательстве, которое к этому времени также до конца не сложилось⁵⁵. Между тем ситуация в стране коренным образом менялась.

Изменение представлений о районной планировке в связи с индустриализацией страны.

Вторая половина 1920-х гг. — время, когда происходила борьба различных экономических концепций перспективного развития страны, различных взглядов на природу государственного планирования.

1920-е гг. были не просто школой становления теории и практики планирования. Этот период, как указывает современный исследователь советской экономики В.А. Мау, характеризуется быстрым формированием и открытым противоборством двух принципиально разных подходов к пониманию сущности нового общества, тенденций социалистического строительства и, естественно, механизма планового хозяйствования. В рамках одной концепции победа пролетарской революции связывалась с превращением народного хозяйства в единое предприятие, подчиняющее себе труд всех работников. Высокая степень централизации руководства экономикой, жесткая вертикальная (отраслевая) иерархия, как принципиальная черта хозяйственной жизни, формирование отраслевых государственных монополий, отсутствие самостоятельности низовых звеньев, натурализация хозяйственных связей и обеспечение на этой основе их планомерного характера — таким представлялось части экономистов высокоорганизованное народное хозяйство будущего.

Противоположное понимание сущности планового социалистического хозяйствования основывалось на осмыслении экономики как сложной системы взаимодействия разнообразных интересов. Оно предполагало переход от административных методов управления к экономическим. Отказ от централизации хозяйственной жизни, ликвидации карточно-плановой системы снабжения, обеспечение на деле широких прав трестов, последовательное внедрение хозяйственного расчета, усиление роли действительно общехозяйственных, а не ведомственных органов управления, преодоление внутри них самих ведомственных тенденций — осуществление этих преобразований рассматривалось в качестве важнейших шагов на пути к социалистическому плановому хозяйству⁵⁶.

В первой половине 1920-х гг., на фоне введения новой экономической политики, дальнейшая победа первой концепции планового хозяйствования отнюдь не была очевидной. Впереди были дискуссии о системе нового административного

и промышленного районирования страны⁵⁷, о принципах первого пятилетнего плана⁵⁸, о системе социалистического расселения, о городе будущего⁵⁹. Поэтому градостроительная мысль этого времени была достаточно свободна в своих поисках, тем более что реальная строительная практика в стране, разрушенной Первой мировой и Гражданской войнами, ограничивалась в основном восстановительными работами и возведением небольших поселков при предприятиях.

Проблема нового деления страны была поставлена наиболее полно планом электрификации на VIII съезде Советов, когда было признано необходимым «ускорить выработку общего плана административно-хозяйственного деления»⁶⁰. Дело в том, что, как подчеркивал впоследствии XII съезд партии, прежнее деление республики уже не соответствовало новым политическим и экономическим потребностям страны⁶¹. Организованная Госпланом разработка плана районирования дала как общие теоретические и методологические установки, так и проект конкретного деления страны на районы. По докладу Госплана законодательные органы страны установили, что «в основу районирования должен быть положен экономический принцип. В виде района должна быть выделена своеобразная, по возможности экономически законченная территория страны, которая благодаря комбинациям природных особенностей, культурных накоплений прошлого времени и населения с его подготовкой для производственной деятельности представляла бы одно из звеньев общей цепи народного хозяйства. Этот принцип экономической законченности дает возможность построить далее на хорошо подобранном комплексе местных ресурсов, капитальных ценностей, принесенных со стороны, новой техники и общегосударственного плана народного хозяйства, проект хозяйственного развития района на базе наилучшего использования всех возможностей при наименьших затратах»⁶². Однако реально районирование страны проводилось на других принципах.

Современные исследования⁶³ показывают, что во второй половине 1920-х — начале 1930-х гг. в СССР формировалась принципиально новая система размещения производительных сил в стране, основанная на отрицании «буржуазной» теории А. Вебера. Целью стало планомерное размещение новых промышленных предприятий и контингентов производительных сил по территории страны. Считалось, что, в отличие от капитализма, ее решения будут основаны не на частных, случайных

интересах, а на «объективных» законах развития нового общества. Новая экономикогеографическая теория размещения промышленности должна была базироваться на принципиально иных базовых понятиях, нежели буржуазная наука (например, на отрицании такого основополагающего понятия буржуазной теории, как «экономическая выгода»). От этой теории ожидали обеспечение практических решений по реорганизации существующего административно-территориального устройства страны на «некапиталистических» началах⁶⁴.

Была выдвинута идея децентрализации процесса индустриализации страны, за счет равномерного распределения промышленности по территории и роста по всей стране новых промышленных поселений, строительство которых, как предполагалось, обойдется значительно дешевле, чем строительство в сложившихся центрах. Рост крупных промышленных центров должен был затормозиться, в том числе считалось, что Москва уже пережила пик увеличения населения и на нее не потребуется огромных ассигнований⁶⁵.

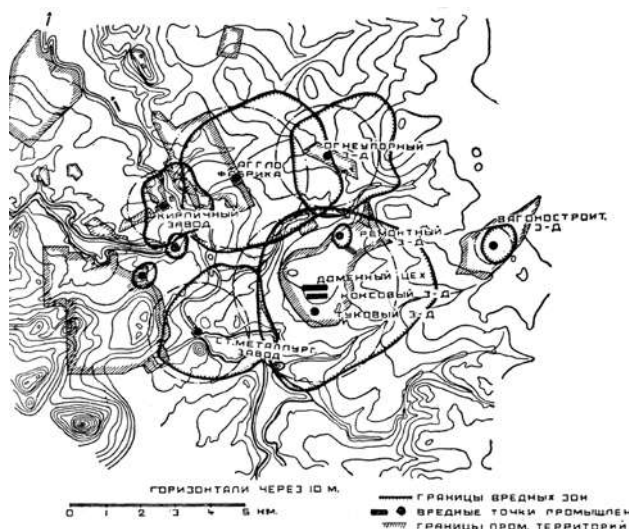
Эти расчеты, как известно, оказались ошибочными. Но перенесение центра тяжести процессов индустриализации в неосвоенные районы, при ведомственном характере распределения средств на строительство, в том числе и гражданское, через несколько лет, когда было в целом сформировано новое промышленное и административное районирование страны, со всей остротой обозначило проблему районной планировки, в корне изменив понимание ее задач — в центр идеи районной планировки было помещено производство.

Концепция нового административно-хозяйственного районирования страны предопределяла во многом принятие решений в первые годы индустриализации, однако сам этот процесс протекал достаточно хаотично, что приводило к тяжелым перекосам, дублированию технологических функций и нерациональному расходованию средств.

В годы первой пятилетки планировкой предприятий специалисты-планировщики занимались крайне редко. Генеральный план завода, как правило, разрабатывал технолог, иногда транспортник. О том, где будут построены соседние предприятия, относящиеся к другим ведомствам, где будет размещаться жилище для работников предприятий, практически не думал никто. Между тем объемы промышленного строительства стремительно расширялись. В первые годы второй пятилетки все продолжало идти по накатанной колее — генпланы первых огромных комбинатов выполнялись по устано-

Зоны вредности Нижнего Тагила.

Гипотеза ЛНИИХ. 1933

таллургический завод; коксохимический завод построил свой поселок на территории, подверженной воздействию вредных газов; завод огнеупоров и поселок при нем были построены совершенно не там, где для них была согласована площадка, и т.п. Все это не только приносило многомиллионные убытки экономике, но и создавало для населения практически невыносимые условия жизни, не обеспеченные социально-культурным и бытовым обслуживанием, с высоким уровнем загрязнения природной среды⁶⁷.

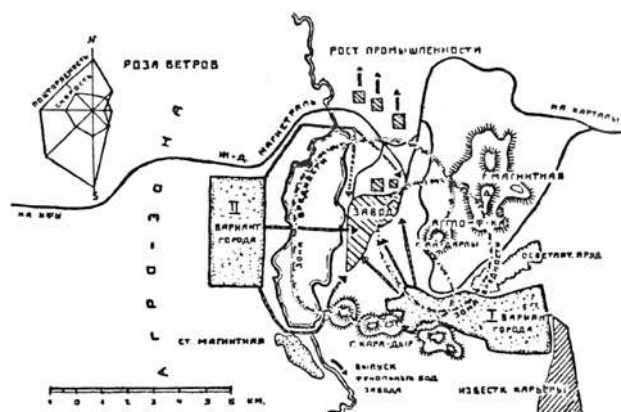
Развертывание работ по районной планировке стало одной из насущных проблем второй пятилетки. Неизбежно вставала задача проектирования целых промышленных районов на принципах кооперирования промышленности, использования местных сырьевых возможностей. Вопрос о районной планировке вновь актуализировался, но смыслом проектирования стали не интересы населения и повышение качества его жизни, а интересы развития производства.

Помимо первых опытов, проводившихся в созданных в 1930 г. Гипрогоре РСФСР и Гипрограде УССР, более широко работа по районной планировке развернулась лишь в 1932 г., когда в системе Наркомтяжпрома был создан Промстройпроект⁶⁸.

В условиях отмены частной собственности на землю эта задача вначале не казалась слишком сложной: «У нас, в Советском Союзе, социалистическая система народного хозяйства позволяет реально и плодотворно осуществить районное планирование. Необходимо лишь в ближайшее время наладить научно-исследовательскую работу по районным

планировкам, по геологическим, геодезическим, нормативным и тому подобным вопросам. Для правильного дальнейшего развития вопроса районных планировок необходимо определить структуру и местоположение тех органов, которые должны быть призваны к руководству и выполнению схем и проектов районных планировок, а равно и органов, следящих и проводящих эти планировки в жизнь. Здесь требуется законодательная регламентация. Проведение районных планировок должно в ближайшее время получить четкую государственную структуру»⁶⁹. Это было написано уже в 1933 г., из чего видно, что районная планировка в СССР вплоть до начала второй пятилетки практически не развивалась.

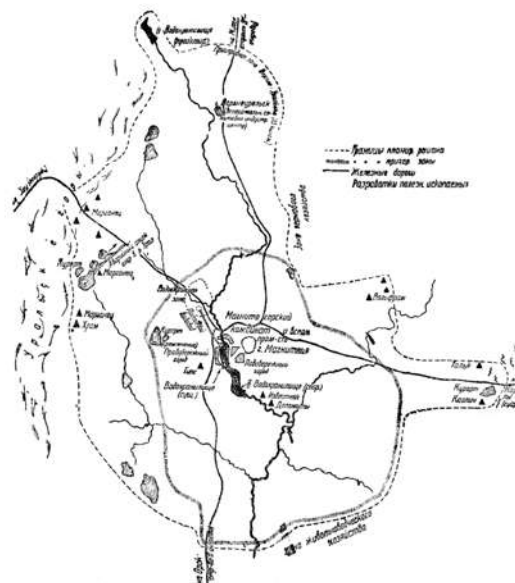
Одним из серьезных препятствий правильного решения планировки населенных мест и про-

Варианты расположения Магнитогорска

(на 80 тыс. жителей). Бригада УралГЭИС.

В.Г. Давидович (рук.) Э.Ф. Грюнблат и др. 1930

Границы Магнитогорского планировочного района. 1934

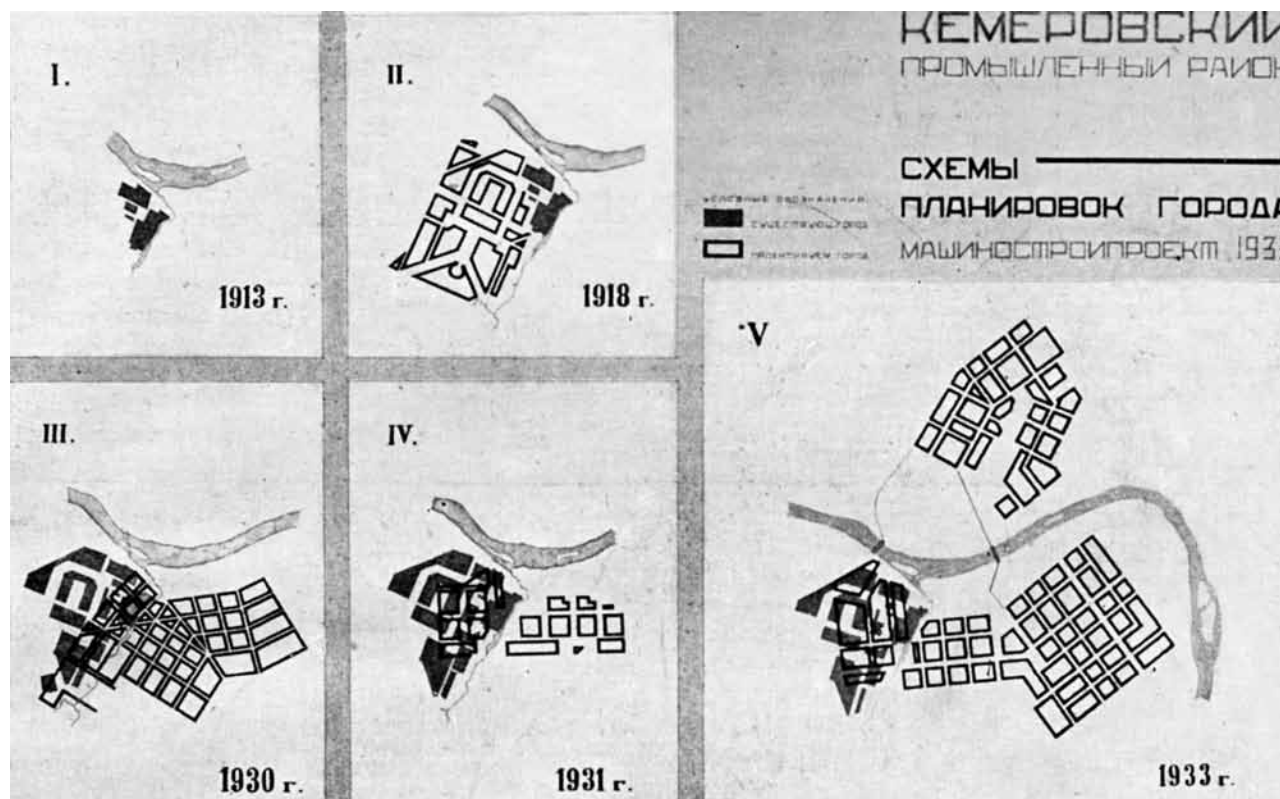

Схема проекта Магнитогорского промрайона на 1942 г.
Ленгостройпроект. Арх. Б.В. Данчич (рук.). 1934

мышленных предприятий было отсутствие предварительного плана комплексного размещения промышленного, транспортного, сельскохозяйственного и тому подобного строительства района, самостоятельное, совершенно оторванное одно от другого проектирование каждого из этих образующих район элементов.

Обычно к проектированию городов приступали уже после того, как начиналось строительство отдельных промышленных объектов, были выбраны и закреплены участки для них. Планировщики городов вынуждены были считаться с промышленными площадками, транспортными путями и т.п. как с уже существующими факторами и ограничиваться лишь частичной организацией территории, намеченной для города, и разработкой застройки отдельных кварталов. Но и эту, весьма ограниченную задачу не всегда удавалось успешно довести до конца, поскольку вновь возникающие предприятия часто вызвали необходимость изменения намеченной планировки. Создававшаяся «теснота на свободном месте»⁷⁰ не давала нормально развиваться ни промышленности, ни населенным пунктам. Особенно это стало чувствоваться с увеличением размеров строящихся предприятий (Уралмаш, Магнитка), развитием крупных промышленных узлов

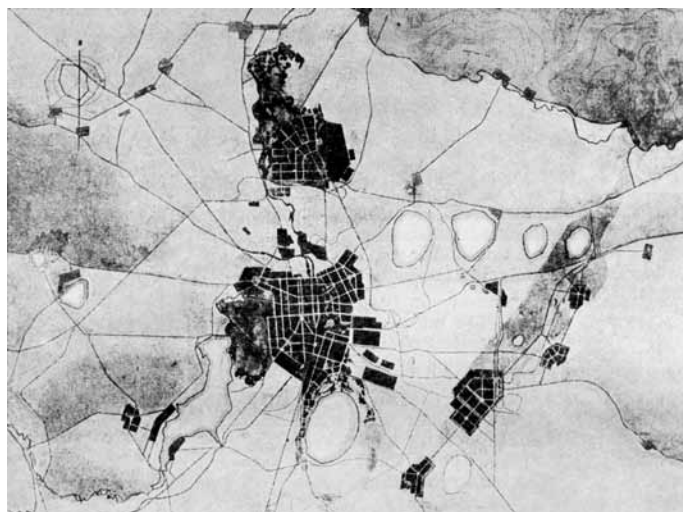
Кемеровский промышленный район. Схема организации территории. Двухбережный вариант. Инж. А.С. Вайнцвайг, арх. А.Э. Зильберт, инж. М.П. Макотинский и др. 1933–1934

(Челябинск, Горький, Кемерово и др.), переходом к строительству мощных комбинатов (Днепрокомбинат, Мосхимэнергострой).

Многие дефекты, возникавшие из-за неправильного расположения предприятий и поселений при них, исправить оказывалось уже невозможно. Наркомтяжпром с 1931 г. делал попытки перейти хотя бы к разработке генеральных планов отдельных групп предприятий. Но из-за непроработанности методологической базы и постоянно менявшихся хозяйственных планов это не всегда удавалось.

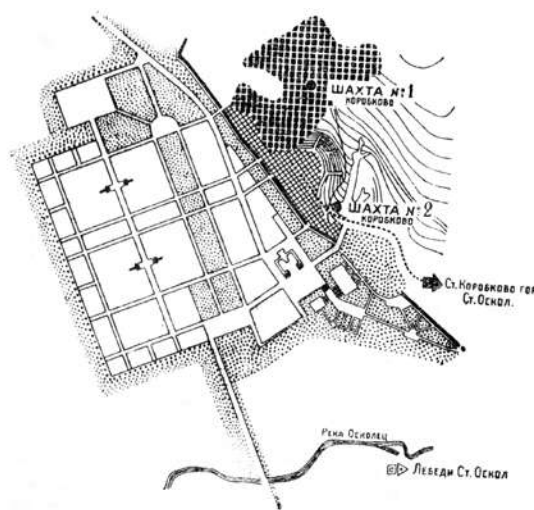
Кемеровский промрайон. Схемы планировок города 1913–1933. Машиностроительный проект. 1933

Эскиз планировки Челябинского промзла. 1935

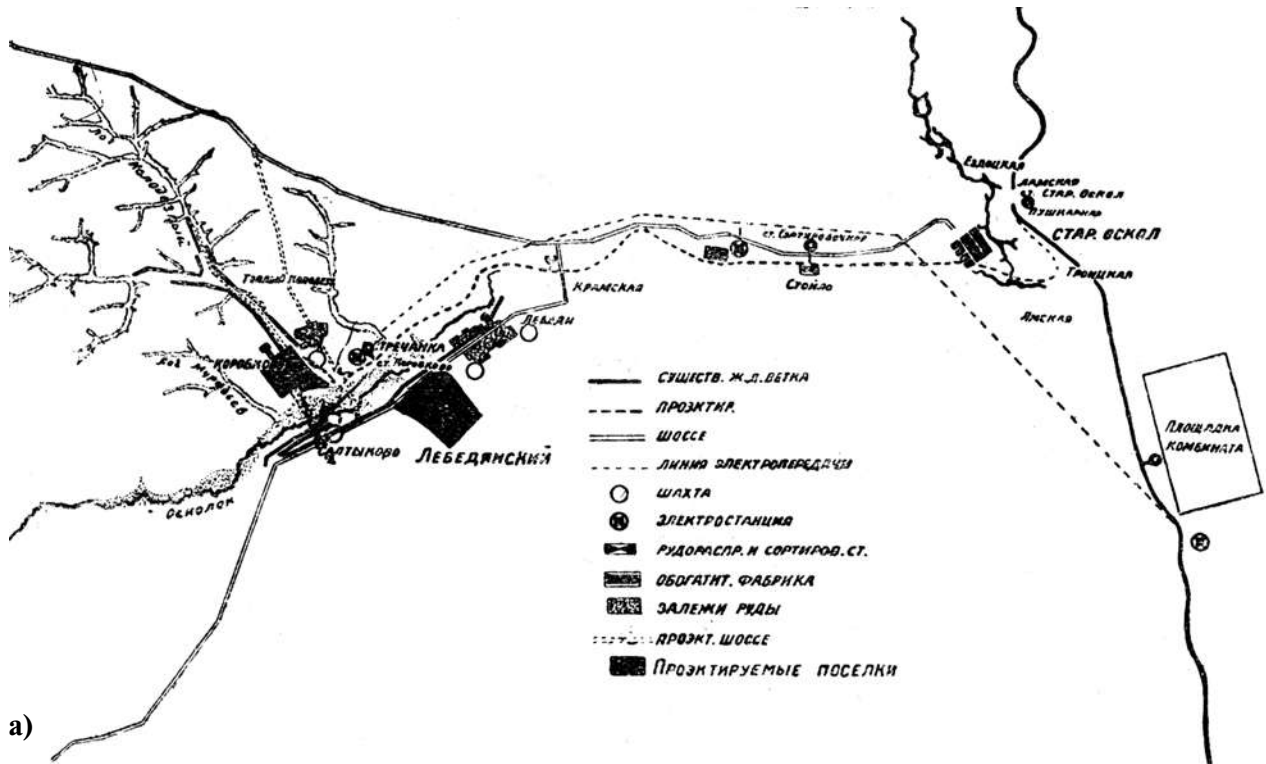
Более того, на принципы проектирования, помимо экономических и функциональных соображений, влияло идеологическое требование о доминирующей роли в районной планировке пролетарских центров. Так, Д.М. Аранович, критикуя проект планировки Сталинградского промышленного района, представленный в 1932 г. Нижне-Волжскому краевому исполкому⁷¹, ставил проблему: «Дело в том, что центр промышленного района в виде центрального города сам-то оказался наименее промышленным. <...> В то время как основное население металлургического центра составляет промышленный пролетариат, основной производственной базой центрального города является легкая, деревообделочная, пищевая и т.п. промышленность. Возникает вопрос: насколько политически целесообразно подчинить в административном и культурном отношениях такой мощный пролетарский центр, как металлургический, центральному городу с его несколько расплывчатой классовой физиономией»⁷².

Созданная в 1931 г. Академия коммунального хозяйства одной из основных своих научных задач видела разработку методологии и основных принципов районной планировки. «Социалистическая районная планировка, — писал ректор академии Ф.Ю. Светлов, — в своем развернутом виде есть мощное экономическое, технико-экономическое и организационное орудие в руках рабочего класса Советского Союза и его партии, правильное использование которого должно послужить мощным двигателем в процессе организации социалистического расселения с максимально целесообразным использованием всех естественно-географических условий и всех природных ресурсов района»⁷³.

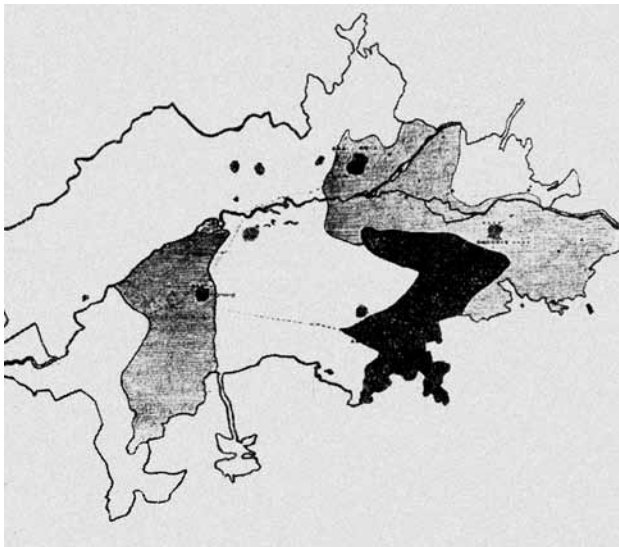
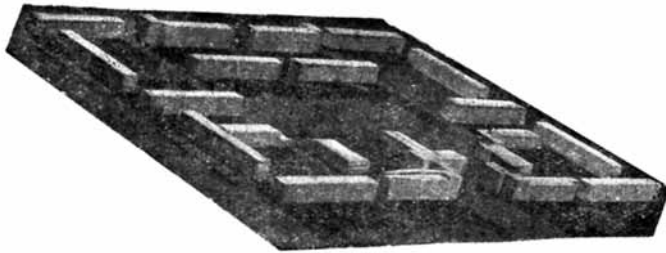

Курская магнитная аномалия. Проект планировки поселка при Коробковском и Салтыковском рудниках

а) Курская магнитная аномалия.
*Схема размещения поселков при
 Коробковском и Салтыковском рудниках;*
б) Проект поселка

Схема монохлопковых районов Ферганской долины

В целях накопления практического опыта был даже намечен район Ферганской долины в Узбекистане, имеющий специфические особенности с точки зрения экономики и природных условий. Другим объектом, более грандиозным, стала система Большой Волги, т.е. академия ставила целью создать районную планировку наиболее крупных центров, группирующихся вокруг гидроэлектростанций, намеченных к строительству в бассейне Волги. На основе этой работы предполагалось разработать различные типы «соцгородов»⁷⁴. Эти наивные, по существу, попытки решить проблемы районной планировки силами небольших академических бригад, на несколько месяцев выезжавших «на места», были характерны для первого этапа осмысления проблемы.

Наиболее бурным по интенсивности обсуждения проблематики районной планировки и широте дискутируемых вопросов стал 1933 год, когда были развернуты практические работы в этом направлении, в соответствии с принятым 1 августа

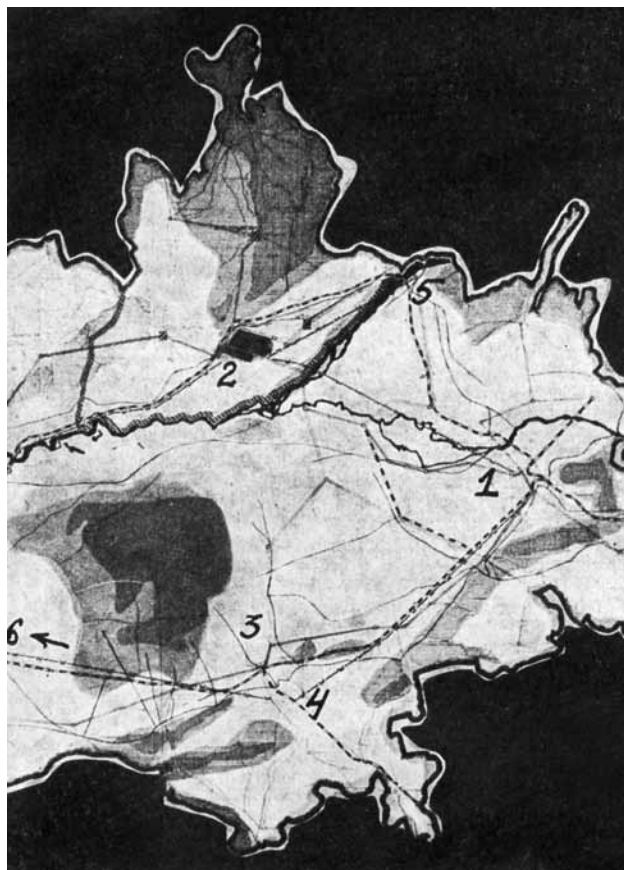
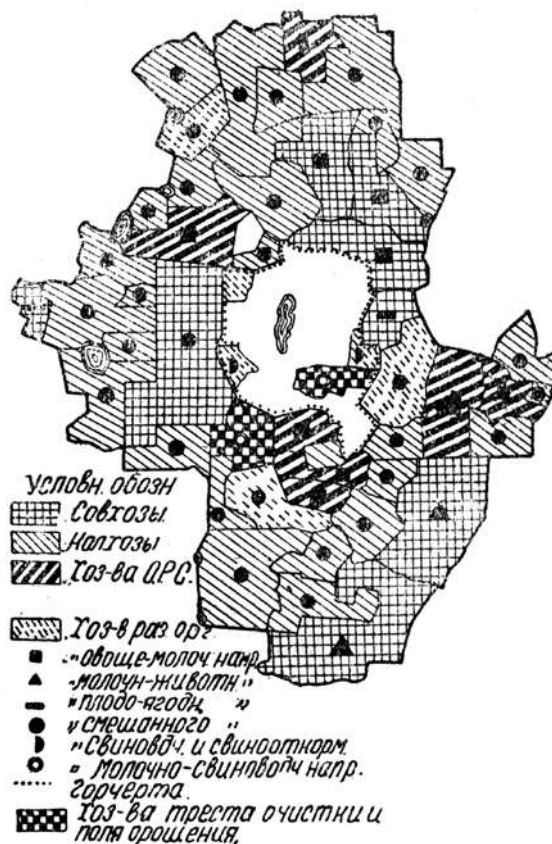

Схема планировки Ферганской долины

1932 г. постановлением ВЦИК и СНК РСФСР «Об устройстве населенных мест РСФСР»⁷⁵. В статьях 12 и 13 этого постановления, практически первого масштабного законодательного акта в области градостроительства, были изложены как задачи районной планировки, так и порядок утверждения проектов районной планировки⁷⁶.

На конференции Госплана СССР в апреле 1933 г., посвященной реконструкции городского хозяйства, вопрос о районной планировке вызвал живой интерес и специально обсуждался в секции планировки. Делегаты конференции особо подчеркивали исключительную важность своевременного обеспечения проектами планировки районов, прилегающих к крупным городам или охватывающих целые комплексы производственных предприятий и населенных мест, связанных между собой единой системой транспорта, общим производственным обслуживанием, общей энергетической базой и другими связующими элементами. На конференции выяснилось, что отсутствие проектов районной планировки затрудняет работу по планировке новых и по перепланировке и реконструкции

Магнитогорск. Проект планировки пригородной зоны. 1934

существующих городов и других населенных мест, и что в отдельных случаях рациональная планировка и строительство городов вообще невозможны без увязки с ранее проработанной схемой районной планировки. Однако в материалах конференции, изданных в виде двухтомника в 1933 г., отсутствуют статьи, посвященные районной планировке⁷⁷. Очевидно сказалось то, что фактически эти материалы были подготовлены заранее, летом 1932 г., к I Всесоюзному совещанию по вопросам реконструкции городов, которое так и не состоялось⁷⁸.

В принятом несколькими месяцами позднее постановлении ЦИК и СНК СССР «О составлении и утверждении проектов планировки и социальной реконструкции городов и других населенных мест Союза ССР» (общесоюзном законе) от 27 июня 1933 г. в отношении районной планировки имелась следующая директива: «Строительство всех видов в районах, где расположены или намечаются к строительству группы самостоятельных или комбинированных предприятий и обслуживающих их отдельных населенных мест, связанных между собой единой системой транспорта, общей

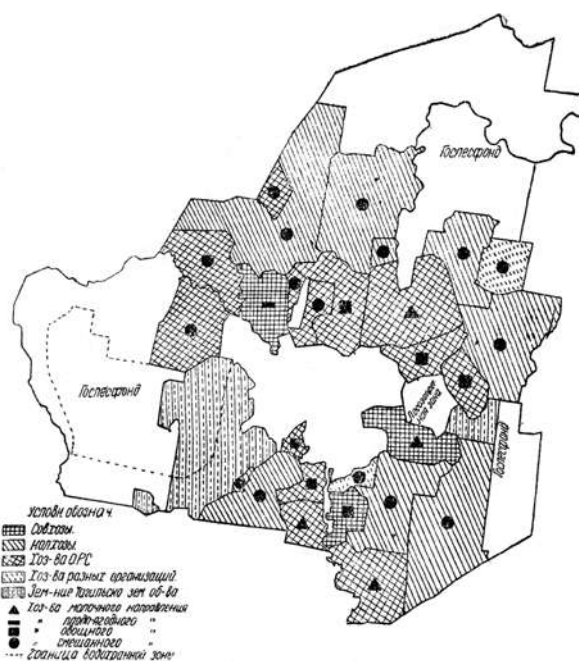

энергетической или сырьевой базой, взаимным производственным, коммунальным и социально-культурным обслуживанием, производится на основе утвержденных Схем районной планировки»⁷⁹. Утверждение проектов районной планировки было возложено на СНК СССР по представлению правительств союзных республик, с заключениями Госплана СССР и Всесоюзного совета по коммунальному хозяйству (ВСКХ) при ЦИК СССР.

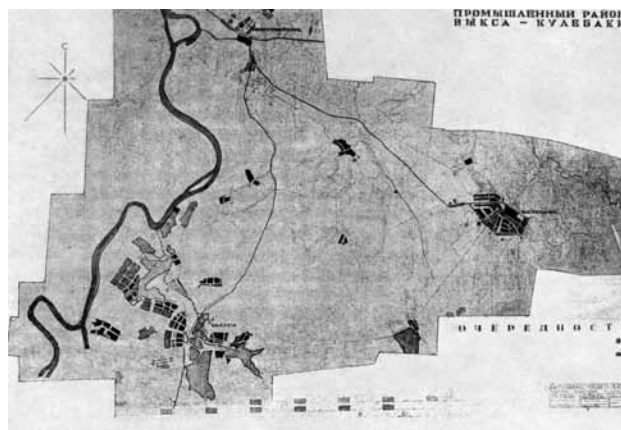
Но и конференция Госплана, и оба постановления скорее лишь ставили общеполитическую задачу районной планировки, вытекающую из планового характера социалистического хозяйствования, никак не отвечая на множество сложных методологических и практических вопросов, возникавших в этой связи. Эта проблема (как и вообще проблема планировки городов в новых условиях) явно нуждалась в профессиональном обсуждении, тем более что к этому времени уже шла практическая работа, выполняемая, с одной стороны, институтами системы коммунального хозяйства (Гипрогор РСФСР и Гипроград УССР), а с другой – трестом Промстройпроект, принадлежавшим системе Наркомата тяжелой промышленности. Как задачи этих ведомственных проектных организаций, так и взгляды работавших там специалистов подчас значительно расходились друг с другом. Первое направление, продолжая традиции «градоустройства» Главного управления коммунального хозяйства (ГУКХ НКВД РСФСР), в какой-то степени унаследованные ВСКХ и Наркоматом коммунального хозяйства РСФСР (НККХ), исходило из интересов реконструкции и обустройства городов, в том числе сложившихся в связи с задачами индустриализации и общей реконструкции хозяйства. Второе направление, представлявшее Наркомтяжпром, интересовалось прежде всего комплексным проектированием рациональных функциональных и технологических взаимосвязей между промышленными предприятиями. Город понимался здесь в основном как новое поселение, предназначенное для обслуживания промышленности.

Первые труды по районной планировке

К этому времени работы по районной планировке охватили уже районы Донбасса (Гипроград), район Баку (Гипрогор), южное побережье Крыма (Гипрогор), район Орск-Халилово (Промстройпроект), район, прилегающий к Перми (Ленинградский филиал Гипрогора), Черниковскую промплощадку под Уфой и Выксинский промрайон

Нижний Тагил. *Проект планировки пригородной зоны*

Промышленный район Выкса-Кулебаки.
Схема организации территории.
 Инж. А.С. Вайнцвайг, арх. А.Э. Зильберт,
 инж. М.П. Макотинский и др. 1933–1934

(Промстройпроект). При рассмотрении вопроса о ходе планировочных работ по городам Прокопьевску и Сталинску (ныне Новокузнецк) президиумом ВСКХ было признано необходимым организовать разработку проекта районной планировки для районов Кузнецкого бассейна.

Проблема настоятельно требовала детальной разработки как общетеоретических вопросов, так и определения содержания практического проектирования планировочных схем для отдельных районов, а также уточнения технических методов работы по районной планировке и ее проектных стадий.

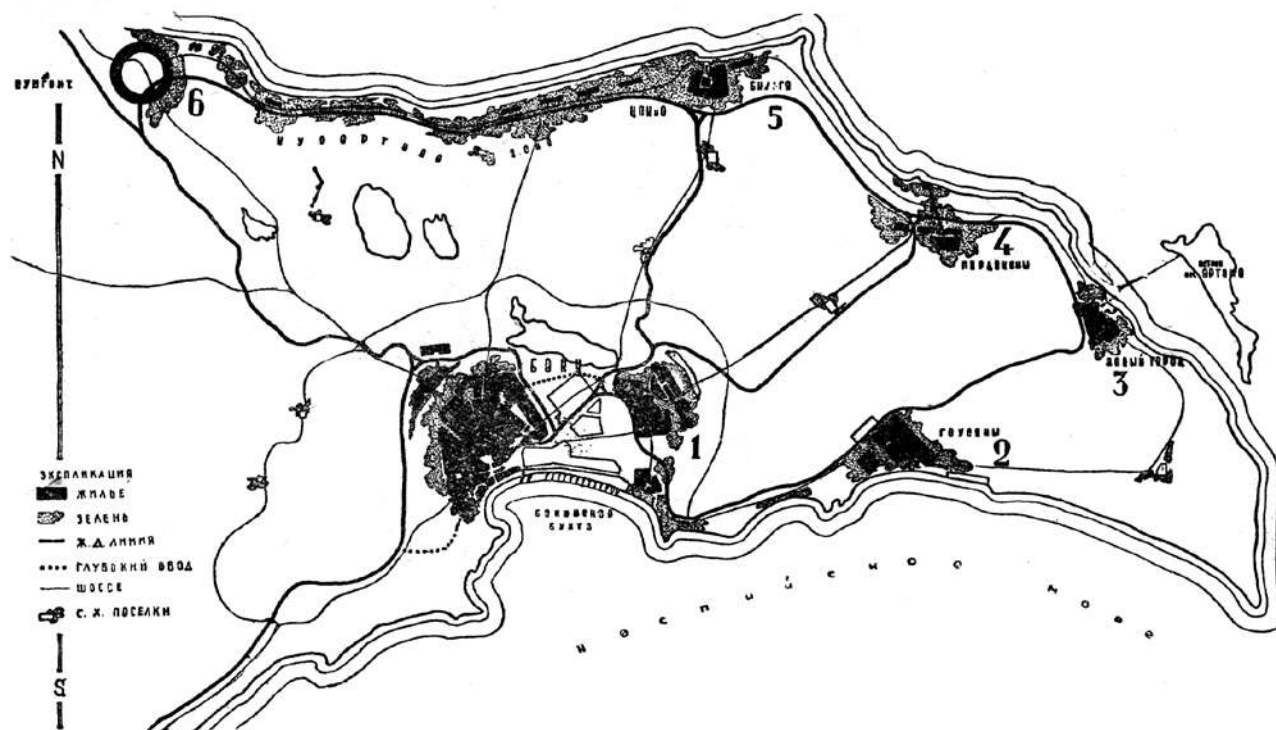
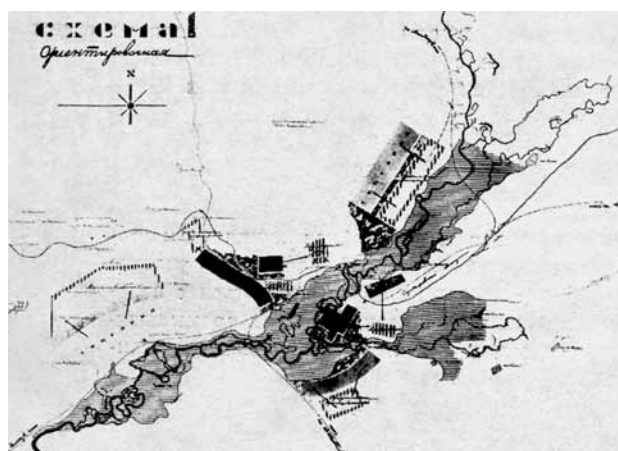
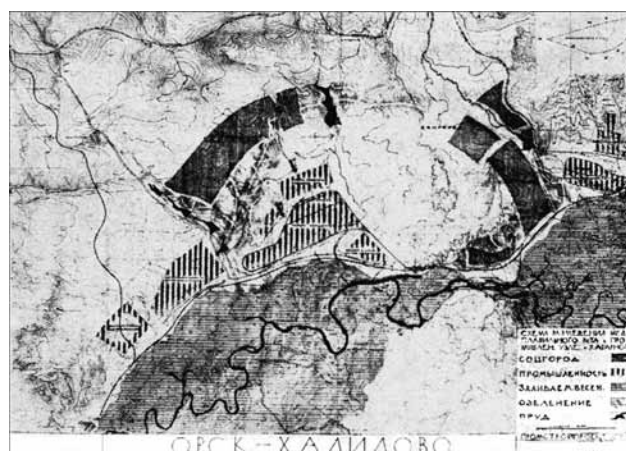

Схема районной планировки Апшеронского полуострова. 1934

Промрайон Орск-Халилово. Варианты размещения промышленности и расселения. Промстройпроект. Инж. А.С. Вайнцвайг, арх. А.Э. Зильберт и др. 1932–1933

В развитие задач, поставленных конференцией Госплана СССР, ВСКХ в марте 1933 г. вынес решение о созыве сначала в мае, а затем в октябре этого же года Всесоюзной конференции по планировке и социалистической реконструкции городов, где должны были найти отражение и вопросы районной планировки. Для подготовки конференции был создан Оргкомитет, куда вошли представители планировочных организаций, научно-исследовательских учреждений и наркомхозов союзных республик. Основные вопросы, которые предстояло

обсудить на конференции: 1) социально-политические установки по планировке; 2) анализ итогов и задачи по планировке городов; 3) проблемы районной планировки⁸⁰. До конференции вышли отдельным изданием тезисы докладов и выступлений⁸¹, планировался еще ряд изданий. Публикация тезисов по секции районной планировки включала четыре небольшие статьи: экономиста проф. П.Н. Першина (Гипрогор) «Районная планировка, ее задачи и планово-экономическая подготовка»; В.В. Семенова-Прозоровского (Гипрогор) «Пла-

нировка Апшеронского полуострова и г. Баку»; М.Л. Давидовича (Гипроград УССР) «Принципы и практика районной планировки Донбасса»; статью (без подписи) Промстройпроекта «Методика и практика проектных работ по планировке промышленных районов». Тезисы имели скорее научно-методическое значение, излагая идеальные схемы организации работы по районной планировке, как они представлялись проектировщикам, и не касались практических проблем, возникавших в процессе проектирования.

От конференции ждали многого, в том числе и в решении вопросов районной планировки: «...дело районной планировки находится еще в зачаточном состоянии, оно еще не получило достаточно четкой теоретической разработки. Не создана еще методология районной планировки, еще нет твердо установленного перечня работ, которые должны предшествовать районной планировке... Даже вопрос о границах районной планировки не получил еще достаточной ясности. Каждая проектная организация по-своему определяет границы территорий, подлежащих включению в состав района»⁸². Конференции предстояло проверить и критически оценить работы различных организаций в области районной планировки, определить основные показатели, из которых должна исходить районная планировка.

Однако, несмотря на широкий размах подготовки, солидный состав участников, предварительный выпуск в свет сборника тезисов, конференция сначала была отложена на март 1934 г., а затем так и не состоялась. Известно лишь упоминание о том, что, по мнению Л.М. Кагановича, в центре внимания в настоящий момент должны быть не вопросы теории и методологии, а разработка конкретных проектов⁸³. Остается предположить, что конференция не состоялась по целому комплексу причин: изменение в архитектурно-градостроительной политике, поворот к «архитектурному оформлению» города, с одной стороны, и организационно-планировочный хаос, обусловленный особенностями советского хозяйственного планирования, с другой стороны. В 1937 г. председатель ВСКХ Н.А. Кубяк был репрессирован и расстрелян, а сам Совет прекратил существование.

Тем не менее часть материалов по районной планировке, подготовленных к конференции, все же была выпущена. В 1934 г. почти одновременно вышли два издания, отражающие опыт основных организаций, занимавшихся районной планировкой: «Опыт районной планировки в СССР» Гипрогора⁸⁴ и «Планировка промышленных районов» Промстройпроекта⁸⁵.

Книга Гипрогора развивала содержание уже выпущенных тезисов и состояла из трех больших статей — П.Н. Першина «Экономические основы содержания и методологии районной планировки», М.Я. Гинзбурга «Районная планировка на опыте Южного берега Крыма» и В.В. Семенова-Прозоровского «Первый этап работ по планировке Апшеронского полуострова и Баку».

Основу издания составляла обширная теоретическая статья Першина, отличавшаяся широким народнохозяйственным подходом и выявлением синтетического, интегративного характера работ по районной планировке. Автор анализировал понятие районной планировки, ее отличие от народнохозяйственного районного планирования и от планировки города, выявлял принципы размещения в районе отдельных отраслей народного хозяйства и населения. Работа получила широкий позитивный отклик в печати как первое вдумчивое и систематизированное руководство для работников, занятых районной планировкой. Вместе с тем автора упрекали в определенной узости взглядов на районную планировку, которая, по его мнению, может иметь место только тогда, когда точно определено размещение конкретных предприятий в данном локальном районе, в нежелании строить гипотетические схемы районной планировки для таких гигантских районов как Донбасс, Кузбасс или Кольский полуостров⁸⁶. Его упрекали также в слишком узком понимании принципов размещения хозяйства как только экономических, в отрыве от задач советской национальной политики и уничтожения разницы между городом и деревней.

Книга «Планировка промышленных районов» представляла собой обзор работы сектора районной планировки Промстройпроекта над пятью промышленными районами: Черниковским, Кемеровским, Орско-Халиловским, Выксо-Кулебакским и Сталинским (Сталинск — ныне Новокузнецк). Здесь так же, как и в труде Першина, была сделана попытка дать трактовку сущности и основных установок районной планировки. В предисловии отмечалось, что овладение этой высшей ступенью проектного дела сопряжено с большими трудностями, так как прежние методики проектирования не годятся для новых задач, нельзя воспользоваться также и зарубежным опытом, поскольку в советской практике другие предпосылки районной планировки, другие масштабы и темпы работ. В процессе самой работы приходится создавать и рабочие методы.

Под районно-планировочным объектом Промстройпроект понимал «территорию, на которой

располагаются предприятия, объединенные использованием местных природных и других ресурсов, тесными производственными связями, кооперированием на базе расселения трудящихся или устройством общих инженерных сооружений»⁸⁷. Задача районной планировки — дать такую организацию территории района, «которая в интересах социалистического строительства обеспечила бы необходимые предпосылки для постройки и эксплуатации промышленных предприятий и транспорта и организации сельского хозяйства, создания гигиенических условий для жизни и работы трудящихся, наилучшее использование природных ресурсов района и дальнейшее его развитие»⁸⁸.

Эти формулировки также подверглись критике в печати, так как не учитывали единую энергетическую базу района, а также за то, что кооперирование предприятий проводится «на базе расселения», тогда как необходимо, наоборот, расселять трудящихся на базе кооперирования предприятий. Критиковались они и за то, что в них отсутствовала социальная культура в более широком понимании, чем жилищное строительство, за невнимание к проблеме уничтожения противоположности между городом и деревней. «Эта слабость социально-политического и социально-культурного обоснования районной планировки полностью проявилась и на проектах планировок Промстройпроекта», — писала заведующая научно-исследовательским бюро Горстройпроекта М.И. Ильина⁸⁹.

Вся проблема расселения сводилась в работах Промстройпроекта к вопросу размещения работников основных промпредприятий, а как разместить сельскохозяйственное население, какую систему культурно-бытового обслуживания создать — эти вопросы выпали из внимания планировщиков. Не затрагивались, несмотря на правильные теоретические установки, также вопросы размещения самого сельского хозяйства — не пригородного, а в общерайонном масштабе, его специализации и создания на его основе индустриального производства. Не обсуждались вопросы размещения лесной, легкой, пищевой промышленности. А это фактически ставило под угрозу все расчеты планировщиков по населению и ресурсам района. Недостаточная полнота и нечеткость выявления задач районной планировки влекли за собой и неясность в определении Промстройпроектом границ планируемого района.

Позитивно оценивались методологические разработки Промстройпроекта в части стадийности работы и широкого учета факторов, благоприятных

и отрицательных, влияющих на планировку, большое количество вариантных решений и тщательная оценка этих вариантов, для того чтобы выбрать из них оптимальный. Другой важной находкой сектора районной планировки Промстройпроекта была кооперативная система проработки проекта. Сложность поставленных задач заставила от распространенного в практике планировки метода консультаций по специальным вопросам перейти к совместной работе над проектом с рядом специализированных организаций. При этом создавались так называемые сквозные бригады, руководимые организацией, ответственной за проект в целом⁹⁰. Промстройпроектом впервые были поставлены вопросы о параллельной увязке проекта районной планировки с проектами планировки населенных мест, и со схемами планировок макрорайонов, охватывающих группы отдельных районов.

Еще одним заметным изданием, вышедшим в том же 1934 г., в котором затрагивались вопросы районной планировки, стала книга В.Г. Давидовича «Вопросы планировки новых городов»⁹¹. Задачам районной планировки автор предпосылал принципиальное указание на необходимость проведения работ под непосредственным руководством Госплана, для чего при плановых органах он предлагал создать специальные структуры, занимающиеся районной планировкой. Их задача — синтезировать проработку отдельных проблем районного значения (промышленности, транспорта, сельского хозяйства и др.). Для конкретизации задач Давидович пытался ввести ступенчатую систему: районная планировка, узловая (кустовая) планировка и планировка отдельных населенных мест. Однако ему не удалось найти убедительного основания и четкой терминологии для такой системы.

Собственно, в своем идеальном виде последовательность ходов по созданию проектов районной планировки была достаточно очевидной. Плановое задание должно разрабатываться в планирующих органах (Госплан, крайплан и райплан). В результате выполнения этой стадии работ в распоряжение планировщика должны передаваться установочные данные о характере предприятий, районе строительства и основные показатели по вопросам технологии, транспорта, энергетики и санитарного оборудования. Только после тщательной проработки планового задания можно приступать к следующей стадии — непосредственному проектированию промышленного района.

Следующая стадия должна состоять из трех этапов.

Этап. I. Фиксация существующих условий района. Изучение района. Обследование и сбор материалов, необходимых для проектирования.

Этап II. Выявление проблем, стоящих перед проектировщиками в данном районе, и составление основных проектных заданий. На основе данных планового задания и материалов технoэкономического описания должны составляться основные задания, ставящие перед проектировщиком задачи, подлежащие разрешению в проекте. На этом этапе проектные задания должны пройти утверждение.

Этап III. Решение. В сложном комплексе вопросов районной планировки на этапе решения должны быть проработаны проблемы: 1) организация территорий промышленности; 2) организация расселения; 3) организация транспорта; 4) решение энергетических проблем; 5) организация водного хозяйства и 6) решения вопросов водоснабжения и канализации. В результате третьего этапа планировки промышленного района должна выполняться схема районной планировки, решаться проблема организации территории всего района. Схема также должна быть утверждена, после чего можно приступать к проектированию отдельных элементов районного плана — промпредприятий и поселков⁹².

В жизни приходилось иметь дело с куда более сложной ситуацией, начиная от разработки планового задания и кончая выбором конкретных площадок под строительство. При значительном увеличении и усложнении объема проектирования перед специалистами встал целый ряд методологических вопросов, ответы на которые надо было искать непосредственно в ходе практической работы.

Методологические вопросы районной планировки

Первый из таких вопросов — что, собственно, входит в понятие районной планировки, что должно стать основным фактором, определяющим ее содержание, что представляет собой объект районной планировки? На эти вопросы еще не было однозначного ответа. Между тем практика районной планировки приобретала все больший размах, не будучи подкреплена какими-либо серьезными теоретическими разработками. Последние часто подменялись демагогическими ссылками на труды классиков марксизма-ленинизма.

Стоит более подробно рассмотреть одну из статей 1933 г., опубликованную в журнале «Наше строительство» и охарактеризованную редакцией как

дающую «углубленную проработку экономических основ районной планировки»⁹³. Для устранения путаницы в понятиях ее автор проф. И.Е. Лерман предлагал опереться на основополагающие труды В.И. Ленина «Развитие капитализма в России», «Империализм как высшая стадия капитализма» и др. Ленин, используя методологию Маркса, оперировал в своих работах понятием экономического района при анализе экономического развития Соединенных Штатов Америки и Российской империи. Автор подчеркивал, что Ленин никогда не классифицировал районы по их географическим признакам и природным ресурсам. Его интересовал прежде всего тип хозяйства того или иного района⁹⁴. Применительно к Америке он, например, определял промышленный север, бывший рабовладельческий юг и колонизируемый запад. Применительно к России он выделял районы натурального или капиталистического хозяйства.

Однако попытка опереться на классиков на самом деле почти ничего не могла дать для решения задач районной планировки в том виде, как они были сформулированы к началу 1930-х гг. Ленин анализировал сложившиеся экономические районы, обладавшие разнообразными формами хозяйствования. Советская районная планировка была ориентирована на единственно возможную форму хозяйствования, которую к тому же еще только предстояло создать — равномерное распределение промышленности по всей территории страны, не взирая на исторически сложившиеся типы тех или иных экономических районов. Автор статьи понимал это, когда писал: «Политика индустриализации СССР коренным образом деформирует прежние с-х. районы, открывая перед ними путь бурного промышленного развития. Последовательное осуществление Ленинской национальной политики вдребезги разбило и прежние межрайонные связи, основанные на колониальной зависимости “окраин” от промышленной метрополии... Применение ленинской методологии в исследовании советских экономических районов требует, таким образом, диалектического учета особенностей советского соц. хозяйства и его специфических отличий от хозяйства капиталистического»⁹⁵.

Лерман фактически свел методологию Ленина к четырем позициям: необходим примат социально-экономических признаков района над географической средой; экономический район должен определяться прежде всего как народнохозяйственный комплекс; каждый экономический район должен рассматриваться как находящийся в состоянии ди-

намического развития и преобразования; каждый экономический район должен рассматриваться не как изолированная единица, а в свете неустраняемых межрайонных связей и взаимоотношений.

Излагая новую систему экономического районирования страны, Лерман, опять ссылаясь на Ленина, выделял две основополагающие позиции: в основу формирования района кладется энергетический принцип, что позволит подорвать мелкое хозяйство и перевести его на базу крупного производства; каждый экономический район, получивший энергетическую базу для развития своего народного хозяйства, направляет это развитие по линии определенной производственной специализации.

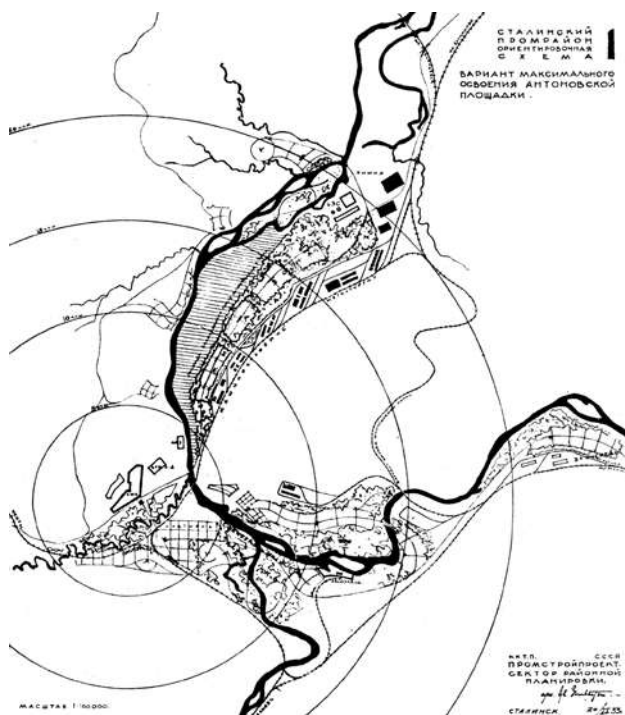
При этом состояние района, в котором его стало экономическое районирование, менее всего может определять его специализацию. Наоборот, необходимо исходить не столько из прошлого и настоящего района, сколько из перспектив будущего. «Не преклоняться перед историческим прошлым стихийного развития района в капиталистическую эпоху, а смелым творческим оком разорвать таинственную завесу будущего и мысленно начертать грядущий экономический облик района, как в зеркале художественно отразить будущий образ района, тот образ, который он примет в силу организованного на него воздействия *преобразующего планового социалистического начала, управляемого диктатурой пролетариата* [курсив И.Е. Лермана]. Вот величественная и захватывающая задача районирования»⁹⁶.

Подобные революционно-романтические манифестации, наполнявшие «углубленную» экономическую статью, тем не менее, к этому времени уже нашли отражение в упомянутых выше республиканском и общесоюзном постановлениях-законах⁹⁷. Развернувшиеся работы по районной планировке Донбасса, Бакинского района, Орско-Халиловского, Выксо-Кулебакского, Кемеровского и других районов давали повод закрепить такой подход к районной планировке и в инструкциях, изданных ВСКХ и Наркомхозом РСФСР⁹⁸.

Однако позиции проектировщиков, реально занимавшихся районной планировкой, подчас заметно отличались от этих установок. Так, например, М.Я. Гинзбург, в 1933 г. руководивший бригадой Гипрогора по разработке района Большой Уфы, включавшего Черниковскую промышленную площадку, считал, что в технической организации района должен быть выявлен его народнохозяйственный профиль, слагающийся, с одной стороны, на базе всего народнохозяйственного плана СССР как единого целого, а с другой — социально-политиче-

ских факторов данного района. «Развитие производительных сил какого-либо района, естественно, в условиях нашего социалистического строительства, имея конечной целью этого развития потребителя-человека, во главу угла ставит задачу создания такой системы технической организации территорий, при которой социально-гигиенические и культурные условия развития трудящихся были бы в максимальной степени обеспечены ею»⁹⁹.

Именно поэтому Гинзбург уделил большое внимание старой Уфе как сложившемуся культурному центру, подлежащему всестороннему развитию наряду с новыми населенными пунктами. Он писал: «...в планировке Уфимского промышленного района возникает необходимость укрепления и дальнейшего развития города Уфы как хозяйственного и политического центра культурно отсталой Башкирской республики»¹⁰⁰. Одной из основных задач, стоящих перед районной планировкой, Гинзбург видел обеспечение «всем трудящимся благ материальной и умственной культуры»¹⁰¹. Он одним из первых предложил «сетевую систему обслуживания», распространявшуюся на всю территорию проектируемого промышленного района и предусматривавшую широкое строительство предприятий пищевой и легкой промышленности, разнообразных мастерских, магазинов, столовых, читален, клубов и т.п. Созданию такой системы он придавал

Сталинский (Кузнецкий) промрайон. Вариант максимального освоения Антоновской площадки

не меньшее значение, чем правильной организации тяжелой индустрии в проектируемом районе.

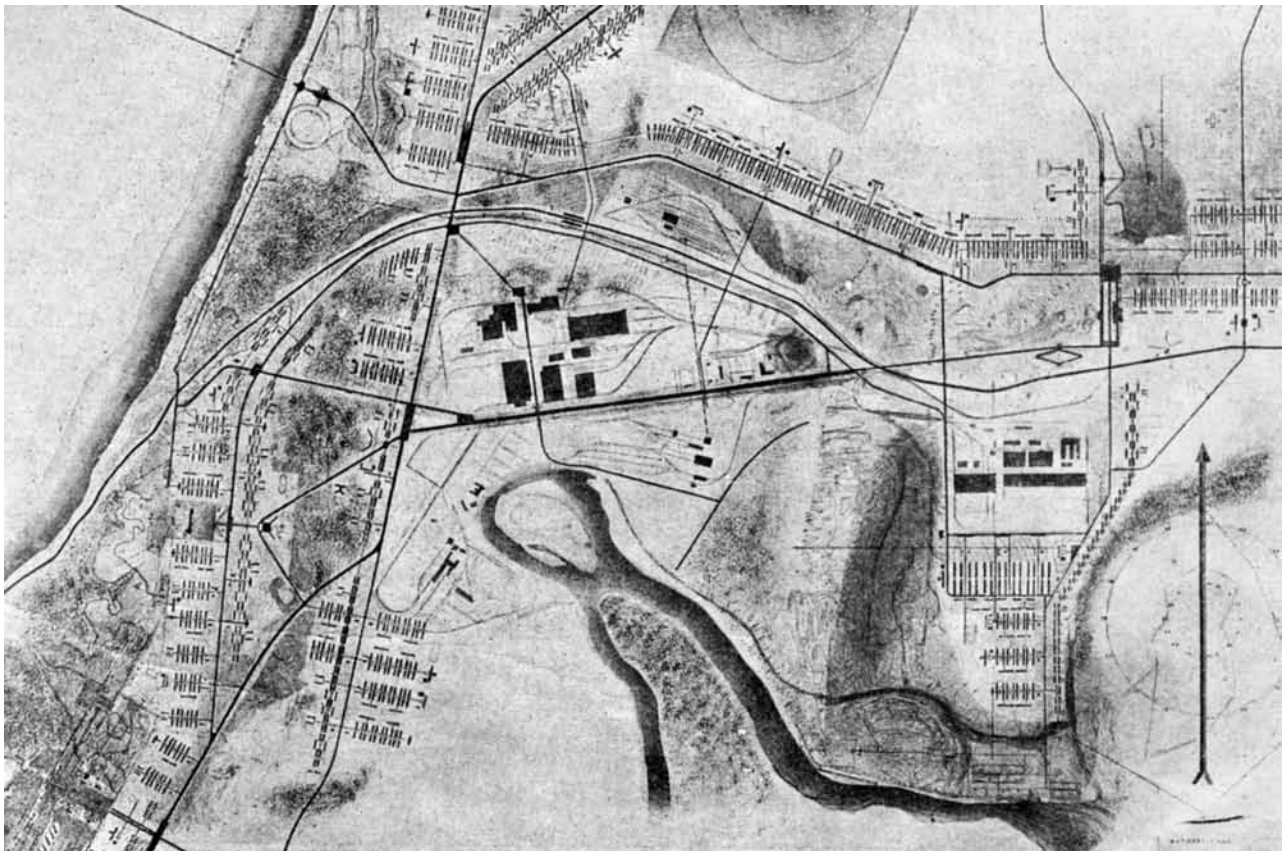
Еще одним серьезным и равноправным фактором, определяющим проект районной планировки, Гинзбург считал наличие соответствующей условиям данного района правильной строительной политики. Имелось в виду прежде всего полноценное жилищное строительство, с созданием соответствующей строительной базы на местном сырье, в том числе предприятий строительной индустрии, рассчитанных на монтаж жилья из готовых элементов.

Все это довольно плохо вписывалось в государственные установки по районной планировке, рассчитанные на остаточное финансирование гражданского строительства. Однако М.Я. Гинзбург пошел еще дальше, заговорив (если использовать современную терминологию) о сохранении и развитии «культурного ландшафта» проектируемого промышленного района. Требование изучения при районной планировке геофизической среды выдвигалось и раньше, но оно рассматривалось лишь с точки зрения хозяйственных ресурсов, в интересах развития тяжелой индустрии. Для Гинзбурга — это также и основа для формирования разнообразных

архитектурно-планировочных комплексов, которые «получают каждый раз свое индивидуальное решение и завершение как неразрывное целое природы и рук человеческих»¹⁰². Он писал: «В таком аспекте модель будущего района нередко ломает привычные представления о селитебных территориях, как о монотонных геометрических построениях, абстрагированных от всяческих природных условий, и строится как неожиданная и живописная картина в существующей природной оправе или, наоборот, в пустынных и бесплодных местах нашего Союза сознательно абстрагируется от безрадостной природы, создавая свою искусственную природу зеленых насаждений и геометрических построений, обеспечивая человеку в каждом из этих случаев наиболее привлекательные формы расселения»¹⁰³.

В упомянутой выше статье И.Е. Лермана этот проект подвергся критике. Автор отмечал, что, хотя проект отличается большой продуманностью, он менее всего может претендовать на пример образцового проекта районной планировки, поскольку не охватывает никакого экономического района¹⁰⁴.

Позиции М.Я. Гинзбурга в отношении районной планировки складывались в ходе работы над пла-

Эскиз расселения в Черниковском промрайоне. Рук. М.Я. Гинзбург; арх. Г.Г. Вегман, С.А. Лисагор и др. 1931–1932

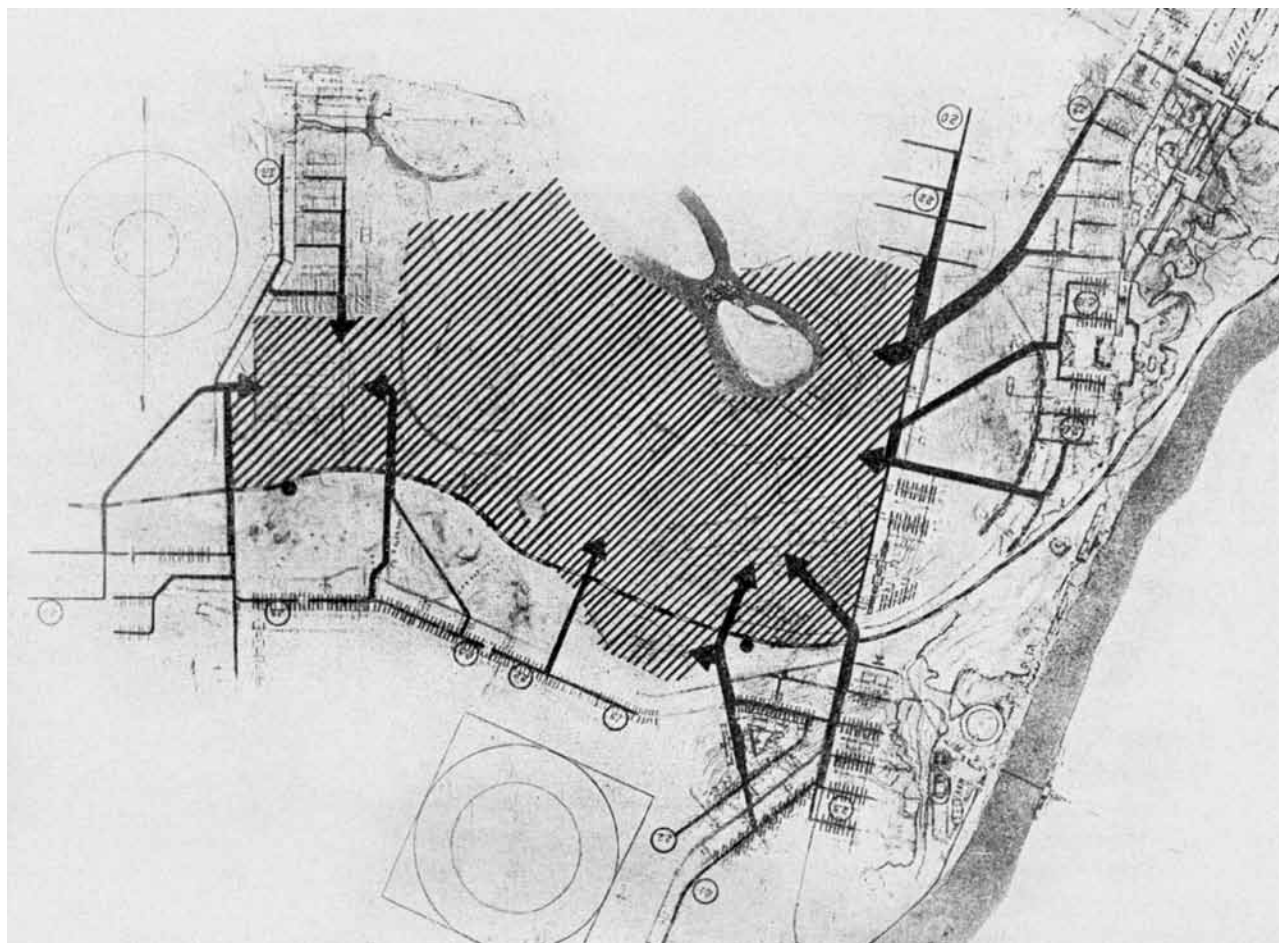
нировкой южного берега Крыма (ЮБК) — одной из первых работ Гипрогора в этой области¹⁰⁵. Ведущей производительной силой Крыма он считал уникальную геофизическую среду, определяющую не только границы планировочного района, но и характер его промышленного производства. Чрезвычайно важными для него являлись пространственные и пластические характеристики этой среды, особенности микроклимата, а также социальный состав населения района, как коренного, так и приезжего. Он впервые ставил «чрезвычайно важный вопрос о местном коренном населении. Это население при правильном районировании может получить территорию, вполне обеспечивающую как производственную базу, так и национально-культурное развитие»¹⁰⁶.

В проекте М.Я. Гинзбурга, в отличие от разрабатывавшихся одновременно проектов районной планировки промышленных районов, особенно тщательно был проработан вопрос о размещении и характере населенных мест, что, по его мнению, имело важнейшее политическое значение: «Для населенных мест, как правило, выбирались вполне

благоприятные в санитарно-гигиеническом отношении места. Ясно, ведь, политическое значение, которое приобретает на южном берегу Крыма планировка населенных мест для коренного населения. В прошлом татарское население упорно отодвигалось царскими колонизаторами от берега. Поэтому мы добивались того, чтобы каждое населенное место примыкало к парковому массиву и имело, кроме того, выход к морю»¹⁰⁷.

В проекте тщательно прорабатывались вопросы размещения и специализации сельского хозяйства. В нем также раскрывались возможности внутреннего и иностранного туризма. В связи с этим Гинзбург писал о недопустимости происходившего разрушения архитектурных памятников, вырубки лесов.

Особенно он был озабочен вопросами реализации проекта планировки южного берега Крыма. Уже в процессе разработки проекта количество планирующих и строящих ведомств, действовавших совершенно несогласованно, возросло до сотни, что грозило сделать всю планировочную работу абсолютно бесцельной¹⁰⁸. Собственно, именно

Черниковский промрайон (Башкирия). График движения рабочих. 1933

Планировка южного берега Крыма. Предварительная схема медицинского зонирования.
Рук. М.Я. Гинзбург; арх. Г.Г. Вегман, А.Ф. Кельмишкэйт, С.А. Лисагор и др. 1932–1934

эта лихорадочная и угрожающе беспорядочная деятельность различных наркоматов, стремившихся обеспечить себя санаториями в Крыму, в районе Сочи, на Кавказских минеральных водах, вызвала к жизни проекты планировки этих курортных районов.

Методологические принципы, заложенные М.Я. Гинзбургом, развивались и в проектировании района Сочи-Магиста и Кавказских минеральных вод¹⁰⁹. Однако сохранявшаяся ведомственная система финансирования застройки постепенно приводила к утрате комплексности подхода, на первый план выходили скорее формально-композиционные соображения по поводу планировки тех или иных фрагментов общего проекта¹¹⁰.

При проектировании промышленных районов картина была совершенно иной. Интересы производственных связей здесь выходили на первый план, подчас заслоняя саму суть районной планировки, как проектирование территории. Серьезным методологическим вопросом, вставшим перед проектировщиками, стало *определение оптимальных границ объекта районной планировки*. К середине 1930-х гг. «фронт работ» по районной планировке был уже развернут достаточно широко, хотя практически не было ни одного заверщенного проекта. Проектировщики столкнулись с чрезвычайным разнообразием планировочных районов, с трудом поддававшихся типизации и отличавшихся не только содержанием, но и подчас десятикратной разницей в размерах территорий. В этих условиях заданное градостроительным законодательством понимание планировочного района как сплошной территории, где однотипно должен решаться весь комплекс возникающих проблем, было поколеблено. Появились

предложения заменить понятие планировочного района понятием планировочного проекта, в котором выявлялись бы связи отдельных звеньев, не обязательно оконтуренных общей границей.

Попытки отхода от территориального принципа районной планировки, по сути, были продолжением спора о ее объекте. При этом вопрос доводился до своей смысловой крайности, потому что на смену территориальному принципу неизбежно должен был прийти многократно усилившийся отраслевой принцип. Внимание проектировщиков было сосредоточено лишь на решении отдельных промышленных «узлов» и их функциональных связей, в том числе и территориально отдаленных, а остальные «нейтральные» территории, по сути, оставались на произвол судьбы. Селитебные, аграрные и некоторые промышленные комплексы, технологически не связанные с такими, например, гигантами, как Магнитогорский металлургический комбинат, неизбежно выпадали из границ проекта. Такой подход, проявившийся, например, при обсуждении планировки Магнитогорского района, разработанной Горстройпроектом в 1934 г., все же был преодолен в пользу решения всего территориально-производственного комплекса, отделенного от соседних территорий спецификой экономических связей¹¹¹.

Вопрос об определении границ планировочного района оставался открытым и представлял собой значительную трудность. Основные теоретические вопросы, вставшие перед планировщиком, формулировались так: каковы критерии достаточности тяготения того или иного периферийного пункта к основному узлу для того, чтобы он включался в планировочный район; на каких основаниях должны включаться в планировочный район территории,

лежащие между бесспорно тяготеющим к ядру отдельным пунктом и этим ядром?¹¹²

Определение границ планировочного района мыслилось как начало проектной работы по районной планировке. Ведь сбор материала и фиксация существующего положения в районе также должны были чем-то ограничиваться. Поэтому на первой стадии выделялась условная площадь района, ограниченная линией, соединяющей жилые, промышленные или иные центры, окружающие предполагаемый район.

При проектировании, например, Орско-Халиловского промышленного района Промстройпроектом устанавливались и разграничивались сферы влияния основных центров, окружающих предполагаемый район планировки¹¹³. Связи этих центров проводились по территориальным факторам, по каждому в отдельности: водные источники, железнодорожные магистрали, сырьевые базы. Определяемые при этом площади накладывались друг на друга, и таким образом определялась территория планировки района I очереди. Путем сравнения парных комбинаций этих факторов и их значимости устанавливалась более ограниченная территория района проектирования II очереди. Этими схемами исчерпывалось определение приближенных границ планировки в межрайонном масштабе. Дальнейшее их уточнение шло уже во внутрирайонном масштабе, в сторону дальнейшего уменьшения проектируемых площадей. При уточнении границ определялись площади, неудобные и негодные для освоения, при этом также по каждому фактору в отдельности (неудобный рельеф, затопляемые зоны, рудные поля, условия грунтов и т.п.). На уточнение границ влияли и естественные рубежи (горные хребты, водоразделы).

Третьим методологическим вопросом проектирования районной планировки стало *хозяйственное наполнение или баланс территорий, оконтуренных общей районной границей*. Здесь предлагалось выявить ряд площадок с уже закрепленной хозяйственной организацией и исключить их из дальнейших сравнительных подсчетов, а для остальной территории составлять многочисленные варианты и проводить их технико-экономическое сравнение. Правда, при этом становилось очевидным, что по ряду требований невозможно получить технико-экономические показатели, например, требования санитарии, обороны и т.п. Варианты, не отвечающие внеэкономическим требованиям, должны были исключаться из рассмотрения, так же как и явно неэкономичные. Для оставшихся вариантов должна была применяться шкала результативных показателей, отража-

ющая народнохозяйственные издержки. Для каждого планировочного района такая шкала должна была разрабатываться индивидуально.

Четвертый важный методологический вопрос заключался в нахождении *правильного соотношения самого проекта районной планировки и вспомогательных проектов по отдельным вопросам* (водоснабжение, зеленое строительство, мелиорация и т.п.), которые, как правило, заказывались сторонним организациям. Важно было так организовать составление этих проектов, чтобы они действительно отвечали на вопросы, поставленные планировщиком, а не диктовали ему решение. На практике часто происходило так, что проект районной планировки вынужденно привязывался к уже достаточно проработанным частным проектам, на которые было затрачено немало средств, но которые могли идти вразрез с общим замыслом планировочного района и, более того, опирались на разные концептуальные основания. Проекты просто механистично сводились в единую схему.

Пятый важный методологический вопрос касался *обследования территорий*. Методика обследования для строительства населенных мест в эти годы только начинала складываться. Методика обследования в целях районной планировки практически еще не была разработана. Из текста упоминавшейся выше работы П.Н. Першина в сборнике научных трудов Гипрогора видно, что практически этот вопрос сводился к сумме отдельных специальных обследований, комплексные же общепланировочные обследования предлагалось проводить лишь на поздних стадиях работы, чтобы проверить в реальной обстановке уже выработанное планировочное решение.

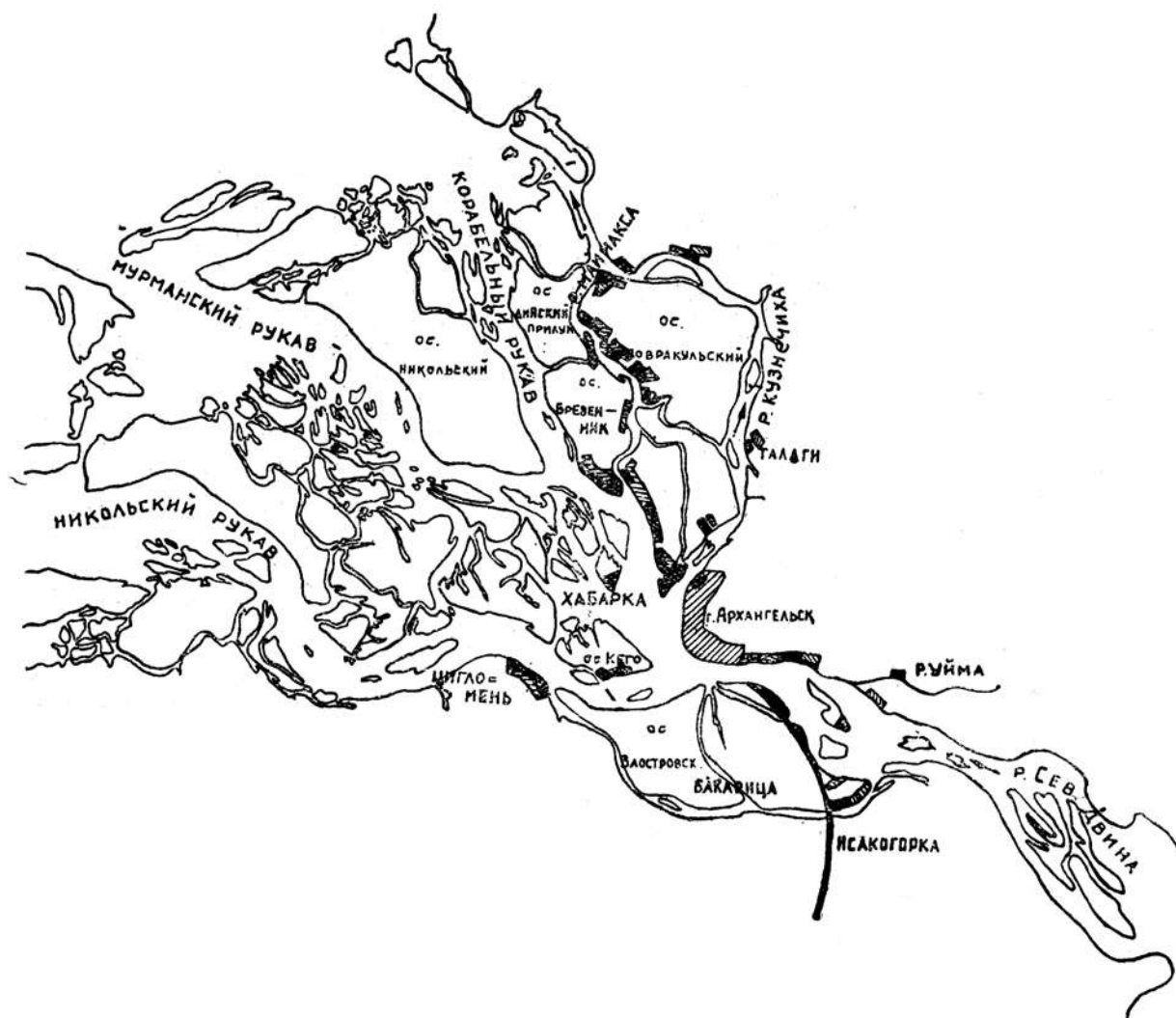
Напротив, в работе Горстройпроекта по планировке Магнитогорского района, развернутой в 1934 г., планировочное обследование, проводившееся комплексными группами специалистов, было выделено в самостоятельный цикл работ. Прокладывались специальные маршруты экспедиций, собирались материалы от работающих «в поле» землеустроительных и геологических партий, плановые наметки колхозов и совхозов, составлялись «паспорта» на существующие в районе населенные места, промпредприятия и сельхозорганизации, составлялись сводные очерки для каждого подрайона и для района в целом, а также подробные статистико-экономические таблицы¹¹⁴. Попутно описывались отдельные сооружения, дороги, в том числе и железные, источники воды, неудобные территории, степень развитости в районе тех или иных сельско-

условий для морского порта, глубокого фарватера, позволяющего осуществлять непосредственную отгрузку лесоматериалов с лесопильных заводов на морские суда¹¹⁸.

Одним из серьезных препятствий при создании единого проекта районной планировки стала исключительная разбросанность и децентрализованность промышленности, поскольку складские территории требовали огромных площадей и каждый лесозавод стремился обеспечить себя собственными причалами для подхода морских судов. Попытки планировщиков сосредоточить всю промышленность в одном районе оказались неудачными и явно прожектерскими по своему характеру. Между тем вопрос расселения в районе встал с особой остротой, поскольку при каждом заводе возникал свой поселок, не отвечавший санитарным и другим требованиям. Тем не менее проектировщикам пришлось отказаться от созда-

ния системы расселения в виде одного или двух территориальных пятен — достаточно крупных поселений, отвечающих критериям «социалистического города». Такое «правильное» с точки зрения советского градостроительства решение повлекло бы за собой исключительно большие расходы на ежедневную переброску рабочей силы на десятки километров. В сложнейших геофизических условиях Архангельска строительство дорог и мостов оказалось совершенно нерентабельным. Плувыны, насыщенные водой торфы, затопляемость огромных территорий в районе, к которому тяготело около 100 тысяч населения, заставляли сравнивать экономические показатели инженерных мероприятий по освоению этих участков и показатели строительства дорог для ежедневной переброски большого количества рабочей силы из более благоприятных, но зато более удаленных от мест приложения труда районов¹¹⁹.

Районная планировка Архангельска. 1934

Система государственного планирования и требования, выдвигаемые районной планировкой

Самой серьезной проблемой при разработке проектов районной планировки было соотношение между хозяйственным планированием и районной планировкой. Хозяйственное районирование проводилось применительно к существующей хозяйственной обстановке, с учетом лишь перспективы развития ближайших лет, а районная планировка строила район на основе многолетнего (не менее 10–15 лет) плана развития его хозяйства. При этом территория существующего хозяйственного района и района как объекта планировки могли совпасть лишь в отдельных случаях. Такое территориальное несовпадение приводило многих планировщиков к отрицанию всякой связи между низовым районированием и районной планировкой, между существующим районом и районом — планировочным объектом. При такой трактовке само понятие района иногда теряло всякое содержание.

«Проект районной планировки только при том условии может быть признан рациональным, если он будет построен на основе полного и исчерпывающего учета плановых перспектив по данному району и будет представлять собою как бы проекцию плановых директив для данного района на территорию этого района...»¹²⁰ — это было непреложным требованием при разработке любого проекта районной планировки.

Однако неизбежно проявлявшаяся лабильность основных хозяйственных, а следовательно, и проектных установок, почти не опирающихся на доскональное знание о естественном потенциале новых площадок, форсированные методы проектирования и строительства делали районы, особенно районы первичного освоения, крайне уязвимыми при резких и непредсказуемых изменениях хозяйственных планов, характерных для советской экономики тех лет. Если методика районной планировки так или иначе формировалась, хотя в профессиональных спорах обозначались не всегда сходные взгляды на объект, границы, стадийность работы и проч., то проблема соотношения хозяйственно-экономического планирования и районной планировки во многом сводила на нет методологические усилия проектировщиков. В этом смысле ситуации первой и второй пятилеток мало чем отличались друг от друга.

Расширение работ по районной планировке неизбежно предъявляло новые требования к постро-

ению плановой работы. «До сих пор планирование велось главным образом в отраслевом разрезе, для увязки же всего строительства района необходимо организовать планирование в районном разрезе. Кроме того, чтобы планировкой района обеспечить его дальнейшее развитие... необходимо координировать сроки строительства и пуска возникающих отдельно в данном районе объектов»¹²¹.

Еще одно требование, которое выдвигалось исходя из необходимости районной планировки, — разработка планов на более длительные, чем пять лет, отрезки времени. Иначе «районная планировка превратится не в помощь, а в тормоз для строительства района или выродится в разработку прекрасных бумажных схем, приходящих на постройку после того, когда строительство развернулось и когда принимать какие бы то ни было решения уже поздно»¹²².

Характер взаимосвязи между понятиями планирования и районной планировки в тот период был недостаточно очевиден. Даже терминология нередко путалась, что, например, видно из подборки статей о районной планировке, помещенных в первом номере журнала «Проект и стандарт» за 1933 г. Мысль о том, что эти понятия необходимо разграничивать, что они обладают разным содержанием, со всей определенностью впервые была высказана в упоминавшейся работе Першина 1934 г.

При обсуждении этого вопроса в середине 1930-х гг. различению понятий планирования и районной планировки придавали не только научный, но и политический смысл, поскольку в противном случае в развивающуюся районную планировку капиталистических стран невольно вкладывалось плановое содержание, что по тем временам было крупнейшей идеологической ошибкой: «Капиталистическая планировка отнюдь не является мерой планирования хозяйства и не может ею быть в условиях частной собственности на средства производства и на землю. Совершенно иное положение в СССР. Районная планировка у нас является мерой планового построения социалистического хозяйства, мерой планирования. Ее содержание определяется заданиями народнохозяйственного плана»¹²³.

Расширение работ по районной планировке неизбежно предъявляло новые требования к построению плановой работы.

«Задача всякого районирования заключается совсем не в том, чтобы построить из головы районы, а в том, чтобы найти существующие в действительности районные комплексы. Районы, в том числе и экономические районы, есть столь же реальная действительность, как и все хозяйство. Конечно,

само хозяйственное развитие страны в целом и в отдельных ее частях строится под воздействием общественных сил. Районы могут стать и становятся формой сознательной, плановой организации производительных сил и того или иного их развития. В этом случае районы планомерно устанавливаются, организуются, но не в умозрительном представлении, а в конкретной действительности, преобразуемой плановым воздействием. Организация районов является одним из средств социалистического строительства, она является важнейшим методом социалистического размещения производительных сил страны», — писал теоретик районной планировки проф. Першин¹²⁴.

Первые опыты районной планировки показали, что даже пятилетняя перспектива не давала достаточно полных народнохозяйственных заданий для районной планировки. Индустриальные гиганты, крупнейшие электростанции, становившиеся основой экономики, строились в течение не одного пятилетнего плана. Крупные комбинаты, будучи закончены строительством в данную пятилетку, разворачивали полную проектную мощность в только в последующие годы. Влияние крупных предприятий на смежные отрасли районного хозяйства также сказывалось в течение ряда лет, заставляя все отрасли приспосабливаться к новым ведущим звеньям хозяйства. Планировка должна была производиться таким образом, чтобы предусмотреть потребности дальнейших этапов строительства. Только при этих условиях она могла дать целесообразное размещение производительных сил и рациональную организацию территории района, хотя, разумеется, ее нельзя было рассматривать как застывшую схему.

Сложившаяся в СССР система планирования не могла отвечать этим условиям. Потребность в определении длительных хозяйственных перспектив, ощущавшаяся уже в 1920-е гг., отчасти получила отражение в попытках построения плановыми органами «Генерального плана реконструкции народного хозяйства на энергетической базе на ближайшие 10—15 лет», «Общие предпосылки» к которому были утверждены президиумом Госплана СССР и разосланы местам 7 июня 1926 г. Составление этих предпосылок, как и последующая разработка самого Генерального плана, продолжалась достаточно долго, и в 1930 г. этот документ еще не был готов¹²⁵.

Неудачи планирования были списаны на вредителей, среди которых был, в частности, назван и Л.М. Сабсович¹²⁶.

В 1931 г. работа по Генеральному плану организуется заново и в иной постановке сравнительно с

предшествующими годами. Он строится теперь как Генеральный план электрификации СССР. Проводились совещания, Всесоюзная конференция по электрификации, и в 1932 г. эти материалы в 9 томах были опубликованы под редакцией зам. председателя Государственной комиссии по планированию Г.И. Ломова¹²⁷. Этот новый план электрификации, трактованный как продолжение «ленинского плана ГОЭЛРО», исходил из целевых заданий технической реконструкции народного хозяйства. Его задача виделась как создание исключительно быстрыми темпами «невиданной по своей мощности» новой энергетической базы, которая даст возможность, по словам Сталина, «максимум в десять лет пробежать расстояние, на которое мы отстали от передовых стран капитализма». План рассчитывался на 10—15 лет, и на его основе предполагалось сделать проработку перспектив промышленного, транспортного, сельскохозяйственного, коммунального строительства, поскольку все это связано с потреблением энергии.

Эти грандиозные перспективы не были осуществлены, а руководитель работы Г.И. Ломов через несколько лет был репрессирован и расстрелян. Практическое планирование, на которое могла бы опереться районная планировка, продолжало идти по накатанной колее, практически не увязываясь между промышленными ведомствами — основными держателями средств финансирования.

В целом районная планировка переживала в середине 1930-х гг. тот же переломный момент, что и планировка отдельных населенных мест. Особенности развития советской экономики и хозяйственного планирования, приоритет в планировке интересов тяжелой промышленности, форсированные темпы проектирования и строительства, непроработанность методологических вопросов приводили к тяжелым перекосам и деформациям в развитии городов. Совершенно те же явления наблюдались в деле районной планировки.

Весь накопленный к середине 1930-х гг. теоретический и практический опыт проектирования городов в условиях районной планировки ставился под сомнение. С одной стороны, методология проектирования городов не годилась для проектирования районов, поскольку планировочный район не мог рассматриваться просто как районная планировка городов, в которых сосредоточены промышленные предприятия, его необходимо было трактовать как сложный экономический комплекс, охватывающий и сельскохозяйственное производство, энергетику, транспорт и т.п. С другой стороны,

планировка города в новых условиях должна была определяться планировкой района. «В условиях уничтожения противоположности между городом и деревней планировка города не может быть разрешена “в себе”, изолированно от района. <....> Это может быть разрешено правильно только в том случае, когда планировка ведется в районном масштабе, когда планируемый город взят в комплексе всего района. <....> Планировка города вне учета перспектив экономического развития района и плана размещения в нем производительных сил не обеспечивает правильного решения планировочных проблем города»¹²⁸. Проектировщикам приходилось практически подменять собой плановые органы, самостоятельно, не имея для этого необходимых средств, возможностей и времени, составлять экономические гипотезы развития как районов, так и городов. Естественно, подобные гипотезы чаще всего оказывались мало связанными с реальностью. Такое положение сохранялось и позднее, в послевоенный период¹²⁹.

Реконструкция сельского хозяйства как часть проблем районной планировки

Наряду с народнохозяйственным планированием весьма серьезной проблемой для развития районной планировки стало состояние сельского хозяйства. Проф. П.Н. Першин писал: «Район как объект планировки представляет сложный производственный комплекс, складывающийся в результате синтеза промышленности и земледелия... Районная планировка (по линии производства) не может ограничиваться размещением только промышленных предприятий и связывающих их транспортных линий. Районная планировка *обязательно должна охватить и сельское хозяйство* (выделено П.Н. Першиным), проектируя размещение конкретных с.-х. предприятий (совхозов, МТС, колхозов), размещение, строительство и реконструкцию их населенных мест — в теснейшей и неразрывной связи с расселением индустриального населения»¹³⁰.

Однако сделать это на практике оказывалось почти невозможным. Необходимость решения идеологической задачи уничтожения противоположности между городом и деревней как тень сопровождала все попытки разобраться в методологии районной планировки, однако удовлетворительного решения в предвоенный период так и не было найдено. Одна из важнейших составляющих районной планировки — сельское хозяйство, как известно,

переживало в этот период неоднократные драматические перестройки. Модели развития сельского хозяйства непрерывно менялись.

Аграрный строй нэповской России, основу которого составляли мелкотоварные крестьянские хозяйства, не обеспечивал, по мнению власти, решения задач модернизации страны. Перед властью и обществом вновь встала проблема выбора пути дальнейшего развития сельского хозяйства. В рамках начавшейся по этому поводу на страницах научных изданий дискуссии было предложено три основных варианта решения аграрного вопроса.

С точки зрения экономистов либерального направления (Н.Д. Кондратьев и др.), необходимо было снять ограничители пределов роста крестьянских хозяйств и сделать ставку на развитие наиболее состоятельных из них, использующих наемный труд. Аграрники-марксисты также считали, что крупные хозяйства более эффективны, чем мелкие. Однако применение наемного труда как условия увеличения масштабов сельхозпроизводства было для них абсолютно неприемлемым. В связи с этим они предлагали путь производственной коллективизации деревни, превратив аграрный труд в разновидность индустриального. Принципиально отличный путь развития сельского хозяйства предлагался в концептуальной модели, разработанной представителями «неонародников» (А.В. Чаянов и др.), которые считали, что наиболее устойчивой, общественно значимой и социально справедливой формой организации сельхозпроизводства являются не крупные фермерские, а семейно-трудовые (не использующие, как правило, наем рабочей силы) крестьянские хозяйства. По мере вовлечения в товарное производство подобные хозяйства создают кооперативы по сбыту и переработке продукции¹³¹.

Наиболее отработанным в общественной практике мировой цивилизации был первый путь решения аграрного вопроса. Развитые страны Запада, аграрный строй которых базировался на высоко развитом капиталистическом фермерском хозяйстве, доказали его эффективность. Однако этот путь был чреват повышением социального напряжения в деревне и являлся абсолютно неприемлемым для большевистского руководства страной по идеологическим соображениям.

Развитие сельского хозяйства, как известно, пошло по пути коллективизации, а в конце 1920-х — начале 1930-х гг. ставка делалась на интеграционные объединения промышленного и сельскохозяйственного производств — так называемые аграрно-индустриальные комбинаты (АИК)¹³².

Руководство страны делало ставку на внеэкономические методы принуждения, что, как известно, привело к негативным социально-экономическим последствиям. Вместе с тем начавшийся в 1932 г. поиск новой системы земледелия продолжался и завершился в предвоенные годы первым общесоюзным «целинным проектом», нормативно оформленным в Постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 20 апреля 1940 г.¹³³ и призванным компенсировать значительную убыль урожаев в результате экспериментов 1920–1930-х гг. Проект предполагал расширение посевных площадей, с компенсацией рабочей силы за счет масштабного переселения колхозников из европейских районов СССР¹³⁴. Осуществлению этого плана помешала война.

Постоянная лихорадка преобразований в сфере сельского хозяйства, изменение его организационных форм, экономического потенциала, убыль крестьянского населения за счет репрессий и бегства в города, несомненно, отрицательно сказывались на возможностях районной планировки. В первой половине 1930-х гг. — период практического становления районной планировки — развернулась, как известно, чрезвычайная по своей жесткости кампания «ликвидации кулачества как класса». Десятки тысяч людей, сорванные со своих мест, погибали в невыносимых условиях. Разрушению подвергся весь уклад жизни крестьян. В конце 1930-х гг. были уничтожены крупнейшие представители экономической и аграрной науки — Н.Д. Кондратьев, Н.И. Вавилов, А.В. Чаянов и др.

Нет ничего удивительного в том, что на фоне разрушающихся устоев сельского хозяйства последнее, как правило, присутствовало в проектах районной планировки в виде «белого пятна». Никакая серьезная проработка этого раздела проекта, с установлением четких границ сельхозрайонов, численности населения, профиля и объема сельскохозяйственного производства, объемов капитального строительства и проч. не велась — на это неизменно указывалось во многих работах по районной планировке.

«Районная планировка, — писал П.Н. Першин, — обязательно должна охватить и сельское хозяйство, проектируя размещение конкретных с.-х. предприятий (совхозов, МТС, колхозов), размещение, строительство и реконструкцию их населенных мест — в теснейшей и неразрывной связи с расселением индустриального населения. Между тем, на практике, при планировке промышленных районов сельскому хозяйству не уделяется достаточное внимание. В качестве примера можно привести проект планировки Черниковского промышленного района.

Во всех опубликованных вариантах схемы планировки сельское хозяйство отсутствует¹³⁵. Вся планировка по существу становится планировкой не района, а промышленного узла и притом без необходимой связи его с сельским хозяйством... Индустриальное строительство совершенно по-новому ставит задачу реконструкции сельских поселений и их размещение. Игнорировать или недооценивать это обстоятельство значит лишать районную планировку существенной части ее содержания»¹³⁶.

Практически никаких рекомендаций по проектированию этой важнейшей составляющей районной планировки не было разработано. Основываясь на материалах июньского пленума ЦК ВКП(б) 1931 г., с одобрением отмечавшего: «Организация МТС и крупных колхозов и совхозов, ликвидация округов и превращение ряда сел в районные центры — приводят к постройке новых сотен городов в бывших селах», в работах по районной планировке делались общие указания, что «...и промышленность, и сельское хозяйство должны в дальнейшем обслуживаться одним общим типом поселения. Это вытекает из того важного обстоятельства, что и в промышленности и в земледелии у нас господствует социалистическое производство»¹³⁷. Были и предложения собрать всех колхозников района в один город¹³⁸ или значительно сократить во втором пятилетии число поселений¹³⁹.

Районная планировка в конце 1930-х гг.

К середине 1930-х гг. произошли серьезные изменения в понимании цели и смысла градостроительного проектирования. На смену концепции «функционального города», определенно не имевшей возможности воплотиться в практике, пришла концепция «города-ансамбля», предполагавшая гармонизацию развития города архитектурно-художественными средствами. При этом способы организации градостроительного процесса, основанные на всесии военно-промышленного комплекса и ведомственных противоречиях, на вторичности интересов городов и поселков как среды обитания людей, остались неизменными. Отголоски этого важного поворота можно найти и в обсуждении проблем районной планировки. Так, в 1935 г. в журнале «Архитектура СССР», являвшегося, можно сказать, вневедомственным органом, появилась статья М.П. Макотинского, где автор подчеркивал интегрирующую, решающую роль архитектора в гармонизации проекта районной планировки¹⁴⁰.

Если в упоминавшейся выше статье И.Е. Лермана роль архитектора в процессе разработки районной планировки отрицалась (ему отводилась деятельность по планировке отдельных городов и поселков), а предпочтение отдавалось экономисту и инженеру, то районная планировка в середине 1930-х гг. — уже не только схема организации промышленного района, но первый этап определения «образа и ансамбля всего строительного комплекса». Поэтому архитектор должен принимать участие в работе на самых ранних стадиях проектирования, чтобы не допустить трудно поправимых в будущем ошибок. Большие территории промышленных районов теперь воспринимаются скорее как помеха для архитектурно-пространственной композиции всего района. Именно задачей архитектора становится правильное размещение промышленности, сельского хозяйства и расселение трудящихся, места зеленых массивов и отдыха, направления главных магистралей. Рассматривая работу Промстройпроекта по районной планировке, Макотинский писал: «Нет надобности особо подчеркивать ответственную роль архитектора-синтетика в работе по организации территорий промышленного района. Кто иной может, изучив требования отдельных отраслей народного хозяйства, вопросы расселения и местные природные условия, создать единый архитектурно-пространственный образ района?»¹⁴¹.

Далее указывалось, что недостаточность или полное отсутствие планово-экономических заданий — значительные пробелы в инженерных изысканиях отвлекают архитектора от его работы, заставляя самостоятельно выполнять основные задания по району, подменяя собой экономиста и инженера, геолога, климатолога и санитарного врача. Между тем архитектор должен самым тесным образом сотрудничать с инженерами по санитарной технике и энергетике, технологами, транспортниками и другими специалистами, чья работа должна согласовываться с ранее намеченной архитектурной схемой района. «Архитектор выступает здесь как объективный оценщик всего (подчас противоречивого) материала, развивая те решения, которые с точки зрения интересов всего комплекса являются наиболее целесообразными»¹⁴².

В конце статьи Макотинский сделал еще одно знаковое заявление. Если еще несколько лет назад в печати утверждалось, что все дело районной планировки должно быть сконцентрировано в Промстройпроекте, поскольку тяжелая промышленность является главной составляющей проектов, то теперь откровенно говорилось, что развитие районной

планировки тормозится, потому что «Промстройпроект не в состоянии ставить и решать весь комплекс возбужденных районной планировкой вопросов, связанных с целым рядом отраслей народного хозяйства. Для этого нужно создать весьма авторитетную междоуведомственную организацию»¹⁴³.

Статья Макотинского, на фоне обычных фраз о преимуществах плановой системы и рапортов о достижениях в деле районной планировки, выглядит невольной проговоркой, свидетельствующей о тяжелом кризисе в этой области градостроительства. Характерно и упование в разрешении этого кризиса на чисто административные меры, создание еще одной, на этот раз сверхкрупной, гигантской организации, которая сконцентрирует в себе все, что возможно, и, наконец, организует «правильное» протекание процесса. Такого рода идеи не раз возникали в истории советского градостроительства и в дальнейшем, и как раз в моменты, когда начиналось разочарование в успехе тех или иных начинаний.

На самом деле чудовищные условия жизни рабочих при крупных предприятиях¹⁴⁴ стали, в частности, формальным поводом для предъявления обвинений «японо-германо-троцкистскому агенту» Г.(Ю.)Л. Пятакову, который несколько лет был зам. наркома тяжелой промышленности С. Орджоникидзе, арестован в 1936 г. по делу «антисоветского троцкистского центра» и расстрелян в январе 1937 г.

В июле 1937 г., спустя полгода после расстрела Г.Л. Пятакова и смерти С.Орджоникидзе, последовавшей через две недели, в журнале «Проект и стандарт» (орган Главстройпрома НКТП СССР) появилась статья, где все тяжелые ошибки в проектировании и строительстве «соцгородов» и, в частности, отсутствие завершенных проектов районной планировки промышленных районов Урала и Донбасса были списаны на «вредительскую деятельность» Пятакова¹⁴⁵. В этой статье фиксировались факты практического провала дела районной планировки в важнейших промышленных регионах страны — на Урале, в районе Пермь-Молотово, в Донбассе. Завершенные проекты районной планировки не получали утверждения. Бюро районной планировки Промстройпроекта было ликвидировано за отсутствием заданий на проектно-планировочные работы.

Усматриваемое вредительство, а на деле следствие всей системы организации хозяйственного планирования и промышленного строительства состояло, в частности, в выборе селитебных территорий. В законодательных актах действительно предписывался выбор площадки для селитьбы одновременно с выбором площадки для строитель-

ства промышленных предприятий. Но это указание нарушалось практически повсеместно. Поселки для рабочих располагались в зонах распространения промышленных вредностей, часто в непосредственной близости от предприятий, а природные ресурсы — озера и реки использовались в основном в целях производства. Этому способствовали не только форсированные темпы промышленного строительства, когда все силы бросались на постройку цехов, не только межведомственная несогласованность, не позволявшая объединить усилия для строительства благоустроенных населенных пунктов, постоянно менявшиеся планы промышленного развития того или иного района — иногда на одной и той же площадке разные ведомства проектировали разные объекты. Идеологические указания здесь также были противоречивыми. Так, Л.М. Каганович неоднократно в своих выступлениях говорил о том, что рабочих нужно селить как можно ближе к месту работы, чтобы они не тратили понапрасну время и силы на переезды. При неразвитой транспортной инфраструктуре это казалось весьма разумным. Однако, когда Пятаков приводил практически те же аргументы, ссылаясь на необходимость обеспечить для рабочих наилучшую связь с промышленными предприятиями и на сложность обеспечения их перевозок транспортом, это было сочтено вредительской деятельностью.

Материалы III Пленума правления Союза советских архитекторов 1938 г.¹⁴⁶, посвященного состоянию дел в градостроительстве, также свидетельствуют о крайне нерациональной и напрасной затрате сил на проекты районной планировки. Так, представитель Донбасса А.С. Петухов в своем выступлении рассказал, что совершенно случайно нашел в шкафах проекты, разработанные в середине 1920-х гг. по заказу Донугля, о которых все забыли. Но даже разработки районной планировки Донбасса, осуществленные Гипроградом в 1934–1935 гг., «...пылятся в шкафах различных организаций. А пока эти проекты лежат под спудом, строительство в Голубовке, Краснодоне, Кадиевке и других местах ведется без всякого плана»¹⁴⁷.

На пленуме, как и в начале второй пятилетки, звучали длинные перечни градостроительных и хозяйственно-экономических ошибок, связанных с отсутствием или невыполнением проектов районных планировок. В постановлении СНК СССР от 26 февраля 1938 г. в очередной раз было указано, что выбор площадки для промышленного строительства должен производиться на основе проекта районной планировки¹⁴⁸.

О том, что первая «кавалерийская атака» на проблемы районной планировки не удалась, что отсутствие частной собственности на землю и плановый характер хозяйства отнюдь не сделали эту проблему легкорешаемой, косвенно свидетельствует и постепенное исчезновение после 1935 г. материалов по районной планировке из открытой печати. Можно предположить, что это было связано не только с накрывшей страну «шпиономанией» и поисками «врагов народа», но и со свертыванием работ по районной планировке, а также с глубочайшим кризисом, который переживало советское градостроительство в конце 1930-х гг., тщательно маскируемым пропагандистским «информационным шумом».

* * *

Выше мы попытались выявить и сформулировать пять главных подходов, которые можно проследить, изучая как зарубежную, так и отечественную передовую градостроительную мысль в области районной планировки в конце 1920-х — начале 1930-х гг. Дальнейшая судьба страны, связанная с индустриализацией, увела советскую практику районной планировки в иное русло. Несмотря на политическую риторику, трактующую районную планировку как основу для улучшения условий жизни трудящихся и рассуждающую о преимуществах советского социального строя в деле районной планировки, в 1930-е гг. все основные теоретические достижения в этой области были разрушены самим ходом проектирования и строительства в промышленно-экономических районах.

Целью и смыслом работы по районной планировке стало не научно обоснованное развитие крупных городов или системы населенных мест, а интересы промышленных предприятий, ориентированных на форсированные темпы выдачи продукции любой ценой. Население при этом рассматривалось лишь как одно из средств производства. В жертву лихорадочно менявшимся промышленно-хозяйственным планам был фактически принесен и территориальный принцип районной планировки, поскольку не было возможности создать сколько-нибудь устойчивую систему населенных мест с продуманными взаимосвязями, а сельскохозяйственная составляющая районной планировки, в силу так и не найденной удовлетворительной концепции своего развития, чаще всего вообще оказывалась «белым пятном». При плановом характере экономики так и не была создана разумная система увязки интересов различных ведомств, а население вовсе оказалось исключенным из этого процесса.

Функциональное назначение различных площадей земельного фонда оказывалось неустойчивым в силу несогласованности действий по их застройке, что приводило к огромным экономическим потерям и градостроительным ошибкам. Транспортная сеть развивалась крайне слабо, заставляя на практике пересматривать уже разработанные проекты районной планировки.

Здесь уместно вспомнить слова выдающегося ученого-градостроителя проф. А.Л. Эйнгорна, написанные в 1933 г.: «В капиталистических условиях основным регулятором функционального использования территории, даже при наличии разработанных планировочных решений, являются законы земельной ренты. В социалистических условиях, где этот чрезвычайно несовершенный регулятор отсутствует, где все вопросы распределения территории и ее целесообразного использования решают органы государственной власти и коммунального хозяйства, погрешности в решении вопросов территориального размещения отдельных элементов

народнохозяйственного плана, без достаточно глубокого анализа вопросов рационального комплексного размещения всех его элементов, т.е. районной планировки, могут быть в отдельных случаях еще более грубые, более ощутимые по своим последствиям, нежели в капиталистических условиях»¹⁴⁹.

В рамках советской системы преодолеть эти «погрешности» на деле не помогала даже районная планировка, поскольку создавалась на заведомо ущербных исходных данных и не выполнялась даже в том объеме, какой предусматривался проектом. В западной практике эти «погрешности» все же постепенно восполнялись, во-первых, требованиями различных структур «гражданского общества» в виде комитетов, фондов и других объединений, во-вторых, наличием, в том числе и негосударственных, финансовых и технических возможностей для создания, на основе глубоких предпроектных исследований, обоснованных проектов районной планировки и их достаточно полной реализации. В СССР таких механизмов не было и не могло быть.

2. ФОРМИРОВАНИЕ ПОНЯТИЯ РАЙОННОЙ ПЛАНИРОВКИ

М.Г. Меерович

В первой половине 1930-х гг., в полном соответствии с концепцией соцрасселения, формируется комплекс практических и концептуально-теоретических постулатов районной планировки. В научной и нормативно-законодательной литературе начала 1930-х гг. обнаруживаются два близких, но не тождественных представления о содержании задач районной планировки.

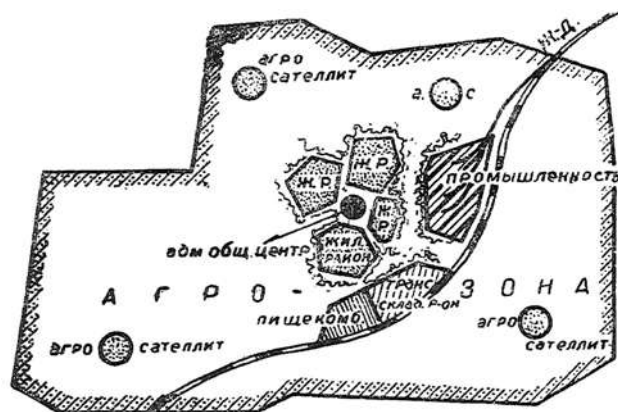
Первое — это представление о районной планировке как о размещении на конкретных территориях тех или иных предприятий, учреждений и населенных мест. Оно было законодательно зафиксировано в постановлении ВЦИК и СНК РСФСР от 1 августа 1932 г. «Об устройстве населенных мест РСФСР»¹, а также во «Временной инструкции о порядке составления и утверждения проектов планировки населенных пунктов Украины»² и др.

Второе — представление о районной планировке как «распределении» территории и ее организации (территориальное разграничение различных функциональных зон³).

В первом случае районная планировка заключалась в установлении оптимального состава вза-

имосвязанных и взаимообуславливающих объектов («функций»): производственных предприятий, объектов энергетического хозяйства, населенных пунктов, объектов пригородной агломерации, сооружений транспортной инфраструктуры⁴, сетей обслуживания. Этот состав (список) формировался на основе примата промышленного освоения территорий в соответствии с предполагаемым местом и предназначением данной территории в создаваемой производственно-технологической структуре.

Во втором случае — в придании каждому из объектов («функций») кусков территории таких размеров, которые были необходимы для нормального функционирования. В этом случае задачи районной планировки заключались в территориальном очерчивании «экономически законченного района»⁵. В работах по районной планировке он получил наименование планировочного района, т.е. в определении границ территории, целостность которой задавалась бы «комбинацией природных особенностей, наличных и привносимых капитальных ценностей и готовности населения к производственной деятельности определенного вида»⁶. А затем, в разбивке очерченной территории на участки определенных размеров и конкретных форм («состава угодий») в их взаимной связи, исходя из тре-

«Экономически законченный» (планировочный) район.
Границы территории, как результат взаимоувязанного расположения «функций»: а) градообразующего производственного предприятия; б) энергетического хозяйства; в) соцпоселений; г) пригородной агрозоны; д) транспортного узла

бования «наиболее полного и целесообразного использования всей земельной площади района»⁷.

Планировочный район представлял собой «территорию, на которой располагались предприятия, объединенные использованием местных природных ресурсов, тесными производственными связями, кооперированием на базе расселения трудящихся»⁸. Причем, в соответствии с концепцией соцрасселения, он должен был занять такую территорию, которая была бы способна стать «самостоятельной в бюджетном смысле и иметь достаточную экономическую базу для своего развития...»⁹. Таким образом, районная планировка определяла и территориально закрепляла возможность будущего административного аппарата покрывать за счет своих возможностей большую часть нужд формируемого промышленного района.

Очерчивание границ планировочного района («экономически законченного района»), как мы уже неоднократно отмечали, требовалось производить так, чтобы в нем, в обязательном порядке, присутствовало крупное промышленное производство («промышленное ядро») — место сосредоточения политического руководства, административного управления, производственно-технического и культурного обслуживания близлежащих сельскохозяйственных и ресурсодобывающих зон.

Существенное значение для очерчивания границ планировочного района играла численность населения, которое должно было быть закреплено на данной территории, а также предполагаемый характер его концентрации. Важную роль играло требование – при определении административных границ района сбалансировать численность насе-

ления данного района с другими районами. То есть спланировать соседние районы таким образом, чтобы по количеству населения они не слишком отличались друг от друга¹⁰. Подобное требование было вызвано, как отмечалось выше, необходимостью обеспечить баланс численности состава территориальных партийных организаций.

В результате районная планировка оказывалась неразрывно связанной с «плановым перераселением населения», так как пространственное размещение населения на территории страны рассматривалась в прямой связи с «организацией производственных процессов и их территориальным расположением»¹¹. Районная планировка проектировала район «как производственный комплекс со всей совокупностью хозяйств и поселений, связанных воедино»¹². Поэтому постановление «Об устройстве населенных мест РСФСР» и предписывало в качестве отправного пункта в разработке схем районной планировки принимать перспективные производственные планы промышленного развития районов, разрабатываемые плановыми органами на основе общегосударственного планирования народного хозяйства. Районная планировка конкретного района призвана была определять наиболее рациональное, взаимоувязанное размещение всех видов производства (индустриального, агроиндустриального и обслуживающего), а также объектов энергетики, транспорта и, что было крайне важным — необходимые объемы «привлекаемого» населения и характер его размещения¹³. При этом планы перераспределения населения по территории страны всецело предопределялись решениями о размещении тех или иных крупных производств.

Но при общей ясности постулатов концепции соцрасселения очерчивание конкретных планировочных районов оказывалось весьма непростой задачей. Если следовать перечисленным выше признакам, то единым планировочным районом могли стать, например, не один, а несколько административных районов, или целая область (например, Донбасс), или даже ряд областей (например, Урало-Кузнецкий производственный комплекс). Причина подобных сложностей заключалась в том, что в единой народнохозяйственной структуре промышленного производства очень непросто оказывалось вычленить единичный, территориально локализованный и обособленный процесс.

Следует подчеркнуть, что в описанных выше двух трактовках районной планировки никаких противоречий не было. Они взаимно дополняли друг друга. Но цели работы в каждом из случаев

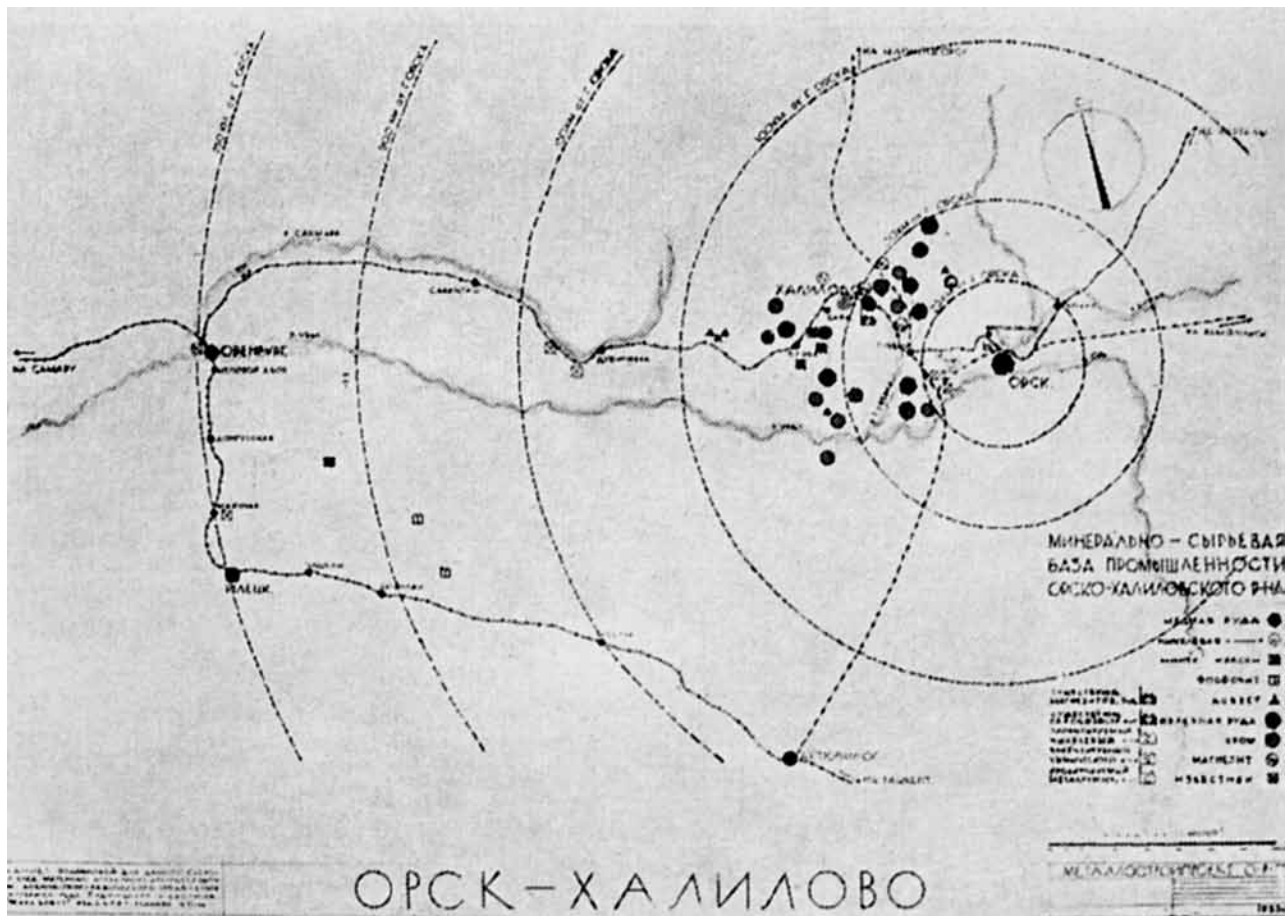
были различными. В первом — проектные задачи районной планировки состояли в определении потребного состава объектов («функций»), т.е. типологии и мощности конкретных производственных объектов, предполагаемых к возведению в данном месте, а также сопутствующих им: энергетических источников, селитебных образований, трассировок транспортных путей, территорий сельскохозяйственного профиля, сырьевых баз и т.п.

Во втором случае задачи районной планировки заключались в том, чтобы наделить каждую из этих «функций» конкретными площадями территории, необходимыми для их полноценной реализации (так называемое «целевое землеустройство»). То есть для каждого предприятия подобрать из общего земельного фонда фрагмент территории таких размеров и такого взаимного расположения, который обеспечивал бы «наиболее благоприятные для данного производства сочетания хозяйственных и природных условий»¹⁴.

Районная планировка и в том, и в другом случае была воплощением госплановского «искусствен-

но-преобразовательного» воздействия на территорию — подхода, при котором решение по организации территории не являлось следствием естественно сложившегося состояния, а было воплощением «планово-экономических заданий». Естественные факторы в работе по административно-территориальному районированию, реализовавшемуся с началом первых пятилеток, играли важную роль, но вторичную. Не имели, как писалось в те годы, «самодовлеющего значения»¹⁵.

И первый, и второй виды районной планировки — это всецело «искусственные проекты», предопределенные задачами, поставленными извне по отношению к любому конкретному месту. При таком искусственно-преобразовательном подходе не наличие трудовых ресурсов и имеющихся у них исходных производственных навыков определяло какую промышленность следует привносить на данную территорию, а представление о том, как будут в будущем функционировать цепочки производственных процессов. Определение того, какие промышленные предприятия следует размещать на

Минерально-сырьевая база промышленности Орско-Халиловского района.
Схема районной планировки. Проект. 1932–1933

Сырье и производственные базы стройматериалов промышленного района Выкса-Кулебаки.
Схема районной планировки. Проект. 1932–1933

данной территории, осуществлялось исходя не из естественных тенденций существования на данной территории того или иного вида хозяйствования или веками складывавшегося традиционного уклада жизни, а из разведанного потенциала природных ресурсов. Что же касается количества и качества трудовых ресурсов, необходимых для добычи, освоения и переработки полезных ископаемых, то они определялись последующим расчетом, который, собственно, и устанавливал, в каких объемах рабочую силу нужно будет доставить на данную территорию для обеспечения функционирования будущей промышленности. Иными словами — сначала искусственно формировался (прогнозировался, «конструировался», рассчитывался) промышленный потенциал, а затем планомерно доставлялась («планово привлекалась») рабочая сила, а также инженерно обустроивалась («инфраструктурно организовывалась») территория¹⁶. Проект районной планировки воплощал данную методологию концепции соцрасселения практически.

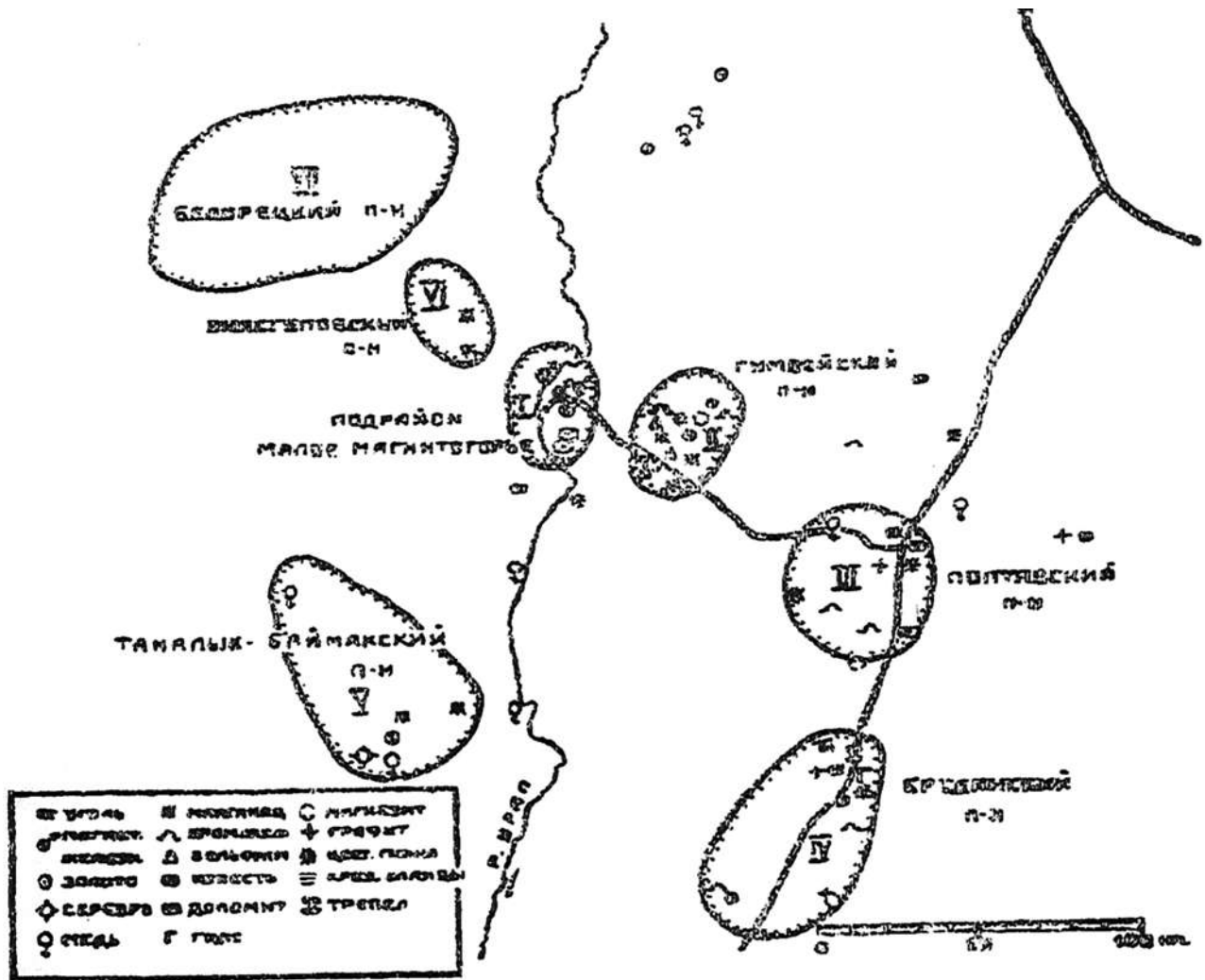
Так, например, планировка экономического района Большое Магнитогорье (бригада УралГЭИС, 1930 г.) предусматривала объединение сырьевых ресурсов и, соответственно, специализацию подрайонов, призванных обеспечивать комбинированную производственную деятельность Магнитогорского металлургического комбината в радиусе приблизительно 130 км. Экономический район состоял из: 1) подрайона Малого Магнитогорья (черная металлургия, машиностроение, химическая промышленность, промышленность стройматериалов, рудники, разработка известняка, строительного камня, доломитов); 2) Гумбейского под-

Сырьевые базы (топливо, лес) промышленного района Выкса-Кулебаки.
Схема районной планировки. Проект. 1932–1933

района (добыча вольфрамовых руд, арганца, хрома, золотопромышленность); 3) Полтавского подрайона (каменноугольная промышленность, кирпичные, соломитовые заводы, производство красок); 4) Брединского подрайона (угледобыча, портландцементное, алебастровое, трепелокирпичное производство); 5) Таналык-Баймакского подрайона (добыча меди, золота, серебра, свинца, марганца, обогатительные фабрики, цианитовые и медеплавильные заводы); 6) Ниясгуловского подрайона (добыча и обогащение марганцевой руды); 7) Белорейского подрайона (черная металлургия — выплавка чугуна, частичное потребление магнитогорской руды)¹⁷.

И в первом, и во втором видах работ по районной планировке роль сельскохозяйственных ареалов оказывалась одинаковой — «снабжать новые индустриальные центры техническим сырьем и предметами питания»¹⁸. Задачи районной планировки заключались в определении того, какая площадь сельскохозяйственных угодий (в соответствии с качеством почв, природно-климатическими условиями, уровнем производительности труда и проч.) была необходима и достаточна для прокормления трудящихся рабочих поселений (поселков и соцгородов), исходя из расчетно-планового количества населения. В практическом решении этой задачи и заключалась провозглашаемая и осуществляемая в ходе коллективизации «реконструкция сельского хозяйства» — на территории «экономического района» нужно было предусмотреть ровно столько сельскохозяйственных производств и сельских поселений (и, соответственно, разместить, привязав к промышленному ядру, ровно столько крестьянского

Большое Магнитогорье. Схема районной планировки. 1930

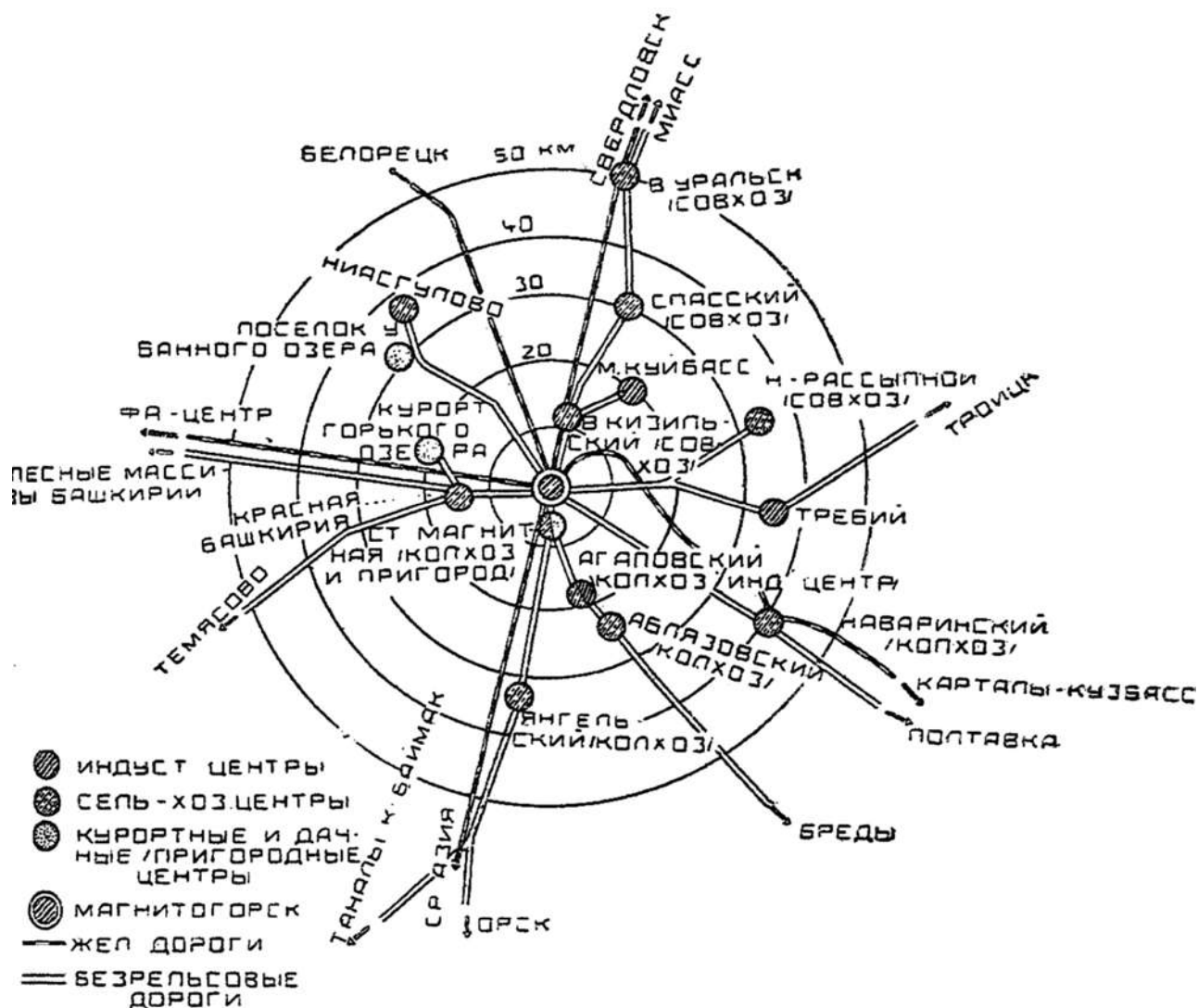
населения), сколько было необходимо для обеспечения городского населения потребными объемами продуктов питания. Не больше (чтобы не было перепроизводства) и не меньше (чтобы не нарушить самодостаточность «экономического района»).

Три из множества примеров — проекты соцгородов Кемерово, Большого Свердловска и Большого Запорожья. Они предусматривали систему мероприятий по формированию прилегающего ареала сельскохозяйственных территорий ровно такой площади, которая призвана была обеспечивать население индустриального центра продуктами питания. В частности, в Большом Свердловске при расчете численности населения к концу второй пятилетки в 1200 тыс. человек, потребная площадь составляла 100 тыс. га¹⁹ В соцгороде Большое Запорожье ее требовалось, как указывалось выше, около 180 тыс. га.

Отличие подобного расчетно-распределительного подхода периода индустриализации от доре-

волюционного состояло в том, что не мелкие крестьянские хозяйства самопроизвольно восполняли потребности местной промышленности в продуктах питания и сырье, естественным образом реагируя на запросы рынка; а крупные, искусственно создаваемые механизированные государственные сельскохозяйственные предприятия регулярно и планомерно обеспечивали конкретными, строго рассчитываемыми объемами продовольствия и прочей сельскохозяйственной продукции те поселения, к которым они были «функционально» привязаны. Номенклатура и объемы поставок проектно согласовывались с потребительским рынком близлежащих рабочих поселений и количеством поступающих отсюда промышленных товаров. Именно эти принципы определяли в конечном счете хозяйственную дифференциацию территории и задавали планировочную схему сельскохозяйственных районов, функционально прикреплявшихся к индустриальным центрам и обслуживавших их.

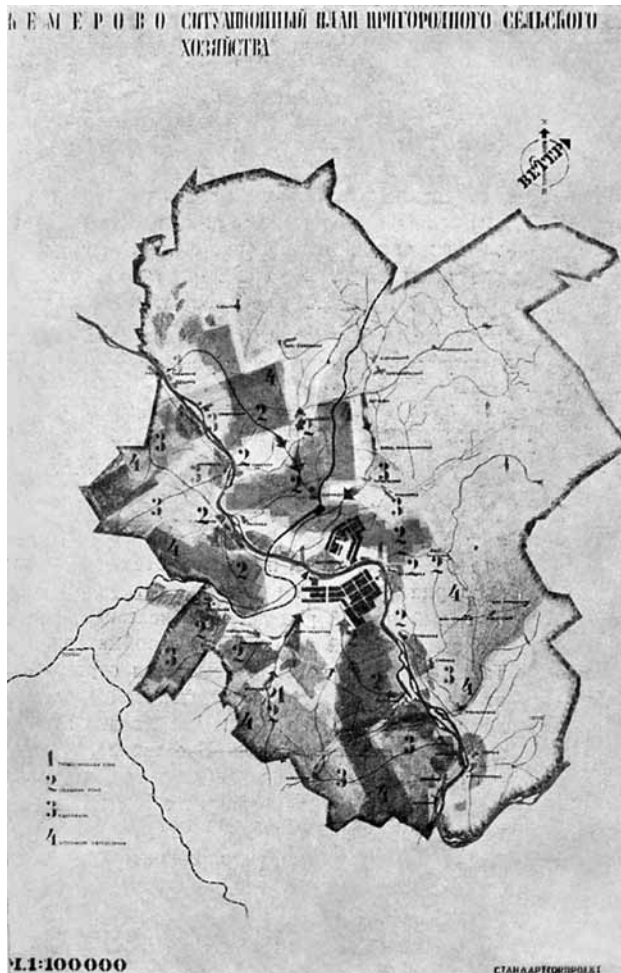

Большое Магнитогорье. Районная планировка. Схема расположения пригородных территорий сельскохозяйственного назначения (колхозов и совхозов). Проект. 1930

Проекты соцгородов, разрабатываемые в начале 1930-х гг., полностью соответствовали данной установке. Планировочно они втягивали сельскохозяйственные территории в зону организационно-управленческого влияния индустриального центра. Именно соцгород, с одной стороны, определял потребность в сельскохозяйственной продукции и осуществлял, что также немаловажно, ее регулярное и гарантированное употребление. С другой — он же удовлетворял потребность сельскохозяйственных территорий в специализированном оборудовании, машинах, механизмах и, преимущественно за счет производственных мощностей своих военно-гражданских производств, осуществлял их изготовление, ремонт и специализированное эксплуатационно-техническое обслуживание.

Индустриальный центр обеспечивал также главенство представительных функций в структурах власти, был центром окружавших его непролетарских ареалов. Он выполнял по отношению к ним функцию сосредоточения органов руководства, являясь местом формирования перспективных планов развития сельскохозяйственных территорий и соответствующих бюджетов, а также выступая в роли источника распределения материальных и финансовых средств. В начале 1930-х гг. именно подобный баланс взаимного обеспечения продукцией и подобное административно-управленческое подчинение сельскохозяйственных территорий индустриальным центрам (соцгородам) идеологически трактовалось в рамках концепции социалистического расселения как «уничтожение противоположности

Соцгород Кемерово. Ситуационный план пригородного сельского хозяйства. Проект. 1932–1933

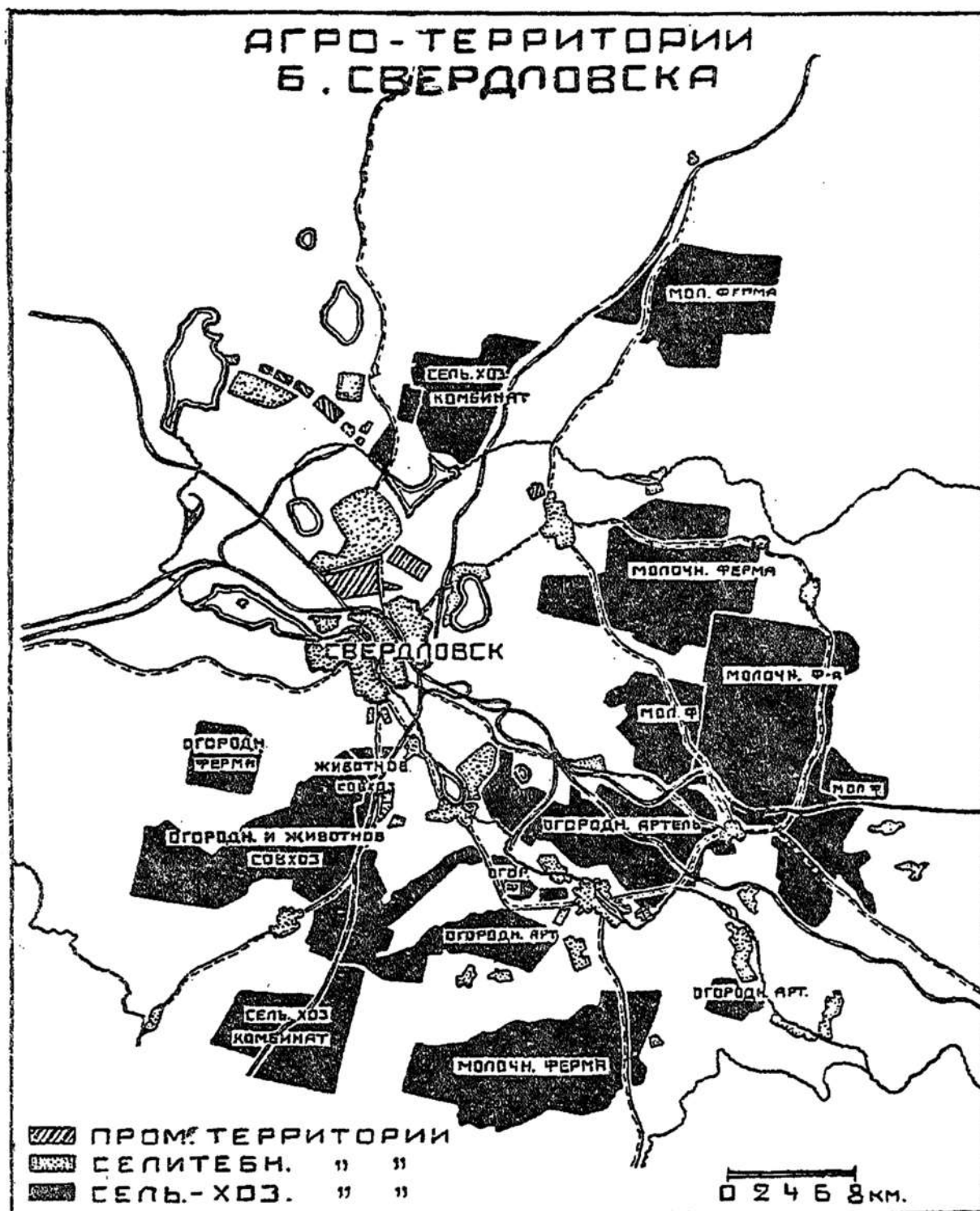
Соцгород Большое Запорожье. Проект. Макет. 1930–1932

между городом и деревней на базе индустриализации сельского хозяйства и реорганизации производственных отношений между городом и селом»²⁰.

Несмотря на постулируемое концепцией соцрасселения создание на основе соцгородов единых территориальных производственно-сельскохозяйственных систем, оставалось значительное количество административно-территориальных районов, в которых численность сельскохозяйственного населения оказывалась преобладающей по отношению к фабрично-заводскому. Причем малая величина существовавших городов, располагавшихся в этих местностях, не позволяла создавать здесь «промышленно-селитебные ядра» с пролетарским населением. При этом отсутствие каких бы то ни было перспектив индустриального развития этих территории не давало и в обозримом будущем шансов к размещению здесь новых крупных промышленных объектов, способных стать источником формирования пролетарского потенциала и причиной появления соцгорода. В результате существовавшие здесь города оказывались неспособными выступать в роли административно-управленческих центров, сомасштабных крупной прилегающей непролетарской зоне. Получалось, что эти территории лишались возможности концентрации здесь пролетариата и выпадали из-под того организационно-управленческого подхода, который несла концепция соцрасселения.

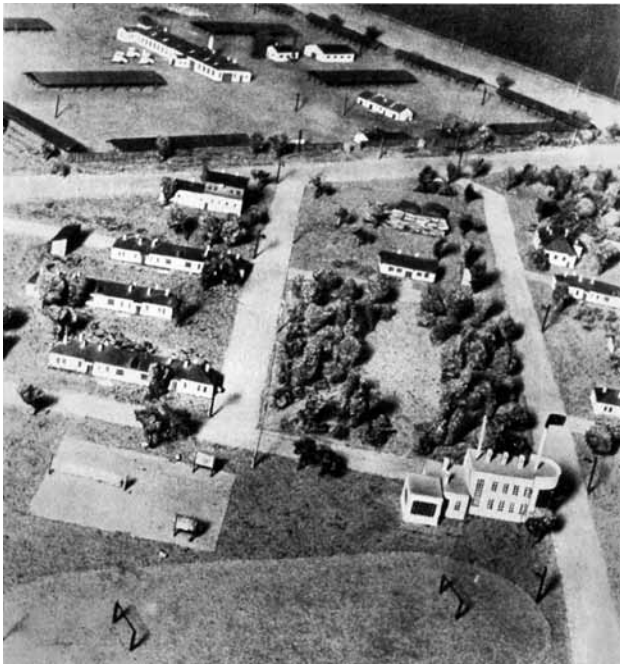
Поэтому для местностей сельскохозяйственного профиля, не входивших в зоны интенсивного индустриального развития, районная планировка предлагала иную стратегию: вместо городов предполагалось формирование пролетарских центров второго иерархического уровня — пролетарских ядер значительно более мелкого масштаба и несколько иного «качества», нежели соцгород, но решавших ту же задачу — формирование и концентрацию пролетарских контингентов, выполнявших организующую миссию и осуществлявших руководство остальной частью населения. Такие производственно-пролетарские центры формировались в виде специфических территориально-планировочных образований — машинно-тракторных станций.

Подобная функция МТС официально была провозглашена на ноябрьском (10–17 ноября 1929 г.) пленуме, утвердившем контрольные цифры народного хозяйства на 1929–1930 гг. и задавшим тем самым форсированные темпы коллективизации и индустриализации: «Машинно-тракторные станции... являются формой непосредственной организационной и технической помощи распыленному кре-

Соцгород Большой Свердловск. Схема расположения пригородных территорий сельскохозяйственного назначения (колхозов, совхозов и ферм). Проект. 1932

Образцовая МТС. Макет

стьянству со стороны рабочего класса, со стороны его государства...»²¹. Как следствие на пленуме была дана установка на массовое формирование МТС: «В текущем году будут организованы 102 государственные МТС»²².

Именно МТС призваны были, заменяя управленческую функцию соцгорода, выступать в роли пролетарских планово-производственных форпостов «колхозного и совхозного производства, организующих сельскохозяйственный производственный процесс»²³. Подобная организационно-политическая роль МТС постоянно усиливалась. В частности, за счет создания в них политотделов (в 1933 г.). После этого МТС фактически стали «промышленно-производственными» узлами целых сельскохозяйственных районов. Вокруг них организовывались машинно-тракторные мастерские (МТМ) и небольшие сопутствующие промышленные предприятия. Здесь же группировались и промысловые артели, сосредоточивая «наиболее квалифицированные и культурные кадры колхозного производства», а также концентрируя культурно-бытовые и социально-культурные учреждения.

В соответствии с принципами административно-территориального устройства, предписывавшими увязывать расположение «промышленно-пролетарских центров» с направлением и характером путей сообщения: железнодорожных, водных, шоссейных и др.²⁴, которым неукоснительно следовали проекты районной планировки, местное

дорожное строительство формировало систему транспортных коммуникаций, обеспечивавших связь МТС с обслуживаемой ими периферией. Тем самым усиливалась роль МТС как административно-территориальных центров второго иерархического уровня — они становились основными транспортными узлами окружавших сельскохозяйственных территорий²⁵.

Различие между двумя задачами районной планировки: «территориальной привязкой функций» и «целевым землеустройством», заключалось не в содержании, а скорее в «масштабе». То есть пространственное расположение «функций» (объектов): промпредприятий-новостроек, электростанций, транспортных узлов, механизированных тракторных станций, совхозов и различных сооружений в масштабе всего СССР или в крупных его частях (областях и краях) обозначалось в виде «точек», соединяемых транспортными линиями (грузопотоками)²⁶. А «землеустройство», изображаемое на картах более мелкого масштаба (районов), требовавшее точного установления и прочерчивания границ конкретных строительных площадок и фиксации хозяйственного назначения каждого участка земли, отображалось в виде «плана размещения строительства, отвода и использования территорий»²⁷, т.е. в виде «пятен» и «зон» — конкретных конфигураций фрагментов территории.

Отправным пунктом в разработке схем районной планировки выступали перспективные производственные планы промышленного развития районов, разрабатываемые плановыми органами на основе общего планирования народного хозяйства. Районная планировка конкретного района призвана была определять наиболее рациональное, взаимоувязанное размещение всех видов производства (индустриального, агроиндустриального и обслуживающего), энергетики, транспорта, водоснабжения, канализования, а также размещение необходимого количества населения²⁸.

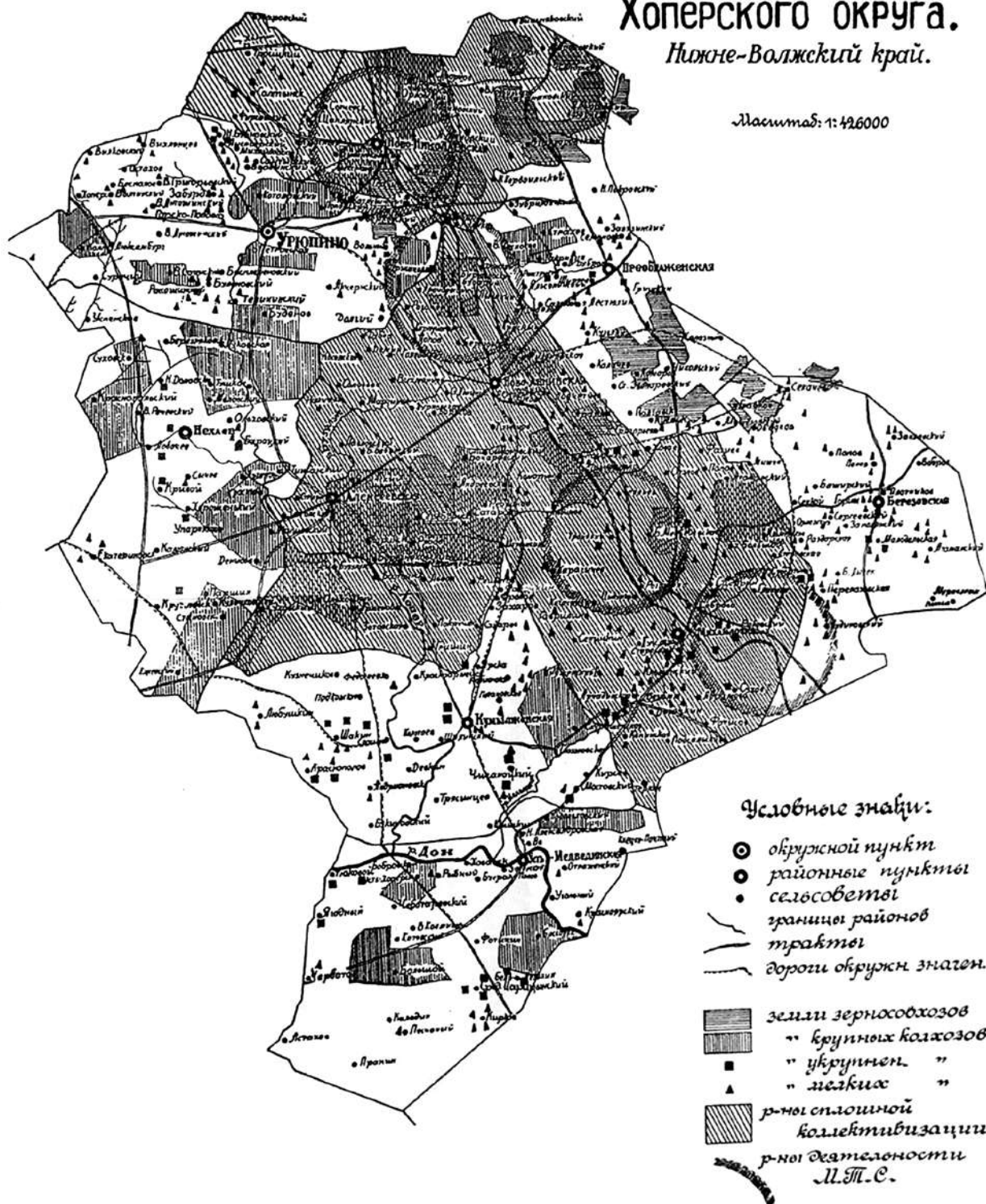
Охарактеризованные выше задачи районной планировки были, как отмечалось выше, предельно точно зафиксированы законодательно в постановлении ВЦИК и СНК РСФСР от 1 августа 1932 г. «Об устройстве населенных мест РСФСР»²⁹: «Районная планировка... решает четыре задачи. Во-первых, намечает точки размещения, основные размеры, характер и перспективы расширения существующих и предполагаемых к размещению промышленных предприятий, центральных и районных электростанций, теплоцентралей и сетей передачи энергии. Во-вторых, определяет места расположения,

КАРТА

Хоперского округа.

Нижне-Волжский край.

Масштаб: 1:426000

Карта Хоперского округа Нижне-Волжского края с указанием мест расположения формируемых МТС и районов их влияния. 1929

основные размеры строительства и расширения существующих совхозов и колхозов с выявлением их специализации, взаимной связи и мест размещения соответствующих предприятий по переработке, складов, элеваторов и т.д. В-третьих, определяет пункты размещения населения и культурно-бытового обслуживания. При этом следует исходить из необходимости известного компактного сосредоточения населения в целях наилучшей организации коллективных форм труда и культурной жизни, а также в интересах максимальной экономичности и эффективности капиталовложений в инженерно-коммунальные сооружения социалистического города. ...В-четвертых, намечает устройство и развитие сети путей сообщения на территории района, обеспечивающей наиболее целесообразную и экономную связь между промышленными предприятиями, совхозами, колхозами и прочими хозяйственными единицами данного района, а также внешние связи района»³⁰.

Еще одно постановление ВЦИК и СНК РСФСР, вышедшее чуть позже, чем через полгода после постановления «Об устройстве населенных мест РСФСР» — 29 марта 1933 г., называлось «О функциях органов коммунального хозяйства по контролю за строительством и планировкой населенных мест»³¹. Оно являло собой очередную попытку справиться с рассогласованиями в действиях различных ведомственных застройщиков и различных проектных организаций применительно к одной и той же территории. Перевернуть последовательность процесса промышленного освоения территорий таким образом, чтобы осуществлять районную планировку не вслед за реальным строительством, а так, чтобы проекты районной планировки предшествовали стройке; начинались «до» выхода застройщиков на место строительства. То есть не после того, как все застройщики «уже выбрали для себя площадки», а задолго до этого момента, чтобы изначально принимать рациональные решения, а не пытаться вдогонку за стройкой «сглаживать противоречия, уже возникшие на базе неправильного расположения промышленных предприятий», как это было, например, при строительстве Черниковского промышленного узла близ Уфы³².

Постановление являлось очередной попыткой переломить подобную сложившуюся практику, хотя бы в отношении проектирования поселений, которое, точно так же как и проектирование отдельных предприятий одного и того же промышленного узла, было разбросано по разным проектным организациям, действовавшим без какого бы

то ни было согласования и взаимной увязки. Так, например, на той же Черниковской площадке проектирование промпредприятий было распылено между различными организациями (Госпроект, Госпроектстрой-1, Бумпроект и др.) и проектирование поселений при них было также разбросано по различным проектным институтам (Стандартгорпроект, Башкирский филиал Гипрогора и др.), которые совершенно никак не увязывали свои работы между собой. В итоге это приводило к почти непреодолимым впоследствии проблемам расположения теплоцентралей, водопроводных и канализационных магистралей и т.п.³³

Поэтому постановление вновь подчеркивало, что именно органы коммунального хозяйства являются главными «субъектами» координации проектной и строительной активности на местах. Именно на них возлагались: а) контроль над разработкой и проведением мероприятий по планировке, застройке и архитектурному оформлению строительства населенных мест; б) изыскание, учет и подготовка (съемка и планировка) земельного фонда для строительства в соответствии с общей планировкой города; в) рассмотрение заявок застройщиков и отвод земельных участков в натуре с установлением характера и сроков застройки; г) рассмотрение проектов планировки участков и проектов застройки, надстройки, перестройки и капитального ремонта строений с точки зрения соответствия утвержденным планам строительства общей планировке города, правилам архитектурного оформления, пожарной и общественной безопасности; д) контроль над фактически проводимым строительством и соблюдением правил в соответствии с утвержденным проектом, а в отношении непромышленного строительства также контроль над выполнением технических норм и лимитов стоимости; е) регистрация всех видов строительства, осуществляемого на территориях населенных мест³⁴.

27 июня 1933 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление «О составлении и утверждении проектов планировки и социалистической реконструкции городов и других населенных мест Союза ССР»³⁵, которое также являлось документом, предназначенным для координации и предварительного увязывания интересов как строительных программ различных ведомственных застройщиков, так и ведомственных проектировщиков по отношению к одной и той же территории. А в качестве основного средства такого согласования, особенно в отношении размещения групп будущих промышленных предприятий (как самостоятельных, так и

кооперированных) и связывавших их транспортных артерий, постановление утверждало районную планировку. В полном соответствии с концепцией соцрасселения и соцгорода постановление подчеркивало: «выбор места для строительства новых промышленных и транспортных предприятий или для расширения существующих производится одновременно с выбором мест для устройства обслуживающих эти предприятия городов и поселков», «строительство новых и расширение существующих промышленных или транспортных предприятий, как правило, допускается лишь при наличии утвержденных проектов планировки обслуживающих эти предприятия населенных мест»³⁶.

20 января 1934 г. ВЦИК и СНК РСФСР приняли очередное постановление «Об устройстве населенных мест РСФСР»³⁷, которое детализировало содержание постановления ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1933 г. и фактически в дальнейшем, на весь предвоенный период, оставалось основным и неизменным для осуществления градостроительной политики на территории РСФСР³⁸.

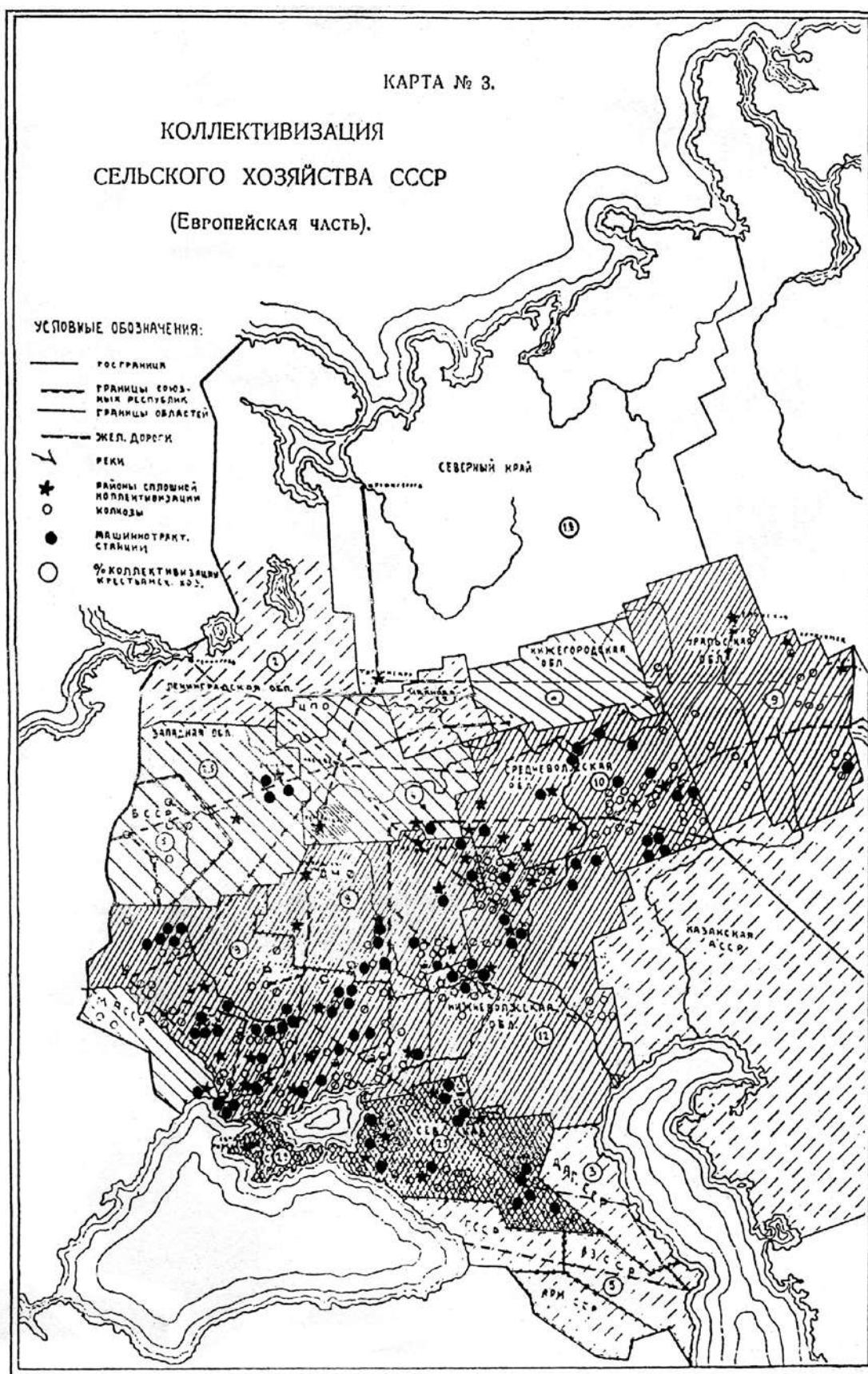
Постановление детально расписывало позиции разработки схем районной планировки, которая, в соответствии с концепцией соцрасселения, включала: а) определение мест расположения промышленных предприятий, центральных и районных электростанций, теплоцентралей и сетей передачи энергии; б) организацию сельскохозяйственной территории (схему размещения колхозов и совхозов); в) разработку схемы расширения складов и хранилищ государственного и районного значения и определение мест их расположения; г) устройство и развитие сети путей сообщения; д) разработку районных систем водоснабжения и канализации; е) формирование плана работ по подготовке территории (мелиоративные работы, осушение, орошение, регулирование рек и проч.); ж) выделение охранных и защитных зон и заповедников; з) предложения по развитию существующих и образованию новых населенных мест; и) определение очередности возведения новых и переустройства существующих населенных мест, предприятий, сооружений и работ³⁹.

Подчеркивалось, что разработка проектов планировки должна вытекать из предшествовавших ей плановых заданий на проектирование, устанавливавших социально-политический и экономический профиль населенного места и расчет территории, необходимой для возведения и последующего развития.

Постановление осуществляло следующий шаг в нормативном регулировании структуры населенного места: а) обязывало разрабатывать схему

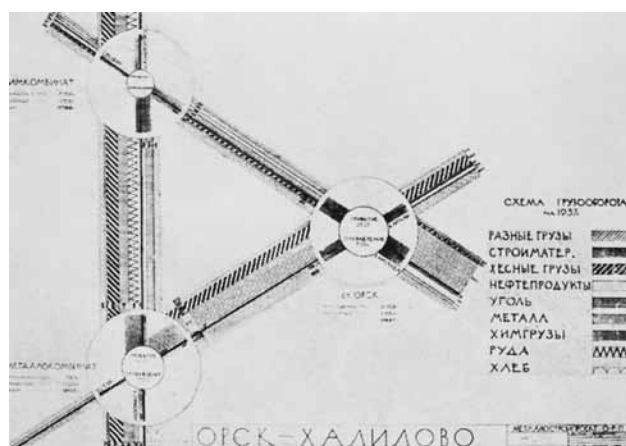
расположения промышленных предприятий, с разработкой оснований развития существующего или устройства нового транспортного узла; б) утверждало членение территории населенного места на районы, дифференцированные по их функциональному назначению: промышленные, транспортные, жилые, защитные, сельскохозяйственные (причем в полном соответствии с содержанием концепции соцгорода постановление предписывало, что образование функциональных районов должно «в первую очередь преследовать цели создания наиболее благоприятных условий для работы и деятельности производственных предприятий»⁴⁰); в) требовало разбивать территорию города на строительные зоны по характеру и плотности застройки с разделением этих зон на строительные кварталы; г) предусматривало систему внутренних магистралей для связи функциональных районов друг с другом и с окружающей местностью (постановление исходило из полного отсутствия не только индивидуального, но и общественного транспорта и реалистично требовало обеспечения наиболее короткой и удобной связи трудящихся с производством); д) предписывало проектировать сети — общественного питания и торговую, учреждений культурно-бытового обслуживания, лечебно-профилактическую, физкультурную, социально-культурных, общественных и административных сооружений; е) разрабатывало общие основы технического оборудования населенного места (водоснабжение, канализация, электрификация, пожарная охрана и проч.)⁴¹.

Для крупных населенных мест предписывалось дополнительно разрабатывать: а) резервные земельные площади, необходимые для нужд производства, транспорта, жилищного строительства; б) мероприятия по активной и местной обороне; в) очередность осуществления мероприятий; г) систему зеленых насаждений; д) общую схему организации прилегавшей к городу сельскохозяйственной территории, предназначенной для непосредственного снабжения его сельскохозяйственной продукцией. Последний пункт непосредственно вытекал из постулата концепции соцрасселения о «двусторонней кооперации» города и деревни: 1) сельскохозяйственного ареала как базы, способной обеспечивать город продуктами; 2) города как источника отбросов, нечистот и сточных вод с использованием их в качестве удобрений для земель сельскохозяйственного назначения, а также отбросов и отходов предприятий общественного питания для животноводческих ферм. А для обеспечения этих регулярных связей постановление указывало

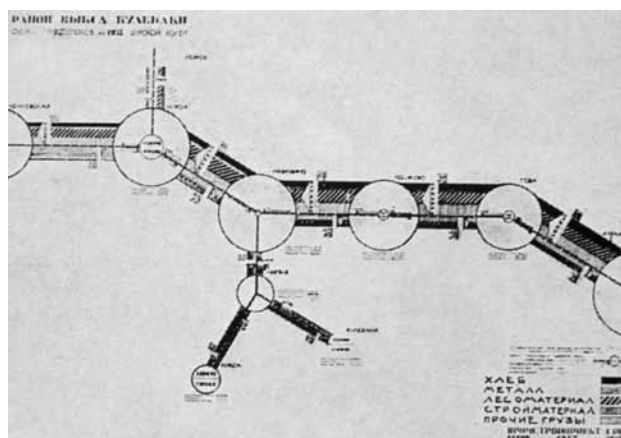

Карта коллективизации сельского хозяйства СССР (Европейская часть)
с указанием мест расположения создаваемых МТС. 1929

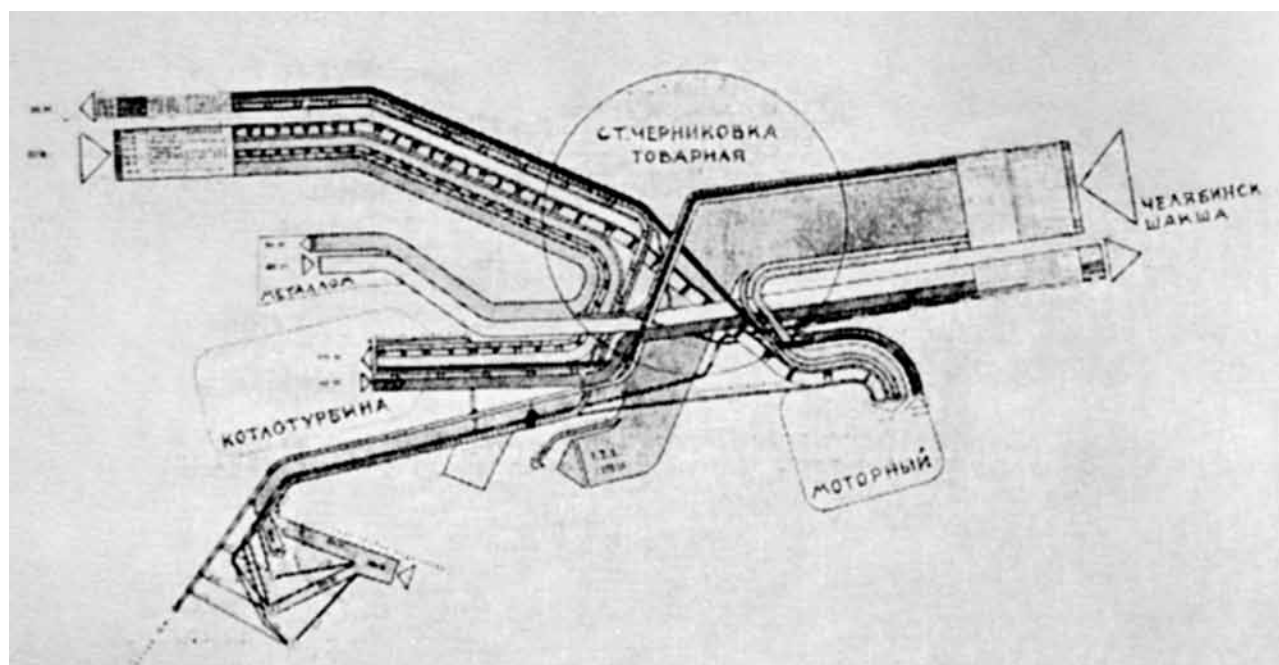

Грузопотоки Орско-Халиловского района. Схема районной планировки. Проект. 1932–1933

Грузопотоки промышленного района Выхса-Кулебаки. Схема районной планировки. Проект. 1932–1933

Грузопотоки между промышленными комплексами Черниковского промышленного района. Промстройпроект. Ориентировочно 1932

на необходимость создания единой системы внегородской дорожной сети⁴².

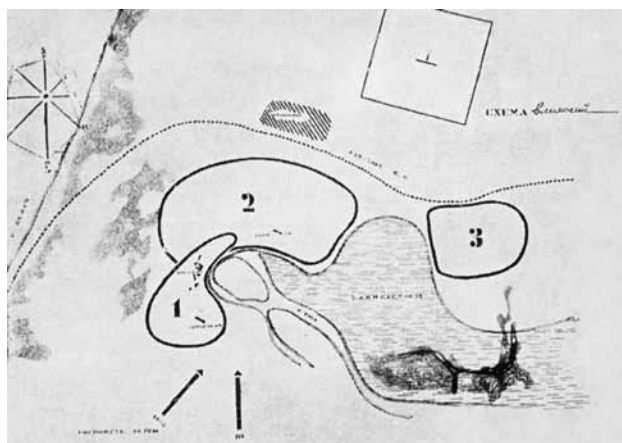
Несмотря на общую направленность на обеспечение рационального порядка разработки и реализации проектной документации, постановление все же сохраняло возможность аврального осуществления работ — в тех случаях, когда нужно было возводить капитальные сооружения в срочном порядке, оно допускало разработку «проектов частичной планировки» до составления и утверждения полноценных проектов планировки⁴³.

Планировочной единицей городской территории законодательно фиксировался «квартал»,

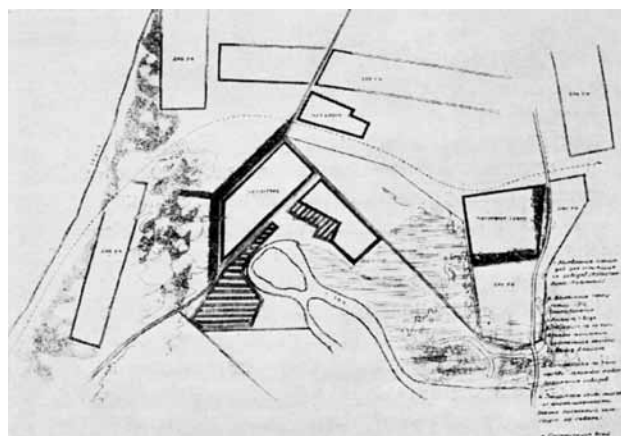
включавший «первичные элементы сетей обслуживания населения» (столовые, ясли, детские сады, прачечные, физкультурные площадки и т.д.). Подчеркивалась необходимость сосредоточения внимания на «архитектурно-художественном оформлении населенного места не только в отношении отдельных зданий, но главным образом, в оформлении комплексов: кварталов, улиц, площадей»⁴⁴.

Постановление СНК РСФСР от 3 июля 1934 г. «О мероприятиях по улучшению планировки, застройки и архитектурного оформления населенных мест»⁴⁵ задавало нормативный срок — не более полутора лет для разработки проектно-планировоч-

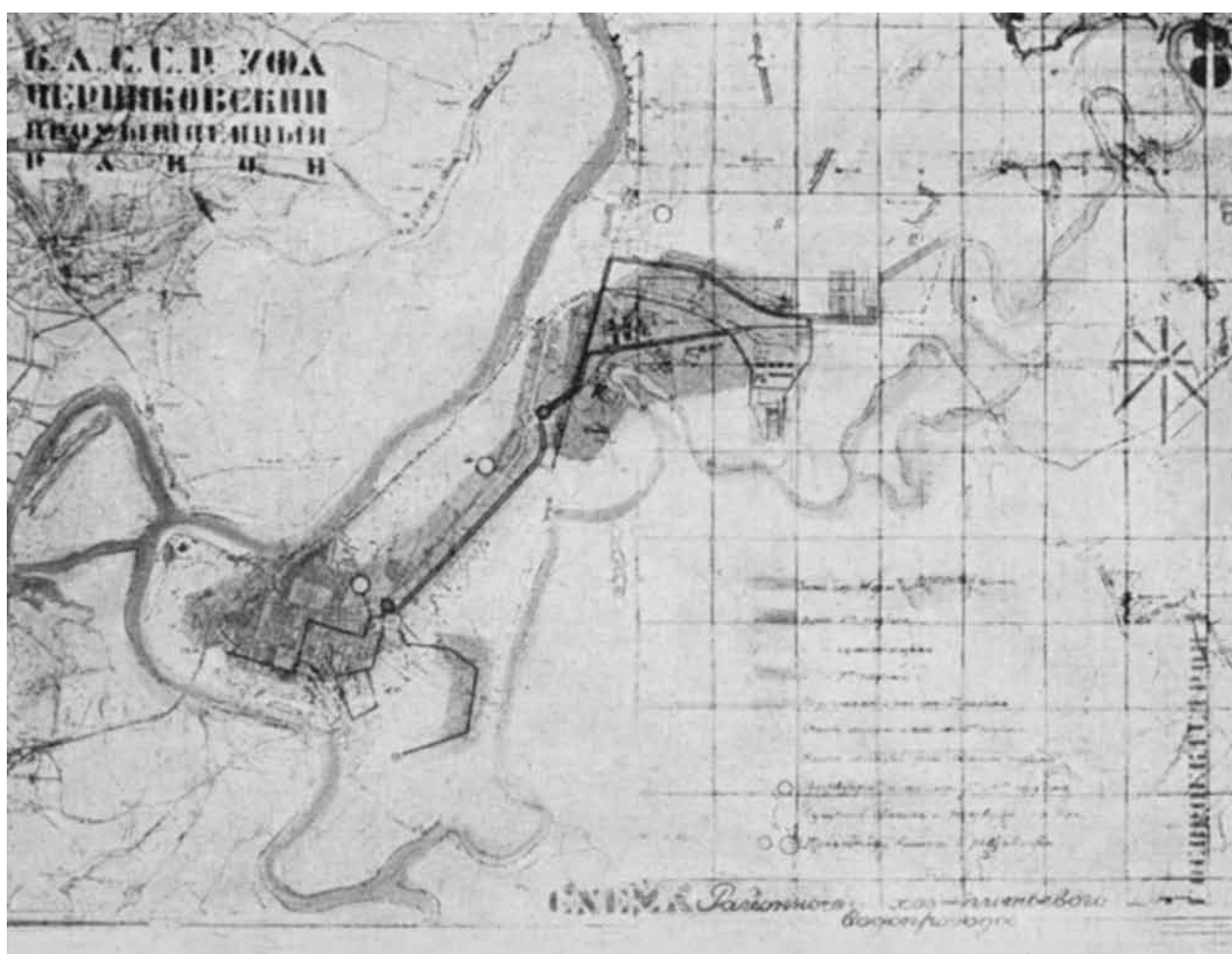

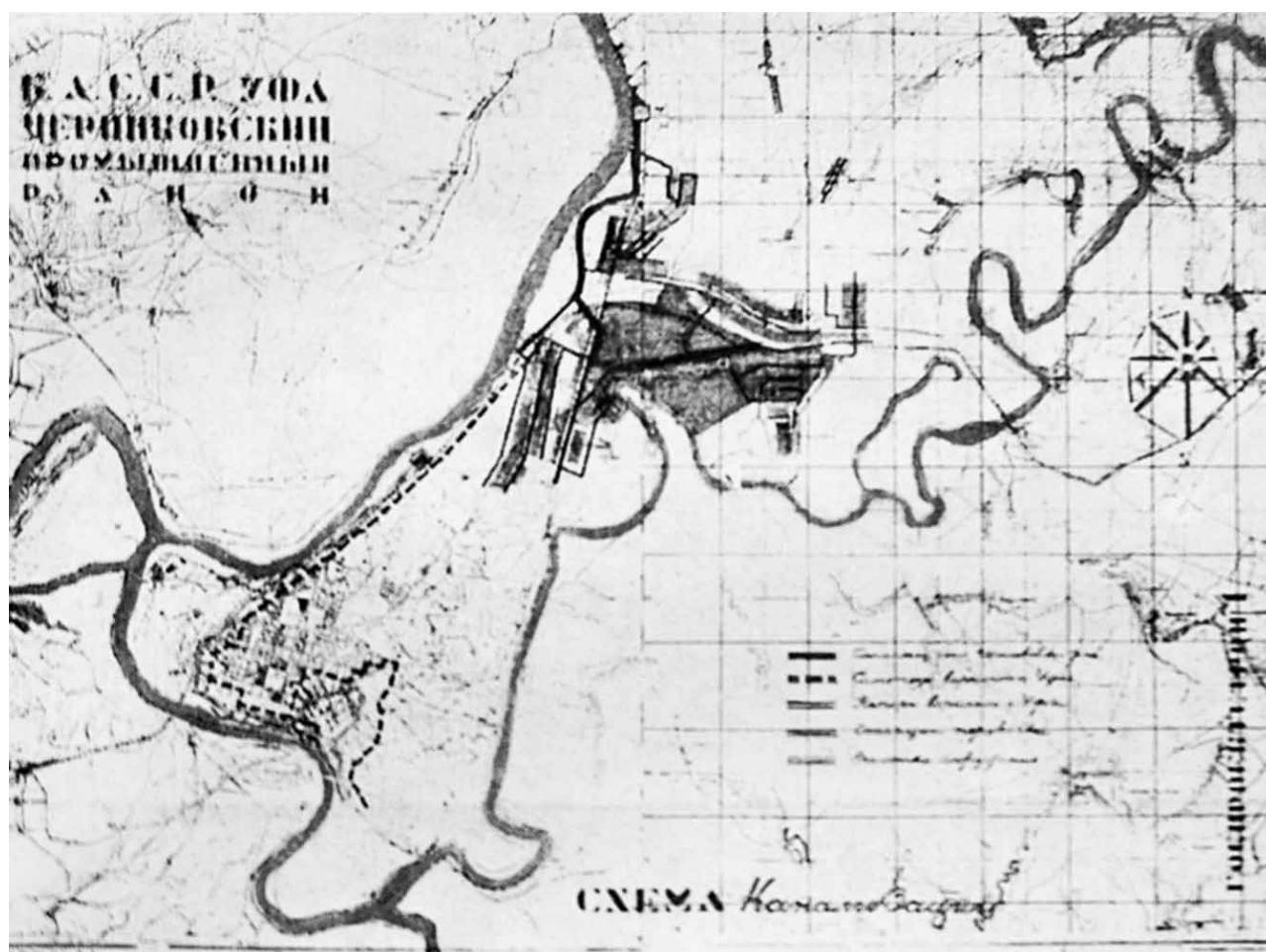
Черниковский промышленный район (г Уфа). Районная планировка. Схема определения территорий, возможных к освоению. 1932–1933

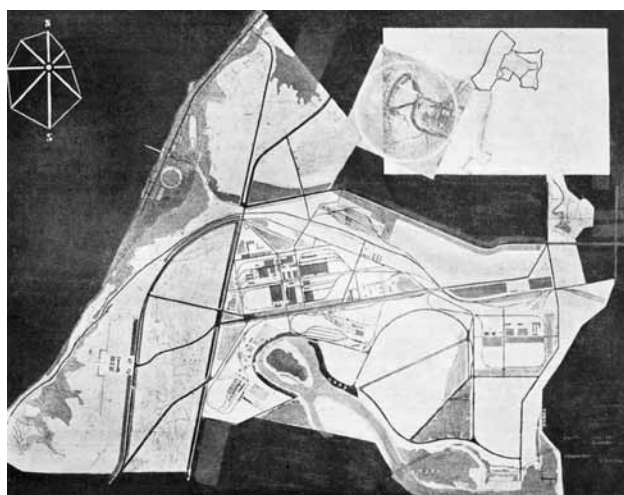
Черниковский промышленный район (г Уфа). Районная планировка. Пятна ориентировочного отвода участков для размещения предприятий. 1932–1933

Черниковский промышленный район (г Уфа). Районная планировка. Схема водоснабжения. 1932–1933

Черниковский промышленный район (г Уфа). Районная планировка. Схема канализования. 1932–1933

Черниковский промышленный район (г Уфа). Районная планировка. Итоговая схема распределения и организации территории. 1932–1933

ной документации (начиная от составления плановых заданий, затем, собственно, изготовления проекта планировки для строительства первой очереди и заканчивая смета на работы по планировке городов в целом). И лишь в «отдельных случаях в зависимости от сложности объекта» этот срок, с разрешения соответствующих органов, мог быть увеличен до двух лет⁴⁶. Постановление обязывало НККХ РСФСР, курирующего гражданское строительство, «...установить как правило, что на территории города составление проекта планировки и выполнение всего комплекса связанных с этим работ должно проводиться только одной проектно-планировочной организацией»⁴⁷. Требовало «возложить на проектно-планировочные организации всю ответственность не только за проводимые ими непосредственно проектно-планировочные работы, но и за проведение всех предварительных работ, необходимых для составления проектов планировки (топографо-геодезические работы, геологические, гидрогеологические, экономические и т.п. изыскания), выполняемых другими специальными

организациями по договору с соответствующей основной проектно-планировочной организацией»⁴⁸. И, что крайне важно, обязывало «Академию Коммунального Хозяйства провести разработку общей методологии планировки городов, а также проектов технических и экономических норм планировки с тем, чтобы после их утверждения в установленном порядке они явились бы обязательными для всех проектно-планировочных организаций»⁴⁹.

Практическая реализация расселенческой политики в первой половине 1930-х гг., первые же практические работы по районной планировке, начавшие осуществляться в эти годы, первые же мероприятия по выполнению плана индустриализации и воплощению постулатов концепции соцрасселения немедленно выявили ряд серьезнейших проблем рациональной организации территории. Они наглядно проявились в том, что наркоматы, отвечавшие за возведение промышленных предприятий и селитьбы при них, при формировании в конкретных районах территориально-производственных комплексов оказались совершенно не способными охватить всю совокупность разнообразных характеристик территории.

Решения по районной планировке принимались в первой пятилетке случайными комиссиями промышленных или транспортных ведомств, независимо друг от друга. Подобный «отраслевой» подход освоения территорий препятствовал согласованности планировочных решений производства, селитьбы, энергетики, транспорта, сельского хозяйства и т.п., порождал фрагментарность и хаотичность. Как свидетельствуют аналитические документы того периода, в ходе реализации плана первой пятилетки очередность осуществления тех или иных строек в конкретном районе в значительной мере зависела от инициативности отдельных объединений — от того, кто первым «захватит» территорию, наиболее удобную для освоения. При этом необходимость рациональной распланировки участка с учетом потребности других предприятий и технологической связи с ними, как правило, оказывалась «позабытой».

В результате подобной ситуации, например, территории, близкие к воде, оказывались занятыми наименее водоемкими производственными предприятиями. На более спокойных рельефах размещались объекты с небольшими размерами отдельных корпусов или способные по своему технологическому процессу быть хорошо устроенными на террасообразных участках. А предприятия, требовавшие больших, ровных площадок для размещения крупных корпусов, оказывались вытес-

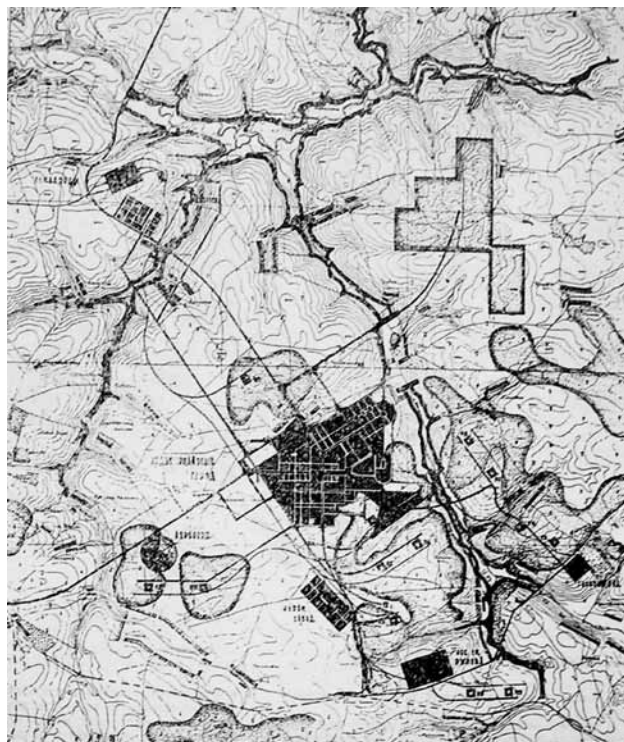
ненными на неровные рельефы. То же самое происходило и в области электро- и пароснабжения: ближе к строящимся или существовавшим теплоэлектроцентралям возникали предприятия малоэнерго- или малопароемкие. А пароемкие предприятия, наоборот, вынуждены были располагаться на участках вне радиуса действия ТЭЦ, что вызывало необходимость создания новых тепловых станций, обесмысливавших существование уже выстроенных. Аналогичные явления происходили также и в отношении водоснабжения, газоснабжения и т.п.⁵⁰

Все это препятствовало эффективному развитию отдельных отраслей промышленности, так как отсутствие предварительной проработки единой схемы и согласованных планов строительства общей транспортной, энергетической, водопроводной, канализационной и прочих сетей, единых для всего промышленного комплекса, приводило к перерасходу средств, затрудняло правильное освоение заводских площадок и создавало парадоксальную «тесноту на свободном месте»⁵¹.

Осознание опыта проб и ошибок первой пятилетки выдвинуло в начале второй пятилетки требование сместить акценты от «отраслевого» проектного подхода к «территориальному» («районному»), при котором решались бы задачи не отдельных отраслей, а обеспечивалось народнохозяйственное предназначение конкретного района в целом с увязкой как по количеству объектов, так и по срокам ввода их в эксплуатацию⁵².

Несмотря на эти призывы, ни в конце первой, ни в начале второй пятилеток, т.е. на всем протяжении рассмотренного этапа реализации градостроительной и расселенческой политики (первая половина 1930-х гг.), отраслевой подход в работах по районной планировке не был заменен на территориальный. Причем положение не изменилось даже после того, как Народный комиссариат тяжелой промышленности (НКТП СССР), являвшийся преемником ВСНХ, понимая всю опасность складывавшихся планировочных проблем, начал концентрировать в своих руках комплексную разработку генеральных планов размещения отдельных групп предприятий. Причина заключалась в том, что проектные организации, уже дифференцированные к этому времени по типологическому профилю, продолжали реализовывать в своей работе узковедомственные интересы. И даже не столько потому, что находились в силу своего административного и финансового положения в зависимости от руководства соответствующего ведомства, сколько прежде всего потому, что по-

Соцгород Московского энерго-химического комбината.
Схема районной планировки. 1930

просту не знали, как осуществлять подобную комплексную работу, интеллектуально оказывались не в состоянии охватить содержание многоаспектного, многофакторного проектирования из-за своей узкой предметно-типологической направленности, из-за отсутствия проработанной и апробированной методологии, конкретных нормативных предписаний и количественных регулятивов. Поэтому даже несмотря на то, что, например, в Металлопроекте и Машиностройпроекте (находившихся в системе НКТП СССР) уже в первой пятилетке были целенаправленно сформированы специальные группы по районной планировке Кузнецкого, Кемеровского и других районов, получалось, что они продолжали подходить к районной планировке исходя из интересов соответствующей отрасли промышленности. Например, Металлопроект, приступая к планировке Кузнецкого района, определял размеры этого района прежде всего с точки зрения интересов металлургии, оставляя без внимания близко расположенный город Прокопьевск лишь потому, что тот являлся центром добычи угля, т.е. относился к другой отрасли промышленности⁵³.

Осознание подобных причин появления ведомственных, узконаправленных проектных решений привело к принятию в 1932 г. руководством НКТП СССР решения о слиянии Металлостройпроекта,

Машиностройпроекта и других проектных организаций в единый всесоюзный трест комплексного строительного проектирования промышленных предприятий черной, цветной металлургии и машиностроения — Промстройпроект, перед которым, помимо текущих задач изготовления планировок конкретных районов, была поставлена цель отработки методики работ по районной планировке в целом⁵⁴.

В результате осмысления опыта широкомасштабных планировочных работ первой пятилетки складывалось устойчивое представление о районной планировке как способе установления баланса между: а) производственными мощностями промышленного производства, перерабатывающего местное сырье, и запасами этого сырья, имевшимися в районе; б) количеством рабочего населения и потребностью в снабжении городов и рабочих поселков «плохотранспортабельными» продуктами сельского хозяйства, с одной стороны, и возможностями встречного обеспечения сельскохозяйственного производства необходимым ему количеством промышленных товаров и фабрично-заводских услуг по производству и ремонту сложной сельскохозяйственной техники и оборудования — с другой; в) «кормовыми» и «удобрительными» потребностями прилегающего сельского хозяйства и соответствующим количеством отходов города; г) потребностью в пополнении кадров рабочего класса города за счет населения прилегающих сельских местностей и, соответственно, количеством закрепляемого на данной территории крестьянства; д) обеспечением деревни культурными достижениями города и конкретным спектром предоставляемых городом специализированных и квалифицированных услуг (здравоохранение, образование, просвещение и т.п.); е) плотностью (густотой) и пропускной способностью дорожно-транспортной сети и, соответственно, ее способностью обеспечивать постоянные объемы потребных перевозок сырья и продукции, а также многие другие аспекты⁵⁵.

Хронологической точкой данного этапа работ по промышленному районированию и расселению можно считать 1934 г., в январе-феврале⁵⁶ которого в Москве прошел XVII съезд ВКП(б). Съезд подчеркнул достижения в осуществлении гигантской программы строительства промышленных предприятий и, в частности, «превращение сотен промышленных центров в благоустроенные города; развертывание работ по планировке...»⁵⁷.

Он отметил важность и последовательность реализации мероприятий по расселению и промышленному районированию и достигнутые на этом

пути успехи: «...Приближение промышленности к источникам сырья на основе новых районов... Дальнейший рост старых промышленных районов СССР на основе углубления начатой в первой пятилетке специализации и более равномерного внутрирайонного размещения промышленности... на основе развития старых промышленных центров создаются новые опорные базы индустриализации в восточных районах Союза ССР (Урал, Западная и Восточная Сибирь, Башкирия, ДВК, Казахстан и Средняя Азия)... на восточные районы затрачивается около половины всех капиталовложений, направляемых на новое строительство тяжелой промышленности»⁵⁸. «В области транспорта — вместе с реконструкцией и усилением основных транспортных магистралей восточного и южного направления — строительство большой группы желез-

нодорожных и водных путей, связывающих новые индустриальные центры с общей транспортной сетью Союза и являющихся основой хозяйственного развития новых районов (Караганда—Балхаш, Уфа—Стерлитамак, Рубцовск—Риддер, Томск—Чулим, Беломоро-Балтийский канал и др.)»⁵⁹.

В своих решениях съезд подчеркнул, что концепция соцрасселения успешно реализуется, обеспечивая практическое воплощение формирования нового промышленно-административного районирования: «Съезд отмечает, что устанавливаемая программа размещения производительных сил во втором пятилетии обеспечивает... более равномерное размещение производительных сил и приближение промышленности к источникам сырья... завершение экономического районирования страны в целом»⁶⁰.

Примечания

Эволюция принципов районной планировки

1. Перцик Е.Н. Районная планировка (территориальное планирование). М.: Гардарики, 2006.
2. Яковлев В. О некоторых вопросах районной планировки // Архитектура СССР. 1957. № 4. С. 26.
3. Владимиров В.В. Районная планировка: развитие, кризис, надежды // Проблемы урбанизма на рубеже веков. Науч. сб. в честь засл. деят. науки РФ проф. Е.Н. Перцика в связи с его юбилеем. М.: МГУ, 2002. С. 11—17.
4. Так, например, Л.А. Ильин и Л.М. Тверской в 1925 г. подробно знакомилась с опытом районной планировки в Германии.
5. Инженер и архитектор Б.В. Сакулин, первым в отечественной практике и одним из первых в мировом градостроительстве пришедший к мысли о районной планировке еще в 1918—1922 гг., был избран членом Берлинской градостроительной академии, от членства в которой он не желал отказываться даже в 1930-е гг., несмотря на давление официальных кругов. Судьба этого незаурядного человека сложилась трагически. После Первого съезда архитекторов 1937 г., где разному подверглись многие ученые-градостроители, он окончательно был вытеснен за пределы профессиональной деятельности. Судя по документам его личного архива, на общую картину, очевидно, наложились и тяжелое душевное заболевание, вынуждавшее его после 1930 г. подолгу не работать, все более отдаляясь от профессионального сообщества. Его вполне реалистичные статьи 1920-х гг., преданные забвению наряду с более поздними и достаточно фантастическими разработками «Анатэмплансети», были вновь введены в научный оборот М.И. Астафьевой лишь в конце 1960-х — начале 1970-х гг.
6. Хазанова В.Э. Советская архитектура первой пятилетки. М.: Наука, 1980.
7. Цит. по: Горный С. Районная планировка в капиталистических странах // Советская архитектура, 1932. № 1. С. 13—14. В начале 1930-х гг. книга Ю. Брандта «Landeshlanung» была переведена на русский язык: Брандт Ю. Районная планировка / Пер. с нем. проф. Першина, под ред. и с предисл. С.М. Горного. Изд. ВОРС /не позднее 1931 г./
8. Таут Б. Районное планирование в Германии // Проект и стандарт, 1933. № 1. С. 8—10.
9. Брандт Ю. Указ. соч.
10. Выгодский Л. Планировка «Большого Берлина» // Коммунальное хозяйство. 1928. № 1—2. С. 110—116.
11. Транспортная сеть Берлина, весьма развитая для своего времени, должна была подвергнуться существенной реконструкции и улучшению. Железнодорожный узел состоял из радиально расходящихся путей дальнего следования, радиальных путей пригородного сообщения, городских железных дорог (парового метрополитена), движущихся по круговой трассе («Рингбан») и по прорезывающему весь город диаметру («Штадтбан»), а также из линий электрического метрополитена, также расходящегося из центра радиально. Все эти пути реконструировались и дополнялись новыми колеями. Сквозное сообщение дальнего и пригородного следования по оси восток—запад, с остановками не на одном центральном вокзале, а по всему пути следования, что было удобно для населения,

- дополнялось таким же сообщением по оси север—юг, с дополнением новыми путями подземного метрополитена. Окружающие город поселения связывались с ним и между собой густой сетью железных дорог, частично электрифицированных. Чтобы поощрить переселение жителей в пригороды, были даже введены пониженные железнодорожные тарифы. Рабочее население получило возможность, пользуясь удобными и дешевыми сообщениями, ездить на работу не только к центру, в Берлин, но и от центра, в промышленные поселки. *Выгодский Л.* Новости градостроительства и планировки // Коммунальное хозяйство. 1927. № 17–18. С. 98–104.
12. О системе радиальных зеленых клиньев, разработанных для «Большого Берлина», см.: Коммунальное хозяйство. 1927. № 23–24. С. 43. Совершенно очевидно влияние этого проекта на план «Большой Москвы» 1925 г. (С.С. Шестаков) и генеральный план Москвы 1935 г.
  13. *Выгодский Л.* Новости градостроительства и планировки // Коммунальное хозяйство. 1927. № 17–18. С. 98–104.
  14. Большая медицинская энциклопедия (в 35 т., под ред. Н.А. Семашко). М.: 1928–1936. Т. 25. С. 166.
  15. План Манчестера охватывал район радиусом около 23 км от центра города. В этом районе находилось 237 угольных шахт, крупная текстильная и металлообрабатывающая промышленность. Район площадью 2146 кв. км с населением 3 млн жителей управлялся 104 административными единицами. С 1894 г. Манчестер связан с морем каналом длиной 57 км. Комитет по планировке всего района был утвержден в 1923 г.
  16. *Мирер В.* Окружной план Нью-Йорка // Коммунальное дело. 1929. № 9. С. 106–107.
  17. Разработкой плана руководил специально созданный окружной общественный комитет, обладавший, тем не менее, немалыми средствами, собранными особым фондом. С 1921 по 1929 г. была проведена огромная работа: изучены физические, экономические и социальные условия и потребности округа, создано планировочное законодательство для трех штатов, которые входили в систему плана, организованы планировочные бюро по всему округу, чтобы обеспечить повсеместное принятие проекта окружной планировки как основы для детальной планировки отдельных районов. Были также проведены специальные мероприятия по популяризации идей проекта планировки и опубликованы не только сам проект, но и результаты предпроектных исследований.
  18. Планирование городов и подгородных селений /без подписи/ // Коммунальное дело. 1929. № 10. С. 107–110.
  19. *Зильберт Д.* Методология и практика планировки промышленных районов // Проект и стандарт. 1933. № 1. С. 2–8.
  20. Районное планирование в Северо-Американских Соединенных Штатах /без подписи/ // Коммунальное хозяйство. 1929. № 3–4. С. 149–152.
  21. РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 2. Д. 23. Л. 23–24; *Сакулин Б.В.* Гармоническая графика в применении к планировке экономическо-промышленного района. Тезисы доклада, прочитанного в ГАХН. 14 февр. 1929 (?). Опубликовано: Из истории советской архитектуры 1926–1932. М., 1970. С. 123, 114.
  22. *Сакулин Б.В.* Городское строительство // Техника, строительство и промышленность. 1922. № 1. С. 16–20.
  23. *Сакулин Б.В.* Городское строительство. План застройки в городах и пригородах. К задачам основной планировки городского промышленного района // Техника, строительство и промышленность. 1922. № 3. С. 13–21 (продолжение статьи в № 1).
  24. Проект, опубликованный Сакулиным в 1922 г., М.И. Астафьева датирует 1918 г. на основании описания проекта в газете «Вооруженный народ» (1918. № 4. 10 дек.)
  25. *Сакулин Б.В.* Городское строительство. План застройки в городах и пригородах... [См. сноску 23].
  26. Там же.
  27. *Тверской Л.М.* Планировка Ленинградского района // Планировка и строительство городов. 1933. № 4–5. С. 17–22.
  28. *Кривенко В.С.* Научно-художественное Бюро Отдела градостроительства Петрогубсовкомхоза // Коммунальное хозяйство и строительство (Петроград). 1921. № 1. С. 21.
  29. По существу, это была инициативная группа творческих единомышленников, возглавивших проектно-градо-строительную деятельность в Петрограде в наиболее тяжелый для города период и выдвинувших идеи его реконструкции и урегулирования. В мастерской И.А. Фомина в разное время работали В.Г. Гельфрейх, А.С. Никольский, С.С. Серафимов, Л.М. Тверской. Заместителем И.А. Фомина был архитектор М.И. Рославлев. Подробнее см.: *Вайтенс А.Г.* Идеи и проекты преобразования Петрограда-Ленинграда начала 1920-х годов // Советское градостроительство 1920–1930-х годов. Новые материалы и исследования. М.: УРСС, 2009. С. 88–105.
  30. *Вайтенс А.Г.* Указ. соч.
  31. Первый генеральный план города под названием «Проект перепланировки и расширения г. Ярославля» на страницах газет в начале 1920-х гг. печатался под рубрикой «Новый Ярославль». Сапрыкина Н.С. «Новый» и «Большой» Ярославль — этапы реконструкции и развития города в 1920–1930-е годы // Советское градостроительство 1920–1930-х годов. Новые материалы и исследования. М.: УРСС, 2009. С. 171–201.
  32. *Хан-Магомедов С.О.* Градостроительство. 1917–1932 // ВИА. Т. 12. Книга 1. М.: Стройиздат, 1975. С. 30.

33. *Шестаков С.С.* Большая Москва. М.: МКХ, 1925.
34. Подробнее об этом см. гл. 7 настоящего издания (Г.Н. Яковлева).
35. *Выгодский Л.* Основы градостроительства и планировки в условиях социалистического строя // Коммунальное хозяйство. 1927. № 15–16. С. 28–37.
36. *Ильин Л.* Планировка Рурской промышленной области // Вопросы коммунального хозяйства, 1926. № 3. С. 178–193.
37. После международной конференции по градостроительству, прошедшей в Амстердаме в 1924 г, подобные организации стали формироваться и в Америке.
38. *Ильин Л.* Указ. соч.
39. *Тверской Л.М.* Современное жилищное строительство в Германии // Вопросы коммунального хозяйства. 1926. № 3. С. 194–204.
40. *Боровой А.* Планировка населенных мест Московской губернии // Коммунальное хозяйство. 1927. № 17–18. С. 74–79.
41. Там же. С. 79.
42. *Астафьева-Длугач М.И.* Проект районной планировки Апшеронского полуострова // Архитектура СССР. 1971. № 10. С. 42–43.
43. *Давидович В.Г., Чижикова Т.А.* Александр Иванович. М.: Стройиздат, 1973. С. 26–27.
44. *Давидович М.* Принципы районной планировки Донбасса // Советская архитектура. 1932. № 1. С. 19–21.
45. Там же.
46. Там же, см. врезку «От редакции».
47. *Эйнгорн А.* Районная планировка Донецкого бассейна // Будівництво соціалістичних міст. 1933. № 1–2. С. 2–6.
48. Там же.
49. Там же.
50. Руководителем Бюро был архитектор П.П. Малиновский.
51. РГАЭ.Ф. 4372. Оп. 8. Д. 142. Л. 56–57.
52. В группировку входили архитекторы М.И. Рославлев (председатель), А.И. Гегелло, Л.М. Тверской, работавшие в Мастерской по урегулированию Петрограда под руководством И.А. Фомина. По сведениям А.Г. Вайтенса, эти архитекторы обсуждали в начале 1920-х гг. пути развития социалистического Ленинграда. Книга «Старый Петербург–новый Ленинград», написанная М.И. Рославлевым и изданная в Ленинградской академии художеств в 1925 г., отразила эти идеи.
53. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 8. Д. 142. Л. 34–35 об.
54. Первое упоминание термина «город-спутник», по-видимому, относится к 1922 г.: см. журнал: Коммунальное хозяйство. 1922. № 8–9. С. 8.
55. О формировании градостроительного законодательства в 1920–1930-е гг. см. гл.18 настоящего издания (Ю.Л. Косенкова).
56. *Мау В.А.* В поисках планомерности: из истории развития советской экономической мысли конца 30-х – начала 60-х годов. М.: Наука, 1990. С. 12–14.
57. *Меерович М.Г.* Административно-хозяйственное районирование страны в 1920–1930-х годах – основа градостроительной политики советского государства // Советское градостроительство 1920–1930-х годов. Новые исследования и материалы. М.: УРСС, 2009. С. 8–28.
58. *Рогачевская Л.С.* Как составлялся план первой пятилетки // Альманах «Восток». 2005. № 3 (27).
59. *Хазанова В.Э.* Указ. соч.
60. VIII Всероссийский съезд советов. Стенографический отчет. 1921. С. 280.
61. XII съезд РКП(б), Стенографический отчет. М., 1923. С. 651.
62. «Экономическое районирование России». Доклад Госплана III сессии ВНИК. М., 1922. С. 12 и 55; Районирование СССР. 1917–1925 гг. / Под ред. К.Д. Егорова. 1925.
63. В частности, подробнее см.: гл. 3 настоящего издания (М.Г. Меерович).
64. *Меерович М.Г.* Указ. соч.
65. *Коробын Ю.* Возможный рост населения г. Москвы в течение ближайших 25 лет // Коммунальное хозяйство. 1927. № 15–16. С. 8–13.
66. *Попов Ф.* Учень уроки городов Кузбасса и Нижнего Тагила. Крепко ударить по бессистемности в планировке городов // За социалистическую реконструкцию городов (СОРЕГОР). 1933. № 1. С. 39–40.

67. Там же.
68. Промстройпроект был создан в 1932 г. в ведении Наркомтяжпрома СССР путем слияния Металлостройпроекта и Машиностройпроекта. Подробнее см.: *Казусь И.А.* Советская архитектура 1920-х годов: организация проектирования. М.: Прогресс-Традиция, 2009.
69. *Новиков И.* За районную планировку // Проект и стандарт. 1933. № 1. С. 13–15.
70. По выражению одного из ведущих сотрудников Промстройпроекта А.С. Вайнцвайга. См.: *Вайнцвайг А.С.* Опыт планировки промышленных районов // Планировка и строительство городов. 1933. № 9. С. 12–16.
71. В процессе проектирования решался вопрос: решать планировку района в виде одного, трех, пяти или тринадцати городов. В окончательном виде проект состоял из четырех городов: Металлогород (металлообрабатывающая промышленность), Центральный город (старый Царицын. Легкая, пищевая и деревообделочная промышленность), Химгород (химическая и лесобрабатывающая промышленность), Красноармейск (судостроительная промышленность и транспорт).
72. *Аранович Д.* Реконструкция Сталинградского промышленного района // Коммунальное хозяйство. 1932. № 2. С. 30–41.
73. *Светлов Ф.* Основные задачи исследовательской работы в области коммунального хозяйства во второй пятилетке // За социалистическую реконструкцию городов (СОРЕГОР). 1932. № 9–10. С. 27–28.
74. Там же.
75. СУ. 1932. № 68. С. 305; Советская архитектура. 1932. № 4. С. 5–7; Наше строительство. 1932. № 17–18. С. 857 (Вторая редакция этого закона с тем же названием была принята в 1934 г. после выхода общесоюзного закона).
76. Наше строительство. 1932. № 17–18. С. 857.
77. Реконструкция городов СССР. Госплан СССР. Т. 1, 2. М.: Стандартизация и рационализация, 1933.
78. *Петрович Я.* Реконструкция городов СССР /рец./ // За социалистическую реконструкцию городов (СОРЕГОР). 1933. № 6. С. 47–52.
79. Наше строительство. 1933. № 15–16. С. 380.
80. В октябре созывается Всесоюзная конференция по планировке и соц. реконструкции городов // За социалистическую реконструкцию городов (СОРЕГОР). 1933. № 3. С. 66.
81. Первая Всесоюзная конференция по планировке и строительству городов. Тезисы докладов на секциях. М., 1933.
82. Вторая пятилетка и задачи конференции /без подписи/ // За социалистическую реконструкцию городов (СОРЕГОР), 1933. № 6. С. 5–10
83. РЦХИДНИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 183. Л. 71.
84. НККХ. Гипрогор РСФСР. Опыт районной планировки в СССР. Труды Бюро научно-экспериментальных работ (БНЭР) Гипрогора. Вып. II. М.: Госстройиздат, 1934.
85. Планировка промышленных районов. Промстройпроект. М.: Госстройиздат, 1934.
86. *Лерман И.* Полезный вклад в теорию районной планировки // Планировка и строительство городов. 1934. № 4. С. 31–33.
87. Введение, п. 18.
88. Там же, п. 12.
89. *Ильина М.* Планировка промышленных районов // Планировка и строительство городов. 1935. № 1. С. 39–41.
90. Там же, С. 16.
91. *Давидович В.Г.* Вопросы планировки новых городов // Под общ. ред. Н.Ф. Попова-Сибиряка и В.И. Боберко. Л.: Изд. ЛНИИКХ, 1934.
92. *Зильберт Д.* Методология и практика планировки промышленных районов // Проект и стандарт. 1933. № 1. С. 2–8.
93. *Лерман И.Е.* К методологии районной планировки // Наше строительство. 1933. № 23. С. 629–634.
94. Там же.
95. Там же.
96. Там же.
97. Подробнее о подготовке республиканского и всесоюзного градостроительных законов и борьбе концепций в ходе этого процесса см. гл. 18 настоящего издания (Ю.Л. Косенкова).
98. См., например, Инструкцию ВСКХ при ЦИК СССР от 14 октября 1933 по применению постановления ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1933 г. «О составлении и утверждении проектов планировки и социалистической реконструкции городов и других населенных мест Союза ССР». СОРЕГОР. 1933. № 5. См. отдельное издание: СССР. Совет по коммунальному хозяйству. Сектор планировки и соц. реконструкции городов ВСКХ. Постановление

- ЦИК и СНК СССР «О составлении...»; Инструкция ВСКХ по применению постановления Цик и СНК СССР «О составлении...». М., 1933.
99. Гинзбург М.Я. Опыт районной планировки // Советская архитектура. 1933. № 4. С. 34–50.
  100. Там же.
  101. Там же.
  102. Там же.
  103. Там же.
  104. В дальнейшем проект Черниковского района был передан Промстройпроекту.
  105. В архитектурной группе большого авторского коллектива по руководством М.Я. Гинзбурга состояли Г.Г. Вегман, А.Ф. Кельмишкайт, С.А. Лисагор, М.О. Мамулов, И.Ф. Милинис, А.Л. Пастернак.
  106. Гинзбург М.Я. Планировка южного берега Крыма // Планировка и строительство городов. 1933. № 1. С. 9–11.
  107. Гинзбург М.Я. Планировка южного берега Крыма // Архитектура СССР. 1935. № 6. С. 39–42.
  108. Гинзбург М.Я. Планировка южного берега Крыма // Планировка и строительство городов. 1933. № 1. С. 9–11.
  109. Русаков М.Я. Планировка новой здравницы СССР // Планировка и строительство городов. 1934. № 3. С. 8–12; Несис Н.З. Планировка курорта Сочи-Магеста // Архитектура СССР. 1935. № 9. С. 43–49; Семенов В. Проектная мастерская Наркомхоза приступает к планировке района КМВ // Социалистическое строительство Северо-Кавказского края. 1935. № 4. С. 86–91.
  110. Несис Н.З. Планировочная композиция курорта Сочи-Магеста // Планировка и строительство городов. 1935. № 7. С. 9–21.
  111. Покишишевский В. Спорные вопросы методики районной планировки // Планировка и строительство городов. 1935. № 1. С. 18–23.
  112. Проблемы такого рода серьезно разрабатывались, например, Горстройпроектом в упомянутом проекте Магнитогорского района. Здесь была разработана целая система критериев. Факторами, определявшими границы планировочного района, были: 1) рельеф; 2) сельскохозяйственные показатели, в первую очередь массив пригородной агрозоны; 3) водное хозяйство; 4) месторождения ископаемых ресурсов, используемых в производственной системе основного узла или разрабатываемых в условиях организационно-хозяйственного воздействия его; 5) политическое, культурное и административно-хозяйственное тяготение к Магнитогорску. Основу планировочного района образовало сплошное пятно пригородной зоны, рассчитанной на основании специальных работ, заказанных НИИ организации территории Наркомзема. Другие участки границы определились пунктами, имеющими жизненное значение для самого Магнитогорского узла, например, марганцевые и хромитовые разработки на северо-западе, цепь озер на западе как резерва водного хозяйства и площадки для культурно-дачного строительства, будущее водохранилище на севере в верховьях р. Урала, имеющего значение для водоснабжения Магнитогорского комбината, г. Верхнеуральск, где предполагалось развивать легкую промышленность и др.
  113. Балбашевский И. Определение границ районной планировки // Проект и стандарт. 1935. № 7. С. 5–8.
  114. Покишишевский В. Спорные вопросы методики районной планировки // Планировка и строительство городов. 1935. № 1. С. 18–23.
  115. Вайнцивайг А., Мыслин В. Планировка промышленных районов // Проект и стандарт. 1933. № 1. С. 11–?
  116. Там же.
  117. Цумбербаллер В.В. Районная планировка городов Северного края // Хозяйство Севера. 1931. № 5–6. С. 127–132.
  118. Рейн Б.Г., Яковлев В.Е. Планировку Архангельска решать как районную // Планировка и строительство городов. 1934. № 5. С. 10–13.
  119. Там же.
  120. Ефремов Н.Д. К проблеме районной планировки // Наше строительство. 1933. № 23. С. 623–628.
  121. Вайнцивайг А.С. Опыт планировки промышленных районов // Планировка и строительство городов. 1933. № 9. С. 12–16.
  122. Там же.
  123. Там же.
  124. Опыт районной планировки в СССР. Гипрогор. Труды Бюро научно-экспериментальных работ. Вып. II. М.: Госстройиздат, 1934.
  125. Кржижановский [Г.М.], Квининг [Э.И.], Ковалевский [Г.П.]. Проблемы построения генерального плана. М., 1930. С. 57.
  126. Вредительство в теории и практике планирования. М.—Л.: Соцгиз, 1931. Сборник включал в себя статьи: Вайсберг Р. «Объективная» наука плановиков-вредителей; Рагольский М. О вредительской теории и практике Громана-Базарова; Краев М. Теория и практика вредительства в перспективном планировании сельского хозяйства.

127. Генеральный план электрификации СССР / Под редакцией Г.И. Ломова. 1932.
128. Опыт районной планировки в СССР. Гипрогор. Труды Бюро научно-экспериментальных работ. Вып. II. М.: Госстройиздат, 1934. С. 18.
129. Косенкова Ю.Л. Советский город 1940-х – первой половины 1950-х годов. От творческих поисков к практике строительства. Изд. 2-е, доп. М.: Либроком, 2008.
130. Першин П. За улучшение районной планировки // СОРЕГОР, 1933. № 6. С. 11–13.
131. Ильиных В.А. Сельское хозяйство Сибири в XX веке: поиск модели устойчивого развития. [Электронный ресурс, режим доступа]: <http://history.nsc.ru/iva95.htm>
132. Подробнее об этом см. гл. 14 настоящего издания (Ю.Л. Косенкова).
133. О дальнейшем подъеме зернового хозяйства в колхозах и совхозах восточных районов СССР // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1967. Т. 2. С. 749–752.
134. Ильиных В.А. Указ. соч.
135. Проект Промстройпроекта. См. журнал: Проект и стандарт. 1933. № 1.
136. Першин П. За улучшение районной планировки...
137. Першин П.Н. Экономические основы содержания и методологии районной планировки // Опыт районной планировки в СССР. Труды Бюро научно-экспериментальных работ Гипрогора. Вып. II. М.: Госстройиздат, 1934. С. 101.
138. Герус Л.Ф. Социалистическая реконструкция городов. М.: Советское законодательство, 1931. С. 25.
139. Производственные типы МТС во второй пятилетке / Под ред. Я. Никулихина. Вып. 2. 1932. С. 81.
140. Макотинский М.П. Планировка промышленных районов // Архитектура СССР. 1935. № 7. С. 27–34.
141. Там же.
142. Там же.
143. Там же.
144. Баканов С.А. Генеральные планы шахтерских городов Южного Урала середины 1930-х годов: замыслы и реальность // Советское градостроительство 1920–1930-х годов. Новые исследования и материалы. Сб. науч. тр. НИИТИАГ РААСН / Сост. и отв. ред. Ю.Л. Косенкова. М.: URSS, 2009. С. 300–309.
145. Феоктистов В.А. О некоторых уроках вредительства троцкистских агентов в планировке городов // Проект и стандарт. 1937. № 7. С. 4–8.
146. Архитектор – строитель социалистического города. К итогам III Пленума правления ССА // Архитектура СССР. 1938. № 8. С. 1–3.
147. Материалы III пленума правления ССА. М., 1938. С. 113.
148. Постановление СНК СССР «Об улучшении проектного и сметного дела и об упорядочении финансирования строительства». 26 февраля 1938 г. С.П. СССР. 1938. № 9. С. 58; Архитектура СССР. 1938. № 44. С. 1–3; Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 2. М., 1967. С. 633–639.
149. Эйнгорн А. Районная планировка Донецкого бассейна // Будівництво соціалістичних міст. 1933. № 1–2. С. 2–6.

Формирование понятия районной планировки

1. Об устройстве населенных мест РСФСР: постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 1 августа 1932 г. // СУ РСФСР. 1932. Отдел первый. № 68. Ст. 305. С. 406–409.
2. Опыт районной планировки в СССР. М., 1934. Вып. II. С. 9.
3. Петров М.Н. Основные вопросы организации и методологии планировки городов // Реконструкция городов СССР. 1933. Т. 1. С. 50.
4. Давидович В.Г. Вопросы планировки новых городов. Л., 1934. С. 69.
5. Подробнее см. гл. 3 настоящего издания (М.Г. Меерович).
6. Опыт районной планировки. Указ. соч. С. 9.
7. Там же. С. 9.
8. Планировка промышленных районов. С. 9.
9. Опыт районной планировки. С. 18.
10. Там же. С. 23.
11. Там же. С. 18.
12. Там же.

13. *Светлов Ф., Горный С.* Социалистический город в бесклассовом обществе // Плановое хозяйство. 1934. № 2. С. 163.
14. Опыт районной планировки... С. 29.
15. Там же. С. 11.
16. Там же. С. 20.
17. *Давидович В.Г.* Указ. соч. С. 74–76.
18. Опыт районной планировки... С. 15.
19. *Давидович В.Г.* Указ. соч. С. 43.
20. *Малоземов И.* Большое Запорожье // Советская архитектура. 1932. № 5–6. С. 76.
21. Как ломали НЭП: Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг.: В 5 т. М., 2000. Т. 5. С. 309.
22. Там же. С. 294.
23. Проектирование социалистических городов. НККХ УССР. Харьков, 1935. Сб. № 3. С. 31.
24. Вопросы экономической географии. М., 1934. С. 162.
25. Проектирование социалистических городов. С. 31.
26. Там же. С. 16.
27. Там же.
28. *Светлов Ф., Горный С.* Указ. соч. С. 163.
29. СУ РСФСР. 1932. Отдел первый. № 68. Ст. 305. С. 406–409.
30. Там же. С. 408–409.
31. РГАЭ. Ф. 337. Оп. 1. Д. 6. Л. 98.
32. Планировка промышленных районов. М., 1934. С. 8, 13.
33. Там же. С. 13.
34. РГАЭ. Ф. 337. Оп. 1. Д. 6. Л. 98.
35. СЗ СССР. 1933. № 41. Ст. 243.
36. СЗ СССР. 1933. № 41. Ст. 243. С. 496
37. СУ РСФСР. 1934. № 7. Ст. 45.
38. Постановление отменяло предшествовавшее с аналогичным названием от 1 августа 1932 г.
39. СУ РСФСР. 1934. № 7. Ст. 45. С. 57.
40. Там же. С. 55.
41. Там же. С. 54–55.
42. Там же. С. 56.
43. Там же.
44. Там же.
45. РГАЭ. Ф. 337. Оп. 1. Д. 6. Л. 97.
46. Там же. Л. 97.
47. Там же.
48. Там же.
49. Там же.
50. Планировка промышленных районов... С. 8.
51. Там же. С. 7.
52. Там же. С. 8–9.
53. *Боберко В.И.* Планировка городов на новостройках отстает от жизни // Планировка и строительство городов. 1933. № 1. С. 5.
54. Планировка промышленных районов... С. 62–63.
55. Опыт районной планировки в СССР... С. 18.
56. С 26 января по 10 февраля 1934 г.
57. РГАЭ. Ф. 337. Оп. 1. Д. 6. Л. 6.
58. Там же. Л. 6–8.
59. Там же. Л. 8.
60. Там же. Л. 9.

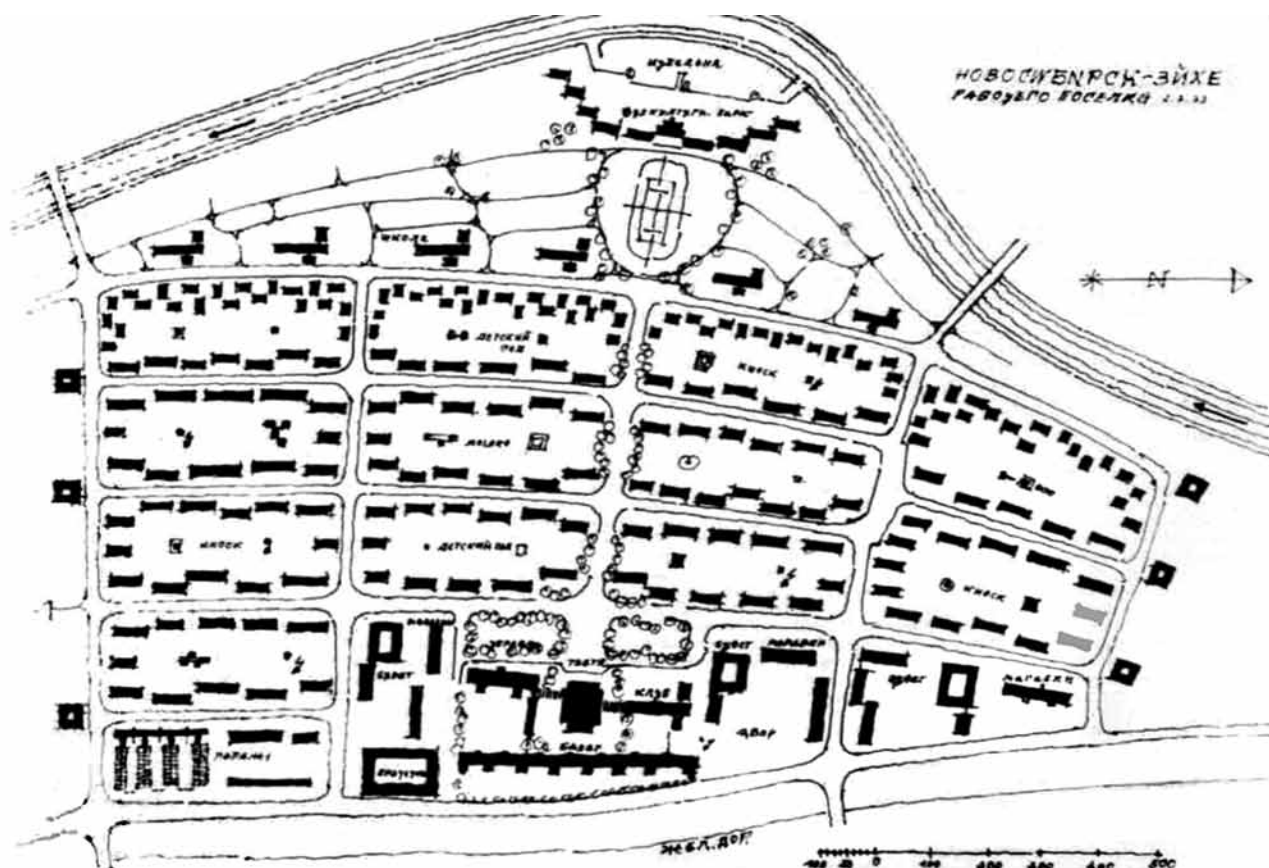
Концепция «социалистического города» и практика ее реализации

М.Г. Меерович

Социалистический город — уникальный тип архитектурно-градостроительной системы

Накопленные к концу 1920-х гг. теоретические знания и практический опыт проектирования рабочих поселков не были способны адекватно ответить на внезапно вставшую «градостроительную сверхзадачу индустриализации» — массовое строительство новых городов возле промышленных

новостроек. Основная причина — отсутствие теоретических знаний, принципов и нормативных указаний по проектированию городов нового типа (соцгородов), которые были бы однозначно одобрены властью и официально ею приняты, что в условиях централизованного управления проектированием являлось основополагающим. Как следствие первые проекты соцгородов (1929–1930) представляли собой фактически проекты рабочих

Поселок им. Эйхе при паровозоремонтных мастерских в г. Новосибирске. Генплан. Начало 1930-х гг.

поселков, только расширенные по количеству жителей и, соответственно, по размеру территории. Так же как и соцпоселки, они проектировались как ведомственные автономные поселения для рабочих и служащих при локальных промышленных производствах, крупных объектах транспортной и энергетической инфраструктур, предприятиях ресурсодобычи и проч.

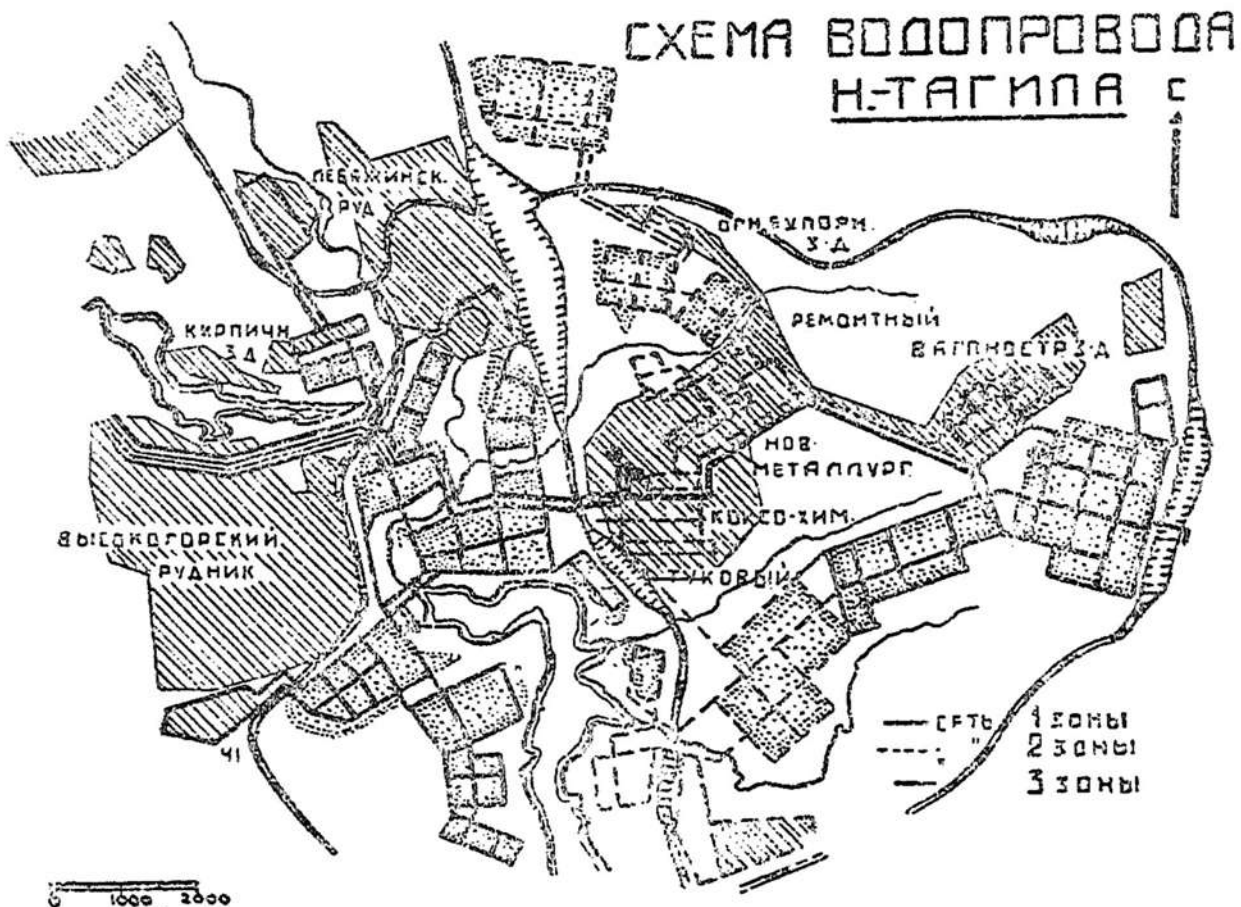
На данном этапе осуществления градостроительной и расселенческой политики (1929–1930) никакого нового градостроительного качества, отличавшего первые практические (не конкурсные) проекты соцгородов от соцпоселков, не присутствовало. Этот факт зафиксировал немецкий инженер-архитектор Р. Волтерс, работавший в СССР (в Новосибирске) в 1932–1933 гг., указав на данный феномен как на отличительную черту советского градостроительства данного периода¹.

Однако для практической реализации концепции соцрасселения требовалось качественно иное понимание принципов планировочной организации селитбы, трактуемой как поселения инновационного типа, целенаправленно формируемой не

как «капиталистический», а как «социалистический» город.

Массовые попытки поиска специфических архитектурно-планировочных решений социалистического города как кардинально нового типа поселений проявились в конце 1929 — начале 1930 г. в рабочих программах на проектирование соцгородов, а также в программах конкурсных и заказных проектов. Однако очень быстро вскрылось противоречие между идеей социалистического города, как она понималась архитекторами, с одной стороны, и практическими интересами власти — с другой. И хотя конфликт этих двух миров представлений, некоторое время сосуществовавших параллельно, не был отрефлексирован сразу, ответ на вопрос, кому принадлежит приоритет в определении «содержания» идеи соцгорода, стал очевидным сразу после запрещения дискуссии о соцрасселении: власти. Именно ее «устаами» начали озвучиваться и постулироваться основные принципы нового градостроительного проектирования.

Один из первых программных документов по разработке генерального плана соцгорода — поста-

Соцгород Нижний Тагил. Схема устройства системы водоснабжения. Проект. Начало 1930-х гг.

Соцгород Нижний Тагил. Схема устройства системы канализования. Проект. Начало 1930-х гг.

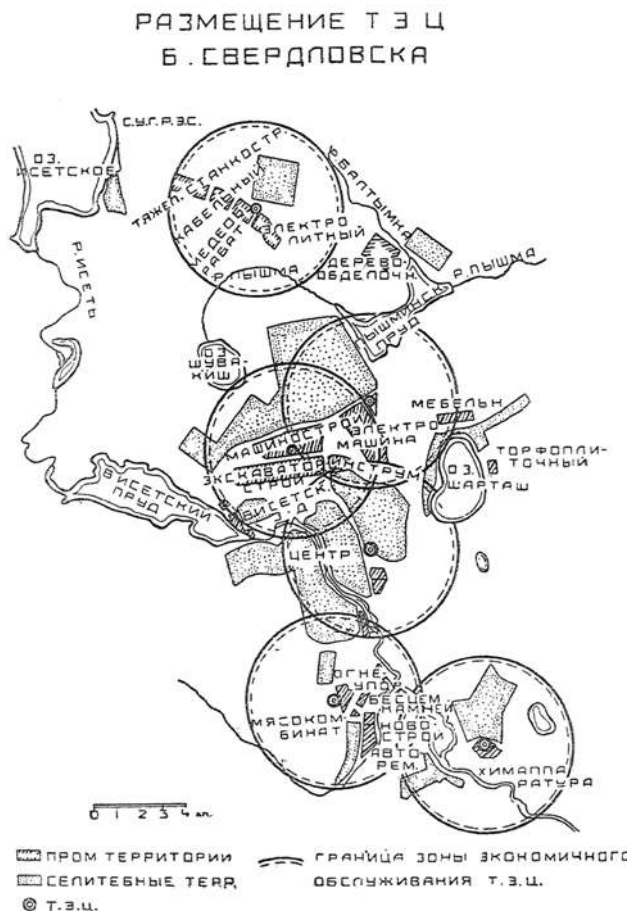
новление Совнаркома РСФСР о строительстве Магнитогорского комбината и города Магнитогорска от 11 ноября 1929 г.², которое уточняло ключевой пункт проектирования — статус Магнитогорска как «чисто пролетарского города, полностью связанного с работой Магнитогорского комбината». Подобная зависимость призвана была воплотиться в совершенно иных, нежели прежде, подходах к проектированию жилья, объектов обслуживания, планировки.

Постановление было принято за полгода до закрытия дискуссии о соцрасселении и поэтому еще несло в себе все те идеалистически-утопические представления о новом типе расселения, которые в тот период продолжали существовать и обсуждаться в профессиональном сообществе. В частности, постановление официально требовало введения «обобществленного быта», который в это время

провозглашался в качестве принципиального отличия «социалистического» характера поселений СССР от городов капитализма³.

Вторичность селитьбы по отношению к производству, ее подчиненность, зависимость от промышленного предприятия закреплялись таким устройством инженерной инфраструктуры, при котором функционирование систем жизнеобеспечения селитьбы обеспечивалось не за счет сооружений городского коммунального хозяйства⁴, а градообразующим предприятием: «водопровод, канализация, освещение, газ и пожарная охрана должны быть связаны с соответствующими предприятиями завода...»⁵. В полном соответствии с этим положением осуществлялось проектирование и других соцгородов. Так, например, в проекте планировки соцгорода Нижнего Тагила трассировка систем во-

Соцгород Большой Свердловск. Схема размещения ТЭЦ.
Проект. 1932

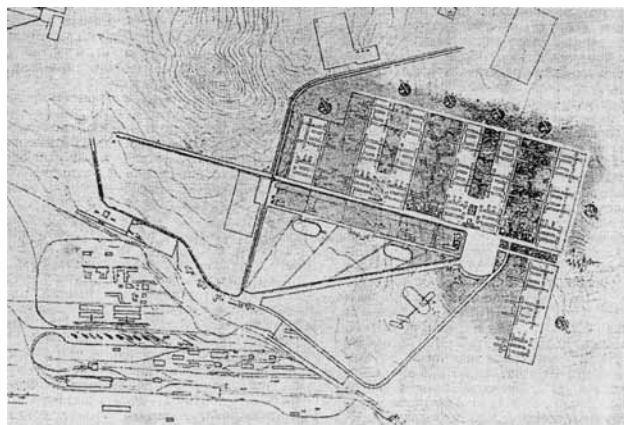
доснабжения и канализования также была неразрывно связана с промышленными предприятиями. Проект теплофикации соцгорода Большой Свердловск предусматривал строительство шести ТЭЦ, пять из которых были заводскими, параллельно обслуживавшими прилежавшие к ним жилые массивы⁶ и т.п.

В конце 1929 — начале 1930 г. в стране прошла череда открытых и заказных конкурсов на проектирование новых городов (Магнитогорска, Автострой, Коминтерновска, Кузнецка, Чарджуя и др.)⁷. Их конкурсные программы: «Программа всесоюзного конкурса по проектированию соцгорода Магнитогорска» (декабрь 1929)⁸; «Программа для эскизного проекта индустриального рабочего города Уральского тракторного завода» (декабрь 1929 — январь 1930)⁹; «Основные положения по проектированию рабочего поселка при Автозаводе» (март 1930)¹⁰; «Задание на составление общего проекта планировки и застройки социалистического поселения при Харьковском тракторном заводе» (декабрь 1929 — январь 1930)¹¹ и др. — были удивительно схожи. Не-

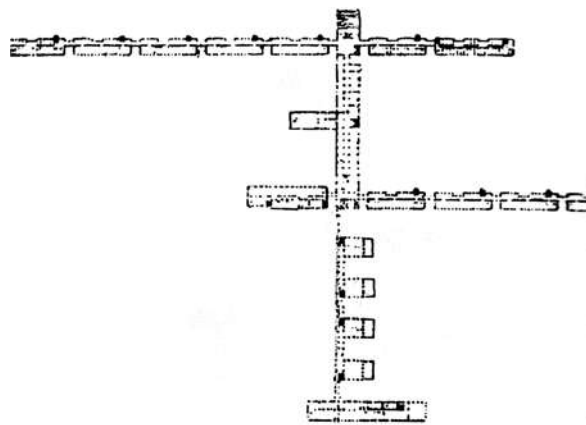
смотря на то что все они были официально подготовлены в разных ведомствах, поскольку формально заказчиками-инициаторами конкурсов выступали предприятия-застройщики градообразующего предприятия — Магнитострой, Автострой, Тракторострой, Кузнецкстрой и др., по содержанию (и составу предписываемых позиций) они были почти идентичны. Во всех программах конкурсного проектирования главными были вопросы, во-первых, касавшиеся общего характера планировки города и, во-вторых, определявшие тип жилого здания и его объемно-планировочное решение. Все программы явно имели некий один источник — либо административный орган центральной власти, либо проектный институт, который готовил по распоряжению правительства тексты конкурсных заданий¹².

Во всех этих программах-заданиях на проектирование, в качестве ключевой отличительной характеристики «социалистического» образа жизни и, соответственно, признака нового типа селитбы, предписывалось проектировать жилкоммуны, «на основе полного обобществления культурно-просветительной и бытовой жизни...»¹³. Жилкоммуны, а также развитый социально-бытовой комплекс (пищевой комбинат, распределительная сеть, банно-прачечный комбинат, универмаг, почта, диспансер, больница и т.п.) призваны были обеспечивать реализацию повседневных потребностей населения. Кроме того, предусматривалась система централизованного культурного обслуживания (Дворцы труда и культуры, образовательный комплекс, парк культуры и отдыха со стадионом и т.п.), которая была призвана создать условия для эпизодического коллективизированного отдыха¹⁴.

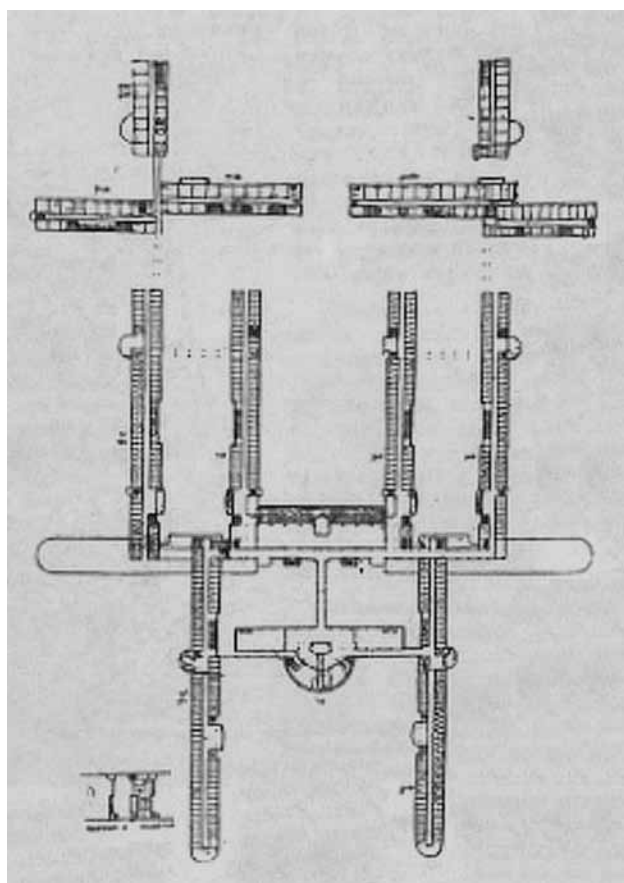
Жилкоммуна (жилкомбинат) в первых проектах соцгородов выступала ведущей проектной темой и фактически, единственным подробно проработанным объектом конкурсного проектирования — специально ей посвящались отдельные разделы программ на проектирование. Жилищная коммуна понималась как комплекс зданий, число обитателей которого в различных программах варьировалось от 1000 до 5000 человек (для всех возрастных групп). Жилые ячейки (спальные помещения) для взрослых площадью 7–9 кв. м проектировались как для одиноких, так и на 2–3 человек. Предусматривалось обеспечение жилых ячеек необходимым минимумом оборудования: встроенной и трансформирующейся мебелью (откидные кровати, диваны-кресла), столом для занятий, стенным шкафом, «помещением» для платья и белья, умывальником.

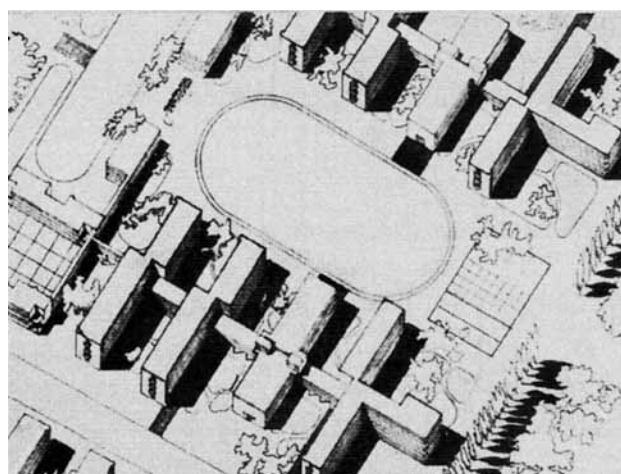
Соцгород Магнитогорск. Конкурсный проект планировки. Застройка селитьбы жилкоммунами (жилкомбинатами). Генплан. Арх. Р.Е. Брилинг, Н.И. Гайгаров, М.Н. Семенов, В.С. Арманд при участии В.Н. Семенова. 1930

Соцгород Магнитогорск. Конкурсный проект планировки. Жилкоммуна (жилкомбинат). Проект. План. Арх. Д.И. Тарасов, О.И. Чекрыжева

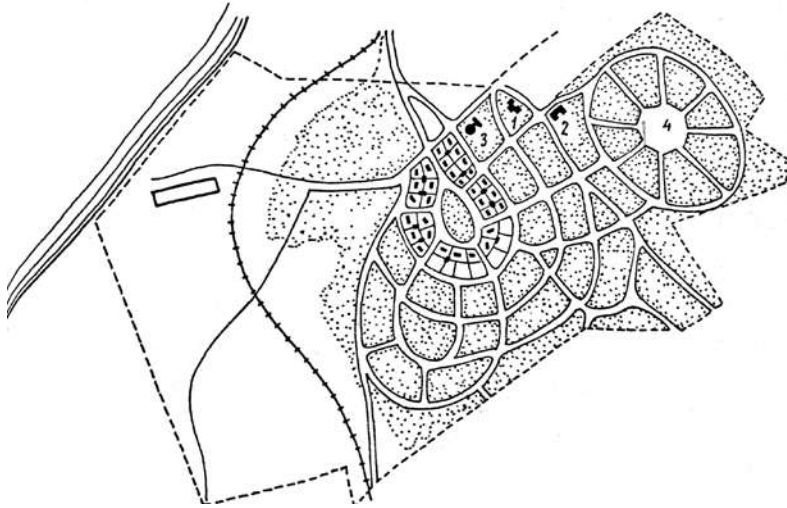
Соцгород Магнитогорск. Конкурсный проект планировки. Жилкоммуна (жилкомбинат). Проект. План. Арх. Р.Е. Брилинг, Н.И. Гайгаров, М.Н. Семенов, В.С. Арманд при участии В.Н. Семенова. 1930

Жилкомбинат. Аксонометрия

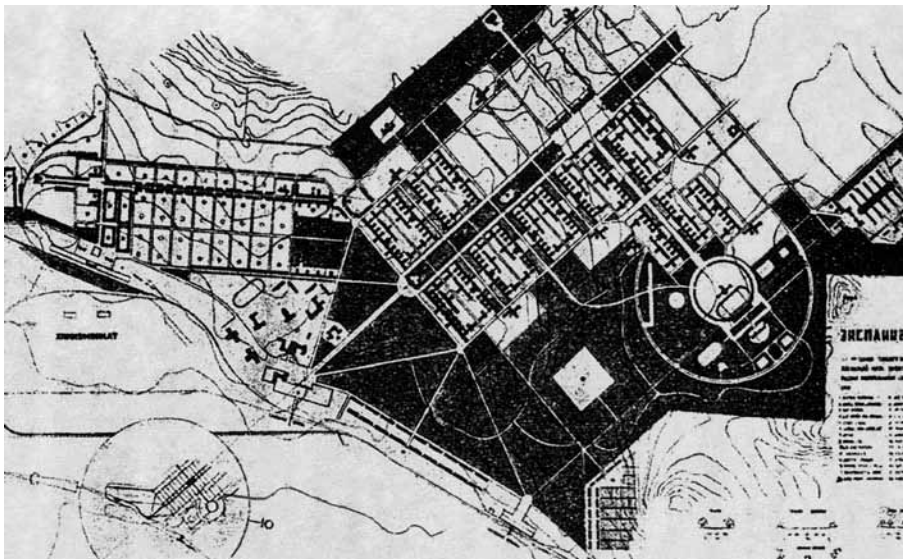
Жилая ячейка призвана была обеспечивать возможность индивидуальных занятий, вечернего отдыха, хранения вещей, отправления личной гигиены и т.п. А для коллективного времяпрепровождения предусматривались такие помещения, как спортзал, комнаты для занятий (индивидуальных и групповых), библиотека-читальня и т.п. Кроме того, предусматривались обязательные бытовые службы: столовая-буфет с отделением для доготовки пищи, получаемой с фабрики-кухни; хозяйственный центр — розничная продажа мелких хозяйственных предметов и галантереи, консервов, воды и т.п.; информационный центр — отделение почты, телеграфа, сберкассы, справочного бюро, киоска печати; бытовой центр — душевые, ванны, постирочные, уборные, парикмахерская и т.п. Воспитание детей строилось

Соцгород Магнитогорск.

Конкурсный проект планировки. Застройка селитбы жилкоммунами (жилкомбинатами).
Генплан. Арх. Д.И. Тарасов, О.И. Чекрыжева

Соцгород Магнитогорск.

Конкурсный проект планировки. Застройка селитбы жилкоммунами (жилкомбинатами).
Генплан. Арх. Н.Д. Николаев, А.А. Плешков, В.С. Андреев 1930

на коллективных началах: для дошкольников предусматривались ясли и детские сады круглосуточного пребывания, для школьников — интернаты.

После запрещения дискуссии о соцрасселении идеология «обобществленного быта» постепенно сошла на нет, а его проектирование и содержание, и терминологически было заменено на «общественное обслуживание»¹⁵. С этого времени из программ на проектирование исчезло словосочетание «жилищная коммуна». Вместо него некоторое время использовался термин «жилкомбинат», который теперь трактовался не как единый комплекс жилых зданий с теплыми переходами между всеми элементами и полностью обобществленным бытом, а как группа соседствующих домов с располагающимися неподалеку объектами общественного обслуживания (ясли, детские сады, столовые, клубные помещения, прачечные и т.п.).

Тем самым жилкомбинат планировочно «рассыпался» на отдельные здания, пространственно и функционально объединяемые лишь границами квартала. Поэтому как синоним ему стал использоваться термин «жилой квартал» (тем более что он и выступал, согласно существовавшим нормативам, реальной единицей планировочной структуры соцгорода)¹⁶.

В конкурсном проектировании соцгородов-новостроек в конце 1920-х — начале 1930-х гг. участвовали все ведущие архитектурные объединения (МАО, ОСА, АРУ, САСС, ВОПРА), практически все крупные государственные проектные организации (проектная группа Стройкома РСФСР, Картоиздательство НКВД, Госпроект), коллективы преподавателей и студентов вузов (МВТУ, ВХУТЕИН), отдельные архитекторы. Фактически в решение вопроса о сущности и архитектурном

облике соцгорода было вовлечено практически все архитектурное сообщество¹⁷. Конкурсные проекты предлагали разнообразные градостроительные принципы формирования «социалистического расселения» и способов «коммунистической» организации социума. С этой точки зрения они были чрезвычайно интересны. Но в реальности мощные архитектурные силы, привлеченные к конкурсному проектированию, в практике разработки документов территориального планирования оказались использованными фактически «вхолостую». Потому что конкурсные проекты, в рамках сложившейся на тот момент общегосударственной системы проектно-строительного дела, были слишком оторваны от реалий осуществления строительной деятельности на местах. Причина — практическая бесполезность предлагавшихся решений, которая, со сути, была заложена в самих программах конкурсного проектирования, так как без раскрытия реальных условий и существовавших проблем они не способны были поставить перед проектировщиками реальных задач. Формирование полноценной жилой среды, комфортабельного жилища, создание коллективов равноправных трудящихся, способных к самоорганизации и обустройству «обобществленной» жизни, в реальности, несмотря на провозглашаемые лозунги, не являлось ни насущной практической задачей, ни целью государственной архитектурной, градостроительной или расселенческой политики.

Следует подчеркнуть — переход от идеи соцгорода к ее практическому градостроительному воплощению не был одномоментным. Не только в отношении содержания нового образа жизни (от обобществленного быта к общественному обслуживанию), но и в отношении планировки поселений. Первые реальные (не конкурсные) проекты соцгородов конца 1920-х гг. вообще не несли никакой специфики, ибо основывались на «планировочной конструкции», выработанной в период 1922—1929 гг. при проектировании советских рабочих поселков. Никакого нового содержания в них не присутствовало. Только в начале 1930-х гг., с ростом расчетной мощности градообразующего предприятия, приводившей к кратному увеличению расчетной численности потребной рабочей силы и, соответственно, населения, стали выкристаллизовываться постулаты доктрины соцгорода.

Увеличение расчетной численности населения соцгородов поставило вопросы, которые раньше даже не возникали из-за небольшой численности обитателей рабочих поселков и их незначительных

размеров. Прежде всего это вопросы транспортной доступности от места жительства до места работы, принципы расположения центра (центров), характер членения единой структуры города на составные элементы, способ устройства водопроводной и канализационной сетей (от единого централизованного источника или от нескольких локальных и т.п.). Так, при росте расчетной численности населения соцгородов от 50 тыс. до 300 тыс. и более человек вопрос, например, пешеходной доступности становился фактором, способным полностью парализовать работу завода, так как в условиях отсутствия общественного транспорта и недостаточного количества транспорта служебного время для того, чтобы добраться до места труда от периферии стремительно разраставшейся селитбы, начинало занимать более 3—3,5 часов.

Все эти обстоятельства требовали незамедлительного формирования единой расчетной базы для предпроектного определения основных параметрических характеристик будущего поселения. Потому что в советской централизованной иерархической организационно-управленческой системе, в условиях искусственной организации систем производственной деятельности и структур жизнеобеспечения, город переставал быть саморегулируемой системой. Он начинал выполнять роль ключевого элемента общегосударственного распределительного механизма, целиком и полностью основанного на предварительных расчетах, определявших: а) потребности в емкости жилых зданий и сооружений; б) типологию жилых зданий и сооружений; в) допустимые расходы на транспортное строительство; г) количество зеленых насаждений, необходимых для нормальной жизни; д) количество мест в детских учреждениях; е) «шаг» размещения остановок общественного транспорта; ж) список объектов культурного и бытового обслуживания; з) количество блюд в столовых и объемы продуктов, необходимых для их приготовления, и т.п. Нужно было предварительно прогнозировать, обчислять, организовывать и целевым образом направлять в места их возникновения и материалы, и оборудование, и инструменты, и технику, и топливо, и продукты, и деньги — фактически все, что являлось необходимым сначала для возведения, а потом для существования города. И, что самое главное, нужно было обеспечивать эти новые поселения требуемым количеством трудовых ресурсов. Причем не больше и не меньше, а ровно столько, сколько нужно. И мало того что трудовые ресурсы нужно было искусственно комплектовать, затем еще специальными мерами (прописка, рас-

пределение продуктов и услуг по месту работы и проч.), нужно было регулировать стабильность численности населения. Вот здесь и возникала задача расчетного определения того, сколько же заводу «нужно» жителей.

Но как это выяснить, как решить, сколько в том или ином соцгороде должно быть рабочего населения? Как заблаговременно просчитать, сколько людей должно трудиться на предприятиях общественного питания, в прачечных, на общественном транспорте, в школах, в городской администрации, в милиции, на дезостанции, скотобойне, в банях, больницах, школах, детских садах и т.п.? Каким должен быть нормативно устанавливаемый процент неработающего населения (старики, инвалиды, дети, домохозяйки) по отношению к работающему, чтобы не нарушить оптимального функционирования поселения? И т.п.

Старая практика расчетов оказалась абсолютно неспособной ответить на эти вопросы¹⁸. Прежде всего потому, что оперировала динамичными кривыми прироста населения: а) естественного (рождаемость) и б) механического (стихийные перемещения в город на временное или постоянное жительство), выводимыми на основе ежегодных (сезонных) статистических данных, и основное внимание уделяла не столько учету задействованного в производстве населения, т.е. «трудящимся», сколько подсчету населения «избыточного» (по А. Веберу), т.е. «нетрудящегося». Но вычисления, основанные на статистике естественных процессов, были отвергнуты в рамках «телеологической» идеологии как негодные для советского экономического планирования, поскольку, согласно концепции соцрасселения, в социалистическом хозяйстве вообще не должно было быть никаких стихийных естественных миграционных процессов, никакого самовольного перемещения населения по территории страны, потому что в условиях России, где большая часть территории находилась в неблагоприятных климатических условиях, подобное грозило «обезлюдиванием» большей части страны. Также не должно было быть и такого понятия как «избыточная рабочая сила», поскольку в условиях дефицита рабочих рук на стройках пятилетки — в индустриально осваиваемых районах, недопустимо было содержать в других местах хоть какое-то количество безработных.

К моменту постановки вопросов о «нормативной численности населения соцпоселков и соцгородов» уже существовала расчетная формула¹⁹. Эта формула такова: $\Sigma N = [(N^1 + N^2 + N^3)(1 + \alpha)](1 + \beta)$; где: ΣN — численность населения поселка-

сада; N^1 — расчетное количество рабочих и служащих производственного предприятия²⁰; N^2 — число служащих «обслуживающих предприятий», занятых административным, санитарным и общим надзором; N^3 — «переселенцы», часть окрестного населения, которая, «притягиваясь» к населенному пункту «городского типа», меняла место жительства в сельской местности, переселяясь в рабочий поселок; α — коэффициент семейности; β — показатель прироста трудоспособного населения в связи с расширением промышленного предприятия²¹.

Этот метод расчета количества населения поселка-сада, предложенный В.А. Глазыриным, во многих позициях предвосхищал официально принятую позднее методику расчета нормативной численности населения ведомственного рабочего поселка, а затем и социалистического города. Однако предлагавшаяся им формула содержала «старую» компоненту, недопустимую в условиях советской принудительной миграционной политики — «переселенцы, самовольно изменяющее свое местожительство». Правда, В.А. Глазырин трактовал ее в полном соответствии с новым пониманием процессов комплектования соцпоселений рабочей силой — как «потребность в дополнительной рабочей силе в результате расширения градообразующего предприятия». Но, с точки зрения постулатов концепции соцрасселения, глазыринская формула расчета, адаптированная к советской градостроительной доктрине, содержала ряд грубейших ошибок.

Первая ошибка состояла в том, что формула, предложенная В.А. Глазыриным, рассматривала жен индустриальных рабочих в качестве обособленного контингента жителей поселения. Причем в качестве «неработающих домохозяек». Как следствие в подсчет они входили отдельной величиной, которая прибавлялась к среднему показателю численности детей в среднестатистической семье — $(1 + \alpha)$. В противоположность этому подходу концепция соцрасселения свои теоретико-идеологические постулаты формулировала предельно четко и однозначно — жены рабочих должны трудиться на тех же предприятиях, что и их мужья, или в сфере обслуживания. Включение женской части населения в производство или обслуживание позволяло, в масштабах страны, вдвое увеличить численность трудовых ресурсов и «дополнительно вовлечь в промышленное производство 75 млн пар рабочих рук женского населения страны»²². А также обеспечивало уменьшение почти вдвое числа лиц, которые требовалось разместить в соцпоселении, что, в свою очередь, давало ощу-

тимое снижение затрат на жилищное и культурно-бытовое строительство. В полном соответствии с идеологическими призывами Л.М. Сабсовича, озвучившего постулаты концепции соцрасселения в ходе всесоюзной дискуссии, жены рабочих производственного предприятия должны были включаться, вместе со своими мужьями, в состав расчетного количества «рабочих и служащих производственного предприятия». Заметим, что постановление ЦК ВКП(б) «Об очередных задачах партии по работе среди работниц и крестьянок» от 15 июня 1929 г.²³ превратило эту (до этого времени лишь провозглашавшуюся) идеологическую установку на максимально полное включение женской части населения («женской рабочей силы») в трудовую деятельность, в том числе в тяжелой индустрии, в конкретное законодательное положение²⁴.

Вторая ошибка глазыринской формулы состояла в том, что сотрудники обслуживающих предприятий сферы бытового обслуживания входили в расчет самостоятельным контингентом, имевшим собственные семьи (жен и детей). В противоположность этому теоретико-идеологические постулаты концепции соцрасселения, в качестве одного из основных способов увеличения процента включенности женской части населения в процессы обеспечения производственной деятельности, утверждали необходимость заполнения сферы обслуживания, прежде всего членами семей тех рабочих, которые трудились на градообразующем предприятии. В результате этого «высвобожденные от домашнего труда женщины» в рамках расчетной формулы должны были превращаться в «рабочих»²⁵, «служащих» или сотрудников системы общественного (в том числе культурно-бытового) обслуживания, что также позволяло серьезно уменьшать общее расчетное количество населения соцгорода.

Третья ошибка заключалась в том, что «переселенцы», самостоятельно перемещавшиеся в соцгород из прилегающих сельскохозяйственных зон, трактовались как «нетрудоустроенные» т.е. не входившие ни в число рабочих и служащих производственного предприятия, ни в число работников сферы обслуживания. Теоретико-идеологические постулаты концепции соцрасселения однозначно указывали на недопустимость подобного положения дел — сельскохозяйственное население не имело права самовольно «утекать» куда бы то ни было, а должно было быть прикреплено к месту сельскохозяйственного труда, где обязано было стабильно производить продукты питания, регулярно обеспечивая ими рабочее население соцгорода.

Концепция соцрасселения переводила социальную политику власти в конкретные постулаты градостроительства и расчетные формулы расселения, направленную на полное искоренение неработающей части населения, на принуждение нетрудящихся к труду, на принудительное включение и рабочих и служащих в трудовые коллективы. Скорость исчезновения неработающих групп населения определялась так называемым «коэффициентом пролетаризации». В случаях проектирования новых социалистических городов, «где неработающего населения вообще не будет, применение этого коэффициента необходимо опустить»²⁶. Поэтому расчетно-нормативные показатели количества населения основывались на постулате о том, что в соцгородах никаких иных категорий населения, кроме «работающих», не предусмотрено. В период первых пятилеток, в практике принудительного комплектования населения соцгородов, все было осуществлено в точном соответствии с этим постулатом. А в начале 1930-х гг. он был даже официально зафиксирован — законодательно закреплен серией постановлений ЦИК и СНК СССР о паспортной системе и прописке, с помощью которых советская власть самыми жесткими способами осуществляла борьбу с такой категорией населения как «неработающие». В полном соответствии с этим в утвержденной Госпланом СССР «Программе для составления эскизных проектов планировки и застройки городов Магнитогорска и Кузнецка и типов жилых домов» все население города подразделялось лишь на трудящихся и нетрудоспособных (детей и стариков)²⁷.

Искоренение неработающей части населения соцгородов, принуждение нетрудящихся к труду, превращение всего трудоспособного населения в «контингенты трудящихся» являлось не только расчетной, но и важной организационно-управленческой задачей, так как по данным переписи населения 1926 г. в существовавших городах СССР иждивенцев насчитывалось 60%²⁸. Причем треть от количества иждивенцев (20%) составляли домохозяйки²⁹, что в целом равнялось одной пятой части городского населения страны. В итоге баланс «трудящегося» и «нетрудящегося» населения в 1926 г. оказывался сильно смещенным в сторону неработающих (иждивенцев).

Концепция соцрасселения идеологически, теоретически и расчетно-методически противостояла подобному положению дел. Она требовала все трудоспособное население (без какого бы то ни было исключения и без различия полов) totalmente

вовлекать в производительный и общественно-полезный труд. Исходя из этой установки, С.Г. Струмилин указывал: «В социалистических городах за счет сокращения труда домашних хозяек по меньшей мере в пять раз, путем обобществления его на фабриках-кухнях, хлебозаводах, яслях, детских садах и т.п. учреждениях, процент производственного труда может быть повышен до 42% и выше»³⁰. В итоге подобный подход должен был дать около 40 % экономии всех затрат, так как на 40% снижалась потребная численность трудового населения и, например, для завода в 10 000 рабочих нужно было выстроить поселение не на 42 450 жителей, а лишь на 26 220³¹.

Эта установка в ходе дискуссии о соцрасселении получила свое концептуальное развитие — неоднократно высказывались призывы о том, что необходимо целенаправленно сводить число «домохозяек» к нулю и, стремясь к максимальному уменьшению количества «иждивенцев», обеспечивать стопроцентное включение женской части населения соцгородов в производственную или обслуживающую деятельность; полностью исключить какое бы то ни было наличие «нетрудящихся». После окончания дискуссии эта установка не осталась пустым лозунгом, а практически воплотилась в методику конкретных расчетов нормативной численности населения соцгородов.

Демагогические заявления участников дискуссии о соцрасселении о необходимости включать в трудовую деятельность «всех трудоспособных членов семьи рабочих», т.е. даже детей, получили с началом индустриализации непосредственное воплощение в практике градостроительного проектирования³². Например, осуществлявшиеся расчеты предполагали, что молодежь и подростки, параллельно с обучением во втузах или фабзавучах, в обязательном порядке должны быть на постоянной основе задействованы в производственной или обслуживающей сферах. Подобное включение было направлено на еще большее уменьшение расчетной численности населения будущего соцгорода и призвано было дать еще большую экономию средств, необходимых для возведения селитьбы. В полном соответствии с этой концептуальной (и расчетной) установкой программы проектирования соцгородов требовали предусматривать в списке объектов, возводимых в поселениях, «учебные заведения трудовой подготовки»: школы ФЗС, ФЗУ, втузы, техникумы, и ШУМП (причем, значительной емкости), и размещать их на генплане «в непосредственной близости к заводу»³³. А для макси-

мально полного включения учащейся молодежи в производственную деятельность рекомендовалось «помещения для курсов дополнительного рабочего образования» располагать прямо на территории градообразующего предприятия³⁴. Так, например, в проекте тракторного завода им. Ф. Дзержинского в Сталинграде (1928 г.) прямо указывалось: «Фабзавуч расположен на территории завода»³⁵. В утвержденной СТО и Госпланом СССР 1 сентября 1930 г. «Программе для составления эскизных проектов планировки и застройки городов Магнитогорска и Кузнецка и типов жилых домов» предписано: «Для школ... и курсов дополнительного рабочего образования на территории завода должны предусматриваться учебные мастерские... на 3000 учебных мест»³⁶. Точно такие же требования — во многих других проектных документах.

К 1930 г. в формулах определения нормативной численности соцгородов все трудоспособное население уже окончательно сводилось лишь к двум категориям: 1) «градообразующей» — рабочие (служащие) производственных предприятий; 2) «градообслуживающей» — трудящиеся сферы обслуживания (члены семей рабочих градообразующих предприятий). В итоге первоначальная нормативно-расчетная формула оказалась состоящей всего лишь из двух показателей: 1) количество рабочего населения (мужчины и женщины, молодежь, подростки, которые в расчетную формулу входили единым показателем, так как рассматривались равноключенными в производительный труд); и 2) численность неработающих (малолетние дети, пенсионеры, инвалиды). Затем по формуле: $\Sigma N = (N^1 + N^2) \alpha$; осуществлялось простое умножение численности рабочего населения на коэффициент семейности, где: ΣN — планируемая численность населения соцгорода; N^1 — расчетное количество рабочих и служащих градообразующего предприятия; N^2 — расчетное количество сотрудников предприятий обслуживания; α — «чистый» коэффициент семейности (т.е. только дети младшего, нетрудоспособного возраста). С 1930 г. эта формула фактически стала общепринятой — ее использовали почти все проектные организации.

Концептуально никаких дополнительных контингентов работников сферы обслуживания в расчете не предусмотрено, так как «градообслуживающая» часть трудового населения являлась производной от промышленной базы города и не могла быть по численности больше «градообразующей», а никаких иных дополнительных «контингентов населения» в соцгороде не должно было быть. А по-

сколько на предприятиях обслуживания должны были использоваться исключительно «вторые члены семей рабочих градообразующего предприятия», постольку для еще большего упрощения расчетной формулы было предложено «включить» показатель N^2 (расчетное количество сотрудников сферы обслуживания) в показатель N^1 (количество рабочих и служащих градообразующего предприятия). В итоге формула расчета свелась к перемножению всего лишь двух показателей: $\Sigma N = (N)\alpha$; где: N — количество рабочих и служащих «градообразующих» предприятий; α — коэффициент семейности. Именно по такой формуле осуществлялись, например, предпроектные расчеты в стенах Гипромеза. Так, при исчислении количества населения рабочего поселения около вагоностроительного завода в Нижнем Тагиле число заводских рабочих и служащих (5400 чел) просто умножалось на минимальный коэффициент семейности (2,22), давая общую численность населения — 12 тыс. человек³⁷.

Следует отметить, что в расчетах начала 1930-х гг. высококвалифицированный обслуживающий персонал (врачи, педагоги, «рабочие и служащие для культурно-просветительных целей», специалисты-техники и др.), который не мог быть набран из числа неквалифицированных членов семей промышленных рабочих, а должен был быть привлечен в город специально, то учитывался в расчетах в составе «градоформирующей» базы, то включался в состав «градообслуживающей». И в том, и в другом случае высококвалифицированные специалисты вводились в формулу расчета в качестве отдельной категории.

Расчетная формула по мере ее применения постепенно совершенствовалась, в частности, за счет установления точного процентного соотношения «холостой» (обоего пола) и «семейной» составляющих населения соцгородов. Учет этого показателя способен еще более уменьшить расчетную численность потребного количества населения (и, следовательно, уменьшить плановые расходы на возведение поселения), так как выводил из умножения на коэффициент семейности часть рабочих, не имевших семьи (холостых). Их число суммировалось с итоговой численностью в чистом виде.

Формула по определению нормативного состава населения соцпоселков и соцгородов использовалась в проектной практике кануна и начала реализации программы индустриализации в качестве исходного пункта проектирования, так как именно перспективная численность населения (через установление плотности расселения на гектар) позволяла определять потребную территорию под размеще-

ние поселения и конкретные величины отведения земли под застройку. Процедура проектирования поселения подразделялась на следующие стадии: а) расчет нормативной численности населения; б) выбор того или иного типа застройки и его этажности; в) фиксация плотности застройки, являвшейся производной от данного типа и принятой этажности застройки; г) вычисление требуемого размера территории под возведение селитбы.

Концепция соцрасселения отвергала «статистический метод» расчетов, идеологически осуждаемый за то, что он «переносил капиталистическую стихию в социалистическую организованность, исключавшую элементы случайности...»³⁸. Статистический метод расчетов, опиравшийся на естественные закономерности (естественно сложившиеся тенденции и условия) в отношении новой методики расчета, однозначно перемещался на вторичные позиции, приобретал подчиненную, вспомогательную роль. Потому что статистика, предоставляя исходные данные, «давала лишь стартовый материал» для последующей «переработки» его с целью построения программы практических усилий, прикладываемых к изменению этих закономерностей (условий и тенденций) для достижения конкретных целей.

Новая методология расчетов нормативного количества населения соцгородов, выработанная в начале 1930-х гг. в противоположность дореволюционной, являлась способом «определения численности социально-необходимых контингентов»³⁹ населения. Она получила название метода трудового баланса, потому что определяла «баланс рабочей силы»: «планирование населения... определяется планированием баланса рабочей силы, который в общей форме может быть определен как метод учета и планирования воспроизводства рабочей силы и ее перераспределения в народном хозяйстве»⁴⁰. Эта методология основывалась на переводе предписываемой плановыми органами потребности градообразующих промышленных предприятий в трудовых ресурсах в собственно расселенческие, архитектурные и градостроительные (т.е. планировочные, функционально-территориальные, селитебные и проч.) показатели. Она заключалась не в том, чтобы спрогнозировать перспективную численность населения, исходя из изменявшихся естественных факторов (рождаемость, миграции и т.п.), а в том, чтобы исходно задать, сколько в том или ином населенном пункте необходимо разместить трудовых ресурсов в соответствии с объемами и «человекоемкостью» размещаемой здесь промышленности. И как следствие какие типы домостроений и в ка-

ком количестве необходимы для жизнеобеспечения концентрируемой в данном месте рабочей силы.

При этом вопрос о том, каким образом это «потребное» население будет доставлено в данное место и за счет каких мер будет удерживаться здесь — оставался за рамками расчетной формулы и вообще проектного процесса.

Эти задачи решались в иных ведомствах⁴¹ средствами принудительной миграционной политики, основанной на том, что количество избыточного населения на тех или иных территориях нужно снижать за счет искусственного перераспределения трудовых ресурсов в результате добровольных и принудительных миграций, например, за счет «выселения в другие города»⁴².

Будучи доработанным уже после закрытия дискуссии о соцрасселении, метод расчета нормативной численности населения соцгородов приобрел официальный статус, и все проектные организации постепенно перешли на него. Так, например, в 1931 г. полностью отказались от статистического метода расчета и перешли к методу расчета «по трудовому балансу» такие крупнейшие проектные структуры, как Гипрогор⁴³ и Стандартгорпроект. За ними перешли на него и другие организации.

Определяемая при помощи этого метода «социально-необходимая численность населения» обуславливала в количественном отношении все прочие показатели составных частей и элементов города — необходимые размеры селитебной территории (потребное расчетное количество квадратных метров жилья), величину зеленых насаждений, необходимую площадь пригородной аграрной зоны, мощность сетей обслуживания и емкость предприятий, входящих в их состав (планируемое количество блюд в столовой, пропускную способность прачечных, количество посадочных мест в клубе, количество коек в больнице и проч.).

Решение того, сколько на плановое число жителей следует построить клубов, больниц, школ, фабрик-кухонь, столовых, квадратных метров жилья, зеленых насаждений и т.д., определялось не реальными потребностями и запросами населения, а расчетными показателями (в соответствии с возможностями государства). Базовыми для подобных расчетов являлись «нормы состава населения, душевые нормы жилой площади, нормы размеров культурно-бытового и коммунального обслуживания».

В 1933 г. Госплан СССР издал сборник научных трудов под названием «Реконструкция городов СССР»⁴⁴, в котором излагались принципы формирования новых поселений, их структурного члене-

ния и реорганизации существовавших поселений. Соцгорода однозначно трактовались как один из видов первичной территориальной организации экономического планирования — «как район или экономический микрорайон, характерной особенностью которого является преобладающее значение индустриального производства над другими видами хозяйственной деятельности социалистического общества и наличием в нем расселения или необходимости организации расселения коллектива населения, связанного с этим производством, или с наличием политико-административных учреждений, определяющих влияние данного микрорайона на смежные...»⁴⁵.

Типология жилища в соцгородах-новостройках в первой половине 1930-х гг.

Соцгорода являлись градостроительными системами, в которых, в соответствии с официальной доктриной, впервые в истории человеческой цивилизации проектно отсутствовало индивидуальное жилище. В реальности же власть, под давлением обстоятельств, вынуждена была закрывать глаза на присутствие частного жилищного строительства в соцгородах-новостройках и на периферии существовавших городов, чтобы хоть как-то ослабить острейший дефицит жилья. Власть вынуждена была впустить в советское градостроительство жилищный самострой, точно так же, как вынуждена была впустить в политэкономии социализма частный крестьянский рынок. Она даже особенно и не боролась ни с тем, ни с другим, понимая, что незаконное существование этих феноменов хоть как-то сглаживает предельное обострение жилищной и продуктовой проблем и гасит волны недовольства.

Нормативный отказ от выделения в проектах соцгородов зон индивидуального жилища произошел в 1929 г. с принятием 8 апреля 1929 г. постановления ЭКОСО РСФСР «Правила и нормы застройки населенных мест, проектирования и возведения зданий и сооружений»⁴⁶. Как следствие начиная с середины 1929 г. резкой критике подвергались все те проекты соцпоселений, которые основывали свои решения на включении в планировку зон индивидуальной застройки.

В частности, по этой причине были отвергнуты результаты конкурса на составление проекта планировки и застройки соцгорода на 45 тыс. рабочих и служащих Севгосрыбтреста в г. Мурманске («Новый Мурманск»), проведенного в декабре 1929 г.

Ленинградским обществом архитекторов-художников (ЛОАХ). Осуждению подвергалась сама программа конкурса, предусматривавшая «строительство преимущественно домов с индивидуальными квартирами и прочими прелестями мещанского быта...», что приводило к появлению «...проектов поселков капиталистического типа»⁴⁷. С этих же позиций критиковались программа, составленная трестом «Москвуголь» при участии Московского архитектурного общества (МАО), и выполненные по ней конкурсные проекты планировки рабочего поселка в районе рудника им. Рыкова в Тульской губернии⁴⁸.

С этих же позиций в начале 1930 г. был отклонен проект соцгорода при Краматорском заводе, который предполагал проживание пятой части населения (8 тыс. из 40 тыс. человек) в поселке типа «город-сад с индивидуальными домиками и индивидуальным хозяйством»⁴⁹. Вывод тот же: «...необходимо решительно воспрепятствовать строительству городов и поселков капиталистического типа»⁵⁰. Из-за чересчур большой территории, отводимой под индивидуальную застройку, был отклонен и генплан Новосибирска (арх. Б.А. Коршунов)⁵¹.

Один из первоначальных проектов соцгорода при Магнитогорском металлургическом комбинате, который был разработан в Ленгипромезе в конце 1928 — начале 1929 г. предполагал отведение 45,6% жилья под индивидуальное и кооперативное строительство⁵². В 1929 г., после того как проектирование соцгорода было передано в Госпроект под руководство С.Е. Чернышева, процент индивидуальной застройки практически не изменился⁵³. Именно за наличие индивидуальной застройки проект подвергся жесткой критике на страницах газеты «Известия»: «...Наше строительство городов, (в том числе и новых) сплошь пропитано духом мелко-мещанского, пошлейшего из пошлых быта. В нем нет даже намека на новый социальный заказ... Мы можем и обязаны смести и вытравить понятие о домовладении, мы можем и должны строить исходя из социального заказа, мы должны потребовать от нашего жилищного и коммунального строительства обязательного решения задачи организации нового, социалистического быта... содействовать раскрепощению женщины, а не ее закабалению в семье и на кухне... Рабочий поселок составлен из группы домов и домиков с кухоньками и мелкими квартирками... Ряд неправильных улиц с группой коммунальных домов, магазинов и пр., 9 км трамвая, 900 гектаров под застройкой, из них половина — под мелкими домами...»⁵⁴.

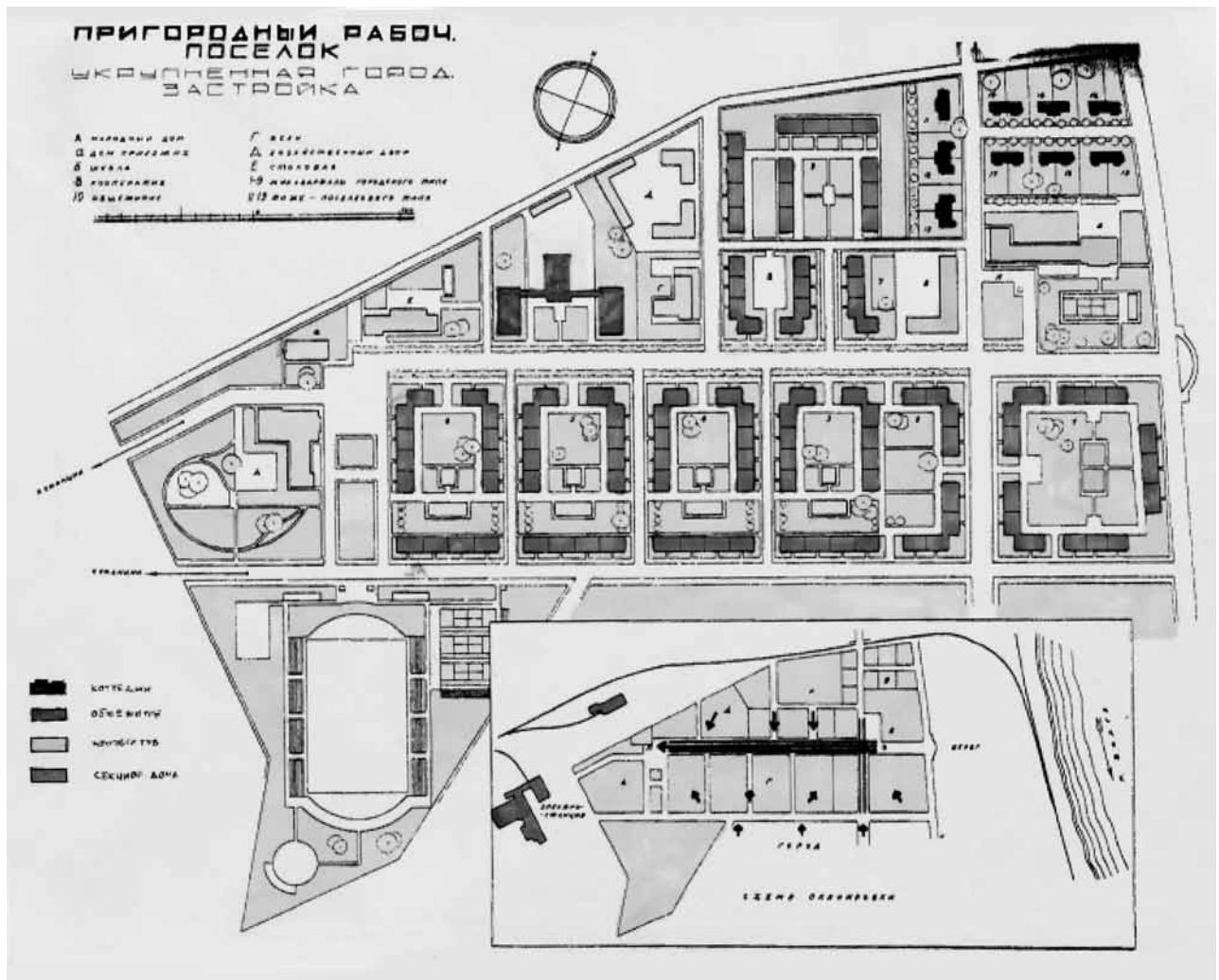
Типы и количество возводившегося в соцгородах-новостройках жилья почти полностью (за исключением самовольного строительства) определялись политикой власти, отдававшей распоряжения о том, где, какого вида, какого уровня благоустройства и в каком количестве необходимо построить жилье. Согласно этим решениям выделялись деньги, разрабатывались проекты, поставлялись конкретные объемы строительных материалов, инженерного оборудования и иные материальные ресурсы. Типология жилища и реальные процессы формирования планировочных структур соцгородов-новостроек в значительной степени являлись выражением той принудительной миграционной политики, которую осуществляла советская власть в рамках стратегии расселения, перемещая в зоны индустриального освоения как вольнонаемных рабочих, так и заключенных. Обе эти категории составляли трудовые ресурсы промышленных новостроек и селитьбы при них (причем на первых этапах строительства соцгородов количество заключенных насчитывало 20–25% от общей численности населения⁵⁵).

О типологии жилища подневольной части населения сложно сказать что-либо конкретное, так как эти контингенты людей находились в юрисдикции силовых ведомств. Но она требует своего выявления, так как поселки для спецпоселенцев и лагпункты для заключенных сначала обособленно располагались на территориях соцгородов-новостроек, а затем, как правило, сливались с ними, оказывая определенное влияние на формирование планировочных структур соцгородов. Однако до сих пор условия, в которых эта категория обитателей соцгородов существовала на стройках пятилетки, виды занимаемых ею жилищ и их архитектурно-планировочные особенности, способы обретения новых жилищных условий после отбытия наказания и превращения в свободных жителей и т.п. — изучены крайне незначительно⁵⁶ и все еще ждут своих исследователей.

Что же касается вольной части населения соцгородов, то о типах жилищ, в которых они существовали, мы можем судить достаточно точно, потому что она зафиксирована в проектах, специально разрабатывавшихся и практически реализовавшихся в крупных рабочих поселках и соцгородах-новостройках первой пятилетки.

Типологию жилого фонда соцгородов-новостроек необходимо рассматривать в двух аспектах: 1) проектную (т.е. те типы зданий и сооружений, которые предписывались к проектированию программами-заданиями на проектирование); 2) фактическую (т.е. те типы зданий и сооружений,

Альбом Цескомбанка «Проекты рабочих жилищ» (1929). Планировка рабочего поселка. Рекомендуемый проект для строительства в 1929–1930 гг.

которые в силу целого комплекса причин реально возводились в поселениях-новостройках, подчас в полном несоответствии с запроектированными). Они разительно отличались друг от друга.

Проектная типология жилого фонда соцгородов-новостроек и рабочих поселков первой пятилетки представлена в проектах, специально разработанных крупными проектными организациями страны в канун и первые годы реализации плана индустриализации. Это типовые проекты жилых и общественных зданий, которые официально рекомендовались для массового городского и поселкового строительства. Как правило, они обобщались в альбомы-сборники.

В частности, одним из таких сборников стал альбом вышедший в свет в 1929 г.⁵⁷, подготовленный годом раньше, по инициативе и под руководством Центрального банка коммунального хозяйства и жилищного строительства (Цескомбанк). Проек-

ты были разработаны при участии представителей основных ведомств-застройщиков, заинтересованных организаций и административных органов (ВСНХ СССР, НКТП, НКТ, Центрожилсоюза, Института сооружений, ВЦСПС, Моссовета).

В разделе «Рабочий поселок» приведен рекомендуемый к массовому применению пример планировки поселения, рассчитанного на 3200 человек. Он содержит следующую типологию жилых зданий: а) секционные дома (коммунальное жилище покомнатно-посемейного заселения) — 70–80% (для семейных); б) общежития (казармы, бараки, дома-коммуны и проч.) — 15–20% населения (для одиноких и холостых); в) коттеджи (жилище повышенной комфортности) — 2–5% населения.

Такое структурное соотношение типов жилья и размещаемого в них населения сохранялось неизменным в программах на проектирование соцгородов и рабочих поселков не только в течение всей

первой пятилетки, но и далее фактически на протяжении всего довоенного периода. Варьировались лишь конкретные виды домостроений. Так, общежития могли существовать в широком диапазоне видов — от специально построенных каменных домов коридорного типа, одно- и двухэтажных деревянных домов (рубленных из бревен, собранных из бруса, каркасно-брусковых, глиноблочных, облегченных, щитовых и проч.) или суррогатных (камышитовых; соломитовых; с обмазкой глиной по деревянной обрешетке на каркасе; с засыпкой в качестве утеплителя строительным мусором и т.п.), до так называемого временного жилища: бараков, утепленных палаток и проч. Жилье для технических специалистов и руководителей среднего звена существовало в виде деревянных или шлакобетонных двухэтажных жилых зданий без отопления и воды, с рукомойниками над помойными ведрами или с выгребными ямами под домом или трех-четыре-этажных каменных секционных жилых домов, как правило, превращаемых в коммуналки в результате покомнатно-посемейного заселения, а также в виде специально спроектированных домов-коммун. Элитное жилище возводилось в виде отдельностоящих коттеджей или попарно блокированных домов.

Проектирование капитальных, каменных жилых домов в соцгородах-новостройках осуществлялось в полном соответствии с типологией, предписываемой заданиями и программами на проектирование. Так, например, «Программой для составления эскизных проектов планировки и застройки городов Магнитогорска и Кузнецка и типов жилых домов» в Магнитогорске были предусмотрены несколь-

ко типов жилых зданий. Часть представляла собой четырехэтажные секционных 32-квартирные кирпичные здания (разработка Госпроекта). Эти дома, согласно программе на проектирование, состояли из двух типов двухквартирных секций: 1) рядовой с трехкомнатными квартирами и 2) торцевой с трех- и пятикомнатными квартирами. Большие площади квартир (и жилая, и общая; от 55,4 до 70,75 и от 75,8 до 93,7 кв. м. соответственно)⁵⁸, а также само планировочное решение — группировка комнат вокруг общей прихожей, из которой двери вели в «одно-семейные комнаты», изначально предусматривали возможность коммунального покомнатного заселения (в каждую комнату по одной семье).

Проектным бюро Цекомбанка (позднее преобразованным в Стандартгорпроект) — генеральным проектировщиком генплана Магнитогорска, согласно «Программе для составления эскизных проектов планировки и застройки городов Магнитогорска и Кузнецка»⁵⁹, были спроектированы еще несколько типов домов. От архитекторов требовалось достижение «наибольшей экономии в строительстве как путем переориентации на возможное облегчение и упрощение конструкции, применение стандартных частей и деталей из местных стройматериалов, так и путем достижения наиболее рациональной внутренней распланировки, добиваясь максимального увеличения удельного веса жилой и эксплуатационной площади и снижения объемного коэффициента до его наименьших пределов»⁶⁰.

Формируемая в проектах типология жилища разительно отличалась от реальной типологии жилых домостроений в соцгородах-новостройках

Жилые дома центральной зоны квартала № 1. Тип Госпроекта. 1931. Внешний вид. 1960-е гг.

(являющейся следствием фактических условий жизнеобеспечения строителей промпредприятий). В частности, вынужденная переориентация концептуально-теоретических воззрений архитекторов с конкурсных проектов городов с индивидуальным жилищем и обобществленным бытом на реальные планировочные решения — коммунальное жилище без воды, канализации и кухонь — была вызвана ужасающим дефицитом жилой площади в возводимых соцгородах-новостройках. Эта переориентация проходила тяжело для профессионального менталитета и разрушительно для романтических представлений о городах будущего, но быстро — за два-три года, прошедших со времени всесоюзной дискуссии о соцрасселении до первых кварталов соцгородов-новостроек. За этот короткий срок между конкурсными проектами и конкретными планировочными разработками генпланов соцгородов пролегла пропасть жизненных реалий и команд руководящих органов, каждодневно осуществлявших государственную градостроительную и жилищную политику.

На проектирование и строительство капитального жилья в соцгородах-новостройках серьезное влияние оказывал даже не столько недостаток финансовых средств или строительных материалов, сколько постоянно звучавший свыше запрет использования «дефицитных строительных материалов». Так, в соцгороде Челябинского тракторного завода (ЧТЗ) проектировщики предполагали осуществлять строительство жилых домов и объектов соцкультбыта с использованием железобетонной каркасной системы, и в начале 1930 г. сборные железобетонные конструкции уже начали возводиться, но Постановление Президиума ВСНХ СССР, вышедшее в ноябре 1930 г., категорически воспретило «в целях достижения в строительстве всемерной экономии дефицитных стройматериалов» применять профильное железо в жилых, культурно-бытовых и обслуживающих зданиях, а также проектировать и строить здания с железными и железобетонными каркасами и перекрытиями. В декабре этого же года соответствующее указание ВАТО (Всесоюзное автотракторное объединение ВСНХ СССР) предписало заменять железные и железобетонные конструкции более дешевыми и доступными материалами, в том числе кирпичом⁶¹.

В отношении соцгорода ЧТЗ эти указания вылились в команду возводить жилье исключительно из местных материалов, а если и строить двухэтажные дома, то так называемой «облегченной конструкции», с печным отоплением и уличным водопроводом (уличными заборными водоклон-

ками), а также отменить запланированную в 1931 г. постройку некоторых объектов соцкультбыта (универмага, гостиницы, диспансера, общежития), запроектированных с железобетонным каркасом⁶². В том же году СНК РСФСР рекомендовал осуществлять жилищное строительство облегченного типа и в других соцгородах, например, в Магнитогорске. Правда, в отличие от соцгорода ЧТЗ щитовые двухэтажные дома здесь предписывалось возводить с водопроводом и канализацией⁶³. Но и подобные предписания оставались не более чем рекомендациями, реальность же сильно отличалась от них в худшую сторону. Так, требование осуществлять строительство из местных материалов приводило к постановке перед проектировщиками Магнитогорска задачи застраивать внешние кварталы города глиняно-деревянными и глинобитными (из необожженной глины) домами, высотой не более двух этажей (что являлось следствием применения необожженной глины как стройматериала)⁶⁴.

Необходимо отметить тот факт, что в рекомендованных проектах рабочих поселков конца 1920-х — начала 1930-х гг. обнаруживается некоторое количество проектов двухэтажных одноподъездных деревянных или секционных 8- или 16-квартирных деревянных (каменных) домов (с печным отоплением)⁶⁵, которые качеством планировки и уровнем своего благоустройства значительно отличались от общежитий, барачных и домов «облегченной конструкции». А также двухэтажных четырех квартирных каменных или деревянных оштукатуренных коттеджей. И даже отдельностоящих или блокированных одноквартирных коттеджей усадебного типа. Ни в проектах, ни в реальности они не предполагались для заселения основной массы трудящихся, а предназначались для размещения иностранных специалистов и советского партийно-административного начальства.

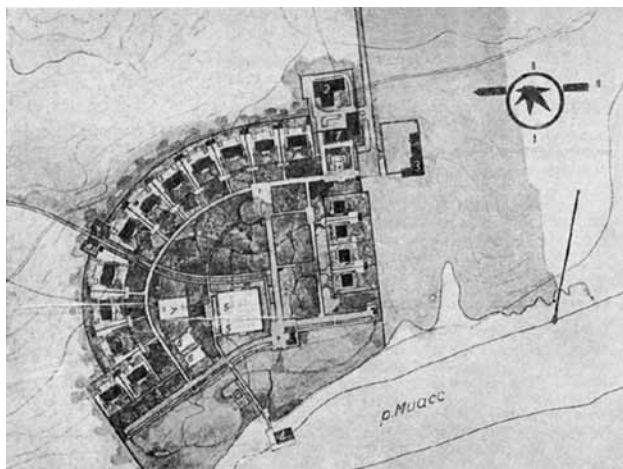
Подобные здания в проектах планировки соцпоселений, как правило, группировались в отдельные компактные зоны. Такие зоны обнаруживаются в проектах практически всех соцгородов и соцпоселков-новостроек, возводимых вблизи крупных промышленных предприятий в 1930-х гг. Обособленная группа «небольших деревянных коттеджей по принципу американских... для командного состава промышленности» возводилась в соцгороденостройке Бобрики. Существовала она и в соцгороде Орске, и в Свердловске, и в юго-восточной части соцпоселка Каменск при Уральском алюминевом заводе, где в 1935 г. была спроектирована, а затем возведена группа коттеджей для руководства алюминиевого завода и др.

Уральский Алюминиевый комбинат и соцпоселок на 20 тыс. жителей. В правой нижней части генплана, на берегу реки в линию выставлены несколько коттеджей — поселок для руководства комбината («Монтажпроекталюминий», г. Ленинград). 1934

Эти зоны размещения коттеджей для начальства степенью озелененности и благоустройством сильно отличались от остальной среды рабочих поселений возле промышленных предприятий. В планировочном отношении они решались как «поселки-сады» и часто именно так и назывались. Примером может служить коттеджный поселок из 16 домов для административно-технического персонала Бакальского металлургического комбината (1934, Ленгорстройпроект, арх. Д.П. Гаузнер и др.). Он был запроектирован отдельно от города в со-

Поселок для административно-технического персонала Бакальского металлургического комбината на 16 коттеджей. Арх. Д.П. Гаузнер:

1 — дом административно-хозяйственного обслуживания; 2 — котельная, прачечная, насосная; 3 — гараж; 4 — лодочная пристань; 5 — площадка для автомашин; 6 — теннисные корты; 7 — площадка для баскетбола; 8 — волейбольные площадки.

сном бору, «по дуге, обращенной к реке, дающей живописное оформление внутри сада»⁶⁶. В поселке предусматривались волейбольная и баскетбольная площадки, теннисный корт, дом для обслуживающего персонала. Подобный поселок существовал и на Кузнецкстрое (г. Новокузнецк), он назывался «Верхняя колония».

Обособленный поселок, называвшийся Американским, был возведен в 1930–1931 гг. при Нижегородском автомобильном заводе для расселения семей американских специалистов, приглашенных на строительство Горьковского автозавода (ГАЗ). Он состоял из 30 одно-, двух- и трехэтажных деревянных каркасных оштукатуренных домов типа «коттедж». Всего в нем проживало 1600 человек. Здесь же размещалась интернациональная школа, клуб, детский сад, магазины (протоварный, продуктовый), ресторан, медпункт, баня, котельная⁶⁷.

Соцгород Магнитогорск. Поселок Березки для высшего административно-технического руководства города и завода

Подобный поселок под названием «Березки» существовал в соцгороде Магнитогорске. Он был застроен не только двух-, трехэтажными деревянными каркасными оштукатуренными «коттеджами» секционного типа, но и полноценными коттеджами — усадебными домами для одной семьи с прилегающими земельными участками для сада и огорода. В них проживало высшее руководство города, комбината и местного НКВД, а также самые высокопоставленные из числа работавших по контракту высококвалифицированных иностранных инженеров⁶⁸ — всего около 1500 человек (на период 1930–1931 гг. это составляло не более 2% общего числа жителей Магнитогорска⁶⁹).

Но если каркасные и щитовые дома, возводимые в соцгородах-новостройках в обособленных

поселках для инженерно-технических специалистов, руководителей среднего звена и партийно-советского городского руководства, мало чем отличались друг от друга, то коттеджи усадебного типа отличались, и подчас весьма ощутимо. Условия проживания в некоторых из них, например, в усадьбах для высшего руководства, были элитными в полном смысле этого слова. Дом, в котором жил директор Магнитогорского металлургического комбината А.П. Завенягин, даже на фоне других строений коттеджного поселка выглядел настоящим дворцом: это был трехэтажный 14-комнатный коттедж, в котором размещались бильярдная, музыкальный салон, игровая для детей, кабинет. Позади дома находился небольшой олений заповедник, а перед домом — сад.

В определенной степени возведение подобной обособленной группы жилых домов для начальства являлось продолжением дореволюционного принципа дифференциации территории рабочего поселка на зоны жилищ для различных профессионально-стративных категорий населения: а) начальства; б) служащих; в) рабочих. В первой половине 1920-х гг. этот принцип был перенесен в проекты советских рабочих поселков, возводившихся около реконструируемых и строящихся промышленных предприятий, торфоразработок, электростанций, паровозоремонтных депо и проч. А позднее, в начале 1930-х гг., соцгорода-новостройки преемственно продолжили эту закономерность зонирования селитбы: а) «жилище для высшего начальства» (дома коттеджного типа, отдельностоящие или блокированные); б) «жилье для специалистов» (секционные трех-пятиэтажные каменные или деревянные 2-х этажные, одно- или двухподъездные для семей руководителей среднего звена и служащих высшей квалификации); в) «жилище для всех» (бараки, казармы и общежития для основной массы рабочих и служащих)⁷⁰.

Отличие соцгородов конца 1920-х — начала 1930-х гг. от рабочих поселков начала—середины 1920-х гг. состояло лишь в том, что подобное социально-стративное зонирование публично и официально никак не предъявлялось. Оно практически никогда не упоминалось ни в нормативно-методической литературе, ни в экспертных заключениях, ни в мемуарах мастеров советской архитектуры, ни в исследованиях, посвященных данному периоду. Напротив, тщательно скрывалось. А если «жилище для высшего начальства» и попадало в поле зрения исследователей последующих лет, то именовалось оно исключительно «жилым для рабочих»⁷¹.

Обособленные поселения для начальства и иностранных технических специалистов с домами коттеджного типа также не значились и в официальных программах-заданиях на проектирование соцгородов. К обязательному проектному воплощению в поселениях-новостройках программами предписывался один-единственный тип жилого фонда — многоквартирный. Он был представлен в двух разновидностях: а) многоквартирные дома (кирпичные, шлакобетонные, деревянные — щитовые, рубленые, брусовые) — секционные, парные и отдельностоящие; б) общежития (барачного типа или дома-коммуны).

Эти типы жилья проектировались повсеместно, не только в соцгородах-новостройках, но также и в рабочих поселках, строившихся в этот же период при более мелких промышленных предприятиях или некрупных транспортных узлах.

Так, на заседании Научно-технического совета ГУКХ НКВД от 20 марта 1931 г., при рассмотрении проектируемых типов жилой застройки рабочего поселка «Оптикогорск» подле завода точной механики № 19, выполненного Гипрогором, проектировщикам и застройщикам официально предписывалось свести их к одному лишь типу — многоэтажному многоквартирному⁷².

Итак, проектная типология жилых домов, предписанная программами-заданиями на проектирование в соцгородах, представляла собой следующее: — общежития — 12%; дома-коммуны — 13%; секционные дома с индивидуальными квартирами — 75%⁷³.

Изначально проекты секционных домов предусматривали посемейное заселение (т.е. в каждую квартиру — по одной семье). Однако администрация градообразующих предприятий, в силу целого комплекса причин, незамедлительно «сдвигала» исходно предписанную программами-заданиями типологию жилища в сторону коммунального быта. Например, дирекция Магнитогорского металлургического комбината (отвечающая за расселение строителей завода) предприняла целенаправленные усилия для смещения проектной типологии в сторону покомнатно-посемейного заселения — было принято решение индивидуальных квартир строить не 75%, а всего лишь 15%.

Более того, из намеченных к проектированию 15% индивидуальных квартир большую часть — 12,5%, уже на стадии проектирования предлагалось превратить в коммуналки: «...12,5% квартир будут построены как коллективные квартиры»⁷⁴.

Забегая вперед, следует указать, что даже та незначительная часть жилого фонда, которая согласно

заданиям на проектирование оставалась предназначенной для индивидуального заселения, в реальности превращалась в коммунальный фонд. В том числе и потому, что здравое требование проектировать квартиры на основе перспективного норматива распределения жилой площади — 9 кв. м на человека (т.е. с учетом возможного улучшения жилищных условий в будущем) на практике приводило к превращению индивидуального жилища в коммунальное.

Очередники в такие квартиры, в условиях крайнего дефицита жилища, заселялись в лучшем случае исходя из «голодной» санитарной нормы в 3–5 кв. м на чел. (а то и еще плотнее) То есть, фактически, их оказывалось: в двухкомнатных квартирах (30 кв. м) по 5–6 человек; в трехкомнатных (40–45 кв. м) по 7–9 человек в каждой квартире; в четырехкомнатных (50–55 кв. м) — по 9–11 человек; в пятикомнатных (60–70 кв. м) — по 12–14 человек; в многокомнатных (более 70 кв. м) более 14–15 человек в каждой квартире.

В конечном счете в начале 1930 г. фактическая типология жилища, проектируемого для соцгородов Магнитогорска, Кузнецка и др., представляла собой следующее:

- коммунальное жилье — 97,5% (в том числе общежития, а также коммунальные квартиры покомнатно-посемейного заселения — 84,5% в многоквартирных секционных домах, дома-коммуны — 13%);
- дома с индивидуальными квартирами (для руководства) — 2,5%.

Наркоматы и дирекция промышленных новостроек, руководящие жилищным строительством в соцгородах, стремились до технически возможного минимума сократить употребление в жилищном строительстве дефицитных материалов, предельно снизить стоимость жилья. Как следствие, в условиях ужасающего дефицита жилого фонда вовсе не капитальные дома и не отдельно стоящие коттеджи становились основным видом жилища в соцгородах — первенцах первых пятилеток. Основным типом жилья в соцгородах-новостройках были бараки. Их проектирование, а затем и массовое строительство было вызвано их дешевизной, необходимостью возвести на имеющиеся средства как можно больше жилой площади.

Этот тип массового жилища для рабочих замолчан советской архитектурной наукой, не описан, не изучен, исключен из официальной системы архитектурных и градостроительных знаний и типологии массового жилища 1920–1930-х гг. — в трудах по истории советской архитектуры он практически никак не представлен. И это несмотря на то, что вся история первых десятилетий советского градо-

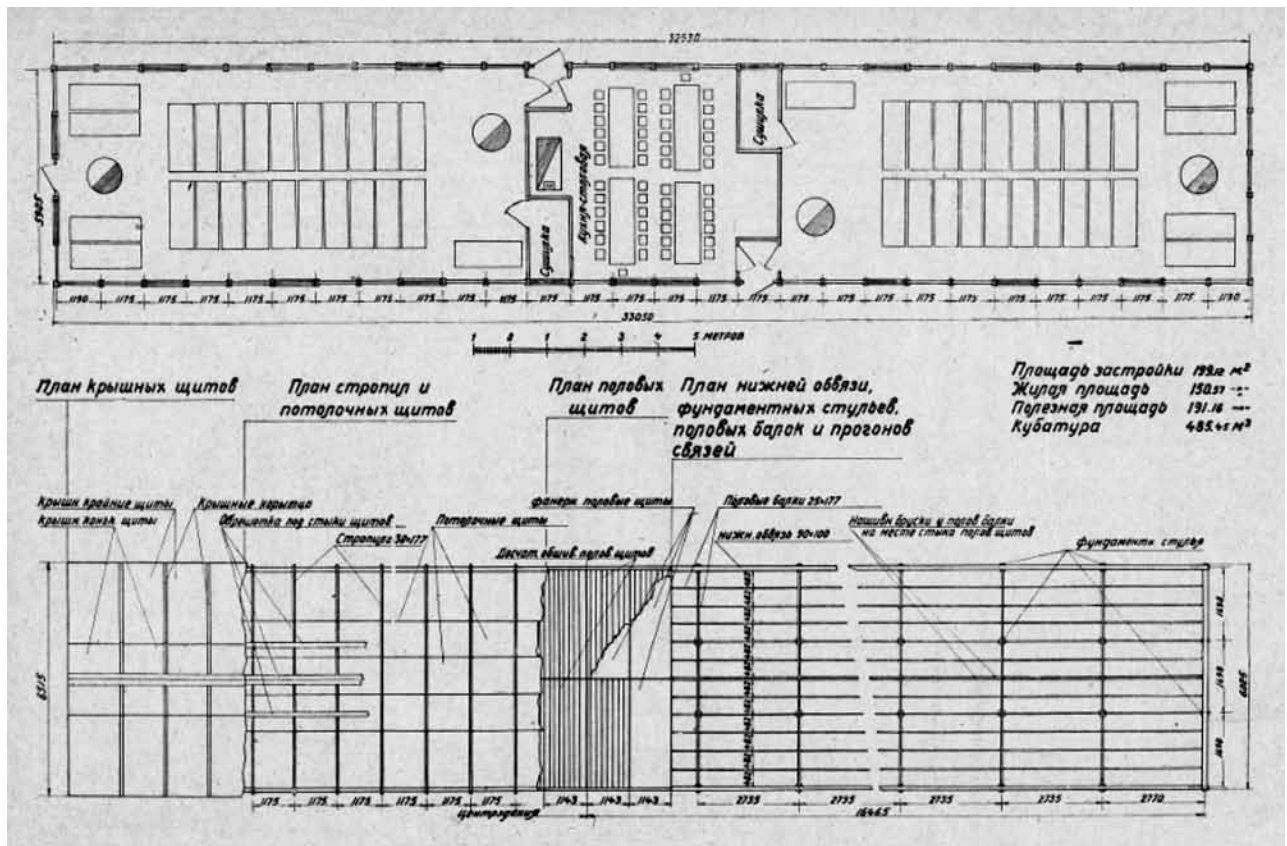
строительства связана именно с данным типом домостроений.

Бараки, в зависимости от использованного на их возведение строительного материала, подразделялись на несколько разновидностей: а) соломитовые (камышитовые); б) дуковые⁷⁵; в) деревянные (дощатые, фанерные, щитовые); д) каменные и т.п.

Проекты барakov, относимые к категории «сборные домостроения», в канун и в начале первой пятилетки разрабатывались различными проектными, исследовательскими и иными организациями: Стандартдомом, Институтом норм и стандартов, Росстроем ВСНХ РСФСР, Стройсектором Госплана РСФСР и др.⁷⁶ Так, например, изданный в 1931 г. альбом «Сборные деревянные дома (конструкции)» содержит несколько проектов сборных барakov, рекомендованных к строительству в поселениях-новостройках. Проекты барakov для строительства в рабочих поселениях-новостройках первой пятилетки предлагал и альбом «Проекты рабочих жилищ» Цekomбанка⁷⁷.

В реальности основные объемы жилищного и культурно-бытового строительства в соцгородах возводились наркоматами, потому что именно через них государство осуществляло градостроительную политику — финансировало строительство и распределяло материальные ресурсы. Согласно статистическим данным по Челябинской области за 1930-е гг., основным застройщиком соцгородов выступал Народный комиссариат тяжелой промышленности (НКТП)⁷⁸, что соответствовало его роли главного исполнителя планов индустриализации. Как следствие, в любом строящемся советском моногороде, основная часть жилищного фонда находилась в руках градообразующего предприятия — в частности, в Магнитогорске в 1930-е гг. ММК владел 63,5% жилой площади, а еще 18% обладали другие заводы. Итого 81,5%⁷⁹.

Руководство наркоматов, осуществляя градостроительную политику в соцгородах, текущие решения принимало самостоятельно и подчас под действием обстоятельств не только, как описано выше изменяло положения программ проектирования о том, сколько возводить капитальных, а сколько временных сооружений, но и очень часто, сообразно сложившейся ситуации, самовольно и произвольно изменяло разработанные архитекторами проектно-планировочные решения. В итоге на практике строительство отдельных капитальных каменных зданий в период первой пятилетки осуществлялось лишь в крайне незначительном объеме и лишь в угоду официальной идеологии. Больше

Фанерный барак на 50 человек. Стандартдом. Союзлеспром. Не позднее 1931

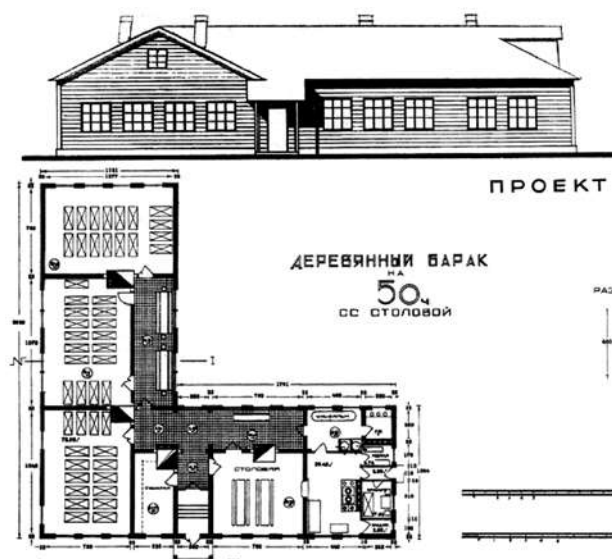
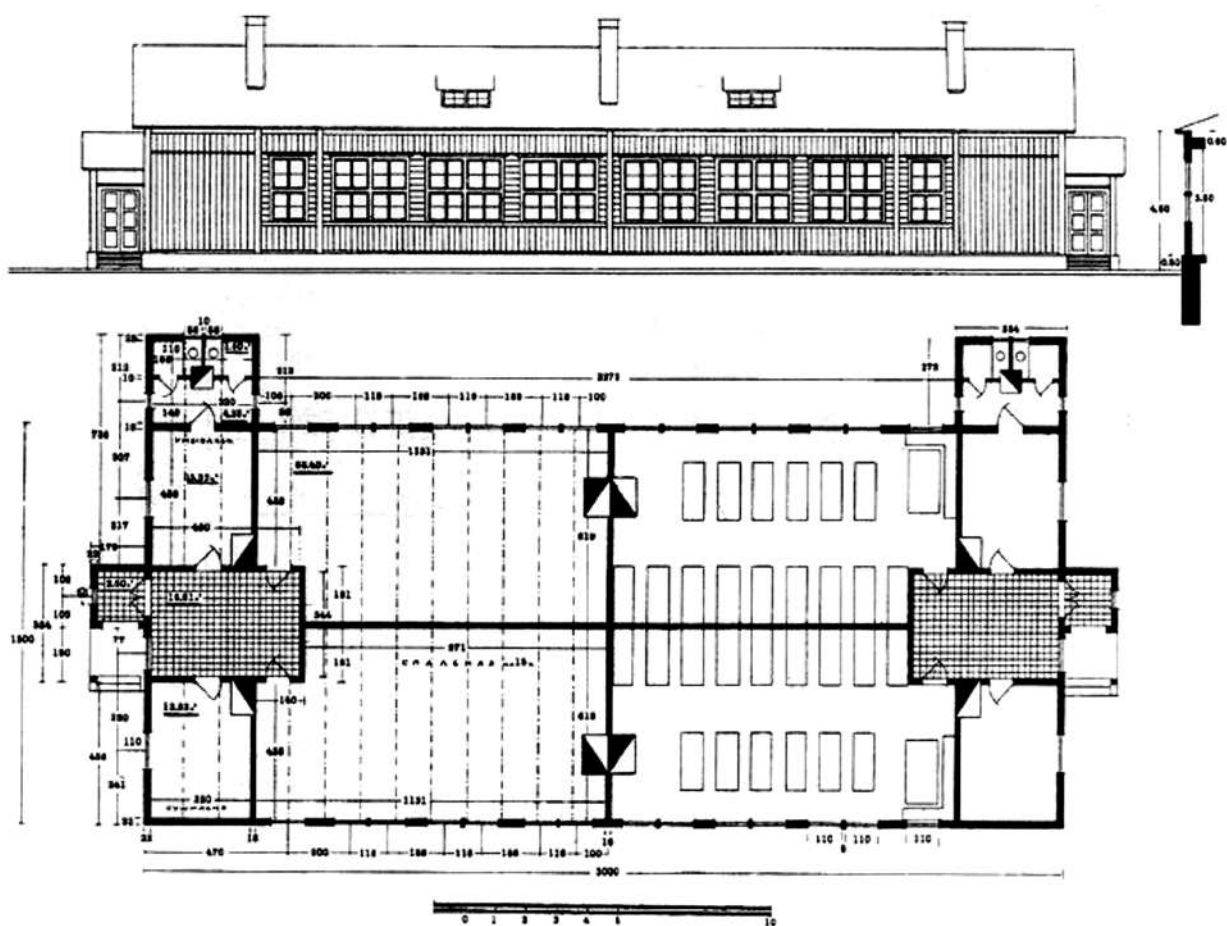
с целью создания «наглядных примеров» «образцово-показательного» социалистического строительства, нежели для реального разрешения жилищной нужды и создания комфортных условий обитания для основной массы населения.

Капитальные дома типов «ИНКО-А» и «ИН-В», спроектированные для соцгорода Магнитогорска, проектно предусматривали наличие кухонь, ванных и туалетов. В реальности же они сдавались в эксплуатацию без ванн, без унитазов, без кухонь и даже подчас без перегородок. В итоге барачный быт, при переселении обитателей временных палаток и барачных, перемещался в капитальные дома в практически неизменном виде: «Мрачные казарменные фасады зияли дырами незастекленных окон. Не были сделаны даже межкомнатные перегородки. Не было отопления — ждали прибытия радиаторов. Не было уборных... Воду приходилось носить на 3-й этаж вручную, протопить помещение оказывалось гораздо сложнее, чем даже в бараке, в результате чего в зимнее время температура в квартирах каменных домов соцгорода Магнитогорска опускалась до 30–36 градусов ниже нуля... Поднявшись по деревянной (своеобразное облегчение строительства) лестнице, люди попадали

в огромные залы, занимавшие целый этаж. Там они ставили свои топчаны, привезенные из барачных, складывали «буржуйки», выводили трубы в окно, и начинали жить...»⁸⁰. То же самое наблюдалось и в соцгороде Уралмашстроя.

Основной причиной незначительных объемов возведения капитальных зданий и отставания монтажа инженерного благоустройства являлась государственная промышленно-индустриальная политика, отдававшая в условиях мобилизационной экономики однозначный приоритет промышленному строительству. Именно эта политика предопределяла минимальный характер инвестиций в жилищное и культурно-бытовое строительство. Показательны цифры Магнитостроя, где гражданские затраты в сравнении с общими размерами капиталовложений в строительство Магнитогорского металлургического комбината составляли от 1,8% в 1930 г. до максимума — 15% в 1935 г. При этом скачок к 14–15% в 1934–1936 гг. был резким и непродолжительным. В основном вложения колебались в пределах 5–7%. Так, в 1931 г. инвестиции составили 4,5%; в 1932 г. — 5,3%; в 1933 г. — 8,9%; зато, потом, после 1936 г., произошло обвальное падение, вплоть до 1,1% в 1940 г.⁸¹

Проекты одноэтажных деревянных бараков (на 50 человек со столовой и 60 человек без столовой). 1929

Капитальный жилой фонд, в незначительных объемах присутствовавший в каждом соцгороде, не столько преследовал цель наделить основную массу населения комфортным жилищем, сколько исполнял поощрительно-пропагандистскую функцию — в него вселялись передовики производства, получавшие это право в награду за свой самоотверженный труд⁸².

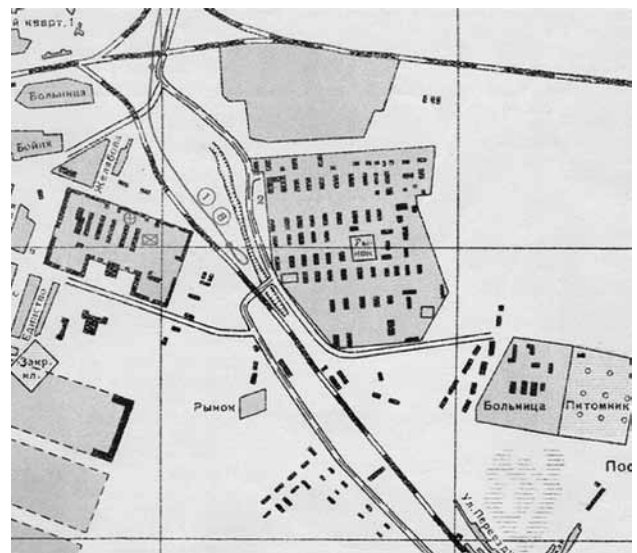
Капитальное строительство в соцгородах-новостройках кроме поощрительной функции решало задачу закрепления наиболее квалифицированной рабочей силы и одновременно являлось знаком социального положения его обладателей — символически фиксировало «статусное» структурирование как жилого фонда, так и территории поселения⁸³. В соцгородах в течение первых пятилеток оно было в большей степени исключением, нежели массовым типом жилой застройки, потому что государство с помощью своих карательных органов зорко следило за тем, чтобы руководство строек максимально сокращало «непроизводительные» затраты — направляло деньги, материальные и человеческие ресурсы на возведение производственных объектов, а не на строительство капитальных комфортных (но материалоемких и трудоемких) жилищ. А если кто-то из «красных директоров» неверно понимал установки партии и позволял себе первоочередное внимание направлять на строительство жилища, то его решительно «поправляли».

В этом отношении показательно письмо главы НКВД В.Р. Менжинского И.В. Сталину от 14 февраля 1931 г., в котором он высказывал свою обеспокоенность «чрезмерным» жилищным строительством, опережавшим строительство стратегически значимого Челябинского тракторно-танкового завода: «Строительство Челябтракторостроя находится сейчас в следующем состоянии: ведется широкое жилищное строительство совершенно не увязанное со сроками вступления завода в эксплуатацию, в то время как для строительства промышленных цехов произведены только подготовительные работы и ни один цех в течение года готов не будет...»⁸⁴. Прямым следствием обнаружения сотрудниками НКВД «враждебных» тенденций по опережающему строительству жилья стали аресты и расстрелы: «Кроме произведенных арестов из аппарата Управления строительством вычищено 40 чел. и приняты меры к удалению со строительства остального негодного элемента»⁸⁵. А косвенным следствием — ряд указаний ВСНХ СССР и ВАТО по сокращению «гражданских» затрат в 1931 г.

Результат подобной «политики экономии» тут же сказался на качестве жилищного строительства — по свидетельству Дж. Скотта — американца, приехавшего работать на Магнитострой, даже в капитальном квартале № 1 соцгорода Магнитогорска «...отсутствие различных строительных материалов имело самые абсурдные последствия... качество работ было очень плохим. Крыши, равно как и водопроводные трубы, текли. Фундаменты проседали, стены давали трещины»⁸⁶.

На начальном этапе индустриализации основную массу реальной жилой застройки соцгородов-новостроек составляли бараки. Именно бараки являлись основным, подлинно массовым типом жилищного строительства в соцгородах-новостройках. Так, например, в течение 1929 г. В Магнитогорске для размещения 6700 строителей⁸⁷ было возведено 52 барака (37 зимнего типа и 15 — летнего)⁸⁸. На 1 января 1931 г. было возведено 140 общих и 55 смешанных барачков. В 1931 г. было запланировано выстроить еще 221 общий барак. Подобное строительство велось и в Кузнецке, и в Челябинске, и в других соцгородах и соцпоселках. Например, в Нижний Тагиле на 1 мая 1933 г. из 51 268 кв. м возведенной жилплощади — 44 294 кв. м (86%) — это бараки.

Барачные поселки при заводах-новостройках составляли обособленную, планировочно выделенную группу (или несколько групп) регулярно расположенных жилых строений и объектов обслуживания (почта, клуб, столовая, магазин, баня и т.п.) — фактически «кварталы». Тем самым градостроительно воплощался трудовомобилизационный

Поселок первостроителей Челябинского ордена Трудового Красного Знамени Станкостроительного завода им. Серго Орджоникидзе. План. 1931–1932

принцип планировочного членения территории — бараки возводились дирекциями промышленных предприятий и компактно заселялись своими рабочими. Дирекция решала также вопросы бытового обслуживания, размещая в таких же бараках столовые, бани, клубы и т.п.

Барачные поселки крупных соцгородов-новостроек состояли из нескольких участков, имевших свои номера. Бараки также нумеровались и, как правило, располагались параллельно друг другу, на расстоянии 20–30–50 метров. «В пространстве между бараками часто устанавливались вспомогательные деревянные строения, которые назывались «будками». В них жители хранили дрова и уголь, позднее разводили птицу и даже коров... Барак представлял собой одноэтажное коридорного типа здание. Вход в барак осуществлялся с торца через пристроенные тамбуры. В некоторых бараках устраивались дополнительные входы в центральной части, при этом одна из комнат ликвидировалась. Туалеты в бараках отсутствовали: «туалеты с выгребными ямами размещались в дощатых побелённых строениях вне бараков, рядом с ящиками для мусора и отходов»⁸⁹.

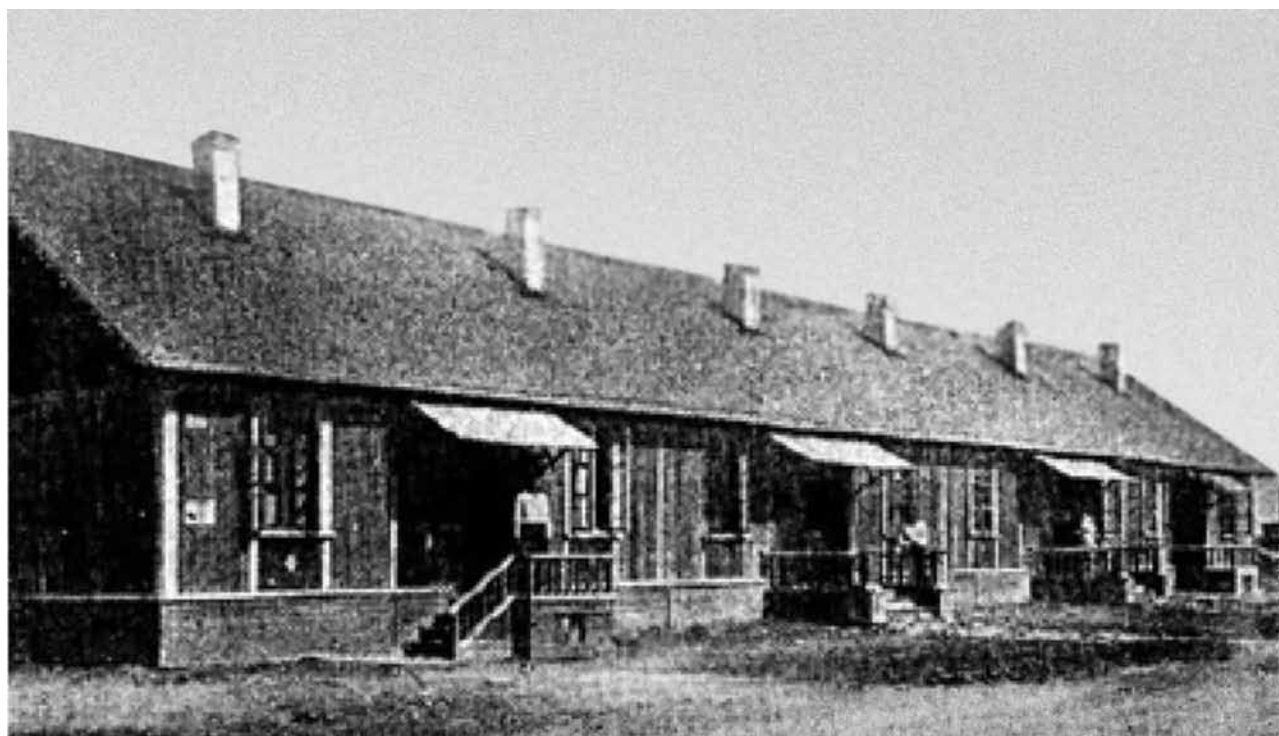
Труженики Магнитки и других соцгородов, которые создавали семью и демонстрировали положительные результаты в труде и активность в советско-партийной общественной деятельности, имели

шанс получить в так называемых «семейных» бараках, которые были аналогичной конструкции, что и для холостых рабочих, обособленное помещение, порой с отдельным входом. Эти изолированные помещения были площадью по 12–15 кв. м. В каждом семейном бараке было 30–36 таких комнат.

Семейные бараки, как и общежития для холостых и семейных, строились без кухонь. Питались рабочие в столовых, которые устраивались в таких же бараках. При входе в барак-столовую проверялись карточки, и каждому выдавалась деревянная ложка. Как правило, рабочие питались за длинными деревянными столами. За спинами обедающих стояли их товарищи, которые ожидали своей очереди.

Дома-коммуны мало чем отличались от бараков. И те, и другие были коридорной планировочной схемы. Различие заключалось лишь в степени капитальности и этажности — бараки были исключительно одноэтажными; дома-коммуны — двухэтажными.

Помимо типологии жилого фонда, указанной в сборнике «Магнитогорск в цифрах»⁹⁰, в соцгородах-новостройках в период 1929–1932 гг. присутствовал еще ряд типов «временных» домостроений, так же как и бараки, обойденный вниманием исследователей, изучавших градостроительную политику периода индустриализации. Это такие разновидности

Щитовой барак (*тип Щ-10*) — общежитие для семейных с отдельными входами в индивидуальные жилые помещения

Столовая на строительстве плотины № 1 в соцгороде Магнитогорске

жилища, как: балаганы, шатры, юрты, хижины, палатки, полуземлянки, землянки.

Так, например, в 1929 г. большая часть из 6 700 рабочих Магнитогорска не имела мест в бараках, они вынуждены были жить либо в палатках, либо в самостоятельно возведенных жилищах. Через год — осенью 1930 г. в Магнитогорске насчитывалось уже 19 тыс. рабочих⁹¹, но ситуация с обеспеченностью жилищем никак не улучшилась, а лишь обострилась. Не слишком изменилась она и в последующие годы — люди, лишенные какого бы то ни было жилья, были вынуждены мастерить его самостоятельно.

Балаганы и шатры возводились из подручного материала в качестве временных летних прибежищ, практически на всех стройках первой пятилетки. В юртах обитало кочевое население, принудительно перемещаемое на стройки пятилетки и принуждаемое к оседлой жизни. Так, например, в Магнитогорске в юртах обитали киргизы, которые были привезены как неквалифицированная рабочая сила для выполнения земляных, погрузочных и прочих работ. Нидерландский архитектор Й. Нигеман, работавший в Магнитогорске в составе группы Э. Мая в 1931–1936 гг., потрясенно писал о том, как эти «новые жители» соцгорода разбивали свои войлочные шатры — юрты непосредственно между многоэтажными каменными домами. Потому что никакого иного жилища им никто не предоставлял. Й. Нигеман поражался собственной наивности и неправильности своих представлений о тех, для кого он проектировал жилье⁹².

Палатки в историографии советской архитектуры обычно упоминаются лишь как кратковременное жилище. Но в действительности палаточный лагерь у горы Магнитной существовал в течение долгого времени, а не только в 1929 г., как об этом свидетельствуют некоторые источники, и не только в летние месяцы. Так, и в 1930-е гг. брезентовые палатки устанавливали на Магнитострое в летний период для обеспечения жильем вновь прибывающих рабочих, а потом утепляли их на зиму, так как другого жилища не было⁹³.

Архивные данные свидетельствуют о том, что получить палатки или выписать брезент для их изготовления было практически невозможно — военные ведомства, по линии снабжения которых он распределялся, не желали с ним расставаться. Начальник Магнитостроя Я.П. Шмидт неоднократно направлял запросы в Совет Труда и Оборона СССР с требованием обеспечить строительство необходимым для палаток брезентом ввиду того, что рабочим приходится ночевать под открытым небом из-за отсутствия помещений. Необходимо обеспечить 11 тыс. человек⁹⁴. Но Военно-морской наркомат постоянно отвечал, что не имеет возможности отпустить необходимое количество палаток⁹⁵.

Полуземлянки возводились, как правило, в местах, бедных лесом. Они имели две части: нижнюю часть (которая снаружи присыпалась грунтом и тем самым, оказываясь под землей, лучше сохраняла тепло) и верхнюю. Поверху на крыши укладывал-

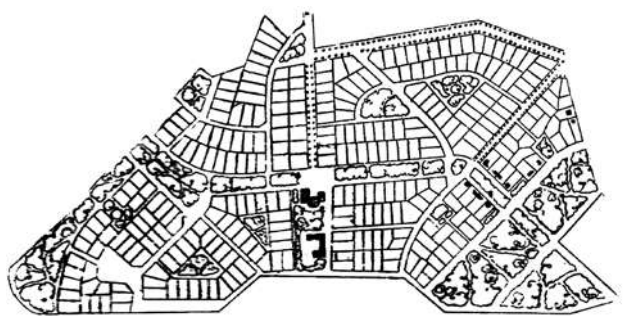

Балаганы. Жилой лагерь казахов — рабочих Орского Локомотивстроя. 1934

Магнитогорск. Юрта

Палаточный лагерь строителей Магнитогорского металлургического комбината. Фото. Начало 1930-х гг.

ся толь, затем шлак, на него слой мелко утрамбованной земли и дерн⁹⁶. Строились полуземлянки и в лесистой местности — надземная часть в этом случае, как правило, сколачивалась из досок и обкладывалась дерном.

Землянки, так же как и другие виды самостроя, являлись результатом попыток самостоятельного разрешения населением острой жилищной нужды. Они «представляли собой домик с засыпными стенами: с двух сторон доски, а между ними земля. Сверху был уложен дощатый настил, по доскам — толь, а сверху слой глины, на который ветром наносилась земляная пыль и росла летом трава».

Самострой в виде полуземлянок и землянок был неотъемлемым спутником всех соцгородов-новостроек. Так, по свидетельству Алексеева в период 1930–1931 гг. очень много его было и на строительстве соцгорода Бобрики. Последние из полуземлянок и землянок, как писала газета «Сталиногорский пролетарий», были снесены лишь в июне 1934 г.⁹⁷ Как минимум, до 1932 г. использовались они и для расселения рабочих Нижегородского автозавода⁹⁸.

В условиях централизованного выделения урезанных лимитов ассигнований на жилищное строительство и недостаточных объемов стройматериалов, в условиях катастрофического дефицита жилого фонда, руководство стройками было вынуждено, особенно на начальных этапах возведения любого поселения, направлять силы и средства на строительство барачков — упрощенного и потому дешевого якобы «временного» жилища. Результаты политики возведения «временного» жилища были весьма долгосрочными — именно бараки, а не капитальное жилище в условиях осуществления государственной жилищной политики по остаточному принципу на долгие годы, как показала история, стали основным видом жилой застройки в соцгородах-новостройках. Так, в Магнитогорске даже к 1959 г. «временные» сборно-щитовые и каркасно-засыпные бараки (в лево- и правобережной частях селитбы) составляли 262 тыс. кв. м или 14,7% всего жилого фонда.

В 1933–1934 гг. реалии «временного» строительства заставляли проектировщиков, не ориентируясь более на абстрактный идеал социалистического города, не только оставлять нетронутыми в перерабатываемых генпланах соцгородов участки территории, на которых размещались «барачные кварталы», но даже по требованию ведомств и местных властей разрабатывать проекты их благоустройства, что в еще большей степени продлевало жизнь этому «временному» фонду. Так, например, в генплане

Соцгород Уралмаш. Полуземлянки первых строителей

Соцгород Магнитогорск. Землянка

Орска 1934 г. (Горстройпроект, М. Стам, Г. Шмидт и др.) отмечалась необходимость считаться с тем, что временные поселки Орскокомотивстроя, за исключением летних барачков, будут амортизироваться в течение 15–20 лет и на это время с неизбежностью станут неотъемлемой частью соцгорода. Очередной проект соцгорода Нового Орска, как и генплан левобережного Магнитогорска (Стандартгорпроект, 1933, Э. Май и др.), предусматривал сохранение раскинувшегося прямо под стенами комбинатов огромного, многокилометрового массива «временной» барачной застройки.

Палатки, землянки, полуземлянки, шатры, балаганы, юрты, списанные железнодорожные вагоны и многие другие подобные разновидности жилья в официальных программах-заданиях на проектирование соцгородов не значились. Но именно они реально и в довольно значительных объемах возводились для расселения рабочих и служащих в соцгородах-новостройках. Они и составляли как бы «негласную», но фактическую сторону практики жилищного стро-

ительства первых пятилеток, основу реальной градостроительной политики этого периода.

Итак, реальная типология жилого фонда соцгородов-новостроек к концу 1930-х гг. представляла собой следующее: коттеджи обособленного поселка для высшего местного начальства и крупных специалистов (а также центральная гостиница) — 2%; трех-пятиэтажные дома (50 шт.) с покомнатно-посемейными коммуналками (по 3–4 человека в комнате с водопроводом, отоплением и электроплитами или без) — 15%; «временное жилье» (барачки) — 50%; землянки — 25%; самострой (хижины-«нахаловки») — 8%.

Эти данные — свидетельство работавшего в Магнитогорске американца Джона Скота⁹⁹. Его частные свидетельства подтверждаются официальными данными, представленными в докладной записке «О состоянии жилищно-коммунального фонда в г. Магнитогорске» Магнитогорским горкомом ВКП(б) Центральному Комитету ВКП(б) и Челябинскому областному комитету партии¹⁰⁰.

Представление о «социалистическом городе-мечте» как для основной массы населения новостроек первой пятилетки — вчерашних крестьян, так и для квалифицированных рабочих и специалистов, прибывавших на ударные стройки из существовавших городов, основывалось на впечатлении о красоте внешнего облика городской среды буржуазно-капиталистического российского города и о достойном семейном образе жизни, сформированном дореволюционным индивидуальным бытом. Оно не имело определенных форм и конкретных художественных выражений, но явно не должно было быть хуже, чем в капиталистическом городе. Однако впечатления населения и его художественные ожидания мало волновали власть. Рисунок планировки генплана, типология жилой застройки, наличие и конкретный состав учреждений обслуживания — спортивных, культурных, досуговых и проч., в конечном счете само качество городской среды в соцгородах-новостройках являлись прямой производной от государственной жилищной, градостроительной и расселенческой политики, никак не зависевших от пожеланий населения.

Градостроительная политика советского руководства не была направлена на формирование нормального качества среды обитания для основной массы людей, выбрасываемых коллективизацией на стройки пятилетки. Высшее советское руководство было озабочено разрешением только самых насущных проблем размещения и закрепления трудовых ресурсов на новостройках (и то в самом урезанном виде).

Предоставляемые населению соцгородов-новостроек условия повседневной жизни в рамках государственной градостроительной политики были сведены к минимуму. Например, провозглашенное требование обеспечения водой не предполагало оборудование жилья водопроводом — воду привозили водовозы, а в самом лучшем случае на улице устанавливались водоразборные колонки, воду из которых жильцам трех- четырехэтажных домов приходилось самостоятельно носить к себе наверх ведрами. Требование обеспечения условий для ежедневной личной гигиены не предусматривало устройства ваннных комнат — людям предлагалось мыться в общественных банях, попасть в которые было крайне непросто из-за их перегруженности. Задача обеспечения людей туалетами не предусматривала обязательного оборудования домов (не только бараков, но и деревянных двухэтажных и даже трехэтажных каменных) теплыми уборными — они устраивались в виде обогреваемых построек, отдельно стоящих во дворах между корпусами домов, — сколоченных из досок туалетов общего пользования на несколько посадочных мест. Требование обеспечения теплом не предполагало непрямого устройства центрального отопления — в общих бараках монтировались печи коллективного пользования для нагрева помещения и сушки белья, а в многоэтажных домах люди устанавливали в своих закутках собственную печку, выводя трубу в окно, и топили ее самостоятельно добытыми дровами. Необходимость обеспечения условий для питания не предусматривала устройства отдельных кухонь — приготовление пищи осуществлялось на примусах где-нибудь в уголке жилого пространства. Причем подобное происходило не

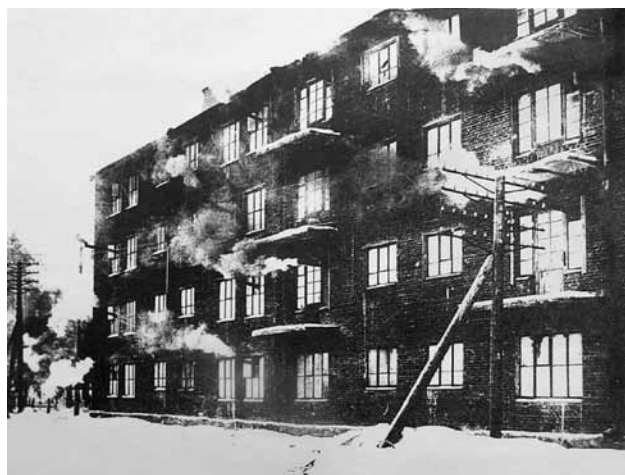
только в бараках, но и в каменных домах, где жилая комната с нишей для примуса являлась, как мы отмечали, одновременно комнатой для жилья — так называемой жилой кухней. Заметим, что подобное «изобретение» в советской практике проектирования городского жилья реализовывалось начиная уже с середины 1920-х гг.¹⁰¹

Жилье в программе индустриализации являлось весьма обременительной добавкой к возведению и функционированию заводов. Уровень его качества в рамках советской жилищной и градостроительной политики определялся не социальным (общественным) заказом, предъявляемым к жилью и среде обитания, а лимитами финансирования и материального снабжения, выделяемыми на гражданское строительство в рамках планово-распределительной экономики. Причем выделяемыми не только в течение первой пятилетки, а фактически, всего предвоенного периода, исключительно по остаточному принципу, так как приоритетным для власти, устремленной на ускоренное возведение военно-промышленной индустрии, являлось лишь промышленное, транспортное, энергетическое строительство, ресурсодобыча, ресурсопереработка. При таком подходе вопросы формирования благоприятной среды жизнедеятельности не просто отходили на второй план, а вообще не ставились, но только лишь идеологически провозглашались.

Планировочная организация и объемно-пространственная структура соцгорода

Специфика планировочной организации и объемно-пространственной структуры соцгорода в рамках советской градостроительной и расселенческой политики первых пятилеток определялась, с одной стороны, официальными нормативными и законодательными документами, с другой — спецификой государственного заказа и задаваемыми им функциями соцгородов в формируемой административно-территориальной производственной структуре и, с третьей — неофициальными (неписаными) принципами создания специфической планировочной структуры социалистического города как поселения нового типа.

Главной характеристикой соцгорода было то, что его планировочная структура всецело предопределялась трактовкой поселения как «промышленно-селитебного образования». Как следствие одной из главных планировочных задач в отношении соцгородов являлось согласование характера

Свердловск. Жилой дом Уралмашзавода.
Дымят трубы печек-буржуек, выведенных в окна коммунальных квартир. Фото. Начало 1930-х гг.

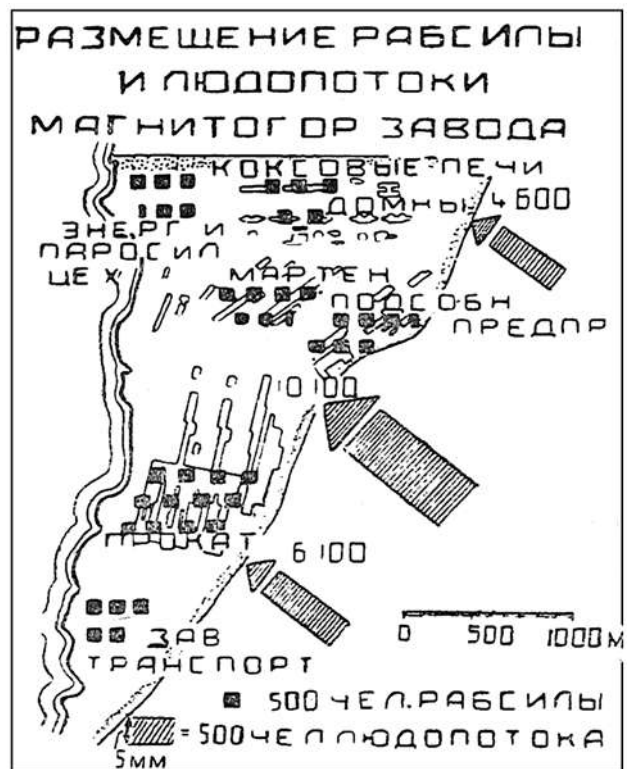
расположения и структурирования селитебной зоны по отношению к промышленной территории в композиционном отношении. На предыдущем этапе осуществления градостроительной политики при проектировании рабочих поселков в условиях относительно небольшой величины градообразующего предприятия и незначительном количестве потребной для него рабочей силы эта задача решалась достаточно просто — промышленный объект (электростанция, механические мастерские, текстильная фабрика и т.п.) располагался в центре поселения, выступая композиционным фокусом планировочной структуры¹⁰².

Первоначальные проекты соцгородов в планировочном отношении мало чем отличались от проектирования рабочих поселков. Изменения в принципах проектирования соцгородов возникли лишь в самом конце 1920-х — начале 1930-х гг. в связи с резким ростом мощности градообразующего промышленного объекта, а также с усложнением промышленной технологии, когда вместо одного завода стал складываться целый комплекс производств, технологически неразрывно связанных друг с другом, а индустриальная зона превратилась в сплошную многокилометровую промышленную полосу. Однако и в этом случае основополагающее требование композиционной ориентации селитьбы на градообразующее промышленное производство не только сохранялось неизменным, но и неукоснительно реализовывалось — индустриальная зона, для которой выделялись самые благоприятные участки территории, оставалась основным фокусом планировочной организации соцгорода в целом.

Именно зона размещения градообразующего промышленного предприятия задавала структуру и место расположения селитебной территории. Причем не только из-за идеологических соображений, но и потому, что в условиях отсутствия общественного транспорта проектировщики стремились разместить жилье в пределах пешеходной доступности до основного места работы. Размещение градообразующего предприятия предопределяло, во-первых, функциональное зонирование города; во-вторых, размещение городского центра (центров); в-третьих, систему организации движения транспорта и пешеходных путей (в зависимости от направления движения и интенсивности потоков рабочей силы), т.е. трассировку и иерархию магистралей и улиц, по которым ежедневно массы трудящихся должны двигаться на работу и обратно; в-четвертых, характер планировочной взаимосвязи с селитьбой посредством ее структурной ориента-

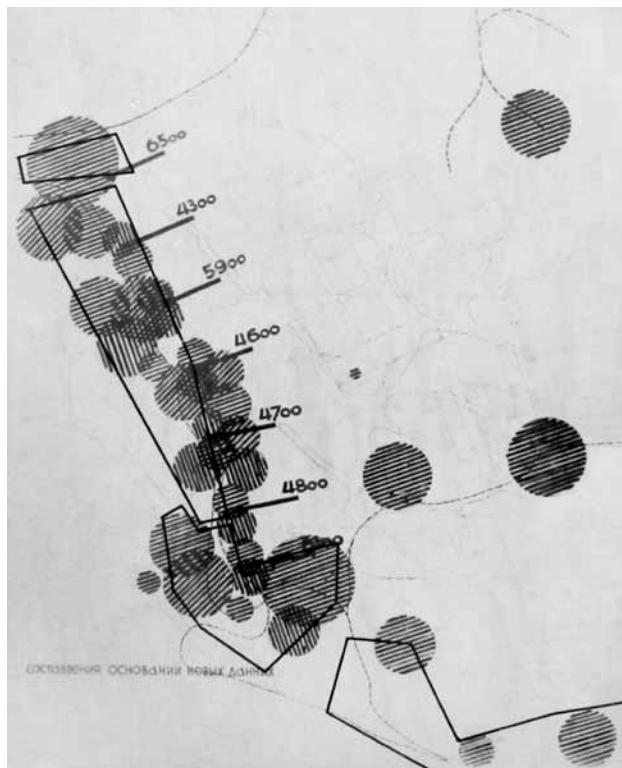
ции на предзаводскую площадь и проходные завода («точки» входа-въезда из селитебной зоны в промышленную). Расположение промышленной зоны предопределяло также и расположение зеленой зоны, потому что последняя, как правило, несла функцию отделения промышленности от селитьбы.

Социально-экономическая и организационно-управленческая обусловленность планировочной деятельности проявляла себя в том, что в городах-новостройках проектирование и строительство жилья (а также зданий системы обслуживания) было законодательно превращено в прерогативу ВСНХ и наркоматов, осуществляющих строительство градообразующих промышленных предприятий, т.е. включалось в производственно-финансовые планы промышленного строительства ВСНХ; проектировалось силами организаций, занимавшихся промышленным строительством; проходило экспертизу и утверждалось ВСНХ и т.д.¹⁰³ Как следствие соцгород и в теории, и в практике советского градостроительства был представлен не как «гражданское сообщество», а исключительно как поселение при промышленном производстве (все аграрные, аграрно-индустриальные и любые иные варианты «непромышленной» природы соцгорода в этот пе-

Соцгород Магнитогорск. Схема размещения рабочей силы и ежедневных «людопотоков» от мест жительства к местам труда. Проект

Соцгород Макеевка. Проектно-планировочные схемы, демонстрирующие, каким образом и какой «мощности» потоки рабочих и служащих ежедневно «стекаются» из селитебной зоны к проходным градообразующего промышленного предприятия

риод исключались). Он теоретически трактовался и практически воплощался как промышленно-селитебное образование («пролетарский центр»).

Часто территориальное соседство отдельных промышленных предприятий оказывалось вполне достаточным фактором, чтобы сумму отдельных поселков при них идеологически провозгласить «единым городом». В реальности же территориальная привязка соцгорода к промышленному предприятию для размещения потребного количества рабочей силы приводила вовсе не к возникновению целостного территориального образования, а к формированию россыпи отдельных поселений. И даже в тех случаях, когда заводы были связаны единым технологическим процессом и располагались на относительно небольшом расстоянии друг от друга, проектного объединения примыкавших к ним фрагментов селитьбы в единую планировочную структуру не происходило.

В определенной степени причиной подобного положения было то, что определение мест размещения поселков при промышленных предприятиях и их последующее проектирование велись раздробленно, различными проектными организациями¹⁰⁴. Так, например, к началу проектирования соц-

города Нового Орска только для локомотивостроительного и нефтеперегонного заводов были определены промышленные территории и места размещения поселений для работников этих предприятий. А остальные площадки — для никелевого, металлургического заводов и мясокомбината, а также места расположения селитьбы при них принимались в расчет лишь условно, поскольку не были к этому моменту окончательно установлены. Как следствие связи между поселениями при этих предприятиях, именовавшихся соцгородами, а также со старым Орском фактически никак не были разработаны планировочно, и уж тем более не были решены практически¹⁰⁵. Другой пример — на базе Каменского завода в Уральской области в начале 1930-х гг. был заложен Каменск-Синарский промышленный узел, включавший многочисленные рабочие поселки при градообразующих заводах — трубном, алюминиевом, металлургическом (Чкаловский), магниевом (Ленинский), железнодорожном узле (Октябрьский). В итоге сложилась рассредоточенная хаотичная планировочная структура, состоявшая из: а) исторически моноцентричного Каменского города-завода и б) протяженной 30-километровой зоны с примерно 20 поселениями, а также

в) территорий, занятых фрагментами лесов, садовыми участками, бывшими горными разработками и т.п.¹⁰⁶ В итоге стихийно сформировавшаяся планировочная структура уже не позволяла осуществить какие-либо мероприятия, способные обеспечить целостное градостроительное решение.

С аналогичной проблемой в рассматриваемый период сталкивались многие существовавшие города, в которых за пределами исторического ядра стихийно начинала формироваться полицентрическая хаотично рассредоточенная структура рабочих поселков-новостроек. Так, например, за годы первой и второй пятилеток на северной и восточной периферии Челябинска было заложено около 30 промышленных предприятий с сопутствующими рабочими поселками при них¹⁰⁷, превращая Челябинск в город-конгломерат.

Раздробленное расположение селитбы соцгородов-конгломератов являлось характерным признаком градостроительной и расселенческой политики первой половины 1930-х гг. Причем первоначально даже не возникало вопроса о необходимости пространственно-планировочного объединения этих поселений в «единый городской организм». То, что они располагались друг возле друга и были привязаны к единому технологическому производственному процессу, воспринималось как вполне достаточный фактор для того, чтобы считать их одним городом. Рост этих соцгородов предполагался в очень незначительных объемах, так как в условиях планово-регулируемой экономики их величина была всецело предопределена расчетной численностью трудовых ресурсов. Развитие же города в целом должно было осуществляться путем создания дополнительных городов-комбинатов на новых участках¹⁰⁸. Однако сразу стало понятно, что подобная

модель не отвечает главной задаче — формирование единого административного ядра хозяйственно-экономического района, так как лишает рассредоточенную планировочную структуру возможности формирования общего городского центра.

Эту планировочную проблему пытались решить за счет проектирования объемлющих («больших») городских систем — Большого Свердловска, Большого Челябинска, Большой Перми, Большого Запорожья, Большого Харькова и т.п. В основу объединения рассредоточенных соцпоселений, привязанных к породившим их градообразующим предприятиям и поэтому существующих отдельно друг от друга (хотя и в составе общих административно-территориальных границ), была положена идея объединения их единой системой транспорта, общими зелеными и рекреационными зонами и, что самое важ-

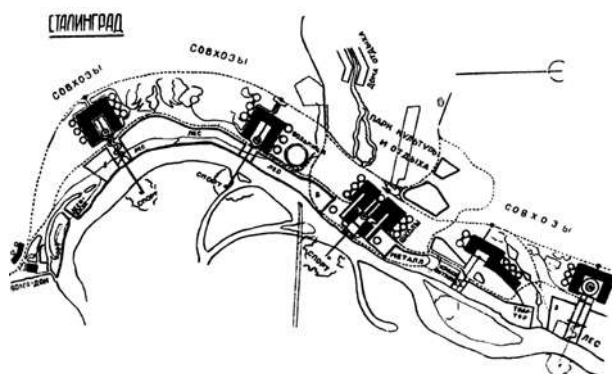
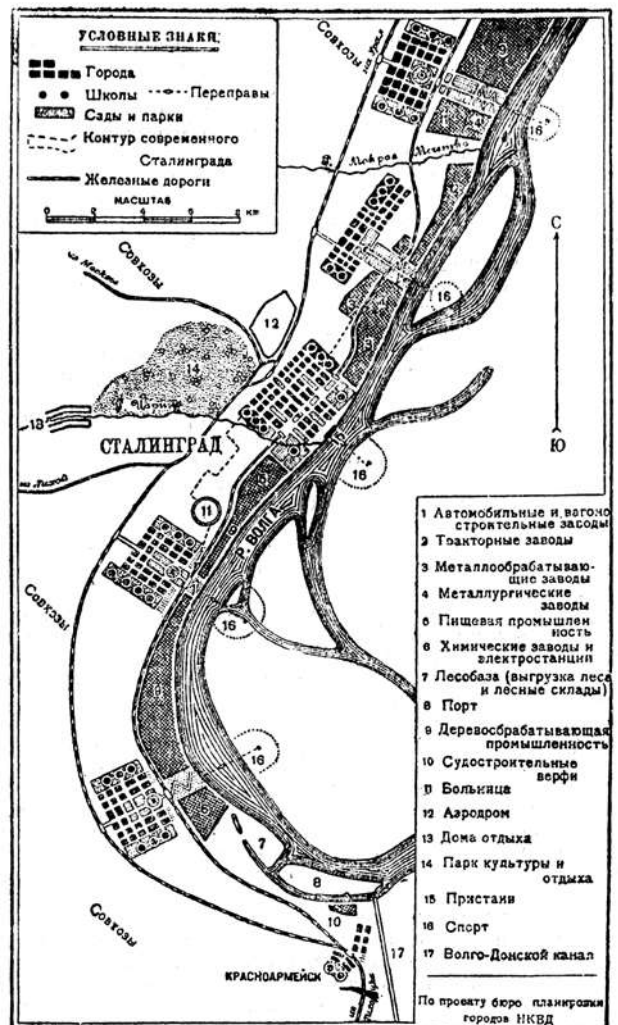

Схема размещения промышленных предприятий и соцгородов в Сталинградском промышленном районе. Первоначальный вариант. Арх. В.Н. Семенов, В.С. Попов, Д.М. Соболев и др. 1930

Сталинградский промышленный район. Схема размещения промышленных предприятий и соцгородов. Первоначальный вариант. Арх. В.Н. Семенов, В.С. Попов, Д.М. Соболев и др. 1930

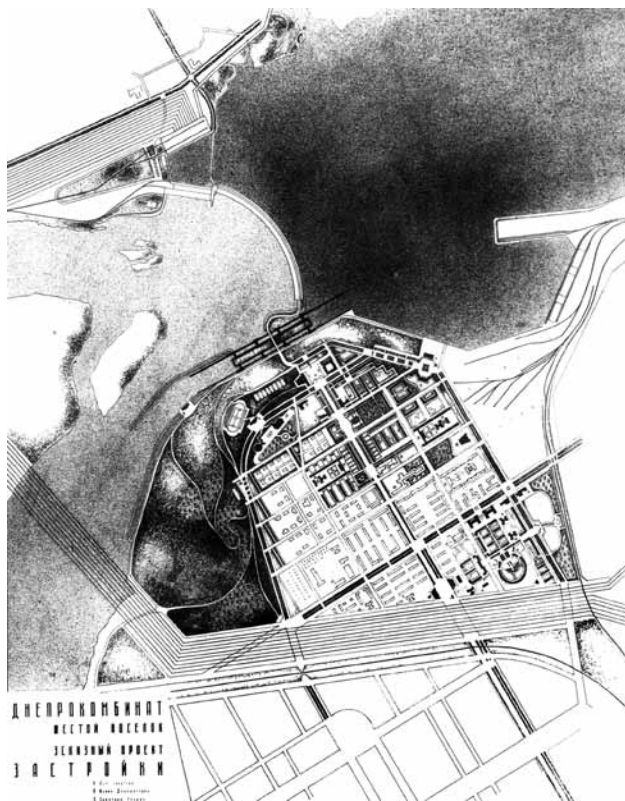
ное, общим административно-культурным центром. Так, схема подобного объединения была положена в основу проекта «Большого Сталинграда» (В.Н. Семенов, В.С. Попов, Д.М. Соболев; 1931), состоявшего из пяти обособленных соцгородов с населением 50 тыс. человек каждый, расположенных около пяти основных промышленных предприятий: 1) Металлогорода (район заводов «Красный Октябрь», «Баррикады» и тракторного завода); 2) Центрогорода (административно-политическое ядро); 3) Лесогорода (район лесоперерабатывающей промышленности); 4) Энергогорода (СталГРЭС) и 5) Города транспортников (район судостроения).

Другой пример — соцгород Большое Запорожье, который, также «в силу децентрализованного размещения промышленных площадок и основных пунктов трудового тяготения населения и из-за топографических условий местности, разделенной Днепром и балками на ряд возвышенностей... не представлял собой единого массива»¹⁰⁹. По замыслу проектировщиков (арх. И.И. Малоземов, П.П. Хаустов, В.С. Андреев, А.М. Касьянов, С.М. Клевицкий, В.М. Орехов, Б.И. Приймак; экономист Г.В. Шелейховский; Гипроград УССР, 1932 г.) соцгород Большое Запорожье должен был состоять из семи соцпоселков-районов: 1) старый город;

2) Вознесенка; 3) 3-й район; 4) Павло-Кичкас; 5) Кичкас; 6) о. Хортица; 7) Бабурка, с численностью населения каждого из них — от 50 до 180 тыс. человек. Районы растянулись вдоль береговой линии Днепра на протяжении 22 километров¹¹⁰.

«Большой Свердловск» представлялся в виде «города-комбината», состоявшего из ряда отдельных комплексов. Исторический центр существовавшего города наделялся общегородскими функциями (в том числе и административными) и в этом смысле обретал значение связующего элемента формирующейся планировочной структуры. Была предусмотрена организация 12 комплексов, крупнейшие из которых: 1) Центральный, включавший старый Свердловск и район Верх-Исетского завода, с 405 тыс. жителей; 2) комплекс Экскаваторостроя и Уралмашстроя, с населением 195 тыс. человек; 3) район Электромашиностроительного комбината, с населением 140–150 тыс. жителей; 4) группа медных заводов, завод тяжелого станкостроения и кабельный, жилой район при них с населением 70 тыс. жителей и др. В «городе-комбинате» увеличение общей численности населения к концу расчетного периода предполагалось до 1 200 тыс. человек¹¹¹.

Схема перепланировки Большого Харькова (рук. инж. А.А. Мейн. Планировочное бюро при горисполкоме; 1929–1930 гг.) предполагала, что «Большой Харьков будет... представлять из себя ряд отдельных поселений, связанных между собой экономическими и культурными интересами и тяготеющих к центру (старому городу), причем функциональное назначение каждого поселения должно быть ясно выражено»¹¹². В 1931–1934 гг. был разработан генплан реконструкции Харькова (экон. А.Л. Эйнгорн, арх. А.М. Касьянов, экон. Г.В. Шелейховский и др. Гипроград УССР), в котором вновь предлагалось децентрическое развитие города. Харьков представлялся в виде «города-созвездия», состоявшего

Соцгород Запорожье. 6-й поселок. Эскизный проект планировки. 1932–1940

Соцгород Запорожье. 6-й поселок. Проект застройки. 1932–1940

из пяти крупных жилых массивов: 1) Центрального; 2) Салтовского; 3) Лосево-Основьянского; 4) Красно-Баварского и 5) Холодногорского. Массивы селитбы были разделены зелеными клиньями, но, несмотря на свою фактическую раздробленность, об-
 являлись как объединяющие город воедино¹¹³.

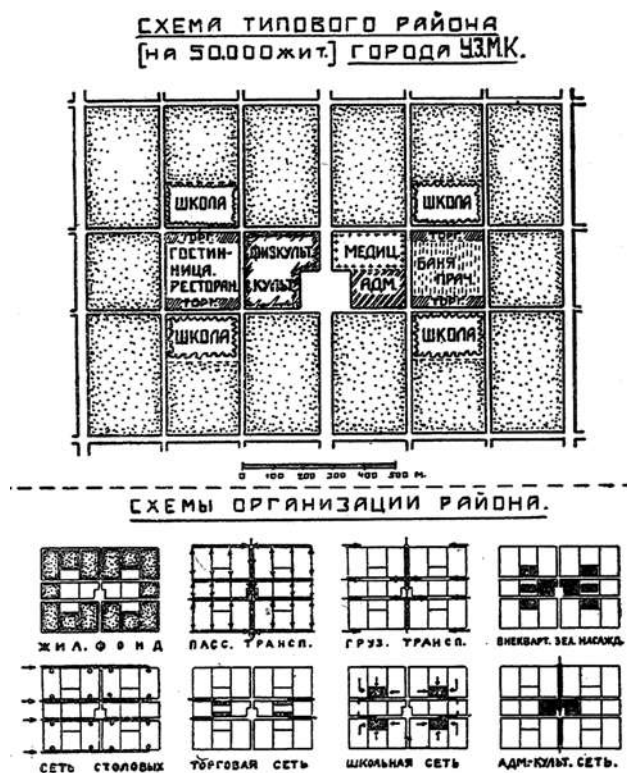
Начиная уже с 1930 г. советское градостроительство повсеместно переключилось на возведе-
 ние соцгородов с расчетной численностью 80–120 тыс. человек, и стало решать планировочные зада-
 чи, основываясь на нормативном определении чис-
 ленности населения соцгорода и занимаемой им
 территории, а также законодательно-нормативном
 членении территории соцгорода на иерархически
 соподчиненные планировочные единицы.

В конце 1920-х гг. идея воплотилась в членении
 селитбы соцгородов в виде двухуровневой плани-
 ровочной структуры (подобной иерархическому
 членению селитбы советских рабочих поселков):
 жилой дом — квартал. На следующем этапе осу-
 ществления градостроительной политики (1929–
 1930 гг.) первичный элемент городской ткани — жи-

лой дом был ненадолго заменен проектной доктри-
 ной дома-коммуны (жилкоммуны, жилкомбината).
 А на этапе реализации градостроительной полити-
 ки (первая половина 1930-х гг.) этот концептуаль-
 ный постулат получил непосредственное отраже-
 ние в возникновении и нормативном закреплении
 иерархического планировочного структурирования
 селитбы уже на три уровня: жилой дом — жилой
 квартал — жилой район (крупное планировочное
 объединение нескольких кварталов в единое це-
 лое). После чего структурное членение селитбы на
 кварталы и районы оставалось неизменным на всем
 протяжении длительного периода.

Следует специально подчеркнуть, что «квартал»,
 как основная градостроительная единица членения
 жилой застройки, упоминался в специальной ли-
 тературе и раньше — с начала 1920-х гг. Но не как
 планировочный элемент, объединявший население
 в трудобывовые коллективы, а как территория, на-
 меченная к застройке, — «строительный квартал».
 А вот в середине 1920-х гг., в разработанных ГУКХ
 НКВД и законодательно одобренных (14 марта
 1925 г.) в качестве предварительного проекта «Пра-
 вилах распланирования и застройки городов»¹¹⁴
 квартал уже однозначно фигурировал в роли плани-
 ровочной единицы. Точно таким же образом он был
 представлен и во «Временных строительных прави-
 лах и нормах для постройки жилых домов в поселе-
 ках»¹¹⁵, принятых СТО в конце июля 1926 г. Здесь же
 содержалось указание на предназначение квартала
 как структурной единицы организации селитебной
 территории, предопределявшей процентное со-
 отношение (баланс) ее частей: а) жилые кварталы
 занимали 60–70% территории; б) улицы, площади
 и проч. — 15–25%; в) территории зданий обществен-
 ного пользования — 5–10%; г) сады, парки, бульва-
 ры, зеленые насаждения общественного пользова-
 ния — не менее 10%¹¹⁶. Задавались также и пределы
 величины квартала — не более 25 тыс. кв. м (2,5 га)¹¹⁷.

Нормы однозначно фиксировали также и ком-
 позиционно-компоновочную схему организации
 квартала: «В каждом квартале застройке подлежит
 только прилегающая к внешнему обводу его полоса,
 шириной не более 40 метров; остающаяся внутри
 квартала часть соединяется с улицей дорогой обще-
 ственного пользования и отводится под зеленые на-
 саждения, площадки для игр и спорта, газоны, сады...
 или под застройку зданий коллективного пользова-
 ния населением квартала... Очертания кварталов...
 должны быть по возможности прямоугольными»¹¹⁸.
 Заметим, что данные нормы, разработанные в духе
 представлений о рабочем поселке, допускавшем ве-

Схема типового района соцгорода УЭМК.

*Схемы размещения и организации: жилого фонда,
 пассажирского транспорта, грузового транспорта,
 внеквартальных зеленых насаждений,
 сети общественного питания (столовых),
 торговой сети, школьной сети,
 административно-культурной сети*

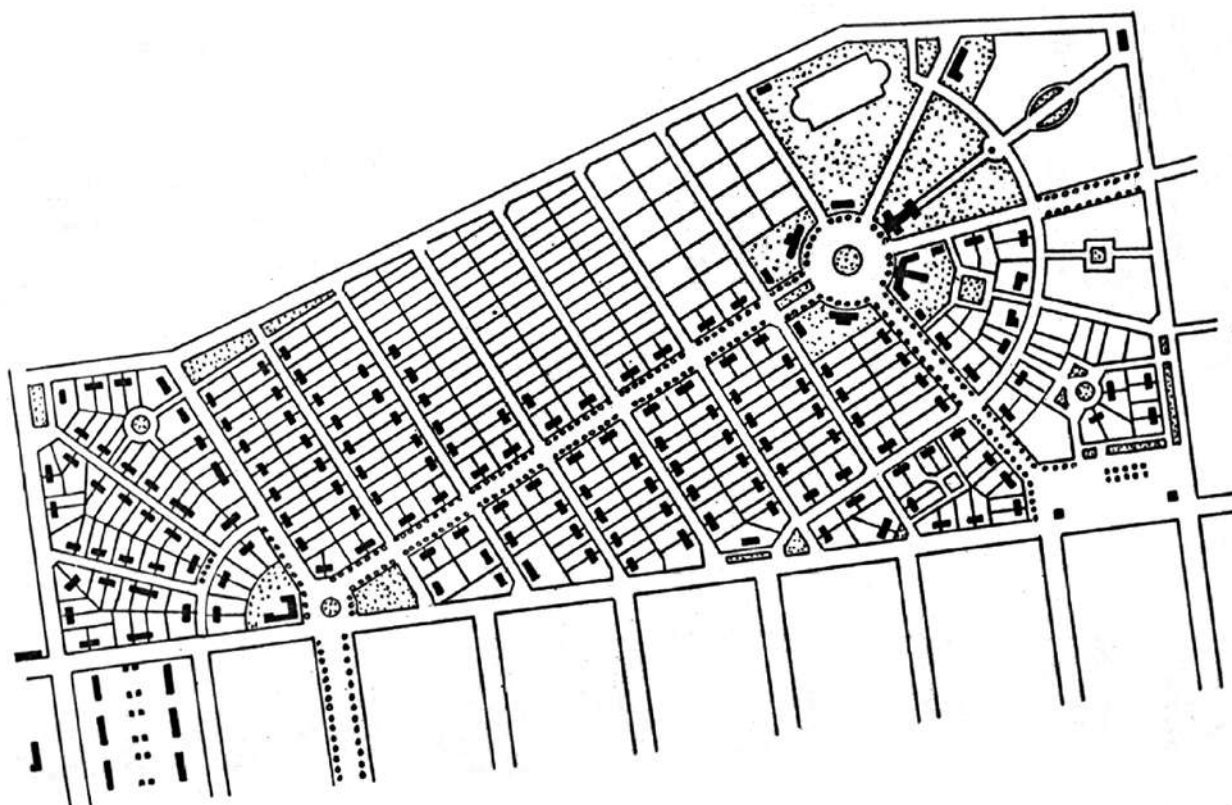
дение садово-огородного хозяйства, предусматривали возможность использования внутриквартальной территории под устройство огородов¹¹⁹.

Квартал, как основная планировочная единица соцпоселения, был вновь закреплён ЭКОСО РСФСР в конце 1927 г. — постановление от 31 декабря «Об утверждении строительных правил и норм для постройки жилых домов в поселках на территории РСФСР»¹²⁰ предписывало отводить под жилые кварталы 50–70% городской территории¹²¹. Остальная территория распределялась точно так же, как и во «Временных строительных правилах и нормах для постройки жилых домов в поселках» (1926 г.)¹²². Постановление ЭКОСО устанавливало два типа кварталов: а) коммунально-коллективной застройки и б) индивидуальной застройки: «кварталы могут быть застраиваемы по двум типам планировки: первый тип — коллективной застройки, рассматривающий весь квартал как слитную нераздельную усадьбу; второй тип — индивидуальной застройки с разделением на отдельные участки с индивидуальным хозяйством (для такого типа в поселках выделяются особые кварталы)»¹²³.

Инструкция НКВД № 184 от 28 мая 1928 г. (так же как и постановление ЭКОСО) предписывала изображать в детальном проекте планировки «ге-

неральные планы коллективной застройки кварталов»¹²⁴. Она также отражала очень популярную в то время тенденцию к обобществлению быта. И допускала наличие еще не запрещенной к этому времени индивидуальной застройки — предписывала предусматривать в проектах детальной планировки «строительные участки частного пользования»¹²⁵. Законодательный отказ от индивидуальной застройки свершится через год, принятием 8 апреля 1929 г. постановления ЭКОСО РСФСР «Правила и нормы застройки населенных мест, проектирования и возведения зданий и сооружений»¹²⁶.

8 февраля 1929 г. вышло постановление СНК РСФСР «О мероприятиях по улучшению и удешевлению строительства, развертыванию промышленности строительных материалов и мероприятиях по урегулированию рынка строительных материалов и рынка труда в 1928–1929 г.». Исполняя это постановление, Строительная комиссия РСФСР разработала «Временные нормы и правила проектирования и возведения зданий и сооружений», состоящие из пяти инструкций¹²⁷. Одна из этих инструкций, под названием: «О конкретных мероприятиях по снижению стоимости строительства путем рационализации проектирования, применения облегченных конструкций, уменьшения норм нагрузок

Проект поселка для рабочих Краматорского металлургического и машиностроительного заводов

и запасов прочности»¹²⁸, вновь законодательно фиксировала «квартал» как основную планировочную единицу. Инструкция предписывала осуществлять, по возможности, «равномерную застройку всего периметра квартала», обеспечивать прямоугольные очертания его формы, сокращать разрывы между отдельными зданиями до минимальных пределов, допускаемых существовавшими строительными правилами, «распределять застраиваемую площадь в тех же отношениях, что и в ранее принятых нормативных документах: «а) под улицы и площади — не свыше 15–20%; б) под общественные здания — не свыше 5%; под зеленые насаждения — не свыше 10–15%; под жилые кварталы не меньше 65%»¹²⁹.

Вышедшее через год (12 января 1930 г.) постановление ЭКОСО «Правила и нормы застройки населенных мест, проектирования и возведения зданий и сооружений» нормативно подтверждало статус квартала как основной структурной единицы планировки населенного пункта. Причем, квартал трактовался уже не только как планировочная, но и как функциональная единица. Предписывалось «специализировать кварталы по своему назначе-

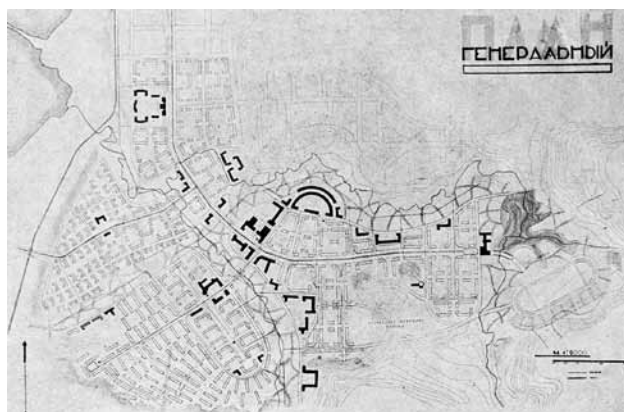
нию (например, жилой квартал, школьный квартал, больничный, торговый, административный, квартал культурно-просветительных учреждений, квартал-парк и т.д.)». К каждому из них предъявлялись свои требования. В частности, в жилых кварталах «не допускалась постройка промышленных предприятий»¹³⁰. Устанавливалась средняя плотность населения — во вновь устраиваемых кварталах она должна была быть от 200 до 300 человек на гектар. Лимитировалась длина стороны квартала — она не должна была превышать 400 м. Как следствие, максимальная площадь квартала определялась в 1,5–2 га¹³¹.

Практическая проектная апробация нормативных предписаний, осуществленная в стенах проектных институтов (Гипрогор; Стандартгорпроект-Горстройпроект и др.) в 1930–1932 гг., привела к выработке типовых схем планировки кварталов и районов соцгородов. Компоновочные схемы кварталов, как правило, были равными или близкими по величине и, следовательно, по численности проживавшего в них населения, а также по балансу территории и составу объектов обслуживания. Кварта-

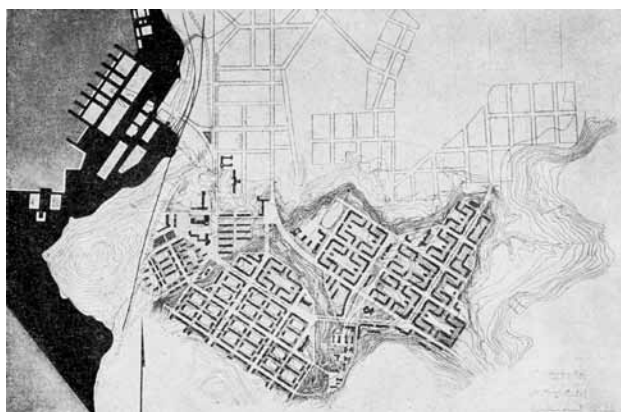

Новый Мурманск. Конкурсный проект. Арх. Е.А. Левинсон, А.М. Соколов, Первая премия, принят к исполнению. 1929

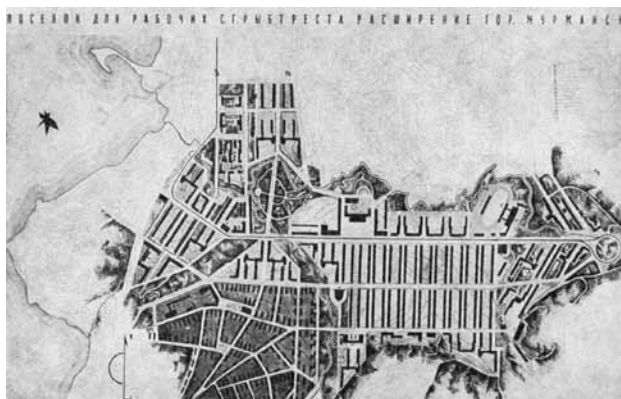
Новый Мурманск. Конкурсный проект.
 Арх. С.Е. Бровцев, при участии В.И. Серикова,
 Н.К. Данини, А.М. Соколов. Вторая премия. 1929

Новый Мурманск. Конкурсный проект.
 Арх. Е.А. Левинсон, А.М. Соколов, В.Ф. Твелькмейер.
 Пятая премия. 1929

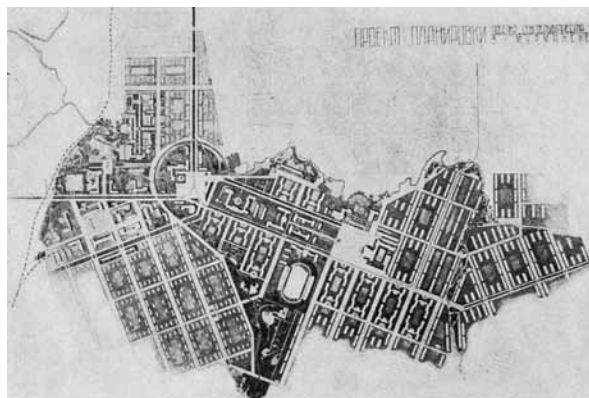
Рабочий городок Новый Мурманск.
 Генплан. Арх. А.М. Соколов, В.Ф. Твелькмейер. 1932

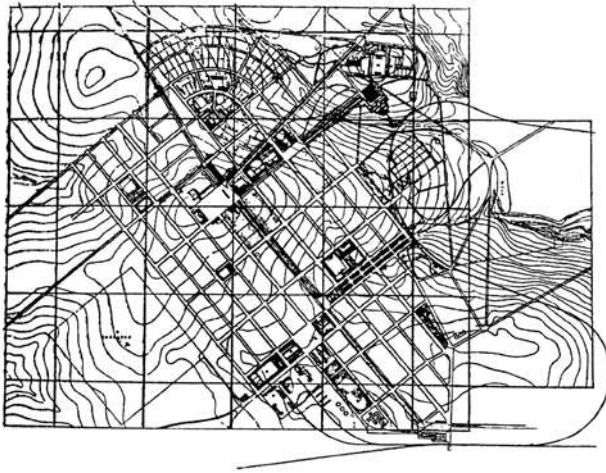
Новый Мурманск. Конкурсный проект.
 Арх. А.А. Юнгер, Г.С. Райц, П.И. Ротштейн,
 А.К. Барутчев. Пятая премия. 1929

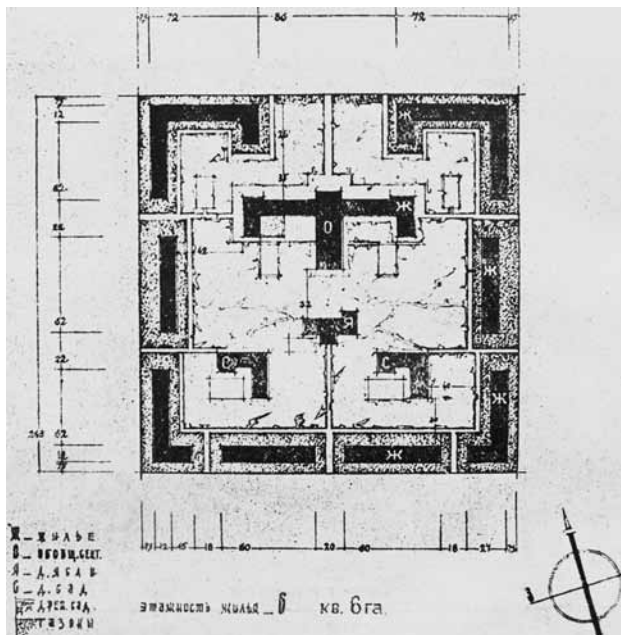
Новый Мурманск. Конкурсный проект.
 Арх. В.О. Муни, В.Н. Пяковский, Я.О. Свирский, при
 участии В.А. Жуковской, С.С. Пяковской.
 Четвертая премия. 1929

Новый Мурманск. Конкурсный проект.
 Арх. Г.К. Яковлев, М.А. Мадаров. Третья премия. 1929

Рабочий поселок Москвуголь в районе рудника им. А. Рыкова (близ станции Бобрин-Донской Рязанско-Уральской железной дороги). Конкурсный проект. Генплан. Арх. А.Э. Зильберт, Л.З. Чериковер ориентировочно 1929

Планировка квартала. Застройка 6-этажными каменными домами по периметру квартала

лы имели внутреннюю зеленую зону, где располагались здания общественного обслуживания, вместимость («мощность») которых была соотнесена с количеством жителей, проживавших в квартале, а друг от друга отделялись зелеными «коридорами», обрамлявшими улицы и проезды.

Состав объектов «первичного» (так называемого низового¹³²) обслуживания, размещавшихся в кварталах, был одинаков для всех соцгородов-новостро-

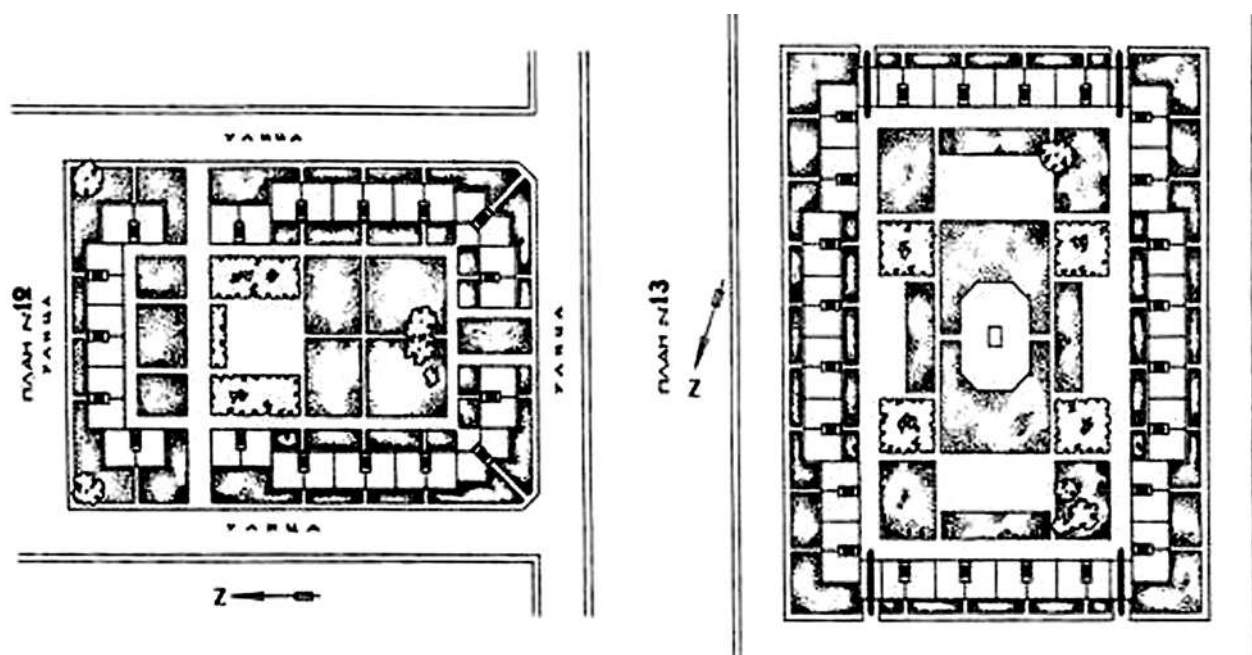
ек: а) детские сады; б) детские ясли; в) медпункт; г) столовая; д) парикмахерская; е) киоски (газетный, папиросный, водочный)¹³³ и так называемый примитивный клуб. Вместе с продовольственным магазином-распределителем они составляли именно тот набор объектов культурно-бытового обслуживания, который предписывался нормативами. Здесь же располагались объекты, фактически предопределявшие общую расчетную численность населения квартала. Таковыми являлись школы, вместимость которых соответствовала количеству школьников, проживавших на территории квартала. Функционально неразрывно был связан со школами еще один тип зданий — детские сады, количество мест в которых являлось статистической производной от количества школьников. Главным условием компоновки жилого квартала было требование — дети, идущие в детские сады и школу, не должны переходить дорогу¹³⁴. В свою очередь, численность школьников предопределяла общее расчетное количество жителей квартала, вычисляемое через коэффициент семейности. Как следствие через нормативный показатель плотности заселения на гектар устанавливалась конкретная площадь и габариты квартала в целом.

В селитебной единице более высокого иерархического уровня — жилом районе, состоявшем из четырех кварталов, также в строгом соответствии с существовавшими нормативными показателями обслуживания, располагались объекты, рассчитанные уже на значительно большее суммарное количество населения, такие, как милиция, народный суд, пожарное депо, промтоварный магазин (универмаг), гастроном, аптека, банно-прачечный комбинат (самодеятельная прачечная), почта (дом связи), мастерская, гараж¹³⁵, дворец культуры (называемый полноценным клубом) со стадионом, иногда, больница¹³⁶.

Схемы планировок соцгородов, составленные из таких «заготовок» — стандартных планировочных блоков, изображавшихся прямоугольниками-«пустышками» (т.е. без врисовывания в них какой-либо планировочной «начинки»), не только давали широкие возможности для проектной комбинаторики, но и резко ускоряли процесс планировочных поисков, так как позволяли легко перемещать неизменные по размеру и площади прямоугольники кварталов на другие места, пробуя все новые и новые варианты их компоновки в целое или прирезая новые куски территории в целях расширения площади застройки по мере роста расчетной численности населения города.

Следует заметить, что против такого подхода — «привязки» планировочных заготовок к месту, до-

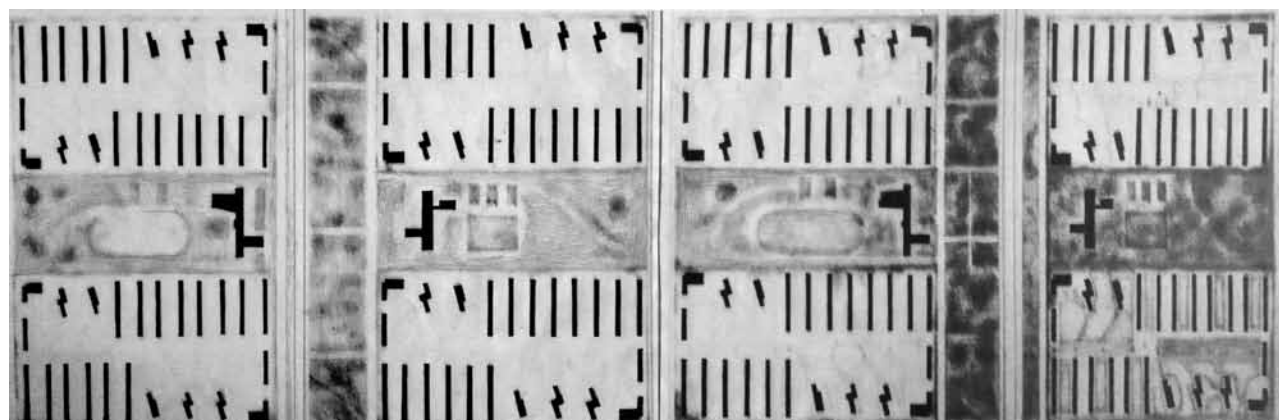

Примеры застройки земельных участков и планировки самостоятельных кварталов, рекомендуемые к применению в застройке в 1930 г. Проекты. Цекомбанк. 1928–1929

вольно активно возражали некоторые архитекторы. И в том числе очень авторитетные. Они были категорически против замены архитектурного «творчества» проектным «производством». Призывали к необходимости создавать эстетически привлекательный вид, выразительную «планировочную форму», запоминающийся, яркий художественный образ, а не только лишь воплощать нормативные требования. В частности, на объединенном заседании технических советов ГУКХ, Союзстроя ВСНХ СССР и Оценочного комитета Цекомбанка по рассмотрению проектов планировки и строительства г. Новокузнецка, состоявшемся 25 марта 1931 г., с резкой критикой подобного проектного метода выступил А.В. Шусев¹³⁷. Он указывал на то, что «с ар-

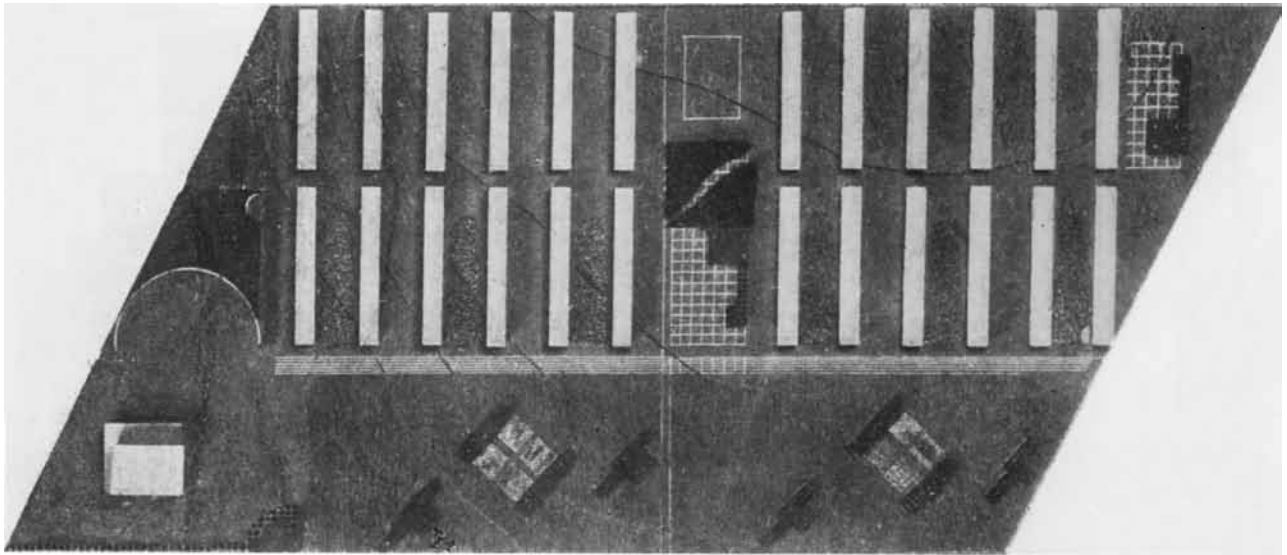
хитектурной точки зрения... предлагаемая схема не дает физиономии города»¹³⁸.

Однако государственным и республиканским проектным институтам (Гипрогор, Гипроград (УССР), Стандартгорпроект–Горстройпроект и др.), воплощавшим общегосударственную градостроительную политику в повседневной (эпизодически – конкурсной) проектной практике, ничего иного не оставалось, как двигаться в сторону подобной рационализации проектного подхода. Для них она имела прямой практический смысл и экономический эффект, так как необходимость ускорения сроков проектирования и требование свыше об оптимизации проектных решений «не оставляли, никаких иных возможностей, как идти по пути...

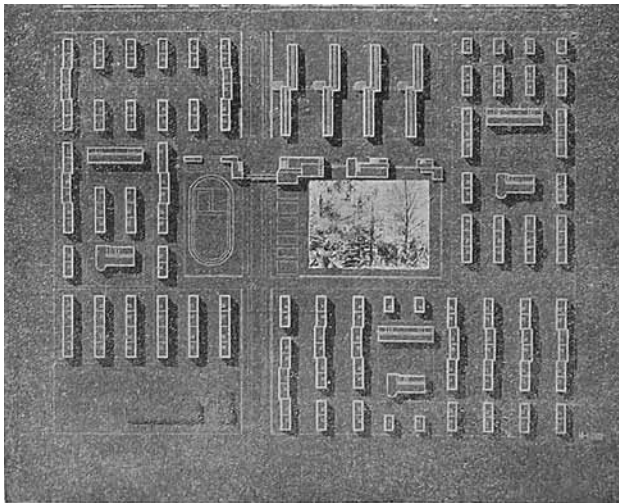

Типовые кварталы. Гипрогор. 1931.

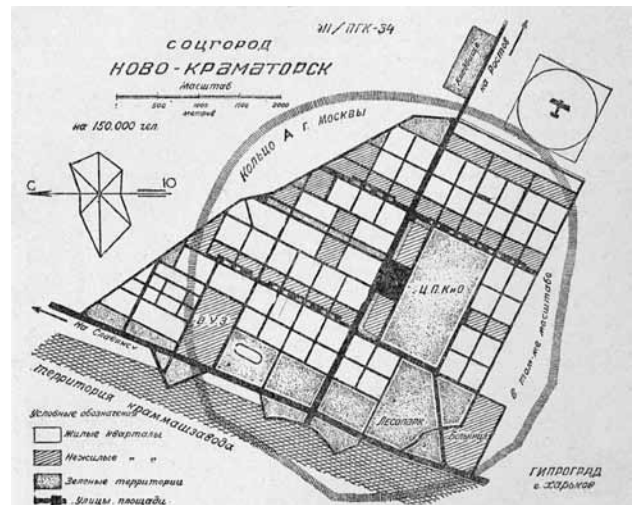

Сталинград. Типовые кварталы. Гипрогор. Ориентировочно 1932

Типовой жилой квартал деревянной застройки
Плотность 200 человек на га

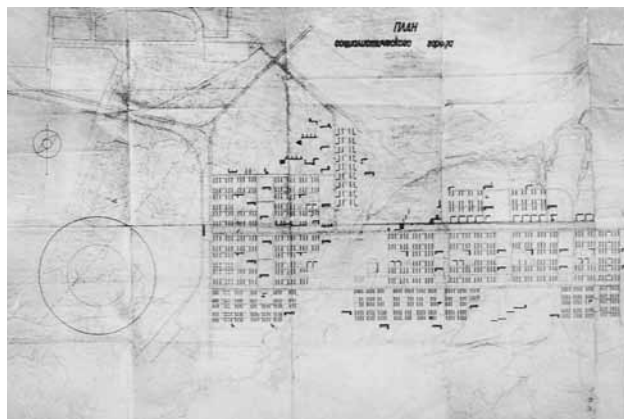

Соцгород Ново-Краматорск. Проект. Гипроград (УССР, г. Харьков)

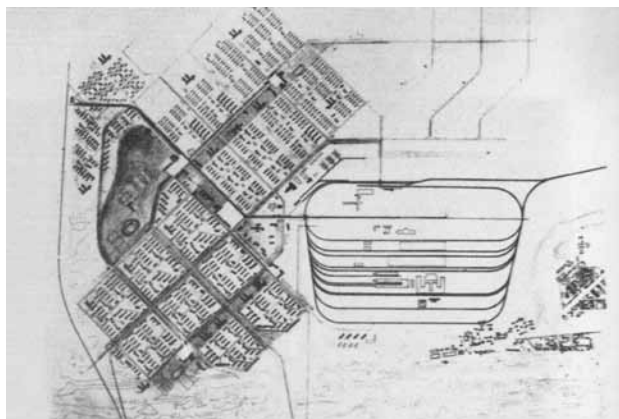
типизации, стандартизации и нормализации...»¹³⁹. Хотя, безусловно, имели место попытки отдельных архитекторов отходить от прямоугольных схем планировки и строчной расстановки домов, как в ходе разработки типовых схем, так и в процессе привязки их к конкретному месту строительства.

На планировочную организацию соцгородов кардинальное влияние оказывал тот факт, что основным типом жилья, возводимого здесь в рамках государственных строительных программ, являлось многоэтажное многоквартирное жилище покомнатно-посемейного заселения. Так, Постановление ЭКОСО от 12 января 1930 г. «Правила и нормы застройки населенных мест, проектирования и возведения зданий и сооружений» законодательно фиксировало ориентацию на возведение «укрупненных многоэтажных домов»¹⁴⁰. Постановление однозначно исключало возможность появления в проектах соцгородов индивидуальной застройки; предписывало при проектировании соцгородов на сложившихся селитебных территориях игнорировать «бывшие частнособственнические границы участков»; относилось весь старый, ветхий, частнособственнический жилой фонд под снос, указывая, что «перспектива полной перепланировки» кварталов существующей застройки должна осуществляться исключительно в ориентации на многоэтажные дома¹⁴¹.

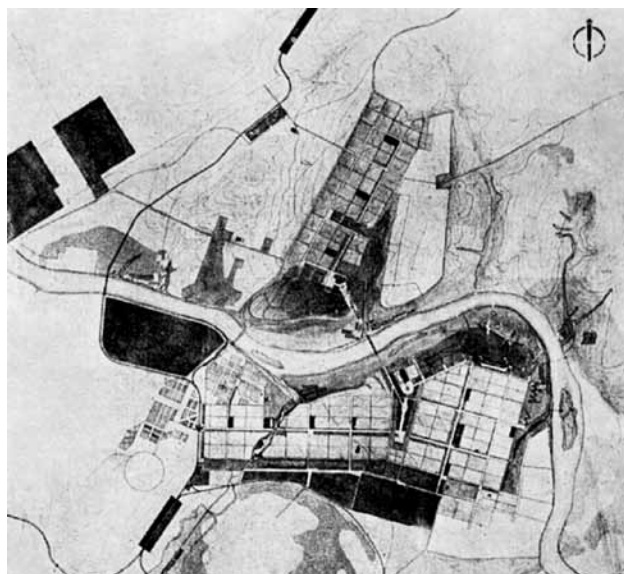
Жилищная кооперация, до этого времени осуществлявшая строительство индивидуальных домов на окраинах существовавших городов, в усло-

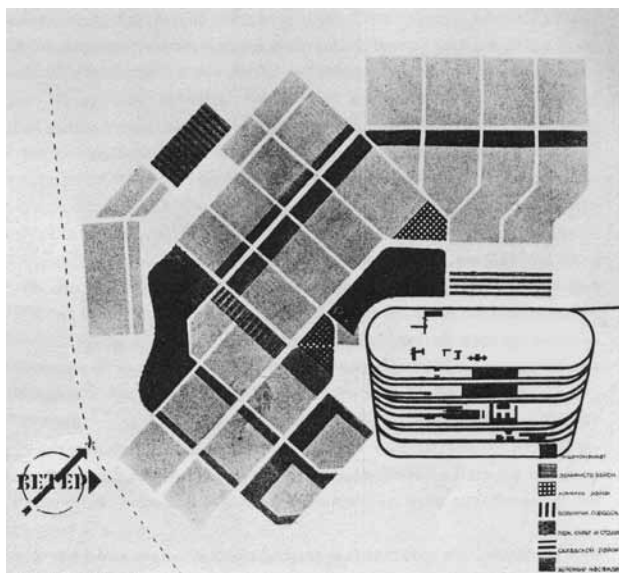
Соцгород Щегловск. Проект планировки, составленный из типовых кварталов, объединяемых в стандартизированные районы. Генплан. Арх. Э. Май. 1931

Соцгород Автострой. Проект планировки, составленный из типовых кварталов, объединяемых в стандартизированные районы. Вариант генплана. Стандартгорпроект. Арх. Э. Май. 1932

Соцгород Щегловск (Кемерово). Проект планировки составленный из типовых кварталов, объединяемых в стандартизированные районы, изображенный в виде планировочных прямоугольников-«пустышек». Стандартгорпроект. 1932–1934

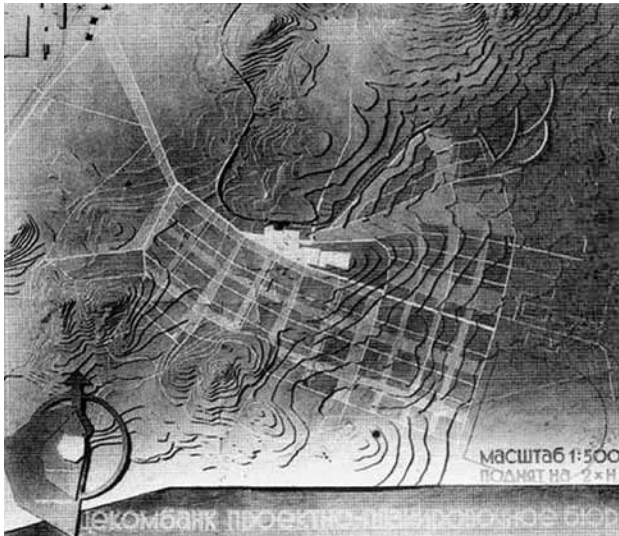
Соцгород Автострой. Проект планировки, составленный из типовых кварталов, объединяемых в стандартизированные районы, изображенный в виде планировочных прямоугольников-«пустышек»

виях законодательного исключения строительства частного жилья, принудительно переориентировалась на возведение на долевых началах многоэтажных многоквартирных домов.

В конце 1920-х — начале 1930-х гг. «живописность» города-сада окончательно уступила «рационализму и экономии» — законодательно вводилась структура прямолинейных улиц — «расположение потоков движения следовало проектировать преимущественно по прямым линиям (улиц, шоссе,

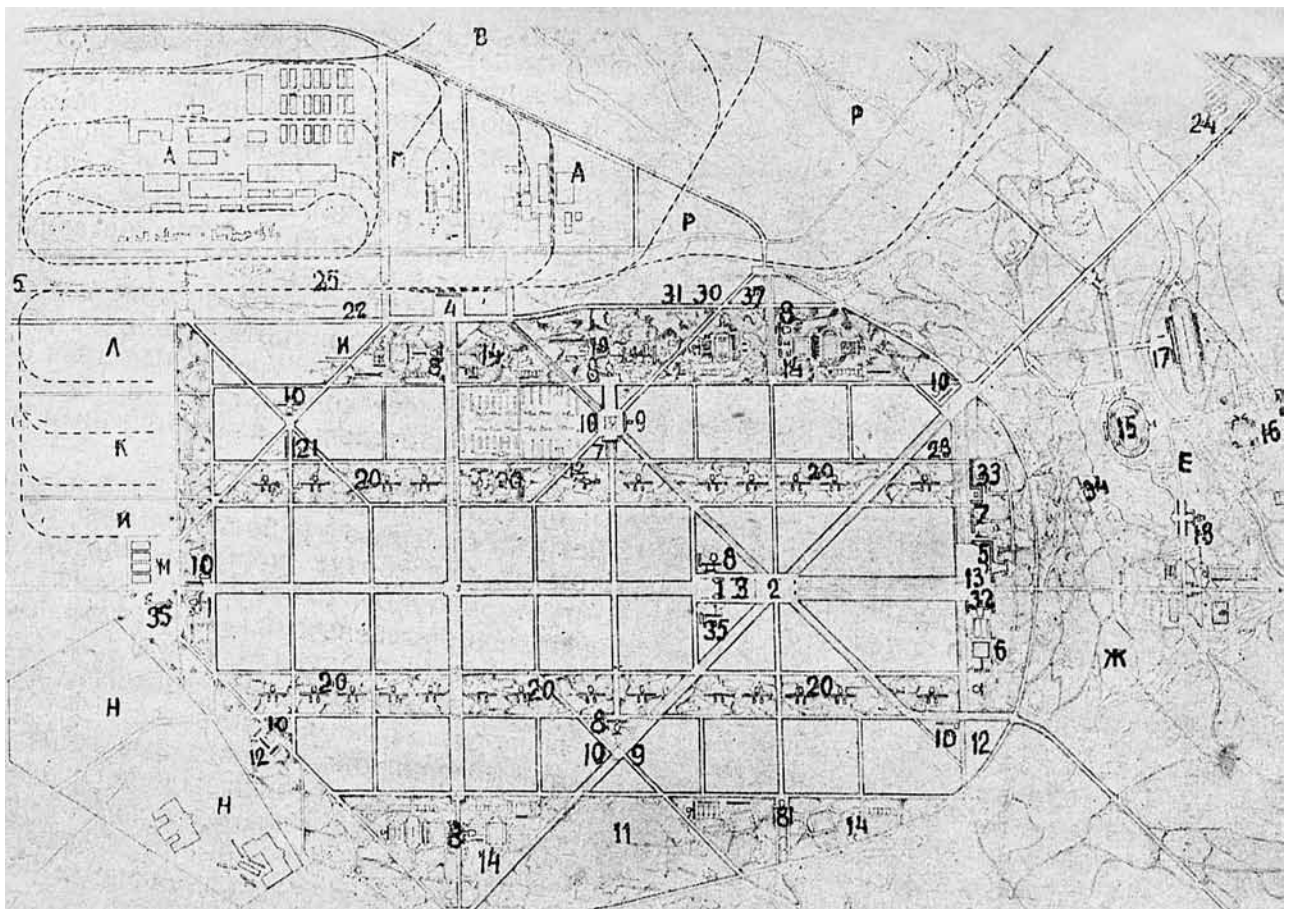
бульваров и т.п.)»¹⁴². При этом «при расположении на отводимых участках зданий... стремиться к достижению возможно большей компактности зданий»¹⁴³. А в тех случаях, когда рельеф не способствовал подобной трассировке, следовало отказываться не от нее, а от «неудобного» места расположения поселения: «при планировке территории под застройку надлежит всемерно избегать выбора таких земельных участков, которые вызывают дополнительные расходы...»¹⁴⁴.

Соцгород Магнитогорск. Проект планировки, составленный из типовых кварталов, объединяемых в стандартизированные районы, изображенный в виде планировочных прямоугольников-«пустышек»

В январе 1930 г. постановление ЭКОСО «Правила и нормы застройки населенных мест, проектирования и возведения зданий и сооружений» законодательно ввело «ленточную» (строчную) систему застройки — при проектировании и застройке новых кварталов рекомендовалось, если это представлялось возможным и целесообразным по размерам и расположению застраиваемых площадей (а также иным местным условиям), «...применять ленточную систему застройки, с расположением продольных осей зданий перпендикулярно к главным проездам и с оставлением между зданиями свободных проходов и площадей зеленых насаждений»¹⁴⁵. Тем самым через нормативы в проектирование соцгородов-новостроек в обязательном порядке был введен тип застройки так называемого меридионального (строчного) типа, с пешеходными связями, трассируемыми по искусственно озеленяемым и благоустраиваемым серединам кварталов, который начал повсеместно применяться на данном этапе осуществления градостроительной политики.

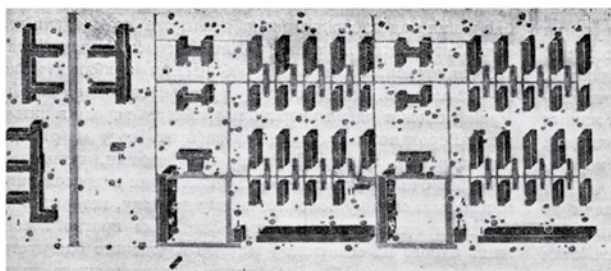
Левобережный Новосибирск. Проект планировки, составленный на основе использования типовых планировок жилых кварталов и районов. Гипрогор. Арх. Д.Е. Бабенков, Д.А. Гандурин. 1930–1931

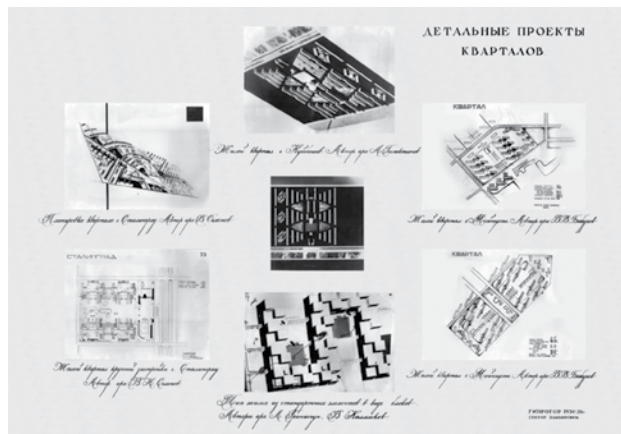

Соцгород Магнитогорск. Эскизный проект планировки города на правом берегу р. Урал, составленный на основе использования типовых планировок жилых кварталов и районов. Генплан. Ударная бригада Уралсовета. 1931

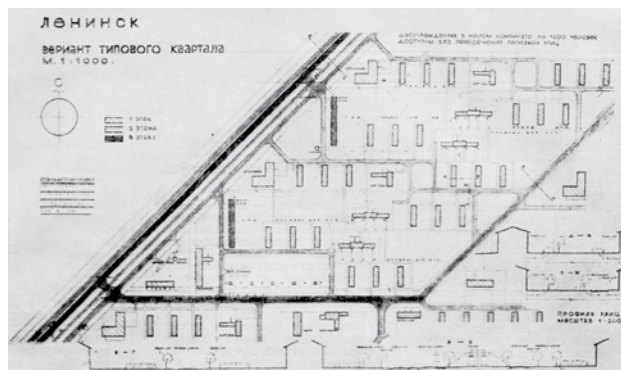
Важную роль в планировке соцгорода играл административно-общественный центр. Если в городе-саде на центральной площади располагались: а) церковь; б) общественное собрание с театром, библиотекой-читальней и аудиториями; в) купальня; г) бани, зимние плавательные бассейны и проч.¹⁴⁶; то в социалистическом городе должны были размещаться, помимо заводу управления градообразующего предприятия, здания, символизовавшие новые «социалистические» формы жизнедеятельности и функционирования советского «промышленно-селитебного комплекса»: а) «здания власти» — горисполкома, горсовета, партийных организаций, совета профсоюзов, кооперации и др.; б) «основные культурные аппараты» — здания общественно-культурного назначения (места проведения торжественных собраний, встреч трудовых коллективов, празднований и др.) — театр, рабочий клуб, библиотека народных дома и т.п.¹⁴⁷; в) здания связи (главпочтамт, телеграф и т.п). Так, например, в общегородском

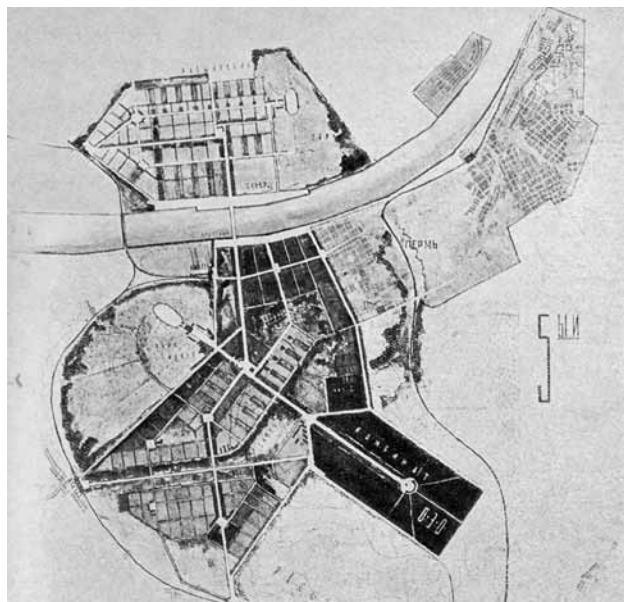
Магнитогорск. Типовые схемы кварталы, привязанные к конкретному месту строительства. Стандартгорпроект. Арх. Э. Май и др. 1932

Схемы жилых кварталов. Проектные предложения. Гипрогор. 1930–1931

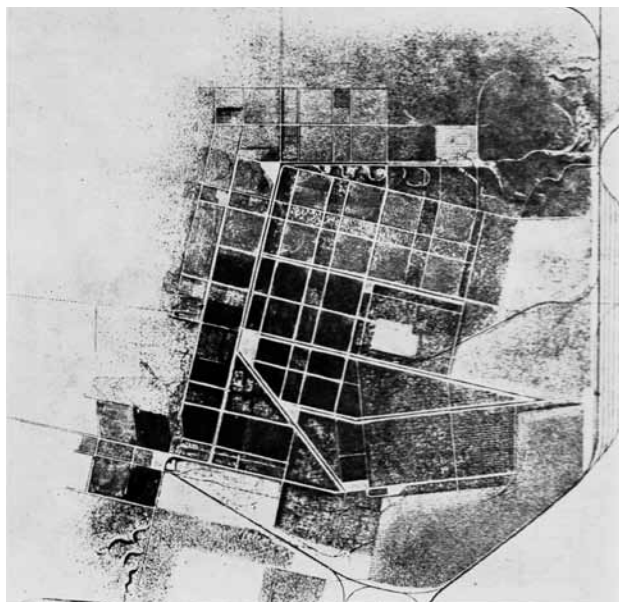

Ленинск. Типовые схемы кварталов, привязанные к конкретному месту строительства. Стандартгорпроект. Арх. Г. Бурхарт и др. 1932

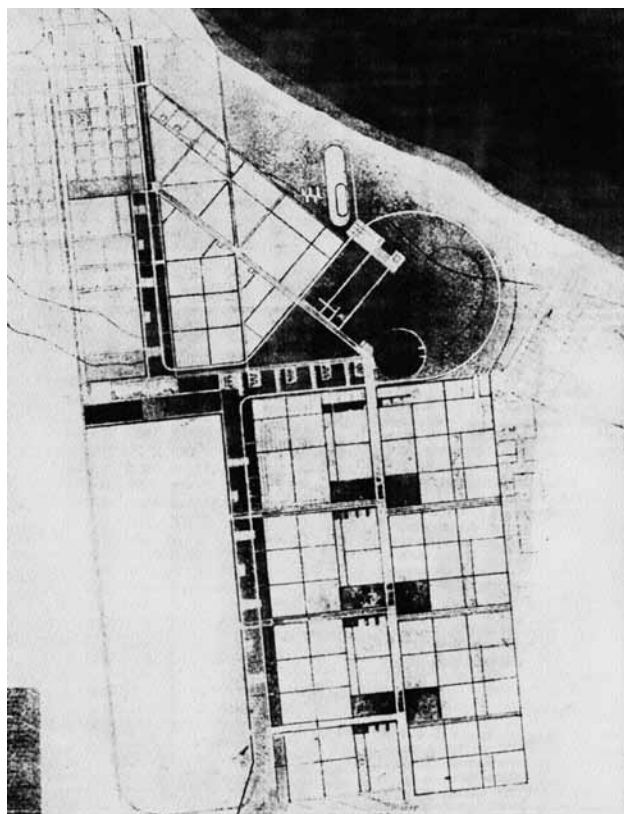
Соцгород Уралмашстрой и реконструкция Перми в связи с индустриальным развитием. Генплан. Арх. А.М. Сорокин. Не позднее 1933

центре соцгорода Большое Запорожье размещались: горсовет, дом промышленности, дом кооперации, дворец земледелия, дворец труда, общественная би-

Соцгород Надеждинска. Прямоугольная схема планировки. Арх. Л.О. Гриншпун и др. 1933

блиотека и т.д.¹⁴⁸ Аналогичные по функции объекты, только районного масштаба, размещались в общественных центрах жилых районов.

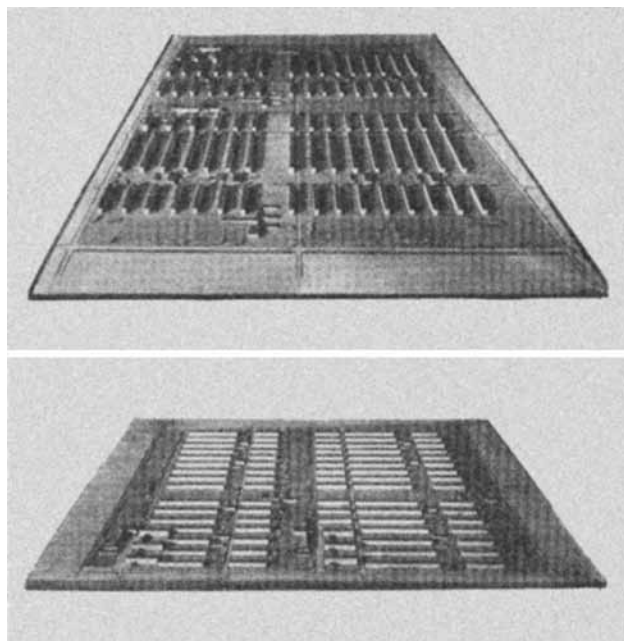

Соцгород Чарджуй. Прямоугольная схема планировки. Бригада ВОПРА. Арх. Г. Бальян, В.В. Бабуров, А.М. Заславский, Н.П. Кычаков, А.М. Файфель. 1931

Соцгород Бобрики. Прямоугольная схема планировки. Арх. А.И. Кузнецов, А.Н. Корнухов. 1932

Типовые кварталы строчной застройки — «планировочные модули» соцгородов. Арх. Э. Май (рук), М. Стам и др.

Соцгород имел строгую иерархию общественных пространств: 1) общегородской центр с главной площадью (с расположением на ней важнейших городских объектов советского, партийного, социально-культурного назначения); 2) центры планировочных элементов жилой зоны с второстепенными площадями; 3) внутриквартальные (дворовые) общественные пространства (с расположением на них агитационно-спортивных сооружений); 4) придомовые «пространства», размещавшиеся в специально отводимых для этого помещениях первых этажей или в приспособляемых квартирах. Подчеркнем одно из важнейших положений градостроительной политики данного периода — если в проектах соцгородов отсутствовала пространственная иерархия общественных пространств и сооружений, то планировочные схемы оценивались экспертизой как «политически неверные». Например, в соответствии с неписаным положением об иерархии общественных сооружений и пространств, заключение «О проекте планировки соцгорода Орска...» (июнь 1934 г.) требовало кардинально откорректировать зонирование города: «...разместить

Новокузнецк. Строчная застройка соцгородка металлургов

Новокузнецк. Строчная застройка проспекта Энтузиастов

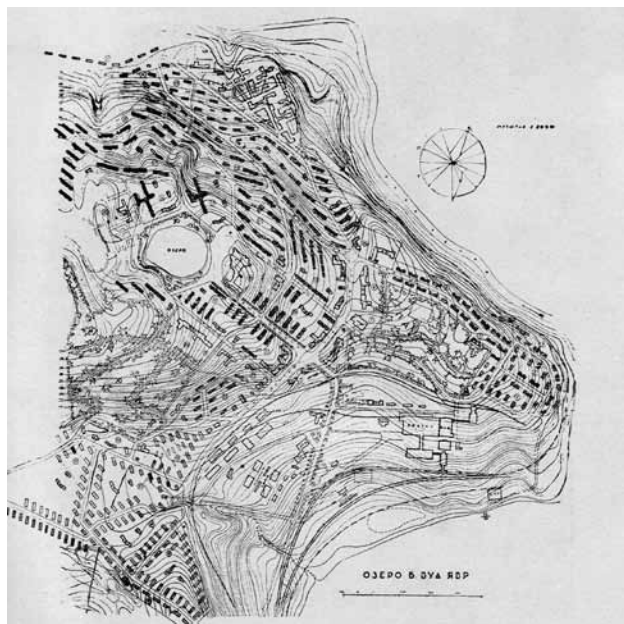
Соцгород Магнитогорск. Строчная застройка первого квартала (ул. Пионерская). Фото. Начало 1930-х гг.

Соцгород Автострой (Нижний Новгород). Строчная застройка. Проект. Макет. Ориентировочно 1930

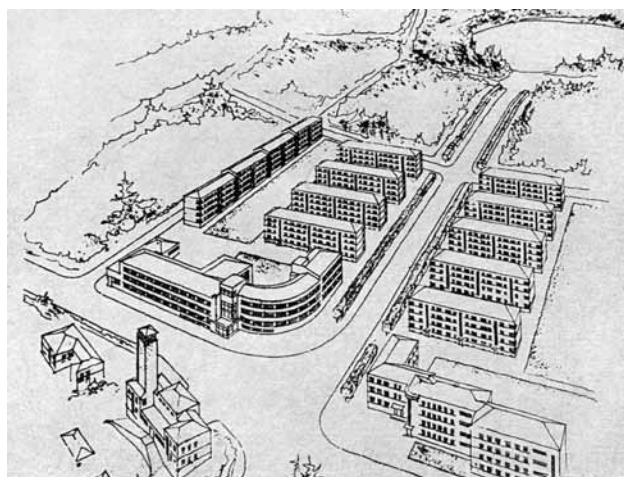

Соцгород Автострой (Нижний Новгород). Строчная застройка. Фото. 1933

Хибиногорск.

Генплан. Арх. О.Р. Муниц. Не позднее 1933

Хибиногорск.

Перспективный набросок I очереди застройки. Арх. Муниц О.Р. Не позднее 1933

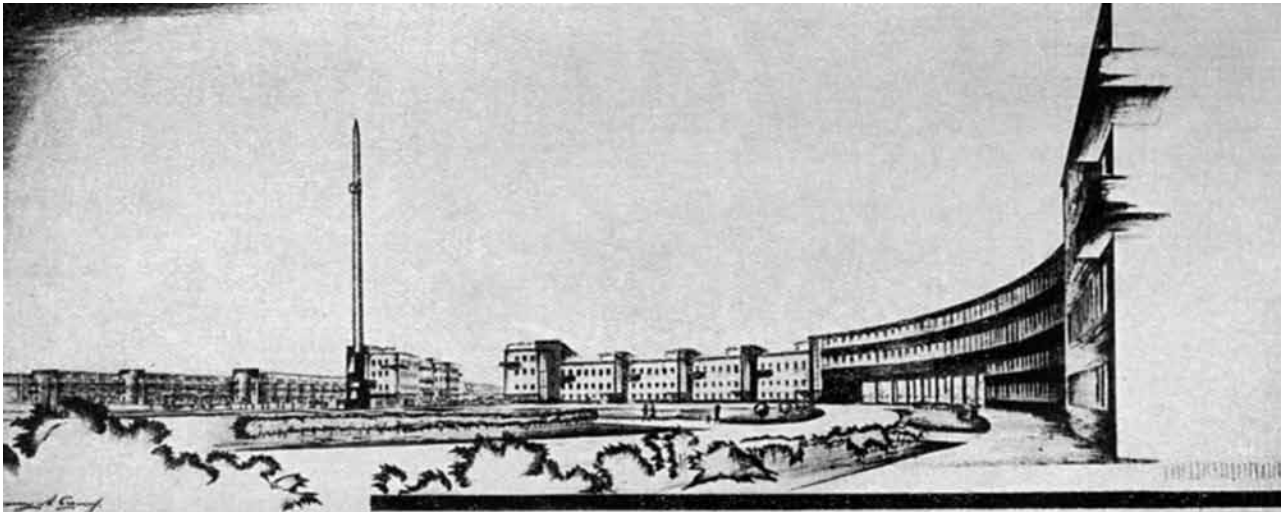
Хибиногорск. Здание треста «Апатит». Перспектива. Арх. О.Р. Муниц при участии Н.Ф. Брун. Не позднее 1933

центр более компактно в центре селитьбы и организовать также дополнительные центры в северных и южных жилых районах, создавая, таким образом, целостный ансамбль городских площадей...», которые в представленном проекте отсутствуют, так как «принесены в жертву ландшафтному размещению отдельных точек зданий»¹⁴⁹.

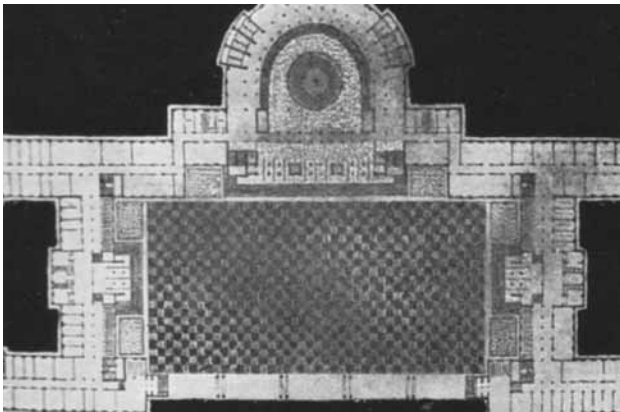
Соцгород и концептуально, и практически кардинально отличался от капиталистических городов — в нем не было места для всего того, что являлось порождением капиталистического рынка: инфраструктуры частной торговли, множественных частных собственников предприятий общественного обслуживания (кафе, ресторанов, парикмахерских, клубов, частных врачебных кабинетов и т.п.). В нем были исключены формы свободного выбора населением форм самореализации своих изменяющихся потребностей и т.д. Отсутствовала среда банковского бизнеса, не было диверсифицированного рынка жилья, отсутствовал фонд арендуемых офисных площадей, не было персональных гаражей для личных автомобилей (потому что транспорт для фактически всей массы населения был общественным) и т.п. Индивидуальное обслуживание (и самообслуживание) продуктами питания, основанное на наличии индивидуально возделываемого придомового земельного участка, также безоговорочно запрещалось. Необходимость формирования всеохватывающей и многофакторной распределительной системы — продуктов, вещей, медицинского обеспечения, жилища, услуг (прачечные, бани, фабрики-кухни, столовые, больницы, детские учреждения и проч.) — серьезным образом предопределяла структурную организацию планировки соцгорода.

Система сетевого обслуживания соцгорода концептуально включала все виды хозяйственно-го и культурного снабжения: 1) сеть связи (почта, телеграф, радио); 2) сеть жилищ; 3) сеть обще-

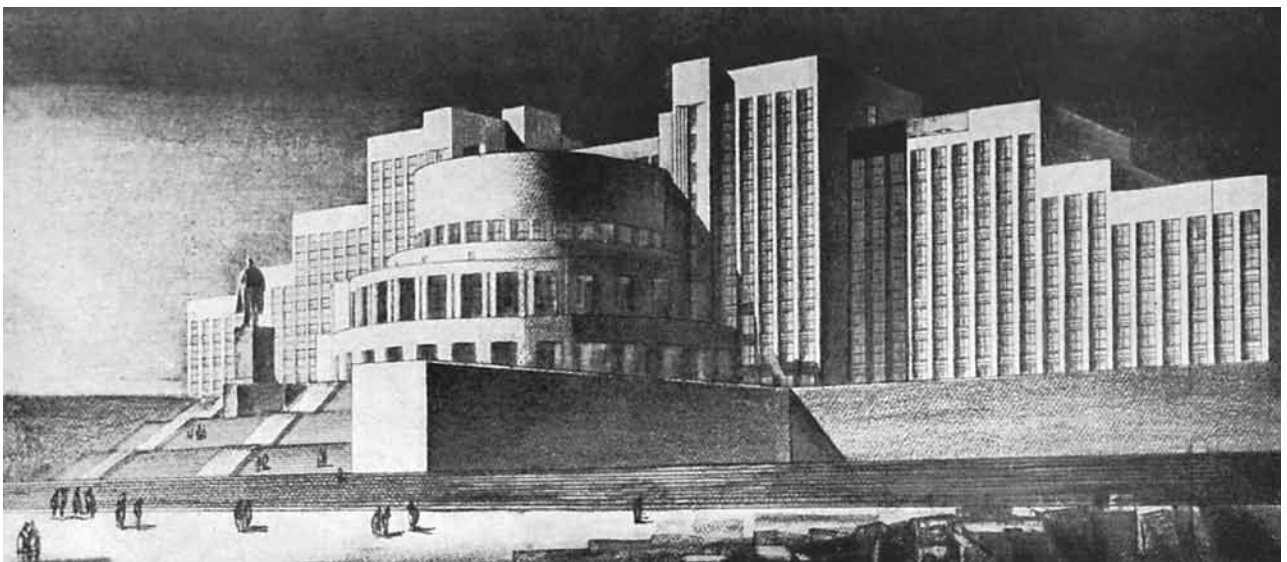

Соцгород Липецк (на 200 тыс. жителей), реконструируемый в связи со строительством металлургического завода. Центральная площадь. Перспектива. Арх. А.М. Сорокин. Не позднее 1933

Сталинград. Дом Советов Нижневолжского крайисполкома. План. Арх. И.Г. Лангбард. 1933

ственного питания; 4) сеть санитарно-гигиенического обслуживания; 5) сеть санитарно-технического обслуживания; 6) сеть распределителей продуктов широкого потребления; 7) сеть соцвоса (социалистического воспитания), детского дошкольного обслуживания; 8) сеть политехнического обучения; 9) сеть культурного и общественно-политического обслуживания; 10) сеть физкультурного и туристического обслуживания; 11) сеть медицинского обслуживания¹⁵⁰ (диспансеры, больницы, санатории, курорты) и т.п. По такому же принципу формировались и технические системы — водопровод, канализация, дорожно-транспортная сеть.

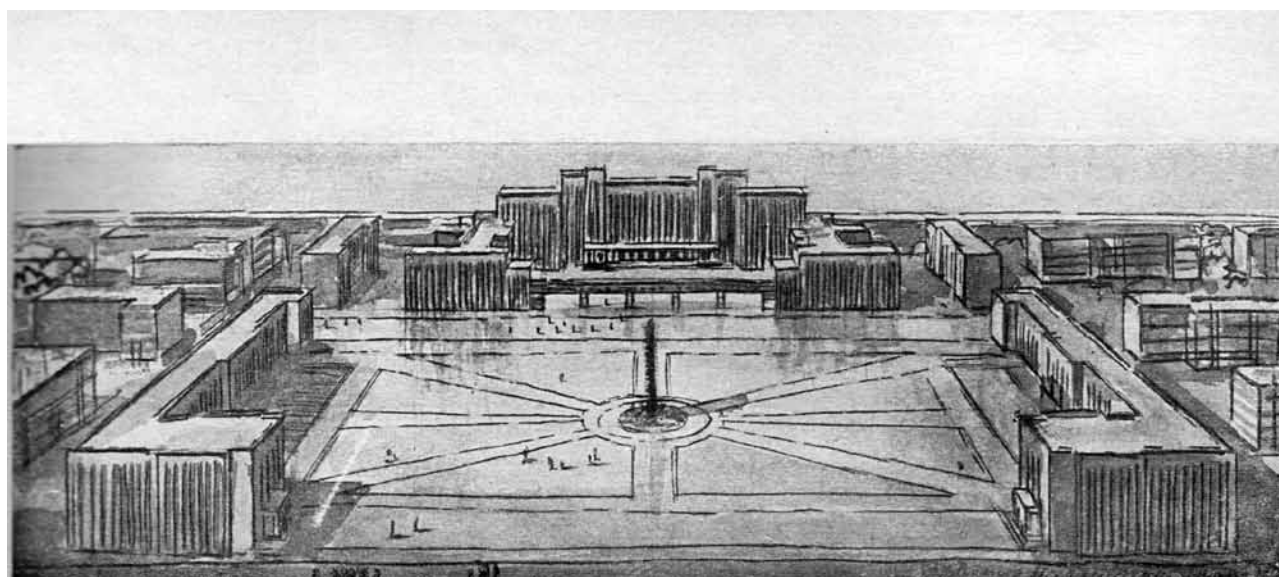

Сталинград. Дом Советов Нижневолжского крайисполкома. Перспектива со стороны Волги. Арх. И.Г. Лангбард. 1933

Сталинград. Дом Советов Нижневолжского крайисполкома. Перспектива со стороны площади.
Арх. И.Г. Лангбард. 1933

Сталинград. Дом Советов Нижневолжского крайисполкома. Вид с птичьего полета.
Арх. И.Г. Лангбард. 1933

Требование формирования подобной распределительной системы в острой форме выдвигало неразрывно связанные с ним вопросы рационального размещения объектов распределительной системы на территории населенного пункта, а также вопрос о характере их связи с жилищем. Однако в рассматриваемый период требования пространственно-планировочной организации распределительной системы не приобрели еще вида конкретных указаний, а существовали лишь в форме проектных предложений, разрабатывавшихся в стенах ведущих проектных институтов в ходе разработки ими

проектов соцгородов. Так, например, сеть питания, разработанная для Сталинграда Гипрогором, предусматривала в каждом из населенных образований, составляющих Большой Сталинград, наличие «центрального пищевого комбината», получавшего продукты из окружающих город совхозов, молочных ферм и т.д. Также в каждом из соцгородов Большого Сталинграда предполагалось размещение фабрики-кухни, снабжающей столовые-распределители на предприятиях, учреждениях и жилых комбинатах готовыми кушаньями и полуфабрикатами. Столовые-распределители рассчитывались на обслужива-

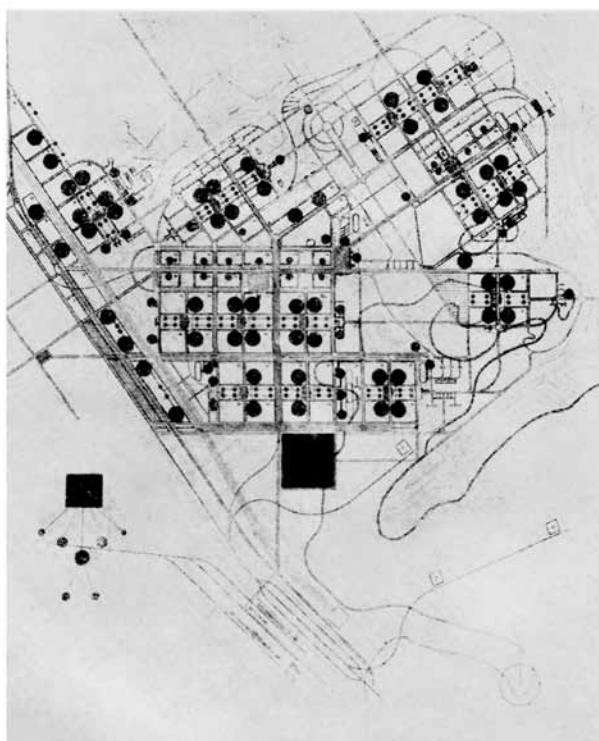
Соцгород Запорожье. 6-й поселок. Общественный центр

ние 225 человек обедающих одновременно с общей пропускной способностью 600–700 человек в день¹⁵¹. Сеть спортивных учреждений, разработанная Гипрогором для Сталинграда, состояла «...из сети мелких площадок при комбинатах и по кварталам, а также при школах и втузах. В каждом районе города, а также на предприятиях будут более крупные стадионы. Каждый город будет иметь свой центральный стадион с дворцом физкультуры. И наконец, в центральном городе будет главный физкультурный центр для объединения и направления всей работы»¹⁵².

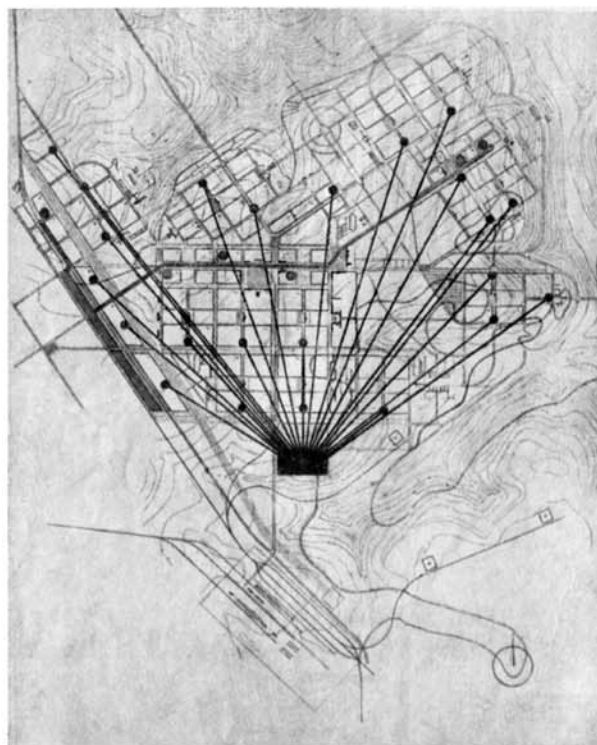
Спортивные и клубные учреждения в проектах соцгородов нередко увязывались в единую неразрывную систему с парковыми зонами общегородского уровня. Интегрирующую роль в этом случае, как, например, в проекте соцгорода Орска (1934 г.), играл Центральный парк культуры и отдыха (ЦПКиО), объединявший эти и многие другие «культурно-просветительские» и «пропагандистские» функции¹⁵³.

Другой пример — сеть «политехнического» образования. Ее смысл заключался в том, чтобы тесно связать школу с производством, с промышленными предприятиями. Этот постулат формулировался многими теоретиками-градостроителями. В частности, Н.А. Милютин, рассматривая пространственную организации процессов обучения в социалистическом городе, предлагал все без исключения учебные заведения располагать при промышленных предприятиях, формируя тем самым систему, «неразрывно соединяющую материальное производство и учебу». Подобное «погружение обучения в производство», применительно к системе высшего образования, именовалось «фабзав-втуз» (фабрично-заводское высшее техническое учебное заведение)¹⁵⁴. Подобные «политехнические производственно-учебные комбинаты» проектировались при промышленных предприятиях Челябинского тракторостроя¹⁵⁵, Нижегородского Автостроя¹⁵⁶. В пояснительной записке Гипрогора к проекту пе-

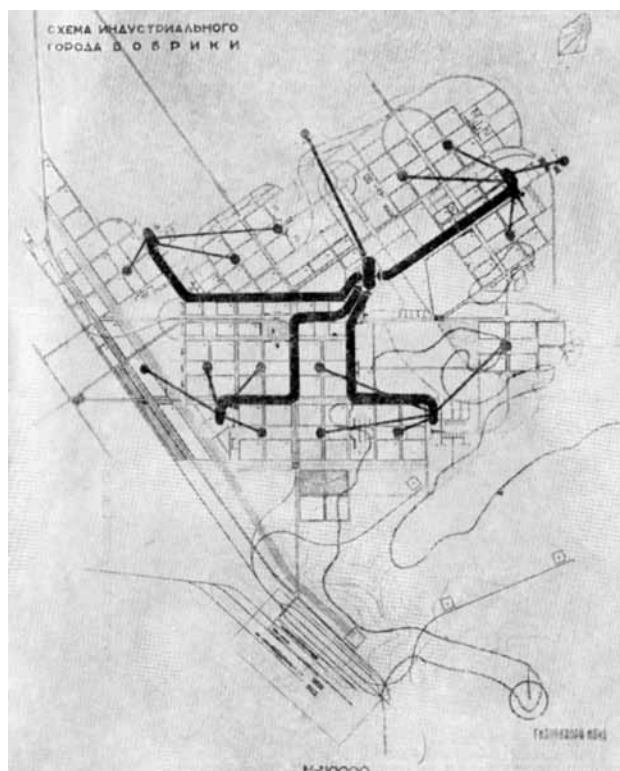
Соцгород Бобрики. Сеть общественного питания

Соцгород Бобрики. Распределительная сеть

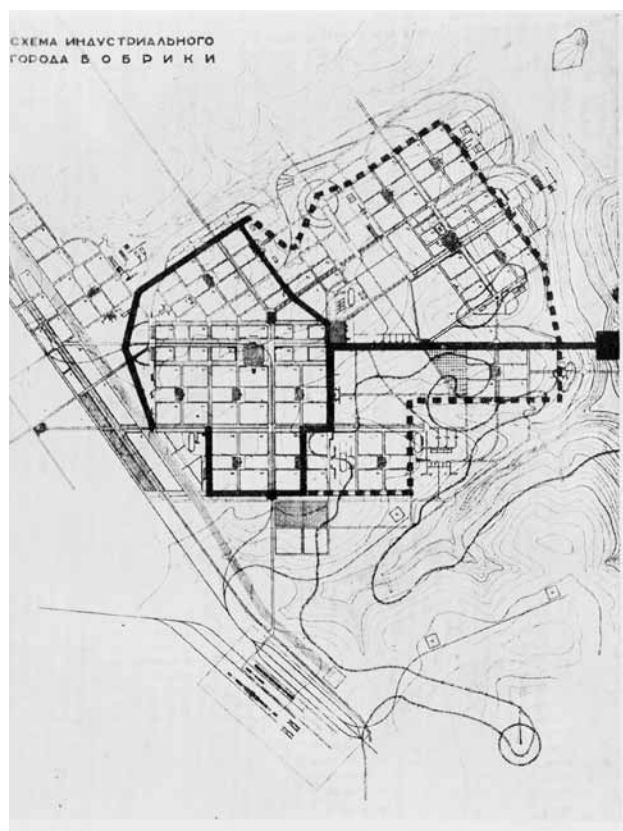

Соцгород Бобрики. Школьная сеть

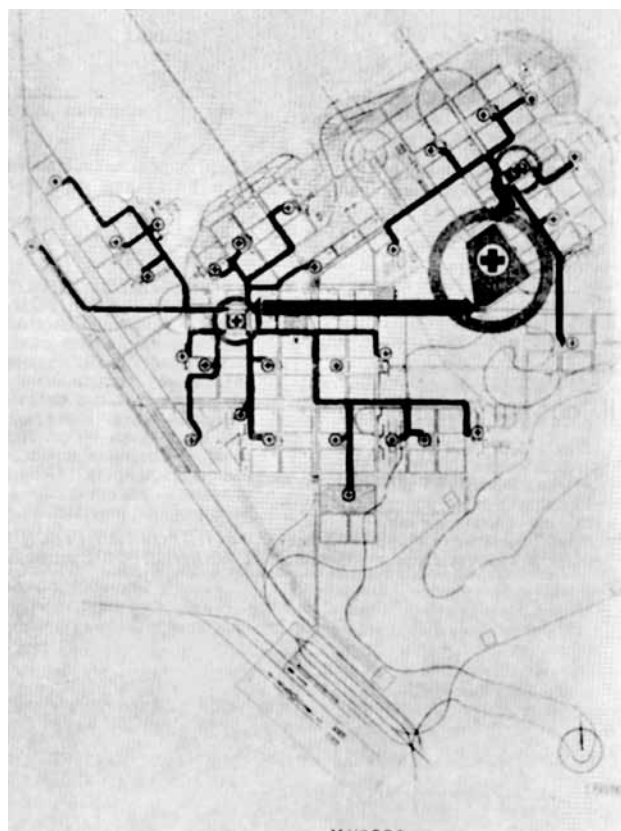

Соцгород Бобрики. Физкультурная сеть

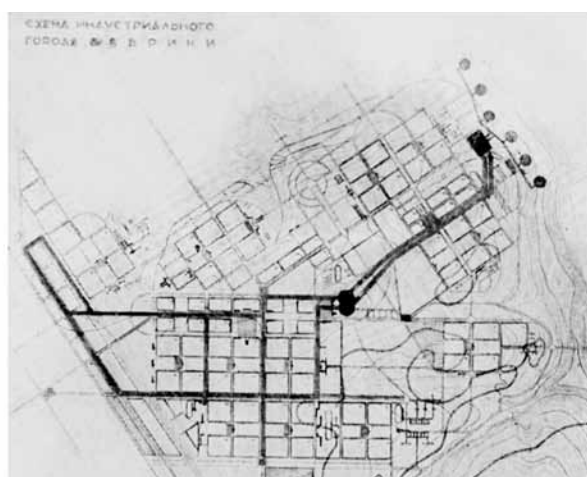

Соцгород Бобрики. Канализационная сеть

Соцгород Бобрики. Лечебная сеть

Соцгород Бобрики. Водопроводная сеть

Соцгород Бобрики. Сеть транспортных магистралей

рестройки Самары указано: «вузы будут приближены к производству»¹⁵⁷.

Тот же самый принцип предлагалось прикладывать и к средней школе — фабрично-заводским семилеткам (ФЗС) и фабрично-заводским училищам (ФЗУ)¹⁵⁸, для того чтобы школьники уже в ходе учебы повсеместно вовлекались в трудовую деятельность, составляя дополнительный ресурс рабочей силы. И этот принцип повсеместно практически

воплощался в проектировании соцгородов. Например, в пояснительной записке к проекту соцгорода Сталинграда, разработанному Гипрогором, сеть средних учебных заведений располагалась максимально близко к градообразующему предприятию, в соответствии с чем зона действия каждой из школ была принята радиусом 650 м¹⁵⁹.

Таким образом, территориальное расположение учебных заведений в непосредственной бли-

Соцгород Биробиджан. Гипрогор. Эскизный проект планировки. Культурно-общественные и бытовые сети. Ориентировочно 1933

зости от производства и сама система образования трактовались в теории соцгорода как один из механизмов обеспечения программы индустриализации рабочей силой.

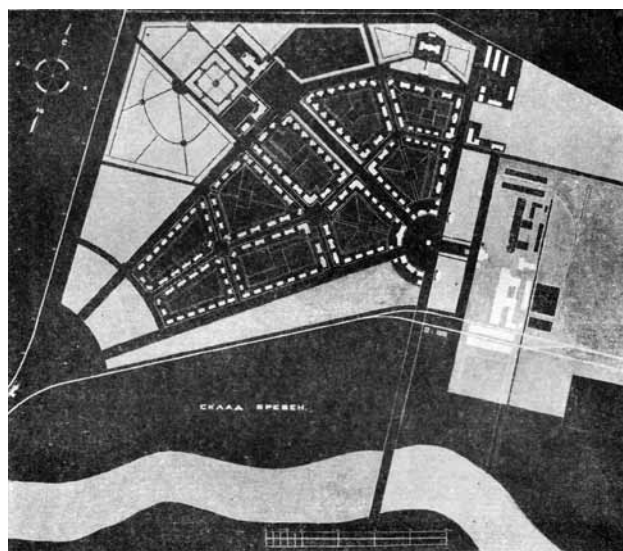
Начиная с выхода постановления «О работе по перестройке быта», содержание фразеологического оборота «общественное обслуживание населения» утрачивает свое «революционное, жизнестроительное содержание». Отвергнутыми оказываются как любые теоретические предложения о наличии частично-индивидуальных форм самообеспечения продуктами питания, так и противоположные — о замене индивидуального приготовления пищи исключительно общественным питанием. Постановление «О Московском городском хозяйстве и о развитии городского хозяйства СССР» фактически законодательно закрепляет превращение «общественного обслуживания» в «техническую инфраструктуру». Теперь под «обслуживанием материальных потребностей рабочих масс» предлагается понимать исключительно обычную инженерную инфраструктуру города (водоснабжение, освещение, отопление, канализацию, городской транспорт, внешнее благоустройство)¹⁶⁰, а средством организации «обслуживания культурно-бытовых нужд» рабочих масс предлагается считать бани, прачечные, предприятия общественного питания (столовые, фабрики-кухни), детские сады, школы, вузы, санатории, дома отдыха¹⁶¹.

В первых планировках соцгородов конца 1920-х гг., которые по численности населения (50 тыс. человек) не слишком отличались от крупных рабочих поселков (15–35 тыс. человек), сохранялась традиция применения лучевой схемы планировки, при которой основные городские магистрали получали ориентацию на главную площадь.

В рамках неписаных стереотипов советской градостроительной практики, сложившихся в ходе разработки генпланов советских рабочих поселков в начале — середине 1920-х гг. эта схема приобрела свою специфику — главная площадь, к которой сходились основные планировочные оси, совмещалась с предзаводской площадью, на которой располагались здание заводууправления и главные проходные. Тем самым практически воплощался тезис о соцпоселениях как «чисто пролетарских городах, полностью связанных с работой производственных комбинатов».

Планировочные решения, при которых трассировка основных улиц получала неизменную композиционную ориентацию на промышленное предприятие, были характерными для первых проектов соцгородов, например: а) при Уральском машиностроительном заводе (1928); б) тракторном заводе им. Ф. Дзержинского в Сталинграде; в) Кузнецком металлургическом заводе (Гипромез, 1928); г) Магнитогорском металлургическом комбинате (Гипромез, арх. Б.В. Данчич и др., 1928; Госпроект, арх. С.Е. Чернышев, 1929); д) ВЭО в Свердловске (1931) и др.

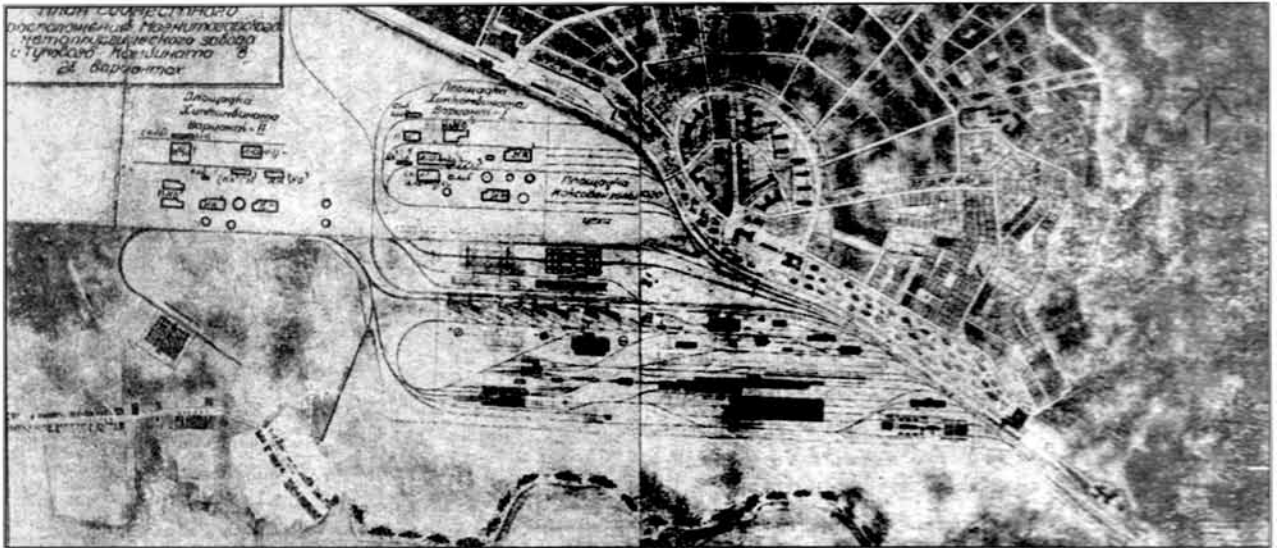
Промышленное предприятие — основной «градообразующий фактор» в советском градостроительстве — и идеологически, и концептуально трак-

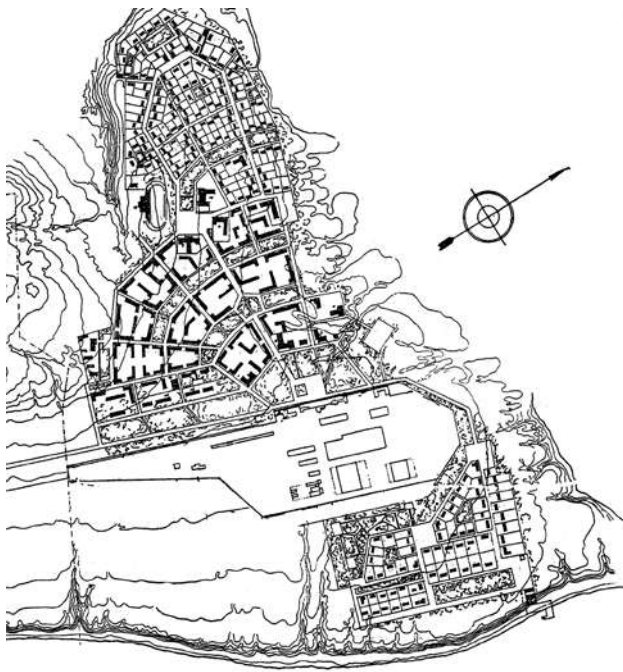
Рабочий поселок при стекольном заводе в местечке «Белый Бычек», Череповецкой губ.

Арх. Н.А. Троцкий, Я.И. Зеликман. 1926

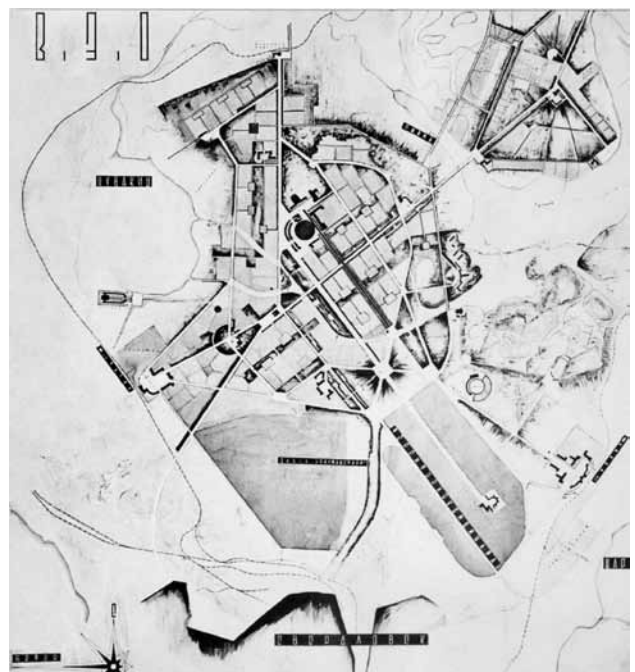

Генплан рабочего поселка при Магнитогорском металлургическом заводе (примыкание к промышленной зоне). Проект (вариант). Гипромез. 1929

Рабочий поселок при тракторном заводе им. Ф. Дзержинского в Сталинграде. Генплан. Проект. Не позднее 1928

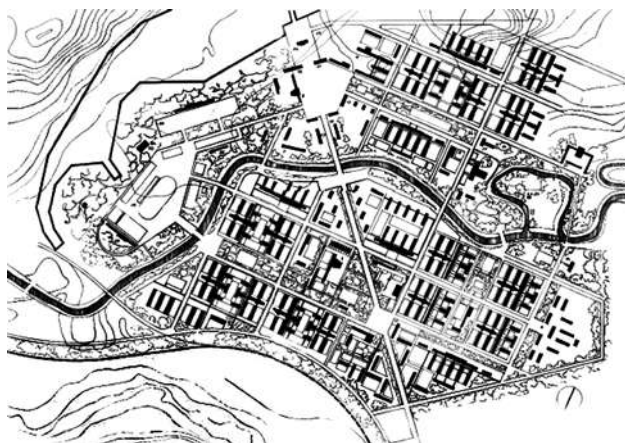

Соцгород ВЭО в г. Свердловске. Схема планировки. 1931

товалось как смысловое ядро, а планировочно — как композиционный центр рабочего города. Силуэты завода, электростанции, или копров шахт должны были определять видовые перспективы, выступать своеобразными смысловыми метками, структурирующими городское пространство и задающими векторы ежедневных пешеходных перемещений трудящихся от мест обитания к месту работы.

В тех случаях, когда подобный неформальный стереотип планировочного решения не соблюдался, проект подвергался резкой критике и, как правило, отклонялся. Так, например, одной из претензий, предъявленных к очередному варианту генплана Магнитогорска при его рассмотрении экспертами в 1932 г., было то, что неудачное расположение большей части застройки не давало возможности

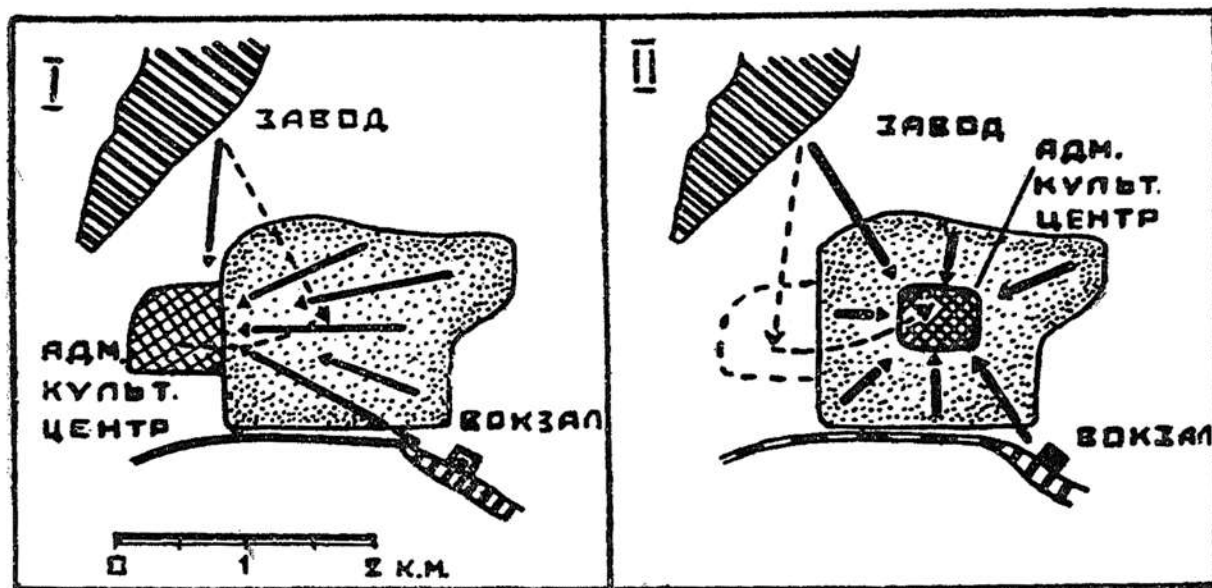
Поселок при Тельбесском заводе (Новокузнецк).
Проект. Арх. Л.А. и А.А. Веснины. 1930

открытия перспектив на промплощадку, которая по своему грандиозному масштабу «...являлась одним из факторов архитектуры города в построении его плана»¹⁶².

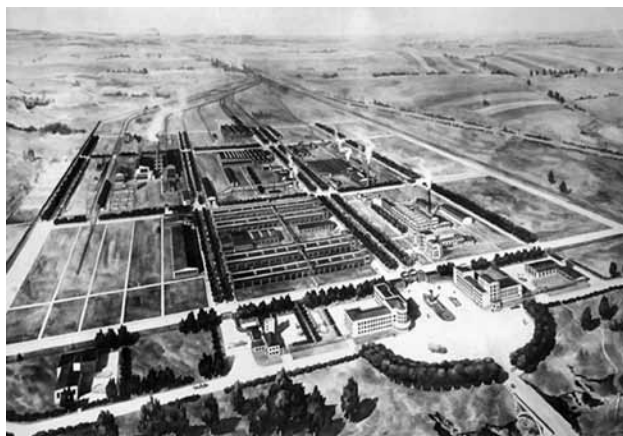
Здание заводоуправления должно были выступать одной из ведущих архитектурных доминант городского пространства, а предзаводская площадь трактовалась не только как центр трудовой жизни, но и как средоточие общественных функций (место проведения общегородских митингов, общественных собраний, демонстраций, трудовых парадов¹⁶³). Расположение главной городской площади перед промышленным предприятием несло и некоторые

Соцгород при Уральском заводе Химаппаратуры
(на 50 тыс. жителей) в г. Свердловске.
Генплан. Арх. А.М. Сорокин. Не позднее 1933

Соцгород Сталинск. Сравнение вариантов планировки: — размещение административного центра в стороне от главной оси (проектное предложение Э. Мая), — размещение административного центра на главной оси

Уральский Алюминиевый комбинат и рабочий поселок на 20 тыс. жителей. Предзаводская площадь и главная магистраль завода — основная композиционная ось территории промышленного предприятия. Проект. «Монтажпроекталюминий» (Ленинград). 1934

Соцгород УЭМК. Схема планировки. Главная городская магистраль связывает административный центр с предзаводской площадью и продолжается по территории промышленной зоны

эксплуатационные преимущества — формировало более тесную взаимосвязь жилой зоны и производства, упрощало трассировку транспортной инфраструктуры, оптимизировало систему пешеходных связей, приводя ее к единому центру, сокращало затраты времени на доставку рабочей силы от мест труда к местам проведения массовых мероприятий и т.п.

Подобная «заводская» ориентация селитьбы с той или иной степенью архитектурной акцентировки формализованно выражала неразрывную функциональную и смысловую взаимосвязь соцгорода и градообразующего предприятия. В различных вариантах она проявлялась во всех без исключения генпланах соцгородов начала 1930-х гг.

Даже с изменением в первой половине 1930-х гг. общего планировочного подхода, получившего однозначную направленность на использование «ансамблевых приемов застройки», смысловое значение места промышленного предприятия в объемно-планировочной композиции соцгорода оставалось неизменным. И даже в тех случаях, когда помимо предзаводской площади формировалась еще одна — собственно городская (прежде всего из-за того, что градообразующее предприятие превращалось в крупную обособленную протяженную зону, удаленную от селитьбы), значение завода и предзаводской площади в планировке соцгорода по-прежнему оставалось ключевым, а между предзаводской и возникавшей административной площадями прокладывалась главная городская магистраль, застраиваемая парадными зданиями.

Подобное решение можно обнаружить, например, в проекте генплана соцгорода Нижегородского автозавода (1933 г.): «...особенно подчеркнута главная магистраль от завода в город, которая будет застроена крупными административно-общественными зданиями... Главная магистраль выходит на площадь, оформленную зданиями дома советов, дома культуры и дома-коммуны»¹⁶⁴.

Складывалась композиционная планировочная схема с осью «завод (предзаводская площадь) — общественный центр поселения (административная площадь)», когда лучи сходились на главной городской площади, от которой к заводу пробрасывалась всегда прямолинейная основная магистраль. Один из примеров планировки такого рода — план рабочего поселка Уральского медеэлектролитного завода в Пышме Свердловской области (1935 г.) и др.

Оптимальным вариантом считался тот, при котором всю планировку города удавалось посадить на единую ось: «завод (предзаводская площадь) — общественный центр поселения (административная

площадь) — вокзал или пристань (привокзальная площадь)». Так, например, проектные предложения по планировке соцгорода Сталинска (арх. Э. Май) подверглись резкой критике именно из-за отступления от подобной схемы, поскольку Э. Май расположил административный центр сбоку от селитьбы, в стороне от вокзала, а не на главной оси к заводу.

В ряде случаев стремление усилить значение главной городской магистрали, соединявшей административную площадь с предзаводской, выливалось в решение непосредственного продолжения ее на территорию промышленного предприятия в качестве основной оси в компоновке заводской зоны.

Так, в генеральном плане рабочего соцгорода Каменск-Уральский на 20 тыс. жителей при Уральском алюминиевом комбинате («Монтажпроект-алюминий», 1934 г.) главная городская магистраль (символически именовавшаяся Алюминиевой ули-

цей), соединявшая завод с главной площадью поселения, продолжалась за пределы селитьбы, заходила на территорию предприятия и превращалась в основную магистраль завода, являвшуюся композиционной осью всей территории промышленного предприятия. При этом в непосредственной близости от завода улица также распадалась на три луча, два из которых (боковые) становились меридиональными улицами поселения¹⁶⁵. То же наблюдалось и в проекте соцгорода УЭМК.

Подобная планировочная концепция оказалась «живучей» — она сохранялась в течение 1930-х гг. и особенно широко использовалась при проектировании относительно небольших соцпоселений. Впоследствии создание лучевых планировок и формирование «звездчатых» площадей-«узлов» обрело новый импульс к своему продолжению на этапе ансамблевой застройки сталинского классицизма.

Примечания

1. Волтерс Р. Специалист в Сибири. Новосибирск: Свиньин и сыновья, 2010.
2. Постановление Совнаркома РСФСР о строительстве Магнитогорского комбината и г. Магнитогорска от 11.11.1929 // Из истории Магнитогорского металлургического комбината и города Магнитогорска (1929—1941 гг.). Сборник документов и материалов. (Магнитогорский металлургический комбинат. Архивный отдел Челябинского облизполкома). Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 1965. С. 276, С. 219, 220.
3. Постановление Совнаркома РСФСР о строительстве... С. 219.
4. В крупных соцгородах городские коммунальные объекты начнут обособливаться и функционировать самостоятельно значительно позже.
5. Постановление Совнаркома РСФСР о строительстве... С. 219.
6. Давидович В.Г. Вопросы планировки новых городов. Л., 1934. С. 49.
7. Конкурсные проекты подробно освещены и проанализированы в работах С.О. Хан-Магомедова и В.Э. Хазановой.
8. Цит. по: Хан-Магомедов С.О. Архитектура советского авангарда. Кн. 2, Социальные проблемы. М., 2001. С. 153—155.
9. ОГАЧО. Ф. 379. Оп. 2. Ед. хр. 8. Л. 9—30. «Программа для эскизного проекта индустриального рабочего города уральского тракторного завода». (См.: Кладбище соцгородов: градостроительная политика в СССР (1928—1932 гг.) / М.Г. Меерович, Е.В. Коньшева, Д.С. Хмельницкий. М., 2011).
10. Цит. по: Хан-Магомедов С.О. Указ. соч. С. 159—164.
11. Аleshин В.Э. Развитие представления о социалистическом поселении в градостроительстве Украины в 1920-х — начале 1930-х годов. Киев, 1985. URL: http://www.alyoshin.ru/Files/diss/al_diss_07.html#ktz.
12. Возможно, такой проектной организацией являлся Госпроект. Об этом косвенно свидетельствуют разработанные здесь в 1929 г. первоначальные директивы для составления программы Всесоюзного конкурса на проектирование социалистического города Магнитогорска.
13. ОГАЧО. Ф. 379. Оп. 2. Ед. хр. 8. Л. 9—30.
14. Задание на составление общего проекта планировки и застройки социалистического поселения при Харьковском тракторном заводе (декабрь 1929 — январь 1930). Цит. по: Аleshин В.Э. Указ. соч.
15. Об отличии «обобщественного быта» от «общественного обслуживания» см.: Меерович М., Коньшева Е., Хмельницкий Д. Кладбище соцгородов: градостроительная политика в СССР 1928—1932 гг. М., РОССПЭН, 2011.
16. Здесь и далее иллюстрации к проектам соцгородов, разработанных с участием иностранных архитекторов, см. в главе 26 «Европейские архитекторы в советском градостроительном проектировании эпохи первых пятилеток» (Е.В. Коньшева).

17. Подробнее об этом см.: *Хазанова В.Э.* Советская архитектура первой пятилетки. Проблемы города будущего. М., 19080; *Хан-Магомедов С.О.* Указ. соч.
18. *Пузис Г.* О методах исчисления населения в планировке населенных мест // Советская архитектура. 1931. № 3. С. 4.
19. Описана в 1927 г., опубликована двумя частями в 1928—1929 гг. — в период, являвшийся переходным от концепции социалистического рабочего поселка-сада к концепции соцгорода (*Глазырин В.А.* Поселки-сады и поселки на путях сообщения. Вып. 1—2. Л. 1928—1929).
20. Поскольку книга В.А. Глазырина посвящена расселению на транспортных магистралях, постольку под «производственным предприятием» он понимает «конечный, узловой или транзитный, проходной пункт железнодорожного, водного, шоссейного или воздушного пути сообщения, для нужд которого проектируется новый населенный пункт» (Там же. С. 42).
21. Там же. С. 42.
22. *Ларин Ю.* Перспективы развития жилищной кооперации // За новое жилище. Сб. М., 1930.
23. Известия ЦК ВКП (б). 1929. 13 июля №19 (278). С. 13.
24. Там же.
25. В том случае, когда они начинают трудиться на заводах, наравне с мужчинами.
26. Первая всесоюзная конференция по планировке и строительству городов. Тезисы докладов на секциях / Под ред. Ф.В. Попова, Н.Д. Ефремова, А.М. Боршевского. М., 1933. Заметим, что для старых (существующих) городов «...руководством является решение XVII Партконференции о ликвидации классов в течение второй пятилетки, в связи с чем, коэффициент пролетаризации уже в 1938 г. должен быть равен нулю» (Там же. С. 134).
27. ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Ед. хр. 7667. Л. 113.
28. *Покшишевский С.Н.* Промышленный город. Его расчет и проектирование. М.—Л., 1932. С. 27.
29. *Покшишевский С.Н.* Указ. соч. С. 27.
30. Цит. по: *Покшишевский С.Н.* Указ. соч. С. 27—28.
31. *Струмилин С.Г.* Проблемы социалистических городов. Сб. М., 1930. Т. 1. С. 7.
32. Проблемы реконструкции народного хозяйства СССР на пятилетие. М., 1929. С. 465.
33. ГАРФ. Ф. А-314, Оп. 1, Д. 7667. Л. 116.
34. Там же. Л. 116.
35. Тракторный завод им. Ф. Дзержинского в Сталинграде (проект). Л.: Изд-во института по проектированию новых металлзаводов, 1928. С. 133.
36. ГАРФ. Ф. А-314, Оп. 1. Д. 7667. Л. 116.
37. Вагоностроительный завод в Нижнем Тагиле (проект). Л.: Изд-во института по проектированию новых металлзаводов, 1927. С. 42.
38. *Боровой А.А.* Планировка городов Московской области. Работы сектора планировки Московского областного проектного треста за 1925—1933 гг. М., 1933. С. 100.
39. Там же. С. 100.
40. *Веденов А.* Расчеты населения проектируемых городов // Планировка и строительство городов. 1934. № 9. С. 16.
41. См., например: О порядке установления очередности снабжения строителей рабочей силой. Циркуляр № 2 Строительного сектора Госплана Союза ССР / Сборник № 9. Выпуск № 78. М., 1930. С. 5—12.
42. *Пузис Г.* Указ. соч. С. 5.
43. *Органов Л.И.* Методология планировочных работ в практике Гипрогора // Планировка и строительство городов. 1934. № 2. С. 10; *Шейнис Д.И.* В борьбе за научное обоснование проектов планировки // Планировка и строительство городов. 1934. № 2. С. 8—9.
44. Госплан СССР. Реконструкция городов СССР. 1933—1937. Т. 1. М., 1933.
45. *Пузис Г.* Планирование строительства населенных мест. М., 1933 Т. 1. С. 17.
46. Наше строительство. 1930. № 1—2. С. 5—43.
47. *Заславский А.* Против искривления классовой линии в строительстве социалистических городов // Строительство Москвы, 1930. № 1. С. 24.
48. Там же.
49. Там же.
50. Там же.
51. *Баландин С.Н.* Новосибирск. История градостроительства. Новосибирск, 1978.
52. Магнитогорский металлургический завод. Проект. Л.: Ленгипромез, 1929.
53. ГАРФ. Ф. 7952. Оп. 5. Ед. хр. 179 (1). Л. 5—8.

54. Милютин Н. Борьба за новый быт и советский урбанизм // Известия. 1929. 29 октября. С. 4.
55. Федосихин В.С., Хорошанский В.В. Магнитогорск — классика Советской Социалистической архитектуры. 1918—1991 гг. Магнитогорск: МГТУ им. Г.И. Носова, 1999. С. 42—44.
56. В числе работ последних лет, целенаправленно ориентированных на изучение характера жилого фонда и условий обитания в спецпоселениях соответствующей категории населения соцгородов (планировка поселений, виды и качество жилья, состав административных объектов и обслуживания и т.п.), можно указать лишь: Зыкин И.В. Особенности размещения, планировки и застройки спецпоселков при предприятиях лесопромышленного комплекса Уральского региона. [Электронный ресурс] / И.В. Зыкин // Архитектон: известия вузов. 2013. № 43 // Режим доступа: http://archvuz.ru/2013_3/14.
57. Проекты рабочих жилищ. Центральный банк коммунального хозяйства и жилищного строительства. М., 1929. С. 270.
58. ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 7667. Л. 216. Программа для составления эскизных проектов планировки и застройки городов Магнитогорска и Кузнецка и типов жилых домов от 21 сентября 1930 г. Л. 109—118, Л. 117.
59. Там же. Л. 116—117.
60. Там же. Л. 117.
61. ОГАЧО. Ф. 379. Оп. 2. Д. 8. Цит. по: Конышева Е.В. Градостроительство и архитектура Челябинска конца 1920-х — 1950-х гг. в контексте развития советского зодчества, Челябинск, 2005. С. 28.
62. ОГАЧО. Ф. 792. Оп. 5. Ед. хр. 480. Цит. по: Конышева Е.В. Указ. соч.
63. Из истории Магнитогорского металлургического комбината и города Магнитогорска (1929—1941 гг.). Сборник документов и материалов. (Магнитогорский металлургический комбинат. Архивный отдел Челябинского облисполкома). Челябинск, Южно-Уральское кн. изд. 1965. С. 225, 226.
64. ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 7667. Л. 216. Народный комиссариат коммунального хозяйства РСФСР (Наркомкоммунхоз). Материалы и дела по планировке городов и поселков. I. Планировка городов. Дело о планировке г. Магнитогорска. Том. I. Ноябрь 1930 — дек. 1932. СТО, Госплан СССР. Объяснительная записка к проекту Цекомбанка города Магнитогорска от 14 февраля 1931 г. Л. 99—108, Л. 105.
65. Гаврилова С.И. Архитектура 1930-х годов Красногорского района г. Каменска-Уральского [Электронный ресурс] / С.И. Гаврилова // Архитектон: известия вузов. 2009. №3(27). Режим доступа: http://archvuz.ru/numbers/2009_3/ta1.
66. Запрудский М.Б. Над чем и как мы работаем // Планировка и строительство городов. 1934. № 7—8. С. 19—23.
67. Орельская О.В. Новые идеи в градостроительстве 1920—1930-х годов и первый практический опыт в строительстве соцгородов. На примере соцгорода Автозавода в Нижнем Новгороде // Градостроительство. 2009. № 4. С. 44—49.
68. Рубченко М. Ура, у них депрессия! («Эксперт» №1 (687) / 28 декабря 2009) [Электронный ресурс] 2009. 0,5 п.л. — режим доступа: http://www.expert.ru/printissues/expert/2010/01/ura_u_nih_depressiya/ — на рус. яз.
69. Макарова Н.Н. «Американская мечта» и ее воплощение в СССР: элитный поселок «Березки» в условиях мобилизационной модели 1930-х гг. // Мобилизационная модель экономики. Сб. материалов II Всероссийской научной конференции. Челябинск: Энциклопедия, 2012. С. 486—498.
70. Проекты рабочих жилищ. Центральный банк коммунального хозяйства и жилищного строительства. М., 1929. 270, С. 104.
71. Шасс Ю. Архитектура жилого дома. Вып. 1. Поселковое строительство 1918—1948 годов. М.: Гос. изд-во литературы по строительству и архитектуре, 1951. С. 200.
72. ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 8001. Л. 22. Материалы и дела по планировке городов и поселков. II. Планировка рабочих поселков. Дело о планировке поселка «Оптикогорск» при заводе точной механики № 19. март 1931 — сентябрь 1931. Протокол № 56 заседания Научно-технического совета ГУКХ НКВД от 20 марта 1931 г. Л. 1 об.
73. ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 7667. Л. 216. Народный комиссариат коммунального хозяйства РСФСР (Наркомкоммунхоз). Материалы и дела по планировке городов и поселков. I. Планировка городов. Дело о планировке г. Магнитогорска. Том. I. ноябрь 1930 — дек. 1932. СТО, Госплан СССР. Программа для составления эскизных проектов планировки и застройки городов Магнитогорска и Кузнецка и типов жилых домов от 21 сентября 1930 г. Л. 109—118.
74. Там же. С. 104—105.
75. Что такое «дуковые» бараки, установить не удалось.
76. Сборные деревянные дома (конструкции). Альбом. М.—Л.: Гос. научно-техн. изд-во, 1931. С. 208.
77. Источник: Проекты рабочих жилищ. Центральный банк коммунального хозяйства и жилищного строительства. М. 1929. С. 104, 270.
78. ОГАЧО. Ф. 804. Оп. 1. Д. 749. Цит. по: Конышева Е.В. Социалистический город Челябинского тракторного завода — воплощение теории социалистического расселения // Город в зеркале генплана: панорама градостроительных проектов в российской провинции XVIII — начала XXI веков. Челябинск, 2008. С. 409; ил. С. 157—171. С. 168.
79. Рассчитано Конышевой Е.В. по данным, приведенным С. Коткиным (Коткин С. Жилище и субъективный характер его распределения в сталинскую эпоху // Жилище в России: век XX. Архитектура и социальная история. М., 2001).

80. ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 5. Д. 361. Л. 17–19.
81. Из истории Магнитогорского металлургического комбината и города Магнитогорска (1929–1941 гг.). Сборник документов и материалов. (Магнитогорский металлургический комбинат. Архивный отдел Челябинского облизполкома), Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 1965. С. 215.
82. Кузнецкий металлургический комбинат им. И.В. Сталина (1929–1945) [Электронный ресурс] 2010. 1 п.л. — режим доступа: http://community.livejournal.com/su_industria/58586.html#cutid1 — на рус. яз.
83. *Меерович М.Г.* Социально-культурные основы осуществления государственной жилищной политики в РСФСР (1917–1941 гг.) / Дис. ... докт. ист. наук. Иркутск, 2004. С. 659.
84. Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Январь 1922 — декабрь 1936. Серия: Россия XX век. Документы. М., 2003. С. 261.
85. Там же.
86. *Скотт Дж.* За Уралом. Американский рабочий в русском городе стали. [Электронный ресурс]. Режим доступа — <http://read24.ru/fb2/djon-skott-za-uralom-amerikanskiy-rabochiy-v-russkom-gorode-stali/>. (последнее посещение 31.10.2013)
87. *Галигузов И.Ф., Чурилин М.Е.* Флагман отечественной индустрии. История Магнитогорского металлургического комбината им. В.И. Ленина. М., 1978. С. 25.
88. *Федосихин В.С., Хорошанский В.В.* Указ. соч. С. 41.
89. Там же. С. 50.
90. Магнитогорск в цифрах. Статистический отчет за 1931 г. Магнитогорск, 1932. С. 315–314.
91. *Федосихин В.С., Хорошанский В.В.* Указ. соч. С. 28.
92. *Wit, Cor de.* Johan Niegeman, 1902–1977: Bauchaus, Sowjet Unie, Amsterdam. Amsterdam, 1979. С. 81.
93. *Нариньяни С.Д.* Ты помнишь, товарищ...: Очерки о комсомольцах. М., 1957. С. 6.
94. ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 5. Д. 173. Л. 17; МУ МКМ. № 5243/11/4. № 105233. Цит. по: Макарова Н.Н. Повседневная жизнь Магнитогорска в 1929–1935 гг. / Дис. ... канд. ист. наук. Магнитогорск, 2010. С. 64–65.
95. Там же. С. 64–65.
96. ЧМК: история сталинского долгостроя // URL: http://community.livejournal.com/su_industria/713.html#cutid1
97. Ричард Картрайт Остин Строя Утопию // Нижегородский музей. № 9–10. URL: <http://www.museum.unn.ru/man-agfs/index.phtml?id=8006>.
98. Там же.
99. *Скотт Дж.* Указ. соч.
100. Из истории Магнитогорского... С. 229.
101. *Гегелло А.И.* Из творческого опыта. Возникновение и развитие архитектурного замысла. Л., 1962. С. 48.
102. *Хазанова В.Э.* Советская архитектура... С. 55.
103. СЗ СССР. 1927. Отдел первый. № 66. Ст. 672.
104. *Меерович М.Г.* Раздробленное проектирование (письмо Эрнста Мая Иосифу Сталину) // Архитектон: известия вузов. 2012. № 2 (38) // URL: http://archvuz.ru/2012_2/11 — на рус. яз.
105. ОФ ГАОО. Ф. Р-23. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 202. (Цит. по: Кладбище соцгородов...).
106. *Гаврилова С.И.* Комплексная застройка Каменска-Уральского 1930-х годов. Реализованные и нереализованные проекты // Архитектон: известия вузов. 2011. №4(36) // URL: http://archvuz.ru/numbers/2011_4/08.
107. Кладбище соцгородов.... С. 138–139.
108. *Янушкина Ю.В.* Особенности архитектурного формообразования в Сталинграде в историко-культурном контексте 1930–1950-х гг. / Автореф. дисс. на соск. учен. степ. канд. арх. Волгоград, 2009.
109. *Малоземов И.* Большое Запорожье // Советская архитектура. 1932. № 5–6. С. 72–80.
110. Там же. С. 73.
111. Хроника // Планировка и строительство городов. 1933. № 8. С. 33.
112. *Алешин В.Э.* Развитие представления о социалистическом поселении в градостроительстве Украины в 1920-х — начале 1930-х годов. Киев, 1985 // URL: http://www.alyoshin.ru/Files/diss/al_diss_07.html#ktz
113. Там же.
114. *Боровой А.А.* Указ. соч. С. 10–11.
115. СЗ СССР. 1926. Отдел первый. № 53. Ст. 391; СЗ СССР. 1926. Отдел первый. № 53. Ст. 392.
116. Там же.
117. Там же.

118. Там же.
119. Там же.
120. СУ РСФСР. 1928. № 21. Ст. 156.
121. СУ РСФСР. 1928. № 21. Ст. 156. С. 252.
122. Там же. С. 253.
123. Там же.
124. О порядке составления, рассмотрения и утверждения проектов планировки городских поселений и рабочих, дачных, курортных поселков: инструкция НКВД № 184 от 28 мая 1928 г. // Бюллетень НКВД. 1928. № 21 (276). С. 408.
125. Там же.
126. Правила и нормы застройки населенных мест, проектирования и возведения зданий и сооружений. Постановление ЭКОСО от 12 января 1930 г. // Наше строительство. 1930. № 1–2. С. 5–43.
127. Временные нормы и правила проектирования и возведения зданий и сооружений // Наше строительство. 1929. № 4–5. С. 111–142.
128. О конкретных мероприятиях по снижению стоимости строительства путем рационализации проектирования, применения облегченных конструкций, уменьшения норм нагрузок и запасов прочности. Инструкция Строительной Комиссии РСФСР // Наше строительство. 1929. № 4–5. С. 115–123.
129. Там же. С. 115–116.
130. Правила и нормы застройки населенных мест, проектирования и возведения зданий и сооружений. Постановление ЭКОСО от 12 января 1930 г. // Наше строительство. 1930. № 1–2. С. 9.
131. Там же.
132. Термин С.Н. Покшишевского (*Покшишевский С.Н.* Промышленный город. Его расчет и проектирование. М.—Л.: Госстройиздат, 1932. С. 112. С. 62).
133. Март Стэм. Макеевка (пер. с нем.) // Советская архитектура. 1933. № 5. С. 22–29. С. 27.
134. Букалова Л., Смолицкий О. Новые города Кузбасса // Советская архитектура. 1933. № 2. С. 53. [Опечатка в журнале. Правильно: Смолицкий А. — Прим. ред.]
135. Март Стэм. Указ. соч. С. 27.
136. Burghard P. Walter Schwadenachmidt 1889–1968: ArchitektenidealeimWandelsozialeFidirationen / BurghardPreusler. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1985. С. 98.
137. ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 7737. Л. 49.
138. Там же.
139. Там же. Л. 94.
140. Правила и нормы застройки населенных мест...
141. Там же.
142. Там же. С. 5–43.
143. Там же. С. 10.
144. Там же. С. 8.
145. Правила и нормы застройки населенных мест...
146. Диканский М. Постройка городов, их план и красота. Пг. 1915.
147. Крупская Н. Города будущего // Комсомольская правда. 1929. 15 декабря. № 289.
148. Малоземов И. Большое Запорожье // Советская архитектура. 1932. № 5–6. С. 72–80.
149. ОФ ГАОО. Р-23. Оп. 1. Д. 15. Л. 4. (Цит. по: Кладбище соцгородов...).
150. Для Сталинграда схема планировочного распределения сети пунктов медицинского обслуживания была разработана в Гипрогоре под руководством проф. А.Н. Сысина (*Мещеряков Н.* О социалистических городах. М.: ОГИЗ Молодая Гвардия, 1931. С. 112. С. 98.).
151. Мещеряков Н. Указ. соч. С. 97–98.
152. Мещеряков Н. Указ. соч. С. 98.
153. ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Ед. хр. 7768. Л. 53 об.
154. Милютин Н. К проблеме соцгорода // Вестник Коммунистической Академии. 1930. № 42. С. 113.
155. Гинзбург М.Я. Профтехкомбинат Челябинского тракторостроя // Современная архитектура. 1931. № 1/2. С. 103–111.
156. Меерсон Д.С. Соцгород автозавода им. Молотова // Планировка и строительство городов. 1933. № 8. С. 9.

157. Мещеряков Н. Указ. соч. С. 108.
158. Милютин Н. К проблеме... С. 113.
159. Мещеряков Н. Указ. соч. С. 98.
160. О Московском городском хозяйстве и о развитии городского хозяйства СССР – Резолюция пленума ЦК ВКП(б) 11–15 июня 1931 г. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1984. Т. 5. С. 315.
161. Там же. С. 316–317.
162. Шибяев Д.Е. За социалистический город Магнитогорск // Советская архитектура. 1933. № 3. С. 25–31.
163. Зеленко А.У. Проблема строительства социалистических городов // Строительство Москвы. 1930. № 1. С. 5–9.
164. Меерсон Д.С. Соцгород автозавода им. Молотова // Планировка и строительство городов. 1933. № 8. С. 7.
165. Гаврилова С.И. Архитектура 1930-х годов Красногорского района г. Каменска-Уральского // Архитектон: Известия вузов. 2009. № 27 // URL: http://archvuz.ru/numbers/2009_3/ta1.

Новые города и поселки

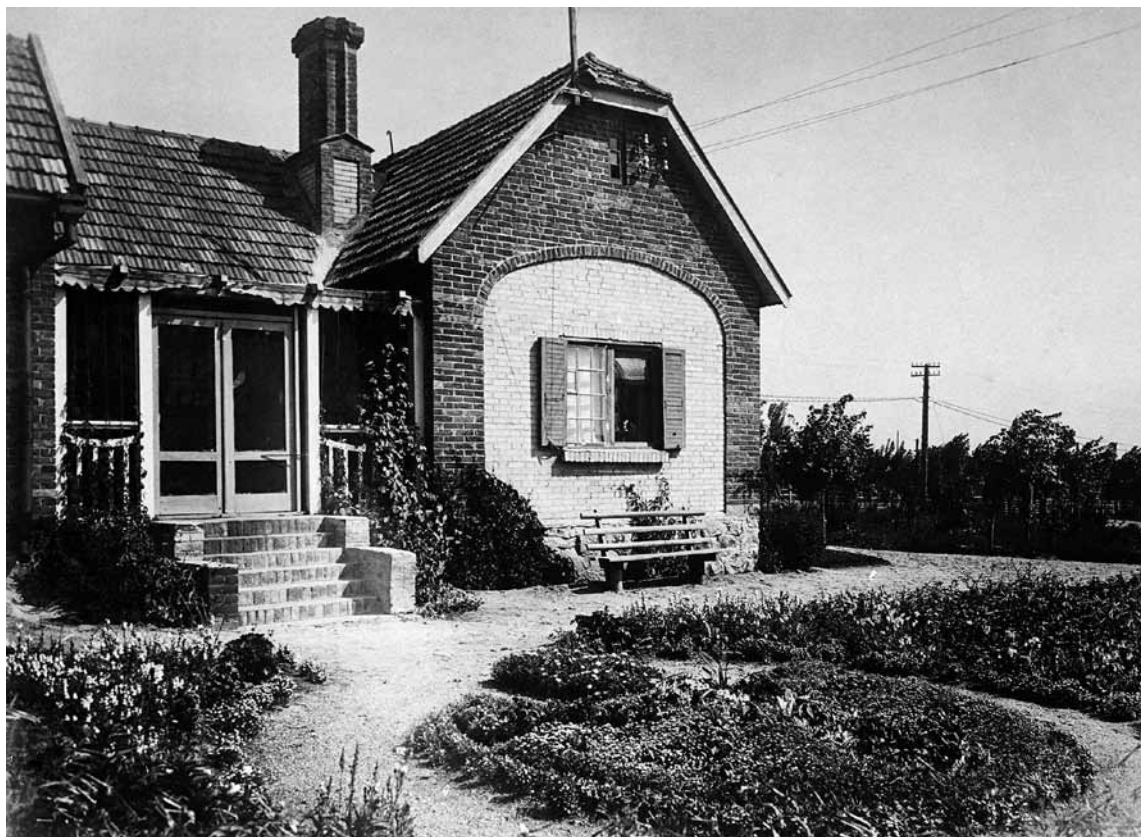

Большое Запорожье. Вид на центральную часть соцгорода. 1937

Большое Запорожье. Один из первых капитальных домов Днепростроя. 1927

Большое Запорожье. Соцгород. Коттеджная застройка для высшего технического состава Днепрогэс. 1935

Большое Запорожье. Соцгород. Дома для рабочих

Горький (ныне Н. Новгород). Соцгород автозавода. Застройка ул. Октябрьской. Конец 1920 — начало 1930-х

Горький. Жилые дома автозавода. 1936

Гомель. Рабочий посёлок стеклозавода. 1931–1933

Москва. Рабочий посёлок Усачёвский (Усачёвка).
Арх. А.И. Мешков, при участии Н.М. Молокова, Н.С. Щербакова и др. 1925–1928

Москва. Рабочий поселок Усачевка. Благоустройство дворового пространства

Москва. Усачевская ул. Здание универмага. 1925–1931

Москва. Застройка Хавско-Шаболовского жилого района. Арх. Н.П. Травин. 1927–1929

Москва. Рабочий городок Дангауэровка. Здание школы. Арх. Д.Ф. Фридман. 1935

Москва. Рабочий городок Дангауэровка. Арх. М.И. Мотылёв, А.П. Вегнер, Б.Н. Блохин, Е.В. Шервинский, Н.М. Молоков, И.А. Звездин, Д.Ф. Фридман. 1928—1932

Москва. Рабочий городок Дангауэровка. Застройка жилой улицы

Ленинград (ныне Санкт-Петербург). Жилой район на Тракторной ул.
 Арх. А.И.Гегелло, А.С. Никольский, Г.А.Симонов. 1927 г.

Ленинград (ныне Санкт-Петербург). Палевский жилой массив.
 Арх. А.И. Зазерский, Н.Ф. Рыбин. 1925–1928

Сталиногорск (ныне Новомосковск). Жилые дома в южном районе города. Вторая половина 1930-х

Сталиногорск (ныне Новомосковск). Детский сад в жилом комбинате химзавода.
Арх. Н.Л. Яковсон. 1935–1936

Сталиногорск (ныне Новомосковск). Застройка Комсомольской ул.

Сталиногорск (ныне Новомосковск). Жилой комбинат химзавода. Арх. Н.Л. Яковсон. 1935–1936

Сталинград (ныне Волгоград). Рабочий поселок Сталинградского тракторного завода. 1935

Свердловск (ныне Екатеринбург). Улица в рабочем городке Уралмаша. 1938

Магнитогорск. Улица в соцгороде. 1938

Магнитогорск. Коттеджная застройка в районе «Березки» для инженерно-технического состава металлургического комбината. 1935–1937

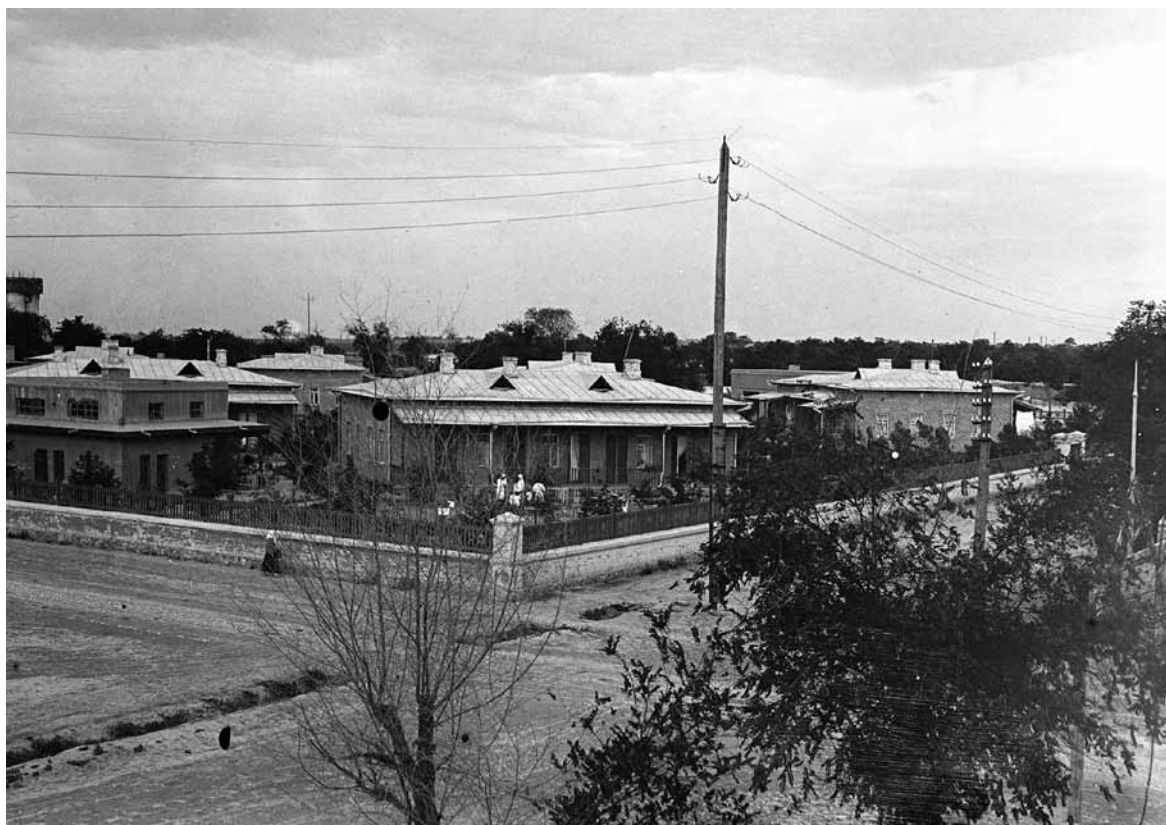

Батуми. Новые жилые дома. 1930-е гг.

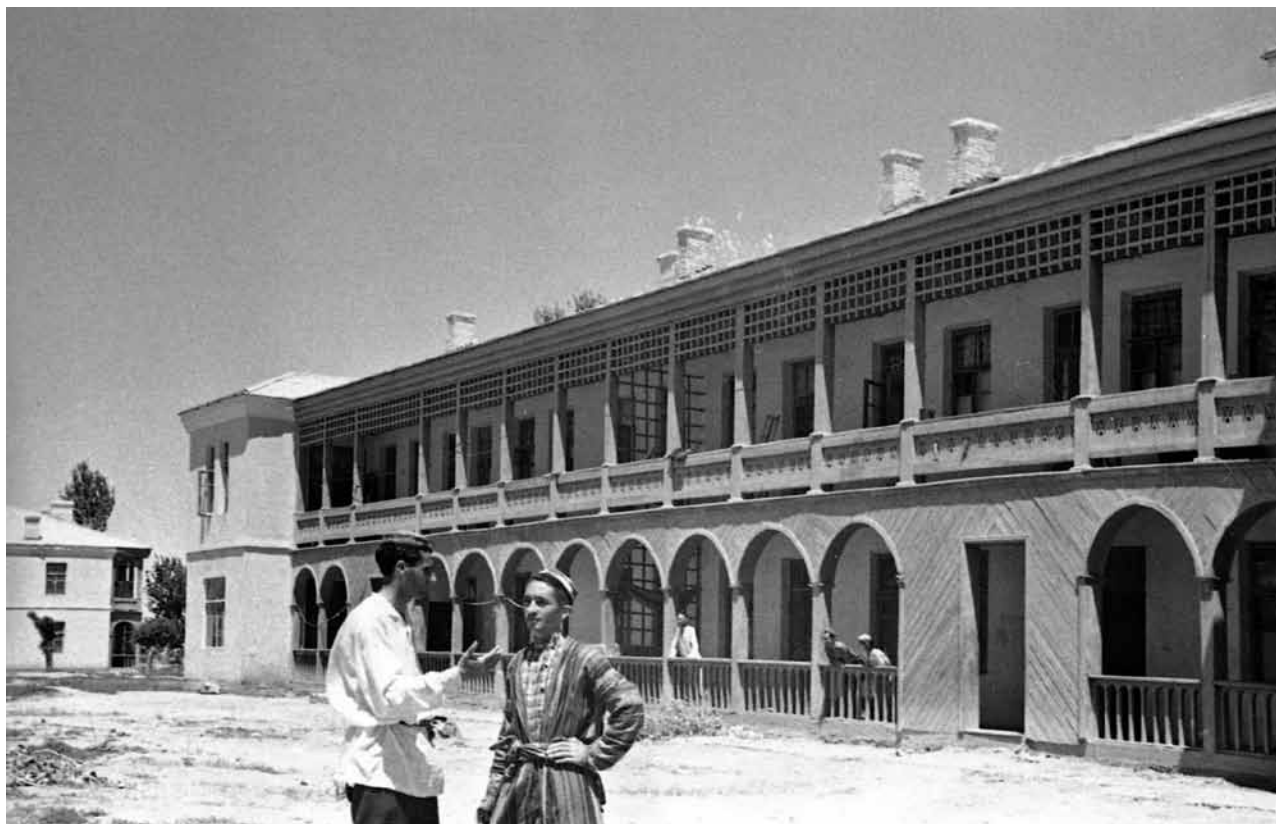
Архангельск. Рабочий поселок Экспортлеса. *Начало 1930-х гг.*

Ашхабад. Рабочий поселок текстильной фабрики. *Конец 1920 — начало 1930-х гг.*

Баку. Вид улицы в рабочем поселке Арменикенд

Бухара. Жилой дом для рабочих шелкомотальной фабрики. Вторая половина 1930-х гг.

Ташкент. Новые дома для рабочих текстильного комбината. 1934

РАЗДЕЛ II

Москва: формирование «градостроительного эталона» Страны Советов

---

*На стр. 256: Москва. Красная площадь.
Возле второго деревянного мавзолея В.И. Ленина.
Арх. А.В. Щусев. 1924*

От «соцгорода» к «городу-ансамблю»: наслоение концепций

Ю.Л. Косенкова

Утопическое сознание, в значительной степени определившее характер отечественной культуры на протяжении почти всего XX столетия, оставило свой след и в градостроительстве, создав некий фантом идеального города будущего. Этот смутно-обобщенный образ, всегда эмоционально переживаемый как профессионалами-архитекторами, так и обществом в целом, воспринимался как нечто такое, что вот-вот проявится из мира потенциального в мир действительности, стоит сделать только еще одно, последнее усилие. Проходили годы, изменялся и образ города, находящегося где-то там, за горизонтом реальности. Но каждый раз в сотнях городов страны, составлявших среду обитания для миллионов людей, оставались материализованные следы метаморфоз этого идеального образа — в виде не доведенных до конца градостроительных начинаний, невосполнимых утрат исторически сложившейся городской структуры, фрагментов ансамблей, оставшихся неосуществленными. Анализ этого явления обладает несомненной ценностью для понимания как советской культуры в целом, так и истории советского градостроительства.

Чем дальше отодвигается в потоке времени советский период отечественной истории, тем больше возможностей для его целостного изучения и тем очевиднее: как бы ни менялась «творческая направленность советской архитектуры», глубинные пласты профессиональной деятельности существовали по своим правилам. Оформившиеся определенным образом в 1920-е — начале 1930-х гг. способы профессионального мышления и подходы к решению тех или иных архитектурно-градостроительных задач при переходах от одного «этапа» к другому воспроизводились вновь и вновь из десятилетия в десятилетие, что обеспечивалось всеми

условиями единой социальной системы. Изменялись лишь конкретные формы проявления определенных аспектов профессионального сознания, в зависимости от характера «текущего момента»¹.

Многие черты, проявившиеся на протяжении всей истории советского градостроительства, дали о себе знать уже в первые годы после революции. Это стремление к организационной централизации всей архитектурно-строительной деятельности, желание охватить единой проектной волей как можно большую территорию, поиски единственно наилучшей, а следовательно, распространяемой на все системы расселения, целенаправленное стирание различий между городскими и сельскими типами поселений и т.п.

Все эти устойчивые специфические особенности определялись единой задачей создания «большого общества», выступавшей в качестве парадигмы советской истории. Понятие «большого общества», сформулированное в современной историко-философской литературе², указывает не столько на размеры социума, сколько на его качественную характеристику как монолитного сообщества людей, живущих едиными ценностями. На начальном этапе формирования советского государства существование множества исторически сложившихся локальных миров, живущих своей жизнью и отчужденно воспринимающих власть центра, никак не вписывалось в проект создания счастья для всего человечества.

Одним из самых важных и действенных средств контроля над территорией огромной страны, приведения ее к состоянию однородного единства считалось государственное планирование. На этой основе покоился один из краеугольных камней, на котором, в свою очередь, всегда строилось самосо-

знание советского архитектора — тезис о градостроительном начале советской архитектуры. Подход к проектированию городов, сложившийся в советское время, непосредственно вытекал из общей концепции народнохозяйственного плана, был непосредственным эхом тех баталий, которые велись в 1920-е гг. «на плановом фронте».

Первые годы НЭПа были отмечены борьбой Наркомфина, возглавлявшегося последовательным «рыночником» Г.Я. Сокольниковым с Госпланом, остававшимся порождением «военного коммунизма»³. Госплан создавался на базе Комиссии ГОЭЛРО — первого единого государственного плана. Госплан рассматривался как орган, призванный решать стратегические задачи развития советской экономики, но на самом деле на него с самого начала возлагалось решение многочисленных текущих задач, требовавших принятия директивно-распределительных мер.

Свертывание НЭПа во второй половине 1920-х гг., окончательный переход руководства страны к административному регулированию хозяйственных процессов быстро привели к обострению товарного голода и как следствие к актуализации идеи всеохватного, единого плана. В это время дискуссии ведутся только о различии взглядов на природу плана. Лидерами двух столкнувшихся позиций стали известные экономисты Н.Д. Кондратьев и С.Г. Струмилин.

Теория Кондратьева основывалась на необходимости сочетания плановых начал с развитием рынка и конкуренции. Он акцентировал внимание на реальности планов, резко критикуя разработку так называемых «смелых» планов, оторванных от реальных возможностей, «фетишизм цифр»⁴. Возражая ему, Струмилин говорил: «Мы никогда не откажемся от своих целей только потому, что их осуществление не обеспечено стопроцентной реальностью». Вопрос о ресурсах и возможностях реализации планов решался просто: «Воля пролетариата и наши планы, концентрирующие эту волю для борьбы за поставленные перед собой задачи, сами могут и должны стать тем решающим шансом, какого недоставало для их успешного разрешения»⁵. (Согласно исследованиям последних лет, Струмилин пережил нравственный слом в октябре 1924 г., когда его доклад на заседании Президиума Госплана СССР, где он допускал идеи отказа в плановом хозяйствовании от методов принуждения, возможность конкуренции частника с госпредприятиями, вызвал резкие политические обвинения.)⁶

Кондратьев высоко оценивал так называемый генетический метод планирования, основанный на

проявлении объективных, «стихийных» законов и тенденций экономического и социального развития, хотя не отрицал и значения телеологического метода, рассматривающего плановую деятельность как механизм реализации заданных целей экономической политики⁷. Свою концепцию планирования Кондратьев строил исходя из необходимости следовать законам экономики, охватывая плановым воздействием лишь основные тенденции народного хозяйства. Однако идея «плана-прогноза» Кондратьева вызвала яростное сопротивление, закончившееся предъявлением ученому политических обвинений и его арестом. Победу одержали сторонники взгляда на план как на директивный документ, определяющий конкретные явления хозяйственной жизни — размеры урожая или объем производства товаров на определенную дату. Возможность несовпадения реальных процессов с намеченными директивами пытались преодолеть путем детальной росписи плановых заданий и «доведения» их до исполнителей.

Так складывался особый тип проектной ментальности, призванный «волей пролетариата» в короткий срок преобразовать страну на единой основе и предопределивший, в частности, многие процессы в советском градостроительстве.

Предпочтение, отданное в планировании конструированию «должного» в ущерб кропотливому изучению закономерностей и тенденций развития «сущего», объясняет особую роль экономистов, сотрудников Госплана СССР и Госплана РСФСР в дискуссии о соцрасселении конца 1920-х гг., подмеченную в современных исследованиях⁸. Им принадлежали самые «смелые» модели будущих соцгородов, они более других были озабочены проблемами формирования нового человека, регламентацией будущей социальной жизни. На этом фоне как-то совсем потерялось основное в работе сотрудников Госплана: анализы и прогнозы тенденций развития городов, формирование их производственно-экономической базы. Дальнейший ход событий показал, что это не было случайностью.

В архитектуроведении последних трех десятилетий сделано весьма много для изучения «элитарного» слоя проектирования рубежа 1920 — 1930-х гг., связанного с идеями города будущего, социалистического расселения, поисками новых типов жилища. Этот слой концептуальных разработок ныне прочно включен в контекст отечественной и мировой культуры. Мастерски выполненные, наполненные свежими идеями градостроительные проекты для Москвы, Сталинграда, Магнитогорска,

Нижнего Новгорода, Нового Чарджоу, не будучи осуществленными, отвергнутые с изменением социально-политической обстановки, все же сыграли определенную катализирующую роль в градостроительстве предвоенного десятилетия.

Но процесс урбанизации в стране вовсе не был победным маршем новых городов, блестяще задуманных и спланированных, он шел сложными путями, и часто деревни просто переименовывались в города. Политика индустриализации способствовала быстрому количественному наращиванию городов и городского населения. Если верить данным переписи 1939 г., за 12 предшествовавших лет число городов в стране возросло с 708 до 923, число поселков городского типа — с 1216 до 1450. На 1 января 1941 г. насчитывалось уже 1241 город и 1711 поселков городского типа⁹. Увеличение численности городов значительно опережало качественное развитие урбанизации, которое определяется степенью включенности населения в городской образ жизни, общим характером городской среды и развитостью городской культуры¹⁰.

Реальные возможности «рутинного» градостроительного проектирования, на которое падала львиная доля обеспечения проектами столь стремительного экстенсивного роста городов, были весьма далеки от атмосферы, царившей в «параллельном» концептуальном проектировании. В этом, в частности, убеждает процесс зарождения будущего Гипрогора в недрах Картоиздательства НКВД в 1926 г. в виде небольшой проектной группы, образованной для конкретной задачи — перепланировки города Котельнича, пострадавшего от пожара. Проекты Котельнича, Вятки, Новосибирска, Астрахани, разработанные этой группой, основывались на традиционных планировочных схемах и индивидуальном строительстве без какого-либо намека на «обобществление быта». Экономические перспективы этих городов оставались абсолютно неясными, но проектировщики, очевидно сообразуясь с духом времени, сделали попытку создать генпланы, рассчитанные на 50, 75, 100 лет вперед. Нереальность такой практики сразу стала очевидной.

Первое законодательное постановление по градостроительству от 1927 г., созданное на основе обобщения опыта реального проектирования, устанавливало расчетный срок генплана в 15 лет. Но как оказалось, и такой срок ни Госплан, ни промышленные ведомства не в состоянии были обеспечить перспективными данными о развитии экономической базы. Госплан, изначально ориентированный на решение сиюминутных административно-рас-

пределительных задач, мог предоставить данные о развитии конкретного города лишь на год-два вперед, причем такие планы составлялись по отдельным ведомственным каналам, не объединяясь в увязанную территориальную программу¹¹.

Необходимость проектирования экономического района как предпосылки для развития города не была законодательно зафиксирована ни в 1927 г., ни в инструкции НКВД 1928 г., по которой в основном и велось практическое проектирование. Проектировщикам самим приходилось подменять плановые органы, разрабатывая проекты экономических районов по своему разумению. Некое подобие районных планировок по Сталинграду, Брянску-Бежеце, Владивостоку, Саратову и другим городам было начато еще в Картоиздательстве НКВД, а заканчивалось в Гипрогоре. Понятно, что практическая ценность таких разработок была достаточно низкой.

В 1933 г. на конференций Госплана СССР, посвященной реконструкции городов, под нажимом проектировщиков была признана необходимость составления комплексных планов городского развития хотя бы на пятилетку. Несколько ранее, 1 августа 1932 г., в приравненном к закону постановлении о планировке населенных мест был закреплён принцип проектирования города на основе комплексного плана развития тяготеющих к нему промышленности, сельского хозяйства, транспорта — правда, с оговоркой, что схемы районной планировки составляются в «потребных случаях». Более подробных указаний не было дано ни в законе, ни в подзаконном акте — инструкции по планировке городов, выпущенной НККХ в 1933 г.

Несмотря на то что в первой половине 1930-х гг. вопросам методологии проектирования городов уделялось большое внимание, в практике взаимоотношений проектировщиков и плановых органов мало что меняется. Вовлечение плановых органов в работу планировочных организаций вплоть до начала войны оставалось актуальной задачей, а получение от них плановых заданий по ведущим отраслям экономики проектируемого города являлось скорее исключением, чем правилом. Планировочные организации на свой страх и риск продолжали заниматься разработкой экономических гипотез проектируемых городов и целых районов. Хозяйственные наркоматы в лучшем случае давали свои заключения по уже проделанной работе, но могли и вовсе отказать в выдаче необходимых сведений. Поразительную отвлеченность плановых органов от перспективных проблем градострои-

тельства хорошо иллюстрирует речь председателя Госплана СССР Смирнова на Первом съезде советских архитекторов в 1937 г. В длинном выступлении он говорил о чем угодно, давал архитекторам массу советов и поучений, но так и не коснулся главного — сотрудничества в области промышленно-экономического развития городов.

Даже крупнейшие ведомственные проектные организации, такие как Горстройпроект, специально созданный для проведения единой политики по генеральному проектированию городов и рабочих поселков на базе предприятий тяжелой промышленности, — страдали от непредсказуемых скачков градообразующей базы, и, следовательно, расчетного количества населения. Так, всего за 2–3 года проектной работы генплан Магнитогорска потребовал изменений с 40 тыс. человек населения до 270 тыс.; Автостроя — с 50 тыс. до 300 тыс.; Красноярска — с 100 тыс. до 500 тыс.¹²

Волевое планирование отразилось в практике проектирования городов, в частности, и тем, что в 1931 г. Гипрогор отказался от статистического метода расчета населения, учитывавшего естественно сложившиеся тенденции данного района, и перешел к методу расчета «по трудовому балансу», разработанному Д.И. Шейнисом, в соответствии с «плановым строительством народного хозяйства». Односторонность этого метода, в сочетании с резкими зигзагами в экономическом развитии городов, в течение последующих десятилетий приводила к грубым просчетам, к хроническому отставанию наметок генерального плана от жизни¹³.

Природа волевого планирования, требовавшая детального «расписывания» плана, оказала огромное влияние на теорию и практику градостроительства в стране. Прежде всего сам генеральный план стал рассматриваться как некий окончательный документ, детально регламентирующий все параметры города на определенную точку во времени (расчетный срок). Регламентация будущего, а также проектирование города «на конец генплана», при котором неизбежно образовывался вакуум между «сегодня» и «завтра» длиной в 15–20 лет, порождали множество организационных и творческих проблем. Такая практика открывала дорогу для проявления различного рода «стихийных» сил, которые в методологии проектирования никак не осознавались и не учитывались, а потому были действительно губительны для города. Прежде всего это касалось деятельности хозяйственных ведомств. Нестыковка «окончательных» планов различных уровней и различной ведомственной принадлеж-

ности вносила дезорганизацию в проектирование и строительство городов. Периодически делавшиеся попытки сосредоточить все согласования в одном органе (например, в середине 1930-х гг. это был НТС НККХ) только тормозили работу, значительно удлиняя сроки проектирования, что также считалось недопустимым.

Жесткость в трактовке генплана, затягивание сроков проектирования, необходимость бесконечных переделок и распыление не слишком больших сил проектировщиков, в свою очередь, усугубляли другую серьезную проблему: необъятность проектирования. Лишь за первую пятилетку возле баз сырья возникли новые города: Магнитогорск, Сталинск, Прокопьевск, Березники, Большое Запорожье, Караганда, Красноуральск, Бобрики, Хибиногорск, Кемерово, Коунрад, Игарка, Дзержинск, Асбест, Нукус и др. К середине 30-х гг. планировочными работами были охвачены свыше 240 городов и рабочих поселков, разрабатывались планировки районов: Тагило-Кушвинского, Сталинского, Орско-Халиловского, Сочи-Магистинского, южного берега Крыма и др. Но как бы ни расширялся список объектов проектирования, территория огромной страны, не охваченная плановым оком, оставалась еще больше.

Для многих городов это означало бесплановое хаотичное (поскольку другие механизмы градорегулирования практически отсутствовали) развитие в течение длительного срока. Такая судьба постигла, например, Комсомольск-на-Амуре, несмотря на то что этот город с самого начала был включен в систему официальной пропаганды. Строительство города было начато весной 1932 г., лишь в 1937 г. появился первый эскиз планировки города (арх. Б.В. Данчич). Понадобилось еще около трех лет, чтобы довести генплан до стадии согласования и утверждения. Перед самой войной проект был наконец, представлен в Наркомхоз. Город за это время быстро рос, и в его застройке было наделано немало ошибок, практически неустраняемых.

Нет ничего удивительного в том, что в обстановке, когда оказалось почти невозможно «собрать» город на разумной основе народнохозяйственного планирования, само понятие «план» в градостроительном проектировании стало трактоваться расширительно и метафорически. Особенно хорошо заметен этот дрейф понятия плана из сферы народнохозяйственной в сферу собственно архитектурно-художественного творчества и «ансамблевого мышления» на примере генплана Москвы в период его разработки (1931–1935). Разумеется, этот про-

цесс был вызван к жизни не только и даже не столько внутренними проблемами градостроительного проектирования, но и всем ходом социального и культурного развития общества в этот период. Методологическая модель, отработанная на генплане Москвы, во второй половине 1930-х гг. стала приобретать универсальное значение, о генплане столицы говорили, что он «вооружает всю коммунальную периферию».

Такие компоненты градостроительного проектирования, как схема распределения территории, социально-экономические установки и пр., стали восприниматься как «не имеющие самодовлеющего значения» и не стоящие больших затрат времени¹⁴. Плановое развитие города — это «не только организационные вопросы, но и творческие»¹⁵. А раз так, то на первый план выходит личность «мастера», и сам город в профессиональном сознании начинает как бы выворачиваться: «Город — это сумма ансамблей. Ансамбль — это сумма отдельных зданий. Если архитектор умеет проектировать здание, то он должен уметь проектировать ансамбль, а, следовательно, и город как сумму этих элементов. Все дело только в том, что задача от отдельного здания до города всемерно усложняется, и для того, чтобы спроектировать город как большое архитектурное полотно, нужно быть большим мастером»¹⁶.

Чем более расплывчатым становился город с точки зрения его функциональных и экономических параметров, тем более жесткой становилась архитектурно-художественная регламентация: «Проект города должен считаться готовым лишь тогда, когда решено все до единого ансамбля, едиными людьми, единой волей»¹⁷. Плановое, то есть подконтрольное, развитие города и создание ансамблей становятся почти синонимичными понятиями: «...впервые понятием ансамбля охватывается весь городской организм, впервые архитектура получает возможность каждый кусок города и весь город в целом решать как систему архитектурных ансамблей»¹⁸.

Вся практика предвоенного градостроительства пронизана напряженным ожиданием долженствующих спуститься сверху «твердых и ясных» указаний о перспективах развития городов. Вся система проектирования генеральных планов была ориентирована на это. Но сама природа волевого планирования парадоксальным образом не позволяла сбыться этим ожиданиям. Специфический характер планового и стихийного начал в свою очередь своеобразно окрашивал проблему соотношения настоящего и будущего города, его сегодняшнего и завтрашнего дня.

Один из основных аспектов этой проблемы, пронизывавший градостроительные разработки 1920-х гг. — вопрос о конечности развития города во времени, о прекращении его роста по достижении некоего идеального, с точки зрения проектировщиков, состояния. Пристрастие к романтической идее города-сада в первые послереволюционные годы определяло «простое» решение: пройдя необходимые этапы развития, город должен был остановиться и сохраняться в «идеальном» состоянии неопределенно долгий срок. Пример такого подхода — проект пригорода-сада под Москвой «Приволье», разработанный в 1918 г. (инж. В.В. Воейков, В.Е. Дубовский)¹⁹.

Урбанисты связывали преодоление пороков существующих городов с определенностью, даже замкнутостью их территории. Дезурбанисты, наоборот, строили свою концепцию, исходя из уничтожения пространства города, беспредельности его границ. Хорошо известно, как интерпретировались и сочетались эти позиции в архитектурно-градостроительных проектах братьев Весниных, И.И. Леонидова, М.Я. Гинзбурга, Н.А. Ладовского, Н.А. Милютин, В.Н. Семенова и др.

Однако пока шли новаторские поиски и эксперименты, жизнь развернула проблему соотношения настоящего и будущего города совсем другой стороной. В ходе бурного строительства городов при базах сырья и при вновь возникающих промышленных предприятиях гораздо более важным оказался не вопрос о том, как правильно ограничить (или не ограничить) развитие города, а как правильно начать город, не загубив с первых шагов его будущее. Сложная социокультурная надстройка, сопровождавшая градостроительные дискуссии рубежа 1920—1930-х гг.²⁰, в практике натолкнулась на отсутствие реального механизма создания города, точнее, на такой стихийно сложившийся механизм, который был способен погубить любые превосходные замыслы.

Город чаще всего начинался так: тщательно прорабатывались все проблемы строительства промышленных комбинатов, обследовались площадки под застройку, составлялся генплан расположения производственных цехов, схемы грузопотоков и транспорта, решались вопросы коммуникаций и энергоснабжения. Начиналось строительство одного или нескольких промышленных предприятий, часто принадлежавших различным ведомствам и никак планировочно друг с другом не согласованных. Быстро росли временные «барачные поселки», население которых достигало сотен тысяч человек.

Такие поселки, например, выросли в Магнитогорске, Нижнем Тагиле, при Горьковском автозаводе, на орском Паровозострое, в Прокопьевске, Кемерове, Ленинске и др. Лишь после этого, как правило, возникал вопрос о выборе площадки для города. В Нижнем Тагиле, к примеру, практически одновременно были построены металлургический завод, коксохимический комбинат, вагоностроительный завод и агломерационная фабрика. Все четыре предприятия были тесно связаны между собой по производственному процессу, но их функционально-планировочные связи были организованы крайне нерационально, что затрудняло производство, а главное, выключало из освоения наиболее выгодные для городского строительства участки. Вопросы строительства города не были приняты во внимание и при закладке Кузнецкого металлургического завода, и Горьковского автозавода, вследствие чего пришлось эти города строить на заболоченных территориях, с высоким горизонтом подземных вод, с большим вложением средств.

С ростом объемов строительства проблема градостроительных деформаций на начальных этапах развития города становилась все более острой и нетерпимой. Третий пленум правления Союза советских архитекторов, проходивший в июле 1938 г. в Ленинграде, был полностью посвящен этим вопросам. Но в соответствии с духом времени все большие проблемы — повсеместное размещение жилья в непосредственной близости от вредных производств, затяжка и путаница в планировочных работах, растягивание территории городов так, что невозможно организовать транспортные связи, распыление строительства и т.п. — были списаны на происки «троцкистско-бухаринских агентов фашизма»²¹.

На практике же вопрос стоял не столько о том, как избежать двойного строительства города, сначала «начерно», а затем «по-настоящему» (это воспринималось как неизбежность), сколько о том, как первый, временный, барачный город преобразовать в город социалистический. Идея заключалась в том, чтобы первоначальные временные бараки путем многократных достроек и переделок преобразовать в полноценное жилье и общественные здания²².

Между началом строительства города, временем окончания разработки и утверждения генплана в различных инстанциях и расчетным сроком, на который ориентировались все параметры города в разработанном генплане, неизбежно образовывался промежуток «смутного» времени, иногда в десятки лет, за который количество «неправильностей» в строительстве города успевало перерасти в новое

качество исходной ситуации, требовавшее нового цикла проектирования.

Попытки установления «очередей» строительства мало что давали, поскольку реальные строительные возможности далеко не всегда совпадали с требованиями архитектуры. Так, например, в проекте Большого Красноярска, разработанном в середине 1930-х гг., центр города был запроектирован на селитебном «пятне», участок которого предполагалось осваивать лишь через несколько десятков лет. Город был обречен либо существовать долгие годы без важнейших своих элементов, либо строиться без согласования с генпланом, что и происходило.

В предвоенные годы были попытки преодолеть случайное заполнение планировочного «вакуума» административным путем, предельно упрощая подлежащий обязательному утверждению проектный материал. Так, были предложения представлять на утверждение не генплан, а лишь схему распределения территории, как наименее подверженную изменениям в течение времени²³. Но в конце 1930-х гг. в практике окончательно закрепилось двухстадийное проектирование города, предполагавшее на первой стадии разработку генплана и проекта первой очереди, а на второй — подготовку детальных проектов планировки. Пожелания о сокращении числа органов, рассматривающих и утверждающих проекты на каждой стадии, так и остались пожеланиями. К концу 1930-х гг. окончательно сформировался сложный к неэффективный бюрократический механизм, контролирующий строительство города, впоследствии проявивший себя в экстремальных условиях послевоенного времени.

Градостроительная дисциплина, о которой так много говорилось в эти годы, стала пониматься не как действие в определенных разумных рамках (не разработанных теоретически и не закрепленных законодательно), а как точное и неукоснительное следование детально регламентированному (а фактически перманентно находящемуся в стадии утверждения) проекту: «В конечном результате планировка города, предопределяя архитектурную идею, должна дать окончательную, не подлежащую никакому изменению объемно-пространственную систему застройки для первоочередного района, составляющего законченный в себе ансамбль»²⁴. Если проблема планового развития городов, не решаясь из года в год, во второй половине 1930-х гг. сублимировалась в проблему ансамбля, понимаемого как средство волевого планирования города, то проблема настоящего и будущего как последовательного и логичного развертывания градостроительных работ

постепенно трансформировалась в задачу строительства «перекликающихся между собой ансамблей», «подобно зодчим Ренессанса и других великих эпох». Настоящее и будущее города обсуждалось уже не в организационном, а в философско-метафорическом ключе, причем несомненность становления лучезарного будущего подтверждалась не из сегодняшнего дня, а выводилась из несомненной ценности прошлого: «Архитектура и планировка города только сейчас и только у нас вновь становится областью приложения высшего архитектурного мастерства. Мы — богатые наследники прошлого, и мы тем богаче, что впервые можем свободно использовать накопленные богатства, учиться терпеливо и вдумчиво на примерах прошлого и отразить это в планировке наших городов, найти в результате больших творческих исканий образ нового, социалистического города — такова почетная задача, которую нам предстоит разрешить»²⁵.

Таким образом, к середине 1930-х гг. фактически произошла смена приоритетов в градостроительстве. Социально-функциональные аспекты преобразования городов требовали сложной и кропотливой аналитической работы и постепенных, значительных по затратам времени и финансовых средств, практических шагов. Однако такой характер архитектурно-градостроительной работы не соответствовал форсированным темпам происходившего в стране строительства и не отвечал главному критерию, заданному государством и помещенному в центр всей общественной жизни страны, — развитию промышленности. Попытки решить проблему коренной реконструкции городов на основе принятой концепции волевого государственного планирования были достаточно быстро вытеснены задачей создания убедительного художественного образа планового развития города. Изменения в профессиональной психологии работы с городом нарастали постепенно, однако уже в 1920-е гг., когда, казалось бы, поиски в градостроительстве имели совсем другую ориентацию, можно заметить ряд черт, сходных с отношением к городу во второй половине 1930-х гг. Процесс становления ориентиров градоформирования в предвоенном градостроительстве заслуживает отдельного рассмотрения.

Характеризуя архитектурно-градостроительные дискуссии рубежа 1920–1930-х гг., В.Э. Хазанова отмечает две черты, с нашей точки зрения, весьма важные и для развития советского градостроительства в последующие десятилетия. 1. Накал «социального оптимизма» был столь высок, что никто из

участников дискуссий не задумывался над тем, что произойдет, если вопреки предсказаниям существующие города, со всем их «наследием капитализма», не будут сметены с лица земли и заменены тем или иным типом социалистических поселений, а останутся на своих местах. Пути их реального преобразования к началу 1930-х гг. оставались совершенно неясными. 2. Восприятие участниками дискуссий своей собственной проектной деятельности было не совсем адекватным: «Они были уверены, что создают “схемы соцгорода” и “схемы соцрасселения”, буквально следуя тезисам теоретиков урбанизма и дезурбанизма. На самом деле они представили две концепции архитектурно-пространственных композиций. В одной из них доминировали объемы, а в другой — пространство»²⁶.

Два момента, зафиксировавшиеся в профессиональном сознании уже в 1920-е гг. — невнимание к изучению, пониманию и направлению в нужное русло особенностей жизни существующих реальных городов; эмоциональный в своей основе, статичный в своей конкретной завершенности образ будущего, — проявили себя и в дальнейшем, когда, казалось бы, отношение к предшествующим градостроительным идеям было сверхкритичным.

Это странное состояние проектной ментальности можно проиллюстрировать на проблеме взаимоотношений города и промышленности. Всеобщее увлечение техникой будущего, уверенность в том, что в самые ближайшие годы все промышленные предприятия будут полностью обезврежены, делали как бы ненужными всякие исследования этой проблемы в рамках архитектурно-градостроительной деятельности. Соотношение «город — промышленность» воспринималось в большей степени как образно-композиционная задача, причем в первую очередь людьми, по роду своей деятельности призванными заниматься функциональными аспектами этой проблемы. Экономист С.Г. Струмилин писал в 1930 г.: «В социалистических городах решающее значение, конечно, приобретают те пункты повседневного общения, вокруг которых организуется коллективный труд. Здесь, казалось бы, только эти очаги коллективного труда и могут стать центрами тяготения в расселении данного коллектива. Рынок при организованном снабжении вообще и в общественном питании в частности обречен на неотвратимое угасание. Биржи и храмы в качестве центров человеческого общения и подавно не могут у нас иметь никакого будущего. А фабрики и заводы — эти вырастающие на смену старых храмин гигантские храмы современности —

несомненно являются наиболее естественными центрами повседневного трудового общения в городах будущего»²⁷.

Завод, по мысли Струмилина, должен быть помещен в центре социалистического города, а что касается «грохота, грязи, дыма и вредных испарений», то «технически вовсе не представляется неразрешимой или даже очень трудной задачей уловить их системой мощных вытяжных труб и пылесосов и дать им полезное применение. Нужно лишь в плановом порядке поставить эту задачу перед проектирующими организациями...». Идея же оздоровления жизни трудящихся путем удаления заводов подальше от жилья, ограждения их какими-либо зелеными «завесами» — это «явно неприемлемая для нас интеллигентски-слащавая маниловщина».

Архитекторов, пытавшихся не в будущем, а уже сейчас решить эту проблему пусть несовершенными, но доступными средствами, разделяя производственную и жилую зоны, Струминин критиковал за то, что они отвечают на вопрос «совсем не по-инженерски», и поддерживал специалиста по транспорту академика В.Н. Образцова, который считал, что «при социалистическом строительстве не может быть такой промышленности, которая выпускает вредные газы (куда бы она их ни выпускала), которая бы заставляла рабочих работать во вредных условиях»²⁸.

Ни тот, ни другой подходы к решению проблемы, по сути, в равной степени не базировались на достоверном знании о предмете, более того, необходимость таких знаний не была введена в систему профессиональных ценностей.

Практический результат не заставил себя ждать. История проектирования и строительства Магнитогорска, переноса города с левого берега реки, где он оказался в невыносимых условиях, на правый берег — самый крупный и потому наиболее известный пример градостроительных ошибок этого времени. Но и возведение правобережного Магнитогорска лишь весьма условно приближало градостроителей к решению проблемы²⁹.

Первые шаги в практическом строительстве показали, какое множество конкретных вопросов еще не имеет ответа. Блестящие проекты социалистических городов, казалось бы, всесторонне проработанные архитектурной культурой авангарда, будучи в 1930-е гг. доведенными до «рабочего» состояния, воплощались и воспринимались не так, как задумывалось.

Первым проектом, поступившим на утверждение союзным правительством в феврале 1934 г.,

был проект Большого Запорожья, разработанный в Гипрограде под руководством В.А. Веснина. Принцип планировки, диктовавшийся в ходе предыдущих проектных опытов борьбой со скученностью старых городов, теперь был воспринят как невероятная разреженность городской среды, вызвавшая легкий шок даже в правительстве, которое, судя по плановым наметкам второй пятилетки, утвержденным в том же году, трудно было упрекнуть в излишнем прагматизме³⁰.

При реализации проекта сказались все больные места советской градостроительной практики. Сохранилось, например, свидетельство современника, описавшего обстановку в соцгороде Запорожья: низкое качество строительства, люди живут в домах, рассчитанных на обобщественные формы быта, но сама система общественного обслуживания не создана. Все бытовые процессы проходят непосредственно в комнатах, повсюду грязь, мусор и т.п.³¹

Если во второй половине 1920-х годов представление о том, что город должен изучаться комплексно, с привлечением общественных, естественных и точных наук, существовало лишь на уровне общей идеи³², то практическое строительство, развернувшееся в начале 1930-х гг., поставило перед необходимостью организации этой работы. Взгляд на город как на сложный комплекс был даже закреплён законодательно в постановлении ВЦИК и СНК РСФСР от 1 августа 1932 г., а затем ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1933 г.: «Проекты планировки населенных мест должны составляться на основе полной увязки всех элементов производства, энергетики, транспорта, благоустройства, быта, гигиены, культуры в их взаимной между собой зависимости с учетом перспектив развития»³³.

В первой половине 1930-х гг., когда советская архитектура в целом переживала поворот к ретроспективизму и новый этап идеологизации своих задач, для теории градостроительства образовался короткий, длиной всего в несколько лет, период, когда старые идеологемы уходили в прошлое, а новые еще не вызрели в полной мере. Этот узкий «зазор», тем не менее, оказался достаточно плодотворным. Парадоксально, но на фоне все большего разворачивания проектирования «соцгородов», игнорировавших, в силу своей природы, местные условия, именно эти несколько лет отмечены, по крайней мере на уровне теории, вдумчивым отношением к реальной ситуации каждого конкретного города, попытками разработать адекватный инструментальный для изучения его функционирования.

В это время много писали о том, что проектирование города должно идти «от природы к чертежу», необходим отказ от каких бы то ни было заранее изобретенных схем, по которым планировка города осуществляется, игнорируя экономические, климатические, территориальные и другие условия каждого города в отдельности³⁴. Такой подход по мере возможности пытался внедрить в свои разработки Гипрогор, частично и Горстройпроект. Это было сложнейшей организационной задачей. На первых порах проектно-градостроительные работы практически полностью были сосредоточены в руках архитектора-планировщика. Он подменял собой весь комплекс специалистов. Постепенно к проектированию подключались экономисты, санитарные врачи, инженеры различных специальностей. Как правило, они не обладали специальной подготовкой, стремясь подчинить общее градостроительное решение частным инженерным вопросам³⁵.

Постепенно в проектах планировок устанавливалась связь с техническими проектами городского оборудования, а затем и с земельно-хозяйственным устройством пригородных районов. С 1932 г. Гипрогор стал привлекать к своим работам научно-исследовательские институты, но, как правило, получал от них материалы, мало связанные с целями планировки городов. Однако крупные исследовательские работы по Баку и южному берегу Крыма проводились уже по программам архитекторов, с обязательным их участием в обсуждении результатов³⁶.

В том же 1932 г. институт коммунальной санитарии Наркомздрава РСФСР приступил к проработке вопросов размещения предприятий в связи с планировкой города. Проводилась классификация типов вредных выбросов промышленного характера и типов предприятий в городах, в том числе и только намечаемых к размещению, давались рекомендации санитарным разрывам³⁷.

Все это были лишь первые шаги, и теоретическое осмысление всего комплекса оснований для планировки города чаще всего не совпадало с практикой. Проектным организациям приходилось не только подменять плановые органы в разработке экономических гипотез развития городов, но часто и основной объем предпроектных изысканий проводить своими силами, либо самостоятельно заказывая их другим организациям за счет сроков и средств, отпущенных только непосредственно на проектные работы³⁸.

Такое «проглатывание» предпроектного цикла определялось всей уже сложившейся практикой градостроительного проектирования, ориентиро-

ванного на форсированные темпы. Вместе с тем объективная сложность и трудоемкость исследования города, отсутствие опыта часто сказывались в недостаточно точной «нацеленности» материалов, росте их объемов до пределов физических возможностей считывания и усвоения. Так, например, генеральный проект планировки Харькова содержал 13 томов общим объемом более 4 000 страниц текста и 250 чертежей. Генеральный проект Горького составил 200 чертежей к 1 500 страницам текста. Проектные материалы едва вмещались в 3-тонный грузовик³⁹. Проект Челябинска содержал 1 270 страниц текста, 147 чертежей и 14 макетов и т.д. Все это приводило к попыткам отказаться от «лишних» материалов, в первую очередь характеризующих различные аспекты жизни города: исторические справки, анализ существующей застройки, характер расселения, картограммы движения транспорта, планировка пригородной зоны и т.п.

В этом ряду нередко оказывались «лишними» и попытки проработать проблемы архитектурно-художественной организации города, определить наиболее выгодные в данной ситуации точки восприятия, силуэт застройки, зоны визуального влияния памятников и т.д. Во второй половине 1930-х гг. стало считаться, что архитектурный анализ территории города, составление специальных картограмм излишни, поскольку «грамотный архитектор в них не нуждается, а для широкого круга лиц они недостаточно понятны»⁴⁰.

Такая точка зрения на первый взгляд кажется странной, поскольку именно в этот период архитектурно-художественные аспекты формирования города выходят на первый план. Однако этот архитектуроцентризм, как известно, был особым свойством, выполняя в первую очередь роль инструмента для разъяснения народу социальных и политических идей. Организация города на рациональных основаниях, понимаемая как взаимоувязанное решение всего комплекса социальных, инженерных, экономических, художественных задач, требовала огромной работы и длительного срока вызревания, требовала времени, которым не располагали те, кто реализовывал свой проект «большого общества». В своей знаменитой речи о пролетарской архитектуре, произнесенной 14 января 1932 г., А.В. Луначарский говорил: «...задача архитектуры заключается в том, чтобы утилитарные цели, функциональную часть плана как можно более гармонично и полно включать в замысел, который имеет идеологический характер»⁴¹.

Форма разъяснения идей социализма, которая складывалась в 1930-е гг., была рассчитана не на

сознание, а на эмоции, и не требовала слишком больших затрат сил и времени. Стремление создать однородную социальную целостность, своего рода самоорганизующуюся систему⁴² требовало формирования в массовом сознании упрощенного и одновременно целостного восприятия мира, оперирования прежде всего наглядно-чувственными ассоциациями, устойчивыми стереотипами, апелляции не к личному, а к коллективному опыту⁴³. В градостроительстве социальные мифы постепенно обретали адекватное выражение, а в понятие социалистического города вкладывался теперь прежде всего архитектурно-композиционный смысл. Задача преобразования городов отходит на второй план и в условиях социалистического общества считается априори решенной. Один из авторов генплана Москвы В.Н. Семенов писал: «В социалистическом городе не должно оставаться старых дефектов. Но это требование негативного характера. Архитектура же социалистического города должна нести в себе положительное творческое начало. Это начало — в сложной композиции социалистического города. *Проект города — это образ города* не только в плоскости, но и в объемах»⁴⁴.

Город в представлении архитекторов 1930-х гг. — это прежде всего образ, насыщенный идеологическим содержанием⁴⁵ и, следовательно, достаточно безразличный к свойствам самого города, к его индивидуальности. Идеологические и политические стереотипы требовали столь же стереотипных архитектурно-градостроительных средств. И с этой точки зрения выращивание художественного своеобразия города исходя из анализа конкретных условий действительно оказывалось «излишним».

Город как материал для выражения некоей сверхидеи — именно такой смысл вкладывался во все рассуждения второй половины 1930-х гг. об архитектурном начале города или о градостроительном начале архитектуры (эти компоненты удивительно легко менялись местами) как преимуществе социалистической системы, в отличие от западной культуры, где «план города все более решительно подчиняется требованиям инженерного, а не архитектурно-художественного характера»⁴⁶.

Социалистический город должны были отличать целостность, единство и всеохватность замыслов «от города в целом до последнего здания», в отличие от капиталистического города, проект которого — «только сумма отдельных архитектурных и технических проектов, не связанных между собою в одно органическое целое». Нужна не безразличная «сетка» города, а крепкий композиционный

«скелет», и не просто скелет, а «законченный живой организм»⁴⁷.

Если «архитектурное единство города — это следствие той внутренней гармонии самой жизни, гармонии, возможной лишь в социалистическом обществе»,⁴⁸ то верно и обратное: композиционная гармония города — почти то же, что гармония самой жизни. Единство замысла города выражает высшую надличностную волю, всевидящий и всеохватный разум, заботящийся обо всем сразу, разумную организацию общества сверху донизу: «...через единство в архитектуре столицы выражается идея государственной власти и государства, как некоей организованной системы»⁴⁹. (Характерно, что при обилии опубликованных в это время материалов по генплану Москвы его авторы нигде не персонифицировались, даже в профессиональной печати. Но «генплан» прочно связывался с эпитетом «сталинский»).

Архитектор в принятой системе смысловых координат становился воплостителем этой высшей воли, возводился в ранг «государственного деятеля», а также наделялся некими особыми качествами: «Может ли архитектор в работе над проектом планировки представить себе город в целом? Многие полагают, что архитектор не может и не должен задумывать всей объемной композиции города, считая это попыткой “объять необъятное”. Может ли человек определить архитектурный образ целого города? Доступно ли его восприятию что-либо — большее, чем улица или территория жилого участка?.. На все эти вопросы следует ответить утвердительно»⁵⁰.

Возрастающая метафоричность профессионального сознания, оперировавшего понятиями, плохо переводимым на язык практики, имела два противоположных оттенка смысла — позитивный и негативный. С одной стороны, безграничные возможности «создавать не только отдельные клеточки архитектурного организма — отдельные здания, но и целостные ансамбли, ансамбли, которые открывают для архитектурного творчества бесконечно богатые и яркие перспективы». С другой — постоянное недопонимание архитекторами своих задач: «...наши архитекторы еще не умеют творчески использовать те колоссальные преимущества, какие даются им самими условиями проектирования и строительства в нашей стране»⁵¹. «Архитекторы еще не поняли» и «до сих пор нет ни одного полноценного ансамбля» — рефрен, который будет сопровождать градостроительную практику и далее, в послевоенном десятилетии.

Те факторы современного города, которые работали на разрыв целостной композиции — промыш-

ленные и технические сооружения, особенности территории — выключались из эстетической концепции города, становились как бы невидимыми. По отношению к ним, в лучшем случае, высказывались общие пожелания включить их в строгую иерархию ансамблей, идущую по восходящей: от квартала как «первичного ансамбля» до ансамбля городов и населенных пунктов в системе расселения. «Конечно, промрайон или любой иной территориально-строительный комплекс должен быть обработан как ансамбль и включен в общую систему города»⁵².

Между «архитектурным» и «инженерным» способами организации города пролегла граница, которая, по представлениям тех лет, разделяла советскую и зарубежную архитектуру. Сознание исключительности своего пути приводило ко все более углублявшемуся изоляционизму и нежеланию солидаризироваться с западной культурой даже на базе научно-технического прогресса. В частности, проблема «город и промышленность» стала развиваться отнюдь не по пути «уловления вредных газов», а по пути поиска «архитектурного лица советского завода». Аргументация была не особенно логичной: на западных заводах поразительная чистота, но рабочий знает, что это лишь дополнительное средство эксплуатации. У нас же «рабочий-хозяин может требовать самого высокого качества архитектурного оформления места своей работы»⁵³. Чистота в цехах пока еще не достигнута, но зато красиво оформлен вход на завод и кое-где даже имеются фонтаны.

«Функциональный город» как понятие постепенно исчезает из теории и практики градостроительства. Четвертый Международный конгресс архитекторов, темой которого должен был стать именно «функциональный город» (СНК СССР утвердил было его созыв в Москве в ноябре 1931 г.), сначала переносится на осень 1932 г., затем на весну 1933-го, а затем вопрос о проведении конгресса вообще снимается. Между тем проблемы рациональной организации города, естественно, никуда не исчезли, но их решение, не доработанное теоретически, не закрепленное организационно и законодательно, приняло случайный характер. Так, например, санитарные разрывы между предприятиями и жилыми районами повсеместно либо не предусматривались, поскольку считалось, что для временных поселков (на самом деле существовавших десятилетия) они не нужны, либо хаотично застраивались случайными сооружениями, превращались в свалки⁵⁴.

Начинает меняться и тот образ «передовой науки», который культивировался в стране в первые послереволюционные годы, а вместе с тем стано-

вится все более отрицательным отношение к выстроенной на рациональных основаниях базе знаний о городе, начавшей было формироваться. Будущий идеолог «лысенковщины» И.И. Презент так выразил взгляд на науку, характерный для рубежа 1920–1930-х гг.: «Наука в действительности является одной из форм борьбы классов за свои интересы. Буржуазия благодаря своей классово-эксплуаторской природе не может расшифровать все виды своего классового оружия и вынуждена маскировать его защитным цветом бесклассовости»⁵⁵. Тезис о классовой науке на первых порах был несовместим с национальной обособленностью и предполагал единство прогрессивной мировой науки. Образ «новой» науки, противопоставляемой «старой» буржуазной науке, был тесно связан с ожиданием близкого технологического чуда.

По мере изменения социальной и политической ситуации к середине 1930-х гг. все более несостоятельными оказывались надежды на уникальные возможности, открываемые социализмом перед наукой, благодаря которым жизнь впервые может быть устроена на строго научных основаниях. Буржуазной науке начинает противопоставляться наука советская, которой так же, как и искусству, предписывается акцентировать роль традиций. В науке, так же как в архитектуре и других областях культуры, в это время идет пересмотр понятия «новаторство». Все более явным становится противопоставление советской науки, носительницы прогрессивных мировых традиций, и зарубежной науки, основанной на бездуховности различного рода технологических «новшествах». Термин «буржуазная наука» приобретает в конце концов значение, прямо противоположное тому, которое вкладывалось в него на рубеже 1920–1930-х годов. В конце 1930-х — 1940-е гг. «буржуазность» означает прежде всего отклонение от традиций, распад и разложение культуры⁵⁶.

Первый съезд советских архитекторов, состоявшийся в 1937 г., оказался вполне на уровне общих тенденций, осудив различные «новшества», которые пытались ввести «лжеученые, орудовавшие на теоретическом фронте: Сакулин, Шелейховский, Дубрович, Кругляков и др.». Математические методы в градостроительстве, разработкой которых занимался Б.В. Сакулин с 1920-х гг., были названы «чудовищной дребеденью», также как и «логарифмические и интегральные обоснования композиции городского плана» Г.В. Шелейховского. Все это, по словам К.С. Алабяна, было лишь «дымовой завесой», прикрывающей ложные концепции.

Главная же задача состояла в том, что «все живые творческие силы планировочного фронта должны овладеть принципом социалистического реализма», что означало «идейную вооруженность, расширение политического кругозора и глубокое осознание социалистической действительности»⁵⁷.

В середине 1930-х гг. сквозь нарастающую волну демагогических высказываний еще пробивались отдельные возражающие голоса. Так, в 1935 г. возникла полемика между Г.В. Шелейховским и А.М. Мостаковым. Последний выступил в «Архитектурной газете» со статьей, где утверждал приоритет архитектурно-планировочной композиции перед всеми другими факторами формирования города. Возражая ему, Шелейховский писал: «Считается допустимым как некий главенствующий мотив и основание к принятию той или иной композиции городского плана, суждения о красоте так называемого (как это в ходу у некоторых планировщиков) “планировочного пятна”, как будто и впрямь прав т. Мостаков, что “законы психологического воздействия на зрителя одинаковы и для города в целом и для любого объемного сооружения”? Что это — сверхчувственность постижения зрителем города его плана или забота о полноте эстетических переживаний стратонавтов, взору которых только и будет открываться эта целостность композиции города? Неужели жители советского города стали эстетамы в такой мере, что готовы ежедневно по два раза затрачивать на переезд к месту работы до I часа времени ради “хорошо прорисованных” контуров города, в которых арх. Мостаков и те, что с ним, найдут то ли успокоительную “мягкость линий”, то ли “четкость рисунка”, “гармоничность” “пере-

кликающихся” и “хорошо звучащих” частей легко читающегося целого?»⁵⁸. После съезда архитекторов 1937 г. и предъявления «лжеученым» политических обвинений различие точек зрения на проблему формирования города стало уже невозможным.

Таким образом, предвоенное советское градостроительство реально формировалось под воздействием двух бытовавших одновременно, но противоположных по смыслу подходов к городу, первый из которых существовал преимущественно как феномен градостроительной практики, складывавшейся под воздействием непредсказуемых решений в народнохозяйственной сфере (город при производстве, подчиненный исключительно утилитарным соображениям), второй — скорее как феномен профессионального сознания архитекторов, в довоенные годы еще не находя широкого выхода в практику (город-ансамбль, город как завершенное произведение искусства).

При всей очевидной противоположности этих подходов, при ближайшем рассмотрении в них можно заметить и много общего. Это, по сути, две стороны одного явления: 1) основания и критерии формирования города в обоих случаях исходили из задач и целей государства, оставляя вне сферы внимания потребности людей, живущих в городе; 2) в обоих случаях город рассматривался как объект прямого волевого воздействия, вне зависимости от его индивидуальных особенностей. Между этими двумя подходами существовала генетическая связь — невозможность гармоничного развития городов на основе народнохозяйственного планирования предопределила идею планового волевого формирования города как единого ансамбля.

Примечания

1. Косенкова Ю.Л. Советское градостроительство как часть проекта «большого общества» // Образы истории отечественной архитектуры. XX век. М., 1996. С. 224–269.
2. Ахизер А.С. Россия как большое общество // Вопросы философии. 1993. № 1. С. 3–19.
3. Мау В. Первые залпы на плановом фронте. Госплан и Наркомфин в 1922–25 гг. // Свободная мысль. 1992. № 3. С. 57–67.
4. Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. Серия «Экономическое наследие». М., 1989.
5. Струмилин С.Г. На плановом фронте. 1920–1930 гг. М., 1958. С. 314.
6. См.: Известия АН СССР. Серия «Экономическая», 1991. № 2.
7. Абалкин Л.И. Научное наследие Н.Д. Кондратьева и современность. М., 1992.
8. Хазанова В.Э. Советская архитектура первой пятилетки. М., 1980. С. 67.
9. Былинкин Н.П., Володин П.А. и др. История советской архитектуры. М., 1962.
10. Пивоваров Ю.Л. Пространственная эволюция урбанизации: некоторые рубежи развития // Пространственное развитие урбанизации. Общие закономерности и региональные особенности. М., 1991. С. 5.

11. *Органов Л.И.* Методология планировочных работ в практике Гипрогора // Планировка и строительство городов. 1934. № 2. С. 10–16.
12. *Гаспарьян А.М.* Три года работы Горстройпроекта // Планировка и строительство городов. 1934. № 7–8. С. 3–5.
13. *Мотоланский С.* Техничко-экономическое изучение и обоснование проектов планировок // Планировка и строительство городов. 1934. № 5. С. 15–17.
14. *Мотоланский С.Е.* План реконструкции пролетарской столицы // Планировка и строительство городов. 1935. № 8. С. 8–9.
15. Архитектор – строитель социалистического города. К итогам III Пленума правления ССА // Архитектура СССР. 1938. № 8. С. 1–3.
16. *Мостаков А.* В чем недостатки инструкции // Планировка и строительство городов. 1935. № 9. С. 15–16.
17. Там же.
18. Социалистическая Москва // Архитектура СССР. 1935. № 10–11. С. 1–4.
19. *Хазанова В.Э.* Советская архитектура первых лет Октября, 1917–1925. М., 1970. С. 53.
20. *Хазанова В.Э.* Советская архитектура первой пятилетки. М., 1980. С. 52.
21. Архитектор – строитель социалистического города. К итогам III Пленума правления ССА // Архитектура СССР. 1938. № 8. С. 1–3.
22. *Горбушин Б.П.* Растущий город // Планировка и строительство городов. 1934. № 3. С. 16–19.
23. *Гаспарьян А.М.* Три года работы Горстройпроекта // Планировка и строительство городов. 1934. № 7–8. С. 3–5.
24. *Мостаков А.* Схематизм в планировке городов // Архитектура СССР. 1936. № 6. С. 39.
25. *Лоповок Л.* Архитектура и планировка // Архитектура СССР. 1936. № 6. С. 34–36.
26. *Хазанова В.Э.* Советская архитектура первой пятилетки. М., 1980. С. 75.
27. *Струмилин С.Г.* Проблемы социалистических городов // Плановое хозяйство. 1930. № 5. Цит. по: Избранные произведения. М., 1964. Т. 4. С. 20.
28. Цит. по: *Струмилин С.Г.* Избранные произведения. Т. 4. М., 1964. С. 22–23.
29. Вот выдержки из заключения эксперта проекта проф. Я.И.Некрасова: «...преимущество правого берега перед левым для расселения на нем трудящихся Магнитогорска очевидно. Но было бы по меньшей мере неосторожно и недостаточно обоснованно заявлять, что эти преимущества стопроцентны; необходимо помнить, что: 1) по имеющимся и нашим, и заграничным данным лабораторно установленное 3-километровое расстояние от точек задымления и газации не обеспечивает полностью от проникновения дыма, копоти и газов на территорию правобережного города, особенно в дни штилевые, со слабыми ветрами, когда вентилирующее значение движения воздушных масс ничтожно, а штиль и слабый ветер на высоте до 100 метров не указывает еще на такое же состояние атмосферных слоев на больших высотах. Следовательно, и высеивание и вымывание дымового облака на город возможно; 2) микроветровой режим правого берега совершенно не изучен и возможен ряд неожиданностей, с которыми придется бороться». См.: *Якишин А.* Магнитогорск – правый // Планировка и строительство городов. 1934. № 4. С. 7–12.
30. *Петров М.Н.* Все ли верно в проекте Большого Запорожья? // Планировка и строительство городов. 1934. № 9. С. 3.
31. Планировка и строительство городов. 1934. № 7–8.
32. *Хазанова В.Э.* Советская архитектура первой пятилетки. М., 1980. С. 25.
33. Планировка и строительство городов. 1934. № 7–8.
34. *Аранович Д.* Системы планировки городов // Планировка и строительство городов. 1933. № 6. С. 14–19.
35. *Боберко В.И.* Профили специалистов-планировщиков // Планировка и строительство городов. 1933. № 8. С. 3–5.
36. *Шейнис Д.И.* В борьбе за научное обоснование проектов планировки // Планировка и строительство городов. 1934. № 2. С. 8–9.
37. *Брагин Е.А.* Санитарные требования при размещении предприятий в городе // Планировка и строительство городов. 1933. № 10. С. 15.
38. *Органов Л.И.* Указ. соч.
39. *Баранов Н.* Объем и содержание планировочных работ // Архитектура СССР, 1938. № 4. С. 7–13.
40. Там же.
41. *Луначарский А.В.* Речь о пролетарской архитектуре // Архитектура СССР. 1934. № 8. С. 4–7.
42. *Лепехин В.А.* Об истоках модернизации и мотивах «модернизаторов» // Социально-политические науки. 1992. № 4–5. С. 3–11.
43. *Борисов Ю., Голубев А.* Тоталитаризм и отечественная история // Свободная мысль. 1992. № 14. С. 61.

44. *Семенов В.Н.* Вопросы планировки // Академия архитектуры. 1935. № 4. С. 39–43.
45. *Лавров В.* Вопросы архитектурно-планировочного ансамбля // Архитектура СССР. 1935. № 5. С. 51–56.
46. *Загряцков М.* Нормы и габариты по планировке и застройке городов на западе // Архитектура СССР. 1938. № 4. С. 96–97.
47. *Семенов В.Н.* Вопросы планировки // Академия архитектуры. 1935. № 4. С. 39–43.
48. *Мостаков А.* Вопросы планировки городов на съезде // Архитектура СССР. 1937. № 7–8. С. 57–60.
49. *Бунин А.В., Круглова М.Г.* К вопросу об архитектуре столичного города // Академия архитектуры. 1936. № 1. С. 5–28.
50. *Лоповок Л.* Архитектура и планировка // Архитектура СССР. 1936. № 6. С. 34–36.
51. Уроки Всесоюзного творческого совещания // Архитектура СССР. 1935. № 6. С. 1–5.
52. *Ильин Л.А.* Ансамбль в архитектуре города // Архитектура СССР. 1935. № 5. С. 41–50.
53. *Николаев И.С.* Об архитектурном лице советского завода // Академия архитектуры. 1935. № 1–2. С. 85–91.
54. *Сысин А.* Планировка городов и вопросы гигиены // Архитектура СССР. 1936. № 3. С. 14–17.
55. Цит. по: *Россиянов К.О.* Сталин как редактор Лысенко. К предыстории августовской (1948 г.) сессии ВАСХНИЛ // Вопросы философии. 1993. № 2. С. 56–69.
56. Там же.
57. *Мостаков А.* Вопросы планировки городов на съезде...
58. *Шелейховский Г.* По поводу статьи арх. Мостакова в «Архитектурной газете» // Планировка и строительство городов. 1935. № 6. С. 17–18.

Три проекта реконструкции Москвы (1918–1925)

Г.Н. Яковлева

Общеизвестные последствия революции и Гражданской войны на территории бывшей Российской империи привели к катастрофической разрухе как некоторых малых, так и больших городов. Перепись населения 1920 г. показала, что в огромном большинстве городов России количество населения значительно уменьшилось по сравнению с дореволюционными годами. Обезлюдение городов вместе с экономической разрухой и деструктивной хозяйственной ситуацией разрушительно сказалось на жилищном фонде городов. Разрушение как инфраструктуры городов, так и жилищного фонда началось еще во время Первой мировой войны. Было приостановлено благоустройство городов, включая текущий ремонт домов, канализации и водопровода, профилактический ремонт путей сообщения, но в Москве эти начавшиеся разрушительные тенденции усилили приток беженцев с западных окраин государства, что значительно обострило жилищный кризис. За три с половиной года, начиная с Февральской революции, население Москвы уменьшается на половину своего дореволюционного состава. Стремительное разрушение жилого фонда Москвы происходит как за счет разборки на отопление деревянных домов, которых в Москве по сравнению с Петроградом было очень много, так и за счет их быстрого обветшания из-за отсутствия текущего ремонта. Хаос всего уклада жизни, включая голод и эпидемии, вызывает паралич муниципальных служб и как следствие: разбитые тротуары, непроходимые сугробы снега даже в центре города, отсутствие городского освещения, громадные скопления мусора и нечистот, неделями валявшиеся трупы животных, общие могилы на кладбищах и т.д.

В этой обстановке в 1918–1921 гг. происходит перedel жилищной собственности и связанные с этим

процессом административные и хозяйственные катаклизмы. Не в последнюю очередь острейшие проблемы Москвы спровоцировало перенесение столицы новой республики из Петрограда, это повлекло за собой стихийное вживание новой административной структуры в традиционную ткань города.

Для элементарного упорядочения ситуации требовался хотя бы общий план развития Москвы, как и других городов республики. Но и для плана собственного развития Москвы был срочно необходим план наличной застройки. В 1890-х гг. московской городской управой был составлен нивелирный план Москвы. После 1902 г. он был дополнен данными о местностях, лежавших между муниципальной чертой и строившейся тогда окружной железной дорогой. Этим планом, изданным Моссоветом в 1919 г., и пользовались новые управленческие структуры Москвы после 1918 г. Однако уже новая сложная ситуация как в планировке, так и в застройке Москвы требовала нового плана или по крайней мере уточнения и дополнения старого. В 1919 г. президиум Моссовета поручил Геодезическому бюро составить новый полный и точный нивелирный план Москвы. Однако отсутствие людских и материальных ресурсов растянуло съемку и нивелировку местностей Москвы (особенно от Камер-Коллежского вала до Окружной железной дороги) на долгое время. Так что в 1923 г. органам управления Москвы пришлось пока взять за основу уже имеющийся материал по планировке Москвы. В процессе работы по съемке местности выяснялось, насколько и как застроены кварталы, нанесенные на прежние планы, выявлялись вновь образованные проезды и площади. Однако напечатанный в 1924 г. план Москвы грешил громадным количеством ошибок — от отсутствия новых границ

города до пропуска уже сложившихся к этому времени бывших пригородных поселений (например, поселки Покровское-Стрешнево, Останкино), указание плотности застройки некоторой периферийной части города не соответствовало действительности. Даже часть традиционной центральной застройки подвергалась искажению. И естественно, в этом плане отразились путаница новых и старых названий улиц, переулков и площадей. Данный план фиксировал хаос в коммунальном хозяйстве города. Но эти обстоятельства не помешали плану лечь в основу проекта перепланировки города под руководством А.В. Щусева. Однако к этому времени не был разработан даже строительный устав — одна из основ планировки городов. Дело планировки городов было отдано в ведение многих ведомств — от отдела благоустройства Главного управления коммунального хозяйства до жилищно-санитарного подотдела Наркомздрава и Пожарного отдела Наркомата внутренних дел. В 1921 г. уже начинали раздаваться голоса, что дело планировки городов должно полностью перейти в ГУКХ (Главное Управление коммунального хозяйства) Республики. Отсутствие перспективных планов развития городов уже в начале 1920-х гг. вело к стихийной частной городской и пригородной застройке в городах, не столь парализованных в своем развитии, как Москва. К 1922 г. в ГУКХ был разработан декрет о планировке городов. Декрет обязывал все города с населением свыше 10 тыс. жителей к 1925 г. разработать планы своего развития, обязывал предоставить планировку города с разбивкой улиц, кварталов и зеленых насаждений.

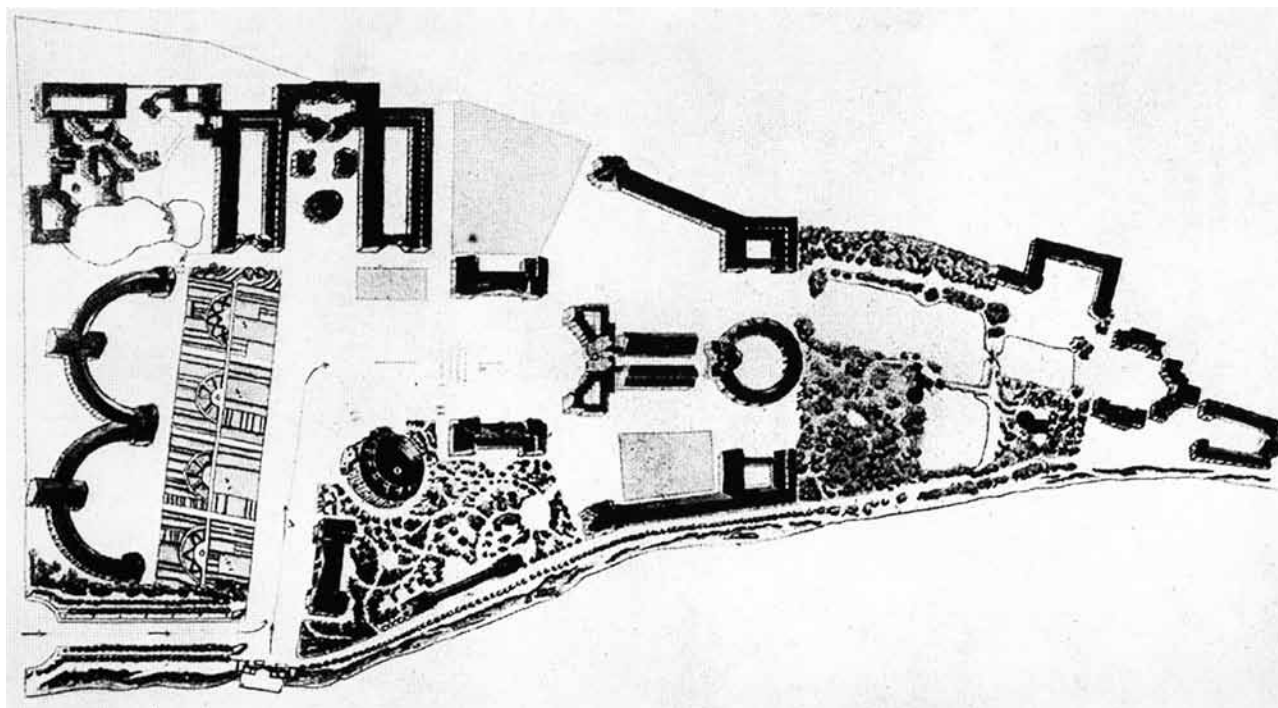
Очевидно, актуальность перспективного плана развития Москвы была обусловлена возникшим противоречием между экстенсивностью послепетровского ее развития и новым статусом административного и политического центра нового государства, что должно было подтолкнуть интенсивный рост ядра столицы.

Кроме того, следует принять во внимание принципиально «проективный» характер идеологии нового государства на протяжении всего времени его существования. Естественно, что характер и масштабность проектов будущей жизни общества видоизменялись на протяжении всего существования советской власти, но сама «проектность» была внутренне присуща идеологии. Представляется, что самый высокий градус интенсивности проекта жизни как социума, так и окружающей среды в советской культуре пришелся на конец 1920-х — начало 1930-х гг. Сверхмощный выброс проектной актив-

ности наблюдался как в государственном аппарате страны, так и среди архитекторов, а также среди тех, кого сейчас назвали бы социологами. Следует обратить внимание на то, что катализатором этого процесса явился план реконструкции Москвы. В градостроительстве этот период завершился генеральным планом Москвы 1935 г. — проектом-парадигмой преобразования всей страны.

Представляется, что глобальный проект жизни общества по определению чужд всякому проявлению приватной жизни. А Москва по характеру ее исторической среды и жизни была, можно сказать, самым приватным из крупных городов России, несмотря на ее промышленный и демографический рост за последние десятилетия перед революцией. Может быть, именно стихийный характер новой предреволюционной действительности позволил ей, вживаясь в традиционное «тело» города, не разрушить этой приватной основы. Это фундаментальное свойство Москвы по определению омыслилось новым проектным сознанием как фактор, который необходимо преодолеть, проектируя новую столицу государства. Потенциал сопротивления традиционной Москвы новому проектному мышлению определил сроки существования ткани живого города.

Однако первые послереволюционные проекты планировки Москвы (по крайней мере проект Новой Москвы А.В. Щусева и И.В. Жолтовского) по сравнению с проектами ее кардинальной перепланировки начала 1930-х г. продолжали традицию планировочной культуры XIX в. и, по мнению многих исследователей советской архитектуры, носили охранительный характер. В плане Новой Москвы традиционно отмечаются два взаимообусловленных момента: консервативная утонченность и глобальность, принимая во внимание время начала его создания — 1918 г., когда реалии повседневной жизни не позволяли надеяться на его реализацию. А.В. Иконников на вопрос, что в новом проектном мышлении позволяло игнорировать городские реалии, отвечает так: «национализация земель, недвижимости, промышленных предприятий и общественного транспорта, начало централизованного планирования порождали эйфорические ожидания у архитекторов, занимающихся планировкой городов. Казалось, что любой идеальный замысел может быть воплощен в жизнь — дело лишь в точном определении целей. Создание нового градостроительного кодекса казалось не нужной формальностью — возникла утопическая идея гармонической самоорганизации, способ-

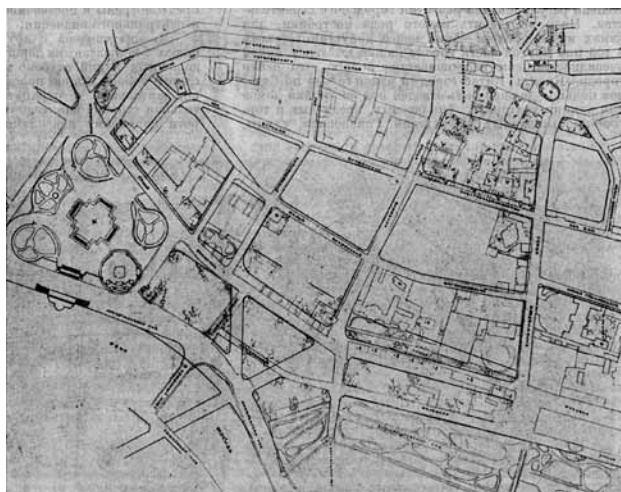

Всероссийская сельскохозяйственная и кустарно-промышленная выставка в Москве.
Проект закрытого конкурса. Арх. И.А. Фомин. 1923

ность к которой обретают города с социализированной недвижимостью»¹. Руководитель же проекта А.В. Щусев считал, что именно революционная ситуация позволяет архитекторам приступить к перепланировке новой столицы и сократить отставание России в этом вопросе от мирового опыта градостроительства. И что новая культурная действительность позволяет сделать проект перепланировки строго продуманным. Поражает даже не масштаб этого проекта, поскольку он вписывается в мировую практику этого времени, а само его наличие в послереволюционной ситуации. Очевидно, возникшее в новых условиях новое проектное мышление было по определению выше реалий повседневной жизни. Эта высота должна будет стать основополагающим свойством проектного сознания советской культуры.

Отмеченная высота обусловила и новый масштаб проектной активности архитекторов: «Укрупнение масштаба мышления стало одним из реальных проявлений новой, порожденной революцией жизни»². Именно этот масштабный подход и противоречил характеру города. Он вступил в единоборство с городом даже в консервативной утопии.

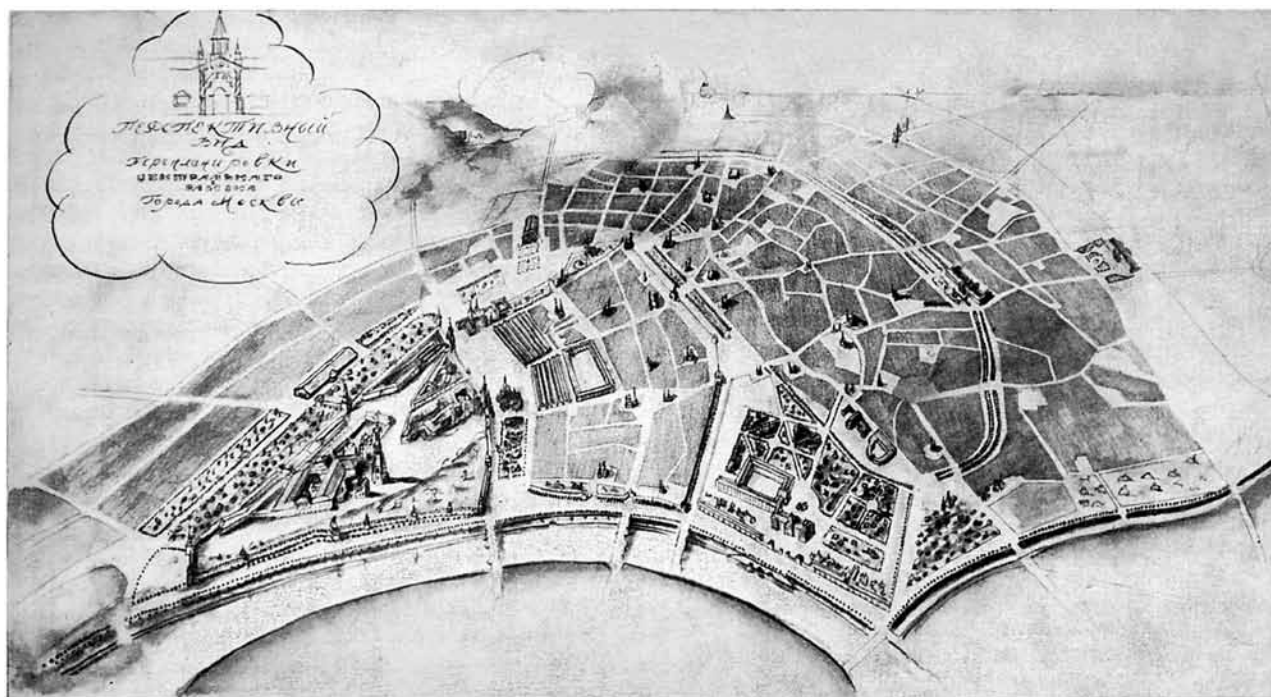
Важно отметить еще одно свойство проектного мышления этого времени, тоже выявленное историками советской архитектуры, а именно предполагаемые темпы реализации самых масштабных

Проект планировки Москвы.
Район Александровского сада. МКХ. 1928

проектов – кратчайшие сроки. Именно отмеченная выше высота представлений о будущей жизни определяет как радикальность ее проекта, так и масштаб и темпы преобразования. Слова Луначарского о том, что «явилась потребность **как можно скорее** изменить внешность наших городов», не кажутся парадоксальными в послереволюционных городских реалиях. Как известно, революционное мышление диктует сходные масштабы планировки как Москвы 1918 г., так и Парижа периода революции.

Перспективный вид перепланировки центра Москвы. Мастерская Моссовета. 1918–1920

М.С.Р.К.А.
АРХИТЕКТУРНАЯ МАСТЕРСКАЯ
ОСОБАЯ КОМИССИЯ

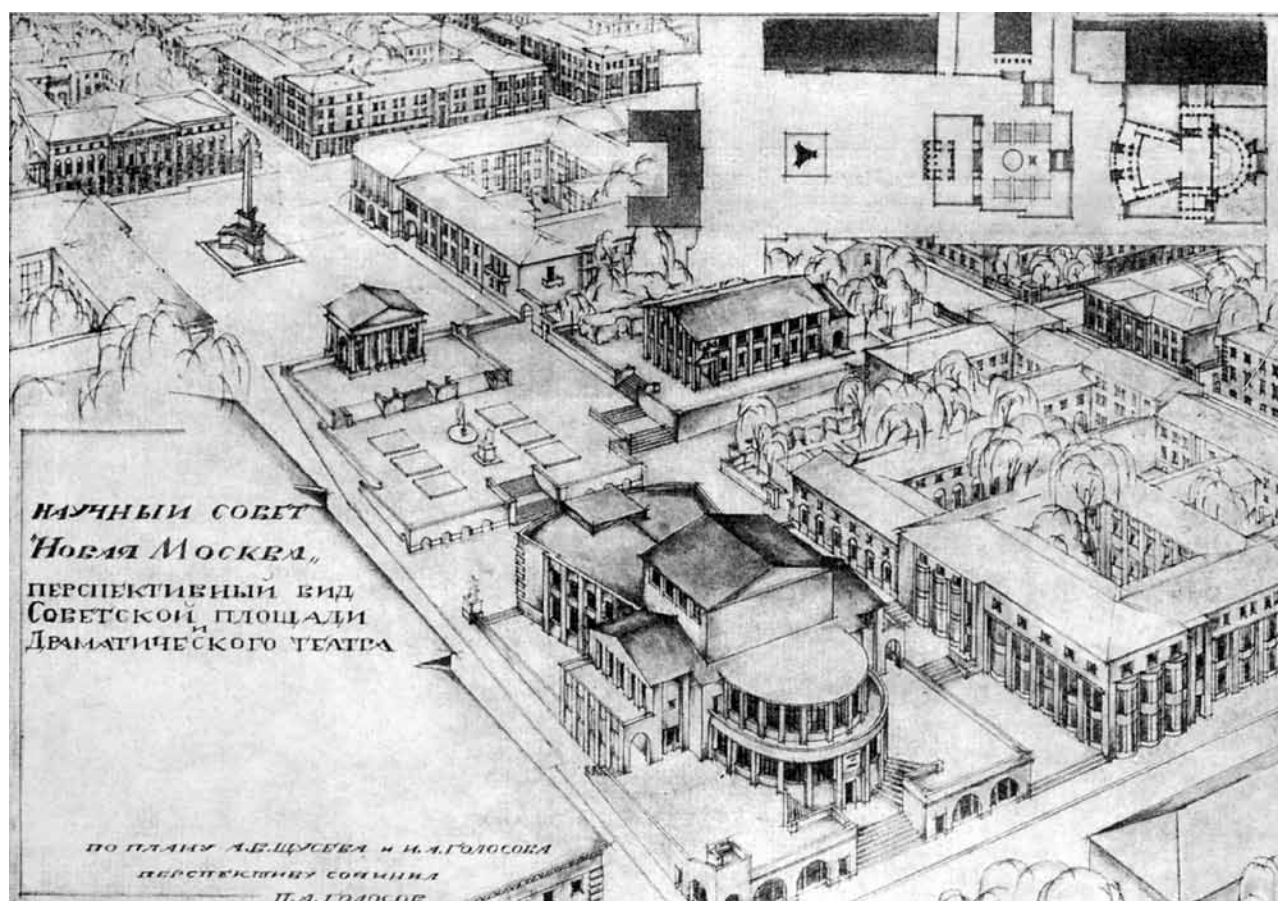

Эскизный проект перепланировки Москвы. План западной части центрального района. Мастерская Моссовета. 1918–1920

Разработка плана Новой Москвы была начата месяц спустя после переезда советского правительства из Петрограда в Москву в апреле 1918 г. в рамках созданной при Московском совете Архитектурно-планировочной мастерской по перепланировке центра и окраин Москвы. В проектную группу входили архитекторы, осуществлявшие перепланировку конкретных районов: И.А. Голосов, П.А. Голосов, К.А. Грейнерт, Б.А. Коршунов, Г.Л. Лавров, А.М. Рухлядев, К.С. Мельников, Э.И. Норверт, А.Л. Поляков, С.Е. Чернышев, Н.В. Докучаев, А.И. Ефимов, Н.Я. Колли и др. Мастерская за три года (1918–1921) создала эскизный проект перепланировки Москвы, а закончила проект в 1923–1924 гг. образованная на основе мастерской Особая ученая комиссия по планировке Москвы при Моссовете.

Временные напластования в планировке и архитектурном облике Москвы стали восприниматься с этого времени как хаос. Это мнение впоследствии стало традиционным как для советских управленческих органов, так и для архитекторов. Основным принципом перепланировки стала расчистка архитектурных и планировочных напластований в пользу выявления планировочного костяка города, в основе которого лежал план XVII – начала XVIII в. Новая Москва (по крайней мере центральная часть) должна была представлять собой упорядоченную систему городских ансамблей, очищенных от случайной малоценной окружающей застройки. Такой

Проект «Новая Москва». Перспективный вид Советской пл. и драматического театра.
Арх. А.В. Щусев, И.А. Голосов. 1923

Проект «Новая Москва». Перспектива Хамовнического р-на. Арх. А.В. Щусев, Н.Я. Колли. 1924

Проект «Новая Москва». Перспектива Ленинской слободы. Арх. Л.А. Веснин. 1924

же разреженный характер носит проект застройки расширенной территории города, опоясывающей центр. Интересно, что проект регламентировал этажность застройки города от семи до двух этажей от центра к окраинам. При отсутствии строительного законодательства авторы надеялись, что готовящийся строительный устав закрепит основные

положения проекта. В 1925 г. были приняты «Временные правила по застройке Москвы», в которых пространство Москвы делилось на шесть поясов от центра к периферии с постепенным понижением этажности от шести до двух этажей.

Первый проект перепланировки Москвы положил начало попыткам разрешить коренную москов-

скую проблему, которая до сих пор сохраняет свою актуальность для планировщиков столицы, а именно отношение к традиционной кольцевой системе. Кроме того, что консервативная утопия первого проекта по определению должна была сохранить костяк исторической планировки, представляется, что кольцевая система призвана была сохранить целостность всего города, несмотря на значительное увеличение его площади в проекте. Характерно, что Шусев называл кольцевую систему Москвы «чуждой схемой» сродни ее архитектурным памятникам. Как уже отмечалось, прореживалась историческая ткань города и параллельно предполагалась разреженная застройка периферии. Очевидно, что система колец брала на себя функцию удержания нового разреженного образования. Как известно, предлагалось замкнуть бульварное (кольцо А) и к существующим кольцам добавить кольцо второй окружной железной дороги, которую от первой отделяло 11 километров. Последнее кольцо должно было замкнуть границы нового города. Оно же определяло и перспективу его роста до 5 млн человек при новой плотности населения, уменьшенной по сравнению с послереволюционной в три раза. Естественно, что прореженная малоэтажная застройка влекла за собой более низкую расчетную плотность населения и увеличенное пространство города.

Понятна резко негативная реакция на консервацию опорной планировки архитекторов-авангардистов еще с начала 1920-х гг. (например, Л.М. Лисицкого). И также закономерно воспринимается тот факт, что эта схема легла в основу генерального плана Москвы 1935 г. Можно сказать, что в основе плана Новой Москвы и генплана 1935 г. лежала одна и та же цель — удержание новой проектной целостности. Однако характер этой целостности был различен. Историки советского градостроительства сходятся во мнении, что в основе плана Новой Москвы лежала известная идея города-сада, да и сами авторы проекта не скрывали этого факта. Идея города-сада прослеживается и при анализе концепции генплана 1935 г. Однако ее социокультурное содержание и пространственная реализация были уже весьма далеки от предложений, высказанных Э. Говардом в конце XIX в. и получивших известность во всем мире.

Город-сад, задуманный в XIX в. как небольшое приватное саморазвивающееся образование под боком гигантского города, лишенное его недостатков, оборачивался своей противоположностью в гигантских масштабах столицы нового государства. От традиционного города-сада в генплане 1935 г.

осталась идея легко считываемой структуры города в его организованной зеленой плоти, когда зелень в виде колец и радиальных магистралей составляет и каркас, и ткань будущего города. Объем города должен был считываться как гигантский ансамбль, и зелень становилась его неотъемлемой частью, организованной по тому же принципу, что и искусственная среда.

Правда, в случае с первым планом перепланировки Москвы дело обстояло несколько иначе. Кроме укорененности ведущих авторов концепции новой столицы в культуре XIX в., в их плане прочитывается желание сохранить именно приватность исторического города усадеб. Целые кварталы центра Москвы, сносимые ради обозримости очищенных от временных напластований памятников архитектуры, должны занимать зеленые насаждения. Частные сады и полисадники, которых в то время в Москве было много, должны были объединиться в парки и скверы. Кроме того, задумывался ввод в историческое пространство Москвы глубоких радиусов-клиньев зелени, берущих свое начало от исторически сложившихся зеленых массивов на периферии. Первый клин должен был идти от Нескучного сада через территорию сельскохозяйственной выставки до Каменного моста широким бульваром и вдоль Александровского сада до Охотного ряда по Моховой. Второй намечался от Лазаревского кладбища, превращенного в парк, к Самотечному бульвару. Третий должен был окаймлять Язу и идти от Сокольников к Устьинскому мосту.

Новые пригороды Москвы (Воробьево, Фили, Серебряный бор, Останкино и т.д.) задумывались как небольшие города-сады, окружающие ядро Москвы. Их должно было связывать широкое бульварное кольцо. Авторы плана, как и позднее Н.А. Ладовский, считали северо-западную часть Московского направления наиболее перспективной в своем развитии и планировали в районах Хорошова, Серебряного бора, Покровского-Стрешнева устройство образцовых городов-садов. Характер системы пригородов, естественно, определяет и этажность застройки: не более трех этажей. Таким образом, проект Новой Москвы представлял собою систему пригородных городов-садов, опоясывающих ядро Москвы, перепланированной как огромный, если не город-сад, поскольку сама идея города-сада не выдерживает таких масштабов, как пространство Москвы, то по крайней мере систему корреспондирующих ансамблей среди сплошной зелени. Как пишет В.Э. Хазанова: «Понятие “город-сад” уже не подразумевало определенный тип города, а только

выражало оценку условий жизни в нем. И Москва, и Петроград, и Ярославль должны были стать городами-садами, при этом из практики устройства городов-садов было воспринято лишь стремление к наилучшим гигиеническим условиям городской жизни при помощи озеленения»³. Представляется, что характер проекта Новой Москвы носит отпечаток неоклассицистической концепции если не города, то, во всяком случае, сосуществования архитектуры и природы. Сам неоклассицизм содержал в себе вневременную стерильность организованной искусственной среды и вечность природы, в которую она погружена. Может быть, именно эта стерильность обуславливала гипертрофированные формы архитектуры (например, проект застройки острова Голодай И.А. Фомина). В этом плане замечательно описывает А.В. Щусев будущую застройку Воробьевых гор: «Весь горный склон превращается при помощи монументальных лестниц в спортивный Акрополь, с памятником Ленину, стадионами, гимназиями и школами плавания и речного спорта. Вся низменная часть Хамовников распланировалась частью для военного, частью для учебного спорта... Вход с Воробьевых гор напоминает виды Рима в композициях Пиранези со строгими очертаниями общественных зданий, улиц, площадей и бульваров»⁴. Однако сама природа еще не мыслилась как объект проектной активности, как это можно видеть в генплане Москвы 1935 г.

Как известно, к началу XX в. центры крупнейших европейских и американских городов почти обезлюдели из-за нерентабельности жилой застройки по сравнению с более доходными общественными зданиями, трестами и синдикатами. В Москве же к началу XX в., несмотря на то что центр стал плотно застраиваться торговыми и управленческими зданиями, компаний, банками и общественными зданиями к началу революции жилая застройка была достаточно плотной. Даже можно сказать, что из-за большого количества доходных домов она еще более уплотнилась по сравнению с 1870–1880-ми гг. Очевидно, от кризисного состояния центра Москву спасала традиционная усадебная планировка, сильно разреженная по сравнению с застройкой центров крупных европейских городов. Однако с переносом столицы из Петрограда в Москву в 1918 г. кризис переуплотненности центра стал очевидным. Здания трестов и синдикатов стихийно занял гигантский хозяйственный и управленческий аппарат новой власти. И с этого времени центр Москвы становится объектом особой озабоченности как планировщиков, так и коммунальщиков.

Как же решает проблему центра проект Новой Москвы? Отмеченное выше прореживание городской ткани в первую очередь должно было затронуть центр. Кремль, естественно, оставался ансамблем-символом исторического центра города. Его должны были окружать расчищенные от малоценной застройки и перепланированные площади: Свердлова, Революции и Охотный ряд. В рамках реализации нового плана была расширена и частично перепланирована Советская площадь. Кризисную ситуацию центра Москвы планировщики предлагали преодолеть путем переноса административного центра страны в северо-западный сектор – на Петроградское шоссе. Однако набережные напротив Кремля намечалось застроить общественными зданиями. Центр разгружался также путем строительства новых жилых домов на периферии города. Вообще повторяя утопические проекты городов, Москва была поделена на функциональные зоны. Сектор учебных заведений должен был располагаться в Хамовниках, спортивный – на Воробьевых горах. В продолжение традиции развития промышленной Москвы ей отдавалась юго-восточная часть, где намечалось возведение московского порта и уже имелись удобные железнодорожные подъездные ветки. Северо-запад Москвы отдавался административному центру (ВЦИК и Совнарком планировались в Петровском парке, а вдоль Ленинградского шоссе располагались дворцы управленческих структур страны), Зарядье должно было продолжить торговую традицию Москвы.

Многие методы функционального зонирования Москвы были реализованы в дальнейшем развитии советской столицы, кроме административного центра Москвы, но наличие административного центра именно в историческом центре Москвы было принципиальным положением для советской культуры последующего времени. Районы центра, Замоскворечья, Хамовников, юго-восточной промышленной зоны были представлены в детально разработанных проектах.

Инженеры московского железнодорожного узла осуществили проект сопряжения железнодорожных направлений, связывающих Москву со всей страной. Так, в целях разгрузки центра города от грузового и пассажирского транзита планировалось строительство центрального сквозного вокзала с перенесением за город сортировочных станций. Центральный вокзал должен был объединить Виндавское, Николаевское, Ярославское, Казанское и Курское направления, Александровский, Брянский и Павелецкий вокзалы оставались тупиковыми. Кро-

ме того, вводные железнодорожные пути должны были опередить строительство метрополитена. Разработанный УВОДстроем предварительный план водной транспортной системы должен был разгрузить московский железнодорожный узел. Предусматривалось соединение Москва-реки и Клязьмы с Волжской системой. Проектировался мощный порт в юго-восточной промышленной зоне Москвы. Проектировалось два трамвайных кольца, большее из которых должно было проходить по кольцу первой окружной дороги. Можно сказать, что в отличие от МКХ, которое вело в это время значительные работы по прокладке новых трамвайных линий и продолжению старых, все планы Москвы не были ориентированы на развитие наличного транспорта. Об этом говорит один из историков советской архитектуры В.Э. Хазанова: «В проектировании транспорта будущих городов сказались трудности времени, когда не было ясного представления ни о действительной численности населения городов через 25–30 лет, ни о возможностях транспортной техники середины XX века. Этим объясняется “утопичность” многих замыслов тех лет. Авторы проектов почти не принимали во внимание такие “прозаические” виды транспорта как трамвай и даже недавно появившийся автомобиль»⁵.

Известно, что с детальной разработкой перепланировки и застройки некоторых районов параллельно проходили конкурсы конкретных зданий, сооружений и комплексов, предусмотренных в общем плане Новой Москвы. Одним из первых стал конкурс на проекты мостов, объявленный в 1920 г. В этот конкурс входило проектирование как исторических мостов центра Москвы (Большой Каменный, Крымский и Краснохолмский), так и новых мостов, необходимых для функционирования будущей расширенной кольцевой системы. Из 8 проектов Большого Каменного моста первая премия была присуждена проекту И.В. Жолтовского в соавторстве с инженером П.В. Шусевым. Мост был решен в духе исторического облика центра. Единственным проектом, рекомендованным к осуществлению, был проект Крымского моста проф. Н.С. Стрелецкого.

В конкурсных проектах Всероссийского стадиона на Воробьевых горах соединились традиционная для утопических проектов забота эллинистической культуры о здоровом теле и народившаяся в начале XX в. мощная спортивная культура, которая ассоциировалась для послереволюционной страны с энергией и бодростью новой жизни. Характерно, что в программе конкурса упоминался большой

открытый театр массового действия. Масштаб стадиона был рассчитан на всесоюзные, а в будущем и всемирные спортивные празднества. Проектирование стадиона под руководством Н.А. Ладовского осуществляли студенты ВХУТЕМАСа — будущие члены АСНОВА.

И наконец самым замечательным конкурсом в рамках проекта Новой Москвы явился конкурс на проект показательных домов для рабочих и детальной планировки участков, которые были включены в общий план реконструкции Москвы. Именно Л.А. Веснину, получившему первую премию за проект Симоновского участка, Особая ученая комиссия по перепланировке Москвы поручила разработать детальный проект планировки всей Ленинской слободы. Северная, конкурсная часть слободы была включена им в проект (1924) почти без изменения.

Прореживание центра от малоценной застройки должно было, по мысли авторов, способствовать как налаженному функционированию сердца столицы, так и свободному композиционному дыханию его ансамблей. Естественно, что многие места центра исторической Москвы абсолютно не вязались с классицистическими представлениями авторов проекта об общественных форумах, бульварах с пропилеями, лестницами, памятниками и визуально стягивающих композиционных узлах. После революции государственному аппарату и архитекторам-планировщикам казалось совершенно несообразной со статусом столицы исторически сложившаяся торговая суeta в Охотном ряду, в Зарядье и на Ильинке. В этом плане проект реконструкции Москвы предусматривал не только расчистку мелких деревянных строений Охотного ряда, но и постройку на этом месте Дворца труда как грандиозного композиционного узла реконструированных площадей. Был объявлен конкурс, программу которого в 1922 г. разработал А.В. Шусев. Не останавливаясь на итогах этого известного конкурса, следует отметить, что площадь Дворца труда должна была составлять около 26,5 тыс. кв. м. Было премировано 25 проектов, т.е. почти половина поступивших на конкурс. Авторы большинства проектов старались ответить программным требованиям конкурса воплощением идеи монументальной компактной доминанты центра столицы.

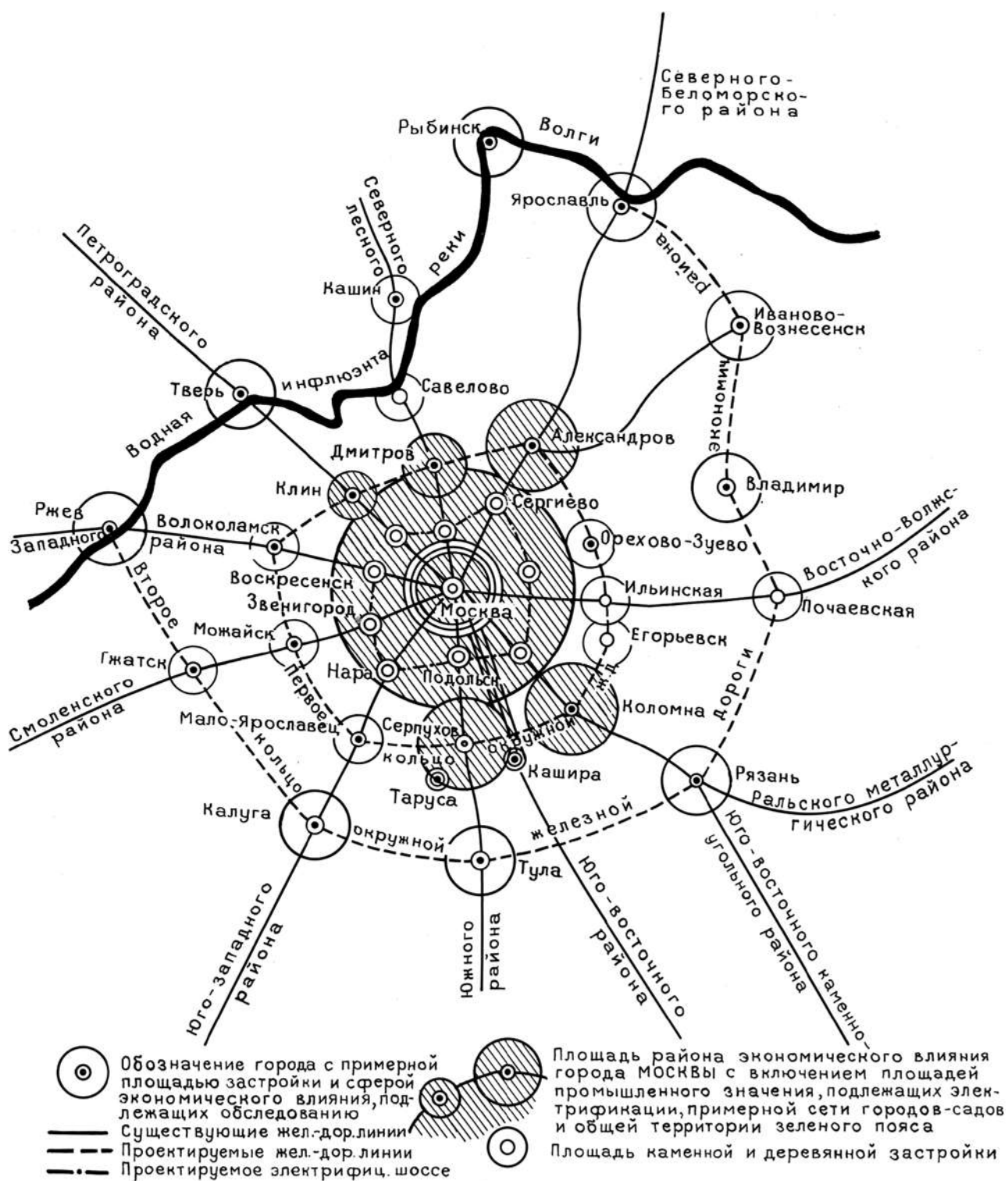
Наряду с перепланировкой Советской площади одной из первых планировочных работ Москвы, выполненных в соответствии с планом ее реконструкции, стало строительство Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки с иностранным отделом. В истории советской

архитектуры этой выставке посвящено достаточно много работ. Следует лишь вспомнить, каким образом разработка территории огородов и городской свалки у Крымского моста согласовывалась с общим планом реконструкции Москвы. На прямую выгоду для реконструкции Москвы при реализации плана выставки указывал А.В. Шусев: «Надо указать на почин больших работ, цепляющихся одна за другую в ближайшем будущем, а именно: 1) перестройка устаревшего Крымского моста, 2) мост через Москва реку по Титовскому проезду, долженствующий замкнуть кольцо трамвая “В”, который оживит гнилой в приречной части Хамовнический район на левом берегу реки и, наконец, два моста у Бабьегорской плотины через стрелку, замыкающие в полное кольцо трамвай буквы “А”. Все три работы вполне увязаны с предложениями плана “Новой Москвы”, — а потому от постройки Выставки Москва, как город, чрезвычайно много выиграет»⁶. Кроме того, представительская и просветительская функции выставки естественно входили в целостную культурную концепцию утопического города. Этой принадлежности к утопической концепции города не противоречат два подхода к планировке выставки: регулярная Петербургской школы (В.А. Шуко, И.А. Фомин, Н.Е. Лансере, А.А. Оль) и трактовка участка выставки, перекликающаяся с современной ей планировкой небольших городов-садов московской школы (И.А. Голосов, Э.И. Норверт, С.Е. Чернышев, Н.Я. Колли и С.Н. Фридман, А.К. Буров и С.Н. Кожин), также отдельный от всех проект И.В. Жолтовского. Показательно, что наиболее целостно концепция города отразится в плане временной выставки. Выставка 1923 г. — прообраз неосуществившегося города. Эту же роль станет впоследствии играть ВСХВ (впоследствии — ВДНХ).

Очевидно, бесперспективными являются попытки объяснить причины нереализованности плана Новой Москвы. Он по определению был нереализуем, как, впрочем, нереализуемы были и последующие планы развития Москвы со второй половины 1920-х гг. Целостность и стройность герметической концепции города поколения архитекторов XIX в., старающихся защитить традиционный характер Москвы и примирить его с новой культурой, переживает такую же судьбу, как и открытия новой жизни — динамичные проекты Москвы начала 1930-х гг. Сам характер проективной идеологии рождал необычайное количество планов развития как социума, так и пространственных планов, умозрительность возникновения которых несравнима с естественной незапланированной стихий-

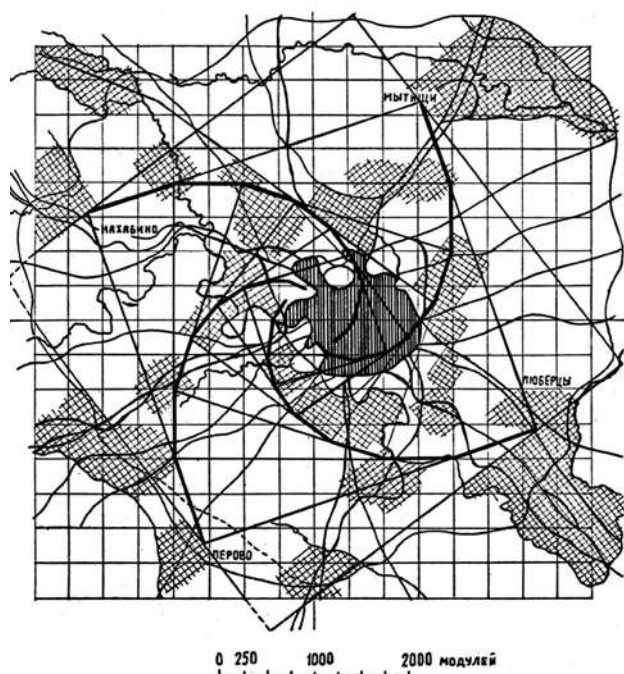
ностью обывденной жизни. Возможно, именно целостность и внутренняя логика таких планов, их «глобальный» характер являлись главной причиной их принципиальной нереализуемости. Так, упоминаемая А.В. Иконниковым эйфория планировщиков по поводу отмены частной собственности на землю и централизации планирования сменились уже к середине 1920-х гг. пониманием, что именно эти факторы способствуют принципиальной нереализуемости любой целостной концепции города. А.В. Шусев в 1926 г. с горечью констатирует: «Ушли ли мы от этого хаоса градостроительства (дореволюционного. — Г.Я.), есть ли у нас авторитетное руководство со стороны компетентных органов? Нет. Это доказывает беспомощность, которая наблюдается в большей мере в Москве и в провинции. Мы видим массу неувязок, массу случайностей только потому, что каждый комиссариат, каждый строит по-своему, координируя и увязывая лишь практическую и экономическую стороны вопроса. Опять воскресла фраза: “о вкусах не спорят”, на которой базируются обыкновенно некомпетентные в строительстве люди, не имеющие авторитетного и сильного в государственном смысле объединенного руководства»⁷.

Не все архитекторы-планировщики и специалисты городского дела приняли план Новой Москвы. В 1931 г. на волне необычайной проектной активности по отношению к Москве будущего архитектор Б.В. Сакулин писал, что в его план реконструкции Москвы, начатый параллельно с планом Новой Москвы в противовес первой «эстетической» схеме были заложены основы рационального градостроительства. В отличие от авторов плана Новой Москвы внимание Б.В. Сакулина было сосредоточено на решении московской агломерации. Проект преследовал цель как разгрузки, так и укрепления Москвы, черпающей силы своего развития из окружающей ее сложившейся системы расселения. Однако в этом проекте были намечены и пути развития собственно исторической Москвы. Так же как и в первом проекте, в Москве будущего был намечен вывод промышленных предприятий за черту города. Однако принципиальное отличие схемы Б.В. Сакулина состояло в том, что предполагалось развитие сети промышленных предприятий в окружающих Москву городах как важный фактор их собственного развития и в какой-то степени их автономности по отношению к центру. Границу самой Москвы Сакулин предлагал проводить по окружной железной дороге. За ней должен был располагаться широкий зеленый пояс, от которого в

Инфлюэнтограмма Москвы. Инж. Б.В. Сакулин

Схема московского метрополитена.
Инж. Б.В. Сакулин. 1920–1922

центр должны вести зеленые радиусы, идентичные плану Новой Москвы. Следует отметить, что многие европейские и американские градостроительные проекты 1920-х гг. особо выделяли значение зеленых поясов, которые должны были предотвратить дальнейший стихийный рост города. Кроме того, зеленый пояс должен был отделить город от его спутников (от спальных пригородов до небольших промышленных центров).

Московскую окружную дорогу автор предлагал превратить в пассажирскую. А за пределами города создать второе кольцо и вынести на него сортировочные станции. Второе предложение перекликается с транспортной схемой плана Новой Москвы. За счет планируемого выноса промышленности из города Москва становится преимущественно культурным и научным центром. По плану Сакулина Московская агломерация состояла из трех колец, опоясывающих Москву. Первое кольцо составляли Люберцы, Павшино, Шелково и другие фабричные поселки, куда автор намечал вывести заводы и фабрики из Москвы. Во второе кольцо входили города Воскресенск, Подольск, Звенигород, Нара и т.д. В третье — Клин, Дмитров, Александров, Коломна, Можайск и др.

Сильной стороной схемы Сакулина традиционно считается системность функционирования большого московского региона путем связывания исторических городов вокруг Москвы сетью же-

лезных дорог. Однако, если посмотреть на географическую схему Сакулина, то можно увидеть, что в железнодорожной схеме использованы уже имеющиеся железнодорожные сообщения, связывающие Москву с этими городами. Как известно, сообщение этих городов с Москвой, оформившееся в XIX в. прокладкой железнодорожных путей, исторически сложилось в результате культурного и экономического сосуществования города-«магнита» и окружающих его городов. Города, имеющих различную степень зависимости и самостоятельности от Москвы. Некоторые, например Дмитров и Александров, можно условно назвать спутниками Москвы. Москва для них (во всяком случае, для некоторых городов третьего кольца по схеме Сакулина) является центром притяжения разной степени силы. Кроме того, некоторые города — это транзитные узлы связи между Москвой и другими более крупными и экономически развитыми городами четвертого кольца (которое также намечает схема Сакулина). Эти разнородные города схема объединяет тремя кольцами дорог, очевидно, по принципу равноудаленности от Москвы.

Первое кольцо — это автомобильная дорога, второе и третье — вновь продолженные кольцевые железнодорожные пути. Кроме того, все города второго и третьего кольца указаны на схеме как подлежащие обследованию. Очевидно, это означало, что не выяснен экономический и промышленный потенциал их связи с центром, не выяснена степень обоснованности их сопряжения в единое кольцо. Из схемы не вытекает очевидность их равной принадлежности общей агломерации и обоснованность их объединением новыми связями. Часть схемы — а именно пространство внутри первого кольца вокруг Москвы — выделена Сакулиным как непосредственная зона экономического влияния Москвы. В этой связи представляется, что степень активности экономического взаимодействия Москвы и городов второго и третьего кольца не ясна для автора схемы. Однако предлагается объединить кольцевой железной дорогой второе кольцо городов и хордой железной дороги, дополняющей до кольцевого сообщения водную связь, замкнуть третье кольцо городов. Можно вспомнить, что Москва, получившая к началу революции развитую промышленную систему, никогда не имела необходимого для нее сырья. Система железных дорог, связывающая Москву с другими промышленными центрами, служила для переброски сырья на промышленные предприятия города и, соответственно, обратно — для транспортировки на периферию про-

мышленных товаров. Если вспомнить, что по плану Сакулина (как и по плану Новой Москвы) все промышленные предприятия выводятся за черту Москвы (по плану Сакулина в первое кольцо городов), то можно представить, какое плотное самостоятельное от Москвы промышленное кольцо со своей мощной инфраструктурой сожмет Москву. Связи же самой Москвы как с агломерацией, так и со всей страной станут, очевидно, неактуальными как для Москвы, так и для других городов. Как отмечают исследователи советской архитектуры, схему промышленного района Сакулина отличает от схемы Говарда именно наличие в городах-сателлитах своей промышленности⁸. В этой связи возникает вопрос: остается разгруженный от промышленности крупный город (в данном случае Москва) ядром притяжения окружающих малых, но уже самостоятельных городов? И естественно, подвергается сомнению целесообразность его структурной связи с окружающей системой поселения.

В исследованиях, посвященных истории советской архитектуры, указывается на то, что план московской агломерации Сакулина находится в контексте современного ему мирового опыта осмысления функционирования большого города. Когда город уже не может рассматриваться вне связи с окружающими его центрами расселения — «...закончилась эпоха монолитного города-гиганта и началась эпоха территориально разобщенных и еще более колоссальных городских организмов, состоящая из экономически связанных между собой городов»⁹. Бурный рост населения вокруг окрестностей больших городов соответственно обусловил как расширение муниципальных границ, так и перспективное проектирование Большого Лондона, Большого Берлина и т.д. Предлагались разные схемы рационального распределения спутников вокруг города-«магнита». Как правило, эти схемы имели геометрический характер — равноудаленные от центра спутники с равным расстоянием между собой. Планы носили формы или трилистника (Пауль Вольф, 1919), или идеального кольца (Роберт Уиттен, 1923) и т.д. Упомянутые геометрические схемы относились к новым будущим образованиям. В схеме Сакулина, можно сказать, и просматривается стремление наложить на исторически сложившуюся систему связей московской агломерации идеальную схему, обладающую геометрической логикой. Эта умозрительная логика должна, по мысли автора, наладить четкое и бесперебойное функционирование всей системы, укрепленной новыми, более правильными связями ее составляющих.

Как известно, интенсивное развитие промышленности и проблемы перенаселения больших городов обусловили зарождение в начале 1920-х гг. районной планировки. Например, в 1919 г. был составлен проект Парижского района в границах департамента Сены, в 1920 г. в Германии было принято решение о районной планировке всей Рурской области и, наконец, в 1922–1925 гг. возник известный проект Данкастерского района, составленный Аберкромби. В основу планировки положена планетарная система, похожая на систему городов-садов Говарда. Населенные пункты, расположенные вокруг Данкастера равномерным кольцом, связываются с ним радиальными транспортными коммуникациями. Сам Данкастер оставался культурным центром района. В проект входила система жизни всего района — от определения численности населения сателлитов, исходя из производственной мощности добывающей промышленности и решения проблем коммуникаций, до расширения и реконструкции центрального города. Все проектные решения были основаны на всесторонних предварительных обследованиях — от географических и исторических данных района до промышленной географии. Естественно, этот удавшийся одним из первых опыт решения районной планировки, кроме всего прочего, обусловлен как однородностью его промышленного профиля, так и ограниченностью территории района. На этом примере становится очевидной необходимость предварительного обследования такой огромной и сложной агломерации, как московская.

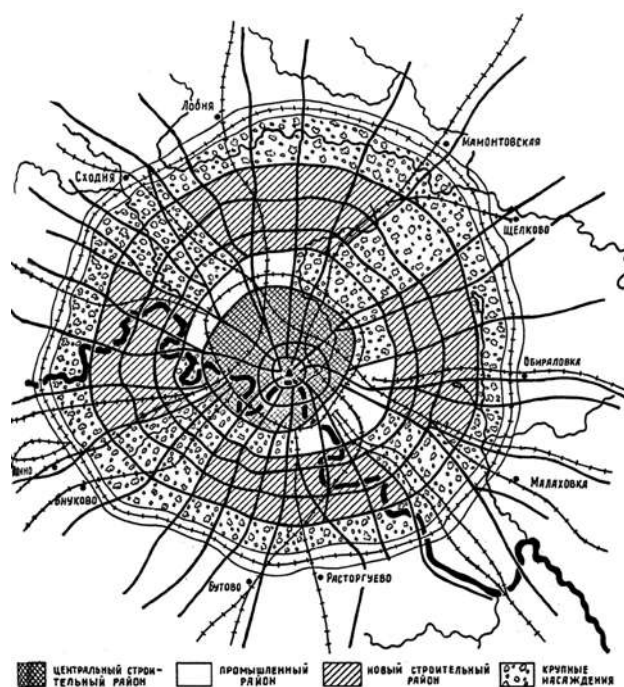
Как известно, в 1922 г. Сакулин создает проект системы расселения на территории более 1 млн кв. км. Разработанная схема охватывает значительную часть европейской территории России от Костромы на север до Белгорода на юге, от Минска на западе до Тамбова на востоке. Как и в проекте московского района, здесь костяком схемы служит сложившаяся до революции железнодорожная система сообщения Москвы с крупными городами европейской части России. Вокруг Москвы предлагается создать полукольцо железной дорог, объединяющее такие крупные и самостоятельные города, как Смоленск, Курск, Тамбов, Нижний Новгород. Схема предлагает каждый значительный город четвертого полукольца окружить двумя кольцами (четвертое — автомобильная дорога, второе — железная дорога), объединив в малую планетарную систему традиционные малые города вокруг крупных. Кроме того, на пересечении четвертого полукольца крупных городов и их собственных вторых колец предвидится

возникновение значительных городских образований, как бы уплотняющих четвертое большое полукольцо вокруг Москвы. Можно сказать, что складываемая космическая система должна состоять из малых планетарных подсистем. Малая планетарная система (притяжение крупных городов) представляет своеобразный модуль общей космической системы. Очевидно, теоретическая апробированность исходного модуля проекта должна была составить единство и эффективное функционирование всей европейской части России. В данном случае можно сказать, что исходный модуль может в принципе породить систему какого угодно масштаба. Очевидно, открытые революцией перед архитекторами «ошеломляющие возможности» создавать проекты, захватывающие сектор жизни какой угодно величины, породили эту гигантскую схему. В ней заложено одно из онтологических свойств утопического сознания: верно найденная единственная исходная проекта ничем не обеспечит ничем не нарушаемую налаженную жизнь замысленной системы. Показательно, что Сакулин называл свою систему технической организацией территории страны¹⁰.

Представляется показательным, что этот же принцип организации пространства жизнедеятельности распространяется Сакулиным и на планировку городских кварталов, предлагая подчинить ее единому планировочному модулю, равному четырем сажням (дореволюционная норма противопожарного разрыва между деревянными строениями). Одна четвертая часть модуля, т.е. сажень, бралась как единица масштаба застройки. Длина стороны городского квартала принималась кратной планировочному модулю. В этой системе целесообразной площадью квартала Сакулин считал 15,5 квадратных сажень. Модуль регулировал ширину проездов различного назначения. Так, хозяйственный проезд – 1 модуль (4 сажени), жилой проезд – 2 модуля, бульварная аллея – 3 модуля, торговая улица – 4, малый проспект – 5 и так до парковой магистрали – 10 модулей¹¹.

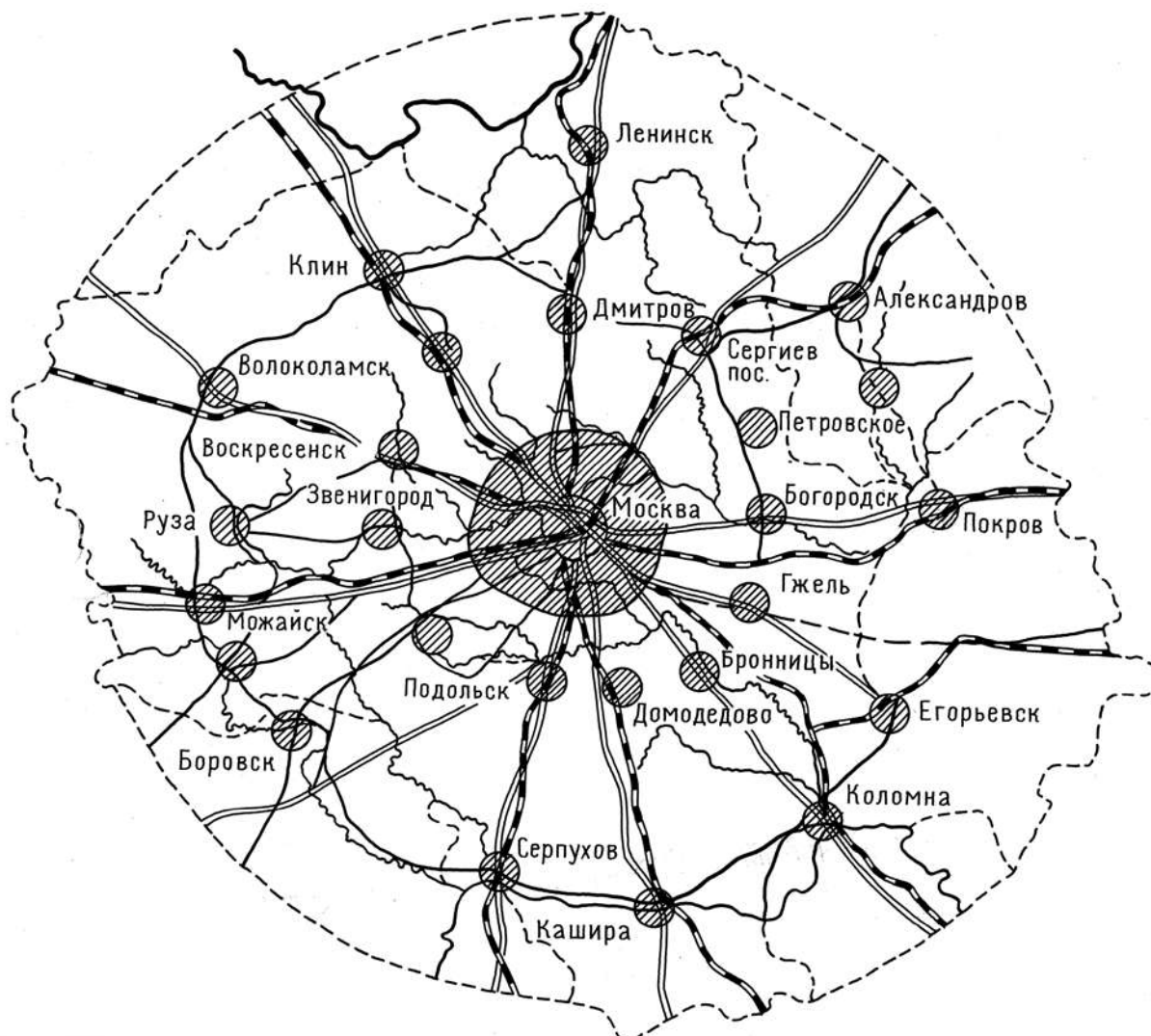
Техницистская утопия Сакулина распространялась на все пространство города. Он разработал основы математической теории гармонического деления пространства. Очевидно, поиски алгоритма пространственной (а следовательно, по мысли автора, и социальной) гармонии – порождение «тектонических» сдвигов отечественной истории. Можно вспомнить поиски всемирной гармонии героев повестей Платонова. Сакулин создал математическую модель трассирования городских магистралей на основе деления площади городского простран-

ства с помощью планировочного треугольника на четное число подобных треугольников. На основе подобного деления квадрата предлагалось построить четыре ветви ломаных линий, идущих от периферии квадрата к центру. Полученные линии трасс должны были оптимизировать движение от периферии города к центру и обратно. Пожалуй, самое существенное в этом предложении то, что оно относилось конкретно к перепланировке Москвы. Площадь Москвы по этому предложению вписывалась в квадрат со сторонами, в длину которых было заложено определенное количество модулей. Стороны квадрата должны были быть ориентированы параллельно меридиану и параллели. Квадрат захватывал ближайшие пригороды. Площадь будущей Москвы намечалась более 3 тыс. кв. км. Путем деления общего квадрата на следующие, построенные тоже по модульной системе, высчитывается геометрический центр Москвы. Им оказывается площадь у Горбатого моста на Красной Пресне – историко-революционный центр. Он должен представлять из себя площадь, которую венчает башня, фиксирующая геодезический и географический центр Москвы. Невозможно определить, что в этом проекте более фантастично. Пафос ли замысла о том, что город отныне будет исправно функционировать согласно правильно найденной геометрической сетке, наброшенной на его историческую застройку? Или сам факт возникновения проекта, знаменующего

Проект «Большая Москва». Схема планировки города.
Инж. С.С. Шестаков. 1921–1925

Проект «Большая Москва». План Московской губернии. Инж. С.С. Шестаков

сместившееся отношение к прошлому своей страны, воплощенное в его историческом центре?

Техницистская направленность утопии Сакулина определила и основной способ передвижения в городе, самый передовой для того времени — метро. Линии метро предлагалось проложить по вычисленным четырем трассам квадрата городского пространства, которые он называл квадрилетами. Эти линии должны были обеспечить связь центра города с его пригородами (Мытищи, Томилино, Перово, Нахабино). Метро, соединяющее центр с городами-спутниками со своей промышленностью, должно было проходить по периферийным районам Москвы, запланированным Сакулиным как спальные районы (Медведково, Черкизово, Лефортово, Серебряный бор, Коптево, Владыкино и т.д.). Все ветви метрополитена выходили к окружной железной дороге, которая превращается в пассажирскую.

Закономерной в проектах Сакулина представляется взаимообусловленность величины пространства человеческой активности и метода ее упорядочения — «технической организации», по определению самого автора. Сам же масштаб проектов, как говорилось выше, обусловлен новым социальным строем. Характерно, что начальный этап градостроительной советской мысли породил две абсолютно несхожие утопии эффективного упорядочения жизнедеятельности столицы — классическую и техницистскую. Обе они представляются достаточно внутренне сгармонизированными в своих составляющих и системными. Та и другая внутренне непротиворечивые системы явились началом последующих таких же непротиворечивых градостроительных систем, в которые не хотела укладываться противоречивая повседневная жизнь.

Третьим заметным проектом развития Москвы, который хрестоматийно рассматривается историками советской архитектуры, был проект профессора С.С. Шестакова, начатый в начале 1920-х гг. и опубликованный в 1925 г.¹² По сравнению с проектами Сакулина, которые были мало известны его современникам, проект Шестакова достаточно широко обсуждался в печати, затрагивающей проблемы планировки городов. Очевидно, внимание к проекту объясняется тем, что он лежал в русле если не целостных проектов, то отдельных предложений по дальнейшему развитию Москвы, как со стороны коммунальных работников, так и со стороны архитекторов. Поток проектных предложений был вызван осознанием критического состояния Москвы и ощущением того, что по мере перегрузки города это критическое состояние будет неуправляемо разворачиваться по нарастающей. Целеполаганием проекта Шестакова было обеспечение жизнедеятельности города в перспективе непрерывного роста его населения. Этим фактором обусловлены все составляющие проекта.

Автор проекта полагал, что население Москвы к 1945 г. достигнет 4 млн человек, а к 1960 г. — 6 млн. И соответственно проект нацелен на предельный вариант роста столицы, который должен поставить границу ее «естественного» развития. Территория Москвы увеличивалась примерно до 200 тыс. га, а дальнейший рост города проектировался за счет городов-спутников. Параллельно расширению границ города автором проекта замыслено, как он выражается, «общее разрежение заселения города». Он предлагал воспользоваться значительными разрушениями в столице в пользу упорядочения ткани традиционного города путем регулирования проездов и более четкого структурирования прореженных городских кварталов.

Самое интересное в проекте Шестакова — это предлагаемая плотность населения; 60–70 жителей на гектар (по примеру современного Нью-Йорка и других американских городов) против существующей плотности населения — 192 жителя на гектар. Шестаков считал, что территория города должна быть подготовлена для ожидаемого прироста населения в плане благоустройства. Для этого следует заранее определить границы Москвы. Автор выступал за планомерность развития Москвы, подразумевая под этим не этапность ее застройки, а типы расселения внутри ее границ: традиционный городской тип поселения в центре, а на периферии — города-сады. К десяти московским направлениям железных дорог по про-

екту должно присоединиться еще шесть. Как и в проекте Шусева, предусмотрена интенсификация водного сообщения со всей страной, что должно повлечь за собой устранение малой осадки судов на всем протяжении Москвы-реки. Эта идея была также чрезвычайно привлекательна и для авторов генерального плана Москвы 1935 г., однако более в плане красоты городского ландшафта. Несмотря на значительное увеличение территории Москвы, ее будущая планировка должна иметь единый планировочный принцип — расширение и укрепление радиально-кольцевой системы. Укрепление этой системы наряду с ожидаемым ростом города автор считал естественным ходом развития столицы. С запроектированной радиально-кольцевой системой тесно связано задуманное автором зонирование города. Собственно кольца дорог служат границами между административной, жилой, промышленной и зеленой зонами. Зоны окольцовывают ядро традиционной Москвы, а радиальные дороги разделяют эти кольца на секторы разного зонального назначения.

Было запроектировано пять зон Большой Москвы: центрально-городская, парково-промышленная, садовая, лесная оградительная и железнодорожная. Центральная городская зона (собственно Москва в пределах окружной железной дороги) является административно-деловым и торговым центром столицы. Вторая кольцевая зона вокруг ядра Москвы разделяется на четыре сектора, из которых юго-восточный и северо-западный отводятся под промышленные предприятия и, соответственно юго-западный и северо-восточный оставляются в качестве крупных парковых образований (Кунцево, Воробьевы горы, Черемушки, Свиблово, Измайлово и т.д.). Они должны защищать центральную часть Москвы от господствующих ветров и служить резервуарами свежего воздуха. Промышленные зоны должны обслуживаться железнодорожными путями и окружной железной дорогой. Проектируемый в юго-восточном секторе порт тоже должен обеспечивать предприятия сырьем и транспортировать продукцию из Москвы.

Трамвай и метрополитен должны были связать промышленные районы как с центром города, так и с третьей зоной города — садовой. Третье зональное кольцо, называемое в проекте «садовое», предназначается для расселения разрастающегося населения. Новые жилые образования должны представлять собою города-сады с малоэтажной застройкой, правильной планировкой и необходимыми городскими коммуникациями. Эта зона-кольцо,

как и промышленная, прорезается секторами лесных массивов, которые продолжают парковыми секторами промышленной зоны и образуют своеобразные зеленые клинья, протянувшиеся до ядра города. В свою очередь, садовую зону с городами-садами окружает сплошная лесная оградительная зона тоже в виде кольца шириною 3–4 км. Эта зона служит границей Москвы, за которую город не должен перешагивать. И замыкает перечисленные городские зоны-кольца «железнодорожная зона», т.е. вторая окружная железная дорога, так же как в проекте Новой Москвы и в проекте Сакулина.

В 1920 г. С.С. Шестаков, А.В. Щусев и Б.В. Сакулин входили в комиссию по разработке проекта второй окружной железнодорожной магистрали¹³. Дорога запроектирована вдоль внешней границы оградительной лесной зоны. Вдоль этой дороги, особенно в местах ее пересечения с подходящими к Москве железнодорожными магистралями, должно организоваться поселковое строительство. Новые поселки должны были обеспечить работу Московской железнодорожной системы. Таким образом, вторая окружная железная дорога образует вторую заградительную зону города. Кроме того, второе железнодорожное кольцо должно разгрузить сам город от многих железнодорожных сооружений десяти дорог.

Однако по мысли автора двойное защитное кольцо вокруг Москвы (лесное и железнодорожное) общей шириною около 5–6 км не способно заградить город от дальнейшего расползания за счет «пригородных придатков», если не создать условий городского проживания в окрестных районах. Поэтому система благоустройства ближайших к Москве городов должна быть предусмотрена в проекте. Чтобы принять излишек населения, города, окружающие Москву, должны быть превращены в благоустроенные города-сады (Дмитров, Сергиев Посад, Богородск, Подольск, Бронницы, Звенигород, Воскресенск). Эту же нагрузку должны принять на себя и города второго кольца (Клин, Волоколамск, Руза и т.д.). А также в проекте предусмотрено заселение нескольких новых мест между уже существующими подмосковными городами. Они как бы восполняют цельность системы до «круговой формы», как более удобной для административного управления. По подсчетам автора проекта, население городов-садов должно составлять приблизительно 100–150 тыс. жителей. Таким образом, города, окружающие Москву, вместят в себя почти 3,5 млн жителей, что с предельным числом населения Москвы (4 млн) будет составлять примерно 7,5 млн. Система решения значительного района Москвы и Под-

московья в проекте Шестакова аналогична системе Сакулина, однако без третьего кольца городов и без определения их промышленной самостоятельности и производственной связи с Москвой.

Что касается самой Москвы, т.е. города в черте первой окружной железной дороги, то автор проекта относится к ее исторической структуре достаточно консервативно. Он трезво смотрит на возможности ее кардинальной перестройки и призывает учитывать даже достаточно стихийный опыт нагрузки ткани города новыми функциями. Он считает, что уже занятый огромным административным аппаратом Китай-город следует закрепить за десятком существующими там наркоматами, прибавив к ним еще пять, разместившихся в ценных доходных домах и гостиницах, освободив таким образом некоторое количество жилой площади для москвичей и обеспечив приехавших временным жильем. Другие государственные учреждения второстепенного значения он предлагает разместить по их тяготению к тому или иному ряду производственной и научной деятельности (например, «Клинический городок» на Девичьем поле, «Научно-технический городок» на территории бывшей Анненгофской роши, «Научно-экспериментальный городок» на Миусской площади)¹⁴. В этом плане проект Большой Москвы перекликается с проектом Новой Москвы А.В. Щусева. Однако можно заметить, что проект Шестакова еще консервативнее, поскольку не предлагает, как проект Щусева, разреживания традиционно сложившейся городской ткани. Очевидно, главная мысль проекта Шестакова заключается в том, чтобы под напором роста населения города не распалась городская ткань и не разрушилось его историческое ядро. Для этой цели и промышленность выводится за границы исторического города, а в третьем — «садовом» — кольце в городах-садах свободно размещается вновь прибывшее население и далее за двумя защитными зонами (лесной и железнодорожной) расселяется следующая волна миграции. Чтобы не разрушить традиционное ядро Москвы, по проекту следует как можно больше освоить прилегающее к ядру пространство. Можно сказать, что это проект не столько Большой Москвы, сколько замысел перспективного освоения большого пространства вокруг Москвы. Соответственно и детальная разработка проекта должна делиться на два этапа: первый этап — планировка Москвы в существующих границах и второй — планировка за первой окружной дорогой.

К 1925 г. геодезическим бюро МКХ была закончена основная схема планировки и начата разработ-

ка детальной планировки Москвы в существующих границах. Можно сказать, что самое кардинальное предложение в перепланировке Москвы — это вывод вредных предприятий за первую окружную железную дорогу в промышленно-парковую зону, а также вынос всех громоздких железнодорожных сооружений за пределы города и создание проездов, параллельных перегруженным радиальным магистралям. В том же 1925 г. пленум секции МКХ признал намеченное расширение территории Москвы своевременным обоснованным и отвечающим естественному развитию города. Эскизный план Большой Москвы также был утвержден на этом пленуме. Пленум признал целесообразным благоустройство прилегающих к Москве городов с целью предупреждения перегрузки столицы.

Что касается оценки плана Шестакова в истории советской архитектуры, то кроме странного замечания об игнорировании исторической структуры¹⁵ интересны выводы специалиста по теории советского градостроительства 1920-х гг. М.И. Астафьевой. Так, автор замечает, что пространственно-планировочная структура Москвы в проекте Шестакова тождественна секторально-кольцевой схеме города-сада Э. Говарда. «В схеме Шестакова говардовский центральный парк заменен районом старой застройки, а радиальные бульвары — полосами более широких зеленых насаждений. Таким образом, схема Говарда (естественно, с рядом изменений и дополнений) призвана была выполнять роль, ей совершенно не свойственную. Ведь весь смысл идеи Говарда — в том, что крупные города не должны существовать. Шестаков же перенес принципы построения и застройки (по экстенсивности) города-сада на территорию площадью 200 тыс. га с населением 4 млн. человек»¹⁶.

Однако констатацию абсурдности, до которой доведена схема Говарда, можно еще умножить, обратив внимание на планируемое развитие кольцевой системы и распространенный в 1920–1930-х гг. в мировой теории градостроительства принцип зонирования городской территории. Можно сказать, что и эти два момента плана Шестакова доведены до абсурда. Так, инженер-транспортник П. Верховский в 1926 г. указывает на то, что существующая окружная железная дорога и проектируемая Шестаковым будущая внешняя, опоясывающая весь четырех миллионный город, не эффективны для пассажирского сообщения Москвы между ее зонами. Существующая окружная железная дорога должна обслуживать пассажирское сообщение традиционного центра с остальными зонами-кольцами:

парково-промышленной и собственно жилой зоной — «садовой». По мнению транспортника, внутреннее железнодорожное кольцо не может взять на себя нагрузку двух последующих зон-колец. Тем более что собственно жилую зону отделяет от центра четырехверстная промышленная зона. В этом же плане бессмысленным кажется автору внешнее кольцо железной дороги, поскольку ее отделяет от города пятиверстный лесной массив. Она должна обслуживать не только транзитное, но местное грузовое движение и, следовательно, должна непосредственно соприкасаться с территорией города. Она должна разгрузить существующую окружную железную дорогу от грузового движения и взять на себя обслуживание промышленной зоны. А промышленную зону, соответственно, отделяют от внешнего железнодорожного кольца два кольца-зоны (лесная и жилая). Кроме того, автор критической статьи считает, что внешнее железнодорожное кольцо в перспективе быстро обрастет селитьбой при запланированной при ней инфраструктуре¹⁷.

Очевидно, что замеченные современниками и историками несообразности плана объясняются именно сочетанием в нем несовместимых моментов: величина города, его планировочный каркас, принцип его зонирования. Эти несообразности как бы спрессованы между умноженными и увеличенными кольцами зон и дорог. Жесткое зонирование города, столь распространенное в это время, и задает планировщикам задачу сопряжения зон. Решение этой кардинальной задачи — главная мысль проекта конкретного города или идеальной системы зонирования. Зоны, составляющие город, протягиваются слоями вдоль железной дороги (Милютин) или сгибаются в дугу вокруг ядра Москвы с ее историческим планировочным каркасом (парабола Ладовского). В проекте Ладовского как современников, так и сторонников советской архитектуры поражает как стремление к замкнутой планировочной системе (при том, что она остается нетронутой), так и энергичное сопряжение жесткого зонирования с традиционной планировкой. И в других проектах Москвы 1931 г. мы обнаруживаем четкое разделение жилой и промышленной зон (С.М. Горный, Э. Май, Г.Б. Красин). Горный в проекте развития Москвы по сути дела развивает схему Милютина, располагая промышленную и жилые зоны по разные стороны путепровода Московско-Курской и Ленинградской железных дорог, вдоль которых должен был расти город. Проект Э. Мая, созданный под очень большим влиянием идеи города-сада и дезурбанических концепций, создает дисперсное образование горо-

дов-садов и промышленности вокруг исторического ядра Москвы, увеличивая территорию Москвы еще больше, чем Шестаков. Однако, в проекте Э. Мая зона промышленности располагается в основном в традиционном промышленном секторе Москвы — юго-восточном. Г.Б. Красин был принципиальным противником ограничения роста города и в своем проекте предлагал свободное лучеобразное разрастание Москвы вдоль железных дорог. Однако в проекте строго разведены в пространстве будущей Москвы общественно-политический, историко-культурный и промышленный центры столицы. Если попытаться дальше проследить развитие идеи жесткого зонирования города, то можно вспомнить проект бригады В.В. Кратюка. В этом проекте Москва состоит из суммы специализированных районов-городков. Каждый городок несет определенную функцию столицы: жилой городок, промышленный, аграрно-индустриальный, научно-технический, военный, больничный и т.д. Что у каждой системы свои проблемы реального воплощения и функционирования во времени, пространстве и социуме — это уже вопрос совпадения реальной повседневной жизни и свободного замысла этой жизни.

Конкретные замечания специалистов к проекту Шестакова были вызваны именно тем, что решением Московского совета он в принципе был одобрен и принят к воплощению. Насколько инкриминируемые плану Шестакова ошибки были в контексте градостроительной культуры того времени, говорит проект идеального города немецкого архитектора Гледена, где каждая функциональная зона составляет отдельное ядро города, которые сопрягаются как спутники на расстоянии от половины до полутора километром¹⁸.

Может быть, одной из причин столь значительного увеличения будущей Москвы было желание автора проекта Большой Москвы развести в пространстве функции города для более успешного их обслуживания коммунальными органами. Достаточно вспомнить, что вновь созданный аппарат коммунальной службы Москвы очень тяжело осуществлял обслуживание городских структур в едином пространстве и времени аварийного состояния города. В этой связи казалось естественным, что рациональная планировка будущей Москвы снимет административные противоречия функционирования города. В то же время именно коммунальщики понимали, что требуемых колоссальных средств на устройство достаточной сети путей сообщения, водопровода, канализации, замощения на проектируемом пространстве нет и не предвидится

в бюджете города до проектного срока «Большой Москвы» — 1950 г.¹⁹ Очевидно наблюдаемый разрыв между практикующими специалистами в области коммунального хозяйства и футурологической градостроительной мыслью в данный период советской культуры для историка явно ошутим даже по сравнению с кратким периодом проектного взрыва в социальном строительстве, в градостроительстве конца 1920-х — начала 1930-х гг., где он (разрыв) был не актуален для современников. Выше уже приводилась мысль В.Э. Хазановой о том, что неясность представления современников о возможностях транспортной техники будущего в значительной степени обуславливала утопичность градостроительной мысли вплоть до начала 1930-х гг., однако известный теоретик градостроительства М.Г. Диканский, анализирувавший современное развитие городов с точки зрения внутригородского движения, предлагал параллельно Шестакову примерную схему развития Москвы исходя из возможностей наличного транспорта. Автор рассчитывал примерную численность населения, которую может обслужить наличный транспорт и в перспективе метро. За исходное основание для своей схемы автор берет 30 мин движения до нужной точки города любым транспортом и приходит к выводу, что численность населения города (и, следовательно, величина самого города) в прямую зависит от транспорта, обслуживающего население. Так, трамвай может обслужить 1,5 млн жителей, метро — 3,5 млн, железная дорога — 7 млн. Исходя из этих расчетов население Москвы может составлять 12 млн жителей и сам город на предлагаемой схеме распространяется далеко за пределы проекта Шестакова при плотности населения, принятой в мировой практике при проектировании городов-садов²⁰.

Таким образом, можно констатировать, что по крайней мере две составляющие проекта Шестакова, которые впоследствии подвергались критике, а именно утопичность предлагаемого зонирования Москвы и сама перспективная величина города, находились в контексте современной автору градостроительной теории и идеального проектирования.

Наиболее пристальной критике проект Шестакова подвергся в начале 1930-х гг., особенно после июньского пленума ЦК партии 1931 г., посвященного реконструкции Москвы. Наступил новый этап в развитии советского градостроительства, не в последнюю очередь обусловленный началом реального строительства новых промышленных районов на территории СССР. Период конца 1920-х — начала 1930-х г. можно охарактеризовать как мощный про-

ектный взрыв, который захватил почти все сферы культуры от социального проектирования до дизайна, однако наиболее интенсивная проектная активность выплеснулась в градостроительство. Как указывают исследователи, в советской архитектуре город будущего для советской культуры того времени был связан напрямую с образом человека будущего. Естественно, что только что пережитый первый этап развития советской градостроительной мысли воспринимался уже как пройденный период, относящийся более к XIX в., чем к будущему страны. И в связи с возникающими новыми проектами Москвы перед каждым архитектором вставал кардинальный вопрос ее планировки — историческая кольцевая система. И так как проект Шестакова эту систему развил и сделал основным каркасом города, то и последующее отношение к его проекту диктовалось в основном отношением к кольцевой системе в свете дальнейшего развития Москвы. Однако даже немногочисленные сторонники исторической системы планировки считали, что схема Шестакова чисто геометрическая и «беспринципная» (в данном определении уже всплывает нарождающаяся риторика вульгарной социологии). В оправдание радиально-кольцевой системы приводится узел радиальных лучей железных дорог, связанных окружной железной дорогой. В связи с этим предлагаемое другими архитекторами развитие города в линейном направлении вдоль железных дорог критикуется как экономически невыгодное, удорожающее стоимость коммуникаций. Кольцевая система (любой формы кривизны) обеспечивает компактность города и дешевизну коммуникаций. Рост же города предлагается в вертикальном направлении²¹.

Что же касается противников радиально-кольцевой системы, то можно констатировать, что они являются, как правило, резкими критиками самого проекта Шестакова. Так, инженер А.А. Боровой, посвятивший в 1930 г. доклад планировочному каркасу Москвы, утверждает, что проект Большой Москвы исчерпывается пояснительными записками к отвлеченной графической схеме. В это время историческая планировочная система подвергается социальной трактовке и утверждается ее исчерпанность в новых социальных условиях. Кроме того, в этом докладе отрицается целесообразность плотного административного ядра города, оставленного в плане Шестакова, и утверждается принцип дисперсного рассеяния административных органов по отдельным районам Москвы. И наконец, автор при помощи тригонометрических построений доказывает, что намеченный в плане Шестакова рост

Москвы невозможен без слома кольцевой системы планировки²².

Еще один критик схемы Шестакова, архитектор из бригады К. Майера, выдвинувшего проект развития Москвы по тангенциальным магистралям, обвиняет схему Большой Москвы в буржуазности «...не по системе магистралей, а по классовой структуре города...». Автор утверждает, что кольца закрепляют эту структуру. Автор также обвиняет проект в большой разнице благоустроенности центрального ядра города и промышленных районов²³.

Естественно, что ни один конкурсный проект планировки Москвы 1931 г. не избежал проблемы кольцевой системы. Так, Э. Май считал, что путем создания городов-спутников можно постепенно рассредоточить плотное историческое ядро города в системе планировочных колец. Однако в проекте остаются нетронутыми радиальные лучи. Проект бригады Г. Майсра оставляет радиально-кольцевую систему в пределах кольца «Б», а за пределами Садового кольца свободно локализованы отдельные строго специализированные районы. Однако кольцо «А» определяется главным образом как зеленое кольцо. Бригада инженера Г.Б. Красина, сохранив радиально-кольцевую систему, определяет развитие Москвы по железнодорожным радиальным линиям. К. Майер, так же как и Красин, сохраняет радиально-кольцевое ядро города, от которой отходят лучи самостоятельных районов, кроме того, радиально-кольцевая система по периферии разгружается тангенциальными магистралями. Предложенная К. Майером схема была принята в 1932 г. к разработке генерального плана Москвы 1935 г. И наконец, бригада В.В. Кратюка тоже оставляет нетронутой радиально-кольцевую систему, сочетая с ней прямоугольную планировку развития в восточном направлении. Решение исторической планировочной системы в известном проекте Н.А. Ладовского уже приведено выше.

Резюмируя пути решения исторической планировочной системы Москвы конкурса 1931 г., можно констатировать, что все проекты (кроме Ле Корбюзье) ищут способы сопряжения дальнейшего развития города и его исторического ядра. Тогда как Шестаков само развитие города связывает с неоднократным повторением в увеличенном пространстве заданного историей замкнутого планировочного кольца. Его план — как круги, распространяющиеся по воде. Однако по сравнению с водными кругами у московских колец, чем дальше они располагаются от центра, тем значительнее их функция защиты города от расползания, несмотря

на то что сам город увеличен максимально. Естественно, что наступившее новое время с его энергией выброса социальной активности в пространство страны воспринимает как нечто чуждое замкнутое самодостаточное образование. Проекты 1931 г. показывают, что в сознании современников наступил определенный перелом по отношению к понятию «центр города». Оно (понятие) теряет абсолютный характер, который имело для людей уходящей культуры. Исторический центр уже не является для нового поколения парадигмой дальнейшего существования Москвы. С ним просто нужно считаться, направляя всплеск новой жизни по касательной к нему. Естественно, что новому поколению, горячо обсуждающему глобальные проблемы принципов расселения всей страны и вовлекающему в этот поток преобразования и Москву, проект Шестакова представляется наивным и прямолинейным в своем охранительном пафосе.

История планов развития Москвы (вплоть до 1970-х гг.) — это концентрированная история советской культуры. Можно сказать, что каждый этап проектирования — это этап советской культуры. И Москва в этом процессе испытания сил новых направлений в советской архитектуре, очевидно, является «потерпевшей стороной». Речь идет не о постепенных стилистических напластованиях в ткани города, а о перекрывающих друг друга своей радикальностью целостных планов города, оставляющих свой след во всей его структуре. Как это ни парадоксально, но указанный выше выброс проектной активности в советской культуре, просматриваемый в планах Москвы 1931 г., воплотился в совершенно чуждый по стилистике, по мироощущению, но близкий по радикальности период середины 1930-х гг., озаглавленный генеральным планом Москвы 1935 г. Этот план по отношению к плану Шестакова интересен исходным планировочным каркасом будущей Москвы — радиально-кольцевым. Естественно, что в первую очередь это продиктовано моноцентристским принципом построения новой целостности Москвы — столицы мирового пролетариата. Однако по мысли авторов нового проекта, традиционная радиально-кольцевая система должна обеспечить компактность монументального города-ансамбля, с одной стороны, а с другой — ее интенсификация — это своеобразный генератор энергии реконструкции всего города от ядра до периферии. В связи с этим в печати в качестве недостатка плана Шестакова отмечалось отсутствие реконструкции кольцевой системы²⁴. В генеральном плане Москвы предлагается ряд мер

по укреплению сердца Москвы путем частичной разгрузки колец, расширения магистралей и прореживания ткани центра. Можно вспомнить, что и план Новой Москвы тоже предусматривал значительное прореживание центра от малоценной застройки ради свободного дыхания памятников архитектуры. В этой связи представляется закономерным активное участие Щусева в подготовке генплана 1935 г. Его можно назвать идеальным планом осуществления высшей интенции неоклассицизма — очищенный от времени ансамбль, система ансамблей, город как ансамблевая целостность. В связи с подобной высокой задачей генплана понятны характеристики, данные Семеновым проекту Новой Москвы как проекту несоциалистического города, а проекту «Большой Москвы» — как проекту большой деревни. Заботы Щусева и Шестакова о системе коттеджных поселений типа городов-садов в системе Москвы в свете новых масштабов архитектуры кажутся уже провинциализмом.

Следует отметить, что план Шестакова в отличие от плана Новой Москвы и малоизвестных современникам схем Сакулина вызывал среди планировщиков, коммунальщиков и статистиков отдельные конкретные предложения если иногда и не в рамках самого плана, то параллельно ему. Иногда трудно разграничить их по степени близости плану Шестакова, поскольку понятие «Большая Москва» вплоть до середины 1930-х гг. прочно вошло в советскую культуру. Понятие это вбирало в себя как возрастающую численность населения и увеличение территории города, так и укрепление сердца если не всей страны, то по крайней мере ее центрального региона, а к середине 1930-х гг. — создание столицы мирового пролетариата.

Предложения практикующих планировщиков, как правило, касались сопряжения конкретных локальных планировочных мероприятий с общей новой схемой Москвы. Прежде всего планировщиками предлагалось тщательное исследование почвенных и ландшафтных особенностей той или иной местности Москвы, зарезервированной в схеме под планировку новых районов. Эти мероприятия должны помочь избежать полного противоречия конкретных текущих планов, например прокладки новых линий трамваев, и условий намеченных в плане местностей. Предполагается обследование направлений города, подлежащих в схеме освоению в первую очередь — это лесистые районы Северо-Западного и Северо-Восточного направления.

В это время уже бурно развернулась полемика вокруг принципиальной схемы московского метро-

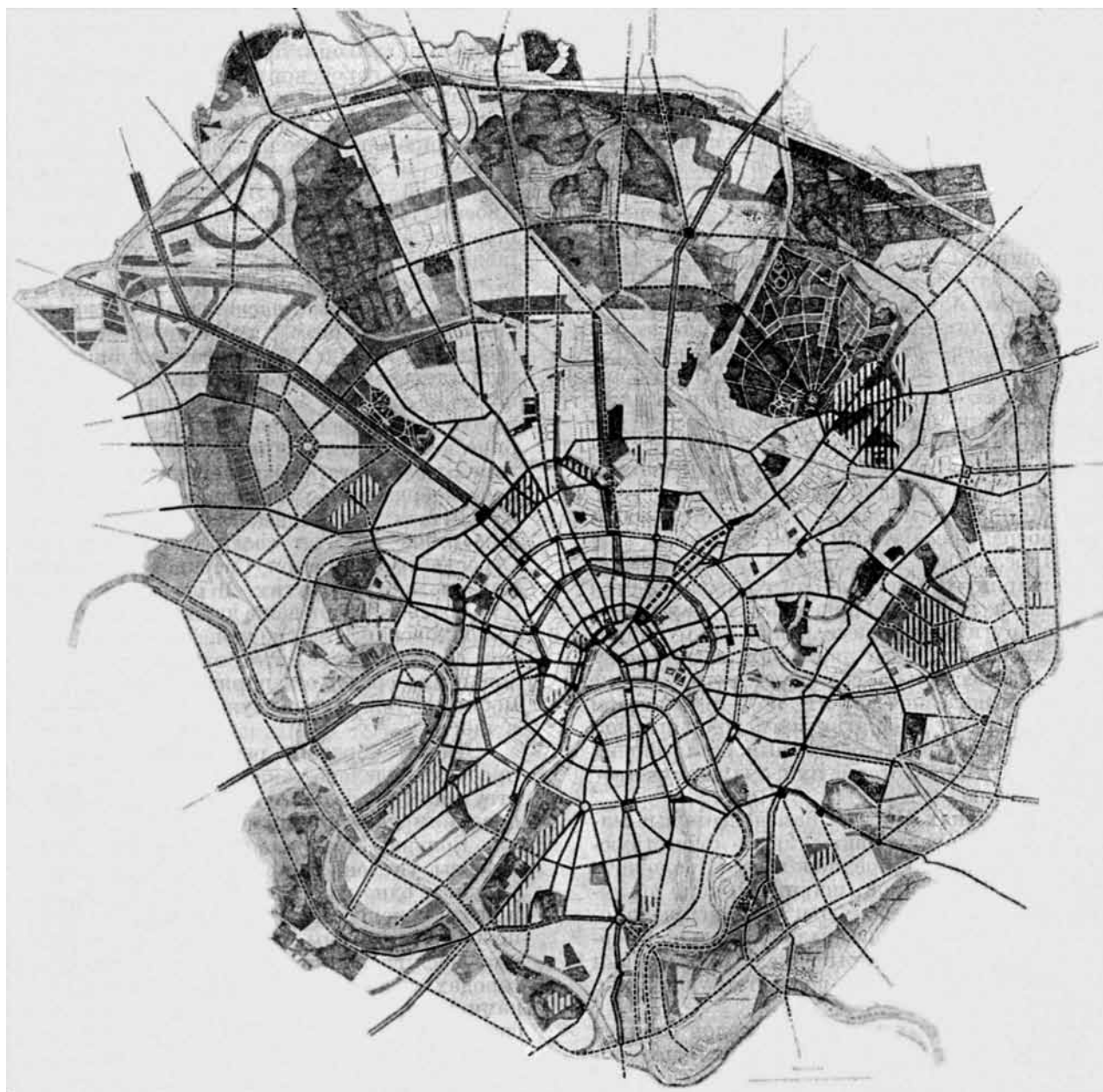
политена и реальности его создания. Но это — тема специального исследования. А пока можно отметить единогласное мнение о необходимости линий, дублирующих в целях транспортной разгрузки кольца «А» и «Б». В рамках обсуждения пассажирской транспортной системы будущей Москвы предлагается заранее начать плановые работы по переоборудованию транспортных линий следующих московских колец: по Камер-Коллежскому валу и окружной железной дороге. К этому времени президиумом Моссовета были приняты нормы ширины главных и второстепенных магистралей, улиц, бульваров. Эти нормы должны были быть обязательными для детальной проработки принятой схемы развития Москвы. Транспортники и проектировщики единогласно признавали в Москве недостаток больших площадей для развязки интенсивного движения транспорта. И соответственно, обязательное увеличение городских площадей и планирование новых было неперенным требованием конкретной проработки общей схемы.

В связи с утвержденной общей схемой будущей Москвы как системы городов-садов по ее периферии перед планировщиками стоял вопрос удержания целостности зеленого периферического пояса Москвы. Однако и традиционный центр должен быть укреплен новыми насаждениями, а также создана четкая общая система городских парков. Выдвигались также требования увязки будущей детальной планировки Москвы с коммунальными предприятиями.

Представляется интересным тот факт, что московские коммунальщики и планировщики, занимающиеся текущей разработкой схемы, признавали историческую обоснованность зонального членения Москвы в схеме ее будущего развития. Да и в целом схема Большой Москвы не представлялась проектировщикам фантастической в силу того, что в ее основу была положена историческая структура. Например, известный работник МКХ Ф.Я. Лавров считал, что Москве не по карману фантастический проект ее развития с кардинальной перепланировкой всей городской территории, когда острый жилищный кризис заставляет сохранять каждое здание, даже если оно стоит на месте намеченной магистрали²⁵. Поэтому основная текущая планировочная работа должна сосредоточиться на корректировке красных линий, направляющих будущее строительство. Лавров призывал проектировщиков уделять основное внимание расширению основных магистралей. Эти первоочередные задачи планировщиков позволили впоследствии Семенову охарактеризовать план Большой Москвы как план

красных линий. В рамках планировочных работ по дальнейшей застройке Москвы в МКХ была создана особая комиссия по разработке проекта планировки проездов Москвы. Сеть новых проездов заблаговременно должна быть разработана для периферии во избежание ее дальнейшей хаотической застройки. Эти проезды должны быть сопряжены с существующей сетью дорог города. В частности, в пределах между Садовым кольцом и Камер-Коллежским валом в целях упорядочения дальнейшей застройки предлагалось скорректировать короткие проезды между существующими магистралями. В комиссии также был поднят вопрос о необходимости планировки незастроенных пустых мест в пределах городской черты. И наконец, приток жителей из голодных районов России фактически превратил московский уезд в пригород Москвы. Это обстоятельство ставило МКХ перед необходимостью обратить внимание на планировку Подмосковья. Однако для этого требовались значительные кадры планировщиков, коммунальщиков и транспортников, которыми не располагало МКХ. Возвращаясь к вопросу увязки текущих неотложных задач жизни города, которые стояли перед МКХ и общим планом развития Москвы Шестакова, можно сказать, что неотложные задачи МКХ и перспективные Шестакова не вступали в противоречие между повседневной жизнью и проектным представлением о ней.

Помимо того что план Шестакова не казался современникам фантастическим, сама схема находилась в русле мировой градостроительной мысли того времени, поскольку Москва в своем статусе столицы и промышленного центра оказалась перед такими же проблемами развития, перед которыми оказались крупные европейские города. Так, в 1922 г. Р. Энвин предлагает проектировать Лондон с его окрестностями как единое целое, называя свои пригороды-спутники «вариантами идеи города-сада в пригороде». Каждый пригород-сад, по идее автора, обладал своей защитной зеленой зоной и резервной площадью развития. Интересно отметить, что система Энвина была рассчитана на 9 млн лондонцев в отличие от плана Шестакова, рассчитанного на 4 млн жителей, и диаметр Лондона в этом проекте составлял 80 км. Однако в отличие от пригородов-садов Шестакова, которые отводились исключительно под жилье, пригороды-сады Энвина должны были обладать своей производственной и культурной составляющей²⁶. В этом контексте нельзя не вспомнить известную вплоть до 1940-х гг. теорию «органической децентрализации» городов Э. Саяринена, в которой архитектор предлагает путь пра-

Проект планировки Москвы. МКХ. 1928

вильного развития города: создание системы новых самодостаточных районов-городков вокруг исторического центра. Как и в проекте Лондона, центр и полуавтономные районы-городки — это единый, хотя и расчлененный, городской организм. Районы, так же как и в проекте Лондона, — это центры трудовой деятельности. Соединяет эти городки скоростной транспорт. Впервые принципы «органической децентрализации» были применены Саариненом в проекте расширения Ревеля (Таллина) в 1913 г.²⁷ Показательно для проектного мышления 1920-х гг. то, что под понятием органического развития большого города подразумевается правильное (почти гео-

метрическое) организованное кольцо городков вокруг исторического центра. В схеме Сакулина видно, что несимметричное расположение новых районов расценивается как хаотическое. В этой связи нельзя не вспомнить, что в середине 1930-х гг. проект Шестакова обвинялся в отвлеченном геометризме. Очевидно, Шестаков под органическим развитием Москвы понимал дальнейшее правильное развитие, заданное историческим алгоритмом. Также очевидно, что в правильности для человека культуры XIX в. была заложена симметрия. Если продолжить разговор о геометрических схемах, то можно вспомнить проект системы круговых поселков Э. Глоз-

дена 1920-х гг., из которых состоит большой город, где каждый поселок представляет собой большой город — центричное построение идеальных городов Возрождения с геометрически правильной радиально-кольцевой системой.

Подытоживая анализ трех концепций развития Москвы, можно выявить как двойную принадлежность культуре XIX и XX в. планов Щусева и Шестакова, так и дополняющий эти две концепции техницистский план Сакулина, введший Москву в XX в. От XX в., по мысли авторов, Москву должна была спасать или правильно перепланированная пространственно-ансамблевая целостность плана Новой Москвы или планировочно замкнутая целостность Большой Москвы. И вместе с тем оба плана содержат в себе идущую от культуры XIX в. мечту о разреженности большого города в пронизывающей его ткань природе. Пожалуй, понятие пограничности двух культур должно быть более отнесено к плану Шестакова, где отдана дань рас пространенной в 1920–1930-х г. концепции функционального зонирования городской территории. Однако представляется, что и эта новая для XIX в. концепция использована с целью оградить историческую Москву от дальнейшего разрастания промышленного сектора.

Один из крупнейших специалистов истории советского градостроительства 1920–1930-х гг. В.Э. Хазанова, говоря о причине неприятия в конце 1920-х гг. планов Москвы, возникших к середине 1920-х гг., утверждает, что со временем составления этих планов «...изменилась сама городская жизнь, образ жизни и быт горожанина, тем более жителя столицы»²⁸. Показательно, что проект Щусева был назван «вневременным» и «эстетическим», а схема Шестакова уже казалась прозрачно функциональной. Естественно, что охранительная функция, заложенная в схему Большой Москвы и отчасти в план Новой Москвы, призванная обеспечить выживание Москвы под натиском новой жизни, коренным образом отличается от функционализма как проекции в будущее этой новой жизни. В этом романтическом выбросе проектной активности забота о сохранении прежней Москвы кажется уже недостойной суетой и делячеством.

Однако была проблема, присущая новой жизни, с которой не могли справиться ни охранительные консервативные проекты середины 1920-х гг., ни романтические кардинальные проекты начала 1930-х гг., ни даже утвержденный в самых высоких инстанциях генеральный план Москвы 1935 г., и так вплоть до 1980-х гг. Это хаос повседневной жизни, сопро-

тивляющийся всякому плановому развитию города, и противоречивость всего корпуса планов по упорядочению этой жизни, сконцентрированной в столице. Выше было приведено горькое резюме Щусева о невозможности реализации всякого системного плана в стихийном хаосе ведомственной московской застройки. Это повторяет один из авторов плана Новой Москвы Н.В. Докучаев. Он пишет о том, что «...ряд практических мероприятий, которые под- сказывались этим планом и которые обошлись бы почти без всяких материальных затрат, не был осуществлен. Не были предприняты шаги и оградительного характера. Мы не удержались от того, чтобы не допустить застройки тех участков, которые по плану не должны были бы или совсем застраиваться, или должны были застраиваться согласно норм городской зоны, в которой они находились. Мы стали, наконец, свидетелями, как ценные вековые сады-парки, открытые среди беспорядочной московской застройки архитекторами планировочной мастерской и предназначенные быть запасными резервуарами чистого воздуха... были срублены для того, чтобы освободившаяся земля была сдана в аренду...»²⁹.

Новая жизнь по определению должна была рождать целую систему планов, разной степени глобальности, внутренняя эволюция которых во времени говорит об уже упоминавшейся сопротивляемости жизни или о стихийности самой планировочной культуры. Многие планы, естественно, были продиктованы бурной хозяйственной и социальной активностью нового строя. Однако в их орбиту втягивались планы, рожденные идеологическим бескорыстием. Восторженное восклицание Ле Корбюзье: «Москва — это фабрика планов, обетованная земля для специалистов...» требует глубокого анализа. Очевидно, сама кардинальность многих планов Москвы последующего периода советской культуры начала 1930-х гг. говорит не в последнюю очередь о намерении проектного сознания преодолеть во-первых, текущую жизнь, воспринимаемую как хаос, во-вторых, хаос, вызванный этой жизнью.

В этой связи закономерно возникает вопрос, как же могла в историческом времени и пространстве (в данном случае — пространстве Москвы) co- существовать повседневная приватная, текущая по своим внутренним закономерностям жизнь с ее естественной инерцией городского развития и ее «стерильный» проект? Очевидно, в социуме города должен существовать какой-то орган, адекватно отвечающий реальности этой повседневности и стоящий на средокрестии жизнедеятельности города и жизнестроительных притязаний проектной

культуры. Представляется, что этим органом являлось МКХ, перед которым решение проблем жизнедеятельности города стояло ежедневно. Кроме того МКХ, несмотря на все несовершенство и противоречивость нового советского хозяйственного аппарата, с той же необходимостью брало на себя функции буфера между жизнью и конструктивно-преобразовательным подходом к ней. Это буферное положение МКХ выглядит достаточно парадоксально, если вспомнить, что многие проекты перепланировки города заказывал именно он. И оно же должно было защищать реальную жизнь от проектного радикализма. Но это обстоятельство можно отнести к напряженной противоречивости всей социальной жизни страны. Характер деятельности МКХ пришлось вспомнить в связи с его местом и ролью в период признания законности действия проекта Большой Москвы. Выше уже приводились если не проекты, то проектные инициативы архитекторов и коммунальщиков в рамках этого проекта или параллельно ему. Сам факт того, что эти инициативы не вступают в противоречия с этой схемой,

говорит о том, что исходная посылка проекта была тождественна функции МКХ — обеспечить городу элементарное выживание в новых условиях. Номинальным содержанием проектной задачи было: обеспечение естественного процесса развития города в тяжелейших условиях самого его существования. Схема, видимо, внутри себя содержала способ своего воплощения — постепенность, а главное — вариабельность. По внутренней логике он должен был задать модус освоения и периферийной по отношению к историческому городу территории. При анализе проекта Шестакова были приведены оценки схемы историков советской архитектуры. Схема приводилась как пример абсурдного совмещения составляющих корпуса градостроительных идей конца XIX — начала XX в. В этой связи самое интересное для истории советской градостроительной мысли: как «абсурдный» проект своей сверхзадачей смог поставить естественное течение жизни, когда сама жизнедеятельность города была под вопросом?

Примечания

1. *Иконников А.В.* Архитектура XX века. Утопии и реальность. М., 2001. Т. 1. С. 280.
2. *Астафьева-Другач М.И., Волчок Ю.П.* Город и мастера. М., 1988. С. 8.
3. *Хазанова В.Э.* Советская архитектура первых лет октября 1917–1925 гг. М., 1970. С. 74.
4. *Щусев А.В.* Москва будущего // Красная нива. 1924. № 17. С. 414–418.
5. *Хазанова В.Э.* Указ. соч. С. 75.
6. *Щусев А.В.* Строительство выставки // Строительная промышленность. 1923. № 2. С. 7.
7. Из истории советской архитектуры. 1926–1932 гг. М., 1970. С. 12.
8. *Астафьева М.И.* Развитие теоретической мысли и принципов советского градостроительства в первые послереволюционные годы 1917–1925 / Дисс. на соиск. уч. ст. канд. арх. М., 1971. С. 216.
9. *Бунин А.В., Саваренская Т.Ф.* История градостроительного искусства. М., 1979. Т. 2. С. 15.
10. *Сакулин Б.В.* Городское строительство. План застройки в городах и пригородах. К задачам основной планировки городского промышленного района // Техника, строительство и промышленность. 1922. № 3. С. 21.
11. *Сакулин Б.В.* Основной план городской застройки. (Архитектурные элементы неизменяемого строительного плана) // Техника, строительство и промышленность. 1923. № 4–5. С. 26.
12. *Шестаков С.С.* «Большая Москва». М.: МКХ, 1925.
13. *Астафьева М.И.* Развитие теоретической мысли... С. 236.
14. *Шестаков С.С.* О развитии строительства в Москве в связи с жилищным кризисом // Коммунальное хозяйство. 1926. № 1. С. 64–67.
15. История советской архитектуры 1917–1958. М., 1962. С. 41.
16. *Астафьева М.И.* Развитие теоретической мысли... С. 237.
17. *Верховский П.* Мысли транспортника по поводу «Большой Москвы» // Коммунальное хозяйство. 1926. № 7–8. С. 20–23.
18. *Михайлов Д.* Новый город. М., 1931. С. 166.
19. *Маркович В., Могилин А.* К вопросу о «Большой Москве» // Строительство Москвы. 1927. № 12. С. 21–23.
20. *Диканский М.Г.* Проблемы современных городов. Движение в больших городах. Кризис жилища. М., 1926.

21. *Фридман Д.Ф.* За существующую систему планировки Москвы // *Строительство Москвы*. 1930. № 10. С. 17–18.
22. *Боровой А.А.* Планировочная сеть Москвы. М., 1930.
23. *Диденко П.* Взяться большевистскими темпами за перепланировку Москвы // *Строительство Москвы*. 1931. № 10. С. 8–11.
24. Предисловие от редакции к статье: *Семенов В.Н.* Генеральная схема архитектурно-планировочной реконструкции Москвы // *Вопросы архитектуры*. М., 1935. С. 122.
25. *Лавров Ф.* Московское коммунальное хозяйство и будущие пути ее развития // *Коммунальное хозяйство*. 1926. № 6. С. 9–14.
16. *Груза И.* Теория города. М., 1972. С. 126.
27. *Бунин А.В., Саваренская Т.Ф.* История градостроительного искусства. М., 1979. Т. 2. С. 112–113.
28. *Хазанова В.Э.* Советская архитектура первой пятилетки. Проблема города будущего. М., 1980. С. 20.
29. *Докучаев Н.В.* Архитектура и планировка городов // *Советское искусство*. 1926. № 6. С. 8–17.

Процесс формирования генерального плана Москвы 1935 г. и принципы композиции будущей столицы

Г.Н. Яковлева

В исследованиях, посвященных истории градостроительства, давно стало общим местом наличие зависимости градостроительства от культуры той или иной страны или отдельного периода ее развития. Однако что касается генерального плана реконструкции Москвы 1935 г., то в данном случае нет возможности говорить о его включенности в культуру нового этапа развития первого в мире социалистического государства, поскольку он, если так можно выразиться, субстрат этой культуры. Это заявка ее притязаний на свою форму организации предметно-пространственной среды и окружающей природы и действенный алгоритм их дальнейшей организации в необозримом будущем. В отличие от предшествующих многочисленных идеальных проектов организации социума и среды в разных исторических контекстах, генплан Москвы 1935 г. определил советское градостроительное мышление на много лет вперед, и это несмотря на то, что сам он, как и все идеальные проекты, не реализовался во всей предусмотренной целостности и полноте, встретив сопротивление реальной жизни¹.

Можно задаться вопросом: какое свойство этого плана завораживало и удостоверяло в непреложности его дальнейшего овеществления по пространству всей страны? Очевидно, это его уникальная во всей истории градостроительства, представимая в совокупности трех измерений, монолитная телесность. Представляется, что во многом именно это свойство плана позволяло современникам воспринимать его как уже воплотившийся на всех уровнях городской организации законченный, не разложимый на составляющие, состоявшийся в пространстве и времени осязаемый результат новой культуры.

Как и все перспективные планы городов, генплан развития Москвы рождался и формировался

в течение нескольких лет, нижнюю границу которых довольно трудно установить (очевидно, это зависит от аспекта исследования плана). Время же его утверждения (1935) воздвигло замковый камень сложной многоуровневой конструкции этого монолита. В этой конструкции совместились много слоев культуры: новое понимание пространства, новое направление в архитектуре, новое понимание жизни социума в городе, новое отношение к природе, новое осмысление эффективности функционирования города как столицы РСФСР и СССР, отношение к собственной истории, отношение к утилитарным проблемам города и т.д. Эти и другие слои жизни города, которые формировались в течение нескольких лет, должны были совместиться над пространством самого приватного и исторически сложного города (со своими перемешанными временными слоями) России, чтобы подвергнуть его коренной реконструкции и оставить внеисторическим памятником пребывающего, но не развивающегося в истории времени.

Как бы ни относиться к нижней границе зарождения концепции Москвы как центра — алгоритма будущего развития страны, следует обратить внимание на переломное время в советской жизни — конец 1920-х — начало 1930-х гг. Обратиться к этому времени необходимо, чтобы понять контекст формирования этой конкретной (но, тем не менее, впоследствии глобальной) концепции — контекст, в котором рождались принципиально другие алгоритмы. Как известно, время конца 1920-х — начала 1930-х гг. характеризуется взрывом необычайной проектной активности на многих уровнях общественной жизни, от социального строительства до конкретных проектов жилища будущих систем расселения. Отличительной особенностью этих

проектов является как их радикальность, так и глобальность, втягивающая в их сферу все большее пространство страны. Собственно расширение поля преобразования действительности говорит о сильном внутреннем потенциале проектной активности, накопившемся в 1920-е гг. Как известно, возникновение самых ярких по радикальности концепций расселения будущего (кстати, казавшегося достаточно близким) обусловлено составлением первого генерального плана развития народного хозяйства СССР. Начинается время составления планов коренной реконструкции жизни, время неощутимого слияния действительности с замыслом ее близкого преобразования. Время балансирующего на грани двойного бытия — наличного и должного.

Если вернуться к конкретным планам расселения будущего, то, несмотря на их принципиальное различие, можно заметить и их общность, которая заключается в равномерном осваивании пространства страны или разукрупненными, одинаковыми по численности и характеру городами (Л.М. Сабсо-вич) или (М.А. Охитович) дисперсным рассеянием в этом пространстве жилья, производства, социальных блоков, культуры и т.д. Собственно характер расселения зависит от модуля рассеяния (от городка до дома). Модуль децентрализации городов и был, очевидно, коренным различием этих двух концепций-программ преобразования пространства всей страны, «формы социально-пространственной организации общества»². Как известно, эти экстремальные идеи не были умозрительными схемами экономистов-футурологов. Об их популярности в профессиональной среде говорит факт наличия к 1930 г. «...свыше пятидесяти градостроительных проектов, воплотивших доктрины урбанизма и дезурбанизма»³. Об интенсивности развития градостроительной мысли и конкретных поисков в планировке городов ярче всего свидетельствует призыв Н.А. Ладовского к превращению архитектурных обществ в урбанистические, которые должны способствовать изменению принципов архитектурного творчества в сторону комплексного проектирования.

Естественно, что в это время существовали и другие принципиальные градостроительные концепции (Н.А. Милютин, А.У. Зеленко, Н.А. Ладовский). Однако упоминание этих двух радикальных «романтизированных схем» (по выражению Хазановой) позволяет почувствовать силовое поле культуры, в котором рождалась и крепла абсолютно противоположная этому полю концепция-модель, определившая развитие как самой архитектуры, так и градостроительного мышления на многие годы.

Уникальность генерального плана Москвы 1935 г. состоит в том, что он предстал перед современниками как гигантская стереометрическая модель столицы СССР. Этот план назывался планом реконструкции Москвы, что, очевидно, подразумевало план стратегии и тактики постепенного преобразования исторического космоса города во внеисторическое пребывание нового города. Однако в 1935 г. он предстал как уже сооруженное, не виртуальное, нерасторжимое в своей целостности образование. Кажется, что эта новая монолитная целостность сердца СССР возникла как вызов взрыву проектной активности авангардистов, взрыву, способному привести всю жизнь к дисперсному состоянию. Вся структура новой системы была абсолютно противоположна авангардным проектам: свободное подвижное развитие поселения — застывшая иерархия, ограниченная в своем развитии; децентрализация города или системы поселения — центр как алгоритм всего города; современная (временная или стационарная) архитектура — историческое наследие; город, развивающийся во времени, — город, сооруженный на все времена и т.д.

Естественно, что представленный в 1935 г. проект реконструкции Москвы складывался постепенно из многих составляющих. Очевидно, следует рассматривать эту конструкцию по главным частям. В связи с этим первым должен быть прослежен процесс формирования планировочной структуры новой Москвы, сложная и противоречивая связь планировки генплана Москвы 1935 г. с планами Москвы 1920-х г. (планы «Новая Москва» и «Большая Москва») здесь не рассматривается. Представляется целесообразным проследить путь сложения планировочной структуры Москвы будущего с проектом реконструкции Москвы, созданным в Московском комитете коммунального хозяйства к 1927 г. Правда, этот проект невозможно рассматривать как принципиальную концепцию планировки Москвы (планировщики не ставили такую задачу). Велась работа по составлению «проекта схемы главных магистралей, зеленых насаждений и строительных зон»⁴. Исторический планировочный каркас центра Москвы по этому плану должен быть поддержан пробивкой улиц-дублеров перегруженных крупных магистралей (Мясницкой, Тверской, Арбатской и др.), и кольцевая система планировки должна получить в центре еще два кольца: между центром и Бульварным кольцом и между Бульварным и Садовым кольцами. Предполагалось проложить дополнительные радиальные магистрали за территорию Москвы для связи с рабочими окраинами. План

повторял многие положения плана «Большая Москва» С.С. Шестакова. Авторы плана МКХ как бы четче прописывали (продляли Бульварное кольцо в Замоскворечье) и усиливали, абсолютизируя, планировочный каркас центра (кроме того, оставляя в нем административный центр и расширяя полукруг площадей вокруг Китай-города). Этот план, разработанный в 1927–1929 гг., стал первым рабочим планом Москвы в социалистический период. В соответствии с ним и велось новое строительство.

Однако примерно в это время (1928–1929), с провозглашением курса партии на индустриализацию и коллективизацию страны с утверждением первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР, начинает формироваться новый взгляд на Москву как на крупнейший индустриальный центр страны. Эта ситуация, в свою очередь, способствовала возникновению новых схем планировки Москвы. На рубеже 1929–1930 гг. партия принимает постановление о разработке генерального плана расширения Москвы⁵. Корпусу отдельных предложений и конкретных проектов развития Москвы в истории советского градостроительства посвящено достаточное количество работ. Однако нас интересуют в данном случае скорее интересные исключения из общего потока предложений. Так, архитектор Д.М. Соболев предлагает строить новый город на севере Москвы по радиально-кольцевой схеме. В основном в этих проектах, в контексте вспыхнувшей дискуссии по расселению решалась задача децентрализации Москвы (от проекта Ладовского до предложений Ле Корбюзье). План «Зеленого города» Гинзбурга, также решающий задачи децентрализации Москвы, интересно перекликается с генпланом Москвы 1935 г. в идее превращения рассеянного города в единый парк культуры. К архитекторам, придерживающимся традиционной планировки Москвы, принадлежал и Д.Ф. Фридман, выступивший за сохранение исторической структуры города в связи с тем, что она неразрывно связана с сетью железных дорог⁶. Проблему развития центра при сохранении радиально-кольцевой системы Фридман предлагал решать путем его перестройки и увеличения этажности. Пожалуй, разработанный в МКХ проект планировки Москвы 1930 г., который возглавил В.Н. Семенов, следует рассматривать в русле проектов, решающих проблемы децентрализации исторического города⁷. В середине 1930 г. итог дискуссии о соцрасселении подвело постановление ЦК ВКП(б) «О работе по перестройке быта», что не в последнюю очередь повлияло на текущую планировку городов, в том числе и Москвы.

Схема перепланировки города, разработанная под руководством В.Н. Семенова в конце 1930 г., уже не отвечала новым требованиям. Вероятнее всего, эта схема и была представлена Л.М. Кагановичем, первым секретарем МК, на заседании Политбюро в конце 1930 г., после чего при Политбюро была создана специальная комиссия для разработки проекта развития городского хозяйства под председательством Кагановича, в которую вошли члены Политбюро, в том числе и Сталин. Создание этой комиссии свело к минимуму участие Моссовета в разработке вопросов, связанных с дальнейшим развитием города, которыми Моссовет ведал все предшествующее десятилетие, и стало явным свидетельством укрепления позиции партийного аппарата.

О конкретных действиях комиссии при Политбюро известно не очень много. Можно только предположить, что ее задачей был сбор и обобщение всех имеющихся наработок по проблемам развития Москвы, а также определение путей её дальнейшего развития, которые соответствовали бы стратегическим планам партии и ее лидера. Воплощением этих исканий стала еще одна схема планировки Москвы, разработанная весной 1931 г. в планировочно-земельном отделе МКХ. Ее авторами были немецкий архитектор Курт Майер, работавший в этом отделе МКХ, — в прошлом городской советник по строительству Кёльна, один из иностранных специалистов, которые откликнулись на предложение советских властей работать в СССР, — и бригада советский архитекторов, в которую вошли С.А. Болдырев, Г. Бальян, А.В. Бунин, П.К. Диденко и М.Г. Круглова⁸. Схема планировки Москвы К. Майера в данном случае интересна с точки зрения отношения к радиально-кольцевой системе. К. Майер, как и Фридман, считал необходимым сохранить существующую планировочную структуру города. Москву (как и в генплане 1935 г.) предлагалось реконструировать и расширить, но не перестраивать заново, как и в генплане 1935 г., сооружение административных зданий республиканского, союзного и мирового значения предлагается осуществлять в пределах кольца «Б». Дома для работающих в кольце «Б» должны размещаться на периферии центра, а дома для рабочих соответственно располагались на окраине рядом с промышленностью. Интересное отличие проекта К. Майера от других проектов Москвы этого времени — это система тангенциальных обходных улиц. Также предусматривалась деконцентрация Москвы через организацию больших зеленых территорий, идущих от центра к периферии и к сельскохозяйственным зонам.

Вся эта подготовительная работа с составлением предложений по развитию города легла в основу доклада Кагановича на июньском пленуме ЦК ВКП(б) 1931 г., после чего задача пленума свелась к приданию всем решениям комиссии при Политбюро официально законодательного статуса. О том, что пути развития города были определены еще до июньского пленума, свидетельствует и тот факт, что еще в начале года Политбюро приняло решение «О выделении Москвы в самостоятельную административную и хозяйственную единицу в пределах Московской области» и о создании в ней отдельной партийной организации. Несмотря на то что с учетом уже прошедших реорганизаций и назначений это было лишь формальностью. Пленум одобрил решение Политбюро о разделении Москвы и Московской области и на основании доклада Кагановича, что «развитие городского хозяйства отстаёт от роста рабочего и трудящегося населения столицы и его потребностей», предложил МКХ и Моссовету «сосредоточить внимание на проведении главных мероприятий»: жилищное хозяйство, общественное питание и хлебопечение, энергетическое хозяйство, городской транспорт, дорожное и подземное хозяйство, водоснабжение, санитарное состояние города и планировка Москвы⁹.

В этой резолюции пленума заявлялось о необходимости незамедлительно начать разработку проекта метрополитена глубокого ввода. Также московским властям предлагалось обратить пристальное внимание на развитие трамвайной сети и автобусного сообщения. Проблему водоснабжения города и обводнения Москвы-реки предлагалось разрешить «путем соединения ее (Москвы-реки) с верховьями Волги». Для озеленения столицы ЦК обязывал «московские организации широко развернуть работу по развитию зеленых насаждений, разбивке бульваров и скверов, в особенности в рабочих районах, а городские лесные массивы — Сокольники, Петровский парк, Измайловский зверинец и др. — превратить в образцовые парки культуры и отдыха». Что же касается планировки Москвы, то пленум признал «совершенно ненормальным, что Москва не имеет пятилетнего плана развития своего хозяйства, и что застройка Москвы проходила стихийно, без общего плана города», поэтому, по резолюции пленума, московские организации должны «приступить к разработке серьезного, научно обоснованного плана дальнейшего расширения и застройки г. Москвы». В резолюции пленума указывалось, что «при планировке Москвы как социалистического города, в противоположность

капиталистическим городам, не должна допускаться чрезмерная концентрация на небольших участках больших массивов населения, предприятий, школ, больниц, театров, клубов, магазинов, столовых и т.д.». Пленум предлагал отказаться, начиная с 1932 г., от строительства в Москве новых промышленных предприятий, поскольку «дальнейшее развитие промышленного строительства страны должно идти по линии создания новых промышленных очагов в крестьянских районах и тем самым приближать окончательное уничтожение противоположности между городом и деревней»¹⁰.

В итоговом постановлении пленума ЦК ВКП(б) не давалось никаких указаний по поводу планировочной структуры города. Не было их и в постановлении «Практические мероприятия по улучшению и развитию московского городского хозяйства» объединенного заседания бюро Московского областного и городского комитетов партии, фракций президиумов областного и городского исполкомов, которое было, в основном, одобрено Политбюро в июне 1931 г. Однако установки по разработке плана города, сформулированные в этом постановлении, указывали на то, что кардинального изменения планировочной структуры Москвы не предполагается¹¹.

Потребность в разработке плана объяснялась необходимостью увязки между собой намеченных мероприятий по реконструкции городского хозяйства, целью которых было решение утилитарных проблем города, т.е., фактически теми же причинами, что и начало разработки плана «Новая Москва» и плана МКХ. Во всех публикациях акцент делался на том, что развертывание таких полномасштабных мероприятий по преобразованию города в 1931 г. стало возможным лишь благодаря успехам индустриализации нового партийного руководства. Существование некоторых более ранних разработок замалчивалось. Игнорировалось также существование плана МКХ, может быть, потому, что сам Московский отдел коммунального хозяйства был расформирован еще в январе 1931 г.¹², а его планировочно-земельный отдел стал отделом при Моссовете.

Новый этап разработки этого проекта начался в июле 1931 г. Вновь была изучена идея проведения конкурса на проект планировки Москвы, поскольку «планировка Москвы, столицы СССР, имеет такое огромное политическое значение, что нельзя обойтись без привлечения к этому делу всей пролетарской общественности и всех архитектурно-строительных сил»¹³. Предлагалось также привлечь к проектированию «в порядке заказа» архитектурные общества и организации и «крупнейших иностран-

ных архитекторов-планировщиков». После проведения конкурса (1 октября — 1 февраля 1932 г.), его обсуждения и «окончательного выбора вариантов» с 1 апреля 1932 г. должна была начаться работа по «составлению проектов планировки» в крупном масштабе с тем, чтобы весь проект был завершен к 1 октября 1932 г. До получения результатов конкурса все намеченное постановлением пленума ЦК крупное строительство решено было согласовывать «с уже имеющейся у планировочно-земельного отдела схемой планировки, составленной под руководством т. Курта Майера»¹⁴. Одновременно с появлением публикации об организации конкурса было объявлено, что «планировочно-земельный отдел Моссовета приступил к пересмотру схемы планировки гор. Москвы»¹⁵. Датой окончания работ называлось 1 октября 1932 г.

Несмотря на официальные заявления, схема Курта Майера не была разработана с той степенью детализации, которая позволяла бы в соответствии с ней намечать новое строительство. Скорее всего, в основе разработки плана города, начавшейся, как заявлялось, с пересмотра схемы планировки, разработанной планировочно-земельным отделом МКХ, лежала схема МКХ. Из схемы Курта Майера для работы над новым планом были позаимствованы некоторые ключевые положения, отвечавшие новым задачам реконструкции города и идеологического содержания проекта.

В начале 1932 г. было создано Архитектурно-планировочное управление (АПУ), на которое «было возложено составление общего и районных планов города Москвы, их детальная разработка, отвод участков под строительство, а также все вопросы архитектурно-художественного оформления города: утверждение архитектурных проектов возводимых зданий и сооружений, проекты планировки парков, садов, скверов, озеленение города, окраска домов и сооружений и скульптурно-художественное оформление улиц, площадей и т.п.»¹⁶. Начальником управления был назначен М.В. Крюков, а его заместителями — В.Н. Семенов и А.М. Заславский.

Через несколько месяцев после создания АПУ в одной из первых своих статей в новом качестве Семенов назвал главной задачей нового этапа работы над планом выработку принципиальных установок, которые помогли бы реконструировать город, исходя из его потребностей в ближайшем и отдаленном будущем. Главной установкой готовящегося плана, собственно нервом формирования развития столицы, декларируется место совпадения исторического центра города и сформировавшегося политическо-

го центра СССР. Семенов специально подчеркивал, что «этот политический центр всегда останется в центре города». При этом Семенов указывал, что этот политический центр будет расширяться вместе с ростом города, поскольку постановление об ограничении нового промышленного строительства на территории Москвы способно лишь замедлить рост города, но никак не прекратить его. Поэтому еще одной установкой стала задача создания такой «системы распределения населения по территории города», чтобы при увеличении населения не увеличивалась бы площадь города или, во всяком случае, не увеличивалась чрезмерно интенсивно. Семенов понимал, что рано или поздно увеличение территории города понадобится и тогда придется выбирать один из двух путей развития: расширение территории города или ограничение роста территории города и развитие городов-спутников, но это он считал делом отдаленного будущего. В условиях же Москвы 1932 г. под застройку должны были отойти территории намеченных к выводу из города учреждений, занимающихся сельским хозяйством, складские помещения, товарные и технические станции железных дорог и даже территория городских аэродромов. Эти мероприятия, по мнению Семенова, позволяли решить жилищную проблему Москвы на ближайшие 10—15 лет и отсрочить разрастание городской территории.

Общей схемы перепланировки города к публикации Семенова не прилагалось, да и вряд ли она могла быть опубликована раньше завершения конкурса на проект перепланировки Москвы, который начался осенью 1931 г. Однако публиковавшиеся проекты перепланировки отдельных улиц наглядно демонстрировали не только тот факт, что общая схема города в АПУ уже достаточно проработана, но и то, что она практически «дословно» повторяла разработки планировочно-земельного отдела МКХ 1927—1929 гг. Так, опубликованный в первой половине 1932 г. проект перепланировки района Мясницкой улицы фактически воспроизводил аналогичный проект 1928 г., с той только разницей, что в 1932 г. планировщики были вынуждены «изогнуть» Ново-Мясницкую улицу перед ее выходом на Лубянскую площадь, чтобы обойти уже построенное здание общества «Динамо». Представляется, что каждодневная, невидимая для посторонних глаз разработка плана реконструкции Москвы проходила в напряженном балансировании между чисто утилитарным посылом бурно развивающегося города и вызревающей подспудно концепцией столицы социалистиче-

ской сверхдержавы как новой страницы мировой истории. Естественно, оба этих посыла по отдельности должны были быть обеспечены разными планировочными структурами будущей столицы, но план должен быть представлен один. Значит, планировщики стояли перед сложным выбором будущего Москвы, новой Москвы.

В процессе формирования нового плана Москвы можно проследить, как менялись мнения руководства страны по поводу градостроительной политики, развиваясь сначала параллельно профессиональной градостроительной мысли и впоследствии выливаясь в конкретные директивные указания. В январе 1932 г. Каганович на II Московской областной и III городской конференциях ВКП(б) в своем докладе заявил: «Мы не сторонники городов-гигантов, мы объявляем борьбу на два фронта: против разукрупнения Москвы и против городской гигантомании. Мы отвергаем американский тип городов с домами-небоскребами, заселенными десятками миллионов человек. Мы отвергаем предложения разукрупнения Москвы... В отношении Москвы мы должны считаться со сложившимся трехмиллионным населением и его дальнейшим нормальным приростом»¹⁷. Судьба конкурсных проектов, многие из которых были развитием идей времен дискуссии о соцрасселении, была предпринята задолго до их официального представления на состоявшемся в конце июля 1932 г. совещании ведущих архитекторов столицы.

Очевидно, излишним будет анализировать весь корпус конкретных конкурсных проектов планировки Москвы, поскольку этой проблеме уделено достаточное внимание в литературе по истории советского градостроительства. И так как нас интересует группа проектов, в основу которых положена историческая радиально-кольцевая планировка, то именно по этому признаку целесообразно группировать эти проекты (что, собственно, традиционно и делается в истории советского градостроительства).

Три из семи общеизвестных проектов — проекты Н.А. Ладовского, В.В. Кратюка и бригады ВОПРА — исходили из необходимости преобразования существующей планировочной структуры города. Четыре других проекта разрабатывались их авторами — Эрнстом Маем, Ганнесом Майером, Г.Б. Красиным и Куртом Майером — на основе существующей радиально-кольцевой структуры Москвы. Практически все представленные проекты ориентированы на прежние задачи реконструкции, т.е. на развитие Москвы как крупного промышленного центра. Уже начатые работы по проектированию Дворца Сове-

тов и созданию административного центра повлияли лишь на отдельные проекты.

Показательно, что известный проект Н.А. Ладовского критиковали за трактовку Москвы «как чисто промышленного города», без учета ее столичного значения¹⁸. Проекты ВОПРА и В.В. Кратюка, сохраняя радиально-кольцевую структуру в центре города, дополняли ее прямоугольной планировочной системой за пределами центра. Впрочем, ВОПРА тоже критиковали за «недостойность» проекта. Эрнст Май, так же как и Ганнес Майер, предлагал оставить административный центр в пределах кольца Б.

Г.Б. Красин считал возможным сохранение радиально-кольцевой структуры, компенсируя ее недостатки интенсивным развитием в центробежном направлении транспортных средств. Основные же положения схемы Курта Майера практически не претерпели существенных изменений. Проекты перепланировки Москвы Курта Майера и бригады ВОПРА, благодаря предлагавшейся ими компактности города, проектированию комплексных районов, попыткам монументальной реконструкции центра города, были признаны самыми убедительными, хотя и в этих проектах, по мнению критиков, «вопросы освоения архитектурного наследия Москвы и создания монументального стиля московской планировки»¹⁹ не получили должной разработки. В итоге все проекты были признаны представляющими большой интерес для изучения, но ни один из них не был признан пригодным для дальнейшей детальной разработки. Как заявлялось, после докладов «товарищей, проектировавших по заданию АПУ схемы перепланировки Москвы», и их обсуждения «четко выявились принципы составления нового плана города, основные вехи ближайшей и перспективной работы»²⁰.

Эскизная схема АПУ была опубликована осенью 1932 г. вместе со статьей, которая подводила «первые итоги работ архитектурно-планировочного управления Мосгорисполкома по составлению предварительного эскиза планировки Москвы и первого тура по составлению предварительного эскиза планировки Москвы и первого тура по технико-экономическому обоснованию»²¹. В ней впервые речь шла не просто о разработке схемы перепланировки города, а о составлении «генерального плана» Москвы, в основу которого положены «роль и значение Москвы как столицы Союза ССР, а также требования: архитектурно-художественного оформления города, реконструкции городского и ж.-д. транспорта, улучшения санитарно-технического состояния города»²².

В соответствии с идеей Семенова, территорию города надлежало расчистить за счет вывода отдельных предприятий и сооружений хозяйственного назначения. Допускалась возможность увеличения территории Москвы за счет земель, непосредственно примыкающих к городу и отвечающих требованиям по устройству жилья и промышленности, которые предъявлялись к жилью и промышленности на территории самого города. В целях контроля за хозяйственной деятельностью в зеленом поясе вокруг Москвы АПУ претендовало на контроль 50-километровой зоны вокруг города.

Защитные зеленые зоны должны были создаваться и на территории самой Москвы. Генеральным планом предусматривалось увеличение числа скверов, бульваров и существенное расширение существующих парков, каждый из которых должен был получить свое содержание, как годом ранее предлагали участники конкурса на проект планировки центрального Парка культуры и отдыха.

Кремль и Красная площадь с Мавзолеем Ленина должны были навсегда остаться сердцем Москвы. Китай-город мыслился как правительственно-партийный центр. Планом намечалось устройство нового проспекта ко Дворцу Советов, замыкание кольца «А» в Замоскворечье. Проблеме радиальных улиц, расширение которых было признано затруднительным, предлагалось решать путем пробивки новых параллельных магистралей. Еще одним кардинальным средством расширения магистралей представлялось превращение небольших параллельных улиц, таких как Б. и М. Ордынки, Б. и М. Никитские — в единые мощные магистрали-бульвары за счет сноса строений между ними. Кроме того, для связи новых районов города проектировалось новое кольцо по трассе Камерколлежского вала и еще одно новое кольцо между линиями валов и Окружной железной дорогой.

Естественно, когда в XX в. вставал вопрос о реконструкции центра города, планировщики вспоминали имя Османа. Так и Семенов, обосновывая в 1932 г. необходимость расширения старых магистралей и пробивки новых, отметил, что «те работы, которые приписывают Осману в середине XIX столетия, делались на основе планировок, разработанных во время Великой революции»²³, поэтому Париж, с его широкими улицами и своим архитектурным лицом, мог, по мнению Семенова, стать образцом для реконструкции Москвы.

Параллельно процессу формирования генплана Москвы велись активные работы по проектированию и строительству первой очереди метрополите-

на. Для разработки проекта метрополитена в 1931 г. был создан трест Метрострой. Необходимость первоочередного строительства Мясницкого радиуса не ставилась под сомнение. С началом разработки опытных участков Мясницкого радиуса споры о трассировке следующих линий утихли сами собой и на первый план вышли споры о ведении работ. Решение о строительстве линий «лондонским» методом — на большой глубине, было принято тогда, когда часть линии уже строилась по «берлинскому» и «французскому» методу. Официально было заявлено, что из-за сложных грунтов, а также в целях апробации используются все методы ведения работ. На деле же строительство на каждом участке продолжалось тем методом, которым было начато.

Поскольку метрополитен проектировался полностью подземным, разработка его проекта и строительство первой очереди метрополитена не сильно влияли на разработку проекта перепланировки города. В отличие же от метрополитена разработка проекта реконструкции железнодорожного узла, которая велась Наркоматом путей сообщения (НКПС), оказывала на планировку города несомненно большее влияние. АПУ упрекала НКПС за «сугубо ведомственный подход», за «исключительно вредные ведомственные установки, тормозящие плановую социалистическую реконструкцию города»²⁴. НКПС не спешил выводить за территорию Москвы сортировочные и товарные станции. Эти мероприятия в его плане отодвигались на вторую и даже третью пятилетки, в то время как жилье, которое АПУ намечало к размещению на этих территориях, было необходимо городу как можно скорее²⁵.

Споры вызывал разрабатываемый НКПС проект глубокого ввода. Планировщики АПУ настаивали на проектировании трассы ввода как исключительно подземной, а проектное бюро НКПС предлагало эстакадный вариант продолжения трассы даже через центр города. Запроектированный НКПС Октябрьско-Курский диаметр, который в отличие от глубокого ввода, должен был обслуживать не пригородные поезда, а поезда дальнего следования, также вызывал ряд нареканий, прежде всего из-за предполагавшегося устройства грандиозного центрального пересадочного вокзала на Садовом кольце, на месте существующего Курского вокзала. Также проектом предусматривалось закрытие части существующих вокзалов, устройство новых, что требовало внесения изменений в разрабатывавшийся проект планировки города.

Между тем недовольство работой АПУ нарастало. Управление все чаще подвергалось критике —

как не обеспечивающее необходимые темпы реконструкции, за волокиту с утверждением проектов. Разработка плана города также затягивалась. На протяжении второй половины 1932 г. на основе уже представленного эскизного проекта планировки, «с учетом выводов специальной экспертизы и заключений всех заинтересованных ведомств», АПУ составляло «окончательный вариант эскизного проекта планировки Москвы». Предполагалось, что эта работа будет завершена к концу января 1933 г. вместе с предварительной схемой планировки пригородной зоны²⁶. Однако в установленный срок была опубликована только вторая схема. Известно, что весной, на одном из декадников Союза советских архитекторов был заслушан доклад Семенова «Генеральная схема планировки Москвы»²⁶. Тогда же Союз «организовал девять бригад, изучивших различные разделы генеральной схемы Москвы, составленной АПУ. В этой работе приняло участие около пятидесяти крупнейших архитекторов и скульпторов Москвы. Вся работа проводилась под руководством зам. председателя союза архитекторов Алабяна»²⁸. По итогам этой работы многие аспекты генерального плана (проблема организации жилого квартала, схема озеленения города и т.п.) подверглись критике, но определить степень влияния замечаний и предложений союза на дальнейшую разработку плана установить сложно.

Возможно, эта инициатива союза побудила Моссовет создать в середине 1933 г. собственные экспертные комиссии для рассмотрения эскизного проекта планировки Москвы²⁹, работа которых должна была завершиться в конце сентября, а 23 сентября 1933 г. АПУ было реформировано. Для улучшения дела планировки города были созданы: отдел проектирования под руководством Л.М. Перчика с десятью проектными мастерскими, отдел планирования под руководством М.В. Крюкова с десятью планировочными мастерскими и отдел городских земель и отвода участков под руководством И.И. Сидорова. В.Н. Семенов стал главным архитектором отдела планирования³⁰.

Осенью 1933 г. предварительные материалы по планировке Москвы, разработанные еще АПУ, вместе с результатами проведенной экспертизы были представлены на заседании Арплана — комиссии Моссовета и МГК ВКП(б) по вопросам архитектуры и планировки г. Москвы под руководством Кагановича, созданной через некоторое время после реорганизации проектного дела в качестве контролирующего органа. «Комиссия Арплана поручила отделу планировки г. Москвы составить на основе

материалов и заключений экспертизы основные положения планировки Москвы (территория, население, схема и направление развития города, транспорт, водная система и т.п.) с красными линиями планировки основных магистралей города»³¹. Эти основные положения по планировке города должны были определить «политику и практику застройки города... на ближайший отрезок времени» и «послужить основой для разработки детального проекта планировки г. Москвы». Таким образом, целью создания мастерских было начало следующего этапа разработки генерального плана.

В 1934 г. о схеме генерального плана в специализированных журналах никаких материалов не публиковалось, но в описании проектов упоминались грандиозные магистрали, пересекающие Москву во всех направлениях. Так, Чернышев в статье, посвященной реконструкции улицы Горького и Ленинградского шоссе, писал, что «эта магистраль соединяет Пролетарский (промышленный) район и политический центр столицы с Советской площадью, с М.Б.Б. вокзалом и далее с обширным, быстро развивающимся районом Ленинградского шоссе и его крупными предприятиями»³². Мельников при описании проекта застройки Котельнической и Гончарной набережных упоминает некую большую магистраль, соединяющую Таганскую площадь с центром города. В проектах застройки Смоленской и Ростовской набережных Новый Арбат рассматривался наряду с уже существующими улицами³³. Жолтовский при описании проекта реконструкции площади Свердлова упоминал магистраль Петровка—Замоскворечье³³.

В передовой статье первого номера журнала «Архитектура СССР» за 1934 г. заведующий отделом планировки Л. Перчик писал: «Мы имеем дело с планировкой не “идеального города”, в котором всё гладко, как только может быть на бумаге. Мы имеем дело с данным конкретным городом, с живым организмом, развитие которого следует направлять целеустремленно и с полным учетом всех условий». При этом он предлагал из всех радиусов-магистралей «выделить четыре радиуса или два диаметра, составляющие важнейшие, осевые диаметры города»³⁵. Первый диаметр с северо-запада на юго-восток намечался от Ленинградского шоссе, через улицу Горького к Остаповскому шоссе, и второй — по направлению Мясницкая — будущий проспект Дворца Советов, т.е. тот диаметр, который в своем конкурсном проекте перепланировки Москвы предлагала бригада ВОПРА и который был развитием идеи Аллеи Ильича, возникшей

еще в 1924 г. в комиссии по увековечиванию памяти Ленина. Все улицы Москвы подлежали спрямлению и расширению, часть проездов подлежала закрытию «в целях уменьшения пересечений». В случае невозможности расширить существующие улицы, как и во всех предыдущих планах, предполагалось прокладывать улицы, параллельные основным. Как и прежде, среди них назывались Ново-Мясницкая, Ново-Тверская, Новый Арбат. Намечалась прокладка новых радиальных магистралей. Как и прежде, намечалось полукольцо через Кузнецкий мост (для разгрузки центра и намечавшегося проспекта — Аллеи Ильича) и новая кольцевая дорога за Камер-Коллежским валом.

Таким образом, речь в статье Перчика шла об уже существовавшей схеме перепланировки города, разработанной под руководством Семенова в 1931–1933 гг.

Весной 1934 г. отдел планировки заявил, что основные положения планировки Москвы готовы и вскоре будут рассмотрены Арпланом и представлены на окончательное утверждение Президиума Моссовета и МГК ВКП(б)³⁶. Судя по всему, это рассмотрение прошло успешно, поскольку 14 июля 1934 г. «в ЦК партии и правительства состоялось весьма важное заседание с участием руководителей партии и правительства, представителей московских организаций и более пятидесяти архитекторов и планировщиков, работающих по оформлению столицы»³⁷. «На этом совещании был доложен план города Москвы, как он представляется московским организациям, и именно на нем Центральный комитет и правительство в основном одобрили генеральный план, представленный МК, МГК и Моссоветом. Таким образом, генеральный план Москвы был фактически утвержден»³⁸. На момент утверждения плана место В.Н. Семенова, как главного архитектора отдела планирования, занял С.Е. Чернышев. Следующим этапом должна была стать разработка конкретных практических предложений, которые также предстояло вынести на обсуждение ЦК партии и правительства.

Как и прежде, одним из главных условий реализации задуманного плана оставался вывод с территории города товарных и сортировочных станций железных дорог, но НКПС не спешил с реализацией этих установок. Результатом этих противоречий стало внесение серьезных корректив в генеральный план уже в 1935 г. В целях обеспечения заданных параметров реконструкции (плотности застройки, размещения населения и т.п.) территория города существенно расширена на юго-запад за Ленин-

Генеральный план Москвы 1935 г.

ские горы. Это решение не только позволяло снять проблему противоборства с НКПС, давало возможность решить жилищную проблему города, но и «исправляло» историческую асимметрию планировочной структуры города, более активно развивавшейся на юго-восток, чем на юго-запад.

Разрабатывавшийся без громких публикаций на протяжении 1932–1934 гг. план был торжественно утвержден 10 июля 1935 г. как Генеральный план реконструкции Москвы.

* * *

Кроме культурного феномена самого генплана, не менее удивительно то короткое время, в течение которого произошла, можно сказать, мгновенная смена ориентиров в самой культуре и, соответственно, в ее самом представимом воплощении — генплане столицы. От постановления 1931 г. о необходимости разработки социально-экономической и хозяйственной структуры города, пришедшего в критическое состояние от перегрузки и противоречий плановой экономики, до выработки законченной, чисто художественной концепции столицы прошло четыре года (а если принять в расчет конкретную разработку плана 1932–1934 гг., то два года).

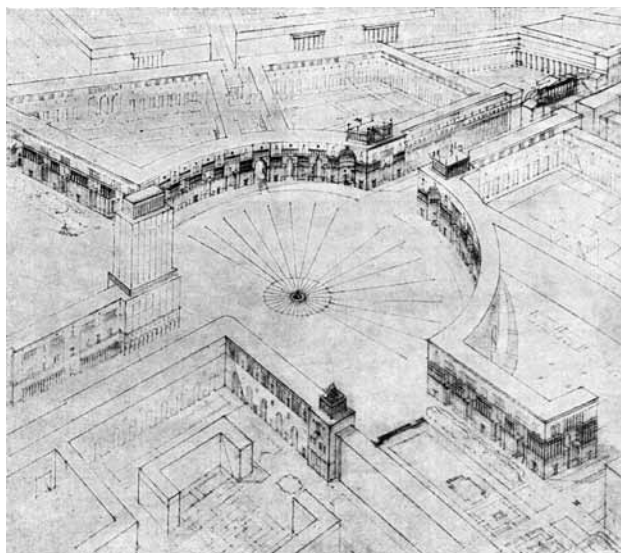
То есть фактически за два года произошла культурная революция, которая несомненно требует своего отдельного исследования. Нас же в данном случае интересует возникший за такой короткий срок даже не план Москвы, а макет столицы. Макет, который за десять лет должен увеличить свои

физические размеры и стать эталоном советского градостроительства.

После конкурсных проектов планировки Москвы, где историческая среда подвергалась различным планировочным трансформациям, вплоть до полного исчезновения, декларируемая в генплане планировочная основа — историческая радиально-кольцевая система должна восприниматься как возвращение в реальность, накопленную историей. На первый взгляд реконструктивно-планировочные работы уподобляются реставраторской расчистке поздних наслоений, заслоняющих первооснову плана. Но планировщики идут дальше реставраторов. Они четче прописывают планировочный каркас, как бы доводя его до логики исторической **первоидеи**. Вся наличная историческая ткань города воспринимается наслоением досадных случайностей на правильную первоидею города. Так продляется и замыкается в плане кольцо «А», затерявшееся своими концами в хаосе позднейших наслоений. Расширяется кольцо «Б», прописывается третье кольцо «В» по Камер-Коллежскому валу. К ним прибавляются два зеленых кольца (парковое и окаймляющий Москву лесозащитный пояс радиусом в 10 км). Кроме того, в результате обводнения Москвы-реки и Яузы появляются два водных кольца (одно малое — внутригородское, другое большое — охватывает весь город). Таким образом, планировочная структура генплана предстает как естественное развитие предпосылок дальнейшей жизни города, которое может осуществить только новый исторический строй. Можно заметить существенную разницу между утопиями 1920-х гг. и концепцией генплана в понимании соотношения должного и сущего. Должное в генплане как бы естественно (можно сказать, почти органично) прорастает из сущего, освобождая его от исторических случайностей. Правда, этой случайностью оказался целый город.

Этот же принцип естественного прорастания исторических тенденций также заложен и в разработке радиальной части планировки города. Она подлежала коренной реконструкции. Умноженные в числе, спрямленные и расширенные векторы движения должны были стать основой развития городского пространства, не разрушая исторического кольцевого каркаса. Если кольца в плане Щусева 1923 г. должны были быть гарантом целостности традиционного города, то умноженные и доведенные до гигантских размеров основные магистрали по плану 1935 г. должны были стать основой развития городского пространства, которое мыслится теперь

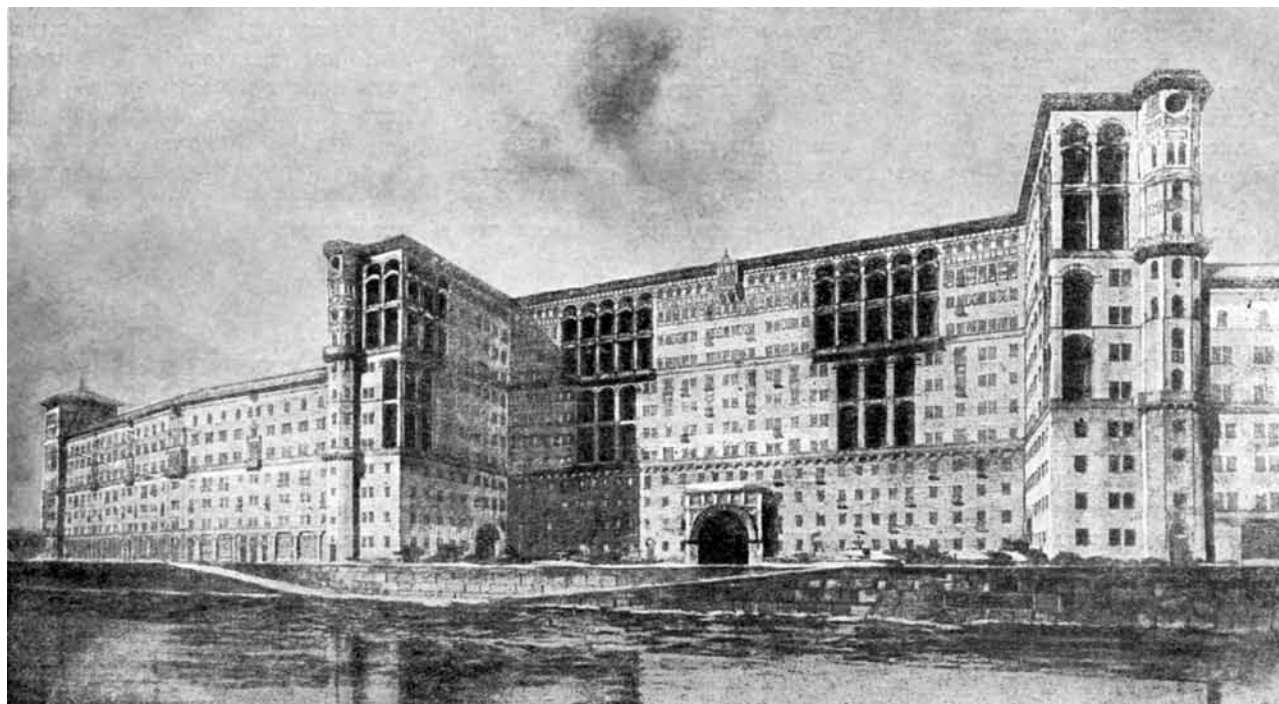
Проект планировки площади Пушкина.

Архитектурный план. Мастерская № 1. Рук. А.В. Щусев

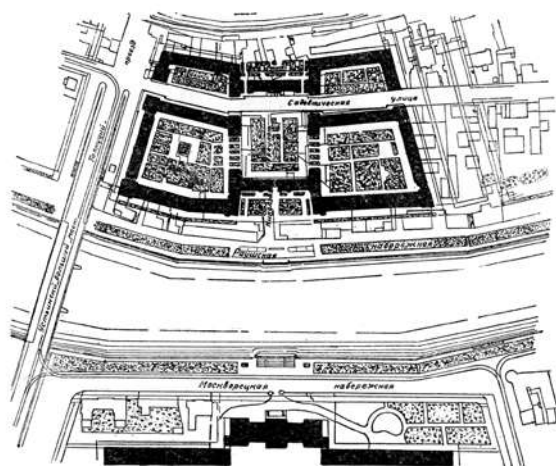
только по осевым направлениям. Прямызна и ширина главных магистралей становится залогом жизнеспособности города. Колоссальные магистрали и возникшие на их пересечениях огромные площади становятся ведущей архитектурной темой города. Постепенно внутренняя неотвратимая логика должного ложится крупной пространственной сеткой на сущее. Через эту крупно-ячеистую сетку традиционная ткань Москвы кажется аморфной и хаотичной. Ради блага самой же Москвы ее ткань должна быть упорядочена и разрежена. Должная правильность развития города в данном случае сродни естественному развитию свободной жизни, которую не могла знать бесцельная история. В основе же естественности лежит целенаправленный внешний порядок, который, победив хаос, родит свободу. Свобода же, раскрепостив силы природы и истории, родит уникальную сверхцелостность — первую в мире столицу социалистического государства.

План 1935 г. также предусматривал превращение Москвы в зеленый оазис, чему должно способствовать озеленение обводненного города, создание мощной системы парков, ввод зелени в центр Москвы по основным радиусам. Однако это уже не зелень в традиционной плоти города, а зеленые ансамбли при громадных административных комплексах. Новые жилые кварталы (от 9 до 15 га) должны были окончательно стереть память о бывшем городе.

Системный утопический императив градостроительных концепций 1920-х гг. порождает внутреннюю логику проектного мира к почти естественно-

Проект квартальной застройки Раушской набережной.
Перспектива. Арх. Г.П. Гольц и Д.М. Соболев

Проект квартальной застройки Раушской набережной.
Генплан. Арх. Г.П. Гольц и Д.М. Соболев

му самодвижению жизни, где архитектура как бы только следует за этим самодвижением функции. Жесткий же директивный план конкретного города порождает гигантские архитектурные фантазии, природа которых в художественной утопии. Сам город фрагментами предстает как гигантский интерьер сооружений из сообщающихся между собой отдельных зданий. Сам художественный образ на отмыках в своей целостности должен был удостоверить, что за ним стоит детально проработанная, экономическая, функциональная, инженерная основа нового города.

Реконструктивная идеология рассматривала город как художественную композицию в цивилизованном ландшафте. Идеален масштаб профессиональных притязаний — оперирование планами

целых городов или, по крайней мере, генеральной разработкой их перспективного развития. Именно целый город на всех своих уровнях давал идеальную возможность профессиональной самореализации — от выбора ордера капителей до базисной структуры всей целостности. В концепции города слились и откристаллизовались в пространственную структуру все идеальные усилия советской проектной культуры 1930-х гг.

Очевидно, следует перечислить основные элементы этой простейшей универсальной структуры, поскольку через нее опредмечивалась в пространстве страны преобразовательная идеология и именно она во всей своей целостности повлияла на судьбу как самой идеологии, так и конкретных городов. Структура принципиально моноцентрична. Центр в виде ансамбля полагается идеальным генератором восстановления и жизнедеятельности города на всех его уровнях. От него идут главные магистрали, которые служат каркасом развития города. Они стягивают на себя развитие малых магистралей и определяют сетку квартальной разбивки междумагистральной ткани города. Основные композиционные узлы города закреплялись опорными ансамблями, которые вместе с центральным составляли

иерархию опорных узлов и должны были держать ансамблевую целостность всего города. Перечислив основные составляющие этой простейшей структуры, следует проследить, каким образом каждый из ее элементов работал в конкретной ситуации.

Композиция центра мыслится как основное условие существования города, его жизнеспособности. Отсутствие его артикулированности в архитектурной критике расценивается как возвращение на практике к теории дезурбанизма конца 1920-х гг. Искусственное ядро города должно было выделяться своей концентрированной застройкой и масштабами, которые постепенно разряжаются и уменьшаются к периферии. Без подобного монументального ядра городского пространства ткань города представлялась аморфной и хаотичной, без направленного развития. Движение же в пространстве самого города в идеале мыслилось радиально от центра к периферии. И отсутствие источника, откуда расходит движение всего города, воспринималось как принципиальная невозможность развития всего города. Отсутствие целостности центра воспринимается как отсутствие целостности всего города.

Основным требованием, выдвигаемым к архитектурно-пространственной композиции (можно без натяжки сказать, что к ней сводилась почти вся теория градостроительства этого времени), являлось требование его обозримости, ясного прочтения начала, центра и конца, т.е. то, что должно рождать ощущение цельности композиции и компактности, нередко заменяющиеся элементарностью. В теории архитектурной композиции этого времени кристаллизовались симптоматичные для тех лет слова «правильное построение» и «случайное». Понятие «случайного» носило значение неорганизованности и отсутствия профессионального вмешательства в аморфную ткань города. Собственно под городом часто подразумевалось именно «правильно» организованная его малая часть — центр и магистрали, бегущие от него. Они держали неорганизованную часть города, борясь со «случайным», вставшим на их пути. Элементарность приемов композиции являлась своего рода кодексом законов, направленных на борьбу со стихией случайности.

Космичности пространства авангардных течений 1920-х гг., с его собственными законами притяжения, парения, сопряжения и отталкивания тел, соответствует своеобразный полицентризм — как в построении пространственного организма, так и в градостроительном проектировании. Поэтому все конкретные проекты городов или поселений, как урбанистов, так и дезурбанистов, не имеют фикси-

рованного центра развития всей системы поселения. Они построены по принципу или разбросанных в пространстве (в природе) очагов жилья, культуры и производства (дезурбанисты), или кочующих за сырьем городов, или линейных поселений. Даже социалистический город урбаниста Л.М. Сабсовича — это разрозненные городские постройки среди природы. Почти все градостроительные концепции конца 1920-х гг. содержали в себе элемент движения в пространстве: либо мобильность самого города, либо передвижение жителей из одной функциональной зоны в другую, разбросанные на далекие расстояния, либо развитие города в последовательности движения производственного процесса.

Как известно, генеральный план Москвы 1935 г. явился поворотным моментом в советской градостроительной мысли. В нем интересно прослеживается новое пространственное мышление, продемонстрированное, в частности, в принципиально новой трактовке центра Москвы и его соотношения с окружающими районами. Неудовлетворенность конкурсными проектами схем развития Москвы 1931–1932 гг. продиктована не в последнюю очередь отсутствием в проектах «столичности» и престижности будущей Москвы. Кроме того, что эти понятия были абсолютно неактуальны для авангардного сознания, решение композиционного центра главного города страны не было предметом профессиональной рефлексии. Недаром проекты Э. Мая и Г. Майера обвинялись в провинциальности и замкнутости. Несмотря на то что Май и Майер сохраняют центр Москвы и связь с ним городков-сателлитов предусматривается напрямую через транспорт, в их проектах наблюдается полицентризм композиции городского плана, поскольку каждый район или городок-сателлит получает свой центр. Рвущаяся в пространство парабола Ладовского — само отрицание неподвижности и центричности. Движение, формирующее города и поселения в концепциях конца 1920-х — начала 1930-х гг., блуждающие в пространстве центры не вяжутся с новым пониманием Москвы как монолитного уникального мирового центра.

Следует напомнить, что, взяв за основу дальнейшего развития столицы традиционную радиально-кольцевую систему, планировщики тем самым закрепили город кольцами в пространстве. Это, естественно, обусловило сконцентрированность внимания проектировщиков на центре Москвы, ее сердце. В.Н. Семенов, излагая принципы построения генерального плана Москвы, говорит о том, что планом предусмотрено укрепление центра. Представляется,

что способ укрепления центра Москвы является показательным в понимании того, каким же образом в пространственном организме города мыслится его сердце и что подразумевается под словом «укрепить». Под укреплением его подразумевается обеспечение жизнеспособности центра путем его прореживания для свободного движения и пульсации. И для этого предусматриваются его разуплотнение и разгрузка. Насколько тенденция к разреженности центрального пространства была характерной для нового этапа советской архитектуры, говорит его крайнее выражение — предложение сноса всех построек в кольце «А» для обеспечения идеального просмотра вертикали центра всей Москвы, страны и мирового пролетариата — Дворца Советов. Эту тенденцию к освобожденному центральному пространству центра города развивает в своем выступлении на творческой встрече московских и ленинградских архитекторов в 1940 г. Г. Голыц, говоря, что площадь является ведущей темой городского организма и, прежде чем решать улицу, следует решить площадь. Улица, по его словам, является только подготовкой к площади, ее фоном. «Когда мы делаем площадь на такой широкой магистрали, как кольцо “Б”, то в подобных условиях самую площадь надо или развивать до колоссальных размеров, или сужать перед ней улицу, а последнее — неразумно»³⁹, — говорил он. Очевидно, исходя из аналогичных взглядов, объемно-пространственное построение центра московские архитекторы в послевоенной застройке сделали так, что путем раскрытия анфилады перспектив и взаимной переклички ведущих сооружений в ансамбле центра пространство одной площади переходит в пространство другой. Кроме того, вплоть до 1954 г. в перспективе подразумевалось создание самого большого пространства для свободного движения города — крупнейшей в мире, рассчитанной на тысячные массы площади Дворца Советов. Так в послевоенной градостроительной практике нашел свое последовательное воплощение принцип построения центра города, декларированный в 1935 г. как принцип пульсации открытого пространства, когда ткань города мыслится только оформляющей идеально чистое свободное пространство.

Первоочередную застройку по генеральному плану решено производить по набережным Москвы-реки и по основным диаметрам центра города. Разрабатываются проекты архитектурного решения фасадов этих магистралей. Данная градостроительная концепция городского пространства определила собой дальнейшую практику застройки Москвы, а после войны и других городов страны.

Принцип объемно-макетного композиционного градообразования влечет за собой представление о правильной процедуре проектирования — равномерное центробежное движение от ядра (первоочередного предмета профессиональной рефлексии) к периферийным зонам с параллельной энтропией как проектной активности, так и класса комфортности застройки.

Экстенсивный способ освоения территории полагает центр как точку отсчета реконструктивно-преобразовательной деятельности. Динамика экспансии проектной активности также подразумевает центробежный характер городской структуры. В свою очередь, концепция города как целостного тела, как единого художественного целого также подразумевает структурирование города вокруг единого центра. Таким образом, центр несет функцию двух взаимоисключающих начал построения городского пространства.

Очевидно, нигде так полно не явлен феномен панхудожественного подхода к городу в статусе центра, когда модус развития всего города должен задаваться центральным ансамблем. Залогом выполнения функции структуропорождающего ядра должна явиться его художественная целостность. Чем выше класс ее упорядоченности, тем успешнее она выполняет функцию экспансии порядка на периферию. Высочайшим ценностным критерием преобразовательной идеологии является единовременный творческий акт, реализованный в пространстве как легко считываемая художественная целостность, который противопоставляется фонду постепенного исторического формирования традиционной городской среды, случайностям реальной жизни, не поддающимся упорядочению. В модели города, изоморфной глобальной модели преобразования среды историческую случайность развития (а следовательно, неправильность) должен исправить и направить правильно решенный пересозданный центр города, переплавив историческую случайность в равномерную упорядоченность.

Однако данная функция ядра города, наряду с репрезентативной, существенным образом предопределили структуру его центральных ансамблей. Можно сказать, что центр — это своеобразный порождающий макет в супермакете всего города. И они оба, несмотря на разницу их абсолютных размеров, построены по принципу иерархической подчиненности второстепенных частей главному, ведущему элементу. Целостность порождающего макета замещается его принципиальной герметичностью, исключающей всякую возможность моди-

фикации, что ведет к ее внутреннему окостенению уже на фазе проектирования. Неуклонное, самопроизвольное увеличение ее физических размеров, пожалуй, единственный способ ее существования во времени. Рост ее абсолютных величин предопределяется и механическим характером процесса структурирования ее элементов.

И как следствие роста абсолютных размеров окостеневшей структуры в центр города входит ее неизбежная аура — гигантское пространство, расчищенное циклопическим шагом суперансамблей города. И центр, вместо замысленной структуропорождающей функции, начинает выполнять функцию удержания расплзающегося, но уже не пространства, а неуправляемой пустоты.

За фундаментальными различиями градостроительных концепций стоит новая культурная си-

туация с собственным континуумом проектного мышления. Проектная культура нового времени, исключая социум из своей компетенции, сосредоточивается главным образом на процессе преобразования окружающей среды. Соответственно меняется ее идеальная пространственная модель. Футурологическую гармонию социума и природы 1920-х гг., обладающую, если так можно выразиться, стереометрическим характером пространственного выражения, замечает грандиозная горизонтальная проекция преобразенной действительности с постоянной экстравертной функцией.

Как принципиально новый вклад в развитие градостроительного искусства Семенов и Чернышев расценивают параллельно как ограничение роста города, так и намеченные векторы его движения — реконструируемые мощные магистрали столицы. Представляется, что взаимодействие центростремительного принципа развития пространства города, мыслимого в идеале по бесконечным осям, и центричность являются фундаментальным положением, которое определило дальнейшее развитие практики и теории советского градостроительства. Так, архитектор А.М. Заславский к числу недостатков старой планировки Москвы относит малое количество магистралей: «Так, Москва имеет всего тринадцать магистралей, в то время как Париж имеет их 14, Берлин — 15, Лондон — 16. Проект доводит количество радиальных магистралей до 18-ти»⁴⁰. Их прямые лучи должны стать основой развития городского пространства. Причем их прямизна является залогом жизнеспособности города. Каганович среди указаний для составления генерального плана Москвы приводит требование, выражающее экстраемальное отношение к структуре города, а имен-

Охотный ряд

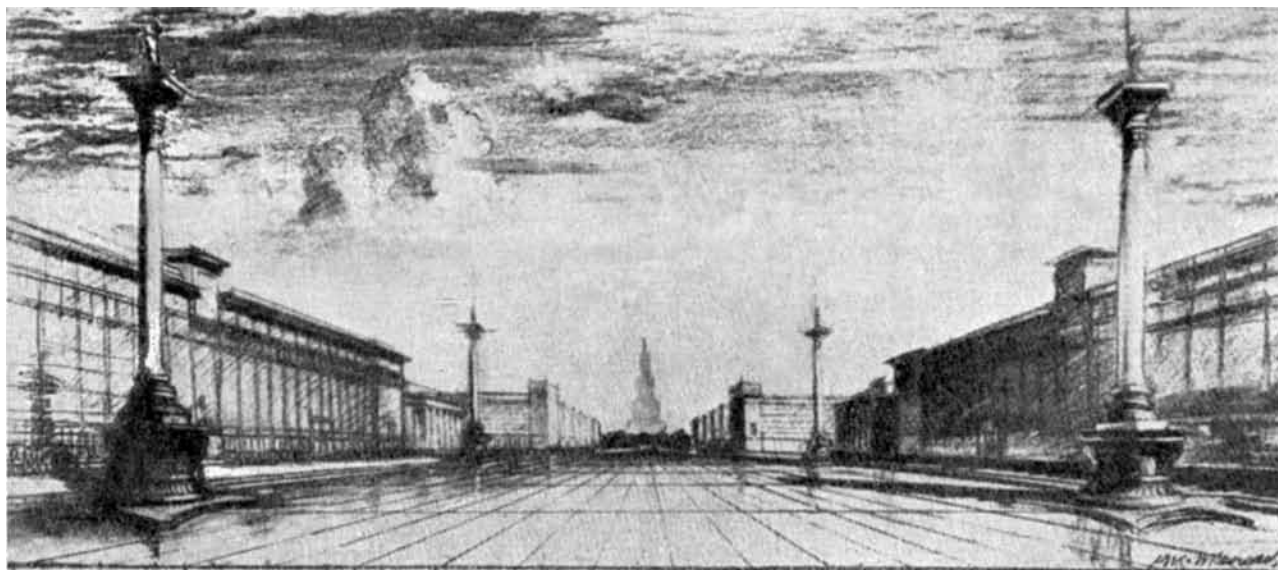
Площадь Свердлова и Театральный проезд

Застройка ул. Горького. Арх. А.Г. Мордвинов. Конец 1930-х гг.

Проект планировки юго-западного района . *Перспектива*

Перспектива магистрали Пироговская-Раменки. *Вариант. Арх. А.Ф. Кельмишкайт, И.П. Кычаков*

но: «...свести множество мелких улиц и переулков в одну линию»⁴¹. Уже позднее, в конце 1930-х гг., появляется осмысление новой структуры развития пространственных координат, которое чрезвычайно образно передает закономерность многих явлений пространственного мышления нового этапа советской архитектуры: «Самая композиция диаметра выигрывает от прямолинейности направления, так как прямая всегда выражает уверенность и силу»⁴¹. Если вспомнить эмоциональную характеристику центра города, данную теми же авторами,

как передающего состояния покоя и стабильности, то можно восстановить силовую модель построения городского пространства — взаимосвязь ее динамики и статики, когда из максимально свободного, застывшего в своих границах центра разбегаются волновые лучи. Именно в этой структуре видят составители генерального плана 1935 г. принцип столичности Москвы. Так, конкурсные проекты нового юго-западного района Москвы подвергались резкой критике, пока не была найдена основная ось, на которую нанизывалась структура всего района —

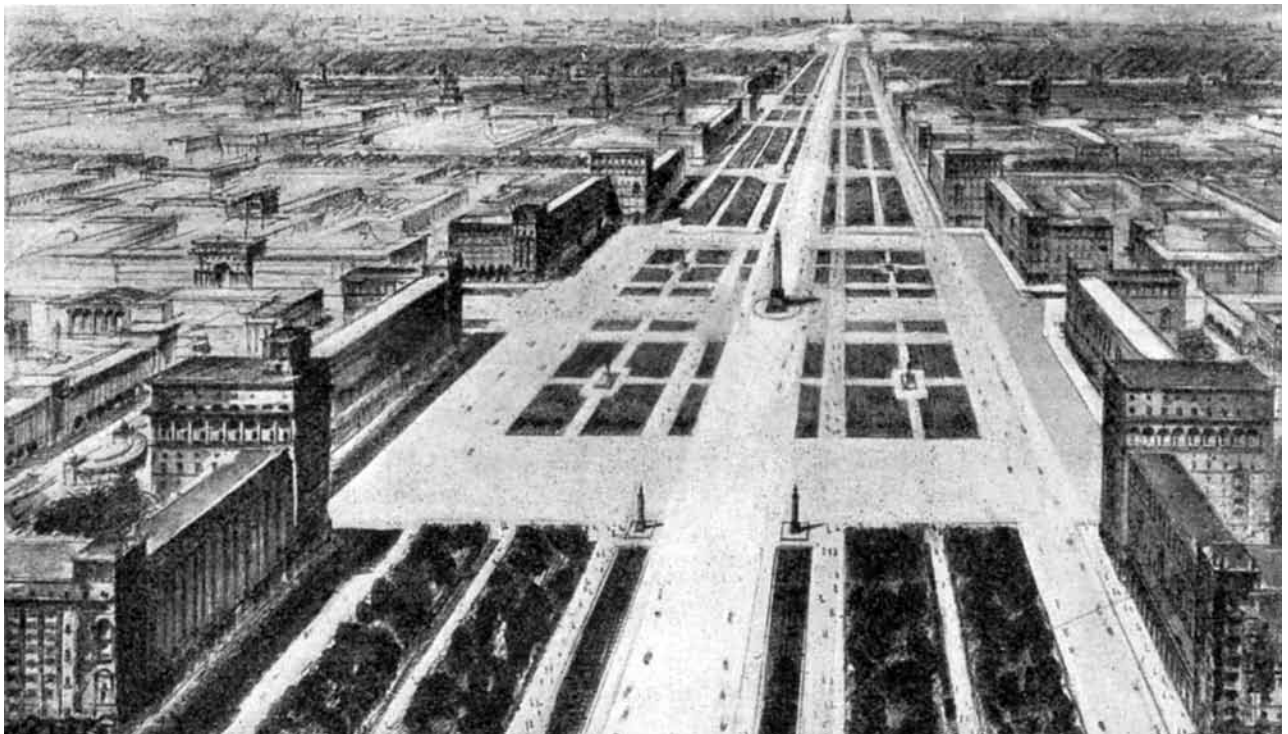

магистраль, продолжающая проспект Дворца Советов, которую предлагали сделать либо парковой магистралью, либо застроенной монументальными зданиями. В связи с новой структурой городского пространства перестраивается работа и структура Моспроекта — в 1933 г. организуется десять планировочных мастерских и десять проектных по основным магистралям, в компетенцию которых входил весь комплекс работ по застройке и оформлению магистрали, начиная от уточнения красных линий и кончая скульптурным оформлением и озеленением. Не будет преувеличением сказать, что основные усилия в работе этих мастерских были сосредоточены на оформлении панорамы фронта застройки и доработки композиционных узлов и ритма смены разворачивающихся зрелищных моментов по мере продвижения по магистрали.

По прямым направлениям пробиваются магистрали, связывающие узловые пункты и районы Москвы между собой и разгружающие центр. Кроме того, две магистрали должны были связать по прямой линии площади пяти вокзалов Москвы (магистраль, связывающая Белорусский и Киевский вокзалы, и магистраль, связывающая Комсомольскую площадь с Белорусским вокзалом). Этот планировочный принцип продолжения железнодорожного пути в городской магистрали и выстраивающий в

бесконечно длящуюся ленту железнодорожные пути, найдет свое широкое распространение в практике послевоенного градостроительства. Помимо этого, намечено было осуществить сокращение количества тупиковых вокзалов путем соединения сходящихся к Москве линий железнодорожными тоннелями.

Нормы ширины парадных магистралей все время колебались в сторону постепенного их увеличения (до 100–150 м), достигнув в послевоенной практике градостроительства гипертрофированных масштабов. Уже в 1938 г. на III пленуме правления В.В. Бабуров отмечал, что даже небольшие города, «...механически подражая мероприятия по реконструкции отдельных улиц Москвы, вырубает аллеи и расширяют улицы до 100 м, хотя по ним проходят всего одна-две машины в час»⁴³. Так, например, улица Горького в Свердловске была запроектирована шириной в 150–200 м. Соответственно стали расти масштабы площадей, в которые превращался фактически каждый перекресток, что можно было наблюдать в проектах планировки Ферганы, Серпухова, в которых габариты проектируемых площадей доходили иногда до 13 га. Так, новое пространство, приобретая все большую площадь в ткани города, обуславливало, в свою очередь, гипертрофированные размеры архитектурных объемов, оформлявших эту расползающуюся пустоту.

Планировка юго-западной территории Москвы. Перспектива главной магистрали. Проект мастерской по планировке центра. Рук. арх. В.А. Шуко и В.Г. Гельфрейх

В это время сближается по смыслу еще одна пара понятий, определяющих городскую структуру, — хаос и аморфность. То есть всякое непрямое, нелинейно направленное движение пространства в городе воспринимается как хаос, парализующий движение, влекущий аморфность построения городского плана. В качестве способа преодоления аморфности сложившегося городского пространства планируется пронизать его мощными осями направленного движения — радиальными магистралями. Собственно, на основных магистралях и набережных столицы планируется основная застройка Москвы.

Кроме прямизны, длительность единой бесконечной перспективы должно обеспечить и архитектурное оформление этой магистрали — дома на значительном протяжении соединяются между собой монументальными вставками на всю высоту зданий, что придает улице непрерывность визуального скольжения. В теории градостроительства послевоенного времени это явление закрепляется почти технически законодательным характером определения, где «одним из основных показателей целесообразности трассирования магистралей является коэффициент непрямолинейности, который для основных транспортных магистралей должен быть минимальным, приближающимся к единице. Указанное требование имеет не только транспортное, но и архитектурное значение, так как четкая связь между отдельными частями и общественными центрами города является неременным условием правильной его архитектурной планировочной организации»⁴⁴.

Во избежание монотонности прямых зрительных перспектив советские архитекторы, задумывая решение магистралей как целостные системы архитектурных ансамблей, стремятся разнообразить композицию каждой магистрали, создавая композиционные завязки, оформляя и закрепляя площади, нанизанные на ось магистралей. Существовали разные способы расчленения протяженной магистрали, сюда входило как выявление архитектурным оформлением зданий на перекрестках, так и устройство отступов и заглаблений перед наиболее значительными зданиями для их выделения среди рядовой застройки. Или это цепочка отдельных ансамблей, соединенных нейтральной в композиционном отношении застройкой. Несмотря на подобные членения композиции гигантских магистралей, в решении каждой из них присутствует стремление к обеспечению непрерывности зрительных впечатлений, создающей эффект скольжения по бесконечному громадному коридору.

Перспектива реконструкции Дзержинского района в пределах Камер-Коллежского вала. 4-я планировочная мастерская Моссовета. Рук. Г.Б. Бархин

Магистрали — линейная проекция экстенсивного развития городского пространства. Однако полная зависимость городской ткани от рисунка артерий, невозможность ее естественного роста или модификации лишают ее эластичности и подвижности. Являясь базовым каркасом пространственной организации города, система магистралей лишает свое заполнение подвижности. Проектируемая упорядоченность города препятствует его развитию. В результате артерии берут на себя функцию развития городского пространства, они сами становятся подвижной частью городской структуры. Складывается парадоксальная ситуация, когда подвижной частью городской структуры становится ее неподвижный каркас. Вернее, подвижность приобретает пространство, текущее по центробежным осям. Так, в послевоенной Москве магистральное пространство фокусирует на себя гипотетический стержень всей культуры — Дворец Съездов. Он идеально справляет данную функцию именно в силу своей гипотетичности, поскольку невозможно представить опредмеченным в пространстве абсолютом. Создается в буквальном смысле пространственная система: на средокрестии чистого интровертного пространства стоит умозраительная вертикаль, которая стягивает это пространство в центр.

Идея бесконечного движения, кроме традиции векторного устремления городского пространства по спрямленным, расширенным и пробиваемым магистралям в генеральном плане развития Москвы 1935 г., имеет еще один источник — это роль, которую должна играть вода в жизни обновленного города. Кроме того, что сооружение канала Москва—Волга обеспечивало Москву достаточным количеством воды, оно играло еще и символическую

Схема обводнения Москвы

роль в решении проблемы сочетания неподвижности центрального пространства города и динамики передвижения внутри его. Так, для обеспечения сквозного прохода по Москве-реке высокогабаритных волжских судов, Москва-река и Яуза обводняются до отметки 120. Русло Яузы было расширено с 12–14 до 25 метров, на ней также проектируется сооружение плотины и однокамерного шлюза. К 1938 г. было построено 44,3 км гранитных набережных по берегам Москвы-реки. При строительстве набережных русло реки на закруглениях выпрямлялось и радиусы поворотов увеличивались до размеров, необходимых для судоходства. Интересно, что первоначальные нормы габаритов расширяющихся и спрямляющихся, как сухопутных, так и водных магистралей были почти одинаковы: магистрали — не менее 30–40 м, набережные — от 40–50 до 25–30 м.

Для этих же целей проектируются три спрямления русла Москвы-реки: Андреевское, отводящее движение от центральной луки Москвы-реки, Дорогомиловское, спрямляющее реку у Дорогомиловской луки, и Лужнецкое. В результате этих работ должно получиться малое внутригородское водное кольцо. Проектируется также сооружение «восточной ветви» канала, идущей восточнее города за Измайловским парком. Эта ветвь сначала предназначается для транзита судов, минующих Северный порт и центр города. Таким образом, канал Москва–Волга, Москва-река и восточная ветвь образуют большое водное кольцо. К существующим кольцам радиально-кольцевой системы Москвы должны присоединиться два водных кольца. Обнимая город и центр, два кольца, с одной стороны, ограничивали его в пространстве, а с другой — сама

форма колец снимала дискретность движения внутри и вовне того же городского пространства, адекватно воплощая идею теперь уже не бесконечного, а вечного движения. По большому кольцу должны были ходить двухпалубные пароходы, а по внутригородскому — скоростные пассажирские катера и маломерный грузовой флот. После принятия за основу развития Москвы генерального плана 1935 г. возникают проекты застройки новой территории Москвы — юго-западного района. И один из проектов (Д.Ф. Фридмана) предлагает на этом возвышенном участке Москвы улицы заменить водными магистралями, наподобие Венеции. Представляется, что такое большое внимание, уделяемое на данном этапе развития советской культуры воде, объясняется отчасти ее символической нагрузкой — вечного движения и изобилия. Кроме того, как указывается в пояснительной записке к генеральному плану Москвы, водная магистраль является решающей в оформлении города с точки зрения открытия больших визуальных перспектив.

Беспрерывно сменяющиеся панорамы набережных, нанизанных на движение по воде, должны также способствовать идее бесконечности времени и пространства. Этому также должно было способ-

ствовать решение зелени в Москве. Кроме сухопутных и водных колец, в структуре Москвы немаловажную роль играют зеленые кольца. По генеральному плану должны быть приведены в полный порядок, с планировкой и благоустройством городские бульвары Садового и Бульварного кольца. Также в Москве создается еще одно зеленое кольцо, состоящее из парков, соединяющихся между собой бульварами и скверами. Осуществление этого плана давало бы возможность совершать путешествие вдоль всех парков Москвы по воде. В данном случае мы можем наблюдать отражение той же идеи беспрерывного движения, только теперь по зеленому кольцу, повторяющему водное. Можно сказать, что в генеральном плане Москвы планируемая водная система в наиболее адекватной форме отразила в условиях нового пространственного мышления модель идеального передвижения, принципиально отрицающую дискретность движения.

В увлечении водной стихией просматривается одна стилистическая особенность новой предметно-пространственной системы: вода олицетворяла уплотнение самого пространства, распластанного по горизонтали и устремленного по руслам магистралей. В связи с данной трактовкой движения

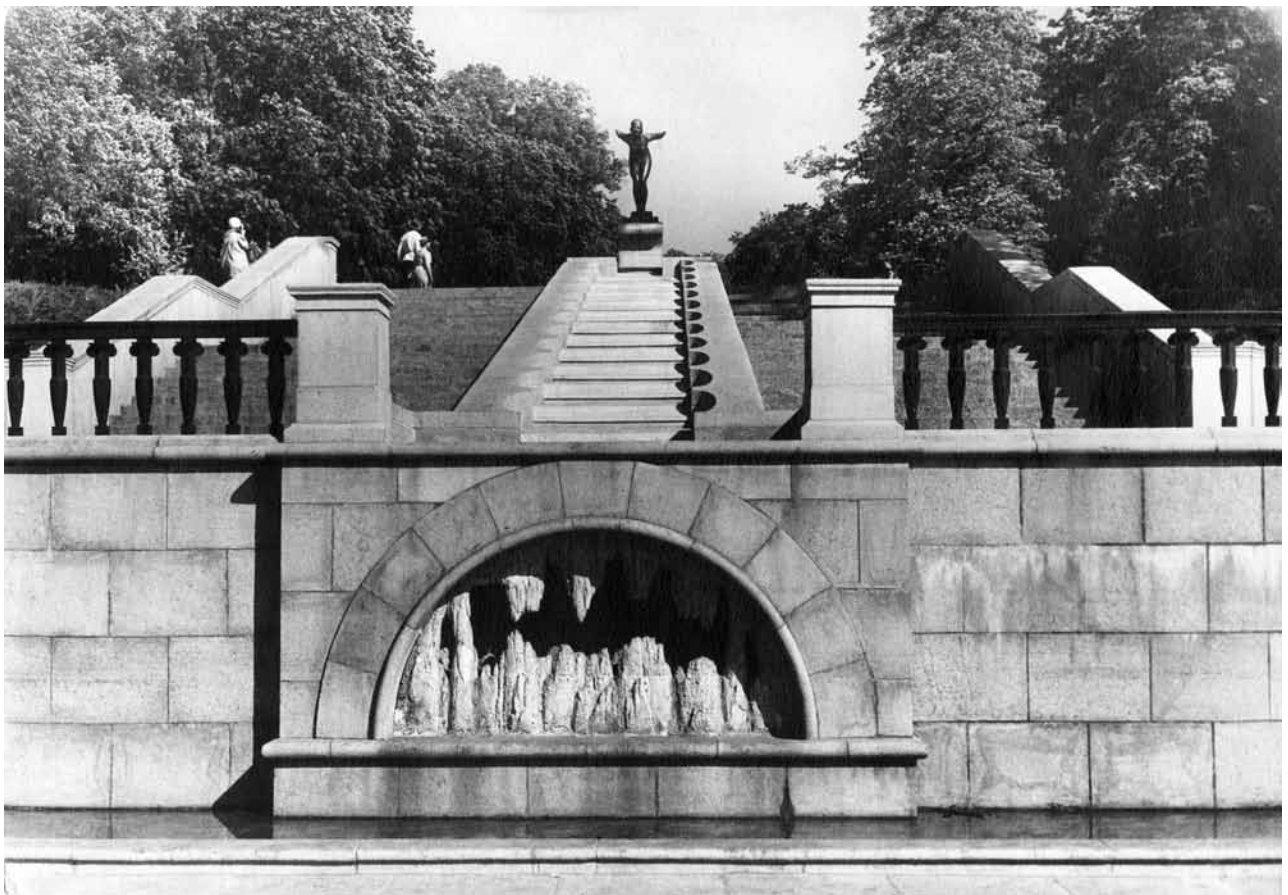
Проект застройки Шелепихинской набережной. Арх. М.М. Додица, А.А. Зубин и др.

пространства становится понятным чрезвычайно распространенный мотив нового направления советской архитектуры — мотив гигантской арки, которая словно всасывает и пропускает сквозь себя сгустившуюся массу пространства. Данную стилистическую особенность можно проследить как в осуществленных постройках, так и в проектах этого времени и особенно наглядно — в эскизах-маэстриях советских архитекторов. Эту тенденцию трактовки пространства можно проследить и в получившем в это время сильное развитие искусстве мостостроения.

Реальное восприятие разворачивающихся панорам новой Москвы, по замыслу проектировщиков, должно происходить внутри ткани города по мере продвижения по кольцам водных магистралей. Постановлением СНК и ЦК ВКП(б) о реконструкции Москвы набережные Москвы-реки превращаются в основную магистраль города, с облицовкой берегов реки гранитом и устройством вдоль набережных широких проездов-улиц со сквозным на всем их протяжении движением. Поскольку в результате работ по благоустройству набережных они должны стать лучшими по удобству частями города, их берега ре-

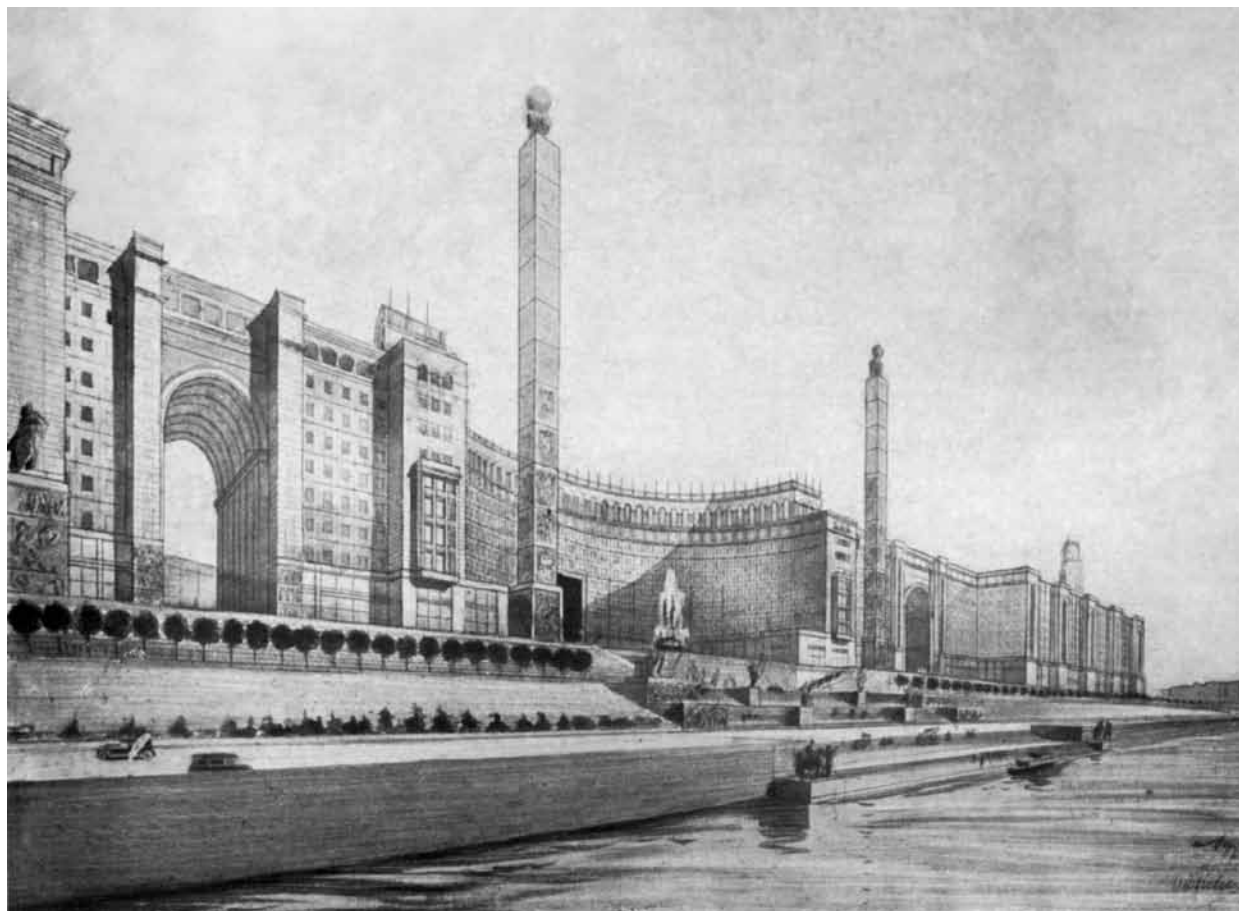
зервируются под застройку только жилыми и общественными зданиями. Учитывая ширину водной магистрали, набережные планируется застроить жилыми домами повышенной этажности (8–10 этажей) с повышенным классом удобств. Здесь закладывается традиция соединения высотности с мерой комфортности и репрезентативности жилого дома. В записке к генеральному плану сказано, что «крупные здания, стоящие лицом на Калужскую улицу и тылом к воде, реконструируются так, что получают фасадную обработку на парк и набережные»⁴⁵. Начинается интенсивное благоустройство набережных, возводятся лестницы-спуски, эстакады, мосты. Построены гранитные набережные со сходами и пристанями: Смоленская, Ростовская, Берсеневская, Котельническая, Гончарная и Причальная.

Попытки зрительного расширения речного пространства обусловлены новым пространственным мышлением, где в городе все большее место начинает занимать идеально ровная необозримая гладь чистого пространства. В пояснительной записке к генеральному плану Москвы сказано, что поскольку Москва не имеет сквозных архитектурных перспектив, то магистраль Москвы-реки является в

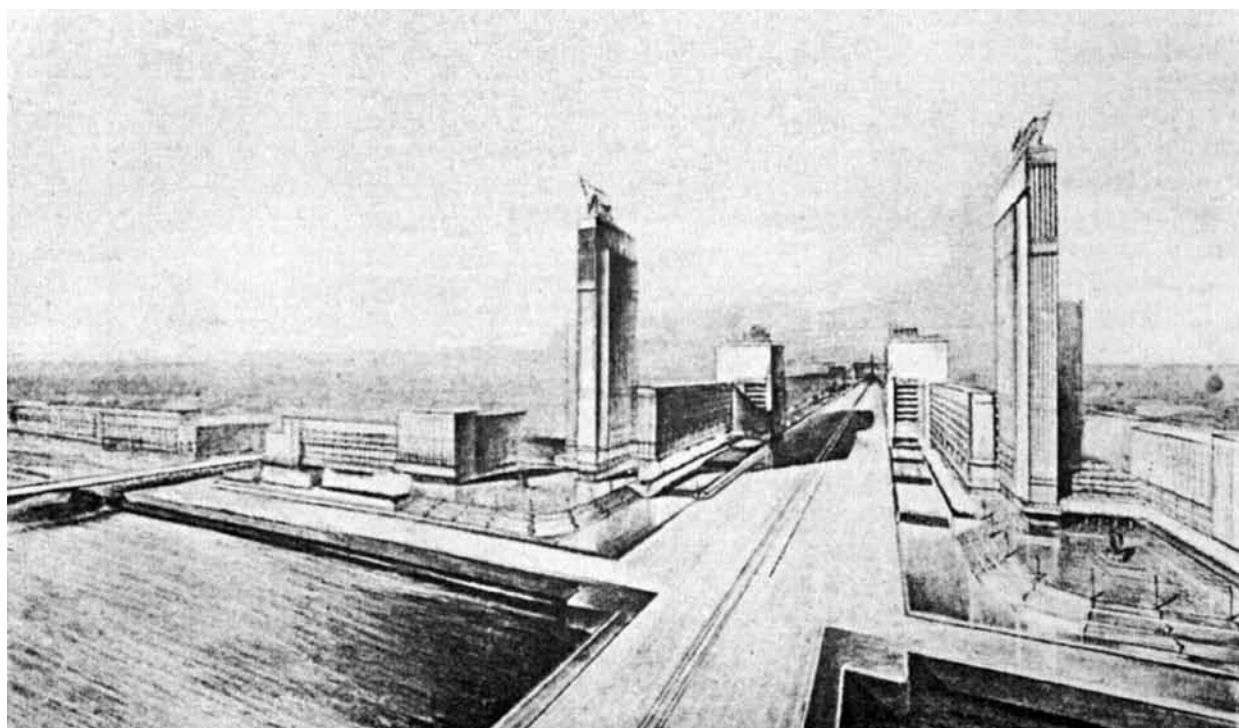

Пушкинская набережная Москв-реки у ЦПКиО им. Горького

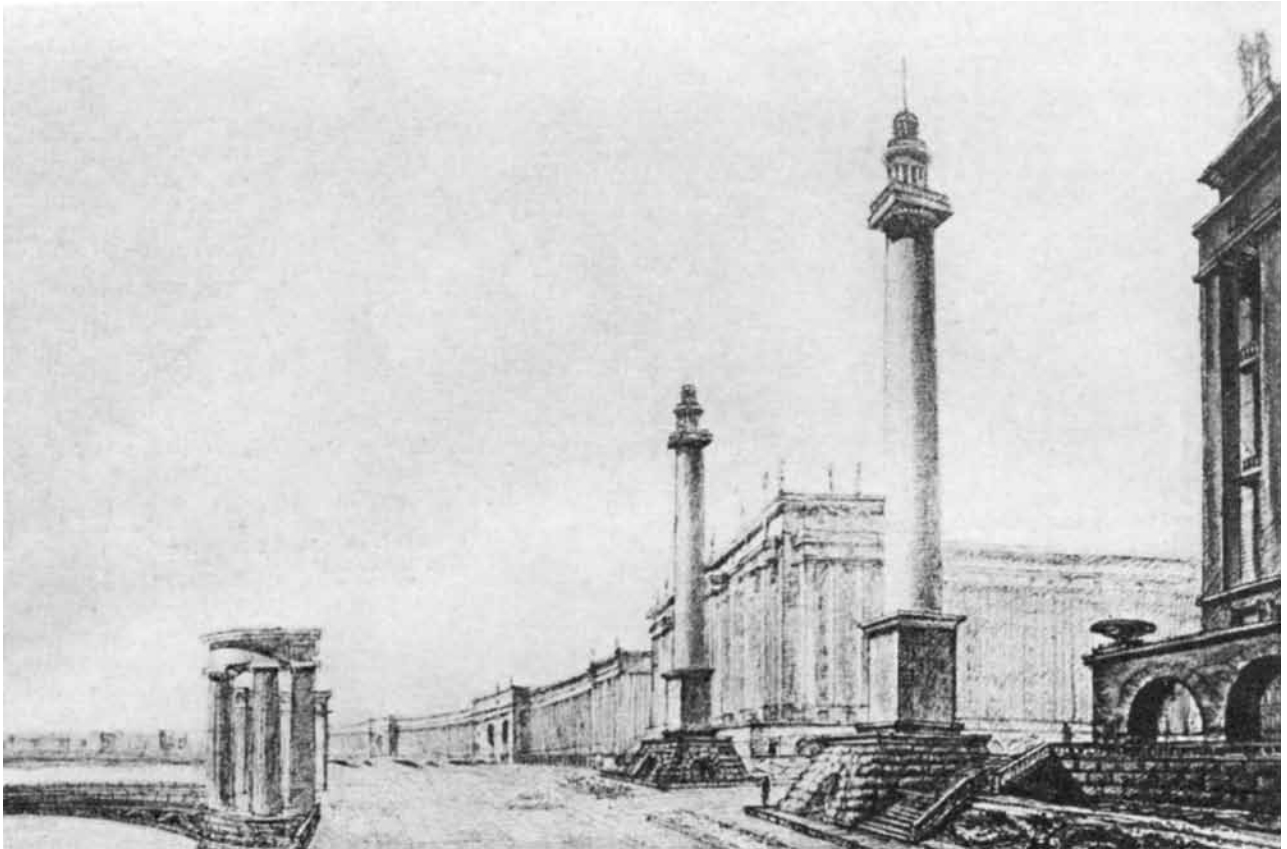

Проект застройки Ростовской набережной. Арх. А.В. Щусев. 1934

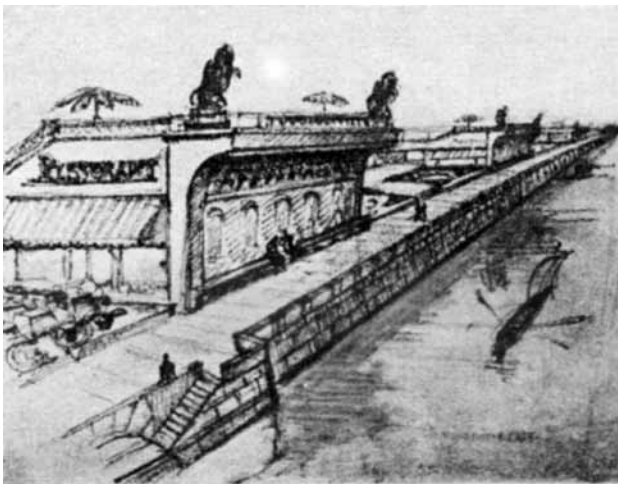
Проект застройки Смоленской и Ростовской набережных. Арх. Л.О. Гриншпун. 1934

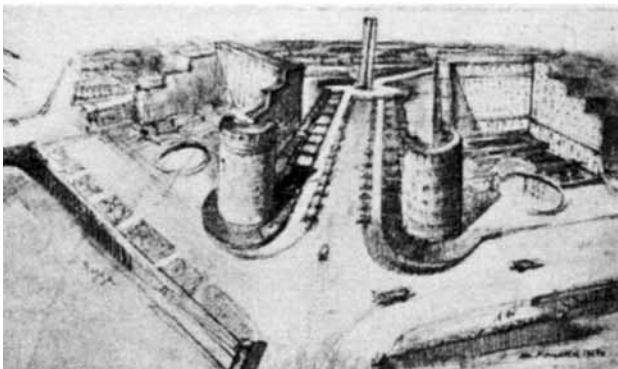

Проект застройки Смоленской набережной.

Арх. З.М. Розенфельд. 1934

Проекты застройки Котельнической и Гончарной набережных. К.С. Мельников. 1934

этом отношении решающей с точки зрения оформления города путем открытия дальних перспектив.

Известно, что в проектах урбанистов конца 1920-х гг. природа в виде огромных парков, стадионов, станций водного спорта занимает значительное место в городе. Также известно, какое огромное место занимает она в проектах дезурбанистов: от проекта соцрасселения Магнитогорска (М.О. Барщ, В.Н. Владимиров, М.А. Охитович, Н.Б. Соколов и др.), где ЦПКиО становится сосредоточием всех культурных центров города, через проект «Зеленого города» (М.Я. Гинзбург, М.О. Барщ), в котором «...конечной целью их замысла было превращение того, что было Москвой, в гигантский ЦПКиО, в который вливаются все ленты социалистического расселения Москвы»⁴⁶, до почти полного растворения города в природе в проекте социалистического расселения при Магнитогорском химико-металлургическом комбинате (проект первой бригады ОСА под руководством И.И. Леонидова), где «человек был помещен не

в жилище и в общественные здания, а в архитектурно-организованную природу». Можно сказать, что, несмотря на перемену направленности в советской архитектуре, во всех градостроительных проектах довоенного времени остается нерушимой связь процесса социально-культурного воспитания нового человека с природой.

Генеральный план Москвы 1935 г., продолжая традицию градостроительных утопий в плане активных социально-культурных программ во взаимодействии с природой, задумывает столицу как город-сад, где природа является собственно и плотью и каркасом городской структуры. По замыслу это должно представлять из себя уникальную грандиозную ансамблевую сверхцелостность, основанную на иерархии отдельных ансамблей искусственной и природной среды. Естественно, исходя из природы ансамбля, подобный идеальный симбиоз на практике обернулся разрастанием абсолютных размеров ансамблей искусственной среды и приансамблевого пространства как совершенных носителей порядка и гармонии за счет значительного уничтожения традиционной зеленой плотности города.

Разнообразная работа по социально-культурному воспитанию трудящихся, проводимая в парках этого времени: политическая, физкультурная, техническое образование, культурная, военно-патриотическая работа, работа с детьми и т.д., — отражалась в функциональной планировке парков предвоенных лет. Естественно, что планировка функциональных зон парков, обслуживающих работу по социально-культурному воспитанию трудящихся, не носила регулярно-симметричного характера. Кусок природы в городе мыслился как ограниченное пространство реализации системы социально-культурного воспитания. Но, уже начиная с проектов Дворца Советов, задумывающегося как всесоюзная трибуна для приветствия проходящих демонстраций, ЦПКиО (второй конкурс на планировку которого проходит в том же году) решается как пространство, продолжающее праздничное шествие. С этого времени происходит непрерывная связь понятия природы и праздника, определившая целый этап советской культуры, вплоть до середины 1950-х гг. Первый этап соединения пространства природы в городе с функцией праздника отразился в проектах планировки парков расчисткой от посадок свободного пространства для проведения «праздников миллионов» — митингов, встреч предприятий, гуляний, демонстраций, соревнований, встреч колхозников, массовок цехов и т.д. Как пишет В.Э. Хазанова, неперенным

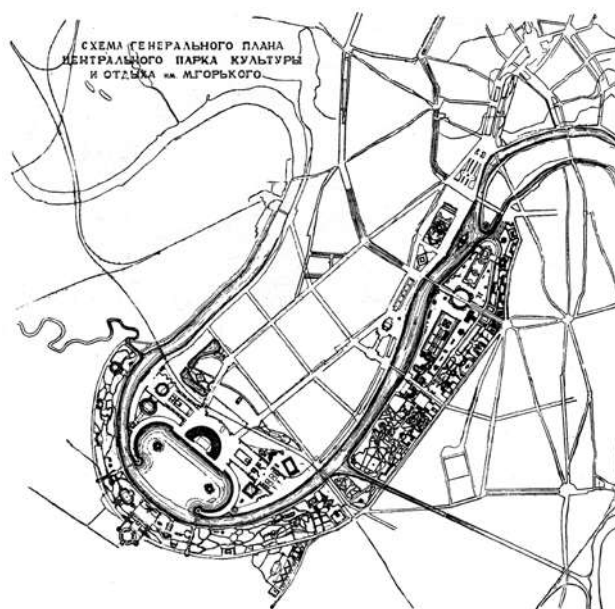
Проект планировки проспекта Дворца Советов. Генплан. Однолучевой вариант. Ширина проспекта 250 м. 1940

атрибутом проектов ЦПКиО этого времени стали «...аллеи — пешеходные магистрали стометровой ширины в проектах НТО строителей, двойные аллеи для встречи колонн демонстрантов, естественные амфитеатры, трибуны на высоком берегу Москвы-реки, пандусы-сценические площадки в проектах АРУ и ВОПРА...»⁴⁷. Известно, какую большую роль в пространственном оформлении demonstra-

ций должна была играть сверхмагистраль страны — аллея Дворца Советов. Главная же аллея ЦПКиО почти во всех проектах начала 1930-х гг. как бы продолжает тему праздничного шествия. Реализуемой оказалось продолжающее пространство (ЦПКиО), а главное пространство (ДС) оставалось подразумеваемым. По реализованной части мы сможем получить примерное представление об общем замысле советских градостроителей. Шествие демонстрантов по широкой центральной аллее ЦПКиО им. Горького фланкировал ряд скульптур. Они как бы продолжают проспект Дворца Советов, который в начале 1930-х гг. задумывался как парковый ансамбль. Он был задуман или как широкая зеленая эспланада с двумя проездами-лугами по бокам, или по его середине должна была проходить парковая аллея, богато обработанная декоративной зеленью, скульптурой, фонтанами и малыми архитектурными формами. Учреждения культуры и памятники архитектуры, мимо которых проходит эта эспланада: Кремль, Большой театр, здание Московского университета, Библиотека им. Ленина, будущая картинная галерея, Манеж, Музей изящных искусств, — приобретают значение культурных парковых центров, организованных среди регулярного паркового ансамбля. Можно заметить тождественность понимания пространства города и парка как организованного среди природы идеального города культуры и праздника. Тематически организованное пространство парка того времени напоминает зоны искусства и просвещения идеальных городов в социальных утопиях предшествующего времени (например, в ЦПКиО им. Горького — аллея консультаций, площадка естественнонаучных знаний, выставочная аллея или аллея искусств в парке в Останкино и т.д.), перекликается с планировкой культурных центров Москвы среди непрерывного кольца бульваров, парков, скверов, на зеленых берегах Москвы-реки и Яузы — Академии наук, дворцов культуры, стадионов, музеев и т.д.

Парк еще и потому является моделью города, что он наиболее был приспособлен для реализации одной из основных установок на празднество. Выше перечислялись те формы массовых действ, которые происходили в пространстве парка, и отражение этой функции в его планировке и ее влияние на сложение регулярной системы планировки. Параллельно с функциональной заданностью регулярная система начинает получать к середине 1930-х гг. самодовлеющее значение. Если в начале 1930-х гг. ее обуславливали организацией большого потока людей во время празднества, то к середине 1930-х гг.

Проект центрального партера ЦПКиО им. Горького в Москве. Схема генплана. Арх. А.В. Власов при участии К.С. Алабяна, 1934

она сама становится праздником организованной природы. В решении Всесоюзного совещания при ВЦСПС 1933 г., посвященного паркам культуры и отдыха, указывается, что сам внешний вид парка «...должен давать высокую эмоциональную зарядку, яркое ощущение успехов социалистического строительства, роста материально-культурного строительства и мощи победившего пролетариата». Уже к середине 1930-х годов в теории паркостроения складывается отношение к природе как к канве, на которой строится активный образ парка. Под активным началом подразумевалась организация природного пространства регулярной планировкой. Естественно, что классическая французская регулярная система признается адекватно выражающей активное, творческое отношение человека к окружающей природе. Интересно, что в 1930 г. в объяснительной записке к проекту генерального плана ЦПКиО бригады ВОПРА французская и английская системы планировки определены как пассивные.

Как проекты, так и реальное строительство парков культуры и отдыха к середине 1930-х гг. отмечены регулярной системой планировки центральной части. Выше отмечалось, что сама четкая организация природы должна выполнять функции вечного праздника. Архитектор-паркостроитель выполняет эту функцию путем срежиссированных картин творчески преображенной природы и красивых перспектив. Причем, как и в городе, эти панора-

мы и перспективы должны быть грандиозными и впечатляющими. «Низкие и обширные террасы, построенные Ленотром в композициях крупного масштаба, содействуют большей грандиозности и размаху в равнинных местностях и особенно пригодны для ПКЮ. Охват широких горизонтов раскрытия пространств по принципам барокко и по системе Ленотра еще больше будут содействовать впечатлению грандиозности замысла»⁴⁸. Как видно, реализация в пространстве функции праздника находится в прямой зависимости от масштаба разворачивающихся панорам и перспектив. Очевидно, их грандиозность придает празднику абсолютную радость и внеположенность во времени. Недаром садовая аллея в ЦПКЮ им. Горького ведет к балюстраде, откуда открывается вид на один из самых больших в мире партеров. От балюстрады спускаются широкие, обрамленные цветами ступени-террасы, которые переходят в газоны.

В довоенных ЦПКЮ в миниатюре проигрывается ориентация города на водные бассейны и магистрали. Чтобы потом стать одной из главных установок советского градостроительства послевоенного времени. Происходит обводнение парковых территорий. Большое озеро создано в 1939 г. в Комсомольском ПКЮ в Ташкенте, в 1941 г. — искусственное озеро в ПКЮ в Минске. Система парков Киева по Днепру построена с видовыми террасами, спусками, лестницами. Композиции парков, примыкающих к большим рекам и водоемам, ориентируются к воде (парки в Сталинграде, Одессе, Мариуполе, Калинин, парки приморских курортов).

Насколько прочно в советском градостроительстве послевоенного времени утвердилось творческое отношение к природе, говорят пособия по озеленению города, где природа обрела статус зеленой косметики архитектуры. Классификация зеленых насаждений и степень парадности их регулярных планировок строится по иерархическому принципу архитектурных объектов, которые она оформляет, — крупных общественных зданий до входов в здания низовых организаций. Система озеленения города подчинена также принципу пространственной иерархии города, от центра к периферии.

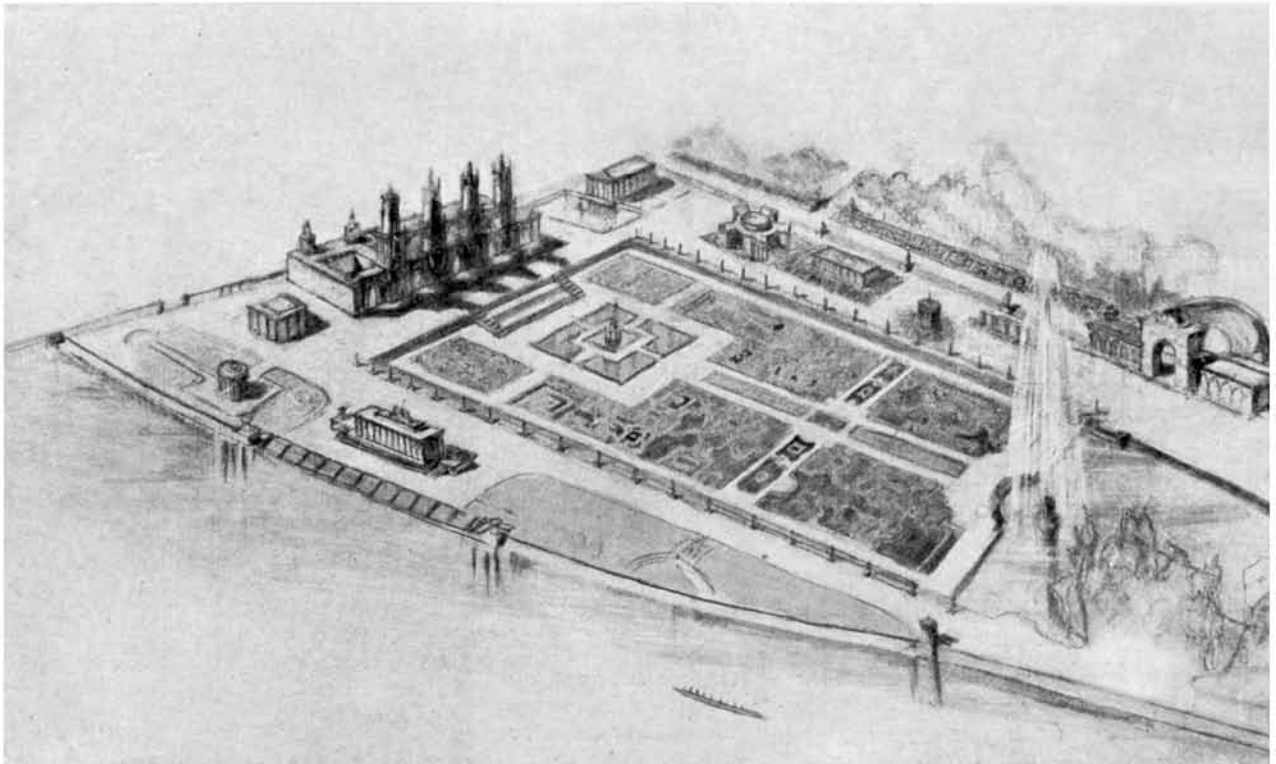
Что касается парков, то можно сказать, что в планировочном отношении упорядочение природы происходит по этапам: от социально-культурной интенсивной работы к оформлению праздников и далее к чистому созерцанию упорядоченного простора и шири. Сначала природа в парках потеснилась ради интенсивных культурно-просветительских функций, для которых ровное расчищенное

пространство было идеальным местом; постепенно оно расширялось для обеспечения празднеств, чтобы после войны стать бесконечной перспективой для созерцания. В эту линию встраиваются создаваемые в послевоенное время мемориальные парки победы, назначение природы в которых заключалось в удержании памяти о прошедшем времени и победе. Соответственно, сама их планировка отличалась монументальностью и каноничностью. Архитектурно-центристское начало организовывало природу с максимальным приближением ее состояния к искусственной среде.

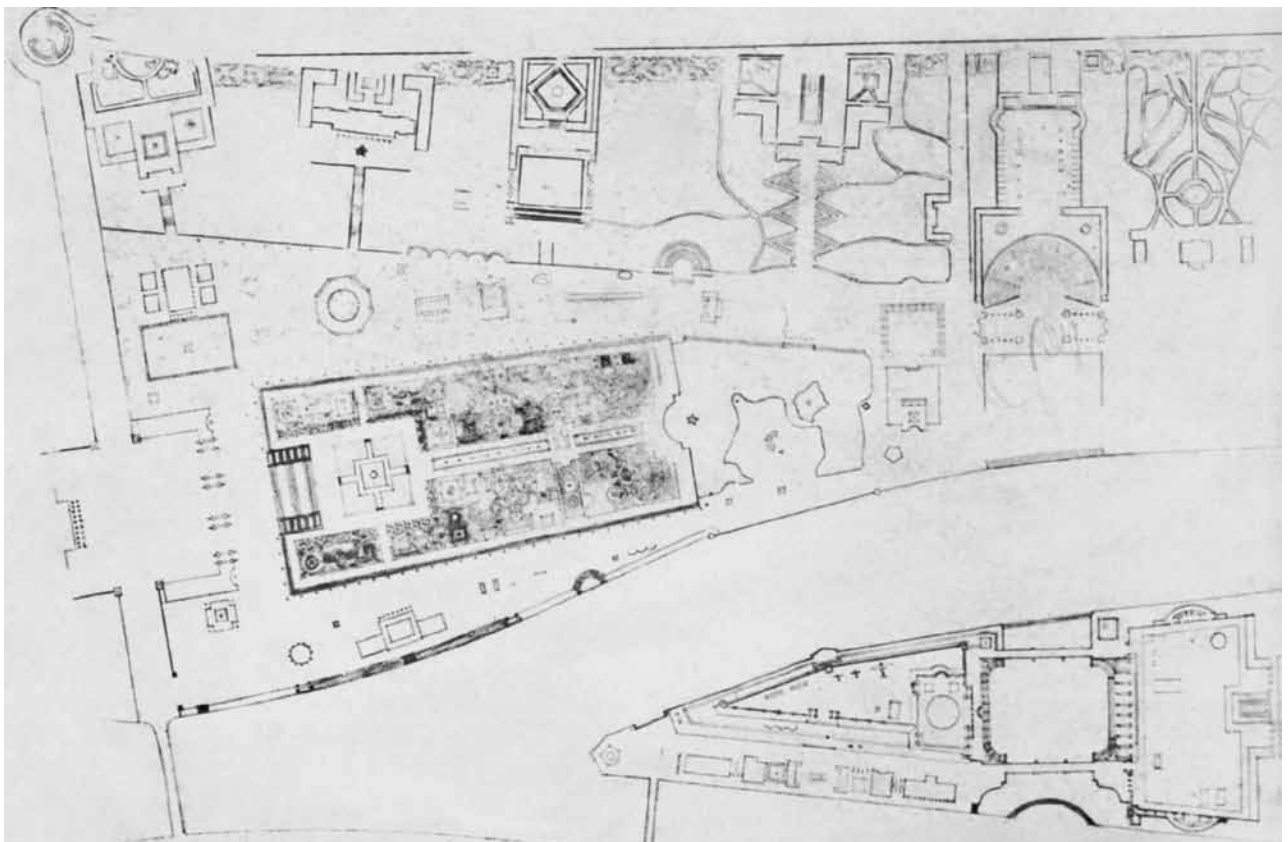
Чрезвычайно закономерно затухание в культуре активного социально-просветительского реформизма. Энергия реконструктивной идеологии концентрируется на начале осуществления тотальных планов преобразования природы. В этом тоже прослеживается внутренняя логика реформистской проектной идеологии, смещающей центр своих интересов с внутренней жизни на внешнюю среду. Идеология, экстенсивная по определению, все время старается расширить поле своего влияния за счет полного игнорирования жизни, истории, природы и времени.

Выше указывалось на важную роль воды в культуре предвоенного времени — как в символике, так и в стилистике новой объемно-пространственной системы. Но само ее появление и внимание, уделяемое ей в городской планировке, не может возникнуть без представления о рельефе преобразенной человеком местности как об идеально ровной плоскости. Это же представление о рельефе взаимосвязано со складывающейся системой симметричных построений в архитектуре 1930-х гг., которые получили свое полное и законченное воплощение в послевоенном периоде развития советской архитектуры.

Проекты планировки юго-западного района Москвы после принятия генерального плана 1935 г. выражают идеальные представления нового этапа советской архитектуры о городе. И поэтому полупрогностические высказывания А.В. Щусева о подготовительных работах к застройке нового района очень образно передают идеальное представление о характере преобразования земли для полноценного функционирования городского организма: «Через некоторое время появляется целое полчище мощных тракторов. Они вспахивают землю, выравнивают её, прокладывая сложные узоры магистралей и улиц. Вслед за тракторами движутся катки. Они укатывают взрыхлённую землю. Затем от мощных электрогенераторов пропускается электрический ток сквозь верхний слой почвы. Почва спекается,

Проект планировки центрального партера. Арх. А.В. Власов при участии К.С. Алабяна. Фрагмент. Перспектива. 1934

Проект планировки центрального партера. Арх. А.В. Власов при участии К.С. Алабяна. Общий вид. 1934

и в течение нескольких часов получают километры прочного, похожего на асфальт грунта»⁴⁹.

Планировочным стержнем нового района должна явиться парковая магистраль как продолжение проспекта Дворца Советов. Для нового пространственного мышления является чрезвычайно показательным, что мост, соединяющий эти две магистрали, предложенный К.С. Мельниковым, отвергается, так как он противоречит горизонтальным устремлениям сверхмагистрали страны. И принимается проект моста А.В. Власова, выход которого на новый район оформляется раскрывающейся перед зрителем широкой сквозной площадью. Конструкции мостов, строящихся в это время, проектируются с таким расчетом, чтобы они служили естественным продолжением улиц; проектировщикам также приходится отказываться от устройства езды понизу — как закрывающей перспективу на город и реку, в связи с чем самой подходящей была признана арочная система. Подъем воды в Москве-реке и Яузе на отметку 120 вызывает необходимость выравнивания самой территории, по которой они протекают. Так, в 1934 г. была произведена подсыпка низменных территорий — Дербеневской и Даниловской набережных. При реконструкции улицы Горького в 1938–1939 гг. было произведено смягчение продольного уклона с 6,5 до 5%. Смягчение также было проведено на Ярославском шоссе, при подъезде к ВСХВ, с 7 до 5%. Эти работы положили начало широко распространившейся практике преобразования рельефа городской территории в послевоенном градостроительстве (чаще всего на парадных магистралях для устранения перебивки сквозной перспективы).

На отношении к природе в парке, как модели города, и в самом городе вырисовывается общая закономерность реконструктивной идеологии, где колоссальные усилия по преобразованию природы имеют конечной целью приведение ее в состояние, приспособленное для формообразования искусственной среды и преобразование живого в продолжение искусственного. Это промежуточное состояние природы в городе делает ее объектом трансформаций, приближающих ее к идеальному состоянию

чистого регулярного пространства. Однородность этого пространства и его сквозная просматриваемость требуют ровного места, что и выполняют геодезические работы.

Полное игнорирование развития реальной жизни как социума, так и природы приводит к избранию собственного примитивного, жесткого и в конечном итоге мертвого механизма их существования в пространстве и времени. Внутренне закономерно, что композиция является определяющим моментом построения города как выразителя реконструктивной идеологии. Поскольку примитивная композиция — это простейший способ выворачивания органической сложности исторического существования общества и природы во внешнее для него, искусственное тело города. Выстраивание многоуровневого образования по внешним ему законам является победой над его бытием в истории ради пребывания в пространстве. Внедрение в реальную жизнь ради абсолютного порядка естественно порождает уничтожение самого потока жизни во времени. Полифония города приводится в систему объектов, легко поддающихся оперированию: пространство и ансамблевая целостность.

Очевидно, никогда еще художественная система не выкристаллизовывалась в свою противоположность — антижизнь. Поскольку эта система, сочиненная вся сразу в силу своей простоты, казалась естественной и универсальной схемой развития каждого города, она по определению не могла подлежать внутренней трансформации, не допускала никаких модификаций. Сам феномен гигантского примитивного образования порождает механические законы его существования и развития. Полностью сочиненная система, не допускающая саморазвития реальной жизни по мере своей самореализации, становилась автономной от творческой воли архитектора. Базовая структура города, задуманная как универсальная и вечная система полнейшей реализации воли творца, к концу своего существования уже не нуждалась ни в каких творческих замыслах. Архитектор же исполнял функцию обслуживания этого механически разрастающегося тела.

Примечания

1. При подготовке главы использованы материалы диссертации Ю.Д. Старостенко (Старостенко Ю.Д. *Метаморфозы архитектурно-градостроительной концепции развития центра (Центрального ядра) Москвы а 1920–1930-е гг.* / Дис. ... канд. арх. М., 2009).
2. *Хазанова В.Э.* Советская архитектура первой пятилетки. М., 1980. С. 51.
3. То же. С. 76.
4. *Броновицкая Н.Н.* Московский хронотоп. Планы реконструкции советской Москвы (картографический метод исследования) // *Архитектура в истории русской культуры*. Вып. 3. Желанное и действительное. М., 2001. С. 274.
5. *Горный С.* Планировка Москвы – общественное внимание // *Строительство Москвы*. 1930. № 6. С. 27.
6. *Фридман Д.* За существующую систему планировки Москвы // *Строительство Москвы*. 1930. № 10. С. 17.
7. В связи с этим следует отметить сопряжение проблемы децентрализации Москвы с актуализацией установки на превращение Москвы в мощный индустриальный центр в диссертации Старостенко Ю.Д. «Метаморфозы архитектурно-градостроительной концепции развития (центрального ядра) Москвы в 1920-е–1930-е гг.». М., 2009.
8. *Хазанова В.Э.* Указ. соч. С. 313.
9. О московском городском хозяйстве и о развитии городского хозяйства СССР. (Резолюция по докладу т. Кагановича, принятая пленумом ЦК ВКП(б) 15 июня 1931 г.) // *Сборник важнейших постановлений МК и МГК ВКП(б). Материалы к III областной и II городской конференциям ВКП(б)*. М., 1932. С. 36–48.
10. Там же. С. 45.
11. Там же. С. 315.
12. Там же. С. 274.
13. *Орлеанский В.* За разработку плана новой Москвы // *Строительство Москвы*. 1931. № 7. С. 2.
14. Там же. С. 3
15. За 30 дней. Перепланировка Москвы // *Строительство Москвы*. 1931. № 7. С. 24.
16. Опыт и практика строительства. Архитектурно-планировочное управление Моссовета // *Строительство Москвы*. 1932. № 3. С. 44.
17. Цит. по: *Булганин Н.А.* Строительство и реконструкция Москвы // *Строительство Москвы*. 1932. № 8–9. С. 6.
18. *Гольденберг П., Гольденберг Б.* Задачи социалистической реконструкции Москвы (Проекты перепланировки Москвы) // *Советская архитектура*. 1933. № 1. С. 21.
19. Там же. С. 25.
20. Историческое для советской архитектуры совещание // *Строительство Москвы*. 1932. № 8–9. С. 8.
21. *Заславский А., Козелков А.* Планировка Москвы // *Строительство Москвы*. 1932. № 10. С. 6. [Опечатка в журнале. Правильно: Козелков Г.Я. – Прим. ред.]
22. Там же. С. 6.
23. *Семенов В.Н.* Как планировать и строить Москву // *Строительство Москвы*. 1932. № 8–9.
24. *Заславский А., Козелков А.* Указ. соч. С. 7. [Опечатка в журнале. Правильно: Козелков Г.Я. – Прим. ред.]
25. *Лебедев Е.* Перестроим транспортный узел Москвы // *Строительство Москвы*. 1932. № 10. С. 21.
26. Москва за месяц. Заканчивается эскизный проект планировки Москвы // *Строительство Москвы*. 1932. № 11–12. С. 42.
27. Москва за месяц. Декадники Союза // *Строительство Москвы*. 1933. № 2–3. С. 38.
28. Москва за месяц. За углубленную проработку схемы Москвы // *Строительство Москвы*. 1933. № 2–3. С. 38.
29. Москва за месяц. Экспертиза эскизного проекта планировки Москвы // *Строительство Москвы*. 1933. № 8. С. 35.
30. Об организации дела проектирования зданий, планировки города и отвода земельных участков в г. Москве (Постановление бюро МГК ВКП(б) и Президиума Моссовета РК и КД от 23 сентября 1932 года // *Строительство Москвы*. 1933. № 9. С. 5–7.
31. Планировка и проектирование строительства Москвы // *Строительство Москвы*. 1934. № 4. С. 2.
32. *Чернышев С.Е.* Реконструкция улицы Горького // *Строительство Москвы*. 1934. № 4. С. 6.
33. Проекты застройки московских набережных // *Архитектура СССР*. 1934. № 4. С. 18–25.
34. *Жолтовский И.В.* Площадь Свердлова // *Архитектура СССР*. № 2. С. 14.
35. *Перчик Л.* Город социализма и его архитектура // *Архитектура СССР*. 1934. № 1. С. 6.
36. Планировка и проектирование строительства Москвы // *Строительство Москвы*. 1934. № 4. С. 2.
37. О строительстве метрополитена и плане г. Москвы. Речь Л.М. Кагановича на Пленуме Моссовета с участием ударников метростроя, фабрик и заводов г. Москвы. 16 июля 1934 года // *Строительство Москвы*. 1934. № 7. С. 7.

38. Наказы по планировке выполнены // Строительство Москвы. 1934. № 10. С. 11.
39. Гольц Г. Об архитектуре города. Доклад на творческом вечере московских и ленинградских архитекторов. В кн.: Третьяков Н. Георгий Гольц. М., 1969. С. 72.
40. Заславский А. Больше авторитета планировочным организациям // Строительство Москвы. 1932. № 8/9. С. 14, 40.
41. Вперед к новым победам! (Выдержки из доклада Кагановича о работе московского областного и городского комитетов ВКП(б) на московской партконференции) // Строительство Москвы. 1932. № 1. С. 2–5.
42. Бунин А.В., Круглова М.Г. К вопросу об архитектуре столичного город // Академия архитектуры. 1936. № 1. С. 22.
43. Бабуров В.В. Практика планировки и строительства городов. Материалы III пленума правления Союза советских архитекторов СССР. 7–11 июля 1938 г. М., 1938. С. 11.
44. Градостроительство. Справочник архитектора / Ред.-сост. Н.Х. Поляков. М., 1946. М., 1946. С. 39.
45. Генеральный план реконструкции города Москвы. М., 1936. С. 85.
46. Барц М., Гинзбург М. Зеленый город // Современная архитектура. 1930. № ½. С. 17.
47. Хазанова В.Э. Указ. соч. С. 285.
48. Карра А.Я., Лунц Л.Б. Реконструкция московских парков // Строительство Москвы. 1936. № 8. С. 13.
49. Щусев А. Города счастья // Советское искусство. 1932. № 50/51, 4 ноября.

Проблема ансамбля в советском градостроительстве 1920–1930-х гг. в теории и на практике

Ю.Д. Старостенко

Определенную сложность при изучении отечественного градостроительства 1920–1930-х гг. представляет то обстоятельство, что содержательное наполнение многих понятий и терминов, которые активно использовались профессиональным сообществом в то время, претерпело к сегодняшнему дню ряд изменений. Сегодня довольно часто тексты 1920–1930-х гг. прочитываются без понимания различий между современным значением того или иного понятия и теми смыслами, которые вкладывали в них авторы десятилетия назад¹. Ключевое для практики советского градостроительства 1930-х гг. понятие «ансамбль» не является исключением.

После 1932 г., когда был провозглашен курс на «освоение исторического наследия», понятие «ансамбль» стало употребляться не только в исторических исследованиях, но и при описании практически каждого проекта архитектурно-градостроительной практики тех лет — от проекта крупного здания до проекта застройки целого города. Более того, создание ансамблей на многие десятилетия стало одной из важнейших задач советского градостроительства. Именно в этих условиях началась теоретическая разработка проблемы ансамбля, хотя на тот момент понятие «ансамбль» было известно в России уже около ста лет.

История развития понятия «ансамбль» в России до 1917 г.

Согласно современным исследованиям, понятие «ансамбль», которое можно найти в европейских трактатах по архитектуре XVII–XVIII вв.,

употреблялось в них лишь как наречие в значении «вместе»². Как специальный термин теории искусства, обозначающий в качестве наречия «единство... состояние объекта, части которого подобраны в таком порядке», а в качестве существительного — «объединение частей целого в порядке, соответствующем объекту», понятие «ensemble» появилось в словаре терминов по искусству Боутарда в 1826 г.³ В архитектурную теорию оно вошло примерно в это же время. Термин был зафиксирован в «Словаре» Картемера де Кенси, созданном в начале XIX в. Теоретик позднего французского классицизма выделил два значения понятия: 1) «ансамблем называется общая масса здания в целом или собрание различных частей здания, которые его составляют»; 2) искусство «его делать, в зависимости от содержательного смысла целого, части которого должны быть взаимно соподчинены... Этот принцип... называют принципом ансамбля во всех архитектурных сооружениях»⁴.

Благодаря словарю Картемера де Кенси, хорошо известному в России, термин «ансамбль» вошел в профессиональный арсенал российских архитекторов. Как отмечает М.В. Нашокина, этот словарь «во многом повлиял на содержание статей в “Энциклопедическом лексиконе”», изданном в Петербурге в 1835–1841 гг. «В этом словаре впервые был дан русский эквивалент понятия “ансамбль”: “...общность, целое в фигуре, здании, картине и проч. Слово это означает изящное соединение или совокупность частей в целом, сообразно правилам, красоте и своему значению”»⁵. Отличительной чертой определения понятия в его российской интерпретации были присутствовавшие в статье практические советы «по овладению искусством ансамбля»⁶.

Проследить эволюцию понятия в последующие несколько десятилетий XIX в. довольно сложно. С эпохой классицизма большие трактаты по архитектуре ушли в прошлое, а привычный для современности жанр специализированной публицистики, когда проектные и теоретические разработки фиксируются не в объемных трудах, а в различных периодических изданиях, еще не сложился.

Ситуация начала меняться лишь во второй половине XIX в., когда перед архитектурой встали новые задачи. Уходила эпоха строительства по образцовым фасадам, расширялась типология архитектурного проектирования, начиналось внедрение новых конструкций. Специалистов, работающих в сфере архитектуры и строительства, становилось все больше, но архитектурное сообщество было разобщено. Необходимость обмениваться знаниями и опытом привела к созданию в Петербурге и Москве первых профессиональных сообществ архитекторов. В 1872 г. усилиями Императорского Санкт-Петербургского общества архитекторов началось издание журнала «Зодчий», который сохранял монополию в сфере отечественной специализированной периодики в области архитектуры вплоть до рубежа XIX–XX вв. Поэтому сегодня нельзя определенно судить, насколько понятие «ансамбль» было употребимо внутри профессионального сообщества в XIX в. и каким смыслом его наделяли архитекторы, если использовали его в своей практике. По энциклопедиям и словарям можно лишь зафиксировать те смыслы и значения, которые вкладывались в понятие «ансамбль» на момент их издания.

Самым ярким примером конца XIX в. может служить статья, опубликованная в «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона», в которой приводилось следующее определение «ансамбля»: «...обозначает в архитектуре главную массу здания, а иногда под А.[ансамблем] разумеют отношение частей здания к целому и пропорциональность частей. А. [ансамбль] в планировке состоит в симметрии внутренних частей, а также в пропорциональном расположении комнат для большего удобства, избегая при этом дробности деления. А.[ансамбль] будет соблюден, если высота здания соответствует длине, если главные части этажа правильно разделены, известной высоты при положенном числе их и т.п.»⁷. На основании этой статьи и ранее цитировавшихся изданий, можно сделать вывод, что от момента появления в России и до конца XIX в. понятие «ансамбль» связывалось с гармоничным построением отдельного здания, а не комплексом

зданий в пространстве города или какого-либо ландшафта, как оно понимается сегодня.

Одним из первых, кто в России в начале XX в. употребил понятие «ансамбль» применительно к застройке города, а не к отдельному зданию, можно считать А.Н. Бенуа. В своей ставшей знаменитой статье в защиту классицистического облика столицы империи — «Живописный Петербург» А.Н. Бенуа яростно критиковал Москву, говоря, что «...каменная сказка Кремля — нечто совершенно бесподобное, но Кремль — не вся Москва, а ведь надо сознаться, что кроме Кремля — весь город (я не говорю об отдельных, достаточно-таки, нелепо расставленных, памятниках) скорее безобразен и уж именно безличен — огромный глухой уездный город»⁸, и воспевал Петербург. Говоря о столице, А.Н. Бенуа особо отмечал, что город красив «именно в целом или, вернее, огромными кусками, большими ensemble'ами, широкими панорамами»⁹, и «одна из главных причин цельности получаемого от него впечатления... кроется в сравнительной одновременности всех главных сооружений»¹⁰. Поскольку зарождение понятия «ансамбль», хотя и наполненного немного иным содержанием, произошло во Франции в эпоху классицизма, употребление этого понятия в его французском написании в статье А.Н. Бенуа было далеко не случайным. Ведь речь шла о Петербурге эпохи классицизма.

«Открытие» русского классицизма, сначала его петербургского, а затем и московского вариантов, произошедшее в начале XX в., признание ценности его наследия во многом повлияло на то, что идеалы классицизма приобрели определенную притягательность для архитекторов. Защитникам «казенного» классицистического Петербурга прекрасный образ города той эпохи из публикаций А.Н. Бенуа, как и образ классицистической Москвы из публикаций И.А. Фомина, казался своего рода эталоном, к которому надо стремиться. Они противопоставляли эпоху, когда все города империи застраивались зданиями в стилистике безордерного классицизма по образцовым фасадам, разностилевой и разнохарактерной застройке второй половины XIX — начала XX в. В статье И.А. Фомина¹¹, вышедшей через два года после статьи А.Н. Бенуа и посвященной архитектуре Москвы времен Екатерины II и Александра I, была озвучена еще одна мечта того времени — мечта о власти, способной взять архитектуру под свой контроль, способной поставить ее на службу своему величию, о власти, способной обеспечить единовременное возведение грандиозных ансамблей наподобие петербургских¹².

Вслед за «открытием» русского классицизма на рубеже 1900–1910-х гг. последовало «открытие» науки городского благоустройства, которая уже на протяжении ряда десятилетий развивалась в Европе и Америке. Это «открытие» состоялось усилиями тех, кого впоследствии назовут первыми теоретиками городского благоустройства в России — Г.Д. Дубелира, А.К. Енша, В.Н. Семенова, Ф.Е. Енакиева, М.Г. Диканского и многих других. Главной идеей, которая звучала во всех публикациях этих специалистов, была идея необходимости составления перспективного плана развития для каждого города. В этом всесторонне разработанном плане они видели главный залог решения всех утилитарных и социальных проблем города. В идее планирования города увидели залог решения проблем и те, кто стремился сохранить и даже отчасти воссоздать и дополнить классицистический облик Петербурга. И довольно быстро проблема художественного облика города стала занимать умы многих архитекторов. Она обсуждалась и на IV Съезде русских зодчих, проходившем в январе 1911 г., и даже на Всероссийском съезде художников в декабре 1911 г. — январе 1912 г., где был организован особый отдел «Архитектура и художественный облик городов».

Самым заметным из докладов на IV Съезде русских зодчих, посвященных эстетическим проблемам городов, стал доклад В.С. Карповича «О сохранении художественного облика городов». Его автор выступал за недопущение «деформации» городов «нехудожественной их застройкой». Он отмечал, что «в России почти каждый город имеет свою особую красоту, свои исторические традиции, свой стиль, который должен быть проводим в каждом городе как для частных, так и для общественных зданий, и только таким способом можно придать городу стильный художественный облик»¹³. Выступая против насильственного насаждения того или иного стиля, будь то «трафаретный стиль ампира» или «кирпичный стиль», В.С. Карпович особо подчеркивал, что «только город, состоящий из однотипных, одного стиля построек, может быть красивым»¹⁴.

Однако доклад В.С. Карповича, который фактически предлагал вернуться к обязательной застройке по образцовым фасадам и ввести жесткую стилистическую регламентацию (как в эпоху классицизма), не встретил понимания коллег, но зафиксировал две важные тенденции того времени. Одна из них заключалась в том, что идея стилистического единства города, как высшего идеала, утверждалась все прочнее, хотя стилистическое единство дале-

ко не всегда связывалось с классической традицией. Свидетельством это может служить отчет 1910 г. о поездке по Европе одного из редакторов журнала «Городское дело» — Д.Д. Протопопова, который писал о «глубокой красоте в этой самобытной культуре» Роттердама, которая заключалась «в этом “ensemble” разнообразных узких домов, в этих старинных каналах, мостах, набережных, ветряных мельницах»¹⁵. Вторая тенденция заключалась в том, что дело городского благоустройства, которое на протяжении долгого времени было заботой лишь инженеров и техников, стало утверждаться в России как отдельная сфера деятельности архитектора. И именно тогда, когда город стал рассматриваться как объект архитектурного проектирования, как система пространств, обладающая определенной художественной выразительностью, понятие «ансамбль» в его значении единства и гармонического сочетания уже не частей одного здания, а отдельных зданий большого города, оказалось как никогда востребованным и стало наполняться привычным сегодня градостроительным содержанием. Более того, оно стало применяться не только для описания исторических памятников, но и новых проектов. Так, освещая начало строительства комплекса зданий «Нового Петербурга» по проекту И.А. Фомина¹⁶, Г.К. Лукомский в 1912 г. писал о нем, как о «куске города истинно европейского вида и строгого единства классических архитектурных ансамблей, расположенных у берега открытого моря»¹⁷. Квинтэссенцией всех этих тенденций и устремлений стала книга Г.К. Лукомского «Современный Петербург», изданная в 1917 г. уже после Февральской революции. За ее подзаголовком «Очерк истории возникновения и развития классического строительства (1900–1915 гг.)» скрывался анализ тех новейших построек Петрограда, которые, по мнению автора, развивали классицистическую традицию в развитии архитектуры столицы, которой должна быть присуща «гордая, чуть холодная, но царственно-величавая выдержанность», а не «живописный базар провинциальной архитектурной картинности»¹⁸. Г.К. Лукомский лишь сожалел о том, что эти лучшие образцы современной архитектуры разбросаны по всему городу и не составляют единого целого, что законодательство и власть не ставили своей задачей сохранение «идеалов, завещанных предками», и искренне верил в то, что грядущие перемены смогут это изменить.

Художественные аспекты реконструкции и проектирования городов в 1920-е гг.

Первая мировая война и последовавшие за ней события 1917 г. изменили многое, но далеко не все и не так радикально, как это традиционно представляется. Некоторые явления прежней жизни, казалось, были забыты, другие, которые не могли в силу разных причин прежде получить развитие, смогли заявить о себе в полный голос. 1920-е гг. были временем сосуществования традиций и новаторства, временем развития новых идей и формирования реакции, которая впоследствии свела на нет многие усилия новаторов. Это было десятилетие стремительного развития, как в деле науки проектирования и планирования городов, за которой лишь к середине 1920-х гг. окончательно закрепился привычный сегодня термин — «градостроительство», так в деле исследований в этой области. Масштаб градостроительного проектирования превзошел даже самые смелые мечтания специалистов, которые с конца 1900-х гг. пытались доказать необходимость разработки перспективных планов развития городов в соответствии с мировыми наработками в этой сфере.

Однако за годы войн и революций отставание России от Европы и Америки в деле планирования городов стало еще более ощутимо. Своих разработок в этой сфере у молодой страны Советов не было, городское хозяйство пришло в упадок. Все имевшиеся крайне ограниченные средства были направлены на решение неотложных городских проблем утилитарного характера, но отсутствие ресурсов на реализацию больших градостроительных проектов рассматривалось специалистами лишь как временная отсрочка. Новое законодательство и отмена частной собственности на землю открывали безоблачные перспективы для развития советского градостроительства. Сложившаяся ситуация, по мнению специалистов, давала возможность не только детального изучения зарубежного опыта в сфере планирования городов, но и разработки собственного законодательства в этой сфере, а также возможность разработки проектов реконструкции советских городов, и прежде всего столиц, на перспективу.

В первые годы советской власти все эти процессы шли параллельно в Москве и Петрограде. На заседаниях различных ведомственных комиссий обсуждались вопросы законодательного регулирования дальнейшего развития городов и их планирования. Также разрабатывались проекты планировки

столиц, велось изучение городов как силами краеведов, так и силами тех специалистов и организаций, которые непосредственно занимались вопросами городского хозяйства и проблемами реконструкции городов. И в этом процессе особую роль играл Музей Города в Петрограде—Ленинграде, созданный в 1918 г., как новое, уникальное учреждение в ведении Наркомата просвещения (в 1920 г. перешел в ведение Петроградского Совкомхоза). Авторы идеи создания этого исследовательского центра — «музея-института» — В.Я. Курбатов и Л.А. Ильин — предполагали, «что он отнюдь не будет музеем города Петрограда — его хозяйства, также не музеем только русских городов, а музеем, долженствующим дать представление о городе вообще»¹⁹. Работа этого музея никогда не ограничивалась выставочной деятельностью. Практически сразу же при музее было создано Бюро городов, которое имело «целью с одной стороны сосредоточить все сведения о текущей деятельности муниципализаторов России и заграницы и о развитии городской культуры, а с другой — информировать муниципальные и иные учреждения обо всех интересующих их сторонах муниципального дела»²⁰. И хотя Бюро городов просуществовало недолго, собранные им материалы и налаженные контакты были переданы в Библиотечно-информационный отдел музея, где сосредоточивались материалы по вопросам коммунального хозяйства СССР, Западной Европы и Америки. С 1923 г. неотъемлемой частью деятельности Музея Города и его директора Л.А. Ильина стала практическая деятельность в области градостроительства, а точнее — разработка проекта реконструкции Петрограда—Ленинграда, которая с конца 1925 г. продолжалась в Отделении по планировке Ленинграда при Подотделе благоустройства Откомхоза²¹.

Эту практическую деятельность Л.А. Ильин сочетал не только с руководством Музеем Города, но и с исследованием различных вопросов градостроительства и прежде всего художественных аспектов городского дела от античности до современности, изучение которых было необходимо для создания экспозиции одного из ключевых отделов музея — отдела Архитектуры города (с секцией Планировки и застройки и секцией Садово-паркового дела). Итогом деятельности Л.А. Ильина в стенах Музея Города стали уникальные для того времени знания по истории градостроительства, которые в сильно сжатом виде были опубликованы в путеводителе по музею — «Музей Города к Октябрю 1927»²². Практическая деятельность Л.А. Ильина по планировке Ленинграда стала побудительным мотивом для об-

ращения архитектора к исследованию отечественной градостроительной традиции. Его статья 1927 г., посвященная истории планировки Васильевского острова²³, стала одним из первых опубликованных исследований по истории отечественного градостроительства. Хотя сам Л.А. Ильин особо подчеркивал, что «статья ограничивается лишь освещением ряда материалов под определенным техническим углом зрения для практических целей данного момента»²⁴.

Изучая прошлое своего города и разрабатывая проекты его развития, ленинградские архитекторы в 1920-е гг., сначала под руководством И.А. Фомина, а потом — Л.А. Ильина, не стремились кардинальным образом изменить облик прежней столицы. Получив возможность приблизиться к прекрасному облику, созданному в 1900–1910-е гг. в работах А.Н. Бенуа, Г.К. Лукомского и многих других, они, среди прочих планировочных мероприятий, лишь намечали мероприятия по «восстановлению старинных красот города».

Совсем иначе дело обстояло в Москве. Ее облик не соответствовал ни ее новому статусу, ни представлениям о прекрасном, которые к этому времени сложились внутри профессионального сообщества. Москва нуждалась в реконструкции, причем не только в реконструкции утилитарного характера, но в реконструкции, способной преобразить облик новой столицы. На перспективных видах к плану «Новая Москва» архитекторы Архитектурно-художественной мастерской при Моссовете под руководством И.В. Жолтовского и А.В. Щусева (в 1922 г. реорганизована в Особую ученую комиссию «Новая Москва»), стремясь исправить недостатки Москвы, изображали совсем иной город — с широкими парадными магистралями, комплексами новых зданий и большими зелеными массивами. В 1924 г. А.В. Щусев в одной из своих публикаций, во втором вторя статье А.Н. Бенуа двадцатилетней давности, писал, что у «старушки Москвы» вся красота заключена в «дивном Кремле и чудной схеме старого кольцевого плана». Он особо отмечал, что «если бы Москва в забытии консервировалась, это было бы даже хорошо, мы имели бы вторую Венецию без воды, но Москва — промышленный центр России — все-таки строилась и воспринимала по-своему европеизм, а потому дошла она до нашего времени в скверном и испорченном издании»²⁵.

Переход к НЭПу застал советское градостроительство в тот момент, когда новое законодательство еще не было выработано, а планы развития и перепланировки городов, если и были разработаны,

то не настолько детально, чтобы получить утверждение в соответствующих инстанциях. Архитекторы, которые в первые годы советской власти занимались разработкой проектов планировки городов, в связи с оживлением строительства получили возможность вернуться к привычной проектной деятельности — проектированию отдельных зданий и сооружений. Вопросы планирования городов сосредоточились в руках городских отделов коммунального хозяйства, где работали преимущественно технические специалисты, ранее работавшие в городских управах. Постепенно налаживавшаяся жизнь требовала отвода участков в городах под новое строительство, проведения минимальных планировочных работ, и этот процесс в ряде случаев шел по путям, доставшимся в наследство еще от прежней эпохи и высочайше утвержденным планов урегулирования городов, когда все дело планирования ограничивалось прочерчиванием красных линий. В этих условиях художественно-эстетические задачи развития городов просто не принимались во внимание. Деятельность Л.А. Ильина в Ленинграде была исключением, в то время как ситуация вокруг плана «Большая Москва», который создавался в структурах Московского коммунального хозяйства (МКХ) комиссией под руководством С.С. Шестакова, была типична для тех лет. Эта комиссия «должна была составить основную схему планировки города, как в существовавших границах, так и в пределах расширения территории будущей Большой Москвы», и в то же время она должна была разрешать текущие вопросы и дела, связанные с планировкой и регулированием территории города и его окрестностей. В результате «у комиссии практически не оставалось возможности для разработки общего плана развития города»²⁶. Вопросы облика столицы просто не рассматривались. Когда в 1927 г. в МКХ начался новый этап разработки проекта планировки Москвы, архитектурное оформление города вновь оставалось вне внимания специалистов коммунальных служб.

К этому времени Москва уже стала центром советского архитектурного авангарда. Здесь развернули свою работу общество архитекторов-рационалистов — Ассоциация новых архитекторов (АСНОВА) и общество архитекторов-конструктивистов — Объединение современных архитекторов (ОСА). Их возглавляли архитекторы, уже имевшие хотя и различный, но опыт градостроительного проектирования: лидер АСНОВА Н.А. Ладовский в 1918–1919 гг. работал в Архитектурно-художественной мастерской Моссовета, в том числе над эскизом перепла-

нировки Симоновского района, а лидеры конструктивистов А.А. и В.А. Веснины в середине 1920-х гг. вместе с А.П. Иваницким разрабатывали проекты планировки поселков «Азнефти» на Апшероне. И хотя рационалисты и конструктивисты не могли прийти к согласию по многим вопросам, отсталость молодой Страны Советов в деле градостроительства была для них очевидна. А.Л. Пастернак в 1926 г. на страницах журнала «Современная архитектура» — главного печатного органа ОСА — отмечал, что «нет у нас крупных теоретиков, ни каких-либо достижений в этой области»²⁷. В условиях, когда работа городских служб была нацелена на первоочередное решение утилитарных проблем, именно на необходимости решения вопросов художественной выразительности города акцентировалось внимание как членов ОСА, так и членов АСНОВА.

Конструктивистам, для которых «градостроение» было «одной из самых высоких ступеней архитектуры»²⁸, город виделся организованным строго по функциональному принципу. Город будущего, застроенный небоскребами, мыслился ими как «органически растущая комбинация основных массов, застроек, образующих некий однородный фон», как «точно очерченный силуэт единого тела, громадного корпуса», в котором «совершенно тонет отживающее понятия города, как собрания отдельных домов, кубиков, там и сям расставленных»²⁹. Иными словами, речь шла о создании города как единого, продуманного комплекса в духе современной архитектуры. Идеолог ОСА — М.Я. Гинзбург в своей знаковой книге «Стиль и эпоха» тоже видел города совершенно преобразенными в духе новых форм. Стремления неоклассицистов 1900—1910-х гг., мечтавших своими постройками дополнить или даже воссоздать облик столь почитаемого ими Петербурга эпохи классицизма, не встречали его поддержки. М.Я. Гинзбург отмечал, что «лишь эпохи упадочные характеризуются одним желанием подчинить современную форму стиливому ансамблю прошлых столетий»; он считал порочной саму идею «подчинения новых частей города не организму его, лежащему вне всяких формальных особенностей стиля, а стилю старых, уже существующих, даже самых совершенных по форме частей»³⁰.

В отличие от своих оппонентов конструктивистов, рационалисты не предлагали каких-либо отвлеченных образов городов будущего. После отказа от участия в конкурсе на проект Дворца труда в Москве они оказались на продолжительное время фактически выключены из проектирования реальных объектов и сосредоточились на теоретической

разработке своих идей и на преподавательской деятельности в Высших художественных мастерских (ВХУТЕМАСе)³¹. Во многом благодаря именно их усилиям московская архитектурная школа стала одним из центров развития советского авангарда. Более того, под руководством Н.А. Ладовского, на базе психоаналитического метода была разработана принципиально новая, далекая от прежних академических традиций, система преподавания, «градостроительный потенциал» которой имел большое значение для дальнейшего развития советской архитектурно-градостроительной теории³².

Н.А. Ладовский, провозгласивший пространство главным материалом архитектуры, в каждом из отвлеченных заданий для студентов особо подчеркивал, что объект проектирования не существует вне окружающего его пространства, что при проектировании объекта необходимо учитывать его восприятие с различных дистанций и ракурсов, в том числе и с учетом возможного движения зрителя. Так, в первой половине 1920-х гг., «задания на горизонтальный ритм решали проблему восприятия пространства человеком, находящимся в движении», а целью задания на пространство было «создание композиции для восприятия открытого или закрытого пространства с определенной позиции»³³. В заданиях середины 1920-х гг. которые разрабатывали уже ученики Н.А. Ладовского, ставшие его соратниками по АСНОВА, задания на работу с пространством формулировались немного иначе, но ключевая идея сохранялась: студентам предлагалось организовать форму в пространстве, расположив объем на плоскости с заданной формой, или выявить пространственные соотношения между геометрическими фигурами, расставленными на прямоугольной горизонтальной плоскости, «учитывая движение зрителя вглубь от переднего плана»³⁴. Более сложные задания предполагали единовременное решение в пространстве проблем отношений, пропорций, метра, ритма и динамики. Сохранившиеся фотографии работ по дисциплине «Пространство»³⁵ позволяют рассматривать эти задания как попытки моделирования пространства именно с позиций градостроительства, создания связанного комплекса объектов, призванного помочь зрителю ориентироваться в пространстве.

Эти же идеи нашли отражение и в статьях первого и единственного номера издания «Известия АСНОВА», вышедшего в 1926 г. В своей статье «Основы построения теории Архитектуры» Н.А. Ладовский писал, что «архитектор конструирует форму, внося элементы, которые не являются технически-

ми или утилитарными в обычном смысле слова и которые можно рассматривать как “архитектурные мотивы”», которые служат «высшей технической потребности человека ориентироваться в пространстве»³⁶. Своего рода иллюстрацией возможности применения эти положений на практике был опубликованный в «Известиях АСНОВА» проект «горизонтальных небоскребов» Л.М. Лисицкого (1923–1925), которые должны были, по замыслу автора, способствовать преобразованию облика Москвы, работая на контрасте со старой застройкой. Л.М. Лисицкий особо отмечал, что «мы живем в городах, родившихся до нас. Темпу и нуждам нашего дня они уже не удовлетворяют. Мы не можем сбрызнуть их с сегодня на завтра и “правильно” вновь построить»³⁷. Критическими местами средневековой планировки Москвы автор проекта считал точки пересечения Бульварного кольца и больших радиальных улиц, и именно здесь он проектировал небоскребы, которые должны были помогать жителю своей формой ориентироваться в пространстве города.

Также в «Известиях АСНОВА» под заголовком «Дома или улицы?» было опубликовано открытое письмо Моссовету, в котором члены объединения впервые публично выражали обеспокоенность обликом Москвы и работой МКХ. В письме отмечалось, что «со времен Октябрьской революции прошло 8 лет, за это время Россия превратилась в СССР, однако облик городов СССР ничем не отличается от таковых России»³⁸. Особую обеспокоенность у АСНОВА вызывало отсутствие плана, идеи и руководства в мероприятиях, проводившихся в столице. И хотя речь в основном шла о покраске зданий, в письме звучало беспокойство, поскольку «такой взгляд переносится и на новое строительство. Новые сооружения рассматриваются также как обособленные комплексы, неосуществляющие идеи новой улицы как целостной системы». Принимая во внимание невозможность перепланировки Москвы в ближайшее время ввиду значительных затрат, члены АСНОВА просили Моссовет обратить внимание на то, что покраска улиц, планомерно выполняемая по единому проекту, уже способна преобразить город. Таким образом, пока идеи конструктивистов касались просто городов будущего, рационалисты были сосредоточены на будущем вполне конкретного города.

К этому времени у АСНОВА уже был опыт проектирования Международного красного стадиона на Ленинских горах (проект разрабатывался под руководством Н.А. Ладовского студентами ВХУТЕМАСа)³⁹. Одним из активных членов АСНОВА — В.С. Балихиным в развитие идей

Л.Б. Красина был предложен проект увековечивания памяти В.И. Ленина, предполагавший реконструкцию центра Москвы и возведение на месте храма Христа Спасителя памятника вождю⁴⁰. Однако и для членов АСНОВА, и для их лидера Н.А. Ладовского открытое письмо Моссовету стало началом нового пути.

В 1927–1928 гг. в журнале «Строительство Москвы» были опубликованы две небольшие заметки Н.А. Ладовского, со всей очевидностью демонстрирующие, что проблемы облика и развития Москвы рассматривались им уже не только с позиций теории рационализма. Одна из них была посвящена реконструкции площади Дзержинского⁴¹, вторая — вопросам архитектурного оформления захоронений на Красной площади у Кремлевской стены, которые так и не были благоустроены должным образом после 1917 г.⁴² В это же время АСНОВА по предложению Жилищно-строительного комитета Моссовета проводит закрытый конкурс между членами ассоциации, целью которого была выработка принципов жилой застройки и решения участка у пересечения Серпуховского Камер-Коллежского вала и Шаболовки. Этот комплекс жилых зданий, известный сегодня как Хавско-Шаболовский жилмассив, стал единственным примером реализации принципов рационализма в пространстве Москвы. Главной целью авторов проекта было «объединение общего развернутого фронта строений, обращенных к наружным, проезжим улицам, в ритмически-завершенную группу с открытыми перспективами в глубь участка»⁴³, т.е. создание архитектурно-законоченного комплекса для наглядной демонстрации того, что создание комплекса на основе принципов рационализма действительно возможно. Однако это был последний крупный проект, разработанный АСНОВА под руководством Н.А. Ладовского.

Как спустя год градостроительство станет причиной раскола в ОСА и разделит конструктивистов на урбанистов и дезурбанистов, так в 1928 г. градостроительство стало причиной раскола в АСНОВА. В ноябре 1928 г. под руководством Н.А. Ладовского было создано Объединение архитекторов-урбанистов (АРУ) — первое в СССР объединение, сосредоточенное исключительно на проблемах «урбанизма». Лидером АСНОВА стал В.С. Балихин. Позднее, объясняя причины произошедшего, сам Н.А. Ладовский напишет, что «большинство АСНОВА держалось взгляда, что необходимо вести отвлеченную теоретическую работу, “углубляя” проблемы архитектуры в тиши. Мы же держались взгляда, что необходимо ввязываться в практическую работу

и в связи с ней и параллельно прорабатывать теоретические вопросы. Жизненными вопросами архитектуры мы считали вопросы планировки, чем и занялись еще в АСНОВА, организовав там специальную секцию по планировке»⁴⁴.

О серьезности подхода и целей, которое новое общество ставило перед собой, свидетельствовал состав специалистов, принимавших участие в его работе. Среди них были как молодые архитекторы, воспитанные на дисциплине «Пространство», так и специалисты старшего поколения: Б.В. Сакулин — автор «инфлюэнтограммы» Москвы — одного из проектов развития столицы начала 1920-х гг., Г.Д. Дубелир — один из первых теоретиков и практиков отечественного градостроительства, первые работы которого в той области относятся к концу 1900-х гг., и многие другие⁴⁵.

Хотя Н.А. Ладовский и его единомышленники уже давно занимались вопросами градостроительства, создание АРУ пришлось на время, когда внимание архитектурного сообщества к проблемам градостроительства в связи с провозглашением курса на индустриализацию и коллективизацию становилось все очевиднее. Все большую популярность приобретала одна из ключевых идеологических установок эпохи о необходимости уничтожения различий между городом и деревней, рядом с новыми заводами необходимо было проектировать новые города, рассчитанные на новую организацию быта, и многие архитекторы считали участие в этих процессах своей главной задачей. Перед лицом масштабных работ по организации принципиально новой жизни на всем пространстве СССР вопросы облика городов вновь оказывались за рамками дискуссий. Более того, сама идея существования города как элемента цивилизации начала подвергаться сомнению. Однако члены АРУ фактически остались в стороне от этих споров, хотя за относительно небольшой срок существования объединения⁴⁶ его членами было разработано достаточно большое число градостроительных проектов (проект планировки поселка Костино, проект города-коммуны в г. Горьком (Автострой), проект планировки и застройки Нового Чарджуй, проект Зеленого города и др.).

Основные положения первой декларации АРУ 1928 г., появившейся еще до начала дискуссии о соцрасселении, и второй декларации 1931 г. свидетельствовали о том, что члены объединения сохранили верность своим идеям. В этих положениях, безусловно родственных концепции формообразования рационализма, упор делался на изучение первоочередных вопросов планировки и архитектурного

оформления городов, на пространственное оформление города в увязке с архитектурой отдельных зданий. В декларациях особо оговаривалось, что «значение архитектурного фактора в планировке городов до настоящего времени недостаточно выявлено». «Советское государство, ставящее во главу угла своей деятельности плановое регулирование, должно использовать также архитектуру как могущественное средство организации психики масс. С самого начала при планировке населенных мест должно предвидеть определенное направление воздействия архитектурных объектов»⁴⁷. Таким образом, в ситуации, когда планирование городов преимущественно рассматривалось через призму утилитарно-социальных задач, именно архитекторы АРУ одними из первых не только заговорили о художественной составляющей проектирования, о том, что «архитектура... должна решать задачу оформления не только отдельных сооружений, но и связывать всю группу сооружений в единую пространственную систему, в которой отдельные сооружения являются лишь частью более общего архитектурного целого»⁴⁸. Как отмечала В.Э. Хазанова, «работая над «единой пространственной системой города», архитекторы АРУ ввели понятие «динамики», «контраста», «ритма» в область градостроительства»⁴⁹.

Несмотря на разработку многочисленных проектов, основной заботой на рубеже 1929–1930 гг. для членов АРУ, и прежде всего ее лидера — Н.А. Ладовского, была Москва. Осенью 1929 г. АРУ вновь выступило с публичной критикой деятельности МКХ и того плана реконструкции города, который был разработан Отделом благоустройства МКХ⁵⁰, и отчасти способствовало тому, что дискуссия о соцрасселении постепенно переросла в дискуссию о путях развития Москвы. В статье АРУ, опубликованной в журнале «Строительство Москвы» и предшествовавшей созданию знаменитого проекта «динамического города» («параболы Ладовского»), ставилось под сомнение предлагавшееся МКХ «сохранение исторического облика Москвы (в смысле общего характера ее планировки)». В статье отмечалось, что «паллиативный способ, заключающийся в расширении улиц путем установления новых «красных линий» при сохранении существующей планировочной схемы Москвы, не гарантирует сохранения исторически сложившегося облика города, определяемого в значительной степени «живописностью» Москвы, кривизной и узостью улиц и т.д.»⁵¹. Более того, авторы статьи считали, что этот способ не решает важнейших вопросов перепланировки г. Москвы. Как позднее пояснял Н.А. Ладовский, опи-

сывая свой проект реконструкции Москвы, «задача, которую система “красных улиц” в ее теперешнем виде пытается разрешить, оказывается неразрешимой, так как, ставя вопрос в плоскости пространственной, эта система не ставит его в плоскости временной», в результате чего «реорганизуемые улицы города будут представлять вообще и всегда изъеденную ломаную линию, имеющую расширения лишь на небольших и случайных протяжениях»⁵². Сам же Н.А. Ладовский выступал за динамическое развитие Москвы на северо-запад, которое позволило бы обеспечить необходимые темпы преобразования облика столицы за счет концентрации нового строительства по одному направлению. Это также позволяло сохранить значительную часть исторического центра столицы, сохранить исторический облик Москвы «в смысле отдельных архитектурных ансамблей, имеющих культурно-историческое значение»⁵³.

Несмотря на то, что понятие «ансамбль», казалось бы, принадлежало иной эпохе, в 1920-е гг. оно не было окончательно «сброшено с корабля современности». Изредка оно встречалось в различных текстах и до этой публикации АРУ, хотя далеко не все считали его употребление уместным в новых социалистических условиях. Так, член созданного в 1929 г. Всесоюзного объединения пролетарских архитекторов (ВОПРА) А.И. Михайлов, рассуждая о конкурсе 1928–1929 гг. на проект нового здания библиотеки им. Ленина в Москве, который вызвал бурю негодования после присуждения первой премии ленинградскому архитектору старой школы В.А. Шуко, подвергал резкой критике положение конкурсной программы, согласно которому архитекторы должны были «учитывать окружающие исторические памятники — б. дом Пашкова, манеж, Кремль, не подражая им, но, не вступая также с ними в кричащее противоречие». А.И. Михайлов напрямую связывал это требование с «приспособлением или теорией “ансамбля”», которую он рассматривал не иначе как препятствие на пути развития новой пролетарской архитектуры, определяя «ансамбль», как «совокупность сооружений, образующих целостное единство, как по содержанию, так и по художественно-архитектурной выразительности»⁵⁴. В рецензии на книгу А. Михайлова «Группировки советской архитектуры», где были опубликованы его рассуждения, В.А. Лавров — ученик Н.А. Ладовского и его заместитель по АРУ, защищая идею создания ансамблей, писал, что «требование создания архитектурного “ансамбля” отнюдь не является синонимом реакционности и

“эклектизма”». Он отстаивал необходимость «углубленного анализа вопроса о возможности увязки в едином городском комплексе сооружений новой архитектуры с лучшими образцами прошедших эпох, которые мы должны сохранить в городском “ансамбле”»⁵⁵.

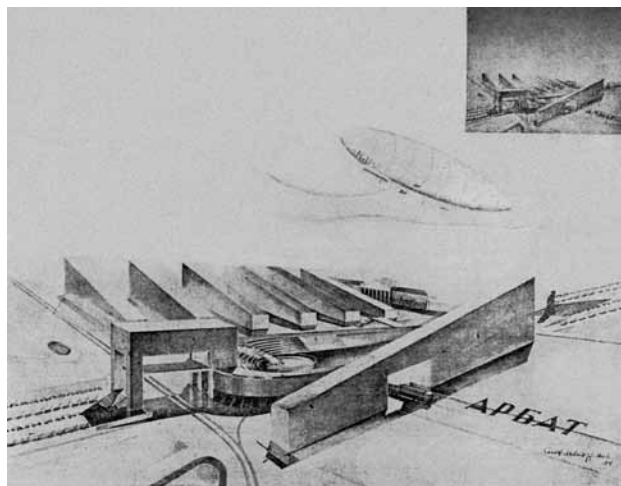
Безусловно, требование конкурсной программы на проект здания библиотеки стало, по определению автора критического обзора проектов, «Сциллой и Харибдой требований программы для архитектора»⁵⁶. К концу 1920-х гг. идея стилистического единства городской застройки как эталона, к которому надо стремиться, стала неотъемлемой частью профессионального сознания архитекторов всех поколений и направлений, но в то же время это единство представлялось уже в формах «современной архитектуры». Задача сочетания в едином комплексе разнохарактерных зданий, и тем более памятников прошлых эпох и новых зданий, казалась странной в условиях, когда при надстройке зданий, активно практиковавшейся в Москве, уничтожению подлежали любые «исторические» элементы фасада. И один из ярких примеров такой «надстройки» располагался напротив площадки для строительства здания библиотеки. На другой стороне Воздвиженки в это время перестраивалось из усадьбы здание Кремлевской поликлиники (архитектор Н.В. Гофман-Пылаев), «осуществляющее в значительной мере основные тезисы Ле Корбюзье, но избежавшее изощренности и игры конструкциями французского конструктивизма»⁵⁷.

Провозглашение курса на «освоение исторического наследия» как новый фактор градостроительного проектирования в начале 1930-х гг.

Рубеж 1920–1930-х гг. стал временем больших перемен. В этот период было практически уничтожено советское краеведение, была ликвидирована система городских отделов коммунального хозяйства, как исследовательский центр перестал существовать Музей Города в Ленинграде. Постановление ЦК ВКП(б) «О работе по перестройке быта» от 16 мая 1930 г.⁵⁸ привело к сворачиванию дискуссии о соцрасселении. Также оно стало одним из первых вмешательств новой партийной элиты в дела профессионального сообщества — предвестником грядущих указаний о развитии архитектуры и градостроительства, обязательность которых не будет подвергаться сомнению. Художественные аспекты

проектирования и реконструкции городов с учетом использования архитектуры города как «могущественного средства организации психики масс», о которых так настойчиво говорили члены АРУ, все активнее утверждались как приоритетное направление в деле проектирования и реконструкции городов.

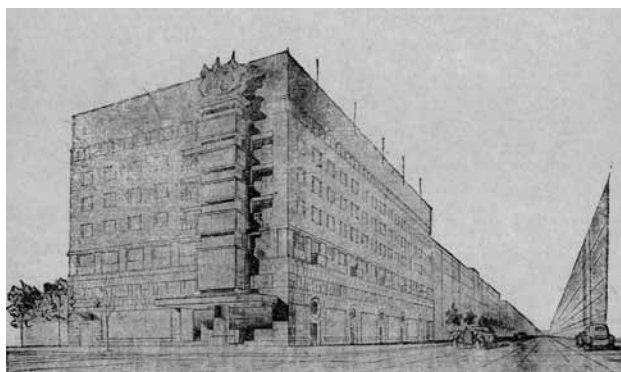
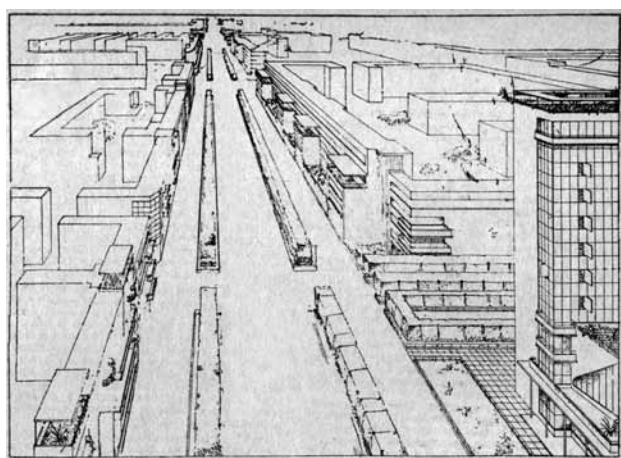
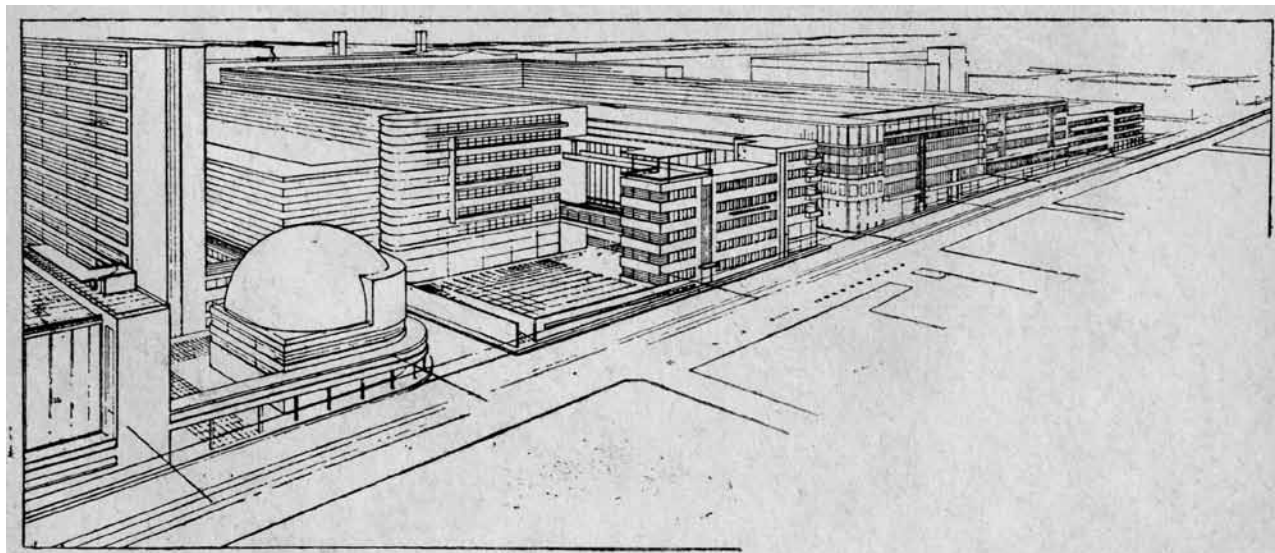
В начале 1931 г., когда шла предварительная разработка проекта планировки Москвы и проводился предварительный конкурс на проект Дворца Советов, т.е. фактически шла подготовка к июньскому пленуму ЦК ВКП(б), Товариществом «Художник» был организован конкурс на архитектурное оформление пяти московских площадей. Этот конкурс, хотя и был признан неудачным, рассматривался как опытно-показательная работа, как первый в советской архитектуре «опыт проектировки комплексного архитектурного оформления города»⁵⁹. Освещая результаты этого конкурса, ученики Н.А. Ладовского по ВХУТЕИНу, члены АСНОВА — А.В. Бунин и М.Г. Круглова — отмечали, что «до сих пор вопрос об архитектурных комплексах, ансамблях у нас не затрагивался, нет никаких установок, нормирующих этажность и характер застройки», что «часто вновь строящиеся дома, будучи сами достаточно высокого качества, не могут не принести архитектурного ущерба рядом стоящим зданиям»⁶⁰. Они считали, что «каждое архитектурное сооружение, какого бы назначения оно ни было, является кирпичом общего, цельного городского организма, архитектурное оформление которого не может строиться без учета пространственного построения планировки города, и задача архитектора организовать зрительное восприятие ее через объемное оформление улицы, площади». Утверждая, что «улица через динамику масс должна ориентировать зрителя в отношении центра и периферии», а «площадь и система площадей должна строиться по принципу архитектурного подчинения центру», А.В. Бунин и М.Г. Круглова особо отмечали, что, «работая над планировкой и оформлением новых городов, необходимо изучать приемы проектирования и строительства старых площадей и улиц, откидывая ненужное и принимая ту несомненную культуру, которую они имеют»⁶¹. Таким образом, авторами публикации еще в середине 1931 г. был сформулирован ключевой принцип «освоения наследия», официальное утверждение которого в советской архитектуре произойдет только полгода спустя. Однако этот краткий промежуток времени успел вместить целый ряд знаковых событий, которые кардинальным образом изменили мир советской архитектуры и советского градостроительства.

Москва. Конкурс на архитектурное оформление московских площадей. Проект архитектурного оформления Арбатской площади. Арх. К.С. Мельников. 1931

В июне 1931 г. пленум ЦК ВКП(б) принял постановление «О московском городском хозяйстве и о развитии городского хозяйства СССР». В июле того же года был объявлен Всесоюзный открытый конкурс на проект Дворца Советов, осенью начался закрытый конкурс на проект планировки Москвы. Реконструкция Москвы, о которой так долго мечтали архитекторы, должна была стать реальностью в самом ближайшем будущем. И хотя в постановлении июньского Пленума ЦК ВКП(б) речь шла преимущественно о решении утилитарных задач, проводившиеся параллельно с его подготовкой мероприятия по поиску места для Дворца Советов и последовавшее объявление Всесоюзного открытого конкурса на его проект свидетельствовали о больших планах по преобразению облика города. Однако первоначально речь шла, скорее, об архитектурном оформлении города, а не о его кардинальной реконструкции. Надстройка, активно практиковавшаяся в 1920-е гг., в постановлении июньского пленума была официально признана самым недорогим и эффективным способом быстрого увеличения жилой площади. Для скорейшей реализации этого решения был организован трест Моснадстрой, на который была «возложена одна из ответственных задач — оформление и реконструкция главных магистралей Москвы»⁶². Речь шла о масштабных работах, но проекты Моснадстроя предполагали разрешение реконструкции Москвы в духе «современной архитектуры» минимальными средствами, в то время как этот идеал уже уходил в прошлое. Ради достижения требуемого эффекта — создания нового облика советской столицы — руководство

Москва. Проект реконструкции улицы Б. Дмитровка (левая сторона).

Моснадстрой. 1931–1931

Москва. Проект реконструкции 1-й Тверской-Ямской улицы. *Моснадстрой. 1931–1931*

Москва. Проект жилого дома на углу Тверской и Лесной улиц. *Арх. М.И. Синявский. 1932*

струкции города, в первую очередь его важнейших магистралей»⁶³. Из доклада Л.М. Кагановича следовало, что исторически сложившаяся планировочная структура Москвы будет сохранена. Мероприятия по реконструкции города должны были «выровнять улицы, расширить и создать новые площади и свести множество мелких улиц и переулков в одну линию и, наконец... дать архитектурное оформление всему городу»⁶⁴. Фактически это означало, что пути развития города уже определены, а конкурс на проект планировки, главной целью которого было решение Москвы как индустриального центра, – не более чем формальность. Для реконструкции Москвы был выбран именно тот путь, против которого предостерегали двумя годами ранее члены АРУ – путь сохранения общей схемы планировочной сети, чреватый распылением строительства и уничтожением исторического лица города. Полтора месяца спустя, в конце февраля 1932 г., было опубликовано постановление об итогах первого тура конкурса на проект Дворца Советов, которое положило начало курсу на «освоение исторического наследия» и в советской архитектуре, и в советском градостроительстве. Обращение к наследию, и прежде всего к «классическому», сделало вполне закономерным возвращение к понятию «ансамбль» и во многом

страны было готово на более радикальные меры, хотя и не было готово к радикальному изменению планировочной структуры города, как это намечали участники шедшего конкурса на проект планировки Москвы.

В январе 1932 г., еще до подведения итогов конкурса, II московская областная и III городская конференции ВКП(б) после доклада Л.М. Кагановича в целом одобрили «взятое направление в деле рекон-

определило тот идеал, к которому архитекторам надо было стремиться при разработке проекта реконструкции Москвы. В середине 1932 г. главный архитектор Москвы В.Н. Семенов на обсуждении конкурсных проектов реконструкции Москвы утверждал, что город надо проектировать не домами и фасадами, а кварталами и ансамблями, прекрасные образцы которых можно найти в Париже и Ленинграде, и особо подчеркивал, что создание ансамблей «в социалистических условиях не только легче, чем в буржуазных городах, но это необходимость»⁶⁵. Тогда же установка на создание ансамблей была закреплена в постановлении Президиума Мосгорисполкома и Моссовета «О типе жилого дома», в котором особо указывалось, что «архитектурное оформление дома или группы домов должно быть в соответствии с окружающими домами и характером района, в котором строятся эти дома»⁶⁶. Проектирование ансамблей становилось неотъемлемой частью советской архитектурно-градостроительной практики.

Советский город мыслился магистралями, площадями и кварталами. Каждый из этих трех элементов должен был проектироваться как локальный архитектурный комплекс или ансамбль, а все они в сумме должны были образовывать единый ансамбль города. Однако ключевая проблема заключалась в том, что единой советской теории градостроительства не было, как не было и единого представления о том, что именно следует считать ансамблем и как именно надо ансамбли проектировать. Планировщиков призывали «не бояться панически, что сделаешь что-то похожее на хорошее старое, даже если это хорошее в разрезе классических решений», «не игнорировать чисто живописные декоративные приемы, не в ущерб конечно функциональности и экономике», «не бояться классической оси симметрии»⁶⁷.

На многочисленных творческих дискуссиях, на которых обсуждались пути развития советской архитектуры в связи с провозглашением курса на «освоение исторического наследия», рассуждения участников дискуссии по вопросам градостроительства, как правило, не шли дальше общих фраз. Общим местом были призывы к изучению наследия, при этом акцент особо делался на необходимости «упорного изучения классики на основе марксистско-ленинского понимания истории, но не в целях протокольного копирования, а для вскрытия ее основных композиционных законов и обогащения нашего художественного опыта и методов практической работы опытом старых культур»⁶⁸.

Исследования проблемы ансамбля в середине 1930-х гг.

В этих условиях стала крайне актуальна необходимость изучения проблемы ансамбля на основе исторических образцов с целью выявления приемов, которые могли бы применяться в советском градостроительстве. Между тем, многие архитекторы — выпускники ВХУТЕМАС—ВХУТЕИНа — не имели необходимых знаний в области истории архитектуры в связи с особенностями методики преподавания архитектуры в 1920-е гг., а советской школы исследований в области архитектуры и градостроительства еще просто не существовало. Эта ситуация явно не соответствовала ожиданиям главных заказчиков реконструкции Москвы и других городов страны в лице партийного руководства. От архитекторов ждали скорейшего решения поставленных перед ними задач, в том числе и задачи создания ансамблей. Для разворачивания масштабной исследовательской деятельности, которая в логике той эпохи не мыслилась вне единого исследовательского центра, решением СНК СССР от 10 октября 1933 г. была создана Академия архитектуры. Одним из направлений ее деятельности было ведение научно-исследовательских работ в области архитектуры. И одним из первых результатов этой деятельности стала книга, посвященная исследованию проблемы ансамбля, — книга А.В. Бунина и М.Г. Кругловой «Архитектура городских ансамблей. Ренессанс», вышедшая в издательстве Академии архитектуры уже в 1934 г.⁶⁹

Изучение проблемы ансамбля в 1930-е гг. имело ряд особенностей. Так, во всех публикациях тех лет синонимом понятия «ансамбль» выступало понятие «архитектурная композиция», что было вполне закономерным, поскольку большинство исследователей относительно недавно получили дипломы архитекторов, и статьи А.Н. Бенуа, и его «ensemble'i» были для них лишь далекой историей, в то время как работы над отвлеченными объемно-пространственными композициями — недавним прошлым. Как правило, исследования велись практикующими архитекторами, но целью их текстов, в отличие от текстов их коллег, специально исследованием проблемы ансамбля не занимавшихся, было изучение ансамбля как явления в истории градостроительства. Путем анализа памятников архитектуры и градостроительства прошедших эпох авторы этих исследований пытались выявить основные критерии, которые позволяли тот или иной объект считать «ансамблем», пытались выделить основные принципы создания ансамблей, а в ряде случаев

и давали рекомендации, каким образом использовать полученные данные в современной архитектурно-градостроительной практике. Таким образом, они пытались восполнить недостающее звено между историческими исследованиями и практикой, поскольку, как отмечали сами исследователи, «не все архитектурные проблемы в теоретических трудах были поставлены так, как это требуется архитектору. Во многих... исследованиях преобладает описательная сторона, а обобщения и выводы, могущие составить научную систему и вооружить архитекторов методом творческого мышления, отодвигаются на второй план»⁷⁰.

А.В. Бунин и М.Г. Круглова – авторы первого большого труда, посвященного проблеме ансамбля, были одними из последних выпускников ВХУТЕИНа, который они закончили накануне ликвидации института в 1930 г. Ученики Н.А. Ладовского, они, тем не менее, были членами АСНОВА и соратниками В.С. Балихина вплоть до конца существования ассоциации. В 1931 г. А.В. Бунин, как представитель АСНОВА, принимал участие в заседаниях Временного технического совета при Совете строительства Дворца Советов по определению места строительства будущего Дворца. В это же время они с М.Г. Кругловой в составе бригады советских архитекторов участвовали в работе над схемой планировки Москвы, разрабатываемой Куртом Майером в Планировочно-земельном отделе Моссовета⁷¹.

В основе их книги «Архитектура городских ансамблей. Ренессанс» лежали те принципы, о которых А.В. Бунин и М.Г. Круглова писали еще в 1931 г., освещая результаты конкурса на проекты архитектурного оформления пяти московских площадей. Главной задачей своей работы они считали «освоение композиционного опыта в построении городских ансамблей», хотя в тексте книги последовательно избегали употребления понятия «ансамбль», говоря об «архитектурной композиции» площади, улицы или города. Историческая по своему названию книга на самом деле была во всем ориентирована на архитектурно-градостроительную практику того времени. Ее авторы исследовали отдельные составляющие городского ансамбля – архитектурную композицию площади и улицы и те законы их построения, которые могли позволить создать искомое целое, практически буквально следуя курсу «на освоение исторического наследия». А.В. Бунин и М.Г. Круглова выявляли те аспекты построения композиций, которые может использовать в работе современный им архитектор. Выводы, сопровождающие главы, представляли, скорее,

инструкцию по применению описанных приемов в практике советского градостроительства, чем краткую сумму сведений по композиции площадей или улиц итальянского Ренессанса. Авторы «реконструировали» приемы работы архитекторов Ренессанса и даже в некоторых случаях описывали порядок их действий: «Приступая к постройке здания, мастера Ренессанса заранее учитывали условия его восприятия... Устанавливали основные точки зрения, глубину площади, ее форму и размеры; выявляли отношения высоты зданий к точкам максимального отдаления; устанавливали траекторию осмотра; учитывали условия освещения и цветовую среду»⁷². Анализируя композиции площадей и улиц, А.В. Бунин и М.Г. Круглова отмечали, что «форма площади есть функция ее работы», отмечали необходимость организации ориентиров на площади, писали о траектории движения зрителя в пространстве, много внимания уделяли вопросам пропорционирования и соотношения элементов.

Предлагавшийся подход к рассмотрению проблемы «ансамбля» устраивал далеко не всех. В своей рецензии на книгу А.В. Бунина и М.Г. Кругловой Д.М. Аранович писал, что, «разлагая ансамбль на отдельные технико-композиционные компоненты они сплошь и рядом не воссоздают целого. В их понимании художественного образа превалирует профессиональный техницизм, затушевывающий всю значимость содержания в творческом методе архитектора»⁷³. Следствием этого Д.М. Аранович считал тот факт, что авторы книги и «архитектурный комплекс» понимают неправильно, «не как целостное выражение архитектурного образа на основе нераздельности формы и содержания, а как «гармонические зрительное единство объемов и пространств, являющиеся средством эмоционального, политического и идеологического воздействия»⁷⁴. Таким образом, и современникам было очевидно, что за задачей «освоения архитектурного наследия» прослеживались подходы и приемы, восходящие к психоаналитическому методу Н.А. Ладовского, и варианту развития этого метода, предложенного уже В.С. Балихиным.

Сам В.С. Балихин также был среди тех, кто в 1930-е гг. занимался исследованием проблемы ансамбля. И хотя его исследования, начатые еще в Академии коммунального хозяйства и продолженные в Академии архитектуры, касались преимущественно проблемы архитектуры жилых комплексов⁷⁵, на различных совещаниях и дискуссиях, проводившихся Союзом архитекторов, он продвигал идею «художественного и идеологического

планирования» ансамбля, которая должна была «не допустить композиционного распада его на отдельные противоречивые фасады зданий»⁷⁶. В результате его идеи вызывали только критику, поскольку «реальные возможности планирования города как архитектурного организма и строительства целыми ансамблями В.С. Бакихин подменяет неким “художественно-идеологическим планированием архитектуры массовых действий и изобразительных искусств”, планированием “художественных качеств и типов изобразительных искусств”»⁷⁷. Однако когда В.С. Бакихин отходил от рассмотрения отдельных жилых комплексов и начинал писать об их роли в оформлении общественных зон и магистралей, в его текстах появлялись указания на необходимость учета «системы стационарных и динамичных узловых позиций с территориями общественных зон на ансамбль окружающих их жилых комплексов», на необходимость учета восприятия ансамбля, созданного по «единому композиционному замыслу», в котором «будут сочетаться перспективные позиции с панорамными и фронтальными, а последовательные контрасты — с одновременными»⁷⁸. Таким образом, В.С. Бакихин обращался к своим работам 1920-х гг., пытаясь использовать их при решении новых для него задач.

Среди тех, кто в 1934–1936 гг. в Академии архитектуры также занимался проблемой ансамбля, были и В.В. Кратюк, Н.Х. Поляков и В.А. Лавров. Согласно плану работ Академии, опубликованному в начале 1934 г., они должны были разрабатывать такие темы, как «Архитектура города как целого организма», «Архитектура отдельных элементов города» и «Архитектура жилого квартала»⁷⁹.

В отличие от В.А. Лаврова — ученика и соратника Н.А. Ладовского — В.В. Кратюк и Н.Х. Поляков были учениками В.А. Веснина и выпускниками Московского высшего технического училища (МВТУ), которое закончили в 1926 и 1928 гг. соответственно. К началу исследовательской деятельности они уже имели весьма солидный опыт градостроительного проектирования. В.В. Кратюк в конце 1920-х гг. работал вместе с А.П. Иваницким над проектом планировки Нижнего Новгорода, а в 1931–1932 гг. он вместе с Н.Х. Поляковым участвовал в конкурсе на проект планировки Москвы. Едва ли не единственной публикацией 1930-х гг., в которой нашла отражение их исследовательская деятельность, была статья «Архитектурно-пространственная организация улицы»⁸⁰, в которой на большом числе примеров из истории градостроительства, современной отечественной и зарубежной практики рассматри-

вались различные приемы проектирования улиц, однако проблема ансамбля и вопросы его создания как таковые не рассматривались. Позднее Н.Х. Поляковым будет опубликована статья «Элементы архитектурного ансамбля Москвы», в большей степени посвященная описанию проекта реконструкции Москвы, чем проблеме ансамбля⁸¹.

На фоне этих исследований тексты В.А. Лаврова выделялись прежде всего за счет стремления не просто рассмотреть отдельные примеры и приемы, а разобраться в том, что же такое есть «ансамбль» и по каким законам он может быть создан, т.е. фактически создать собственную авторскую концепцию ансамбля.

Для В.А. Лаврова изучение проблемы ансамбля было закономерным развитием тех исследований в области градостроительства, которые он начал еще будучи студентом ВХУТЕИНа и продолжил, став секретарем АРУ. Уже тогда им был опубликован ряд статей в журналах «Строительство Москвы» и «Строительная промышленность», которые свидетельствовали не только о его несомненной приверженности идее градостроительства, но и об определенном исследовательском таланте. Одна из этих статей была посвящена идее линейного города и его собственному дипломному проекту на эту тему⁸². На рубеже 1920–1930-х гг., как член АРУ, В.А. Лавров принимал активное участие в конкурсном проектировании новых промышленных городов, в том числе в разработке под руководством В.А. Веснина проекта соцгорода при Днепрогэс. С началом нового этапа реконструкции Москвы в 1931 г. имя В.А. Лаврова постоянно упоминалось, в том числе в связи с разработкой проектов оформления столичных набережных, в связи с работами Союза архитекторов по обследованию проекта планировки города и т.д. За год работы в Академии архитектуры в Кабинете планировки и садово-парковой архитектуры под руководством В.Н. Семенова первоначальная тема В.А. Лаврова⁸³ постепенно переросла в большое исследование проблемы архитектурного ансамбля. На общественном просмотре творческой работы научных учреждений Академии архитектуры, который проходил с 25 февраля по 14 апреля 1935 г., В.А. Лавров выступил от Кабинета планировки и садово-парковой архитектуры с докладом «Планировка архитектурного ансамбля»⁸⁴, который, вероятно, и стал основой для большой статьи архитектора «Вопросы архитектурно-планировочного ансамбля».

Эта статья В.А. Лаврова «Вопросы архитектурно-планировочного ансамбля», в которой были изложены ключевые положения его концепции,

была одной из двух статей, посвященных проблеме ансамбля, которые были опубликованы в журнале «Архитектура СССР» в 1935 г. накануне принятия постановления «О генеральном плане реконструкции г. Москвы». В.А. Лавров писал об ансамбле, как о «сумме архитектурных единиц, организованных по какому-либо пространственному признаку», и особо отмечал значимость двух вопросов: «о границах пространственной протяженности групп сооружений, образующих ансамбль», и «об основных средствах достижения композиционного единства всего комплекса»⁸⁵.

Ключевой проблемой ансамбля архитектор считал не особенности входящих в него зданий-объемов и их взаимного расположения, а проблему восприятия ансамбля зрителем и возможности его воздействия на зрителя. И свою классификацию ансамблей по типам В.А. Лавров также выстраивал, исходя именно из различных условий зрительного восприятия. Таким образом, он выделял три вида ансамбля по типу восприятия: 1) «ансамбль как обширное целое»; 2) «ансамбль, строящийся на основе последовательно разворачивающихся пространств»; 3) «ансамбль, воспринимаемый единовременно»⁸⁶. В случае первого типа зритель находится вне воспринимаемого им ансамбля, например, смотрит на панораму города в целом, и в этом случае отдельные элементы ансамбля, по мнению В.А. Лаврова, не имеют решающего значения, а «впечатление целостного художественного образа достигается воздействием всего архитектурно-планировочного комплекса, его связью с естественной, природной средой, рельефом местности и т.п.». При восприятии второго и третьего типа зритель находится внутри воспринимаемого им ансамбля, и в этом случае преобладающее значение приобретают отдельные элементы, его составляющие. По мнению В.А. Лаврова, композиционное единство при этом достигается «установлением общих пространственных закономерностей для всего комплекса». При этом В.А. Лавров особо оговаривал, что в идеале архитектурный ансамбль «должен обладать одинаково высокой архитектурно-художественной ценностью при различных положениях зрителя», и достигаться это должно было применением различных пространственно-композиционных средств: «организацией рельефного восприятия объемных форм» при рассмотрении ансамбля с близкой точки зрения, когда зритель может менять точку зрения на объект, и с использованием архитектурных элементов, «создающих глубинные представления и образующих тем самым, правильную пространственную

координацию в пределах рассматриваемого архитектурного ансамбля», при рассмотрении ансамбля издали, когда он теряет свою объемность и зритель не может изменить точку наблюдения⁸⁷.

Таким образом, задача организации восприятия заключалась, согласно концепции В.А. Лаврова, в том, чтобы «архитектурно-планировочное пространство, как трехмерное протяжение, оформить в одно целостное зрительное впечатление, создать “схему движения”, которая облегчала бы чтение единого пластического образа»⁸⁸. Цельность этого зрительного впечатления, которое В.А. Лавров напрямую связывал с понятием композиционного единства, могла, по его мнению, достигаться или «однотипностью стиливых форм, входящих в ансамбль», или «установлением пространственных закономерностей средствами числовой и геометрической связи элементов, составляющих ансамбль; группировкой этих элементов по признаку выделения главного и второстепенного, приведением к композиционному единству различных качественных показателей». И хотя сам В.А. Лавров оговаривал, что «указанные признаки далеко не исчерпывают всех возможностей архитектурно-пространственной организации», именно их он называл «обязательной качественной основой любого ансамбля».

Отличительной чертой концепции ансамбля В.А. Лаврова в том виде, в котором она была изложена в статье 1935 г., было то, что его теоретические построения фактически не были «привязаны» к анализу исторических образцов, и эта их «независимость», безусловно, выглядела довольно странно в эпоху «освоения культурного наследия». Лишь в конце статьи, говоря о способах достижения композиционного единства, он использовал исторические примеры, палитра которых не ограничивалась лишь памятниками «классического» искусства, а также включала архитектурные комплексы Средней Азии, и даже проект «Мунданеум» Ле Корбюзье⁸⁹. Но даже в приведенных примерах В.А. Лавров акцентировал не их историзм, а такие характеристики, как абсолютная и относительная масштабность, числовая и геометрическая связь отдельных частей, ритмическое развитие форм и т.п. В переработанном варианте статьи, опубликованном в 1936 г. в сборнике «Проблемы архитектуры»⁹⁰, В.А. Лавров отошел (или был вынужден отойти) от первоначально избранного им подхода к изложению концепции. В новом варианте основной стала мысль из первой статьи, что «архитектурный ансамбль города представляет собой группу сооружений, объединенных

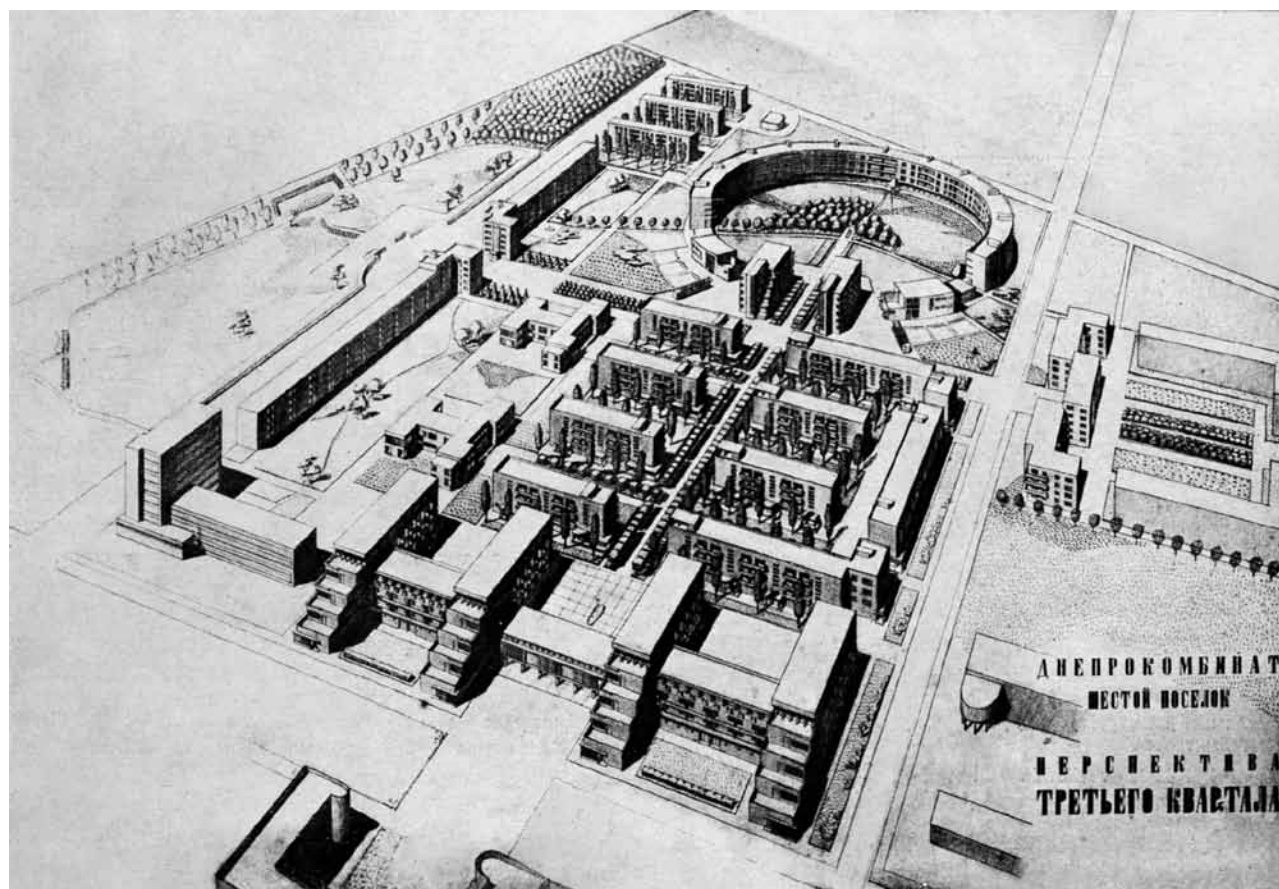
единым социально-идеологическим содержанием», а сама концепция рассматривалась исключительно сквозь призму исторических примеров. Эти изменения во многом снижали остроту восприятия авторской концепции ансамбля В.А. Лаврова, но позволяли избежать страшных для тех лет обвинений в «формализме», поскольку по основным положениям его концепция была прямым развитием опыта и знаний, которые были приобретены архитектором за годы его учебы во ВХУТЕМАСе в мастерской Н.А. Ладовского и последующей работы в АРУ.

К сожалению, тексты В.А. Лаврова с описанием его практической деятельности того времени не так обширны, но даже из них можно заключить, что В.А. Лавров пытался использовать на практике свои исследовательские наработки. Так, размышляя об ансамбле площади у плотины Днепрогэс в Большом Запорожье, архитектор отмечал, что «дополнительные трудности в архитектурной практике площади создает то обстоятельство, что непосредственно для 6-го поселка площадь является завершающим элементом, требующим зрительной остановки, в то время как для всего комплекса соо-

ружений площадь с вертикалью памятника является, наоборот, геометрическим центром с большим радиусом действия»⁹¹. Исходя из этого, разрабатывается проект застройки площади и прилегающих улиц, в основе которого лежит их восприятие как единого комплекса.

Автором еще одной статьи, опубликованной накануне постановления «О генеральном плане реконструкции г. Москвы», был Л.А. Ильин как главный архитектор Ленинграда, уже имевший определенный опыт работы с большими архитектурными комплексами⁹². Он принадлежал к мастерам старшего поколения, получившим академическое образование. Кроме того, у него за плечами была многолетняя работа по изучению истории и теории отечественного и зарубежного градостроительства, начатая еще в стенах Музея Города. Его исследования были хорошо известны внутри архитектурного сообщества, и его роль эксперта в деле проектирования ансамблей и автора еще одной концепции была более чем закономерна.

В своих публикациях Л.А. Ильин не давал четкого определения понятия «ансамбль», но отмечал,

Большое Запорожье. Перспектива III квартала 6-го поселка.
Гл. арх. Днепростроя В.А. Веснин, арх. В.А. Лавров. 1932

что «мы привыкли под архитектурным ансамблем понимать определенно ограниченное сочетание зданий, или сложившееся постепенно, или заранее задуманное и выполненное в натуре, производящее целостное впечатление всей своей совокупностью»⁹³. В соответствии с этим определением он выделял несколько типов ансамблей по характеру их формирования. Первый тип — это «ансамбли, случайно удачно сложившиеся в определенный период времени», но в основе которых «непрерывно лежит известная архитектурная логика» (площадь Сан-Марко в Венеции). Второй тип — ансамбли, складывавшиеся постепенно, по мере возникновения памятников, их составляющих, когда «ансамбль создаётся в результате более сближенных соотношений, единства характера объемов, ясной гармонии общей планировки, удачного соотношения ритмов, при разности в характере декораций отдельных [памятников]» (Дворцовая площадь, в 1930-е гг. — площадь Урицкого, в Ленинграде). Третий тип — ансамбли, получившиеся «при ещё более близких соотношениях связанно задуманной группы зданий одного стиля» (ансамбль улицы Зодчего Росси в Ленинграде). «Последний тип — это ансамбль многих зданий, задуманный и выполненный, как единый пространственный комплекс и как единое архитектурное целое». В интерпретации Л.А. Ильина примерами такого рода ансамблей служили ансамбли античности, ренессанса и барокко. И именно этот тип ансамбля (единовременно задуманный и воплощенный) архитектор считал как нельзя лучше отвечающим эпохе 1930-х гг. Он писал: «...поскольку советское градостроительство развивается на основе четкого планирования, ансамбль не может “получаться” случайно. Он должен создаваться, организовываться в результате определенной системы мер, гарантирующих его связанность и архитектурную направленность, оставляя таланту, квалификации автора — удачу выражения»⁹⁴.

Советский город Л.А. Ильин рассматривал как «растущий по определенному плану ансамбль-комплекс, состоящий из стройной системы разнообразных, но связанных между собой частных ансамблей-комплексов», и части этого «единого ансамбля должны восприниматься каждая, как ансамбль меньшего порядка, связанный с ближайшим, и как законченное выраженное звено одного пространственного архитектурного целого»⁹⁵. Таким образом, «ансамбли в общей системе города» должны были «удовлетворять двум моментам: находиться в связи между собой и рассматриваться в общей своей совокупности»⁹⁶. Ключевым условием

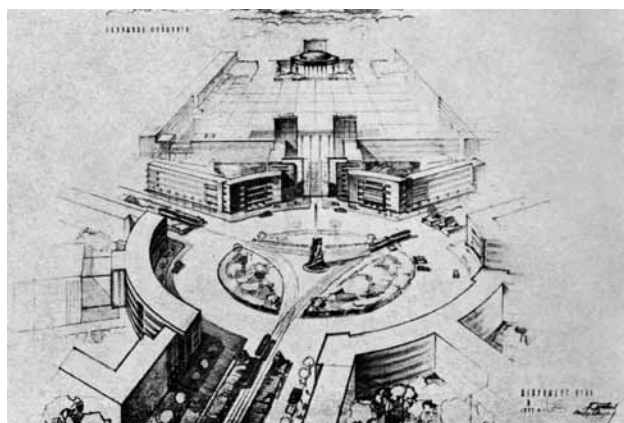
решения пространства города Л.А. Ильин считал необходимость создания ансамблей не только на непосредственно видимом пространстве. Исходя из того, что «социалистический ансамбль будет создаваться и существовать в эпоху, когда человечество владеет воздухом и быстрее способами передвижения на земле, когда техника строительства делает неограниченными масштабы сооружений», Л.А. Ильин полагал, что здания и сооружения должны проектироваться по типу круглой скульптуры для благоприятного восприятия со всех горизонтов и со всех углов зрения. Именно отсюда, по его мнению, «возникает понятие об ансамбле не как об одновременно видимом, а как о целостно ощущаемом, несмотря на неодновременную видимость»⁹⁷.

Достигаться эти сложные взаимосвязи в пространстве города могли путем использования в проектировании различных «исторических» типов ансамблей — замкнутого, открытого и полукрытого. По мнению Л.А. Ильина, замкнутый — самый древний — тип строился на «целостности впечатления от ограниченного пространства». Для открытого типа, зародившегося в эпоху барокко, были характерны: наличие исходной точки, «от которой он развивается во вне, стремясь слиться с пространством большего или меньшего охвата»; «нарастание композиционной силы и потом — постепенное ее затухание»; использование симметрии, осью которой «является ось движения — развития ансамбля». Ярким примером полукрытого ансамбля, возникшего в XIX в., архитектор называл венский Ринг. Но из всех выявленных типов Л.А. Ильин отдавал предпочтение открытому ансамблю, подчинявшему «единству архитектурного построения и архитектурной обработки не только площади, но и образующие их кварталы, целиком захватывая смежные куски города»⁹⁸. Именно этот тип, по его мнению, в большей степени приближался к тем требованиям, которые диктовались задачами строительства и реконструкции советских городов, поскольку речь шла об организации больших городских территорий.

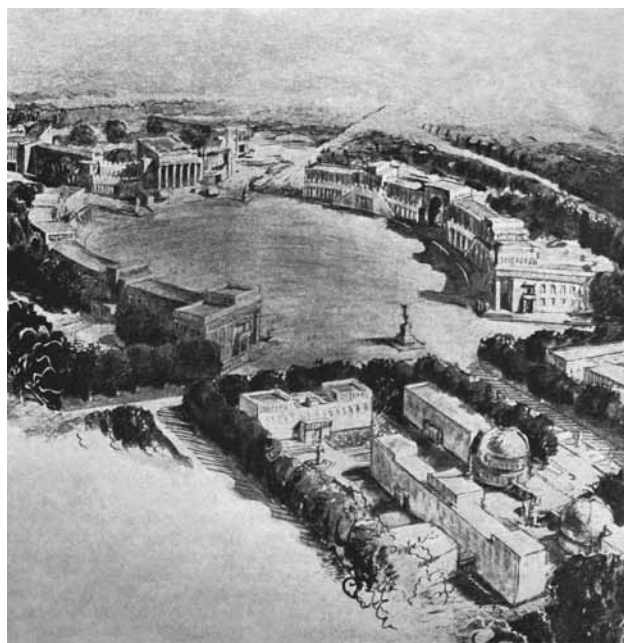
Ансамбли в практике градостроительного проектирования первой половины 1930-х гг.

Между тем реконструкция старых городов, так же как и проектирование новых, не могла ждать завершения процесса «освоения архитектурного наследия» и выработки приемов проектирования ансамблей, которые велись усилиями нескольких

архитекторов. Заданные темпы проектирования городов не предполагали вдумчивого изучения наследия прошлого ради выявления неких схем и закономерностей, скорее наоборот. От архитекторов требовались знания и опыт, которыми обладали далеко не все из них. В этих условиях буквальное повторение самых очевидных приемов, таких как симметрия, акцентирование углов, применение единых для всего комплекса декоративных приемов, были единственным рецептом достижения цели. В результате довольно быстро сложился перечень исторических примеров, с которым понятие «ансамбль» связывалось в сознании большинства

Новая Горловка. Проект двух новых площадей.
Украинский Институт по проектированию городов.
1933 г.

Чарджуй. Проект административного центра. *Арх.*
О.Е. Хитер и В.И. Воронов. 1933

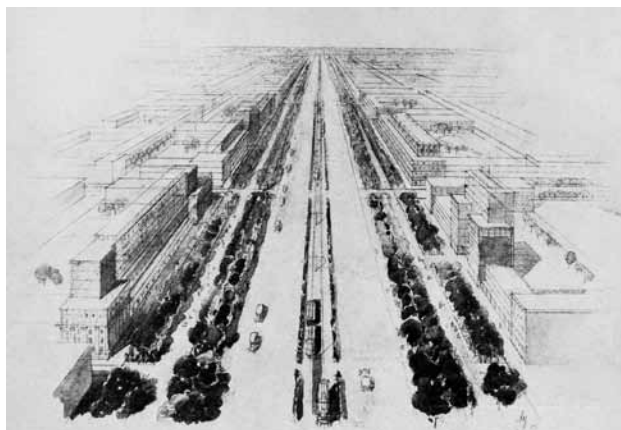
архитекторов, а отсылки к конкретному историческому примеру использовались как оправдание предложенного архитектурно-планировочного решения вне зависимости от того, насколько уместно было использование того или иного приема в каждом конкретном случае.

Разработка проекта реконструкции Москвы в целом и отдельных его фрагментов на этом начальном этапе стала полигоном для отработки новых принципов советского градостроительства. Строчная застройка кварталов, которая была признана оптимальной для Москвы в 1930 г.⁹⁹ и активно применялась советскими и зарубежными архитекторами, работавшими в СССР, в 1932 г. была раскритикована и признана тяжким наследием прошлого, поскольку не могла обеспечить должного архитектурного оформления улиц. В качестве решения проблемы рассматривалась периметральная застройка кварталов, но она требовала пересмотра принципа их проектирования, и это было лишь одним из немногих изменений, которые повлекла за собой установка на проектирование советского города как ансамбля.

Одно из условий создания правильного советского ансамбля, а именно стилистическое единство всех составляющих его элементов — обеспечивалось курсом на «освоение исторического наследия». Однако на примере Москвы вскоре стало очевидно, что для достижения результата необходимо обеспечить выполнение еще одного условия — координации усилий архитекторов, работавших над ансамблем квартала, улицы, площади и города в целом. Поиски оптимальной системы организации проектирования привели к череде реорганизаций проектного дела в Москве, которые начались в первой половине 1932 г. и продолжались на протяжении всех 1930-х гг. При первой реорганизации было создано Архитектурно-планировочное управление (АПУ) Моссовета, в функции которого входило не только «составление общего и районных планов города Москвы, их детальная разработка, отвод участков под строительство», но и «все вопросы архитектурно-художественного оформления города»¹⁰⁰. Оно просуществовало немногим больше года, постоянно подвергаясь критике из-за плохо отлаженной системы утверждения проектов, из-за конфликтов с другими организациями и ведомствами. Попытки наладить работу АПУ в конце 1932 г. путем изменения его внутренней структуры, увеличения числа сотрудников¹⁰¹, а также путем привлечения к работе Сектора планировки «видных архитекторов», среди которых были И.В. Жолтовский,

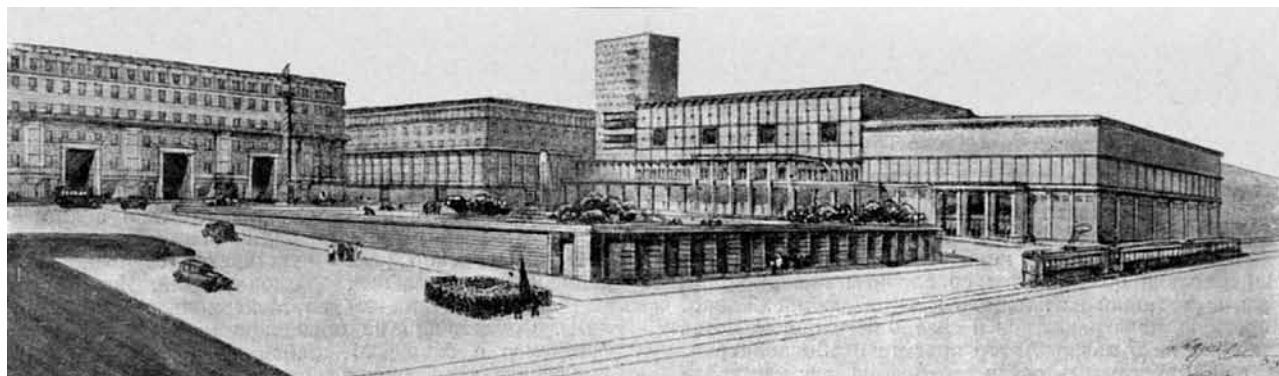
А.В. Шусев, В.А. Лавров, В.С. Попов, И.А. Голосов, А.В. Власов и Н.Д. Колли¹⁰², не дали ощутимых результатов.

Примером тому может служить критика проекта архитектурного оформления Триумфальной площади, который был разработан А.В. Шусевым в 1933 г. в рамках сотрудничества с АПУ. Проект, «заслуживающий самого большого внимания архитекторов», как одна из первых попыток комплексного архитектурного оформления целой площади, был раскритикован за то, что архитектор счел необходимым считаться с уже имеющимися по проектам «габаритами и формами зданий театра им. Мейерхольда и Межрабпома, данными другими проектировщиками в той стадии, когда каждый проектировал свое здание на площади по принципу “кто во что горазд”»¹⁰³. При этом АПУ упрекалось в том, что не дало архитектору возможности «руководить проектировкой

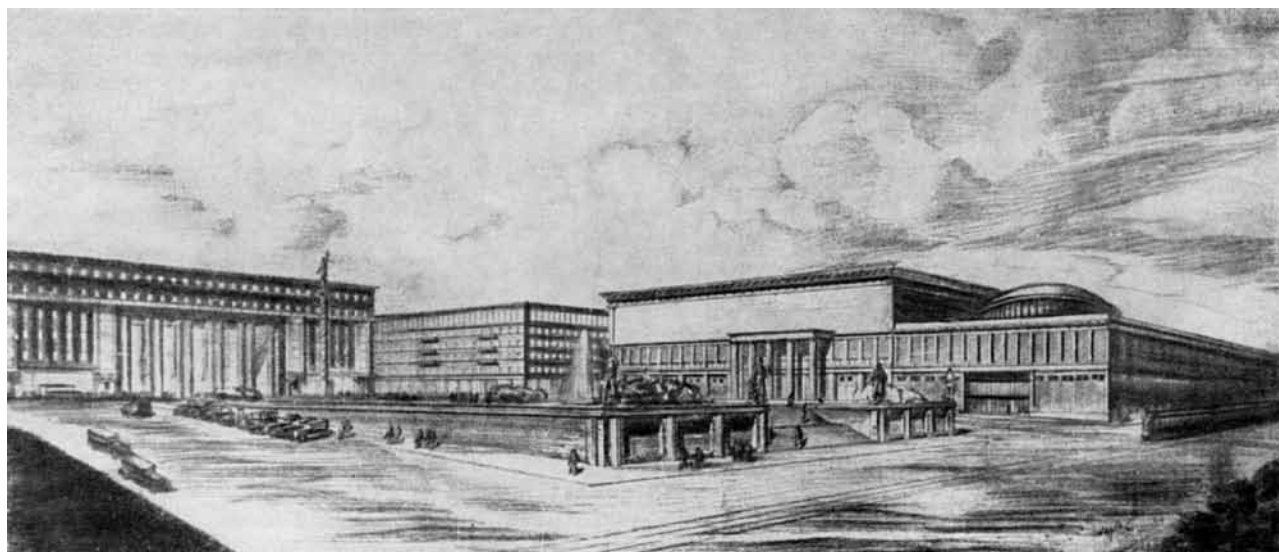
Москва. Проект реконструкции магистрали улица Горького – Ленинградское шоссе.

Арх. А.В. Шусев. 1933

Москва. Проект оформления Триумфальной площади.

Вид на театр Мейерхольда. Арх. А.В. Шусев. 1933

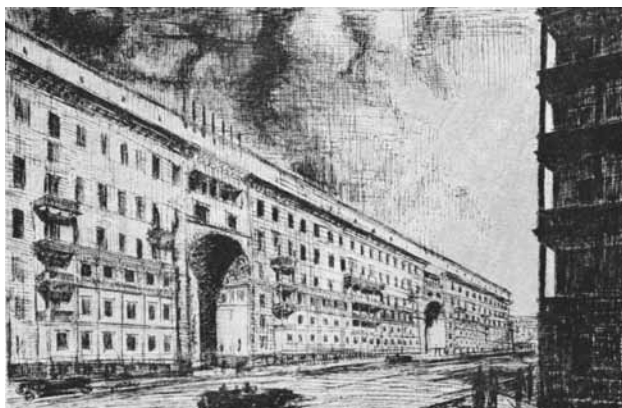
Москва. Проект оформления Триумфальной площади.

Вид на театр Мейерхольда. Арх. А.В. Шусев. 1934

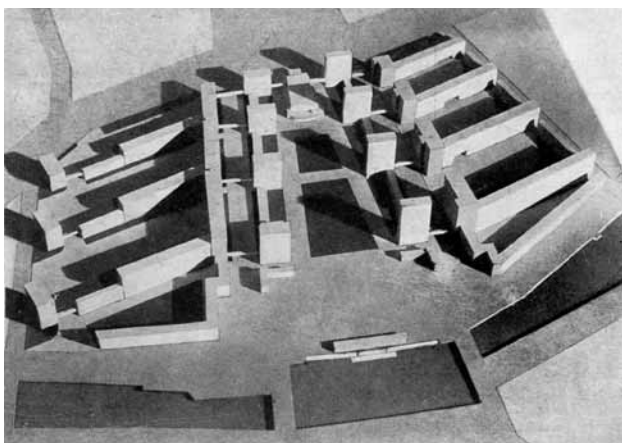

всей площади целиком — от фонтанчика на сквере до проектирования всех зданий, оформляющих площадь»¹⁰⁴. Достижение искомой цели — создания единого ансамбля площади — виделось в сосредоточении проектирования в едином центре, что позволило бы исключить элемент несогласованности действий планировщиков и архитекторов, проектирующих отдельные здания для планируемых улиц и площадей. Ради достижения этой цели была проведена следующая реорганизация проектного дела.

Постановлением бюро МГК ВКП(б) и Президиума Моссовета РК и КД от 23 сентября 1933 г. «Об организации дела проектирования зданий, планировки города и отвода земельных участков в г. Москве» вместо Моспроекта и АПУ были созданы государственные проектные и планировочные мастерские и руководящие их деятельностью соответственно Отдел проектирования и Отдел планирования Моссовета¹⁰⁵. Мастерские возглавили

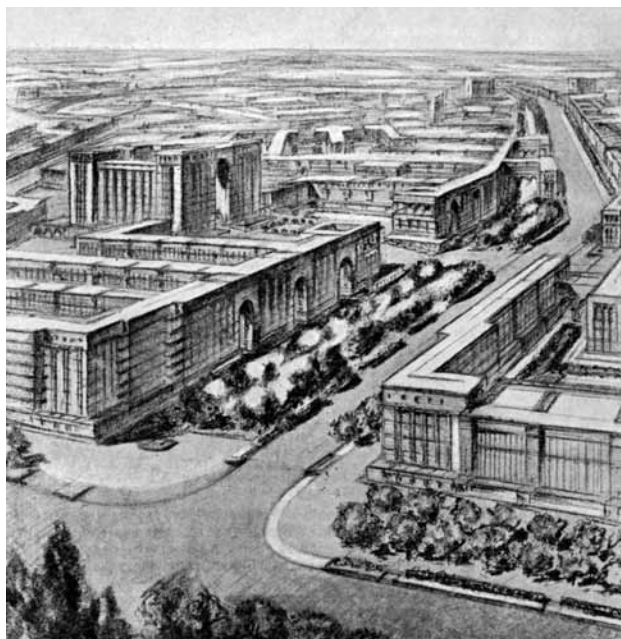
Москва. Проект улицы Новая Дмитровка (левая сторона). Арх. К.С. Алабян и В.Н. Симбирцев. 1933

Москва. Проект реконструкции площади обеих Ордынок. Арх. Н.А. Ладовский. 1933

«видные архитекторы» того времени, многие из которых уже привлекались к работе АПУ ранее. Чуть позже была сформирована комиссия Моссовета и МГК ВКП(б) по вопросам архитектуры и планировки Москвы — Арплан. Хотя Арплан, по сути, был преемником Архитектурно-планировочного комитета, созданного еще при АПУ «для руководства вопросами, связанными с планировкой и архитектурным оформлением Москвы»¹⁰⁶, функции контроля этого «верховного трибунала по вопросам архитектуры»¹⁰⁷, возглавляемого Л.М. Кагановичем, были гораздо шире. Арплан занимался рассмотрением и утверждением проектов, контролировал деятельность всех мастерских и отделов Моссовета, фактически определяя пути формирования нового облика столицы, которые становились своего рода эталоном для советского градостроительства в целом. Понятие «ансамбль» постепенно начинало обретать вполне конкретные черты.

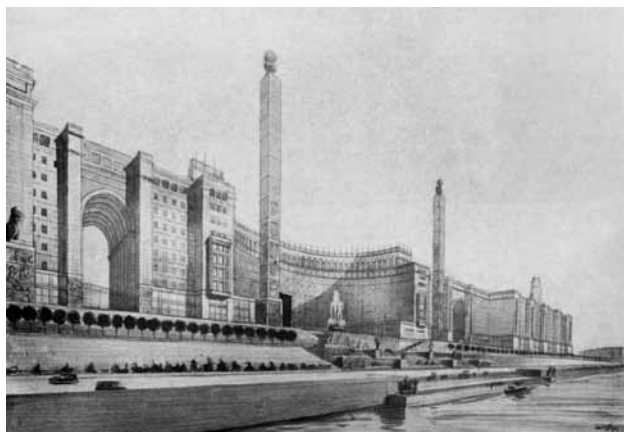
1934 г. в истории реконструкции Москвы ознаменовался появлением первых проектов, которые изначально задумывались и проектировались авторами как «ансамбли». Это были проекты застройки набережных Москвы-реки, проекты застройки основных магистралей столицы, прежде всего улицы Горького. Искомая цельность этих «ансамблей» достигалась за счет приемов, которые каждый из архитекторов — авторов проекта — связывал с самим этим понятием. Одни использовали

Москва. Проект реконструкции Каляевской улицы. Планировочная мастерская № 10 под руководством Б.А. Кондрашова. Ориентировочно 1933

в качестве источника вдохновения «лучшие приемы планировки античных городов, архитектурные ансамбли итальянских городов, ансамбли Парижа, Вены, Ленинграда и т.п.»¹⁰⁸. Другие акцентировали внимание на объемно-пространственном решении конкретного комплекса и аргументировали использование приема единого архитектурного мотива при оформлении зданий этого комплекса, ссылались на «великолепную колоннаду в Пальмире», «которая тянется на протяжении нескольких километров», на решенное единым мотивом здание Колизея в Риме и улицу Зодчего Росси в Ленинграде¹⁰⁹. Однако эти отдельные «ансамбли» продолжали проектироваться обособленно, и, как правило,

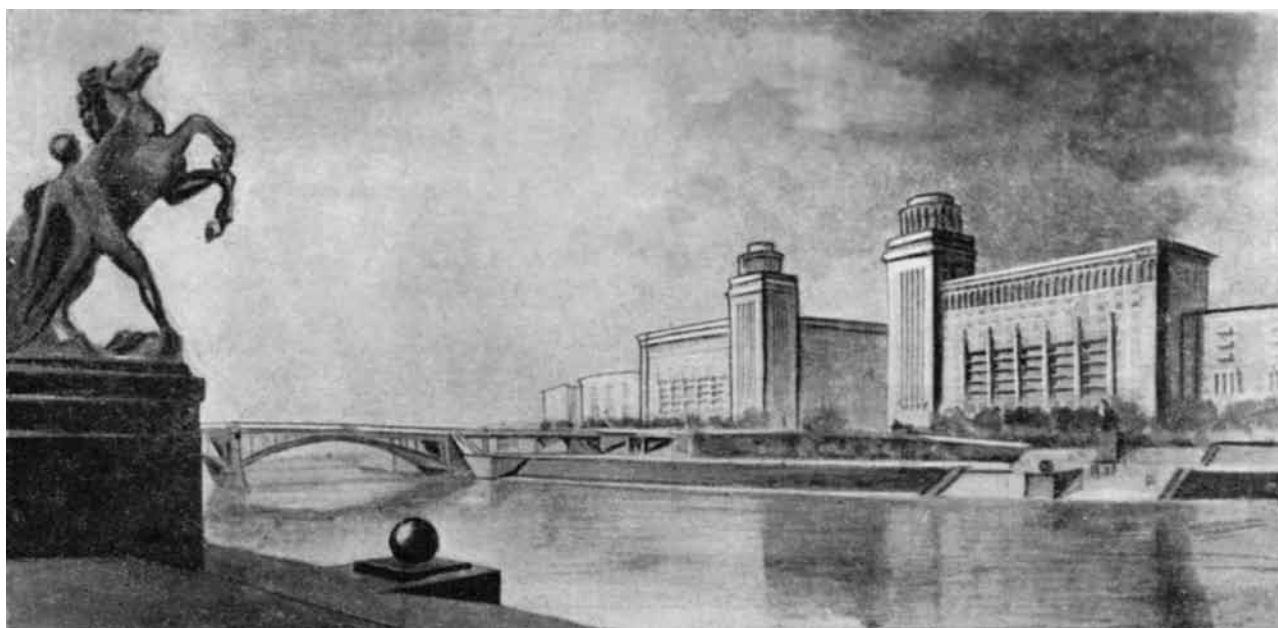
архитекторы, проектировавшие отдельные здания на конкретных улицах, не брали в расчет общий замысел ее застройки, поскольку его могло еще просто не существовать. Другая проблема заключалась в том, что многие здания на центральных отрезках главных магистралей Москвы, прежде всего на намечавшейся Аллее Ильича, которая должна была соединить площадь Дзержинского с Ленинскими горами и пройти мимо Дворца Советов, уже строились. Гостиница Моссовета и здание Библиотеки им. Ленина были запроектированы еще до того, как задача создания ансамблей стала приоритетной в деле реконструкции Москвы, а здание Комитетов СТО и дом специалистов ИТР на Моховой (зна-

Москва. Проект застройки Ростовской набережной. Арх. А.В. Шусев, А.В. Куровской, А.К. Ростковский, Е.Ф. Чернов. 1934

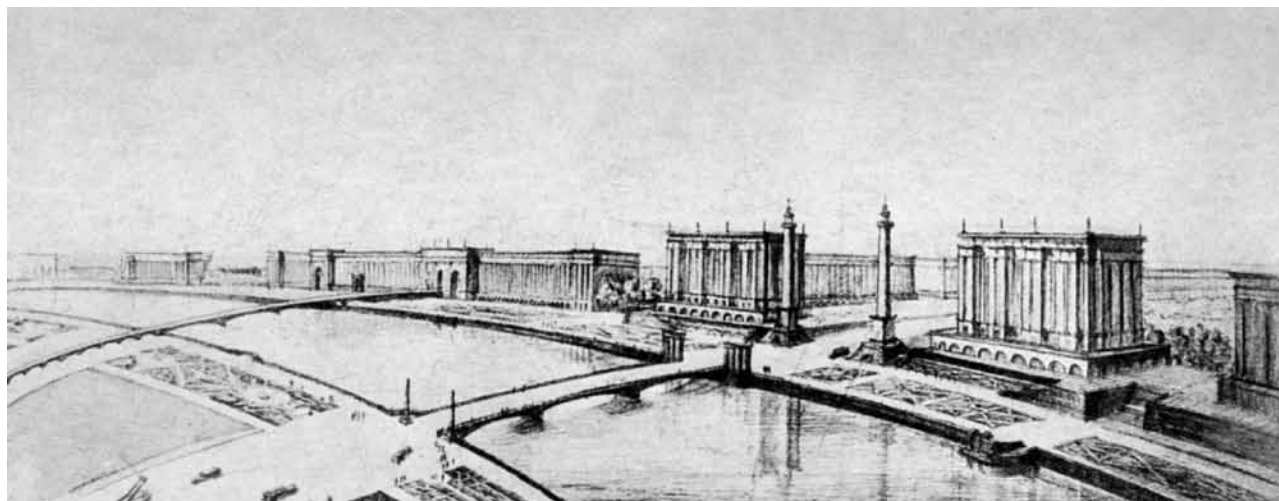

Москва. Проект планировки промышленного района Кожевников. Арх. С.Ф. Бабаев. Ориентировочно 1934

Москва. Проект застройки Дорогомиловской набережной. Арх. И.К. Запорожец. 1934

Москва. Проект застройки Смоленской набережной. Арх. З.М. Розенфельд. 1934

менитый дом И.В. Жолтовского) просто проектировались без учета требований ансамбля. Окончательный проект главного здания Москвы — Дворца Советов был утвержден лишь в феврале 1934 г., но идея проектирования других грандиозных зданий в пространстве Москвы возникала вновь и вновь, ставя перед архитекторами задачу включения их в «ансамбль» города, примером чему может служить конкурс на проект здания Наркомата тяжелой промышленности на Красной площади 1934 г. Именно сложность разрешения «ансамблевой» задачи, которая требовала увязки нового здания с историческим ансамблем, называлась одной из причин неудач проектов, представленных на конкурс. В этих условиях разработать завершённый проект реконструкции столицы, отвечающий всем требованиям, было практически невозможно.

Вопросы реконструкции Москвы стали ключевыми на всесоюзном творческом совещании архитекторов 20–23 мая 1935 г. в Ленинграде. В прениях по заслушанным докладам автор проекта Дворца Советов — Б.М. Иофан отмечал, что «задача превращения старой Москвы в город архитектурных ансамблей, достойных столицы нашего Союза, чрезвычайно трудна и ответственна»¹¹⁰. Однако говоря об ансамбле центра, Б.М. Иофан особо останавливался лишь на характере площади Дворца Советов. Он выступал за «открытый ансамбль» в противовес историческим примерам «замкнутого ансамбля», ярким примером которого он называл площадь собора Св. Петра в Риме. Вопрос создания единого ансамбля, включающего уже строившиеся вдоль Аллеи Ильича здания, Б.М. Иофан обходил молчанием, в то время как ленинградский архитектор В.А. Витман на том же совещании высказывал свои сомнения

довольно определенно: «строя здания в Охотном ряду в палладианском стиле, академик Жолтовский не считался со старым зданием университета, а академик Щусев, проектируя гостиницу Моссовета, не считался с проектом дома Жолтовского: разноречивость усиливается еще домом СТО, строящимся против гостиницы Моссовета. Ни о каком ансамблевом решении этой части будущей основной магистрали города говорить не приходится»¹¹¹.

Надо отметить, что некоторые ленинградские архитекторы с большим сомнением относились к идее преобразования Москвы по образу и подобию Петербурга–Ленинграда¹¹². На том же совещании Я.О. Свирский говорил о том, что «искажением художественной правды было бы, по его мнению, использование в строительстве новой Москвы линейной перспективы, характерной для Ленинграда»¹¹³. Уже на другом совещании, состоявшемся в Московском Доме архитектора 21–22 августа 1935 г., видный ленинградский архитектор Л.В. Руднев, к тому же много строивший в Москве, особо подчеркивал, что «холмистость Москвы диктует соответствующие ансамблевые решения», поэтому «в Москве нельзя создавать такие же магистрали, как в Ленинграде»¹¹⁴. Это совещание оргкомитета Союза советских архитекторов в Москве проводилось уже после принятия постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О генеральном плане реконструкции г. Москвы» и было посвящено, с одной стороны, реконструкции Москвы, а с другой — проблеме ансамбля советских городов. Основными докладчиками на нем были главный архитектор Москвы С.Е. Чернышев и главный архитектор Ленинграда Л.А. Ильин, который выступил «с докладом об основных требованиях, предъявляемых к ансамблям советских городов»¹¹⁵.

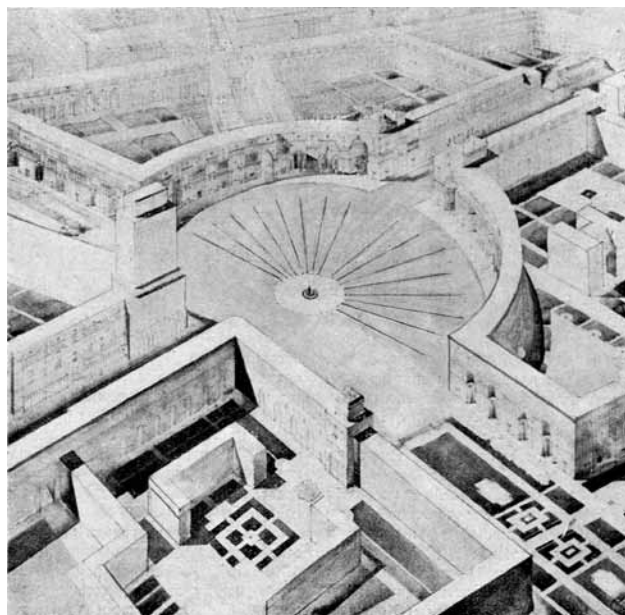
Авторитет Л.А. Ильина как специалиста в области проектирования ансамблей не подвергался сомнению, свидетельством чему стали события уже следующего года — 1936-го. Постановление «О генеральном плане реконструкции г. Москвы», в котором особо указывалось, «что во всей работе по перепланировке города должно быть достигнуто целостное архитектурное оформление площадей, магистралей, набережных, парков», фактически лишь закрепило прежние установки на проектирование столицы как единого ансамбля. При этом оно обязывало архитекторов в кратчайшие сроки завершить детализацию генерального плана и добиться того, чтобы результаты шедшей уже несколько лет реконструкции столицы стали более ощутимы. О том, что уже имевшиеся результаты не отвечали требованиям заказчика в лице государства, свидетельствовала еще одна реорганизация проектного дела, предпринятая осенью 1935 г. и коснувшаяся только Отдела планировки Моссовета. Вместо прежних планировочных мастерских, занимавшихся разработкой проектов планировки районов города, были организованы магистральные архитектурно-планировочные мастерские, которые должны были детально разрабатывать планировку и застройку магистралей, набережных и площадей, закреплённых за конкретной мастерской. В функции мастерской также входила разработка «архитектурно-объёмного решения ансамблей отдельных отрезков магистралей», за каждый из которых должен был нести ответственность специально прикрепленный «автор-архитектор мастерской»¹¹⁶. Чтобы компенсировать прежнюю «районную» работу мастерских, был организован институт районных архитекторов, на которых были возложены преимущественно технические работы, связанные с планировкой, и функции контроля. Согласование всех планировочных работ было возложено на Бюро общей планировки при Отделе планировки, которое должно было заменить Арплан, прекративший свою работу после того, как Л.М. Каганович отошел от партийного руководства Москвой.

Через год после принятия постановления о генеральном плане реконструкции столицы, в июле 1936 г., архитекторы отчитались о проделанной работе по детализации генерального плана. И самым заметным из всех представленных стал проект реконструкции центра Москвы, разработанный архитектурно-планировочной мастерской № 2 под руководством В.А. Шуко и В.Г. Гельфрейха при непосредственном участии Л.А. Ильина, получившего возможность применить на практике свою авторскую концепцию ансамбля.

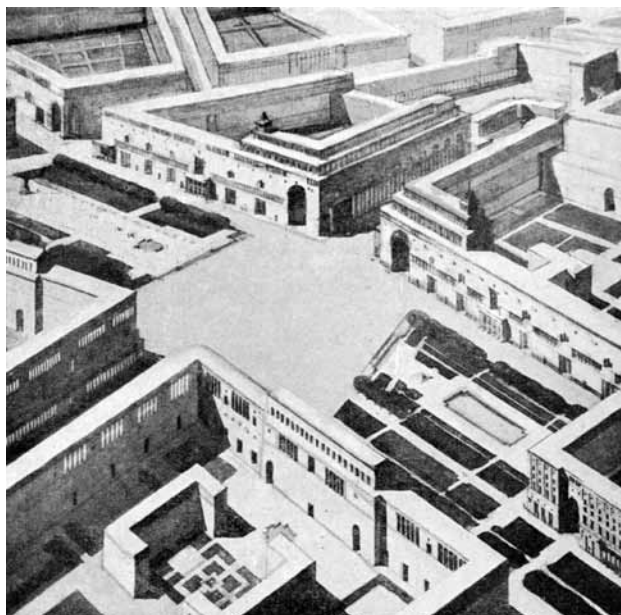
В соответствии с уже устоявшимися представлениями, в качестве ключевых элементов нового центра Москвы в проекте рассматривались Дворец Советов и Аллея Ильича, трассировка которой была уже закреплена в опубликованной в 1936 г. схеме генерального плана. Они же определили и предложенное в проекте разделение нового центра на несколько смысловых частей: 1) «существующий центр до Китай-города и Кремля включительно»; 2) «Дворец Советов и его зона»; 3) «зона Советского проспекта»¹¹⁷ с расходящимися от него лучами улиц». Существующий исторический центр Москвы с его замкнутой уравновешенной конфигурацией Л.А. Ильин считал статичным, а Дворец Советов и расходящиеся от него проспекты — динамичными. Замоскворечье архитектор рассматривал как аккомпанемент, «сопровождающий первые три части центра»¹¹⁸.

Согласно проекту, вобравшему в себя многие наработки предшествующих лет, исторически сложившееся центральное ядро Москвы подвергалось существенной реконструкции. Основной осью Китай-города должно было стать продолжение Ново-Кировского проспекта, ориентированного на Мавзолей и видимый из-за Кремля Дворец Советов, как в 1934 г. уже предлагали некоторые участники конкурса на проект здания Наркомтяжпрома на Красной площади. Проект, как и многие предшествовавшие ему проекты, предусматривал расширение Красной площади за счет сноса здания б. Верхних торговых рядов и устройства на его месте монументальных трибун, но в отличие от конкурсных проектов здания Наркомтяжпрома 1934 г. запроектированные трибуны должны были иметь высоту Кремлевской стены. Здание Наркомтяжпрома намечалось в Зарядье, где оно уже проектировалось во время второго конкурса 1936 г. Симметрично ему относительно новой оси Китай-города намечалось здание большого кинотеатра, которое должно было замыкать южную сторону площади Свердлова¹¹⁹.

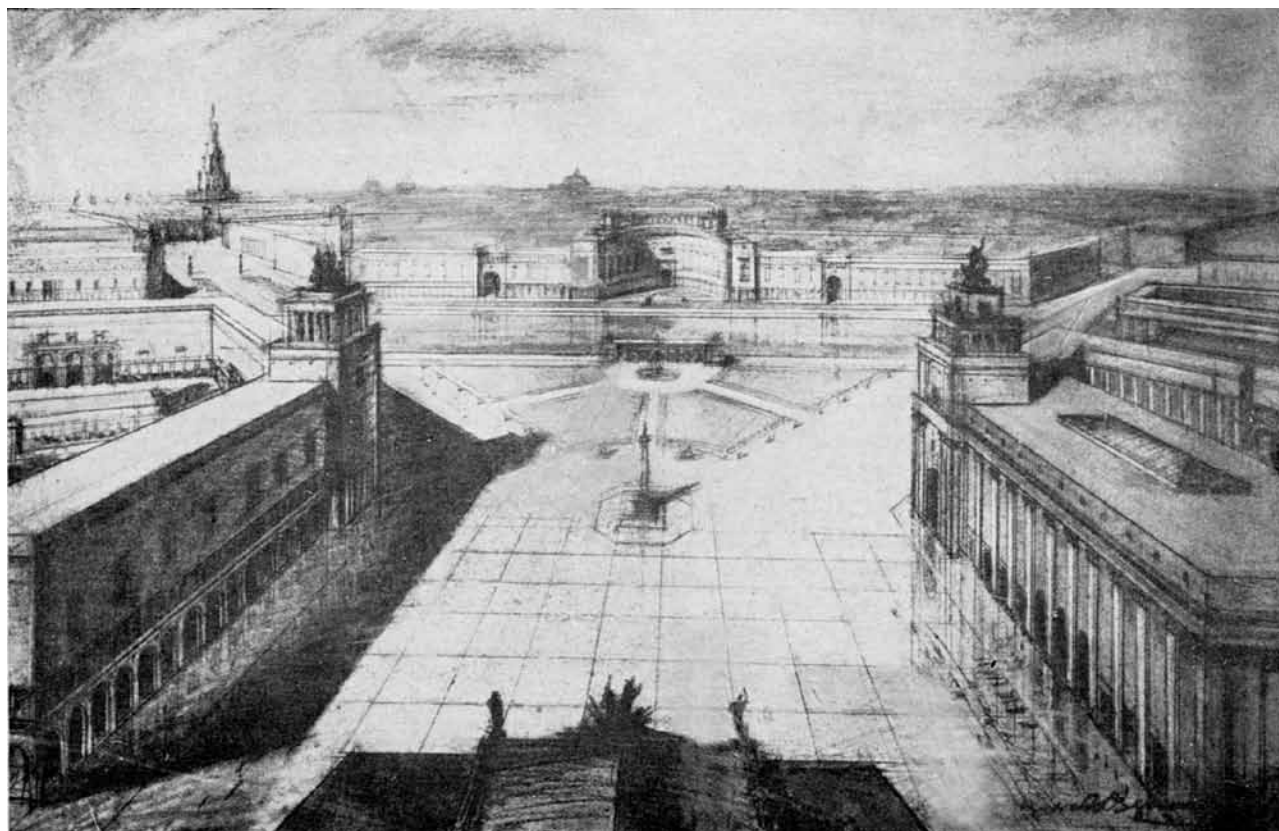
В то же время на основу проекта реконструкции площади Свердлова (за исключением решения ее южной стороны) был положен более ранний проект И.В. Жолтовского, разработанный еще в 1932 г.¹²⁰ Для придания площади целостного характера, как и в проекте И.В. Жолтовского, намечалось устройство колоннад по контуру площади, при этом особо оговаривалось, что фасад здания кинотеатра должен быть не выше гостиницы «Метрополь», а еще проектировавшаяся третья очередь гостиницы «Москва» должна выходить на площадь Свердлова пониженным фасадом. Также огова-

Москва. Проект реконструкции Пушкинской площади.
Вариант. Планировочная мастерская № 1. Арх.
А.А. Зубин, соавт. арх. В.Я. Либсон. 1936

Москва. Проект реконструкции Пушкинской площади.
Вариант. Планировочная мастерская № 1. Арх.
А.А. Зубин, соавтор арх. В.Я. Либсон. 1936

Москва. Проект реконструкции площади Киевского вокзала. Вариант. Планировочная мастерская № 8.
Арх. А.А. Дзержкович. 1936

Москва. Проект реконструкции площади Свердлова. Планировочная мастерская № 2.
Арх. И.В. Ткаченко, В.В. Шило. 1936

ривалась необходимость реконструкции здания б. Городской думы — музея Ленина, псевдорусский стиль которого признавался неуместным. Здание Исторического музея предлагалось сохранить «в существующем стиле», поскольку оно трактовалось как «контрастирующее и в то же время связующее звено между Кремлём и окружающими его зданиями другого характера»¹²¹.

Здание гостиницы «Москва» с его мощным портиком, обращенным на будущую Манежную площадь, рассматривалось как отправная точка при решении подхода к Дворцу Советов, где статика постепенно начинает сменяться движением. Однако этот «переходный» отрезок до Дворца Советов не получил должного освещения в проекте. Л.А. Ильин лишь констатировал, что, «несмотря на обрамление проспекта с обеих сторон старыми зданиями по Моховой и Кремлём, проспект должен получить ясно выраженную динамику и направленность к Дворцу Советов» и что «никакие ранее испробованные компромиссные его планировки недостаточны»¹²². Таким образом, Л.А. Ильин, хотя и не напрямую, подтверждал сомнения других ленинградских архитекторов в возможности создания на этом отрезке магистрали единого ансамбля. Сам Л.А. Ильин писал, что «в новой трактовке центра Москвы сливаются два планировочных стиля, две манеры: живописная манера Зитте¹²³ и регулярная архитектурная манера Ланфана¹²⁴». Архитектор считал, что создание собственного стиля планировки Москвы возможно только при использовании «прямо противоположных архитектурно-планировочных приемов»: «К Москве нельзя применить приема строительства только Рима или только Парижа. В Москве можно вспомнить и о венецианской пiazette с ее ракурсами и ювелирной архитек-

турой и об опыте Вашингтона с его открытыми перспективами и массой зелени. Следует не побрезгать достижениями в строительстве Нью-Йорка, но и не повторять его ошибок»¹²⁵.

И в этой логике застройка проспекта на отрезке от Дворца Советов до Лужников проектировалась как единый, симметричный, динамически развивающийся ансамбль, «все части которого должны быть тесно связаны между собой». Этот отрезок трактовался Л.А. Ильиным как переходный от исторического, не вполне правильного по своей планировке центра к новым, четко распланированным районам юго-западных территорий, присоединенных к Москве согласно генеральному плану 1935 г. Проспект должен был начинаться от площади Дворца Советов широкими пропилеями, «косой подход которых к площади требует помещения в начале образуемого ими проезда парных пилонов». Высота пропилей должна была соотноситься с высотами стилобата Дворца Советов. Пропилеи должны были завершаться у Садового кольца, после чего магистраль расходилась двумя лучами, между которыми проектировались скверы. От Садового кольца должно было начинаться постепенное повышение этажности застройки, и кульминационной точкой общей динамической композиции этой части магистрали должна была стать большая площадь-партер, «угловые части которой закрепляются большими четырьмя зданиями башенного небоскрежного типа, тождественным по своему характеру высотным, объемным и архитектурным признакам»¹²⁶. Застройка этой площади должна была стать «как бы откликом на высоту Дворца Советов». После этой площади намечалось постепенно понижение этажности застройки к Лужникам. Таким образом, именно в этой динамической части в наи-

более полной мере нашли воплощение столь любимые Л.А. Ильиным принципы построения открытого ансамбля.

Решение Замоскворечья в рамках проекта предполагало выстраивание его застройки относительно оси симметрии, ориентированной на середину Большого Кремлевского дворца. На вновь прокладываемом в Замоскворечье продолжении Бульварного кольца эта ось должна была закрепляться высотным сооружением. Застройка острова между рекой Москвой и Водоотводным каналом должна была решаться так, «чтобы производить впечатление определенной архитектурной преграды».

Подводя итоги, можно говорить о том, что в этом проекте реконструкции центра Москвы 1936 г., разработанном Л.А. Ильиным, впервые планировка и застройка исторического и нового центра мыслились как единый ансамбль (в понимании той эпохи), а не как набор разрозненных грандиозных зданий. И наверное, нет ничего удивительного в том, что перспективные виды проспекта Дворца Советов, опубликованные в 1936 г., стали эталоном понятия «ансамбль», хотя проект не был реализован даже частично. Это был уникальный для тех лет пример органичного соединения теории и практики в деле проектирования ансамблей.

Опыт реализации проектных наработок в области ансамбля во второй половине 1930-х гг.

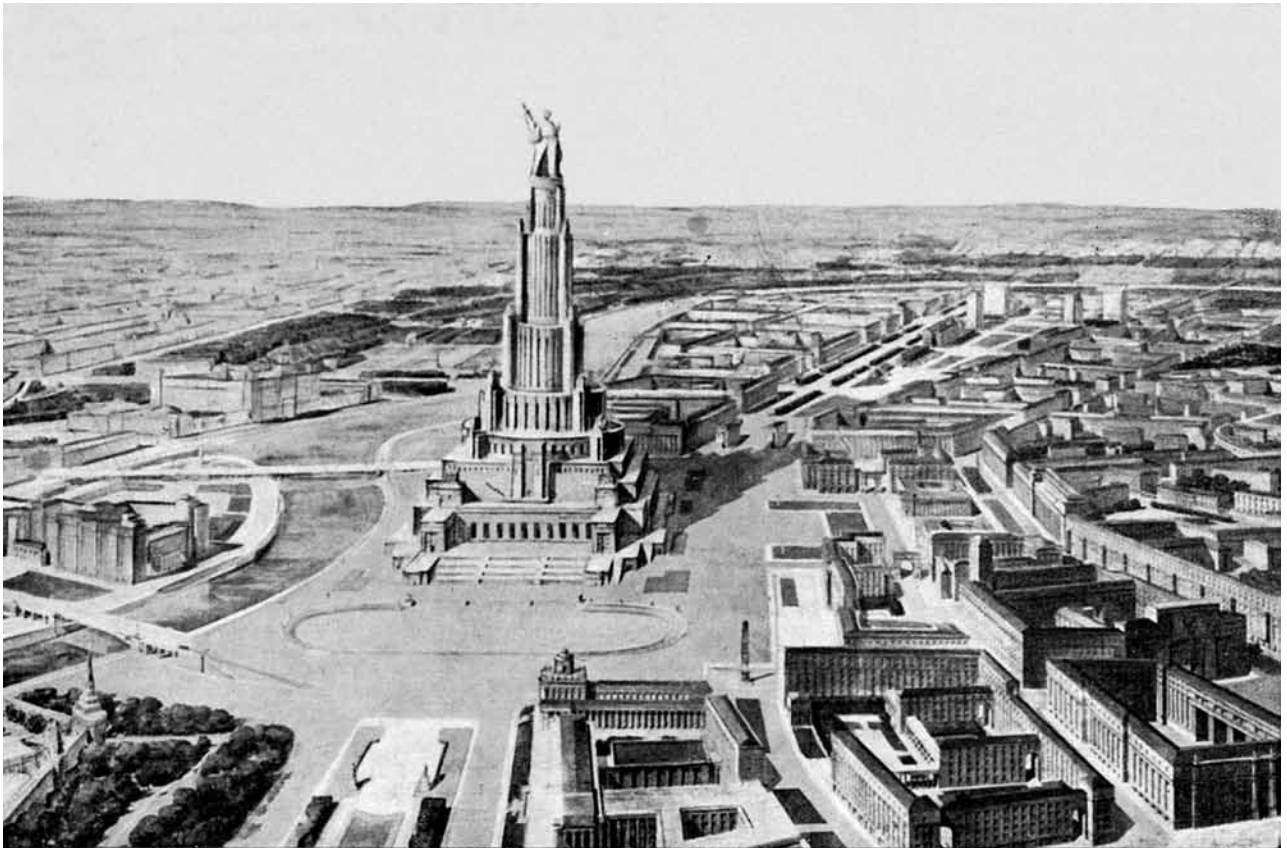
Выделявшийся на общем фоне пример Л.А. Ильина и спроектированного им «эталонного» ансамбля со всей очевидностью демонстрировал, что дело градостроительства — это «высшая ступень архитектурного мастерства», в которой невозможно действие по какому-то одному или нескольким шаблонам. Хотя курс на «освоение исторического наследия» предполагал изучение исторических примеров создания ансамблей, анализ схем их построения и применение результатов этого анализа в современном архитектурно-градостроительном проектировании, подменить собой фактор мастерства архитектора на всех этапах «освоения» он не мог.

Во второй половине 1930-х гг. география реконструкции Москвы неуклонно расширялась, и новое строительство намечалось вдоль магистралей, где не было исторических капитальных зданий, а значит, была возможность реализовать все достижения

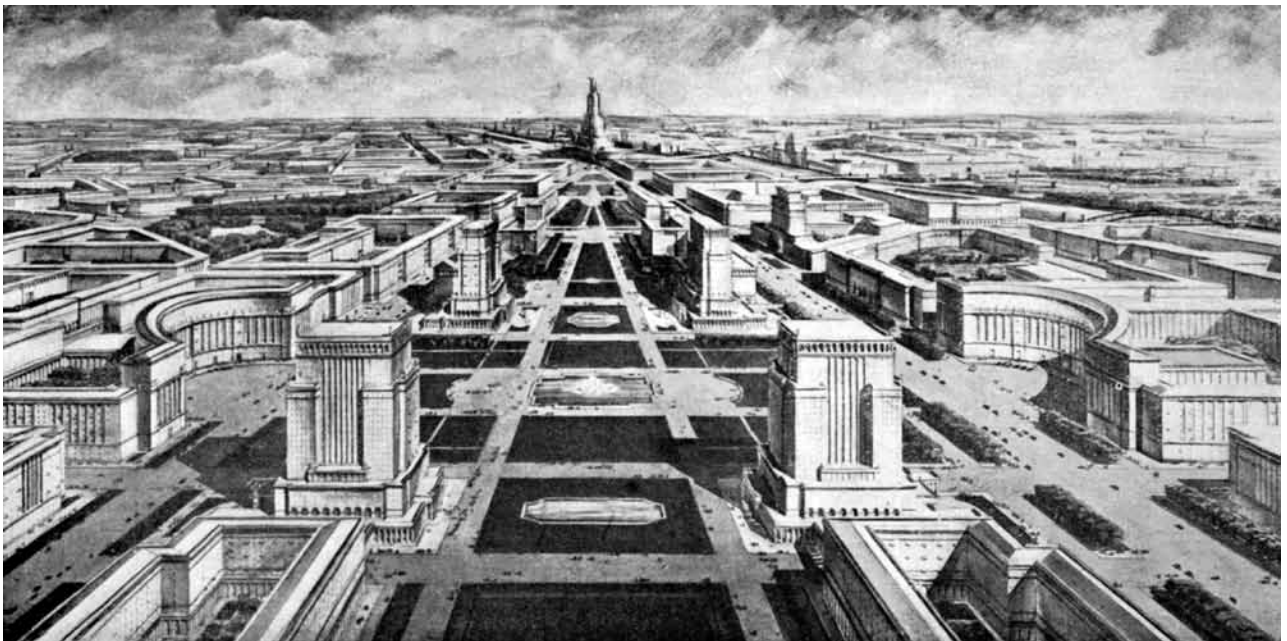
советского градостроительства в полном объеме. Между тем еще до завершения первого этапа детализации генерального плана реконструкции Москвы, в феврале 1936 г. было опубликовано постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об улучшении строительного дела и удешевлении строительства», которое положило начало масштабному процессу типизации и индустриализации в строительстве. Необходимость этих действий была продиктована многими факторами, среди которых были и большие расходы, которые влекло за собой индивидуальное проектирование и строительство крупных зданий, и стремление ускорить темпы строительства, и прежде всего жилищного строительства. И хотя в силу значительной инерции типизация на первых ее этапах ограничивалась лишь типизацией жилых секций, для которых разрабатывались еще в значительной степени уникальные фасады, противоречия в советском градостроительстве лишь нарастали. Стремление к типизации вступало в противоречие с установкой на создание ансамблей как уникальных, обладающих высокой художественной ценностью архитектурно-градостроительных решений, свободных от какой бы то ни было типизации. Результатом этого противоречия стало появление довольно странного, но в то же время хорошо характеризующего происходившие перемены понятия — «ансамблевая застройка».

В этих новых условиях при проектировании застройки Можайского шоссе, 1-й Мещанской, Большой Калужской улиц и ряда других магистралей возникала проблема, с которой архитекторы еще не сталкивались, — проблема нахождения баланса между типизацией и уникальностью объектов строительства, технологией и архитектурой. Принцип периметральной застройки кварталов, которым удавалось достигать определенных эффектов при реконструкции в историческом центре, при перенесении его на окраины давал довольно однообразную застройку за счет бесконечной повторяемости единожды найденного приема. Попытки решения этой проблемы путем проектирования изломанной линии застройки вдоль магистралей, путем создания курдонеров, с одной стороны, в ряде случаев лишь усложняли и без того довольно сложную в условиях стольких ограничений и отсутствия четких норм задачу проектирования квартала, а с другой стороны, мало отвечали требованиям стандартизации.

Между тем проект детализации генерального плана постоянно дорабатывался и никак не мог быть утвержден. Проект реконструкции Москвы, если и реализовывался, то довольно хаотически.

Москва. Проект застройки проспекта Дворца Советов (Аллея Ильича). Вид в сторону Ленинских гор. Планировочная мастерская № 2 под рук. арх. Л.А. Ильина, В.А. Шуко, В.Г. Гельфрейха. 1936

Москва. Проект застройки проспекта Дворца Советов (Аллея Ильича). Вид в сторону Дворца Советов. Планировочная мастерская № 2 под рук. арх. Л.А. Ильина, В.А. Шуко, В.Г. Гельфрейха. 1936

Москва. Новая застройка Можайского шоссе. 1938

Москва. Новая застройка Можайского шоссе. 1938

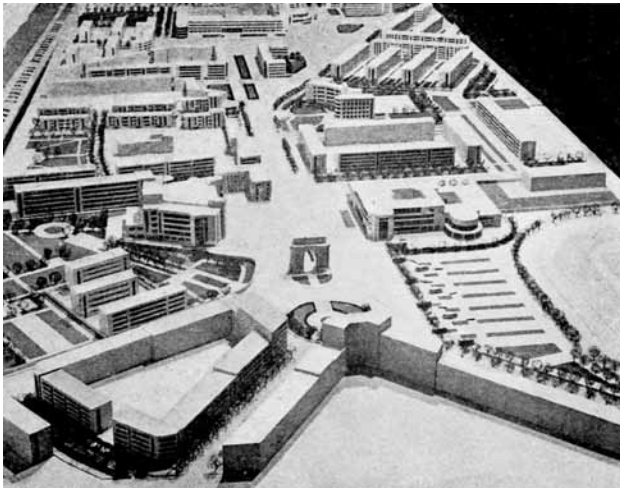

Москва. Новая застройка улицы Чкалова. 1940

Стремление концентрировать новую застройку в ограниченном числе мест города для достижения хоть одного фрагмента реконструкции, о котором говорили начиная с 1932 г., так и не было реализовано. Ведомства и наркоматы, занимавшиеся строительством жилых зданий для своих сотрудников, чаще действовали в собственных интересах, чем в интересах реконструкции Москвы. О том, что реконструкция столицы не приносила тех результатов, на которые рассчитывали ее заказчики, свидетельствуют многочисленные критические публикации второй половины 1930-х гг., а также материалы Первого Съезда советских архитекторов, прошедшего в июне 1937 г., где проблема ансамбля вновь поднималась в докладе Л.А. Ильина в связи с реконструкцией Ленинграда.

В своем докладе на этом съезде председатель исполкома Моссовета Н.А. Булганин, говоря об «ансамблях зданий и ансамблевой застройке», отмечал: «Мне кажется, что здесь много шума, много трескотни и мало дела. Слишком много шумим об этих ансамблях, вместо того, чтобы дать один хороший ансамбль. У архитекторов даже идут споры, что такое ансамбль. Одни говорят одно, другие вообще ничего не говорят»¹²⁷. Н.А. Булганин отвергал критику в адрес Моссовета со стороны архитекторов, предлагая им «резче критиковать самих себя», а не искать причины в «распыленности строительства». Сам руководитель Москвы считал, что «ансамбль — это высококачественное проектирование, сознательное, ответственное отношение архитектора к проектированию, высококачественный отбор

Ленинград. Проект архитектурной реконструкции площади Московско-Нарвских ворот. 1933

Ленинград. Проект застройки площади Стачек и Кировский площади. Рук. арх. В.А. Витман, арх. М.П. Лохманов, А.Л. Печатников. Ориентировочно 1939

и утверждение проектов и такое же высококачественное строительство»¹²⁸, т.е. фактически перекладывал все неудачи в реконструкции Москвы на архитекторов. Сами же архитекторы находились в очень непростой ситуации. Они были связаны рядом установок и предписаний, причем следование одним установкам с легкостью могло повлечь за собой нарушение других. И на протяжении второй половины 1930-х гг. такого рода установок становилось все больше, но профессиональное сообщество, несмотря на существенные изменения в его составе, связанные с уходом от дел многих мастеров архитектуры старшего поколения, старалось найти пути разрешения сложившейся ситуации.

Вопросам социалистической реконструкции городов был посвящен Третий пленум правления Союза советских архитекторов, прошедший летом 1938 г., но, несмотря на многочисленные обсуждения и поиски, проблема ансамбля оставалась неразрешенной. В июле 1939 г. проектное дело в Москве вновь было реорганизовано, и, как и три года назад, реорганизация коснулась лишь Отдела планировки, который с рядом других технических отделов вошел в состав вновь созданного Управления планировки г. Москвы. «Для рассмотрения наиболее важных вопросов планировки г. Москвы и проектирования новых сооружений» была создана Архитектурно-планировочная комиссия (Архплан)¹²⁹. Однако и эта реорганизация, судя по всему, не принесла желаемого результата.

В июле 1940 г. на Седьмом пленуме правления Союза советских архитекторов, посвященном «архитектурным вопросам» реконструкции Москвы, авторы докладов победно сообщали о больших достижениях в деле реконструкции, в том числе и в деле создания ансамблей. Все критические замечания высказывались достаточно мягко, вероятно, ввиду значимости самого повода созыва пленума — пятилетнего юбилея постановления о генеральном плане реконструкции столицы. Между тем примерно в это же время Л.А. Ильин, консультировавший разработку проекта планировки столицы, анализируя накопленный опыт, отмечал, что «за истекшие пять лет искусство композиции отдельных зданий окрепло и выросло в мастерство», «но еще не созрело среди градостроителей искусство создания ансамбля, т.е. умение так поставить здание, так его решить в части материала, отделки и цвета, чтобы оно органически вошло в круг других зданий, как новых, так и старых»¹³⁰. На этом фоне реконструкция улицы Горького, точнее застройка ее правой стороны от Охотного ряда до Советской площади комплексом жилых до-

Москва. Снос домов по улице Горького перед корпусом А. Начало августа 1938

мов по проекту А.Г. Мордвинова, воспринималась как беспрецедентное достижение и прорыв в деле создания ансамбля Москвы, хотя и ее Л.А. Ильин критиковал за недостаток монументальности.

Проблемы Москвы не были уникальны, хотя и имели ряд особенностей, обусловленных статусом города. Реконструкция эталонного с точки зрения эпохи Ленинграда во второй половине 1930-х гг. столкнулась с теми же трудностями, что и реконструкция новой столицы. До тех пор, пока вопросами реконструкции города руководил Л.А. Ильин, исторический центр был неприкосновенен и основной заботой архитекторов города было создание нового общегородского центра на главной магистрали южной части города «Международный проспект — Московское шоссе», когда перед авторами проекта встала та же задача, что и перед их коллегами в Москве. С учетом новых требований по стандартизации строительства необходимо было создать ансамбль протяженной улицы, в проектировании застройки которой было задействовано много разных авторов. При разработке общего проекта магистрали Л.А. Ильин использовал характерный для него прием нарастания композиционной силы с постепенным ее затуханием, и местом этой композиционной силы была площадь Дома Советов¹³¹. Впоследствии он приложил немало усилий для обеспечения комплексной разработки этого проекта. Коллеги Л.А. Ильина по исследовательской работе А.В. Бунин и М.Г. Круглова сравнивали его работу как главного архитектора с работой режиссера, «ибо обязанность того и другого — скомпоновать целое, расставлять силы и осуществлять свои творческие замыслы через руководство непосредственными исполнителями ролей»¹³².

Москва. Правая сторона улицы Горького после реконструкции. Корпус А. 1939

В год пятилетия генерального плана вышла вторая книга А.В. Бунина и М.Г. Кругловой «Архитектурная композиция городов», которая во многом подводила итог исследованиям проблемы ансамбля в 1930-е гг. Однако и в ней авторы не давали, да и вряд ли могли дать готовые рецепты создания ансамблей, которые могли бы помочь исправить положение с их проектированием при разработке проектов реконструкции и планировки городов СССР. К этому времени попытки проектировать Москву как единый ансамбль, состоящий из системы взаимосвязанных ансамблей, принесли больше негативного опыта, чем позитивного.

Публиковавшиеся в журналах проекты застройки Москвы и Ленинграда формировали определенный образ советского города, которому стремились следовать архитекторы на всем пространстве СССР. В результате в проектной графике второй половины 1930-х гг. и исторические, и вновь проектировавшиеся города выглядели крайне однотипно. И это не оставалось незамеченным. Критики отмечали, что «города не могут быть одинаковыми», «что в планировке разных городов нельзя подходить с раз и навсегда установленными мерилем и штампом», говорили о необходимости учитывать рельеф местности и не воспринимать его как стихийное бедствие, и с грустью констатировали, что «...десятки наших проектов городских планов юга и крайнего севера решены совершенно стандартно», «для всех этих проектов характерна прямоугольная “сетка” улиц и унылая схема типовых кварталов» и что «унылая “импортная” строчная застройка жилых комплексов уступила место не менее унылой системе периметральной застройки»¹³³. Такая ситуация была не только следствием

Ленинград. Проект застройки площади Дома Советов.
АПО Ленсовета. Группа Московского района под рук. Е.И. Катонина. Архи. П.А. Волков, П.Н. Твардовский. Ориентировочно 1937

Ленинград. Проект застройки Московского шоссе.
Перспектива от площади Дома Советов в сторону Пулкова. АПО Ленсовета. Группа Московского района под рук. Е.И. Катонина. Арх. П.Н. Твардовский. Ориентировочно 1937

Ленинград. Проект застройки Московского шоссе.
Перспектива въезда на площадь Дома Советов с северной стороны. АПО Ленсовета. Группа Московского района под рук. Е.И. Катонина. Арх. П.А. Волков, П.Н. Твардовский. Ориентировочно 1937

Ленинград. Проект жилого комплекса по Московскому шоссе.
Арх. А.А. Юнгер, Н.Н. Лебедев, А.Н. Сибириков. Ориентировочно 1937

Ленинград. Новая застройка Московского шоссе. 1939 г.

Ленинград. Проект застройки южного центра.
Рук. Н.В. Баранов и Е.И. Катонин; арх. А.И. Наумов, А.А. Афонченко, Д.М. Балатов. Рубеж 1930–1940-х гг.

Москва. Проект застройки площади у Дорогомиловской заставы. Арх. З.М. Розенфельд. 1940

подражания столичному опыту. Определенный отпечаток накладывало и то обстоятельство, что проекты реконструкции многих городов СССР разрабатывались большими институтами, такими как Ленинградский Гипрогор, и избежать повторяющихся приемов в этих проектах удавалось далеко не всегда, тем более что существующий город и его особенности в этих случаях авторы проектов знали не столь хорошо.

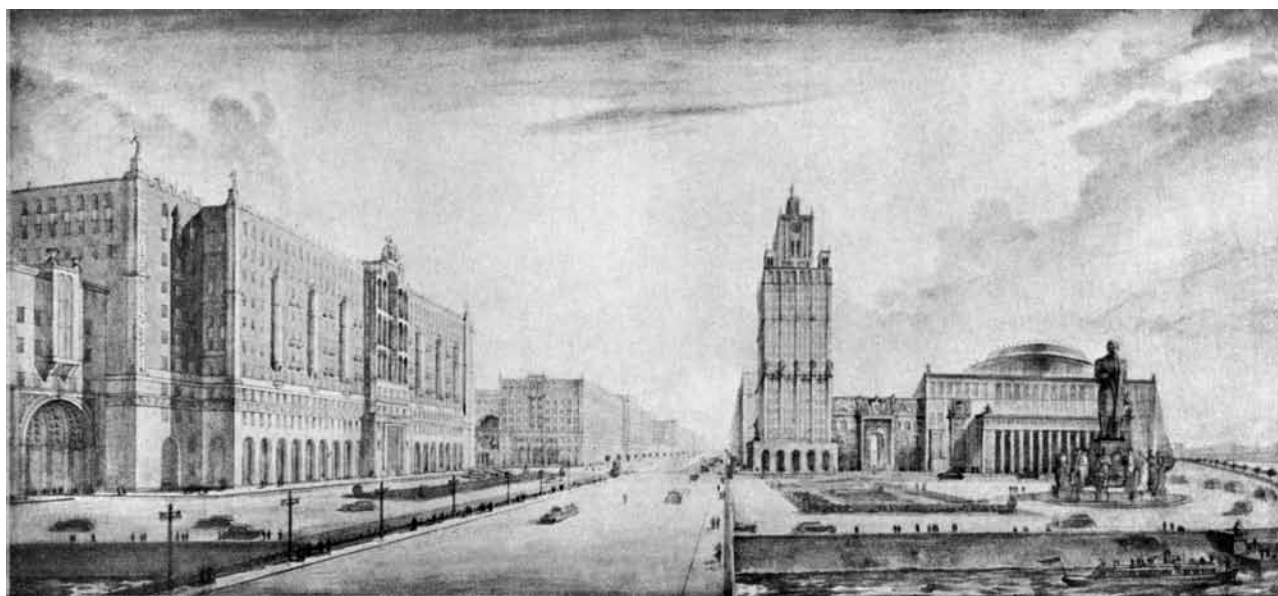
Поставленная сверхзадача реконструкции всех городов СССР с целью демонстрации достижений нового строя в 1930-е гг. так и не была реализована. В попытке ее разрешения понятие «ансамбль», изначально бывшее выражением высочайшего

Москва. Проект застройки магистрали «Новый Арбат — улица Конституции». Въезд на Новый Арбат с Арбатской площади. Арх. С.Е. Чернышев, А.М. Заславский, С.Н. Кожин, А.Д. Сурис. 1940

Москва. Проект жилого дома на углу улицы Горького и площади Пушкина (правая сторона). Арх. Г.П. Гольц. 1940

Москва. Проект застройки магистрали «Новый Арбат — улица Конституции». Перспектива Ново-Дорогомиловской магистрали. Арх. Д.Н. Чечулин, А.Ф. Жуков, А.К. Ростковский. 1940

Москва. Проект реконструкции площади Пушкина. Вид в сторону Страстного бульвара.
Арх. А.Г. Мордвинов. 1940

Москва. Проект жилых домов на улице Горького. Корпуса В и Г. Арх. А.Г. Мордвинов. 1940

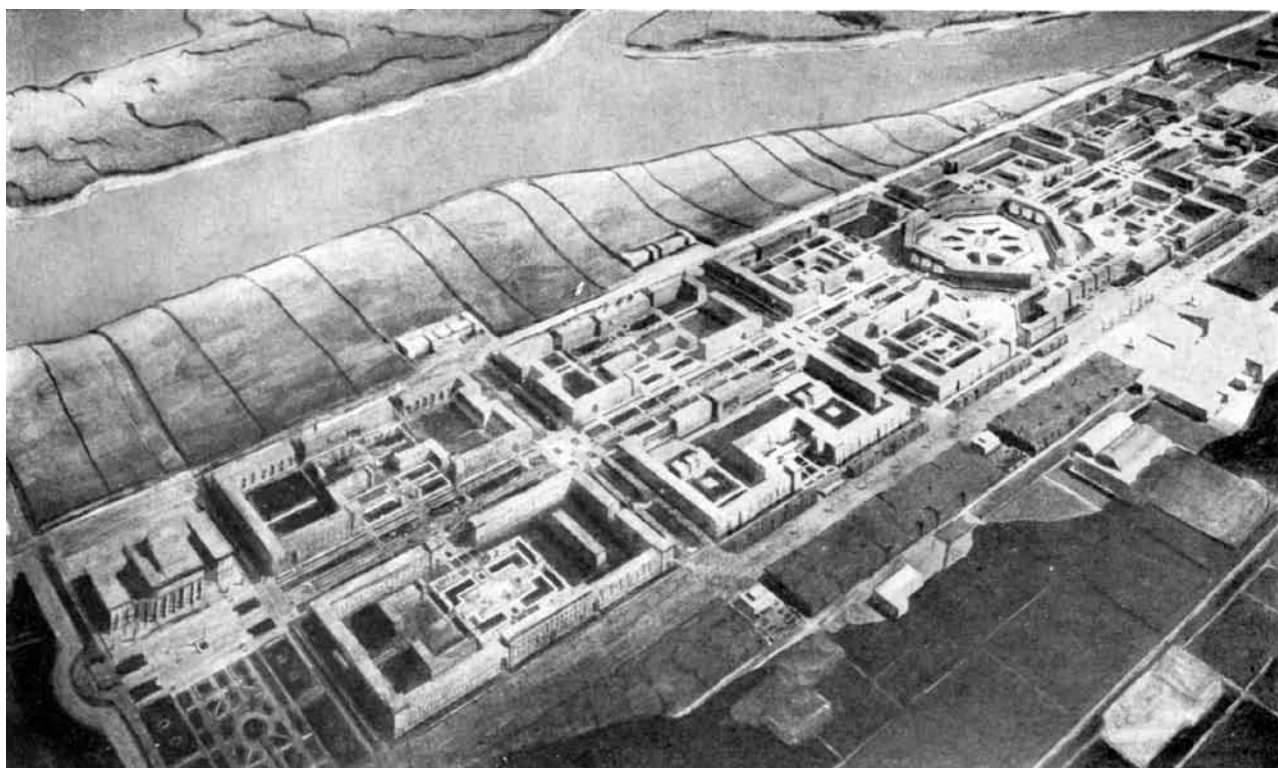

Москва. Проект застройки площади Калужской заставы.
Арх. Е.А. Левинсон, И.И. Фомин и А.Е. Аркин. 1940

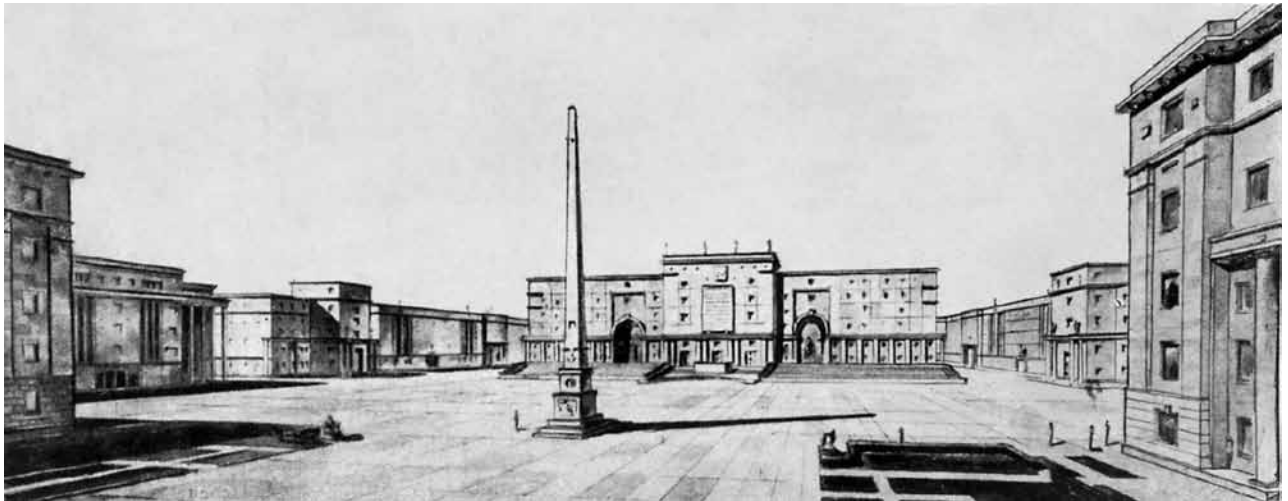
мастерства, стало еще одним, вполне обыденным понятием советской архитектурно-градостроительной практики. Попытки определить содержательные границы понятия «ансамбля» и найти рецепт проектирования советских ансамблей получают свое продолжение уже в послевоенные годы,

однако лишь в трудах по истории архитектуры и градостроительства понятию «ансамбль» удалось сохранить свою исключительность и стать основой построения отечественной версии истории градостроительства, как истории градостроительного искусства.

Красноярск. Проект застройки жилого массива. *Арх. И.О. Гохблит. Ориентировочно 1935*

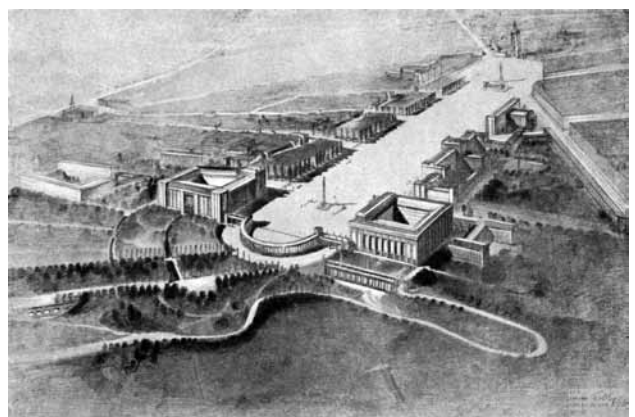
Пермь-Молотово. Проект застройки площади Дома Советов. Рук. арх. В.П. Яковлев, арх. А.М. Суборов. Середина 1930-х гг.

Магнитогорск. Проект планировки въезда в город. Арх. Б.В. Данчич. Середина 1930-х гг.

Новосибирск. Проект реконструкции центра. Бригада Гипрогора под рук. инж. Л.Е. Розенберг. Ориентировочно 1936

Киев. Проект планировки правительственного центра в Киеве. Арх. П.Г. Юрченко. 1934

Киев. Проект планировки правительственного центра в Киеве. Второй конкурс. Бригада арх. Д.Н. Чечулина. 1934

Примечания

1. Этот феномен изменения смыслового наполнения понятий в условиях советской власти изучается современной исторической наукой. Примером тому может служить книга: *Фельдман Д.М.* Терминология власти. Советские политические термины в историко-культурном контексте. М.: ФОРУМ; НЕОЛИТ, 2015. Однако в истории архитектуры этой проблеме еще не уделялось должного внимания, хотя ее в своих докторских диссертациях затрагивали М.И. Астафьева-Другач (*Астафьева М.И.* Формирование проблематики теории и истории советской архитектуры, 1917–1954 гг. (Опыт историографического исследования) / Дис. ... докт. арх.: 18.00.01: в 3 т. М., 1990), Н.П. Овчинникова (*Овчинникова Н.П.* Этапы развития отечественного архитектуроведения (1920–1990-х гг.) / Дис. ... докт. арх.: 18.00.01: в 2 т. М., 2001) и некоторые другие исследователи. Они выделяли ключевые для 1930-х гг. понятия и пытались дать их определения на основе анализа текстов того времени, но это не было их основной задачей. Едва ли не единственным исследованием, в котором непосредственно затрагивается проблема представлений об ансамбле в советской архитектуре 1930-х гг., является диссертация А.А. Амелянца (*Амелянец А.А.* Развитие представлений об ансамбле в теории архитектуры: / Дис. ... канд. арх.: 18.00.01: в 2 т. М., 2004), однако представлениям об ансамбле в 1930-е гг. в СССР в ней посвящен лишь маленький раздел.
2. *Амелянец А.А.* Развитие представлений об ансамбле в теории архитектуры / Дис. ... канд. арх.: 18.00.01: в 2 т. М., 2004. С. 13.
3. Там же. С. 19.
4. Цит. по: *Нащокина М.В.* Ансамбли Москвы середины XIX века // Архитектурные ансамбли Москвы XV – начала XX веков: принципы художественного единства / Под ред. Т.Ф. Саваренской. М.: Стройиздат, 1997. С. 305.
5. *Нащокина М.В.* Указ. соч. С. 306.
6. Там же. С. 307.
7. Энциклопедический словарь. Том 1а: Алтай – Арагвай / издатели: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб.: Типо-Литография И.А. Ефрона, 1893. С. 821.
8. *Бенуа А.Н.* Живописный Петербург // Мир искусства. 1902. № 1 (Т. 7). С. 1.
9. Там же. С. 1.
10. Там же. С. 3–4.
11. *Фомин И.А.* Московский классицизм. Архитектура в Москве во время Екатерины II и Александра I // Мир искусства, 1904. № 7 (Т. 12). С. 189.
12. Подробнее о градостроительных воззрениях неоклассицизма см.: *Кириченко Е.И.* Градостроительная концепция неоклассицизма // Градостроительство России середины XIX – начала XX века: в 3 кн. Кн. 1: Общая характеристика и теоретические проблемы / Под общ. ред. Е.И. Кириченко. М.: Прогресс-Традиция, 2001. С. 143–158.
13. *Карпович В.С.* О сохранении художественного облика городов // Труды IV Съезда русских зодчих, состоявшегося в С.-Петербурге с 5 по 12 января 1911 г. СПб.: Государственная типография, 1911. С. 111.
14. Там же. С. 112.
15. *Протопопов Д.* Города будущего // Городское дело. 1909. № 17. С. 853.
16. *Федоров С.Г.* «Новый Петербург» – забытая мечта Рикардо Гуалино // Невский архив: историко-краеведческий сборник / Санкт-Петербургский фонд культуры; составители А.И. Добкин, А.В. Кобак. М.–СПб.: Atheneum; Феникс, 1993. С. 260–284.
17. *Лукомский Г.* О постройке Нового Петербурга // Зодчий. 1912. № 52. С. 519–521.
18. *Лукомский Г.К.* Современный Петербург: очерк истории возникновения и развития классического строительства (1900–1915 гг.) / Послесл. и коммент. Б.М. Кирикова. Изд. 2-е, испр. и доп.. СПб.: Коло, 2003. С. 7.
19. Музей Города к Октябрю 1927: Очерк Музея и путеводитель. Л., 1928. С. 11.
20. *Петров М.Н.* Основные начала организации «Бюро городов» при «Музее Города» // Летопись Музея Города. Книга I. Санкт-Петербург, 1919. С. 23.
21. Подробнее см.: *Авдеев В.Г.* Первый директор Музея Города Л.А. Ильин // Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга. Вып. 18: Люди и коллекции. 100 лет Государственному музею истории Санкт-Петербурга / Комитет по культуре Правительства Санкт-Петербурга; Государственный музей истории Санкт-Петербурга. СПб.: ГМИ СПб, 2008. С. 68–85.
22. Музей Города к Октябрю 1927. Очерк Музея и путеводитель. Л., 1928.
23. *Ильин Л.А.* Прошлое планировки Васильевского острова // Вопросы коммунального хозяйства. 1927. № 1. С. 21–34; 1927. № 2. С. 53–68.
24. *Ильин Л.А.* Указ соч. № 1. С. 25.
25. *Шусев А.В.* Москва будущего // Красная Нива. 1924. № 17. С. 414.

26. Кузнецова Т.В. Развитие городского хозяйства Москвы / Дис. ... канд. ист. наук. М., 1966. С. 307.
27. Пастернак А.Л. Урбанизм // Современная архитектура. 1926. № 1. С. 4.
28. Там же. С. 4.
29. Там же. С. 6.
30. Гинзбург М.Я. Стиль и эпоха. Проблемы современной архитектуры. М.: Государственное издательство, 1924. С. 27.
31. Хан-Магомедов С.О. Архитектура советского авангарда: в 2 кн. Кн. 1: Проблемы формообразования. Мастера и течения. М.: Стройиздат, 1996. С. 282.
32. Подробнее о градостроительном методе Н.А. Ладовского см. часть 4: Хан-Магомедов С.О. Николай Ладовский. М.: С.Э. Гордеев, 2011.
33. Хан-Магомедов С.О. Психоаналитический метод Н. Ладовского во ВХУТЕМАСе–ВХУТЕИНе: Объединенные левые мастерские, Психотехническая лаборатория; ВНИИТАГ. М.: ARCHITECTURA, 1993. С. 147.
34. Хан-Магомедов С.О. Развитие психоаналитического метода Н. Ладовского на Основном отделении ВХУТЕМАСа–ВХУТЕИНа (Пропедевтическая дисциплина «Пространство», теоретические разработки рационалистов) / С.О. Хан-Магомедов; НИИТАГ. М.: ARCHITECTURA, 1995. С. 66.
35. Хан-Магомедов С.О. Архитектура советского авангарда... С. 270–271.
36. Ладовский Н. Основы построения теории Архитектуры : Под знаком рационалистической эстетики // Известия Ассоциации новых архитекторов. 1926. № 1. С. 3.
37. Серия небоскребов для Москвы. WB1 (1923–25) : проект Эль Лисицкого // Известия Ассоциации новых архитекторов. 1926. № 1. С. 2.
38. Дома или улицы? Открытое письмо Моссовету // Известия Ассоциации новых архитекторов. 1926. № 1. С. 6.
39. Коккинаки И.В. Международный Красный стадион: к истории проектирования и строительства // Архитектура СССР. 1985. № 6. С. 100–107.
40. Хан-Магомедов С.О. К истории выбора места для Дворца Советов // Архитектура и строительство Москвы. 1988. № 1. С. 21–23.
41. Ладовский Н.А. О необходимости перепланировки площади Дзержинского // Строительство Москвы. 1927. № 5. С. 19.
42. Ладовский Н.А. Проект-предложение реорганизации Красной площади у Кремлевской стены // Строительство Москвы. 1928. № 5. С. 6–7.
43. Лавров В. Участие «АСНОВА» в жилищном строительстве Моссовета // Строительство Москвы. 1928. № 1. С. 14.
44. Ладовский Н. Письмо в редакцию // Советская архитектура. 1931. № 4. С. 64.
45. Из истории советской архитектуры, 1926–1932 гг.: документы и материалы: Творческие объединения / отв. ред. К.Н. Афанасьев; сост., авт. ст. и прим. В.Э. Хазанова. М.: Наука, 1970. С. 124.
46. Создано в ноябре 1928 г., в августе 1930 г. вошло в МОВАНО на правах сектора, окончательно ликвидировано в апреле 1932 г. вместе с другими литературно-художественными организациями.
47. Цит. по: Из истории советской архитектуры, 1926–1932 гг.: документы и материалы: Творческие объединения / отв. ред. К.Н. Афанасьев; сост., автор статей и примеч. В.Э. Хазанова. М.: Наука, 1970. С. 125.
48. Там же.
49. Там же. С. 123.
50. Хазанова В.Э. Советская архитектура первой пятилетки: проблемы города будущего; Академия наук СССР; Всесоюзный научно-исследовательский институт искусствоведения Министерства культуры СССР; отв. ред. О.А. Швидковский. М.: Наука, 1980. С. 227.
51. К вопросу о новой планировке Москвы / АРУ // Строительная промышленность. 1929. № 9. С. 799.
52. Ладовский Н. Москва «историческая» и социалистическая // Строительство Москвы. 1930. № 1. С. 20.
53. К вопросу о новой планировке Москвы / АРУ.
54. Михайлов А. Группировки советской архитектуры. М.; Л.: ОГИЗ-ИЗОГИЗ, 1932. С. 6–8.
55. Лавров В. Образец упрощенства и вульгаризаторства // Строительство Москвы. 1932. № 8–9. С. 42.
56. Местнов А. Конкурс на составление проекта нового здания библиотеки им. Ленина // Строительство Москвы. 1928. № 6. С. 3.
57. Воблый И. Новой Москве новые формы // Строительство Москвы. 1931. № 10. С. 14.
58. Постановление ЦК ВКП(б) «О работе по перестройке быта» // Современная архитектура. 1930. № 1–2. С. 3.
59. Воблый И. За плановое оформление московских площадей // Строительство Москвы. 1931. № 5. С. 35.

60. Бунин А., Круглова М. Архитектурное оформление города // Советская архитектура. 1931. № 3. С. 41.
61. Там же.
62. Надстройка — важнейшая часть реконструкции Москвы // Строительство Москвы. 1932. № 5. С. 9.
63. Из постановления II московской областной и III городской конференций ВКП(б) // Строительство Москвы. 1932. № 5. С. 18.
64. Каганович Л.М. Улучшение материально-бытовых условий трудящихся и городское хозяйство. (Из доклада на III московской областной партконференции) // За социалистическую реконструкцию городов. 1932. № 1. С. 10.
65. Семенов В. Москву планировать и планомерно застраивать // Строительство Москвы. 1932. № 6. С. 6.
66. Постановление Президиума Московского городского исполнительного комитета и московского совета РК и КД от 14 июля 1932 г. «О типе жилого дома» // Строительство Москвы. 1932. № 8—9. Обратная сторона титула.
67. Гречухо В.Ф. Внимание архитектуре новых городов // Строительство Москвы. 1932. № 8—9. С. 36.
68. Хигер Р.Я. Пути архитектурной мысли, 1917—1932 / Р.Я. Хигер; под общ. ред. О.М. Бескина. М.: ОГИЗ-ИЗОГИЗ, 1933. С. 110—111.
69. Правда, в предисловии к этой книге особо оговаривалось, что эта работа была подготовлена авторами еще во время их работы в Академии коммунального хозяйства. См.: Бунин А.В., Круглова М.Г. Архитектура городских ансамблей. Ренессанс / Академия коммунального хозяйства. М.: Издательство Всесоюзной академии архитектуры, 1935.
70. Бунин А.В., Круглова М.Г. Архитектурная композиция городов / Академия архитектуры СССР, Кабинет градостроительства. М.: Издательство Академии архитектуры СССР, 1940. С. 139.
71. Хазанова В.Э. Указ. соч. С. 313.
72. Бунин А.В. Архитектура городских ансамблей. Ренессанс... С. 53.
73. Аранович Д. Рецензия на книгу «А.В. Бунин и М.Г. Круглова — “Архитектура городских ансамблей (ренессанс)”» // Академия архитектуры. 1935. № 5. С. 68.
74. Он же.
75. Балихин В.С. Архитектура жилых комплексов Москвы. Проблема социалистического ансамбля // Академия архитектуры. 1935. № 1—2. С. 39—49; Он же. Из материалов обследования архитектуры жилых комплексов // Проблемы архитектуры: сборник материалов. Т. 1, кн. 1 / Всесоюзная академия архитектуры; под ред. А.Я. Александрова. М.: Изд-во Всесоюзной академии архитектуры, 1936. С. 191—216.
76. Балихин В.С. Архитектура и скульптура // Архитектура СССР. 1935. № 2. С. 17.
77. Бассехес А.И. Итоги творческого совещания // Архитектура СССР. 1935. № 2. С. 6.
78. Балихин В.С. Вопросы архитектуры ансамбля жилого комплекса и магистрали социалистического города: в порядке предварительной разработки темы // Академия архитектуры. 1935. № 6. С. 6.
79. В Академии архитектуры // Архитектура СССР. 1934. № 4. С. 75.
80. Кратюк В.В. Поляков Н.Х. Архитектурно-пространственная организация улицы // Проблемы архитектуры: сборник материалов. Т. 1, кн. 1 / Всесоюзная академия архитектуры; под ред. А.Я. Александрова. М.: Изд-во Всесоюзной академии архитектуры, 1936. С. 141—190.
81. Поляков Н.Х. Элементы архитектурного ансамбля Москвы // Строительство Москвы. 1936. № 5. С. 15—20.
82. Лавров В. Город-Линия // Строительная промышленность. 1928. № 6—7. С. 470—472.
83. Хроника и информация. В Кабинете планировки и садово-парковой архитектуры // Академия архитектуры. 1934. № 1—2. С. 128.
84. Общественный просмотр творческой работы научных учреждений Всесоюзной Академии архитектуры // Академия архитектуры. 1935. № 4. С. 77.
85. Лавров В. Вопросы архитектурно-планировочного ансамбля // Архитектура СССР. 1935. № 5. С. 51.
86. Там же. С. 52.
87. Там же. С. 52—54.
88. Там же. С. 54.
89. Хомякова И.Г. Проект глобального информационного центра «Мунданеум» Поля Отле в оценке современных зарубежных исследователей [Электронный ресурс] // Культура и образование. Декабрь 2013. № 4. URL: <http://vestnik-rzi.ru/2013/12/1187>, (дата обращения: 03.10.2016).
90. Лавров В.А. Архитектурно-планировочный ансамбль (Вопросы архитектурно-пространственной организации ансамбля) // Проблемы архитектуры: сборник материалов / под ред. А.Я. Александрова. Т. 1, кн. 1. М.: Изд-во Всесоюзной академии архитектуры, 1936. С. 117—140.

91. *Лавров В., Орлов Г.* Архитектурно-планировочный ансамбль Большого Запорожья // Архитектура СССР. 1936. № 9. С. 35.
92. *Ильин Л.* Ансамбль в архитектурном облике Ленинграда // Архитектура СССР. 1933. № 5. С. 9–11.
93. *Ильин Л.А.* Ансамбль в архитектуре города // Архитектура СССР. 1935. № 5. С. 44.
94. Там же. С. 48.
95. Там же.
96. Там же. С. 45.
97. *Ильин Л.А.* Искусство ансамбля // Архитектурная газета. 1935. № 46. С. 3.
98. *Ильин Л.А.* Ансамбль в архитектуре города // Архитектура СССР. 1935. № 5. С. 46.
99. *Мостаков А.* Московское жилищное строительство // Строительство Москвы. 1930. № 7. С. 26.
100. Архитектурно-планировочное управление Моссовета // Строительство Москвы. 1932. № 3. С. 44.
101. Москва за месяц. Планировочная работа реорганизована // Строительство Москвы. 1932. № 11–12. С. 42.
102. Москва за месяц. Архитектура улиц // Строительство Москвы. 1932. № 10. С. 48.
103. Садово-Триумфальная площадь // Строительство Москвы. 1933. № 7. С. 22.
104. Там же.
105. Постановление бюро МГК ВКП(б) и президиума Моссовета РК и КД от 23 сентября 1933 года «Об организации дела проектирования зданий, планировки города и отвода земельных участков в г. Москве» // Строительство Москвы. 1933. № 9. С. 5–7.
106. Архитектурно-планировочный комитет Моссовета // Строительство Москвы. 1932. № 2. С. 27.
107. *Мешков А.И.* Организация коллектива // Архитектура СССР. 1934. № 9. С. 17.
108. *Чернышев С.* Реконструкция улицы Горького // Архитектура СССР. 1934. № 8. С. 23.
109. *Розенфельд З.* Смоленская набережная // Архитектура СССР. 1934. № 4. С. 22.
110. *Иофан Б.М.* Планировка и ансамбль Социалистической столицы // Архитектурная газета. 1935. № 31. С. 2.
111. *Витман В.А.* Не забывать об ансамбле // Архитектурная газета. 1935. № 31. С. 2.
112. Были среди них и те, кто в принципе считал задачу проектирования новых ансамблей утопией. Так, А.С. Никольский выражал свое мнение простой формулой «диссонанс+время=ансамбль» (*Явейн О.И.* «Каждый метод стоит того, чего стоит тот, кто этот метод применяет». По материалам архива А.С. Никольского // Хан-Магомедовские чтения: [материалы международной научной конференции, 18–20 января 2012 г.] / отв. ред. И.А. Бондаренко; сост. Ю.П. Волчок, А.Н. Селиванова. М.; СПб.: Коло, 2015. С. 199).
113. Всесоюзное творческое совещание архитекторов в Ленинграде 20–23 мая 1935 г. Прения // Архитектура СССР. 1935. № 7. С. 18.
114. Ансамбль Социалистической столицы: Совещание в оргкомитете Союза советских архитекторов // Архитектурная газета. 1935. № 48. С. 2.
115. Хроника. Москва. Совещание по реконструкции Москвы // Архитектура СССР. 1935. № 9. С. 74.
116. Реорганизация планировочного дела // Строительство Москвы. 1935. № 11. С. 31.
117. В периодической печати 1930-х гг. новую главную магистраль Москвы называли по-разному. В отличие от 1920-х гг., когда эта магистраль, как правило, именовалась Аллеей Ильича, в 1930-е гг. ее также называли проспектом Ильича, проспектом Дворца Советов, Советским проспектом» и т.д.
118. *Шуко В.А., Гельфрейх В.Г., Ильин Л.А.* Центр Москвы // Архитектурная газета. 1936. № 38. С. 3.
119. Конкурс на проект здания Большого академического кинотеатра на площади Свердлова был проведен во второй половине 1936 г. Его результаты были признаны неудовлетворительными ещё до их официальной публикации, в том числе и потому, что ни один из конкурсных проектов не смог справиться с задачей решения нового ансамбля площади Свердлова.
120. *Соболев [Д.М.].* Центральная магистраль столицы преобразуется // Строительство Москвы. 1932. № 8–9. С. 21–25.
121. *Шуко В.А., Гельфрейх В.Г., Ильин Л.А.* Центр Москвы // Архитектурная газета. 1936. № 38. С. 3.
122. *Ильин Л.А.* Великая школа // Архитектурная газета. 1936. № 38. С. 2.
123. Камилло Зитте — австрийский архитектор, автор книги «Художественные основы градостроительства» (1889). Выступал против утвердившихся в то время идеалов планирования городов и предлагал обратиться к изучению средневекового города.
124. Пьер Ланфан — американский архитектор французского происхождения, инженер и градостроитель, автор первоначального проекта планировки Вашингтона (1792).

125. *Ильин Л.А.* Великая школа...
126. *Шуко В.А., Гельфрейх В.Г., Ильин Л.А.* Центр Москвы // Архитектурная газета. 1936. № 38. С. 3.
127. *Булганин Н.А.* Реконструкция городов, жилищное строительство и задачи архитектора: речь тов. Н.А. Булганина на I Всесоюзном съезде советских архитекторов // Архитектура СССР. 1937. № 9. С. 18.
128. Там же. С. 18.
129. Постановление Президиума Московского совета РК и КД от 27 июля 1939 г. «О перестройке планировочного и проектного дела Моссовета» // Строительство Москвы. 1939. № 14. С. 3.
130. *Ильин Л.А.* Об ансамбле Москвы // Строительство Москвы. 1940. № 15. С. 3.
131. *Ильин Л.А.* Планировка и застройка магистрали Международный проспект — Московское шоссе // Архитектура Ленинграда. 1938. № 1. С. 17.
132. *Бунин А.В., Круглова М.Г.* Архитектурная композиция городов // Академия архитектуры СССР. Кабинет градостроительства. М.: Издательство Академии архитектуры СССР. 1940. С. 190.
133. *Лоповок Л.* Архитектура и планировка // Архитектура СССР. 1936. № 6. С. 35.

Реконструкция Москвы

Гостиница Москва. Арх. А.В. Щусев, Л.И. Савельев и О.А. Стапран. 1931–1938

Дом СТО (СНК СССР). Арх. А.Я. Лангман. 1932–1935

Петровка, вид от пересечения с Кузнецким мостом. Начало 1930-х гг.

Площадь Свердлова и Театральный проезд. Начало 1930-х гг.

Охотный ряд до реконструкции. 1931

Арбатская пл. со зданием Арбатского рынка. 1932–1933

Арбатская площадь и вход на станцию метро «Арбатская». Вторая половина 1930-х гг.

Театральная площадь и вход на станцию метро «Охотный ряд». Вторая половина 1930-х гг.

Пушкинская площадь. Начало разборки колокольни Страстного монастыря. 1938

Пушкинская площадь. Страстной монастырь снесен. 1938

Первая в Москве фабрика-кухня на Ленинградском шоссе. Арх. А.И. Мешков. 1927–1929

Клуб завода «Каучук». Арх. К.С. Мельников. 1929 г.

Жилой городок прожекторного завода на ш. Энтузиастов.
Арх. Г.С. Гурьев-Гуревич, А.М. Зальцман, К.М. Соколов. 1934—1936

Дворец физкультуры московского завода №1 им. об-ва «Авиахим».
Арх. Н.А. Метелин. 1931—1934

Универмаг Мосторга на Красной Пресне. Арх. А.А. и В.А. Веснины. 1927–1929

Кинотеатр «Родина» на Семеновской пл. Арх. В.П. Калмыков . 1937–1938

Тверская ул. до реконструкции. *Начало 1930-х гг.*

Улица Горького (Тверская) после реконструкции. 1938

Стадион ЦК профсоюзов электромашиностроения «Сталинец» в Черкизове. Арх. Г.Г. Вегман, А.Я. Васильев. 1933–1935

Стадион «Динамо». Арх. А.Я. Лангман, Л.З. Чериковер. 1928

Всесоюзная сельскохозяйственная выставка (ВСХВ). Общий вид. 1939

ВСХВ. У павильона Таджикской ССР. Арх. М.А. Захаров, А.Е. Антоненко

ВСХВ. Вид на выставку от павильонов Центральных областей (слева, арх. А.В. Куровской) и Киргизской ССР (справа, арх. А.С. Плотников)

ВСХВ. Вид в сторону площади Механизации от павильона Азербайджанской ССР (слева). Арх. М.А. Усейнов, С.А. Дадашев

ВСХВ. Вид от павильона Башкирской АССР (арх. М.Ф. Оленев, Г.П. Гольц) в сторону площади Колхозов

ВСХВ. Площадь Колхозов. Общий вид

Жилой дом Главсевморпути на Никитском бульваре. Арх. Е.Л. Иохелес. 1934–1937

Жилой дом на Б. Калужской ул. Арх. Г.П. Гольц. 1935–1940

Жилой дом на Моховой ул. Арх. И.В. Жолтовский. 1934

Жилой дом ИТР НКСП на Краснопрудной ул.

Арх. Ю.В. Мухаринский, И.Е. Рожин (мастерская И.А. Фомина). 1934–1936

Жилой дом на шоссе Энтузиастов для работников судостроительной промышленности.

Арх. А.Н. Федоров, И.Г. Буров, М.Г. Виссинг. 1937

Жилой дом милиции на Кропоткинской ул. Арх. З.М. Розенфельд. 1936

РАЗДЕЛ III

**Унифицирующее
начало
в градостроительстве
и его преломления**

---

*На стр. 384: Сталино (Донецк).
Жилой дом комбината Сталинуголь.
Конец 1930-х гг.*

Особенности градорегулирования в Петрограде–Ленинграде: формирование внутригородской системы управления

А.Г. Вайтенс

Архитектурно-градостроительное развитие Санкт-Петербурга — Петрограда — Ленинграда, пожалуй как ни в одном другом городе, всегда определялось системой целенаправленных воздействий субъектов управления (государства, а до революции и органов городского самоуправления) на городские территории и пригороды, а также их застройку для обеспечения развития в желаемом направлении. Проблемы регулирования архитектурно-градостроительного развития — административные, организационные, юридические, нормативные, проектные — были актуальны для всех периодов формирования города, но ставились и решались они по-разному.

В данном случае нас будет прежде всего интересоваться, как отразился социальный перелом, связанный с установлением советской власти, на постановке и решении проблем градорегулирования Петрограда–Ленинграда, каким образом складывались взаимоотношения с качественно иной системой управления развитием городов, формировавшейся при новом социальном строе, что было внесено нового и была ли возможность преемственности с системой управления, существовавшей до революции.

Последняя треть XIX и начало XX в. характеризовались активными попытками (как по всей стране, так в особенности в столице — Санкт-Петербурге) создать систему регулирования градостроительного развития города на основе сочетания общественного самоуправления и деятельности властных структур.

К началу 1870-х гг. Санкт-Петербург являлся одновременно столицей Российской империи и главным городом одноименной губернии, в связи с чем объектами регулирования являлись не только городские территории и городская черта, но и

пригороды, объединенные с городом транспортными и хозяйственными связями. В результате общероссийских городских реформ 1870-х гг., основы которых были закреплены в Городовом положении 1870 г. и Уставах строительных, значительная часть регулятивных функций в Санкт-Петербурге, касавшихся частной застройки, с 1873 г. перешла от местных структур исполнительной власти — Управления губернатора и градоначальника (с 1871 г.) — к выборным органам городского общественного управления — городской думе и городской управе.

Таким образом, с начала 1870-х гг. начала функционировать новая модель регулирования градостроительного развития российской столицы, основанная на взаимодействии исполнительной власти и выборного городского самоуправления. Регулирование было направлено на регламентацию архитектурно-градостроительной деятельности и землепользования. Анализ складывавшейся в этот период управленческой городской системы Санкт-Петербурга позволяет выявить определенную целевую установку, основанную на принципе «урегулирования» — комплексного управленческого и проектно-планировочного подхода, направленного на поддержку эволюционного развития, обустройство, оздоровление и улучшение архитектурного облика города и его отдельных территорий.

Анализ становления городских субъектов градорегулирования и направлений их деятельности в дореволюционный период позволяет также выявить три качественно различных этапа.

1873–1892 гг. — важнейший этап формирования основных принципов и направлений городской градостроительной политики, осуществлявшейся затем вплоть до революции: создание точного фискационного плана города; повышенное внимание

к транспортному обеспечению и инженерной инфраструктуре; ведение разнообразной городской статистики и определение городских потребностей как основы для проектирования; уточнение административных границ города и его административного деления; постоянная фиксация всех изменений в состоянии недвижимости всех форм собственности.

1892–1903 гг. — на этом этапе действовало новое Городовое положение, утвержденное Александром III. Это Положение уточняло и значительно расширяло права городских Дум и Управ в сфере градорегулирования.

1903–1917 гг. — на этом этапе Николаем II вместо Городового положения было введено «Положение об общественном управлении г. Санкт-Петербурга», которое, формально ничего не меняя в компетенции городских органов самоуправления, предусматривало еще один контролирующий орган — Особое по делам г. Санкт-Петербурга присутствие, фактически ограничивавший деятельность городских думы и управы. Вместе с тем в предреволюционные годы роль городской думы и городской управы как субъектов регулирования архитектурно-градостроительного развития Санкт-Петербурга становилась все более существенной в связи с усилением их финансовой и имущественной самостоятельности¹.

Сложные и противоречивые взаимоотношения государственной исполнительной власти и выборных городских органов в этот период усугублялись также активной самостоятельной градостроительной деятельностью общероссийских министерств и крупных частных компаний, постоянно расширявших свое владение городскими участками. Интересы города и частного капитала сталкивались и в самой Думе, среди «гласных» которой преобладали крупные предприниматели и владельцы городских территорий. К этому времени относились и критические высказывания архитекторов и думских деятелей по поводу негативных результатов градоформирования российской столицы.

В эти годы известными архитекторами (Г.В. Барановским, Л.Н. Бенуа, М.Г. Диканским, В.Н. Семеновым и другими), инженерами (Г.Д. Дубелиром, А.К. Еншем, В.С. Карповичем, Л.В. Шмеллингом и другими), предпринимателями (Ф.Е. Енакиевым), деятелями городского самоуправления (А.А. Журавлевым, А.Н. Никитиным, Д.Д. Протопоповым и другими) были выдвинуты предложения по совершенствованию градостроительного законодательства, расширению градорегулирующих прав городской власти и местного самоуправления. Несмотря

на существовавшие организационные и финансовые проблемы, можно утверждать, что при расширении прав выборных органов общественного самоуправления в сфере регулирования земельных отношений и контроля за результатами строительства они смогли бы в перспективе стать ведущими субъектами регулирования архитектурно-градостроительного развития российской столицы.

Во всяком случае, импульс, заданный в начале XX в. потоком новых идей в области организации городского дела и, в частности, градорегулирования Санкт-Петербурга, ощущался еще почти два десятилетия в совершенно новых социальных условиях. Так, например, в первые послереволюционные годы в среде коммунальных деятелей, инженеров и архитекторов широко использовался термин «градоустройство», берущий начало в работах дореволюционных теоретиков-градоведов. Этот емкий термин подразумевал, что градоустройство — это прежде всего широкая социальная задача, система мероприятий по совершенствованию среды обитания, куда планировка городов входит лишь как часть этой задачи². Постепенно, с развитием идеи «соцгородов», исчез как сам термин, так и стоявшие за ним содержание и методы градорегулирующей деятельности.

Прежде чем приступить к рассмотрению градорегулирующей деятельности в Петрограде—Ленинграде, необходимо отметить, что в период 1918 — начала 1930-х гг. государственная система управления развитием городов отличалась изменчивостью и неопределенностью статуса субъектов управления, а также распределения их функций. На руководящую роль в деле управления развитием городов в этот период претендовали: Высший Совет народного хозяйства (ВСНХ); Наркомат тяжелой промышленности и другие промышленные наркоматы; Главное управление коммунального хозяйства МВД РСФСР (ГУКХ МВД); Совет труда и обороны (СТО); Госпланы республиканского и союзного уровней; с 1931 г. — Всесоюзный Совет коммунального хозяйства (ВСКХ) и Наркомат коммунального хозяйства РСФСР (НККХ). Взаимоотношения всех этих структур характеризовались, с одной стороны, острой ведомственной борьбой, с другой — дублированием функций³.

Становление субъектов градорегулирования Петрограда — Ленинграда в рассматриваемый период также было достаточно сложным. Сразу после Февральской революции 1917 г. петроградская городская дума и городская управа приобрели широкую компетенцию и самостоятельность. В их компетенцию как городских коммун входило все

городское благоустройство, земельное дело, общественная медицина, народное образование и, отчасти, местная экономическая жизнь. Городская дума и управа пользовались полной автономией: правом обложения налогами, собственным бюджетом и самостоятельным управлением. Центральная власть не могла вмешиваться в дела Петроградского общественного управления, за исключением вопросов, имевших общегосударственное значение и точно указанных в законе⁴. Главными условиями, обеспечивавшими в тот период самостоятельность городской думы и управы, являлись собственный бюджет и отсутствие необходимости утверждения их обязательных постановлений со стороны центральной власти — Временного правительства.

После Октябрьской революции 1917 г. ситуация в области местного самоуправления в стране, в том числе и в Петрограде, начала серьезно меняться. Первые шаги революционной власти сопровождались расширением городского самоуправления, но в то же время революционное правительство Декретом от 28 октября 1917 г. провозгласило, что «вся власть отныне принадлежит Советам». В декабре 1917 г. окончательно определилось, что обязанности всего местного управления возлагаются на Советы. После этого органы городского самоуправления начали постепенно ликвидироваться. Петроградская городская дума была окончательно ликвидирована в начале 1918 г.

Согласно Конституции 1918 г. Советы стали единственными органами местного хозяйства и управления, высшей властью на местах. В компетенцию их исполнительных органов (исполкомов) вошли не только местные коммунальные дела, но и общегосударственные вопросы, которые приходилось решать на местном уровне.

Органом исполнительной власти в Петрограде как центре губернии с 1918 г. стал Петрогубисполком. В его составе был создан Отдел коммунального хозяйства (Откомхоз), ведавший также вопросами строительства и благоустройства. С этого же времени начали формироваться и органы архитектурно-строительного надзора — строительно-технические управления⁵. Начиная с этого времени эти исполнительные органы стали субъектами градорегулирования в Петрограде — Ленинграде.

В 1918—1921 гг., в связи с экономической политикой военного времени были уничтожены налоговые права и бюджеты местных Советов, в том числе и Петроградского. Непрерывный контроль и вмешательство центральных органов (народных комиссариатов) в местные дела дополняли финан-

совую и материальную зависимость местных органов власти в Петрограде. Коммунальное хозяйство города, сильно пострадавшее во время Первой мировой войны, в первые послевоенные годы приходило в упадок.

Голод, отсутствие топлива и другие лишения стали причинами резкого уменьшения числа жителей. Так, если осенью 1917 г. население города (вместе с пригородами) составило свыше 2 300 000 жителей, то по данным переписи, проведенной в июне 1918 г., эта цифра составила всего 1 468 850 чел.⁶ Всего со времени Октябрьской революции 1917 г. по 1920 г. население Петрограда (с пригородами) уменьшилось в 2 раза.

С весны 1918 г. в связи с переездом Правительства и переносом столичных функций в Москву из Петрограда в широких масштабах началась эвакуация промышленности, работавшей на оборону, и рабочих, занятых на этих предприятиях.

Катастрофическое разрушение производства и жилищного фонда, отток населения в первые послереволюционные годы привели к обострению земельного вопроса в Петрограде. Петроград к началу XX в., как и другие российские города, в результате специальных государственных мероприятий по генеральному межеванию имел вполне определенную городскую черту и обладал достаточно крупным земельным фондом для дальнейшего развития. В пределах селитебной территории города располагались в основном, земли частных собственников и государственные территории ведомств. В этих же пределах находились и земли городского общественного управления. Значительная масса общественно городских земель находилась за пределами селитебной, но в пределах городской межи, составляя резерв для развития города.

В результате конфликтов между городскими Советами и земельным комитетом Петроградской губернии за пригородные территории, пригодные для развития сельского хозяйства, и в результате отмеченных выше особенностей деградации промышленности и городского хозяйства городская черта как таковая перестала существовать. В более или менее бесспорном владении города оставались только селитебные территории. Если какие-то участки на периферии Петрограда городским властям и удавалось отстоять, то они осваивались не под застройку или объекты благоустройства, а как сельскохозяйственные угодья, необходимые для пропитания городского населения.

Принятие в декабре 1922 г. Земельного кодекса, при всех его несовершенствах сыграло большую

роль в дальнейшем развитии Петрограда—Ленинграда. Город приобрел относительную самостоятельность в деле землеустройства, было приостановлено стихийное изъятие городских земель. Начался сложный процесс обособления городских земель от соседних крестьянских и внутреннее размежевание участков между землепользователями.

В 1918—1921 гг. никакого нового строительства практически не велось. Тем не менее в это трудное время петроградские архитекторы и инженеры стали задумываться о путях восстановления и развития города в новых социально-политических условиях советского времени.

Деятельность по восстановлению городского хозяйства в Петрограде в первые послереволюционные годы была сосредоточена в Совете коммунального хозяйства Петрогубисполкома. По решению этого исполнительного органа в мае 1919 г. были созданы Совет по урегулированию плана Петрограда и его окраин и при нем Архитектурная мастерская. Этот совещательный орган возглавил профессиональный революционер Л. Михайлов. В деятельности Совета по урегулированию плана города (переименованному в 1921 г. в Отдел градостроительства с Ученым советом при нем) принимали участие, помимо работников Отдела коммунального хозяйства и архитекторов-градостроителей, также и представители общероссийских ведомств — военного, промышленного, путей сообщения, морского флота, здравоохранения и других. Таким образом, при формулировании задач восстановления и развития города учитывались как местные, городские, так и общероссийские интересы.

Архитектурную мастерскую (переименованную позднее в Научное бюро градостроительства) возглавил академик архитектуры Иван Александрович Фомин (1872—1936). По существу, это была инициативная группа творческих единомышленников, возглавивших проектно-градостроительную деятельность в Петрограде в наиболее тяжелый для города период и выдвинувших идеи его реконструкции и урегулирования. В мастерской И.А. Фомина в разное время работали В.Г. Гельфрейх, А.С. Никольский, С.С. Серафимов, Л.М. Тверской. Заместителем И.А. Фомина был архитектор М.И. Рославлев (1880—1948).

Задачи мастерской были намечены следующим образом: «I) составление общего и детальных планов будущего Петрограда, II) принятие мер по агитации различными способами идей перепланировки города и III) организация Музея городского строительства»⁷. Для решения этих задач И.А. Фо-

мин и его коллеги определили шесть основных направлений архитектурно-градостроительной проектной деятельности:

«1) урегулирование движения: новые проспекты, улицы, площади, изменения старых; новые линии трамвайных путей и других путей сообщения; вопросы перенесения вокзалов, вопросы кратчайших путей сообщения между важнейшими пунктами города; вопросы разгрузки движения для перегруженных улиц и пр.;

2) забота об увеличении и рациональном распределении зеленых площадей. Урегулирование старых насаждений; создание новых парков, приведение в порядок и увеличение площадей старых парков, создание зеленого пояса для всего Петрограда, устройство новых больших и малых скверов и пр.;

3) проектирование новых общественно полезных сооружений: например, общественные бани, здания и площади для всех видов спорта, стадион, рабочие поселки, типовые застройки рациональных жилых кварталов города и пр.;

4) восстановление старинных красот города: очистка от позднейших наслоений как отдельных зданий, так и целых архитектурных ансамблей, окончание незаконченных замыслов больших архитекторов прежних эпох;

5) проектирование новых кварталов как в черте города, так и на окраине по типу городов-садов. Изменение границ города, разработка вопроса о будущем вероятном росте города и пр.;

6) вопросы новой красоты города: проектирование новых архитектурных ансамблей, отдельных сооружений больших и малых, например набережных, мостов, решеток, трамвайных столбов, павильонов метеорологических, павильонов для публикаций и др.; вопросы постановки памятников и перенесения на новые места старых и пр...»⁸.

Приведенная цитата показывает, что коллективом мастерской была задумана широкая, многосторонняя программа реконструкции Петрограда. По существу, это была программа широких городских преобразований средствами урегулирования, предусматривавшими использование градоведческих исследований и имевшими целью эволюционное развитие города. Можно предположить, что И.А. Фомин и его соратники прекрасно понимали, что в условиях экономической разрухи тех лет и отсутствия средств реализация этой программы была нереальна. Тем не менее они справедливо предполагали, что при улучшении общеэкономических условий городские проблемы Петрограда, большинство из которых являлось наследством преды-

душего периода, все равно придется решать, а для этого необходимо знать, что, где, когда и в какой последовательности изменять и преобразовывать.

Мастерская по урегулированию плана Петрограда организационно сформировалась уже к середине 1919 г. Один из ее сотрудников, инженер В.С. Кривенко, позднее писал: «В состав мастерской вошло 19 человек: главный архитектор, его заместитель, ученый секретарь, консультант-эксперт городского благоустройства, 6 архитекторов-проектировщиков, 3 их помощника, зав. чертежной, 3 чертежника, делопроизводитель и 1 машинистка. В состав Художественного Совета мастерской приглашались известные авторитеты в области искусства и архитектуры»⁹. С самого начала деятельности Мастерской в ее основу были положены изучение местных условий города и выявление требований его переустройства, т.е. направления предпроектной деятельности, характерные для подхода с «урегулированием».

Работа мастерской начиналась в сложных условиях. Точного, пригодного для проектных проработок городского плана не было. Все городские планы конца XIX — начала XX в., начиная с плана 1880 г., были основаны на съемочном плане 1828 г. (плане Шуберта) и были практически непригодны для дальнейшего градостроительного проектирования. Мастерская поручила, впервые в России, осуществление аэрофотосъемки части Петрограда местному отделению Воздухофлота. Таким путем удалось заснять около 35 кв. верст (прибл. 39,7 кв. км) городских территорий. Кроме этого, мастерская заказала геодезическую съемку ряда территорий центра города. Полученные съемки послужили основой для проектных работ.

При разработке проектов градостроительных преобразований Петрограда и его окрестностей коллектив мастерской И.А. Фомина придерживался следующих положений:

- 1) использование преимуществ приморского положения Петрограда;
- 2) необходимость оздоровления города путем увеличения озеленения — проектирование защитной парковой зоны и новых парков и садов в разных частях города;
- 3) необходимость устройства новых приемных железнодорожных станций в связи с проложением подземных рельсовых путей;
- 4) при проектировании реконструкции в центральных частях города — необходимость придерживаться существующих, исторически сложившихся рамок, т.е. регламентов землепользования и застройки;

5) необходимость радикальной перепланировки пригородов с целью их оздоровления.

По существу, это были обобщенные предложения по градорегулированию Петрограда.

Уже к концу 1919 г. в мастерской И.А. Фомина была разработана схема зонирования Петрограда, которая предусматривала разбивку города на три зоны — деловую, жилую и промышленную с регламентацией высоты будущих зданий и степени застройки домовых участков. В связи с тем что правила зонирования не были юридически подтверждены, в этой работе были предложены следующие нормы: «а) не допускается сплошная, без разрывов между зданиями, застройка, кроме центральной зоны, не предназначенной для жилья; б) предельная высота зданий для различных зон ограничена, размеры этого следующие:

- для 1 зоны (деловой) — 6 этажей — высота 11 саж.;
- для 2 зоны (жилой) — 4 этажа — высота 8 саж.;
- для 3 зоны (промышленной) — 3 этажа — высота 6 саж.

Соответственно с высотой зданий определяется наименьшая ширина улиц и дворов. Процент застройки участков колеблется от 65% в деловой зоне до 40% в промышленной зоне и пригородах»¹⁰. По

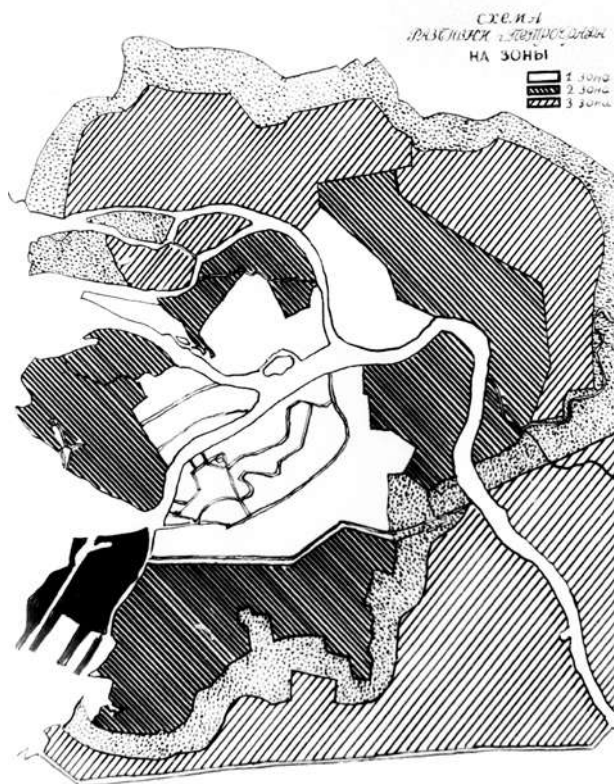

Схема зонирования Петрограда. Арх. И.А. Фомин, М.И. Рославлев. 1919–1920

существо, в этом проекте были предложены первые в советское время *регламенты застройки и землепользования* для различных частей Петрограда.

3 октября 1918 г. А.В. Луначарским был подписан декрет о создании в Петрограде Музея города. По мысли его создателей — профессора Технологического института В.Я. Курбатова и известного к тому времени архитектора Льва Александровича Ильина (1880—1942), основные направления работы этого музея предполагались следующими: разработка принципиальных основ развития Петрограда, рассмотрение проектов планировки и застройки города и популяризация зодчества. Для реализации этих направлений при Музее был создан Отдел архитектуры и городского строительства, состоявший из двух секций: планировки и застройки города, которую возглавил Л.А. Ильин, и секции садово-паркового искусства, во главе которой стоял В.Я. Курбатов, а позднее — архитектор-художник П.В. Ковальская-Ильина. Помимо этого, в системе Музея города был создан Отдел социальной гигиены, который возглавил известный к тому времени специалист по городскому благоустройству инженер, проф. З.Г. Френкель. Отдел занимался вопросами городской статистики, проблемами восстановления городского хозяйства, транспорта, инженерного благоустройства и инженерного обеспечения Петрограда. В деятельности этого отдела принимал участие известный специалист по транспорту

проф. Г.Д. Дубелир. Таким образом, уже к началу 1920-х гг. в Петрограде был создан еще один центр проектно-градостроительной деятельности.

В конце 1920 г. был организован Отдел градостроительства Совета коммунального хозяйства Петроградского губисполкома. В ведение этого Отдела перешли Музей города и Архитектурная мастерская И.А. Фомина, переименованная в Научно-художественное бюро градоустройства. Область деятельности этого коллектива расширилась. По новому положению на Научно-художественное бюро градоустройства было возложено:

«а) разработка вопросов планировки, эстетики и внешнего благоустройства Петрограда и населенных пунктов Петроградской губернии;

б) инициатива рационально-планомерной и художественно-культурной застройки населенных мест Петроградской губернии, в том числе и г. Петрограда;

в) научно-техническая разработка вопросов градостроительства: перепланировки сельских поселений, разработки новых типов сельских сооружений»¹¹.

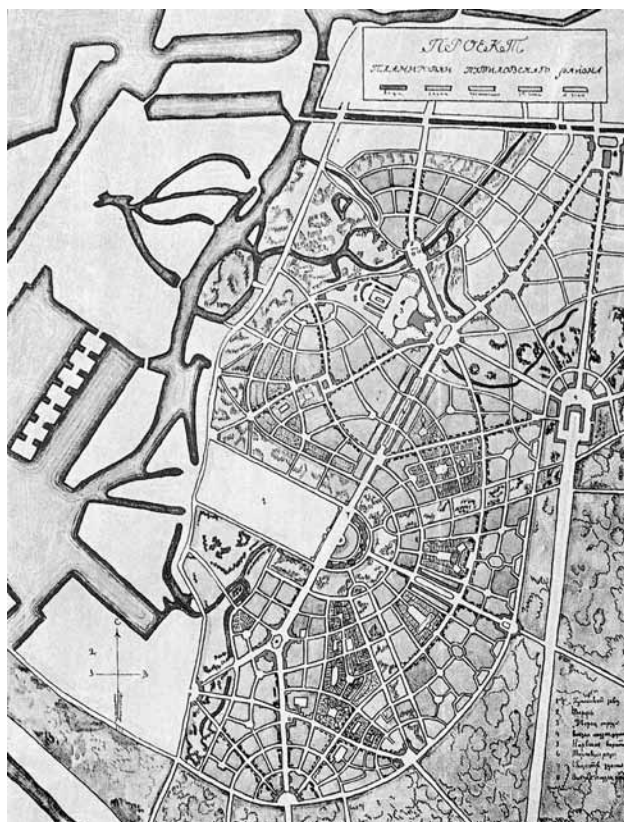
С учетом этих задач коллектив, возглавляемый И.А. Фоминым, к началу 1921 г. разработал проект перспективного плана «Большого Петрограда», решавший развитие города совместно с окружающими и административно-подчиненными территориями.

В 1921 г. была организована отчетная выставка работ Научно-художественного бюро градоустрой-

Проект разгрузки трех узлов Невского проспекта. Арх. И.А. Фомин. 1919

Проект планировки Путиловского района.

Арх. Л.М. Тверской, Н.А. Троцкий. 1919–1920

ства. На ней были представлены следующие проекты планировки обширных городских территорий, выполненные в 1919–1921 гг.:

«а) схема путей сообщения Петроградской губернии;

б) проект урегулирования центральной части Петрограда с показанием зеленого пояса;

в) проект разгрузки Невского проспекта (северный и южный дублеры);

г) проект планировки Крестовского острова;

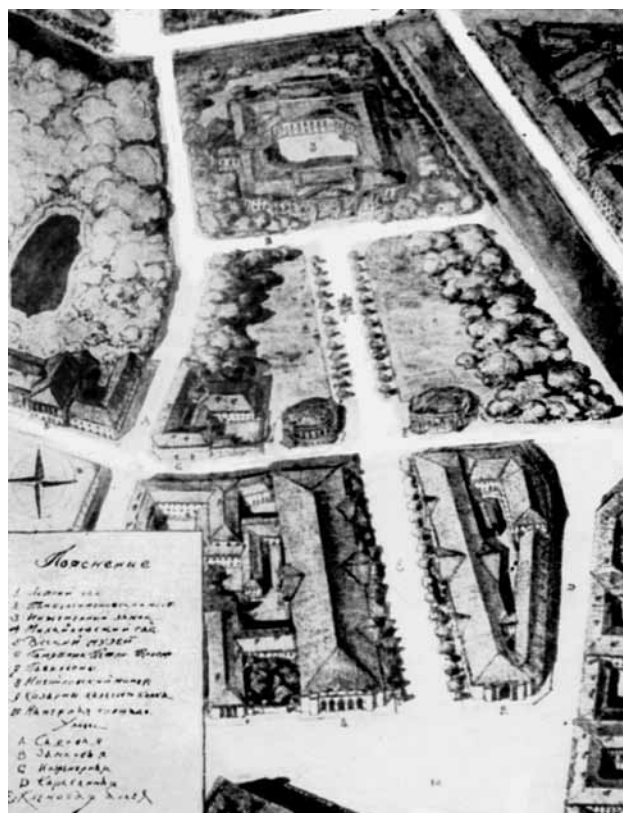
д) проект урегулирования Петроградской стороны с предложением по планировке дублера Каменноостровского проспекта;

е) проект разбивки просп. им. Веры Слуцкой;

ж) проект планировки Путиловского района и главных площадей в этом районе;

з) проект восстановления ансамбля Инженерного замка.

Были также выставлены проекты коллективного жилья, терм, душевых зданий, скамеек, витрин и стендов¹². На отделении сельского строительства этой выставки были представлены: типовой проект сельскохозяйственного поселка для Петроградской губернии, а также проекты крестьянской усадьбы, избы, школы, почты и других сельских обществен-

Проект восстановления исторического вида Кленовой

аллеи. Арх. В.Г. Гельфрейх. 1920

ных зданий. По существу, это были эскизы типовых проектов. Эта отчетная выставка показала широкий диапазон деятельности Мастерской И.А. Фомина — от разработки проектов урегулирования Петрограда и его частей до предложений по планировке и застройке поселений губернии.

Новый социальный и градостроительный смысл приобретали в работе мастерской известные к тому времени идеи «городов-садов». Новое понимание идей «городов-садов» применительно к задачам реконструкции, развития и благоустройства Петрограда было выражено в программе Архитектурной мастерской И.А. Фомина, составленной еще в 1919 г. и подтверждено в циркуляре Отдела градостроительства Совкомхоза, направленном в 1921 г. в населенные пункты Петроградской губернии. «Наука градостроительства, — указывалось в циркуляре, ставит новые требования устройства жилищ по окраинам города, создания так называемых городов-садов и пригородов-садов, где бы соединялись все условия городской культурной жизни с жизнью деревни, где бы человек был поставлен близко к природе. Жилые кварталы города должны быть разделены парками и скверами, и вокруг города должен быть никогда не застраиваемый

зеленый пояс... Как Петроград, так и все города Петроградской губернии должны быть перепланированы согласно новым требованиям о градостроительстве»¹³. Задачи оздоровления города, по мысли И.А. Фомина и его коллег, предполагалось решать средствами градорегулирования. В этом же циркуляре указывалось, что «перепланировка сложившихся частей Петрограда не будет состоять в сломке существующих строений, как жилых, так и общественных, но в использовании свободных мест, пустырей, где будут устроены сады, скверы, детские площадки, спортместа и новые жилища, старый же центр города останется местом административных и общественных зданий... Комиссариат городского хозяйства решительно выступил на путь воссоздания плана будущего Петрограда, причем руководящей мыслью является стремление приблизить город к идеальному типу города-сада»¹⁴. Таким образом, одним из направлений градорегулирования в Петрограде стало его озеленение.

Существовавшие общественные зеленые насаждения составляли после революции лишь 2% городской территории. Схемой-планом «Большого Петрограда» было намечено довести площадь озеленения до 10%. С этой целью начал разрабатываться и осуществляться целый ряд проектов новых и перепланировки старых садов и скверов, устройства древесных посадок вдоль улиц, восстановления зеленых территорий исторических зданий и ансамблей. Наиболее значительной из этих работ стал проект преобразования Марсова поля.

В начале 1920-х гг. никаких норм планировки в РСФСР не существовало. Прежние отдельные законоположения в этой области, находящиеся в Строительных уставах разных лет, в новых социально-политических условиях были практически неприменимы. К этому времени был выдвинут ряд идей и предложений о градостроительном нормировании. Для планомерного восстановления и развития Петрограда—Ленинграда эти идеи имели особенно важное значение. Наиболее полно эти идеи были выдвинуты в статье инженера И.Г. Гельмана, работавшего в Отделе благоустройства ГУКХ, «Принципы и нормы планировки городов»¹⁵. Но это были лишь самые общие соображения о том, что должны включать в себя градостроительные нормы и как в целом должно выглядеть градостроительное законодательство. Поэтому петроградским архитекторам приходилось опираться только на собственные разработки.

Совет по урегулированию плана Петрограда и Архитектурная мастерская при нем, возглавляемая

И.А. Фоминым и М.И. Рославлевым, продолжили свою деятельность и в начале 1920-х гг. Совет по урегулированию плана города, состоявший при Петроградском губернском отделе коммунального хозяйства, в 1922 г. был переименован в Комиссию по благоустройству. К компетенции этой Комиссии были отнесены:

«а) вопросы планировки, застройки населенных мест (прокладка улиц, площадей, каналов, устройство садов), устройство новых поселений и отвода земельных участков под застройку;

б) вопросы переустройства и развития г. Петрограда и других населенных мест Петроградской губернии;

в) вопросы о разбивке городов и селений на зоны застройки;

г) вопросы о согласовании плана работ отдельных ведомств или учреждений, связанных с благоустройством городов и селений Петроградской губернии;

д) все вообще вопросы, касающиеся внешнего благоустройства и эстетики населенных мест Петроградской губернии»¹⁶.

Подобная широта предметов ведения позволяла Комиссии стать важным субъектом градорегулирования, проводившим единую градостроительную политику не только на городском, но и губернском уровнях. Однако на практике этого не произошло. В 1922 г. проходила общесоюзная кампания по сокращению штатов государственных служащих. Эти сокращения коснулись и Комиссии по градостроительству. Архитектурно-планировочная мастерская была практически ликвидирована (были уволены 12 архитекторов, осталось лишь двое), были уволены все служащие канцелярии, и лишь состав Межевого отделения был оставлен без изменения¹⁷.

В 1919—1921 гг. Комиссия и Архитектурная мастерская имели возможность разрабатывать общие вопросы по урегулированию и благоустройству не только Петрограда, но и населенных мест губернии, давать предложения по сельскому строительству. После сокращения штатов и практической ликвидации проектного подразделения Комиссии пришлось значительно ограничить область своей деятельности.

И.А. Фомин и М.И. Рославлев просили увеличить штат Архитектурной мастерской, с тем чтобы ее деятельность соответствовала направлениям и масштабам задач, выдвигаемых ростом города и развитием строительства. Однако в начале 1923 г. мастерская была ликвидирована, а ее материалы: научные предпроектные исследования, библиотека и свыше 200 проектов перепланировки и типового строительства — перешли в Музей города.

Деятельность мастерской по урегулированию плана Петрограда в 1919–1923 гг. была подробно освещена в работе М.И. Рославлева «Старый Петербург — Новый Ленинград (Строение города в прошлом и программа будущего)», вышедшей в 1925 г. Эта деятельность отличалась широтой научного подхода к проблемам реконструкции и развития крупного приморского и речного города, каким был Петроград. «Опыт Совета по урегулированию плана Петрограда и его окраин — отмечал М.И. Рославлев, показал, что в области строительства и благоустройства города не существует вопросов, объективное решение которых не потребовало бы рассмотрения их с самых разнообразных сторон, затрагивающих интересы различных ведомств, деятельности отдельных органов и сил местного и общегосударственного значения. Этот опыт дает нам право утверждать, что никакая так называемая программа минимум (современные сезонные планы) не может рассчитывать на целесообразное и планомерное решение поставленных перед нею задач, если в плане ее работы не будет отчетливого представления о программе-максимум, если последняя (т.е. программа-максимум) не будет служить ей направляющей. Наша программа-максимум есть вопрос о «Большом Ленинграде»¹⁸. По существу, в этом труде была представлена широкомасштабная научная и проектная программа градорегулирования как на уровне системы «Ленинград — губерния», рассматриваемой как «Большой Ленинград», так и более локальная, предусматривавшая регулирование реконструкции и развития на уровне города.

Изложенные идеи принадлежали не только М.И. Рославлеву, но и его коллегам по Архитектурной мастерской. По их мнению, реализация этих многоуровневых программ «требует участия и содействия не только видных специалистов в области градостроительства, но и ряда органов, как местного, так и общегосударственного значения. Объединяющим центром и согласующим все требования и интересы различных ведомств должен бы быть специальный межуведомственный орган при Ленинградском губисполкоме»¹⁹.

В начале 1920-х гг. начала постепенно развиваться деятельность по восстановлению Петрограда, его промышленности, жилого фонда, транспорта. Перед руководителями коммунального хозяйства, ответственными за восстановление города, инженерами и архитекторами встало множество вопросов. Как обследовать город для нужд его восстановления и дальнейшего развития? Этим проблемам были посвящены работы петроградско-

го инженера-архитектора А.И. Зазерского (1876–1942), опубликованные им в 1923 и 1924 гг.²⁰

В результате анализа градообразующего потенциала Ленинграда, А.А. Зазерский выделил, как и в более ранней работе, семь градообразующих систем, характерных для этого города: администрирование, оборона, промышленность, транспорт (шоссейный, железнодорожный, речной и морской), торговля, культура и просвещение и здравоохранение. В соответствии с приведенным делением этих сторон производственной деятельности города и его населения автор предлагал обследование города разбить на семь самостоятельных направлений: «Построенное таким образом обследование, — писал он, — даст возможность критически отнестись сначала к рациональности устройства в городе зданий и сооружений производственного назначения семи означенных областей, правильности размещения их, достаточности развития и экономической жизнеспособности их в связи с общей экономической деятельностью города и всего государства, и когда будут ясны, таким образом, экономические проблемы дальнейшего развития этих производственных зданий и сооружений, — перейти затем к анализу жилищного вопроса в городе. Только такая последовательность в обследовании и анализе города даст правильное освещение всех устройств его с точки зрения экономической целесообразности, которая является основным залогом для жизнеспособности города, дальнейшего направления его развития и материального благополучия его населения»²¹.

Большое значение имел вопрос о том, в каком направлении вести реконструкцию и развитие города — от центра к окраинам или начинать с нового строительства на бывших окраинах? Обсуждение этих вопросов происходило в 1922–1925 гг. на страницах журнала «Коммунальное дело» и ленинградского журнала «Вопросы коммунального хозяйства».

Профессор З.Г. Френкель в своей статье «Наиболее неотложная задача планировки и благоустройства Ленинграда» (1925) высказывался за приоритетную реконструкцию и развитие жилой застройки и территорий исторического центра. Отмечая значительные разрушения жилых домов, в особенности деревянных, в период 1918–1921 гг. и освободившиеся вследствие этого территории, автор предполагал возможным исправить многие недостатки планировки и благоустройства в наиболее густонаселенных районах Ленинграда. Одновременно он указывал на тенденцию роста населения Ленинграда, которое к 1925 г. достигло уже 1 300 000 человек, т.е. почти половины довоенного уровня. При этом

больше всего заселялись центральные районы города с более сохранившимися каменными домами. В связи с этим З.Г. Френкель отмечал: «Нельзя поэтому ни в коем случае откладывать насущнейшей и безотлагательной задачи настоящего дня — привести в точную известность по всем районам города освободившиеся от слома домов места и все вообще имеющиеся незастроенные пространства и пустыри и установить в полном соответствии с основными нуждами благоустройства города план их целесообразного использования в интересах оздоровления города, для урегулирования проездов или для жилищного строительства»²².

Автор считал, что выявленные территориальные резервы должны быть использованы для оздоровления города, в первую очередь для городских зеленых насаждений, а также для образования внутри наиболее крупных кварталов «внутренних садов». Часть из этих резервов необходимо использовать под будущее строительство. «Однако, — писал он, — какие именно места можно без вреда для интересов благоустройства и не нарушая требований улучшения плана и оздоровления города, представить под застройку, а какие нужно безусловно изъять и на будущее время от застройки для иного использования в целях общего благоустройства — это можно решить только в связи с детальной и всесторонней проработкой вопроса о возможных и необходимых улучшениях и изменениях в плане города, за счет пока еще имеющихся пустырей»²³.

З.Г. Френкель привел данные переписи 1923 г., показавшие, что именно в центральных районах восстановление численности населения происходило наиболее быстрыми темпами. Действительно, центральные районы были относительно более благоустроены, обладали достаточным, по сравнению с периферийными районами, инженерным и транспортным обеспечением. В связи с этим он считал, что в первую очередь нужно вести реконструкционные работы в центре, на основе уже сложившейся инженерной и транспортной инфраструктуры.

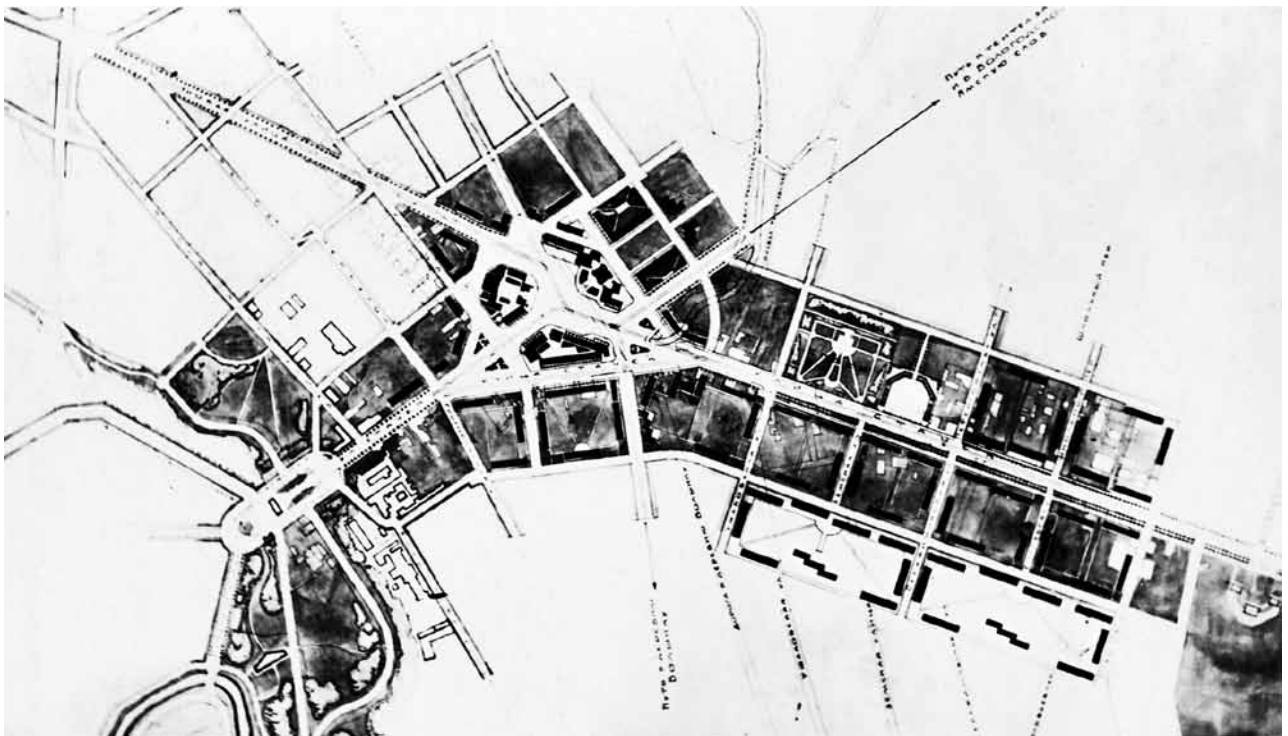
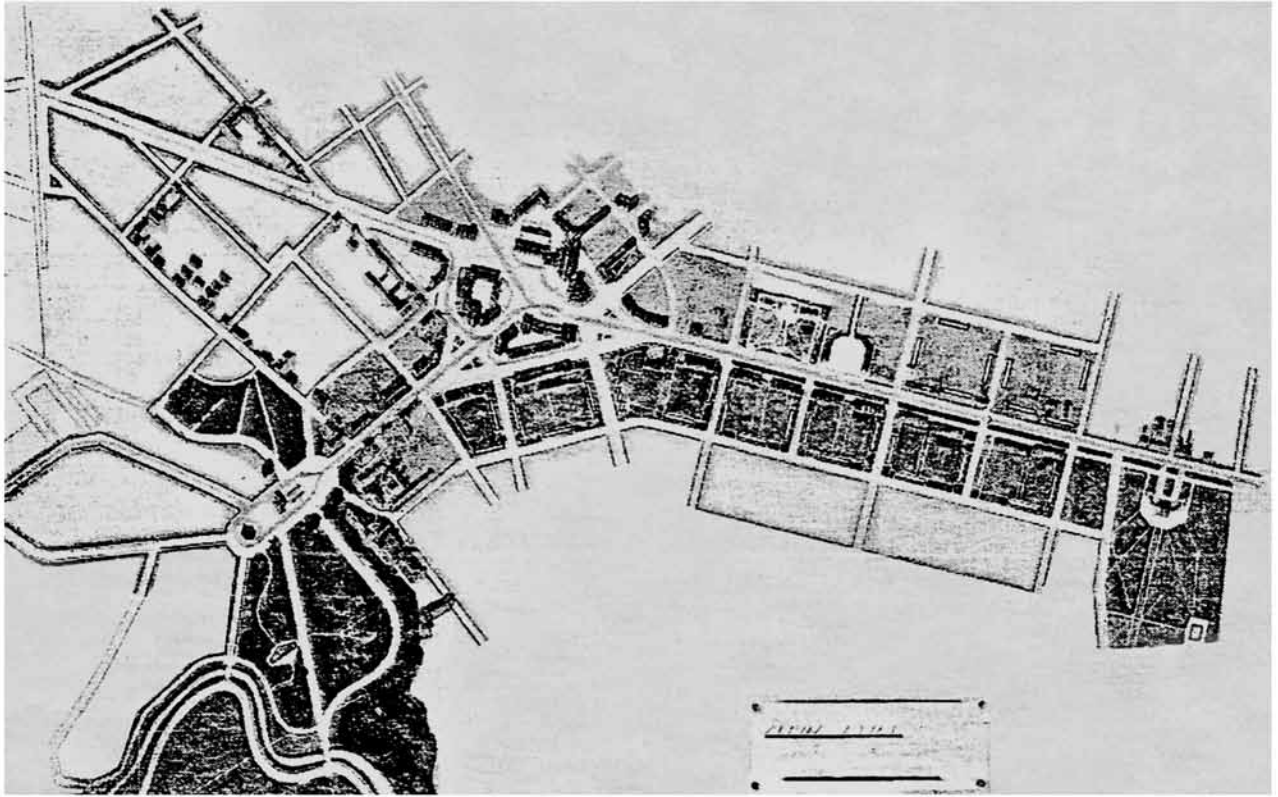
Л.А. Ильин в вопросах очередности восстановления жилых районов исторического центра Ленинграда и его рабочих окраин придерживался иного мнения. Опираясь статистическими данными, он утверждал, что в центре существовала сравнительно меньшая плотность использования жилой площади при наличии значительного жилого фонда, который можно было восстановить, в то время как на окраинах, вблизи развивающихся предприятий, существовала высокая аналогичная плотность и почти полное отсутствие жилого

фонда, пригодного для восстановления. Полемизируя с З.Г. Френкелем, Л.А. Ильин писал: «Казалось бы, выход может быть в переброске населения в центральные части по мере восстановления жилищного фонда, но против этого — и нежелание со стороны живущих удалаться от мест работы, и сложность переделки квартир в центре в большом масштабе, и, наконец, надобность в жилье для самого центра в ближайшем будущем. Ясна необходимость, не дожидаясь окончания восстановления домов в центральных частях и не останавливая его, приступить к строительству новых жилищ на окраинах»²⁴. По его мнению, наиболее нуждающимися в жилищах районами являлись в то время Володарский и Московско-Нарвский. Это мнение было подкреплено обследованиями, проведенными по заданию Жилсоюза — объединения представителей предприятий, наиболее заинтересованных в новом строительстве.

Обследование территорий Московско-Нарвского района показало, что наиболее свободными участками являлись территории в районе ул. Стачек близ Нарвских ворот и далее до завода «Красный Путиловец». Отрицательными условиями этих территорий являлись возможная затопляемость и общая загрязненность почв. Необходимость выяснить более точную конфигурацию этих участков и их расположение определила составление проекта предварительного урегулирования ул. Стачек и связанных с нею улиц. Однако вопрос стоял шире — нужно было разработать проект перепланировки всего этого района с учетом возможных и необходимых в будущем главных путей местного сообщения, а также устройства лучшей связи с центром. В этом случае большое значение приобретала связь ул. Стачек с Балтийским вокзалом. Этот проект перепланировки был разработан Комиссией по перепланировке при Музее города под руководством Л.А. Ильина. В нем были показаны улицы — транзитные и местного значения, определена конфигурация кварталов будущей застройки, зафиксирована система зеленых насаждений, определены плотности застройки (150–175 чел./га) и ее этажность²⁵.

Подобные обследования были сделаны и для Володарского района. Здесь были выбраны территории, удаленные от Невы, ограниченные Палевским пр. и Московской ул. и практически незатопляемые. Как и в предыдущем случае, по заданию Жилсоюза был составлен проект урегулирования данной территории, определивший распределение и направления будущих улиц, зеленых насаждений

Этапы разработки проекта застройки ул. Стачек. Арх. Л.А. Ильин и др. 1925

и границы участков будущей застройки. Этажность будущей застройки была определена не выше двух этажей, а плотность не более 125 человек на гектар²⁶.

Уже к началу 1925 г. в результате подготовительной работы на уровне райисполкомов, Отдела коммунального хозяйства Ленсовета, совещаний с представителями крупных предприятий Ленинграда были выработаны следующие требования к территориям будущего жилищного строительства:

«1) центральное расположение жилых кварталов по отношению предприятий, для рабочих которых они создаются, с средним расстоянием до места работы рабочего не более 1—1.5 версты;

2) площадь кварталов должна поддаваться полной осушке и защите от заболоченности без особых на то затрат;

3) в защиту от наводнения площадь участков должна быть не ниже 8—10 фут. над уровнем ординара, что гарантирует хотя бы от возможности затопления в периоды обычных ежегодных подъемов воды;

4) кварталы должны находиться по возможности в наветренной стороне по отношению предприятий, или хотя бы поддаваться защите от задымления ими путем фильтрующих зеленых заграждений»²⁷.

Помимо этих требований, в результате обсуждений и согласований была высказана необходимость в целях оздоровления города разделения его на зоны с разными типами застройки кварталов и отведения достаточных площадей для зеленых насаждений. В этих зонах должна была быть определена высота и плотность застройки.

Таким образом, к началу 1925 г. была определена общая направленность реконструктивных мероприятий в Ленинграде, ориентированная на первоочередную застройку территорий бывших рабочих окраин.

Профессором В.С. Карповичем, известным своими постройками 1910-х гг. в Петрограде, в его статье «Проблема исполинских городов и предстоящее рабочее строительство в Ленинграде» (1924) было высказано несколько интересных идей по реконструкции и развитию этого города. Он был противником дальнейшего территориального развития крупных городов, в том числе и Петербурга. В этой статье на примере европейских и американских городов, он доказывал, что развитие промышленности, торговли, морских и речных сообщений не требовало наличия крупных городов. «Образованию крупных городов, — отмечал В.С. Карпович, — способствовали правящие политические круги, злоупотребляя хозяйственной и транспортной политикой или не понимая ее сущности. Если мы прихо-

дим к сознанию, что нет необходимости создавать большие города, то необходимо перейти на новую хозяйственную политику, которая бы не допускала крупных, сверх нормы населенных, городов»²⁸.

Как одно из мероприятий этой политики он предлагал децентрализацию промышленности с размещением предприятий в окружающих большие города поселениях. По существу, В.С. Карповичем была высказана идея создания городов-спутников (сателлитов), препятствовавших неуправляемому развитию численности населения крупных городов. Развивая эту идею применительно к Ленинграду, он писал: «Кладя в основу будущей перепланировки сателлитную систему, нужно прежде всего определить радиус новых пригородов, которые и будут служить для заселения избытка населения, не могущего быть размещенным в ближайшей периферии города. Ближайшими населенными пунктами являются прежние уже готовые и требующие еще обработки поселения: Детское село, Красное село, Петергоф, Ораниенбаум, Стрельна, Лахта, Сестрорецк и Колтуши. Указанные пригороды должны быть включены в новые границы города и поэтому необходимо выяснить взаимоотношения в распределении земель с населением, обрабатывающим земли в промежуточных пространствах между этими пригородами и Ленинградом в его старых границах»²⁹. По мнению автора, расположение промышленности в Ленинграде вдоль берегов Невы было совершенно неправильным и для преодоления этого необходимо было создание новых заводов и частичное перенесение вновь перестраиваемых заводов на другие территории. В.С. Карпович предлагал развернутую программу преобразования Ленинграда с пригородами, в которую входили следующие позиции:

«1. включение пригородов при планировке по сателлитной системе;

2. определение мест «зеленых клиньев», не подлежащих застройке, между основным городом и ближайшими и более отдаленными пригородами;

3. определение мест новых промышленных районов и новых путей сообщения;

4. определение мест вокзалов и ближайших сортировочных станций;

5. трассировка новых магистралей в связи с существующими, связывающими периферию с центром;

6. товарное и пассажирское движение;

7. аэропланное сообщение»³⁰.

Автор предлагал размещение нового жилищного строительства на правом берегу Невы, в восточной части города. Эти участки, по его мнению, по своим топографическим условиям и незатопля-

емости относились к лучшим окрестностям города и, в то же время были расположены неподалеку от промышленных предприятий, расположенных на Неве. Исходя из этого, он считал направление развития города в восточном направлении наиболее перспективным.

В.С. Карпович также выдвинул ряд предложений по перепланировке центральной части города, таких как перемещение Московского вокзала в глубь площади и пробивка Лиговского проспекта через территории, занятые воинскими частями, в сторону Таврического сада и далее, через новый мост через Неву, на Выборгскую сторону. Реализация этой идеи привела бы к созданию протяженной меридиональной магистрали городского значения, значительно разгрузившей будущие транспортные потоки.

К сожалению, эти идеи, которые могли быть положены в основу программы будущей перепланировки и застройки Ленинграда, в 1920-е гг. и позднее использованы не были.

Таким образом, в начале 1920-х гг. ленинградскими архитекторами и инженерами были предложены следующие направления реконструкции и развития города на Неве:

1) развитие Петрограда—Ленинграда совместно с окружающими его поселениями как «города-сада» и развитие «пригородов-садов»;

2) восстановление жилого фонда центральной части города и лишь последующее строительство на неблагоустроенных территориях бывших рабочих окраин;

3) жилищное строительство на бывших неблагоустроенных территориях вблизи промышленных предприятий;

4) ограничение роста населения города путем переноса и развития промышленности в пригородных поселениях, рассматриваемых как «городов-спутники».

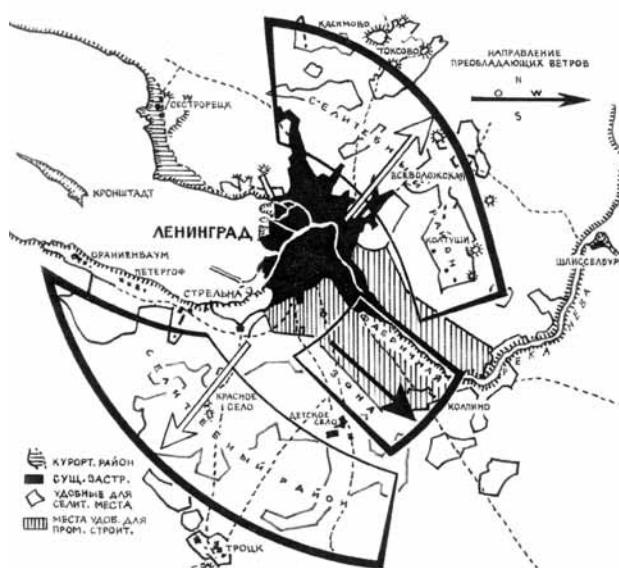
Лишь часть из этих идей была принята и реализована на практике. В 1925—1927 гг. были застроены небольшие территории Московско-Нарвского и Володарского районов. Идеи «городов-спутников», расположенных вокруг Ленинграда, были развиты значительно позднее, в 1950-х гг. (но также не нашли воплощения) и были частично отражены в Генплане Ленинграда 1966 г.

После ликвидации Архитектурной мастерской И.А. Фомина мастерской Л.А. Ильина при Музее города пришлось взять на себя роль основного субъекта градорегулирования в Петрограде — Ленинграде. В 1925 г. мастерская Л.А. Ильина была

расширена, а к 1927 г. этим коллективом уже был завершен планировочный документ — Схема развития Ленинграда. Важнейшая особенность этого документа состояла в том, что он, так же как и проект И.А. Фомина, связал развитие будущего города с развитием окружающих его территорий, определил будущие векторы развития города.

Важным фактором становления местных субъектов градорегулирования явилось и то, что в 1923 г. надзор за строительством был передан на места, для чего в губисполкомах учреждались управления губернских архитекторов, в том же году преобразованные в управления губернских инженеров. На местном уровне они были наделены довольно широкими полномочиями. В Ленинградской губернии Управление губернского инженера было создано в 1924 г., эту должность занял архитектор-инженер Я.Д. Тартаковский. В 1925 г. из-за большого объема работ было создано Управление городского инженера (УГИ). Должность городского инженера в середине 1920-х гг. занимал архитектор А.И. Зазерский.

В 1928—1933 гг. происходило значительное укрепление кадрового состава планировочного органа Ленинграда, руководимого Л.А. Ильиным, укреплялся его административный статус. Это было необходимо для того, чтобы реально влиять на архитектурно-градостроительные процессы, происходившие в городе. Так, в ленинградском журнале «Вопросы коммунального хозяйства» в 1928 г. указывалось, что «Промбюро Ленсовета разработало пятилетний план развития промышленности в Ленинграде без всякого согласо-

Основная схема развития Ленинграда. 1927

вания этой работы с Отделом планировки»³¹. Автор статьи инженер Ю.Г. Кругляков предлагал выделить Отделение планировки в самостоятельное подразделение Коммунального отдела Ленсовета. По мнению автора статьи, этот орган должен был состоять из двух частей: отделения социально-экономического и отделения технико-планировочного. Первое должно было собирать необходимые сведения, касающиеся планов и перспектив различных отраслей хозяйственной, промышленной и социальной жизни города, а также проводить обследования на местах с целью выявления дефектов существовавшей планировки города. В этом же подразделении должны были проводиться анализ и обработка собранных материалов и сведений. На основе этих разработок должны были быть представлены экономические и санитарно-технические предпосылки будущего плана. С учетом этих предпосылок задачей технико-планировочного отделения, состоявшего из архитекторов-градостроителей, по мнению автора статьи, было формирование принципов планировки Ленинграда и разбивка города на зоны жилого, фабричного и других видов строительства.

Одно из основных предложений, изложенных в данной статье, было реализовано в том же 1928 г. Подотдел благоустройства был преобразован в управление, а Отделение планировки получило статус подотдела. К началу 1930 г. в подотделе по штатному расписанию числилось 12 архитекторов и 19 инженеров. Его возглавил А.Ф. Шаров; Л.А. Ильин стал его первым заместителем по всем творческим вопросам. С этого момента началось их более тесное сотрудничество, вскоре переросшее в настоящую дружбу. Принцип разделения административного и творческого руководства позволил Ильину сосредоточить все силы на проблемах планировки и реконструкции Ленинграда. Старшим архитектором подотдела и заместителем Ильина стал Л.М. Тверской. Съёмочная группа разрослась и была преобразована в аэрофотограмметрическую часть. Ее возглавил инженер-топограф А.П. Соколов. Значительно расширилась планировочная часть.

Наметившееся с первых лет разделение функций сотрудников по территориальному принципу (значительно раньше, чем это произошло в Москве) теперь закрепились организационно. Было создано пять групп, каждой из которых руководил опытный мастер. Центральный и Московско-Нарвский районы вел Л.А. Ильин; Володарский — В.А. Витман, потом — Л.М. Тверской; Выборгский — В.А. Витман; Петроградский — Е.И. Катонин; Василеостровский — В.В. Данилов.

С первых месяцев работы Л.А. Ильин сформировал Планировочное совещание — межведомственный орган, выносивший оценочные рекомендации к проектам, представляемым планировочной частью. Членами его были руководители всех отделов и районных служб Откомхоза и группа постоянных представителей особо важных городских ведомств и общественных организаций. В особо сложных случаях приглашались крупные специалисты, при необходимости — из других городов. Руководил работой Планировочного совещания Ильин.

Встав во главе работы по планировке Ленинграда, Ильин должен был разработать программу и последовательность работ. Это было трудно, так как строить ее приходилось в резком противоречии всем существующим до сих пор рекомендациям: приходилось начинать не с общего, т.е. не с проекта планировки города, а с частного — с разработки отдельных рекомендаций, в которых ежедневно нуждался возрождавшийся город.

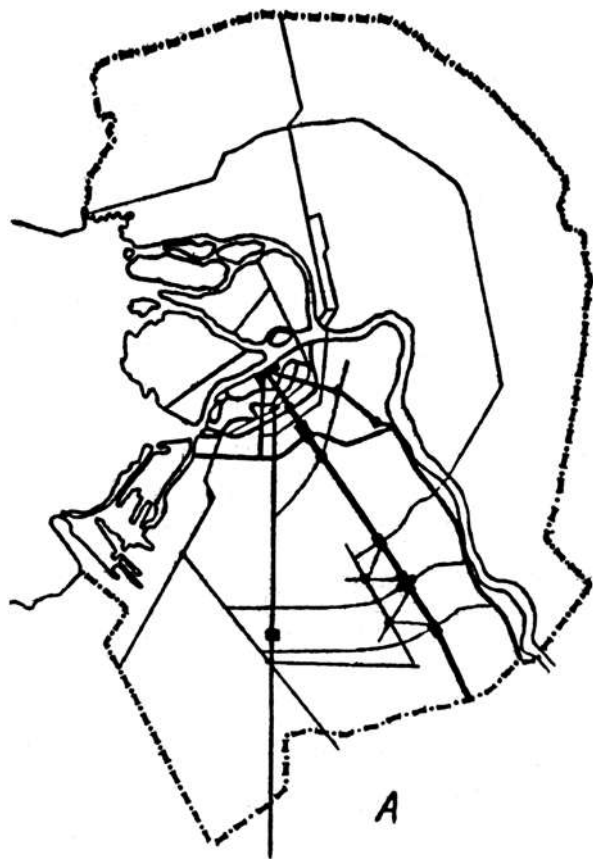
Разработка нормативных документов по планировке и застройке городов, начавшаяся в системе ГУКХ НКВД под руководством В.Н. Семенова в 1922–1923 гг., завершилась в конце 1920-х гг. принятием Инструкции НКВД № 184 от 28 мая 1928 г. «О порядке составления, рассмотрения и утверждения проектов планировки городских поселений и рабочих, дачных, курортных поселков». Это был очень существенный градорегулирующий документ. Анализируя его, современный исследователь М.Г. Меерович отметил, что в этой ведомственной инструкции парадоксально сочетались «нормативы соцгорода» и «нормативы города-сада»³². В самом деле, в этом документе, с одной стороны, сочетались идеология развития промышленности как необходимой основы возникновения новых и развития и реконструкции существующих городов, а с другой — характерное для идеи «города-сада» требование индивидуального отношения к месту, условиям возникновения и развития нового поселения. В целом «индустриальный» характер инструкции в части, включавшей «нормативы соцгорода», утверждал приоритеты производства и транспорта перед селитьбой. Основное требование к ней — такое размещение, которое обеспечило бы доступность от жилья к месту работы.

Следует согласиться с М.Г. Мееровичем, что соседство в одном нормативном документе «нормативов соцгорода» и «нормативов города-сада» объяснялось тем, что в этот период одна из этих тенденций (соцгорода) активно развивалась, а вторая (города-сада) постепенно уходила из градострои-

тельной нормативной и проектной действительности. Соотношение этих тенденций можно наблюдать и в градостроительных работах, выполненных в 1927—1933 гг. Л.А. Ильиным и его коллективом.

В инструкции подчеркивалось, что организация и производство проектных работ по планировке городов (поселков) находились в ведении местных коммунальных отделов и подчиняются руководящим инструкциям и указаниям ГУКХ НКВД. Инструкция официально вводила «схематичность» разработки генпланов — детальный проект планировки должен был определять лишь красные линии жилой застройки и только «по мере надобности, для осуществления в натуре» необходимо было разрабатывать «рабочие чертежи планировки отдельных кварталов со строительными участками и участками зеленых насаждений».

Все эти особенности инструкции 1928 г. были использованы Л.А. Ильиным и его коллегами при разработке зонального плана Ленинграда 1929 г., а также в эскизном проекте планировки Ленинграда 1933 г. и предложениях по новой городской черте.

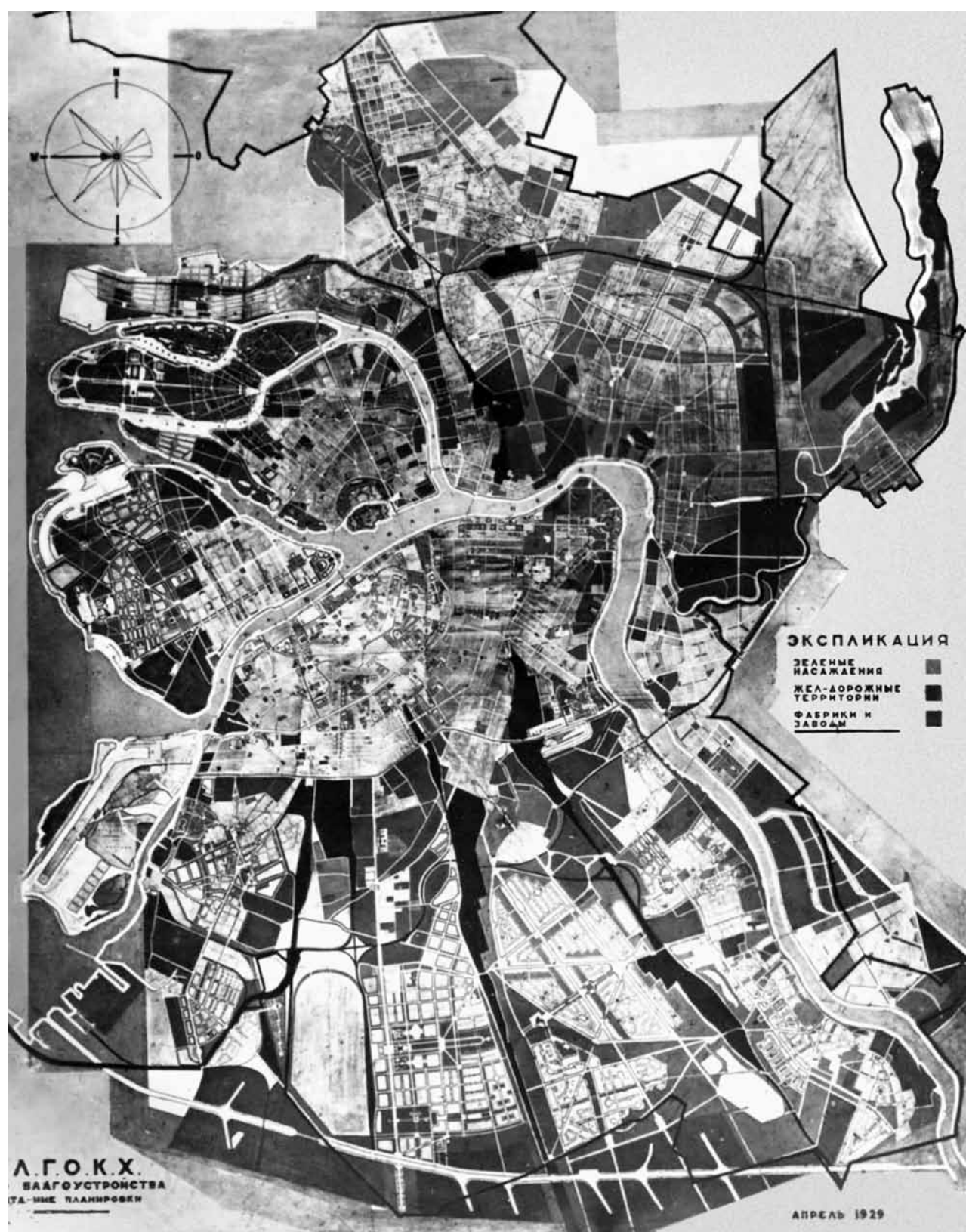

Предложение по новой городской черте (по эскизному проекту планировки 1933 г.)

Стратегия градорегулирования была изложена Л.А. Ильиным в его программной статье «Планировка Ленинграда после революции» (1927). На основе глубокого анализа градостроительного развития Петербурга — Петрограда в XVIII — начале XX в. в этой работе им были сформулированы задачи планировки Ленинграда, которые предстояло решить в первые послереволюционные десятилетия. Прежде всего им было дано определение значения градостроительных проектов и юридических документов, их подкрепляющих. «Проект планировки, — писал он, — является как бы графической программой переустройства города; эта программа не может быть выполнена без дополнительных и своевременно принятых разного рода мероприятий, с одной стороны, и с другой, без издания специальных строительных правил, регулирующих дальнейшее развитие города на основе данного проектного плана и обще-государственных строительных норм»³³.

В разделе «Вопросы планировки в Ленинграде» Л.А. Ильин выделил основные направления регулирования развития центральной части города и его окраин. По его мнению, «в более центральных частях, как то: вся Адмиралтейская сторона от Невы до Обводного канала, половина Васильевского острова, Петроградская до Карповки и небольшая часть Выборгской стороны, т.е. в центре, в его широких границах требуется главным образом решение вопроса движения. Слишком редкая сеть хотя и широких улиц, с одной стороны, вместе с необходимостью установления связи между отдельными частями центра, разьединенными Невой и ее протоками, ставят трудную задачу в развитии городского движения, т.е. устройства новых проездов и новых мостов независимо от метрополитена. В центральных частях распределение территории требует лишь известных детальных коррективов, например увеличения и урегулирования системы садов, бульваров, правильного размещения рынков, завершения застройки площадей, кварталов и т.д.»³⁴ Последующее развитие центра Ленинграда подтвердило необходимость решения этого круга задач средствами урегулирования.

По-иному ставились Л.А. Ильиным задачи преобразования периферийных районов Ленинграда. «В окраинных частях вокруг указанного центра и до городской черты вопрос заключается в равной мере в распределении территории для надобности промышленности, селитбы и обеспечения возможности сообщения, как с центром города, так и вне его... Планировка окраинных частей немис-

Зональный план Ленинграда. Арх. Л.А. Ильин. 1929

лима при этом вне соображений о связи с ближайшими окрестностями города, как плацдарма дальнейшего распространения его, и вне учета связи Ленинграда, как одного из пунктов мировой торговой и пассажирской сети сообщений, с остальным миром, иначе говоря, она должна предусматривать развитие Ленинградского порта, железнодорожного узла и узла речного транспорта»³⁵. Для определения направлений развития города Л.А. Ильиным был разработан ряд схем, в том числе и схемы районирования города с включением удобных для жилищного строительства пригородных территорий. Эти предпроектные материалы легли в основу Схемы районирования Ленинграда, разработанной в 1927 г.

«Жизнь нашего города требует планировки, — писал Ильин в 1927 г. — от нарастающей вереницы застройщиков-частников, с их требованиями на мелкие участки по окраинам города, и до участков-колосьев для лесных бирж, для новых заводов, для новых школ, для поселков — все требует указания своего места, т.е. планировки теперь же. <...> Выполнение планировки при таких условиях требует своей тактики, заключающейся в том, чтобы при разрешении реальных, текущих, частичных задач не разойтись с будущим целым — планировкой всего города»³⁶.

Задачи будущей градостроительной деятельности Л.А. Ильин разбил на три группы; «1) выяснение хозяйственной конъюнктуры, 2) выяснение технической структуры города и, наконец, 3) создание архитектурного оформления города»³⁷.

Для решения этих задач были необходимы исходные данные, характеризующие все стороны экономики, городского хозяйства, науки и культуры города. Отделение ими фактически не располагало. Ильин начал с того, что разработал подробнейшую программу, по которой следовало вести накопление этих сведений. Она состояла из пяти тематических разделов: естественно-исторического; промышленно-экономического; транспортного; благоустройства; общего.

Каждый раздел делился на группы, включившие в себя до 260 вопросов разного объема. Среди учреждений и организаций, в которых Отделение вело сбор материалов, ведущими были Промбюро, руководившее промышленными предприятиями всесоюзного значения, Отместпром — Отдел местной промышленности Ленсовета, Портовое и Железнодорожное управления. Это направление работы в деятельности Отделения и его руководителя всегда стояло на первом месте.

Вторым важнейшим направлением была съемка города, которая должна была дать планировщикам главный опорный документ — точный план существовавшего расположения центральных и окраинных районов Ленинграда. Как уже отмечалось, такого документа не было.

Казалось бы, положение было безвыходным. Ильин принял, как и его предшественники — И.А. Фомин и М.И. Рославлев, решение обратиться за помощью к авиации. В середине 1920 х гг. использование ее услуг для съемки городских кварталов в нашей стране никем не применялось — считалось, что аэрофотосъемка не обеспечивает необходимой точности³⁸. Но у Л.А. Ильина не было другого выхода. Первый договор с авиаторами-любителями, членами общества «Аэрорадио-хим»³⁹, был заключен 18 сентября 1925 г. Итоги работы обсуждались весной 1926 г. на совещании, которое Ильин проводил в своей квартире на Фонтанке (съемочная группа Отделения располагалась в этом же доме). Они были признаны удачными. Съемку решено было продолжать, для чего сформировалась специальная группа во главе с топографом А.П. Соколовым. Его настойчивость, энергия и увлеченность — как неоднократно подчеркивал Лев Александрович — дали прекрасные результаты. Уже летом 1927 г. он передал планировочной группе съемки территорий Володарского и Московско-Нарвского районов. К концу 1928 г. были отсняты и картографированы и остальные окраинные районы. Планы изготовлялись в том же масштабе, что и дореволюционные, поэтому уже в начале 1929 г. Откомхоз сумел выпустить точные опорные планы всего Ленинграда.

В 1929 г. была завершена съемка всей территории города и Аэрофотограмметрическая часть приступила к съемке районов области, что соответствовало задачам дальнейшего градостроительного проектирования.

Третьим и основным направлением в деятельности Отделения была планировочная работа. Верный тактике увязывать частное с общим, Ильин строил ее так, чтобы разработка текущих и перспективных проблем шла параллельно. Среди каждодневных забот главное внимание уделялось проблеме преобразования и перепланировки городских улиц и площадей. Она решалась комплексно и сочеталась с проводившимися в городе работами по прокладке канализации, водопровода, мостовых, трамвайных путей. Были обследованы городские магистрали и проведено их разделение на транспортные и пешеходные, определялись транзитные трассы общего-

Эскизный проект планировки г. Ленинграда. 1933

родского и районного значения. Было проведено изменение профиля большинства ведущих магистралей в соответствии с международным стандартом, принятым в передовых европейских странах. К концу 1920-х гг. было реконструировано свыше 130 улиц города, многие из них — в рабочих районах. Одновременно здесь создавались широкие бульвары на месте засыпанных или взятых в трубы потоков, что способствовало оздоровлению бывших окраин.

Важной частью реконструкции центра в 1926 г. стала реконструкция района у Финляндского вокзала, связанная с установкой памятника В.И. Ленину. Он создавался по проекту скульптора С.А. Евсеева и архитекторов В.А. Шуко и В.Г. Гельфрейха. Замысел монумента был интересен и выразителен, но среда, в которую его предстояло включить, — чрезвычайно невыгодна.

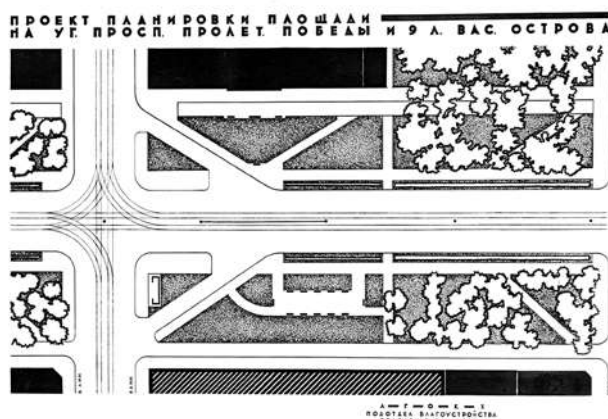
Задание поставило архитектора в трудное положение: сам он был против этого места. «При постановке памятника, — считал Ильин, — почти столь же важно достоинство памятника, как и его положение, его место в том городском пространстве, которое ему отведено, отношение его к архитектурным массам, которые его окружают или будут окружать»⁴⁰. А на предложенном участке он не видел возможности создать монументу достойное обрамление. Необходимо было провести усиленную реконструкцию.

Лев Александрович остановился на предложении, высказанном в 1924 г. И.А. Фоминым, — соединить существующую площадь с Невой широкой аллеей. Широкая эспланада — она была наименована Аллеей Ленина — продолжала площадь к югу, открывая видовую перспективу на памятник с Невы и создавая пространственную связь района Финляндского вокзала с центром города

Разработку общего проекта планировки Ленинграда Отделение начало с эскизных схем Васильевского острова и Петроградской стороны. По этим районам имелось значительно больше исходных данных, да и своим островным положением они в известной степени изолировались от центра и окраин. Кроме того, на Васильевском острове в 1925 г. началось сооружение автономной раздельной канализации, и Ильин решил увязать эти работы с общей реконструкцией острова. Эскизные проекты были созданы быстро: уже в 1927 г. — к 10-летию Октября они демонстрировались на юбилейной выставке, которую Откомхоз создал в залах бывшего Мариинского дворца на Исаакиевской площади.

Из двух районов Л.А. Ильин детально занимался Васильевским островом (в соавторстве с В.В. Даниловым). Это была вторая — после планировки района ул. Стачек — серьезная градостроительная работа Льва Александровича, еще более объемная по масштабу. На первом проекте опробовались приемы преобразования рабочих окраин, на втором — принципы, с которыми следовало подходить к перепланировке и благоустройству центральных районов. Это был сложный вопрос. Продумывая его, Ильин целиком поддерживал линию, выработанную Архитектурной мастерской И.А. Фомина: сохранять центр по возможности нетронутым, проектировать только то, что необходимо для улучшения условий жизни населения (канализацию, водопровод, теплофикацию, озеленение) и внедрения современных видов городского транспорта, или, как писал Лев Александрович, «улучшения вопросов движения». Все это необходимо было соотносить с ролью района в жизни всего города, так как на каждом из них лежат определенные общегородские функции, иногда — весьма ответственные, которые ни в каком другом районе реализовать нельзя.

Оба названных района были приморскими, к ним примыкала невиская дельта с системой островов, почти свободных от городской застройки. От того, как схемы определяют характер ее использования, на долгие годы будет зависеть судьба всего города. Архитектурная мастерская Фомина предлагала создать здесь мощную общегородскую зону отдыха с линией приморских пляжей и купален, комплексами учреждений спорта и отдыха, в том числе и детских, и небольшими вкраплениями жилых кварталов, устроенных по типу «городов-садов». Из приморской зоны убирались все промышленно-складские устройства, что создавало беспре-

План Большого проспекта Васильевского острова. Фрагмент. Арх. Л.А. Ильин, В.В. Данилов. 1927

пятственный выход города к морским просторам. Ильин разделял эту точку зрения.

Но от Промбюро Отделение имело данные о сохранении и приумножении первенствующей роли Ленинграда в экономическом развитии страны и ее индустриализации, поэтому вопрос о перебазировании промышленных предприятий с исторических мест он ставить не мог. Следовало найти решение задачи вывода города к морю, базируясь на стабилизации существующих заводов и фабрик на занимаемых ими территориях. Разработка этого тезиса в Отделении была многопрофильной и гибкой и давала возможность пересматривать границы индустриальных зон, делать их внутреннюю перепланировку на основе рационализации и начинающейся электрификации производства. Выносу за городскую черту подлежали только особо вредные в санитарно-гигиенических отношениях заведения.

В 1927 г., через два года после организации Отделения планировки, его коллектив под руководством Л.А. Ильина завершил важнейший планировочный документ — Схему районирования Ленинграда.

Схема состояла из двух позиций. Первая — долгосрочный прогноз всего северо-западного экономического района, тяготеющего к Ленинграду. Вторая — зональная схема собственно города. Они разрабатывались в соответствии с задачами периода индустриализации и наметками плана развития ведущих отраслей города на первую пятилетку. Это впервые дало архитекторам твердую технико-экономическую и научную базу, но в то же время поставило определенные границы. Однако Л.А. Ильин, умевший сочетать решение конкретных, утилитарных задач с перспективой, придал этому проекту новый, укрупненный масштаб.

Схема районирования превратилась у него в градостроительное предвидение, определившее развитие Ленинграда на много десятилетий вперед. Она была одновременно и итогом, обобщившим искания ленинградских архитекторов за ряд последних лет, и смелым дерзанием, впитавшим в себя прогрессивные тенденции и концепции, рожденные градостроительной наукой того времени.

Одно из важнейших веяний времени сказалось в том, что Ильин связал проблему будущего города с развитием окружающих его территорий. В этот период родилась и приобретала все больше сторонников теория так называемого линейного города, развивающегося вдоль одной из ведущих транспортных артерий. Ильин по-своему трансформировал эту теорию, соединив ее с предложениями Архитектурной мастерской И.А. Фомина о «рай-

онизации Большого Петрограда», восходившими к Говардовской теории «городов-садов».

У Ильина эта мысль получила новое выражение. Окрестности Ленинграда для него не просто «самодовлеющие населенные центры, объединенные с главным ядром общей программой» и связанные с ним современными путями сообщения. Это — резервные территории для будущего перебазирования промышленной и селитебной зон Ленинграда. Характеризуя основной замысел Схемы, он подчеркивал: «Планировка окраинных частей не мыслима вне соображений о связи с ближайшими окрестностями города, как плацдарма дальнейшего распространения его»⁴¹. В схеме Ильина город получил для дальнейшего развития три вектора будущего развития. Первый — на северо-восток, к Колтушам, Всеволожску и Токсово. Второй — на юго-запад через Красное село до Гатчины. Это два направления движения жилых территорий. Им отданы наиболее благоприятные, возвышенные, живописные, не подвергающиеся затоплению районы. Третий вектор — на юго-восток, по берегам Невы до Колпино и Ивановских порогов. Это направление движения промышленно-складской и транспортной зон. Берега Финского залива отводятся под пригодную рекреационную зону, между Лисьим Носом и Сестрорецком намечается организация крупного курортного района. Векторы у Ильина — понятие условное, это лишь обозначения основных направлений движения города в будущем. Очертания территорий, предложенных к освоению, имеют ярко выраженный линейный характер.

Город предполагалось развивать с северо-запада на юго-восток тремя параллельными полосами. Центральная, осевая зона — промышленность, транспорт. По бокам ее фланкируют жилые районы. Эта композиция напоминает схемы линейных городов. Она предусматривала активное, свободное движение не центра города, а лишь его окраинных частей. В эти годы Ильин считал необходимым фиксировать старый, сложившийся центр Ленинграда в его исторических границах. Это неизбежно рождало противоречия, которые бы возрастали с ростом города и освоением удаленных территорий. В 1930-е г. он нашел новую трактовку этого вопроса, давшую интересные градостроительные предложения.

Схема зонирования территории собственно города базировалась на следующих принципах. Первый — сохранение планировочной структуры и характера застройки в старом центре Ленинграда. Второй — стабилизация существующих промышленных предприятий на исторических местах с выносом за

городскую черту лишь вредных в санитарно-гигиеническом отношении заводов и фабрик, запрещение нового промышленного строительства, выработка комплекса приемов для перепланировки и благоустройства территорий промышленных зон. Третий — широкий вывод Ленинграда на приморские территории. На южном берегу сохранялись и развивались морской торговый порт и судостроительная промышленность, на северном, западном и островах Невской дельты создавалась общегородская зона отдыха и спорта. Четвертый — создание рациональной, комплексной системы озеленения, структура которой подчинялась сложившейся радиально-дуговой схеме планировки Ленинграда. Радиальные «зеленые» клинья, сужаясь, сходились к единому фокусу — общегородской приморской парковой зоне, мощной дугой обнимающей берега залива.

Последовательное соблюдение названных принципов привело к созданию концентрической пространственной композиции зональной схемы. Ее сердцевиной, главным планировочным узлом предполагалось «Ленинградское сити» — деловой и торговый центр Ленинграда. Вокруг него шло кольцо старых районов, не подлежащих кардинальной реконструкции, кроме — по словам Ильина — «детальных коррективов». Следующий слой — промышленная зона. Ее кольцо в ряде мест получало значительные разрывы, «прослаиваясь» зелеными клиньями или жилыми кварталами. На юго-востоке она свободно выходила за пределы существующего города и могла в будущем развиваться, как отмечалось, вверх по берегам Невы.

Последний, самый мощный пласт огибал город двумя дугами с севера и с юга. Это была зона нового жилищного строительства, которое развивалось на территориях бывших рабочих окраин и ближайших пригородов, уже включенных в городскую черту. Отношение к характеру и интенсивности ее застройки во второй половине 1920-х гг. начало у Ильина меняться. Он писал в 1927 г.: «В общем, обычно схема сводилась до последнего времени к ступенчатому характеру, т.е. к наибольшей высоте в центре и наименьшей на окраинах. Однако в настоящее время такая схема явилась бы слишком примитивной и требует поправки, позволяющей более интенсивную обстройку выводящих артерий и узловых центров на окраинах»⁴². Это мнение было, по-видимому, результатом анализа первого опыта жилищного строительства в Московско-Нарвском и Володарском районах.

Представленная Отделением планировки Схема районирования Ленинграда была одобрена. На-

ступал самый ответственный этап — разработка Зонального плана и проекта планировки Ленинграда. Сроки были крайне сжатые — 1929 и 1933 г. Согласно постановлению СНК РСФСР от 4 ноября 1927 г. проект планировки Ленинграда должен был быть завершен и представлен в НКВД РСФСР для утверждения к 1 мая 1933 г. Зональный план должен был быть промежуточным этапом. Отделение, расширенное и преобразованное в Подотдел планировки, приступило к новой работе.

Основные позиции зонального плана Ленинграда, выработанные в Схеме районирования 1927 г., остались неизменными, лишь подверглись детализации и уточненной проработке. Определился принцип построения системы городских магистралей, которую Ильин определял как систему «радиально-кольцевых артерий, обеспечивающих связь центра с периферией и загородными районами и соседних районов между собой, с соответствующей ей классификацией проездов и типовыми профилями»⁴³. Уточнились проектные границы города. Его контур получил овальную, чечевицеобразную форму, включив значительные земли на юге и севере.

На рубеже 1920—30-х гг. вопросы «соцрасселения» вылились в форму широкой общественно-политической дискуссии. Главные ее бои развернулись, когда Подотдел готовился представить зональный план на суд специалистов, руководства и общественности. И хотя ареной сражений была Москва, отзвуки их расходились по всей стране. В дискуссию включились многие государственные и общественные деятели, руководители партийных и советских организаций, профсоюзные работники, ученые, архитекторы. Было ясно, что при защите зонального плана на любом уровне не избежать вопросов, связанных с поднятыми в дискуссии проблемами⁴⁴.

Литературные и архивные источники свидетельствуют о том, что Л.А. Ильин не принимал участия в дискуссии. Это лишь на первый взгляд кажется странным. Несмотря на природную склонность к полемике, его творческой натуре были чужды любые абстракции и доктринерство. Он был трезвым рационалистом, человеком дела. Но не думать над поднятыми в дискуссии проблемами он, конечно, не мог. Развернутый, обоснованный ответ на них он дал не на диспуте, не в печати, а на рабочем совещании, где обсуждались принципы построения зонального плана Ленинграда. Это совещание проводилось 24 февраля 1930 г. Техсоветом ЛОУСК (Ленинградского областного управления строительного контроля).

Данному органу было поручено осуществление контроля за всеми стадиями разработки проекта планировки. На это совещание в качестве экспертов были приглашены известный градостроитель А.П. Иваницкий и специалист по транспорту проф. Г.Д. Дубелир. Готовясь к первой защите этой градостроительной работы, Лев Александрович серьезное внимание уделил теоретическим ее обоснованиям — он был убежден, что от него «ожидается выявление взгляда Отд. Планировки на характер докладов по планировке, имевших место за последнее время в Москве»⁴⁵. В самом начале доклада он выделил небольшой раздел «Разгрузка города» — это был и ответ, и вклад Ильина в еще не завершившуюся дискуссию. Позиция стороннего наблюдателя и практика, занятого реальным и ответственным делом, позволила ему вычленив наиболее рациональные из обсуждавшихся в дискуссии идей и применить их к конкретным задачам социалистической реконструкции Ленинграда.

Ильин был одним из первых, кому это оказалось под силу. Он отверг как не стоящие внимания крайности градостроительных утопий, не удержавшись от резкого укола в сторону М.А. Охитовича, и даже не стал опровергать их.

Посмотрим, как же отвечал на главный вопрос дискуссии — «урбанизация» или «дезурбанизация» — Л.А. Ильин в разделе «Разгрузка города».

«Пределы большого города, — отмечал он в этом разделе, — особая проблема, не могущая считаться разрешенной ни на западе, ни у нас, в ту или иную сторону. Можно утверждать только, что нет защитников теории полного сохранения типа плотного расположения города до бесконечности и существует пока один идеолог полного разрушения формы города и замены ее отдельно-изолированно стоящими жилищами для индивида (Охитович). В этом вопросе много условного. Совершенно понятно, что вполне равномерного распределения жилищных и промышленных территорий на карте страны невозможно осуществить. Неизбежны районы более плотного скопления и неизбежны образования среди них еще более уплотненных центров, образование которых диктуется хотя бы топографическими удобствами. Дальнейший прирост населения в них — если он равномерен, вызовет ту или иную степень слияния их в общее населенное пятно при всяких формах застройки.

Если по тем или иным причинам рост одного из них будет сильнее — неизбежно фактическое слияние их под главенством одного из них. Наименование такого комплекса по имени главного центра

или сохранение отдельных названий не меняет существа вопроса (...) Поэтому на вопрос о децентрализации Ленинграда — надо ответить положительно, но и определить, что под этим должно подразумеваться.

В основном децентрализация диктуется необходимостью нейтрализации тех вредностей, которые создаются при плотном расселении, застройке на огромном расстоянии, изменяющих прежде всего атмосферные, почвенные условия, воду протоков и т.д., но та же плотность создает большую достижимость благоустройства и культурных ценностей. Разгрузка-децентрализация возможна лишь путем преодоления пространств — т.е. развитием путей сообщения, при этом потеря времени на расстояния, даже при уменьшении длительности рабочего дня⁴⁶ и при увеличении быстроты передвижения — все-таки останется потерей.

Это диктует: а) неизбежность продолжения в Ленинграде, по крайней мере в ближайшем, концентрированного расселения, постепенно ослабляемого по мере развития скорых массовых путей сообщения; б) отнесение новых селитебных территорий от существующих на необходимые, но и достаточные интервалы в смысле сохранения условий жизни в них, максимально приближающихся к природным, т.е. определение величины и формы разрывов; в) образование новых спутных концентров, в виде спаренных (сдвоенных) промышленно-жилых, или в виде срединного положения жилых концентров между производственными; г) сильнейшее ограничение или полное прекращение дальнейшей жилой загрузки существующей центральной части города».

Далее Ильин высказывал убеждение, что и агломерация городов во главе с метрополией, образующих одну большую семью, не сможет расти бесконечно. «В дальнейшем, — продолжал он в этом же разделе, — ограничение комплексного, приближающегося к форме круга распространения селитебной территории произойдет естественно под влиянием двух факторов:

1. Неудобных для строительства земель (торфянистые болота), которые в некоторых частях явятся недалеким и большого протяжения препятствием; лесных массивов, которые нельзя губить.

2. Перемещения, вернее образования новых промышленных районов со связанными с ними транспортными территориями, которые отодвинувшись от центра приблизятся к существующим спутным, или удобным для селитьбы внешним местам, причем питание их рабочим контингентом станет

удобнее из этих сателлитов, а не из центра. Ориентировочно, эта линия компактного расширения пройдет за существующей границей, захватывающей 30.000 га, добавляя не свыше 15.000 га, т.е. в сумме 40—45.000 га. Таким образом, 4 миллионное компактное расселение Ленинграда не исключено»⁴⁷.

В своем отчете Ильин, не вдаваясь в детали, обращается к сущности вопроса и высказывает несколько несомненных — на его взгляд — положений, вытекающих из непреложных жизненных реалий. Эти положения ставили его в число сторонников лагеря «урбанистов», хотя он и отвечал положительно на вопрос о децентрализации Ленинграда. Но он понимал децентрализацию как общую направленность генеральной, рассчитанной на многие десятилетия градостроительной политики. Ее цель — бережное сохранение основного сложившегося городского ядра и формирование вокруг него пояса «сателлитных концентров» — городов-спутников со своей определенной специализацией. Этот тезис стал одним из краеугольных камней градостроительной политики Л.А. Ильина, и он твердо и упорно ее отстаивал. В результате во второй половине 1930-х г. его обвинили в пристрастии к «дезурбанизму», хотя это было совершенно неверно и противоречило его главной позиции.

К идее обобществления быта Ильин относился осторожно, если не сказать — отрицательно. Эту проблему он не включил в первый раздел доклада, где характеризовались главные задачи планировки Ленинграда. Лев Александрович считал крайности в трактовке лозунга обобществления быта временными и не хотел строить на них долгосрочной планировочной политики. Он разбирал этот вопрос в том разделе, где речь шла о типах жилой застройки. Напоминая, что дискуссия продолжается и окончательных выводов по основным затронутым в ней вопросам еще нет, Ильин отмечал: «Из имеющихся в этом направлении данных, пока наиболее ясным является трактовка квартала-коммуны. (...) Очевидно, этот тип застройки не опрокидывает ни в какой мере концепции зонирования, но делает вероятным более равномерное распределение по плотностям, весьма близкое к средней плотности для внешних районов по предложенному эскизу зонирования. Размер квартала и этажность являются соответственными предлагаемым эскизом проекта»⁴⁸. Это означало, что при необходимости любой из новых жилых кварталов города мог бы решаться по типу квартала-коммуны. Учитывалась в проекте и возможность введения определенного процента общежитий типа домов-коммун при реконструк-

ции помещений старого жилого фонда. Но точных или даже приблизительных цифр соотношения обобществляемого и обычного жилищного фонда Ильин не давал и не хотел давать. На совещании разгорелся спор, Ильин настаивал на том, что на начальной стадии разработки проекта планировки Ленинграда такая детализировка преждевременна и опасна. Сейчас важно утвердить общую концепцию зонирования и перспективные направления движения городских жилых и промышленных территорий. Все остальное Зональный план должен предусматривать в целом, крупными категориями, с тем чтобы впоследствии его можно было уточнять и дополнять на основании новых данных. Это была важнейшая тактическая позиция Ильина, которую он четко сформулировал в самом начале доклада. А.П. Иваницкий полностью поддержал Ильина и настоял на том, чтобы от Подотдела планировки не требовали более точных формулировок по отношению к дискуссионным вопросам.

Начало 1930 г. было отмечено появлением общероссийского архитектурно-градостроительного норматива «Правила и нормы застройки населенных мест, проектирования и возведения зданий и сооружений». Эти правила были утверждены постановлением Пленума строительной комиссии при ЭКОСО РСФСР от 12 января 1930 г. Градостроительным нормативом в этом документе являлся «Раздел Б. Правила застройки населенных мест». Нормы рекомендовали в пределах проектируемых кварталов обеспечивать большую компактность застройки, преимущественно меридиональную ориентацию жилых корпусов, а также предпочтительную ориентацию жилых и рабочих комнат на южную сторону горизонта, а кухонь и вспомогательных помещений — на северную. Тем самым через нормативы в проектную деятельность вводился прообраз будущего типового квартала строчной застройки меридионального типа с пешеходными связями, располагаемыми в озелененной середине квартала.

К весне 1930 г. дискуссия о «соцрасселении» закончилась. В апреле—мае прошли последние совещания и диспуты, на которых было высказано осуждение «левацких загибов» Л.М. Сабсовича и М.А. Охитовича. 29 мая 1930 г. «Правда» опубликовала постановление ЦК ВКП(б) «О работе по перестройке быта», которое фактически запрещало какие бы то ни было обсуждения по вопросам социалистического расселения. Максималистские идеи немедленного обобществления быта были признаны вредными, и постановление призывало на борьбу с ними.

Несмотря на все крайности, дискуссия о «соц-расселении» оказала положительное влияние на развитие теории и практики советского градостроительства. Рациональные зерна, заключавшиеся в концепциях «урбанизма» и «дезурбанизма», помогли Л.А. Ильину выдвинуть ряд позиций дальнейшего развития Ленинграда.

Главное из них, получившее вскоре законодательный характер, — прекращение промышленного строительства в крупных городах, курс на постепенную разгрузку их от наиболее вредных объектов индустриального назначения. Второе — создание вокруг больших городов системы городов-спутников, помогавших разгрузке городского ядра от ряда промышленных объектов и излишка населения. Третье — формирование в городе разветвленной системы объектов обслуживания, органическое внедрение их в структуру города, поиски новых типов зданий для них. Четвертое — поиск новой планировочной структуры и архитектурно-пространственного облика городского жилого квартала. Все эти положения были отражены в принципах, на основе которых Подотдел планировки разработал к концу 1929 г. Зональный план Ленинграда.

После его рассмотрения и предварительного одобрения Президиумом Леноблисполкома и Ленсовета он был в марте 1930 г. вынесен на общественное обсуждение, продолжавшееся весь год. Ильину пришлось выступать неоднократно, разъясняя и отстаивая принципы, на которых создавался Зональный план. В 1930 г. согласно Зональному плану территория города была расширена, в нее вошли дополнительные территории на севере и городская черта была уточнена.

В феврале 1931 г. Исполком Ленсовета утвердил Зональный план, приняв развернутую резолюцию. Она стала на несколько лет руководящим документом, определившим планировочную политику Ленинграда. Подотделу планировки было поручено приступить к следующей стадии работы — подготовке Генерального проекта планировки города. Для этого Подотдел был снова расширен и преобразован в самостоятельное Планировочно-геодезическое управление Откомхоза. Главным архитектором и оперативным руководителем его ведущего подразделения — Сектора планировки — остался Л.А. Ильин.

1931 г. ознаменовался рядом крупных общественно-политических событий. 28 апреля 1931 г. постановлением СНК РСФСР был создан Межведомственный комитет при СНК РСФСР по планировке и устройству городов и поселков. Этим

постановлением юридически была оформлена еще одна попытка скоординировать разнообразные, порой взаимоисключающие, интересы различных ведомств, возникавшие в процессе застройки крупных промышленных центров, в том числе и Ленинграда.

К этому времени отставание развития коммунального хозяйства и темпов жилищного строительства от развития промышленности и роста населения советских городов, в том числе и Ленинграда, стало для руководства страны очевидным. В связи с этим в середине июня 1931 г. ЦК ВКП(б) собрал специальный пленум, посвященный обсуждению вопросов строительства и реконструкции городов. Резолюция по докладу Л.М. Кагановича «О Московском городском хозяйстве и о развитии городского хозяйства СССР» имела направляющее значение для развития советского градостроительства. Эта резолюция в большой мере определила также и основные установки по планировке Ленинграда. Градорегулирующее значение этой резолюции состояло в том, что население городов должно быть равномерно распределено по всей городской площади и так же равномерно должны были быть распределены учреждения культуры и обслуживания. Было признано нецелесообразным нагромождение большого количества предприятий в сложившихся городских центрах. Как следствие, было предписано не строить в Москве и Ленинграде новых промышленных предприятий начиная с 1932 г.

Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 20 июля 1931 г. Государственное управление коммунального хозяйства (ГУКХ) при СНК РСФСР (в ведение которого оно было передано с конца 1930 г. после ликвидации НКВД РСФСР) было реорганизовано в наркомат коммунального хозяйства (НКХХ) РСФСР. Аналогичные изменения коснулись и других республиканских высших органов коммунального хозяйства.

Постановлением СНК РСФСР от 15 сентября 1931 г. была создана Государственная академия коммунального хозяйства. Одной из задач этой академии была определена научная разработка проблем социалистического градостроительства.

Учитывая особое политическое и экономическое значение Ленинграда, ЦК ВКП(б) и СНК СССР 3 декабря 1931 г. приняли особое постановление «О жилищно-коммунальном хозяйстве Ленинграда». Постановление включало конкретную программу первоочередных мероприятий по преобразованию ведущих отраслей коммунального хозяйства Ленинграда. Она была составлена на основании материалов, представленных к Пленуму Ле-

нинградской партийной организацией, в которых отразились итоги обследования коммунального хозяйства, проведенного в 1930—1931 гг.

Это же постановление определяло Ленинград как самостоятельный административно-хозяйственный центр со своим особым бюджетом. Для решения поставленных задач подобное изменение имело большое значение. Для решения этой крайне напряженной программы необходимо было реорганизовать громадный аппарат городского Отдела коммунального хозяйства. Сразу после декабрьского Постановления Ленсовет ликвидировал Откомхоз, разделив его на 23 самостоятельных треста, отдела и управления, подчиненных непосредственно Президиуму Ленсовета.

На основе Планировочно-геодезического управления Откомхоза был образован Архитектурно-планировочный отдел (АПО) Ленсовета. Главой этого отдела был назначен Муссабек Хаджи-Касумов (1887—1935) — профессиональный революционер, получивший инженерное образование в Институте гражданских инженеров до революции. Его заместителем, а после кончины — преемником стал А.Ф. Шаров, он же руководил Сектором планировки (с 1934 г. — Подотделом). Главным архитектором сектора оставался Л.А. Ильин. Ему подчинялись несколько проектных групп (с 1934 г. — секторов): основного планирования, районной планировки, текущего регулирования и городов пригородного района. Этими подразделениями руководили соответственно В.А. Витман, Л.М. Тверской, С.М. Дребезгов и В.В. Данилов. До конца 1930-х гг. АПО Ленсовета был одним из основных субъектов градорегулирования в Ленинграде. Масштаб градостроительной деятельности, определенный задачами первого пятилетнего плана, был настолько велик, что для их выполнения, а также составления генеральных планов городов и выработки научных рекомендаций к градостроительным нормативам в Москве в ноябре 1930 г. был организован Государственный институт по планировке, съемке и проектированию городов РСФСР — Гипрогор. Первым и крупнейшим его филиалом стал Ленинградский, образованный в 1931 г. Первые два года Л.А. Ильин был главным архитектором нового института.

Существенное значение для развития градостроительной деятельности и градорегулирования имело постановление ВЦИК и СНК РСФСР «Об устройстве населенных мест РСФСР» от 1 августа 1932 г. Ответственность за своевременное составление проектов планировки и за соответствие строительства утвержденным проектам постановление

возлагало на городские коммунальные отделы, а также на соответствующие строительные организации. В градостроительных проектах было необходимо устанавливать функциональное и строительное зонирование городских территорий. В постановлении устанавливалась новая планировочная единица — функциональный район, и в связи с этим отмечалось: «Образование функциональных районов должно преследовать в первую очередь создание наиболее благоприятных условий для работы и деятельности производственных предприятий, установление наиболее короткой и удобной связи трудящихся с производством, а также создание необходимых санитарно-гигиенических условий труда и жизни населения». Таким образом, постановление законодательно фиксировало приоритет индустриального развития как на уровне городов, так и на уровне их частей.

Особое внимание было уделено в постановлении схемам районной планировки. Постановление устанавливало требования к этому виду градостроительной документации, в том числе и «3) развитие существующих и образование новых населенных мест», что для Ленинграда было особенно важно. Осуществление контроля за разработкой градостроительной документации по развитию городов постановление возлагало на НККХ РСФСР, что еще раз подтверждало статус этого органа как субъекта градорегулирования общероссийского уровня.

В 1932 — начале 1933 г. коллективом под руководством Л.А. Ильина были разработаны «Основные установки планировки Ленинграда», ставшие научно-концептуальной базой Эскизного проекта планировки Ленинграда 1933 г. — последнего градостроительного документа, основанного на методе «урегулирования».

«Основные установки» явились частью более обширного документа «Планировка Ленинграда», который стал докладом Отдела планировки Президиуму Ленсовета в январе 1933 г. Этот документ представлял большой научный и методический интерес как по структуре, так и по содержанию.

В частности, в одном из разделов этого документа Л.А. Ильин обосновал, исходя из необходимости размещения 3 500 000 человек, увеличение территории проектируемого города до 400—500 кв. км за счет равномерного развития города в северном и южном направлениях. Им была также разработана подробная схема распределения территорий по назначению — по существу схема градостроительного зонирования, которая позднее вошла в состав Эскизного проекта планировки Ленинграда.

Л.А. Ильин определил такие условия размещения новых промышленных территорий в городе, как необходимость удобной связи их с государственными железными дорогами, расположение их относительно господствующих направлений ветров с минимализацией их влияния на жилые и общественные территории, возможность наилучшего обслуживания городскими путями сообщения, группировка предприятий в пределах возможной производственной кооперации, обеспечение жилыми территориями на достаточно близких расстояниях. В качестве предпочтительного развития промышленности предлагались территории на правом берегу Невы в частях Выборгского и Володарского районов, к югу и юго-востоку от Финляндской железнодорожной линии. Это предложение объяснялось направлением господствующих ветров.

Л.А. Ильин, исходя из необходимости расположения жилых и общественных территорий по возможности вблизи промышленных предприятий, определил местоположение будущих крупных жилищных массивов на периферии города. К ним были отнесены: Дачное-Ульянка, массив «Электросила», Волковский массив, Шемиловка, Троицкое поле, Батенино, Пискаревка, Гражданка, Малая Охта, Пороховые, Коломаги и другие. Расположение этих жилищных массивов, включавших жилые и общественные территории, было «привязано» к существовавшим в этих частях города промышленным предприятиям Московско-Нарвского, Володарского, Выборгского районов. В последующих генеральных планах данное зонирование не было изменено, и эти жилые и общественные территории были почти полностью застроены.

Доклад «Планировка Ленинграда», содержащий целый ряд как совершенно новаторских, так и преемственных идей, представлял собой содержательную основу Эскизного проекта планировки Ленинграда 1933 г., созданную благодаря серьезным предпроектным исследованиям. Доклад был одобрен Президиумом Ленсовета, и Эскизный проект Ленинграда, разработанный на его основе, был представлен к концу 1933 г. Эта работа была ярким примером сочетания преемственности и новаторства. Новаторской была идея неразрывности развития города и тяготеющего к нему пригородного экономического района. При этом сохранялась исторически сложившаяся тенденция компактного, концентрического роста центрального городского пятна.

В практике Ленинграда этот проект был последней градостроительной работой, основанной на широком применении метода «урегулирования»

как эволюционного проектного подхода. Методический подход к его разработке, осуществленный Л.А. Ильиным и его коллегами, не утратил своей актуальности вплоть до настоящего времени. Основные положения Эскизного проекта планировки Ленинграда 1933 г. были использованы при разработке последующего генплана Ленинграда, а некоторые из его идей — в послевоенные десятилетия.

В целом 1933 г. в истории ленинградского градостроительства можно рассматривать как некий рубеж, когда были сформулированы основные идеи, планировочная концепция и нормативные основы развития города в южном направлении. С учетом этих идей и концепций были сделаны предложения по новой городской черте.

Однако к середине 1930-х гг. в системе управления развитием городов начинает формироваться новый подход, который можно определить как «административный». Воздействие административной системы градорегулирования, которое стал испытывать Ленинград начиная с середины 1930-х гг., касалось не только разрыв по размещению промышленности, но и пространственно-функциональной концепции развития города.

В начале 1935 г. такая крупная и выполненная на высоком научном уровне работа, как Эскизный проект планировки Ленинграда, не получила утверждения на высшем уровне. Авторскому коллективу под руководством Л.А. Ильина было предложено пересмотреть ранее обоснованные параметры и пространственные направления развития города. Среди многих причин этого решения существовали две главные: первая была определена внешнеполитическими причинами. Со стороны Финляндии с учетом тенденций ее политического развития не исключалась непосредственная угроза Ленинграду. В этих условиях коллективу АПО было предложено пересмотреть северное направление перспективного развития территорий Ленинграда. Вторая причина состояла в изменении трактовки понятия «Большой Ленинград». Взаимоотношения города и окружающих территорий стали пониматься руководством Ленинграда более узко и упрощенно. Пригородную зону из резерва дальнейшего территориального развития города было предписано превратить в зону отдыха⁴⁹.

Принципы и направления дальнейшего развития Ленинграда на рассматриваемом этапе стали диктовать не профессионалы-градостроители, а партийно-административное руководство. Характерно, что программный документ 1935 г. «Оправные установки для разработки плана развития

Эскизный проект планировки Ленинграда. Начало 1935

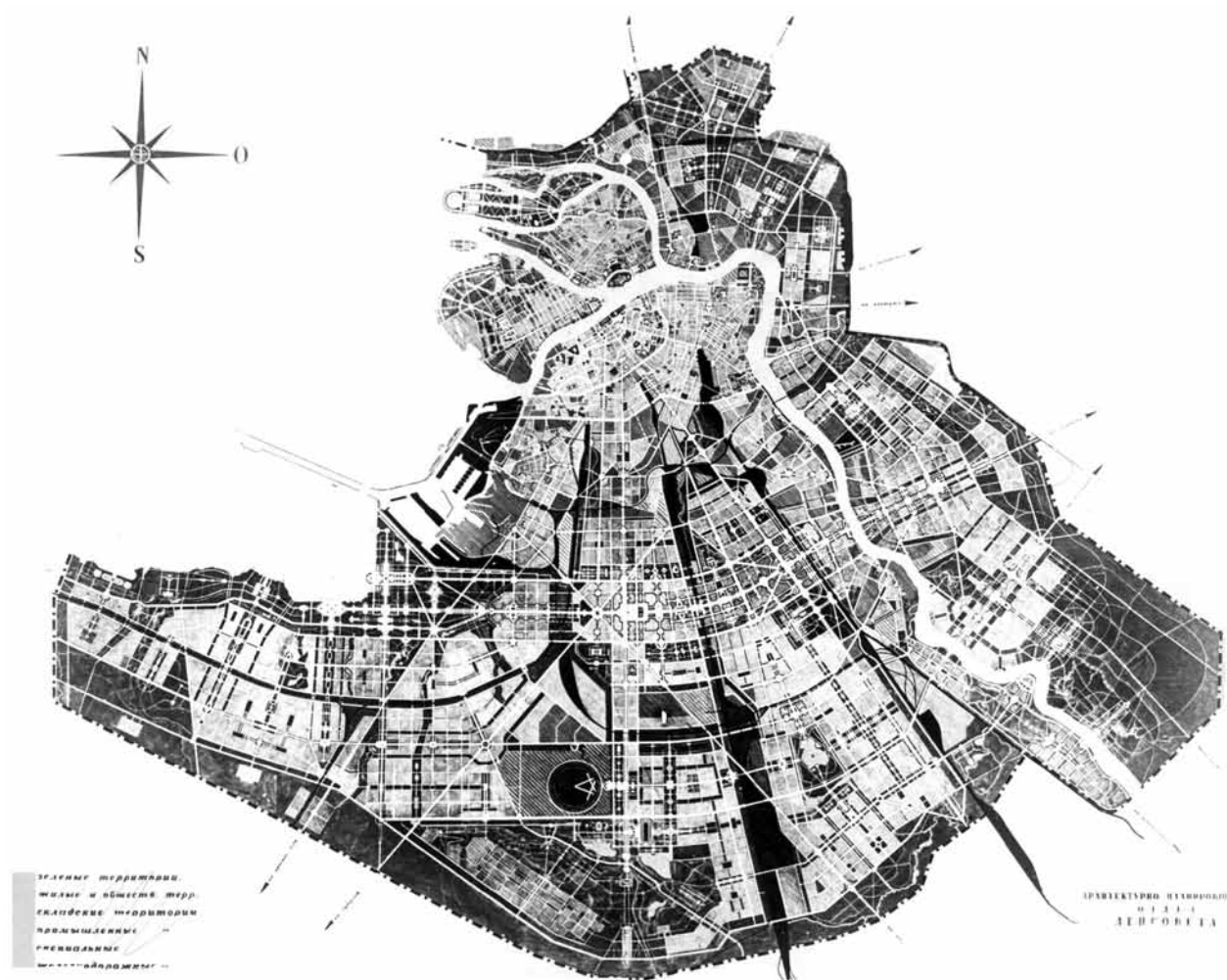

Схема Генерального плана Ленинграда. Декабрь 1935

города Ленинграда» был оглашен секретарем ЦК ВКП(б) и первым секретарем Ленинградских обкома и горкома ВКП(б) А.А. Ждановым. Этот документ стал директивой общесоюзного уровня, утвержденной ЦК ВКП(б) и СНК СССР. В соответствии с ней к декабрю 1935 г. под руководством Л.А. Ильина была разработана новая Схема генплана, определившая основные направления развития города в юго-западном и южном направлениях и ограничивавшая развитие города в северном направлении.

В этой директиве, по содержанию во многом сходной с постановлением «О генеральном плане реконструкции г. Москвы», были предписаны регламенты направлений будущего территориального развития Ленинграда, величины будущего населения города, развития исторической планировочной структуры города, застройки жилых территорий, размещения системы обслуживания. Схема генпла-

на в дальнейшем в официальных документах и специальной литературе трактовалась как Генеральный план Ленинграда 1935 г.

Выраженное движение города к югу в соответствии со Схемой генплана превращало существовавший центр Ленинграда в часть проектируемого города. По мысли Л.А. Ильина, вслед за новыми жилыми кварталами к югу должен был переместиться не весь общегородской центр, а его деловая и административная части. Эта идея получила детальное обоснование и разработку в проекте планировки и застройки Международного (ныне Московского) проспекта и Московского шоссе. Для создания единого ансамбля были разработаны проектно-нормативные рекомендации, обязательные для всех авторов, участвовавших в коллективной работе. Несмотря на то что принципы развития города подверглись искажению, городская система градорегулирования оказалась достаточно разви-

той, чтобы принять меры к смягчению последствий градостроительных ошибок.

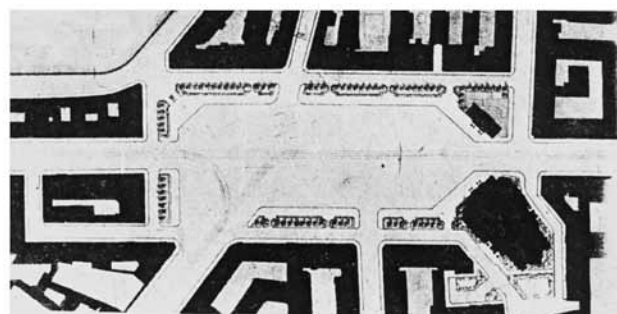
В середине 1938 г. Л.А. Ильин, бессменный градостроительный лидер Ленинграда и представитель «старой школы», был в административном порядке и без уведомления отстранен от принятия ответственных решений, а Главным архитектором города был назначен представитель более молодого поколения Н.В. Баранов, сформировавший новый творческий коллектив для дальнейшей работы над генпланом города. Однако этот архитектор, гораздо лучше адаптированный к формирующейся системе административных методов градорегулирования, все же

был учеником Л.А. Ильина и потому стремился преодолеть недостатки Генерального плана 1935 г.

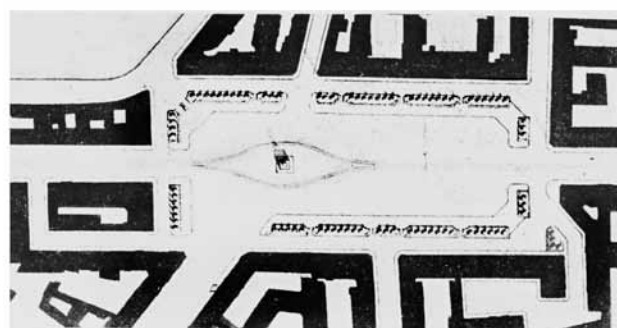
Под его руководством к 1939 г. был разработан новый вариант генплана, частично использовавший под застройку освоенные северные территории. Площадь города стала более компактной, а использование его территории — более интенсивным. Он считал спорным предложение по созданию нового центра города в отрыве от его исторически сложившейся системы ансамблей. Поэтому в основу генплана 1939 г. была положена идея гораздо более развитой композиционной связи нового центра города с ансамблями исторического центра,

Генеральный проект планировки Ленинграда. АПО Ленсовета. Арх. Н.В. Баранов, А.И. Наумов, Е.И. Катонин, П.Н. Твардовский, М.П. Лохманов, А.Ф. Романов, М.П. Лавров. 1939

1^й вариант

2^й вариант

Проект реконструкции Сенной площади.
Два варианта. Арх. Н.В. Баранов. 1939

ориентированными на акваторию Невы. В процессе разработки нового варианта генерального плана развития Ленинграда Н.В. Баранов провел всесторонний анализ ансамблей исторического центра и разработал ряд проектных предложений по реконструкции Сенной площади.

Этот вариант Генплана был утвержден лишь на городском уровне. Дальнейшая разработка Генерального плана развития Ленинграда тормозилась рядом проблем: отсутствием утвержденных данных о темпах роста и условиях размещения ленинградской промышленности; отсутствием объективного демографического прогноза и заменой его дирек-

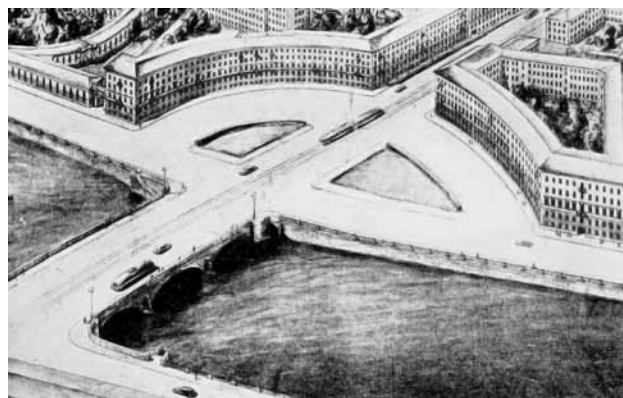
тивной численностью будущего населения; установкой на равномерное распределение населения по городским территориям.

В 1940 г. в Ленинграде, по аналогии с Москвой, была создана еще одна система градорегулирования — Архитектурно-планировочная комиссия (Архплан). Этой комиссией в январе 1941 г. был утвержден проект южного общегородского центра, и с учетом этого проекта был разработан еще один вариант Генерального плана Ленинграда 1941 г.

Во всех довоенных вариантах Генерального плана Ленинграда, созданных после 1933 г., практически не предлагалось никаких мер борьбы с неконтрольным ростом населения и территории города. Нерегулируемый приток населения в крупные города, в том числе и в Ленинград, практически бесконтрольная строительная деятельность промышленных ведомств приводили к неисполнению и частому пересмотру многих положений генеральных планов.

В сложной и во многом противоречивой картине предвоенного советского градостроительства Ленинград занимал особое место, отличаясь хотя и относительной, но все же устойчивой преимуществом архитектурно-градостроительных решений, приверженностью мощным планировочным традициям, присущим этому городу. Такой «градостроительный иммунитет» к внешним по отношению к логике развития города воздействиям можно объяснить формированием своего рода «компенсаторных механизмов» местного уровня внутри общей административной системы градорегулирования с ее постоянно менявшимися директивами относительно объемов и размещения промышленного и жилищного строительства. К таким факторам можно отнести:

— усиление роли Ленсовета и Архитектурно-планировочного управления города в регулирова-

Проекты реконструкции Сенной и Обуховской площадей. Арх. Н.В. Баранов, П.Ф. Когновицкий, В.Г. Богданов. 1939

нии развития Ленинграда. Распоряжения и постановления этих органов, реализуемые в проектах городского проектного института «Ленпроект», стали важными средствами градорегулирования, в том числе и нормативными;

— важным фактором противостояния нивелирующим тенденциям административной системы градорегулирования в 1930-е г. было наличие собственной научной базы. Ленинградский научно-исследовательский институт коммунального и жилищного хозяйства и строительства, организованный в 1931 г., стал крупным научно-исследовательским центром, занимавшимся вопросами теории и практики градостроительства, разработкой нормативов;

— третьим фактором по-прежнему оставалось наличие в Ленинграде большого количества квалифицированных архитекторов, градостроителей и инженеров. Эти профессионалы прекрасно понимали особенности Ленинграда, ценность его градостроительных ансамблей, городские потребности и проблемы, учитывали это в своих проектах и умели донести все это до сведения городского руководства.

Формирование таких «механизмов» активно проходило во второй половине 1930-х гг. и продолжилось после войны.

Логика административного подхода к градорегулированию требовала создания единой системы общегосударственных планировочных норм. Эта работа, однако, оказалась значительно более сложной, чем ожидалось. По заданию Совнаркома РСФСР с середины 1934 г. разработкой новых общесоюзных технических и экономических норм по планировке городов занимались научные отделы Академии коммунального хозяйства (АКХ). На осуществление этой работы специальной директивой отводился всего год, но в предвоенный период она так и не была закончена.

Параллельно в 1936 г. сектору планировки при ВСКХ было поручено обобщить имеющиеся материалы и разработать всесоюзные градостроительные нормы. Эта работа также не увенчалась успехом, и нормы не были изданы. В 1938—1939 гг. на основе разработок сектора планировки АКХ был составлен проект общесоюзных «Норм планировки городов», изданный в 1940 г., но так и не разработанный до конца. Таким образом, к 1941 г. в СССР только начал формироваться массив общесоюзных градостроительных справочников и пособий, содержащих неутвержденные предложения по нормативам. Эти материалы носили лишь рекомендательный характер. На этом фоне создание в Ленин-

граде собственных градостроительных нормативов, основанных на точном знании городских реалий и дифференцированных для различных частей города, сыграло неоценимую роль.

Таким образом, с нашей точки зрения, правомерно утверждать, что уникальность опыта Санкт-Петербурга — Ленинграда состоит в создании своей собственной, внутригородской системы градорегулирования. Основы такой системы были заложены еще в дореволюционный период талантливыми архитекторами, инженерами, учеными, деятелями городского хозяйства и подхвачены в первые годы советской власти носителями петербургской градостроительной культуры, работавшими над проектами преобразования Петрограда—Ленинграда. Однако активное формирование внутригородской системы градорегулирования началось во второй половине 1930-х гг. с усилением административного прессинга в советском градостроительстве. Окончательно эта система сформировалась к концу 1950-х гг. и действовала вплоть до конца советского периода, практически не претерпевая изменений, что помогло удержать город от грубых архитектурно-планировочных ошибок, серьезных перекосов в его развитии, а также решать вопросы, связанные с сохранением архитектурно-градостроительного наследия. Основные достоинства этой системы заключались в точном определении целей градорегулирования, в объединении в единую и целостную систему достаточно развитых административной, научной и проектной составляющих градорегулирования; в умеренности и сдержанности по отношению к изменчивым общим тенденциям советской архитектуры и градостроительства.

Особенности опыта градорегулирования Петрограда—Ленинграда дают основания представить его как взаимодействие и в то же время противостояние двух «силовых векторов» управления, один из которых был порожден потребностями самого города и сложившимися традициями градостроительного развития, другой — экономическими, политическими и идеологическими интересами государства. В середине 1930-х гг. в силу политических и экономических причин руководством страны были приняты директивы, искажавшие процесс градоформирования Ленинграда. Однако благодаря высокому профессиональному уровню ленинградской системы градорегулирования произошел возврат к концепции развития города, обоснованной в начале 1930-х гг. и получившей дальнейшее развитие в последующие десятилетия.

Примечания

1. Сухорукова А.С. Градостроительная политика Петербургской Городской Думы начала XX в. / А.С. Сухорукова // Петербургские чтения — 96: сборник. Санкт-Петербург, 1996. С. 237–239; См также: Сухорукова А.С. Петербургская Городская Дума и городское хозяйство во второй половине XIX — начале XX века / А.С. Сухорукова. Санкт-Петербург: Наука, 2005. С. 265.
2. Вайтенс А.Г., Косенкова Ю.Л. Развитие правовых основ градостроительства в России XVIII — начала XXI века: опыт исторического исследования / А.Г. Вайтенс, Ю.Л. Косенкова; Рос. акад. архитектуры и строит. наук, Науч.-исслед. ин-т теории архитектуры и градостр.-ва, Центр. науч.-исслед. и проект. ин-т градостр.-ва. Обнинск: Ин-т муницип. упр., 2006. С. 75.
3. Там же. С. 74.
4. Петров М.Н. Коммунальное хозяйство и организация / М.Н. Петров // Коммунальное дело. 1922. № 1. С. 10–18.
5. Орт А.И. От Питербурха до Петербурга (о деятельности органов строительного надзора и экспертизы) / А.И. Орт, В.М. Соловьев, М.В. Золотарева; Служба Гос. строит. надзора и экспертизы Санкт-Петербурга. СПб.: Зодчий, 2008. С. 269. Ил. С. 24.
6. Френкель З.Г. Петроград периода войны и революции. Санитарные условия и коммунальное благоустройство / З.Г. Френкель; Музей города, Отд. коммун. и социал. гигиены. Петроград: [б. и.], 1923. С. 13.
7. Мастера советской архитектуры об архитектуре. М.: Стройиздат, 1975. Т. 1. С. 118.
8. Там же. С. 119.
9. Кривенко В.С. Научно-художественное Бюро Отдела градостроительства Петрогубсовкомхоза // Коммунальное хозяйство и строительство (Петроград). 1921. № 1. С. 20.
10. Кривенко В.С. Отчетная выставка Научно-художественного Бюро Отдела градостроительства Петроградского Совкомхоза // Коммунальное хозяйство и строительство (Петроград), 1921. № 1. С. 70.
11. Кривенко В.С. Научно-художественное Бюро Отдела градостроительства Петрогубсовкомхоза // Коммунальное хозяйство и строительство (Петроград). 1921. № 1. С. 21.
12. Кривенко В.С. Отчетная выставка Научно-художественного Бюро Отдела градостроительства Петроградского Совкомхоза. // Коммунальное хозяйство и строительство (Петроград), 1921. № 1. С. 70.
13. Ружжее В.Л. Градостроительные проблемы в Красном Петрограде // Строительство и архитектура Ленинграда. 1967. № 1. С. 11.
14. Там же. С. 11.
15. Гельман И.Г. Принципы и нормы планировки городов // Коммунальное дело. 1923. № 1. С. 27–34; см. также: Коммунальное дело. 1923. № 3–4. С. 58–66.
16. Градоустройство. Планировка и градостроительство в Петрограде // Коммунальное дело. 1923. № 2. С. 111.
17. Там же. С. 111.
18. Рославлев М.И. Старый Петербург — Новый Ленинград. Л.: Академии художеств, 1925. С. 116–117.
19. Там же. С. 132.
20. Зазерский А.И. К постановке технического обследования городов // Коммунальное дело. 1923. № 7–8. С. 21.
21. Зазерский А.И. О постановке обследования города Ленинграда в связи с его восстановлением // Вопросы коммунального хозяйства, 1924. № 4. С. 30.
22. Френкель З.Г. Наиболее неотложная задача планировки и благоустройства Ленинграда // Вопросы коммунального хозяйства. 1925. № 8. С. 105.
23. Там же. С. 106.
24. Ильин Л.А. Первые шаги строительства // Вопросы коммунального хозяйства. 1925. № 1. С. 13.
25. Там же. С. 16.
26. Там же. С. 19.
27. Дубнов Л.И. К рабочему строительству в Ленинграде // Вопросы коммунального хозяйства. 1925. № 1. С. 21.
28. Карпович В.С. Проблема исполнинских городов и предстоящее рабочее строительство в Ленинграде // Вопросы коммунального хозяйства. 1924. № 4. С. 36.
29. Там же. С. 38–39.
30. Там же. С. 38.
31. Кругляков Ю.Г. Каким должен быть планировочный орган? // Вопросы коммунального хозяйства. 1928. № 9. С. 49–51.
32. Меерович М.Г. Рождение соцгорода: Градостроительная политика в СССР 1926–1932 (концепция социалистического расселения — формирование населенных мест нового типа). Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2008. С. 27.

33. *Ильин Л.А.* Планировка Ленинграда после революции // Вопросы коммунального хозяйства. 1927. № 11. С. 18.
34. Там же. С. 18—19.
35. Там же. С. 20.
36. Там же. С. 25.
37. Там же.
38. Самый первый в отечественной истории опыт авиасъемки городских кварталов предприняла в 1920 году Архитектурная мастерская И.А. Фомина, но этот эксперимент не дал результатов, так как не было опыта перевода данных авиафотосъемки в городские планы.
39. Предшественник ОСОАВИАХИМа.
40. *Ильин Л.А.* Планировочные работы в Ленинграде (1924—1925 гг.) // Вопросы коммунального хозяйства. 1926. № 5. С. 16.
41. *Ильин Л.А.* Планировка Ленинграда после революции // Вопросы коммунального хозяйства. 1927. № 11. С. 20.
42. Вопросы коммунального хозяйства. 1927. № 11. С. 23.
43. Из проекта резолюции о Зональном плане, написанного Л.А. Ильиным. ЛГАНТД. Ф. 3189. Оп. 1. Д. 9865. Л. 22.
44. Подробнее см.: *Хазанова В.Э.* Советская архитектура первой пятилетки. М.: Наука, 1980.
45. ЛГАНТД. Ф. 3189. Оп. 1. Д. 9866. Л. 38—38 об.
46. Сабсович ошибочно полагал, что уже к концу 1930-х гг. продолжительность рабочего дня не будет превышать 3—5 часов.
47. ЛГАНТД. Ф. 3189. Оп. 1. Д. 9866. Л. 88—89 об. Указанных в докладе размеров Ленинград достиг: по территории — к концу 1950-х гг.; по населению — к концу 1970-х гг.
48. Там же. Д. 9866. Лл. 60—61.
49. *Бусырева Е.П.* Лев Ильин: монография / Е.П. Бусырева; авт. вступ. ст. В.Г. Авдеев; Ком. по культуре Правительства Санкт-Петербурга, Гос. музей истории Санкт-Петербурга. Санкт-Петербург: Гос. Музей истории Санкт-Петербурга, 2008. С. 176.

Ведомственные и региональные особенности формирования городов в процессе индустриализации страны (на примере Западной Сибири первой пятилетки)

С.С. Духанов

Одной из важнейших задач советского градостроительства в 1930-е гг. стало преодоление раздробленности и создание целостного города. Вместе с тем разработчики генеральных планов городов ни в 1930-е, ни в 1950-е гг. в большинстве случаев не смогли достичь этой цели. В качестве объяснения неудач в материалах к генпланам постоянно говорилось о некоем ведомственном «наследии» первых пятилеток. Размещение первых предприятий и их городов в корне изменило градостроительную ситуацию и связало проектировщикам руки.

Очевидно, что без понимания той специфической градостроительной ситуации, которую оставило взаимодействие ведомственной градостроительной деятельности с местными условиями, невозможно понять тех проблем, с которыми сталкивались с начала 1930-х гг. составители генеральных планов новых промышленных городов — архитекторы.

На первый взгляд, в градостроительных результатах деятельности ведомств не могло быть такой составляющей, как местные условия.

Осуществление индустриализации СССР в годы первой пятилетки предполагало применение единых для всех его регионов принципов и создание сети типовых промышленно-селитебных комплексов, равномерно покрывающих территорию страны. Казалось бы, при таком централизованном подходе не могло остаться места для проявления региональной специфики в архитектурно-градостроительной сфере.

Однако на деле игнорирование местных условий шло рука об руку с отсутствием финансирования мероприятий по преобразованию природной среды. Ставшая следствием этого установка на минимизацию «второстепенных» затрат, по существу, поставила организации, на местах осуществлявшие

планы индустриализации, в полную зависимость от условий региона, которые теперь нельзя было изменить в благоприятную сторону. В итоге местная специфика стала определять важнейшие градостроительные решения, придавая им конкретное планировочное воплощение, и без ее учета невозможно понять то самое ведомственное градостроительное «наследие».

Неизбежный процесс трансформации ведомственных градостроительных установок наиболее резко проявился в Западной Сибири, которая в годы первой пятилетки была наиболее восточным районом СССР, охваченным масштабной индустриализацией. Природные и социально-экономические условия ландшафт, климат, транспортная система, быт населения и др. — имели здесь свою специфику, отличаясь от условий в европейской части страны.

В настоящей статье на примере Западной Сибири исследуется процесс формирования региональных особенностей городов, определявшийся взаимодействием ведомственного градостроительного подхода и местных условий.

Региональные особенности рассматриваются на следующих уровнях: размещение новых промышленных поселений на территории края; формирование планировочной структуры и разработка генеральных планов городов; архитектурно-градостроительная среда и архитектура гражданских зданий. Последовательность соответствующих разделов отражает реальный ход архитектурно-градостроительного процесса первых пятилеток, в котором проекты архитекторов занимали подчиненное положение.

*Влияние региональных условий
на размещение промышленных новостроек*

С одной стороны, осуществление крупномасштабного строительства гигантских промышленных предприятий и их городов требовало наличия или предварительного создания определенных строительных условий. С другой стороны, реальные планы индустриализации предполагали, что и колоссальное строительство, и создание необходимой для этого инфраструктуры будут происходить не последовательно, а одновременно.

Особенно острыми возникавшие в связи с этим проблемы были для удаленной от европейской части страны Западной Сибири, где основной центр тяжести индустриализации был намечен в совершенно не освоенном Кузбассе. Здесь требовалось заново построить всю дорожно-транспортную сеть, включая железные дороги, без чего было невозможно снабжать новостройки из европейской части страны. Произвести массовую переброску населения для промышленного, гражданского и колхозного строительства и построить для них не просто жилье, а целые города. Создать строительные предприятия и развитую систему совхозов, необходимых для снабжения строек и населения продукцией местного значения, и т.д.

В этот период наметилось два подхода к размещению новых промышленных предприятий. Сторонниками первого подхода были работники Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ) и Западно-Сибирского краевого СНХ, которые исходили из ведущего значения эксплуатационных затрат предприятий. Они учитывали местные условия лишь с точки зрения потенциала месторождений и добывались строительства предприятий тяжелой индустрии и их городов в новых, не освоенных сырьевых районах, прежде всего в Южном Кузбассе. Второй подход отстаивал ряд работников Госплана РСФСР, а также руководители крайисполкома, краевой плановой комиссии и горсоветов крупных городов. Они стремились учесть региональную специфику с точки зрения местных строительных условий и восполнить ими «некомплектность» строительных смет. Они считали, что своевременный пуск предприятий не менее актуален, чем последующая экономичная эксплуатация, и поэтому отстаивали размещение предприятий-гигантов в существующих городах, что отвечало градостроительной специфике малонаселенной Западной Сибири¹.

О реализме этого подхода свидетельствует то, что центральные планирующие организации так

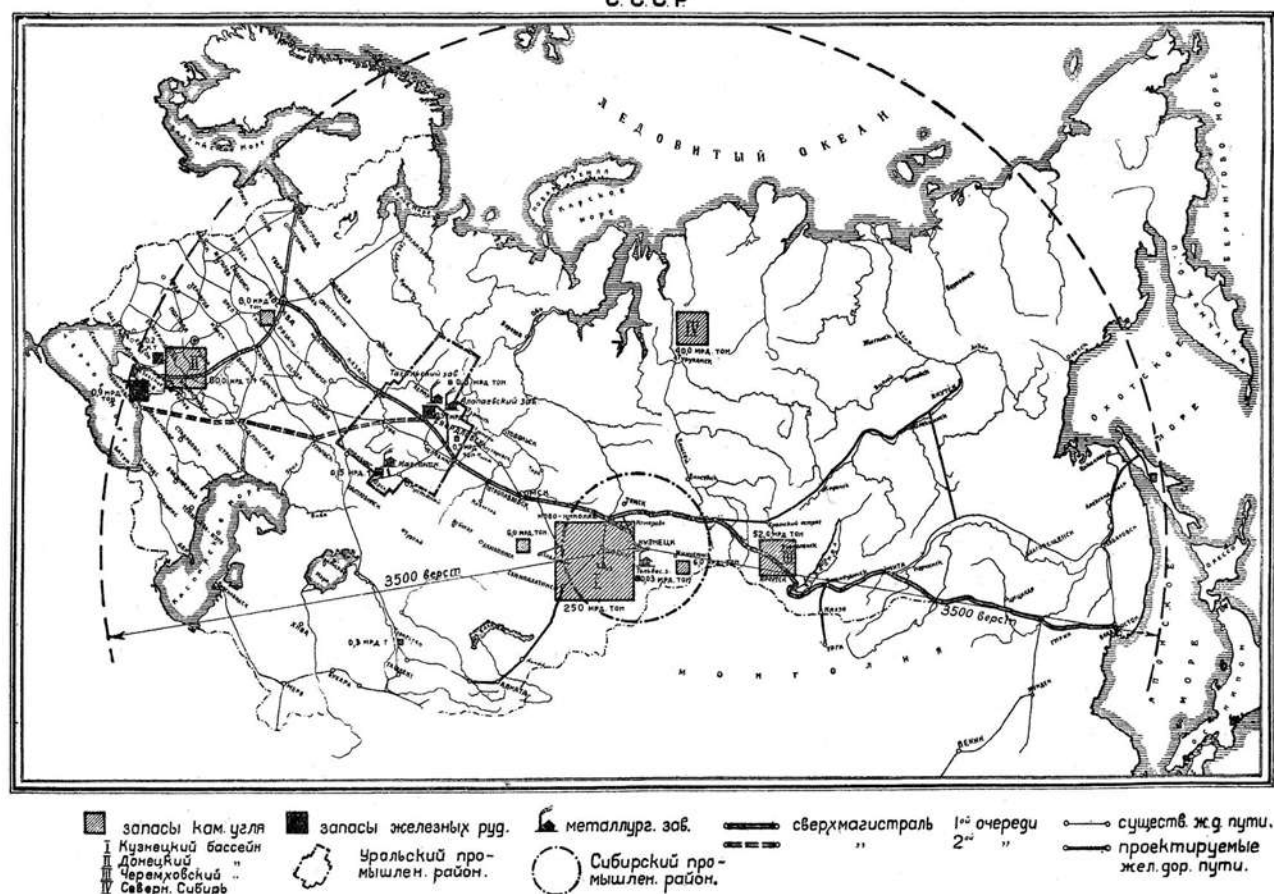
и не разработали план размещения новостроек, приуроченный к определенным географическим «точкам». Расчеты по объемам перевозок в Кузбасс строительных материалов, рабочей силы и снабжения, а также пропускной способности местных железных дорог отсутствовали. Местное сельскохозяйственное население, в отличие, например, от Донбасса, было крайне малочисленным. Западно-сибирские города были единственными благоприятными точками крупного строительства, но планы индустриализации игнорировали их потенциал. В этих условиях перевод ряда комбинатов из «гигантского» Южного Кузбасса к «спасительной» железнодорожной магистрали и их концентрация в сложившихся городах стали в ходе осуществления планов закономерным явлением. Те же гиганты, которые этого не сделали, за исключением Первого кузнецкого комбината, так и не были построены.

Индустриализация Западной Сибири первой пятилетки (1928–1932) была связана с проектом грандиозного Урало-Кузнецкого комбината (УКК). Основная идея «разбросанного» на большой территории сверхгиганта заключалась в обмене кузбасского кокса на уральскую руду и создании для этого двух артерий для перевозки массовых грузов — Урало-Кузбасской железнодорожной сверхмагистрали и Урало-Кузбасского водного пути². Создание предприятий УКК должно было в корне изменить градостроительную картину Сибири.

Концепция социалистической системы расселения была основана на отрицании «буржуазного опыта». Центр тяжести нового промышленного строительства переносился в еще не освоенные районы; новые предприятия и их поселения должны были равномерно разместиться на территории (идея децентрализации)³. Аналогично планировалось размещение новых промышленных центров и в Западной Сибири. Для их строительства были выбраны не исторические города, а новый, неосвоенный район — Кузнецкий бассейн, в то время одно из самых глухих мест в крае⁴. В исторических городах планировалось размещение лишь небольших предприятий. Градостроительные процессы в СССР в 1920–1930 гг. «регулирувались в основном административными, а не правовыми методами»⁵. Ведомственный подход к размещению предприятий предполагал отсутствие взаимной увязки между разными отраслями и игнорирование интересов поселений⁶.

Аналогичными методами велась и индустриализация Сибири. Целостный план УКК, в котором размещение комбинируемых между собой предприятий было бы приурочено к определенным «геогра-

КАРТОГРАММА ЗАПАСОВ КАМ.УГЛЯ И ЖЕЛЕЗНЫХ РУД И СХЕМА СВЕРХМАГИСТРАЛЬНЫХ ПУТЕЙ
С.С.С.Р

Картограмма запасов каменного угля и железных руд и схема сверхмагистральных путей СССР. 1925

фическим точкам», до начала индустриализации разработан не был, только финансовый⁷. Согласно материалам Западно-Сибирской краевой плановой комиссии размещение комбинатов в этот период вели разрозненные комиссии промышленных объединений и местных властей. Они опирались на ведомственную методику, которая прежде всего учитывала транспортные затраты предприятий после их пуска. Подход напоминал азартную «игру в планирование»: заводы совершенно «свободно» перемещались по географической карте в фокусы наименьших перепробегов сырья так, словно это были фишки на игральном столике. В планировании «по точкам» совершенно игнорировались судьбы тысяч людей — рабочих этих заводов и их семей. Ведь они нуждались в жилье, которое отсутствовало в местах новых сырьевых месторождений. Региональные особенности, как правило, не изучались и не учитывались. Градостроительный аспект (что было особенно важно в малонаселенной Сибири) игнорировался. Пункты, намеченные для строительства

заводов, которые после увеличения заданий в конце 1920-х гг. превратились в промышленные гиганты, равномерно располагались вдоль однопутной ветки, шедшей по Кузбассу от Транссибирской магистрали: в Юрге, Кемерово, Ленинске, Прокопьевске и Кузнецке. Первые предприятия разместили по этой децентрализованной системе.

Место строительства металлургического комбината в районе Кузнецка (Южный Кузбасс) было намечено еще до революции. Попытка создания этого завода связана с деятельностью Кузнецкого каменноугольного и металлургического общества (Копикуза), одной из крупнейших монополий дореволюционной Сибири. В 1912 г. оно получило от царского правительства право на монопольную разработку (концессию) месторождений Сибири на площади в 176 тыс. кв. км, в которую входил и Кузнецкий бассейн. Для общества был создан особый налоговый и административный режим, снижены железнодорожные тарифы на вывоз кузбасских углей в европейскую часть страны.

Руководители Копикуза понимали выгоды объединения в рамках одного концерна транспортных и угледобывающих предприятий, коксохимического и металлургического производств. В Донбассе и на Урале такие организационные формы были невозможны. Инженеры тщательно подошли к вопросу размещения металлургического завода, который был запроектирован по типу крупнейшего и современного на тот момент американского завода Гери (Индиана)⁸.

За сырье платили хозяева предприятий, тогда как за готовую продукцию — покупатели. Поэтому на основе расчетов в пудо-верстах завод был размещен в точке наименьших перепробегов угля и руды из месторождений, принадлежавших Копикузу.

Необходимо отметить следующее обстоятельство. Масштабы промышленного строительства Копикуза были намного меньше, чем в годы первой пятилетки. Так, металлургический завод Копикуза был рассчитан на производство 320 тыс. т чугуна в год, тогда как Первый Кузнецкий металлургический завод в максимальном варианте 1930 г. — на 1 200 тыс. т. Четвертая коксовая батарея по объему производства превосходила первые три, вместе взятые. В годы Первой мировой войны на предприятиях Копикуза работало всего около 2,5 тыс. рабочих; на строительстве металлургического завода предполагалось задействовать в летний период до 8 тыс. человек (зимой — 3 тыс.). Напротив, на стройке одного лишь Первого кузнецкого металлургического комбината трудилось свыше 40 тыс. рабочих. Наконец, Копикуз как правило, вел строительство своих промышленных предприятий последовательно, а не одновременно.

После революции метод расчета «фокусов наименьших перепробегов» переключался в ВСНХ, только теперь транспортные затраты вычислялись в тонно-километрах и в масштабах страны. Благодаря этому бывшие руководители завода смогли добиться у советского правительства включения своего предприятия в состав будущего Урало-Кузнецкого комбината. Последний строился на так называемых маятниковых движениях сырья (идея «Урало-Кузнецкого маятника») — массовых перевозках кузбасского кокса на уральские металлургические предприятия. Соответственно, создание металлургического завода в Кузбассе требовало перевозок уральской руды в обратном направлении и позволяло избежать порожних перепробегов железнодорожных составов.

В результате к концу 1920-х гг. место строительства завода не претерпело изменений. Противо-

речие такого размещения состояло в следующем. С одной стороны, строительство этого завода центральные и краевые органы народного хозяйства, исходившие из отрицания «буржуазного опыта» и «царского наследия», обосновывали выгодой приближения металла к потребителям, поскольку снабжение Западной Сибири из европейской части Союза было крайне убыточным⁹. И он действительно был размещен в Сибири, а не в европейской части страны. Поэтому, с другой стороны, почти парадоксально, что уже на месте завод был приближен не к потребителям, ради которых создавался, а к источникам сырья. В результате местом строительства будущего гиганта был выбран Южный Кузбасс — в то время одно из самых неосвоенных мест Западной Сибири.

В ходе дальнейшего размещения предприятий УКК возникла новая тенденция. В 1929–1930 гг. намеченные в Кузбассе заводы стали переводить в краевой центр — Новосибирск, а из Южного Кузбасса — в Северный, в Кемерово. В результате произошел географический «разворот» большей части комбинатов: намечилось в целом не рассредоточение, а напротив, их концентрация в немногих, уже освоенных местах.

Сибирский завод сложных сельскохозяйственных машин (Сибкомбайн) вначале планировали построить на станции Юрга, месте выхода ветки из Кузбасса на магистраль. Однако к апрелю 1929 г. завод был «передвинут» в Новосибирск¹⁰. Проект новой железной дороги Ленинск–Новосибирск «приблизил» кузнецкий металл к последнему, поэтому ведущим фактором размещения предприятия было признано сокращение пробегов готового фабриката ввиду «нетранспортабельности сельхозмашин»¹¹. Теперь главным считалось приближение завода не к металлу и топливу, а к основным районам сбыта и потребителям. Сельское хозяйство Кузбасса было самым отсталым в крае. Напротив, из Новосибирска железнодорожные и водные пути вели во все освоенные сельскохозяйственные районы Западной Сибири. То есть, по существу, завод передвинули в крупный железнодорожный узел, и лишь поскольку этим узлом оказался Новосибирск, завод оказался в крупном городе. Вскоре тенденция к «повороту» усилилась.

В 1929 г. планы индустриализации резко изменились. Начавшаяся на Западе депрессия предоставила СССР редкий шанс массово закупить уникальное оборудование для промышленных предприятий, произвести которое самостоятельно было невозможно. Госплан по заданию Правительства рез-

ко увеличил планы промышленного строительства. Были «подняты ставки» и по Сибири. Стержнем ее индустриализации являлся Кузнецкий металлургический завод. В конце 1929 г. его производственную программу увеличили вдвое — с 600 тыс. до 1,2 млн т чугуна в год. Соответственно возрастала программа по добыче угля (с 17 до 30 млн т) и коксохимии¹². В Кузбассе намечался переход от небольших шахт (на 200–250 тыс. т годовой добычи) к строительству шахт-гигантов на 2–3 млн т угля каждая¹³. Машиностроительные заводы (потребители металла и кокса) также превратились в комбинаты-гиганты. В результате резко возрастала численность рабочих и населения в целом. До этого можно было считать, что строительными базами вторых очередей промышленности в неосвоенных местах станут небольшие предприятия первой очереди. А теперь предстояло строить комбинаты-гиганты сразу и без них! В связи с корректировками Госплан РСФСР направил в Сибирь группу своих работников во главе с заместителем председателя Госплана РСФСР Э.З. Гольденбергом. В декабре 1929 г. он выступил с докладом на Президиуме сибирского крайисполкома. Потрясенный малолюдностью Кузбасса, Гольденберг только теперь осознал значение того факта, что «Новосибирск — это город». На необходимости увязки новой программы «с местностью» настаивали и работники крайплана¹⁴. В ходе обсуждения впервые возник вопрос региональных особенностей. Были выдвинуты предложения об изменении точек строительства ряда крупных предприятий.

Четвертую коксовую батарею первоначально планировали строить в Прокопьевске (Южный Кузбасс), вблизи залежей высококачественных коксующихся углей, чтобы сократить перевозки сырья. Однако на заседании крайисполкома с участием Гольденберга было принято решение переместить ее в Кемерово, где уже функционировали первые три батареи. Принцип комбинирования требовал развертывания при коксовой батарее целого комбината: тукового завода, химического, электролитного цинкового и т.д.¹⁵ В свою очередь, химкомбинат требовал большого количества воды. Кемерово стоял на Томи, которая и предопределила строительство предыдущих химических предприятий, а в Прокопьевск пришлось бы тянуть промышленный водопровод¹⁶. Таким образом, на пересмотр места четвертой коксовой батареи и связанных с ней предприятий повлияло не стремление приблизить их к источникам сырья, а желание экономить на инфраструктуре. Не создавать на новом месте то, что уже существовало в Кемерово.

В декабре 1929 г. возник вопрос и о постройке в Сибири второго металлургического гиганта (и третьего в УКК в дополнение к Первому кузнецкому и Магнитогорскому комбинатам) на 2 млн т. Гольденберг считал, что поскольку завод будет работать на уральской руде, то с точки зрения транспортировки сырья и малой транспортабельности готовой продукции его целесообразнее строить не в Кузнецке, а на магистрали, в Новосибирске. Его слова были встречены овациями краевых работников: «Правильно»! В заключение Гольденберг заявил еще об одном факторе: в Новосибирске благоприятные строительные условия, «так как это город»¹⁷. Таким образом, в ходе поездки он пришел к важному выводу: самая надежная строительная база в малонаселенной Сибири — это крупный город.

Но с этими доводами согласились не все. Так, инженер П.Я. Брянцев (краевой Совет народного хозяйства), один из идеологов «Урало-Кузнецкого маятника», в начале 1930-х гг. был убежденным сторонником размещения тяжелой индустрии вблизи источников сырья — в Кузбассе. Он доказывал транспортные преимущества строительства Второго металлургического завода в Кузнецке. Инженер считал, что в будущем рудной базой Сибири будет не только Урал, но и местные железорудные месторождения. Он обнаружил, что уже при 50% сибирской руды фокус наименьших перепробегов сырья («центральный транспортный момент») резко смещался в сторону Кузнецка¹⁸. Брянцев не мог отрицать значения Новосибирска как железнодорожного узла. Но он считал, что металлургические заводы нельзя отрывать от других отраслей промышленности, прежде всего химической. Не без сарказма инженер писал, что «широкая проектировка этих отраслей промышленности в Новосибирске нецелесообразна ни с точки зрения интересов будущей «столицы» Сибирского края, ни по экономическим соображениям»¹⁹. Напротив, горсовет связывал «столичность» Новосибирска именно с размещением в нем тяжелой индустрии и пролетариата²⁰.

Завод горного оборудования (Сибмашстрой) в декабре 1929 г. наметили строить в центре Кузбасса, в Ленинске, для обеспечения производственной программы Сибугля²¹. Но уже в октябре 1930 г. комиссия Гипромаша и краевых властей оперативно «передвинула» его в Новосибирск. В смене точки его строительства ведущим стал градостроительный момент. Часть требований предполагала расположение завода в Кузбассе, где были потребители продукции и источники металла и топлива. С другой стороны, крупным источником водоснаб-

жения и большой судоходной рекой была только Обь. Общесоюзная роль комбината требовала разместить его на магистрали, в крупном железнодорожном узле общесоюзного же значения, которым в Западной Сибири был только Новосибирск²². Все вместе это указывало на краевой центр. Решающими в пользу Новосибирска стали два момента. Во-первых, решительное требование Гипромаша строить завод вблизи культурного и научного центра краевого масштаба²³. Эта было связано с наличием на заводе высококвалифицированной рабочей силы (Гипромаш хотел закрепить ее на заводе хорошими условиями жизни) и была совершенно новой для предыдущей практики промышленных объединений в Западной Сибири. Во-вторых, установка Сибмашстроя и краевых властей на то, что только условия крупного города позволят осуществить своевременную постройку и пуск завода²⁴. То есть при выборе «точки» для завода горного оборудования был учтен целый комплекс факторов. Крайплан предложил в качестве возможных точек строительства Кузнецк, Кемерово, Новосибирск и Барнаул (Ленинск уже не упоминался)²⁵. Комиссия выбрала Новосибирск. В связи с исходными требованиями Гипромаша этот выбор нельзя считать неожиданным.

После того как к 1931 г. краевые власти добились размещения у себя основных потребителей металла (Сибкомбайн, Судоверфь, Сибмашстрой), они стали обосновывать этим размещение у себя и Второго металлургического завода²⁶.

Таким образом, в ходе «разворота» комбинатов и последующей борьбы за Второй металлургический завод наметилась новая тенденция. Ее отстаивали краевые работники (крайплана и крайисполкома), их поддерживала часть работников Госплана РСФСР и некоторых промышленных объединений (Гипромаш). Они считали, что в малолюдной Сибири крупные стройки необходимо размещать в местах, благоприятных для успешного строительства и пуска заводов, — в сибирских городах.

Изменение планов индустриализации Западной Сибири резко поставило вопрос о строительных базах предприятий и необходимости учета местных строительных условий. Как следствие, при поиске точек для нового промышленного строительства в Западной Сибири, очень бедной сельскохозяйственным населением, резко возросло внимание к городам, где размещались строительные предприятия и основной рынок рабочей силы. В результате на рубеже 1920–1930 гг. наблюдается тенденция к определенной концентрации новых предприя-

тий-гигантов в западносибирских городах — местах, наиболее удобных для крупного строительства.

Закрепиться эта тенденция не успела. В 1931–1932 гг. произошел обратный поворот — к строительству вблизи источников сырья. Руководители Наркомтяжпрома добились размещения двух новых гигантов тяжелой индустрии (Паровозостроительного и Второго металлургического заводов) в Кузнецке, рядом с Первым металлургическим.

Размещение предприятий легкой промышленности в Барнауле (Меланжевого комбината и энергохимического комплекса) в январе–ноябре 1932 г. поддержали сторонники обеих тенденций. Напротив, за Паровозо-вагоностроительный завод (ПРВЗ) — предприятие тяжелой индустрии, связанное с будущим металлургическим комбинатом, в феврале–марте 1932 г. снова развернулась борьба. Наученное горьким опытом, Локомотивобъединение выдвинуло к будущему пункту строительства две группы требований. Во-первых, в связи с огромной материалоемкостью и энергоемкостью производства паровозов и большегрузных вагонов (около 200% от веса готовой продукции) требовалось максимально приблизить завод к его металлургической и топливной базе²⁷. Во-вторых, строительные условия пункта должны были обеспечить поддержание высоких темпов строительства и своевременный пуск завода к 1934 г.²⁸. Это означало размещение ПРВЗ вблизи родственного предприятия тяжелой индустрии, в пункте, где уже существовала мощная строительная организация и вспомогательные цеха соответствующего профиля. При анализе точек строительства крайпланом первыми отпали пустые места (станции на сверхмагистрали Ленинск–Новосибирск) и города, еще не освоенные тяжелой промышленностью (Барнаул и Томск)²⁹. Идея децентрализации тяжелой индустрии была, таким образом, отброшена³⁰. Остались Новосибирск, где действовал Сибмашстрой, и Новокузнецк с Кузнецкстроем³¹. Крайплан подчеркивал возможность обеспечения в Новосибирске высоких темпов строительства и преимущества перед Кузнецком: близость к городу, удобная стройплощадка и т.д.³² Он надеялся, что размещение ПРВЗ в краевом центре заставит Наркомтяжпром разместить здесь и Второй металлургический завод, что устранил перепробеги металла. Последнее слово было за Г.К. Орджоникидзе: он считал главными факторы производства и выдвинул пунктом строительства Новокузнецк³³.

В 1932 г. геолого-разведочные работы, проводимые с конца 1920-х гг., завершились открытием

огромной железорудной базы в Кузнецком бассейне. Предположения П. Брянцева и других специалистов о наличии сибирских месторождений полностью подтвердились. В том же году Правительство приняло решение разместить в Кузнецке Второй металлургический гигант и создать здесь на его основе огромный Кузнецкий транспортно-металлургический комбинат (КТМК).

Какими были результаты непрерывных «поворотов» ведомственного подхода к размещению предприятий-гигантов в Западной Сибири? В 1929–1932 гг. три гиганта были начаты строительством в Южном Кузбассе, а три переведены оттуда в Ново-сибирск и Кемерово. На протяжении 1930-х гг. вся троица «переведенных» предприятий (Сибкомбайн, Сибмаш и Энергохимический комбинат) была построена. Напротив, из кузнецких комбинатов удалось построить только Первый металлургический завод. В 1930-е гг. последнее слово осталось, увы, не за наркомом, а за местными строительными условиями. Несмотря на героизм строителей Кузнецк-строля, ни Паровозостроительный, ни, тем более, Второй металлургический завод в этот период так и не были построены. Лишь в конце 1950-х гг., когда Новокузнецк как город стал строительной базой, удалось развернуть масштабные работы по созданию второго кузнецкого гиганта. Затяжное начало строительства показывает правоту тех работников плановых органов, которые еще в начале 1930-х гг. обратили внимание на роль местных строительных условий и значение городов для успешного завершения крупного строительства.

В эти годы пропагандисты крайисполкома громили в своих статьях «вредительские» теории Я.Б. Диманштейна, «решительного противника создания второй угольно-металлургической базы на востоке», призывавшего строить заводы вблизи источников рабочей силы³⁴. Однако одновременно их коллеги из краевой плановой комиссии, как мы видели, уже в рамках края занимались как раз тем, что стремились приблизить новые предприятия к крупным городам, которые в Западной Сибири являлись единственными надежными источниками рабочей силы.

Рост промышленной программы УКК означал, что для строительства в Западной Сибири потребуется просто колоссальный объем строительных перевозок. Когда весной 1929 г. стало ясно, что размещение всех строек в Кузбассе обернется катастрофой, Госплан развернул часть комбинатов-гигантов к магистрали. Но Кузнецкий металлургический завод и, естественно, все шахты-гиганты Ленинска,

Киселевска и Прокопьевска предстояло строить в Южном Кузбассе. При выборе последнего в конце 1920-х гг. решающую роль играли не строительные, а эксплуатационные факторы. Никто не рассчитывал затраты на перевозку к месту добычи сырья предприятий и их городов со всеми стройматериалами, оборудованием и населением. Между тем основной объем строительных материалов должен был поступать не из Кузбасса и даже не из Сибири, а из централизованных фондов, расположенных в европейской части страны³⁵.

Современники с горечью обнаружили, что при такой направленности строительных грузопотоков вся транспортная система Западной Сибири не отвечала задачам ее индустриализации. Мощные сибирские реки текли «не оттуда», «не туда» и «не там»³⁶. Западно-Сибирское управление внутренних водных путей в 1928 г. отмечало, что разобщенность сибирских речных систем и меридиональное направление главных водных магистралей «не дают возможности установить непрерывное водное сообщение в направлении основного грузопотока Сибири — с востока на запад и обратно». Поэтому «в силу своего положения сибирские реки вынужденно превращаются в подъездные пути к железным дорогам с юга — из хлеботорных и сырьевых и с севера — из лесных, рыбных и пушных районов»³⁷.

Транссибирская железнодорожная магистраль (Транссиб), построенная в 1891–1916 гг., сыграла огромную роль в освоении восточных районов страны. Однако в целом созданная в Западной Сибири до революции железнодорожная сеть была редкой. И главное — сама концепция построенной царизмом полукOLONиальной дороги крайне затрудняла транспортное сообщение с районами новостроек. Недостаточная пропускная способность Транссиба потребовала его частичной реконструкции и перестройки уже в ходе строительства, в 1905–1916 гг.

Идея, которой были одержимы царские чиновники при проектировке трассы Транссиба, — он служит лишь для транзитных грузов и необходимо максимально сократить строительные затраты. Отсутствовала комплексность, народнохозяйственное и государственное значение железной дороги игнорировалось. Трасса магистрали не была связана с местными речными путями и промышленными центрами. Так, например, река Томь была судосходной, начиная от Томска, и прохождение магистрали через этот город позволило бы организовать важный транспортный узел. Но это обстоятельство не учли. Транзитная концепция игнорировала поток местных грузов, шедших из местных же пунк-

тов отправления (исторических городов), которые дорога старательно «обошла». Дорога не сыграла объединяющей роли и сама оказалась дробной: основная магистраль с широкой колеей, в которую были «вставлены» однопутные мосты и к которой примыкали узкоколейные однопутные ветки. Отдельные перегоны последних, кроме того, имели «индивидуальные» параметры³⁸.

В результате созданная царизмом в Сибири система путей сообщения имела массу транспортных «разрывов». Сеть не содержала в себе резервов для случая, если бы основной поток грузов пошел не транзитом, а из региона и в регион, требовала содержать составы двух типов и замедляла железнодорожное сообщение. Между тем транзитные грузы, ради которых строили дорогу, уже в середине 1920-х гг. составляли лишь одну треть перевозившихся по ней грузов. До известной степени Транссибирская магистраль в начале XX в. просто «протыкала» Сибирь, но не связывала ее внутренние районы ни с центром, ни между собой. Единственным ее преимуществом перед реками было то, что ее все-таки проложили «оттуда», из европейской части страны.

В Госплане и Наркомате путей сообщения куда лучше своих предшественников представляли роль и задачи транспорта и железных дорог. Центральные и местные власти хорошо понимали, что «центр» транспортной проблемы Западной Сибири будет связан с Кузбассом. Для обслуживания транспортных потоков последнего Госпланом СССР были запроектированы две мощные грузопассажирские транспортные артерии. Одна из них — Урало-Кузбасский водный путь, проект которого предусматривал шлюзование Томи, основную трассу по северным низовьям сибирских рек и конечный выход на Урал³⁹.

Другим был проект «сверхмагистрализации» Сибирской железной дороги⁴⁰. Последний предполагал полную перестройку железнодорожной сети с целью соединить районы Западной Сибири между собой и с Уралом, европейской и среднеазиатской частями СССР⁴¹. Сверхмагистраль предназначалась для массовых грузовых перевозок: имела малые уклоны, что позволяло проводить «сверхтяжелые» большие составы, и два пути со стандартной широкой колеи. В пределах Западной Сибири создание Урало-Кузбасской сверхмагистрали требовало кроме реконструкции существующих путей строительства «спрямляющей» линии Новосибирск—Ленинск с новым двухпутным железнодорожным мостом через Обь в Новосибирске (реконструировать старый оказалось невозможно). До создания этого прямого участка сообщение между Новосибирском

и Кузбассом шло по Л-образному пути, что приводило к перепробегам и значительным трудностям сообщения. Кроме того, Госплан СССР наметил постройку линии Барнаул—Кузнецк⁴².

Намеченное к началу индустриализации решение транспортной проблемы Урало-Кузбасского комбината имело свою специфику. Перенесение центра тяжести нового строительства в Кузбасс, в бассейн Томи, автоматически «выключало» из процесса индустриализации такие освоенныеудоходные реки, как Обь и Иртыш. Томь же на протяжении всего Кузбасса была несудоходной и несплавной⁴³. Шлюзование Томи требовало опоры на развитую промышленную базу и больших затрат. Это позволяло начать гидростроительство лишь после пуска предприятий. В европейской части СССР грандиозное гидростроительство 1920—1930 гг. народнохозяйственного значения, такое как Днепрогэс или Москва—Волга, шло вблизи густонаселенных мест и промышленных центров и было связано с ними развитой сетью железных дорог. В результате водные пути и гидроэлектростанции Европейской части Союза сыграли важную роль в индустриализации, в том числе и в строительстве промышленных объектов (подвоз стройматериалов, оборудования и т.д.). Напротив, специфика Западной Сибири обуславливала явно иную последовательность при осуществлении гидротехнических и промышленных проектов. В результате размещаемая в Кузбассе промышленность оказывалась на долгую историческую перспективу отрезанной от системы сибирских водных путей. Это было неблагоприятно и со строительной точки зрения, так как исторические города Сибири, в которых имела некоторая строительная индустрия, располагались на крупных реках.

Создание новых железнодорожных путей Урало-Кузнецкого комбината также требовало времени. Удобная и прямая сверхмагистраль вступила в строй только к середине 1930-х гг. Снабжение грандиозных строек Кузбасса в начале 1930-х гг. пришлось осуществлять по Томской (Кольчугинской) железной дороге. Совершенно проигнорировав индустриальное значение Кузбасса, царские чиновники и сюда проложили, как и в Томск, тупиковую ветку. К маю 1929 г. ее длина превысила 400 км⁴⁴. Это была однопутная «узкоколейка» с большими уклонами, что позволяло проводить по ней лишь малые составы (на отдельных перегонах не более трех вагонов) и требовало постоянного пересоставления поездов при переходе с ветки на магистраль и обратно⁴⁵.

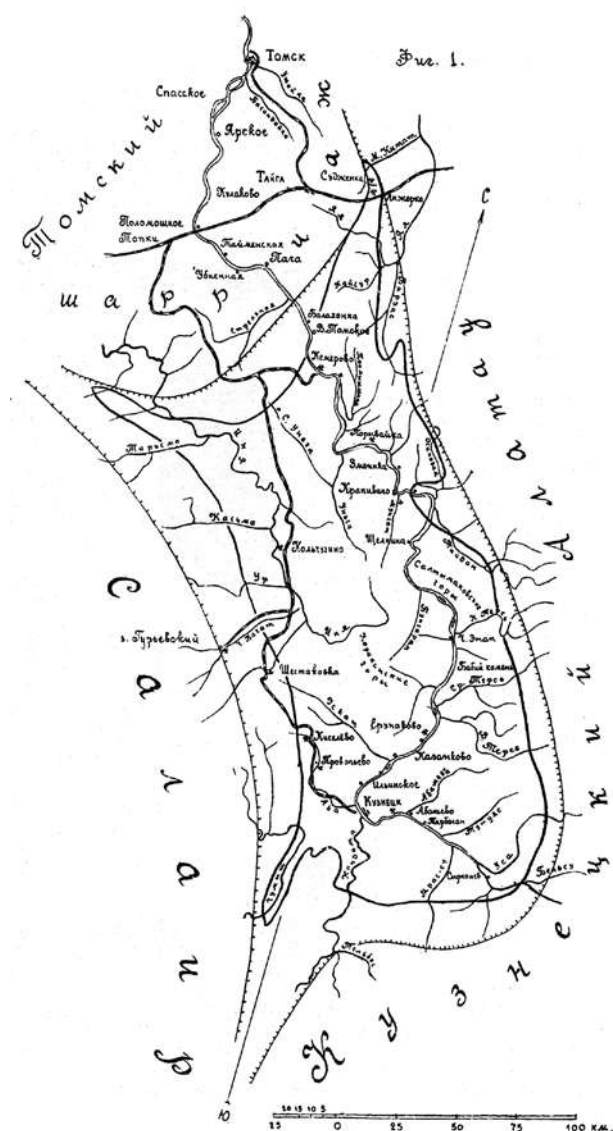
А в ходе индустриализации основной и самый мощный поток грузов в Западную Сибирь пришелся именно на Томскую дорогу. Так, для четырехлетнего строительства (1929–1933) одного лишь Кузнецкого металлургического завода потребовалось свыше 300 тыс. вагонов грузов. Из них 190 тыс. вагонов пришлось на чисто строительные грузы. Не менее трети грузопотока заняла перевозка людей, топлива, продовольствия и т.д. Львиная доля этих грузов шла из европейской части страны, а лес (его потребовалось почти миллион кубометров) — из Восточной Сибири⁴⁶.

В этой отчаянной ситуации исторические города Западной Сибири могли бы сыграть важную роль в индустриализации края, смягчив остроту кризиса со снабжением и стройматериалами. Но их потенциал остался невостребованным. Почему?

Банкротство «транзитной концепции» Транссиба не означало, что она перестала оказывать не-

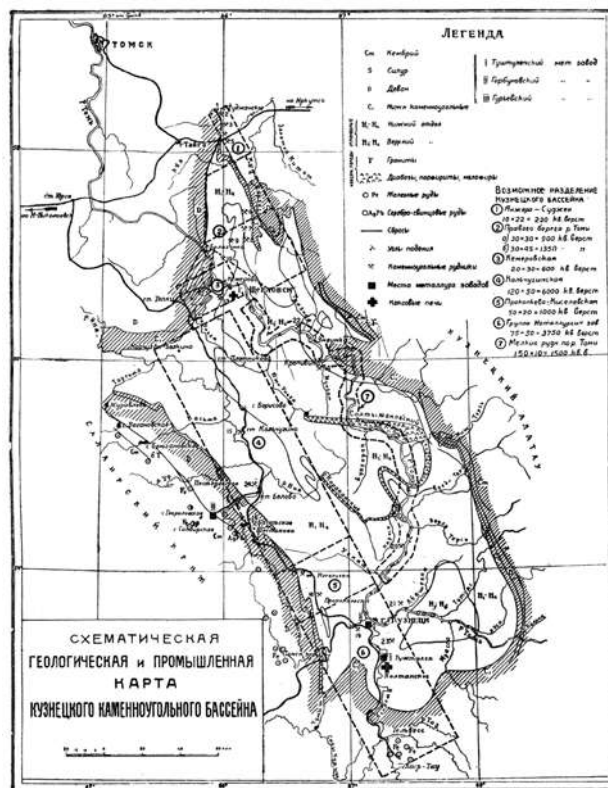
гативное воздействие на развитие городов региона. В период индустриализации Высший совет народного хозяйства (ВСНХ) СССР намечал «точки» строительства предприятий вблизи источников промышленного сырья и на магистралях, по которым можно было снабжать стройки из европейской части страны. Поскольку Транссиб еще в конце XIX в. обошел стороной исторические города Сибири, все они автоматически оказались вычеркнуты из планов индустриализации.

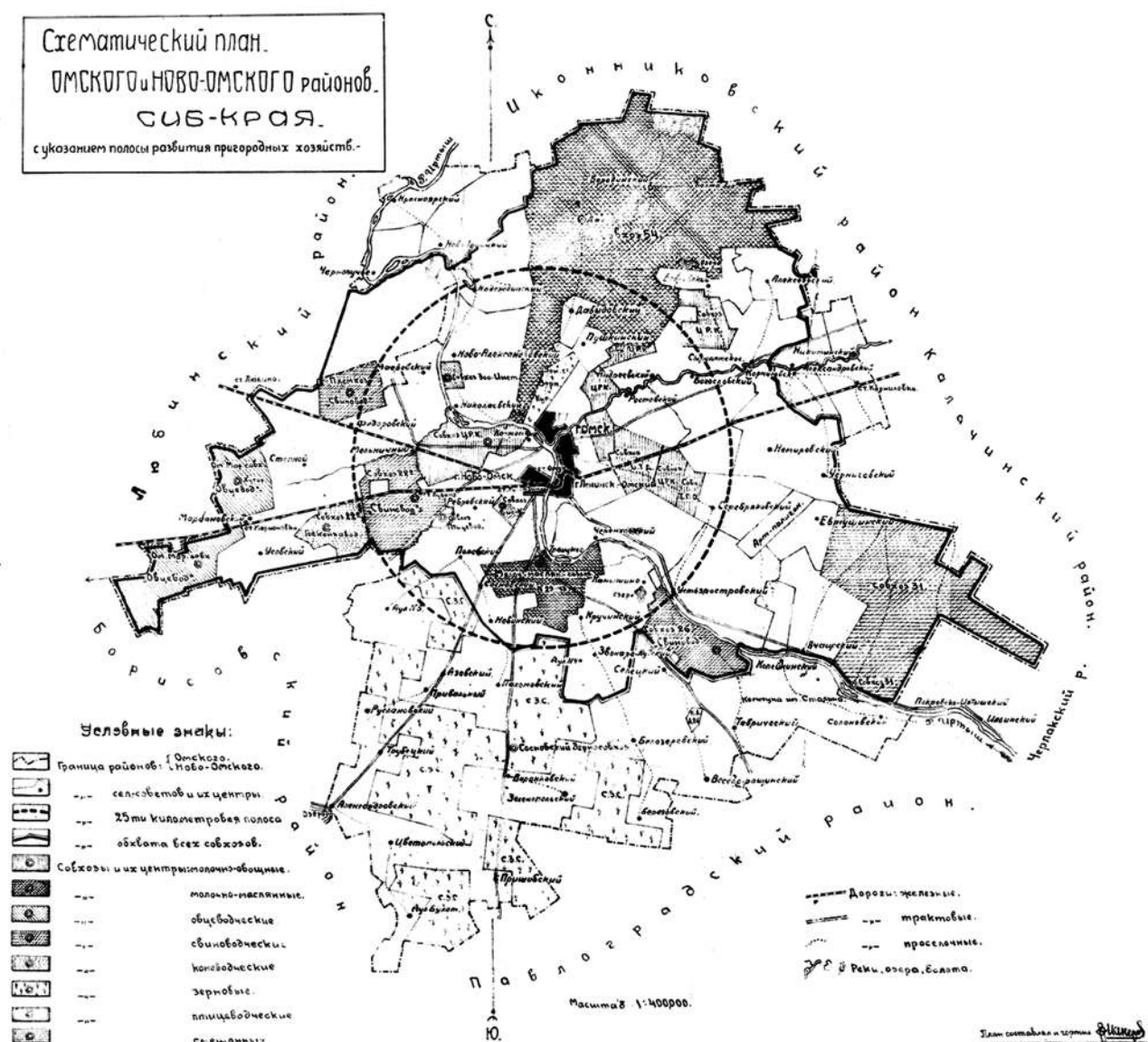
Показательна трагическая судьба Томска. В 1929 г. томский горком обратился в Западно-Сибирский крайком, указывая на преимущества Томска как базы для крупного строительства в Кузбассе. Город располагался на реке Томи, в низовьях которой находились крупнейшие в Западной Сибири массивы строительной древесины. Для их освоения строились транспортные пути, а в самом Томске было намечено строительство деревообрабатыва-

Кузнецкий бассейн перед индустриализацией. 1924

Схематическая геологическая и промышленная карта Кузнецкого каменноугольного бассейна. 1925

Схематический план Омского и Ново-Омского районов Сибирского края с указанием полосы развития пригородных хозяйств. 1931

ющих заводов. Низовые районы рек были также источником продовольствия. Томск располагал значительными научными кадрами и научно-исследовательской инфраструктурой, его ученые сыграли важную роль в изучении Кузбасса⁴⁷. Но Томск не только не стал такой базой, а на протяжении 1930-х гг. приходил в упадок; его бюджетные средства изымались на нужды новых городов Кузнецкого бассейна. Инфраструктура Томска разрушалась, а строительство новых городов в Кузбассе испытывало значительные трудности.

Почему так произошло? Глядя на карту, трудно это понять, на ней значение Томска для Кузбасса очевидно. Но на земле все было по-другому: Томь выше Томска была фактически несудоходной,

а транзитный Транссиб, обойдя Томск, намертво отрезал его от Кузбасса. Действительно: чтобы доставить лес в Кузбасс из Томска, составы было необходимо пересоставить дважды, а из Восточной Сибири — только один раз. Таким образом, дробная транспортная сеть изолировала районы края друг от друга и не позволила поддержать индустриализацию из местных строительных баз. В условиях Западной Сибири, бедной сельскохозяйственным населением, такими базами в начале 1930-х гг. были только города.

Характерной ведомственной чертой промышленных строек первых пятилеток стало нарушение строительной технологии (одновременность всех работ) и создание огромных резервов материалов

и рабочей силы на стройплощадках. Подлинным «пожирателем» ресурсов стал Кузнецкстрой. Из-за постоянных изменений мощности завода произошло отставание проектных работ от строительства: окончательный проект был разработан в 1930 г., когда строительство уже шло полным ходом. Чтобы уложиться в заданные Правительством темпы, руководители Кузнецкстроя решили форсировать стройку и вести различные фазы и виды строительных работ не последовательно, а одновременно⁴⁸. Тем временем на выручку своим стройкам пришел ВСНХ: чтобы поддержать темпы, он разрешил вести строительство в зимних условиях. Это означало доставку в Кузбасс колоссальных объемов строительной древесины и топлива для тепляков и на порядок увеличивало железнодорожные перевозки.

Все вместе это запустило цепную реакцию. Одновременное развертывание работ на всех участках привело к стремительному росту удельного веса различного рода «ситуационных» вспомогательных работ, не связанных с основным строительством. Начальник Кузнецкстроя С.М. Франкфурт писал, что ситуация на стройплощадке постоянно и непредсказуемо менялась: «пути только что открытые для движения — снова и многократно закрывались, потому что под ними что-либо копалось или прокладывалось; места только что спланированные, снова засыпались горами земли, из рывшихся рядом траншей», а последние отрезали от железнодорожного транспорта объекты «в самые ответственные и напряженные месяцы монтажа»⁴⁹.

Площадь им. И.В. Сталина в Новосибирске. Фотография середины 1930-х гг.

Площадь им. Р.И. Эйхе в Новосибирске. Фотография 1930-х гг.

Слева — старое здание крайисполкома. Арх. А.Д. Крячков; справа — новое здание крайисполкома. Арх. А.Д. Крячков, Б.А. Гордеев и С.П. Тургенев

Вид на центр Новосибирска от р. Каменки. Фотография 1933 г.

На дальнем плане: слева — купол храма во имя Св. Ал. Невского; в центре — здание крайисполкома; справа — купол строящегося Дома науки и культуры

Одновременно пришлось вести также строительные, пусковые и эксплуатационные работы⁵⁰. Для одновременного производства всех работ требовалось на порядок больше ресурсов, чем при последовательном строительстве.

Возник феномен одновременной «чрезмерности» и «недостаточности» стройматериалов и рабочей силы. К началу 1932 г. численность рабочих на Кузнецкстрое достигла 46 тыс. человек (вместо планировавшихся в 1928 г. 17 тыс.), а общее количество населения на стройплощадке превысило 200 тыс. человек⁵¹. «Чрезмерность» заключалась в том, что строительство не могло снабжать такое количество рабочих, не говоря уже о «прочем» населении, даже самыми элементарными средствами существования. «Недостаточность» выражалась в постоянной «утечке» людей из необустроенного места⁵². Будь рядом со стройкой город вроде Новосибирска, то значимую часть рабочих удалось бы связать с площадкой. На других новостройках Кузбасса происходило то же, что и в Кузнецке⁵³.

Одновременная форсированная постройка сразу нескольких промышленных гигантов в не-

освоенном Кузбассе, не имевшем своей развитой стройиндустрии, вызвала острый дефицит материалов и рабочей силы. Первыми были исчерпаны резервы так называемых централизованных фондов в европейской части страны; затем настала очередь местных ресурсов. Малолюдный Кузнецкий округ не мог обеспечить фуражом даже согнанных на заводское и шахтное строительство лошадей⁵⁴. В этой отчаянной ситуации крайисполком принял решение передать рабочую силу и ресурсы городов, в том числе и накопленные резервы, промышленным стройкам⁵⁵.

При размещении комбинатов промышленные объединения проигнорировали строительную индустрию исторических городов Сибири. А после начала строительства обнаружилось, что без ее продукции им не обойтись! Однако поскольку в пределах края все «производство стройматериалов в свое время было сосредоточено в пунктах, не совпадающих с пунктами концентрации [нового] строительства (Омск, Томск и т.д.)», то теперь огромное количество местных стройматериалов приходилось перебрасывать на сотни и тысячи ки-

Застройка Нижней Колонии в Новокузнецке. Фотография 1931 г.

На дальнем плане в центре — заводоуправление и Кузнецкий металлургический комбинат

лометров в Кузбасс и левобережный Новосибирск⁵⁶. Только кирпичей, несмотря на всю нерентабельность таких перевозок, за один 1931 г. было вывезено из исторических городов Западной Сибири для промышленного строительства в районы новостроек 88 млн штук⁵⁷. За исключением буквально двух-трех построек, все остальное гражданское строительство в городах края было свернуто. Центр правобережного Новосибирска был испещрен брошенными стройплощадками. Большая часть великолепных, запроектированных ведущими зодчими Союза общественно-культурных и административных комплексов краевой «столицы» так и осталась не построенной⁵⁸.

При этом надо учитывать, что стройки, начатые в 1928–1929 гг. в Кузбассе, были прикреплены к централизованным фондам и, кроме того, первыми получали значимую долю местных ресурсов. Кузнецкий металлургический завод, Кемеровский энергохимический комбинат и шахты-гиганты «строила вся страна». На поддержку Наркомтяжпрома могли рассчитывать в 1932 г. Паровозостроительный и Второй металлургический комбинаты. Напротив, гиганты, размещенные в 1929–1930 гг. в Новосибирске, — Сибкомбайн и Завод горного оборудования — не вошли в число «ударных»строек и остались без централизованного снабжения. По существу, их пришлось строить одному краю. Эти обстоятельства указывают на реализм тех местных и центральных плановых работников, которые заменили пункты расположения заводов в Кузбассе Новосибирском. Это позволило Сибкомбайну и Сибмашстрою переложить часть своих забот на краевые власти и городскую инфраструктуру. Ценой города

оба завода были построены. Правда, укомплектовать их полностью иностранным оборудованием уже не удалось, но возведенные почти в полном составе корпуса основных и вспомогательных цехов послужили полезными «заготовками» для других типов производства.

Региональные особенности планировочной структуры городов

С одной стороны, создание благоприятной архитектурно-градостроительной среды в районах нового освоения предполагало предварительное составление схем распределения территорий будущих городов и комплексную увязку промышленных предприятий и жилой застройки между собой и с местными условиями. Кроме того, само строительство в неосвоенных местах требовало крупных вложений в изыскания и благоустройство территорий. С другой стороны, реальный ход индустриализации привел к тому, что инженерная подготовка, составление градостроительных проектов и размещение городов и предприятий происходили в обратной последовательности.

В этот период наметились две градостроительные тенденции. Сторонники обеих учитывали местные ландшафтные условия, но делали это исходя из разных установок.

Доминировал подход, который осуществляли комиссии промышленных объединений, выбиравшие площадки для своих предприятий и их поселков, и отчасти краевые проектные организации, составлявшие схемы распределения территорий

городов. В обоих случаях прежде всего учитывался недостаток у промышленности крупных средств на преобразование природной среды (на гидростроительство, инженерную подготовку, создание промышленной инфраструктуры и т.д.). Кроме того, ведомства в первую очередь решали вопросы размещения своих предприятий.

В результате ведомственность привела к появлению региональных планировочных особенностей, когда конфигурация и взаимное расположение промышленных и жилых районов в точности соответствовали форме удобных для строительства площадок. Такое районирование полностью подчинялось морфологии ландшафта и заострило его неблагоприятные черты, прежде всего расчлененность. Когда в 1930-е гг. архитекторы при составлении генпланов попытались применить к этой ситуации принципы компактного города-ансамбля, выяснилось, что созданные ведомствами при размещении заводов планировочные противоречия практически неразрешимы.

Немногочисленные примеры второй тенденции связаны с западносибирскими городами, которые были включены в планы индустриализации с опозданием. Здесь составление схем распределения территории городов не только предшествовало крупному промышленному строительству, но и местные проектировщики под давлением экспертов Главного управления коммунального хозяйства применили иные принципы районирования. Во главу угла изначально ставилось комплексное решение градостроительных вопросов. Проектировщики отказались от ведомственного принципа жесткого соответствия конфигурации районов форме удоб-

ных для строительства площадок и этим смягчили неблагоприятные ландшафтные черты. За счет этого были созданы предпосылки для планировочного объединения некоторых исторических городов Западной Сибири в 1930-е гг.

В конце февраля 1929 г. работники Госплана СССР обнаружили, что увеличение производственной программы размещаемых в Сибири предприятий ведет также и к огромному росту объемов необходимого городского строительства: к концу первой пятилетки в Кузбассе требовалось построить новых городов на 200–250 тыс. жителей, причем Госплан оригинально не оговаривал их количества⁵⁹.

Как бы то ни было, впервые зашла речь о городах. Госплан СССР просил Госплан РСФСР «озаботиться составлением надлежащего плана строительства и организацией надлежащего проектирования новых городов, увязав в одно целое также проектировку рабочих поселков, намеченную планами отдельных новых заводов Кузбасса»⁶⁰. В связи с этим Сибкрайкомхоз в мае 1929 г. передал в крайплан для Госплана финансовый «план строительства коммунального хозяйства в городах и рабочих поселках Кузнецкого округа». Пункт о составлении проектов перспективных планировок городов и поселков Кузнецкий окрисполком, как этого требовал Госплан, поставил на первое место⁶¹. Но Сибкрайкомхоз, готовя окончательный документ, пункт о планировке (съёмка, проекты перепланировки и расширения новых и старых поселений) убрал, ограничившись подсчетом затрат на жилищно-коммунальное строительство⁶². Характерна реакция жилищно-коммунальной секции Госплана РСФСР. В феврале 1930 г. она сообщила

Кузнецкий металлургический комбинат им. И.В.Сталина.

Вид со стороны Нижней Колонии. Фотография начала 1930-х гг. На первом плане в центре — заводоуправление, правее — въезд в тоннель. За промышленной площадкой видны дома Верхней колонии

крайисполкому, что план Сибкрайкомхоза не содержит данных о состоянии работ по съемке и планировке городов и поселков Кузбасса (кроме цифр денежных вложений). Жилищно-коммунальная секция Госплана считала этот метод планирования, сводящийся к денежным заявкам, устаревшим, поскольку программа коммунального строительства будет зависеть от сроков разработки проектов планировки⁶³.

Накануне индустриализации государственная программа обеспечения районов новостроек проектами планировок отсутствовала. К маю 1929 г. были лишь предложения отдельных коммунальных работников пересмотреть список городов государственного значения, очередность производства в них планировочных работ и до начала крупного промышленного строительства разработать и утвердить схемы распределения их территорий⁶⁴. То есть новые, еще не имевшие этого статуса города Кузбасса не могли рассчитывать на получение таких планов от государства. Проекты рабочих поселков, составленные в 1928–1931 гг. для стройуправлений промышленных предприятий, представляли собой планировки изолированных площадок — «свой» завод и «свой» рабочий поселок⁶⁵. К 1929 г. в Сибири комплексный проект планировки имел только краевой центр — Новосибирск. Составление этого проекта потребовало больших финансовых затрат, участия крупных специалистов-проектировщиков из Центра, а также много времени — с 1926 по 1929 г. Другие города Западной Сибири, и в особенности населенные пункты Кузбасса, таких финансовых возможностей не имели. Иными словами, будущие города Кузбасса не могли получить комплексные

проекты планировок ни по линии НКВД (за собственные средства), ни по линии промышленности. Имевшиеся же в ряде мест фиксационные планы поселений ни в коей мере не могли считаться их аналогами.

Тем временем без проекта планировки, причем уже по инициативе местных властей, остался Ново-сибирск. Городские власти исходили из того, что наличие проекта «Большого Новосибирска» лишило их оснований для размещения в Новосибирске поселений совершенно нового типа — социалистических городов.

В самом конце 1929 г. Правительство приняло решение строить в Кузбассе (в Кузнецке и Прокопьевске) два однотипных социалистических города по типу Магнитогорска. В связи с этим 23 декабря 1929 г. при Новосибирском окрисполкоме было созвано экстренное совещание под председательством зампреда крайисполкома И.Г. Зайцева⁶⁶. Для участников было ясно, что грядут большие перемены.

Выступивший с докладом глава крайплана С.М. Богуславский считал, что правительство не только вынесет постановление о строительстве соцгородов, но выделит на него ассигнование, причем строительство городов нового типа будет изъято из ведения НКВД и передано в ВСНХ⁶⁷. Его план сводился к тому, чтобы использовать идею соцгорода для края в целом. Участники совещания приняли решение войти в Совнарком с проектом «организации трех типовых городов в Сибирском Крае по типу Магнитогорска»; третий однотипный соцгород строить в Новосибирске, при Сибкомбайне⁶⁸. Этот проект, по мысли собравшихся, должен был усилить руководящую роль краевых властей

в градостроительстве края: крайисполком получал доступ к новым ассигнованиям и проектную мастерскую⁶⁹. По поводу проектировки мнения разошлись. Работники крайплана рассчитывали целиком опереться на магнитогорский аналог и магнитогорскую группу проектировщиков⁷⁰. Напротив, строители предлагали не тратить время на ожидание и приспособление проекта к местным условиям (это могло сорвать строительный сезон 1930 г.), а озаботиться проектом самостоятельно, заказав его «какой-нибудь крупной организации в Москве»⁷¹. Из газетных публикаций все хорошо уяснили: социалистический город — это рабочий город с обобществленным бытом, совершенно без индивидуальных застроек и без так называемого балластного населения⁷².

В эти рамки прежний проект Новосибирска Гипрогора с «квадратиками» индивидуальных участков не вписывался. Было принято решение вызвать Б.А. Коршунова в Новосибирск и перестроить его работу⁷³, результатом чего стала... остановка планировочных работ⁷⁴. Вскоре Экономический совет РСФСР постановил вести застройку Новосибирска в виде группы «отдельных городов»⁷⁵. Так местные власти добились права строить у себя «третий социгород»... и оставили Новосибирск без генплана.

В 1927–1929 гг. под руководством Б.А. Коршунова проектировщики Бюро планировки городов Картоиздательства НКВД подготовили тщательно разработанный проект планировки Новосибирска. В нем были комплексно, с участием целого ряда специалистов решены важнейшие проблемы архитектурно-планировочного развития города: проведено районирование; выделены промышленный

район и общественные центры намечен характер и очередность застройки и т.д. Однако в итоге, как ни парадоксально, развитие Новосибирска в 1930–1931 гг. шло так же, как и в Кузбассе, — путем выбора отдельных площадок.

Таким образом, на начальном этапе индустриализации по разным причинам в планировочном развитии городов Западной Сибири ведущую роль стал играть процессный, ситуационный момент. Площадки под заводы и их поселки выбирали разрозненные комиссии, а функциональное зонирование будущих городов складывалось стихийно, как результат ведомственной деятельности. Какие факторы влияли на выбор площадок и к чему привел ведомственный подход в местных условиях?

Во-первых, представители ведомств при поиске подходящих площадок исходили из принципа сосредоточения групп своих предприятий в определенные промышленные районы (секторы) с целью соблюдения принципа комбинирования. Во-вторых, из-за дефицита финансирования они искали ровные площадки, не требовавшие крупных затрат на инженерную подготовку и имевшие территориальные резервы для последующего расширения предприятий. Казалось бы, эти типические для всех регионов страны установки должны были повсеместно привести к одинаковым планировочным решениям. Однако пример Западной Сибири показывает, что это было не так.

Деятельность комиссий по выбору площадок для заводов и их поселков на рубеже 1920–1930-х гг. привела к изменению формы западносибирских городов. Произошла замена параллельных большим рекам площадок на поперечные. На наш взгляд,

в этом «развороте» городов проявилось специфическое взаимодействие ведомственного подхода с региональными особенностями.

В Кузнецке еще в июле 1926 г. правительственная комиссия под председательством заведующего Metallургическим отделом Гипромеза проф. В.Н. Липина выбрала для строительства Первого металлургического завода Горбуновскую площадку⁷⁶. До этого завод предполагалось строить на Туштуленской площадке; в соответствии с топографией последней рост завода шел бы параллельно реке Томи. Напротив, выбор Горбуновской площадки обуславливал «торцовое» по отношению к Томи расположение и завода, и его поселка⁷⁷. Комиссия прежде всего исходила из реальной транспортной обстановки: снабжение стройки должно было идти по железной дороге, а Горбуновская площадка располагалась к ней ближе⁷⁸. С началом строительства «поперечная» тенденция развития усилилась. Железная дорога, речка Аба, удлиненная площадка завода и склон Старцевой горы «нарезали» всю территорию на удлиненные участки. В результате и Верхняя, и Нижняя колонии, охватившие завод с севера и юга, и территория будущего соцгорода также получили удлиненную и поперечную к реке форму.

В феврале-марте 1932 г. в районе Кузнецка объединенная комиссия Локомотивобъединения, Кузнецкстроя и краевых властей выбрала площадки для Паровозостроительного завода и его поселка: они также были удлиненной формы и имели поперечное к реке положение; от параллельных площадок комиссия отказалась⁷⁹.

Антоновская площадка, выбранная в том же 1932 г. для Второго кузнецкого металлургического завода и его поселка, также имела удлиненную форму и в точности соответствовала форме второй надпойменной террасы⁸⁰.

В конце 1920-х — начале 1930-х гг. изменилась и форма Щегловска (Кемерово). До этого момента застроенные «пятна» на левом берегу Томи — и города-сада и расположенного от него на запад промышленного района с коксохимическими заводами — были вытянуты параллельно реке. Но после размещения новых шахт на левом берегу конфигурация левобережной промышленной зоны изменилась: она получила поперечную к реке направленность. Новая ветка, которую промышленность проложила прямо через Щегловск, разрезала город-сад на две удлиненные части, также поперечные реке. Теперь морфология левобережной части стала подобна правобережной, где из-за изрезанного ланд-

шафта поселки и «нахаловки» еще ранее получили вид удлиненных лент, обращенных к Томи своими узкими торцами⁸¹.

В Новосибирске вплоть до конца 1929 г. площадки для строительства предприятий и их поселков выделялись на основании генерального проекта планировки, составленного под руководством проф. Б.А. Коршунова (Кожевенно-обувной концерн, Сибкомбайн). В итоге, как ни парадоксально, конфигурация левобережного Новосибирска претерпела существенную метаморфозу по сравнению с генпланом: промышленная и селитебная площадки получили поперечное к реке расположение⁸².

Между тем согласно идее Коршунова Новосибирск и на правом, и на левом берегу должен был развиваться вдоль Оби. Текстильная промышленность левого берега, как и в других промышленных городах аналогичного профиля, была намечена параллельно жилому району и реке. В связи с этим большая ее часть проектировалась вдоль линии сверхмагистральной, охватывающей левобережный район с юга.

Однако уже витавшая в умах городских властей идея отказа от генплана, передвижка трассы сверхмагистральной гораздо дальше на юг и ее незавершенность к началу размещения новых предприятий выдвинули на первое место в качестве строительной артерии старую, поперечную к реке железнодорожную магистраль. Вдоль нее и размещали заводы, а параллельно им — селитьбу. Второстепенное и «необязательное», по мысли Коршунова, направление развития стало на левом берегу главным.

Чуть позднее аналогичная метаморфоза произошла и на правом берегу. В 1930–1931 гг. площадки в Новосибирске выделялись уже не на основе генплана, а так же, как и в Кузбассе, — по представлению разрозненных междоветовственных комиссий (Завод горного оборудования, Дом науки и культуры — главное здание будущего общественно-культурного центра). Местные власти предлагали на выбор как параллельные реке площадки, так и поперечные. Наиболее удобными по строительным соображениям были признаны, как и в Кузбассе, поперечные. Завод горного оборудования и его соцгород получили вид узких лент, вытянувшихся параллельно друг другу и железной дороге⁸³.

В результате с выбором каждой новой площадки Новосибирск последовательно «разворачивался» поперек к реке и все более удалялся от речной поймы. Таким образом, в Западной Сибири 1920–1930-х гг. даже Обь не являлась для новостроек значимой транспортной артерией.

В Барнауле выбором площадки для меланжевого комбината, энергохимического комплекса и их поселка в январе-феврале и октябре-ноябре 1932 г. также занималась специальная комиссия. Она учитывала расходы на инженерную подготовку, создание транспортной и коммунальной инфраструктуры. Наиболее перспективными были признаны две удлиненной формы площадки (Кислухинская и Гляденская), расположенные вдоль железнодорожной магистрали и «поперечные» к реке Оби. Комиссия выбрала Гляденскую: это позволяло разместить заводы при существующей сортировочной станции; параллельная ей площадка по другую сторону дороги отводилась для рабочего поселка. Единственным недостатком Глядени была признана большая высота водоподъема⁸⁴.

Таким образом, по всем новым промышленным городам Западной Сибири комиссии в 1920–1930-х гг. выбрали площадки удлиненной формы, расположенные параллельно друг другу вдоль железных дорог и торцами к большим рекам — Оби и Томи. Сопоставление планировочных результатов деятельности таких комиссий в Западной Сибири, на Урале (Нижний Тагил, Челябинск, Магнитогорск) и в приречных городах европейской части страны (Сталинград, Запорожье) свидетельствует, на наш взгляд, о том, что в такой градостроительной морфологии западносибирских городов проявились региональные планировочные особенности. С одной стороны, все новые города, вне зависимости от географической принадлежности, получили расчлененную планировочную структуру в виде «архипелага» площадок-островов, между которыми остались неосвоенные территории неудобий. С другой стороны, форма и взаимное расположение отведенных под застройку площадок определялись местными ландшафтными особенностями, которые в каждом регионе имели свои отличия.

Ведомственный подход к учету местных условий прямо отразился на изменении морфологии городов Западной Сибири, новые районы которых в годы первой пятилетки получили относительно рек глубинное и поперечное расположение.

О закономерности подобного рода планировочных решений свидетельствует почти единственное исключение из этого ряда в начале 1930-х гг. — город Омск.

Вопрос о включении Омска в состав УКК был разрешен центральными органами лишь в 1931 г., когда городу отвели роль центра сельскохозяйственного машиностроения на базе существующих в нем трех крупных заводов⁸⁵. В результате этой за-

минки в Омске разработка схемы распределения территории предшествовала размещению заводов. Анализ ее изменений в процессе разработки как раз и позволяет увидеть альтернативный вариант использования условий местного ландшафта для интересов города.

Проектное бюро Сибкрайкомхоза под руководством проф. Е.Д. Маркевича составило схему планировки городов Омска, Ленинска-Омского и Ново-Омска в 1931 г., а в мае следующего, 1932 г., она была рассмотрена в НТС ГУКХ.

Местные инженеры разместили новую промышленность с учетом требований производства: вблизи железной дороги, существующих промпредприятий и источника водоснабжения — р. Иртыш. При этом промышленный район целиком занял пустующий разрыв между старым Омском и расположенным южнее Ленинском Омским. Получилось стандартное для Западной Сибири тех лет планировочное решение: удлиненные по форме жилой и промышленный районы, которые выходили торцами к Иртышу. Как и в Сталинске, где завод отрезал Верхнюю колонию от Нижней, в Омске проектируемый промышленный район разрезал правобережный город на две части. Между тем для города было актуально их соединение: в Омске находились основные культурно-бытовые объекты, а в Ленинске-Омском — пассажирский вокзал.

Как докладывал на совещании проф. Е.Д. Маркевич, «с точки зрения экономиста мы дали в этом отношении идеальное размещение промышленности — жел. дорога, промышленность и жилье, — т.е. прямой функциональный поток». Однако «это размещение промышленности закрывает доступ к [ее жилому] району» со стороны старого Омска⁸⁶.

Эксперты НТС считали, что прежде всего нужно «разрешить вопрос о росте города — серьезнейший момент и в зависимости от него подойти к решению вопроса о Ленинске и об Омске с расположением промышленности»⁸⁷. Как указывал один из экспертов, Л.И. Органов, «казалось бы единственно правильным направлением [развития города] является направление к югу, к Ленинску; при этом направлении осуществлялось бы приближение к транспортным сооружениям [в Ленинске], развитие шло бы вдоль реки, вдоль промышленных районов, но в схеме как раз возможность расширения в указанном направлении закрыта»⁸⁸.

Поэтому с целью будущего объединения города НТС настоял на другом решении. В своем заключении о промышленности он предложил «сосредоточить ее группами восточнее города, что целесоо-

бразно и по розе ветров, и в целях сохранения территории для расселения между Омском и Ленинском»⁸⁹. Промышленность отодвигалась от Иртыша на восток, а на освободившейся вдоль реки полосе располагалась общественно-жилая застройка. Этот своеобразный «перешеек» соединял Омск с Ленинским-Омским. В 1930-е гг. при размещении заводов эта красивая идея была реализована.

В Омске проектировщики пожертвовали некоторыми сиюминутными интересами промышленности, которой теперь предстояло благоустраивать прибрежные территории для своего жилищного строительства и вкладывать больше средств в промышленную инфраструктуру. Но зато город обрел потенциал для объединения.

В Сталинске для соединения жилых районов Кузнецкстрою пришлось копать под территорией завода тоннель, а в Омске для этого оказалось достаточно отодвинуть промышленный район. В результате в Омске ландшафт, имевший аналогичные с точки зрения региональной специфики характеристики, был использован иначе. В других городах Западной Сибири районирование в точности соответствовало конфигурации удобных для строительства площадок и районы за счет специфики ландшафта получали поперечное к реке направление развития. Напротив, в Омске за счет применения иных принципов оба новых района были расположены на одной площадке. Благодаря этому жилая застройка получала развитие вдоль реки, а между селитьбой и промышленностью организовывались удобные по условиям рельефа транспортные связи.

Подобное полифункциональное районирование имело важные преимущества для планировочного объединения городов. В первой половине — середине 1930-х гг. НТС ГУКХ, рассматривая проекты новых городов для Западной Сибири, например на правом берегу Сталинска (завода ферросплавов и Второго металлургического), отвергал решения на основе ведомственных принципов организации районов и требовал переработки проектов в сторону гибких планировочных решений.

Однако районирование большинства новых городов края было проведено в годы первых пятилеток на основе ведомственных принципов. С последствиями таких решений для организации целостного города первыми столкнулись уже в самом начале 1930-х гг. проектировщики Союзстандартжилстроя, Стандартгорпроекта и Гипрогора.

Региональные особенности генеральных планов

Анализ проектов городов Западной Сибири конца 1920-х — начала 1930-х гг. показывает, что их проектировщики учитывали такие региональные факторы, как особенности ландшафта и направление господствующих ветров. В Западной Сибири господствовали юго-западные ветра. Они несли большое количество пыли, угрожали снежными заносами, а в отдельные периоды достигали большой силы, что зимой ухудшало микроклимат и затрудняло пешеходное сообщение. Топографические особенности приречных городов Западной Сибири заключались в том, что территория представляла собой ряд удлинённых площадок, разделённых оврагами малых речек и имевших поперечное к большому меридиональным рекам положение.

В распределении территории между промышленностью и селитьбой (за исключением Новосибирска) архитекторы не участвовали. Соответственно, необходимо учитывать, что их роль в этот период свелась к планировочной организации только городских площадок. Пытаясь организовать комфортную архитектурно-планировочную среду, проектировщики столкнулись с последствиями ведомственного районирования.

Во-первых, ведомственная реализация принципа компактной планировки заводов привела к тому, что границы промышленных районов в точности соответствовали удобным для строительства площадкам. В результате поселения могли проектироваться лишь на соседних площадках. Разделённые оврагами и железнодорожными линиями, площадки примыкали друг к другу длинными сторонами, что требовало организации большого числа переходов между ними. В результате того что промышленность направила магистрали к местам приложения труда «поперек рельефа», проектировщики прежде всего столкнулись с проблемой организации транспортных связей между расположенными на разных площадках промышленными и жилыми районами городов и использованием ландшафтных разделителей — оврагов и малых рек.

Во-вторых, при таком районировании направления трудовых и культурно-бытовых потоков не совпадали. Промышленность расположилась с длинных сторон селитьбы, а пойма и остатки лесов, которые предполагалось использовать для рекреации, размещались по их торцам. Кроме того, удлинённая форма районов требовала организации внутреннего транспортного распределителя в продоль-

ном направлении. Для сравнения можно привести планировочную структуру Запорожья 1930-х гг.: здесь такого противоречия не существовало, поскольку удлинённые по форме районы располагались параллельно реке и примыкали друг к другу торцами, что позволило проектировщикам совместить внутренние и внешние транспортные связи.

Свой подход к использованию региональных особенностей в планировке городов предложили инженеры Проектно-технического бюро Сибкрайкомхоза, которое входило в Краевой отдел коммунального хозяйства и было в этот период единственной чисто местной проектной организацией⁹⁰.

Договор на составление нового проекта планировки Щегловска был заключен между горсоветом и Проектно-техническим бюро 10 января 1930 г.⁹¹ В феврале-апреле того же года инж. Хмельницкий разработал графическую часть проект-схемы⁹².

В соответствии с установками горсовета город частично переносился на другой берег Искитимки. Вокзал переносился от реки ближе к сохранявшемуся фрагменту города. По согласованию с комиссией НКПС Проектно-техническое бюро запроектировало сортировочную станцию не вдоль Томи (в тупике), а вдоль поперечной ей Искитимки. Овраг этой речки проектировщики предлагали принять за главную композиционную ось нового города, организовав там парк культуры и отдыха, на который с обоих берегов выходили административный и культурный центры. Развитие Щегловска планировалось по восточному берегу Искитимки и далее вдоль Томи⁹³. Направление уличной сетки строилось с учетом защиты города от господствующих ветров и поэтому не совпадало с существовавшей на тот момент распланировкой города-сада⁹⁴.

Проект консультировали специалисты НТС ГУКХА: по планировке города — арх. А.П. Иваницкий; по транспорту — проф. В.Н. Образцов. В июле 1930 г. они подготовили письменные заключения, из которых следовало, что такое использование региональных особенностей привело к «крайней дороговизне проекта»⁹⁵. Консультанты исходили при этом из учета не только местных особенностей, но и ведомственной практики застройки городов. Поэтому самым серьезным для осуществления проекта они считали вопрос вложений⁹⁶.

Образцов подчеркивал, что перенос Щегловска и изменение сетки улиц означали, по существу, снос существующего города, тогда как новая промышленность охотно дает средства только на новое жилье для своих новых рабочих, но не даст их на перенос и замену существующего жилья для старых⁹⁷.

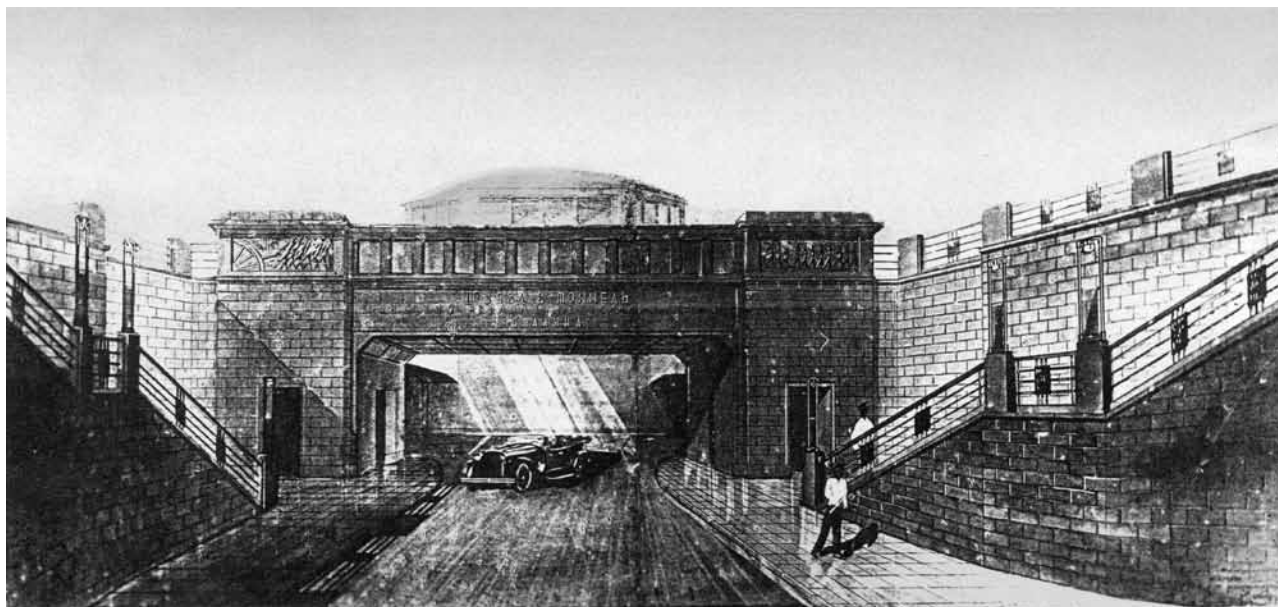
Иваницкий указывал на аналогичные трудности, которые встретятся с организацией зеленой защитной зоны на месте сносимой части города⁹⁸. Он также сомневался в целесообразности развития города вдоль Искитимки на обоих ее берегах, поскольку это требовало строительства через овраг нескольких мостов (Проектно-техническое бюро предложило их четыре штуки). Кроме того, такое решение требовало строительства на этой речке дорогостоящих защитных плотин или заключения ее в трубу⁹⁹.

Что касается схемы железнодорожного узла, то по ней специалисты предложили лишь небольшую корректировку¹⁰⁰.

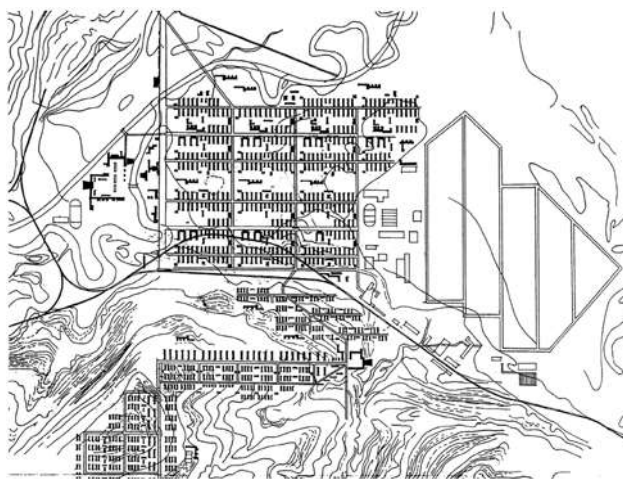
Таким образом, ссылаясь на опыт благоустройства других городов Союза, специалисты указывали на необходимость увязки в проекте местных факторов с ведомственным подходом к финансированию новых городов. Возможно, при поддержке специалистов ГУКХ инженеры Проектно-технического бюро усовершенствовали бы свой проект, но весной 1931 г. проектировка Щегловска оказалась в руках Союзстандартжилстроя.

С похожей проблемой малых речек и мостов столкнулся в 1929 г. и архитектор В.Н. Талепоровский (Гипромез), проектируя рабочий поселок для Тельбесского (позднее — Кузнецкого) металлургического завода¹⁰¹. Удлиненные площадки завода и поселка разделяла речка Аба. Талепоровский вытянул поселок вдоль Абы, а для связи с заводом запроектировал восемь больших и малых мостов. Если в Щегловске мосты связывали районы города и НТС ГУКХ резонно опасался, что горсовет не найдет на них средства, то судьба кузнецких мостов, связывавших город с заводом, сложилась иначе. Основной идеей Талепоровского стало композиционно-планировочное подчинение поселка заводу: радиальные улицы сходились к площади перед заводоуправлением. То есть имели поперечное к форм площадке направление.

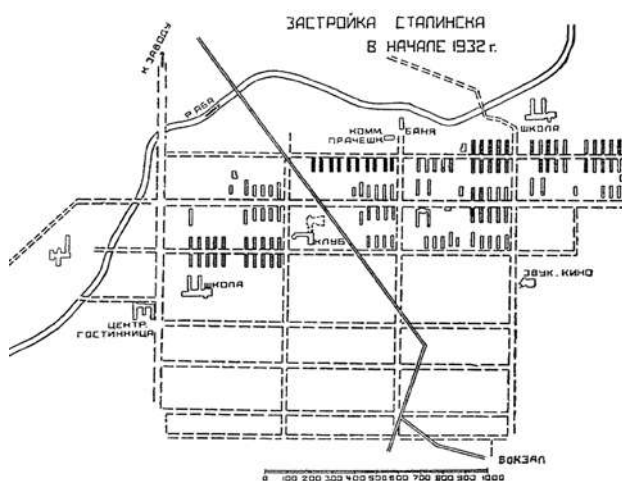
В 1929 г. Кузнецкстрой прежде всего стал создавать те элементы проекта, которые были ключевыми для постройки завода. К 1930 г. возвели заводоуправление, ставшее штабом строительства, и склады стройматериалов при станции. Площадь перед заводоуправлением стала важным «фокусом движения»: от нее веером расходились дороги к строительным предприятиям. Для трех дорог, пересекавших Абу, срочно построили мосты. Важнейшей по грузонапряженности стала дамбированная дорога, шедшая через болотистую местность (территорию будущего соцгорода) к железнодорожной станции. Талепоровский проектировал ее как главную маги-

Автогужевой тоннель в Новокузнецке. Проект въезда со стороны заводууправления. Кузнецкстрой. 1931

Проект планировки Кузнецка. Союзстандартжилстрой. Арх. Э. Май. 1931

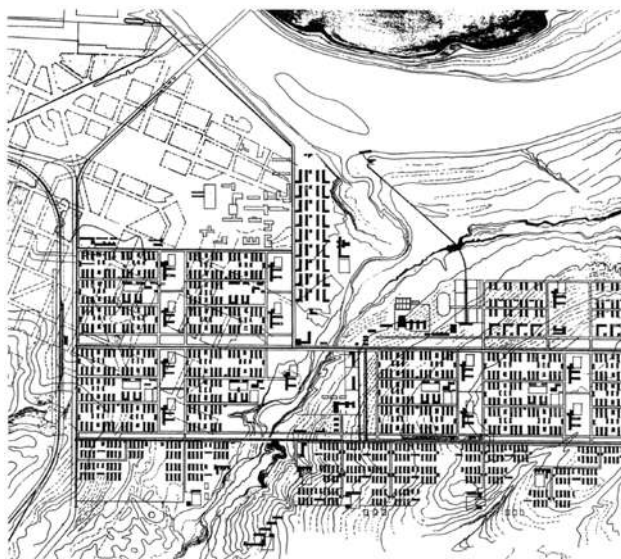

План капитальной застройки Сталинска к началу 1932 г.

страль поселка, «нацеленную» на заводууправление, в виде бульвара с общественными зданиями. Выходит, стягивание дорог к заводу имело не только композиционное, но и строительное значение. К концу стройки завод перерезал Верхней колонии все сообщения в южном направлении. Тогда, в форс-мажорных условиях подготовки к пуску, Кузнецкстрой построил подземный автогужевой тоннель длиной свыше 500 м, который, пройдя поперек заводской площадки, связал Верхнюю колонию с площадью перед заводууправлением. После этого значение диагональной дороги еще более возросло, она стала важнейшей магистралью, связавшей со станцией все застроенные площадки. Та-

ким образом, своим транспортным строительством Кузнецкстрой наглядно показал, что для него были важны магистрали, шедшие поперек площадок.

Эти же проблемы пришлось решать проектировщикам Союзстандартжилстрой и Гипрогора в 1930–1931 гг. Авторы проекта левобережного Новосибирска запроектировали восемь переездов и переходов через Сибирскую магистраль, отделявшую город от промышленной зоны. Архитектор Э. Май по приезде в Западную Сибирь сразу же отметил такую характерную особенность ландшафта, как овраги малых речек¹⁰². В Щегловске, в отличие от Сибкрайкомхоза, он предложил расположить «планировочное пятно» города поперек рельефа, что позволяло

Проект планировки Щегловска.

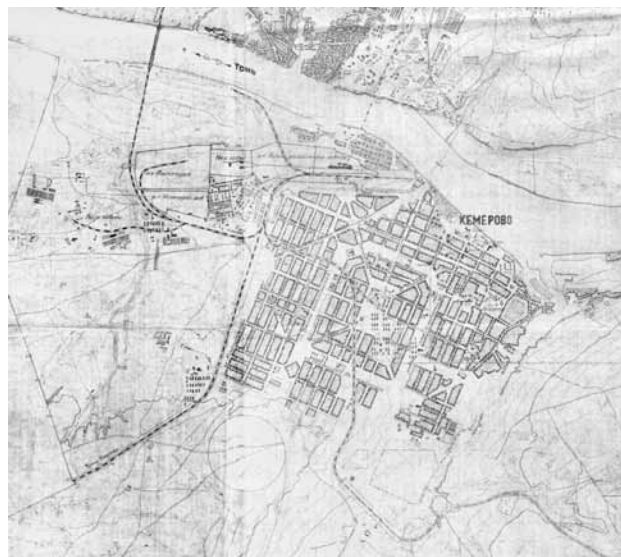
Союзстандартжилстрой. Арх. Э. Май. 1931

сократить количество мостов до одного—двух¹⁰³. Но в течение 1930-х гг. горсовету не удалось найти средств даже на один мост, в результате гражданское строительство так и не смогло перейти на другой берег Искитимки. Таким образом, даже самые небольшие речки и овраги, характерная особенность местного ландшафта, были для «некомплектного» ведомственного города неодолимым препятствием.

В 1930–1931 гг. проектировщики Союзстандартжилстроя, Стандартгорпроекта и Гипрогора столкнулись с еще одной проблемой. Обнаружилось, что ведомственное размещение заводов не только направило трудовые потоки «поперек рельефа», но и привело к их разнонаправленности с потоками культурно-бытовыми. В результате направления магистралей для связей внутри площадок и между площадками не совпадали.

Между тем согласно официальным установкам начала 1930-х гг. соцгород должен был подчиняться своей промышленности не только в социально-экономическом, но и в композиционно-планировочном отношении¹⁰⁴.

О проблемах реализации этой установки в условиях Западной Сибири свидетельствует обсуждение проекта планировки соцгорода Тургана, состоявшееся в феврале 1931 г. в НТС ГУКХ. Проект разработало Проектное бюро Кузбасстроя под руководством инженера И.А. Лалевича. На заседании НТС проект жестоко критиковался за то, что не решил одну из основных задач планировки соцгорода — «удобно соединить город с промышленностью»¹⁰⁵.

План застройки Кемерово (фрагмент).

Составлен Геодезическим бюро Кемеровского горкомхоза. 1935

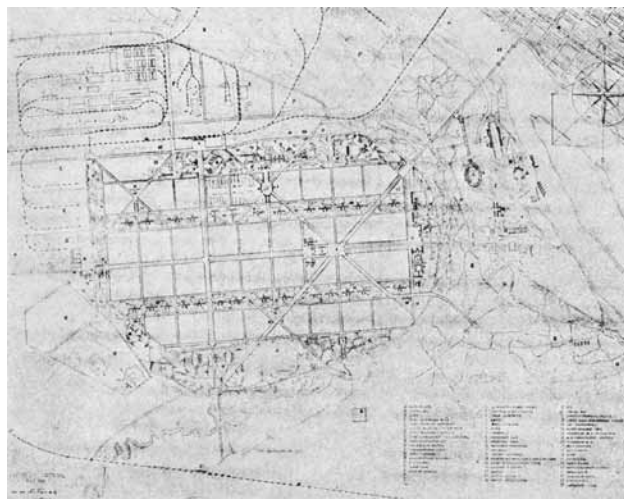
По мнению экспертов, радиальная система планировки, завязанная на вокзал, была устаревшей. Она вызывала перегрузку вокзальной и культурно-административной площадей, так как «почти все пассажирское [...] движение на шахты сосредоточивается через привокзальную площадь». А запроектированная пересадка рабочих с трамваев на поезда неизбежно вела к образованию транспортной пробки¹⁰⁶.

Представители Кузбасстроя не смогли доказать, что такая планировка «имела назначение доставлять рабочих на производство, и тогда сосредоточение городских линий к вокзалу имело свое обоснование»¹⁰⁷. Проект не был утвержден, а один из членов НТС в заключительном слове заявил: «Тут есть надпись „Социалистический город Турган“. [...] По-моему, он не социалистический город». Ведь «социалистический город строится в связи с производством, в его структуре оно имеет отражение. А тут производство, связанность с ним, не отражены»¹⁰⁸.

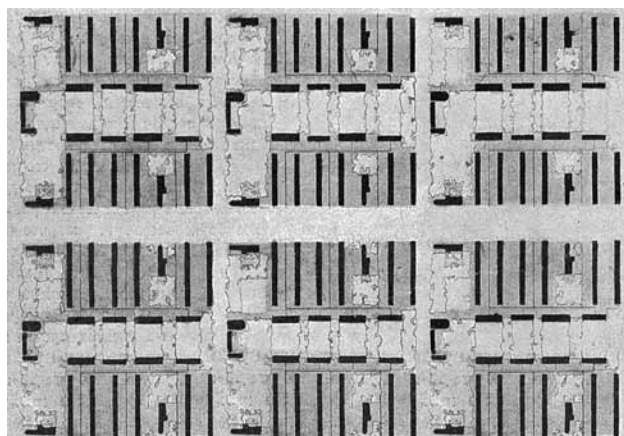
Однако если по критерию связанности с производством Турган Кузбасстроя не являлся социалистическим, то в еще меньшей мере таковыми были проекты соцгородов, разработанные для Западной Сибири Гипрогором и Проектно-планировочным бюро Цekomбанка. Последние имели ту общую планировочную черту, что вообще не были в композиционно-планировочном отношении подчинены промышленности.

Так, анализ проекта планировки левобережного Новосибирска (арх. Д.Е. Бабенков, А.В. Власов

Проект планировки левобережного Новосибирска.
Гипрогор. Арх. Д.Е. Бабенков, А.В. Власов и Н.Х. Поляков. 1931

Проект типовой застройки квартала в левобережном Новосибирске (вариант). *Гипрогор. Арх. Д.Е. Бабенков, Д.А. Гандурин. Гипрогор, 1931*

и Н.Х. Поляков. Гипрогор. 1930) позволяет сделать неожиданный вывод: проект не предполагал замыкание главной магистрали зданием заводоуправления. На первый взгляд, трехлучие, направленное к промышленной зоне и искусно встроенное в прямоугольную планировку, было нацелено на проходную завода Сибкомбайн. Однако экспликация и пояснительная записка к проекту свидетельствуют, что проектировщики подводили эти магистрали к пассажирской станции и будущему зданию вокзала¹⁰⁹.

Более того, из расположения заводских объектов, изображенных на генпланах соцгорода и завода, следует, что проходная и заводоуправление Сибкомбайна находились почти на километр западнее ближайшего из двух «основных переез-

дов», соединявших селитьбу с промышленностью. А к заводской проходной проектировщики направили самый узкий из переходов¹¹⁰.

То есть важнейшие городские магистрали сходились к вокзалу, а завод получал, используя терминологию того времени, «эксцентрическое» расположение относительно главных транспортных артерий.

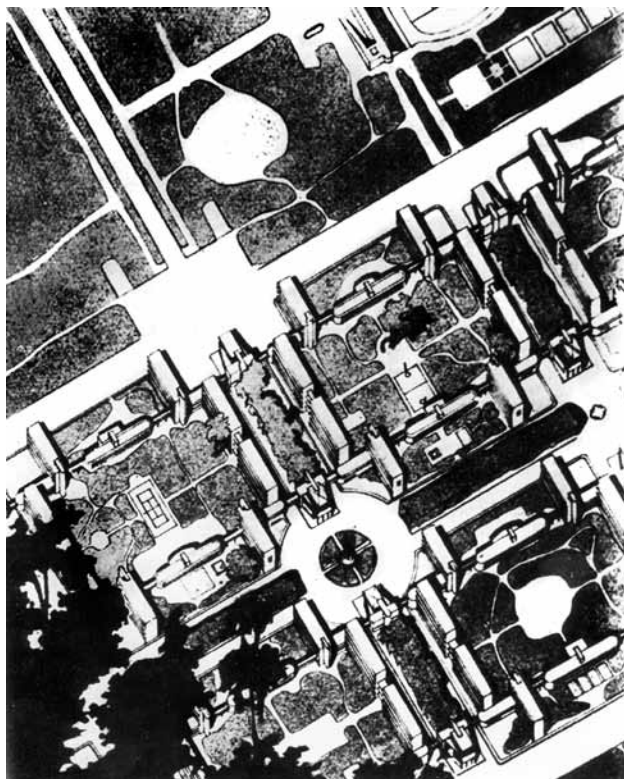
Главная магистраль соцгорода была запроектирована в другом направлении. Как пишут в пояснительной записке авторы проекта, «осевой магистралью города» и «основной продольной магистралью города (внутреннего значения), начинающейся у пищевого комбината и кончающейся у главной общественной площади», была мощнейшая магистраль, шедшая в продольном направлении к размещаемому в пойме Центральному парку культуры и отдыха¹¹¹.

Аналогичные планировочные композиции имеют другие приречные соцгорода — Новокузнецк и Щегловск, разработанные в Проектно-планировочном бюро Цekomбанка под руководством германского архитектора Э. Мая.

В проекте Новокузнецка главное композиционное направление также не совпадает с направлением к металлургическому заводу. В описании проекта, правда, сказано, что «главная улица соединяет пассажирскую станцию и здание заводоуправления»¹¹². Однако эта магистраль расположена с «торца» соцгорода. Здесь на ее пересечении с собственно городской магистралью запроектирован культурно-административный центр. Этот центр соединен озелененной «школьной полосой» с Центральным парком культуры и отдыха. В результате в композиции плана Новокузнецка, как и в левобережном Новосибирске, доминирует продольное, культурно-бытовое направление.

В проекте Щегловска вытянутый в плане соцгород располагался торцом к промышленности. Но композиция его плана завязывалась не на заводы, а на другой «фокус движения» — будущий железнодорожный вокзал. От него под прямым углом к железной дороге была проведена в широтном направлении главная магистраль с бульваром. В районе оврага Искитимки к главной магистрали с обеих сторон примыкали административный (с полем массовых действий) и культурно-зрелищный центры. В проектах планировок Тьргана и Ленинска главные магистрали с расположенными при них общегородскими центрами также были завязаны на пассажирские вокзалы, а не на пути движения к шахтам¹¹³.

Таким образом, можно говорить о наличии противоречия между официальными установками и проектными решениями.

Проект типовой застройки кварталов в левобережном Новосибирске (вариант).

Гипрогор. Начало 1930-х гг.

План застройки Новосибирска (фрагмент). Составлен Картографическим отделом землеустройства и мелиорации Западно-Сибирского краевого земельного управления. 1935

Почему такие опытные проектировщики, как архитекторы Гипрогора и германские специалисты, не отразили в проектах планировок соцгородов доминирующего значения связей с производством?

Анализ текстов пояснительных записок к проектам и стенограмм выступлений авторов на обсуждениях показывает, что на решения проекти-

ровщиков влияло стремление решать задачи архитектурно-планировочной организации соцгородов комплексно, не ограничиваясь фактором промышленности, и реальная градостроительная ситуация. А последняя, как уже отмечалось выше, определялась не только местными ландшафтными условиями, но и градостроительной деятельностью промышленных ведомств.

Так, авторы проекта левобережного Новосибирска архитекторы Д.Е. Бабенков, А.В. Власов и Н.Х. Поляков доказывали, что их решение обусловлено учетом местных условий. Продольное расположение зеленых полос было частью ветро-защитных мероприятий от пылевых бурь и снежных заносов юго-западных ветров. Размещение в полосах культурно-бытовых объектов, придавшее внутригородским связям продольное направление, было вызвано стремлением кооптировать функции и обеспечить уход за зелеными насаждениями. Соответствие рисунка уличной сети форме удлиненной площадки обеспечивало функциональную связанность элементов расположенного здесь города по кратчайшим направлениям¹¹⁴.

Характерно, что ряд мастеров архитектуры, например братья Веснины, а также специалисты по санитарному благоустройству городов поддержали это композиционно-планировочное решение. Они подчеркивали тщательную увязку планировки с местными условиями¹¹⁵.

Аналогичное направление функциональных связей и расположение зеленых полос мы наблюдаем в проектах Новокузнецка и Щегловска Э. Мая¹¹⁶.

Прояснение вопроса с влиянием на проектные решения градостроительных ситуаций позволяет несколько иначе взглянуть на композиционно-планировочные решения архитекторов. Не они выбирали площадки для проектируемых соцгородов и места расположения главных «фокусов движения» — проходных заводов и вокзалов.

Так, Э. Май просто не мог располагать свои соцгорода иначе. В Новокузнецке ситуация усугублялась «торцовым» положением главной магистрали, вследствие чего Май не мог разместить административно-культурный центр в «геометрическом центре» застройки, не оторвав его от пересечения главных городских людопотоков. В этой ситуации Май запроектировал центр на пересечении поперечной и продольной дорог, на пути движения рабочих от завода к жилью. Это как бы «промежуточное» расположение центра соответствовало специфике функционирования советских соцгородов, значительно сокращая «транспортный

Застройка соцгорода левобережного Новосибирска. Фотография начала 1930-х гг.

момент» с точки зрения ежедневных передвижений рабочих к общественному центру. В проекте Щегловска германский архитектор также расположил общественный центр на главной магистрали, но уже в «геометрическом центре» застройки. Напротив, архитекторы Гипрогора выдвинули общегородской центр левобережного Новосибирска ближе к правобережному городу, к реке. Они стремились создать потенциал для будущего объединения разбросанных районов города.

В результате общественные центры всех западносибирских соцгородов оказались запроектированы «эксцентрически» по отношению к построенным промышленностью жилым комбинатам.

Отказ проектировщиков от подчинения композиции плана градообразующему предприятию сразу же стал предметом ожесточенной полемики. Соответствующие инстанции попытались «развернуть» соцгорода к промышленности.

Показательна борьба вокруг проекта левобережного Новосибирска в августе–сентябре 1930 г. Ряд приглашенных Гипрогором экспертов, архитекторы А.В. Шусев и С.Е. Чернышев сразу отметили противоречие между композиционной и функциональной структурой города, в результате чего возникло «чрезмерное количество» пересечений зеленых полос. Они требовали придать городу типические черты соцгородов — композиционную «устремленность к производству», что означало усиление поперечных связей¹¹⁷.

НТС ГУКХ, утверждавший проекты, подходил к планировочным проблемам городов на основе

градоведческого подхода, значимое место в котором занимал учет местных особенностей. В начале 1930-х гг. НТС опирался на разработанные Г.В. Шелейховским градостроительные идеи, позволявшие вести проектирование городов на научной основе, с учетом объективных закономерностей, рассчитывая транспортные потоки и микроклимат¹¹⁸.

При рассмотрении проектов планировок городов Западной Сибири НТС постоянно требовал увязывать сетку внутригородских магистралей с графиком движения, рельефом местности и расположением промышленных, транспортных и культурно-бытовых предприятий.

Рассматривая в начале декабря 1930 г. эскизный проект планировки левобережного Новосибирска, Научно-технический совет поддержал общую схему улиц и проездов, а также расположение ветрозащитных озелененных полос. Однако в своем заключении от 6 декабря 1930 г. он требовал: «НТС считает необходимым в целях уточнения числа, направления и размеров поперечных улиц и переездов к промышленному району, а также для дальнейшего проектирования линий механического транспорта — составить перед разработкой окончательного проекта графики грузового, пассажирского и пешеходного движения при различных случаях жизни города». Таковые включали движение горожан на производство, при демонстрациях и массовых празднествах¹¹⁹.

Со сходных позиций критиковал в 1934 г. проект планировки Сталинска Стандартгорпроект,

принявшего здесь эстафету проектирования от Проектного бюро Цескомбанка, В.Г. Давидович: «Отсутствие центральных магистралей, стягивающих движение к заводу и вокзалу, является наиболее крупным недостатком сети. Проект предполагает закрыть существующую диагональную дорогу, которая дает кратчайшую связь селитбы и вокзала с заводом»¹²⁰.

Последовавший затем расчет графиков движения привел при корректировке генпланов к своеобразному «развороту» городов в сторону заводов. В 1934 г. в проектах Новокузнецка (Горстройпроект) и левобережного Новосибирска (Гипрогор) были запроектированы диагонали к заводам, имевшие ветрозащитное направление. После этого продольные магистрали, служившие для внутригородского обслуживания, потеряли доминирующее значение¹²¹.

Графики передвижений населения показали необходимость передвижки общегородских центров. По первоначальным проектам они располагались во внешних озелененных зонах. В проектах 1934 г. «периферические» центры Новокузнецка и левобережного Новосибирска передвинули (на бумаге) ближе к первоочередной жилой застройке — на поперечную магистраль, связывавшую город с заводом. Теперь центры размещались в озелененных лентах, ранее предназначавшихся для размещения школ, и получили характерную удлиненную форму.

То есть, спустя ряд лет, под сильнейшим нажимом сверху проекты планировок стали «разворачиваться» к промышленности.

За недостаточную увязку с советскими ведомственными условиями эксперты НТС ГУКХ критиковали в 1931 г. и приемы организации архитектурно-градостроительной среды. В ходе развернувшейся полемики была поставлена проблема создания архитектурно-градостроительной среды, которая, с одной стороны, обеспечивала бы необходимый комфорт в западносибирских природно-климатических условиях, а с другой — могла быть реализована при некомплектном ведомственном финансировании.

Составляя проекты для Кузбасса, германский архитектор Э. Май тщательно учел условия местности и рельефа. Защищая свой проект Щегловска в марте 1931 г. в НТС ГУКХ, он говорил, что «каждый квартал на этой площади проектировался с учетом местности»¹²². Май возражал против обвинений в монотонности строчной застройки, потому что восприятие ее пешеходом на рельефе «в натуре дает совершенно иную игру, чем здесь на плане». И большая часть германских авторов проекта «боялась, что он не будет не только слишком монотонным, а слишком может стать беспокойным»¹²³. Несомненно, Э. Май ориентировался на германские образцы строчной застройки, которая имела должный эстетический эффект за счет отделки и в окружении крупных масс зелени.

Член НТС доктор Е.А. Брагин, возражая Маю, обращал внимание на ведомственные условия реализации проекта. Проект предполагал, что множество «довольно однотипных домов будет разделено большой зоной зелени». Но при некомплектном

Застройка соцгорода в Новокузнецке. Фотография октября 1931 г.

32-квартирные дома в Новокузнецке. Фотография 1931 г.

финансировании благоустройства «невозможно это сделать в ближайшее время, а без этой зелени, даже при газоне, такое однообразное строительство действует до некоторой степени тяжело на психику»¹²⁴.

Кроме того, применение строчной меридиональной застройки в Западной Сибири, где господствовали юго-западные ветры, означало, что на озеленение возлагалась и роль ветрозащиты. Без зелени внутриквартальные пространства получали сквозное продувание. Показательно, что уже в

1930-е гг. началась обстройка многоэтажными зданиями периметра кварталов строчной застройки в левобережном Новосибирске и Новокузнецке. Главный архитектор Сталинска (бывшего Новокузнецка) П.И. Отурин, критикуя в 1958 г. свободную и строчную застройку, вспоминал: «...у нас в г. Сталинске с 30-х годов были поставлены майские¹²⁵ дома строчной застройки, но потом нам не только с точки зрения эстетической, но [также] из-за плохих условий жизни трудящихся пришлось строч-

Застройка соцгорода Барнаульского меланжевого комбината. Фотография начала 1930-х гг.

ную застройку закрыть, так как по нашим условиям большой продуваемости есть необходимость иметь такую периметральную застройку»¹²⁶.

В сметах на строительство социалистических городов не было расходов на создание городских строительных предприятий и благоустройство. Из-за отсутствия этих средств оказывалось «дешевле» организовать ветрозащиту не озеленением, а многоэтажными зданиями. Незнание этой местной, уже ведомственной, специфики и было «виной» Э. Мая.

Учету региональных условий Западной Сибири в проектах планировок городов способствовали градостроительные идеи, связанные с организацией транспорта и благоприятного микроклимата. В ходе рассмотрения проектов в НТС ГУКХ была поставлена важная проблема учета взаимовлияния ведомственных и местных условий при формировании комфортной архитектурно-градостроительной среды.

Характерные планировочные черты проектов соцгородов Западной Сибири были обусловлены

как стремлением проектировщиков учесть региональные условия, так и последствиями ведомственного районирования. К последним относились удлиненная форма промышленных и селитебных районов, а также несовпадение направлений культурно-бытовых связей с трудовыми, которые шли поперек рельефа.

Разнонаправленность транспортных связей внутри районов и между районами вела к необходимости дублировать важнейшие объекты транспортной и культурно-бытовой инфраструктуры, т.е. к распылению средств. При недостатке вложений на городское строительство и благоустройство для горсоветов было актуально кооптирование с промышленностью. Но для той единственной полем такого взаимодействия могла быть застройка и благоустройство поперечных магистралей, ведущих к производству.

Кроме того, что промышленные и жилые районы соприкасались длинными сторонами, они еще располагались поперек господствующих в Западной Сибири юго-западных ветров. Это требовало создания протяженных санитарных и ветрозащитных зон для жилых районов, причем опять в не представлявшем для промышленности интереса продольном направлении.

На протяжении 1930-х гг., по мере накопления обследовательского материала при составлении генеральных планов западносибирских городов, число таких неразрешимых противоречий только увеличивалось. В итоге ведомственное районирование, приведшее к чересполосице жилых и промышленных районов, их поперечному относительно больших рек расположению и несовпадению магистралей, ведущих к местам приложения труда и отдыха, стало настоящей головной болью для разработчиков генеральных планов западносибирских городов в 1930-е годы. Объединить такие районы в единый компактный город и обеспечить ему выход на реку планировочными приемами того времени было практически невозможно.

Подводя итог разделу, необходимо отметить, что перед проектировщиками городов Западной Сибири в 1930-е гг. стояла не вдвойне, а втройне сложная задача. Мало того, что им необходимо было изучить и учесть местные условия для создания комфортной среды. Кроме того, архитектурно-планировочное решение требовалось увязать с ведомственным подходом к гражданскому строительству и последствиями ведомственного районирования городских территорий. Некомплектное финансирование жилищно-коммунального строительства выдвигало

задачу обеспечения планировочными средствами условий для «взаимопомощи» промышленности и горсоветов. Однако ведомственное районирование сделало это невозможным. Оно не только усугубило неблагоприятные черты природного ландшафта, но и привело к разнонаправленности интересов ведущих застройщиков.

«Соединить» при составлении проектов воедино ряд разных факторов, получивших к тому же центробежные тенденции, разработчики генеральных планов не смогли.

Региональные особенности архитектурно-градостроительной среды

Осуществление масштабного промышленного и гражданского строительства при некомплектных строительных сметах требовало каких-то компенсационных мероприятий.

Строительным управлениям было необходимо восполнить недостатки фактических вложений в инфраструктуру предприятий, рабочих поселков и инженерную подготовку территорий.

В этот период наметилось два подхода к формированию архитектурно-градостроительной среды городов Западной Сибири. Один был связан с краевыми властями, которые активно участвовали в размещении и строительстве предприятий и поселков машиностроительной и легкой промышленности. Краевые власти, хорошо знавшие региональную специфику Западной Сибири, стремились размещать крупное строительство вблизи существующих городов и транспортных коммуникаций. Это позволяло восполнить недостачу вложений на изыскания и инженерную подготовку территорий, транспортное, жилищно-коммунальное и другие виды строительства. Имевшиеся в городах обследовательские данные позволили учесть местные ландшафтные условия уже на стадии размещения. При этом краевые власти жертвовали сиюминутными интересами предприятий на некоторые эксплуатационные нужды (на высоту водоподъема и т.п.).

Другой подход пытались реализовать строительные управления предприятий тяжелой индустрии в Кузбассе. Они игнорировали местную специфику и отсутствие крупных расходов на изыскания, изменение ландшафта и создание промышленной и гражданской инфраструктуры. В результате внедрение ведомственного подхода уже на стадии размещения заострило неблагоприятные черты мест-

ных условий: дефицит удобных для строительства площадок, рабочей силы и местных строительных материалов. Все это обнаружилось лишь после начала строительства. Устранение неблагоприятных последствий потребовало новых расходов и только усугубило проблему финансирования. В этих обстоятельствах промышленные стройуправления прежде всего жертвовали интересами своих будущих поселений, что привело уже в первые годы индустриализации к возникновению целого клубка местных градостроительных противоречий.

Промышленные объединения Высшего совета народного хозяйства подошли к Западной Сибири на основе опыта, приобретенного в европейской части страны. Вследствие этой методологической ошибки была проигнорирована региональная специфика. Между тем климат, геология и даже водный режим рек имели здесь существенные отличия. Но ведомства свели все к отрывочным наблюдениям разрозненных комиссий и увидели в Сибири то, что захотели увидеть, — огромные объемы природных ресурсов, не требовавших особых усилий для освоения. В результате сметы стройуправлений заводов и шахт оказались «некомплектными», поскольку в них отсутствовали крупные расходы на преобразование ландшафта.

Недоучет региональных условий производства обернулся рядом серьезных аварий, поскольку идеальные для других географических районов технологии в западносибирских условиях не работали. Промышленные объединения стремились максимально сократить затраты на промышленную инфраструктуру. В ВСНХ, а затем и в Наркомате тяжелой промышленности даже Томь считалась прекрасным источником водоснабжения — «многоводной» рекой¹²⁷. Поэтому в Западной Сибири ведомства отказались от масштабного гидростроительства, рассчитывая брать воду прямо из рек. Отсутствие огромных заводских прудов стало особенностью ландшафта сибирских городов. В 1932 г. на это региональное отличие обратил внимание один из краевых работников. Он отмечал, что «в противовес обладающему малыми водосборными бассейнами промышленно развитому Уралу, насчитывавшему по своим индустриальным районам уже в дореволюционный период свыше сотни заводских плотин (с земляным телом), поддерживавших напор от 4 до 9 метров и создававших пруды с площадью зеркала от 1 до 5—7, а по трем прудам до 15—20 и 40 [квадратных] км, ни Западная, ни Восточная Сибирь никакой постройки крупных водосборных сооружений, в целях образования за-

водских прудов, не производили»¹²⁸. Но та же Томь была многоликой. Из-за ледникового питания она имела быстрое течение и отличалась резкими перепадами уровня во время весенних и осенних паводков. В отдельные зимние и летние месяцы река сильно мелела. Из-за этого водоприемные галереи комбинатов забивались песком, галькой и донным льдом (шугой), что не раз приводило к серьезным авариям и экстренной остановке заводов. Выходом могло стать шлюзование Томи: это увеличило бы толщу воды и замедлило течение реки. Кроме того, фиксация русла избавила бы поселения и заводы от паводков¹²⁹. Но теперь реализация таких проектов усложнялась: ведь для удобства водоснабжения предприятия построили на нижних террасах.

Неприятный сюрприз преподнесли грунты: Кузбасс имел и свою геологическую специфику. Так, проходка левобережных шахт в Кемерово должна была осуществляться, как оказалось, вскоре после строительства основных шахтных сооружений, в речниках (галечниках), что означало колоссальные затраты на добычу¹³⁰. Для уникальных сверхмощных пластов коксующихся углей Прокопьевска не была заблаговременно разработана технология добычи. Опыт Донбасса здесь не годился: приходилось либо оставлять нетронутые «целики» ценного сырья, либо, выбирая уголь целиком, провоцировать обширные обрушения и массовые подземные пожары. Разрушенные таким образом территории автоматически выключались из любого строительства¹³¹.

Грунты под заводами оказались просадочными¹³². Кузнецкстрой, опираясь на огромные запасы стройматериалов, оперативно организовал забивку сотен уплотняющих грунт монолитных бетонных свай¹³³. Казалось, фундаменты цехов получили надежную опору. Но с пуском завода стены стали опасно деформироваться. Лишь в феврале 1933 г. после специальных исследований стало ясно, что все дело в так называемых лёссовидных суглинках, которые при замачивании теряли несущую способность.

Исследования на площадке в конце 1920-х гг. велись по старым методикам, и свойства грунтов создали ложное впечатление об их надежности. В результате, по заключению специалистов, в ходе проектирования и строительства были допущены две принципиальные ошибки. Во-первых, физические свойства лёссовидных суглинков не учли при компоновке генплана: охладительные бассейны ТЭЦ и другие сооружения, несущие наибольшее количество технических вод, расположили выше основных цехов. Казалось, это удобно — вода самоотекотом поступает в охладительную систему, не нуж-

Прокопьевск. Разрушенные в ходе разработок территории. Фотография начала 1930-х гг.

но лишних насосов. Но это привело к замачиванию грунта под подошвами фундаментов ниже расположенных сооружений¹³⁴. Во-вторых, свойства грунтов не учли в ходе строительства, тогда как «наиболее правильным порядком возведения сооружения на лёссовидных грунтах должен являться порядок, совершенно обратный принятому: освоение площадки надо начинать прежде всего с планировочных работ, устройства водопроводной и канализационной сети»¹³⁵. «Трещали» и городские постройки, возведенные на заболоченной территории, с той только разницей, что на их ремонт средства не выделялись.

Строуправления столкнулись в Кузбассе с дефицитом строительных площадок, не требовавших дорогостоящей инженерной подготовки. Рост производственной программы в конце 1920-х гг. означал расширение предприятий. В Новосибирске и Барнауле этого не заметили: и генплан Новосибирска 1929 г., и комиссии с участием краевых властей и строителей наметили площадки вдали от реки, что обеспечило заводам и городам значительные территориальные резервы. Напротив, в Кузбассе эти резервы в результате «превращения» предприятий в гиганты были сразу исчерпаны. Строуправления,

решая свои проблемы, действовали по шаблону, за счет городов. В результате они не только усугубили дефицит площадок, но и создали ряд новых градостроительных проблем.

В сметах рудоправлений отсутствовали расходы на закладочное хозяйство¹³⁶, которое в Кузбассе с его мощными угольными пластами требовалось вести в огромных масштабах. Исходя из этого Востокуголь в 1929–1931 гг., с одной стороны, стремился оградить чертой горного отвода почти все открываемые угленосные территории, а с другой — добивался вынесения за пределы отвода всех поселений. Угольщики доказывали: города мешают углеработкам! Действительно, в Донбассе такие крупные угольные запасы не консервировались, но ведь и угленосность Кузнецкого бассейна была гораздо выше: в Кузбассе почти на 90% пригодных для застройки территорий залегал уголь. Градостроительная идея Востокугля состояла в том, чтобы на оставшихся безугольных пятачках создать один-два «концентрических поселка», в которых объединялось бы промышленное и сельскохозяйственное население¹³⁷. Идея ликвидации противоречий между городом и деревней позволяла свободно вести

угледобычу. Поэтому Востокуголь защищал создание соцгорода не в старом Прокопьевске, «мешавшем углеразработкам», а в 8 км от него — на неосвоенном Тыргане. Это противоречило ведомственному подходу размещать поселки при шахтах, но руководство Востокугля прекраснодушно рассчитывало переложить свои расходы на другие ведомства: крайисполком строит город, Наркомат путей сообщения — дороги для доставки рабочих и т.д. В итоге Тырган остался мечтой, а основное жилье по-прежнему строилось при шахтах, на подрабатываемых территориях.

В Щегловске, когда на территории существующего города был обнаружен уголь, рудоуправление, даже не изучив условий проходки, добилось включения этого участка в черту горного отвода. Старый город подлежал сносу, началась подготовка к дорогостоящему переносу поселения на другое место¹³⁸. В действиях угольщиков очевидно стремление доукомплектоваться за чужой счет, сбросив часть своих затрат на другие ведомства.

Сходную тенденцию можно увидеть у Кузнецкстроя. В 1932–1934 гг. он по договору с Локомотивобъединением вел строительство Кузнецкого паровозостроительного завода (ПРВЗ). Получив ассигнования ПРВЗ на подсобные цеха, Кузнецкстрой построил их на территории Первого кузнецкого металлургического завода. Однако площадки для Паровозостроительного и его поселка он выбрал на противоположном, правом берегу Томи. Кузнецкстрой сумел доказать, что это диктуется местными условиями, так как левобережные площадки требовали инженерной подготовки¹³⁹. Но без железнодорожного моста, который за Наркомтяжпром никто финансировать не собирался, Кузнецкстрой не смог развернуть строительство завода, как это было предусмотрено договором 1932 г. В итоге с ПРВЗ случилось то же, что и с Тырганом, — в середине 1930-х гг. его стройку законсервировали.

В приречных городах Кузбасса кроме борьбы Рудоуправлений за вытеснение городов на безугольные участки развернулась борьба заводов за вытеснение городов и с незатопляемых территорий. В Новосибирске отсутствие средств на благоустройство реки было учтено: площадки для города и промышленности на левом берегу были выбраны за широкой, в 1–2 км, поймой¹⁴⁰. В Барнауле строительные преимущества Гляденской площадки также были признаны более значимыми, чем трудности водоснабжения размещаемых на ней предприятий (высота водоподъема до 100 м и разница уровней площадки в 34 м)¹⁴¹.

Напротив, в Кузбассе тяжелая промышленность стремилась экономить и на высоте водоподъема и на гидростроительстве. В результате в Новокузнецке в зоне затопления оказался будущий соцгород и так называемая Нижняя колония, а в Кемерово и часть предприятий. По опыту европейской части страны риск сочли допустимым. К тому же из-за малолюдности Кузбасса и форсированного строительства не удалось найти рабочую силу для трудоемких работ по надежной обваловке площадок¹⁴². Но западносибирские реки текли на север и, кроме того, имели ледниковое питание. Низовья схватывались льдом раньше и освобождались от него позже, а поскольку в верховьях как раз начинались дожди, это провоцировало катастрофические паводки¹⁴³.

После наводнения 1930 г. промышленность форсировала захват городских земель. Так, в Щегловске город-сад и примыкавшие к нему с запада «нахаловки» возникли раньше предприятий и поэтому заняли лучшие площадки. Промышленность своекорыстно рассматривала эти участки с небагоустроенной застройкой, в которой проживали тысячи людей, как свободные территории. Коксовые печи, электролитный цинковый, туковый и стекольный заводы размещались в 1929–1931 гг. прямо посреди временного жилья, вплотную к городу-саду¹⁴⁴. В результате западная часть Щегловска попала в зону задымления химических предприятий. Их руководителей это вполне устраивало: «выкуривая» город на другое место, они получали удобные стройплощадки. Как писалось в издании Наркомтяжпрома, «строительство промышленных предприятий производилось за счет занятия территорий города. По мере пуска этих предприятий возникала потребность в сносе значительной части города в целях создания защитной зоны между промышленностью и жильем»¹⁴⁵.

В то время как новостройки, расположенные на Томи, страдали от паводков, остальные испытывали острую нехватку воды. Большинство угольных поселений Кузбасса (кроме Кемерово и Ленинска) находилось вдали от естественных водоемов, могущих служить источниками водоснабжения. Руководители угольной промышленности рассчитывали сэкономить на водопроводах и задействовать для снабжения поселений грунтовые воды. Однако с пуском шахт-гигантов, когда «уголь начали вырывать по вертикали, уровень подземных вод начал снижаться и колодцы обмелели»¹⁴⁶. Воду пришлось завозить цистернами, а при дальнейшем росте городов — строить дорогостоящие водопроводы

(длина Прокопьевского, построенного в 1930–1933 гг., достигала 37 км) и овражные водохранилища¹⁴⁷.

Непредсказуемые последствия имела ведомственная установка стройуправлений на преимущественное строительство каменных жилых домов. Архивный материал по жилищному строительству в Западной Сибири конца 1920-х — начала 1930-х гг. свидетельствует о серьезных противоречиях между декларативными целями и возможностями существовавшей тогда в крае строительной инфраструктуры. Даже в Новосибирске возникали серьезные проблемы при реализации проектов каменных многоквартирных жилых домов¹⁴⁸. Но ведомственные застройщики игнорировали это обстоятельство. Так, Кузнецкстрой, согласно своей смете на жилстроительство первой пятилетки, планировал застраивать рабочий и рудничные поселки на 95% каменными трехэтажными домами. Напрасно в 1929–1930 гг. Сибкрайкомхоз предлагал ему сократить долю каменных домов в рабочем поселке хотя бы до 60%, а в рудничных — до 20% и все остальные дома строить деревянными не более двух этажей¹⁴⁹. Это позволяло за те же средства обеспечить жилплощадью большее число рабочих. Сходных с Кузнецкстроем установок держались и рудоуправления. Каменные дома были почти вдвое дороже деревянных, и это позволяло быстрее освоить ассигнования. Но для трехэтажных зданий ни в рабочем поселке, ни тем более, в тайге при рудниках не было ни водопровода, ни канализации, ни теплофикации.

Кроме того, жильцы таких домов не могли вести подсобное хозяйство. А последнее стало в начале 1930-х гг. для жителей западносибирских новостроек решающим условием выживания. Из-за резкого роста производственных программ с конца 1920-х гг. быстро росла численность населения. Как следует из непрерывных обращений строительных и рудничных управлений, все это «добавочное» население не обеспечивалось не только жильем, но и снабжением из централизованных фондов.

О причинах продовольственного кризиса в Кузбассе говорилось на заседании Урало-Кузнецкой комиссии, созданном Госпланом РСФСР 10 марта 1931 г. по инициативе крайисполкома. Сельское хозяйство в районе промышленных новостроек Кузбасса изначально было ничтожным, но при размещении гигантских предприятий это обстоятельство игнорировали. Развернуть в короткий срок одновременно с форсированным промышленным строительством пригородное хозяйство в Кузбассе не удалось. Как сообщил представитель Сибкрайсоюза, для молочных ферм и огородного хозяйства,

предназначенных для улучшения быта рабочих, не были выделены ни семена из централизованных фондов, ни хотя бы один трактор, тогда как требовалось освоить более 20 тыс. га, не хватало людей¹⁵⁰. Завезти все необходимое из европейской части страны также оказалось невозможно. Сотрудники Наркомата снабжения заявили: «НКСнаб должен сказать, что кормить не может такое количество семей», так как объем продовольствия для Западной Сибири жестко фиксирован. Наркомат мог увеличивать снабжение одних категорий населения Кузбасса, лишь снимая пайки с других¹⁵¹.

Положение усугублялось тем, что данные по Кузбассу изначально были заниженными против фактических. Так, реальный коэффициент семейности в Кузбассе составлял 1:3, тогда как снабжение из Центра осуществлялось по «ошибочной» норме 1: 0,78, а из рабочего населения на централизованном снабжении находилась лишь половина — так называемые титульные рабочие¹⁵². В результате, как заявил представитель ЦК профсоюза горняков, «на сегодняшний день мы имеем удовлетворение снабжением [лишь] на 20–23% по ряду районов, вплоть до самых крупных»¹⁵³.

Все эти рабочие и члены их семей, десятки тысяч людей, заброшенных государством в Кузбасс, остались без самых насущных средств существования. В итоге сама жизнь заставила промышленные управления заняться деревянным строительством, а рабочие еще ранее, оставшись в Сибири на зиму с семьями без жилья, массово строили землянки и заводили примитивные хозяйства. В некоторых более обжитых населенных пунктах (Щегловске и старом Прокопьевске) строительство землянок стимулировалось дороговизной частного жилья, которое по качеству было не лучше самостроя.

Финансирование нового городского строительства было неполным. Ни Госплан, ни Центральный коммунальный банк в годы первой пятилетки даже не планировали финансовые вложения для создания в новых промышленных городах Западной Сибири городских строительных предприятий и организаций, коммунальных сооружений и транспортных сетей¹⁵⁴. В сметах заводов и шахт на жилищное строительство их тоже не было, не могли их финансировать и горсоветы новых городов¹⁵⁵.

В Новосибирске и Барнауле это обстоятельство постарались учесть еще на стадии размещения — в ходе работы комиссий по выбору площадок. Некомплектные соцгорода вместе с их комбинатами при активном участии местных властей были расположены вблизи существующих городов, которые

стали базами для нового строительства. Кроме того, в состав комиссий здесь входили будущие строители (Сибмашстрой, Комсод ДНК, Управление капитального строительства Крайсовнархоза). Они поддержали приближение новостроек к городам и помогли выбрать площадки, требовавшие минимума трудоемких работ.

Благодаря этому в Новосибирске и Барнауле был учтен довольно широкий спектр местных строительных условий. Обслуживанием и снабжением новостроек занимались находившиеся в подчинении у горсоветов и краевых властей местные организации, строительные, коммунальные и культурно-бытовые предприятия, а также транспортная инфраструктура¹⁵⁶. Горсоветы вели разработку и заготовку местных строительных материалов (бутовый камень, песок, гравий) и снабжали новостройки продукцией городских строительных предприятий (карьеров, лесопильных и кирпичных заводов). Так, в Барнауле Управление капитального строительства Крайсовнархоза по указанию крайисполкома переклонило на обслуживание потребностей комбината Барнаульский лесопильный завод и столярные мастерские, снабжало стройку барнаульским кирпичом и известью¹⁵⁷. Горсоветы расселили значительную часть рабочих и служащих предприятий в уже существующем жилом фонде. В Новосибирске 30% рабочих Сибкомбайна было расселено на правом берегу (в историческом городе), а 15% — в окрестных деревнях левобережья. Для доставки рабочих с правого берега были организованы регулярные «передачи» (пассажирские поезда местного значения), а летом — паромная переправа и рейсы моторных катеров. Строительную площадку обслуживала правобережная ЦЭС, питание рабочих принял на себя Новосибирский ЦРК, а медицинское обслуживание — Окргдравотдел¹⁵⁸. В свое время комиссии стремились выбрать площадки, выгодно расположенные относительно как внешнего, так и внутригородского транспорта. Теперь это сыграло положительную роль, так как снабжение новостроек в значимой мере шло со стороны городов, по существующим автогужевым и железным дорогам¹⁵⁹.

Как и в Кузбассе, в Новосибирске и Барнауле стройуправления заводов стремились к максимальной концентрации всех ресурсов на своем строительстве. Но в Кузбассе это пришлось делать в процессе строек, в результате рабочие на продолжительную и суровую зиму остались без жилья, а города — без коммунальных сооружений и благоустройства. В Новосибирске и Барнауле, напротив, строительные управления, приняв участие в выбо-

ре площадок, смогли максимально сократить свои второстепенные, а частично и основные расходы еще до начала строительства. В условиях соседства с городом экономия на коммунальных сооружениях и жилье для рабочих обрела иной смысл. В Новосибирске и Барнауле стройуправления заводов сбрасывали с себя значимую часть расходов путем кооптации с городскими предприятиями (коммунально-бытовыми, инженерно-техническими и строительными) и жилищным фондом. Горсоветы шли им навстречу, «вынося» в районы новостроек объекты городского строительства.

Пример размещения заводов в Новосибирске и Барнауле показывает, что теряли предприятия, «обходя» уже существующие города, игнорируя их как строительную базу. Прилегающие к городам территории были уже подготовлены для крупного строительства. Здесь проходили железные и автогужевые дороги, имелись коммунальные сооружения и инженерные сети, действовали карьеры и предприятия стройиндустрии — кирпичные и лесные заводы. В Западной Сибири вследствие малочисленности сельского населения только города являлись единственным надежным источником рабочей силы.

Напротив, в Кузбассе будущие строители в выборе площадок не участвовали (Кузнецкстрой, Коксострой, Азотстрой). Из всех строительных факторов были учтены лишь существующие железные дороги. В результате имел место недоучет ряда других строительных условий, в частности топографических. В Новокузнецке в результате замены Туштуленской площадки на Горбуновскую стройка была удалена от источников местных стройматериалов, от Старого Кузнецка и места благоприятного водозабора. Кроме того, площадка оказалась отрезана от них и станции регулярно затапливаемым пойменным болотом¹⁶⁰. Для бесперебойного снабжения стройки Кузнецкстрою пришлось срочно строить специальную автогужевую дорогу, отвлекая рабочую силу от основного строительства¹⁶¹. Недостаточно, в отличие от Новосибирска, был проработан и вопрос трудоемких земляных работ, и в течение всего строительства наблюдался кризис рабочей силы при ее одновременной избыточности. Большая часть неквалифицированных рабочих была занята на второстепенных для основного строительства земляных работах, обеспечении снабжения и борьбе со стихийными бедствиями¹⁶², т.е. устраняла последствия не во всем удачного выбора площадок. Избыток рабочей силы остро поставил вопрос с жильем. Это усугублялось игнорированием городов: в Новокузнецке стройка была

удалена от Старого Кузнецка, в Кемерово часть заводов размещалась на застроенной территории города, что в острый момент разворота строительства резко сократило жилой фонд. То есть в Кузбассе набор строительных факторов при выборе площадок оказался более узким.

Согласно материалам обследования городов Кузбасса, проведенного бригадой Запсибгорсоцстроя в феврале 1931 г., гражданское строительство здесь вели только стройуправления заводов и шахт. Они размещали жилье вблизи своих предприятий по принципу изолированных друг от друга колоний. В результате все жилые сооружения «разбросаны на значительной территории и носят чисто поселковый характер»¹⁶³.

Отсюда проистекает разнообразие типов гражданских построек и их облика в разных колониях: каждая промышленная организация или шахта применяла свои типы зданий и конструкций¹⁶⁴. Если Кузнецкий завод стал строительной базой Сталинска и его первые колонии возникли рядом с ним, то подсобные цеха других предприятий Кузбасса сыгнали аналогичную роль для своих поселков. При отсутствии развитой сети городских мощеных дорог и мостов (еще одно проявление ведомственной «некомплектности»), по которым можно было перевозить стройматериалы и рабочую силу, все новое жилье оказалось привязано к так называемым строительным дворам своих же заводов и шахт. Всякий овраг становился неодолимым препятствием¹⁶⁵.

Другим фактором концентрации колоний при предприятиях стало отсутствие в новых городах общегородских коммунальных сооружений¹⁶⁶. Немногочисленные капитальные здания (жилые и административные) получали коммунально-бытовые услуги от своих же промышленных предприятий¹⁶⁷. Транспорт, водопроводная сеть (город получал неочищенную воду из промышленного водопровода), канализация, городская электросеть и теплофикация (от рудничной или заводской ЦЭС), ассенизационный обоз, бани и прачечные находились в ведении стройуправлений заводов и шахт¹⁶⁸. В итоге размещение гражданских построек во многом определялось расположением их строительной и коммунальной базы — промышленности, а разбросанность была прямым следствием разбросанности самих предприятий.

То есть в Кузбассе жилая застройка также проявила тенденцию к «комплектности», но кооптировалась не с городами, а со своими предприятиями.

Современники описывают каждый город как своеобразное «лоскутное одеяло», состоящее из

множества замкнутых колоний, каждая из которых была завязана на свое отдельное предприятие и представлена характерными лишь для нее постройками со своей стихийно возникшей планировкой. Например, Кемерово к 1934 г. представлял собой территорию, рассеченную рекой, ручьями, логами, затапливаемыми участками, железнодорожными путями и промплощадками, между которыми располагались два десятка островков жилой застройки. Левобережный Кемерово (бывший Щегловск) состоял из семи поселков и шести «нахаловок». Это были обособленные группы домов всевозможных типов, принадлежавших ряду предприятий: Кемкомбинатстрою, ТЭЦ, Коксохимзаводу, Азотстрою и шахте «Щегловская». На Правом берегу Томи располагались 10 поселков и «нахаловок»¹⁶⁹.

Почему такие колонии не проявили тенденцию к объединению в город в дальнейшем? Во-первых, на протяжении 1930-х гг. в новых городах так и не возникли общегородские коммунальные и культурно-бытовые сооружения, которые могли послужить альтернативным эпицентром застройки. Во-вторых, горсоветы, заинтересованные в таком развитии, не смогли занять положение активных участников градостроительного процесса. За исключением Щегловска, где имелся небольшой коммунальный фонд, остальным горсоветам и горкомхозам Кузбасса управлять было просто нечем, и они остались на положении статистов¹⁷⁰.

Как писали инженеры Запсибгорсоцстроя, «в силу того, что в основном жилищный фонд и коммунальные предприятия находятся в полном распоряжении строительных и промышленных организаций, и у горсоветов по существу никакой материальной базы нет [...] фактически рудоуправления и стройорганизации на местах являются творителями жилищной и коммунальной политики»¹⁷¹. Построив свою часть жилого фонда, строительные и рудоуправления сосредоточили его эксплуатацию в своих руках. У них были свои коммунальные отделы, независимые от горсоветов. Их плановые отделы бесконтрольно планировали дальнейшее гражданское строительство вблизи своих же предприятий¹⁷². При каждом из них вскоре возникли и свои карликовые «общественные центры» — группки культурно-бытовых учреждений, которые обслуживали только «своих» рабочих, а не весь город¹⁷³.

С планировочной точки зрения такое строительство, решая текущие задачи, не содержало в себе общегородского потенциала и в будущем, поскольку велось «совершенно без системы и без всякой связи с будущим строительством не только

новых городов, а и обслуживающих учреждений»¹⁷⁴. Колонии вырастали из «своих» предприятий, а не росли друг к другу. А остававшиеся между ними удобные для строительства участки, прежде всего безугольные, быстро занимались инженерно-строительными объектами и коммуникациями предприятий. «Временные» железнодорожные пути, трассы ЛЭП, зоны отчуждения, склады и карьеры, а также траншеи, отвалы грунта и строительного мусора все более разрезали территории¹⁷⁵. Это изолировало рабочие колонии друг от друга и создавало проблему выбора участков для первоочередного городского строительства. Постоянные порывы шедших через поселки промышленных трубопроводов вели к заболочиванию городских территорий.

Из всех стройуправлений Кузбасса только Кузнецкстрой пытался соединить транспортными артериями свои колонии¹⁷⁶. В феврале 1931 г. это отметил в своем докладе Запсибгорсоцстрой: «ни в одном из пунктов за исключением Н.Кузнецка какой-либо планировки строительных кварталов, взаимно увязанных между собою путями сообщения, размещением обслуживающих сооружений, нет»¹⁷⁷.

Некомплектность промышленного и городского строительства была характерной чертой ведомственного подхода и обусловила неизбежность его трансформации в местных условиях. Недостача необходимых вложений, усиливавшаяся по мере разворачивания масштабного строительства, стимулировала процессы самоорганизации — тенденцию восполнять ущербное финансирование за счет местных условий и других ведомств. В Новосибирске и Барнауле это взаимодействие было организовано краевыми властями. Напротив, в новых городах Кузбасса оно шло в стихийных формах и привело к формированию клубка местных градостроительных противоречий.

Учет региональных условий в архитектуре

Столь же драматично решалась в годы первой пятилетки проблема учета местных условий в сфере гражданской архитектуры. С одной стороны, Западная Сибирь имела специфические природно-климатические условия, которые, казалось, должны были найти отражение в архитектуре зданий. С другой стороны, недостаток средств на создание предприятий стройиндустрии и гражданское строительство также стимулировал широкое использование местных ресурсов.

Однако реальное развитие архитектуры в Западной Сибири первой пятилетки пошло не по пути массовой увязки стандартизированных проектов с местными условиями и материалами, а по пути разделения застройки городов на «временный» и элитный слои.

Во «временной» архитектуре различного рода бараков, полуземлянок и тому подобных жилищных и коммунально-бытовых суррогатов действительно широко использовались местные материалы и конструкции. Казалось, архитектура капитальных зданий открывала для проектировщиков еще большие возможности для учета местных условий в объемно-планировочном, конструктивном и пластическом решениях. Однако на деле именно в этом слое в годы первой пятилетки наблюдается непримиримая борьба двух тенденций.

Сторонники одной тенденции, прежде всего сибирские архитекторы и инженеры, связанные с проектными организациями краевых коммунальных органов, хорошо знали местные условия и наработали целый набор приемов адаптации к ним архитектуры. Они стремились к таким проектным решениям, которые позволяли зданиям сохранять проектный вид при длительной эксплуатации в суровых природно-климатических условиях Западной Сибири. Они же осуществили успешные попытки «адаптации» к местным условиям одного из наиболее ярких течений архитектурного авангарда — конструктивизма.

Напротив, приверженцы другой тенденции, в большинстве своем молодые сторонники современной архитектуры, не имевшие серьезного жизненного и строительного опыта, работали в местных проектных бюро крупных промышленных объединений. Они оказались втянуты своим руководством в межведомственную борьбу и отказывались от творческого диалога с представителями других архитектурных направлений. Такие архитекторы были ориентированы главным образом на эффектное воспроизведение проектных приемов архитектурного авангарда, усвоенных ими в учебных заведениях, и совершенно игнорировали местные условия.

Проблема соотношения подходов, привнесенных извне, и местных природно-климатических условий прежде всего обозначилась в промышленном строительстве. Главный инженер Кузнецкого металлургического завода И.П. Бардин охарактеризовал ее так. Он и приехавшие с ним в Сибирь металлурги и инженеры «хорошо представляли себе объем, масштаб и образ будущего завода», но совершенно не знали сибирских условий¹⁷⁸. Напротив, местные гражданские инженеры и строители «совершенно

не представляли себе объем и панораму того большого комплекса сложных и мощных сооружений, которые они увидели только через два-три года»¹⁷⁹. А из-за «груза старых строительных традиций» не смогли адаптировать свои знания о Сибири и предыдущий опыт возведения небольших сооружений к потребностям грандиозной стройки¹⁸⁰. В этих условиях создание Кузнецкого металлургического гиганта проходило в форме «борьбы с суровой сибирской природой»¹⁸¹, а строительная площадка стала подобием экспериментальной лаборатории.

Казалось бы, в гражданском строительстве Сибири первой пятилетки такого резкого столкновения «идей» и «условий» не могло быть: ничего ранее неизвестного индустриализация с инженерно-строительной точки зрения в эту сферу не внесла. Был накоплен и значительный опыт эксплуатации гражданских сооружений в сибирских условиях. Однако если на промышленных стройках постоянная угроза аварий с человеческими жертвами и взаимное незнание стимулировали довольно продуктивный обмен идеями и в общем успешные инженерно-технологические эксперименты, то в области архитектуры в это же самое время наблюдается отсутствие активного, широкого диалога и взаимодействия.

Согласно подходу зодчих старой школы, роль архитектора не сводилась к функции проектировщика, а объединяла работу проектировщиков, конструкторов, инженеров, смежников и строителей. Кроме того, архитектор нес ответственность не только за проект и его реализацию, но и за бытование здания после постройки — сохранение его архитектурного облика в местных условиях. От этого зависела его профессиональная репутация. Соответственно, местные архитекторы много внимания уделяли изучению вопросов функционирования зданий в сибирском климате. Их подход опирался не на «груз традиций», а на научные основания. Через анализ инженерных вопросов они вышли на региональную специфику архитектуры.

Еще в начале 1919 г. в Томске был создан Институт исследований Сибири (ИИС), который занимался проблемами сохранения сибирского архитектурного наследия, а также теорией и историей архитектуры. С этим институтом связана деятельность инженеров и архитекторов Томского университета и Томского технологического института: профессора кафедры истории искусств Б.П. Денике, профессоров Б.Л. Богаевского и А.Д. Крячкова, архитектора-художника К.К. Лыгина и др. Сотрудники института активно сотрудничали с краеведами и этнографами. В начале 1920-х гг. они

собрали и частично опубликовали значительный документальный материал по деревянному зодчеству народов Сибири, промышленной архитектуре Алтайского горнозаводского округа и каменной архитектуре Тобольска, Томска, Омска и Барнаула XVIII — начала XX в.¹⁸²

Анализ объемно-планировочных, инженерно-конструктивных и декоративных приемов показал такие особенности зданий, как большая ширина корпусов, крыши без парапетов, защита стен карнизами с большим выносом, высокие цоколи из чугунных плит или местного камня, известково-алебастровая штукатурка фасадов и отсутствие на них мелких деталей. Все это, по мнению сотрудников института, свидетельствовало «о внимательном учете сурового климата проектировщиками и строителями этих зданий»¹⁸³.

В первой половине 1920-х гг. исторический материал был дополнен наблюдениями за эксплуатацией зданий в сибирских условиях и анализом причин температурных аварий в их стенах. На этой основе в среде томских инженеров и архитекторов к концу 1920-х гг. сформировался подход, который может быть определен как «сибирская архитектура». Наиболее полно основные положения этого направления были изложены в публикациях архитектора А.Д. Крячкова.

Согласно Крячкову, архитектура сибирских зданий должна была придавать им качества, присущие сибирской одежде: при быстрых переменах погоды удерживать тепло и оставаться сухой. Причем именно последнему обстоятельству, а не столько морозам Крячков придавал особое значение, так как на основе многолетних наблюдений и ряда опытов установил, что при резких перепадах температуры, характерных для резко континентального климата Западной Сибири, именно замачивание ведет к быстрому разрушению несущих конструкций и отделочных слоев.

Как отмечал Крячков, «в сибирских условиях резких смен температур осенью и весной», когда на протяжении нескольких дней или даже в течение суток наблюдались резкие переходы от тепла к холоду и обратно, намоченные дождем или оттаявшим снегом наружные штукатурка, элементы и декоративные детали промерзали уже через несколько часов. Особенно быстро шло разрушение, если замоченные поверхности находились «под действием господствующих в Сибири юго-западных ветров». Поэтому в Сибири защита стен надежными свесами карнизов с большим выносом «является обязательной»¹⁸⁴. Кроме того, сама пластика фаса-

дов должна была быть сдержанной и лаконичной, без резких выступов из фасадных плоскостей, наподобие балконных плит. Отказ от использования активных горизонтальных членений позволял избежать накопления осадков в осенние и весенние периоды с последующим неизбежным замачиванием и разрушением конструкций.

Крячков обнаружил, что чем больше у элементов несущих конструкций (стен, перекрытий, балок, стропил) разность термической инерции («запаздывание в изменении их размеров от внешней температуры») и коэффициентов температурных удлинений, тем большие деформации возникают в местах их сопряжения при резких переменах погоды¹⁸⁵.

Поскольку «на верхнюю часть здания температура оказывает большое влияние, а к низу здания, т.е. к фундаменту, температурные воздействия затухают»¹⁸⁶, то объемно-планировочное решение должно было смягчать неравномерность температурного воздействия. В сибирском климате здания должны иметь простые формы планов и периметров, широкий корпус, подвалы и вентилируемые чердаки¹⁸⁷.

Хорошую сопротивляемость сибирским морозам наружных каменных штукатурок (известково-песчаной, известково-алебастровой, мраморной) Крячков также объяснял их более близкими коэффициентами температурных удлинений с кирпичной кладкой¹⁸⁸. Он сумел доказать, что разрушения цементной штукатурки в Сибири происходят прежде всего не по причине несоблюдения технических условий на производстве штукатурных работ, на чем позднее часто настаивали конструктивисты, а из-за применения в качестве основного вяжущего цемента¹⁸⁹.

А.Д. Крячков призывал «смелее применять в сибирской практике» каменные штукатурки и кирпичные стены на жирном известковом растворе «взамен дорогих кирпичных стен на цементном растворе»¹⁹⁰.

Изучая продольные расслоения стен в новых зданиях с повышенной влажностью (бань и купален), Крячков пришел к важному выводу: стеновой материал в Сибири должен обладать малым коэффициентом расширения и большим — паропроницаемостью. Поэтому, проектируя в начале 1920-х гг. бани для Кузбасса, он сделал на первый взгляд парадоксальную, но полностью оправдавшуюся ставку не на гидроизоляцию внутренних помещений, а на быстрое просыхание стен, применив в них вместо кирпича котельный шлак¹⁹¹.

Согласно этому подходу внутренние конструкции здания также должны были оставаться сухими. Как показали вскрытия 1980—2000-х гг. конструк-

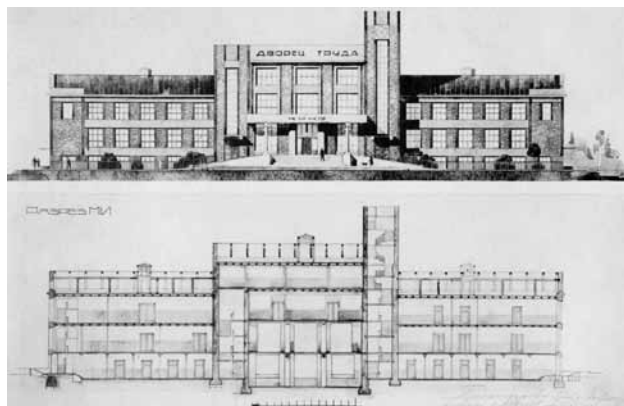
ций ряда зданий, построенных по проектам Кряčkova в Новосибирске, их деревянные перекрытия были снабжены особой системой вентиляционных каналов, выводившихся через трубы наружу здания. Они обеспечивали проветривание конструкций, за счет чего лиственничные балки сохранялись в отличном состоянии в течение почти 100 лет эксплуатации¹⁹².

Идеи Кряčkova разделяла сплотившаяся вокруг него группа архитекторов и инженеров, связанных с Томским Сибстрином, Новосибирским и Томским отделениями ВАНО, а также проектными бюро Запсибстройобъединения и Крайкомхоза.

Показательно их отношение к конструктивизму. На рубеже 1920—1930-х гг. в Томском Сибстрине под руководством того же Кряčkova учебные проекты выполнялись в весьма эффектной конструктивистской архитектуре, а сам Крячков представил в ней ряд своих конкурсных проектов¹⁹³.

Во второй половине 1920-х — начале 1930-х гг. может быть отмечен ряд произведений авангарда, в которых авторы предприняли серьезную попытку адаптации их архитектуры к природно-климатическим условиям Сибири. Это здания, запроектированные представителями «томского направления» в Новосибирске и Кузбассе, а также выпускниками Омского художественно-промышленного техникума (Худпрома) им. М.А. Врубеля, местного аналога ВХУТЕМАСА, в Омске и Ленинск-Омске.

Наиболее известны, безусловно, произведения А.Д. Кряčkova: Дворец труда в Щегловске¹⁹⁴, Госбанк в Новосибирске, запроектированный в соавторстве с Б.А. Гордеевым и С.П. Тургеневым крайисполком и др. Для этих зданий характерна особая, как бы уплощенная пластика фасадных плоскостей. Балконы если и применялись, то, как в здании крайисполкома, имели самый минимальный вынос. Основными пластическими средствами архитекторов здесь были плоские пилястры и пояски — горизонтальные и вертикальные членения в виде глухих подоконников и обрамлений окон и простенков. Как правило, монохромное цветовое решение строилось на сочетании имевших различный цвет «полос», ограничивающих их поясков и более крупных «пятен». Во Дворце труда в Щегловске и заводоуправлении Кузнецкого металлургического комбината в Кузнецке участки стен из естественно-го местного камня сочетались с оштукатуренными фрагментами. В здании Госбанка интенсивный терракотовый цвет был достигнут покраской, которая могла быстро обновляться. Естественно, что еще на стадии проектирования здания были снабжены

Проект Дворца труда в Щегловске (главный фасад, разрез). Арх. А.Д. Крячков. 1927

Дворец труда в Щегловске. Фотография 1930-х гг.

Проект здания Запсибкрайисполкома в Новосибирске (перспектива). Арх. А.Д. Крячков, Б.А. Гордеев, С.П. Тургенев, 1931

Здание Запсибкрайисполкома в Новосибирске. Фотография 1930-х гг.

скатными кровлями, вентилируемыми чердаками и не имели глухих парапетов.

Очень мало в настоящее время сведений о произведениях авангарда, созданных в Омске. С произведениями «томского направления» их роднит компактность объемов, а также отсутствие активной пластики фасадных плоскостей и горизонтальных членений. Основное творчество архитектора разворачивалось на плоскости стены, которая решалась на основе принципов, близких к абстрактной живописи. Основными средствами пластической выразительности также были пояски, обрамления окон, пилястры, руст и сочетание различных фактур. Превращение стены в подобие ложного витража (разделение на небольшие участки, ограниченные поясками) было функциональным: упрощало отделочные работы и позволяло избежать крупных разрушений при отслаивании штукатурки. Омский конструктивизм отличают нарядность и красочность, которые были достигнуты живописным цветовым решением: побелкой и покраской соот-

ветствующих фрагментов стен. Одним из факторов, предопределившим здесь учет региональных условий в архитектуре, стало отсутствие вокруг Омска камневидных строительных материалов и кирпича хорошего качества. Это конструктивное ограничение не позволяло устраивать балконы и тому подобные выступающие элементы и требовало обязательной наружной штукатурки стен¹⁹⁵.

Таким образом, местные архитектурные силы в целом были открыты для профессионального диалога и заимствования из других архитектурных направлений. Однако тенденция к профессиональному сотрудничеству не была широко поддержана с другой стороны — сторонниками «современной архитектуры», работавшими в ведомственных проектных организациях.

Индустриализация способствовала возникновению и резкому росту проектных бюро при все-союзных промышленных объединениях и стройуправлениях их предприятий. Это привело к массовому притоку в Западную Сибирь, прежде всего

в краевой центр, Новосибирск, молодых архитекторов, сторонников «нового направления». Особенную активность проявляла группа архитекторов проектного бюро Кузбасстроя¹⁹⁶, сторонников конструктивизма.

Их позиция в профессиональной сфере, отличавшаяся крайней агрессивностью и нетерпимостью ко всем иным творческим направлениям, не может быть отделена от политики в сфере архитектуры и градостроительства, которую проводили их патроны — Кузбасстрой и Кузбассуголь.

Некомплектное финансирование промышленного и гражданского строительства поставило промышленные управления в крайне трудное положение. Чтобы выполнить правительственные установки по своевременному пуску промышленных предприятий и восполнить недостачу вложений, они жертвовали интересами своих поселений, а выделенные для последних силы и средства обращали в резерв для промышленных строек. В результате гражданское строительство в Кузбассе резко отстало от промышленного и население рабочих поселков оказалось в катастрофической ситуации с жилищами, банями, школами и т.д. Рабочие Кузбасса, находившиеся в ведомственных «владениях» Кузбасстроя, засыпали крайисполком запросами и жалобами на массовую нехватку не то что произведений «современной архитектуры», а самых примитивных бараков, землянок и палаток. Горсоветы Кузбасса боролись с промышленными стройуправлениями и между собой за каждую больницу, школу, ФЗС, столовую, барак, дом, комнату, буквально за каждый паровой котел для бани. А стройуправления захватывали даже изоляционные пункты (при начавшихся эпидемиях) для обеспечения жилья и административных нужд¹⁹⁷.

Неудивительно, что Кузбасстрой и Кузбассуголь вели активную борьбу против инициатив крайисполкома по объединению дела проектирования и строительства городов Западной Сибири. Уже в январе 1931 г. Правление Востугля (будущего Кузбассугля) обратилось в Президиум Западно-Сибирского крайисполкома с протестом против создания Запсибгорсоцстроя: оно требовало отменить право последнего «распоряжаться всем гражданским строительством на территории Кузнецкого каменноугольного бассейна и средствами, ассигнуемыми на это строительство»¹⁹⁸.

Чиновники Востугля ловко подменяли «гражданское строительство» термином «поверхностное строительство», что было далеко не одним и тем же, и на этом основании доказывали невозможность

изъятия его из своего ведения. Востуголь не видел «никакой надобности ломать установившиеся взаимоотношения между Востуглем и Кузбасстроем». По договору с последним Востуголь сохранял право в любой момент изымать средства (ассигнования, рабочую силу, оборудование и материалы) гражданского строительства для обеспечения промышленной программы, поскольку «условия производства требуют постоянного маневрирования средствами, обеспечивающими жилищное, коммунальное и социально-культурное обслуживание рабочего населения (бараки, бани, прачечные и т.п.)»¹⁹⁹.

Несомненна заинтересованность промышленных управлений в том, чтобы в сфере гражданского строительства акцент был смещен в сторону вопроса новизны архитектурной стилистики, а проблемы организации и финансирования оказались затупшеваны. В этих обстоятельствах молодые архитекторы ведомственных проектных бюро, искренне верившие в безусловную прогрессивность и универсальность принципов «современной архитектуры», оказались для промышленных управлений как нельзя кстати. Их оказалось нетрудно втянуть в ведомственную борьбу с краевыми властями, открыв против них, так сказать, и архитектурный фронт.

В ответ на каждый конкурс по архитектурному оформлению крупных общественных зданий, проводимый местными властями в конце 1920-х — начале 1930-х гг., архитекторы Кузбасстроя отвечали обвинительными письмами в крайисполком, имевшими самый резкий и эмоциональный тон. Наиболее массовым стало заявление-протест в начале февраля 1931 г. в связи с конкурсом на Дом краевых учреждений (крайисполком), подписанное сразу 19 архитекторами. Заявление было направлено не только лично против А.Д. Крячкова как инициатора проведения «местного конкурса эскизов здания краевых учреждений между Новосибирскими и Томскими проектными организациями»²⁰⁰ и автора старого здания крайисполкома, но и против «томского направления» в архитектуре. А.Д. Крячков и его единомышленники, томские архитекторы и инженеры, назывались «людьми, чуждыми нашей современной действительности в области архитектурной мысли»²⁰¹.

Формально «представители современной пролетарской архитектуры», как они себя называли, протестовали против того, что «ряд предшествующих конкурсов» (на Дом Госбанка и др.) «были фактически сведены к оформлению через конкурс проектов Крячкова» и в результате каждый раз строился «дом с крячковским стилем»²⁰².

Но, по сути, они стремились к доминированию в сфере архитектуры. В связи с этим показательно их требование лишить инакомыслящих архитекторов права на работу в профессии. Так, «профессора Крячкова можно причислить к представителям мещанского эклектизма, т.е. к старому буржуазному архитектурному воззрению, которое давно следует забыть и сдать в архив»²⁰³.

Архитекторы Кузбасстроя делали ставку на прямой разрыв с архитектурно-градостроительной преемственностью и добивались односторонней ревизии условий конкурса. Они заявляли, что «требование об увязке внешнего оформления нового здания со старым [...] мы считаем чрезмерным и не вызываемым необходимостью», и требовали «дать полный простор составителям проекта»²⁰⁴.

Краевое бюро ИТС, поддерживая архитекторов Кузбасстроя, также выступало против «согласования» внешнего оформления и внутренней планировки нового здания со старым крайисполкомом, поскольку это «зажимает свободу действий архитектора»²⁰⁵.

Допустимыми были сочтены не только привлечение административного ресурса и требования о полной замене состава жюри конкурса²⁰⁶, но и прямые политические обвинения. Архитекторы Кузбасстроя буквально клеймили позором «пытающихся навязывать свою старую идеологию [...] Краевому Исполнительному Комитету»²⁰⁷, чем сознательно ставили последний в заведомо безвыходное положение.

А.Д. Крячков еще в январе 1931 г. особым постановлением крайисполкома был назначен консультантом «во всех стадиях работ» — по проектированию, разработке расчетов и по постройке здания краевых учреждений²⁰⁸.

Однако в результате событий вокруг конкурса у него появились два соавтора — молодые архитекторы проектного бюро Строительного отделения ХОЗО ПП ОГПУ по Западно-Сибирскому краю Б.А. Гордеев и С.П. Тургенев, перешедшие сюда в самом начале 1931 г. из проектного бюро Кузбасстроя.

Столь же нетерпимо и ожесточенно архитекторы Кузбасстроя нападали и на «своих» — представителей других направлений архитектурного авангарда. Так, они активно, в полном соответствии с политикой своего ведомства критиковали проекты Э. Мая. В начале 1930-х гг. они не могли упрекать германского архитектора в «консерватизме». Поэтому, например, при обсуждении проекта Тыргана в марте 1931 г. в Краевой планировочной комиссии они обвиняли Э. Мая в «технических» ошибках.

Инженеры Кузбасстроя и Востугля как один говорили о «слишком крупных» типовых кварталах на 10 тыс. человек и чрезмерно «большом количестве» прачечных, поскольку «размещение их в каждом квартале антигигиенично». По заданию требовалось расселить 190 тыс. жителей, тогда как проект Э. Мая был рассчитан на 120 тыс. Его обвинили и в этом, хотя инженеры Кузбасстроя признавали, что расселение на отведенной площадке лишних 70 тыс. было возможно лишь в заболоченных логгах. Нецелесообразным был сочтен и «самовольный» перенос железнодорожной трассы на восток от города²⁰⁹. Еще более цинично расправились с проектом Э. Мая для Ленинска-Кузнецкого. Пока германские специалисты находились в Западной Сибири, угольщики тянули время. Лишь после их отъезда Востуголь произвел выделение «полосы» для нового города — и конечно, не в том месте, для которого был составлен проект Э. Мая²¹⁰.

В дальнейшем, несмотря на то что проект Тыргана Кузбасстроя не был одобрен краевой плановой комиссией, угольщики попытались в обход крайисполкома внести его на рассмотрение ИТС ГУКХ в Москве²¹¹.

Атмосфера непримиримой борьбы, которую архитекторы Кузбасстроя вели под флагом искоренения «мещанского эклектизма», не способствовала творческим контактам с представителями других направлений.

Молодые конструктивисты изначально становились на позицию неприятия других подходов, а профессиональный диалог вообще считали ненужным: «Мы в большинстве своем окончили ВТУ-Зы и техникумы и нам эти крячковские архитектурные мотивы чужды». Переработка А.Д. Крячковым и его единомышленниками конкурсных проектов конструктивистов в сторону адаптации к западно-сибирским условиям оценивалась однозначно: они «угробили хорошие проекты», а Крячков «окончательно уничтожил и премированные»²¹². То есть конструктивистов не интересовал опыт предшественников, местных архитекторов, они даже не пытались понять их творческие искания.

Нежелание учиться у других основывалось на убеждении, что «окончание вуза» было завершением процесса освоения архитектурной профессии. Отсюда вполне логично вытекал и отказ от изучения местных природно-климатических условий.

Б.А. Гордеев и С.П. Тургенев были одними из немногих приезжих конструктивистов, имевших опыт совместной работы с А.Д. Крячковым. Однако, судя по всему, это практически никак не отраз-

илось на направлении их творческих поисков. Как вспоминал архитектор К.К. Леонов о своем учителе Б.А. Гордееве, «в то время прозвучало много острой полемики среди архитектурной общественности в адрес Бориса Александровича. Говорили: много балконов, следует ли вообще их делать в снежных суровых условиях Сибири? Большие витражи и т.п.»²¹³. Леонов считал характерной чертой творчества Гордеева «постоянный поиск нового», но связывал эту новизну не с поиском приемов адаптации архитектуры к местным условиям, он об этом вообще ничего не пишет, а со стремлением «не повторять уже ранее принятых им решений»²¹⁴.

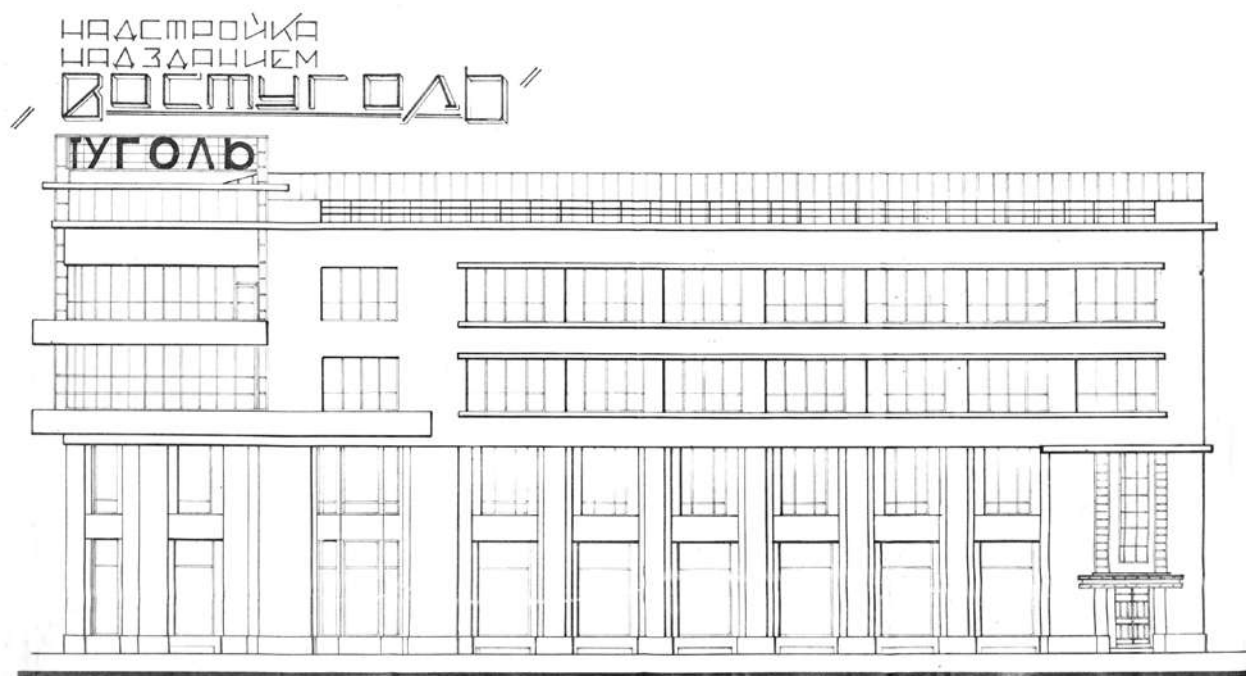
Не менее талантливым и плодотворным архитектором был начальник Проектного отдела Кузбасстроя инженер И.А. Лалевич. Об этом свидетельствуют сохранившиеся графические и текстовые материалы проектов, разработанных им для Кузбасса и Новосибирска²¹⁵. Расчлененные композиции, переходы по второму уровню, богатое остекление, виртуозно прорисованные переплеты витражей, угловые балконы и открытые галереи, плоские кровли с тентами, новаторские приемы подачи и т.п. — все это также отражало стремление к «новизне».

Однако в результате такого подхода произведения конструктивистов как будто нарочно были снабжены всеми инструментами саморазрушения в условиях Сибири, о которых писал Крячков.

Плоские кровли и тенты, глухие парапеты, угловые балконы и протяженные галереи в огромных количествах накапливали снег, лед и воду. Сплошь остекленные фасады, фонари верхнего света, совмещенные кровли и расчлененные планы усугубляли неравномерность температурного воздействия на конструкции здания. Покрывавшая большие площади фасадов цементная штукатурка хоть и имела яркий цвет, но начинала отслаиваться уже в первый год эксплуатации.

Возможно, произведения Крячкова и его сторонников в 1920-х — начале 1930-х гг. не были столь броскими на планшетах и имели за счет каменных штукатурок менее яркое цветовое решение, но они сохранили свой первоначальный облик до наших дней²¹⁶.

В связи с этим показательна утрата ряда архитектурных элементов у объектов, построенных по проектам Б.А. Гордеева и С.П. Тургенева Стройотделом ХОЗО ПП ОГПУ по Западно-Сибирскому краю, одной из крупнейших проектно-строительных организаций Новосибирска тех лет. Стройотдел располагал значительными трудовыми и материальными ресурсами, в нем были собраны лучшие инженерно-строительные кадры краевой столицы²¹⁷. За счет материально-технических возможностей руководители стройотдела стремились создать наиболее благоприятные строительные условия, для чего, например, в зимних условиях применя-

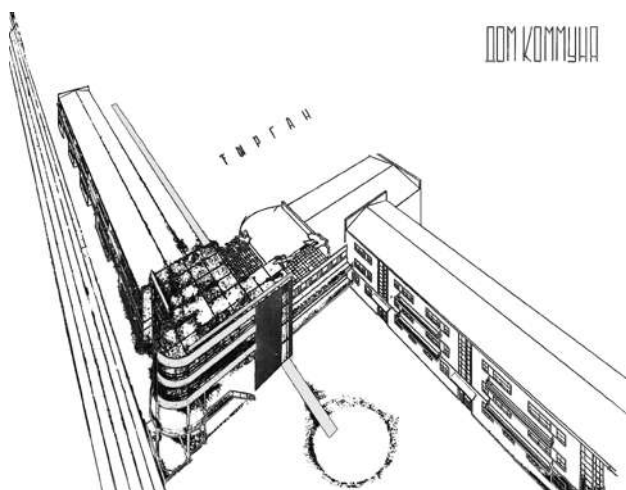

Проект надстройки здания Востугля в Новосибирске (главный фасад). Проектное бюро Кузбасстроя. Арх. И.А. Лалевич. Ноябрь 1930

ли тепляки, недоступные для других гражданскихстроек²¹⁸.

Как вспоминает К.К. Леонов, при проектировании и строительстве этих зданий Б.А. Гордеев много эскизировал, постоянно улучшал их архитектурно-планировочные решения, регулярно навещал строительные площадки, где «был добрым советчиком и консультантом». Эти здания были лучшими из запроектированных им²¹⁹. Таким образом, нет оснований сомневаться в техническом качестве их проектирования и постройки.

А что в итоге? Наиболее эффектные пластические элементы конструктивистской архитектуры были уничтожены сибирской непогодой практически сразу после сдачи зданий в эксплуатацию.

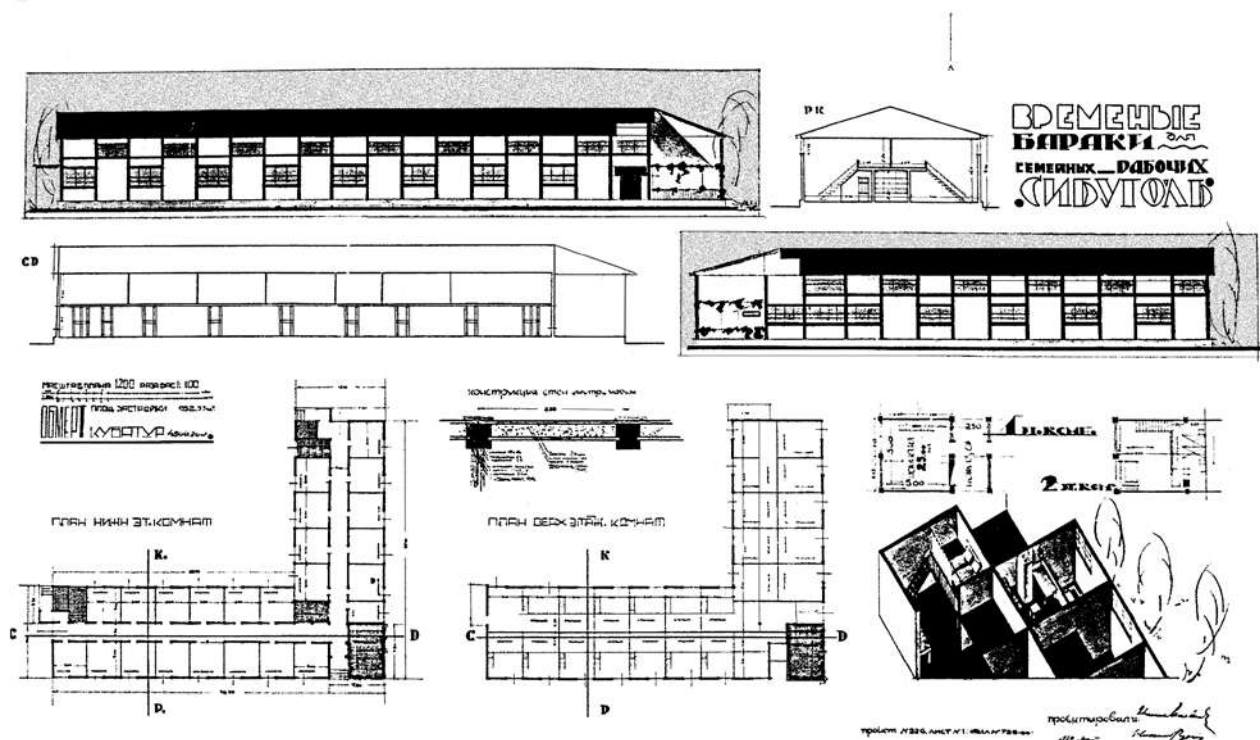

Как вспоминает Леонов, уже «в первые годы эксплуатации главного здания [гостиницы] “Динамо”, не оправдалось назначение плоской крыши с каркасным строением под тент, как открытойлетней площадки ресторана». Остатки каркаса были разобраны, а «площадка перекрыта обычной скатной крышей»²²⁰. Та же участь постигла тентовые сооружения и плоские кровли спортклуба «Динамо» и других конструктивистских зданий города.

Совершенно не были проработаны Гордеевым приемы адаптации к сибирским условиям фонарей верхнего света. В процессе проектирования спортклуба «Динамо» предлагавшиеся эскизным проектом поперечные фонарные конструкции были заменены более простым в эксплуатации продольным фонарем треугольного сечения с тройным остеклением. Однако это не спасло положения, так как «морозы, частые снежные заносы, отсутствие очистки кровли и фонаря, требовали в последующем снять световой фонарь и заделать крышу наглухо». Условий эксплуатации не обеспечило и наклонное остекление в кровле гимнастического зала, «которое также было в последующем закрыто»²²¹.

Проект дома-коммуны для г. Тыргана (перспектива). Проектное бюро Сибугля. 1930

Проект временного барака для семейных рабочих. Проектное бюро Сибугля. 1930

Комбинат «Динамо» в Новосибирске.
Фотография начала 1930-х гг.

Комбинат «Динамо» в Новосибирске (вид со стороны жилой части). *Фотография начала 1930-х гг.*

То есть произведения конструктивизма, построенные даже специализированными стройорганизациями, часто оказывались нефункциональными. Видимо, дело не только в квалификации строительных рабочих, но и в подходе архитекторов. Для них эффектные проектные ходы, как правило, оказались важнее не только возможностей строительной инфраструктуры, но и местной реальности в целом.

Если в столкновениях с местными условиями промышленные объединения часто терпели неудачу, то в борьбе с краевыми властями они, напротив, смогли добиться значимых успехов. К весне 1931 г. при помощи ВСНХ СССР Востуголь смог найти юридические основания, позволявшие ему утверждать, что создание Запсибгорсоцстроя и положение о нем противоречат союзным и республиканским постановлениям по организации проектно-строительного дела и его финансирования²²². После этого крайисполком был вынужден ликвидировать свое новое управление. Одновременно молодые конструктивисты, используя конкурс на здание крайисполкома как прецедент, добились фактического вытеснения представителей других архитектурных направлений из практики в краевом центре.

Непримиримая борьба конструктивистов имела самые негативные последствия для развития архитектуры в Западной Сибири. Она надолго преврала широкие поиски в направлении разработки конструктивных узлов и пластических решений, увязанных с местными природно-климатическими условиями, и адаптации к последним проектов, привносимые из европейской части страны. Представители «сибирского направления» оказались, по существу, вытеснены из практической деятельности. Вместе с тем сам конструктивизм оказался вскоре дискредитирован не только официальной сменой стилистической направленности советской

архитектуры, но, прежде всего, плачевным видом множества реализованных построек.

Инерция этих событий способствовала тому, что в течение 1930-х гг. местные архитекторы неосознанно избрали путь одностороннего наращивания технического качества рабочей документации. Они стремились увязать проекты из европейской части страны с квалификацией рабочей силы, тогда как роль природно-климатических условий оказалась забытой. Неудивительно, что судьба большей части этих зданий в ходе эксплуатации оказалась немногим лучше своих конструктивистских предшественников.

Подводя общий итог, необходимо отметить, что в годы первой пятилетки практически во всех сферах архитектуры и градостроительства инициатива учета местных условий в большинстве случаев исходила от местных же специалистов. Там, где им удалось найти отклик у центральных ведомств или окончательное решение зависело прежде всего от них, были достигнуты определенные успехи. Более последовательно стремились учитывать местные условия лишь специалисты Главного управления коммунального хозяйства.

Архитектурно-градостроительная деятельность промышленных ведомств, напротив, шла в форме столкновения с сибирской реальностью. Центральные планирующие организации не предусмотрели финансирования мероприятий по изучению и преобразованию местных условий. А стройуправления предприятий продемонстрировали устойчивую тенденцию решать проблему недофинансирования промышленного строительства за счет интересов такого же некомплектного гражданского строительства. Заинтересованные в сохранении этого резерва, они активно боролись против инициатив краевых властей по упорядочению градостроительной и архитектурной деятельности.

Проект жилого комбината Общества бывших политкаторжан в Новосибирске (перспектива).

Арх. Б.А. Гордеев, С.П. Турганев. 1929

Краевые власти учитывали влияние, которое неизбежно должны были оказать на масштабное строительство условия Западной Сибири. Природно-климатические особенности, размещение на территории края строительной индустрии и рабочей силы, а также состояние транспортной сети не благоприятствовали сосредоточению всех новых объектов в Кузбассе и осуществлению их форсированного строительства. «Разворот» части машиностроительных заводов в сторону исторических городов и железнодорожной магистрали, поддержанный соответствующими промышленными объединениями, способствовал постройке этих предприятий. Напротив, попытка Наркомата тяжелой промышленности игнорировать местную специфику привела к тому, что намеченные к размещению в Южном Кузбассе промышленные гиганты так и не были построены, а успешное строительство Первого кузнецкого металлургического завода обернулось свертыванием гражданского строительства в исторических городах Западной Сибири.

Ведомственное районирование территорий городов Западной Сибири заострило неблагоприят-

ные черты местного ландшафта и оставило после себя неразрешимые планировочные противоречия. В результате, когда началась разработка генеральных планов городов, архитекторы, стремившиеся сформировать комфортную архитектурно-планировочную среду на основе комплексного учета местных условий, не смогли справиться со своей задачей. Между тем, как показывает пример Омска, был вполне возможен другой путь использования западносибирских ландшафтных условий при районировании городов.

Борьба промышленных ведомств против краевых властей помешала развитию наметившегося централизованного изучения и обобщения региональных особенностей Западной Сибири. Усилились позиции сторонников «современной архитектуры», которые принципиально игнорировали региональную специфику. Надолго прервались поиски по увязке архитектуры с местными условиями, а довольно значительный опыт, наработанный в этом направлении местными инженерами и архитекторами, остался в годы первых пятилеток практически невостребованным в широких масштабах.

Примечания

1. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-12. Оп. 2. Д. 317. Л. 32. Так, в феврале 1932 г., решая вопрос о выборе площадки для Меланжевого комбината, Барнаульский горсовет особенно подчеркивал преимущества ее «близости от города» с точки зрения благоприятных строительных условий. Во-первых, положительно разрешался вопрос «о рабочей силе для строительства комбината и обеспечения его промышленными кадрами» (женский труд, члены семей рабочих существующих заводов) и «вообще наличие в городе трудоспособных женщин, могущих быть привлеченными в качестве рабочих комбината до 10 тысяч человек». Во-вторых, город имел относительно развитую строительную инфраструктуру. В-третьих, Барнаул имел сельскохозяйственную базу, что давало «возможность обеспечения строительства комбината продуктами питания». См.: ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 1530. Л. 20, 23.
2. ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 1504. Л. 10 об.
3. *Меерович М.Г.* Концепция социалистического расселения [Электронный ресурс] // Архитектон: известия вузов. 2008. № 3(23). Режим доступа: http://archvuz.ru/2008_3/7 (дата обращения: 03.07.2014); *Меерович М.Г.* Административно-хозяйственное районирование страны в 1920–1930-х годах – основа градостроительной политики советского государства // Советское градостроительство 1920–1930-х годов. Новые исследования и материалы. М.: УРСС, 2009. С. 8–28.
4. В конце 1928 – начале 1929 гг. местные власти провели обследование Кузнецкого округа. Обнаружилось, что «всего населенных пунктов – 1208, но селами и деревнями из них являются только 338, остальные – мелкие улусы и заимки». Единственные три города (Шегловск, Ленинск-Кузнецкий и Кузнецк) являлись по существу большими деревнями. См.: ГАНО. Ф. Р-917. Оп. 1. Д. 50. Л. 5 об.
5. *Косенкова Ю.Л.* Опыт формирования правовой основы советского градостроительства. 1920–1930-е гг. // Градостроительное искусство. Новые материалы и исследования. Сб. науч. трудов НИИТИАГ РААСН. М.: УРСС, 2010. С. 335.
6. *Косенкова Ю.Л.* Районная планировка в СССР. Опыт 1920–1930-х годов // Архитектурное наследие. Вып. 55. М.: Красанд, 2011. С. 363–365.
7. Об этом свидетельствует письмо инженера П.Я. Брянцева (Краевой совет народного хозяйства), одного из авторов идеи «Урало-Кузнецкого маятника», в Краевую плановую комиссию в ноябре 1930 г. См.: ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 2059. Л. 5.
8. *Федорович И.И.* Основы металлургической промышленности Западной Сибири // Вестник сибирских инженеров. Т. V. 1925. № 6. С. 46–55; *Федорович И.И.* Урало-Кузнецкая проблема. М.–Л.: Центр. упр. печати ВСНХ СССР, 1926. С. 80–83.
9. ГАНО. Ф. Р-917. Оп. 1. Д. 50. Л. 4.
10. ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 1504. Л. 31.
11. Новый завод сложных и уборочных сельскохозяйственных машин в Сибирском крае. Экономическая записка к заданию для проектировки завода. Новосибирск, 1929. С. 49.
12. ГАНО. Ф. Р-1980. Оп. 1. Д. 334. Л. 4 об.
13. ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 1431. Л. 21.
14. ГАНО. Ф. Р-1980. Оп. 1. Д. 334. Л. 8.
15. Там же. Л. 5 об.–6 об.
16. Там же. Л. 6 об.
17. Там же. Л. 5.
18. Там же. Л. 3–3 об.
19. Там же. Л. 3 об.
20. Там же. Л. 29.
21. Там же. Л. 5.
22. ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 2059. Л. 22–23.
23. Там же. Л. 23. При этом представитель Гипромаша М.Слободкин ссылаясь на опыт не только Северной Америки, но и Харьковского тракторного завода на Украине: «несмотря на то, что металл нужно будет доставлять с Юга, все-таки завод строится поблизости к Харькову» (там же).
24. ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 2059. Л. 35.
25. Там же. Л. 23.
26. ГАНО. Ф. Р-1980. Оп. 1. Д. 334. Л. 29.
27. ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 2. Д. 317. Л. 1–2, 3–3 об., 32–32 об.
28. Там же. Л. 68, 70.
29. Там же. Л. 75–76, 78–79.

30. В одной из своих записок «О месте строительства Паровозостроительного завода в Запсибкрае» крайплан прямо указывал на это обстоятельство. Задача осуществления строительства «в наикратчайший срок» делает «более целесообразным придвижение строительства этого завода к месту, наиболее освоенному в индустриальном отношении, с наличием других промпредприятий машиностроения, допускающих кооперирование с таковым в области заготовительных цехов и осуществление районной специализации машиностроения». А это положение ставит под вопрос «необходимость индустриального освоения новых районов путем строительства заводов в Запсибкрае на новых местах». См.: ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 2. Д. 317. Л. 32.
31. ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 2. Д. 317. Л. 33 об.—34, 73—75, 76—78.
32. Там же. Л. 34.
33. В срочной телеграмме из Москвы в крайком и крайисполком (от 15 февраля 1932 г.) представитель последнего сообщал полученную частным путем информацию: Г.К.Орджоникидзе «настаивает, [что] местом постройки паровозного завода должен быть район Кузнецка, исключаящий перевозку металла [и] топлива, что является наиболее благоприятным [в] отношении других конкурирующих пунктов: Новосибирска, Барнаула, Красноярска». В конце давалось указание Краевой плановой комиссии: «Стройте обоснованные материалы». См.: ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 2. Д. 317. Л. 7.
34. См., например: *Трелин И.* Размещение промышленности края во втором пятилетии // Социалистическое хозяйство Западной Сибири. 1932. № 5. С. 21. Здесь повторялась вся пропагандистская риторика о «природе советской экономики»: «Буржуазная теория исходит из того, что предприятия надо строить там, где есть дешевые излишние рабочие руки, где в наличии постоянная безработная резервная армия, являющаяся прекрасным объектом эксплуатации. В советском хозяйстве трудовые ресурсы размещаются в тесной связи с размещением самих объектов промышленности. И принцип равномерного размещения производительных сил одинаково относится и к труду. [...] Не погоня за дешевой рабочей силой является принципом для советского размещения, а такое размещение, которое позволяет поднять материально-культурный уровень трудящихся на небывалую высоту» (там же).
35. ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 2149. Л. 10—11.
36. В одном из обзоров Краевой плановой комиссии за 1928 г. подчеркивалось, что «сеть чрезвычайно мощных Сибирских рек оказывает крайне слабое влияние на экономику, так как они текут с юга на север к суровому Ледовитому океану», который не играл никакой роли для массовых транспортно-пассажирских перевозок. См.: ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 2. Д. 24. Л. 14. Сходная характеристика речной системы Сибири давалась в «Основных положениях генерального плана развития народного хозяйства Сибирского края» на 1926/27—1940/41 гг. В этом документе особо подчеркивалось, что «транспортная проблема Сибири не смягчается наличием обширных водных бассейнов. Главнейшие реки Сибири, как Обь, Енисей и Лена, впадают в Северный Ледовитый океан. Наиболее судоходные части большинства сибирских рек лежат в малолюдных местностях. Сибирские реки текут с юга на безлюдный север. Системы отдельных рек не связаны между собою. Большую часть года Сибирские реки покрыты льдом. Рекостав начинается до начала сбыта сельскохозяйственных продуктов». См.: ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 1504. Л. 20.
37. ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 188. Л. 4.
38. ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 2. Д. 24. Л. 14—14 об., 31 об. Проблемы эксплуатации Кольчугинской ветки Томской железной дороги, связывавшей Кузбасс с Транссибом, в 1934 г. описывались следующим образом. Во-первых, «благодаря всхолмленности поверхности Кузнецкого бассейна вся железнодорожная сеть Кузбасса проведена почти с предельными уклонами полотна, что является одним из основных затруднений в развитии провозоспособности всей сети». Во-вторых, «вся сеть однопутная», а местные условия (прохождение трассы вдали от поселений, расположенных на реках) не позволяют успешно развивать водоснабжение большей ее части. См.: *Соколовский В.Ф.* Кемеровский энерго-коксо-химический комбинат и его роль в Урало-Кузбасской проблеме. М.-Л.: Гос. науч.-техн. изд-во, 1931. С. 39—41.
39. Проблема Урало-Кузбасского водного пути / Под рук. К.М. Лепина. М.: Советская Азия, 1932; ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 1517. Л. 2, 8—10; Новосибирск. История генеральных планов в документах / Сост. В.Н. Шумилов. Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 2007. С. 236—237; На угольных пластах Кузбасса. Сб. очерков о жемчужине Кузбасса — Прокопьевске. Новосибирск: Запсиботделение, 1931. С. 143—144.
40. Проблема сибирской сверхмагистральной: Сб. ст. Н.Н. Колосовского, И.К. Либина, Н.Г. Розанова и Н.М. Тощого / Под общ. ред. Г.М. Кржижановского и П.С. Осадчего. М.: Плановое хозяйство, 1929.
41. ГАНО. Ф. Р-917. Оп. 1. Д. 50. Л. 5.
42. Там же. Л. 5.
43. Проблема Урало-Кузбасского водного пути. Ук. соч. С. 17; ГАНО. Ф. Р-917. Оп. 1. Д. 50. Л. 5 об.; ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 1012. Л. 32, 34, 40.
44. ГАНО. Ф. Р-917. Оп. 1. Д. 50. Л. 5.
45. М. Никитин и Г. Вяткин писали в 1935 г., что в годы первой пятилетки эта однопутная железная дорога «перевозила строительные материалы и для Прокопьевска, и для Кузнецкстроя, и для Беловского цинкового завода, и для других заводов и городов Кузбасса, которые строились все сразу. Вдобавок к этому железная дорога приняла еще перевозку многочисленных маршрутов угля, отправляемых из Кузбасса на Урал. Совершенно ясно, что одно-

колейка, построенная наспех и имеющая чрезвычайно трудный профиль, не могла справиться со всеми перевозками». Авторы предполагали, что, когда будет подсчитано количество грузов, перевезенных в те годы, «тогда, вероятно, будет установлено, что одноколейка совершила железнодорожное чудо [...]. Но строители городов Кузбасса не занимались такими подсчетами. Они ненавидели одноколейку, которая “резала все строительство”». См.: *Никитин М., Вяткин Г.* Жемчужина Кузбасса: Очерки М. Никитина, Г. Вяткина о строительстве рудника и города Прокопьевска в Кузбассе и о людях, создавших его / Отв. ред. В. Итина. М.—Л.: Гос. объединенное научно-техн. изд-во. Гл. ред. горнотопливной лит-ры, 1935. С. 56–57.

46. Кузнецкий металлургический комбинат им. тов. И.В. Сталина. От XVI к XVII съезду ВКП(б) / Отв. ред. Э. Гольденберг. Л.: Ленгортлит, 1934. С. 148.
47. ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 1517. Л. 1–9, 12–13, 14–15, 17.
48. Кузнецкий металлургический комбинат им. тов. И.В. Сталина. От XVI к XVII съезду ВКП(б). Указ. соч. С. 117–118. В результате, по свидетельству Э.З. Гольденберга, был нарушен «нормальный и наиболее целесообразный и экономичный метод работ, заключающийся в последовательной смене, — а не одновременном сочетании — различных фаз и видов строительных работ» (там же. С. 117).
49. Там же. С. 19.
50. Там же. С. 18–19, 130–131, 134.
51. Там же. С. 118, 123.
52. Согласно расчетам Гольденберга, за весь период строительства 1929–1933 гг. на Кузнецкстрой прибыло 269,0 тыс. рабочих, а убыло 244,9 тыс.; среднегодовая «утечка» рабочей силы составила 90,7%. В результате, по его словам, через стройку прошел «огромный людской состав» (там же. С. 151).
53. Так, Прокопьевск «из-за неполадок транспорта и недостатка строительных материалов в 1931 г. очутился в таком тяжелом положении, что зимой этого года значительные контингенты новых рабочих рудника остались без жилищ и были вынуждены жить или в землянках или двойных палатках, отапливаемых железными печами». В результате тяжелого жилищного кризиса рабочие контингенты Прокопьевска «в течение одного 1931 года обновились **четыре раза** [выд. авт. — С.Д.]», притом что в 1931 г. его население достигло 50 тыс. чел. См.: *Никитин М., Вяткин Г.* Указ. соч. С. 57, 56.
54. Помощник начальника Кузнецкстроя Прокофьев на Президиуме крайисполкома в апреле 1931 г. заявлял: из-за недопоставок фуража и сена «мы стоим перед угрозой срыва, из-за ухода коновозчиков, земляных работ». Несмотря на то, что заявки «были представлены своевременно, вполне обоснованы» (только сена Кузнецкстрой требовалось 2,4 тыс. т), Крайторготдел давал местным потребсоюзам наряды «явно не реальные», и они смогли отгрузить только восьмидесятую часть необходимого. См.: ГАНО. Ф. Р-531. Оп. 1. Д. 178. Л. 11 об. Представитель Щегловского района Дорожкин, выступая на заседании урало-кузнецкой комиссии 10 марта 1931 г., докладывал: несмотря на то, что по району действительно насчитывается около 6 тыс. подвод, а на строительстве ежедневно требуется только 5 тыс., эти подводы рассредоточены на большой территории и, кроме того, «они должны быть использованы, когда крестьяне сеют, жнут, собирают урожай». См.: ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 2091. Л. 5.
55. По словам Р.И. Эйхе, «мы отбирали у местных организаций стройматериалы, фактически ликвидировали, закрывали ряд строительства на местах для того, чтобы снабдить Комбайнстрой, Кузнецкстрой, новое железнодорожное строительство». См.: *Эйхе Р.И.* Западная Сибирь на переломе. Новосибирск: Запсиботделение ОГИЗ, 1930. С. 25.
56. *Бурумов А., Харит Я., Лебединский Д., Семейкин В.* и др. Западная Сибирь за пятнадцать лет существования Советской власти // Социалистическое хозяйство Западной Сибири. 1932. № 9. С. 15.
57. Статистика этих кирпичных перевозок выглядит следующим образом.

	1931 г.	1932 г.	1933 г.
Перевезено кирпича, млн шт.	88	43	24
Задолжено вагонов, тыс. шт.	23	11	6
Переплачено за перевозку, млн руб.	7	3	1,8

См.: *Зельманович И.* Стройматериалы Большому Кузбассу // Социалистическое хозяйство Западной Сибири. 1934. № 4–5. С. 35.

58. Об этом на пленуме крайисполкома говорил Р.И. Эйхе: «Разве не факт, что мы закрыли все строительство в Новосибирске и всех рабочих передали на Сибкомбайн? Только две-три постройки строятся. Разве не факт, что мы отобрали все строительные материалы, где бы они ни были, и отдали на Комбайн? Это факт». См.: *Эйхе Р.И.* Указ. соч. С. 27.
59. Об «обнаружении» в пятилетнем плане новых городов в Госплан РСФСР 1 марта 1929 г. сообщил председатель Госплана СССР Г.М. Кржижановский: «При обсуждении в Госплане СССР вопросов пятилетнего плана по Сибири выяснился громадный объем необходимого городского строительства в Кузбассе (требуется новых городов на 200–250 тыс. жителей к концу пятилетия)». См.: ГАНО. Ф. Р-917. Оп. 1. Д. 50. Л. 1.

60. ГАНО. Ф. Р-917. Оп. 1. Д. 50. Л. 1.
61. ГАНО. Ф. Р-917. Оп. 1. Д. 49. Л. 3, 5.
62. ГАНО. Ф. Р-917. Оп. 1. Д. 50. Л. 20.
63. ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 2091. Л. 230 об.
64. *Веселовский Б.* Индустриальные центры и планирование их благоустройства // Коммунальное дело. 1925. № 5. С. 7.
65. Типичным примером такого подхода был, например, проект рабочего поселка Тельбесского (будущего Кузнецкого) металлургического завода, составленный в Гипрометзе арх. В. Телеповым. См.: МИАС им. С.Н. Баландина. ФГС. Оп. 13. Л. 138. Ф. 4; Л. 25. Ф. 2.
66. ГАНО. Ф. Р-1228. Оп. 1. Д. 691.
67. Там же. Л. 2, 16, 38.
68. Там же. Л. 2.
69. Там же. Л. 1, 36, 39.
70. Там же. Л. 5.
71. Там же. Л. 31–32.
72. Там же. Л. 6, 10, 12, 17–18, 22, 24.
73. Там же. Л. 40, 45.
74. О результатах вызова Б.А. Коршунова в Новосибирск скупко сообщает справка Новосибирского горсовета от 25 апреля 1936 г.: «планировка города [Новосибирска] была начата в 1927 г. проф. Коршуновым и в 1929 г. (в конце) остановлена». См.: ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 1178. Л. 35.
75. *Оглы Б.И.* Строительство городов Сибири. Л.: Стройиздат. Ленингр. отд-ние, 1980. С. 38.
76. История Кузнецкого металлургического комбината имени В.И. Ленина / Под. общ. ред. Б.Н. Жеребина. М.: Металлургия, 1973. С. 17.
77. *Федорович И.И.* Урало-Кузнецкая проблема. М.-Л., 1926. С. 80–83, фиг.4; Музей истории архитектуры Сибири им. С.Н. Баландина. ФГС. Оп. 13. Л. 93, Ф. 2; Л. 138. Ф. 4; Л. 143. Ф. 2.
78. *Федорович И.И.* Основы металлургической промышленности Западной Сибири // *Вестник Сибирских Инженеров*. Том V. 1925. № 6. С. 52.
В докладе Крайплана за 1928 г. по вопросу железнодорожного строительства «для обслуживания Сибири» указывалось, что для новых промышленных предприятий Кузбасса строительная роль железных дорог имеет большее значение, чем эксплуатационная. Поэтому куда острее вопроса о постройке линии Кузнецк–Тельбесс «стоит вопрос о достройке линии Кольчугино–Кузнецк, [...] так как без ее окончания нельзя приступить к работам по созданию металлургического завода, развитию Прокопьевских рудников и постройке рудников железных и угольных в Тельбесском районе». См.: ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 2. Д. 24. Л. 31 об.
79. ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 2. Д. 317. Л. 35, 60–61, 73–74; Оп. 3. Д. 1012. Л. 18–19.
80. ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 86. Л. 54–55, 59, 60–61, 73–75; Д. 88. Л. 5, 16
81. ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 2075. Л. 56; Оп. 3. Д. 730. Л. 26.
82. ГАНО. Ф. Р-1980. Оп.1. Д. 309. Л. 19–19 об.; Д. 309. Л. 11; Д. 1504. Л. 61–61 об.
83. ГАНО. Ф. Р-12. Оп.1. Д. 2059. Л. 3, 6–8, 21–22, 35; Д. 4. Л. 39–40, 68–69.
84. ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 2. Д. 338. Л. 1–3; Д. 322. Л. 7–10, 12–14.
85. ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 7755. Л. 5.
86. Там же. Л. 6.
87. Там же. Л. 13.
88. Там же. Л. 83.
89. Там же. Л. 50, 84.
90. ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 2075. Л. 29, 30, 35. По архивным материалам известны следующие инженеры Проектного бюро в начальный период его деятельности: экономист Н.С. Юрцовский (зав. планировочной секцией), инженеры Адрианов, И.И. Загивко, Г.С. Хмельницкий. В 1929–1931 гг. Проектное бюро составило проект-схемы ряда городов Западной Сибири: Щегловска, Барабинска, Омска, Барнаула и др. См.: Там же. Л. 5, 36, 59, 60, 67, 79.
91. ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 2075. Л. 29.
92. Там же. Л. 36.
93. Там же. Л. 40 об.–41, 42 об., 57–58, 59–59 об., 60–61, 79, 81. Фотокопия проект-схемы на л. 56.
94. Там же. Л. 33.
95. Там же. Л. 64.

96. Там же. Л. 65, 68–69, 72.
97. Там же. Л. 64.
98. Там же. Л. 71, 74.
99. Там же. Л. 71, 72, 74.
100. Там же. Л. 63, 66.
101. Перспективу и генплан этого проекта см.: МИАС им. С.Н. Баландина. ФГС. Оп. 13. Л. 25. Ф. 2; Л. 87. Ф. 1; Л. 93. Ф. 2.
102. Так, в связи с Щегловском Э. Май называл овраги малых рек «украшающими издаലെка общий вид города долинами». Вслед за проектировщиками Сибкрайкомхоза он считал, что долины малых рек должны быть «вследствие их центрального расположения по отношению ко всему городу использованы для закладки культурного центра и центрального стадиона». См.: ГАРФ. Ф.А-314. Оп. 1. Д. 7580. Л. 108, 113.
103. Когда в марте 1931 г. проект рассматривался в НТС ГУКХ, на это обстоятельство обратил внимание председатель Л.И. Органов. Если в проекте Проектного бюро Сибкрайкомхоза через Искитимку «мы имели 4 перехода и настаивали на 2-х переходах, а тут случайное совпадение, так как автор проекта этого не знал, но у него тоже оказалось два перехода». См.: ГАРФ. Ф.А-314. Оп. 1. Д. 7580. Л. 168.
104. Известный градостроитель того времени В.Г. Давидович обосновывал это следующим образом. Одна из главных целей районирования города – «уменьшить транспортную работу города путем такого размещения районов и центров, которое сократит протяженность наиболее мощных людопотоков». В соцгороде таковыми являются людопотоки на производство. Поэтому при построении схемы магистралей необходимо «исходить из требования минимальных расстояний (виртуальных) между фокусами движения, рождающими наиболее мощные потоки». В соцгороде главная магистраль по кратчайшему расстоянию соединяет проходную завода с пассажирским вокзалом. Ее трассе подчиняется и расположение общественного центра, потому что «общегородской центр должен быть удобно расположен не только по отношению к жилым районам, но и к заводам и вокзалу». См.: *Давидович В.Г.* Вопросы планировки новых городов / Под общ. ред. и вступит. ст. Н.Ф. Попова-Сибиряка и В.И. Боберко. Л.: ЛНИИКХ, 1934. С. 119, 128, 118.
105. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-314. Оп. 1. Д. 7794. Л. 40.
106. Там же. Л. 6–7, 22–24, 38 об.–39, 40–41.
107. Там же. Л. 24.
108. Там же. Л. 41.
109. На схеме этот эпицентр движения обозначен под номером 53 как «ст. М. Кривошеково». См.: Планировка и строительство городов. 1934. № 5. С. 5; *Бабенков Д.Е.* Планировка Новосибирска. С. 3–9.
110. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 84. Л. 65 об.
111. ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 84. Л. 65–65 об.
112. *Гофман С.* Новые социалистические города Урало-Кузбасса. Планировка Новокузнецка // Коммунальное дело. 1931. № 9. С. 16.
113. ГАНО. Ф. Р-917. Оп. 1. Д. 104. Л. 1, 2, 11, 12.
114. ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 84. Л. 76–79 об.
115. Там же. Л. 69–70 об., 74–75 об. Поддержавший молодых архитекторов Л.А. Веснин указывал на вытянутую к реке форму площадки (соотношение сторон 1:4) и ветрозащитную роль продольных полос; кроме того, такие полосы связывали город с речной поймой и становились проводниками чистого воздуха. Удачной предложенную планировку и районирование города считали также арх. В.А. Веснин и эксперт по вопросам санитарного благоустройства города проф. В.П. Поморцев. Они рассматривали проект с социально-экономической и санитарно-гигиенической точек зрения. Подробно анализировавший проект Поморцев показал тщательную увязку планировки с местными ландшафтными и микроклиматическими условиями.
116. В проекте Э. Мая для Щегловска в системе бульваров «зеленые полосы», ведущие к реке и «открывающие вид на прекрасный ландшафт Томи, имеют более широкую форму». Напротив, «главные артерии сообщения», необходимые для связи между районами, шли параллельно Томи. См.: ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 7580. Л. 113, 111.
117. ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 84. Л. 71, 73, 74–74 об., 76–79 об.
118. О Г.В. Шелейховском см.: *Косенкова Ю.Л.* Научное наследие Г.В. Шелейховского и его место в истории советского градостроительства; *Азаренкова З.В., Стрельников А.И.* О подготовке к изданию рукописи Г.В. Шелейховского // Советское градостроительство 1920–1930-х годов: Новые исследования и материалы / Сост. и отв. ред. Ю.Л. Косенкова. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. С. 339–344, 345–348.
119. ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 2091. Л. 256–256 об.
120. *Давидович В.Г.* Вопросы планировки новых городов. Л.: ЛНИИКХ, 1934. С. 135.
121. В левобережном Новосибирске диагональ связала заводууправление Сибкомбайна с культурно-административным центром; ширина и композиционное значение продольной магистрали были уменьшены, исчезло трехлучие

- к станции Кривошеково. В Сталинске диагональ по кратчайшему направлению соединила заводоуправление с вокзалом.
122. ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 7580. Л. 193—193 об.
  123. Там же. Л. 196.
  124. Там же. Л. 177.
  125. Так в оригинале.
  126. ГАНО. Ф. 1444. Оп. 1. Д. 168. Л. 95.
  127. Планировка промышленных районов / Под общ. ред. А.С. Вайнцвайга. М.: Госстройиздат, 1934. С. 23, 24, 26.
  128. Горлов М.П. Задачи водного хозяйства Сибири // Социалистическое хозяйство Западной Сибири. 1932. № 6. С. 13.
  129. ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 86. Л. 238, 252—255, 268—270.
  130. ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 951. Л. 35—36, 56—57.
  131. Это была заведомо экстенсивная система горных работ — с обрушением кровли над выработанным пространством. См.: Никитин М., Вяткин Г. Указ. соч. С. 48; Фотографии воронок обрушений над выработками см.: На угольных пластах Кузбасса. Сб. очерков о жемчужине Кузбасса — Прокопьевске. Новосибирск: Запсиботделение, 1931. С. 27, 145.
  132. ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 86. Л. 69—72.
  133. Абелев Ю.М. Практика строительства на лёссовидных грунтах по опыту Кузнецкстроя. М.—Л.: Госстройиздат, 1934. С. 60.
  134. Там же. С. 58, 63, 65.
  135. Там же. С. 65. Что касается уплотняющих свай, то для полного исключения деформаций сооружения они должны были полностью, на всю толщу, вплоть до водоупорного пласта, прорезать слой лёссовидного суглинка. См.: там же. С. 60, 63.
  136. Для снижения потерь полезных ископаемых, предотвращения подземных пожаров, уменьшения деформаций поверхности земли и охраны от разрушения объектов на подрабатываемых территориях в западных странах того времени практиковалась закладка выработанного пространства инертными материалами. Создание карьеров для их добычи и транспортной инфраструктуры для механизированной доставки в шахты требовало значительных финансовых вложений.
  137. ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 1431. Л. 24—26.
  138. ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 2075. Л. 37 об.
  139. ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 2. Д. 317. Л. 60—61, 64. 65—66.
  140. ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 1982. Л. 25 об.
  141. ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 2. Д. 322. Л. 1—2, 13—15.
  142. Например, в Кузнецке длина защитной дамбы должна была составить 10 км. Естественно, что Кузнецкстрой не успел закончить ее к весне 1930 г., когда начался наиболее сильный паводок. См.: История Кузнецкого металлургического комбината имени В.И. Ленина. С. 69—70.
  143. Проблема Урало-Кузбасского водного пути. С. 16, 17; Бардин И.П. Жизнь инженера. Новосибирск: Новосиб. обл. изд-во, 1939. С. 144.
  144. ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 2091. Л. 4 об.; ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 1323. Л. 15—15 об.
  145. Планировка промышленных районов. С. 23.
  146. Никитин М., Вяткин Г. Указ. соч. С. 57.
  147. Длина прокопьевского водопровода, построенного в 1930—1933 гг., достигала 37 км, и для ведения земляных работ приходилось задействовать (естественно, в выходные дни) до 17 тыс. рабочих-угольщиков (там же. С. 58). Из водохранилищ, построенных в 1930-е гг., наиболее известны Прокопьевское и Беловское.
  148. Хищенко Е.В. Идеи нового быта в архитектуре жилых зданий Новосибирска в годы первой пятилетки [Электронный ресурс] / Е.В. Хищенко // Архитектон: известия вузов. 2006. № 3(15). Режим доступа: http://archvuz.ru/2006_3/23; (дата обращения: 08.09.2014); Хищенко Е.В. Социальноэкономические проблемы жилищного строительства городов Западной Сибири в 1930-е годы // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. 2013. № 2(39). С. 57—65.
  149. ГАНО. Ф. Р-917. Оп. 1. Д. 50. Л. 76.
  150. ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 2091. Л. 6—6 об.
  151. Там же. Л. 14.
  152. Там же. Л. 19, 8, 14.
  153. Там же. Л. 8.

154. Там же. Л. 2, 11, 12, 15–15 об.
155. Там же. Л. 108 об.
156. ГАНО. Ф. Р-1980. Оп. 1. Д. 309. Л. 11; ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 1504. Л. 25 об.–26, 61–61 об.; ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 2. Д. 338. Л. 1–3, 9–9 об.; ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 771. Л. 13.
157. ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 2. Д. 338. Л. 1, 2 об.–3, 9–9 об.
158. *Рукавицин*. Как строится гигант – завод комбайнов // За индустриализацию Сибири. 1930. № 3(6). С. 15–16.
159. ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 1504. Л. 25 об.–26, 61.
160. *Кузнецкий металлургический комбинат* им. тов. И.В. Сталина. От XVI к XVII съезду ВКП(б). С. 17, 120, 155; ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 2106. Л. 47.
161. ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 2106. Л. 17, 57, 58
162. *Кузнецкий металлургический комбинат* им. тов. И.В. Сталина. От XVI к XVII съезду ВКП(б). С. 11, 118, 123–124, 135, 141–142; ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 2106. Л. 17, 59.
163. ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 2091. Л. 111 об.–112, 120 об.
164. Там же. Л. 112, 121.
165. Там же. Л. 109 об.
166. Там же. Л. 103–103 об., 113–113 об.
167. Там же. Л. 23, 116, 116 об., 117.
168. Там же. Л. 113–113 об., 120.
169. Красная Горка. Краеведческое издание. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2001. Вып. 2. С. 48М61.
170. ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 2091. Л. 108, 120.
171. Там же. Л. 120.
172. Там же. Л. 107 об.–108.
173. Там же. Л. 108, 112 об., 121.
174. Там же. Л. 120 об.
175. Там же. Л. 116.
176. Наиболее известным стал подземный автогужевой тоннель длиной 544 м, прошедший под заводской площадкой. Это было затратное сооружение, к тому же построенное накануне пуска завода, но оно связало с заводоуправлением элитную Верхнюю колонию, где жило заводское начальство. То есть транспортная деятельность Кузнецкстроя также была проявлением узковедомственного подхода.
177. ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 2091. Л. 111 об.
178. *Бардин И.П.* Жизнь инженера. Новосибирск: Новосиб. обл. изд-во, 1939. С. 121, 122–123, 138, 141–142, 144, 150, 158, 182.
179. Там же. С. 141–142.
180. Там же. С. 127–128, 133, 136, 123. Тем из них, кто оставался на стройке до конца, по существу, пришлось переучиваться.
181. Там же. С. 163.
182. *Баландин С.Н.* Сибирский архитектор. Новосибирск, 1991. С. 89–93.
183. Цит. по: *Баландин С.Н.* Сибирский архитектор. Новосибирск, 1991. С. 60. Анализируя этот материал, А.Д. Крячков приходил к выводу, что «архитектура конца XIX – начала XX века в связи с переселенческим движением в Сибирь начала терять сибирскую региональную специфику» (там же. С. 149).
184. *Крячков А.Д.* Влияние климата на строительство и архитектуру Сибири. (Отдельный оттиск из II тома трудов НИСИ). Новосибирск, 1951. С. 17, 28.
185. Соответственно, здания с кирпичными стенами, железобетонными перекрытиями и металлическими стропилами (у промышленных были еще и крупные металлические элементы оборудования) имели более значительные деформации. Напротив, «при монолитных, или деревянных чердачных перекрытиях, действия температур на внутренние стены оказывается значительно позже». См.: *Крячков А.Д.* Указ. соч. С. 11.
186. Там же.
187. *Баландин С.Н.* Указ. соч. С. 149.
188. *Крячков А.Д.* Указ. соч. С. 23, 25, 28.
189. Там же. С. 19–28. По расчетам Кряčkова, дополнительные температурные напряжения в цементной штукатурке достигали в Западной Сибири 21 кг/см², что вело к неизбежному ее разрушению и отслаиванию от кирпичной стены (там же. С. 24–25).

190. Там же. С. 16–17.
191. Котельный шлак имел меньший коэффициент расширения и больший коэффициент паропроницаемости, в результате «коэффициент просыхания этого материала на 30% больше чем у кирпичной кладки». Внутри последней из-за малой паропроницаемости кирпича образовывался конденсат: замерзая, он разрывал стену. В 1951 г. А.Д. Крячков писал, что «расчет на быстрое просыхание стен в периоды работы в банях оправдывался: ряд этих сооружений в Судженске и Кемерово, построенных в 1920–1924 гг. из котельного шлака состава 1:1:12–15 при толщине их 60 см, до сего времени не обнаружил признаков разрушения, которые сопровождают кирпичные здания» (там же. С. 16).
192. Семикин П.В., Бацунова Т.П. Некоторые аспекты обследования несущих конструкций исторических объектов г. Новосибирска // Региональные архитектурно-художественные школы: Материалы Всеросс. науч.-практ. конф. (Новосибирск, 2008 г.). Новосибирск: Сибпринт, 2008. С. 55–57.
193. МИАС им. С.Н. Баландина. ФК. Оп. 1. Л. 2. Ф. 1-2; Л. 4. Ф. 1-3; Л. 50. Ф. 1-2; Л. 58. Ф. 1-2; Л. 79. Ф. 1-2; Л. 65. Ф. 1, 2 и 5; Л. 89. Ф. 3-4; Л. 90. Ф. 4; Л. 91. Ф. 1-4; Л. 93. Ф. 1-5 и др.
194. МИАС им. С.Н. Баландина. ФК. Оп. 1. Л. 50. Ф. 1-2; Л. 58. Ф. 1-2; Л. 65. Ф. 2; Л. 79. Ф. 1-2 (фасады, разрезы, фото первой половины XX в.).
195. ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 173. Л. 128, 130; ГАНО. Ф. Р-1444. Оп. 1. Д. 91. Л. 183.
196. Кузбасстрой был одной из крупнейших проектно-строительных организаций в Западной Сибири. К концу 1930 г. Управление треста имело штат почти в 400 человек. Из них в Проектном отделе Кузбасстроя работало 150 чел., занимавшихся промышленным и гражданским проектированием. См.: ГАНО. Ф. Р-1993. Оп. 1. Д. 828. Л. 9 об.–10.
197. Там же. Л. 2–8 об., 24–30, 73–100 об., 103–113 об., 116–135, 181–220 об. и сл.
198. ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 1206. Л. 58, также л. 60 об.
199. Там же. Л. 59, 60 об.
200. МИАС им. С.Н. Баландина. № 1453. Э. 22. В. 1. 3.1. Л. 1; ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 1279. Л. 145.
201. ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 1206. Л. 114.
202. Там же. Л. 114, 115.
203. Там же. Л. 114.
204. Там же. Л. 114 об.
205. Там же. Л. 115. Выписка из протокола № 4 заседания Западно-Сибирского краевого бюро ИТС от 11 февраля 1931 г.
206. Конечно, кроме члена жюри от Кузбасстроя – начальника Проектного отдела Кузбасстроя инженера И.А. Лалеви-ча.
207. ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 1206. Л. 114.
208. МИАС им. С.Н. Баландина. № 1453. Э. 22. В. 1. 3.1. Л. 1; ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 1279. Л. 145. Постановление заседания Президиума Западно-Сибирского краевого исполнительного комитета № 90 от 24 января 1931 г.
209. ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 1210. Л. 55–58 (Протокол заседания Западно-Сибирской краевой планировочной комиссии от 20 марта 1931 г.). При этом сами транспортники указывали лишь на необходимость, в связи с переносом линии на восток передвинуть в топографически более удобное место здание вокзала – на 300 м от запроектированного Маема (там же. Л. 55).
210. ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 1210. Л. 66–66 об. Протокол заседания Западно-Сибирской краевой планировочной комиссии от 30 марта 1931 г.
211. Там же. Л. 83, 86–87.
212. ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 1206. Л. 114.
213. ГАНО. Ф. Р-2208. Оп. 1. Д. 9. Л. 12.
214. Там же. Л. 13.
215. См.: МИАС им. С.Н. Баландина. ФГС. Оп. 13. Л. 48. Ф. 1 и 2; Л. 141. Ф. 1, 2, 3 и 4; Л. 74. Ф. 1 и 2; ГАНО. Ф. Р-1993. Оп. 1. Д. 828. Л. 1–7; Д. 1049. Л. 2–3.
216. Например, архитектор К.К. Леонов писал в своих воспоминаниях в 1985 г. о зданиях Сибкрайсоюза и Сибревкома (1925–1927 гг.), построенных по проектам А.Д. Крячкова: оба «до настоящего времени почти без изменений сохранили свой первоначальный архитектурный образ». См.: ГАНО. Ф. Р-2208. Оп. 1. Д. 9. Л. 34.
217. Там же. Л. 43, 45, 46.
218. Там же. Л. 49. Такие деревянные павильоны, как и в промышленном строительстве, защищали коробки строившихся зданий от непогоды и имели собственные временные тепловые установки.
219. Там же. Л. 39.
220. Там же. Л. 38.
221. Там же. Л. 50. При этом из описания и сохранившихся рабочих чертежей неясно, предусматривались ли вообще технические мероприятия (лестницы, выходы, мостики-переходы) для обеспечения подъема на кровли обоих за-

лов людей со снегоуборочным инвентарем. Неясно также, как предполагалось решать проблему уборки снега с плоских навесов-тентов довольно значительной площади.

Естественно, что К.К. Леонов деликатно не упоминает о раздавленных снеговыми шапками конструкциях и буквально потоках воды, хлеставших через фонари верхнего света внутрь помещений с деревянными перекрытиями.

222. ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 1206. Л. 62–65.

Градостроительство Урала 1920–1930-х гг.: региональный аспект общероссийских тенденций

Е.В. Конышева

Индустриальная эпоха оказала определяющее влияние на развитие Урала и радикально изменила облик региона, сформировав урбанизированную территорию. Ключевое значение в этом процессе имел период советской индустриализации конца 1920-х – 1930-х гг. и, конкретно, программа формирования Урало-Кузбасского промышленного региона. Межрегиональное объединение предполагало развитие на Урале не только металлургии, но и тяжелого машиностроения, химического производства, теплоэнергетики и других отраслей, что превращало Урал в устойчивый индустриальный комплекс. Только за годы первой пятилетки на Урале было пущено 149 новых предприятий, реконструировано 77 и еще 88 находилось в стадии строительства¹.

Объемы и форсированные темпы индустриализации предопределили стремительную урбанизацию региона – если в 1913 г. доля проживавших в городах и крупных поселениях составляла лишь 13,72% от всего числа уральских жителей, то в 1939 г. – уже 45%²; при этом 37% городского населения Урала проживало в крупных городах³. В 1926–1940 гг. только на территории современной Свердловской области было законодательно оформлено 13 городов, современной Челябинской области – 9, современном Пермском крае – 6. При этом уровень урбанизации в регионе значительно превышал среднероссийские показатели, а специфической особенностью расселения на Урале был достаточно низкий показатель плотности населения при высокой степени его урбанизации⁴. Опережающие темпы роста показывали старые и новые промышленные центры (Ревда, Каменск-Уральский, Златоуст, Миасс, Шадринск и др.), центры по добыче сырья (Асбест, Копейск, Соликамск и др.)

и транспортные узлы (Красноуфимск, Камышлов и др.). Характерно, что в целом быстрее росли города старопромышленной зоны, выраставшие из горнозаводских поселений. Это существенно отличало их от городов, являвшихся раньше административно-торговыми или религиозными центрами, менее затронутыми процессом индустриализации и не претерпевшими значительных территориальных и планировочных изменений (Верхотурье, Чердынь, Верхнеуральск, Троицк и др.). В этом была продолжена тенденция еще XIX в., когда впервые ясно выявился опережающий рост промышленных центров по отношению к торговым и административным городам и к городским поселениям с меньшими масштабами фабричного производства. Советская индустриализация обострила эту дифференциацию. Наиболее высокими темпами росли города, где разместились крупнейшие новостройки первых пятилеток – Свердловск, Челябинск, Уфа, Пермь, Магнитогорск, Нижний Тагил. Самый большой прирост из «старых» городов показывал Челябинск, чье население с 1926 по 1939 г. выросло в 4,6 раза, увеличившись с 59 тыс. до 273 тыс. человек⁵.

На протяжении предвоенных пятилеток – периода коренных трансформаций региона – можно выделить несколько градостроительных этапов. Эти этапы в целом соответствуют общероссийской периодизации (и, собственно, являются одной из основ ее формирования, учитывая масштаб градостроительных преобразований), демонстрируя характерный вариант за пределами столиц.

На первом этапе: в середине – второй половине 1920-х гг. – градостроительная практика была связана прежде всего с проектированием и застройкой рабочих поселений – автономных рабочих поселков при новых промпредприятиях, городских ко-

оперативных рабочих поселков, а также городских рабочих кварталов, инвесторами и застройщиками которых выступали предприятия.

Проекты середины 1920-х гг. еще основывались на традиции рабочих поселений-садов⁶. Небольшие поселки рабочей жилищно-строительной кооперации (РЖСК) получали разнообразные планировочные решения — лучевую планировку со сходящимися на центральной площади радиусами в сочетании с концентрическими улицами (проект застройки поселка Металлист в Ижевске, 1926, арх. А.П. Иванецкий⁷), со свободной группировкой кварталов вокруг зеленых массивов (поселок РЖСК Пионер (Новый), Свердловск, 1925–1927⁸), с простой сеткой кварталов (поселок РЖСК Победа, Ижевск, 1925–1927, арх. З.Н. Миронова⁹) и др. Очертания некоторых из них получали символическую форму — например, железнодорожный поселок Красная Звезда в Свердловске (1925–1927) с пятиугольной формой, с улицами-лучами, ведущими к центральной площади¹⁰. Поселки проектировались с невысокой плотностью заселения, с деревянной застройкой домами на 2–4 квартиры, с палисадниками и огородами. Подобные решения сохранялись и на переломе 1920–1930-х гг. в небольших рабочих

поселках, которые, вместе с тем, представляли и новые тенденции. Это демонстрируют, например, поселок Соцгород (1931) в Ижевске и поселок ЧГРЭС в Челябинске (1928–1929)¹¹. Кварталы более или менее правильных очертаний, следующие за характером местности и трассировкой улиц, застраивались одноэтажными домами усадебного типа и двухэтажными зданиями фахверковых конструкций (Ижевск) или двухэтажными каменными (Челябинск). Небольшая численность населения, малоэтажная разреженная застройка, отступы домов с палисадниками от красных линий, приусадебные участки, озелененные дворы с хозяйственными постройками — еще инерционные процессы. Однако принципиальным новшеством стало преобладание секционного типа застройки, а также появление домов коммунального типа (общежитий) и системы социально-бытового обслуживания¹².

Наиболее выпукло градостроительные принципы середины — второй половины 1920-х гг. демонстрируют проекты поселений при промышленных предприятиях. Типологическая схожесть проектов рабочих поселений второй половины — конца 1920-х гг. при уральских заводах-новостройках металлургической и машиностроительной отраслей предопределялась, кроме всего прочего, их созданием в одной проектной конторе — Гипромезе или его филиале, Уралгипромезе. Это проекты рабочих поселков при Нижне-Тагильском вагоностроительном заводе (1926, 1928, Ленгипромез¹³), Магнитогорском металлургическом комбинате (1928, Ленгипромез¹⁴; Уралгипромез¹⁵), Уральском машиностроительном заводе (1926¹⁶, 1928, Ленгипромез¹⁷).

Промышленное предприятие трактовалось как ядро, смысловой и композиционный центр рабочего поселения. Запроектированные поселки примыкали к заводской площадке. Непосредственная близость жилой зоны и предприятия означала оптимизацию трудовой взаимосвязи, особенно если учесть предполагаемый в основном пешеходный характер перемещения. Именно на это указывают, например, разработчики проекта поселка при ММК из Уралгипромеза. Исходная задача размещения жилой застройки в 10–20 мин ходьбы от предприятия предопределила разворот города «фронтом» к заводу и отделение его от предприятия лишь неглубокой защитной зоной 50–100 м. При этом изначально признавалось, что место является «не вполне благоприятным для дальнейшего расширения территории поселка», так как намеченная перспектива его развития, в соответствии с планами роста завода, вступала в противоречие с релье-

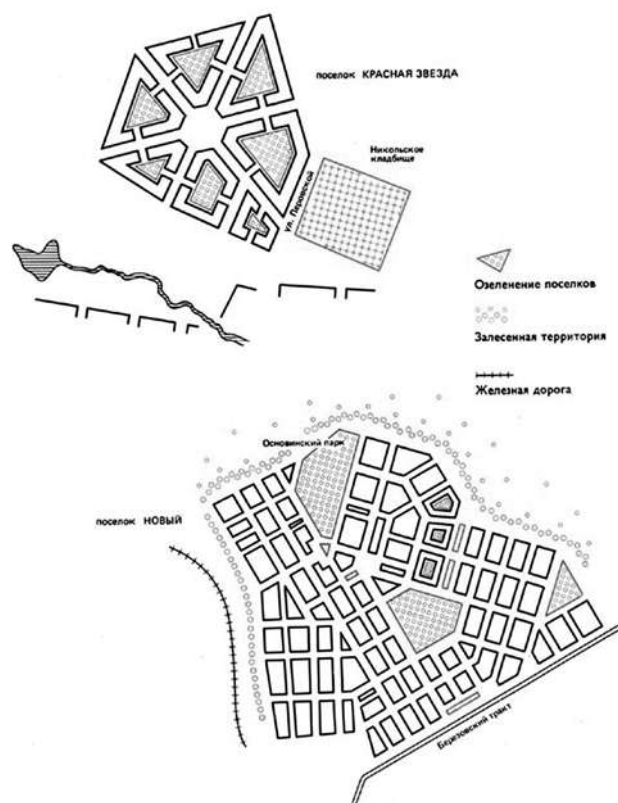

Схема планировки поселков Звезда и Новый в Свердловске. Середина 1920-х гг.

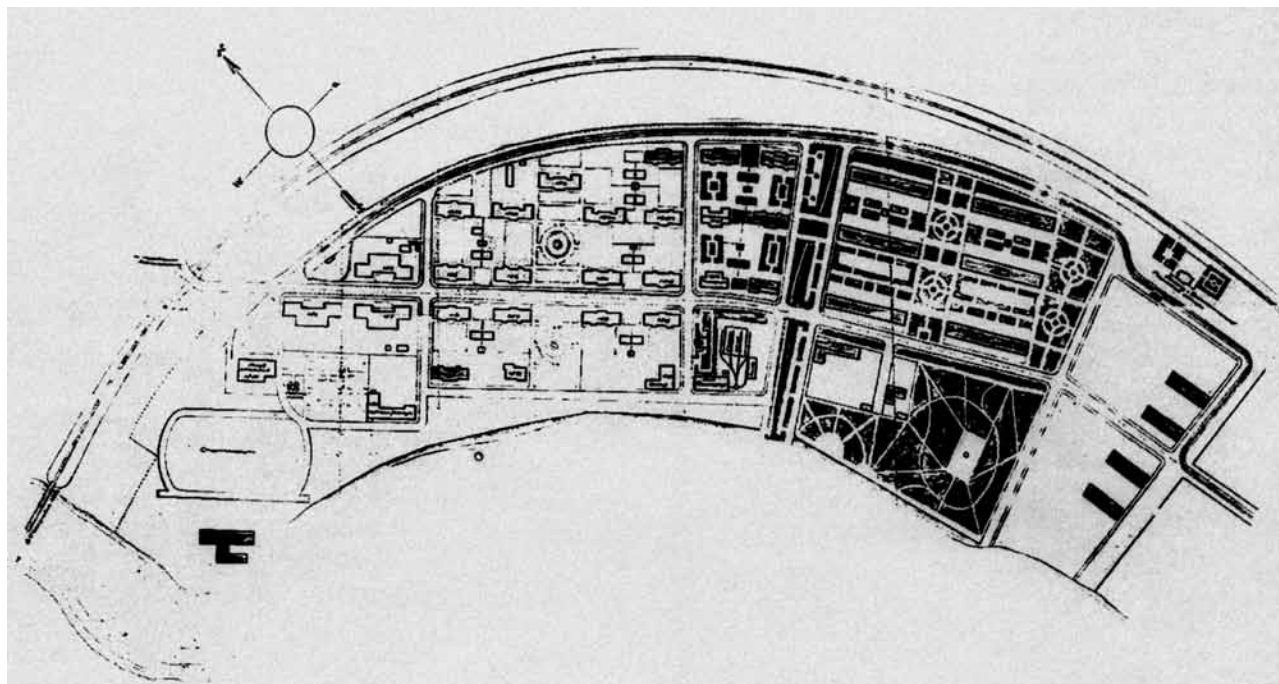

Схема плана поселка ЧГРЭС в Челябинске. 1928–1930

Фрагмент застройки поселка ЧГРЭС в Челябинске. 1929

фом местности¹⁸. Однако это не стало, да и не могло стать в условиях производственных приоритетов, причиной изменения местоположения поселения.

Ориентация «лучей» главных городских магистралей на предзаводскую площадь была наиболее распространенным планировочным приемом. Это демонстрируют, например, проекты поселков при Уральском машиностроительном заводе (1929, арх. П.В. Оранский), Магнитогорском металлургическом комбинате (1928, Ленгипромез, арх. Б.В. Данчич и др.; 1929, Госпроект, арх. С.Е. Чернышев), Вагоностроительном заводе в Нижнем Тагиле (1926, Ленгипромез) и др. Подобный прием был определен экономическими факторами — удобной взаимосвязью жилой зоны и предприятия. Но, кроме того, ориентированная на предприятие лучевая композиция получила и художественно-образное осмысление — движение к «фабричному Кремлю»¹⁹. Силуэт завода или копры шахт определяли видовые перспективы, выступая своеобразными метками, структурирующими городское пространство и задающими векторы движения, подчеркивая доминанту пролетариата и пролетарского труда. Заводские конторы должны были выступать одной из архитектурных доминант города, а предзаводская площадь планировалась не только как центр трудовой жизни, но и как средоточие общественных функций (место проведения парадов, митингов, демонстраций). Акцентировка заводского ориентира как главной композиционной оси города сохранилась и в генпланах многих соцгородов первой половины 1930-х гг., выполненных советскими архитекторами²⁰.

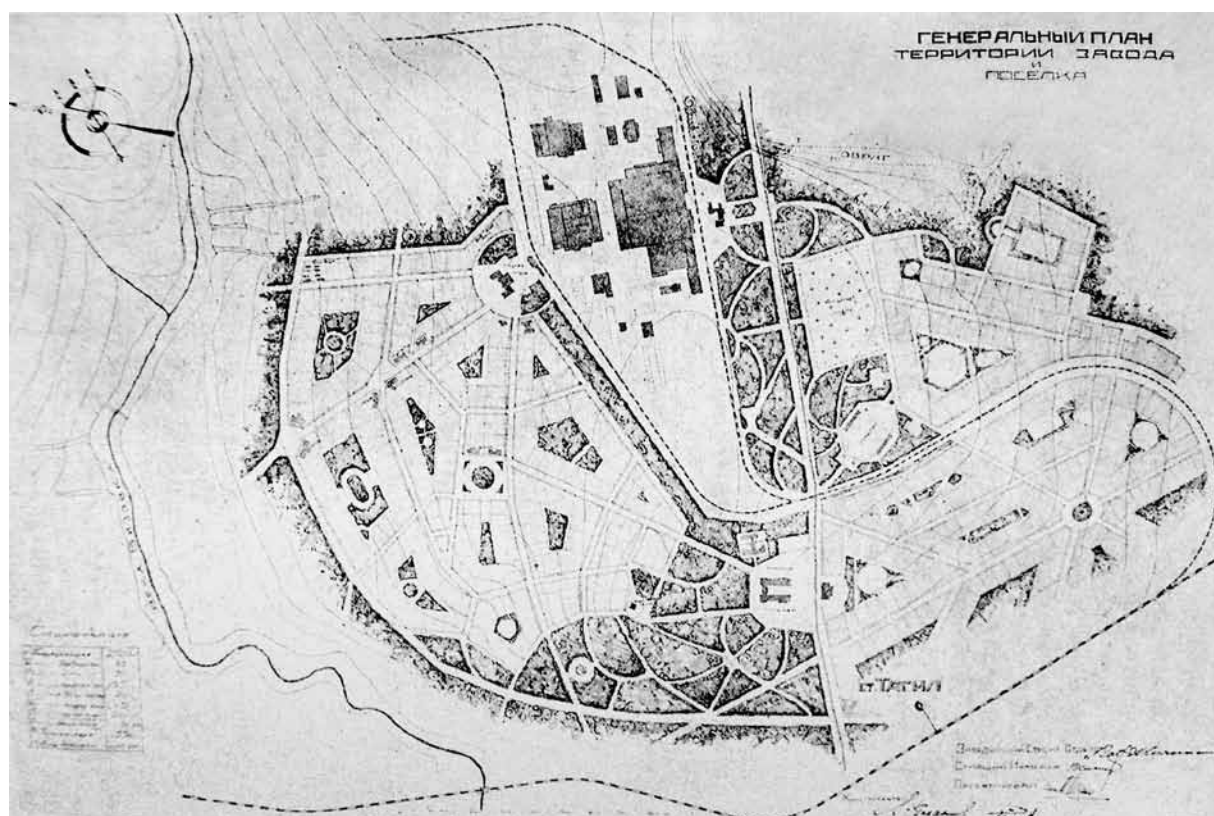
Другим распространенным вариантом была схема с композиционной осью «завод — общественный центр поселения», когда «лучи» сходились на главной городской площади, от которой уже направлялась линия основной магистрали к заводу (проект поселка Уралмаш в Свердловске, 1926²¹, проект поселка Бумстрой (Краснокамск, 1930)²²). Примечательно, что наиболее характерные примеры такого рода планировки: проекты рабочего поселка Уральского медэлектrolитного завода в Пышме (1935)²³, городов Ревда и Коркино (сер. 1930-х гг., Ленинградское отделение Горстройпроекта)²⁴, поселка при Уральском алюминиевом комбинате в Каменск-Уральске (Монтажпроекталюминий, 1934)²⁵ — выполнены уже в середине 1930-х гг. Вероятно, можно говорить о том, что создание лучевых планировок и «звездчатых» площадей-узлов нашло в 1930-е гг. вполне естественное продолжение на новом — «неоклассическом» — этапе планирования.

Еще одним планировочным узлом в проектах выступал вокзал, важная функциональная взаимосвязь которого с предприятием и городским центром также композиционно решалась лучевыми конструкциями. В результате формировались сложные многоцентровые планировочные композиции — предприятие, главная городская площадь, вокзал как основные планировочные узлы, например в проекте соцгорода ВЭО в Свердловске (1931)²⁶ или в проекте рабочего поселка при Бакальском заводе в Челябинске (1932)²⁷.

В поселках промпредприятий середины 1920-х гг. еще очерчивались разномасштабные кварталы в соответствии с характером естественных условий, часто они были неправильных, усложненных форм. Особенно примечательны своей контрастной планировкой проекты поселков Нижнее-Тагильского вагоностроительного завода 1926 г. и Уралмаша 1927 г. (Ленгипромез). Первый являет собой типичное решение поселка-сада: неправильные очертания; многоцентровая планировка; криволинейные улицы-аллеи; многообразие и «естественность» форм планировочных фрагментов; утопающая в зелени малоэтажная застройка. Во втором случае архитекторы, пользуясь «чистотой» площадки, явно позаботились о собственно художественной стороне проекта — о симметрии и красоте планиметрической формы, явно в ущерб экономическому прагматизму. И тот, и другой проект в конце 1920-х гг. были уже «уходящей натурой». Характерно, что при переработке проекта поселка Уралмаша непосредственно на месте — в Техническом отделе Уралмашиностроя (1928, утвержден в 1929, арх. П.В. Оранский)²⁸, лучи улиц были стянуты непосредственно к предзаводской площади, проект потерял осевую симметрию и эффектность формы плана, зато в большей степени стал отвечать практической целесообразности.

В конце 1920-х гг. планировочная структура и застройка рабочих поселений претерпели важные трансформации, хотя по прежнему определялись еще законодательной базой середины 1920-х гг.²⁹ Жилые кварталы должны были занимать в балансе территории 50–70%, размер квартала не должен был превышать 2,5 га. Очертаниям квартала проектировщики должны были придавать, по возможности, экономичные прямоугольные формы. Застройка осуществлялась в основном по периметру квартала с разрывами, центральная часть отводилась под зеленые насаждения, детские и спортивные площадки, хозяйственные помещения и пр. Во всех проектах было предусмотрено уже два

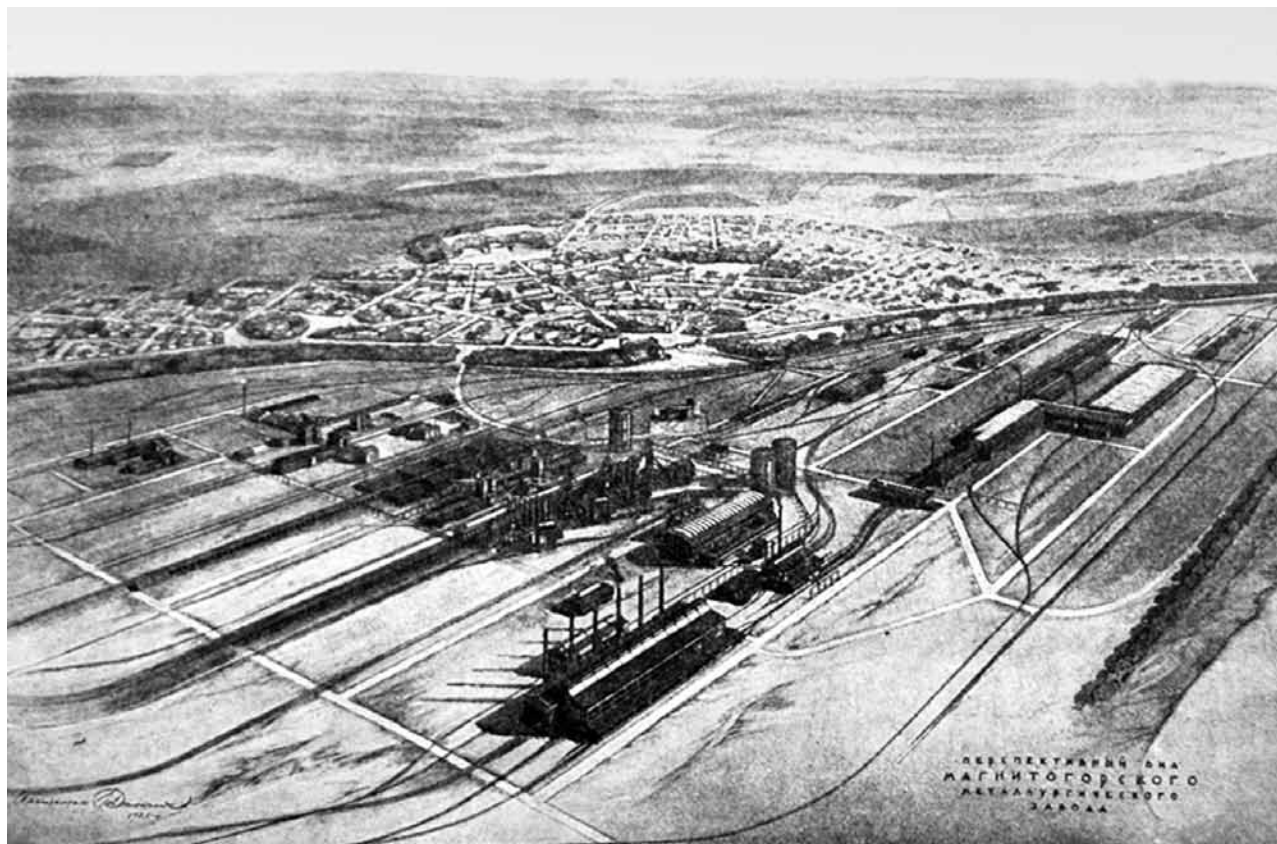

Генплан территории Вагоностроительного завода в Нижнем Тагиле и поселка при нем.
Проект. Ленгипромхоз. 1926

Вагоностроительный завод в Нижнем Тагиле.
Проектная перспектива завода и рабочего поселка. Проект. Ленгипромхоз. 1926

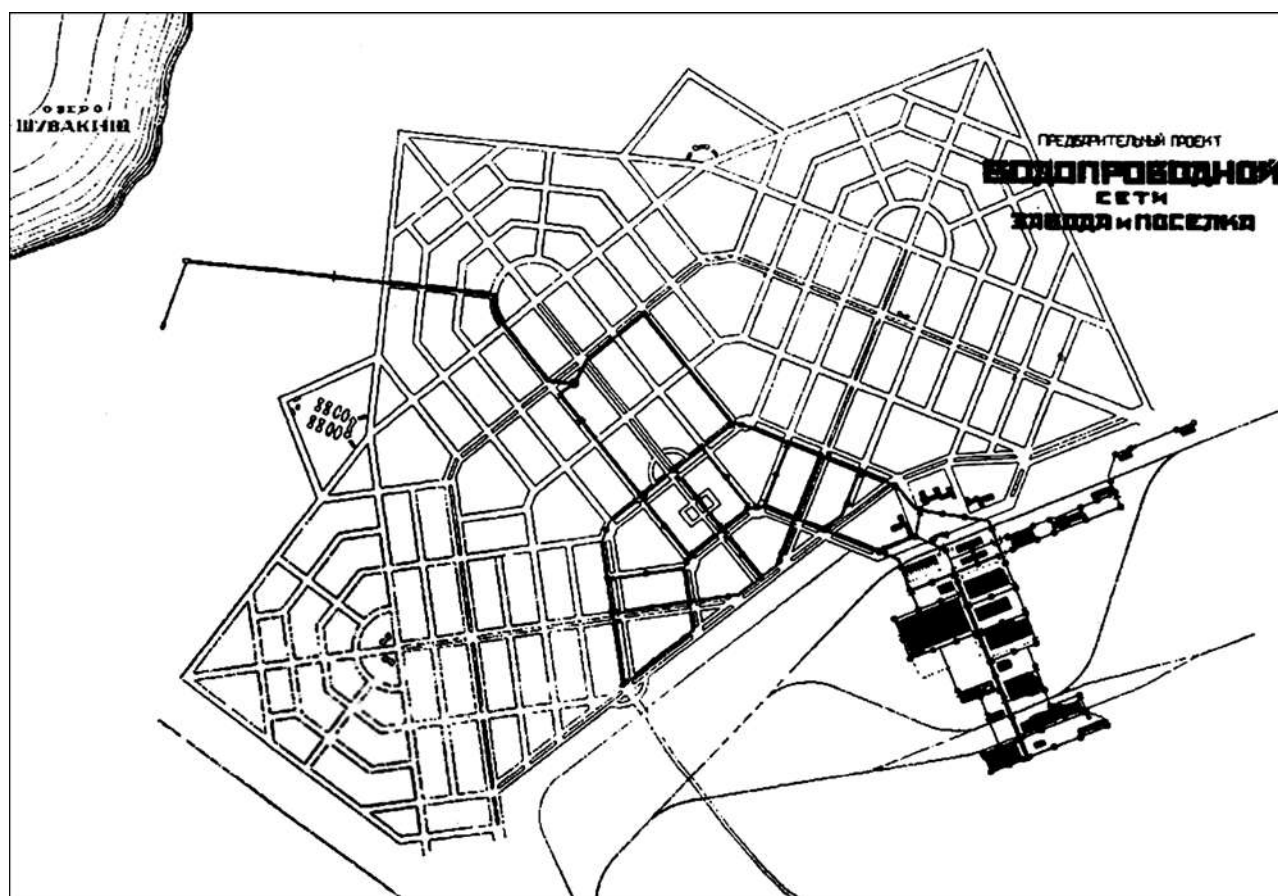
типа жилья — для семейного заселения, и общежития для холостых. Характерное соотношение представляет, например, проект Уралмашиностроя для поселка Уралмаш (1928) — 70 и 30% соответственно. Застройка поселков зонировалась по этажности и строительному материалу. В центральной зоне предполагались, как правило, каменные многоэтажные жилые дома с высокой плотностью заселения зоны (до 300 чел./га), средняя и периферийная зоны предполагали деревянные или облегченной конструкции дома в 1–2 этажа (4–8-квартирные) с плотностью заселения до 50 чел./га. Обществен-

Магнитогорский металлургический завод. Проектная перспектива завода и рабочего поселка. Проект. Ленгипромез. 1929

Генплан поселка при Магнитогорском металлургическом комбинате.
Проект. Ленгипромез. 1929

ные здания были представлены простым «набором» сооружений: районный Совет/исполком, амбулатория, центральная столовая, общественные бани и прачечные, школа, детские учреждения³⁰. Таким образом, аналогично городским кооперативным поселкам, в проектах заводских поселений конца 1920-х гг. на смену индивидуальным домам и хозяйствам и рассредоточенной усадебной застройке поселков-садов уже приходит ориентир на дифференцированную по плотности застройку секционными домами для индивидуально-семейного и коллективного проживания.

Начало второго градостроительного этапа на Урале можно маркировать 1929–1930 гг., когда новые тенденции в планировке и застройке отчетливо проявились и в проектах, и в градостроительной практике. Исходным моментом, несомненно, стали установки первого пятилетнего плана, принятые на XVI конференции ВКП (б) (апрель 1929),

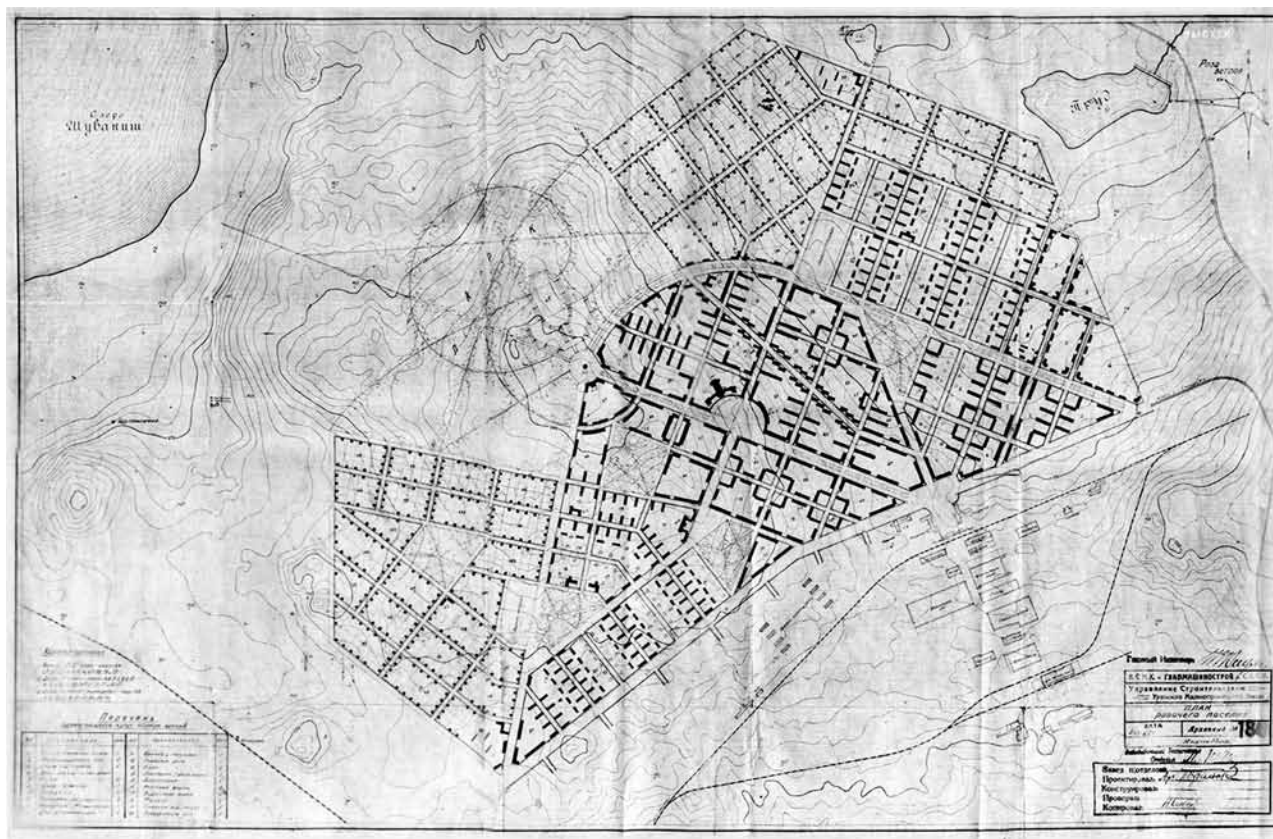
Уральский машиностроительный завод. Проект водопроводной сети завода и поселка. Ленгипромез. 1927

утвержденные V съездом Советов СССР в мае 1929 г., а затем пересмотренные в сторону резкого увеличения летом — осенью 1929 г. Поставив задачу форсированного индустриального развития страны, они предопределили грандиозный масштаб градостроительного проектирования и новые принципы расселения и организации города.

«Первой ласточкой» стало постановление Совнаркома РСФСР о строительстве Магнитогорского комбината и города Магнитогорска от 11 ноября 1929 г.³¹ Постановление декларировало статус Магнитогорска как поселения особого типа — «социалистического города» и задавало совершенно иные принципы проектирования и застройки, нежели прежде. Магнитогорск провозглашался «чисто пролетарским городом, полностью связанным с работой Магнитогорского комбината», а его «социалистический» характер определялся «максимально доступным в условиях переходного периода обобществлением быта»: «а) должно быть полностью обобществлено все коммунальное и культурное обслуживание взрослого населения с тем, чтобы соответствующие учреждения были сосредоточены

в одном центральном корпусе нового города, органически связанном с жилыми корпусами; б) должно быть обеспечено на все 100% обслуживание детей яслями, детскими садами, пионерскими лагерями, школами, интернатами и т.п. путем постройки специального детского города; в) должно быть обеспечено полное обслуживание населения медицинской помощью (поликлиника, больница); г) должно быть обеспечено осуществление всех основных требований санитарного благоустройства города, в частности, все жилые корпуса должны быть расположены таким образом, чтобы все внутренние части обязательно освещались солнечным светом; водопровод, канализация, освещение, газ и пожарная охрана должны быть связаны с соответствующими предприятиями завода и обеспечены с самого начала строительства города; д) количественный расчет населения города должен исходить из полного использования всего трудоспособного населения в производстве или коммунально-бытовом обслуживании...». Данный текст фактически воспроизводил основные тезисы Л.М. Сабовича, актуализированные их публичным обсуждением в стенах Госплана

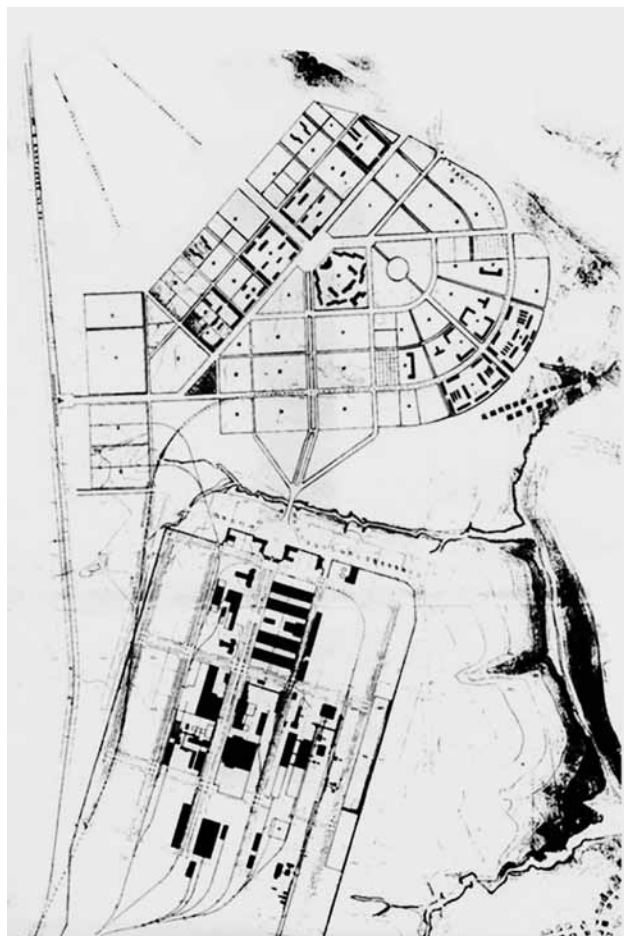
Уральский машиностроительный завод. Генплан территории поселка. Проект. Технический отдел Уралмашиностроя. Арх. П.В. Оранский. 1929

План рабочего поселка Пышмастрой. 1935

СССР в конце октября 1929 г. и начавшейся градостроительной дискуссией.

С этого момента в понимании способов и принципов организации «социалистического» города вычлняются две линии, взаимосвязанные, но носящие разные оттенки, предопределенные разными задачами. С одной стороны, это концептуальные поиски архитектурно-градостроительного воплощения идеи «социалистического города». Они вылились в градостроительную дискуссию осени 1929-го — зимы 1930 г., а затем воплотились в целой волне открытых и заказных конкурсов на проектирование новых городов (Автостроя, Магнитогорска, Коминтерновска, Кузнецка, Чарджуй и др.), прокатившихся в конце 1929–1930 гг.³² В решение поставленных задач по проектированию «образцового» социалистического города было вовлечено все архитектурное сообщество. Активное участие в конкурсном проектировании принимали все ведущие архитектурные объединения 1920-х — на-

Генплан Уральского алюминиевого комбината и поселка на 20 тыс. жителей. Монтажпроекталюминий. Ленинград. 1934

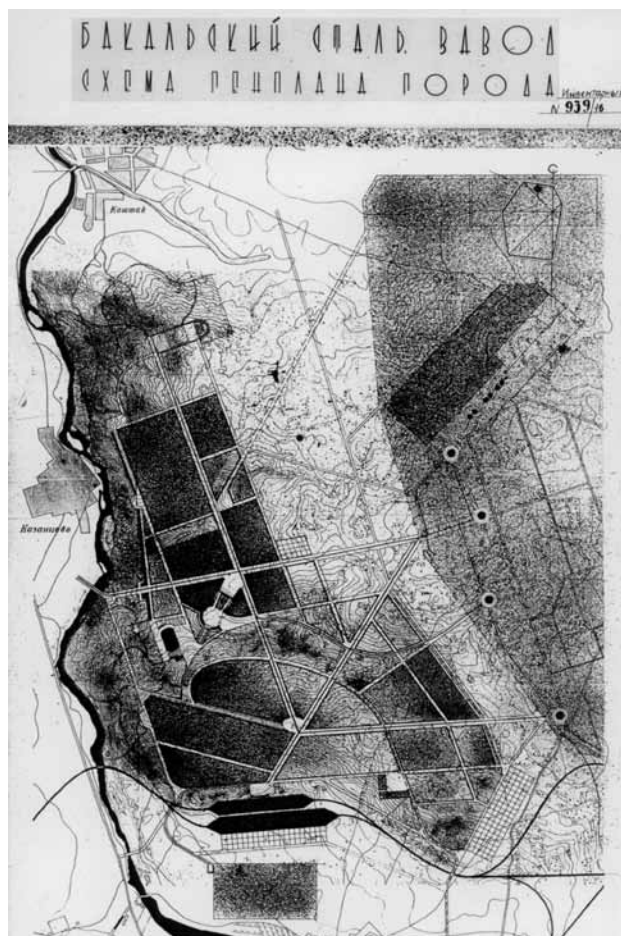

Схема генплана рабочего поселка при Бакальском стальном заводе в Челябинске. 1932

чала 1930-х гг. (МАО, ОСА, АРУ, САСС, ВОПРА), государственные проектные организации (Стройком РСФСР, Картоиздательство НКВД, Госпроект), коллективы из преподавателей и студентов вузов (МВТУ, ВХУТЕИН), отдельные архитекторы. Градостроительная дискуссия, конкурсные проекты были, по сути, демонстрацией разнообразных способов организации социалистического социума, поиском соответствующих типов городов и их планировочной организации. С концептуальной точки зрения, как и с точки зрения архитектурно-градостроительной образности, это было блестяще, новаторски, актуально. Но слабо связано с существовавшими в конце 1920-х — начале 1930-х гг. реалиями размещения, финансирования и застройки рабочих поселений.

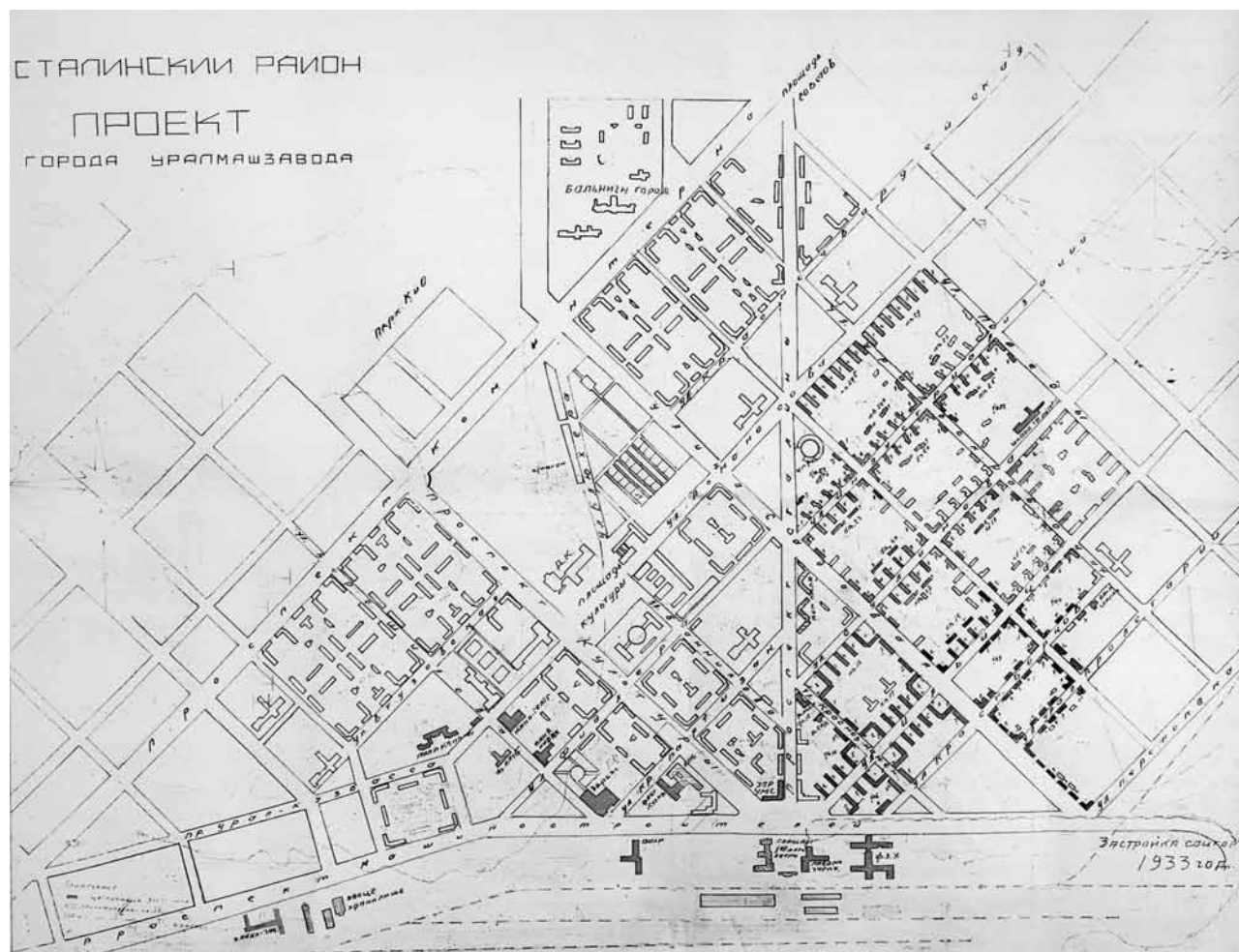
Именно с этими реалиями была связана другая сторона подходов к решению «социалистического города», где уже советское государство демонстрировало свой интерес, далекий от отвлеченных дискуссий.

С государственной точки зрения, все особенности соцгорода определялись его сущностью как промышленно-селитебного образования. «Производство есть основное звено, организующее жизнь социалистического города и его структуру... Город должен представлять собой единый... производственно-хозяйственный и социально-культурный комбинат, в котором все отрасли городского хозяйства органически увязаны между собой и производством...» — пояснялось, например, в задании для создания проекта планировки Нижнего Тагила³³. Соответственно, с 1929—1930 гг. промышленные предприятия выступают доминирующими застройщиками новых «социалистических городов» — исключительно промышленно-селитебных комплексов. Цифры финансовых вложений в новое жилищное строительство в РСФСР в конце 1920-х гг. демонстрируют характерную картину: удельный вес средств жилищкооперации и исполкомов (без учета индивидуальных застройщиков) падает в 1926—

1927 гг. с 28 и 35% соответственно до 17,5 и 22,6% в 1929–1930 гг.; в свою очередь доля союзной, республиканской, местной промышленности и транспорта возрастает в сумме с 37% в 1926–1927 до 47% в 1929–1930 гг., причем доля союзной промышленности показывает двухкратный рост — с 17 до 34%³⁴. Именно от лица промпредприятий объявлялись крупномасштабные конкурсы на проекты промышленных соцгородов, составлялись программы на проектирование как города, так и жилищного строительства, они организовывали проектирование и застройку через свои стройуправления (Магнитострой, Кузнецкстрой, Локомотивстрой, Автострой и др.). За их спинами стояли органы государственной власти. Именно Совнаркомом РСФСР своим постановлением о строительстве Магнитогорского комбината и города Магнитогорска обязывал, например, Магнитострой «объявить конкурс на разработку проекта города», а «Строительной комиссии РСФСР и Народному комиссариату внутренних дел РСФСР принять самое активное участие в проектировке

этого города» и их же привлечь в конкурсное жюри³⁵. Неудивительно, что все конкурсные программы, официально подготовленные в разных ведомствах, были почти идентичны по выдвигаемым положениям и явно имели единый источник происхождения. При этом промышленные предприятия — застройщики промышленно-селитебных комплексов, с одной стороны, становились невольными участниками отвлеченных поисков архитектурно-градостроительного образа «социалистического города», с другой — занимались решением насущных и первоочередных проблем пуска предприятия, создания элементарной инфраструктуры и единовременного расселения десятков тысяч строителей и рабочих. Эти процессы существовали в двух параллельных плоскостях, и вряд ли дискуссии по поводу «социалистического города» воспринимались промышленным директором иначе, чем неизбежный и фоновый идеологический «шум».

Размещение промпредприятия, как и на предшествующем этапе (и в целом в планировочной

Соцгород Уралмашзавода. Арх. П.В. Оранский и др. 1929. План с существующей застройкой. 1933

традиции «городов-заводов»), задавало местоположение селитебной территории и характер композиционного решения городской планировки. Однако изменения в сравнении с рабочим поселком были кардинальны. Прежде всего это было определено резким увеличением мощностей проектируемых предприятий и, соответственно, значительными масштабами промзон, особенно если предприятие включало много производственных циклов. Метод трудового баланса сообразно скачку численности занятых на производстве увеличивал и проектную численность населения всего города³⁶. Размеры необходимой территории города также вырастали быстро и многократно, а в реальности еще и бесконтрольно. В 1930 г. законодательно были установлены классы предприятий в зависимости от вредности производства и определены минимальные санитарные разрывы — не менее 2 км для предприятий класса «А» (прежде всего химической и металлургической отраслей) и не менее 250 м для класса «Б» (в том числе машиностроительной промышленности и электроэнергетики)³⁷, а также утверждено размещение предприятий исключительно с подветренной стороны.

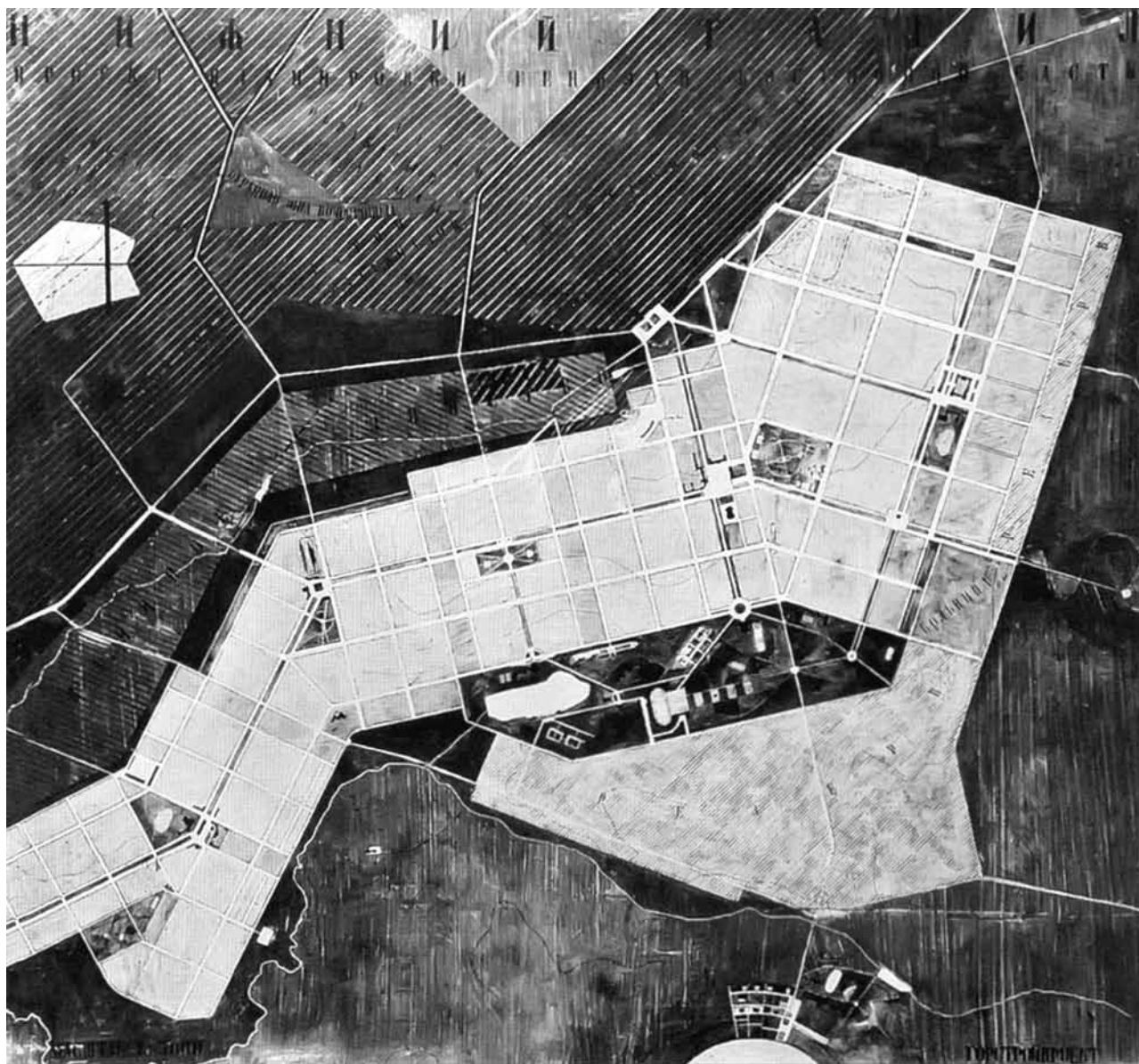
Все это обусловило невозможность размещения проектируемого поселения прямо «под стенами» завода и, главное, сохранение при крупных размерах города радиальных планировок, «завязанных» на предзаводскую площадь. Подобные планировки сохранялись в случае, если были уже заложены, и поселение имело перспективные пути для дальнейшего территориального развития (или (и) являлось частью более крупного городского образования), а предприятие не относилось к классу «А» и его санитарные разрывы не претерпели значительных изменений. Примером такого рода является соцгород Уралмаш в Свердловске, сохранивший лучевую планировку с осями, стянутыми к предзаводской площади. Традиция сохранялась и при проектировании небольших поселений.

При любом характере планировочного решения сохранялась определяющая роль промпредприятия. Направления и интенсивность рабочих потоков предопределяли функциональное зонирование города, трассировку и иерархию магистралей и улиц, виды и систему организации движения транспорта, размещение городского центра (центров) и характер его планировочной связи с предзаводской площадью и главной проходной завода. Функциональная необходимость развитой взаимосвязи города и градообразующего предприятия в различных вариантах и с той или иной степенью архитектур-

ной акцентировки сохранит «заводской» ориентир в генпланах соцгородов, выполненных советскими архитекторами.

В изменившихся обстоятельствах определяющей задачей для планировщика стало функциональное зонирование значительно усложнившегося городского пространства — установление оптимальной взаимосвязи между зонами размещения промышленности, коммунально-складского хозяйства, внешних транспортных узлов, селитбы, пригородного сельского хозяйства, исходя из экономически обоснованных схем движения людей и грузопотоков. Экономически обоснованные и математически рассчитанные основные планировочные показатели селитебной зоны и ее структурных элементов являлись предметом анализа³⁸. В проектах отдельными и развернутыми фрагментами рассматривались: организация жилой зоны; классификация уличной сети города и виды транспорта; система социально-культурного обслуживания населения, включая сеть снабжения и питания; принципы размещения административных и общественных учреждений; техническое и санитарно-гигиеническое оборудование города; система зеленых насаждений.

Государственный заказ был ориентирован на структурированное и стандартизированное, быстро реализуемое и экономичное. Это требование было зафиксировано в новых документах, регламентировавших градостроительную деятельность, — постановлениях ЭКОСО РСФСР от 8 апреля 1929 г. и от 12 января 1930 г. «Правила и нормы застройки населенных мест, проектирования и возведения зданий и сооружений»³⁹. Постановлением ЭКОСО от 12 января 1930 г. устанавливалось проектирование преимущественно прямолинейных улиц: «расположение потоков движения следует проектировать преимущественно по прямым линиям (улиц, шоссе, бульваров и т.п.)», «при планировке территории под застройку надлежит всемерно избегать выбора таких земельных участков, которые вызывают дополнительные расходы...». Структурной основой застройки определялся квартал, и кварталы, исходя из приоритета прямолинейной трассировки, должны были иметь преимущественно прямоугольные очертания. В сравнении со второй половиной 1920-х гг. размер квартала значительно увеличивался, вплоть до 20 га, и кварталы рассчитывались на значительное количество населения — 2500–5000 человек (так, например, для Бакальского сталельного завода — 3800⁴⁰, Орска — 5000⁴¹ и др.), и могли достигать в проектах до 10–15 тыс. (Магнитогорск),

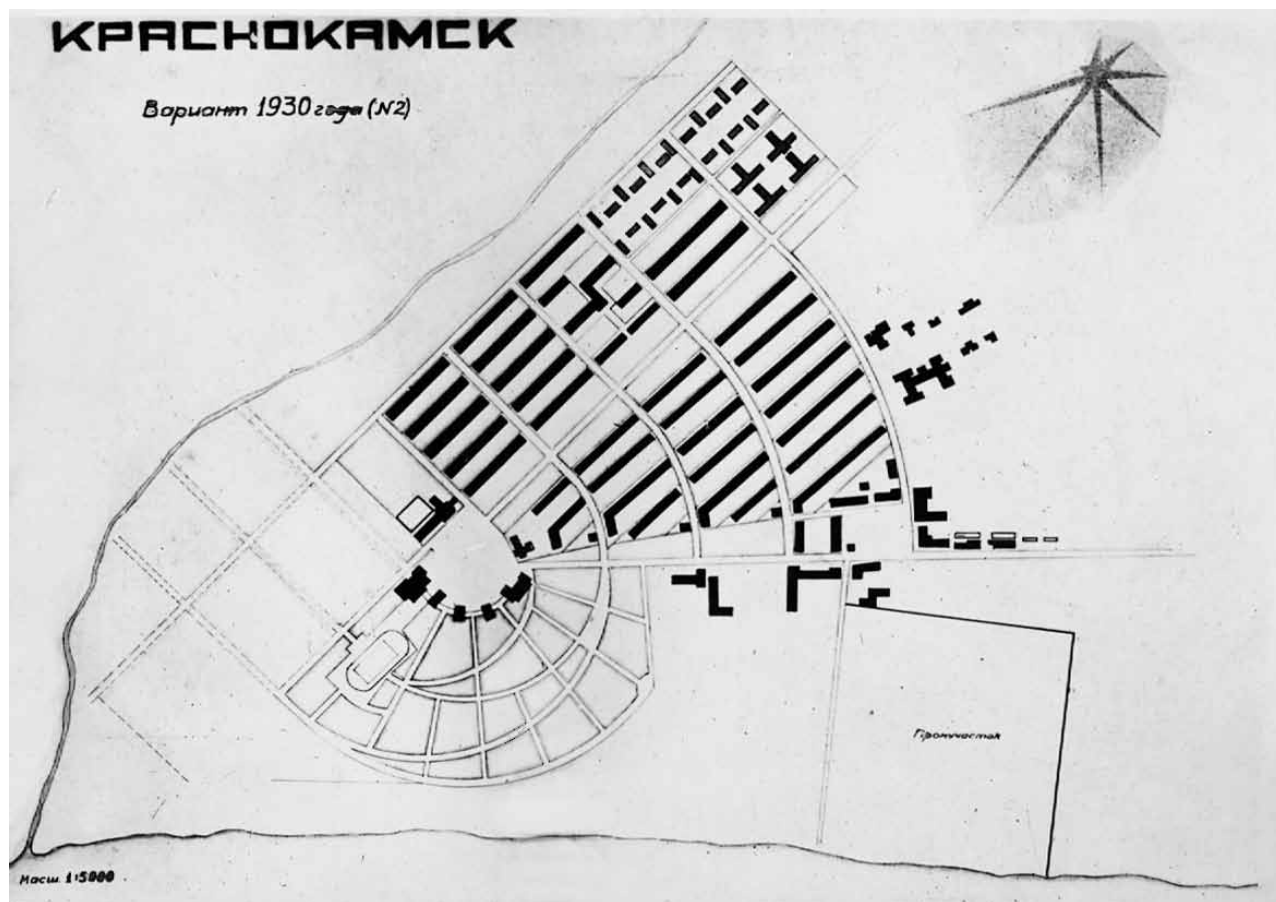

Нижний Тагил. Район Вагонстроя. Проект планировки. Арх. А.М. Мостаков и др. 1934

при этом разделяясь на меньшие «жилкомплексы»⁴². В проектах начала 1930-х гг. укрупненные типовые кварталы, опираясь на каркас магистралей и улиц, формировали регулярную планировочную сетку города. Типологическая близость планировочных схем крупных «социалистических городов» начала 1930-х гг. очевидна. Это демонстрируют, например, проекты Магнитогорска, Орска, Нижнего Тагила.

Основным типом жилых зданий при планировке и перепланировке кварталов утверждалась крупная многоэтажная застройка с минимальными разрывами и соответствующей высокой плотностью заселения (вплоть до 300–350 чел./га). Значительное свободное пространство (норматив застройки квартала – 20% территории) предназна-

чалось для зеленых насаждений, рекреационных зон, спортивных и детских площадок, а также проездов. Вводился приоритет строчной застройки: «при проектировании и застройке новых кварталов рекомендуется, если это представляется по размерам и расположению застраиваемых площадей и другим местным условиям, возможным и целесообразным, применять ленточную систему застройки, с расположением продольных осей зданий перпендикулярно к главным проездам и с оставлением между зданиями свободных проходов и площадей зеленых насаждений»⁴³. Цекомбанк совместно с Центрожилсоюзом, Институтом сооружений и другими заинтересованными ведомствами в 1929 г. издал альбом типовых проектов жилищ, где для го-

Проект поселка Бумстрой (Краснокамск). 1930

родской застройки были предусмотрены в основном 4-этажные секционные жилые дома⁴⁴. В 1930 г. строчная типовая секционная застройка становится характерным элементом проектов планировки поселений при промышленных предприятиях. Так, квартал строчной секционной 4-этажной застройки был предусмотрен проектом соцгорода ЧТЗ (1930, типовые секции Мосстроя, реализован), в соцгороде Магнитогорске были заложены 4-этажные строчки первого квартала (1930, типовый проект Госпроекта, реализован, привязка С.Е. Чернышева), 4-этажные дома были заложены также на ул. Ильича в поселке Уралмаш и в Рабочем поселке Мотовилихинского завода в Перми. Ориентир на подобную застройку был характерен для поселений при промпредприятиях независимо от их размера — например, проект поселка Бумстрой (Краснокамск) 1930 г. предусматривал почти исключительно крупномасштабные кварталы строчной застройки; застройка строчками 4-этажных жилых домов предполагалась и проектом расширения небольшого поселка ЧГРЭС в Челябинске (1930), равно как 4-этажными домами застраивал-

ся и прилегающий поселок Челябинского электрометаллургического комбината.

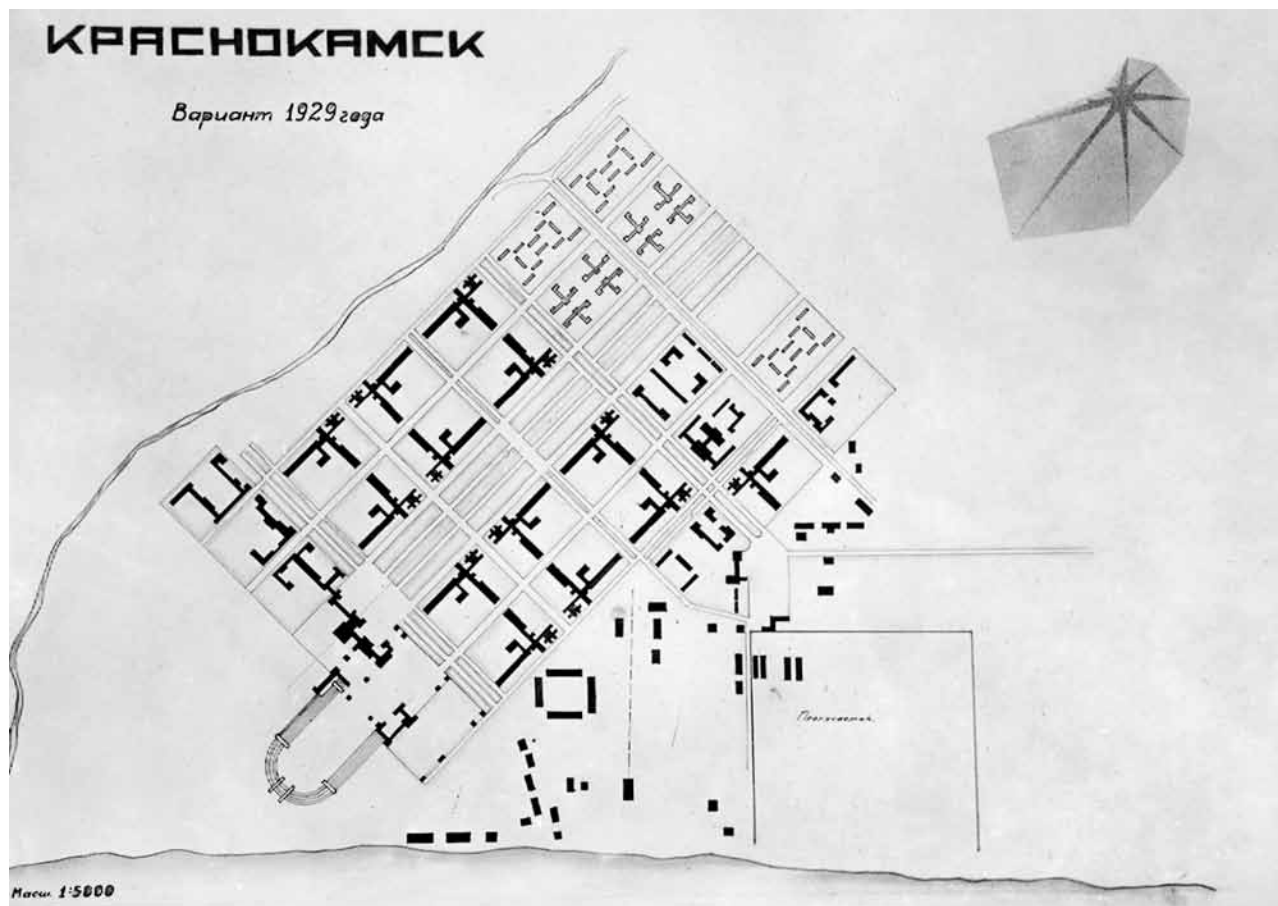
Идея «социалистического» города изначально предполагала коммунализацию жизни, что получило отражение в программах на проектирование соцгородов, например в «Программе всесоюзного конкурса по проектированию соцгорода Магнитогорска» (декабрь 1929)⁴⁵, «Программе для составления эскизных проектов планировки и застройки городов Магнитогорска и Кузнецка и типов жилых домов» (сентябрь 1930)⁴⁶, «Программе для эскизного проекта индустриального рабочего города уральского тракторного завода» (декабрь 1929 — январь 1930)⁴⁷. При этом программы демонстрируют ясно видимую эволюцию. В программах 1929 г. оговаривались, прежде всего, социально-бытовые стороны существования населения соцгорода «в условиях, освобождающих от забот по ведению индивидуальных хозяйств, но с активным участием трудящихся во всех видах коллективного хозяйства и быта своей коммуны»⁴⁸. «Рисовалась» картина жизни трудящихся в жилкоммунах, «на основе полного обобществления культурно-просветительной и бытовой

жизни...»⁴⁹. Все взрослое население, за исключением немощных, должно было участвовать в производительном труде и общественной работе, а дети до 16 лет — находиться на полном общественном обеспечении и проживать в закрытого типа яслях, детских садах и интернатах. Развитый социально-бытовой комплекс (пищевой комбинат, товаропроводящая сеть, банно-прачечный комплекс, универсам, почта, диспансер, больница и т.п.) обеспечивал обыденные потребности. Система централизованного культурного обслуживания (дворцы труда и культуры, образовательный комплекс, парк культуры и отдыха со стадионом и т.п.) создавала условия для коллективизированного отдыха. В соответствии с концепцией обобществления быта жилкоммуна (жилкомбинат) являлась главной темой и, фактически, единственным подробно рассмотренным объектом конкурсного проектирования — ей были посвящены отдельные разделы программ. Причем «недостаточность учета социалистической коллективистской составляющей» подвергалась «жесточайшей критике», как, например, первоначальные установки для проектирования рабочего поселения при ММК, составленные Госпроектом. Только после их соответствующей корректировки они были положены в основу программы Всесоюзного конкурса⁵⁰. То же самое касалось и проекта планировки Магнитогорска, составленного в 1929 г. в Госпроекте С.Е. Чернышевым⁵¹. Подход к принципам организации города, предложенный С.Е. Чернышевым для Магнитогорска, остался достаточно традиционным. Композиционная ось планировочной структуры — широкая магистраль с бульварами и скверами — была ориентирована на комбинат. Городской центр предлагалось сформировать с двумя «ядрами»: а) административно-политическим (площадь со зданиями Дома Советов, партийных организаций, учреждений культуры; б) «производственным» (площадь в основном городе со зданиями заводууправления, главной заводской конторы, ФЗУ, гостиницы, столовой). Жилая застройка предполагалась в двух вариантах: «крупная» — кварталами, «притянутыми» к основной магистрали, с 4-этажными секционными домами с плотностью 300 чел./га и «мелкая», малоэтажная, с плотностью 50 чел./га. Примечателен факт лишь указания необходимости в поселении системы коллективного социально-бытового обслуживания, развитие которой предполагалось только в будущем — «с развитием общественной жизни». В конце октября 1929 г. схема планировки Магнитогорска рассматривалась на заседании СНК РСФСР. При-

существовавший там Н.А. Милютин 29 октября 1929 г. опубликовал в газете «Известия» резкие критические суждения о проекте, упрекая автора именно в отношении «традиционности» проектного подхода, в отсутствии «даже намека на новый социальный заказ» и сохранении духа «мелко-мещанского, пошлейшего из пошлых быта»: «рабочий поселок составлен из группы домов и домиков с кухоньками и мелкими квартирками... Ряд неправильных улиц с группой коммунальных домов, магазинов и пр., 900 гектаров под застройкой, из них половина — под мелкими домами... Где же организация социалистического быта? Где гигиеническое расположение жилищ? Где раскрепощение женщины? Где хотя бы намека на общественное воспитание ребят? А ведь Магнитогорск — первый в СССР чисто советский город, где мы не связаны прошлым, где мы всему миру демонстрируем волю пролетариата в новой общественной жизни!»⁵²

Однако уже в 1930 г. Постановление ЦК ВКП(б) «О работе по перестройке быта» предопределило трансформацию программных документов. Перестройка быта на социалистических началах понималась теперь исключительно как «развертывание общественного обслуживания быта трудящихся (прачечные, бани, фабрики-кухни, детские учреждения, столовые и пр.)». Соответственно, в программе для составления эскизных проектов планировки и застройки Магнитогорска и Кузнецка отдельное внимание было обращено на «ошибки в проектах, разработанных по имевшим место в последнее время конкурсам социалистических городов». Непосредственной ссылки на правительственное постановление не было, но изменения «в соответствии со смыслом директив высших органов» касались именно одного принципиального момента — степени обобществления быта. Составители текста поступили просто: фактически цитируя конкурсную программу на проектирование Магнитогорска, вычеркивали крамольное понятие «жилищная коммуна». Авторы нового документа, тем не менее, пользовались термином «жилкомбинат», который понимался как комплекс с развитым общественным обслуживанием (ясли, детские сады, столовые, клубные помещения, прачечные и т.п.), и синонимом ему употреблялся термин «жилой квартал». В жилом квартале предполагалась комбинированная застройка из домов квартирного и коммунального типа. «Исчезло» общественное воспитание, когда дети до 16-летнего возраста обязательно должны находиться в закрытого типа яслях, детских садах и интернатах процент охвата яслями

Проект поселка Бумстрой (Краснокамск). 1929

Соцгород Челябинского тракторного завода. Проектная перспектива. 1930

и детсадами снизился до 50. Не упоминалось ранее «непременное условие» — теплые переходы между элементами жилого комбината. Так жилкомбинат «рассыпался» на отдельные, пространственно и функционально взаимосвязанные элементы в пределах квартала. Оговаривалось, правда, «то обстоятельство, что... будет расти стремление к обобществлению обслуживания быта... В связи с этим при проектировке зданий с индивидуальными жилыми ячейками надлежит предусмотреть возможность переустройства их в дома-коммуны».

Концептуальная эволюция получила параллельное отражение и в реальной практике проек-

тирования. Нормативные документы 1929 — начала 1930 г., как, например, «Правила и нормы застройки населенных мест» января 1930 г., предписывали переходить от «индивидуальной квартиры и индивидуального хозяйства по обслуживанию семьи к обобществленному хозяйству — к домам-коммунам и к целым коммунальным кварталам». Соответственно, и при проектировании соцгородов предусматривали отдельные кварталы полностью обобщественного сектора (жилкомбинаты) и кварталы «переходного быта» для индивидуально, семейного заселения с обобществлением бытовых процессов «по кварталу». Так, один из вариантов планировки Краснокамска 1929 г. предусматривал застройку в основном кварталами жилкомбинатов⁵³. В проект соцгорода Челябинского тракторного завода 1930 г. была включена зона типовых жилкомбинатов⁵⁴. При этом соотношение между квартирными домами и обобщественным жилищем (общежития и дома-коммуны) государственными установками предполагалось 75 и 25% соответственно. Но даже

в небольшом объеме четверти всей застройки реализации дома-коммуны/жилкомбинаты почти не получили по многим причинам — экономическим, социальным, идеологическим. Уникальным примером является экспериментальный дом-коммуна, выстроенный в Свердловске (по образцу дома-коммуны Наркомфина в Москве) как часть жилого комплекса Уралоблсовета (1931–1933; арх. М.Я. Гинзбург, А.Л. Пастернак, инж. С.Л. Прохоров)⁵⁵.

Не получив полноценного воплощения, идея жилкомбината, тем не менее, оказала решающее влияние на формирование идеи квартала со значительной ролью обобщественного обслуживающего сектора, рассчитанного на полный охват жителей и понимание его как единого социального организма, как «замкнутого целого»⁵⁶. Инструкция НККХ РСФСР 1933 г. предусматривала сформированную структуру сетевого общественного обслуживания в квартале: общественное питание, воспитание детей, коммунально-хозяйственное и культурно-просветительное обслуживание. Территория квартала подразумевала соответствующее зонирование: жилая часть; детская зона, включающая детские сады и ясли; общественно-культурная зона, включающая здание клуба-примитива и сеть физкультурных площадок и сооружений коммунально-хозяйственная зона, включающая прачечную, котельную, складские помещения или сараи, места для временного хранения мусора и т.д.⁵⁷ Инструкция фактически подводила итог предшествующей практике планировки и застройки кварталов соцгородов, в процессе которой и сформировалась концепция, ставшая впоследствии основой микрорайонного проектирования.

Трансформацию идеи «обобщественного быта» в реальной практике строительства первоначально демонстрировали ведомственные жилые комплексы из многоэтажных секционных домов с сопутствующей системой коммунально-бытового обслуживания, чьи проекты создавались в конце 1920-х гг. Подобные комплексы, характерные для застройки крупных городов, были представлены на Урале, прежде всего в Свердловске⁵⁸. Автономный и закрытый для посторонних «Городок чекистов» занимал площадь 4 га (1929–1936, И.П. Антонов, В.Д. Соколов, А.М. Тумбасов, А.К. Стельмашук; совр. ограничен улицами: Ленина, Кузнечная, Луначарского, Первомайская). Он включал 5-этажные «рядовые» жилые корпуса, 8-этажный дом комсостава НКВД и 10-этажное подковообразное здание общежития (совр. гостиница «Исеть»), а также учреждения социально-бытового обслужи-

вания. В центральной зоне комплекса располагалось здание детского комбината (детские ясли и детский сад) и здание поликлиники; в квартале также были предусмотрены клуб, магазин, столовая, баня и прачечная⁵⁹. В жилом комплексе Гостяжпромураля («Дом коммун») (Свердловск, 1930–1936; арх. Г.П. Валенков, Е.Н. Коротков; секция № 1) 6-этажные жилые корпуса были объединены переходами с помещениями социально-бытового обслуживания. Социально-бытовой комплекс предусматривал детский сад, клуб, поликлинику, магазин, столовую, баню и прачечную.

В начале 1930-х гг. квартал с комплексной системой социально-бытового обслуживания стал планировочной единицей промышленно-селитебных комплексов. Яркий пример такой практики представлен, в частности, кварталом соцгорода Челябинского тракторного завода (1930–1933; совр. ограничен улицами: I Пятилетки, Горького, Ловина, 40 лет Октября)⁶⁰. Прямоугольный в плане квартал разделен на четыре однотипных по планировке жилых сектора по восемь домов строчной застройки в каждом. По двум перпендикулярным центрально-осевым линиям квартала, разбивающим его на сектора, в окружении зелени предполагались учреждения соцкультбыта. В 1931–1933 гг. были выстроены детские ясли и детский сад, две небольшие школы на 320 человек каждая, клуб-столовая. Клуб-столовая был своеобразным общественным центром микрорайона с системой культурного (читальня, комнаты для кружковых занятий, танцзал и т.п.) и бытового (столовые залы, продмаг, парикмахерская) обслуживания. В «Основных положениях к планировке второй очереди поселка при ЧТЗ» (1931, проект не реализован) была представлена программа проектирования второго квартала на 32 жилых дома, по своему архитектурно-планировочному решению схожего с первым, но с некоторыми существенными изменениями, касавшимися именно общественного сектора. На каждый из четырех жилых комплексов предусматривался отдельный общественный центр — клуб-столовая с совмещенными клубными и хозяйственными функциями. Кроме того, в центре квартала предполагался дополнительно единый общеквартальный клуб с примыкающим стадионом и спортивными площадками. Предполагалась и система воспитательных учреждений — четверо яслей, в среднем каждые на 120 человек, и одна на квартал крупная фабрично-заводская семилетка на 960 человек. Сфера обслуживания дополнялась также и необходимыми лечебно-профилактическими учрежде-

Городок чекистов. Свердловск.

Арх. И.П. Антонов, В.Д. Соколов, А.М. Тумбасов, А.К. Стельмашук. 1929–1936

ниями — диспансером и родильным домом. Таким образом, с точки зрения проектировщиков, достигалось «большее приближение его (общественного сектора. — *Е.К.*) к населению»⁶¹.

Крупномасштабные кварталы с системой социально-бытового и культурного обеспечения были также запроектированы и в основном реализованы в Магнитогорске (квартал № 1, 1931–1933; арх. Э. Май, М. Стам, Й. Нигеман, В. Шютте и др.; совр. ограничен улицами: Маяковского, Чайковского, Кирова, пр. Пушкина) и Орске (квартал № 8, 1934–1935; арх. М. Стам, Г. Шмидт, К. Пюшель, Х. Абрахам, Т. Вайнер и др.; совр. ограничен улицами: пр. Мира, пр. Ленина, пер. Музыкальный, ул. Станиславского)⁶².

Если квартал обладал первичной системой культурно-бытового обслуживания, то более раз-

ветвленная структура была рассчитана на весь соцгород со значительной массой населения. Тезис «организация города основана на принципах максимального приближения к населению всех видов бытового обслуживания»⁶³ фиксировал один из приоритетов в проектировании. Структура общественных пространств и сетевого обслуживания соцгорода формировала ступенчатую систему в соответствии с зоной охвата. Внутриквартальные общественные зоны находили свое продолжение в районных и общегородских с общедоступными местами социально-культурного назначения, пространствами парков и скверов, также наделенных культурно-воспитующими функциями. Спектр учреждений в сравнении с рабочими поселениями второй половины 1920-х гг. расширился многократно. В проектах планировки появились отдельные

разделы — «Система организации обслуживания», где подробно освещалась эта система как в целом для города, так и для квартала. В формируемую систему сетевого обслуживания соцгорода были включены все виды хозяйственного и культурного снабжения: сети питания, санитарно-гигиенического обслуживания, распределения товаров широкого потребления, воспитания и образования, политехнического обучения, культурного и общественно-политического обслуживания, медицинского обслуживания (диспансеры, больницы, санатории, курорты) и т.п.

Редкий пример полномасштабной реализации концепции «социалистического города» с развитой культурно-бытовой сетью представляет поселение при Челябинском тракторном заводе⁶⁴. Проектные работы велись в Проектном бюро Московского представительства Челябтракторостроя архитекторами А.К. Буровым, В.В. Кратюком, А.В. Самойловым, В.Е. Дубовским⁶⁵, которыми в 1930 г. разрабатывался проект генерального плана и застройки соцгорода ЧТЗ площадью 273 га на 50 000 жителей. Точкой отсчета планировочной структуры служил заводской комплекс, от которого протянулась магистральная ось — от промышленной зоны через соцгород к историческому Челябинску. Вдоль магистрали, к югу от нее, вытянулись комплексы общественных учреждений. Селитебная территория, расположенная к северу, продольно расчленена на две крупные планировочные зоны. Примыкая к главной магистрали, размещены два квартала с блоками жилкомбинатов. Севернее обширную территорию занимают кварталы домов для индивидуально-семейного проживания со строчной застройкой и квартальной системой соцкультбыта. В начале 1931 г. постройку домов-коммун в соцгороде ЧТЗ признали несвоевременной, и акцент был перенесен на строительство по типовым проектам домов с квартирами для индивидуально-семейного про-

живания с «обобществлением бытовых процессов по кварталу», результатом чего стал выстроенный жилой квартал, упомянутый выше. Реализованные объекты соцкультбыта расположились компактно в зоне между предприятием и селитебной частью, в непосредственной близости от жилого комплекса, охватывая его с востока и юго-востока вдоль современных улиц 40 лет Октября и пр. Ленина. Основная часть объектов была выстроена в 1930–1933 гг., полностью застройка была завершена во второй половине 1930-х — 1940-е гг. На одной оси был размещен так называемый комплекс КБС, который включал фабрику-кухню (1932) и банно-прачечный

Соцгород Челябинского тракторного завода.

Схема планировки: 1. Жилой квартал;

1.1. Школы первой ступени; 1.2. Детский сад;

1.3. Клуб-столовая; 2. Квартал жилых домов ИНОРСа;

3. Фабрично-заводская семилетка; 4. Киноclub;

5. Фабрика-кухня; 6. Фабрично-заводское училище;

7. Клуб; 8. Школа; 9. Баня

Жилой микрорайон соцгорода ЧТЗ. Фото 1930-х гг.

Соцгород Уралмаша. Фото 1930-х гг.

комбинат (1932). Для обучения и воспитания детей и молодежи кроме детских яслей, детских садов и школы первой ступени в квартальном комплексе соцкультбыта на весь соцгород была предусмотрена система общего и профессионального образования. Параллельно с застройкой жилого комплекса было выстроено здание школы второй ступени (арх. М.А. Лежень, 1935). В непосредственной близости от промзоны расположилось здание ФЗУ (1931–1932), в 1933 г. было выстроено также крупномас-

штабное здание фабрично-заводской семилетки (ФЗС). Система культурного обслуживания трудящихся соцгорода должна была быть сосредоточена в клубном комплексе, проект которого был создан А.К. Буровым и Г.С. Кирилловым и осуществлен частично. Был выстроен лишь двухэтажный «корпус с кружковыми помещениями» (1933). В 1932 г. был также выстроен и одноэтажный киноклуб.

Застройка соцгорода Уралмаша в Свердловске в начале 1930-х гг. годов не представляла целост-

ного решения и велась в непосредственной близости к предприятию, в основном в границах пр. Сталина (Орджоникидзе), ул. Молотова (40 лет Октября), Победы, Перекопская (Кузнецова) и заводской территории (Машиностроителей), а также отдельными зданиями вдоль улиц Ворошилова (XXI Партсъезда) и Культуры. Среди доминирующей деревянной и каркасно-засыпной застройки (не считая самостоятельных барачных поселков Рабочего и Элеваторного) строились лишь отдельные

каменные жилые дома и здания социально-бытового обслуживания⁶⁶. Так, были выстроены детский сад и ясли, школа (первая половина 1930-х гг., арх. П.В. Оранский), ФЗУ (начало 1930-х гг.), фабрика-кухня (начало 1930-х гг., арх. В.П. Парамонов, М.В. Рейшер, Б.М. Шефлер), баня (начало 1930-х гг., арх. П.В. Оранский), кинотеатр «Темп», стадион «Авангард» (1934–1936, арх. П.В. Оранский).

Примечательно, что концепция соцгорода на переломе десятилетий определяла проектные ре-

**Фрагмент застройки Рабочего поселка
Мотовилихинских заводов.**

Пермь. Фото середины 1930-х гг.

шения не только относительно крупных промышленно-селитебных комплексов, но и небольших поселений. Рабочий поселок Мотовилихинского завода (Пермь), запланированный изначально на 5 тыс. жителей, начинался в 1927 г. с деревянной двухэтажной застройки, но в 1928–1932 гг. уже застраивался каменными 3 и 4-этажными секционными квартирными домами (кварталы в границах улиц Уральская – Лебедева – Циолковского – Индустриализации; Циолковского – Работницы – Лебедева – Уральская; Лебедева – КИМ – Индустриализации – Циолковского). С 1929–1930 г. в соответствии с новыми тенденциями поселок стал обретать развитую систему культурно-бытового обслуживания: в частности, в начале 1930-х гг. были выстроены фабрика-кухня, здание Индустриального рабфака с учебными аудиториями и общежитием (Механический техникум им. Н.Г. Славянова), поликлиника, ФЗУ, баня⁶⁷. Проект планировки поселка Никель-строга (Верхний Уфалей) (1930), рассчитанный всего на 4 тыс. человек и при застройке деревянными 8-квартирными домами «индивидуального типа» с внутриквартальными огородами и садами, предполагал, тем не менее, развитый социально-бытовой комплекс – фабрику-кухню со столовыми-распределителями, клуб-театр, школу и ясли, баню и прачечную⁶⁸.

Таким образом, в соцгороде была сформирована ступенчатая система социально-бытового и культурного обслуживания с территориальной привязкой этой иерархизированной структуры к месту постоянного проживания. Это, в свою очередь, «закрепляло» работников не только близостью места приложения труда, но и зависимостью от системы

распределения и обслуживания, вне которой существование становилось весьма затруднительным. Человек включался в систему заданных и закрепленных производственных и социальных отношений как по своему искреннему желанию, так и оказавшись заложником жизненных обстоятельств. Подобная ситуация, с одной стороны, воспроизводила характерное для индустриальной эпохи строительство «городов-заводов» и «патерналистское» жилищное строительство рабочих поселков при фабриках отдельных «продвинутых» предпринимателей Запада и России. Но в годы советской индустриализации это приобрело масштабный и системный характер, являлось частью системы «социалистического расселения» и одним из ключевых элементов «мобилизационной экономики». При этом прикрывающий суть идеологический флёр «коллективизма» поддерживался всеми агитационно-пропагандистскими средствами, но отнюдь не являлся действительно скрепляющим средством для разноликой и подвижной массы жителей поселений «на социалистических началах».

Стоит сказать, что капитальное строительство в новых соцгородах, как жилищное, так и общественное, продвигалось медленно и составляло «каплю в море» среди основной массы бараочно-земляночной застройки. Отдав жилстроительство в промышленно-селитебных комплексах на откуп промпредприятиям, государство фактически делегировало им свои социальные обязательства, и в комплексе с «выдавливанием» из сферы жилищного строительства частной, общественной и муниципальной инициативы это предопределило советскую специфику жилья «соцгородов» эпохи первых пятилеток. В условиях мобилизационной экономики ни государство, ни предприятие не были озабочены качеством градостроительного планирования и комфортом жилища, а исключительно минимизацией средств на все социальные аспекты для концентрации ресурсов на индустриальном направлении. Так был задан приоритет «временного» строительства и соответствующая типология застройки⁶⁹.

Подводя некоторые итоги, следует сказать, что планировочная конструкция соцгородов начала 1930-х гг. демонстрировала способы решения задачи организации крупного промышленно-селитебного комплекса, трансформацию планировочных подходов от поселка к городу. Как и в предшествующий период, рабочее поселение было привязано к градообразующему предприятию, но композиционное решение с подчеркнутыми лучевыми ориентирами на завод уступило место более сложной

организации городского пространства. Определяющий подход к проектированию — понимание города прежде всего как функционально организованного пространства. В условиях усложнения территориальной и инфраструктурной организации города определяющей задачей для планировщика становилось установление оптимальной взаимосвязи между предприятием и поселением и между отдельными элементами городской среды, исходя из экономически обоснованных схем движения людей и грузопотоков. В проектах отдельными и развернутыми фрагментами рассматривались организация жилой зоны, классификация уличной сети и виды транспорта, система социально-культурного обслуживания, принципы размещения административных и общественных сооружений, техническое и санитарно-гигиеническое оборудование города и т.п. Разнообразие форм планировочных фрагментов уступило место структурному членению города на крупномасштабные, стандартизированные, правильной формы кварталы, формирующие районы. Типизированная многоэтажная застройка с преимущественно строчным характером размещения и коммунальным заселением приходила на смену кварталу-«усадебке» с индивидуально-семейными формами расселения, а государственная монополия на распределение жилища уничтожала приоритет индивидуального и кооперативного строительства. Развитая ступенчатая система общественного обслуживания сменила незначительные коллективизированные потребности в условиях индивидуального или семейного быта и соответствующую ограниченную типологию общественных зданий рабочего поселка. Соцгород обладал и иерархически выстроенной системой общественных пространств, полнота которой зависела от масштабов города: это общегородской центр с главной площадью и расположенными на ней важнейшими городскими объектами советского, партийного, социально-культурного назначения; центры районов со второстепенными площадями; внутриквартальные общественные пространства; система зеленых зон общегородского (ЦПКиО, как правило совмещенный с центральным стадионом), районного (парки, скверы, бульвары и т.п.) и внутриквартального значения, а также внешние (окружающие зеленые зоны).

Важно, что градостроительные поиски этого периода были сосредоточены именно на автономном промышленно-селитебном комплексе. Сложившаяся система ведомственного проектирования и территориальная привязка поселений к «собственному» градообразующему предприятию вызвали

образование разномасштабных городов-конгломератов. И проблема эта была идентичной как для «старых» городов, так и для вновь проектируемых. Связи между поселениями при предприятиях и с историческим городским ядром изначально не прорабатывались, формируя мозаичную картину из старого города и промышленно-селитебных образований, где исторический город рассматривался как периферийный с точки зрения градостроительных интересов, вплоть до предложений «выморачивания». В результате была заложена рассредоточенная планировочная структура уральских городов, характерная, например, для Перми, Екатеринбурга, Челябинска, Нижнего Тагила, Нового Орска и др. Так, за годы первой и второй пятилеток на северной и восточной периферии Челябинска было заложено 30 промышленных предприятий с сопутствующими рабочими поселками, наиболее крупные из которых — тракторный завод, электрометаллургический комбинат, машиностроительный завод, ГРЭС. Тер-

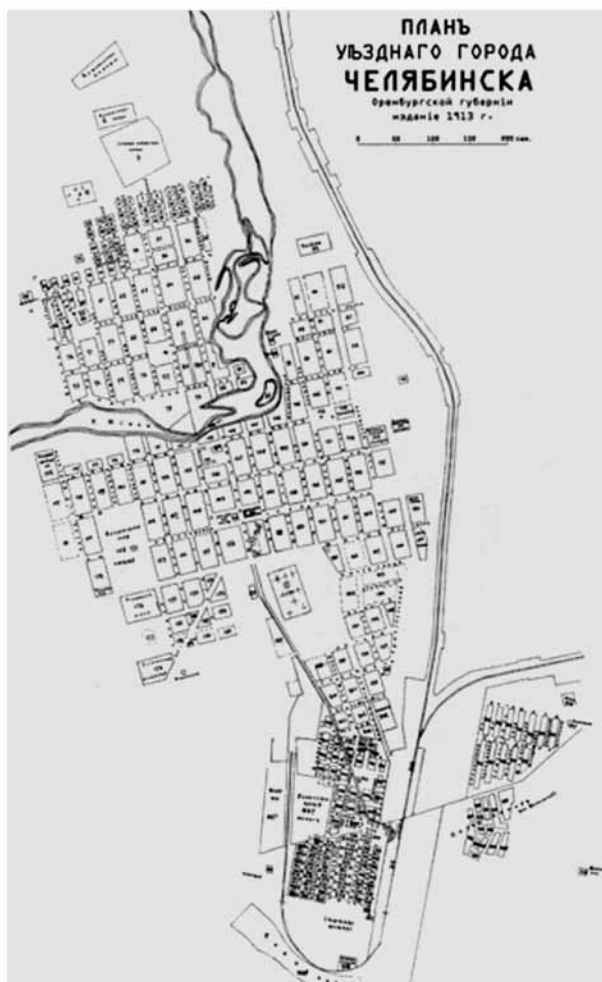
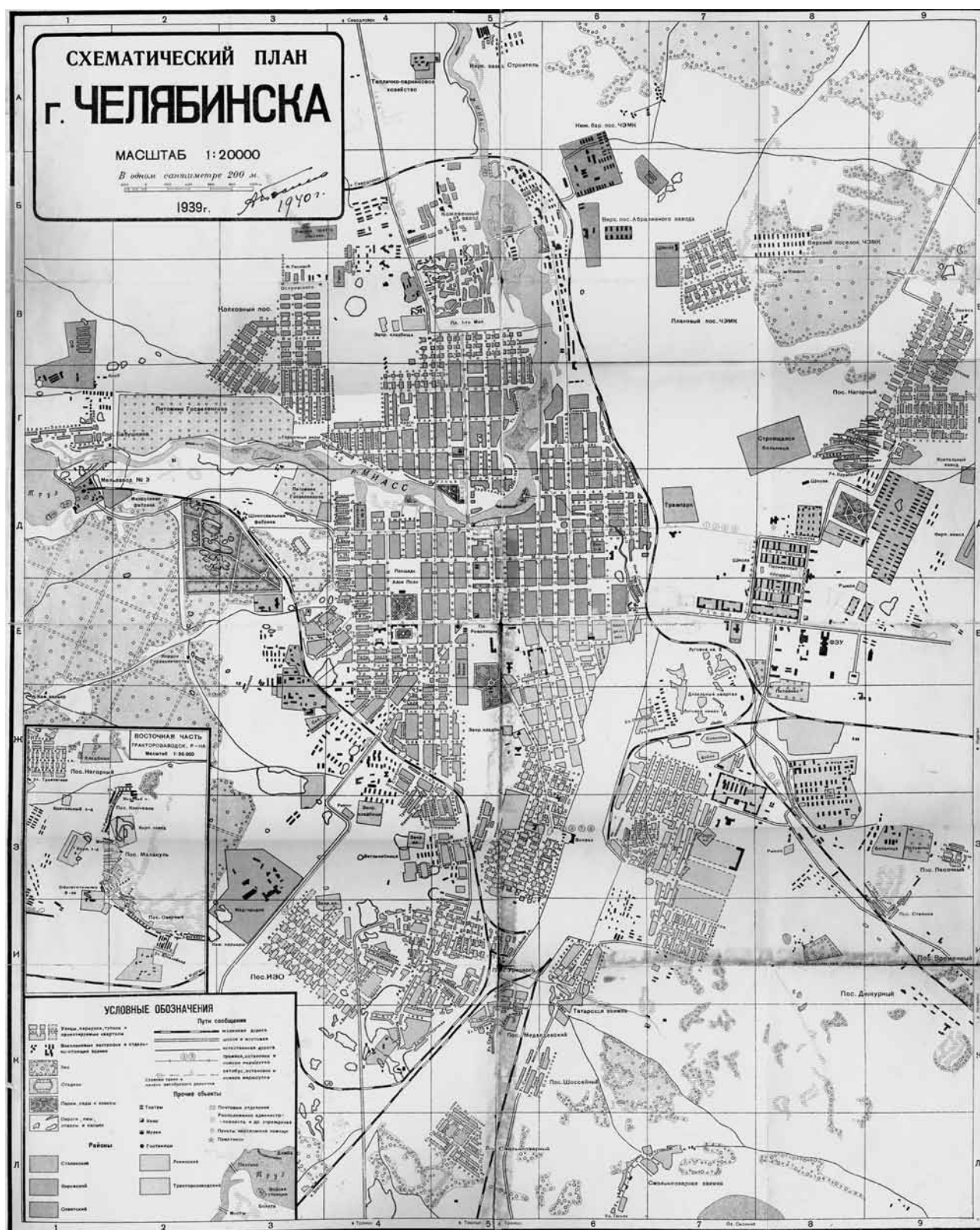

Схема плана Челябинска. 1913

Схема плана Челябинска. 1939

ритория города увеличилась к 1932 г. с 4,7 тыс. до 15 тыс. га, а к 1940 г. — до 20 тыс. га⁷⁰. В середине 1930-х г. расселение в Пермском промышленном районе приобрело четкую ленточную структуру. Пермь вытянулась вдоль Камы на 60 км, вобрав в себя ряд поселков и заводов, значительно увеличившись за счет включения в 1938 г. в свой состав города Молотово (Мотовилиха) и к 1939 г. обретя 300-тысячное население⁷¹. Вокруг исторического Свердловска выросли рабочие поселки Уралмаша, Эльмаша, Вторчермета, Химмаша и др. Будущий Новый Орск сложился из поселений при локомотивостроительном, нефтеперерабатывающем, никелевом заводах, мясокомбинате и других разномасштабных предприятиях, планировочно между собой не связанных. Не исключением являлись и поселения относительно небольших размеров. Например, на базе поселка Каменский завод в Уральской области в начале 1930-х гг. был заложен Каменск-Синарский промышленный узел, включавший трубный и алю-

миниевый заводы с собственными селитебными комплексами. Кроме того, были заложены и многочисленные рабочие поселки, например при железнодорожном узле (Октябрьский), металлургическом (Чкаловский) и магниевом (Ленинский) заводах. К 1950-м гг. на протяжении 30-километровой зоны сложилось около 20 поселений и территорий, занятых фрагментами лесов, садовыми участками, бывшими горными разработками и т.п.⁷² Объединение исторического города Усолье и крупных промышленных поселков (Лёнва, Березники, Новый Чуртан, Калийрудник и др.) сформировало новый город Березники (1932). С развитием строительства в северном и северо-восточном направлениях от Чуртана и включением новых территорий селений город получал территорию в полторы тысячи гектар, рассчитанную на 250 тыс. жителей⁷³.

Противостояние гражданских городских властей и проектирующих организаций, с одной стороны, и промышленных ведомств — с другой, в вопро-

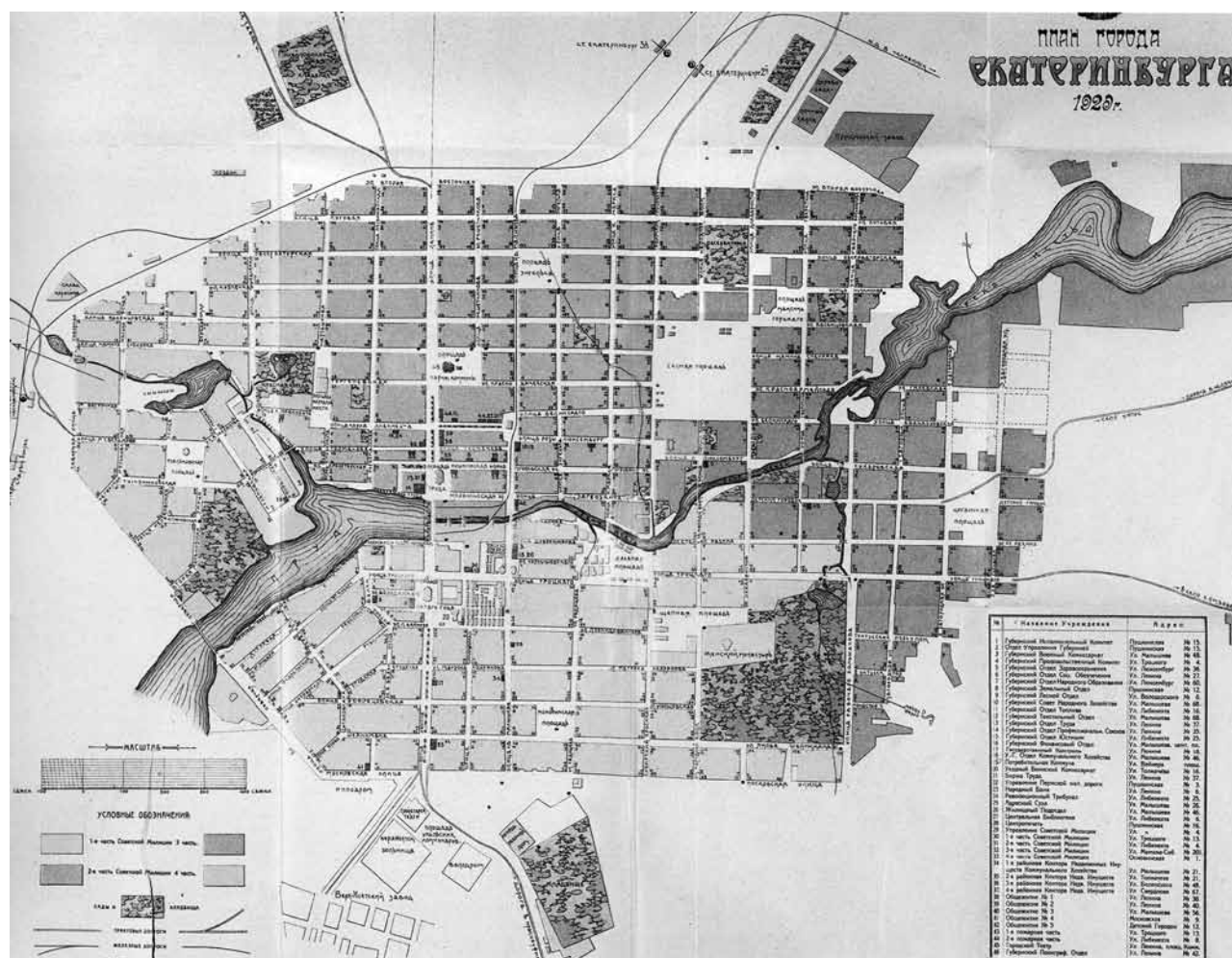

Схема плана Екатеринбурга. 1920

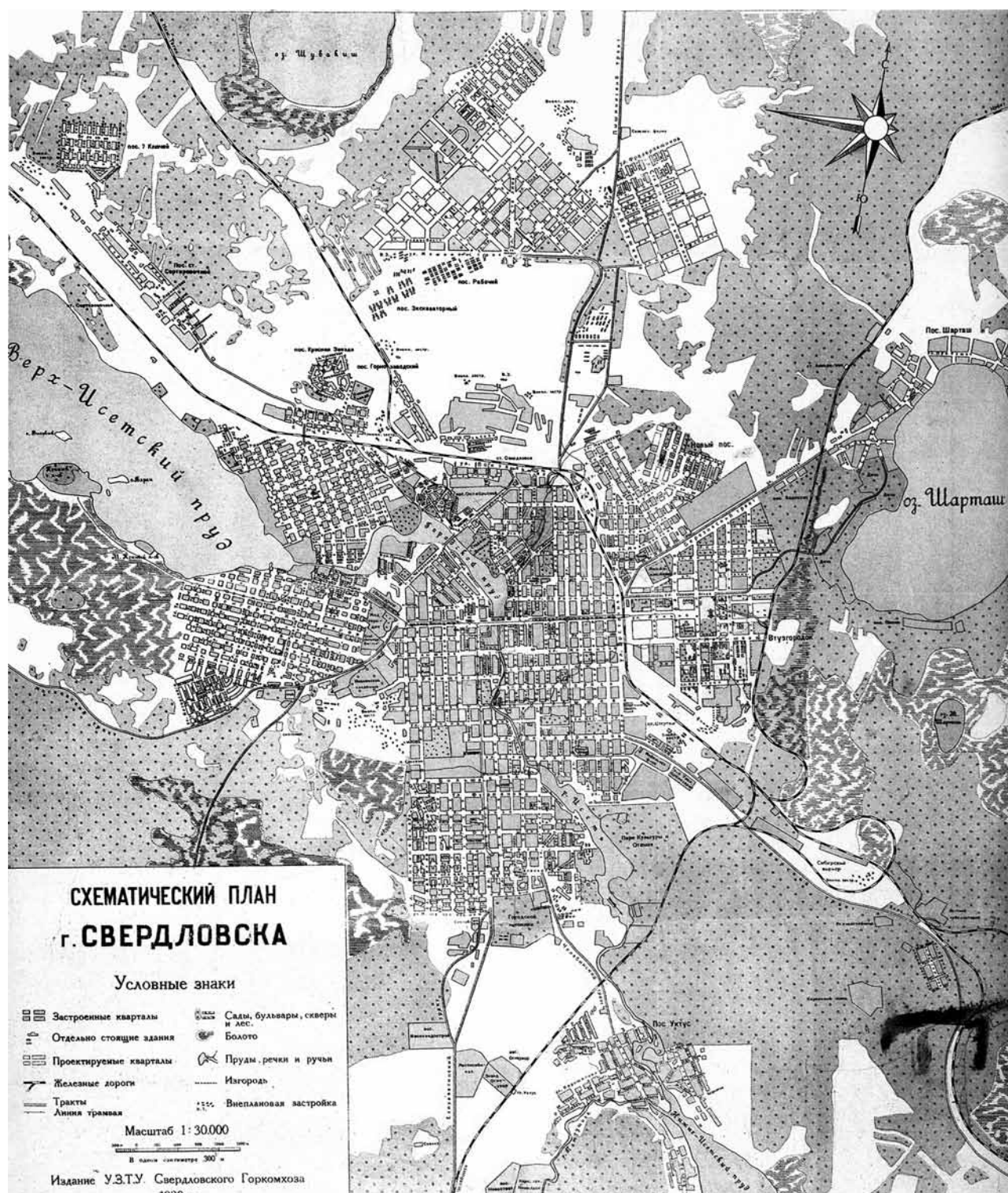

Схема плана Свердловска. 1935

се о понимании перспектив города и целостности городской структуры на этом этапе заканчивалось однозначной победой последних. Требования городской власти о «едином городе», «едином административно-хозяйственно-социально-культурном поселении» и т.п. оставались на бумаге⁷⁴. Региональные власти могли лишь фиксировать проблемы: хаотичность застройки; отказ промпредприятий брать на себя обязанности «по планировке населенных пунктов, существование коих зависит лишь от факта развития данной отрасли промышленности в районе»; строительство рабочих поселений по проектам, «утвержденным лишь в ведомственном порядке по линии ВСНХ, и игнорирование местных органов власти и существующих законоположений»; волокита в предоставлении проектов и их самовольное изменение и т.п.⁷⁵

Проблемы увеличивались многократно с выходом за пределы городского образования и проведением работ по промышленному районированию. Теоретический и практический опыт районной планировки в СССР концептуально рассмотрен в ряде современных исследований⁷⁶, что позволяет не затрагивать этот вопрос в данном тексте и ограничиться лишь перечислением основных проектов районных планировок начала 1930-х гг. в Уральском регионе, являющих характерные примеры подобных образований: «Большое Магнитогорье», Орско-Халиловский, Тагило-Кушвинский и Уфа-Черниковский промрайоны. Направленность на преодоление последствий градостроительной сумятицы эпохи первой пятилетки стала одной из ключевых составляющих следующего этапа в городском планировании Урала.

Начало третьего этапа можно, вероятно, обозначить 1933–1934 гг., когда, во-первых, можно было уже подводить итоги предшествующего этапа форсированной урбанизации и, как следствие, был издан целый ряд правительственных постановлений, закреплявших принципы организации планировки и застройки городов⁷⁷; во-вторых, новый подход к городу уже внятно артикулировался не только в качестве деклараций с высоких трибун, но и в профессиональной прессе и в экспертных оценках градостроительных проектов; в-третьих, проектные документы в это переходное время еще сохраняли инерцию предшествующего периода в формулировке приоритетов и принципов планирования.

Ключевым моментом правительственных постановлений⁷⁸ стала акцентировка роли органов коммунального хозяйства по организации и контролю над планировкой и застройкой городов и

поселений совершенно явно в противовес ведомственному проектированию. На них возлагался контроль над организацией планировки и застройки поселений, съемка, экспертное рассмотрение проектов и контроль за их реализацией «независимо от того, какими ведомствами, учреждениями и организациями проводятся указанные (планировочные. — Е.К.) работы и строительство». Устанавливался единый состав проектной документации, порядок и органы утверждения проектов, формулировалось требование вести застройку исключительно на основе схем районной планировки и на основе предшествующих строительству утвержденных проектов планировки поселений; в свою очередь, им должны были предшествовать плановые задания на проектирование. Строительство новых и расширение старых промпредприятий допускались только при наличии утвержденных проектов планировки населенных мест, обслуживающих эти предприятия, а выбор места для предприятия должен был осуществляться одновременно с выбором места для поселения с расчетом территории для его существования и развития. Как обязательный принцип утверждалось функциональное зонирование территории города, обязательность разработки транспортной инфраструктуры, технического оборудования, системы коммунального обслуживания, озеленения, взаимосвязи с прилегающей территорией и т.п. Закреплялись сроки и разработки проектов и составление «проекта планировки и выполнение всего комплекса связанных с этим работ», «как правило», одной проектно-планировочной организацией, ответственной и за предварительные исследования, даже выполняемые другими конторами. Стремясь полностью поставить под контроль процесс планировки и застройки города, власть централизовала и проектную деятельность на протяжении всей первой половины 1930-х гг. Градостроительное проектирование постепенно стягивалось в ведение ВСКХ и НККХ РСФСР и целенаправленно концентрировалось в проектном институте Гипрогор и его региональных отделениях (как, например, Уралгипрогор). Так, на Урале Гипрогор вел работы по Челябинску, Уфе, Перми со спутниками, Молотову, Ижевску; Уралгипрогор — по Красноуральску, Каменск-Синаре, Березникам, Златоусту. Горстройпроект ВСНХ СССР (НКТП СССР) вел на Урале только редкие проекты по Орск-Халилову, Нижнему Тагилу, Магнитогорску, Ревде, Коркино, оставшихся «в наследство» от предшествующего периода и не «перетянутых» на себя Гипрогором⁷⁹. Градостроительная деятельность в городах все

больше сосредоточивалась в руках городской власти. Мощный рычаг для управления и контроля городские отделы коммунального хозяйства получили с выходом Постановления СНК РСФСР от 26 июля 1935 г., когда была введена должность городского архитектора. Именно на главного архитектора (читай — городскую власть) теперь возлагалось «руководство распределением территории... и отвод участков для всех без исключения видов строительства...; ...разработка... архитектурно-планировочных заданий по застройке и реконструкции всех частей города и отдельных планировочных комплексов...; дача предварительных заключений в части планировки и архитектурного оформления по всем без исключения проектам строительства отдельных зданий и сооружений..., независимо от того, каким учреждениям (центральному или местным) принадлежит, в силу действующего законодательства, утверждение данных проектов...»⁸⁰. Однако реальность оказывалась сложнее. Промпредприятия по-прежнему оставались полновластными хозяевами своего «соцпоселения», «завязанного» на завод (комбинат) всем жизненным циклом; они же финансировали и, соответственно, определяли его застройку; сохранялось и ведомственное проектирование промышленно-селитебных комплексов. Подобная противоречивая ситуация завязала один из «конфликтных узлов» советского градостроения 1930—1950-х гг.

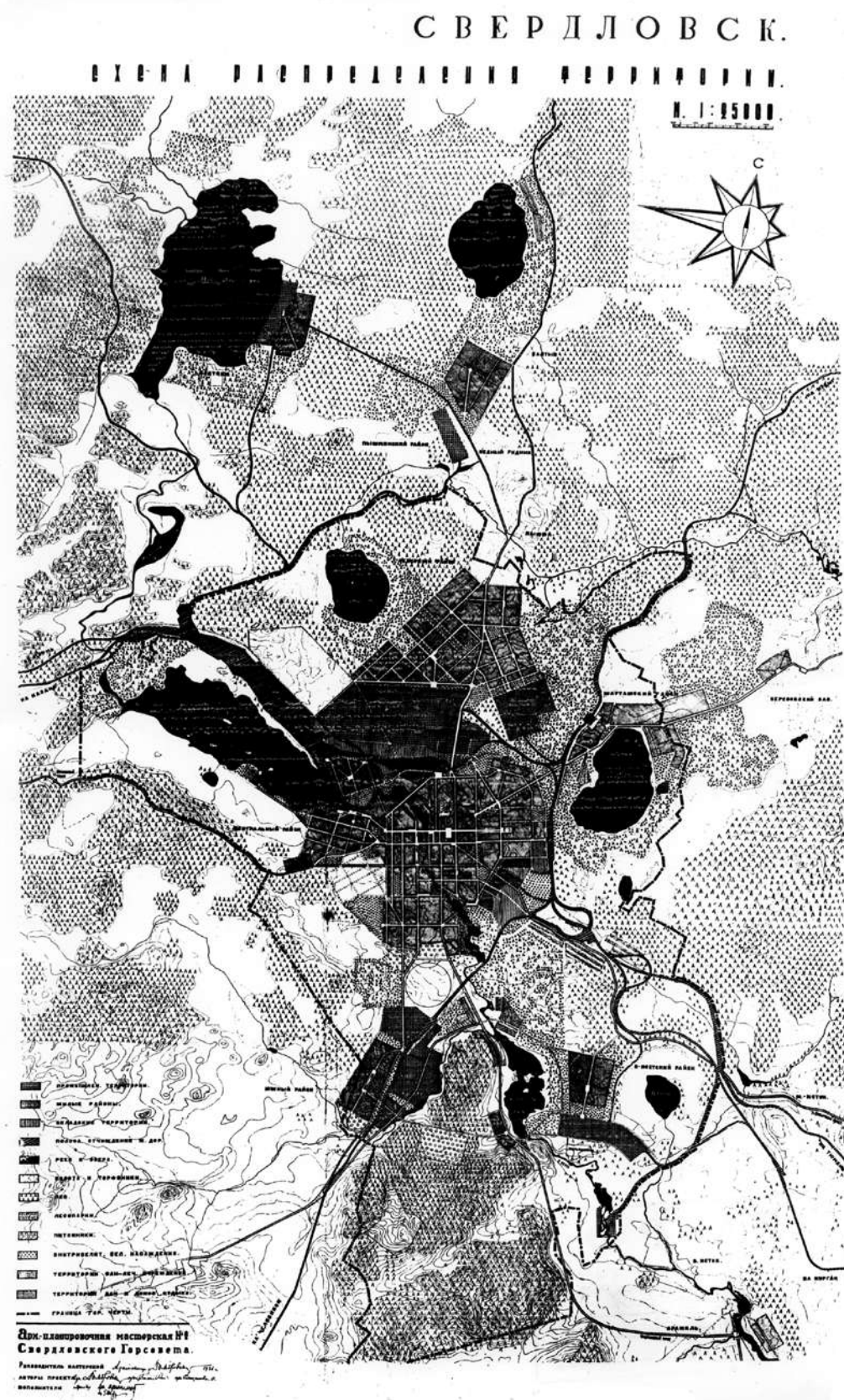
Планировочную проблему многочастного рассредоточенного образования пытались решить за счет проектирования «больших» городских систем — «Большого Свердловска», «Большого Челябинска», «Большой Перми», «Большой Уфы» как «городов-комбинатов», состоящих «из ряда отдельных комплексов, органически связанных между собой и с основным центром — существующим городом»⁸¹. Употребление при этом словосочетания «органически связанных между собой» представляется не вполне адекватным, так как сохранение единства городской территории подразумевалось только через административное управление, транспорт, коммунальную инфраструктуру и снабжение⁸², но не через планировочные взаимосвязи. Для подобной системы расселения в проектных документах 1930-х гг. обычно употреблялись термин «групповой город» или позаимствованное из западного градостроения понятие «сателлитная система»⁸³.

Так, «Большой Свердловск» представлялся в виде 12 комплексов (в северном, восточном и южном направлениях), а количество промпредприятий предполагалось довести до 72⁸⁴. В город-

гигант предполагалось включить прилегающие поселения — Пышму, Березовские рудники, Елисавет, В.-Исетск и др. и решить планировку как «сложный комплекс с включением ряда сателлитов, далеко отстоящих от центра города и не связанных с основным ядром территориями городского характера»⁸⁵. Подобное решение Свердловска как «группового города» было предусмотрено, в частности, в проектах Уралгипрогора (С.В. Домбровский, Н.А. Бойно-Родзевич) (1930, 1932—1933) и 2-й архитектурно-планировочной мастерской Свердловского горсовета (рук. проекта С.В. Домбровский) (1936—1938). В районе Перми было намечено 47 новых промышленных предприятий, сформированных в промышленные группы и с соответствующей «спутниковой» планировкой «Большой Перми» с населением около полумиллиона человек к 1937—1938 гг.⁸⁶ Первая работа по планировке «Большой Перми» была выполнена в 1928—1929 гг. под рук. В.Н. Семенова с центральным городом и городами-спутниками. Эта идея получила дальнейшее развитие в проекте «Большой Перми» с системой спутников (Гайва, Закамск, Нижняя Курья, Краснокамск), разработанном в Гипрогоре (1931, рук. Л.А. Ильин)⁸⁷ и в проекте Гипрогора 1932 г. (рук. В.П. Яковлев, арх. А.М. Суборов, К.М. Зайченко)⁸⁸.

С началом второй пятилетки в генпланах подобных крупных и рассредоточенных городских образований появляется новая направленность — на единение городской структуры. Эта тенденция с каждым годом становилась все более отчетливой, все активнее подчеркивалась в проектных документах. Прежде всего это имело функциональную (производственную) подоплеку: предприятия могли объединяться в единый комплекс, формируя непрерывную промышленную зону. Подобного рода путь предполагала схема планировки Нижнего Тагила (1933; Стандартгорпроект, арх. А.М. Мостакос и др.). Заголовок одного из подпунктов в изложении принципов генплана в журнале «Планировка и строительство городов» звучал весьма симптоматично: «Система городов или единый город?»⁸⁹ Архитекторами предлагалось два варианта перспективного развития Нижнего Тагила. Первый: формирование рассредоточенной структуры из трех населенных пунктов (один — на территории старого города и свободных участках, предназначенных для новых предприятий, второй — на участке Вагонстроя в 8 км от старого города, третий — у рудника им. III Интернационала). Второй: формирование единого ленточного города, связывающего все эти элементы, но также с децентрали-

*Свердловск. Схема распределения территории. Проект. 2-я мастерская Горсовета.
Рук. С.В. Домбровский. 1938*

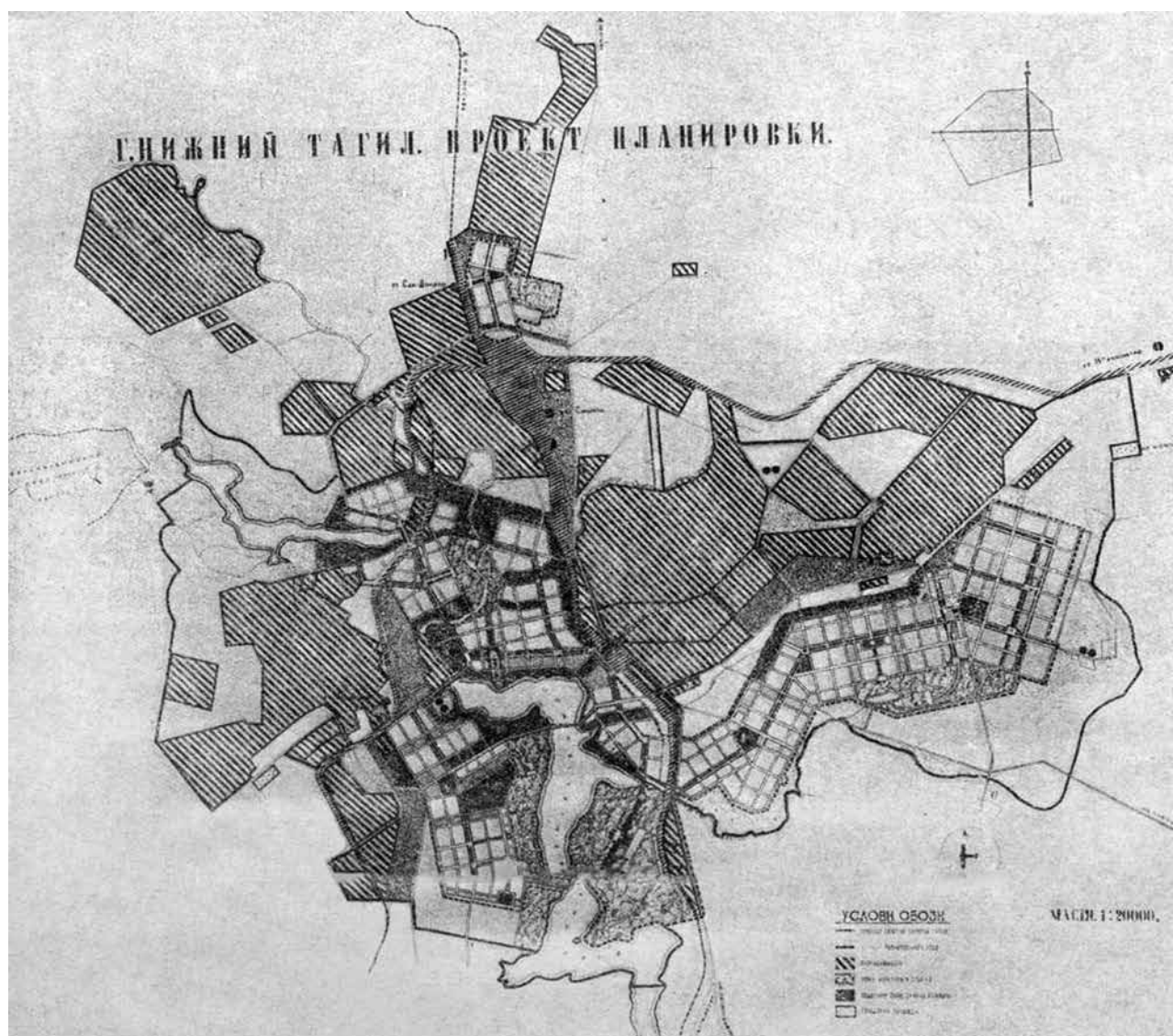

цией отдельных районов. Однозначно проектировщиками был избран вариант именно единого города. Все обозначенные моменты весьма прагматичны: это и земельный баланс ограниченной территории для размещения планируемого 360–380-тысячного населения, единство инженерных сооружений, и, главное, предполагаемое использование резервной территории между металлургическим заводом и Вагонстроем, которая, «безусловно, заполнится промышленностью».

На тот же вопрос: «Как решить селитбу? Системой городов или одним городом?»⁹⁰ — создатели генплана Челябинска 1934–1936 гг. (Ленгипрогор, арх. Н.Г. Эйсмонт, С.М. Гутлиб, Д.Д. Барагин и др., инж. Г.В. Шелейховский)⁹¹ отвечали по-иному. Они демонстрировали сравнением вариантов утопичность идеи централизованной структуры, превращающей Челябинск в город-гигант. Предполагалось создание агломерации из трех крупных комплексов — Челябинска, Копейска (угольный бассейн) и Бакала (на градообразующей основе металлургического комбината), где Бакал и Копейск планировались как спутники Челябинска. По отношению к собственно Челябинску идея «единения» была выражена предельно отчетливо, хотя градостроительная ситуация была чрезвычайно сложной. Сложившееся размещение многочисленных промышленных предприятий диктовало основное направление развития города на север, восток и юго-восток, от центра к окраинным промышленно-селитебным зонам. Однако возможности роста города в заданных направлениях ограничивались отсутствием достаточного количества пригодных для селитебного развития территорий. Пределы определялись зоной отчуждения промышленных предприятий, железнодорожными магистралями и естественными природными преградами — озерами и зелеными массивами, которые необходимо было сохранить вблизи промышленных зон. Открытыми для роста города оставались западное, северо-западное и юго-западное направления, где промышленного строительства не предвиделось, а значит, усложнялась связь между новыми жилыми районами и местами приложения труда. Тем не менее планировка Челябинска предлагалась «в форме компактной группы тесно связанных между собой селитебных пятен, объединенных в одно композиционное целое»⁹². Явное противоречие между реальной градостроительной ситуацией и вынужденным стремлением архитекторов к «концентрации селитебных районов в компактный архитектурный организм, подчиненный единой планировке»⁹³, свидетельствует и об иных

причинах такого подхода, лежащих вне собственно градостроительной сферы.

Указание на причину проскальзывает в тексте пояснения к генплану Нижнего Тагила, но уже в варианте 1935 г. (арх. А.М. Мостаков, Н.Н. Смирнов, Б.В. Данчич и др.). По-прежнему определяющую роль для вынужденного решения Нижнего Тагила как единого города играют функциональные причины: «Роза ветров, рельеф и растяженность промышленности привели к необходимости использования наилучшим образом всей территории, охватываемой промышленным пятном на западе, и полосы, заключенной между реками Малая и Большая Кушва на востоке. Попытка проектировщиков использовать иные варианты решения, менее натянутые и более естественные по пятнам и архитектурной форме, всякий раз кончались неудачей. Один из наиболее вероятных приемов — разрыв полосы и создание в восточной части при Вагонстрое отдельного селитебного района как спутника основного организующего пятна на западе — оказался невозможным... Нелогичным это являлось потому, что такое движение противоречит западно-восточной ориентации промышленности и, главное, всей системе инженерного оборудования, при которой зависимость восточного пятна от западного чрезвычайно сильно выражена». Но здесь же проектировщики проговаривают и иной важный, с их точки зрения, резон такого подхода — существующие централизованные «установки»: «Кроме того, не меньшим фактором, подтверждающим эти предположения, служит почти установившееся мнение о целесообразности создания единых городов, а не раздробленных»⁹⁴. Во второй половине 1930-х гг. подобная «установка» остается единственной. В заключении экспертизы ВСКХ по планировке Свердловска 1937 г. уже четко и безапелляционно прописана необходимость единого города, а не комплекса спутников⁹⁵. Идея С.В. Домбровского и Н.А. Бойно-Родзевич «построения всего города в целом как сложного комплекса с включением ряда спутников далеко отстоящих от центра города и не связанных с основным ядром территориями городского характера»⁹⁶ была отвергнута. Проектирование было передано в Ленгипрогор, и новый генплан Свердловска, разработанный в 1938–1939 гг. и утвержденный в 1940 г. (Ленгипрогор, рук. В.П. Яковлев), предполагал уже единую городскую структуру. В единый город вновь были слиты Пермь и Молотов (б. Мотовилиха) (первая попытка — 1927–1931), и общегородской центр был запроектирован на так называемых Городских Горках, расположенных между двумя поселениями⁹⁷.

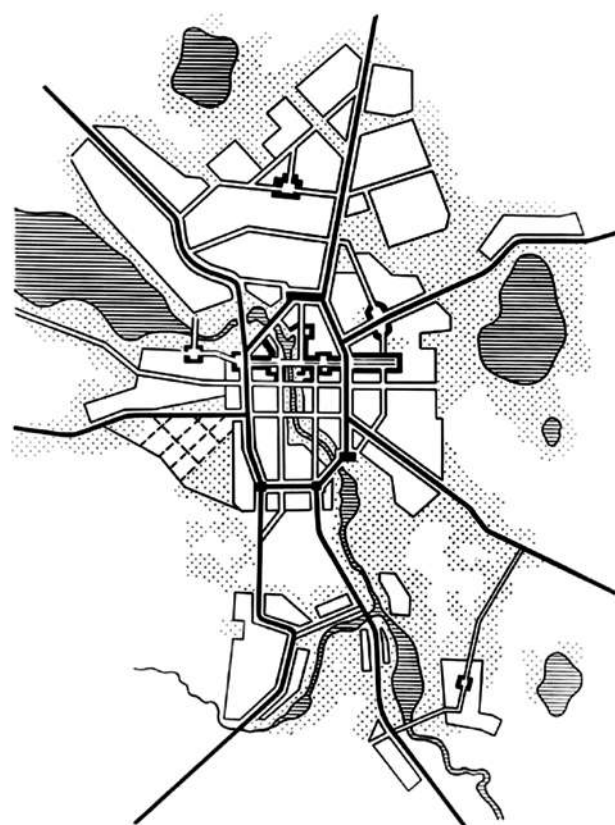
Генплан Н. Тагила. 1935. Горстройпроект. Арх. А.М. Мостakov и др.

Тенденция к единению и централизации городской структуры была обусловлена прежде всего «государственным заказом», предполагавшим формирование структурированного и, соответственно, выстроенного на основе соподчинения элементов городского пространства. «Хаос» множественных соцпоселений вкупе со слабостью муниципальных органов и силой директората градообразующих предприятий и промышленных ведомств за их спиной расплывал «административный ресурс». Интересам власти больше соответствовало членение и городской структуры, и административных органов, и системы обслуживания по принципу «квартал — район — город» со строгим соблюдением иерархизированной вертикали. «Горизонтальные» взаимоотношения стали невозможны. Иерархизи-

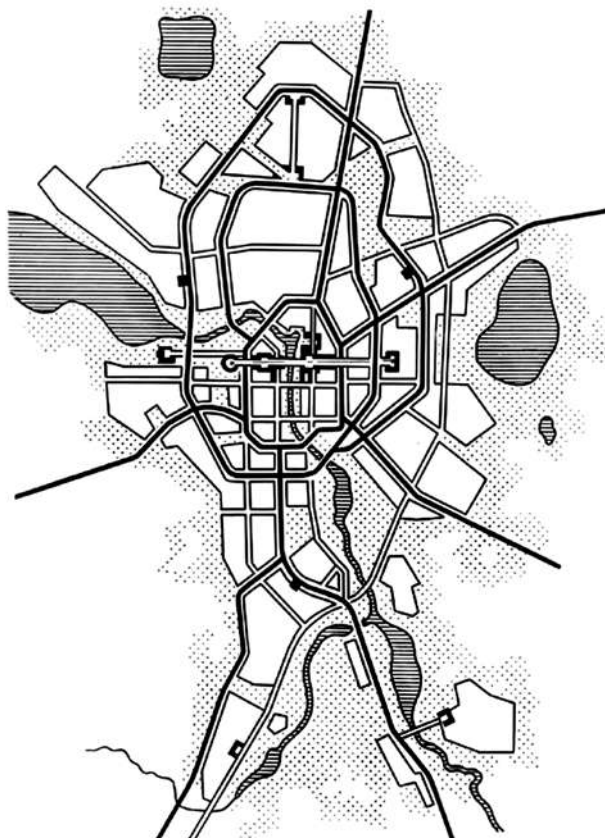
рованная структурная организация города отражала принципы организации в целом тоталитарной государственной системы. Автономные соцгорода постепенно становились элементами единой планировочной системы большого города и превращались лишь в отдельные промышленные районы, как правило периферийные в новой городской структуре. В сравнении с предшествующим этапом акцентировался планировочный моноцентризм и соответствующее градостроительное внимание к планировочному и образному решению городского ядра.

Проектами нового города предполагалось создать «единый объемно-планировочный архитектурно-целостный организм», подчиненный «основной архитектурной идее»⁹⁸, выражавшей идеологический концепт. Синтезирующими сред-

- Застроенная территория
- Озелененная территория
- Центр города и наиболее крупные центры районов
- Главная улица города — улица Ленина
- Вылетные магистрали и транспортное кольцо
- Некоторые магистрали общегородского значения

- Застроенная территория
- Озелененная территория
- Центр города и наиболее крупные центры районов
- Главная улица города — улица Ленина
- Вылетные магистрали и транспортные кольца
- Некоторые магистрали общегородского значения

Схема генплана Свердловска. 1936 (а) и 1939 (б)

ствами градостроения фактически предполагалось сформировать пространство-метафору, воплощающее «прекрасный новый мир».

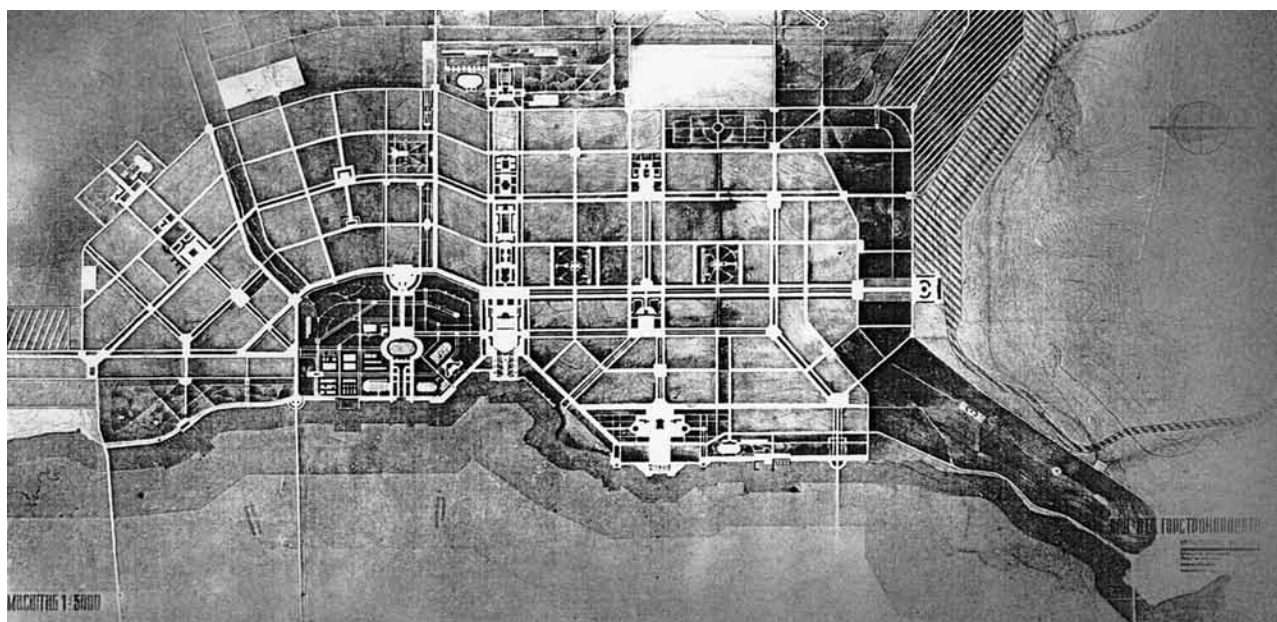
В соответствии с формирующейся концепцией «города-ансамбля» от проектировщиков все громче и все настойчивее начали требовать архитектурно-художественного оформления городской среды. За тем, что было порождено «функционализмом», — целесообразностью, стандартизацией, повторяемостью типовых структурных элементов и сооружений и т.п., уже не признавалась самостоятельная ценность. С новой точки зрения, при проектировании городов на рубеже 1920–1930-х гг. «пристальное внимание уделялось всему сложному комплексу вопросов по инженерным сооружениям... При проектировании проводился принцип строгого функционализма... В этих проектах вопросы архитектуры города отодвигались на задний план, а в большинстве

случаев просто игнорировались... Если детально ознакомиться с этими работами, то в них проводится одна и та же идея плана: город решается стандартно... Правильно задуманная организация города с решением максимального приближения к живущим культурно-бытового обслуживания... имеет весьма неприятное планировочное отличие в виде штампованных стандартных элементов, повторяющихся бесконечное число раз в зависимости от величины города...»⁹⁹. С той же точки зрения, «осуществляемые в настоящее время в натуре проекты наших крупнейших городов — Магнитогорска, Сталинска, Нижнего Тагила и др. — ясно говорят, что они проектировались методом раздельного проектирования планировки и архитектуры. Основным мерилом проекта берется лишь выполнение основных заданий на данный проект города в части, касающейся взаимного расположения территорий, размещения

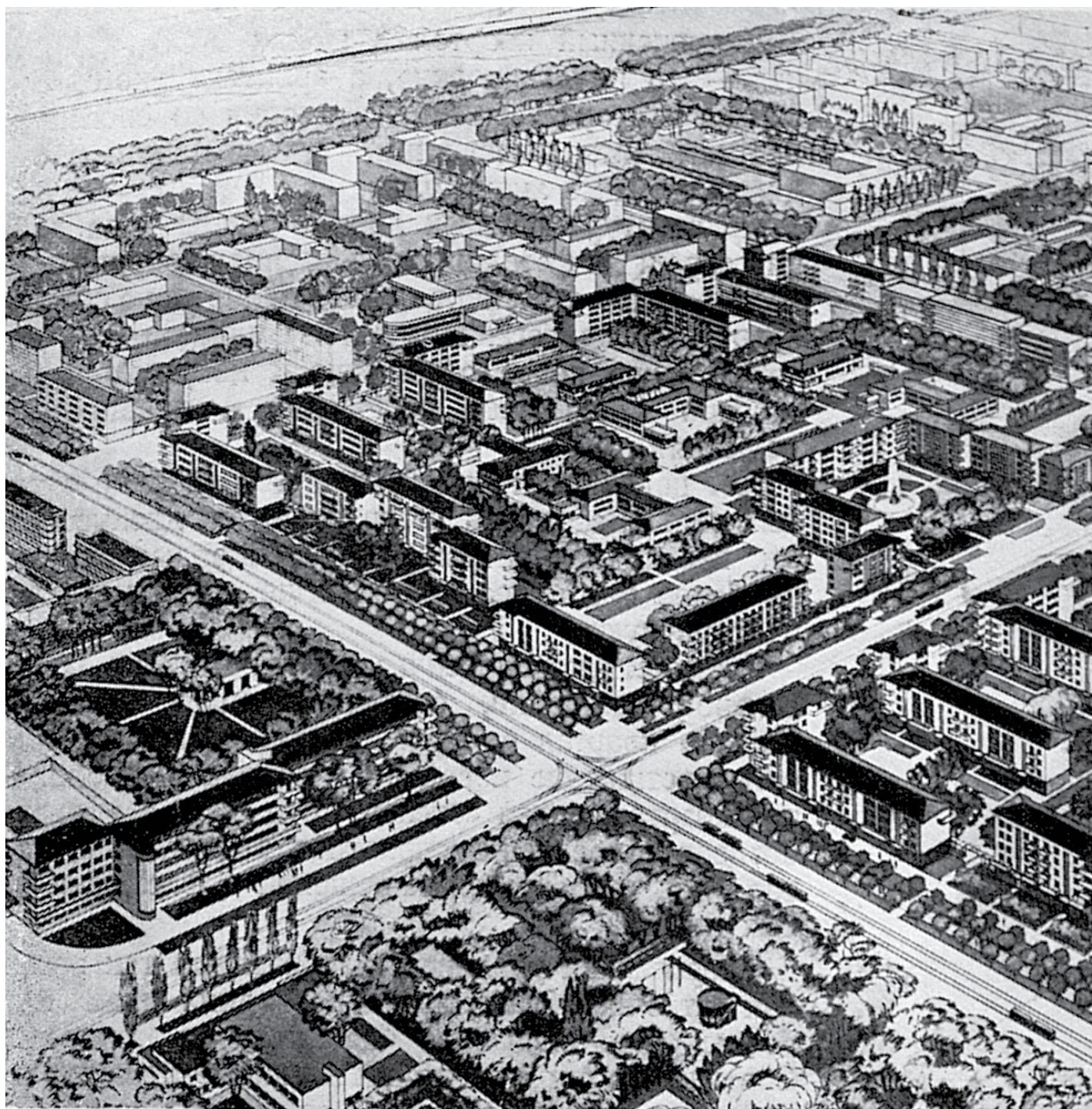
требуемого количества жителей, обеспечение транспортной связи и культбытового обслуживания. Вопросу же, как будет выглядеть проектируемый город в натуре и можно ли будет на базе такой планировки создать интересные архитектурные ансамбли, при оценке проекта планировки уделяется недостаточное внимание. Наши новые города безличны, они все похожи друг на друга, в них трудно ориентироваться, они скучны. К счастью, они все еще только в процессе постройки первой очереди и еще не поздно подумать о внесении поправок и изменений, могущих резко изменить к лучшему их лицо»¹⁰⁰. «Безлико» стало синонимом «безыдейно» — а последнее в стремительно идеологизирующемся архитектурном творчестве было совершенно недопустимым: «что в самом деле могут выразить мертвые линии схематического изображения? В крайнем случае, систему планировки или идею транспортной сети, но не архитектурный образ...»¹⁰¹. Социально-экономические, инженерно-технические вопросы, естественно, сохранялись и прорабатывались. Вырабатывались и внедрялись нормативы городского планирования с регламентацией обязательных элементов генерального плана, с обязательным подробным анализом «техничко-экономических обоснований». Но при этом резко осуждалось «снижение планировки города до уровня транспортно-геодезической задачи». Как и на рубеже 1920–1930-х гг., образовывались параллельные пространства отвлеченных градостроительных идей и представлений и реального процесса проектирования и строительства.

«Актуальным» языком начали наполняться тексты генпланов и экспертных оценок. Не просто необходимость акцентировки художественной стороны (звучавшая уже с 1932 г.), а именно ансамблевые приоритеты начали внятно артикулироваться в экспертных оценках с 1934 г. Так, в критике генплана Нового Орска определяющим термином становится «ансамбль». Заключение «О проекте планировки соцгорода Орска...» (июнь 1934) рекомендовало создать «целостный ансамбль городских площадей»¹⁰², планировать кварталы как «замкнутый в себе архитектурный ансамбль со своим композиционным центром и вместе с тем входящий как часть в общегородской ансамбль»¹⁰³. Архитектурный ритм, архитектурное оформление, архитектурная обработка, архитектурный ансамбль, архитектурно-композиционный центр — эти словосочетания определяют язык текста при разборе проекта. Схема генплана Челябинска (1934) (Ленгипрогор, рук. В.А. Витман, арх. Н.Г. Эйсмонт, С.М. Готлиб, Д.Д. Барагин, Б.С. Помпеев, Н.В. Баранов и др., инж. Г.В. Шелейховский) осуждалась за то, что «в центре внимания... требования инженерии и экономики, понятые в отрыве от архитектурных задач строительства города», в результате чего архитекторы «не сумели архитектурный образ города сделать основой всей работы над схемой». По мнению критиков, не было найдено архитектурного выражения сетки магистралей («с точки зрения пространственных ансамблей»), площадей (которые «решены в проекте только как транспортные узлы, а не как архитектурные цен-

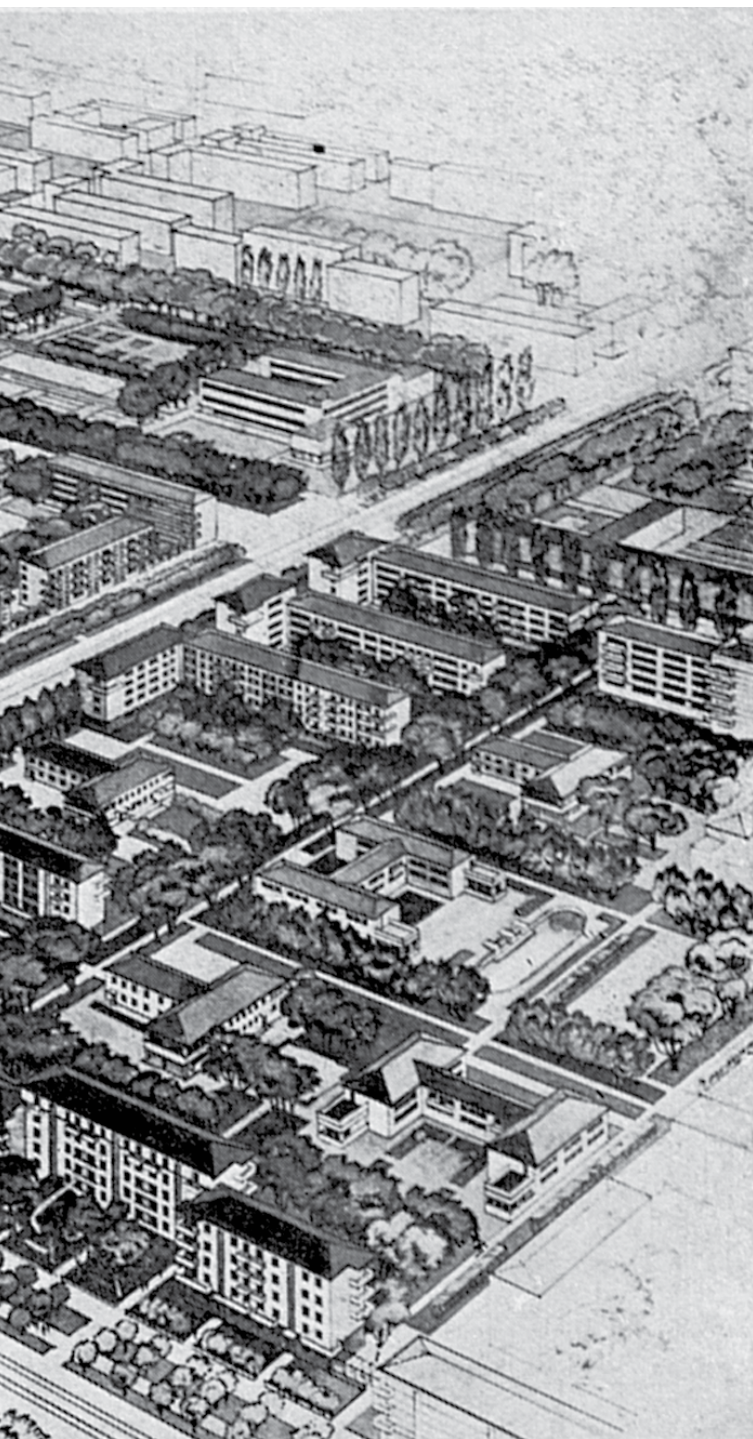
Магнитогорск. Генплан правобережного города. Горстройпроект. Арх. Б.В. Данчич и др. 1934

Магнитогорск. Эскиз планировки кварталов смешанной застройки. Арх. Б.В. Данчич и др. 1933

тры)), реки Миасс; дана «плоская трактовка» без «объемного выражения планировочного замысла»; не представлено «ни одного графика, поясняющего архитектурную идею города, чертежей, анализирующих силуэт города, восприятие города» и т.п.¹⁰⁴

Подобная критика, исходившая от экспертов НККХ, уже воспринявших новые установки, ясно демонстрирует, что проектировщики, пусть и столичных проектных трестов, еще не успели отрефлексировать поворота и перевести декларации в конкретику градостроительных решений. Проекты 1934 г. представляют именно этот переходный период.

В качестве примера кроме вышеупомянутых проектов Орска и Челябинска можно привести и схему планировки правобережного Магнитогорска (Ленгорстройпроект, рук. арх. Б.В. Данчич, инж. В.М. Попов)¹⁰⁵. Комментарий к проекту содержал прямую отсылку к опыту функционализма, проект составлялся «ни в коем случае не уходя от тех огромных достижений, которые дала функциональная архитектура последнего десятилетия» в планировочной сфере, и отвергая только ее «нищенски-аскетическую» художественную форму. Такая «архаика» не представляется странной, учитывая место составления проекта — Горстройпроект, центр функционалистского градостроения начала 1930-х гг. с определяющим западным влиянием на практику планировки соцгородов. Согласно проекту 200-тысячный правобережный город функционально зонировался. Сетка меридиональных (вдоль пруда) и широтных магистралей (продолжение дамб-переходов) рационально организовывала пространство. Это решение обосновывалось как «наиболее целесообразное в условиях правобережного рельефа» и направленности основных потоков транспортного и пешеходного движения. Крупномасштабные жилые кварталы чередовались с поперечными полосами для детских учреждений, клубов и других общественных зданий, образующих «непрерывные зеленые широкие полосы, защищающие жилые кварталы от северных и южных ветров». Предполагалась смешанная — периметральная и строчная меридиональная застройка кварталов. Для размещения общественных центров — районных и общегородского — используется естественный характер рельефа и видовые перспективы пруда. В целом акцентируются «большие возможности планировочно-архитектурных решений благодаря непосредственной близости большого водного бассейна и своеобразного рельефа самой площадки» и декларируется, что «архитектурная физиономия города может быть до некоторой сте-

пени предрешена самой планировкой, использующей природные особенности места»; и в этом случае «город, несомненно, должен быть красивым». В тексте полностью отсутствуют ансамблевые «заключения». Из новаций можно отметить лишь крупномасштабность площадей, ширину магистралей (основные магистрали 100 м с бульварами в 60 м, экваториальные — 60 м с бульварами в 20 м), указание на то, что наилучшая меридиональная ориентация домов дает и иное преимущество в случае доминанты меридиональных магистралей — возможность разместить дома фасадами, а не торцами к улицам, повышение этажности до 6–7 этажей при определяющей застройке в 4 этажа¹⁰⁶.

Также и «Социально-экономические установки и схема распределения территории г. Челябинска», выполненные в 1934 г. в Ленгипрогоре под руководством А.К. Чалдымова¹⁰⁷, также не затронуты поворотом советской градостроительной теории в сторону приоритета «художественного начала» перед «социалистической» организацией жизни. В документе по-прежнему утверждалось, что «принцип обобществления быта — одно из руководящих начал при проектировании социалистического города, поскольку оно непосредственно определяет перечень, масштаб и условия размещения ряда элементов городского плана». Структурной ячейкой города определялся жилой квартал с «элементами обобществления быта» — первичными коммунальными учреждениями. Предполагался «широкий охват населения квалифицированными видами массового коммунистического воспитания и культурно-просветительной работы; обеспечение его коммунальных и социально-бытовых нужд...; создание наиболее благоприятных в социально-гигиеническом отношении условий жизни; рациональная организация транспорта; обеспечение трудящимся максимальных удобств; наконец, архитектурно-художественное оформление города...». Столь обширная цитата необходима, так как она демонстрирует приоритеты, лежавшие в основе градостроительной концепции, и особенно примечательно, что «архитектурно-художественное оформление города» оказалось среди прочих перечисленных элементов на последнем месте.

Кардинальные изменения текстов проектных документов происходят в 1935 г., и связано это, несомненно, с появлением градостроительного «эталона» — генерального плана реконструкции Москвы, после чего отклонения от заданной линии ансамблевого проектирования стало невозможным. «Пояснительная записка к проекту рекон-

струкции улиц и площадей города Челябинска»¹⁰⁸, созданная авторами проекта генплана Челябинска в 1935 г., явно в срочном порядке восполняла недостаток «архитектурного выражения» предшествующего документа. «Пояснительная записка» представляла разительный контраст с текстом схемы генплана — от языковой палитры уже веяло духом барокко. Для описаний проектных фрагментов характерны такие словосочетания, как: приемы *контраста* и *резкого внезапного перехода*, *богатая колоннада*, *мощные пропилеи*, *грандиозный памятник*, *ритмические удары*, *сильная архитектура*, *торжественность и величие* подходов, архитектурная *напряженность*. Видовые уподобления активизировали значение всех пространственных искусств в создании полифонического ансамбля: роль здания могла пониматься «аналогично скульптурному произведению...», а фасад — «обогащаться большой плоскостью фрески или барельефа». Текст вербальный, с гиперболизированными эпитетами задавал программу; по сути, он не столько представлял проектное описание предлагаемых градостроительных и архитектурных решений, сколько формулировал представление о них. В окончательном варианте генплана (1936) новый подход к городскому пространству был уже выражен предельно четко: схема архитектурной композиции Челябинска виделась в виде «системы взаимоподчиненных ансамблей с одним центром для всего города и подчиненных ему, но достаточно самостоятельных центров отдельных районов, связанных между собой системой магистралей»¹⁰⁹. Тезисы генплана Магнитогорска 1935 г. выполняли, вероятно, схожую функцию актуализации некоторых положений в связи с новыми директивами. Не изменяя принципов планировочного решения, обозначенных в схеме генплана 1934 г., авторы добавили требуемую стандартную фразу: в основу проектного решения был положен «принцип создания архитектурных ансамблей как вне кварталов по магистралям и на площадях, так и внутри самого квартала в целом и каждого жилкомплекса в отдельности»¹¹⁰.

Во второй половине 1930-х гг. в советском градостроительстве сложилась парадоксальная ситуация: с одной стороны, декларировалась собственная концепция развития каждого города с учетом местных условий с другой; проявилось стремление к максимальной унификации и типизации приемов градоформирования. Принцип формирования городской структуры из типовых элементов, предложенный во второй половине 1920-х — начале 1930-х гг. и на словах осужденный за «формализм»,

Нижний Тагил. Проект района Вагонстроя. Перспектива. Горстройпроект. Арх. А.М. Мостак и др. 1935

был переосмыслен в новых ансамблевых формах и с новым содержанием.

Иерархизированная система ансамблевых комплексов, связанных между собой системой магистралей, организовывала структуру городского пространства. Основу планировочной композиции составляла сетка прямолинейных продольных и широтных магистралей, образующих укрупненные кварталы. Особенно органично подобная регулярная планировка «накладывалась» на шахматную сетку плана центров исторических городов с учетом увеличения масштаба ячеек до 6–10 га (Свердловск, Пермь, Челябинск, Уфа и др.). Главные магистрали образовывали основные оси. Так, в Свердловске планировочное решение городского центра было основано на двух пересекающихся осях — ул. Ленина (в восток на запад) и ул. Луначарского (с севера на юг), соединяющей старый город с северным промышленным районом. На ось улицы Ленина последовательно «наносились» площади — Коммунаров, 1905 года, Труда, Парижской коммуны. В Челябинске костяк города формировался пересе-

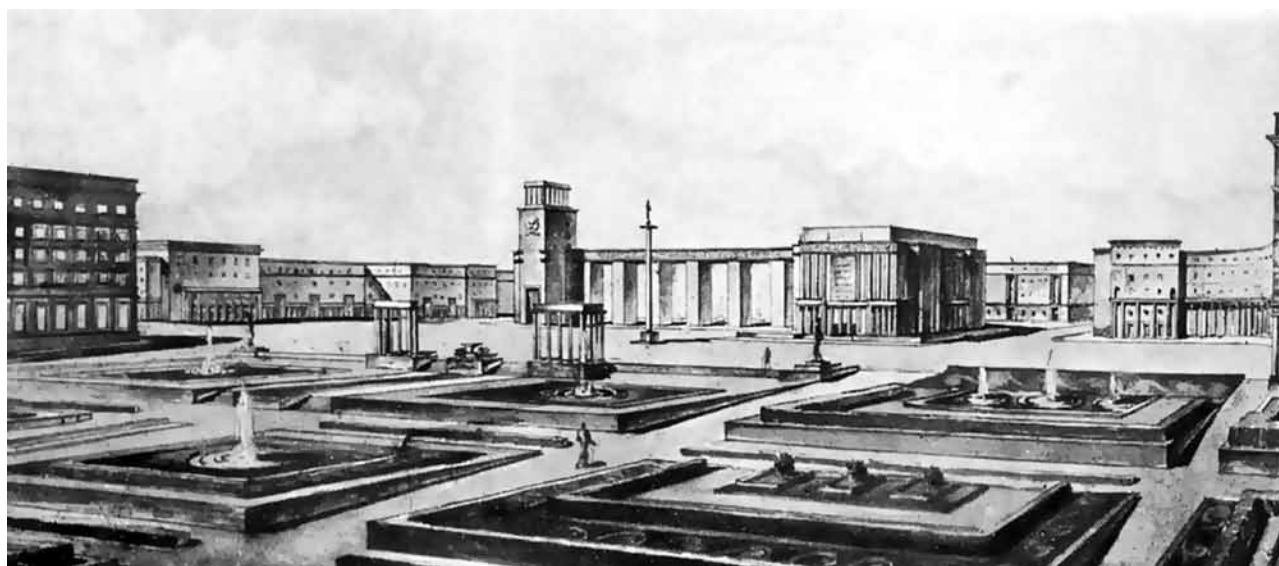
чением параллельных улиц старого города — Кирова и Цвиллинга — с меридиональной осью — Спартак (пр. Ленина), соединявшей исторический центр с крупнейшим промышленно-селитебным комплексом города — ЧТЗ. В проекте планировки района Вагонстроя в Нижнем Тагиле акцентировалась осевая магистраль от предзаводской площади к центральной площади района, на которую нанизывался «ритмический ряд архитектурных ансамблей»¹¹¹.

Роль важной композиционной оси городского плана получали и реки, поймы которых в генпланах предполагалось озеленить и превратить в прогулочные аллеи, набережные, одеть в гранит, раскрыть выход на акваторию площадями и образовать видовые перспективы. В противовес предшествующему периоду, когда реки и водохранилища понимались в основном функционально — как водозаборные источники для промышленных предприятий и коммунальных надобностей или как транспортная артерия, и прибрежная полоса часто была отделена промышленными и складскими сооруже-

Челябинск. Проект ансамбля пл. Ярославского. Ленгипрогор. Арх. Н.В. Баранов, К.М. Зайченко. 1936

Проект площади Молотовского районного центра. Ленгипрогор. Арх. Л.И. Балдин. 1932

ниями, город поворачивался к реке. Именно так рассматривались, например, Исеть в Свердловске, Миасс в Челябинске, водохранилище на р. Урал в правобережном Магнитогорске, где в противовес левобережному решению, где территория ММК отрезала город от воды, вся прибрежная полоса площадью 240 га отводилась под ЦПКиО¹¹². Наиболее важное значение такой композиционный подход получал в городах с мощными водными судоходными артериями. В Перми Кама предполагалась как основа архитектурно-планировочной организации города, что достигалось «путем поворота уличной сети, дающей перспективно-видовые линии к реке с концентрацией крупного строительства в береговой части»¹¹³. Как объединяющие элементы общей композиции рассматривались зеленые бульвары (меридиональные и экваториальные оси, кольца и полукольца), особо значимые из которых решались «как парадная архитектурная магистраль» с крупномасштабной общественной застройкой¹¹⁴.

В проектах был акцентирован моноцентризм планировочного решения. Центр, являясь местом сосредоточения главных административных, общественных, культурных учреждений, становился ключевым объектом градостроительного внимания.

К центру должны были «подводить зрительные и композиционные оси планировочного решения города»¹¹⁵ и должно было расти «впечатление архитектурной напряженности»¹¹⁶, от него расходились главные магистрали, распространяя «линии архитектурного влияния»¹¹⁷. Центр города размещался в узле (узлах) пересечения главных магистралей. В исторических городах центр мог состоять из двух ядер, что было связано с формированием новой топографии и новых пространственных ориентиров в городском ландшафте. Одно ядро представляло старый дореволюционный центр, тесно связанный с культурной памятью горожан, — как правило, соборная или торговая площадь, где на месте снесенных старых сооружений размещались новые, советские объекты, изменяя тем самым «культурный код» территории. Второе — пространство центральной зоны, не связанное с духовными и идеологическими основами старого мира и обладающее архитектурно-планировочными преимуществами (повышение рельефа, открытое пространство, дающее возможность панорамного обзора, узел магистралей и т.п.). При этом оба пространственных фокуса планировочно и архитектурно связывались в целостный ансамбль. Характерные примеры такого

Проект застройки г. Березники. Уралгипрогор. 1937

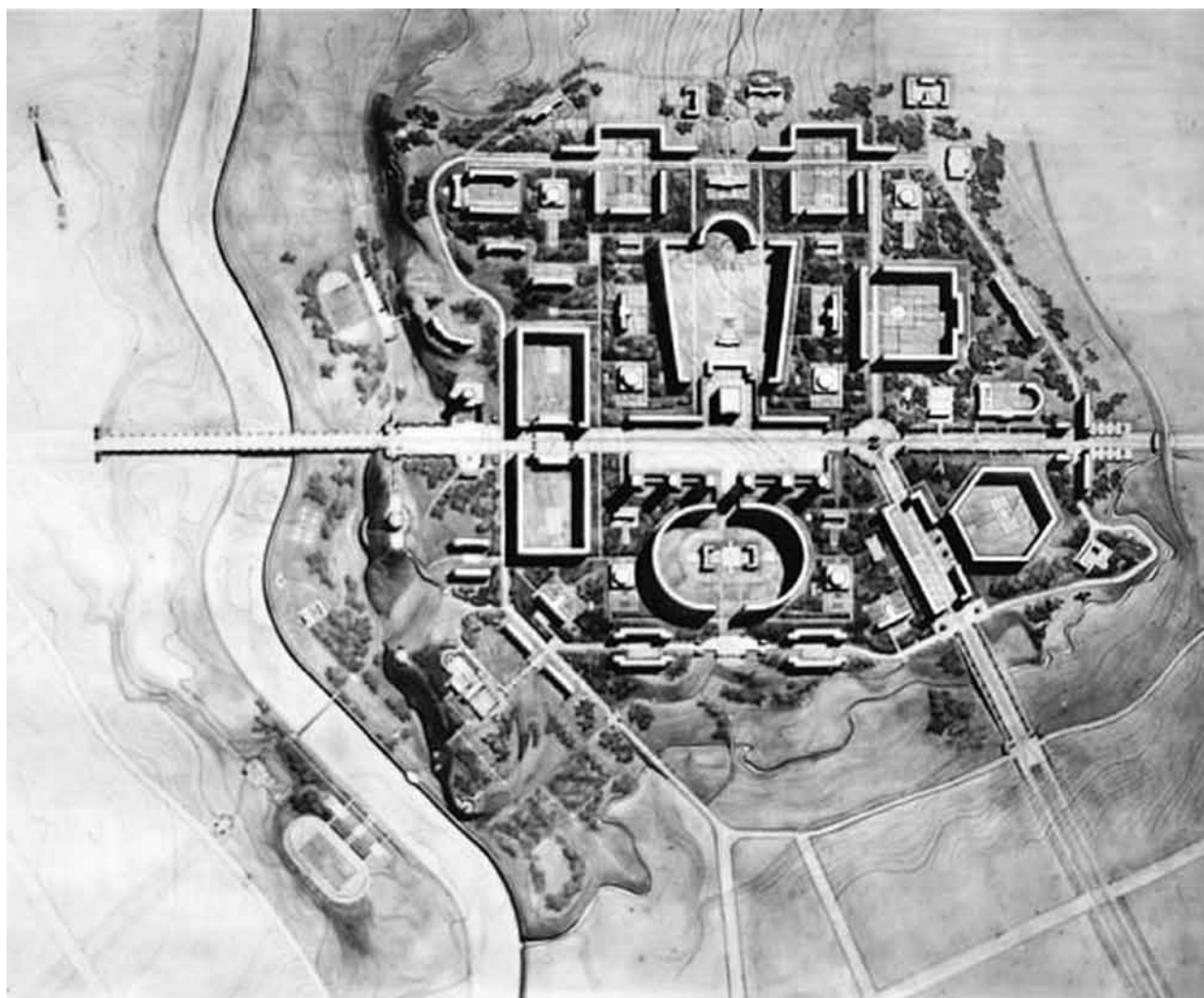
рода представляют, например, решения центров Свердловска и Челябинска с двухчастными центрами. В Свердловске областной центр предполагалось разместить на пл. театра им. Луначарского (пл. Парижской Коммуны), городской — на Площади 1905 года (бывш. Кафедральной)¹¹⁸. Обе площади располагались на одной оси — ул. Ленина, а первая из них именно на пересечении главных магистралей — Ленина и Луначарского. В Челябинске старый центр на Христорождественской площади (пл. Ярославского) стал культурным центром с театром оперы и балета как композиционным ядром вместо собора, а пл. Революции как новый административно-политический центр и место для массовых действий разместилась на большой свободной территории на доминирующей возвышенности, и обе площади объединялись меридиональными композиционными осями — улицами Цвиллинга и Кирова¹¹⁹.

Предусматривалось обязательное архитектурное оформление главных площадей районных центров, где основными сооружениями являлись здания райсоветов либо культурно-просветительских учреждений. К этим площадям стекались районные

магистраль. Оформлению подлежали промзоны с площадями перед зданиями заводууправлений и в целом селитебные территории при промпредприятиях, причем их решение «как поселков» с отсутствием «композиционных центров» и «композиционных осей» расценивалось как недопустимое¹²⁰.

Укрупненный масштаб городской планировки и застройки с крупными магистралями, величественными площадями и монументальной застройкой проектировался даже в малых городах, явно не соответствовавших по своему масштабу такому размаху. В начале 1930-х гг. ситуация, когда «стираются грани возможного и допустимого», была охарактеризована как «потеря чувства меры» — «наличие недостаточно регулируемого пафоса, подчиняющего себе всецело проектировщика в процессе его творческого порыва...»¹²¹. Во второй половине 1930-х гг. архитектурно-планировочные принципы уже следовали единому модулю. Характерные примеры на Урале — проекты планировки и застройки городов Ревда и Коркино, выполненные в Ленинградском отделении Горстройпроекта в середине 1930-х гг.¹²², Березников (Уралгипрогор, 1937) или проект города Краснокамска того же периода¹²³. Наибольшую

Нижний Тагил. Проект застройки района «Красный Камень». Арх. М.Я. Гинзбург и др. 1935

известность получил проект автономного района «Красный камень» в Нижнем Тагиле (1935, мастерская НКТП, рук. М.Я. Гинзбург) на 24 тыс. человек. Композиционная ось района решена как парадная магистраль. Центральный ансамбль получил образ площади-форума с общественными учреждениями (110), с примыкающей к ней линией из шести высотных жилых «башен». В целом район спроектирован как комплекс крупномасштабных замкнутых ансамблей жилых кварталов различных геометрических форм среди обильно озелененного пространства. Внутри жилых комплексов были запроектированы даже французские сады-партеры¹²⁴. Проект являет разительный контраст с функционалистским проектом района бригады А.М. Мостакowa 1933 г.¹²⁵

Несмотря на то что композиционным модулем городского пространства в градостроительных документах декларировался ансамбль, основной

планировочной единицей городской структуры по-прежнему оставался квартал. Понимание его демонстрирует характерные отличия от проектов рубежа 1920–1930-х гг., где квартал — это прежде всего социальная единица города. Подобное инерционное представление еще сохранялось в середине 1930-х гг. Это демонстрировали, например, «Социально-экономические установки и схема распределения территории Челябинска», составленные в 1934 г. В документе по-прежнему утверждалось, что «принцип обобществления быта — одно из руководящих начал при проектировании социалистического города, поскольку оно непосредственно определяет перечень, масштаб и условия размещения ряда элементов городского плана». Структурной ячейкой, определяющей природу города как «социалистического», определялся жилой квартал с «элементами обобществления быта» — первичными коммуналь-

ными учреждениями. Предполагался «широкий охват населения квалифицированными видами массового коммунистического воспитания и культурно-просветительной работы; обеспечение его коммунальных и социально-бытовых нужд...»¹²⁶. Однако функционалистский подход в решении квартала с главной задачей его оптимальной организации уже не соответствовал новым градостроительным подходам. Прежде всего критика вновь касалась недостатков художественного решения: «жилые дома ставились торцами на улицы (строчная застройка) и придавали ей однотонный унылый вид. Вследствие строчной застройки квартал архитектурно не решался. Отсутствовал какой-либо центр квартала... В целом город штамповался типовыми кварталами строчной застройки и производил как на бумаге (в проекте), так и в натуре (выстроенные кварталы) удручающее впечатление»¹²⁷. Теперь подобного рода подход (как к кварталу, так и в целом к городу) расценивался исключительно как отсутствие социалистической идеи, когда советский город получается «подобен поселкам, которые буржуазия зарубежных капиталистических стран строит для рабочих»¹²⁸. Отличительной чертой «социалистического» теперь понималось архитектурно-образное решение. Во второй половине 1930-х гг. квартальная система обслуживания уже не рассматривалась как приоритетная задача, а однозначное доминирование получил подход к кварталу как к архитектурной единице ансамбля улицы. В соответствии с новой концепцией если кварталы середины 1930-х гг. еще допускали смешанную — периметральную и строчную застройку, то во второй половине 1930-х гг. доминировала периметральная планировка, особенно в центральных кварталах, где жилые дома приобретали монументализированный образ.

Перелом 1935 г. хорошо виден в проектах кварталов для соцгорода Орска. Проектировавшийся в 1934 г. типовой квартал в духе функционалистских идей получил реализацию только в единичном случае — в так называемом квартале № 8¹²⁹. В утвержденном генплане 1935 г. как типовой проект представлен квартал № 10 — с подчеркнутой осью симметрии, решенной широкой озелененной полосой с размещенными вдоль нее учреждениями соцкультбыта; жилая застройка запланирована отдельными периметральными зонами, «нанизанными» на центральную ось. Из реализованных объектов характерен в этом отношении так называемый городок НКВД в центре Челябинска (1936, арх. Н.И. Коринфский, А.М. Тумбасов; ограничен улицами Красная, С. Кривой, Свердловским пр., пр. Лени-

на), который представляет идейный контраст со своим предшественником — «городком чекистов» в Свердловске. Протяженные объемы шести-семизатных домов с небольшим разрывом между ними размещены по периметру квартала вдоль красных линий. Внутриквартальное пространство занято зоной отдыха с зелеными насаждениями, спортивными и детскими площадками и лишено учреждений социально-бытового обслуживания (вероятно, первоначально запланированных, но так и не реализованных). Эволюцию же квартала, спроектированного в начале 1930-х гг. и претерпевшего планировочные изменения в последующее время, можно проследить на примере квартала № 2 «соцгорода» левобережного Магнитогорска (ограничен улицами: Маяковского, Фрунзе, Чайковского и пр. Пушкина). Первоначальный проект (Ф. Форбат, Й. Нигеман и др.) со строчной застройкой, с выделенными зонами учреждений социально-бытового обслуживания и детских учреждений, в переработанном проекте (1934 г., арх. П.Н. Блохин, А.В. Натальченко) сохранил функциональное зонирование территории, обширные озелененные пространства, но система социально-бытового обслуживания сократилась до детских учреждений, строчная застройка была заменена более разнообразной схемой планировки с монументализированной жилой застройкой вдоль пр. Пушкина и ул. Фрунзе. В 1940-е гг. выстроенные фронтально вдоль улиц Маяковского и Чайковского жилые дома окончательно «закрыли» квартал¹³⁰.

Несмотря на шумные декларации и прорисованные в проектах генпланов ансамблевые комплексы, в довоенный период они остались в основном на бумаге, получив лишь фрагментарную реализацию (например главный проспект Свердловска — ул. Ленина — получил видовые композиционные завершения — комплекс Уральского индустриального института и пл. Коммунаров; в Челябинске было положено начало застройке пл. Революции и пл. Ярославского). Такая ситуация не удивительна: смена архитектурно-градостроительной концепции отнюдь не означала увеличения финансовых инвестиций, которые по-прежнему были сосредоточены в промышленности, тем более когда речь шла не о Москве, Ленинграде и столицах союзных республик, а о промышленных регионах. То же самое касалось и «кадрового голода» в гражданском строительстве в регионах, неразвитости промышленности стройматериалов и скудости технической базы. Но главная проблема была заложена в самой идеологии советского города — представлении о городе

как о целостном и завершенном пространстве и о возможности универсальной модели с унифицированными приемами градоформирования. Этим был завязан еще один конфликтный узел советского градостроения сталинской эпохи — противоречие между естественным развитием пространства, обусловленным жизненными потребностями города, и жесткими рамками схемы. В условиях во многом хаотичного градостроительного процесса 1930-х гг. это закладывало изначальную невозможность реализации концептуальной модели и формировало два существующих пространства — идеи и реально-сти, пересекавшихся лишь в отдельных точках.

Таким образом, можно выделить три основных этапа в градостроительном развитии Урала на протяжении середины 1920-х (провозглашение курса на индустриализацию, в рамках которого Урал стал одним из ключевых регионов и претерпел значительные трансформации) — 1930-х гг. При этом следует учитывать, что начало каждого нового этапа наступало не с полным завершением предыдущего, а с окончанием его доминанты, формируя одновременные разнонаправленные тенденции и соответствующую сложную картину «наложения». Первый этап можно обозначить серединой — второй половиной 1920-х гг., и он был связан с проектировкой и строительством рабочих кварталов и поселков при предприятиях; при этом застройка в традициях рабочих поселений-садов с разнообразной планировкой, малоэтажной разреженной застройкой, палисадниками, приусадебными участками и озелененными дворами с хозяйственными постройками доминировала в регионе вплоть до рубежа 1920–1930-х гг. Проекты рабочих поселений при заводах демонстрировали общие планировочные принципы, восходившие к планировочной традиции «городов-заводов»: поселки располагались в непосредственной близости от предприятия, которое трактовалось как композиционное ядро поселения; использовались преимущественно лучевые планировки с ориентацией лучей на предзаводскую площадь либо общественный центр поселения, но в любом случае сохранялась главная композиционная ось, направленная к заводу и, соответственно, формировалась полицентричная планировочная композиция. В рамках этой планировочной традиции в конце 1920-х гг. появились новые тенденции в застройке — ориентир на многоэтажную (до 3 этажей) секционную застройку домами для индивидуально-семейного проживания и общежитиями.

Начало второго градостроительного этапа на Урале можно маркировать 1929–1930 гг. и завер-

шить концом первой — началом второй пятилетки. Градостроительная деятельность этого периода на Урале связана с проектированием и застройкой промышленно-селитебных комплексов, трактуемых как новые «социалистические города». Существовавшие «старые» города находились вне зоны градостроительного внимания, градорегулирование ограничивалось остро насущными потребностями и проводилось местными силами, застройка носила преимущественно ведомственный характер. Проекты промышленно-селитебных комплексов демонстрировали трансформацию планировочных подходов от поселка к городу: функциональное зонирование; функциональная организация межгородских взаимосвязей исходя из экономически обоснованных схем движения людей и грузопотоков; структурное членение городского пространства на крупномасштабные, стандартизированные, правильной формы кварталы, формирующие районы; типизированная многоэтажная (3–4 этажа) секционная жилая застройка с преимущественно строчным характером размещения; развитая ступенчатая система общественного обслуживания «квартал — район — город». «Социалистическая» организация предполагала коммунизацию жизни, в 1929–1930 гг. планировавшуюся посредством организации домов-коммун/жилкомбинатов, но реализованную в последующие годы не в форме обществления быта, а в формах социально-бытового обслуживания и жилища «переходного быта». Промышленные приоритеты индустриализации предопределили фрагментарность и искаженность реализации проектных замыслов и преимущественное строительство временного жилища с вкраплениями кварталов капитальной застройки и общественных сооружений. Полная зависимость селитебного образования от потребностей, интересов и возможностей промпредприятия обусловила проблемы с размещением и возможностями территориального роста поселения, природно-климатической, геологической, экологической пригодностью местоположения, в целом — перспективами развития и трансформации в соответствии с меняющимися обстоятельствами. Хаос ведомственного проектирования привел (за редким исключением монопо-селений, как, например, Магнитогорск) к образованию городов-конгломератов и нерегулируемым процессам градостроительного развития.

Начало следующего периода в городском планировании Урала можно обозначить 1933–1934 гг. (переходный этап можно расширить до рамок 1932–1934 гг.), а вполне сложившиеся формы —

с 1935 г. и до конца 1930-х гг. Концептуально акцент был перенесен с промышленно-селитебных комплексов на городское пространство в целом. Планировочная практика была нацелена прежде всего на преодоление хаотичной структуры городского пространства, которую первоначально пытались решить за счет формирования сателлитных систем, но во второй половине 1930-х гг. уже однозначно постулировался ориентир на целостную, централизованную и иерархизированную городскую структуру. Автономные промышленно-селитебные комплексы становились элементами общей планировочной системы города и превращались в городские районы. В проектах был акцентирован

моноцентризм планировочного решения и соответствующее градостроительное внимание к планировочному и образному решению городского ядра. Система ансамблевых комплексов, связанных между собой системой магистралей, должна была организовывать структуру городского пространства. Отличительной чертой «социалистического» города теперь понималось его архитектурно-образное решение, а концепция приобретала абсолютное значение, стремясь подчинить реальность. Именно этот курс со всеми его противоречиями был продолжен и доведен до своего абсолюта, как и в целом в советском градостроительстве, в послевоенный период на волне победного пафоса.

Примечания

1. Уральская историческая энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ural.ru/spec/ency/encyclopaedia-19-2082-uralo-kuzbass-uralo-kuzneckij-komb-t-ukk.html>
2. *Лахтин В.Н.* Система расселения и архитектурно-планировочная структура городов Урала. М., 1977. С. 29.
3. Региональные особенности градостроительства Урала / В.А. Колясников. Екатеринбург, 1996. С. 39.
4. *Лахтин В.Н.* Указ. соч. С. 96.
5. Население Нижнего Тагила выросло в 4,1 раза, Свердловска — в 3,2, Ижевска — в 2,8, Уфы — в 2,6, Перми — в 2,3 раза.
6. О проектировании рабочих поселений-садов 1920-х гг. см., напр.: *Меерович М.Г.* Рождение и смерть города-сада. Иркутск, 2008.
7. Опубликовано: [Электронный ресурс]. URL: <http://izhlife.ru/histories/54807-kakim-sovetskie-arhitektory-videli-buduschij-gorodok-metallurgov-v-izhevsk.html>. Подробно см.: *Курочкин М.В.* Ижевский соцгород. Планировка и застройка населенных мест Удмуртии. Ижевск, 2012.
8. *Букин В.П., Пискунов В.А.* Свердловск. Свердловск, 1982.
9. *Курочкин М.В.* Указ. соч.
10. *Смирнов Л.Н.* Конструктивизм в памятниках архитектуры Свердловской области. Екатеринбург, 2008. С. 15.
11. Подробнее см.: *Курочкин М.В.* Указ. соч.; *Коньшева Е.В.* Градостроительство и архитектура Челябинска конца 1920—1950-х гг. в контексте развития советского зодчества. Челябинск, 2005.
12. Так, поселок ЧГРЭС в Челябинске имел «детскую зону» с детскими яслями и детским садом, столовую, баню, магазин, клуб, стадион; в начале 1930-х гг. была выстроена школа I—II ступени, амбулатория и разбит обширный парк, предусмотренный проектом расширения поселка 1930 г. (Подробнее см.: *Коньшева Е.В.* Указ. соч.).
13. Вагоностроительный завод в Нижнем Тагиле. Проект. Л., 1927; Вагоностроительный завод в Нижнем Тагиле. Проект. Л., 1929.
14. Магнитогорский металлургический завод. Проект. Л., 1929.
15. ГАСО. Ф. Р-225. Оп. 1. Д. 260. Материалы по проектированию ММК (1928—1930).
16. ГАСО. Ф. Р-262. Оп. 2. Д. 1239. Пояснительная записка к проекту Уральского машиностроительного завода.
17. Уральский машиностроительный завод в Свердловске. Проект. Л., 1928.
18. ГАРФ. Ф. 7952. Оп. 8. Д. 158. Л. 2—6. Протокол Уральской областной планировочной комиссии от 04.07.1929.
19. *Струмилин С.Г.* Выступление // К проблеме строительства социалистического города. Дискуссия в клубе плановых работников им. Г.М. Кржижановского. М., 1930. С. 74.
20. Иное решение задачи представлено в проектах соцгородов бригады Э. Мая — см. гл. 26 настоящего издания (Е.В. Коньшева).
21. ГАСО. Ф. Р-262. Оп. 2. Д. 1239. Пояснительная записка к проекту Уральского машиностроительного завода.
22. Соцгород Краснокамск. Краснокамск, 2013. С. 3.

23. Проект опубликован: *Смирнов Л.Н.* Конструктивизм в памятниках архитектуры Свердловской области. Екатеринбург, 2008. С. 28.
24. Проекты опубликованы: *Гаузер Д.П., Флеер М.Г.* Принципы планировочных работ Горстройпроекта // Архитектура и строительство Ленинграда. 1938. № 2. С. 46, 47.
25. *Гаврилова С.И.* Архитектура 1930-х годов Красногорского района г. Каменска-Уральского // Архитектон: Известия вузов. 2009. № 27 [Электронный ресурс]. URL: http://archvuz.ru/numbers/2009_3/ta1.
26. Проект опубликован: *Смирнов Л.Н.* Указ. соч. С. 21.
27. ГАСО. Ф. 296. Оп. 1. Д. 141. Л. 179. Проектные задания промгорода Бакальского сталыного завода. Экономическая записка. Л., 1932.
28. Уральский завод тяжелого машиностроения. 1928–1933. Свердловск–Москва, 1933. С. 119.
29. «Правила распланирования и застройки городов» (1925); Постановление СТО СССР «Временные строительные правила и нормы для постройки жилых домов в поселках» (1926); Постановление ЭКОСО РСФСР «Об утверждении строительных правил и норм для постройки жилых домов в поселках на территории РСФСР» (1927).
30. Из представленных Гипромезом проектов начал реализовываться на практике лишь переработанный непосредственно на месте, в Техническом отделе Уралмашиностроя (ТО УМС), проект поселка «Уралмаш». При его пересмотре в 1932 г. планировочное решение сохранило лучевой «костяк» плана ТО УМС 1928 г. при увеличении размеров кварталов, масштаба застройки и изменении типологии и стилистики общественных зданий.
31. Из истории магнитогорского металлургического комбината и города Магнитогорска (1929–1941 гг.). Челябинск, 1965. С. 56–57; 219–220.
32. Градостроительная дискуссия и конкурсные проекты подробно освещены и проанализированы в работах С.О. Хан-Магомедова (*Хан-Магомедов С.О.* Архитектура советского авангарда. Кн. 2: Социальные проблемы. М., 2001) и В.Э. Хазановой (*Хазанова В.Э.* Советская архитектура первой пятилетки. Проблемы города будущего. М., 1980).
33. ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Ед. хр. 7726. Задание для проекта планировки Нижнего Тагила. Л. 40.
34. Расчеты автора на основе: *Брагин Е.* Жилищное строительство в СССР // Большая медицинская энциклопедия; Семашко Н.А. М., 1929. Т. 10. С. 362. В дальнейшем эта тенденция только укреплялась. Так, в финансировании жилищного строительства в СССР в 1932 г. доля НКТП (не считая других промышленных наркоматов) составляла 55%, и в 1933 г. планировалось ее увеличение до 58%, в свою очередь, доля исполкомов составляла 10% с уменьшением до 7,5%, кооперации – 5% (ГАРФ. Ф. 4544. Оп. 1. Д. 425. Л. 54). Например, показательна динамика капиталовложений в жилищное строительство по группам застройщиков в Урало-Сибирском регионе. В Западносибирском крае в сравнении с 1930 г. союзная промышленность увеличила свою долю с 50 до 80% в 1931 г. и 73% в 1932 г., в то время как жилкооперация и исполкомы уменьшили свою долю с 12 до 5 и 4% в 1932 г. соответственно (ГАНУ. Ф. 917. Оп. 1. Д. 107. Л. 37). В 1935 г. доля промышленности в жилищном строительстве Запсибкрая составляла 60,5% (при этом в городах Кузбасса – Кемерово – 77%, в Прокопьевске 98,6%), в Свердловской области – 77,2%, в Челябинской области – 71,6% (Жилищное строительство в 1935 г. М. Госплан, 1936. С. 6–7).
35. Из истории Магнитогорского металлургического комбината... С. 220.
Программа Всесоюзного открытого конкурса была представлена от лица заказчика – Управления Магнитостроя. Жюри конкурса возглавили А.В. Луначарский и Н.А. Милютин, а в его состав вошли представители Магнитостроя, НКВД, Стройкома РСФСР, ведомств (Наркомпрос, Наркомздрав), ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ, общественных организаций (Женотдел ЦК), а также некоторые персональные члены (Всесоюзный открытый конкурс на составление эскизных проектов: а) планировки и застройки социалистического города Магнитогорска на Урале при горнозаводском комбинате; б) типовой жилищной коммуны. М., 1929. С. 8).
36. Так, Новый Орск проектировался первоначально как соцгород Локомотивстроя с количеством населения на конец расчетного периода (1947 г.) в 85,5 тыс. чел. При последующей корректировке в 1934 г. проектируемая численность населения была увеличена до 139 тыс., а затем и до 150 тыс (ОФ ГАОО. Р-23. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 84; Л. 204; Л. 44). Проектная численность населения Магнитогорска на протяжении 1929–1931 гг. претерпела эволюцию от 20–25 тыс. до 200 тыс. человек (ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 7667. Л. 117; ГАРФ. Ф. 7952. Оп. 5. Д. 178. Л. 103). Нижний Тагил проектировался на 390 тыс. чел., население только самого крупного структурного образования – поселка Вагонстроя – должно было составить 82 тыс. (ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Ед. хр. 7726. Л. 38–105. Л. 70, 74). Население поселка Уралмашиностроя (с учетом расселения в этом районе не только рабочих УЗТМ, но и других заводов) было пересмотрено в 1932 г. до 170 тыс. (собственно Уралмаш – 75 тыс.) (Уральский завод тяжелого машиностроения. 1928–1933... С. 119).
37. Об отводе земельных участков для промышленных предприятий. Циркуляр Наркомздрава, НКВД и ВСНХ РСФСР от 23.04.1930 // Наше строительство. 1930. № 11–12. С. 509–510.
38. См., например: *Покишиевский С.Н., Неклюдова Г.И.* Метод расчета застройки площадей жилого квартала в связи с его социально-бытовой организацией // Сорегор. 1933. № 6. С. 18–21; *Евтихийев И.И.* Организация жилого квартала // Сорегор. 1933. № 2. С. 13–17; *Покишиевский С.Н.* За компактный город // Сорегор. 1934. № 6. С. 26–29; *Покишиевский С.Н.* Система застройки кварталов // Планировка и строительство городов. 1933. № 8. С. 17–20.

39. Правила и нормы застройки населенных мест, проектирования и возведения зданий и сооружений. Постановление ЭКОСО от 12 января 1930 г. // Наше строительство. 1930. № 1–2. С. 7–37.
40. ГАСО. Ф. 296. Оп. 1. Д. 141. Проектные задания промгорода Бакальского сталыного завода... Л. 144.
41. ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Ед. хр. 7768. Л. 51–56. Пояснительная записка к проекту соцгорода Орска. Л. 56.
42. ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Ед. хр. 7667. Л. 27–38. Пояснительная записка к генеральному плану застройки г. Магнитогорска. Стандартгорпроект. 15.03.1932. Л. 27; Л. 17–26. Объяснительная записка к проекту Цекомбанка города Магнитогорска. Л. 17.
43. «Правила и нормы застройки населенных мест...»...
44. Проекты рабочих жилищ. М., 1929.
45. Всесоюзный открытый конкурс...
46. ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 7667. Л. 112–121. Программа для составления эскизных проектов планировки и застройки городов Магнитогорска и Кузнецка и типов жилых домов от 21 сентября 1930 г.
47. ОГАЧО. Ф. 379. Оп. 2. Д. 8. Л. 9–30. Программа для эскизного проекта индустриального рабочего города Уральского тракторного завода. Ср., напр.: «Основные положения по проектированию рабочего поселка при Автозаводе» (март 1930); «Задание на составление общего проекта планировки и застройки социалистического поселения при Харьковском тракторном заводе» (декабрь 1929 – январь 1930).
48. Всесоюзный открытый конкурс...
49. ОГАЧО. Ф. 379. Оп. 2. Ед. хр. 8. Л. 9–30. Программа для эскизного проекта индустриального рабочего города Уральского тракторного завода. Л. 14.
50. Лузис Г. Социалистический Магнитогорск // Города социализма. Социалистическая реконструкция быта. Сб. ст. М., 1930. С. 130. Подробно о конкурсе см.: Хан-Магомедов С.О. Указ. соч.
51. ГАРФ. Ф. 7952. Оп. 5. Д. 179. Стенограмма совещания при Московском представительстве «Магнитостроя» по вопросам о проектировании рабочего поселка при металлургическом комбинате 02.10.1929 г. Л. 5–8.
52. Милютин Н. Борьба за новый быт и советский урбанизм // Известия. 29 октября 1929. С. 4.
53. Фото проекта находится в Краснокамском краеведческом музее.
54. ОГАЧО. Ф. 379. Оп. 2. Ед. хр. 8. Л. 9–30. Программа для эскизного проекта индустриального рабочего города Челябинского тракторного завода.
55. Подробнее см.: Токменинова Л. Жилой комплекс «Дом Облсовета». М., 2015.
56. ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Ед. хр. 7768. Л. 51–56. Пояснительная записка к проекту соцгорода Орска. Л. 52 об.
57. О проведении гражданского (непромышленного) строительства в 1933 г. Инструкции НККХ РСФСР от 29.04.1933 г. // Наше строительство. 1933. № 13–13. С. 338–341.
58. Подробнее о жилых комплексах Екатеринбурга см.: Звагельская В.Е., Стариков А.А., Токменинова Л.И. Екатеринбург: история города в архитектуре. Екатеринбург, 2008; Смирнов Л. Екатеринбург. Наследие конструктивизма. Екатеринбург, 2010; Смирнов Л.Н. Конструктивизм в памятниках архитектуры Свердловской области. Екатеринбург, 2008 и др.
59. Подробно см.: Токменинова Л. Жилой комплекс НКВД. М., 2012.
Вероятно, планировка «городка чекистов» с характерной «пилообразной» постановкой жилых домов и «подковой» общежития послужила прообразом для проекта «квартала ЦЖС» Уральского алюминиевого комбината в г. Каменск-Уральский 1934 г. (Гаврилова С.И. Указ. соч.).
60. Пояснительная записка к генплану кварталов № 1, 2, 3 подписана архитектором С.В. Домбровским (ОГАЧО. Ф. 1162. Оп. 2. Д. 52. Л. 131).
61. Подробнее см. Конышева Е.В. Градостроительство и архитектура Челябинска...
62. Об этом подробнее см.: гл. XXVI настоящего издания «Европейские архитекторы в советском градостроительном проектировании эпохи первых пятилеток» (Е.В. Конышева).
63. Меерсон Д.С. Соцгород автозавода им. Молотова // Планировка и строительство городов. 1933. № 8. С. 8.
64. Подробно см.: Конышева Е.В. Градостроительство и архитектура Челябинска...; Она же. Социалистический город Челябинского тракторного завода – воплощение теории социалистического расселения // Город в зеркале генплана: панорама градостроительных проектов в российской провинции XVIII – начала XXI века. Челябинск, 2008. С. 157–171.
65. Общее руководство планировкой и застройкой соцгорода ЧТЗ было возложено на А. Букова и А. Самойлова.
66. На 1 января 1933 г. среди 83 га застроенных кварталов только 19 га занимала каменная застройка. Строились 2, 3, 4-этажные каменные жилые дома на 12, 18, 24 и 48 квартир для индивидуально-семейного расселения и общежития (Уральский завод тяжелого машиностроения... С. 122–125). В том числе в 1933–1937 гг. было выстроено общежитие для иностранных специалистов (гостиница «Мадрид») (арх. В.В. Безруков, П.В. Оранский, Б.М. Шефлер).
67. Подробно см.: Гайсин О. Рабочий поселок. URL: <https://metrosphera.ru/press/publications?id=3386>

68. ГАСО. Ф. 296. Оп. 2. Д. 80. Материалы по планировке рабочего поселка Никельстроя в В.-Уфалее 1930.
69. Об этом подробнее см.: гл. V настоящего издания «Концепция “социалистического города” и практика ее реализации» (М.Г. Меерович).
70. Челябинск: Энцикл. Челябинск, 2001. С. 829.
71. Формирование границ города Перми: 1927–1941. [Электронный ресурс]. URL: <http://kamensky.perm.ru/proj/ray-on/8.htm>.
72. Гаврилова С.И. Указ. соч.
73. Проект «Большие Березники» был выполнен в 1932г. Свердловблпроектом.
74. ОФ ГАОО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 79. Л. 173. Решение исполкома Орского горсовета «О выборе территории под жилищное строительство Орского металлургического комбината»; ГАСО. Ф. Р-225. Оп. 1. Д. 224. Л. 13. Протокол заседания комиссии Уралплана по вопросу о размещении тракторного завода, его жилищного строительства и переустройства Челябинского ж/д узла. 09.04.30; МКУ «Городской архив» г. Магнитогорска. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1. Л. 17. Выписка из Протокола заседания Президиума Магнитогорского горсовета от 03.11.30.
75. ГАСО. Ф. Р-296. Оп. 2. Д. 115. Л. 91–95. Доклад по вопросу об упорядочивании проектирования планировки и перепланировки населенных пунктов Урала. 1931.
76. Косенкова Ю.Л. Районная планировка в СССР: Опыт 1920–1930-х гг. //Архитектурное наследство. 2011. № 55. С. 353–372; Меерович М.Г. Районная планировка в контексте программы индустриализации: первая половина 1930-х годов – начальный этап работ по промышленному районированию и расселению // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2014. № 2. С. 101–121.
77. Подробно о градостроительном законодательстве см.: Косенкова Ю.Л. Опыт формирования правовой основы советского градостроительства 1920–30-х годов // Градостроительное искусство: новые материалы и исследования: сб. науч. тр. НИИТИАГ РААСН. М., 2010. С. 335–351.
78. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 29 марта 1933 г. «О функциях органов коммунального хозяйства по контролю за строительством и планировкой населенных мест»; Постановление ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1933 г. «О составлении и утверждении проектов планировки и социальной реконструкции городов и других населенных мест Союза ССР»; Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 20 января 1934 г. «Об устройстве населенных мест РСФСР»; Постановление СНК РСФСР от 3 июля 1934 г. «О мероприятиях по улучшению планировки, застройки и архитектурного оформления населенных мест» (РГАЭ. Ф. 337. Оп. 1. Д. 6. Постановления партии и правительства по вопросам архитектуры за 1932–1937 гг.).
79. Меерович М.Г. На острие схватки титанов // Архитектон: известия вузов. 2011. № 1 [Электронный ресурс]. URL: http://archvuz.ru/2011_1/9. В частности, в Гипрогор из Стандартгорпроекта было передано проектирование Ижевска, Молотова, Нижне-Курынска (ГАРФ. Ф. 374. Оп. 29. Д. 50. Л. 73).
80. Об учреждении должности главного городского архитектора в городских отделах коммунального хозяйства. Постановление СНК РСФСР 26.07.1936.
81. Планировка и строительство городов. 1933. № 8. С. 33 (Хроника).
82. Нейштадт А. Строительство г. Свердловска во второй пятилетке // Наше строительство. 1932. № 1. С. 19.
83. В. Давидович, используя те же термины, представлял их не как синонимы, а как иерархически соотнесенные понятия: групповой город мог быть выстроен как спутниковая система, если один из городов получал роль доминирующего центра («Большой Свердловск», «Большой Тагил», «Большой Челябинск» и др.), или как федеративная система в случае примерного равенства городов в системе. Он также предлагал термин «узловая (кустовая) планировка», охватывающая площадь несколько десятков километров с территориальной близостью поселений, создающих единую населенную систему («Большой Свердловск», «Большой Тагил», «Большой Челябинск» и др.). Он отделял ее от собственно районной планировки с территорией в сотни и тысячи километров, объединяющей ряд населенных систем (напр., «Большое Магнитогорье») (Давидович В.Г. Вопросы планировки новых городов. Л., 1934. С. 72–73, 84–85).
84. ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 7846. Л. 2.
85. Там же. Л. 9.
86. ГАСО. Ф. Р-241. Оп. 1. Д. 1246. Сводка по строительству соцгородов по Пермскому округу. Л. 3–5.
87. Терехин А.С. Архитектура и строительство социалистического Прикамья. Пермь, 1970. С. 10.
88. Суборов А.М. Проект планировки Пермь-Молотово // Архитектура и строительство Ленинграда. 1932. № 2. С. 19–22.
89. Мостаков А., Полянев М., Смирнов Н. Нижний Тагил // Планировка и строительство городов. 1933. № 3. С. 11.
90. Кузнецов А. Достоинства и недостатки планировки Челябинска // Планировка и строительство городов. 1935. № 11. С. 14.
91. ЦГАНТД. Ф. Р-46. Оп. 3–9. Д. 3. Генеральный проект планировки Челябинска. Текстовая часть. Т. 2: Современное и проектное использование территорий, расселение, городской транспорт. Л., 1936.

92. Социально-экономические установки и схема распределения территории Челябинска. Л., 1935 (рукопись), Т. 2. Л. 217.
93. Генеральный проект планировки г. Челябинска... Т. 2. Л. 216.
94. *Мостаков А.* Планировка Нижнего Тагила // Планировка и строительство городов. 1935. № 5. С. 5.
95. ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 7849. Заключение комиссии НККХ РСФСР по обследованию проектно-планировочных и съемочно-геодезических работ по г. Свердловску 15.10.1937. Л. 21 об.
96. ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 7846. Заключение ВСКХ при ЦИК СССР и НТС НККХ РСФСР по схеме распределения г. Свердловска. 31. 05.1937. Л. 13.
97. Планировщики Гипрогора на протяжении всех 1930-х гг. планировали слияние двух поселений, связанных экономически и инфраструктурно, и проектировали два города как общее образование г. Пермь-Молотово (*Суборов А.М.* Указ. соч.).
98. Пояснительная записка к проекту реконструкции улиц и площадей города Челябинска. Л., 1935 (рукопись). Л. 9.
99. *Зальцман А.М., Меерсон Д.С.* Архитектура соцгорода и его элементов // Планировка и строительство городов. 1934. № 7–8. С. 13.
100. *Жуковский А.А.* Архитектура улицы и площади // Планировка и строительство городов. 1933. № 9. С. 22–23.
101. *Мостаков А.* Схематизм в планировке городов // Архитектура СССР. 1936. № 6. С. 37–38.
102. ОФ ГАОО. Р-23. Оп. 1. Д. 15. Л. 38. Заключение «О проекте планировки соцгорода Орска...» от 13.06.1934.
103. ОФ ГАОО. Р-23. Оп. 1. Д. 15. Л. 3–10. Протокол заседания Сектора планировки НТС НКХ РСФСР от 25.06.1934.
104. *Кузнецов А.* Указ. соч. С. 14–16.
105. В соответствии с правительственным решением строительство Магнитогорска было перенесено с левого на правый берег (Постановление СТО СССР № 1033 от 23.11.1933 (*Якшин А.* Магнитогорск-правый // Планировка и строительство городов. 1934. № 4. С. 7)); Постановление Президиума Магнитогорского горсовета «О строительстве г. Магнитогорска на правом берегу р. Урал» от 09.02.1934 // Из истории Магнитогорского... С. 236–237). Ожесточенная борьба за левобережный или правобережный вариант строительства города шла в 1930–1933 гг., в то время как на протяжении всего этого времени Магнитогорск продолжал проектироваться и строиться на левом берегу. Подробнее см.: *Коньшева Е.В., Меерович М.Г.* Указ. соч.
106. *Штанге В.* Планировка Магнитогорска и его района // Планировка и строительство городов. 1934. № 10. С. 12–21.
107. Социально-экономические установки и схема распределения территории Челябинска...
108. Пояснительная записка к проекту реконструкции улиц и площадей города Челябинска...
109. Генеральный проект планировки Челябинска... Л. 15 об.
110. Генеральный проект планировки г. Магнитогорска. Тезисы. Магнитогорск, 1935 (рукопись).
111. *А.М. [Мостаков].* Застройка первоочередных районов Нижнего Тагила // Планировка и строительство городов. 1935. № 5. С. 15–16.
112. *Штанге В.* Указ. соч. С. 21.
113. *Суборов А.М.* Указ. соч. С. 19–22.
114. Генеральный проект планировки Челябинска...
115. Пояснительная записка к проекту реконструкции улиц и площадей города Челябинска... Л. 16.
116. Там же. Л. 45.
117. *Эйсмонт Н.Г.* Планировка г. Челябинска // Архитектура Ленинграда. 1937. № 2. С. 60–65.
118. ГАРФ. Ф-314. Оп. 1. Д. 7849. Проект Постановления Коллегии НККХ РСФСР «О генеральной схеме планировки города Свердловска» (1940). Л. 61.
119. Генеральный проект планировки Челябинска... Подробнее см.: *Коньшева Е.В.* Градостроительство и архитектура города Челябинска...
120. ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 7847. Постановление Главного архитектурно-планировочного управления НККХ РСФСР «О планировке г. Свердловска» (1938). Л. 21.
121. *Боровой А.А.* Опыт планировочных работ первого пятилетия // Реконструкция городов СССР 1933–1937. Т. 1. М., 1933. С. 114.
122. Проекты опубликованы: *Гаузер Д.П., Флеер М.Г.* Принципы планировочных работ Горстройпроекта // Архитектура и строительство Ленинграда. 1938. № 2. С. 46, 47.
123. Соцгород Краснокамск. Краснокамск, 2013. С. 4.
124. Архитектурная газета. 1935. № 43. Приложение.
125. *Мостаков А.* Планировка Нижнего Тагила // Планировка и строительство городов. 1933. № 5. С. 9. Этот проект 1933 г. контрастирует и с более поздним проектом (1935) самого А.М. Мостакова, демонстрируя характерную эволюцию советской архитектуры в середине 1930-х гг.

126. Социально-экономические установки и схема распределения территории Челябинска... Л. 216, 217.
127. *Зальцман А.М., Меерсон Д.С.* Указ. соч. С. 13.
128. Там же.
129. Подробнее см. гл. 27 настоящего издания (Е.В. Конышева).
130. Подробнее см.: *Казаринова В.И., Павличенков В.И.* Магнитогорск. М., 1961.

Особенности градостроительства в союзных республиках

Ю.Л. Косенкова

Тема общего и особенного в изучении архитектуры (а тем более градостроительства) советского времени в последние годы практически снята с повестки дня, и это можно понять: известный рецепт сталинской эпохи в отношении культуры и искусства «национальные по форме, социалистические по содержанию», как ощущалось всеми в последние десятилетия XX в., явно устарел, и тема как бы растворилась, потеряла четкие очертания. В отношении регионов России советского периода проблема общего и особенного в градостроительстве и вовсе практически никогда не ставилась, рассматриваясь в основном в отношении так называемых национальных республик.

Унифицирующее влияние государственной политики в области архитектуры, а тем более в такой сложнейшей области, как градостроительство, в советский период было огромным. Оно дало о себе знать практически сразу при переходе к более или менее крупному реальному строительству, т.е. в 1920-е гг., и не ослабевало до конца XX в., несмотря на неоднократную смену исходных установок государства и зачастую противоречивых требований к архитектуре и градостроительству.

В попытках построения этого единообразного, единоначального пространства всей страны обнаруживаются свои закономерности, неизменно остававшиеся чуждыми тому функционально-планировочному и художественному потенциалу, который заключал в себе сам город. Но это только один взгляд на проблему общего и особенного. Возможно, нужно также посмотреть с другой стороны — что же происходило с этими архитектурно-градостроительными, творческими, технологическими и управленческими импульсами, когда они достигали «места». Если смотреть «изнутри» того или иного

региона, то видно, каким трансформациям, каким искажениям подвергались эти сигналы, вступая во взаимодействие с той реальностью, которая так или иначе успела сформироваться в данном регионе. И тогда картина советского градостроительства получается гораздо более сложная и драматичная. Определение уровня «сопротивляемости» градостроительного материала, ненавязчиво, но твердо проявлявшей себя во времени, — на наш взгляд, это и есть та позиция, с которой можно рассматривать проблему общего и особенного в архитектуре и градостроительстве советского времени. Архитектура и градостроительство союзных республик 1920–1930-х гг. дает, на наш взгляд, богатый и разнообразный материал для такого анализа.

* * *

Градостроительство республик Средней Азии и Казахстана

Впервые российская архитектурно-градостроительная мысль непосредственно соприкоснулась со среднеазиатской градостроительной культурой во второй половине XIX в., в ходе присоединения Туркестана к России. В 1860–1880-х гг. сформировались так называемые города-двойники, когда рядом с древними среднеазиатскими городами стали формироваться европейские города, строившиеся по регулярной системе русскими военными инженерами.

Из военно-стратегических соображений, для наилучшего контроля окружающей территории европейские части таких городов, как правило, имели радиально-лучевую планировку, обращенную от-

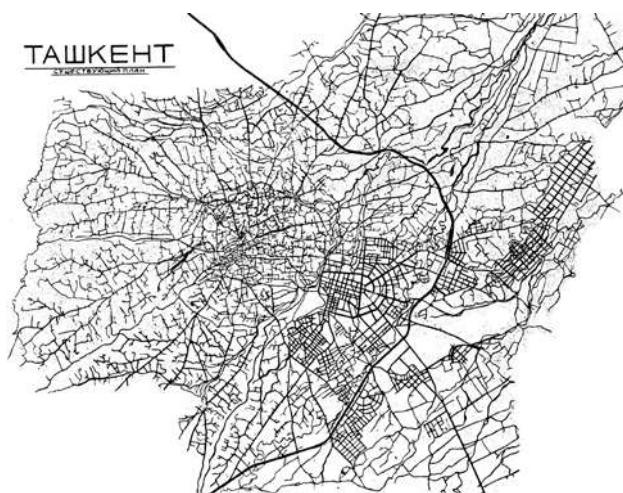

крытым веером в сторону старого города, с главной улицей, ведущей наикратчайшим путем в центр азиатской части.

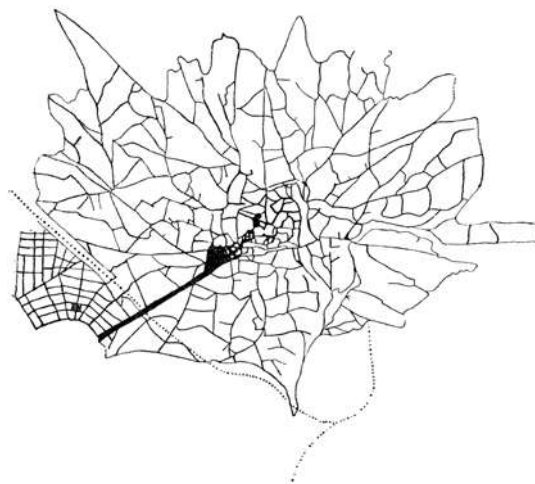
Площадь окультуренных оазисов, занимаемая городами-двойниками, включая многочисленные сады и виноградники, во много раз превышала размеры городских территорий в европейской части страны. Ташкент, например, имел площадь около 20 000 га, причем «новый» город (построенный по проекту, разработанному в 1870–1875 гг.) занимал только 25% этой площади. Фергана и Андижан занимали 3 300 га каждый. В то же время «старые» и «новые» части городов могли находиться друг от друга на значительном расстоянии или разделяться какой-то преградой, например каналом.

Вместе с тем некоторые города в ареалах проживания в основном кочевого населения, такие как Верный (Алма-Ата)¹, Пишпек (Фрунзе) или Ашгабад (Ашхабад), имели только регулярно распланированную европейскую часть, поглотив более ранние небольшие поселения.

Старые и новые части городов-двойников отличались неравномерностью заселения. Если среднеазиатские города были чрезвычайно плотно застроены, то в «европейских» городах площадь городской территории, приходившаяся на 1 жителя, составляла от 500 до 1000 кв. м. Причем «старый город», в свою очередь, мог подразделяться на собственно город с крайне переуплотненной системой расселения и небольшими участками строительства

План дореволюционного Ташкента

Андижан. Дореволюционный план

Наманган. Дореволюционный план

Маргелан и Фергана. Дореволюционный план

и пригород, куда жители обычно выезжали в летние месяцы и который отличался редкой застройкой и значительной величиной садов индивидуального пользования. Эти особенности уклада жизни городов-двойников впоследствии представляли дополнительные сложности при их реконструкции.

Российская администрация не делала попыток разрушить сложившуюся структуру азиатских городов и бытовой уклад местного населения, идя по пути постепенных улучшений, строя больницы и просветительские учреждения. В то же время и европейские части городов по-своему изменялись и приспособлялись к условиям жизни в Средней Азии. Типологические особенности жилья, которые сложились в таких городах, значительно отличались от городов европейской России. Жилье строилось в основном 1–2-этажное (исходя, в том числе, и из соображений сейсмической безопасности), с толстыми, непрогреваемыми на солнце стенами из сырцового или обожженного кирпича, с обязательным устройством с противоположной от улицы стороны дома дворики индивидуально-пользования – от крупных садов с фонтанами до небольших палисадников.

Территориальные и административные преобразования, происходившие на Востоке страны после революции, представляли собой довольно сложный процесс, наполненный драматическими событиями, связанными с установлением советской власти, – от открытого вооруженного сопротивления до попыток реализовать буржуазно-демократические сценарии, не совпадавшие с планами большевиков².

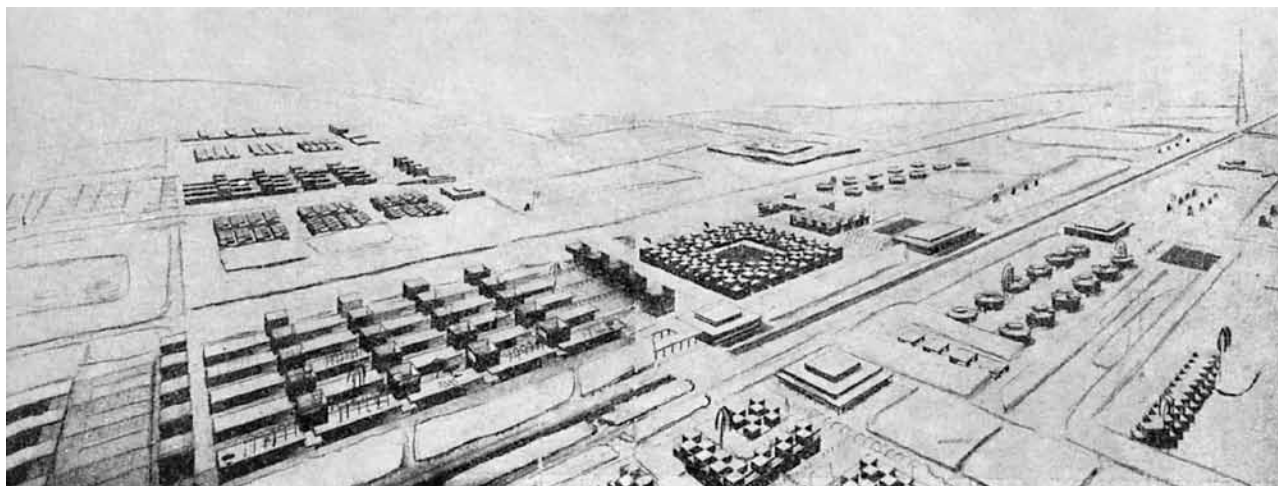
Бурные процессы административного передела территории страны на Востоке, создание новых государственных образований актуализировали вопрос выбора и застройки новых столиц социалистических республик. Не всегда такой выбор сразу получался успешным. Так, в Казахстане после отделения г. Оренбурга с областью столицей был назначен г. Перовск (ранее крепость Ак-Мечеть), переименованный по этому случаю в Кзыл-Орду (1925 г.). Началось благоустройство города, строительство крупных правительственных и общественных зданий, однако в 1927 г. было принято решение о сооружении Туркестано-Сибирской железной дороги, которая должна была оказать преобразующее воздействие на экономику и культуру республики. Стало понятно, что столицу во всех отношениях удобнее разместить в г. Алма-Ата (ранее г. Верный, с 1921 г. Алма-Ата, ныне Алматы), расположенном близко к трассе. Перенос столицы реально состо-

ялся в 1929 г. В Узбекистане с 1924 г. столицей был г. Самарканд, и лишь в 1930 г. ее перенесли в самый крупный город Средней Азии – Ташкент. В Киргизии изначально для столицы был выбран г. Джелал-Абад, но оказалось, что там негде разместиться органам власти. Столица так и осталась в г. Пишпек (с 1926 г. Фрунзе, ныне Бишкек).

Вместе с тем вопрос коренного преобразования не только столиц, но и других городов Средней Азии становился все более насущным. Эта задача воспринималась как важнейшая часть внутренней политики советского государства. При разделении территории Туркестанской республики появилась необходимость создавать новые административные центры различных уровней, используя для этого сложившиеся крупные или относительно крупные города, построенные в свое время русскими военными инженерами и топографами, объединенные с развитыми традиционными восточными районами или не имевшие их, если город складывался во второй половине XIX в. вокруг русского укрепления. Таким центром мог стать и город с полностью сохранившимся восточным обликом (например, Бухара), и город, фактически создаваемый вновь на месте сельского поселения-кишлака, как, например, столица Таджикской ССР, Дюшамбе (с 1929 г. Сталинабад, ныне Душанбе).

Каким образом нужно было решать столь необычную и сложную задачу, оставалось неясным, особенно если учесть, что некоторые среднеазиатские республики были лишены своих архитектурных кадров. Так, например, в Киргизии первые профессиональные архитекторы появились только в конце 1930-х гг. Дело осложнялось тем, что после революции начался период хаотичной застройки среднеазиатских городов. Местные исполкомы советов активно занимались делением и распродажей под застройку крупных частных владений в городах, заселением на коммунальной основе частных особняков.

Серьезная необходимость как-то обозначить свою позицию в вопросах реконструкции и строительства городов в условиях Средней Азии возникла перед советскими архитекторами уже в 1927 г. Это было время, когда начиналось масштабное государственное финансирование строительства промышленных предприятий. Хотя основная программа индустриализации была осуществлена в годы первых пятилеток, переход к реальному строительству заставил архитекторов уже в 1927 г. задуматься о том, как нужно строить в экстремальных климатических условиях и как отнестись к традиционной среднеазиатской застройке городов.

Проект Нового Чарджуя. Перспектива

Конкурсный проект планировки и застройки Нового Чарджуя. Перспектива. Бригада АРУ.

Арх. В.П. Калмыков, Л.О. Гиншпун. 1930

Действовавшие на европейской части страны нормы планировки населенных мест в условиях Средней Азии явно не были пригодны, а особенности региона, как природные, так и социально-культурные, не были достаточно хорошо изучены. И хотя М.Я. Гинзбург еще в 1926 г. призывал со страниц журнала «Современная архитектура» не копировать памятники, а изучать «живой Восток», имея в виду гибкость и совершенную функциональность среднеазиатской жилой архитектуры³, с официальных идеологических позиций вся традиционная застройка среднеазиатских городов рассматривалась как порождение средневековой отсталости. Ситуация осложнялась еще и тем, что в среднеазиатских городах почти не было пролетариата, в основном кустарно-ремесленное и сельскохозяйственное население, поэтому их, с позиций новой власти, вообще нельзя было считать городами.

Ученые, занимавшиеся изучением среднеазиатского зодчества, предупреждали, что такое отношение к местному наследию не приведет ни к чему хорошему. Так, профессор Среднеазиатского индустриального института гражданский инженер Л.Н.

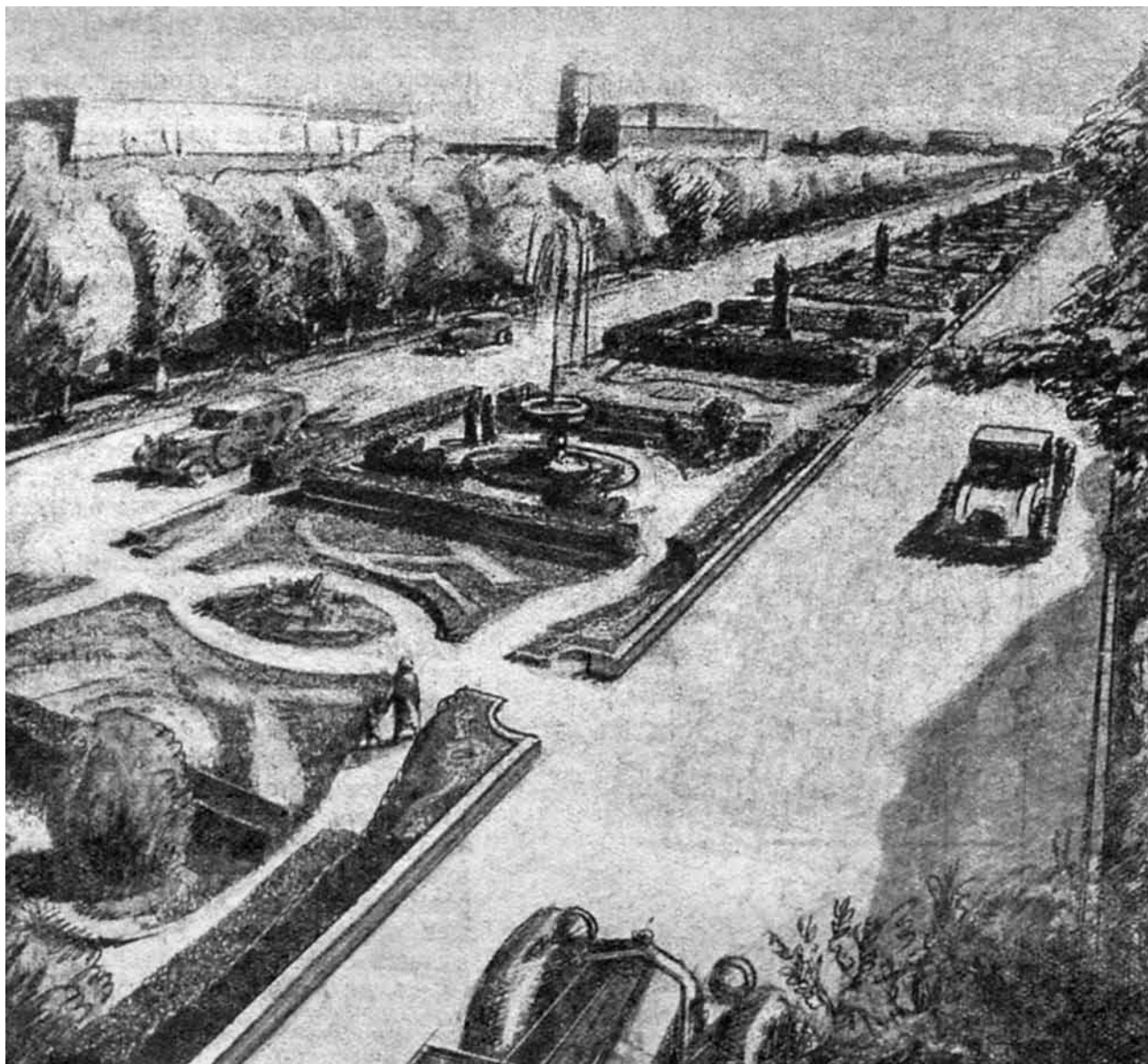
Воронин в 1927 г. на страницах журнала «Строительная промышленность» выступил с большой статьей. Ее содержание сводилось к трем важным позициям.

1. Историческую систему застройки, которая складывалась веками, ни в коем случае нельзя уничтожать и пытаться заменить ее на застройку европейского типа. Максимум, что нужно сделать, — это проложить несколько современных транспортных магистралей, а жилые районы оставить без изменений, идя по пути постепенных санитарно-гигиенических улучшений.

2. Не следует пытаться объединить города-двойники в одну целостную градостроительную структуру. Л.Н. Воронин предлагал учесть специфику построения среднеазиатских городов, применив к ним понятие «групповой город», при наличии местного самоуправления в каждой из частей, составляющих в административном отношении одно целое. Главное внимание он предлагал сосредоточить на создании развитых транспортных связей между частями такого города, а также создании пригородов, куда предлагал перенести новое строительство. Слияние разных частей среднеазиатских городов, как считал Воронин, приведет к созданию гигантских, трудно застраиваемых территорий и в градостроительном плане не является целесообразным.

3. При существующем лихорадочном темпе застройки и ее беспорядочности, по мнению Воронина, велика опасность превращения городов Средней Азии в самую невероятную смесь разных сти-

Проект Чарджуя. Центральный проезд. Гипрогор

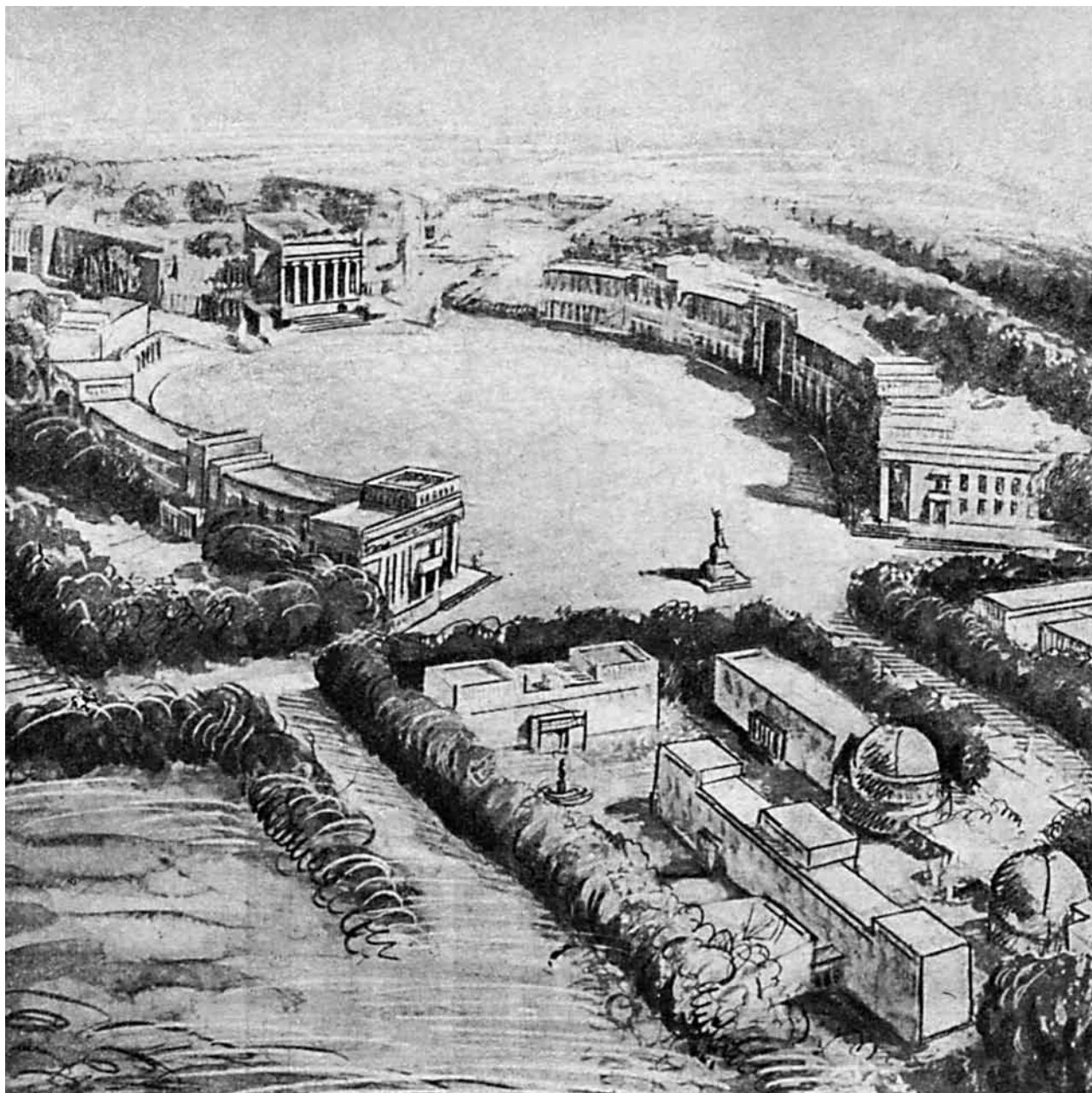
лей, от огрубленной классики и уродливых местных подражаний конструктивистским постройкам до интерпретаций арабского и индийско-магометанского стиля⁴.

Предостережения представителя старой профессиональной школы были сделаны, когда эти явления только обозначились в градостроительстве Средней Азии, но через два-три года они стали устойчивой тенденцией.

Между тем в отношении будущего экономического развития Среднеазиатского региона, строительства здесь новых городов и радикального преобразования старых городов создавались грандиозные планы. Наиболее известными в истории советской архитектуры проектными предложениями,

связанными с градостроительством в Средней Азии, стали конкурсные проекты Нового Чарджуя (с 1924 по 1927 г. Ленинск, до 1937 г. Чарджуй, далее Чарджуу, ныне Туркменабат), разработанные бригадами АРУ, САСС и ВОПРА, а также проекты реконструкции городов Ферганской долины Андижана и Намангана, опубликованные в 1931 г. членами АРУ В.А. Лавровым и В.С. Поповым.

Проекты Нового Чарджуя, получившие широкую известность в 1930 г. в ходе дискуссии о социалистическом расселении, давали различные интерпретации идеи линейного города, практически беспредельно развивающегося вдоль реки⁵. Они становились в один ряд с такими новаторскими проектами, созданными по принципу линейной

Проект Чарджуй. Перспектива центральной площади. Гипрогор

планировки, как «Магнитогорье» бригады И.И. Леонидова или «Зеленый город» Н.А. Ладовского. В условиях пустыни архитекторы создавали совершенно новую среду обитания для населения будущего большого производственного района, прекрасный оазис, прорезанный водными каналами и пышной зеленью, с гибкой планировкой, с новыми типами жилья, развивающимися во времени.

Но блестящие проектные опыты по созданию нового города в условиях Средней Азии были достаточно далеки от реальных условий строительства Чарджуй. Практическое проектирование Чарджуй,

начатое в только что созданном Гипрогоре, вынуждено было пойти другим путем. Более внимательное изучение на месте топографического, климатического, экономического и других факторов, проведенное Гипрогором, показало невозможность развития идеи линейного города в специфических условиях долины Амударьи. В районе, где, казалось бы, сама конфигурация его располагает к линейной планировке (лента оазиса шириной 12–20 км, ограниченная с юга пустыней), город пришлось запроектировать вдали от реки, прижимая его к краю пустыни. Причина заключалась в том, что русло

Амударья постоянно мигрировало, подмывая берега, не позволяя их использовать даже для пристаней, водозабора и спортивных сооружений. Река постоянно угрожала паводками, оставляя после себя пересыхающие протоки — рассадники малярии. Поэтому оздоровление города оказалось связанным не с приближением к реке, а с удалением от нее. Руководителем проекта Н.Б. Соколовым был сформулирован целый комплекс микроклиматических, экономических, социально-бытовых причин, заставивших его отойти от идей параллельного пространственно-временного развития производства, жилища и «соцкультбыта», заложенного в понятии «соцгорода». В результате анализа ситуации пришлось отказаться не только от ориентации города вдоль реки, но и от принципа поточности в организации города, разделить город на несколько самодостаточных «кустов», организующих замкнутое, ограниченное пространство⁶. В проектах детальной планировки, разработанных в 1933 г., Чарджуй уже имел вполне традиционный, классицистический по своему характеру облик города с регулярной планировкой⁷.

Если Чарджуй предполагалось строить на новой площадке, оставив в стороне не только древнее поселение, но и город, возникший в 80-х гг. XIX в. и имевший регулярную планировку, то в проектах древних городов Узбекистана, Андижана и Намангана вопрос стоял именно о «последовательной социалистической реконструкции» старых средне-

азиатских городов, имевших и регулярные части, возникшие в конце XIX в. Фактически это был и один из первых в стране опытов районной планировки. В долине — крупнейшем хлопкосеющем районе — предусматривалось создание полного цикла: выращивания хлопка, его обработки, получения тканей. Авторы, с одной стороны, выступали против механической европеизации азиатских частей города, но в то же время писали: «Основным, самым общим принципом реконструкции города в целом является уничтожение противопоставления «европейской» и «азиатской» его частей, исходя из чего при работах по перепланировке города не следует останавливаться перед последовательным полным уничтожением планировочной сетки и типа застройки старого города и организации населенного места по принципу, зачастую прямо противоположному существовавшему ранее»⁸. Они верили в то, что создаваемые ими новые пространственная организация и типы застройки приведут к формированию «нового человека, с новой психологией, новым бытом».

Если в условиях европейской части СССР — деклариовали авторы — вопрос жилстроительства мог на первых порах ограничиваться лишь проблемой рационализации существовавшего ранее типа жилища, то в условиях Средней Азии какая-либо рационализация жилища на основе существующего жилфонда представляет собой обстоятельство явно реакционное. В данных условиях может иметь ме-

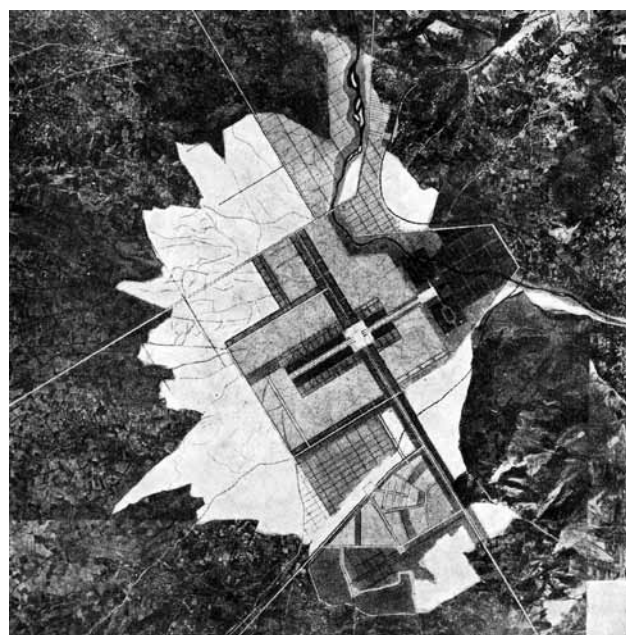
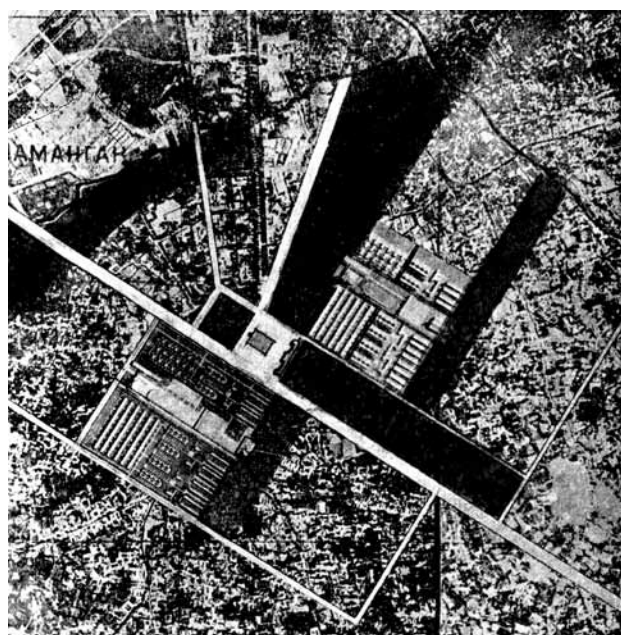
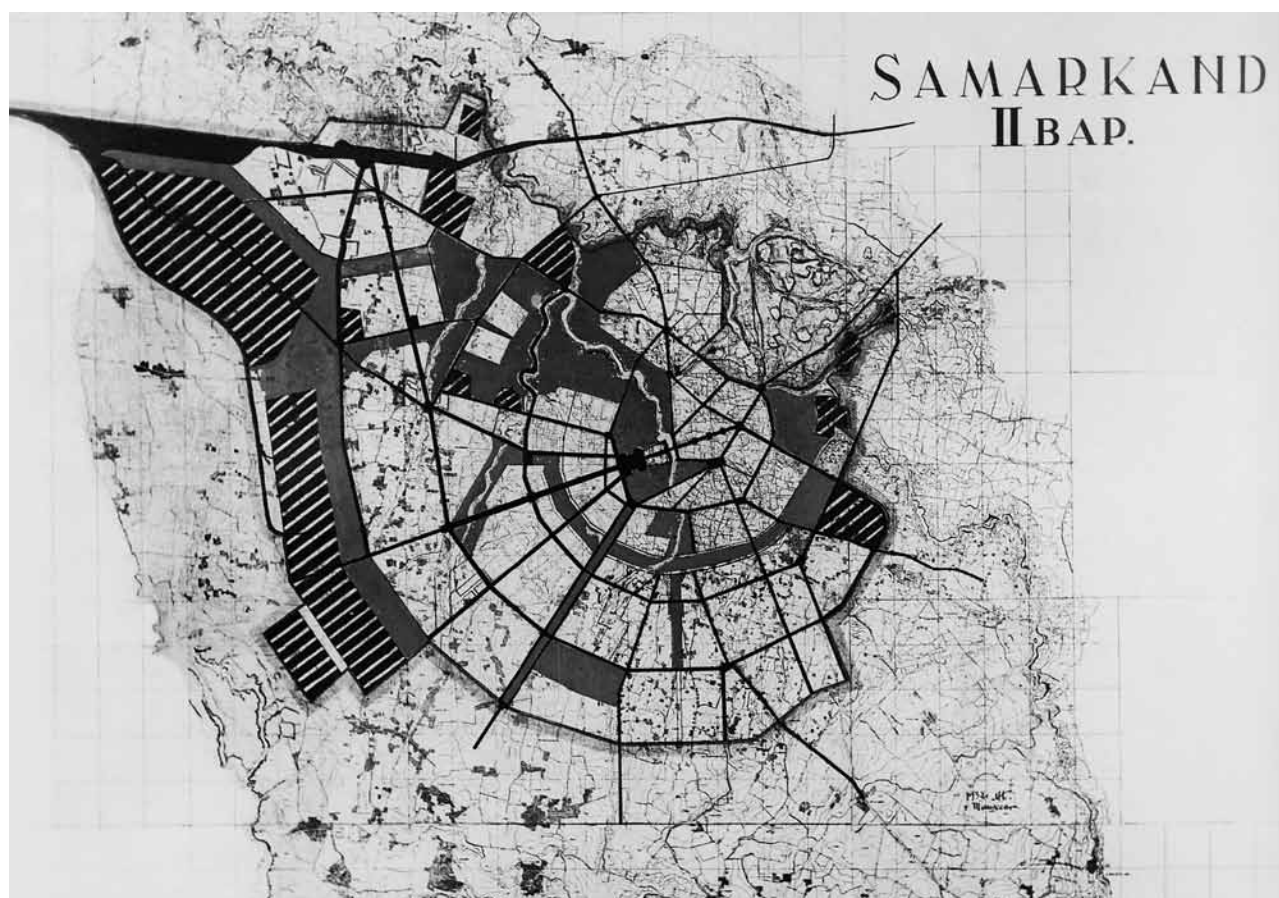

Схема реконструкции Андижана.
Арх. В.А. Лавров. 1931

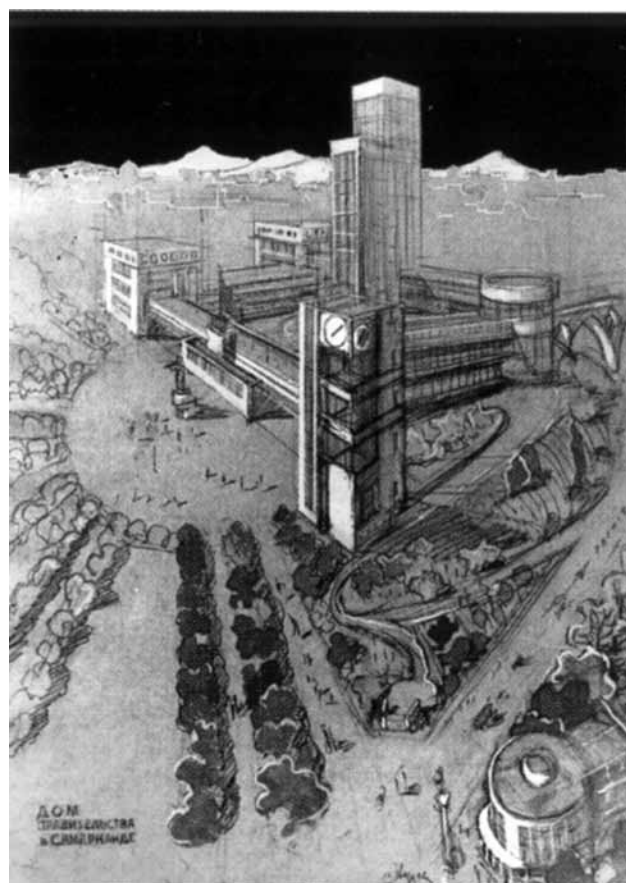

Наманган. Схема застройки первой очереди.
Арх. В.С. Попов. 1931

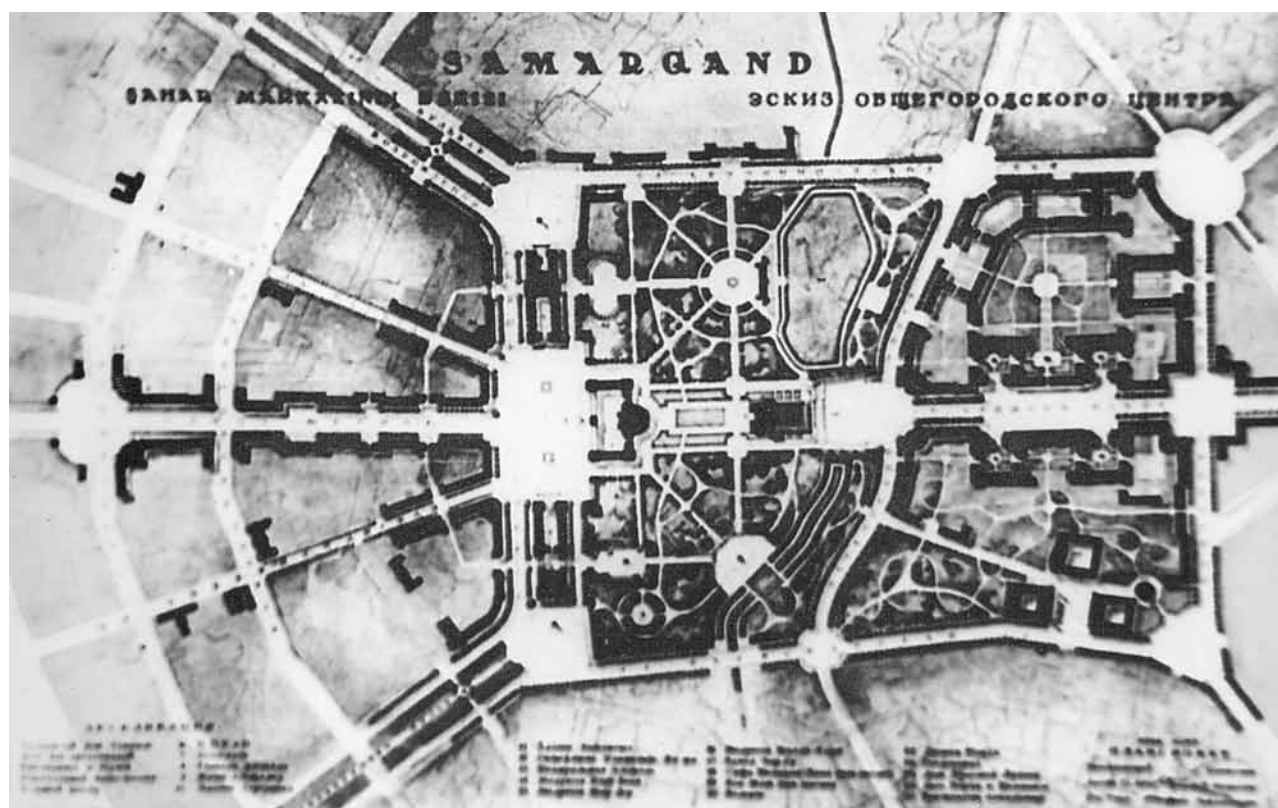
Самарканд. Схема планировки. Арх. Панкратов А.Д.

Проект Дома правительства в Самарканде.
Арх. А.В. Щусев 1929

сто не рационализация жилища, но его радикальная реконструкция на основе иных социальных отношений и применения новых технических приемов при условии использования местных строительных материалов. Фактически на тончайшую капиллярную сеть традиционной среднеазиатской застройки сажались производство и жилые комбинаты, лишь отдаленно напоминающие ковровую застройку среднеазиатских городов.

Подобные тенденции проявлялись и в отношении крупных исторических городов. В 1929 г. в Ташкенте было учреждено Бюро по перепланировке городов Средней Азии. Здесь началась работа над генеральным планом Самарканда, бывшего тогда столицей республики. Второй по величине город Узбекистана представлял собой типичный «город-двойник». Новая часть, созданная в 1870-х гг. военными топографами и инженерами И.Г. Цехановичем, А.Н. Черневским, Н.А. Непокупным, представляла собой город, в котором европейский образ

Самарканд. Схема планировки центра. Рук. арх. М.С. Булатов. Конец 1930-х гг.

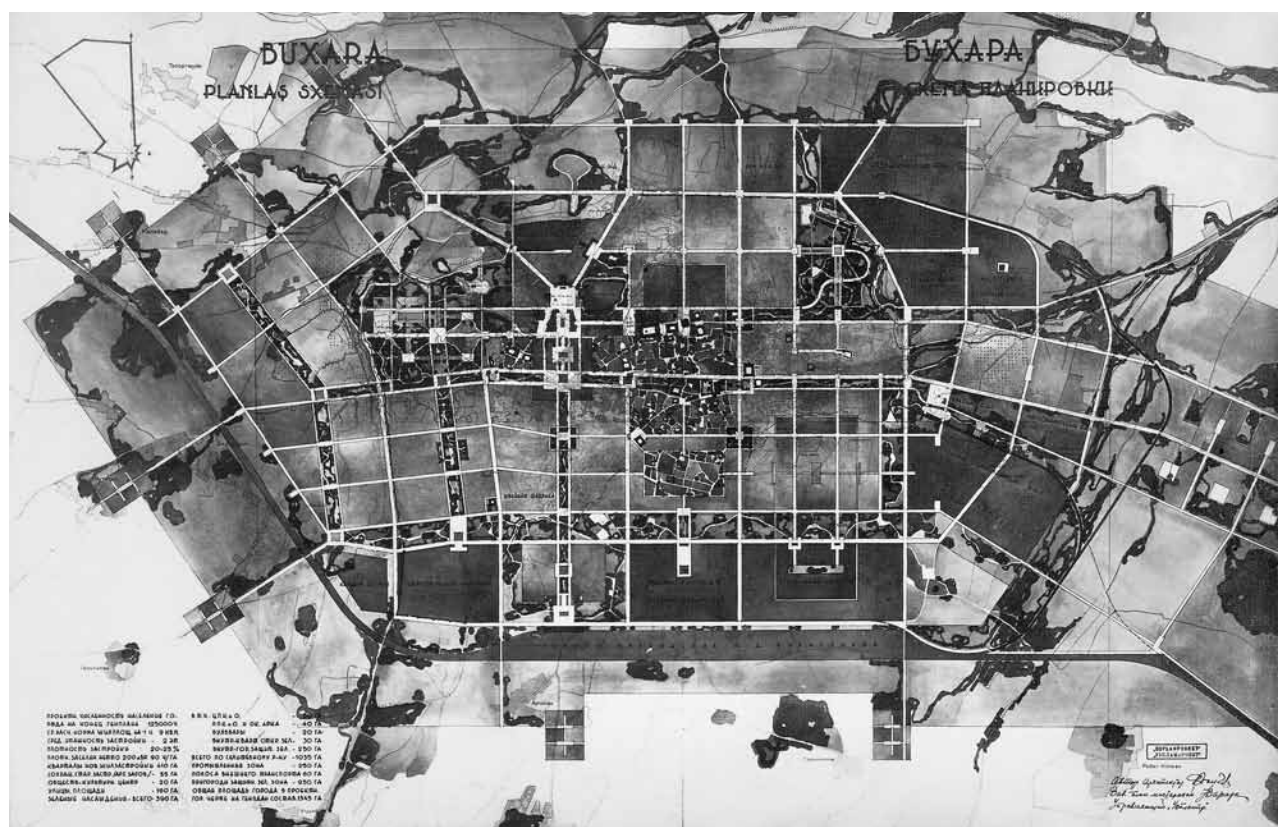
жизни достаточно органично приспосабливался к своеобразным местным климатическим и бытовым условиям. Однако в новом проекте была проигнорирована не только историческая азиатская часть города, но и его европейская планировка. Созданный архитектором Д.А. Панкратовым эскиз-идея перепланировки Самарканда, бывшего тогда столицей УзССР, строился на совершенно отвлеченной от реальной ситуации системе скоростных магистралей, решенных в виде спирали с расходящимися от ее вершины лучами. Проект вызвал критику и не имел продолжения, так как столица в 1930 г. была перенесена в Ташкент. Новый, гораздо более умеренный генеральный план Самарканд получил лишь перед самой войной, в 1938–1939 гг. (рук. арх. М.С. Булатов).

Полная отрешенность и даже враждебность по отношению к исторически сложившейся планировке города были проявлены и в проекте социалистической реконструкции Бухары, разработанном в Горстройпроекте под руководством И.В. Жолтовского в начале 1930-х гг. На древнюю планировочную сетку города была наложена жесткая решетка магистралей с выделением двух широких перекрещивающихся осей север–юг и восток–запад. На их пересечении образовывалась главная площадь города с админи-

стративными зданиями. С юга к главной площади примыкал огромный прямоугольный парк культуры и отдыха⁹. Идеи генплана Бухары И.В. Жолтовского в середине 1930-х гг. получили развитие в Узпланпроекте, где планировка этого города разрабатывалась под руководством арх. Ф.И. Долгова.

Первый проект «европейской» части Ташкента, разработанный в середине 1860-х гг. военным инженером М.Н. Колесниковым, не был особенно притязательным, однако уже тогда сложились основные элементы будущего центра новой части города: главная Соборная площадь с резиденцией генерал-губернатора комплекс административных зданий Торговая площадь. В более позднем проекте планировки 1870 г., созданном военным инженером А.В. Макаровым, новая часть Ташкента получила ясную планировку с развитым функциональным зонированием. Центром ее послужила общественно-культурная и учебная зона, сложившаяся вокруг эллипсовидной Константиновской площади (позднее превращенной в тенистый сквер с памятником первому генерал-губернатору Туркестана К. фон Кауфману), с расходящимися от нее магистралями-бульварами. Она пространственно объединялась со сложившейся административной зоной в районе Соборной площади через пешеход-

Проект планировки Бухары. Узпланпроект.
Арх. Ф.И. Долгов. Середина 1930-х гг.

Проект планировки Бухары.
Перспектива центрального района. Узпланпроект.
Арх. Ф.И. Долгов. Середина 1930-х гг.

этом старогородская «азиатская» часть города не подвергалась перепланировке.

Первый планировочный проект Ташкента, созданный в послереволюционное время, был разработан под руководством гражданского инженера Г.М. Сваричевского и касался только перепланировки ярмарочной территории (1924). Проект ставил своей целью развитие центр новой части Ташкента в сторону преобразовывавшихся рабочих окраин. Разрабатывалась схема зонирования территории и новые типы зданий.

Проект перепланировки всей территории Ташкента был разработан в 1929–1933 гг. московским архитектором А.А. Сильченковым. Исследователь восточного градостроительства Ш.Д. Аскарлов, впервые опубликовавший этот проект, подчеркивает его встроенность в систему передовых градостроительных идей того времени, переключку с предложениями Э. Сааринена, Ле Корбюзье, Н.А. Ладовского¹⁰. Революционная устремленность проекта состояла в размещении нового промышленного производ-

но-прогулочную зону Соборной улицы. В структуре новгородского центра сформировалась группа вспомогательных зон, специализированных на учреждениях культуры (городской парк, летний театр, цирк и ряд кинематографов), торговли (Воскресенский рынок и начало примыкающей к нему улицы), управления (административно-общественный комплекс) и ряд других зон. Все эти зоны были связаны между собой системой зеленых пространств улиц и магистралей, застроенных особняками. При

ПЛАН РЕГУЛИРОВКИ ЧАСТИ НОВОГО ГОРОДА ТАШКЕНТА. 1924 Г.

План урегулирования части нового города Ташкента.*Арх. Г.М. Сваричевский. 1924*

ства, вовлечении в него местного населения, уничтожении различий между старым и новым городами, полном изменении бытового уклада в старой части города за счет ее фактического уничтожения.

Ташкент по проекту складывался из трех индустриальных районов: северного, южного и восточного — и агрокультурного сектора на западе. Строительство в основном предполагалось вести на территории старого города, несмотря на его заболоченность и далеко не лучшее санитарное состояние.

На месте центра старого города проектировался огромный парк культуры и отдыха площадью 500 га, который предполагалось обводнить водами арыка Бозсу. Между парком и жилой зоной предусматривались административные здания общегородского и районного значения. Главной магистралью становилась магистраль запад—восток, связывающая центры обеих частей города¹¹. Проект А.А. Сильченкова, построенный на принципах геометризма и симметрии и оторванный от естественно-исторических условий местности, остался нереализованным.

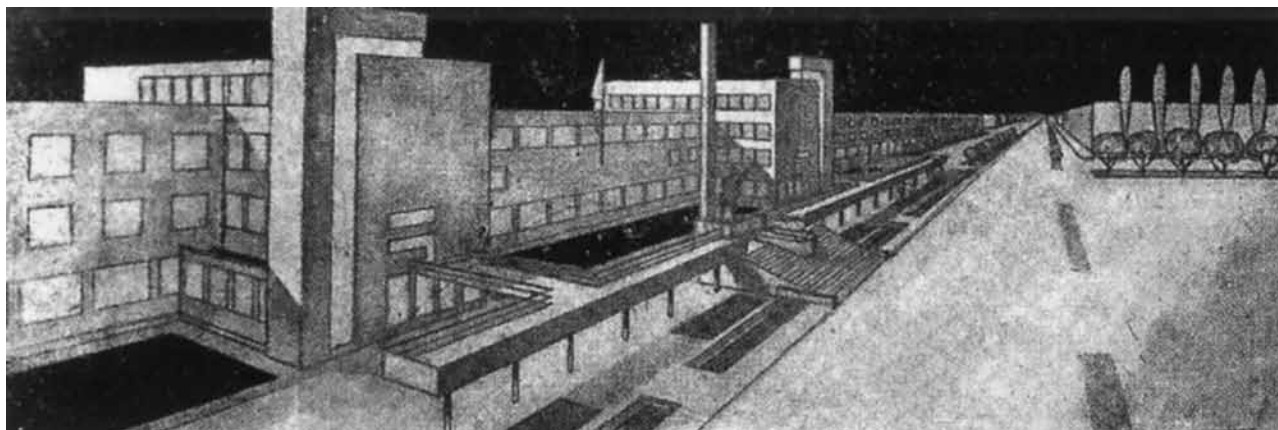
Однако идея объединения двух частей города и ликвидации разницы между ними продолжала

оставаться основной на протяжении всей советской истории градостроительства Ташкента. Новый проект перепланировки Ташкента, уже не связанный столь тесно с декларативными принципами революционного градостроительства, был разработан к середине 1930-х гг. группой АПУ Ташгорсовета под руководством Н.Н. Семенова. В соответствии с усложнившимися функциональными требованиями единый центр для обеих частей города создавался путем развития композиции бывшего новгородского центра на запад — в старгородскую часть. Вопросы размещения крупных площадей, магистралей, а также определения главной правительственной площади Ташкента рассматривались в проекте как стержневые, при этом отказ от ранее предложенных принципов жесткого геометризма давал возможность их реализации¹².

Тем временем, однако, город испытывал на себе трудности, связанные с наличием смелых, но неосуществляемых практически градостроительных замыслов, развиваясь фактически без утвержденного генплана, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Кризисные явления в застройке городов, во многом связанные с неконтролируемой деятельностью военно-промышленных ведомств, наблюдались в эти годы практически во всех городах страны, что было списано на III пленуме ССА 1938 г. на происки «троцкистско-бухаринской банды». Ташкент в этом смысле не был исключением. По «Третьему московскому процессу» были в 1937 г. арестованы, осуждены и в 1938 г. расстреляны вместе с Н.А. Бухариным и А.И. Рыковым высшие руководители Узбекистана Ф.Г. Ходжаев и А.И. Икрамов. «Контрреволюционная троцкистско-бухаринская, национал-фашистская банда, — говорилось в правительственном постановлении о генплане Ташкента, — в целях создания недовольства широких народных масс, систематически тормозила и срывала помощь, оказываемую ЦК ВКП(б) и Совнаркомом Союза ССР в деле реконструкции и благоустройства г. Ташкента, проводила гнусную вредительскую работу, направленную на разрушение городского хозяйства»¹³.

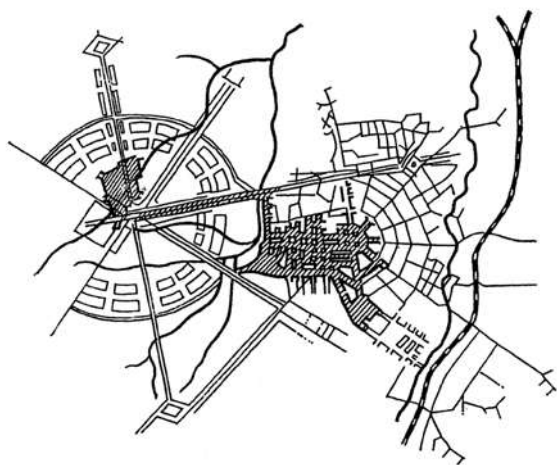
В 1937 г. генеральный план Ташкента был передан бригаде Мособлпроекта под руководством А.И. Кузнецова (при консультации А.П. Иванецкого) и затем одобрен специальной экспертной комиссией Всесоюзной академии архитектуры. В 1938 г. новый генплан был утвержден.

Генплан предусматривал развитие города на северо-восток и юго-запад, вновь, как и в более ранних проектах, подвергая полной реконструкции всю

Проект Дома правительства в Ташкенте.

Арх. С.Н. Полупанов. 1931

Первый советский генплан Ташкента.

Арх. А.А. Сильченков. 1931

старогодскую часть. Этот первый принятый к реализации проект реконструкции города вновь выявлял главенствующую роль планировочных принципов бывшей новой части Ташкента, в частности его центра, распространяя их на старогодскую часть.

Тем не менее в довоенный период этот проект упрекали в излишней мягкости и потере целенаправленности, поскольку в нем в какой-то мере было учтено расположение ирригационной сети на территории города. Но и этот смягченный вариант генплана предусматривал полную ликвидацию старого города и возникновение единой архитектурно-планировочной системы с центром, вытянутым по трем магистралям на несколько километров в сторону центра старого города. В городе, население которого в конце 1930-х гг. почти достигло миллиона человек, намечались огромный снос жилого фонда и возведение около 80% новой капитальной застройки, оснащенной всеми видами технического оборудования.

Как и в прежнем проекте, активно внедрялась общественная зелень: устраивались большие по площади парки, набережные, скверы, соединенные

зелеными клиньями с загородными местами отдыха и спорта¹⁴. Проект этот также не получил воплощения, поскольку требовал полной перестройки города, на что не было ни средств, ни возможностей строительной базы, ни достаточных профессиональных кадров. Большие массивы зелени в отсутствие продуманной ирригационной системы также не приживались в местных условиях, поскольку каждый куст требовал тщательного полива и ухода.

В 1939 г. в Мособлпроекте также разрабатывался новый проект планировки центра Ташкента (арх. Н.П. Поникаров). Вновь создаваемый центр перемещался по отношению к существующему, но развивался по уже существующей оси. Центр трактовался как сложная система ансамблей: два из них — это общегородской и республиканский центры два других — профсоюзный центр и стадион. Связующим пространством служил большой зеленый массив и пруд физкультурного центра. Проект получил одобрение. «Комбинирование площадей, объемов, зелени, воды гарантирует ансамблю особую выразительность. Найдена идея, обогащающая образ столичного города».¹⁵

В итоге за оставшиеся до войны 2—3 года сквозь «старый город» Ташкента были пробиты несколько новых и расширены некоторые старые улицы, намечены и частично осуществлены работы по развитию центра бывшего нового города в реконструируемую старогодскую часть¹⁶. Однако добиться органического соединения старой и новой частей города путем застройки протяженной и широкой ул. им. Навои не удалось ни до войны, ни в послевоенный период¹⁷.

Схема генерального плана Ташкента. АПУ Горисполкома. Рук. Н.Н. Семенов. 1937

Несколько проще проблема старого и нового решалась в градостроительстве Казахстана, где не было развитых древних поселений восточного характера. Градостроительное проектирование в Казахстане началось в 1920-е гг. с проекта тогдашней столицы Оренбурга (1920–1925) и рабочих городков в его окрестностях. Этой работой занимался молодой выпускник Петербургской академии художеств И.В. Рянгин, приехавший в Оренбург в 1918 г. (в 1930-е гг. — видный представитель ленинградского авангарда, автор жилого дома «Тахитектон» в Крестовском жилом массиве).¹⁸ Будучи зав. отделом планировки при оренбургском Губсовнархозе, а с 1923 г. — губернским архитектором, он предложил проект планировки и застройки Оренбурга, лежавший в русле передовых планировочных идей того времени, развивавшихся в основном в западном градостроительстве. Так, под систему озеленения, включавшую в себя развитую сеть спортивных и оздоровительных учреждений, отводилась треть территории города.¹⁹ Создавались многочисленные

парки, сады, скверы. Образовывались новые площади, под которые отводилось 5% территории; улицам и площадям давались новые, романтически-революционные названия. Предполагалось возвести Дворец труда, Новый театр и другие крупные общественные здания. Вместе с тем бережно сохранялись все церковные здания. Для Оренбурга с его степным засушливым климатом и малыми экономическими возможностями этот проект оказался в полном смысле футуристическим. Осуществлены были лишь более приближенные к жизни проекты И.В. Рянгина — рабочие поселки на горе Маяк, Красный городок, сооружения городской водопроводной системы, памятник Ленину.

Автором генерального плана новой столицы Казахстана Кызыл-Орды стал также И.В. Рянгин, продолживший здесь развивать свою идею «города-сада» (в соответствии с общей тенденцией советского градостроительства социальная подоплека гомогенной схемы «города-сада» была отброшена). В условиях сухого жаркого климата около 27% тер-

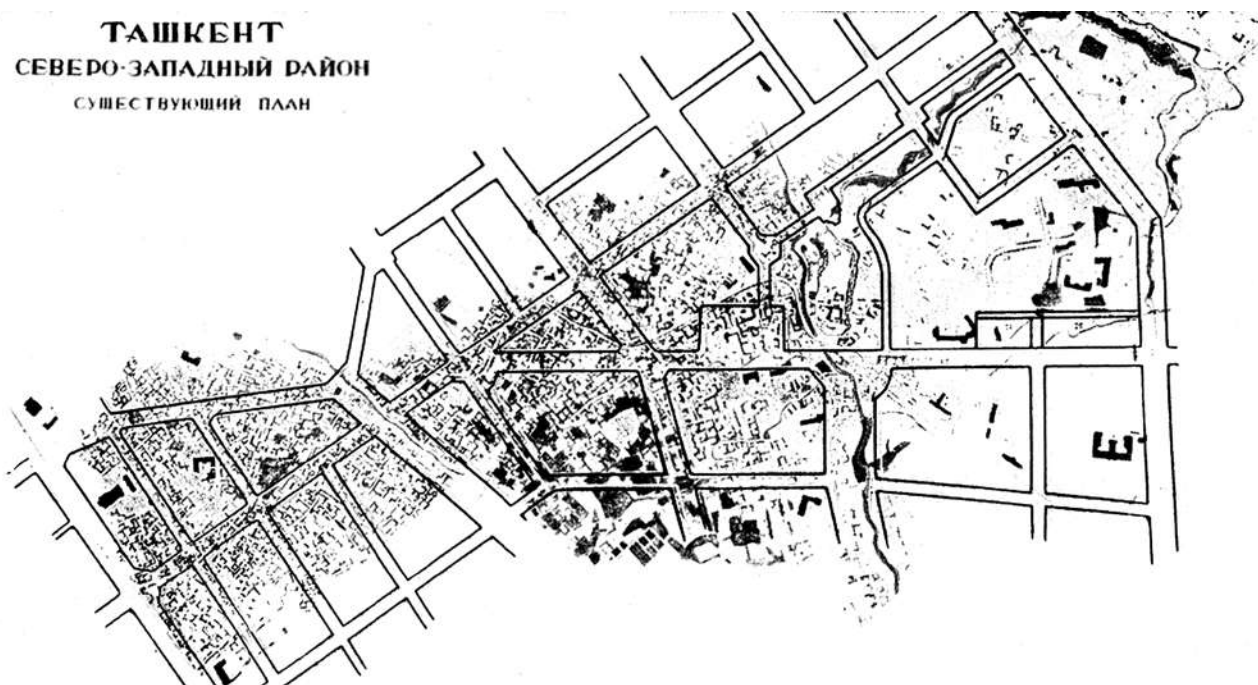
Планировка северо-западного района Ташкента.

Арх. А.И. Кузнецов, Н.Н. Семенов. 1938–1939

Генеральный план Ташкента.

Рук. А.И. Кузнецов. 1938–1939

ТАШКЕНТ
СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ РАЙОН
СУЩЕСТВУЮЩИЙ ПЛАН

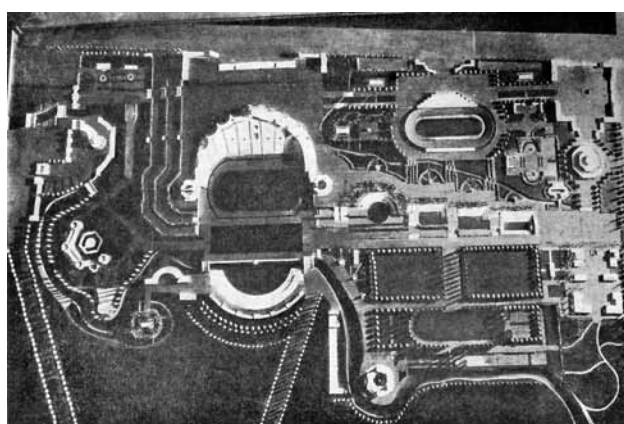
Ташкент. Новая планировка на месте старого города. 1938

ритории отводилось под зелень. Застройка новых кварталов предусматривалась крупными массивами с объектами бытового обслуживания. Наиболее благоприятные территории — набережные Сырдарьи отводились под зоны отдыха. Было проведено комплексное зонирование территории города²⁰. Но этот генплан также не был осуществлен, а столица республики вновь была перенесена.

Укрепление Верное было построено в 1854 г. В дальнейшем вокруг него образовались Большая Алмаатинская и Малая Алмаатинская казачьи станции, слобода Татарская (Ташкентская), где сели-

лись ремесленники и купцы, возникли другие поселения. Строительными работами руководили военные инженеры Л.И. Александровский, Ц.К. Гумницкий. В 1867 поселение получило статус города Верного и стало центром Семиреченской области.

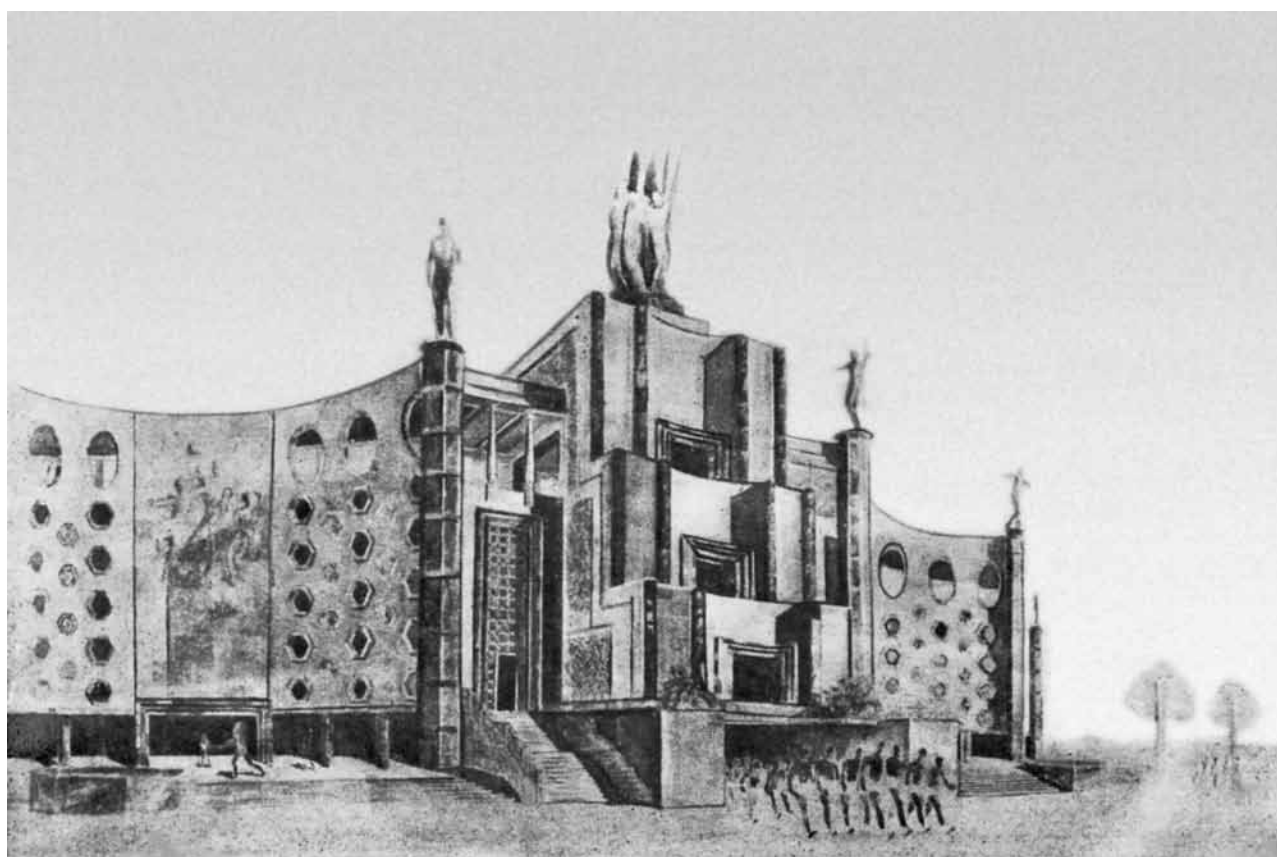
Автором первого плана города стал военный инженер Н.И. Криштановский. По его плану город имел размеры: к югу вдоль реки Алматинки 2 км, к западу 3 км. Были предусмотрены сенной, конный и зеленый базары, четыре площади под парки. Город состоял из прямых широких улиц, расположенных строго по направлению с севера на юг,

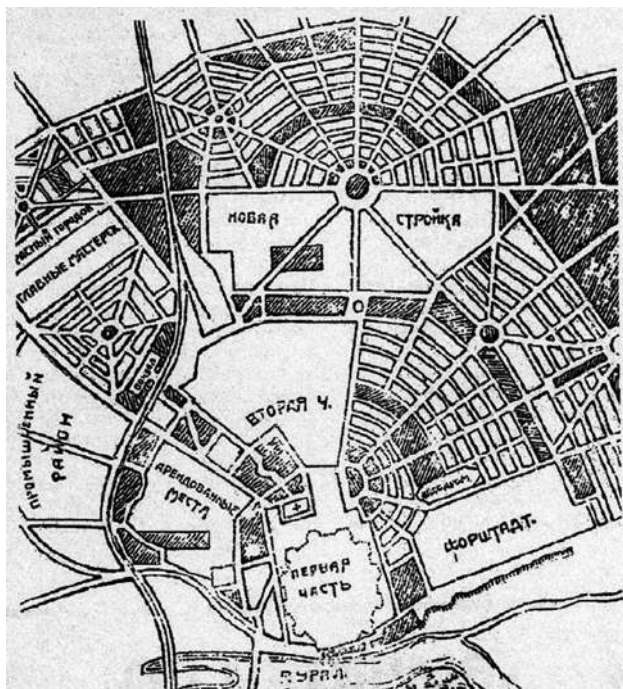
Ташкент. Проект планировки центра.
Арх. Н.П. Поникаров. 1938

Ташкент. Проект Физического комбината.
Генлан

Ташкент. Проект центрального стадиона.
Арх. В.П. Калмыков

Концепция развития г. Оренбурга.

Арх. И.В. Рянгин. 1925

в соответствии с постоянными потоками воздушных масс: ночью с вершин Алатау на равнину днем — в обратном направлении. Эти улицы пересекались под прямым углом поперечными улицами, расположенными с востока на запад. Градостроительная структура, заложенная в плане Криштановского, повлияла на все последующие генпланы города.

Развитию города в архитектурном отношении помешало сильнейшее землетрясение 1887 г., когда были разрушены практически все кирпичные здания. Военный губернатор Семиреченской области издал указ, по которому город отныне должен был застраиваться только деревянными домами.

С 1929 г. Алма-Ата, благодаря своему положению вблизи Турксиба, получил ускоренное развитие в качестве столицы республики. Превращение небольшого провинциального городка в столицу потребовало сооружения ряда правительственных и административных зданий, а также большого жилищного строительства. Осенью 1929 г. население города достигло уже 100 тыс. человек против 45 тыс. в 1926 г. В верховьях реки Малая Алмаатинка были построены дамбы для защиты от горных грязекаменных потоков — селей. Один из таких селей в 1921 г. в значительной степени разрушил город.

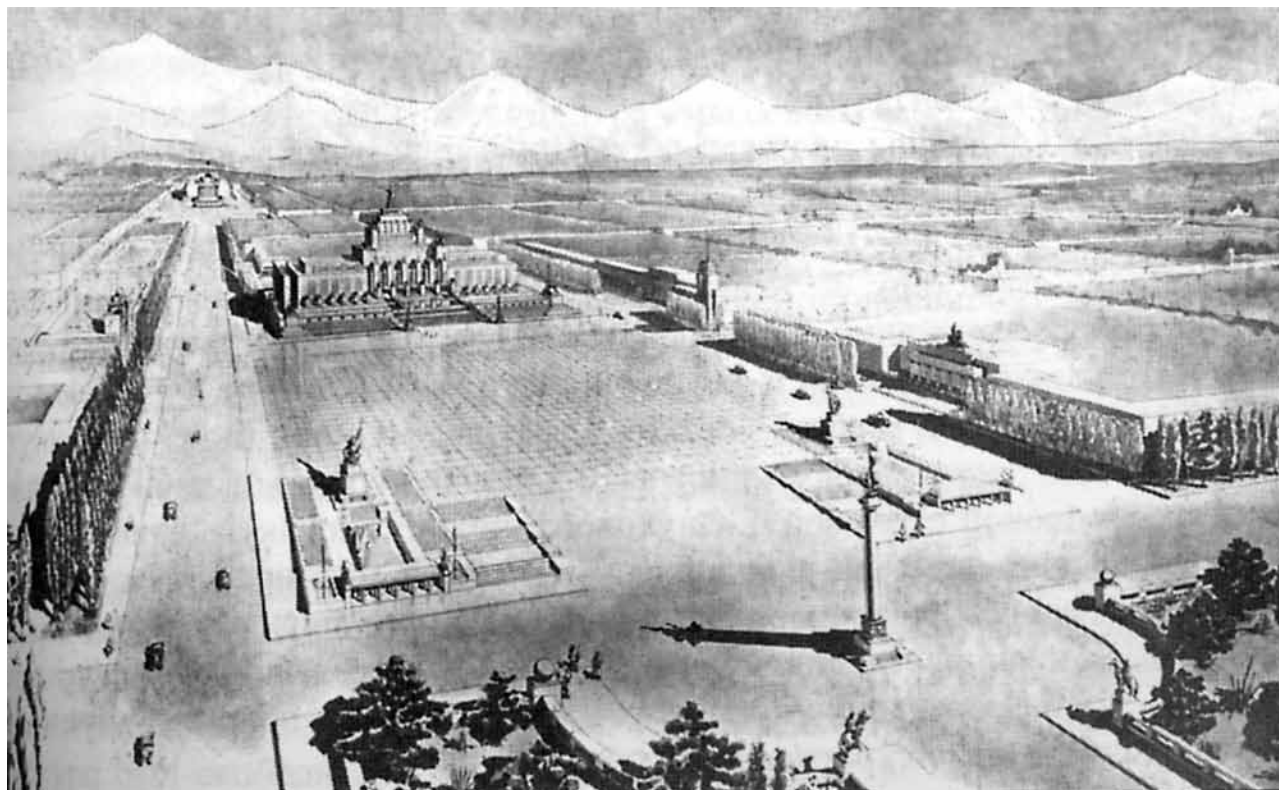
Застройка в первой половине 1930-х гг. велась в соответствии с планировочной схемой, разработанной Гипрогором. По проекту население увеличивалось с 45 тыс. до 300 тыс. человек, а террито-

рия — с 2200 га до 3500 га²¹. Застройка значительно расширялась в западном, равнинном направлении, что облегчало строительство коммуникаций. Общественный центр города по проекту представлял собой протяженный зеленый оазис между реками Малая Алмаатинка и Большая Алмаатинка. В этом линейном парке располагались административные и культурные учреждения. Создавались и другие зеленые зоны, промышленность на севере также отделялась от города мощной зеленой защитной полосой. На этот проект большое влияние оказала поточно-функциональная схема Н.А. Милютина, которую в то время пытались активно использовать при строительстве и реконструкции промышленных городов по всей стране. В соответствии с планом город продолжал развиваться в западном направлении за счет удлинения широтных улиц, сохраняя традиционную для Алма-Аты прямоугольную квартальную систему планировки²².

Во второй половине 1930-х гг. значительное влияние на проектирование генпланов городов оказал генеральный план Москвы, утвержденный в 1935 г., и генеральный план Ленинграда 1936 г., который, в свою очередь, формировался в это время под влиянием московских тенденций. Функциональное зонирование, разработка жилого квартала, преобразование исторически сложившейся структуры, создание лесопаркового защитного пояса, ограничение роста промышленных предприятий, понимание города как системы ансамблей, призванных отразить величие нового строя, — все это с той или иной долей успеха применялось в проектах таких городов Казахстана, как Чимкент, Гурьев, Петропавловск, Акмолинск, Алма-Ата. Новый генеральный план Алма-Аты был закончен в 1936 г. (арх. А.И. Репкин, И.С. Гуревич). Утвержден 16 марта 1937 г. СНК Казахской ССР²³. К 1955 г. предполагалось население 360 тыс. человек.

За основу планировочной структуры была принята исторически сложившаяся прямоугольно-квартальная система, но при этом предусматривалось решительное упорядочение сети улиц и площадей, укрупнение кварталов. Город должен был развиваться в основном в западном направлении, в направлении поймы реки Весновки, с благоприятными гидрогеологическими, сейсмическими и санитарно-гигиеническими условиями. Незначительное расширение намечалось также в южном направлении. Расширение в северном направлении, в сторону Ташкентской Аллеи, из-за высокой сейсмичности и заболоченности не предполагалось. Генеральный план развивал многие положения пре-

Алма-Ата. Перспектива центральной площади. 1933

дыдущей планировочной схемы²⁴. В основном Алма-Ата и города Казахстана росли за счет освоения новых незастроенных территорий, что характерно для Петропавловска, Актюбинска, Кокчетава, Павлодара, Гурьева и др.

Европейская планировка столицы Туркмении Ашхабада, основанного в 1881 г. в связи со строительством Закаспийской железной дороги, сохранила следы намечавшегося двуструктурного города. Город строился как военный форпост рядом с главным аулом Ахал-Текинского оазиса Асгабадом и унаследовал его название. В плане дореволюционного города были совмещены две системы планировки: радиальная — улицы лучами расходились от военного укрепления в сторону аула, впоследствии исчезнувшего, и прямоугольная, повторявшая направление железной дороги. На месте крепости впоследствии образовалась главная площадь города (им. генерала М. Скобелева, затем им. К. Маркса). В архитектуре дореволюционного города сочетались два направления: «кирпичный стиль», характерный для построек российской администрации, и традиционная среднеазиатская застройка (караван-сарай, мечети, торговые заведения).

Большие, перетекающие друг в друга массивы зелени неизменно проектировались и в Ашхабаде —

городе, окруженном пустыней. Первый советский генплан Ашхабада был разработан в 1935—1936 гг. в Московском институте геодезии, аэрофотосъемки и картографии (М.И. Назаретов, Л.Е. Бирюков, при консультации Г.Д. Дубелира, В.А. Александрова, сейсмологический очерк был составлен проф. В.О. Цшохером).

Проект отличался большим вниманием к созданию благоприятных микроклиматических условий, активным введением в структуру плана широких взаимосвязанных зеленых бульваров, парков и скверов, пронизывающих город в широтном и меридиональном направлениях и завершающихся большим озелененным массивом в Бекровинском ущелье на юго-западе. Вместе с тем был недостаточно учтен ветровой режим города. Этот генеральный план не был осуществлен, а в 1941 г., перед самой войной, был существенно откорректирован главным архитектором Ашхабада А.С. Плотниковым, который отказался от идеи создания сети бульваров, заменил сеть радиальных улиц прямоугольной сеткой, лучше учитывавшей направление господствующих ветров. От предыдущего генплана осталась лишь идея организовать крупный парк в Бекровинском ущелье. Важным элементом нового генерального плана стало предложение создать в централь-

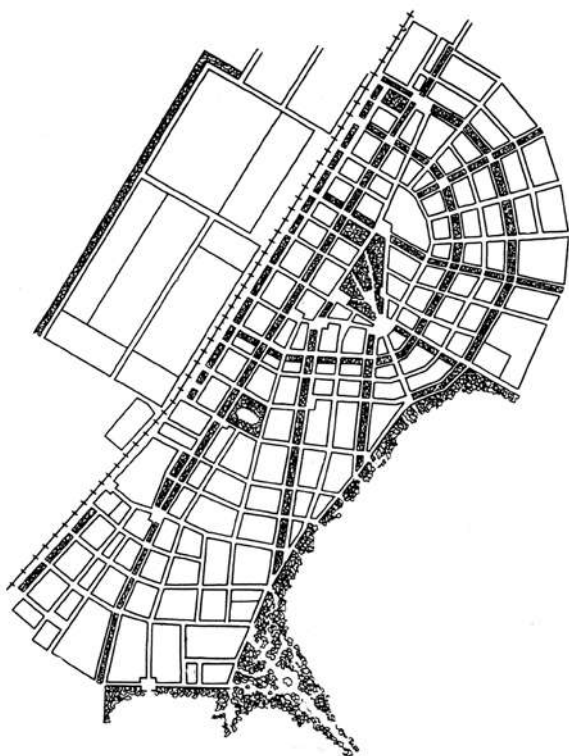

Проект планировки Алма-Аты. Перспектива. АПУ Горисполкома. 1937

Алма-Ата. Физиотерапевтическая клиника. Арх. И.Л. Длугач, А.И. Каплун. 1937

Ашхабад. Схема планировки города. Московский институт геодезии. Инж. М.И. Назаретов. 1936

ной части города широтную эспланаду, которая должна была сыграть важную роль в формировании города²⁵. Она начиналась от главной площади и на востоке разветвлялась на три лучевых направления, рассекавших прямоугольную сетку кварталов²⁶. Эти проекты не были осуществлены. Фактически город продолжал расти, мало соотносясь с генпланом, осуществление которого требовало большого сноса. Вне всякого плана за железной дорогой возник большой поселок, впоследствии ставший одним из районов города.

Строительство в Туркмении осуществлялось в основном по проектной документации, разработанной в Москве, Ленинграде, Баку, Ташкенте. Быстрое увеличение объемов строительства требовало создания местной организации. В 1929 г. было создано «Проектное бюро по проектированию промышленных объектов и жилищ для рабочих» при ВСНХ ТССР со штатом 27 человек²⁷. Но многие генеральные планы городов Туркмении были разработаны до войны геодезической мастерской Наркомата коммунального хозяйства республики. В 1939 г. были разработаны генеральные планы Ташауза (арх. А. Довлетпур, М. Сенина), Мары (арх. А. Скрылов). В 1940 г. появились генеральные планы Красновод-

ска (арх. А.З. Довлетпур, А.К. Скрылов), Теджена (арх. А. Довлетпур).

В отношении Киргизии власть была более заинтересована вопросами организации новых промышленных районов и переводом на оседлый образ жизни кочевого населения, чем реконструкцией городов. Пожалуй, единственным объектом в административном центре Киргизской автономной области Пишпек (с 1926 г. Фрунзе), напоминающим о передовых веяниях в градостроительстве того времени, стал так называемый Рабочий городок на юго-западной окраине города, построенный в 1928–1932 гг. иностранным кооперативом «Интергельпо»²⁸. Круглый в плане городок воспроизводил известную схему «города-сада» Э. Говарда.

В 1932 г. Академией коммунального хозяйства и Советом по изучению природных ресурсов АН СССР была организована комплексная экспедиция с целью разработки вопросов социалистического расселения в Киргизии²⁹.

На специальный отряд Академии коммунального хозяйства было возложено обследование существующих населенных пунктов Киргизии, изучение перспектив отдельных отраслей народного хозяйства, местных условий быта, естественно-географических условий, форм оседания кочевых и полукочевых хозяйств и пр. На основании собранного материала участники экспедиции должны были наметить основные принципиальные подходы к решению проблем организации селитебной территории и строительства населенных пунктов в новой Киргизии.

Участник экспедиции молодой архитектор-авангардист В.П. Калмыков разработал целую систему проектов антисейсмического строительства в горной местности. Он также создал получившие широкую известность различные типы жилищ для оседающих кочевников на основе мотива юрты, из которых он пытался составлять строго геометрические поселки и жилые кварталы. На этой основе он сделал попытку разработать в 1934–1935 гг. и схему реконструкции столицы республики Фрунзе, включив в планировку шестигранные жилые кварталы³⁰. Этот опыт имел чисто академический интерес, хотя Калмыков занимался и реальным строительством в городе. На более серьезной основе генплан Фрунзе стал разрабатываться только в предвоенные годы (1939, Горстройпроект), но не был осуществлен. Разработка нового генплана началась только в 1948 г. (Горстройпроект, арх. А.С. Смолицкий).

Единственным примером создания города, изначально получившего статус столицы республики, практически на пустом месте (существовавший здесь

кишлак был разрушен басмачами в 1922 г.) стал в довоенный период город Дюшамбе. К 1924 г. его население сократилось до 283 человек³¹. С 1925 г. здесь установилась советская власть, но борьба с басмачеством продолжалась до начала 1930-х гг. Оставшиеся строения представляли собой земляные кибитки, в которых размещались первоначально органы управления республики. Необходимо было строить новую столицу, но не было ни людей, ни материальных ресурсов. Связь с внешним миром осуществлялась

Планировка поселка для оседающих кочевников.
Арх. В.П. Калмыков. Начало 1930-х гг.

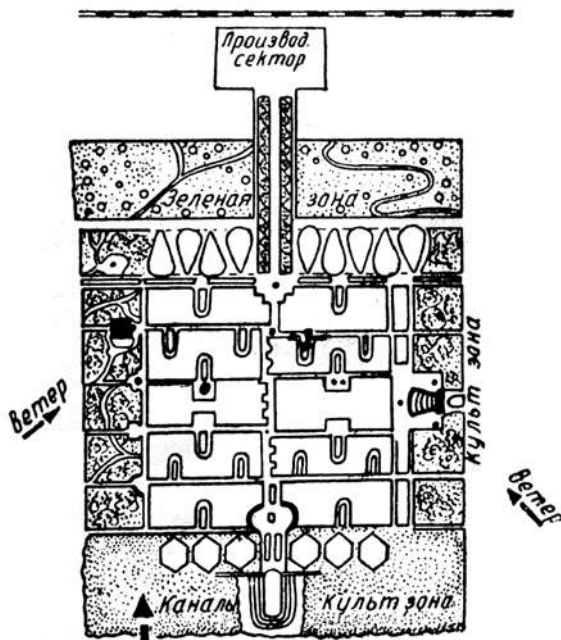
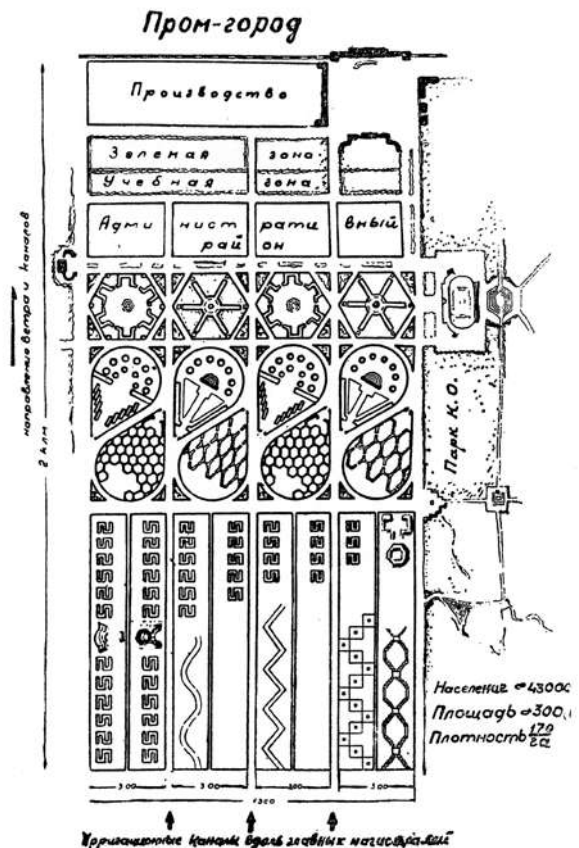

Схема поселка в пустынно-степной местности

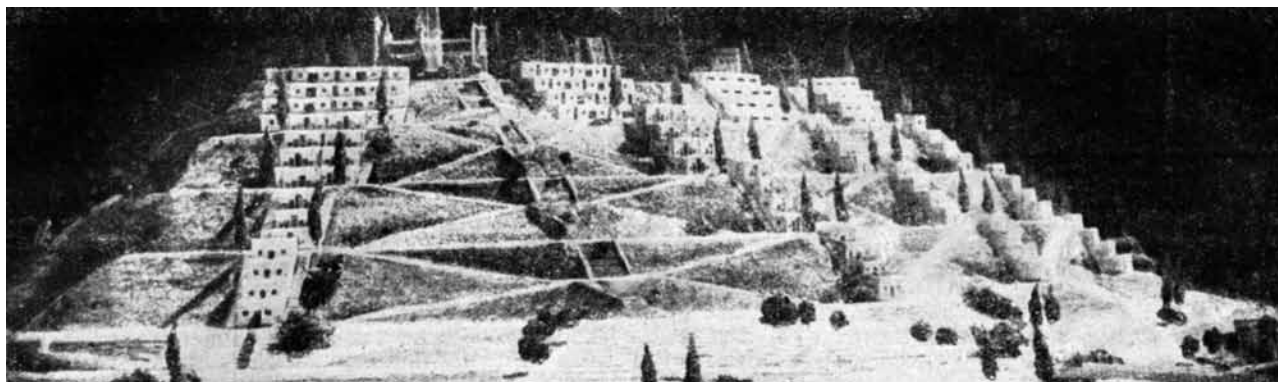
Схема поселка в пустынной местности.
Арх. В.П. Калмыков

с помощью верблюжьих караванов. Еще большие трудности испытывали другие города республики — древнейший город Ходжент (с 1936 г. Ленинабад), Куляб, Курган-Тюбе, и особенно высокогорный Хорог, куда вела только пешеходная тропа.

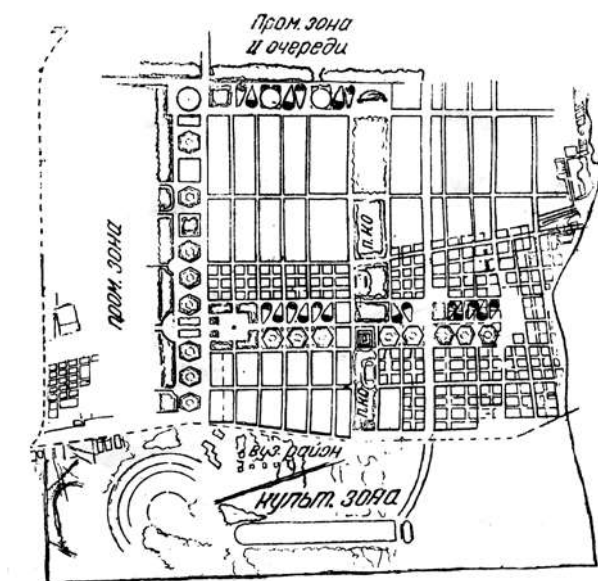
В 1929 г. была построена железная дорога Термез—Дюшамбе, по которой пошли вагоны со стройматериалами. Однако уже в 1925 г. в город стали приезжать специалисты из Москвы, Ленинграда, Киева, Харькова, Одессы и других городов, в том числе и архитекторы (П.И. Ваулин, С.В. Кутин и др.). Первые здания строились одноэтажными, из сырцового кирпича, с потолками, подшитыми фанерой, чтобы избежать обрушения штукатурки во время землетрясения. В 1926 г. была выполнена топографическая съемка и составлен опорный план города. Первый проект планировки новой столицы был разработан в 1936—1938 гг. ленинградским отделением Гипрогора (рук. Н.В. Баранов). Однако к этому времени в городе уже наблюдалась чрезмерная разбросанность застройки, в основном одноэтажной.

Проект планировки города в пустынной местности.
Арх. В.П. Калмыков

Проект поселка в горных условиях. Арх. В.П. Калмыков

Фрунзе. Схема реконструкции города.
Арх. В.П. Калмыков

Фрунзе. Кинотеатр Ала-Тоо.
Арх. В.П. Калмыков. 1938

В 1936–1937 гг. в республику прибыло пополнение архитекторов, закончивших Ленинградский институт инженеров коммунального строительства (ЛИИКС), началась разработка генпланов Ленинабада, Курган-Тюбе, Куляба.

К этому же времени относится критика разработанного Ленгипрогором генплана Сталинабада (ранее Дюшамбе) со стороны сектора планировки и социалистической реконструкции городов ВСКХ при ЦИК СССР (рук. Ф.В. Попов)³². Плотность застройки города была крайне низкой — всего 5%, плотность населения — около 15 человек на гектар. Однако проект Ленгипрогора недостаточно, по мнению автора статьи Ф.В.Попова, исправлял это положение, предусматривая повышение плотности всего до 50 человек на гектар. По проекту город с населением на расчетный период 170 тыс. чел. занимал такую же площадь, как и Ленинград с населением 2700 тыс. человек, что могло привести к недопустимой растянутости коммуникаций и очень высокой стоимости городского транспорта. Ему возражал один из проектировщиков генплана города, доказывая, что на самом деле все поездки совершаются на расстояние не более 4 км, плотность запроектована 350 человек на га, что только немного ниже плотности в крупнейших городах СССР (400 человек на га), но зато проект дает возможность освоения самой здоровой третьей левобережной террасы реки Дюшамбе и избежать дорогостоящих насыпных работ на ограниченной площадке поймы³³.

Ф.В. Попов, еще ранее высказывавший соображения против низкой этажности в городах Средней Азии³⁴, пытался доказать, что дело не в особенностях местного строительного сырья и не в наличии высокой сейсмичности и просадочных грунтов, а в необходимости развивать каркасное железобетонное строительство, что позволит довести застройку Сталинабада до 5 и даже до 8 этажей.

Душанбе. Дом правительства.
Арх. С.С. Анисимов. 1940–1946

Душанбе. Театр оперы и балета. Ленгинрогор,
7-я мастерская. Арх. А.А. Юнгер, В.Д. Голли,
Д.И. Билибин, худож. С. Захаров

Душанбе. Двухзальный кинотеатр.
Арх. С.В. Кутин. 1934–1935

Душанбе. Педагогический институт.
Арх. С.В. Кутин. 1934–1935

Попов придавал этой проблеме политическое значение: «К сожалению, при решении вопроса о реконструкции городов Средней Азии некоторые работники по планировке и строительству городов под видом “учета национальных особенностей”, тысячелетнего опыта строительства городов Средней Азии и навыков населения пытаются направить строительство городов по линии, создающей опасность неравенства в культурно-бытовом отношении по сравнению с городами европейской части Союза. Ссылаясь на климатические, сейсмические, бытовые и другие условия, они проектируют среднеазиатские города с малоэтажной застройкой и, соответственно этому, с пониженным техническим оборудованием, не делая исключения даже для таких городов, как Ашхабад, Сталинабад, Ташкент. [...] Основой при разработке типов жилья и системы застройки городов Средней Азии является задача строить города, целиком и полностью отвечающие требованиям построения социализма. “Тысячелет-

ний опыт” и “традиции” жилищного строительства народов Средней Азии обуславливались в первую очередь политическими, производственными отношениями и уровнем техники, господствовавшими там до установления советской власти. И надо прямо сказать, что из этого “опыта и традиций” прошлого можно использовать очень немного»³⁵.

Однако, каковы бы ни были установки из центра, на практике уровень строительных возможностей в городе оставался крайне низким. Это сказалось не только в том, что к моменту окончания разработки генплана основная сетка улиц уже была заполнена рядом малоэтажных административных и общественных зданий, но и в том, что их классицистическая стилистика, созданная представителями ленинградской архитектурной школы и требовавшая строгого внимания к деталям, то и дело грубо нарушалась при строительстве³⁶. Дом правительства, строившийся перед войной на пересечении двух главных улиц города, был запроектирован на основе строго-

го «большого ордера», с трехчастной симметричной композицией (арх. С.Л. Анисимов). Единственной данью местной специфике были резные барельефы по ганчу и дереву, а также расписные панно в интерьерах здания. Критик писал, что все они «плохо вяжутся с совершенно чуждой национальным формам трактовкой плана здания, его фасадов и пропорций»³⁷. Самым удачным и наиболее известным зданием Сталинабада стал Театр оперы и балета, также построенный в классицистических формах. Его проект был разработан в мастерской № 7 Ленгипрогора (арх. А.А. Юнгер, В.Д. Голли, Д.И. Билибин, худож. С. Захаров). Здание достраивалось в годы войны, когда автор основной идеи А. Юнгер был уже репрессирован. Другие крупные здания в городе строились в классицистической стилистике.

Влияние ленинградской школы сказывалось в преувеличенных размерах площадей не только столицы, но и других городов Таджикистана, в перенесении композиционных приемов застройки крупнейших городов СССР в практику республики, что плохо сочеталось с основной массой 1–2-этажного строительства.

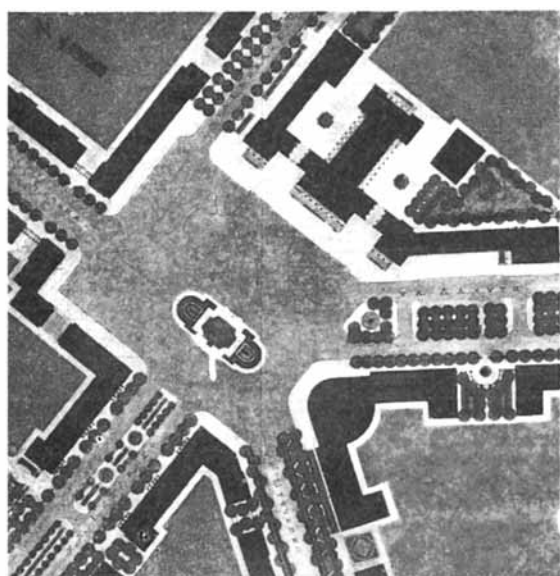
В 1939 г. созданием Комсомольского озера площадью 20 га и парка вокруг него началось освоение противоположного берега реки, впоследствии превратившегося в крупную зону отдыха.

Среди новых промышленных городов в Средней Азии особое место занимали казахские Караганда и Балхаш и узбекский Чирчик, где одновременно разворачивалось крупное производство и проек-

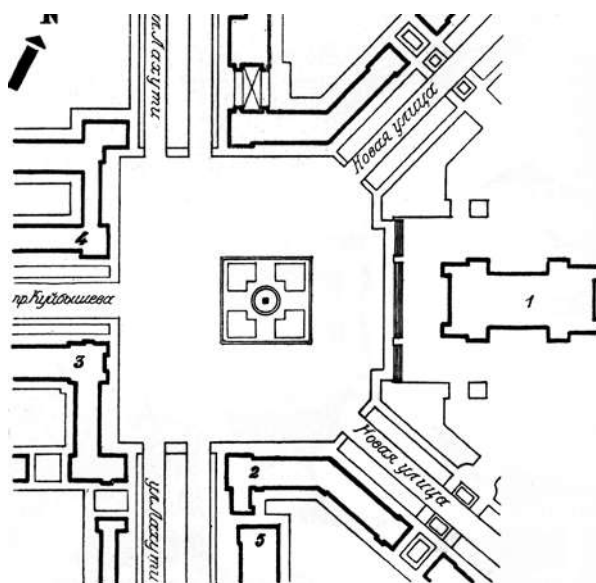
тировались рабочие поселки, быстро получившие статус городов. В 1930 г. в Казахстане начинает действовать краевая проектная контора Казгоспроект по промышленному, социально-культурному, коммунальному, сельскохозяйственному, торговому, кооперативному и жилищному строительству. Но большинство крупных объектов строится все же по проектам московских и ленинградских архитекторов. Если в 1920–1928 гг. в Казахстане было 22 города с населением 500 тыс. человек, то к 1941 г. число городов увеличилось до 31, а городское население — до 1827 тыс. человек; кроме того, насчитывалось 70 рабочих и 242 совхозных поселка³⁸. Возникновение новых городов Казахстана связано с промышленным освоением малозаселенного Центрального и Южного Казахстана.

Мировое значение карагандинского угольного бассейна было установлено еще в 1920 г. Наличие огромных запасов угля в Карагандинском бассейне позволило создать здесь в короткий срок угольную базу страны. Это положило начало бурному развитию города, стремительному росту населения — от 600 человек в 1923 г. до 102 тыс. человек в 1936 г. и 130 тыс. человек в конце второй пятилетки.

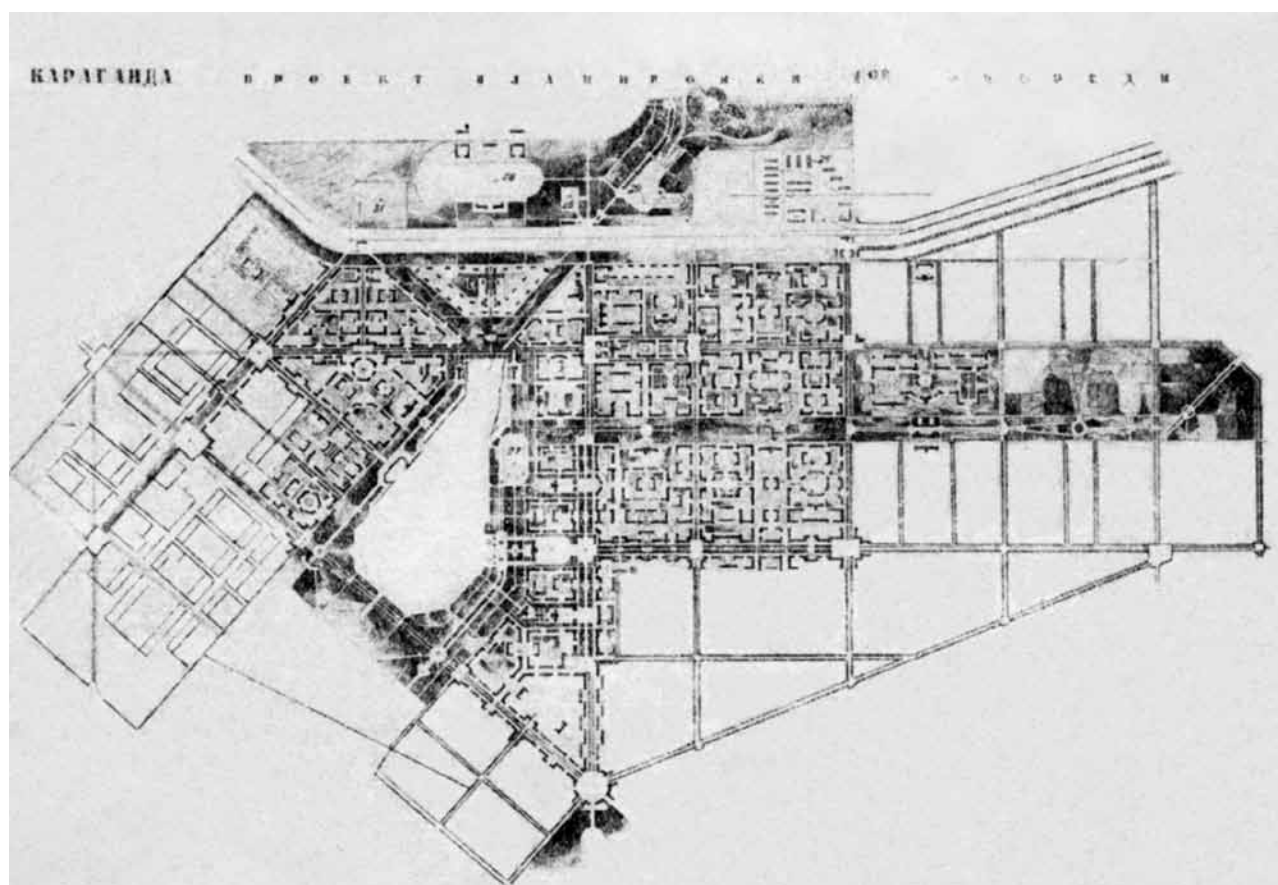
Характерная особенность Караганды — бурный рост одноэтажных временных поселений вблизи предприятий. Разбросанные поселки необходимо было объединить в единый город. Работу над генеральным планом начал Мособлпроект, приступив прежде всего к изучению залегания угольных пластов, чтобы выбрать место для города, не затруд-

Душанбе. Проект планировки правительственной площади

Душанбе. Проект планировки театральной площади. 1936–1940

Караганда. Проект планировки первой очереди

Караганда. Дворец культуры горняков. Арх. И.И. Бреннер, Я.А. Янош. Конец 1930-х гг. — 1952 (окончание строительства).

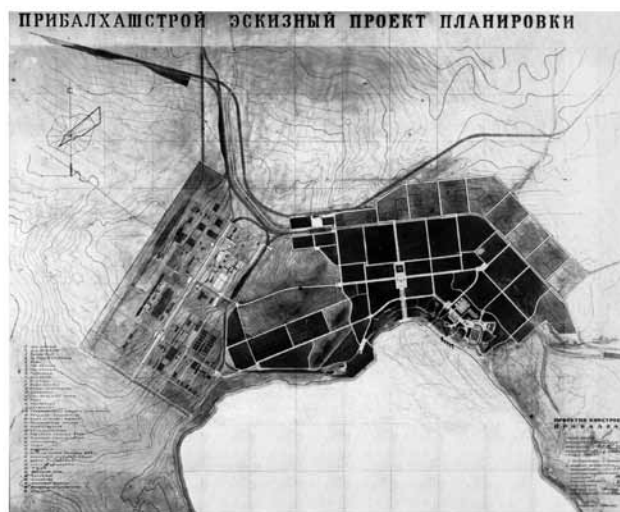
няющее добычу угля. В результате расчета различных вариантов «центральный город» решено было создать на основе поселка Большая Михайловка. В 1935–1938 гг. проект планировки и застройки Нового города был завершен (арх. А.И. Кузнецов, конс. А.П. Иваницкий).

Проект предусматривал регулярную планировку, благоустройство и обильное озеленение территории Нового города, в том числе парк площадью 275 га, что в условиях степи представляло собой большую трудность. Зелень рассматривалась как защита от знойных летних ветров и снегозаносов зимой. В довоенные годы Новый город так и не был осуществлен в полной мере. Этому мешали интересы ведомств, предпочитавших расселять рабочих в маленьких поселках вблизи шахт и широко использовавших труд заключенных.

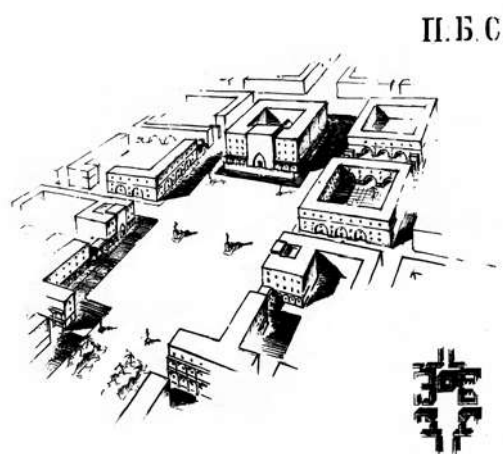
В 1928 г. в Северном Прибалхашье, в районе Коунрада, было определено большое промышленное значение медного месторождения (само месторождение было открыто еще в 1901 г.). Центральный Казахстан (Джезказган и Коунрад) должен был стать основной базой цветных металлов в стране. В Балхаше, так же как и в большинстве новых промышленных городов, создавались временные рабочие поселки, такие как Социалистический, Северный, Набережный и др. Поселки находились за пределами территории, отведенной для будущего города, рядом с промышленными объектами. Схемы их планировки разрабатывались Гипроцветметом. Строились в основном каркасно-камышитовые и глинобитные бараки. В таких же бараках размещались и первые общественные учреждения.

Первая схема и эскизный проект поселка Прибалхашстрой (с 1935 г. город Балхаш) были выполнены Гипроцветметом в 1932 г. (рук. архит. С.П. Климов). Дальнейшим проектированием города занимался Горстройпроект, который в 1935 г. закончил разработку первого генерального плана Балхаша. Застройка была принята 4-этажной, что не характерно для тех лет. Расчетное население принималось 49 тыс. человек. Селитебная зона расположена вдоль побережья оз. Балхаш, ее компактность диктовалась скальными грунтами, трудностью освоения территории. Тем не менее план обильного озеленения был разработан и в Балхаше, даже заложен ботанический сад вблизи города. Реализация генплана началась в 1934 г., были заложены северная и западная зеленые защитные зоны, но в предвоенные годы территория, предназначенная для многоэтажной застройки, была отдана под 1–2-этажное строительство³⁹.

В Узбекистане получил развитие новый социалистический город Чирчик, проект которого разрабатывался ташкентским архитектором С.Н. Полупановым, а в 1934–1936 гг. был разработан институтом Гидростройпроект (арх. Г.М. Орлов, В.А. Лавров, П.Д. Тараканов и др. при консультации В.А. Веснина) и объединил несколько существовавших ранее рабочих поселков. История строительства города Чирчик началась с 28 апреля 1932 г., когда Совет Труда и Оборона СССР своим постановлением утвердил строительство электрохимкомбината и Чирчик-Бозсуйского каскада ГЭС. Официально статус города Чирчик получил в 1935 г.

Поселок Прибалхашстрой. Эскизный проект планировки. Гипроцветмет. Начало 1930-х гг.

Поселок Прибалхашстрой. Проект застройки центральной площади. Гипроцветмет. Начало 1930-х гг.

«Разнородность отдельных элементов комплекса и сложный рельеф местности, — писали авторы проекта Г.М. Орлов и В.А. Лавров, — не давали возможности подчинить весь ансамбль одному планировочному центру. Единственно правильной в этих условиях явилась индивидуализация отдельных частей планировочного комплекса. Все эти самостоятельные элементы объединяются основной осью планируемого района — районной магистралью и деривационным каналом, идущим параллельно магистрали»⁴⁰.

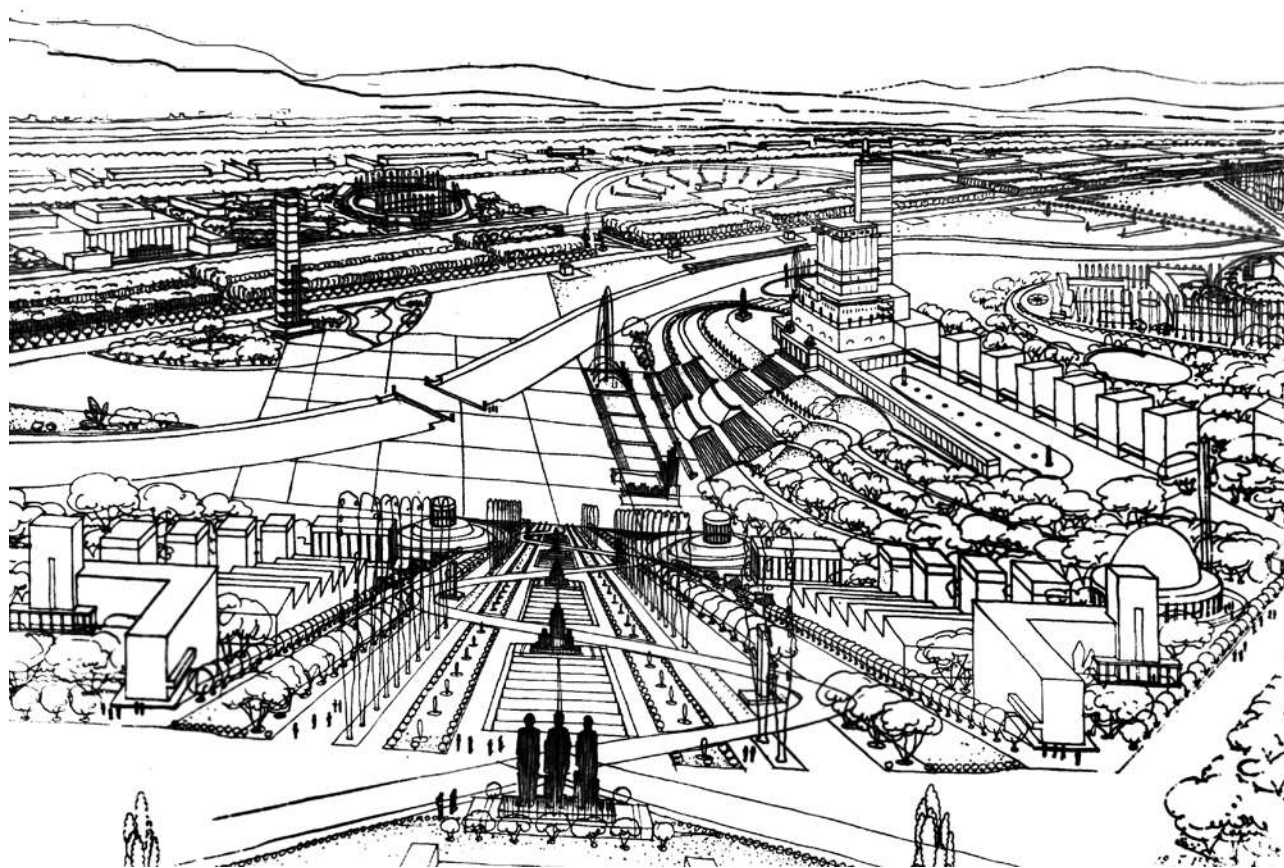
В этом проекте, получившем широкую известность, авторы ставили своей целью создать визуальную связь с окружающей природной средой — открывающейся широкой панорамой холмов, предгорий, снеговых вершин. Открытые перспективы достигались путем устройства системы узловых площадей на главной магистрали, одновременно служивших и центрами отдельных частей комплекса.

Авторы проекта отказались от механического воспроизведения «восточных форм» и поверхностного использования орнаментальных мотивов. При застройке жилых кварталов стояла задача учесть климатические условия Средней Азии, используя

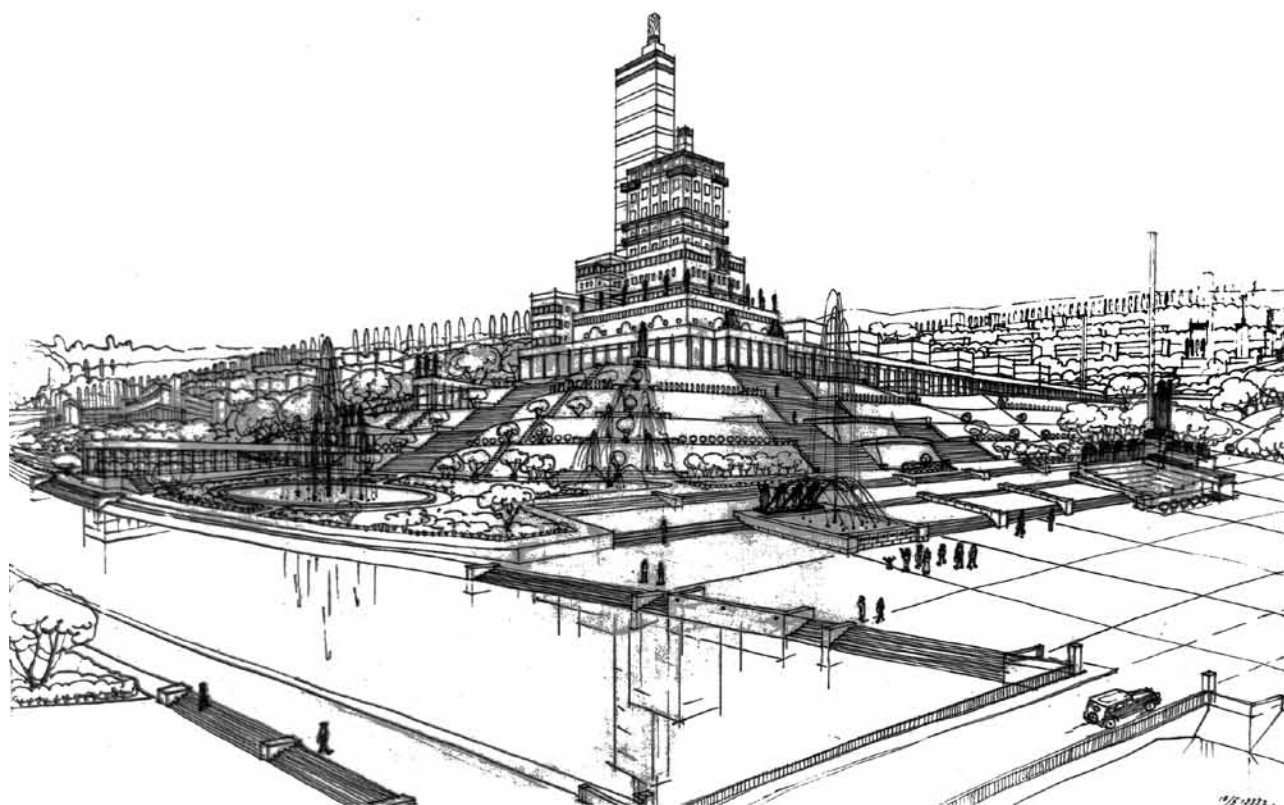
опыт многовековой культуры местного жилища, создавая затененные части домов и проветриваемые пространства, галереи и лоджии, связывающие внутренние помещения с природной средой⁴¹. Проект планировки и застройки Чирчика был частично осуществлен до войны, но основная застройка города пришлось на послевоенный период.

В 1921 г. был основан Туркомстарис — Туркестанский комитет по охране памятников старины и архитектуры. В 1923 г. архитектурные памятники на территории Туркесреспублики были взяты под охрану государства. Развернулись крупные археологические экспедиции. Внимание к архитектурному наследию не замедлило сказаться на архитектуре зданий — в оформлении фасадов стали применяться архитектурные детали, характерные для среднеазиатских памятников.

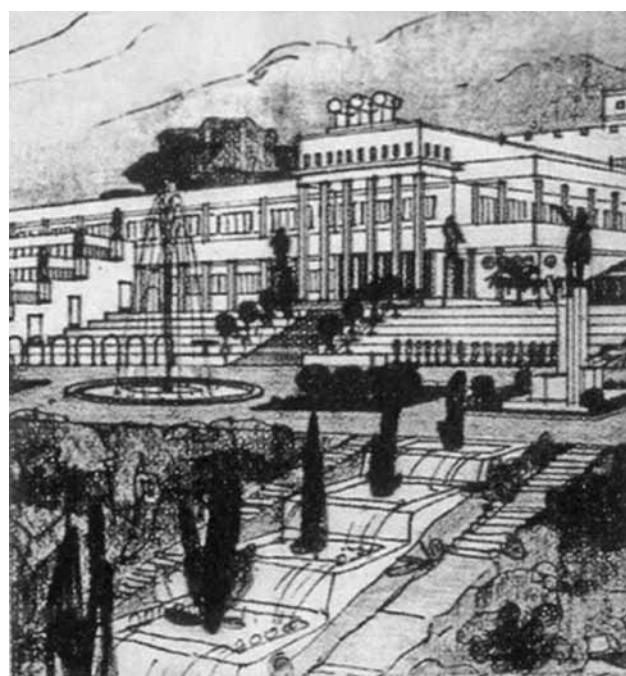
Застройка городов Средней Азии в эти годы отличалась крайней стилистической неустойчивостью. Практические поиски «национальной специфики» велись начиная с 1920-х гг. местными архитекторами, многие из которых работали здесь еще до революции. В планировочных решениях использовались европейские, устоявшиеся для дан-

Проект соцгорода Чирчик. Дворец культуры. Арх. С.Н. Полупанов. Начало 1930-х гг.

Чирчик. Проект Дворца культуры Чирчикстроя.
Арх. С.Н. Полупанов. 1933

Проект соцгорода Чирчик. Центральный ансамбль.
Арх. С.Н. Полупанов. 1934

ного типа зданий схемы, не имевшие отношения к местным традициям. Зато на фасадах обильно использовались формы монументальных памятников Средней Азии. Среди таких построек в «ориентальном духе» можно назвать театр в старогородской части Ташкента (1927–1928, арх. А.Л. Цитович), здание Управления Аму-Дарьинскими изысканиями

(1932, арх. Г.М. Сваричевский), Гидротехнический институт в Ташкенте (1926, инж. В.Д. Журин) и др. Но, пожалуй, наиболее ортодоксальным в отношении использования наследия было здание Музея 10-летия УзССР (впоследствии Музей истории; 1934, арх. А.И. Петелин, К.В. Бабиевский). На это здание были перенесены атрибуты культовой среднеазиатской архитектуры — не только «формы» в их традиционном сочетании, но и керамический орнамент. Попытка как-то связать облик здания с современностью выразилась в постановке на угловых башнях портала скульптур, которые впоследствии все же пришлось убрать, так как они слишком явно не вписывались в каноническую композиционную схему. Это здание вызвало у современников резкий протест против «внесения феодально-байского духа» в советскую архитектуру. Был даже объявлен конкурс на новое оформление фасадов здания, но оно так и не было осуществлено.

Вместе с тем многие здания в городах Средней Азии имели и классические очертания с применением колонн, арок, лоджий и т.п. Например,

Проект поселка Чирчикстроя. Перспектива. Арх. рук. Г.М. Орлов, В.А. Лавров. 1934

Поселок Чирчикстроя. Строительство 1936 г.

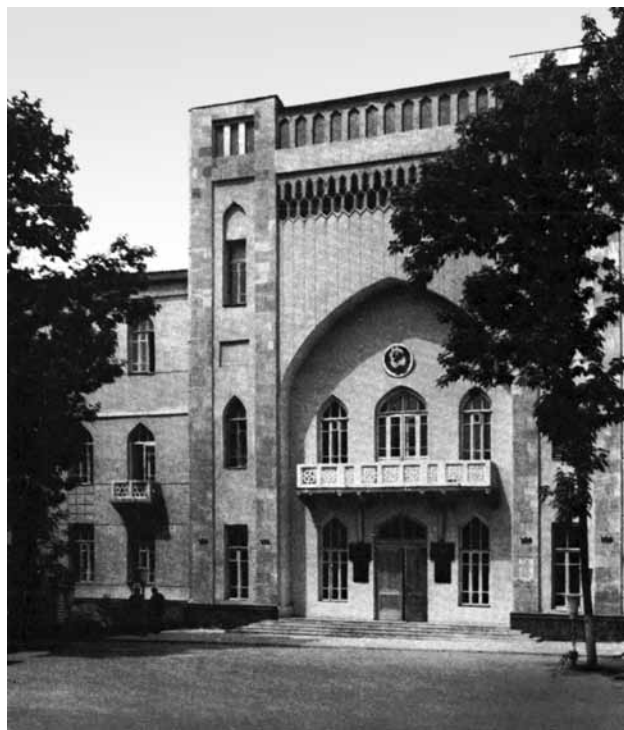

в Ашхабаде — здания Педагогического института (арх. М.Л. Камышников), Клиники инфекционных болезней (арх. В.И. Кузнецов), Трахоматозного института (арх. В.И. Кузнецов).

Очевидно, под влиянием «красной дорики» И.А. Фомина, где использовался предельно упрощенный ордер, были попытки использовать схожий подход с монументальной среднеазиатской архитектурой: формы среднеазиатских культовых построек упрощались, сводились к элементарным

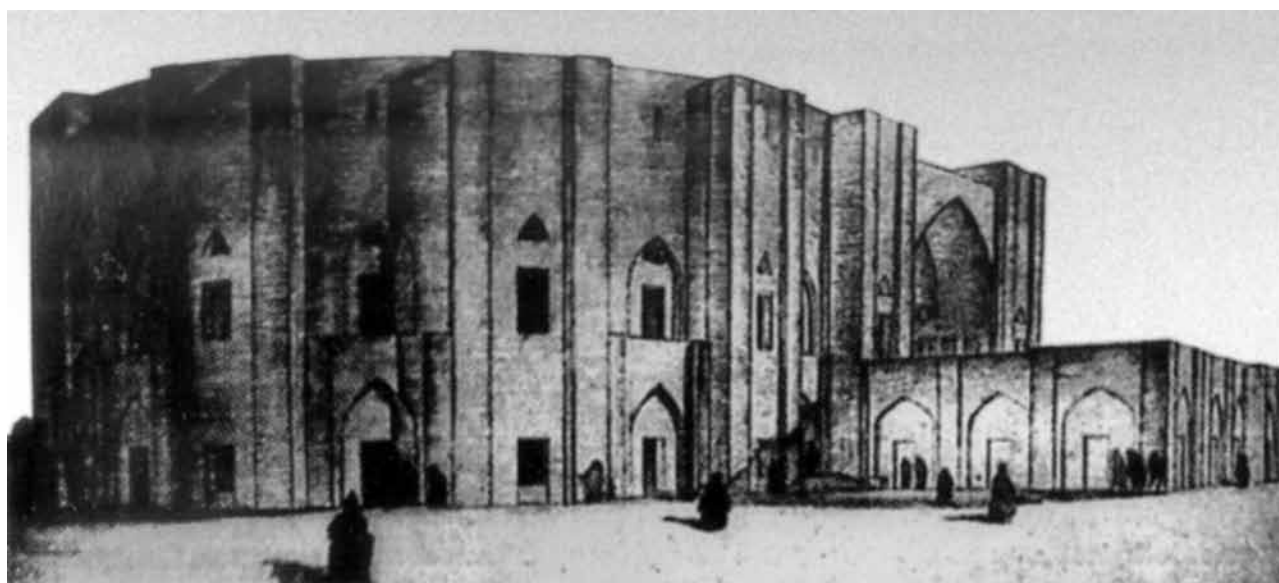
геометрическим телам и оголенным, лишенным орнамента плоскостям. Таковы, например, Народный дом в Бухаре (1923), здание Хлоптреста в Самарканде (1925), проект театра в туркменском городе Мерве (Мары) (1927), конкурсные проекты жилых домов 1931–1933 гг. и др.⁴²

В начале 1930-х гг. дефицит строительных материалов заставил архитекторов обратиться к местной строительной технике, к использованию кирпичных сводчато-купольных конструкций. Так, напри-

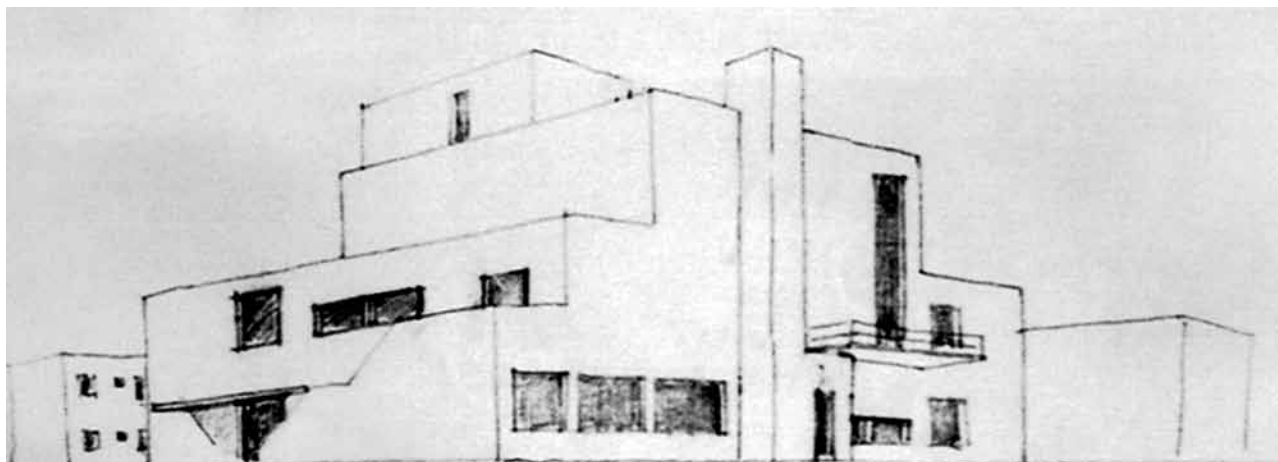

Ташкент. Управление Аму-Даринскими изысканиями.
Арх. Г.М. Сваричевский. 1928

Ашхабад. Трахоматозный институт.
Арх. В.И. Кузнецов. 1939

Проект театра в Мерве. Арх. А.П. Удаленков. 1927

Проект Физического института в Ташкенте. Арх. А.А. и Л.А. Веснины. 1927

мер, Г.М. Сваричевским была предложена серия проектов жилых домов для рабочих «Полушарие»⁴³.

В работах М.Я. Гинзбурга (Дом правительства в Алма-Ате, 1928—1931, при участии И.Ф. Милиниса), А.А. и Л.А. Весниных (проект здания Физического института в Ташкенте, 1927)⁴⁴ для Средней Азии впервые была преодолена инерция догматического отношения к наследию. Однако эти проекты конструктивистов остались лишь единичными попытками найти новое решение проблемы освоения архитектурного наследия, они не получили развития. Процесс национального межевания, проведенный властью в 1920-х гг. и образование национальных республик способствовали тому, что культуры народов Средней Азии стали восприниматься не как региональные, а именно как культуры национальные, отличающиеся друг от друга даже в рамках региона. Архитектура конструктивизма, в лучших своих произведениях обращавшаяся к национальной спе-

цифике лишь через пространственно-планировочные композиционные особенности, не создавала достаточно явно читаемых «наглядных» связей с национальным наследием, а выражение таких связей становилось особенно необходимым в условиях самоопределения наций. В массе же эпигонских построек «конструктивистская» архитектура была вовсе оторвана от национальной специфики.

Необходимость создания легко читаемых, основанных на исторических реминисценциях связей практически означала поворот к прямолинейным ассоциациям, к организации своеобразной экспозиции наследия, к использованию лишь элементов внешней формы архитектуры прошлого. Все это привело к позднейшим переделкам конструктивистских построек в Средней Азии.

Так, Дом правительства Казахской АССР в Алма-Ате, в котором ощущалось стремление учесть местные климатические условия⁴⁵, через 10 лет под-

Алма-Ата. Проект Дворца правительства. Перспектива. Арх. Б.Р. Рубаненко

вергся реконструкции (достройка крыльев справа и слева, устройство односкатной железной кровли; арх. Б.А. Дергачев, Г.П. Кушнаренко)⁴⁶. Здание показалось недостаточно фундаментальным для правительства, в нем был размещен театрально-художественный институт, Дом правительства был выстроен заново (архитектурно-проектировочная мастерская № 5 Ленпроекта, арх. Б.Р. Рубаненко и Г.А. Симонов)⁴⁷. Один из самых ярких примеров — перестройка зала заседаний Верховного Совета Узбекской ССР, который был выстроен в 1930 г. арх. С.Н. Полупановым в конструктивистском духе. За перестройку в конце 1930-х гг. взялся сам автор. Он писал: «Оголенные конструктивистские формы центрального правительственного здания сейчас вызывают законное порицание. Слепые плоскости стен, железобетонные стойки вместо колонн, обезличенные формы коробочной архитектуры менее всего соответствовали представлению о той среде, в которой должна протекать работа социалистического парламента»⁴⁸. Интерьеры зала в новом варианте сочетали в себе классику и обильный среднеазиатский декор. Применялись резные по гипсу панно. В основу композиции рисунка была положена классическая узбекская сетка двенадцатигранника с заполнением образующихся больших пространств сложными розетками из мотивов хлопковых распустившихся коробочек, связанных между собой цветками, листьями и стеблями, в малых пространствах сетки — мотивами пятиконечных цветков хлопчатника. Пилястры, увенчанные капителями из коробочек хлопка, поддерживали фриз также с использованием мотивов хлопка. Все работы выполнялись в традиционной технике резьбы по ганчу народными мастерами-резчиками.

Освоение «принципов» наследия предполагало прежде всего специальное обобщающее его изучение с целью выявления этих принципов, отнюдь не лежащих на поверхности. Однако в те годы в Средней Азии изучение наследия находилось лишь в самой начальной стадии, хотя в этом направлении и велась работа. Исследования архитектуры прошлого носили, как правило, описательный характер, в основном были направлены на выявление и фиксацию памятников. Недостаточная изученность национального архитектурного наследия, немногочисленность достоверных реконструкций памятников, а главное — отсутствие работ, выявлявших «строй» архитектуры прошлого, позволяли составить лишь фрагментарное представление о наследии. Исследователь узбекского национального зодчества Л.Н. Воронин писал, что руинообразное состояние

памятников, не дающее представления об их первоначальном виде, способствует возникновению у архитекторов-практиков ложных ассоциаций, ложного понимания национального зодчества⁴⁹.

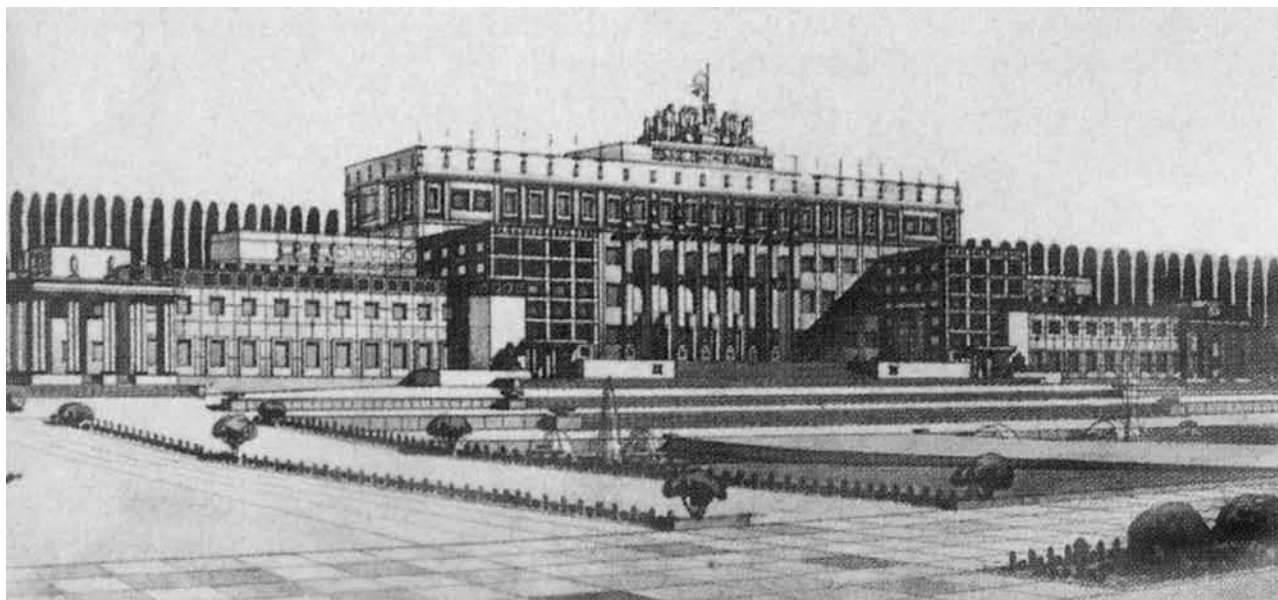
Вопрос об архитектурных стилях, к которым следует обращаться, осваивая наследие, возникал не только относительно мирового зодчества, но и относительно национального наследия — ведь оно не было однородным, имело свои стилевые течения, свои периоды расцвета и упадка. Однако здесь с особой остротой вставала другая проблема — проблема идеологического смысла архитектуры. Решая проблему освоения наследия, архитекторы опирались на ленинское учение о двух культурах в каждой буржуазной культуре, о необходимости освоения лишь прогрессивных, демократических черт наследия. Ссылки на эти ленинские положения имелись в очень многих работах тех лет.

При конкретизации этих положений применительно к архитектуре сказались установки вульгарно-социологической школы, своеобразно обнаружившие себя в архитектуре. Главным пороком вульгарной социологии, как известно, был упрощенный подход к пониманию отношений между искусством и социальной жизнью, стремление представить художественные явления как непосредственное выражение экономического развития общества. Классовый анализ искусства сводился лишь к анализу того, какую «психоидеологию» порождает определенное экономическое положение класса. Понятие прогрессивных черт национального наследия непосредственно связывалось с «прогрессивными формами», что приводило к «запрету» использовать формы определенных типов сооружений, обслуживавших в прошлом «реакционные слои общества», несмотря на признание за этими сооружениями определенных эстетических достоинств. В противовес таким «реакционным» формам рекомендовалось все внимание сосредоточить на освоении «прогрессивных» форм народной архитектуры (т.е. в основном жилищной) как более рациональной и демократичной по своему духу.

На практике гораздо чаще и охотнее использовались стрельчатые арки, купола, порталы-«пештаки» и другие узнаваемые формы монументальных памятников Средней Азии. Формы легких жилых построек не давали эффекта «монументальности», тяжеловесной мощи, что представлялось необходимым качеством социалистической архитектуры.

Характерен пример творчества одного из ведущих архитекторов Узбекистана тех лет С.Н. Полупанова. Последовательно работая с формами жилой

Проект Дворца культуры и труда в Ташкенте. Арх. С.Н. Полупанов. 1934

архитектуры, он неизменно получал упреки в отсутствии монументальности. Попытка «монументализировать» формы жилой архитектуры, сделанная во Дворце культуры и труда в Ташкенте (1938–1939, арх. С.Н. Полупанов, соавторы фасадов В.Е. Архангельский, А.А. Сидоров), привела к гипертрофии формы традиционной деревянной колонны, к неизбежному ее огрублению при переводе в другой материал и также была признана неудачной.

С одной стороны, требовались достаточно точные отсылки в прошлое, узнаваемость форм, с другой — снятие старых идеологических значений, ассоциаций, привычно закрепившихся относительно тех или иных форм. Выход виделся архитекторам в «переплавке» форм прошлого.

Анализ теоретико-критических работ тех лет позволяет выявить два предлагавшихся для этого пути: «переработка» форм и «перекомпоновка» форм. Другими словами, путь к освоению наследия предлагалось искать, либо отталкиваясь от модификации, изменения пропорций и внешнего вида самих форм классической и национальной архитектуры, либо помещая традиционные формы в новый архитектурный контекст.

Чем более резок разрыв между выразительностью старых форм и новым содержанием, тем в большей степени должны быть, по мнению некоторых критиков тех лет, переплавлены старые формы, чтобы отвечать новому духу⁵⁰. Однако в некоторых случаях признавалась возможность включения старых форм в новую композицию без изменений, до-

пускалось, что «замысел архитектора может содержать также моменты, которые могут быть выражены на языке старых форм»⁵¹.

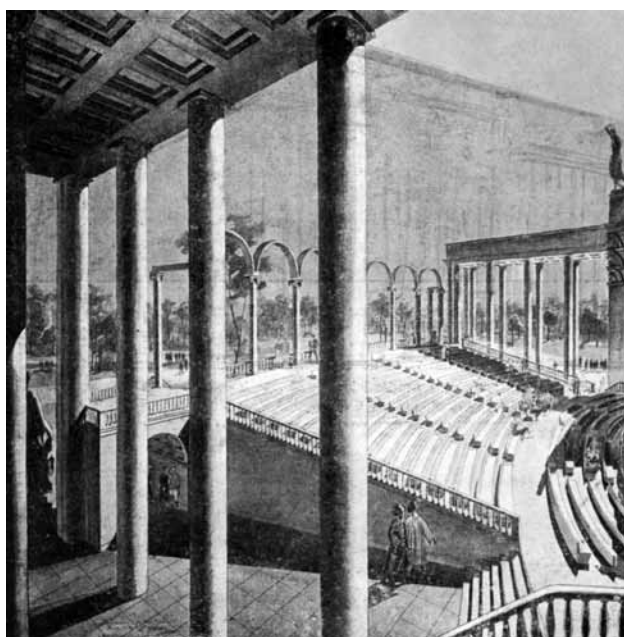
Процесс переплавки форм должен был, согласно преобладавшей в те годы точке зрения, коснуться и системы ордера. Если национальные черты архитектуры как бы материализовались в те годы в формах национального зодчества, то роль интернационального начала играла классическая ордерная система. И.А. Фомин еще в 1933 г. писал, что классика — «это единственная архитектура, которая завоевала себе интернациональное положение... Язык советского архитектора должен быть языком интернациональным»⁵². Но ордер должен был иметь специфическую национальную окраску, создаваемую иногда за счет определенных пропорций, а чаще с помощью национального декора и различного рода эмблематики. Ордер должен был приобрести «новое идейное содержание».

Исходя из этих позиций, И.А. Фомин разработал в 1934 г. проект театра в Ашхабаде, имевшего два закрытых зала и один открытый, летний. Излагая принципы творческой работы своей архитектурной мастерской в 1934 г., И.А. Фомин писал: «...в моих новейших произведениях, как, например, театр в Ашхабаде, я делаю шаг вперед и даю композицию гораздо более законченную, тоньше детализированную и даже пышную, несмотря на простоту и лаконичность архитектурных форм. На этой последней работе очень четко и выпукло отразились принципы моей архитектурно-творческой работы»⁵³.

Проект Гостеатра для Ашхабада.

Арх. И.А. Фомин. 1933

Проект Летнего театра для Ашхабада.

Арх. И.А. Фомин

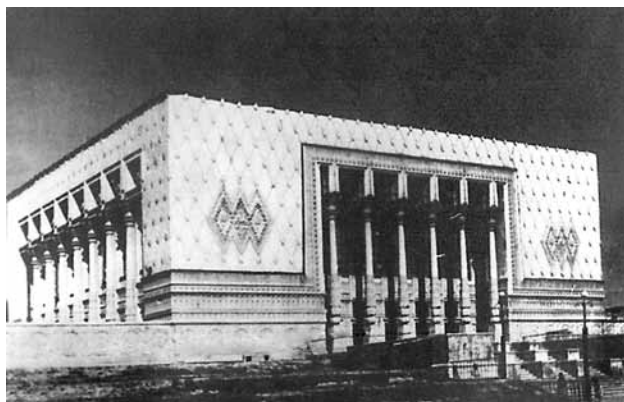
Другой аспект проблемы переплавки форм наследия касался непосредственно конструктивной логики, тектонической выразительности архитектуры. Здесь не было единодушия. С одной стороны, утверждалось, что «бессмертные законы классики» возникли на уровне определенных исторических предпосылок, определенного состояния развития производительных сил и что появление новых материалов и конструкций создало достаточные условия для изменения этих законов⁵⁴; с другой стороны, из неизменности законов механики делался вывод о постоянстве архитектурной логики, композиционных закономерностей классики⁵⁵.

Сторонники последней точки зрения, не возражая по существу против применения исторических

форм в ложно-тектоническом плане, выдвигали лишь требование их зрительной «правдивости»⁵⁶. Еще один путь освоения виделся в условно-изобразительной трактовке форм архитектуры прошлого. Условное изображение несуществующей конструкции должно было выражать, пояснять зрителю работу истинной конструкции, т.е. играть роль некой архитектурной метафоры⁵⁷.

В Средней Азии, разумеется, проблема переплавки старых форм также занимала одно из центральных мест⁵⁸.

Характерными для архитектуры Узбекистана конца 1930-х г. становятся сооружения, достаточно свободно оперирующие элементами национальной архитектуры. Этим постройкам свойственно тяготение к обобщенности, к выражению впечатления от национального зодчества за счет изменения, «перекомпоновки» канонического сочетания традиционных форм. В этих постройках обнаруживалось не педантичное копирование деталей, а прежде всего стремление к пластической выразительности. Экспрессивность художественного языка достигалась за счет чисто декоративных средств. Например, в кинотеатре «Родина» (1937–1938) архитектор А.А. Сидоров создал огромный прямоугольный объем с помощью ложных боковых стен. В них автор устроил сквозные отверстия, подчеркнув чисто декоративную роль этих стен. Такая огромная, почти кубическая призма понадобилась для того,

Ташкент. Кинотеатр «Родина». Арх. А.А. Сидоров. 1939

чтобы создать контраст между простым объемом и колоннами входа, поставленными на темном фоне входной ниши. Колонны, не игравшие конструктивной роли, подражали по форме деревянным колоннам кварталных мечетей.

В такого рода сооружениях усиливалась роль «экспозиционности» в использовании исторических форм, условно-изобразительного их предъявления. Подобные черты можно найти и в построенных в ансамбле с кинотеатром «Родина» двух других зданиях: треста «Средазуголь» и Горного техникума (1938–1939, арх. А.А. Сидоров). Здесь автором также скорее решались живописно-пластические, чем архитектурные задачи. Использовалось много условно изображаемых форм: порталы, которые никуда не вели пилястры, только намекавшие на национальные деревянные колонны; изломанные остроугольные арки, вырезанные в плоской стене.

Свободные вариации на темы национальной архитектуры представлены и в творчестве уже упоминавшегося С.Н. Полупанова. Особенно наглядно их можно проследить в небольших сооружениях – в павильоне в парке им. Икрамова (1936), в чайхане и павильоне на ВСХВ в Москве (1939), в проекте общеобразовательной школы.

Стремление по-своему интерпретировать исторические архитектурные формы проявлялось и в творчестве архитектора М.С. Булатова. В проекте маяка-памятника Большого Ферганского канала (1939) к телу башни примыкали традиционные легкие узбекские террасы-айваны, а завершение башни напоминало форму «сталактитов», характерную для монументальных памятников зодчества.

Значительное внимание уделялось в практике и «переработке» форм. Данью этой тенденции явились поиски в 1930-х годах так называемого узбекского ордера, более всего проявившиеся в творче-

стве С.Н. Полупанова и А.И. Павлова. Если Павлов шел от классического ордера, вводя в него орнаментальные узбекские мотивы, советскую эмблему и коробочки хлопка, сначала натуралистичные, а затем все более стилизованные, то Полупанов экспериментировал с легким деревянным ордером узбекского жилища и кварталных мечетей, изменяя его пропорции, «монументализируя» его.

Характерный процесс тех лет – движение от несколько обезличенной вненациональной трактовки «тюркского Востока» к более определенной национальной дифференциации. Так, например, А.И. Павлов, вначале увлекшись поисками общего «ордера советского Востока», в конце 1930-х гг. пришел к выводу, что рисунок декора, различный у разных среднеазиатских народов, заставляет искать не вообще восточный ордер, а именно «узбекский ордер». Одним из аспектов «переработки» форм архитектурного наследия европейской классики явились попытки «осовременить» ее с помощью отдельных формальных приемов конструктивизма, оторванных от своей функциональной основы. Ленточные окна, железобетонные тяги, козырьки использовались в сочетании с формами классики для создания некоего «обогащенного стиля» или своеобразного местного «постконструктивизма». Этим приемом как основным творческим методом широко пользовался, например, А.И. Павлов. В его проекте Дворца культуры железнодорожников в Ташкенте (1939) глубокая полуциркулярная

Ташкент. Дворец культуры железнодорожников. Арх. А.И. Павлов. 1939

кессонированная ниша на главном фасаде сочеталась с типично «конструктивистскими» балкончиками и тягами. Такого же рода «переходные формы» представляют собой и другие произведения этого архитектора конца 1930-х гг. (Дом специалистов по улице 9 января в Ташкенте, проект нового оформления музея, построенного в 1934 г., проект жилого дома Красновосточного завода и др.).

С тенденцией «осовремененной классики» мы встречаемся в зданиях поликлиники Текстильного комбината (1938, арх. К.В. Бабиевский) и Дворца культуры текстильщиков (1939, арх. А.А. Галкин и А.П. Карнаухов) в Ташкенте. Другой пример дает архитектор К.Б. Скорняков в двух своих постройках — Клубе швейников и Клубе обувщиков (1939).

Обсуждение проблемы наследия в 1930-е гг., как правило, касалось лишь одной стороны наследия — эстетической. О необходимости осваивать также и утилитарный опыт национальной архитектуры в печати предвоенных лет если и упоминалось, то лишь вскользь и в последнюю очередь. В известной степени закономерным было в те годы и отрицательное отношение к местной градостроительной культуре, к традиционной застройке из-за ее скученности и антисанитарных условий. Поэтому понятие «освоение наследия», как правило, не связывалось с организацией архитектурного пространства.

Целостную структуру среднеазиатского города также пытались расчленить на «прогрессивные» и «реакционные» элементы. Первые, как тогда представлялось, были связаны с приспособлением к жаркому климату, вторые — порождены отсталостью феодального быта. В городах Средней Азии узкие улочки и тупики, ведущие в глубь жилых кварталов, для профессионально-градостроительного сознания тех лет были крепко связаны с «феодальными устоями жизни, еще не полностью ушедшими в прошлое», что исключало всякое позитивное отношение к ним.

Изредка все же делались попытки если не использовать местное наследие в планировке, то все же апеллировать к опыту построения жилища в Средней Азии в плане его приспособления к жаркому климату. Помимо уже упоминавшегося проекта соцгорода Чирчика, такие шаги были приняты в Туркмении. Жилой поселок, возникший в середине 1920-х гг. при стекольном заводе в восточной части Ашхабада, был застроен 2-этажными жилыми домами европейского типа, в которых не были учтены особенности жаркого, засушливого климата Туркмении. В другом поселке, при шелко-

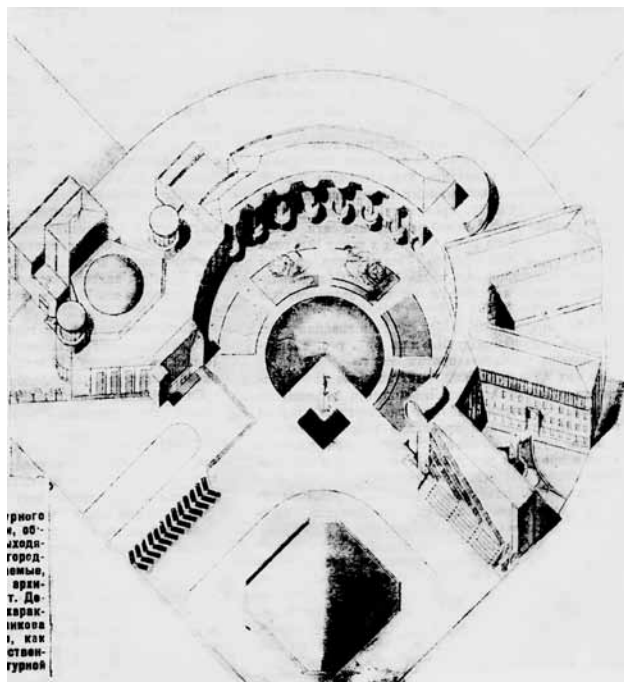
мотальной фабрике, построенном позднее, жилые дома были уже оборудованы большими верандами, на которых можно было жить в жаркое время. В планировке многоквартирного жилого дома также постепенно происходили изменения: появлялись сквозное проветривание, особая ориентация, летние помещения.

Шагом в этом направлении стала и планировка поселка городского типа Небит-Даг, основанного в 1933 г. в связи с разработкой нефтяного месторождения. Проект был разработан в мастерской бр. Весниных (арх. А.А. Бенкендорф). Квартиры включали летние помещения, каждая квартира имела выход на свой озелененный участок в общем дворе. В квартирах обеспечивалось сквозное проветривание.

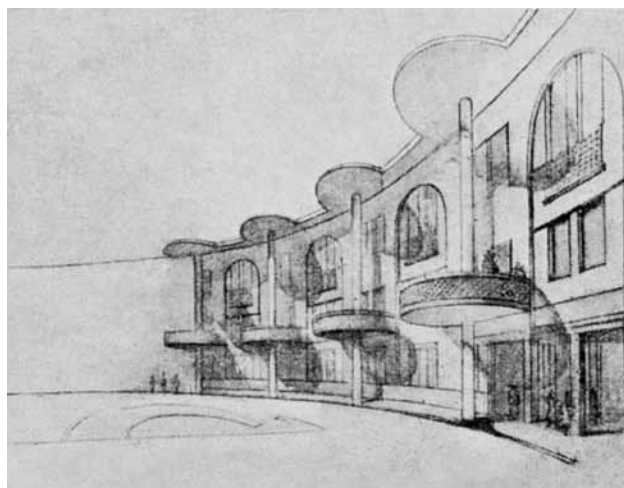
Своеобразную попытку ответить местным условиям через нахождение самых общих принципов, сходных со среднеазиатской архитектурой, сделал К.С. Мельников в своем проекте Дворца культуры и труда в Ташкенте, разработанном мастерской № 7 Моссовета под его руководством. Автор постарался все части этого крупного здания, зал съездов, театр, клуб, административный центр, аудиторию, ресторан и т.д. — свести в единую мощную архитектурную композицию. Центром композиции являлся большой цветник с бассейном для проведения празднеств. «Архитектура внешнего облика дворца построена на игре света и тени. Изумительное ташкентское солнце должно жить в содружестве с формами дворца и помогать ему вырисовывать эти формы на голубой лазури Узбекистанского неба», — писал Мельников⁵⁹.

Рассмотренные (далеко не полные по своему объему) материалы позволяют сделать вывод о том, что архитектурно-градостроительное развитие городов Средней Азии и Казахстана в довоенный период представляло собой достаточно неоднородную и противоречивую картину как в планировочном, так и в стилистическом отношении. Кроме того, сложность политического и территориального развития республик этого обширного региона, затянувшаяся борьба с басмачеством, отсутствие достаточной строительной базы и архитектурно-инженерных кадров привели к тому, что в целом градостроительные преобразования здесь были начаты значительно позже, чем в Центральной России.

Основная же трудность, как представляется, заключалась в отсутствии какой-либо цельной системы взглядов на то, как следует работать в новых условиях со среднеазиатской архитектурно-градостроительной культурой, неоднородной по своей природе (деятельность оседлого и кочевого на-

Проект Дворца культуры и труда в Ташкенте.
Арх. К.С. Мельников

Проект Дворца культуры и труда в Ташкенте. Фрагмент
фасада внутреннего двора.
Арх. К.С. Мельников

селения), плохо изученной и малопонятной для архитекторов, воспитывавшихся в других условиях. Искреннее стремление многих архитекторов понять особенности образа жизни, мышления и художественных предпочтений местного населения во многом блокировалось идеологическими штампами, произвольным делением архитектурно-градостроительного наследия на «прогрессивные» и «реакционные» формы и приемы.

Нельзя не отметить и отрицательной роли революционно-преобразовательного радикализма, с которым подходили к проектированию многих среднеазиатских городов в 1920 — начале 1930-х гг. В результате весьма немногочисленные профессиональные силы, задействованные в этом процессе, растрачивались на создание полуфантастических проектов, не считавшихся с реалиями климата, экономики, техники, местных традиций и т.п. и тем самым обрекавших на нереализованность. Среднеазиатские города продолжали развиваться довольно хаотично. Когда же во второй половине 1930-х гг. стали разрабатывать новые, более умеренные (но не отказавшиеся от некоторых идеологических клише) генеральные планы, срок, отпущенный на их реализацию, оказался слишком коротким. Начавшаяся война, эвакуация предприятий и огромных масс людей в тыловые города Средней Азии и Казахстана коренным образом изменили исходную архитектурно-градостроительную ситуацию.

Градостроительство республик Закавказья

Если градостроительная культура среднеазиатской части Российской империи, присоединенной в 1850—1870-х гг., представлялась для архитектурно-профессионального сознания малопонятной, а дальнейшее развитие городов в этом регионе шло по пути прямого противопоставления их «европейской» и «туземной» частей (что в советский период создало множество труднорешаемых градостроительных проблем), то в Закавказье, вошедшем в состав империи в среднем на полвека раньше, картина была более сложной. Дореволюционная градостроительная практика Закавказья не знала создания рядом со «старым» городом «нового»; ранее сложившийся город, как правило, оставался органической частью нового города независимо от своего значения в общей функциональной и художественной структуре. Более того, в старых закавказских городах в конце XIX — начале XX в. активно использовались приемы российского градостроительства при проведении реконструктивных мероприятий, связанных с попытками упорядочить стихийно сложившийся лабиринт улиц или застроить новые городские районы.

Наиболее интенсивно реконструкция шла в быстро развивавшемся промышленном районе Баку. Город рос исключительно быстро, его древняя часть уже не могла вместить увеличивающееся население,

быстро застраивались обширные новые районы, где активная спекуляция участками соперничала с попытками властей ввести градостроительную регламентацию застройки¹. Как известно, строительство роскошных особняков и общественных зданий соседствовало с чудовищными условиями жизни в окружающих Баку нефтепромысловых поселках, о чем осталось множество свидетельств современников. Довольно радикально менялся облик и других городов региона — Гянджи, Шемахи, Нухи, Нахичевани, Шуши². Частичные преобразования, направленные на упорядочение застройки, благоустройство, проходили и в городах Грузии — Тифлисе, Кутаиси, Поты³ и др. В меньшей степени это относилось к городам Армении — в Эриванской губернии была слабо развита промышленность, а губернский город насчитывал около 30 тыс. жителей и отличался экстенсивной застройкой, включавшей большое количество садов и виноградников.

Задачи первоочередных преобразований в городах Закавказья после окончания мировой и Гражданской войн во многом были сходны с задачами частичной перепланировки и общего городского благоустройства в советской России⁴.

Это были самые насущные работы: мощение улиц и площадей; устройство уличного освещения; активное озеленение. Последнее представляло собой в условиях закавказского региона особую трудность в силу высоких температур, нехватки пресной воды, сложного рельефа и т.п. Особое внимание уделялось развитию сетей водопровода и канализации, которые во многих городах отсутствовали, а в столицах республик, как, например, в Баку, канализация представляла собой отдельные бессистемные отрезки, проложенные до революции по инициативе частных лиц. Правда, проект бакинской канализации был заказан еще в 1903 г. немецким специалистам, но работа не была доведена до конца. Впоследствии эти материалы послужили основой для продолжения работ уже в новых социальных обстоятельствах.

По возможности создавались условия для улучшения транспортного сообщения — спрямлялись, расширялись и соединялись между собой «узкие и кривые» старинные улицы, строились новые мосты через реки, прокладывались трамвайные линии. Однако не всегда подобное городское благоустройство выполнялось необходимыми темпами: в городах царила значительная антисанитария, а отделы коммунального хозяйства при городских советах располагали, как и в России, лишь минимальными средствами для ее преодоления. Тем не менее эти

работы дали результаты в дальнейшем, при разработке новых генеральных планов городов. Частичные реконструкции улиц и площадей, как правило, учитывались и получали дальнейшее развитие. Поскольку представления о том, как следует застраивать центры городов в новых социальных условиях, как правило, еще не были сформированы, на месте снесенных зданий нередко разбивались скверы. Памятники архитектуры при этом также страдали, если они служили препятствием к оздоровительно-реконструктивным мероприятиям.

Несмотря на то что ЗСФСР просуществовала как единое государственное образование до 1936 г., когда была разделена на три самостоятельные союзные республики, подходы к развитию городов в Азербайджане, Армении и Грузии, находясь в общем русле советской градостроительной политики, все же существенно различались. Особенно наглядно это можно проследить на материале проектирования и застройки трех столичных городов — Баку, Эривани (с 1936 г. Еревана), Тифлиса (с 1936 г. Тбилиси).

История градостроительного развития Баку в советский период, как известно, с самого начала определилась крайней заинтересованностью власти в нефти Апшеронского полуострова. Необходимо было привлечь сюда тысячи рабочих, создав для них удовлетворительные условия жизни, что одновременно могло бы служить и демонстрацией заботы нового государства о пролетариате.

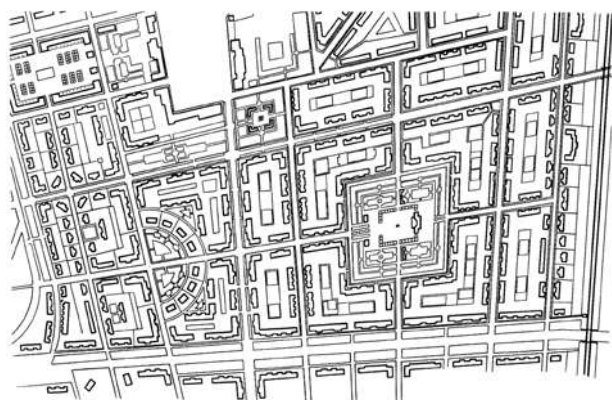
Вопрос о строительстве новых рабочих поселков на нефтяных промыслах в районе Баку был поднят уже в 1920 г. Была создана специальная комиссия для решения жилищного вопроса в Баку и промысловых поселках, куда вошли работавшие в Азербайджане до революции крупные архитекторы-практики: И.(Ю.)К. Плошко, З.-Г. Ахмедбеков, В.С. Саркисов.

Комиссии предстояло решить, можно ли в непростых климатических условиях Апшерона воплотить наиболее популярную тогда идею «городов-садов». С этой идеей, пришедшей из западного градостроительства, архитекторы того времени неизменно связывали представление о будущем социалистического города. Правда, как показал современный исследователь М.Г. Меерович⁵, в советских условиях «город-сад» претерпел существенные изменения, связанные как с отказом от его социальной основы (союз собственников жилья), так и с отказом от строительства малоэтажных семейных коттеджей. Идея «города-сада» стала связываться в основном с хорошим качеством озеленения («кварталы, утопа-

Баку. Сураханы. Вид с аэроплана

Баку. Проект застройки пос. им. Монтиня.
Первая очередь строительства. Вариант

ющие в зелени») и системой общественного обслуживания (далеко не всегда реализовавшейся).

Именно санитарно-гигиенические аспекты стали главными при обсуждении будущего строительства рабочих поселков Азнефти. Решение задачи затруднялось сложными природно-климатическими условиями Апшеронского полуострова, отсутствием природных зеленых массивов, недостаточно разведенным расположением нефтеносных участков.

В проделанный комиссией комплекс предварительной планировочной работы был включен Баку

и расположенные вокруг него на заведомо не нефтеносных территориях поселки Белого и Черного города, Сураханы, Биби-Эйбат, Бинагады. Предполагалась застройка 2-этажными коттеджами, садам и паркам отводилось не менее 50% всей площади. Деятельность комиссии по проектированию «городов-садов» на Апшероне тогда не была реализована в силу трудного экономического положения и недостаточного архитектурно-планировочного качества самих проектов.

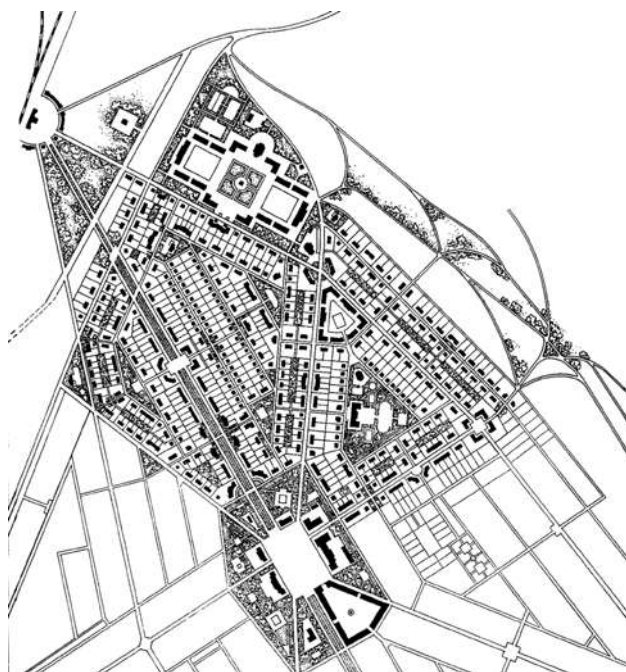
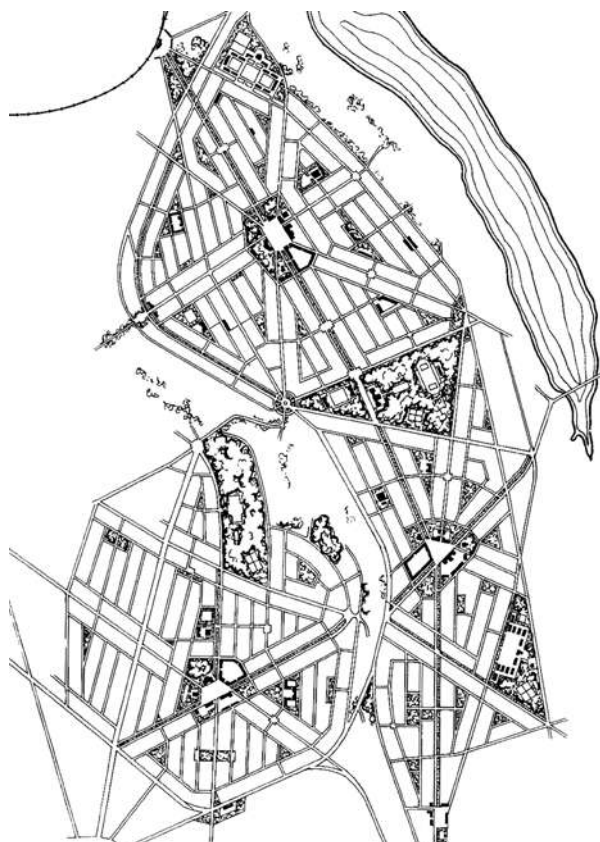
И все же общее оживление градостроительной деятельности на Апшероне не заставило себя ждать, особенно с созданием в 1920 г. такой крупной хозяйственной организации, как Азнефть (первоначально Азнефтеком), возглавляемой А.П. Серебровским⁶, энтузиастом строительства социалистических промысловых поселков на полуострове.

Широкая программа поселкового строительства, осуществлявшаяся на Апшероне с 1923 г.,

предусматривала 22,5 тыс. квартир для рабочих со всеми общественными постройками⁷. В 1924 г. последовало два крупных конкурса — Всесоюзный конкурс на постройку 15 000 квартир для рабочих Азнефти и конкурс на составление эскизных проектов типовых жилых домов для рабочих поселков. Привлеченный к работе жюри А.П. Иваницкий в

конце 1924 г. был приглашен для работы над проектом планировки и застройки Баку и поселков Азнефти, хотя строительство последних без единого генерального плана уже осуществлялось достаточно быстрыми темпами⁸.

А.П. Иваницкий был одним из немногих в СССР 1920-х гг. профессиональным ученым-градо-

Баку. Эскизный проект застройки пос. им. Степана Разина. Первая очередь строительства

Баку. Схема планировки пос. им. Степана Разина

Баку. Строительство пос. им. Степана Разина. 1925

строителем, глубоко знавшим современные достижения мировой планировочной мысли⁹. Все свои обширные знания в области теории и практики мирового градостроительства А.П. Иваницкий применил к самому масштабному в 1920-е гг. советскому градостроительному проекту. Хотя в задание на разработку проектов первой очереди помимо планировки Баку входила разработка проектов только четырех поселков Азнефти (им. С. Разина, им. П. Монтана, Бинагады и Белогородский), он начал с общей ситуации, создав один из первых проектов районной планировки в стране, с тех пор ставший классикой советского градостроительства.

Проект планировки Апшеронского полуострова и Баку, охвативший территорию в 13 тыс. га, правильно, как показало время, наметил места расположения промышленной и жилой зон, рабочих поселков и курортов Апшерона. Верно были определены границы самого города и намечена система магистралей, связывающая город с Апшероном и республикой¹⁰. Работы под руководством А.П. Иваницкого, законченные в 1927 г., отличались комплексностью и широким охватом всех градостроительных вопросов. Были разработаны общая схема размещения поселков Азнефти, генеральный план Баку, проекты детальной планировки всех районов освоения первой очереди, генпланы отдельных поселков, проекты застройки кварталов, а также

проекты жилых и общественных зданий. Рабочие поселки в основном располагались к северу и северо-востоку от Баку, между городом и участками, намеченными к разработке. Предполагалось, что со временем поселки органично войдут в состав Баку, что в дальнейшем и произошло.

Заинтересованность государства в апшеронской нефти сказывалась в том, что строительство рабочих поселков проводилось небывалыми для тех лет темпами, на достаточно качественном уровне. К работе помимо бригады А.П. Иваницкого были привлечены крупные советские архитекторы, такие, как А.А. и В.А. Веснины. Проекты поступали из Москвы, строительство носило показательный характер, посмотреть на него возили советских и зарубежных государственных деятелей и писателей.

Органичным продолжением планировки района Апшерона стал генеральный план Баку, завершенный в 1927 г.¹¹ Проектным работам предшествовали изучение специфики города, его климата, рельефа, возможностей озеленения, а также тщательный анализ прежних планов города, который позволял проследить тенденцию его исторического роста и закономерности пространственного развития. Этот масштабный проект можно рассматривать как один из немногих в 1920-е гг. примеров комплексного и непредвзятого отношения к городу. В его основу не была положена никакая отвлеченная функциональная схема, ему не были свойственны излишний геометризм и нереальные объемы сносов старого жилого фонда, чем нередко грешили градостроительные проекты этих лет. Функциональные и художественные особенности города рассматривались в комплексе.

При проектировании ставилась задача выявления и подчеркивания всех выигрышных в градостроительном отношении точек для городской застройки. Баку расположен на естественном амфитеатре, террасами спускающемся к морю. Подъем амфитеатра достигает 110 м. Кромки террас создают очень выигрышные возможности при застройке города, открывая прекрасные виды как с моря на город, так и из города на море, что и было использовано в проекте.

Наиболее старая, центральная часть Баку отличалась высокой плотностью застройки. В новом генплане предусматривалось развитие города и расширение его границ до четко выраженных естественных границ бакинского амфитеатра. В проекте была подробно разработана система магистралей, увязанная с рельефом города, обеспечивающая связи отдельных районов города с центром, промышленным районом и между собой.

Проект планировки Баку.
Арх. А.П. Иваницкий. 1927

Одним из достижений генплана 1927 г. была широко задуманная и постепенно практически полностью осуществленная система озеленения города, во много раз расширявшая существующую площадь зеленых насаждений. Одним из главных звеньев в этой системе становился широкий озелененный Приморский бульвар длиной около 3 км. С целью его создания были проведены работы по расчистке набережной от технических портовых сооружений. В городе была также запроектирована целая система парков, частично осуществленная уже в конце 1920-х гг.

Еще одна новаторская черта этого генплана — проектирование и осуществление наряду с поселками-спутниками комплексной застройки городского района — Арменикенда (позднее — пос. им. Мамедъярова) на северо-западной окраине Баку (арх. А.П. Иваницкий, А.В. Самойлов). Строительством этого поселка было положено начало освоению наиболее благоприятной верхней террасы городского амфитеатра — Нагорного плато. По уровню своей застройки он заметно выделялся среди значительного по размаху поселкового строительства того времени. Специально для Арменикенда было разработано несколько типов двух-, трех- и четырехэтажных жилых домов с полноценными квартирами, с эркерами, лоджиями и балконами, отвечающими образу жизни в жарком клима-

Баку. Застройка Арменикенда

Баку. Район Арменикенд. Вид с аэроплана

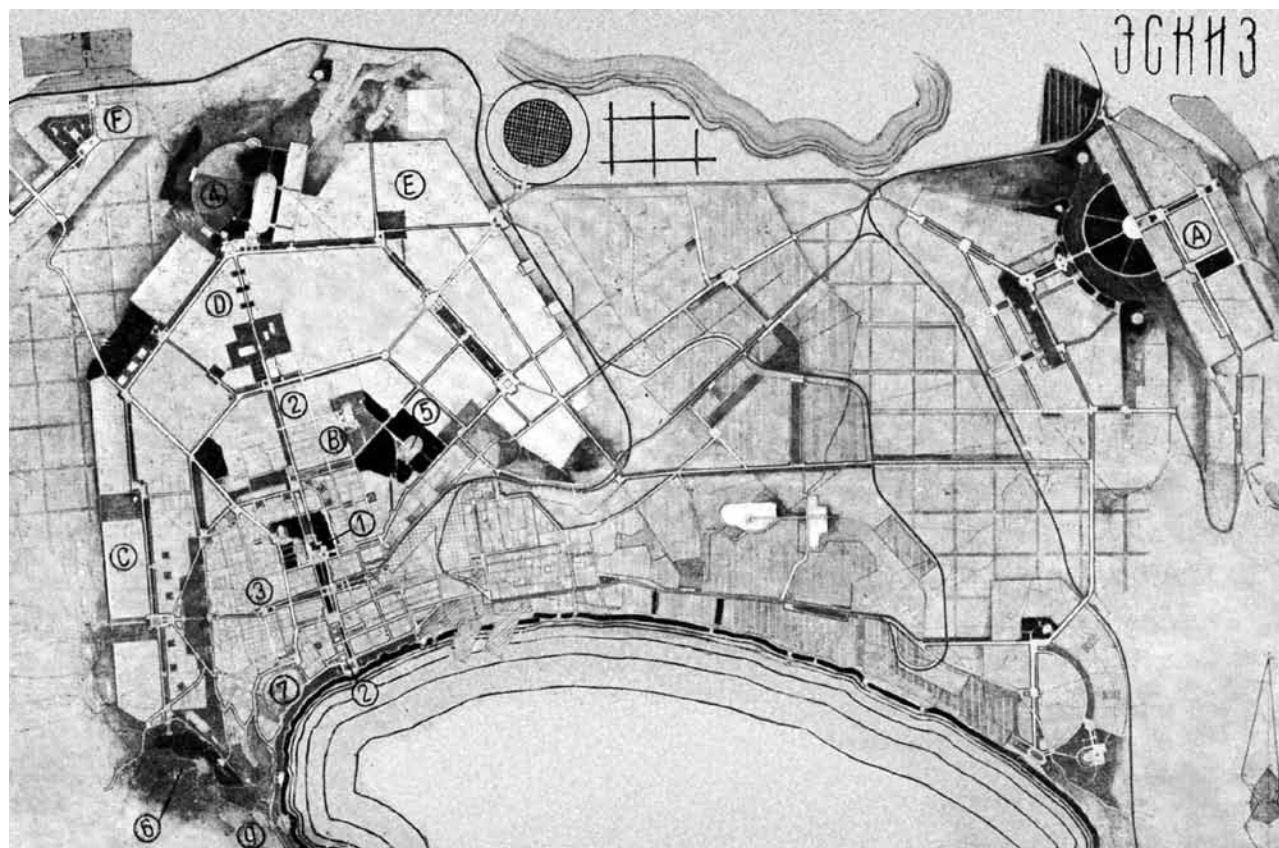
те. Размеры внутриквартальных пространств были достаточно обширными для размещения школ и детских учреждений, но в то же время компактными и хорошо спланированными. Хорошие связи с объектами обслуживания, с районным парком, с другими районами города дополняли созданный в Арменикенде тип комфортной городской среды, что было для советской градостроительной практики 1920-х гг. едва ли не уникальным явлением.

Генплан 1927 г. оказался вполне реалистичным и в значительной степени был осуществлен, хотя со временем и в нем проявились «нестыковки», связанные, главным образом, с недостаточной геологоразведкой в 1920-е гг., а также с постоянно менявшимися прогнозами развития промышленности.

Развернувшаяся индустриализация принесла с собой необходимость значительной корректировки по объему и размещению промышленности и населения не только районной планировки Апшерона, но и Баку (в Баку предстояло разместить на перспективу свыше 800 тыс. человек). Эта работа была поручена Гипрогору и начата в конце 1932 г. под руководством В.В. Семенова-Прозоровского¹² при консультации В.Н. Семенова. Правда, многие вопросы,

касавшиеся развития транспорта, учета микроклиматических условий, утилизации отходов нефтяной промышленности и т.п., здесь были поставлены, но в силу экономических причин решены гораздо позже, после 1960-х гг. По проекту расселение на Апшере дополнялось созданием пяти городов-спутников по 60–80 тыс. населения, наибольшее развитие из которых получил заложенный в начале 1930-х гг. Сумгаит (городом он стал в 1949 г.).

Генеральный план 1927 г. также подлежал корректировке. Но не только изменившиеся технико-экономические показатели стали причиной корректировки. Не меньшую роль сыграли изменившиеся в начале 1930-х гг. архитектурные ожидания. Так, критик И.О. Сосфенов, посетивший Баку в 1934 г., отмечал, сколь грандиозное впечатление произвело на него масштабное новое строительство города. Но в то же время, говоря о крупнейших рабочих поселках — Арменикенде, им. Степана Разина, Сураханах — он отнесся скептически к их архитектурно-планировочному решению, исходя главным образом из требований масштабного городского ансамбля, парадного оформления магистрали¹³. В других поселках он критиковал слишком большое

Проект планировки Баку. Рук. арх. В.В. Семенов-Прозоровский. 1932–1934

Проектная схема зеленых насаждений в гор. Баку

Баку. Схема озеленения города

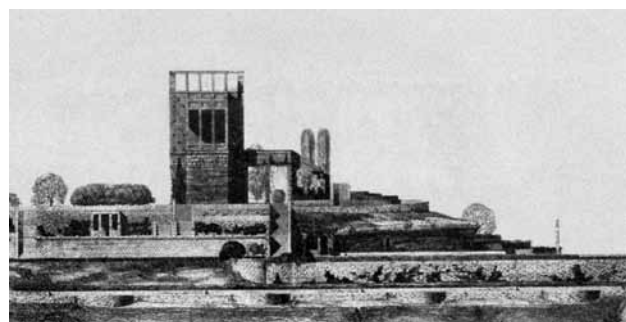
разнообразие типов строительства, не выстраивавшихся, по его мнению, «в единую систему».

Ожидание монументальности образов, отражающих грандиозный размах преобразований в социалистическом городе, стало основным критерием оценки архитектурной практики Баку в середине 1930-х гг. С этой точки зрения, безусловно, положительную оценку критика получило начало строительства Нагорного парка по проекту Л.А. Ильина: «Прежде всего Нагорный парк разительно отличается от того легкомысленно-фанерного, временно-

го паркового строительства, которое, к сожалению, было довольно популярным в прошлые годы. Парк строится чрезвычайно фундаментально»¹⁴.

Вопросы монументального выражения центра Баку волновали авторов генерального плана 1932–1934 гг., выполненного Гипрогором¹⁵, не меньше, чем проблема размещения быстро прибывающего населения. Так, В.В. Семенов-Прозоровский писал: «Существующий сейчас центр города Баку в архитектурно-планировочном отношении никак не выражен. <...> Возможности строительства в этом районе новых зданий также весьма ограничены, так как район застроен достаточно капитально и весьма плотно»¹⁶.

Генеральным планом предлагалось новое место для центра на небольшом отроге, отходящем от верхнего плато. Авторы указывали на основное его достоинство — прекрасную видимость из основных точек существующего города, хороший вид на город, море и окаймляющую нижний амфитеатр зелень¹⁷. Одноэтажную малоценную застройку этого района предполагалось снести. От центра до самого моря проектировалась широкая аллея. Точка для

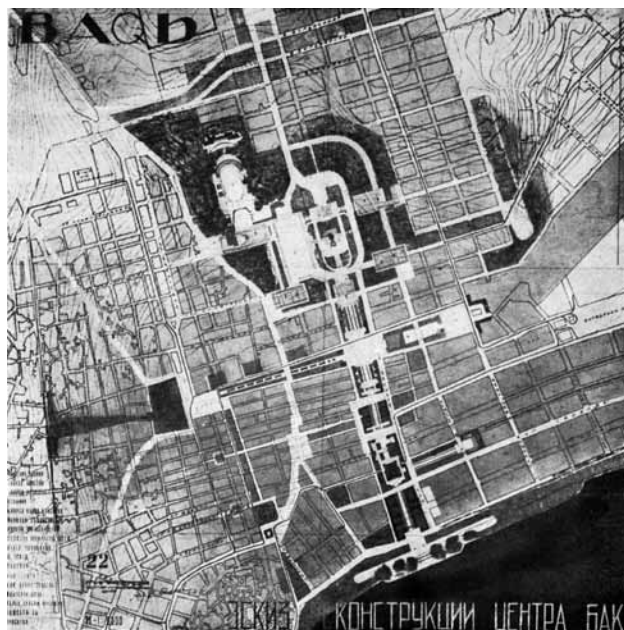
Баку. Силуэт Нагорного парка. Арх. Л.А. Ильин. 1934

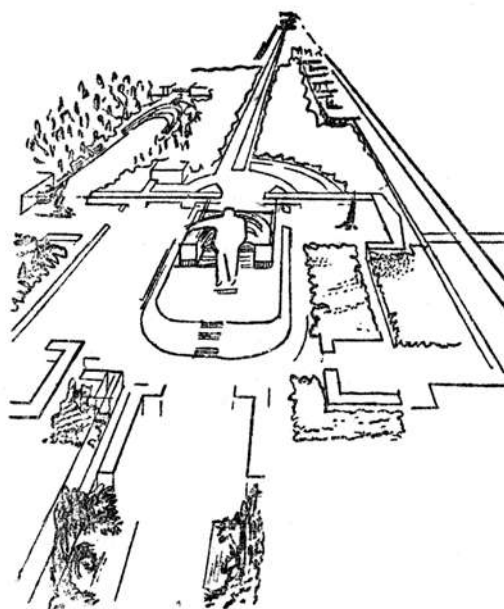
Дворца советов намечалась по оси аллеи на возвышенности, что должно было дать хорошую видимость до самого моря.

Центральная аллея продолжалась дальше через районный центр Арменикенда и центр нового района, где она завершалась площадью при входе в Загородный парк культуры и отдыха с центральным

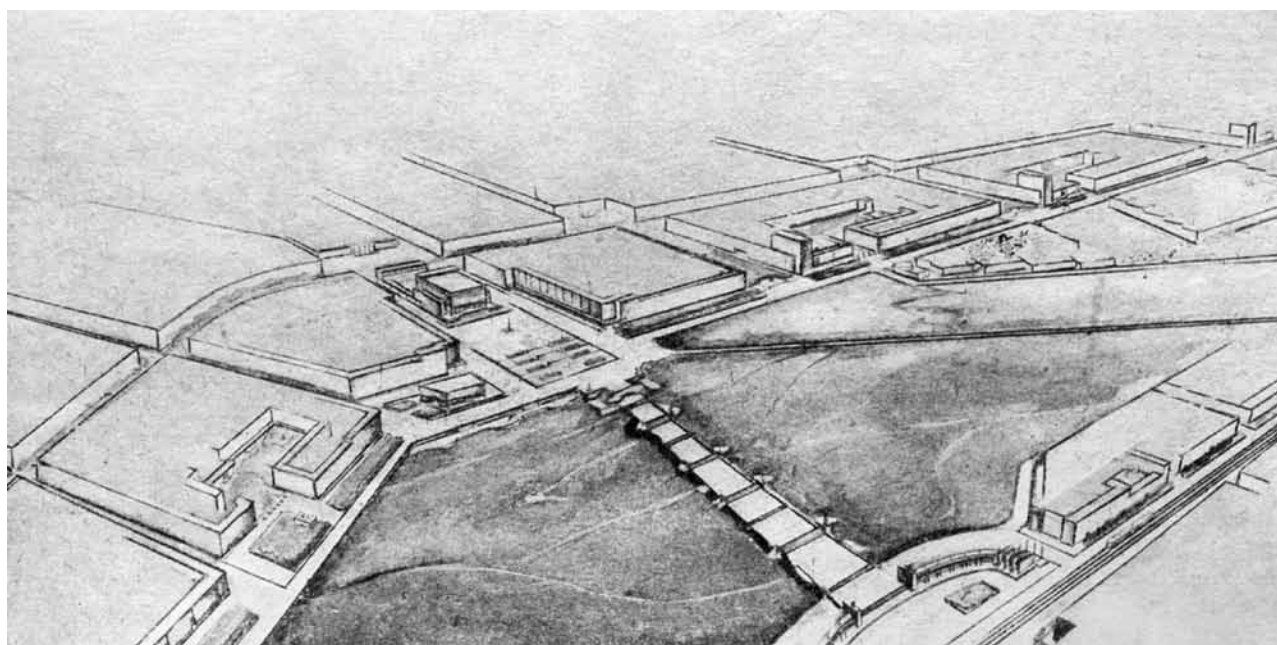
стадионом, ипподромом и крупными площадями массовых собраний. Гипертрофированные масштабы этой оси и значительный снос жилья, особенно в прибрежной части города, делали нереальным осуществление этой идеи, но при дальнейшем проектировании города всегда отмечалось, что это был бы самый удачный выбор для центра города.

Проект реконструкции центральной части Баку.
Рук. арх. В.В. Семенов-Прозоровский

Эскиз реконструкции центра. Перспектива

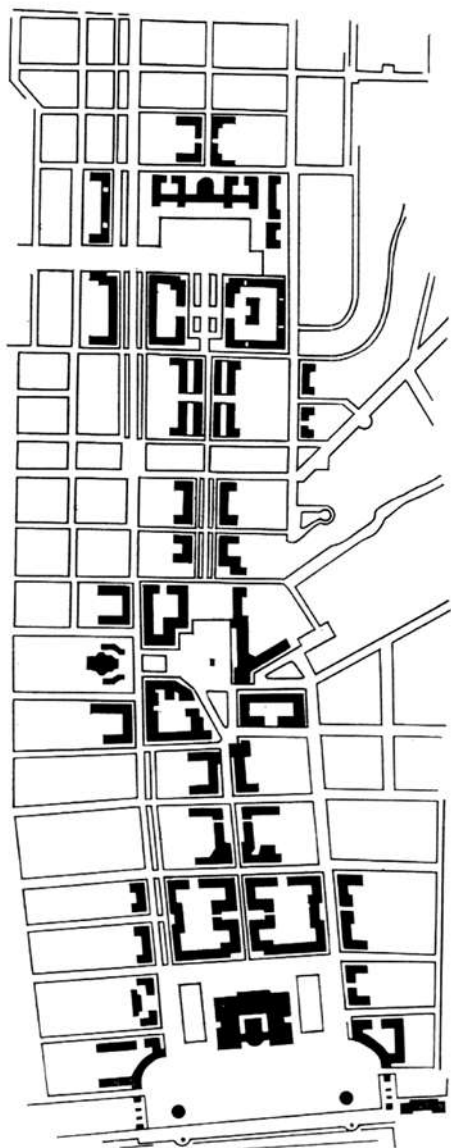
Баку. Проект застройки центрального ансамбля — «Аллеи Ленина».
Перспектива. Рук. арх. В.В. Семенов-Прозоровский

В целом схема перепланировки города строилась на двух центральных пересекающихся осях, на дополнительных радиальных магистралях и на двух полукольцевых, связывающих жилые районы и их центры между собой, с местами работы и крупными зелеными массивами¹⁸.

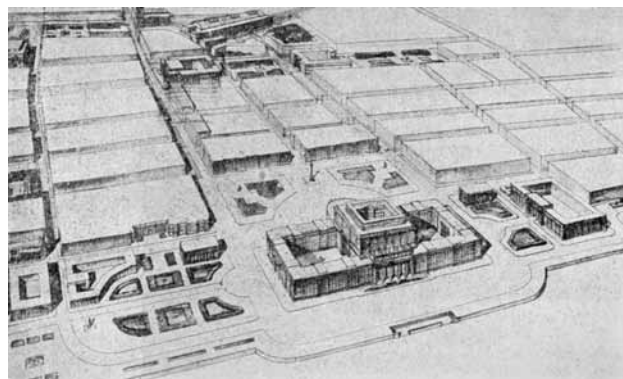
Дальнейшее преемственное развитие идей планировки Баку происходило под руководством Л.А. Ильина, в 1934 г. ставшего главным архитектором города. Генеральный план, заверченный в

1937 г., разрабатывался в Ленгипрогоре также под его руководством (арх. Н.В. Баранов, В.А. Гайкович, А.И. Бойков и др.)¹⁹. Детальные проекты планировки создавались местными архитекторами. Многие положения, в том числе границы города и его трехчастное деление, предложенные еще А.П. Иваницким, были подтверждены в новом проекте. Расчетное население города определялось в 1 млн человек.

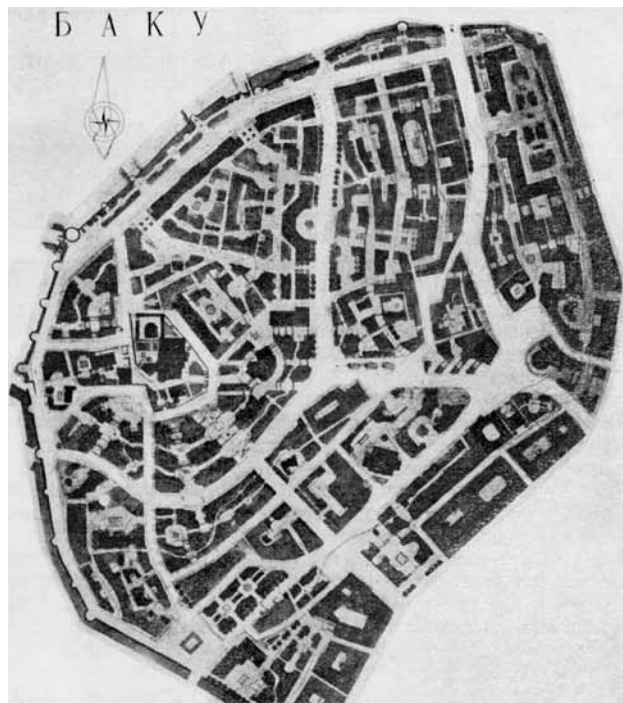
По предложению Л.А. Ильина основная центральная ось города, сохраняя свое меридиональ-

Баку. Система застройки центра по генеральному плану. Вариант. Рук. арх. Л.А. Ильин. 1937

Баку. Схема размещения Дома правительства по генплану 1937 г.

Баку. Проект реконструкции старого города. Арх. Л.А. Ильин, В.А. Гайкович

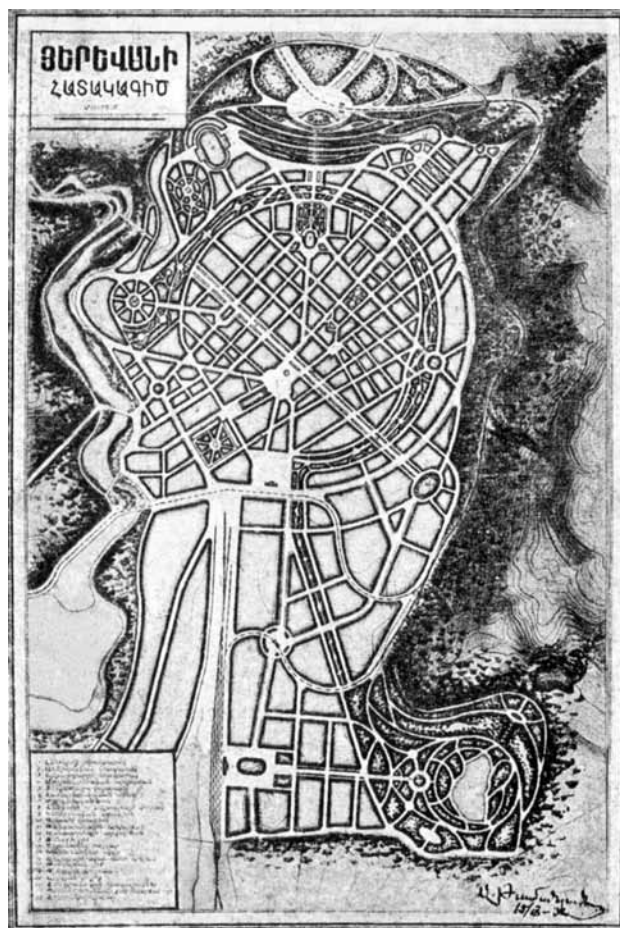
ное направление, была смещена на восток. Она начиналась на берегу моря главной административной площадью республиканского значения, где к этому времени уже строился Дом правительства (арх. Л.В. Руднев). Далее на север располагались центральный транспортный узел, образованный железнодорожными вокзалами общего и местного значения, и центр, образованный зданиями городского значения. Идея структурного построения города, основанная на двух пересекающихся осях, также была сохранена²⁰.

Общая тенденция предвоенных лет, направленная на повышение этажности застройки и экономии городской территории, была использована Ильиным для предложений по композиционному развитию городского ансамбля в целом: этажность застройки постепенно увеличивалась с 4–5 этажей в приморской зоне до 6–8 этажей на средней террасе и 7–10 этажей на самой высокой террасе. Кромки террас предполагалось застраивать только с одной стороны, что давало значительный художественный эффект, раскрывая панораму города с моря²¹.

Весь период развития Баку, вплоть до начала войны, продолжалась начатая еще при А.П. Иванником интенсивная работа по озеленению города²².

Совершенно иная ситуация определила основные положения генерального плана Еревана, законченного несколькими годами раньше, в 1924 г. В советской историографии всегда считалось, что этот генплан был разработан А.И. Таманяном в 1924 г., когда он приехал в советскую Армению. Однако современному исследователю архитектуры Армении К.В. Бальяну удалось документально доказать, что разработка генплана началась значительно раньше по заданию правительства независимой буржуазной республики, существовавшей в 1918–1920 г.²³

Таманян, так же как и Иваницкий, был крупным архитектором, прекрасно осведомленным о новейших тенденциях русского и мирового западного градостроительства. Однако при работе над генпланом Эривани он скорее проявил себя как художник, воодушевленный идеей национального возрождения. Он спроектировал город-символ, архитектурно-планировочными средствами создав эффектное раскрытие города на гору Арарат — знак утраченных и оставшихся на территории Турции районов традиционного расселения армян и надежды на воссоединение. Небольшой на момент проектирования город Эривань (30–40 тыс. населения), недавно выбранный в качестве столицы Армении, не имел сколько-нибудь определенной экономической гипотезы, перспективы его даль-

Ереван. Эскиз генерального плана.

Арх. А.И. Таманян. 1924

нейшего развития были не ясны. Это не помешало Таманяну создать проект планировки города, который сразу стал заметным, хотя и стоящим особняком, явлением в советском градостроительстве 1920-х гг. и затем неизменно включался во все антологии по советской архитектуре.

Как отмечает К.В. Бальян, генплан Еревана отобразил синкретичность метода А.И. Таманяна, где общечеловеческое, классическое наследие не просто приплюсовано, но органично синтезировано с национальной градостроительной традицией и с местными природными особенностями²⁴. Сymbиоз градостроительной целесообразности, художественной композиции и идеологически насыщенного образа достигался Таманяном не только за счет раскрытия впечатляющей перспективы на гору Арарат, но и органического сочетания прямоугольной, характерной для старой Эривани планировки и охватывающей всю основную часть города радиально-кольцевой планировки с широким бульварным кольцом, применявшейся во многих европей-

ских столицах и дававшей кратчайшие связи между районами.

Размещение значительно возрастающего количества населения (от 30 до 150 тыс.) предусматривалось как за счет реконструкции старого города, так и нового строительства на еще не застроенных территориях. Город получал четкое функциональное зонирование. В пределах широкого бульварного незамкнутого кольца располагались все основные административные, общественные и культурно-просветительские учреждения, а также жилые кварталы. Центром планировочной композиции стала пл. им. Ленина (ныне пл. Республики) куда сходились все основные магистрали. Поблизости от нее располагалась еще одна крупная площадь — им. Шаумяна. Общественно-политический центр города получал ясно выраженную связь с культурно-просветительским центром, образующимся на Театральной площади вокруг Народного дома (впоследствии Театра оперы и балета). Эта связь осуществлялась за счет

План центральной части Еревана.
Арх. А.И. Таманян. 1924

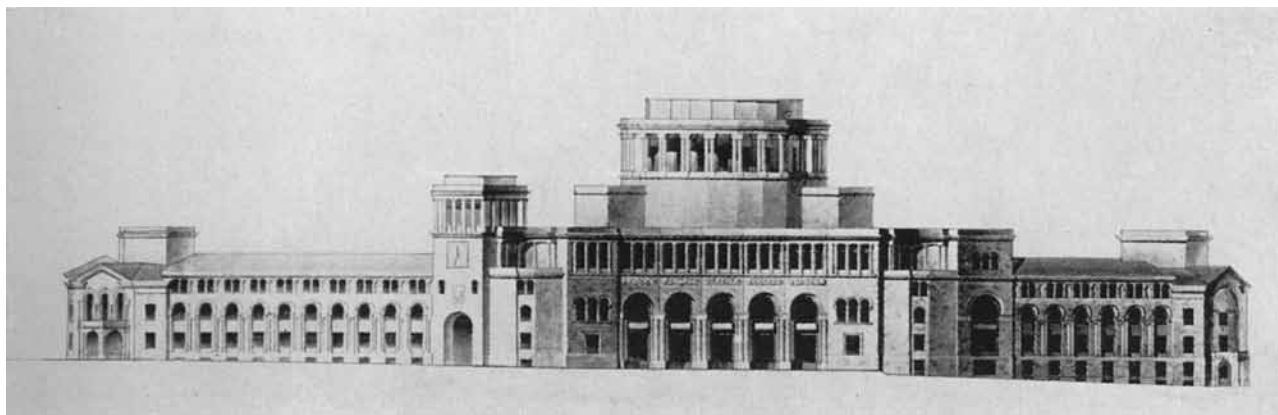
пронизывающего город так называемого. Северного луча, дающего городу возможность развиваться в наиболее благоприятном южном направлении и в то же время открывавшего панораму вершины Арарата.

Введение в планировку города второго луча — диаметра, с северо-запада на юго-восток, совпадало с направлением исторически сложившейся прямоугольной сетки и в то же время создавало дополнительные перспективы на окружающие горные массивы и долину реки Раздан. Было также сохранено направление ул. Абовяна — осевой улицы старого Еревана. В соответствии с направлением господствующих ветров промышленная зона располагалась к югу и юго-востоку от селитьбы, вблизи железнодорожной линии, на спокойном рельефе. В северо-восточной части города намечалось создание студенческого городка — района высших учебных заведений.

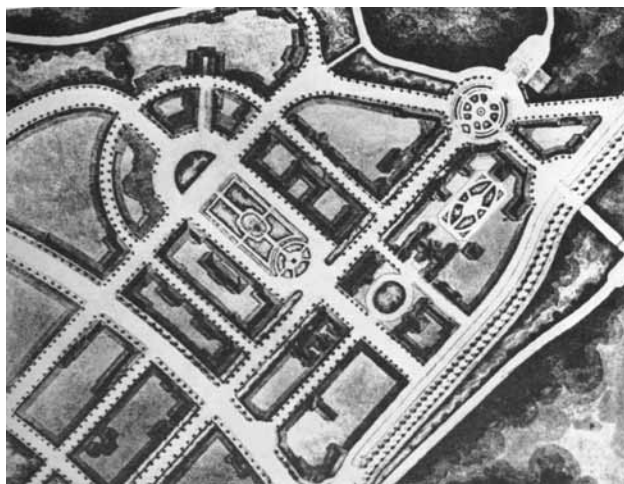
Особое место в генплане Таманяна отводилось улучшению природно-климатических условий Еревана. Под общественные озелененные пространства отводилось до 15% территории города. Наиболее крупные массивы зелени намечалось создать в ущелье реки Раздан, в районе Комсомольского озера, на окружающих город склонах, что совместно с крупными водными поверхностями должно было смягчить засушливый климат.

Генплан Эривани—Еревана, рассчитывавшийся на население 150 тыс. человек, сыграл, можно сказать, основополагающую роль в градостроительстве республики, повлияв не только на проектирование других городов и даже сел, но даже на систему расселения²⁵.

В основе разработки первого генерального плана Еревана, по утверждению самого автора, были использованы принцип и формы «города-сада», но так же как и А.П. Иваницкий в генплане Баку, он

Проект Дома правительства Армянской ССР. Арх. А.И. Таманян. 1926

Ереван. Проект планировки студенческого городка.
Арх. А.И. Таманян. 1924

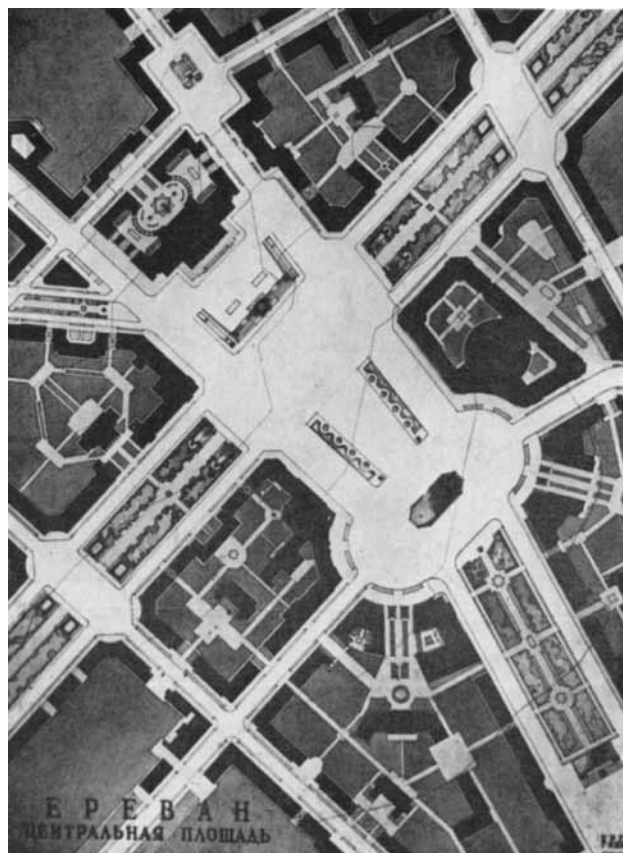
вкладывал в это понятие иное содержание, нежели Э. Говард, считая, что оно «полностью соответствует поставленной цели создать столицу Армянской Советской Социалистической республики — Новый Ереван»²⁶.

Но, несмотря на явно новаторское содержание этого генерального плана, отсылка к «городу-саду» послужила поводом для критики со стороны молодых архитекторов, раздававшейся в ходе бурной дискуссии о принципах застройки социалистических городов на страницах армянской печати того времени. Так, М.Д. Мазманиян писал тогда, касаясь недостатков генплана Еревана: «...идея города-сада уже давно положена под стеклянный колпак. Мы идем не к этой идиллии отдельных раздробленных хозяйств и жилищ, а к укреплению зданий, к обобществлению и к централизованности их служебных частей (кухня, столовая, прачечная, библиотека-читальня и т.п.)»²⁷. Одной из основных претензий, предъявлявшихся тогда к генплану, была мелкая сетка центральных кварталов (от 0,5 до 2,5–3 га), отражавшая сложившуюся систему улиц и не позволявшая организовать крупные жилые комплексы с обобществленным бытом. Другим недостатком считалось хотя и правильное в отношении направления ветров, но слишком близкое к селитбе расположение промышленной зоны.

К 1935 г. быстро растущая промышленность и необходимость увеличения расчетного населения Еревана до 400 тыс. человек создали необходимость корректировки генплана. По мысли Таманяна, город следовало развивать в сторону Канакерского и Арабкирского плато, обладавших хорошими климатическими условиями и относительно ровным рельефом.

Работа была прервана смертью Таманяна в 1936 г. Дальнейшее проектирование генплана было поручено Ленгипрогору (арх. И.И. Малоземов, С.М. Клевицкий, Н.А. Заргарян и др) и завершено в 1939 г.

Рассматривая первый генеральный план Еревана в контексте времени, нельзя не заметить, что его выдающаяся роль в архитектуре Армении во многом определялась не только мастерством градостроительной композиции, но тем значением, которое он имел для культурного единения армян, возвращавшихся на родину после чудовищного геноцида. Но именно это его символическое значение в последующем, начиная с середины 1930-х гг., привело к тому, что он в известной степени стал жертвой политических клише, что, в свою очередь, обусловило нарушения проекта центральной части города. Как отмечает К.В. Бальян: «...после Таманяна идеология генплана была в корне изменена. Его направленность на Арарат всячески дезавуировалась: закрывались панорамы на гору, в частности, с главной площади, ликвидировалась связь двух площадей и идея направленности на Арарат, сама структура генплана изменялась так, что он приобрел новые доминанты и совершенно иную —

Ереван. Планировка площади им. Ленина по проекту Гипрогора. Вариант. 1938

Ереван. Планировка Южного проспекта. Арх. Н.А. Заргарян. 1939

противоположную направленность»²⁸. Все это происходило в соответствии с политикой нового руководства республики, на фоне массовых репрессий государственных деятелей и культурной элиты Армении²⁹. Велись бесконечные официальные и неофициальные споры о том, как надо застраивать пл. Ленина, которая к этому времени стала трактоваться как единственная главная площадь столицы: например, нужно ли ставить памятник Ленину на северной стороне площади или на южной. В первом случае памятник лучше освещался, но протянутая рука Ленина, зовя в светлую даль, указывала на Турцию. Во втором случае рука указывала на Москву³⁰.

Целостности композиционного замысла Еревана не только был нанесен серьезный ущерб, но и сам план к концу 1930-х гг. оценивался крайне негативно: «Проект планировки Еревана, разработанный Таманяном по указке дашнаков, был направлен к тому, чтобы всячески препятствовать росту социалистического города Еревана»³¹. В то же время новый генеральный план города, разработанный Ленгипрогором в конце 1930-х гг., не столь обремененный идеологическими штампами, в целом поддерживал основные планировочные идеи первого генплана. По новому плану намечалось концентрическое расширение территории города с включением площадок на Арабкирском и Норкско-Саритагском плато, на правом берегу реки Раздан, а также некоторых поселков, расположенных в западной и южной частях. На свободных территориях проектировались новые промышленные районы в северной и западной частях города, что нарушало принятое в генплане Таманяна функциональное зонирование и впоследствии привело к серьезным градостроительным проблемам³². Вместе с тем новый генплан предусматривал дальнейшее развитие работ по озеленению и обводнению городских территорий, созданию лесопарковой зоны в районе рек Раздан и Гедар, а также на окружающих горных склонах. По замыслу авторов, существующий город в дальней-

шем должен был превратиться в центральный район будущего Еревана³³.

В отличие от Баку и Эривани, уже в середине 1920-х гг. получивших достаточно ясные и логично разработанные генпланы, Тифлис в эти годы развивался без генерального плана, путем частичных санитарных мероприятий и улучшений планировочной структуры. Этот город, с одной стороны, считался столицей Закавказской Федерации и должен был иметь соответствующий статус, с другой — его экономические перспективы были весьма неопределенны; в основном предусматривалось размещение легкой промышленности, что в советских условиях фактически означало недостаточность сил и средств для развития города.

Вместе с тем работы по благоустройству оказались здесь более насущно необходимыми и проводились, пожалуй, более активно, чем в других столичных городах Закавказья. Город находился в наиболее неблагоприятных с градостроительной точки зрения, стесненных узким горным ущельем условиях, что не способствовало его рациональной планировке в предыдущие годы. Благоустройство и инженерное оборудование были на крайне низком уровне. Воды не хватало, озеленение было недостаточным. Летом город, расположенный в котловине, плохо проветривался и сильно страдал от перегрева. Новый статус столицы требовал постройки множества административных и общественных зданий как республиканского значения, так и уровня Закавказской Федерации. Переуплотненные старые жилые районы, теснившиеся вдоль берегов Куры, уже не отвечали новым потребностям.

Все 1920-е гг. Тифсовет проводил расчистку территории от мусора, засыпку оврагов, устройство дамб и тоннелей для защиты от горных селевых потоков и ливней, уборку скопившихся каменных и земляных наносов в периферийных районах города. Проводились также осушение заболоченных территорий на северо-западной окраине, озеленение горных склонов в качестве защиты от селей, заклад-

ка крупного лесного массива в окрестностях города, озеленение улиц, разбивка скверов, расчистка русла Куры. На рубеже 1920–1930-х гг. началось благоустройство набережных реки. С 1924 г. началось также частичное улучшение городской структуры, реконструкция некоторых участков, отвечавших за связь центра с другими районами, прежде всего с левобережьем. Тогда же была начата интенсивная, но во многом стихийная застройка новых жилых районов Ваке, Сабуртало, Надзаладеви и др.

Приглашенный в 1925 г. в Тифлис А.П. Иваницкий дал положительную оценку этим работам, но вместе с тем отметил, что город еще совершенно не изучен во всех отношениях, не определены назначения его частей, поэтому рано приступать непосредственно к разработке генплана. Он также одобрил решение относительно строительства бальнеологического курорта на серных источниках, считая их одним из основных градообразующих факторов³⁴. В этом же году были начаты подготовительные работы: специальная комиссия занялась определением территории города и организацией его топосъемки. И все же в конце 1920 – начале 1930-х гг. планировка Тифлиса не продвинулась далее частичных предложений, программ и экономических гипотез, составлявшихся местными инженерами (А. Асриев, В. Фельдт, Б. Чичинадзе) и не получивших воплощения³⁵.

Одно из таких предложений (Б. Чичинадзе), начавшее было реализовываться, но оставленное в связи с последовавшей позднее разработкой генплана города, – строительство Коджорской электрической дороги в сторону курортной зоны. Этот проект рассматривался как средство оживить экономику города, создать новые рабочие места и привлечь средства населения к строительству новых рабочих поселков вдоль дороги³⁶. В этом же направлении должен был развиваться и весь город, что впоследствии не вписалось в рамки генплана.

Другая планировочная идея, охватившая собой территорию всего города, была сформулирована в 1931 г. в связи с конкурсом на проектирование Дворца культуры в Тифлисе. В программе конкурса была заложена мысль о создании единой системы озеленения города. Парки культуры и отдыха предполагалось создавать в каждом городском районе, в связи с чем Тифсовет разработал схему предполагаемого территориального развития города³⁷. Главная система парков должна была протянуться вдоль Куры, связываясь через сплошные полосы зеленых насаждений с парками в каждом районе, в том числе и в промышленных районах³⁸. Для осуществле-

ния этого грандиозного плана требовалось снести целые кварталы и даже целые части города, что в экономических условиях тех лет не могло быть осуществлено.

Еще одной объединяющей всю территорию города идеей, обсуждавшейся на рубеже 1920-х и 1930-х гг., было превращение Куры в основную транспортную артерию Тифлиса³⁹, что на первый взгляд должно было дать быстрый эффект по преодолению разрозненности участков уличной системы с недостаточной пропускной способностью. Однако, когда Тифсовет от общей схемы попытался перейти к детальному рассмотрению проблемы, выяснилось, что потребуется такой объем сложных инженерных работ, что от идеи пришлось отказаться.

Разработка общего проекта планировки Тифлиса была заказана харьковскому Гипрограду, где начиная с 1930 г. под руководством проф. А.Л. Эйнгорна стала формироваться одна из лучших научно-градостроительных школ в стране⁴⁰. Работа по генплану была в основном завершена в 1934 г. (арх. И.И. Малоземов, инж. Г.В. Шелейховский и др., при участии сотрудников техотдела Тифсовета гл. инж. Г.И. Чавчавадзе и молодых архитекторов З.А. Курдиани и Г.А. Гогава). При разработке генплана изучались природно-климатические условия, история города, население, жилфонд, промышленность, транспорт, коммунальное хозяйство, существующие виды культурно-бытового обслуживания,

Проект генерального плана Тбилиси. Гипроград УССР.
Арх. И.И. Малоземов, инж. Г.В. Шелейховский и др., при участии З.А. Курдиани и Г.А. Гогава. 1934–1936

пригородная зона, местные строительные ресурсы и т.п. На основе этих материалов были разработаны два варианта развития города, отличавшиеся выбором конкретных участков для дальнейшего его расширения. Экспертизой был одобрен вариант, соданный группой под руководством З.А. Курдиани.

Население города должно было за 25–30 лет возрасти с 420 тыс. до 720 тыс. человек. Предусматривалась застройка новых территорий на северо-западе, северо-востоке и юге. Тифлис, помимо различных функций, рассматривался на перспективу как крупнейший центр легкой индустрии Грузии и всего Закавказья, как город легкого и среднего машиностроения, а также бальнеологический курорт. Ограничение пространства, связанное с горным рельефом, заставило проектировщиков растянуть город в длину вверх и вниз по течению Куры на 22 км. Вредные кожевенные и химические производства выносились на окраину с подветренной стороны, вниз по течению реки.

По проекту Гипрограда после достижения городом проектного размера предлагалось образовать города-спутники или на прилегающих возвышенностях построить Верхний Тифлис⁴¹ — эта идея начала реализовываться только десятилетия спустя. Был также разработан проект пригородной зоны. Для смягчения городского климата и орошения пригородных земель проектировалось искусственное водохранилище на возвышенностях к востоку от города⁴². В центре каждого района у административных зданий были запроектированы площади, а жилая застройка размещалась с отступом внутрь квартала на 7,5 м, для того чтобы обильным озеленением смягчить воздействие жаркого климата. Сейсмостойкое строительство должно было в основном вестись в 4 этажа, на участках с крутым рельефом предусматривались дома павильонного типа.

В марте 1935 г. ВСКХ организовал в Московском доме архитектора развернутый показ и обсуждение проекта реконструкции Тифлиса, уже получившего одобрение на республиканском уровне⁴³. Выступивший на собрании председатель экспертной комиссии Ф.В. Попов сказал, что проект реконструкции Тифлиса является одним из лучших планировочных проектов, но огромная территория, отведенная под застройку города, требует слишком больших расходов на ее культурное освоение. По-этому следует установить строгую очередность нового строительства, а прежде всего реконструировать старый город⁴⁴. В заключении экспертной комиссии, куда входили представители ВСКХ, Госплана СССР и ряд видных специалистов, как

местных так и приглашенных из Москвы и Ленинграда, говорилось: «Представленный к рассмотрению проект планировки и социалистической реконструкции гор. Тифлиса по всесторонности своего экономического и инженерного обоснования, по глубине и правильности всех связанных с проектированием расчетов, по стройности лежащих в основе проекта теоретических концепций и по принятым планировочным решениям — занимает одно из первых мест среди разработанных до настоящего времени проектов планировки городов»⁴⁵.

В проекте значительное внимание уделялось художественному оформлению набережных Куры, и в целом проект планировки будущего Тифлиса сопровождался целым рядом художественно оформленных перспективных видов «в духе конструктивизма», что, в частности, в дальнейшем дало повод для эмоционального неприятия генплана Гипрограда местной архитектурной общественностью и его критики на съезде советских архитекторов Грузии, прошедшем в феврале 1936 г. в порядке подготовки к Первому съезду ССА 1937 г.⁴⁶, и в республиканской печати.

Грузинские зодчие упрекали авторов генплана даже в том, что при решении жилых кварталов Тбилиси они не создали приемов и образов решения жилища, опирающихся на использование традиций характерных тбилисских жилых домов XVIII–XIX вв. с висячими резными балконами⁴⁷, что, конечно, не входило в задачу разработчиков генплана. Очевидно, это было отзвуком назревавшей болезненной проблемы: в процессе практической реконструкции уличной сети, еще до разработки генплана, часть старых жилых кварталов была снесена, против чего выступали не только грузинские архитекторы и художники, но и такой профессиональный авторитет, как А.В. Щусев⁴⁸.

Все это противоречило празднично-официальной точке зрения на процессы, происходившие в архитектуре Тбилиси: «Исчезают, уходят в прошлое немые свидетели многовековой отсталости и возникает чудесная, радостная, сверкающая красотой социалистическая столица»⁴⁹.

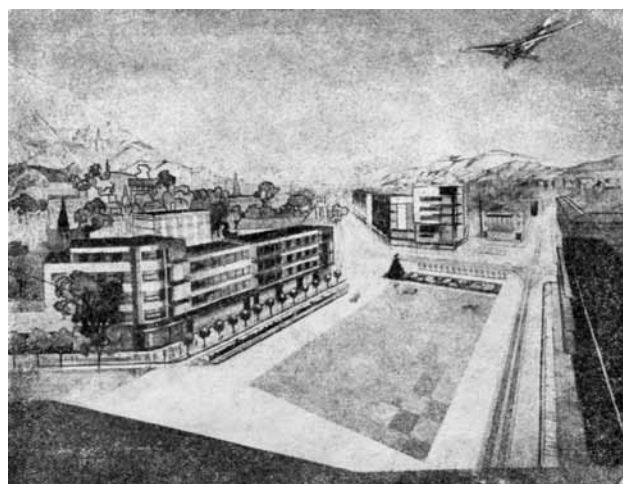
Однако в гипроградовском генплане Тифлиса, который местные архитекторы позднее, уже с позиций второй половины 1930-х гг., критиковали за сухость и излишний техницизм, действительно недостаточное внимание было уделено проблеме формирования центра и его роли в художественной структуре города. Центр Тифлиса, который по проекту вытягивался на 22 км вдоль Куры, представлялся несколько упрощенно, в виде исторически сло-

жившейся площади (Эриванская пл., затем пл. им. Закавказской Федерации, в дальнейшем пл. Ленина), расширявшейся за счет сноса старого караван-сарая и получавшей хорошую планировочную связь с пр. Руставели — главной продольной магистралью города. На центральной площади Закавказской Федерации предполагалось воздвигнуть 20-этажное административное здание. Для города, районы которого разделялись холмистым пересеченным рельефом, это, конечно, было недостаточно выразительным решением. Вместе с тем на пр. Руставели и прилегающих улицах происходило строительство новых крупных административных и общественных зданий, таких как Дворец правительства (1938, арх. В.Д. Кокорин, Г.И. Лежава), здание ЦК партии (1930, арх. Н.П. Северов), Институт марксизма-ленинизма (1938, арх. А.В. Щусев), кинотеатр им. Руставели (1939, арх. Н.П. Северов) и др., что делало понятие центра довольно расплывчатым.

Особое значение в проекте придавалось продольным (вдоль Куры) магистралям, так как узкие и короткие улицы все еще не были связаны в единую систему, а поперечные связи, так же как и мосты, зачастую вообще отсутствовали. Многочисленные и значительные по размаху, но разрозненные попытки решать задачу художественного оформления набережных на практике не всегда давали положительный результат, поскольку наметившаяся в середине 1930-х гг. тенденция к использованию классицистических форм плохо вязалась с масштабом и характером грандиозных инженерных сооружений — высокими подпорными стенами, стилоба-

тами и контрфорсами из рваного камня, мощными арками, использовавшимися при благоустройстве набережных⁵⁰. Первую очередь оформления набережных упрекали в недостаточной монументальности, использовании парапетов мелкого рисунка, сходов к реке, не имевших должного архитектурного размаха⁵¹. Все это надлежало исправить при выполнении второй очереди оформления набережных, пролежавших через центральные районы с большим количеством архитектурных памятников.

Большое внимание, как и в других проектах харьковского Гипрограда, уделялось вопросам последовательного формирования жилой зоны с хорошо развитой ступенчатой системой обществен-

Тбилиси. Вариант реконструкции Эриванской пл. со сносом караван-сарая

Тбилиси. Проект оформления пл. Закавказской Федерации по проекту Гипрограда

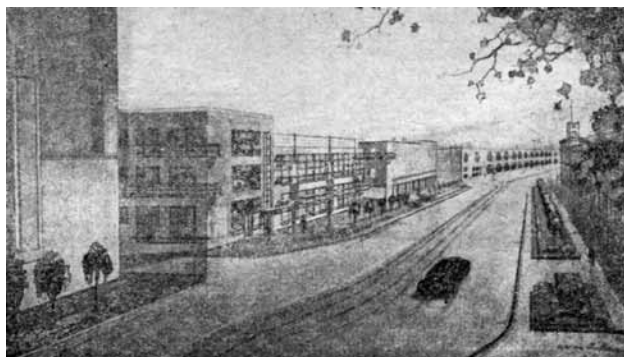

ного обслуживания, однако эти идеи практически не были воплощены, так как требовали большого сноса существующего жилого фонда⁵².

Гораздо более удачно сложилась судьба другой фундаментальной идеи, заложенной в генеральный план, — создания единой широкой системы озелене-

ния города. В частности, создавались парки на возвышенностях у озер Лиси и Черепашьего, на плато горы Мтацминда. Вокруг города предусматривалось создание зеленого кольца шириной 300 м.

Во второй половине 1930-х гг., когда столь большое значение приобрели вопросы формирования

Тбилиси. Вариант реконструкции б. Дворцовой ул. возле Эриванской пл.

Тбилиси. Перспектива магистрали в районе Навтлуги

Тбилиси. Проект оформления набережной бальнеологического курорта

Тбилиси. Здание института Маркаса–Энгельса–Ленина.
Арх. А.В. Шусев. 1938

Тбилиси. Здание Заксовнаркома.
Арх. Н.П. Северов. 1930

композиции города, его силуэта, пространственного образа, в Тбилиси эти проблемы решались в синтезе с зеленым строительством и подчеркиванием особенностей ландшафта, которые рассматривались как полноправные архитектурно-градостроительные элементы. Впрочем, этот подход складывался скорее в процессе практической застройки города, в проекте же Гипрограда (и за это его также впоследствии упрекали) не были отмечены те места (за исключением горы Мтацминда), которые надлежало активизировать композиционными средствами.

В 1936 г. начались работы по созданию нового парка культуры и отдыха площадью 50 га и видовых площадок на Мтацминде — на голых, каменистых

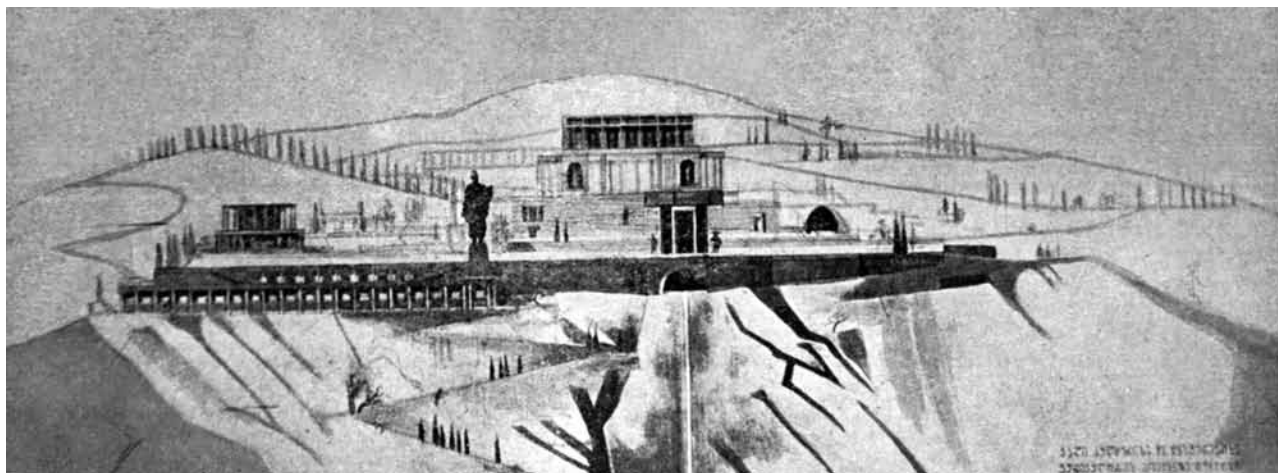
участках, которые за два сезона превратились в зеленые аллеи и цветники с фонтанами. Был реконструирован фуникулер, построенный бельгийской трамвайной компанией еще в 1905 г. Ранее были разработаны два проекта парка — арх. З.А. Курдиани совместно с Н.М. Хмельницкой и М.Я. Гинзбурга.

Гинзбург отнесся к этому прежде всего как к композиционной задаче⁵³. Он создал сложную, пространственно развитую композицию застройки всего плато, вертикальной осью которой служила статуя Ш. Руставели, а часть предусмотренных программой объектов встраивалась в объем горы. Работая над проектом парка, М.Я. Гинзбург ставил себе задачу создать национальный колорит ансамбля, не используя при этом стилистику грузинских церквей и крепостей. Внимательно изучая монументальную и народную архитектуру Грузии, он пытался вывести закономерности синтеза этой архитектуры с окружающей средой⁵⁴. Однако середина 1930-х гг. была не слишком удачным временем для поиска изысканных ассоциаций и архитектурных аллюзий. Оно требовало языка более простого и доходчивого, поэтому проект Гинзбурга остался непонятым в Тбилиси и получил отрицательную оценку⁵⁵. К реализации был принят проект Курдиани и Хмельницкой, использовавший формы национальной грузинской архитектуры и выдвинувший на первый план здание с колоннадой — принцип, против которого возражал Гинзбург. При этом последнему ставилось в упрек, что он не отразил национальной специфики архитектуры⁵⁶.

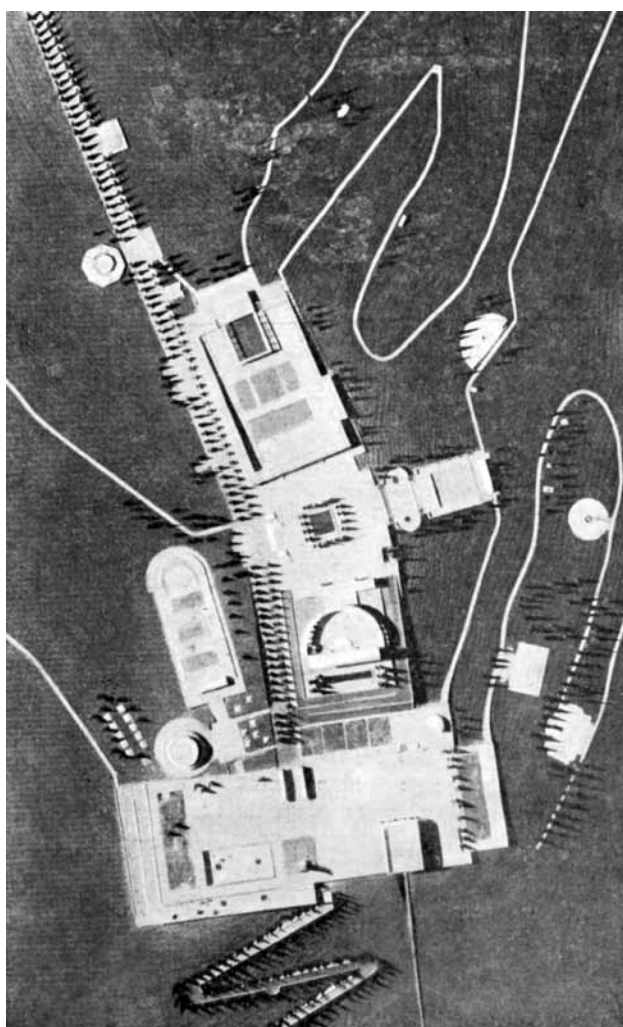
В 1938 г. на специальном совещании, посвященном застройке центральной площади Тбилиси и ул. Коминтерна, отмечалось множество градостроительных ошибок, совершенных за последние годы, и отставание в проектировании отдельных градостроительных узлов города, ведущие к нарушению генерального плана⁵⁷. Представитель Грузии на III пленуме правления СССР СССР 1938 г. арх. А.С. Инцкирвели говорил: «На пленуме много говорилось о городском ансамбле, но никто не упомянул о необходимости учета исторически сложившегося лица города и его специфики, например города, расположенного в гористой местности. <...> Механическое применение при планировке городов Грузии архитектурных приемов Ленинграда и ряда других городов приводит к грубейшим извращениям самой идеи архитектурного ансамбля»⁵⁸.

Определенное сходство и различие в развитии градостроительства республик Закавказья можно проследить также на материале проектирования других городов и поселков.

**Тбилиси. Проект парка на горе Мтацминда. Застройка
кромки горы. Фасад. Арх. М.Я. Гинзбург**

**Макет паркового комплекса на горе Мтацминда.
Арх. М.Я. Гинзбург**

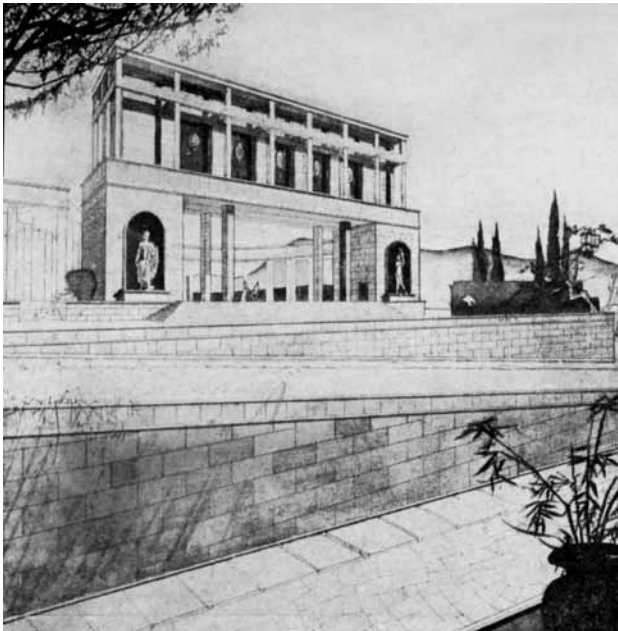
возникло несколько новых городов: Евлах, Хачмас, Кусары, Сабирабад, Агдам, Сальяны и др.

Но значительные изменения претерпевали и сложившиеся города, становившиеся крупными промышленными центрами. Так, предполагавшееся строительство крупного металлургического комбината предопределило разработку в 1934–1935 гг. генерального плана одного из самых древних городов – Гянджи (в XIX в. Елисаветполь, в 1918–1935 гг. Ганджа, с 1935 г. Кировабад). Проект «Большая Ганджа» был разработан московским архитектором А.П. Слободяником при консультации проф. Л.А. Ильина и в 1939 г. откорректирован арх. С.А. Коджаманглы. Проект учитывал сложившуюся структуру города, определяемую историческим центром, направлением русла реки Ганджачай и железнодорожной магистралью. На правом берегу реки создавалась крупная промышленная зона и новые жилые районы. Город получал более ясную планировочную структуру, основанную на радиально-кольцевой и прямоугольной системах магистралей, связывающих отдельные части города на обоих берегах реки. Прибрежная зона благоустраивалась и озеленялась.

В 1930-е гг. были также разработаны генеральные планы для древних городов: Нахичевани (арх. М.Н. Непринцев, Т.П. Бейер, экон. Н.А. Сокольский и др.)⁶⁰ – столицы Нахичеванской автономной республики, Степанакерта (до 1923 г. Ханкенды) – столицы Нагорно-Карабахской автономной области (первый проект был разработан в 1926 г. А.И. Таманяном, второй в 1938 г. – архитектор

Помимо сети рабочих поселков, концентрировавшихся в районе Баку, а также поселков-спутников, развитие которых предусматривалось схемой расселения на Апшеронском полуострове (рук. Л.А. Ильин, 1935–1937) и самого быстро растущего из них Сумгаита⁵⁹ (Гипрогор, 1934–1935), в Азербайджане в связи с развитием промышленности

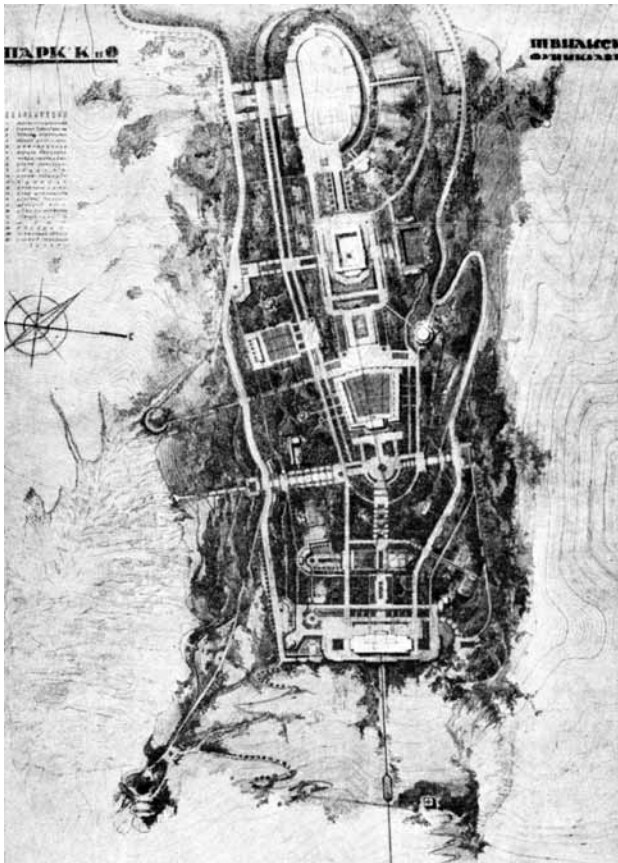

Проект парка на горе Мтацминда.
Открытый театр. Арх. М.Я. Гинзбург

Проект парка на горе Мтацминда.
Ресторан, кафе и культурные учреждения на кромке горы

Тбилиси. Парк им. Сталина на горе Мтацминда.
Генплан. Арх. З.А. Курдиани, Н.М. Хмельницкая

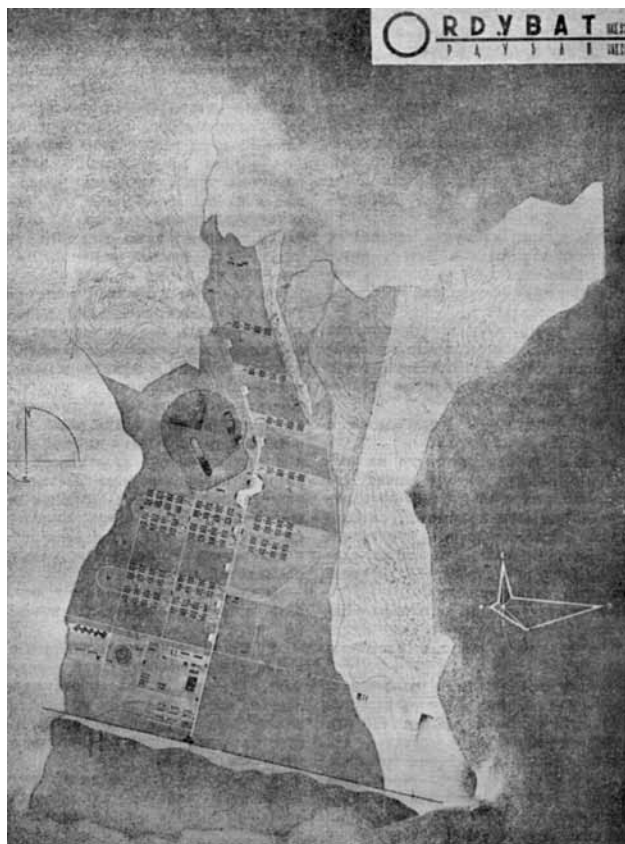

Тбилиси. Парк им. Сталина. Главное здание

А.П. Слободяником), Нухи (ист. название Шеки, проект 1937 г., арх. У.А. Фигарова), сельскохозяйственного центра города Ордубата (арх. М.Н. Непринцев, И.П. Киркесали и др.)⁶¹. Правда, не все эти разработки оказались осуществимы, например генпланы Нахичевани и Ордубата, созданные

в начале 1930-х гг. Закавказским институтом сооружений под несколько запоздалым влиянием радикально-авангардистских приемов планировки. Кировабад, являвшийся вторым промышленным центром Азербайджана, проектировался в течение 5 лет, но в конце 1930-х гг. все еще застраивался без генерального плана⁶².

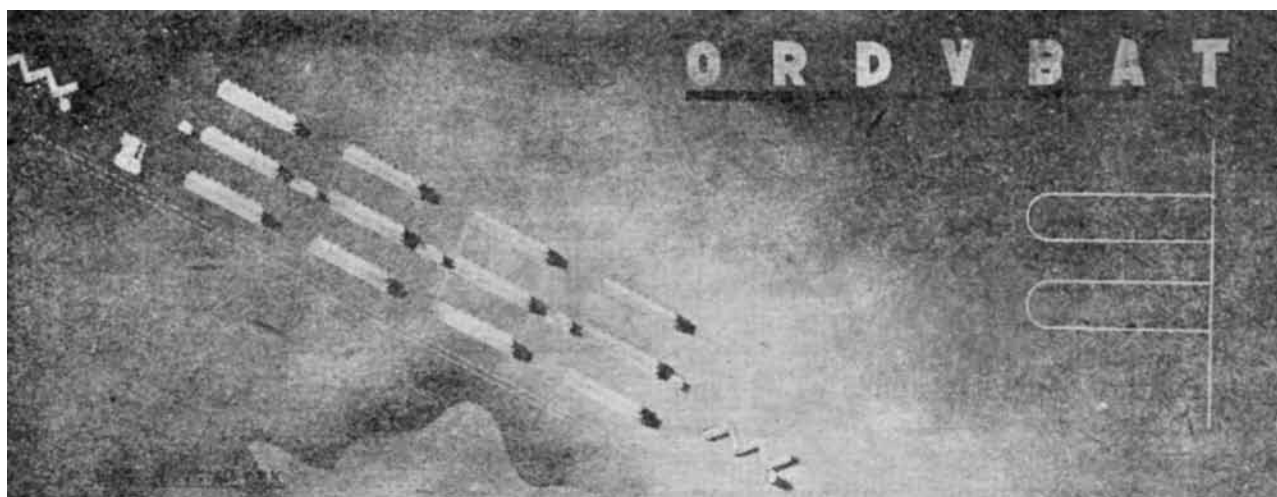
Причина длительной задержки разработки проектов виделась азербайджанским архитекторам в том, что малые города механически копируют стадии и объем планировочных работ Москвы, раздувая свои генпланы. Задерживали разрешение вопроса и республиканские организации, которые в течение нескольких лет не могли, например, принять окончательное решение, размещать ли Дашкесанский металлургический комбинат в Кировабаде или в другом месте. Кроме того, многие города Азербайджана

Планировка города Ордубата. Генеральный план

Проект планировки Нахичевани

Ордубат. Жилые и коммунальные корпуса

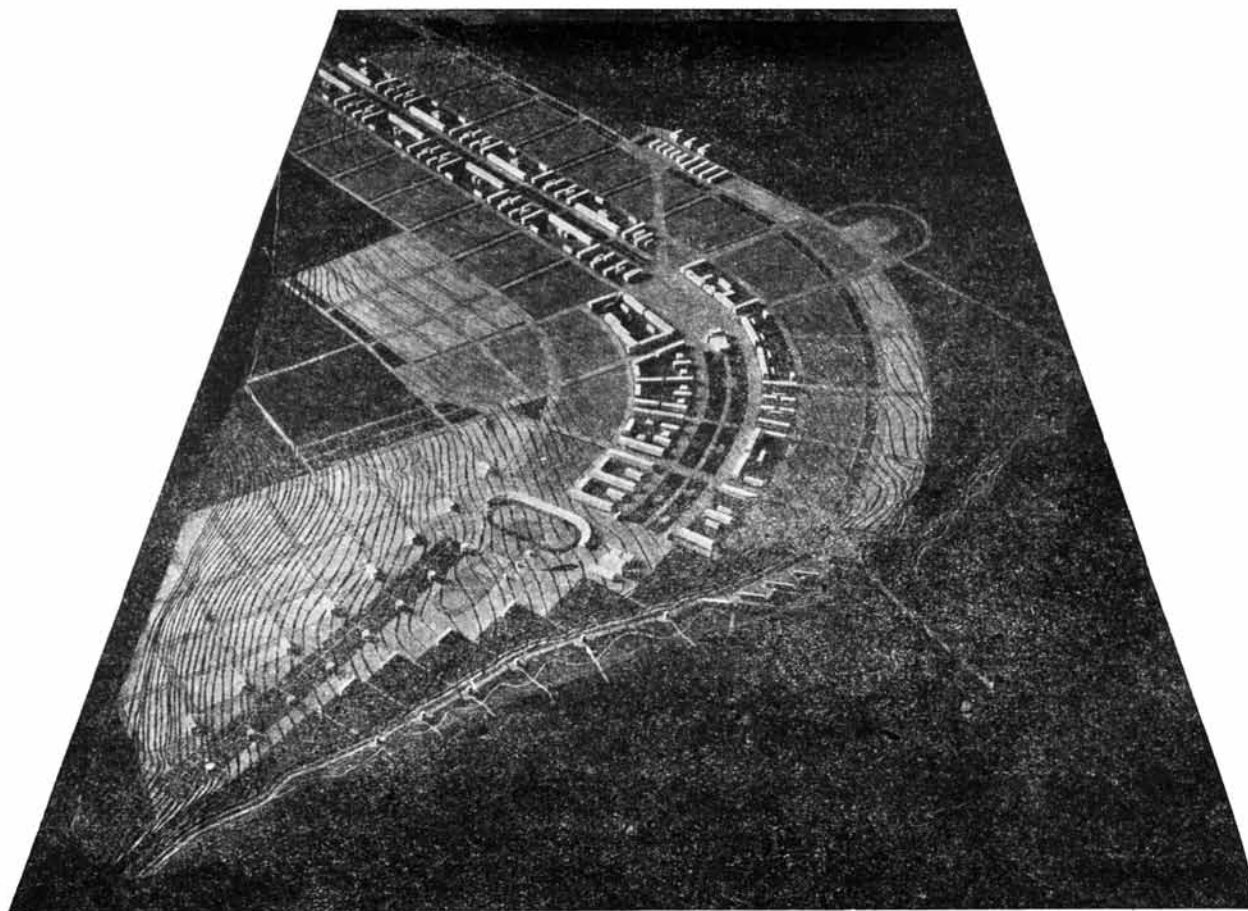
не имели городских архитекторов и практически за застройку города некому было отвечать.

В Армении в 1929 г. организуется Государственное проектировочное бюро (позднее с 1933 г. — Государственный институт проектирования городов и гражданского строительства), в котором сосредотачиваются все основные проектировочные работы республики. В 1930-е гг. были разработаны генеральные планы второго и третьего по величине городов Армении — Ленинакана (Александрополь, Гюмри) и Кировакана (Ванадзор, до 1935 г. Каракилис).

Ленинакан развивался на основе текстильной и пищевой промышленности, а также добычи ценных строительных материалов (туф, мрамор). В 1926 г. город значительно пострадал от землетрясения. Предварительно архитектором Д.Г. Числяном (Числиевым) были разработаны проекты застройки отдельных узлов центральной части города, а позднее был разработан генеральный план с расчетом на увеличение населения с 60 тыс. до 120 тыс. и далее до 200 тыс. человек (1932—1937, арх. М.Д. Мазмания).

В генеральном плане Ленинакана, так же как и в Ереване, было удачно найдено сочетание прямоугольной и радиально-кольцевой систем организации уличной сети. Территория города по проекту значительно расширялась в северном направлении к равнине, обладавшей равномерным уклоном к реке Ахурян и хорошими геологическими показателями. Было проведено четкое функциональное зонирование города, промышленные районы удачно расположены по отношению к селитбе. Вводилась композиционная ось города север—юг с организацией нескольких площадей. К старой части города по проекту примыкал парк культуры и отдыха. Вся старгородская часть подлежала полной реконструкции с укрупнением старых жилых кварталов. Кварталы предполагалось построить жилыми домами-комплексами с полным обслуживанием⁶³.

Новый генеральный план, разработанный к 1940 г., отличался большей умеренностью в отношении застройки центра (арх. Г.Л. Давтян, С.К. Карапетян, П.С. Манукян, Г.С. Мурза). Он предус-

Проект планировки Каракилиса. Макет. Арх. К.С. Алабян, Г.Б. Кочар. 1929—1930

Проект планировки Кировакана. Перспектива. Арх. М.Д. Мазманиян. 1934

матривал развитие города в северном, южном и юго-восточном направлениях и рассчитывался на 120 тыс. населения. Большая роль в формировании города по-прежнему отводилась системе озеленения и водным пространствам.

В 1928 г. был объявлен конкурс на проект генплана Каракилиса (Кировакана), не давший положительных результатов. В последующие 10 лет были составлены несколько проектов генпланов, среди которых выделялись работы К.С. Алабяна и Г.Б. Кочара (1929–1930) и М.Д. Мазманияна (1934–1937).

По проекту Алабяна и Кочара город был вытянут с запада на восток. С двух сторон центральной магистрали, трактованной в виде бульвара, располагались укрупненные жилые кварталы с культурно-бытовыми учреждениями. В этом проекте, как во всех последующих, за основу развития города было взято не его курортное значение, а промышленное. Отсюда и стремление приблизить принципы его проектирования к проектам соцгородов при крупном производстве. При этом проектом предусматривался значительный снос зданий, что сделало его нереализуемым.

Генплан, разработанный Мазманияном, внешне выглядел более традиционно, чем предыдущий проект, но организация жизни населения предус-

матривалась также в укрупненных кварталах с общественным обслуживанием. Центральные жилые кварталы, так же как в таманяновском генплане Еревана, охватывались широким бульварным кольцом, но здесь оно приобрело форму многогранника. Как и в Ереване, в проекте значительное развитие получал общественный центр города, спроектированный в виде овала. В целом город состоял из трех планировочных частей, каждая из которых имела свою структуру, вытекающую из условий местности. Это позволило хорошо вписать контуры генплана в окружающий природный рельеф. Этот проект также не был реализован.

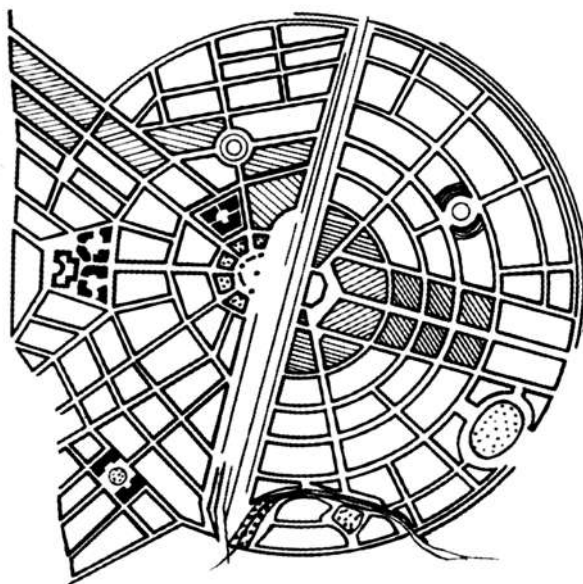
Новый генеральный план Кировакана был разработан уже перед войной, в 1939 г. (арх. Н.А. Заргарян, А.С. Минасян). Он отличался большей умеренностью, хотя в нем был учтен опыт предыдущих разработок. Была найдена достаточно органическая связь между сложившейся частью города и территориями нового строительства. Город по-прежнему рассматривался в основном как промышленный центр.

Среди проектов генпланов, разработанных под влиянием идей соцгородов, необходимо отметить генеральный план рабочего поселка Кафана, разработанный М.Д. Мазманияном (1929–1930). Этот проект примечателен тем, что здесь автор-кон-

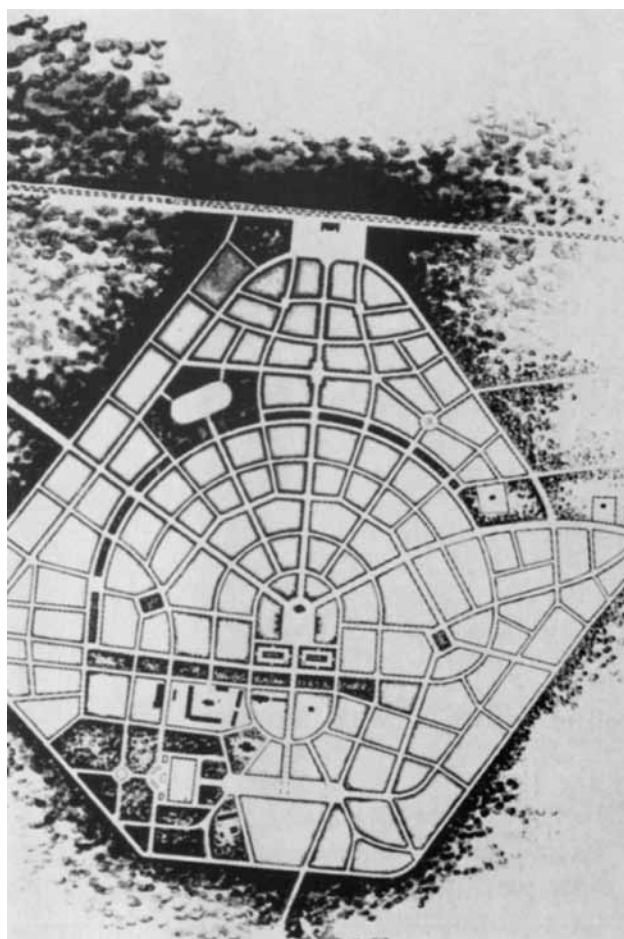
Планировка пос. Кафан.

Генплан. Арх. М.Д. Мазманиян. 1929–1930

Проект планировки села Камарлу.

Арх. Л. Манучарян. 1927

Проект планировки Вагаршапата.

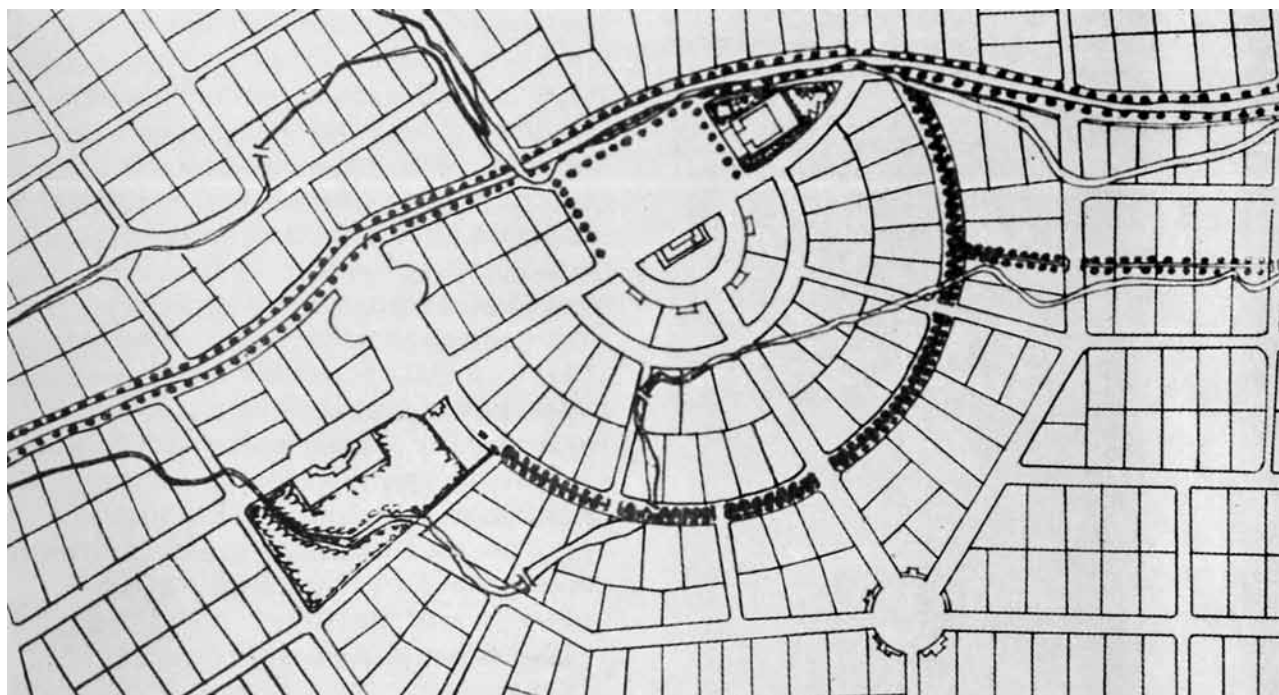
Арх. А.И. Таманян. 1925

структивист отдал дань национальным традициям, создав ступенчатую систему расположения домов на крутом рельефе, когда крыша одного дома служит двором для другого.

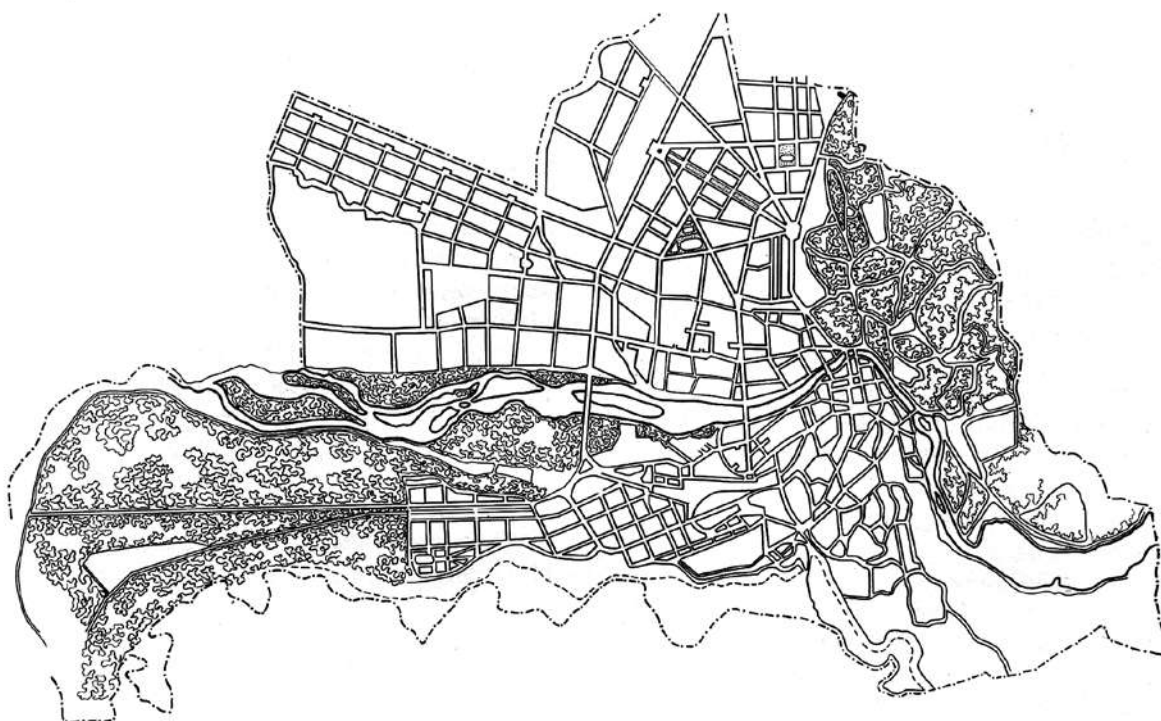
Градостроительство Армении в значительной степени отличалось от практики других кавказских республик, в частности тем, что здесь много внимания уделялось проектированию поселков и сел, чем занимались крупные архитекторы, включая А.И. Таманяна. Одна из самых ранних его работ в этой области – проект поселка Лукашен (1925). Среди многочисленных генпланов сел и поселков этого времени было немало выделяющихся своеобразием принятого планировочного решения, вытекающим из сложившейся ситуации и перспектив развития. Это – проекты Вагаршапата и Советашена (А.И. Таманян), Паракар и Нораванка (М.Д. Мазманиян), Норагавита (Н.Г. Буниатян), Арзни, Верин Хатунарха (Р. Григорян, Г.Б. Кочар), Камарлу (Л. Манучарян) и др.

В Грузии рабочие поселки Тифлиса в 1920-е г. развивались в основном на городских окраинах, но их застройка не носила столь масштабного и целенаправленного характера, как это происходило в Баку. Так, с 1922 г. началось освоение района Ваке – обширной территории в западной части города. В конце 1920-х гг. здесь был построен городок студенческих общежитий (Н.П. Северов, 1929–1930) В 1924 г. в районе Ваке был выделен участок для планировки города-сада, в 1926 г. был объявлен

Проект планировки села Норагавит. Арх. Н.Г. Буниятян

Кутаиси. Схема генплана. Арх. А.М. Николаишвили, экон. Л. Лордкипанидзе. 1938

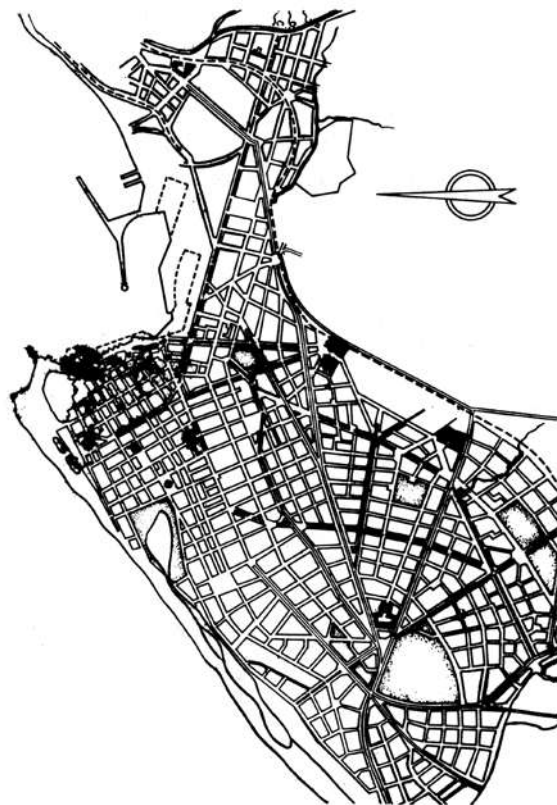
конкурс на проект планировки. Однако по принятому в результате конкурса проекту (А.Г. Курдиани) был осуществлен лишь фрагмент. В эти и последующие годы застройка обширной свободной территории Ваке велась разнохарактерными по масштабу и архитектурным характеристикам зданиями. С 1924 г. начались работы по благоустройству районов Сабуртало, Надзаладеви, Навтлуги, Дидубе. В Сабуртало предполагалась прокладка прямых улиц со скверами и садами между ними, предназначенных для размещения общественных зданий. В 1928 г. начато благоустройство районов Авлабара, им. Ленина и др. С 1922 г. в Тифлисе начали действовать кооперативные строительные товарищества, строившие одно-двухэтажные стандартные блокированные дома. В поселках предполагались некоторые элементы обобществления быта — общие столовые и читальни, однако на практике они не осуществлялись. Первый квартал с обслуживанием для трамвайщиков Тифлиса был построен в конце 1920-х гг. (арх. Д.Г. Числиев). Это была также и первая попытка решить проблему образа жилого дома, используя формы древнегрузинского зодчества, что вызвало значительную критику⁶⁴.

Планировка второго по величине промышленного центра Грузии Кутаиси началась только в конце 1930-х гг. Топо съемка и обследование территории затянулись до 1937 г., когда была разработана технико-экономическая записка к генплану (арх. А.М. Николаишвили, экон. Л. Лордкипанидзе), а в 1939—1940 гг. составлена схема распределения территории (арх. А.М. Николаишвили при участии арх. Ш.С. Тулашвили). Проектная численность населения устанавливалась в 185 тыс. человек. Основная цель этих разработок заключалась, как и в Тбилиси, в реконструкции планировочной структуры, создании рациональных транспортных связей с расширением узких улиц и строительством новых мостов, укрупнении жилых кварталов, правильном зонировании городской территории. Генеральный план Кутаиси был разработан уже в послевоенные годы, а в 1930-е гг. планировке подвергались лишь отдельные небольшие фрагменты города. На центральной площади на месте снесенного военного собора началось строительство монументального здания театра.

В отличие от Азербайджана, где основная градостроительная деятельность была сосредоточена в районе Апшерона, и от Армении, где проектирование городов и поселков происходило под сильным влиянием генплана столицы, в Грузии при общем запаздывании градостроительного проектирова-

ния крупных городов Тифлиса—Тбилиси и Кутаиси, в 1930-е гг. наблюдалось определенное опережающее развитие некоторых других городов.

Особенно это касалось Батуми — столицы Аджарской АССР. Батуми был крупным портом, откуда бакинская нефть (поступавшая как по железной дороге, так и по трубопроводу) и продукты местных нефтеперерабатывающих предприятий шли на экспорт. В 1920-х гг. под руководством выдающегося инженера Д.Д. Свищевского проводились работы по усовершенствованию и расширению порта, исследование причин разрушения морского берега, проектирование Батуми-Карской железной дороги, осушение и санация городской территории. Уже в 1925 г. Свищевский разработал схему, а в 1927 г. — план развития г. Батуми на 25 лет (утвержден СНК Аджарии), который стал первым серьезным градостроительным документом в советской Грузии. Были заложены основы зонирования города с выведением промышленных предприятий с прибрежной полосы и из жилых районов. Их размещение учи-

Схематический план Батуми.

Инж. Д.Д. Свищевский. 1920-е гг.

Схематический план Батуми. Вариант.
Арх. Б.В. Лордкипанидзе, Л.З. Сумбадзе. 1930-е гг.

тивало направление господствующих ветров. Город рассчитывался на 170 тыс. жителей. Вокзал и железнодорожные пути перемещались на новое место, от вокзала лучами расходились улицы в разные районы города. Устраивались широкие бульвары с субтропической растительностью, организовывались обширные Центральный и приморский парки⁶⁵.

Далеко не все положения плана Свищевского были воплощены, в частности новые промпредприятия все же строились в приморской зоне. Развернувшиеся процессы индустриализации уже через несколько лет потребовали составления нового проекта планировки Батуми, разработка кото-

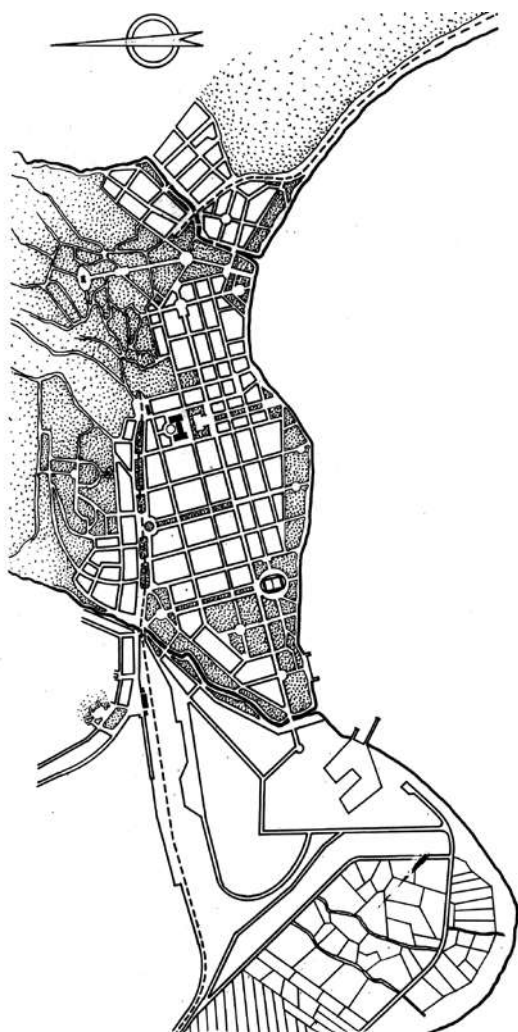
Батуми. Гостиница «Интурист». Арх. А.В. Щусев. 1939

рого началась в 1933 г. трестом Грузкоммунпроект (арх. Б.В. Лордкипанидзе, Л.З. Сумбадзе, конс. арх. А.М. Николаишвили и И.П. Киркесали). Помощь в проектировании оказывали и работавшие над генпланом Тбилиси специалисты Гипрограда во главе с Г.В. Шелейховским. При этом использовались исследовательские материалы Д.Д. Свищевского. Однако в 1935 г. из-за неясных перспектив развития промышленности и по финансовым причинам работы были прекращены и возобновились лишь в 1938 г.⁶⁶ До войны успели разработать только общую схему развития города, в которой в соответствии с духом времени большое внимание уделялось художественным вопросам, решаемым на основе классицистических приемов планировки.

Одним из первых в республике получил генеральный план и Сухуми — столица Абхазской АССР, расположенная в районе с прекрасными природно-климатическими данными, не уступающими курортам французской Ривьеры, с самого начала рассматривалась не только как административный центр, портовый город, но и как крупный курорт всесоюзного значения и центр туризма, поскольку в его окрестностях располагалось множество древних памятников. Другое его назначение — научный центр по исследованиям субтропической зоны: уже в те годы в городе располагались Всесоюзный институт растениеводства, Всесоюзный институт экспериментальной медицины, Абхазская субтропическая станция и пр.

Вопрос о перепланировке города был поставлен в 1929 г. Сухумский горсовет организовал топографическую съемку всего города и намеченных

Схема планировки Сухуми.

Арх. А.М. Николаишвили, Ш.А. Гиголашвили. 1930-е гг.

к включению в городскую черту земель. В том же году для консультаций был приглашен А.П. Иваницкий, который дал свое заключение по основным направлениям проектирования города⁶⁷. Основная работа по разработке генплана была поручена московскому Гипрогору (рук. арх. А.А. Зубин, конс. А.В. Шусев), который завершил проект планировки в 1931—1932 гг.⁶⁸ Специфика города потребовала его особенно четкого зонирования, отделения промышленно-транспортной зоны от административной и жилой, а также от зоны курортно-лечебной, для которой отводилась полоса шириной в 2 км вдоль берега

Сухуми. Здание гостиницы «Абхазия».

Арх. Ю.С. Голубев, Ю.В. Шуко. 1938

Сухуми. Проект Дома правительства. Арх. В.А. Шуко, В.Г. Гельфрейх. 1933—1939

моря и район горы Чернявского, где располагались многочисленные дореволюционные особняки и дачи, превращенные в санатории и дома отдыха⁶⁹. Для застройки города были приняты пониженные нормы плотности, застройка предусматривалась в 2–3 этажа, и только для Дома правительства допускалась высота до 6 этажей. Дом правительства был построен по проекту В.А. Шуко и В.Г. Гельфрейха в 1933–1939 гг.

Однако многие проблемы города так и остались нерешенными, что потребовало переработки проекта уже через 6 лет⁷⁰. Новый проект планировки Сухуми разрабатывался в 1938–1939 гг. (арх.

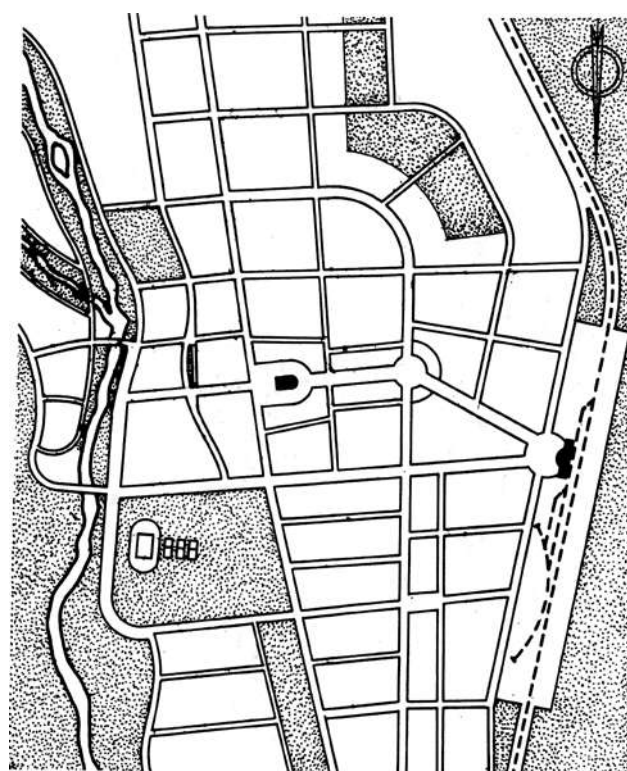

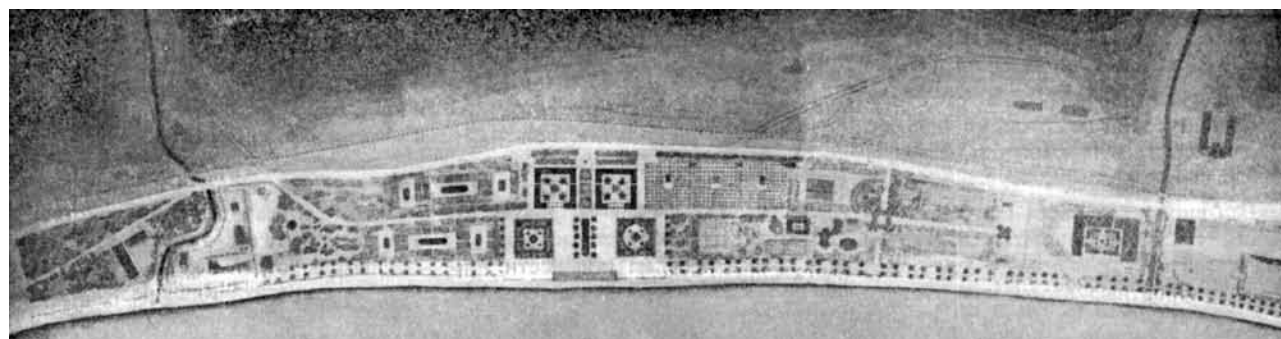
Схема планировки Цхинвали.
Арх. И.П. Киркесали. 1930-е гг.

А.М. Николаишвили, Ш.А. Гиголашвили), он так и не был утвержден до войны.

Сравнительно рано получила генеральный план и столица Юго-Осетинской автономной области г. Цхинвали (1933–1934, арх. И.П. Киркесали при конс. специалистов Гипрограда) Проектное число жителей было установлено в 32 тыс. человек. Было проведено благоустройство новой улицы «Восьмое июля», вдоль реки Б. Лиахва устраивалась парковая зона. На центральной площади возвели Дом правительства (арх М.К. Шашишвили, 1937).

Кроме административного фактора, важными для развития городов Грузии были возможности курортного строительства. Особенно это сказывалось в Абхазии. Здесь кроме Сухуми важным городом, получившим тщательно продуманный генеральный план, был г. Гагры, отличавшийся уникальным сочетанием морского и горного климата. Курорт Гагры должен был стать образцовой климато-талассотерапевтической станцией с возможностью круглогодичного функционирования и организацией климатолечения на разных высотах в сочетании с морским купанием. Живописность ландшафта Гагр и окрестностей, наличие многочисленных маршрутов для прогулок и экскурсий, близость большого высокогорного туристского маршрута на исключительное по природной красоте озеро Рица увеличивали ценность курорта⁷¹. Проект был выполнен после визита в Гагры Л.М. Кагановича и по его инициативе отделом планировки Моссовета (арх. А.М. Заславский, А.М. Файфель при конс. проф. В.Д. Кокорина, С.Е. Чернышева, Д.Д. Арцыбашева).

В целом советская власть с самого начала проявляла достаточно много внимания к планировке курортов Грузии, освоение многих из которых началось еще в начале XIX в. Так, проект курорта в Новом Афоне в Абхазии, где разместилась одна из советских госдач, был разработан А.В. Щусевым. Закрытый монастырь и строения на прилегающей

Гагры. Фрагмент генплана. Арх А.М. Заславский, А.М. Файфель

Псырца (Новый Афон). Проект нижнего санатория. Арх. А.В. Щусев

территории реконструировались и приспособлялись под новый фешенебельный курорт «Псырца»⁷². В 1932 г. была составлена схема планировки курорта Цхалтубо, на основе которой в 1941 г. был разработан генеральный план (арх. Н.П. Северов). К середине 1930-х гг. были разработаны генеральные планы курортов Джава, Кобулет, Абастумани, Боржоми, построены санаторий в Гульрипши, пансионаты и дачи в Кобулет, Махинджаури, Цихисдизи и др.

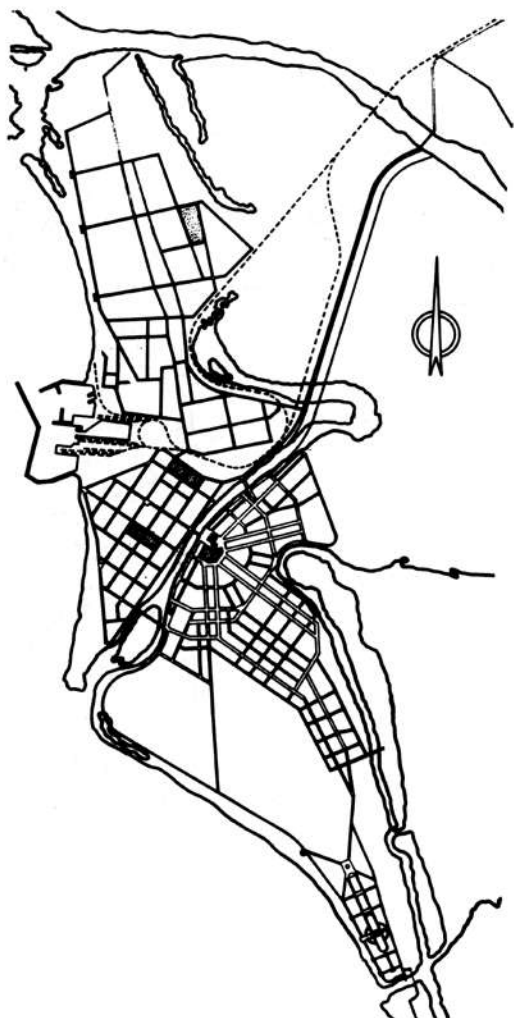
Даже относительно крупные портово-промышленные города сопровождались строительством обширной курортной зоны. Примером может служить Потти, для которого в 1934–1935 гг. были разработаны социально-экономические положения и схема распределения территории (арх. А.М. Николаишвили, экон. Л. Лордкипанидзе). Согласно генплану, законченному в 1938 г. (арх. А.М. Николаишвили, В. Кедия), город развивался на юг и сливался с морским курортом Малтаква (арх. А.М. Николаишвили, 1938), расположенным в 7–8 км от основной городской территории. Приморская зона благоустраивалась, на прилегающих островах, связанных между собой мостами, разбивался просторный парк.

Среди городов Грузии 1930-х гг. совершенно особенный характер приняло развитие небольшого

городка Гори — родины И.В. Сталина. В 1920-е гг. Гори, пострадавший от землетрясения, с большим трудом приводился в порядок — не хватало средств, техники и рабочих рук. К 1924 г. было закончено обследование территории, и на этой основе составлен рабочий план, по которому и велось восстановление города. Картина резко изменилась в 1936 г., с началом разработки генерального плана (закончен в 1938 г., арх. Л.З. Сумбадзе, Б.В. Лордкипанидзе). Город трактовался прежде всего как мемориальный и историко-революционный центр. Большой рост населения не предусматривался, по проекту оно ограничивалось 30 тыс. человек⁷³.

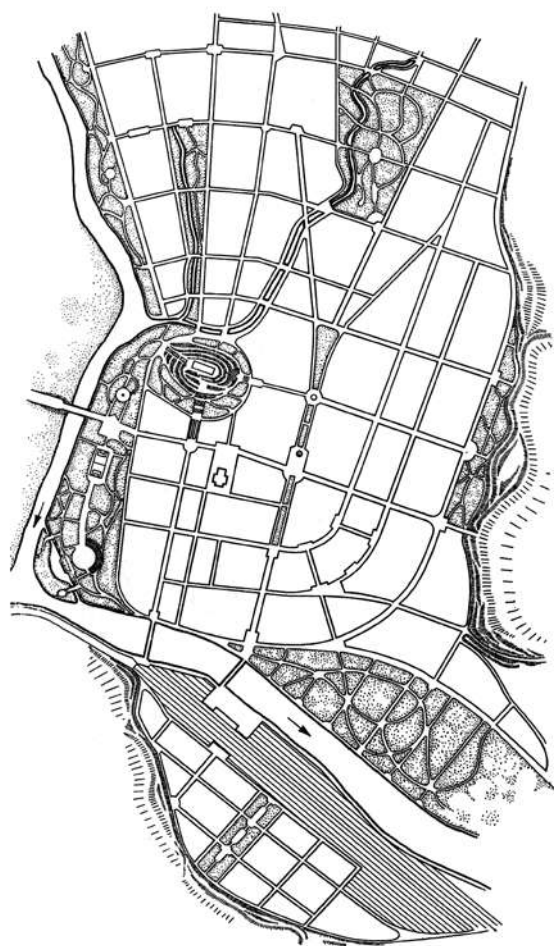
Если в других грузинских городах центр, как правило, решался довольно упрощенно, в виде площади (так, например, в Кутаиси центральная площадь была организована путем сноса собора), то в Гори центр получил более развитую и хорошо продуманную структуру. Собственно, мемориальный центр стал здесь основным градообразующим фактором, задав преувеличенно монументальный образ города⁷⁴. Характер уличной сети, поддерживая исторически сложившуюся планировку, был ориентирован на доминирующую высоту — холм высотой 70 м, где располагалась средневековая крепость, фактически проигнорированная проектом, — на ее развалинах,

Схема планировки Поты.

Арх. А.М. Николаишвили, экон. Л. Лордкипанидзе

Схема генерального плана Гори. Арх. Л.З. Сумбадзе, при участии Б.В. Лордкипанидзе. 1939

Гори. Защитный павильон над домиком Сталина.
Арх. М.Н. Непринцев. 1937

на верхнем плато, был построен музей революции, а у подножия холма расположился монумент воинам революции. Проект предполагал оформление склонов холма многочисленными скульптурами, фонтанами, парадными пандусами. На южном склоне размещалась также большая площадь для демонстраций. Торжественно должны были быть оформлены и главные магистрали, связывающие холм с «домиком Сталина», взятым под тяжеловесный защитный павильон (арх. М.Н. Непринцев, 1937). Почти 19% всей городской территории занимали зеленые насаждения, в том числе обширный парк культуры и отдыха на берегу реки Лиахви и детский парк. По проекту намечалось также озеленение восточной и западной границ города полосой в 400–500 м для создания ветрозащитных зон. На пр. Сталина намечалась широкая бульварная аллея, вдоль которой на протяжении всего проспекта предполагалась

установка скульптурных изображений закавказских большевиков, трактованная как подготовка зрителя к восприятию дома, где родился Сталин⁷⁵. Монумент Сталину высотой 18–20 м, освещаемый ночью прожекторами, был рассчитан на восприятие из самых отдаленных точек не только города, но всей Карталинской долины.

В 1938 г., когда в стране подводились своеобразные итоги развития городов с конца 1920-х гг., отмечалось, что в реконструкции городов Грузии было допущено много дефектов и ошибок, объяснимых тем, что их планировка началась с большим запозданием, а большой объем строительства нельзя было задерживать. В духе времени ссылались на разоблаченных врагов народа, якобы утверждавших, что планировка не имеет существенного значения и неотложного характера. Несмотря на наличие одобренных проектов реконструкции городов, нередки случаи грубого нарушения принципов развития города, намеченных генеральным планом, особенно со стороны промышленности⁷⁶.

Если очень кратко (и тем самым неизбежно огрубленно) коснуться творческих методов и стилистических пристрастий, которым отдавалась дань в процессе застройки городов в 1920–1930-е гг., то можно сказать, что в целом все республики Закавказья отличались очень сложными творческими взаимоотношениями старшего поколения архитекторов («традиционалистов») и более молодого поколения («авангардистов»), а также постепенным взаимопроникновением и сближением, казалось бы, противоположных позиций. И хотя архитекторы в трех закавказских республиках шли разными путями и, в общем, приходили к несхожим творческим результатам, все же этот удивительный процесс, как

представляется, качественно отличал становление архитектуры и градостроительства Закавказья от аналогичных процессов в России, где наблюдалось не только большее разнообразие и большая нюансированность творческих позиций, но и большая непримиримость и жесткость взаимной критики. Он также отличался в целом от процесса архитектурно-градостроительного становления в Средней Азии, где, напротив, как «традиционалистские», так и «авангардистские» позиции были выражены достаточно слабо, просто в силу гораздо меньшего количества как опытных, так и молодых архитекторов.

Известно, какую роль сыграли в застройке городов Азербайджана архитекторы-конструктивисты, в первую очередь А.А. и Л.А. Веснины, построившие, в частности, ставшие широко известными в истории советской архитектуры дворцы культуры в Черном городе, Баилово, Сураханах, ставшие классикой советской архитектуры. В их композиции при внешней отрешенности от национальных форм была отдана дань местным условиям в виде летних помещений, внутренних дворов, навесов, пергол, террас, придававшим зданиям южный колорит. Постройки «в духе конструктивизма», с разной степенью формальности отражавшие его архитектурные приемы, в значительной мере определяли облик городов в конце 1920 – начале 1930-х гг. Пробовала свои силы в этом направлении не только молодежь, но даже архитекторы-традиционалисты старшего поколения, давно работавшие в Азербайджане, например, Г.М. Тер-Микелов (здания Госбанка и Физиотерапевтического института).

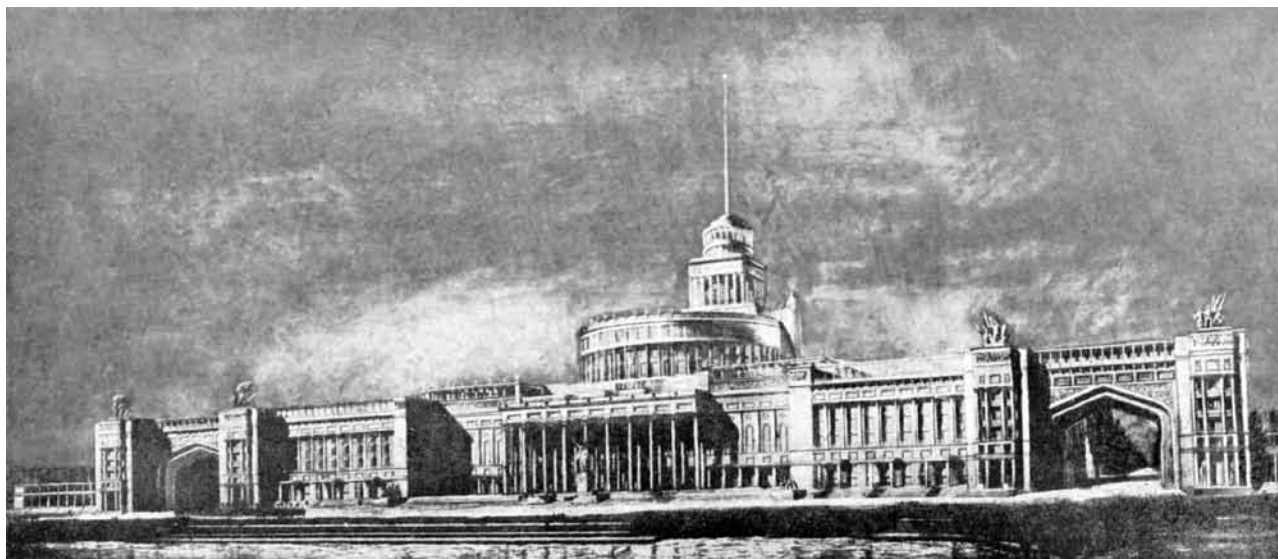
Но с 1934 г. разворачивается критика как «архаизирующей» линии, так и конструктивистских построек⁷⁷. Оргкомитет союза архитекторов Азербай-

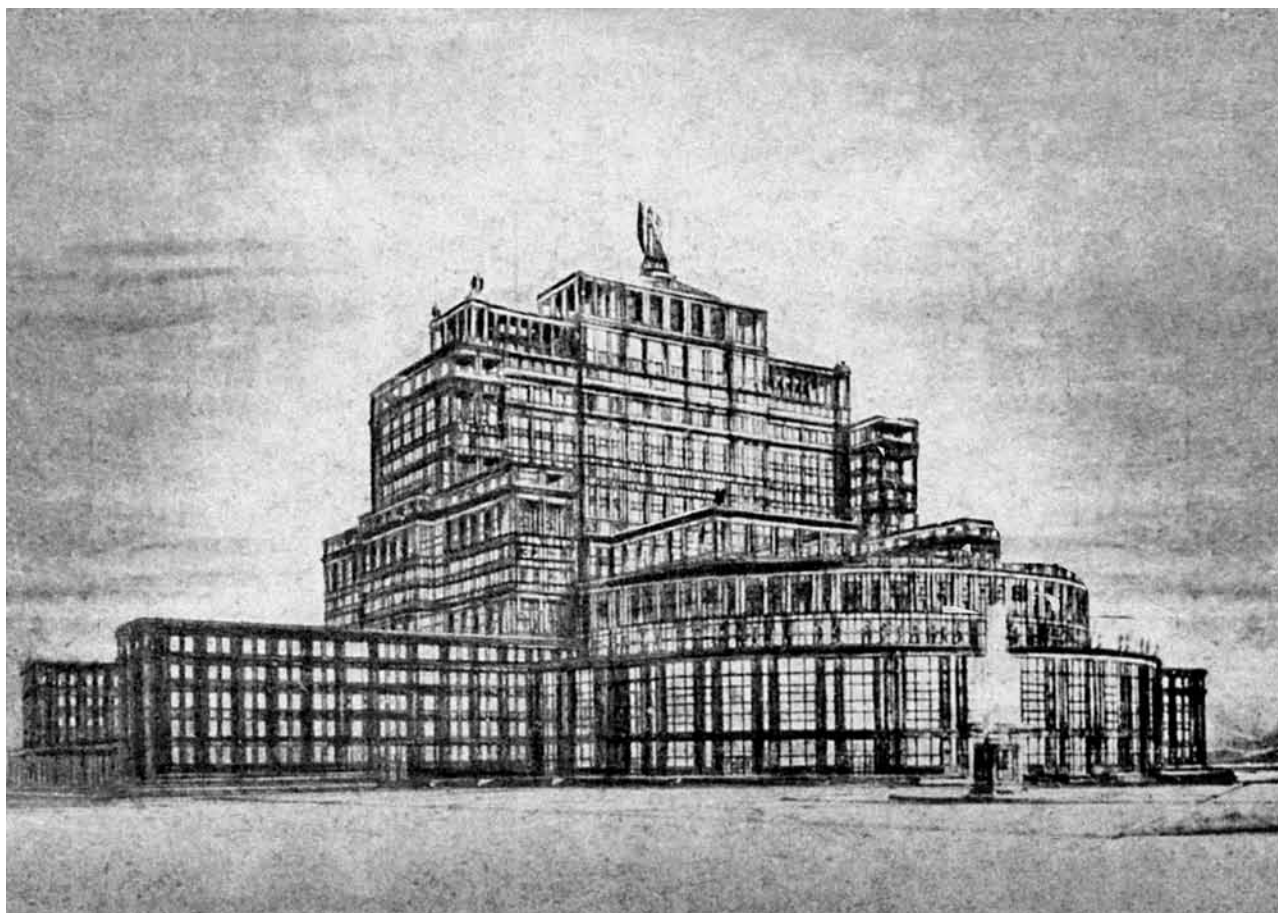
Баку. Физиотерапевтический институт. Арх. Г.М. Тер-Микелов.

Конкурсный проект Дворца правительства АзССР. Арх. Л.В. Руднев

Конкурсный проект Дворца правительства АзССР. Арх. С.А. Дадашев, М.А. Усейнов

Конкурсный проект Дворца правительства АзССР. Арх. Л.А. Ильин

джана организовал дискуссию по вопросам поиска национальной формы, поводом для которой послужил проект жилого дома РЖСКТ «Красная армия» (арх. Р.А. Баяджиан). Первый вариант проекта был разработан архитектором «в мавританских формах», второй — «в местных формах», но и то, и другое вызвало неприятие архитектурной общественности. При этом обсуждалась сложная проблема проектирования всего ансамбля ул. Народов Востока и, в частности, соотношения с «восточной» стилистикой построенного не так давно Сабунчинского вокзала (арх. Н.Г. Баев). Дискуссия, однако, не привела ни к чему конкретному, ограничившись призывами следовать принципу социалистического реализма⁷⁸.

Менялись оценки, еще недавно казавшиеся бесспорными. Так, критике подвергся проект Нагорного парка Л.А. Ильина, ранее оценивавшийся весьма положительно: «Павильоны парка выглядят весьма аскетически. В них совершенно отсутствуют даже намеки на использование народного творчества и архитектурного наследия Азербайджана»⁷⁹. Даже построенные вокруг Баку рабочие поселки, еще недавно казавшиеся примером социалистического строительства, получили отрицательную оценку⁸⁰. Ни традиционализм в духе Н.Г. Баева, ни авангардная направленность уже не устраивали архитектурную общественность Азербайджана.

Серьезным поводом для обсуждения вопросов стилистики застройки азербайджанских городов стал конкурс на Дворец Советов АзССР, где был принят к осуществлению проект Л.В. Руднева, но одобрение снискал и проект, разработанный молодыми местными архитекторами С.А. Дадашевым и М.А. Усейновым. Этот проект был оценен как перспективный путь критического освоения местных архитектурных форм главным образом в ордере и деталях, избегая крупных порталов со стрельчатыми арками, которые представлялись слишком архаичными⁸¹. Об утверждении этих позиций в архитектуре Азербайджана говорил и тот факт, что Дадашев и Усейнов резко выступили в печати против Мариэтты Шагинян, похвалившей в своей брошюре конструктивистскую архитектуру Баку⁸², несмотря на то что сами архитекторы в свое время отдали дань конструктивизму. Именно Дадашеву и Усейнову предстояло в дальнейшем определять творческое лицо архитектуры Азербайджана.

Особенность Армении состояла в том, что в становлении ее архитектуры и градостроительства принимали участие два поколения, творческий путь и судьба которых были совершенно различными. В 1920-е гг. в Армению вернулись многие при-

Ереван. Кинотеатр «Москва». Арх. Т.М. Еркян, Г.Б. Кочар. 1933

знанные деятели культуры, перед которыми остро стояла задача национального единения и возрождения. В этих условиях возвращение к многовековым культурным, в том числе архитектурно-строительным, традициям приобретало особую важность и общественное звучание. Вместе с тем, как это ни парадоксально, при планировке городов Армении в 1920–1930-е гг. далеко не всегда сохранялись памятники архитектуры. Так, в Ереване были снесены не только древняя турецкая крепость и многие мечети, но и христианские памятники. Например, был снесен храм V в. Погос-Петрос, а на его месте построен кинотеатр «Москва». Наследие как бы перемещалось из материального существования в область научного знания. Главный архитектор Еревана Н.Г. Буниатян (Буниатов) писал: «Новый советский Ереван встает рядом со старым. Древние постройки, улицы и тупики уступают место новому строительству и зеленым насаждениям. Задача зодчих и историков архитектуры — сохранить в научно выполненных обмерах, зарисовках, описаниях наиболее ценные из архитектурных ансамблей и памятников прошлого»⁸³.

Армения отличалась, пожалуй, наиболее взвешенным отношением к конструктивизму. Так, в 1935 г., в ходе подготовки к первому Всесоюзному съезду ССА и к 15-летию советской Армении, оценке подвергались все существовавшие направления в советской архитектуре республики. Эклектичное смешение форм и различного рода стилизации получили отрицательную оценку. Одобрение заслужили лишь «вдумчивое изучение памятников старинной архитектуры», свойственное Таманяну, и, как ни странно, конструктивизм, связываемый с творчеством «вхутемасовцев» Алабяна, Кочара,

Мазмания и группы их молодых последователей⁸⁴. «Каковы позиции конструктивизма в отношении национальной архитектуры? Конструктивизм на словах признавал национальную по форме архитектуру, на деле он не изучал и не занимался ею. Но вот сегодня мы внезапно обнаруживаем специфический национальный колорит всей конструктивистской архитектуры, созданной в Армении... Пока велись теоретические споры, помимо желания архитекторов, чисто интуитивно и подсознательно местные материалы, местные бытовые условия и вся совокупность национальных специфических условий наложили свой отпечаток на архитектуру»⁸⁵. Эти изменения в методах работы и сами конструктивисты оценивали положительно⁸⁶.

Учсть принципы построения народной архитектуры молодое поколение к середине 1930-х гг. стремилось и в планировке жилого квартала: «Форма квартала, — писал Г.Б. Кочар, — и ориентировка жилых домов в условиях южных районов имеют очень большое значение. Наиболее правильна такая планировка квартала, которая образует внутренние замкнутые дворы, защищенные от ветра и от солнца. В этих дворах обязательно должны быть большие водные и зеленые массивы: бассейны, фонтаны, высокие деревья. Такие дворы можно встретить в городах Армении, как и во всех старых восточных городах. Они представляют собой одну из характерных особенностей национального жилья. Наиболее целесообразной конфигурацией квартала является вытянутый прямоугольник, направленный короткой стороной на северо-восток»⁸⁷.

Когда весной 1935 г. на базе проектного и планировочного отделов Ергорсовета и Гипрогора были созданы четыре архитектурно-планировочные мастерские, проектировавшие для всей Армении, во главе мастерских были поставлены как лидеры традиционалистского направления Таманян и Буниятян, так и авангардисты Кочар и Мазманиян⁸⁸.

В Грузии ситуация с подготовкой архитектурных кадров оказалась наиболее сложной, что особенно сказалось на градостроительстве. В первые годы советской власти там работали около 20 архитекторов, в основном зодчие старой школы, не участвовавшие в градостроительных работах. С 1922 г. подготовку молодого поколения архитекторов начали сразу два учебных заведения — Академия художеств и архитектурный факультет Индустриального института. Лишь в начале 1930-х гг. они впервые смогли выступить с самостоятельными проектами⁸⁹. Но в 1930 г. Академию художеств закрыли, а затем восстановили уже без архитектурного факультета⁹⁰.

Грузия оказалась достаточно далека от архитектурно-градостроительных проблем, обсуждавшихся в стране. Так, например, полемика между урбанистами и дезурбанистами не нашла отражения в Грузии, в том числе и из-за малого объема градостроительной деятельности в этот период⁹¹. Позиции конструктивизма в республике также были выражены достаточно слабо, не вызывали большого интереса, хотя в этой стилистике было выстроено, в основном архитекторами старшего поколения, несколько зданий в Тбилиси — Дом связи (арх. К.И. Соломонов), здание Заксовнаркома (Н.П. Северов, 1930)⁹², жилой дом на ул. Чонкадзе (Г.М. Тер-Микелов) и др. Лишь в 1930 г. была основана Ассоциация пролетарских архитекторов Грузии (САПАРА), но ее декларация не была принята грузинской архитектурной общественностью, и через год ассоциация перестала существовать⁹³. Как уже упоминалось, генплан Тбилиси, разработанный харьковским Гипроградом и сопровождавшийся архитектурными эскизами улиц и площадей в «конструктивистском духе», во многом благодаря последним вызвал неприятие и критику в Грузии.

Начиная с 1920-х гг. в Грузии, так же как и в Армении, основное внимание было сосредоточено на проникновении в основы национальной архитектурно-строительной культуры и поисках средств построения на этой основе современной архитектуры республики. Но если в Армении этот поиск велся скорее проектными, творческими средствами, то в Грузии он принял скорее теоретический характер, возможно, в силу недостаточной изученности национального архитектурного наследия. При первых попытках углубления в проблему выяснилось, что наследие крайне неоднородно как хронологически, так и типологически, а понятие «грузинский стиль» не имеет под собой научного обоснования. «Это не значит, — писал первый секретарь ССА Грузии А.С. Инцкирвели — что нужно отказаться от опыта прошлого. Все прекрасные образцы мировой и в частности, грузинской архитектуры таят в себе большое мастерство в смысле понимания ритма, пропорций, применения стройматериалов и т.д. Изучить это мастерство — очень важно для советского архитектора»⁹⁴.

На съезде архитекторов Грузии в феврале 1936 г. проблема национальной формы заняла одно из центральных мест. Все внимание было приковано к пространному научно-историческому докладу «Пути грузинской архитектуры», сделанному Г.Н. Чубинашвили и Н.П. Северовым. Этот доклад, являвшийся едва ли ни первым систематизирован-

ным изложением истории развития грузинского архитектурного наследия, был затем издан отдельной книгой для изучения архитекторами.

В апреле 1937 г. на заседании Оргкомитета ССА обсуждался доклад Северова о работе грузинской организации архитекторов. Он отмечал, что заимствуются только отдельные элементы национальной архитектуры, причем разработкой национальных форм занимается наименее квалифицированная часть архитекторов. Культурные и опытные зодчие эту задачу игнорируют. Северов объяснял этот отказ мотивами осторожности: «Установить связь, не нарушая логики и запросов современности, — задача чрезвычайно трудная»⁹⁵. Негативный характер в отношении возможностей использования наследия имел и доклад от Грузии на первом Всесоюзном съезде советских архитекторов, отмечавший неготовность современных грузинских архитекторов «проникнуть в тайны большой культуры каменного зодчества»⁹⁶.

Не раз отмечалось в эти годы, что национальное наследие должно отражаться и в градостроительстве, но это положение никак не конкретизировалось. Однако, когда в ходе реконструкции Тбилиси стали исчезать целые кварталы грузинского традиционного жилья, определявшего общий колорит города, это вызвало общественные протесты, и, что было совершенно нехарактерно для советского градостроительства 1930-х гг., началось движение грузинской интеллигенции за сохранение этой, говоря современным языком, «фоновой застройки». Так, Н.П. Северов писал, что без обращения к старому Тбилиси — террасной застройке, связи с рельефом, акцентам храмов — нельзя получить полноценного образа города⁹⁷.

Как это часто бывало в советском градостроительстве того времени, решение о размещении и строительстве «главного здания» — Дворца Советов принималось задолго до разработки генерального плана города. Так было и в Тифлисе—Тбилиси, где решение о строительстве Дома правительства было принято в 1932 г. Перед проектировщиками, как и при проектировании Дворца Советов в Москве, ставилась задача не просто создать крупное здание, а возвести сооружение, имеющее большое культурно-политическое значение, которое станет крупнейшим архитектурным памятником эпохи. В то же время это была возможность практически заняться поисками современной национальной архитектурной формы. Строительство намечалось на месте снесенного военного собора, на склоне, у подножия горы Мтацминда.

Дворец правительства в Тбилиси. Арх. В.Д. Кокорин, при участии Г.И. Лежавы. 1933—1938

Как известно, строительству предшествовал конкурс с участием крупных московских архитекторов, в результате которого был взят за основу проект В.Д. Кокорина, представлявший собой комплекс из четырех корпусов, объединенных по принципу функционального зонирования⁹⁸. Последующие этапы конкурса в 1933—1934 гг., где уже участвовали и местные архитекторы, демонстрировали все большую роль, отводимую грузинской национальной форме⁹⁹. Однако московский критик, анализируя дальнейшее конкурсное проектирование Дворца правительства, отмечал сочетание готических и мавританских элементов, использование византийских, иранских форм, что в целом не выходило за рамки эклектической линии в национальной архитектуре, распространенной еще до Первой мировой войны¹⁰⁰. В окончательном варианте Дворца правительства, осуществленном в 1938 г. (арх. В.Д. Кокорин, при участии Г.И. Лежавы, Ш.С. Тулашвили) приобщение к грузинской архитектурной специфике осуществлялось в основном за счет использования разнообразной палитры местных облицовочных камней, каменной резной орнаментики и набора приемов, передающих «южный» характер здания: внутренние открытые дворы, широкие лестницы, галереи, лоджии, фонтаны, обилие зелени, организация видов на окружающую природу¹⁰¹.

Градостроительство Украины и Белоруссии

Сходные по географическому положению и исторической судьбе республики в плане развития экономики в 1920–1930-е гг., а следовательно, и развития градостроительства оказываются трудно сопоставимыми¹. Предпосылки советского градостроительства при всех его идеологических клише, направленных на отмежевание как от мирового градостроительного опыта, так и от дореволюционной теории и практики, начали складываться в конце XIX — начале XX в. и в зарубежном градостроительстве, и в трудах целого ряда российских теоретиков-градостроителей: Л.Н. Бенуа, В.А. Веснина, М.Г. Диканского, Г.Д. Дубелира, А.К. Енша, А.П. Иваницкого, В.Н. Семенова, З.Г. Френкеля и другие. На Украине в это время работали В.И. Бошко, С.М. Драгоманов, Г.П. Ковалевский, И.И. Лященко, И.В. Николаев. В советское время теоретические позиции градостроительства развивали также украинские специалисты А.Г. Молокин, Я.И. Лифшиц, М.М. Евсеенко, П.П. Хаустов, Д.И. Богорад, М.Л. Давидович, А.Л. Эйнгорн, Г.В. Шелейховский и другие. Сложившиеся научные традиции, большое количество местных специалистов, занятых в архитектуре и градостроительстве, многие из которых сочетали теоретическую и практическую деятельность, умноженные на мощный импульс к индустриальному развитию, который получила Украина в 1920–1930-х гг., очевидно, и дали тот феномен украинской градостроительной школы, который сформировался в довоенный период. Он особенно ярко проявился в конце 1920-х — первой половине 1930-х гг. не только непосредственно при разработке генеральных планов новых поселений и реконструкции сложившихся крупных городов, но и в развитии законодательно-нормативной базы градостроительства, нередко опережая в этом направлении российское градостроительство. Так, первые вышедшие на Украину нормативно-градостроительные документы относились к 1919–1920 гг., когда еще не закончилась Гражданская война².

Градостроительство Белоруссии развивалось в довоенный период по гораздо более скромному сценарию. После окончания Гражданской войны здесь развернулись работы по восстановлению старых промышленных мастерских, объединению существовавшей мелкой кустарной промышленности. Государственные капитальные вложения направлялись в основном на восстановление железнодорожных узлов, электростанций. Создавались и

новые промышленные предприятия, среди них два металлообрабатывающих завода, но в основном это были предприятия легкой промышленности. Курс на индустриализацию, взятый в конце 1920-х гг., расширил объемы промышленного производства в республике и производство строительных материалов, был построен завод сельскохозяйственного машиностроения, но в целом характер индустриальной базы не изменился. Тем не менее строительство новых и реконструкция старых предприятий оказали воздействие на развитие столицы Минска, городов Гомеля, Витебска, Могилева, которые выросли в крупные промышленные центры. Получили развитие Полоцк, Речица, Мозырь, Кричев и другие города³.

Наиболее крупные градостроительные работы в Белоруссии в предвоенный период были связаны с реконструкцией Минска.

В первые годы советской власти застройка Минска велась, как правило, отдельными жилыми домами, в основном это были стандартные одно-

Витебск. Дом-коммуна для рабочих.
Арх. А.Г. Вышелесский. 1927–1929

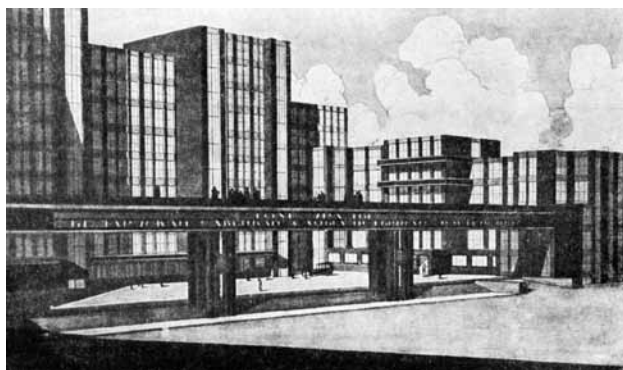

Гомель. Жилой дом-коммуна для рабочих вагоноремонтного завода.
Арх. С.Д. Шабуневский, Г.И. Ханин. 1931

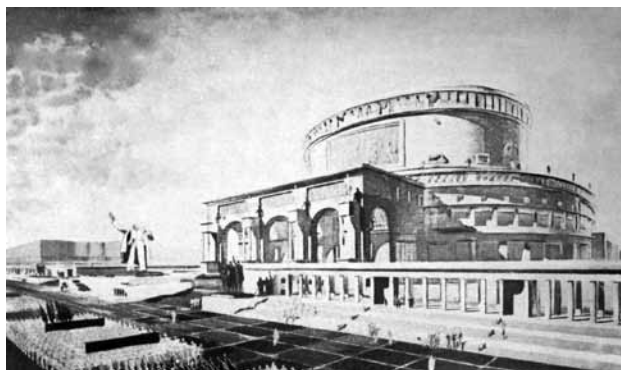

Конкурсный проект Дома правительства в Минске. *Арх. С.С. Серафимов*

Конкурсный проект Дома правительства в Минске.
Арх. И.Г. Лангбард

Конкурсный проект театра в Минске.
Рук. арх. Г.Б. Бархин

Конкурсный проект театра в Минске.
Арх. И.Г. Лангбард

этажные дома. В конце 1920-х — начале 1930-х гг. появилась возможность перейти к строительству многоэтажных жилых домов с обслуживанием, а также ряда крупных общественных зданий, к проектированию которых привлекались, в том числе, и архитекторы из других городов — Г.П. Гольц, М.П. Парусников, А.К. Буров, А.А. Оль и другие⁴.

Строительству Дома правительства и Театра оперы и балета по проектам И.Г. Лангбарда и Белорусского государственного университета по проекту И.К. Запорожца предшествовали крупные архитектурные конкурсы⁵.

Первый советский проект планировки Минска был разработан проф. В.Н. Семеновым в 1926 г. и назывался «планом урегулирования». Это был один из первых планировочных опытов, фактически выполненный без предварительного технико-экономического обследования и при абсолютно неясных перспективах развития города. Поэтому

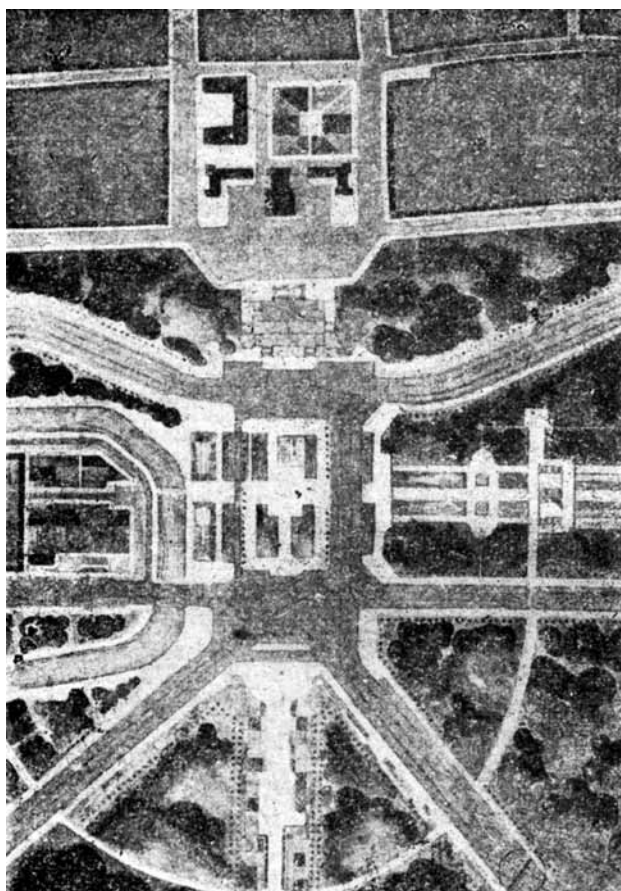
Минск. Перспектива части города со стороны пл. Дома госпромышленности

Минск. Перспектива части города со стороны пл. Свободы

проект предусматривал лишь минимальные преобразования, включал в себя районы индивидуальной застройки, что в дальнейшем неизменно подчеркивалось как его основные недостатки.

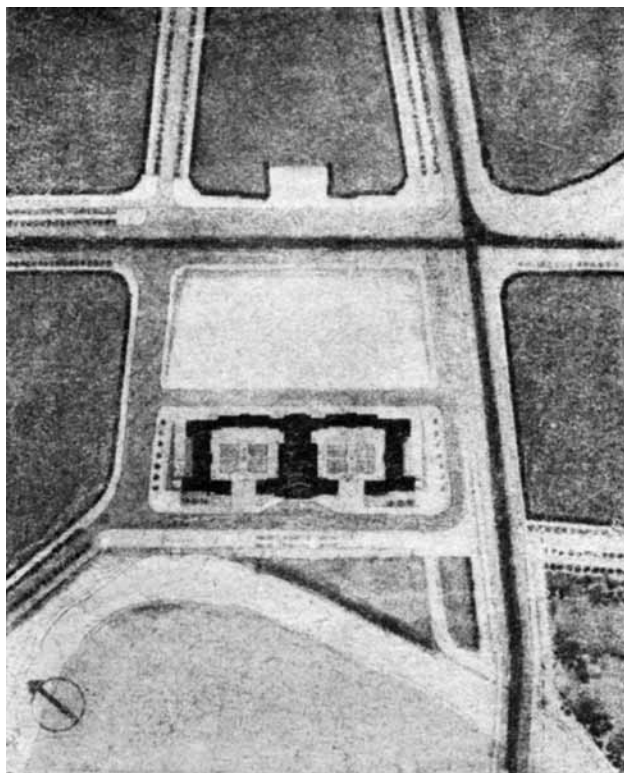
В 1931 г. проектирование Минска было поручено Ленгипрогору (арх. Ю.М. Киловатов, при общем руководстве проф. В.А. Витмана). Первая схема распределения территории, утвержденная в том же 1931 г., также базировалась на достаточно неопределенных данных, так как отсутствовали топо съемка города, геологические и гидрологические характеристики. Проект в основном сохранял сложившуюся планировку, но разбивался на стандартные жилые кварталы по 16–20 га, не считавшиеся со сложным рельефом города. Это решение определялось теми работами по организации внутриквартального обслуживания населения, которые велись в это время в Гипрогоре. Тогда же было сделано предложение о реконструкции крайне запутанного железнодорожного узла, на которое НКПС ответил категорическим отказом. «Генеральная схема планировки», представленная на утверждение в 1932 г., была забракована Наркомхозом Белоруссии как не имеющая под собой никаких реальных оснований в виде предварительных обследований города⁶. Процесс изысканий, порученный Белорусской академии наук, занял 2 года, и только в конце 1934 г. работа была возобновлена.

Характер застройки Минска, лишь на 10% состоявшего из каменных сооружений центра, а в остальном — из одноэтажной деревянной застройки, существенно менялся. Новая жилая застройка

Минск. Проект планировки пл. Свободы

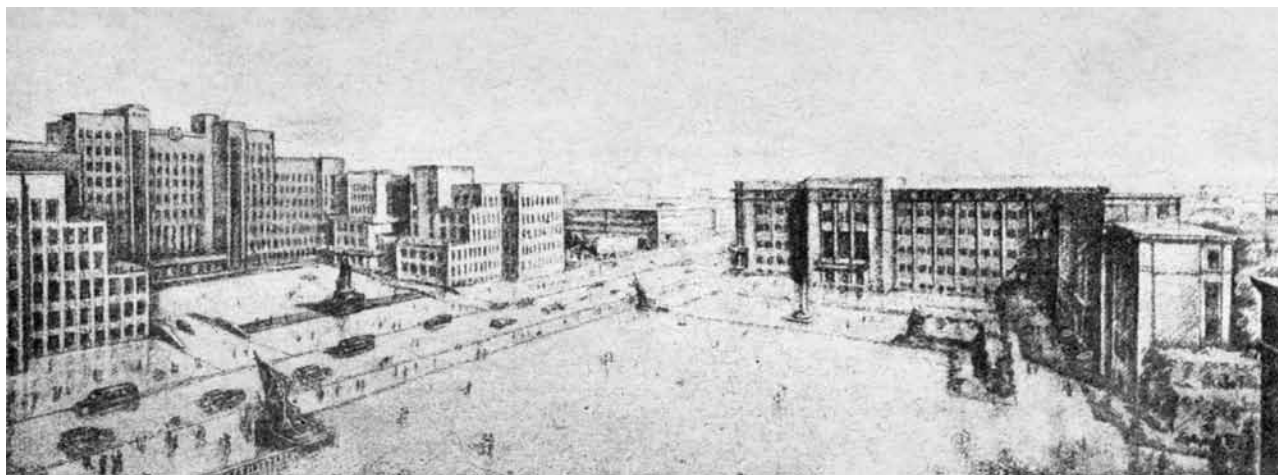

Минск. Проект планировки пл. Дома Советов

Минск. Проект привокзальной площади.
Арх. Ю.М. Киловатов. 1936

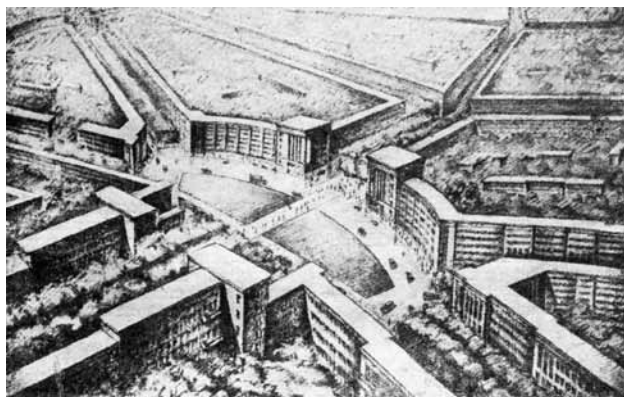

Проект площади перед Домом правительства. Перспектива

по проекту объединялась в крупные кварталы-микрорайоны высотой 4–5 этажей с развитым общественным сектором⁷. Большинство районов одноэтажной застройки, в частности район Немиги, подлежали полному сносу. Основные магистрали и улицы подлежали значительному расширению (например, главная Советская ул. с 12–16 м расширялась до 80 м.), в основном за счет сноса в центре зданий дореволюционной постройки, считавшихся малоценными⁸.

Законченный в августе 1935 г. и представленный на утверждение в 1936 г. генеральный план (арх. Ю.М. Киловатов, при консультации В.А. Витмана) представлял собой в духе требований, предъявлявшихся в это время к застройке городов, череду ансамблей, объединенных единым композиционным замыслом. В композицию были включены осуществленные ранее Дом правительства (арх. И.Г. Лангбард, 1935), театр оперы и балета (арх. И.Г. Лангбард, 1936) и другие сооружения. Но существенную трудность представляло согласование проекта генплана и проектов отдельных объектов, выполнявшихся к этому времени уже в самом Минске. При экспертизе генплана И.А. Фоминым вновь был поставлен вопрос о реконструкции железнодорожного узла, и такой проект был заказан горсоветом. Однако затраты на реконструкцию города оказались настолько большие, что Наркомхоз Белоруссии в 1937 г. выступил с предложением, не считаясь со старым городом, строить Минск на новой площадке, так как затраты были бы сопоставимы по своему объему. Однако такое предложение в свете утвержденного к этому времени генплана Москвы не могло расцениваться иначе, как «левацкий загиб», поскольку на первом месте стояли задачи

Минск. Проект планировки площади.
Дома госпромышленности. *Перспектива*

именно «социалистического преобразования» сложившихся капиталистических городов.

Гораздо более интенсивно и сложно проходило градостроительное развитие двух столиц советской Украины – Харькова и Киева. 30 января 1918 г. функции столицы по политическим мотивам были перенесены из Киева в Харьков, туда же переехало и правительство республики. 17 лет, вплоть до 1934 г., Харьков оставался столицей Украины, и это обстоятельство влияло на его архитектурно-градостроительную судьбу, но не определяло ее в полной мере, поскольку еще до революции Харьков стал крупнейшим административно-промышленным и торговым центром, важнейшим железнодорожным узлом юга России.

Работы по подготовке к его перепланировке начались задолго до революции. Сложившаяся на

Минск. Проект планировки центра Сторожевского р-на. *План*

Минск. Проект планировки центра Сторожевского района. *Аксонометрия*

Минск. Проект планировки ЦПКиО со стадионом

начало XX в. планировка Харькова представляла собой радиально-кольцевую схему с дробной системой регулярно спланированных кварталов. Узкие, плотно застроенные улицы, ориентированные в сторону исторически сложившегося городского центра, были объединены системой радиальных направлений, проложенных вдоль склонов. Планы Харькова 1875 и 1885 гг. не были утверждены. В конце XIX – начале XX в. проводились работы по обследованию города, в том числе его геодезическая съемка, для составления предложений по перспективному развитию города. В 1896 г. на этой основе был составлен план с детальным описанием городской застройки в пределах установленной границы города (арх. Б.Г. Михайловский, Г.Я. Стрижевский и др.). Предлагалось увеличение числа городских кварталов, спрямление и прокладка новых улиц, спрямление русел рек, укрепление набережных. Впервые были выделены центральные районы города, для которых определен режим строительного зонирования. План сохранял силу юридического документа до 1917 г. В 1913 г. М.Г. Диканский впервые высказал предложение о необходимости разработки плана города на перспективу 15–20 лет⁹.

В 1921–1922 гг. под руководством инженера И.Ф. Войткевича группой архитекторов в составе В.И. Богомолова, Г.Д. Иконникова, А.А. Плешкова, В.К. Троценко и других разрабатываются первые наброски генерального плана. Начало более определенной разработки общей схемы генерального плана относится к 1924 г., когда возникла необходимость выбора места для строительства новых промышленных объектов. Отдел коммунального строительства харьковского горисполкома на основании решения СНК УССР 14 февраля 1924 г. приступил к разработке предварительных вариантов схемы планировки и расширения Харькова. Под руководством инженера И.Ф. Войткевича и архитектора А.А. Мейна была разработана схема размещения новых заводов в юго-восточном направлении вдоль Московского проспекта: тракторного, станкостроительного, турбогенераторного. Здесь же в 1929 г. под руководством инженера А.А. Мейна было образовано планировочное бюро для разработки схемы перспективного развития города¹⁰. Однако все эти работы проводились без серьезных предварительных изысканий.

Во второй половине 1920-х гг. в печати оживленно обсуждалась возможность создания вокруг Харькова «городов-садов»¹¹. Многие архитекторы видели будущее Харькова в децентрализации города, в создании вокруг него городов-спутников

вблизи предприятий и устройстве хорошей транспортной связи. Эта концепция легла в основу схемы планировки, разработанной в планировочном бюро горисполкома под руководством А.А. Мейна, но не была реализована.

Схема децентрализации города вызвала довольно большую критику. Оппоненты указывали, что это решение не позволит создать на периферии Харькова необходимый уровень культурно-бытового обслуживания. Против был и А.Л. Эйнгорн, который считал, что приближать жилье к промышленности не следует, так как это создаст целый ряд санитарно-гигиенических проблем и помешает в дальнейшем развиваться промышленному предприятию. Гораздо важнее, говорил он, развивать скоростной транспорт, чему он уделил основное внимание при работе над генеральным планом Харькова¹².

На практике в эти годы проводилось в основном частичное урегулирование застройки города. Так, в 1927 г. президиум Харьковского горсовета принял постановление о порядке и нормах застройки отдельных районов города. Территория Харькова была разбита на пять поясов, внутри каждого устанавливались свои нормы этажности и плотность застройки. Центральная часть должна была застраиваться сооружениями не ниже 3–4 этажей, ближайшие рабочие окраины – 3–2 этажа, дальние окраины – 2–1 этажа. На недавно присоединенных к городу территориях разрешалось одноэтажное строительство¹³.

Разработка новой схемы планировки Харькова и затем генерального плана началась в Гипрограде в 1931 г. под руководством А.Л. Эйнгорна (арх. А.М. Касьянов, экон. Г.В. Шелейховский и др.). Разработке схемы генплана предшествовал детальный анализ санитарного состояния и перспектив санирования отдельных территорий города, произведенный Всеукраинским институтом коммунальной гигиены, и дополнительный анализ целесообразности использования тех или иных территорий. В результате схема города была решена в виде пяти жилых районов: Центрального, Холодногорского, Салтовского, Лосево-Основянского и Ново-Баварского, расположенных по принципу тяготения к основным промышленным районам. Одной из главных планировочных задач стала трассировка секущих и обходных магистралей, создающих связь со всеми районами города по возможно коротким направлениям, минуя центральные площади. Дополнительно к автомагистралям в схеме предусматривалась система большескоростных электрических железных дорог и автомобильных скоростных

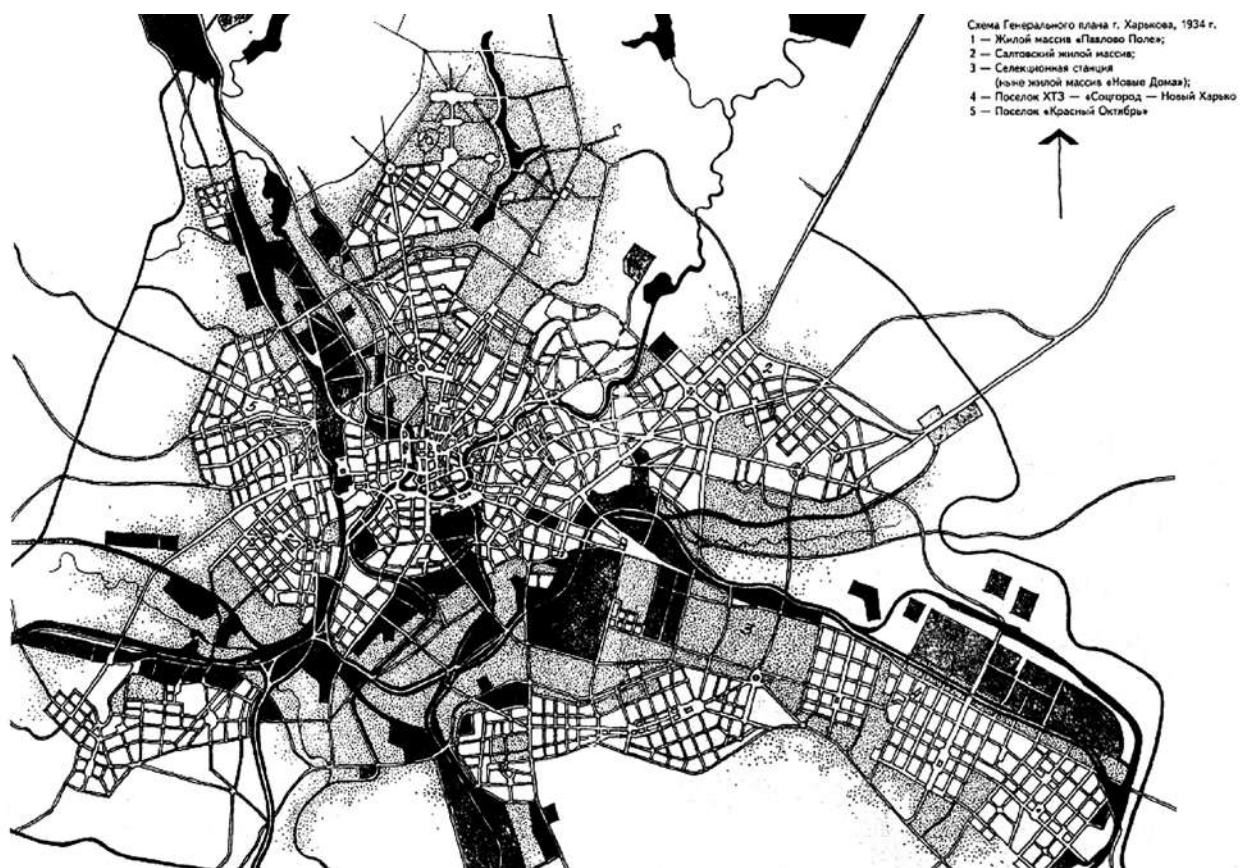

Схема генерального плана Харькова. 1934

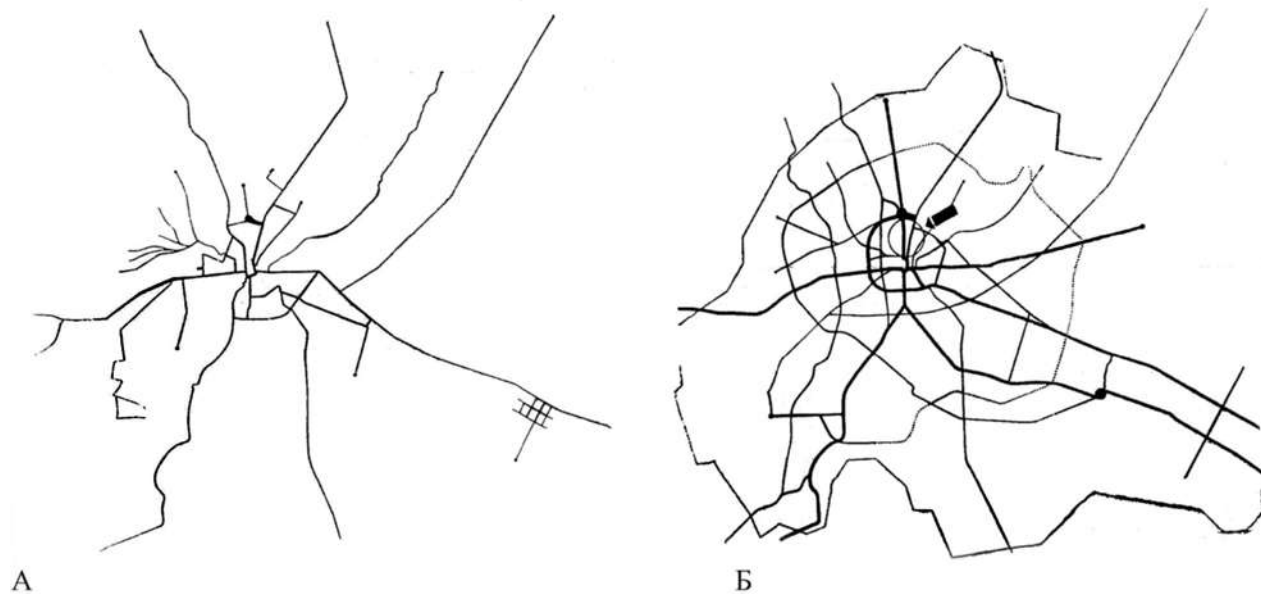

Схема основных магистралей Харькова:

а — существовавшая на период разработки плана; б — проектная радиально-кольцевая схема

Харьков. Проект пересечения уличной магистрали с автострадой и электрической железной дорогой

дорог, пересекающихся в разных уровнях с обычными уличными магистралями. Трасса глубокого ввода городских железных дорог, сопряженных с метрополитеном, проектировалась в виде кольца с двумя перпендикулярными диаметрами, охватывающего все основные районы города. По той же трассе проектировалась скоростная кольцевая автострада¹⁴.

Генеральный план был завершен в 1934 г. и рассчитан на 15-летний срок. Если население Харькова в 1926 г. составляло 380 тыс. человек, в 1932 г. — уже 836 тыс. человек, т.е. за 6 лет увеличилось в 2,2 раза. На перспективу авторами генплана предусматривалось население, проживающее непосредственно в городе, — 1625 тыс. человек, в пригородах — 185 тыс. человек. В общей сложности проект Большого Харькова рассчитывался на 1810 тыс. человек.

Ко времени разработки генплана в Харькове все еще сохранялись одноэтажные деревянные районы, канализация составляла 32%, водопровод — 48% от потребности. Культурно-бытовые учреждения располагались только в центре города. Сеть уличных магистралей представляла собой ярко выраженную радиальную систему, препятствующую движению транспорта. Все эти недостатки предстояло устранить в короткие сроки. В генеральном плане были учтены и те меры по ограничению роста промышленности в крупных городах, которые были сформулированы на знаменитом июньском пленуме ЦК ВКП(б) 1931 г., которым было положено начало разработке генплана Москвы.

Зеленые насаждения увеличивались в соответствии с генпланом с 5 кв. м на человека до 35 кв. м. Были запроектированы сады и парки во всех жилых районах города, широкие бульвары вдоль

всех берегов рек, бульвары и скверы, связывающие все зеленые массивы города в одно целое. Все новые улицы должны были проектироваться с несколькими рядами деревьев. На базе существующего лесопарка создавался общегородской парк культуры и отдыха, проектировалась широкая сеть водных пространств.

Для регулирования рек Лопани и Харькова, а также осушения существующих болот разрабатывалась отдельная генеральная схема. Длина водных путей по рекам проектировалась в 123 км, в том числе 39 км по территории города. Организовывался ряд пассажирских пристаней, связанных с железнодорожными станциями и внутригородским транспортом.

Перепланировка Харькова напрямую связывалась авторами генплана с задачами архитектурной организации города — прорабатывались возможности учета рельефа, создания новой архитектуры площадей, закрытых перспектив, велась тщательная проработка использования выигрышных видовых точек. Особенности работы над генпланом состояли и в том, что решение планировочных задач сопровождалось эскизной разработкой объемных архитектурных решений, особенно подробно это делалось для центральной части города¹⁵.

Реконструкция старых магистральных улиц города, застроенных многоэтажными капитальными старыми и отчасти новыми зданиями, представлялась авторам особенно трудной задачей. Смесь различных высот зданий, их пропорций и стилистики делало задачу создания архитектурных ансамблей почти неразрешимой. Единственный путь виделся в вариантной проработке конкретных частей существующих улиц, поэтому Гипроградом через оргбюро Союза харьковских архитекторов был организован конкурс на архитектурную реконструкцию трех наиболее ответственных участков городских магисталей. Прорабатывались также отдельные ответственные участки городской планировки.

Проект реконструкции исторического центра Харькова с расчисткой кварталов и озеленением

Архитектурный мотив пл. Дзержинского в Харькове

Харьков. Эскиз набережной. Перспектива

Харьков. Схема перепланировки района университетских земель. Арх. В.К. Троценко. 1923

Такое же внимание уделялось авторами генплана задачам реконструкции жилого фонда. Архитектурно-художественным советом Харькова в это время довольно широко и бессистемно практиковалась застройка промежутков между жилыми домами, надстройка этажей, снос мелких строений с заменой их крупными жилыми домами и т.п. По мнению авторов генплана, это не давало возможности использовать пространство жилого квартала, организовывать общественное обслуживание, приводило к уничтожению внутриквартальных зеленых насаждений, застройка велась без единого замысла.

В процессе проектирования генплана Гипроградом были разработаны несколько образцовых проектов реконструкции конкретных жилых кварталов, выбранных совместно с горсоветом на территории Харькова. «Эти образцы должны показать пути и методологию разработки проектов реконструкции жилых кварталов. Основная установка — превращение капиталистической поусадобной жилой застройки в социалистическую — в жилкомбинаты с обобществленным сектором (детсадами, яслями, столовыми, прачечными и т.п.), использование освобожденных от заборов внутриквартальных пространств под зеленые насаждения, детские и физкультурные площадки»¹⁶.

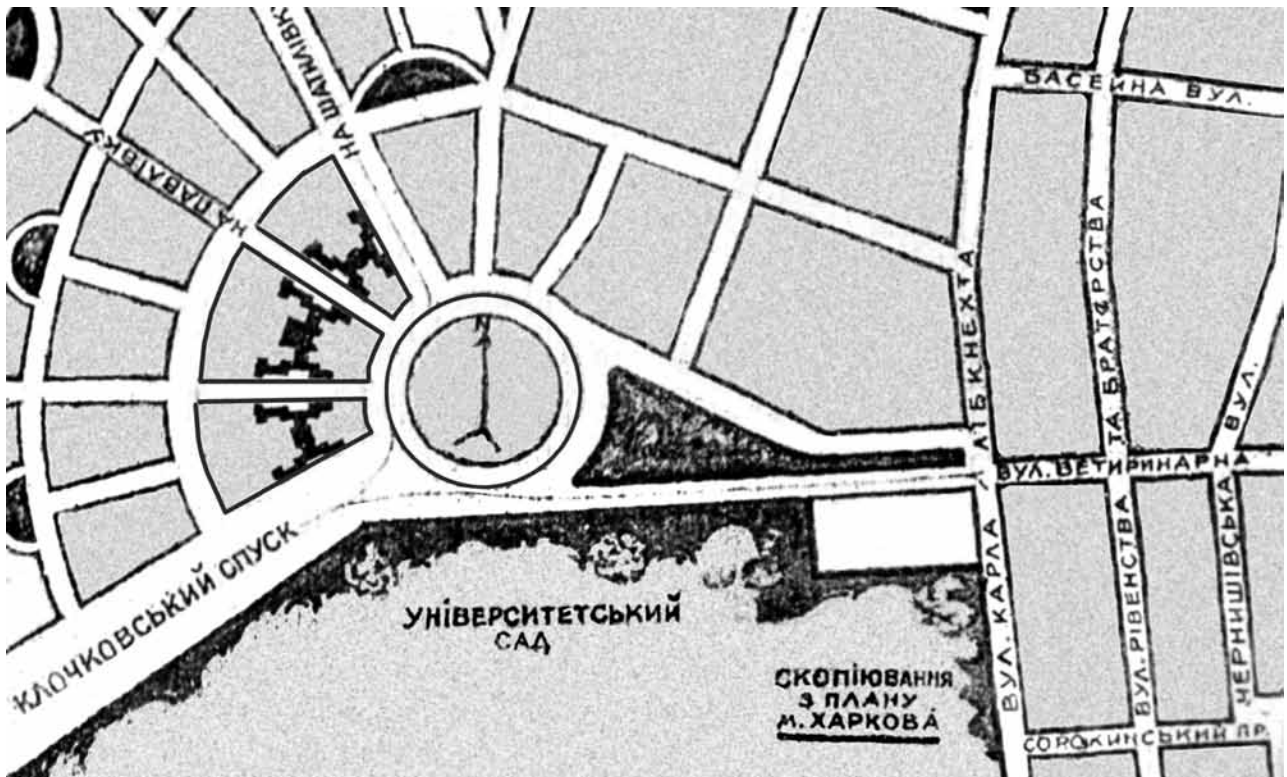
Чтобы проверить реальность осуществления тех или иных планировочных мероприятий, параллельно прорабатывались проекты реконструкции города на промежуточные этапы его роста¹⁷.

Генеральный план Харькова учитывал и те изменения в застройке, которые происходили до его разработки, с конца 1920-х гг. Еще в 1923 г. на месте городской свалки архитектором В.К.Троценко было предложено строительство дачного поселка с радиально-кольцевой планировкой. Впоследствии на этом месте возник один из самых известных ансамблей советской архитектуры — застройка пл. Дзержинского. Начало этому общественно-деловому комплексу в северно-западной части города, как известно, положило строительство Дома промышленности, возведенное на основе проекта, победившего на конкурсе в 1925 г. (арх. С.С. Серафимов, С.М. Кравец, М.Д. Фольгер)¹⁸.

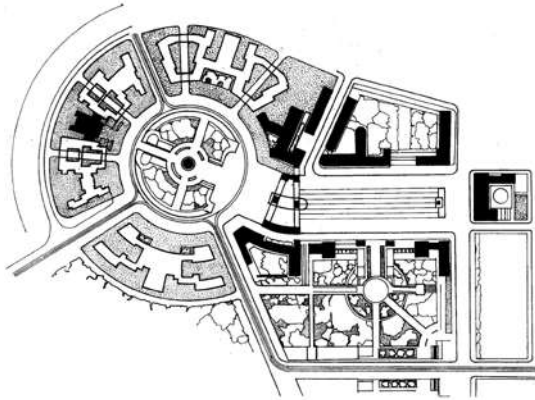
Здание в своей расчлененной композиции повторяло радиально-кольцевую планировку участка, но в процессе строительства выявились и недочеты — здание оказалось на пониженных отметках и плохо привязывалось к крупной магистрали — Сумской улице.

Этот недостаток компенсировали планировкой новой, прямоугольной, но при этом расположенной

План размещения Госпрома в ансамбле пл. Дзержинского. Материалы конкурса 1925 г.

Варианты проекта реконструкции пл. Дзержинского. 1934

Здание Госпрома в ансамбле пл. Дзержинского. 1930-е гг.

под углом части площади, которая вместе с круглой частью составила около 12 га. В проведенном конкурсе на проект застройки этой гигантской площади участвовали лучшие архитекторы Украины, но окончательного решения так и не было найдено.

В процессе строительства здания Госпрома в конце 1927 г. был объявлен всесоюзный конкурс на проект Дома правительства. Для него был отведен участок в южном секторе площади¹⁹. Поскольку единодушного мнения по выбору проекта на здание Дома правительства Украины высказано не было, было решено в 1929 г. на северном участке пл. Дзержинского начать строительство здания Дома кооперации, используя при этом конкурсный проект «Монументальный центр» архитекторов А.И. Дмитриева, О.Р. Мунца. Такое решение было принято экспертной комиссией после всестороннего обсуждения проекта с участием местных архитекторов, а также профессора А.А. Веснина, академика В.А. Щусева, руководителя строительства Госпрома инженера П.П. Ротерта. Строительство Дома кооперации было начато в 1929 г. под руководством инженера Б.Г. Перетятковича. Он был вторым объектом после Госпрома, продолжившим композицию ансамбля площади Дзержинского²⁰.

Характерно, что невиданные масштабы площади, конструктивистская эстетика, в которой выполнялись все проекты, воспринимались тогда как явление, абсолютно соответствующее задачам построения нового социалистического города. Так, в редакционном предисловии, предварявшем статью инженера Б.Г. Перетятковича о проекте Дома кооперации, говорилось: «Верно и метко взятая идея организации грандиозного административного центра — площади им. Дзержинского, — на совершенно свободной от старых наслоений и доста-

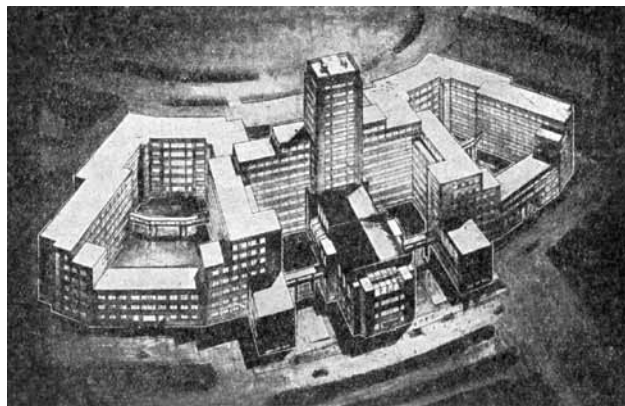
точно центральной городской территории, смело трактуется в духе новых архитектурных принципов. В этом Харьков опережает даже уверенную в своем первенстве Москву... Москва может гордиться многими своими архитектурными достижениями... но идеи большого города, нового административного центра, новой столицы Советского Союза она не имеет, а борьба современной архитектуры с косностью и рутиной все еще во многих случаях кончается победой устаревших традиций»²¹.

Новаторские идеи организации пространства, предназначенного для проведения массовых действий, митингов и демонстраций в дни пролетарских праздников, получили завершение в композиционном решении здания Дома проектов (1930—1932). Был выбран участок в южном секторе площади Дзержинского, где ранее предполагалось построить Дом правительства. К реализации был принят проект ленинградских архитекторов, победивший на Всесоюзном конкурсе (арх. С.С. Серафимов, М.А. Зандберг-Серафимова).

В начале 1930-х гг. застраивалась прямоугольная часть площади. Здесь были построены гостиница «Интернационал» (арх. Г.А. Яновицкий) и здание ЦК КП(б)У (арх. Я.А. Штейнберг). На рубеже 1920—1930-х гг. застраивались примыкающие к площади укрупненные жилые кварталы с секционными домами высотой от 3 до 7 этажей, ограниченные кольцевыми и радиальными улицами общей с площадью планировки. Это были жилые комбинаты с полным обобществленным сектором обслуживания, составившие с застройкой площади единое целое. Всего застройка площади им. Дзержинского велась около 10 лет.

Интересно, что восприятие того, что происходило на площади Дзержинского, уже в середине 1930-х гг., когда, казалось бы, в архитектуре помнялись многие критерии и оценки, у архитекторов было более критичным и придирчивым, чем у идеологически ориентированной критики. Так, один из авторов генплана архитектор А.М. Касьянов писал в 1934 г.: «Мятая и разбросанная форма площади никак еще не ассоциируется с понятием о стройности, строгости и плановости нашего строительства»²². Площадь по его мнению не масштабна — теряется ощущение грандиозных размеров основных построек. Архитектурная композиция, решенная для каждого здания в отдельности, тоже разбивает ощущение единства.

В то же время архитектурный критик-искусствовед демонстрировал совершенно другое восприятие площади: «Ось прямоугольника сдвинута

Проект Дома кооперации на пл. Дзержинского.
Объемно-пространственное решение.
Арх. А.И. Дмитриев, О.Р. Мунц

относительно центра круглой части и образует тупой угол с направлением радиальных магистралей, что придает известный динамизм пространству площади. <...> Сформированная таким образом площадь с самого начала потеряла традиционный замкнутый характер, а график движения превратился в одно из основных средств архитектурного воздействия. <...> Не являясь таким образом законченным и целостным комплексом, площадь Дзержинского представляет все же огромный интерес, ибо здесь впервые осуществляются новые принципы архитектурного решения ансамбля, возможные только в условиях Советского Союза»²³.

Общий вид пл. Дзержинского. Конец 1930-х гг.

Еще один недостаток площади виделся архитекторам в ее обособленном существовании в плане города, в первую очередь оторванности от старого центра. Поэтому между этими двумя центрами проектировалась новая площадь у строящегося театра массовых действий на 4000 мест или, как его позже называли, Большой оперы, где формировался культурно-просветительский центр со зданиями панорамы Перекопа, Всеукраинской картинной галереи и др. Проект здания Большой оперы принят к осуществлению по результатам международного конкурса, проведенного в 1930 г. Была подготовлена площадка для строительства: произведен снос зданий по периметру квартала, разобрана Мироносицкая церковь. В 1934 г. начавшиеся строительные работы были приостановлены, а на возведенных фундаментах сценической коробки театра построен многоэтажный жилой дом²⁴.

С 1934 г. столицей Украины вновь стал Киев. Хотя подготовка материалов для разработки его генерального плана велась с 1917 г., проектирование генплана началось только в 1934–1935 гг., в специально созданной архитектурно-планировочной мастерской Киевского горсовета, которую возглавил архитектор П.П. Хаустов. Отсутствие генплана отчасти компенсировалось тем, что уже в 1918 г. в Киеве создается Управление главного городского архитектора (им стал арх. П.Ф. Алешин), где

Харьков. Проект реконструкции пл. Большой оперы

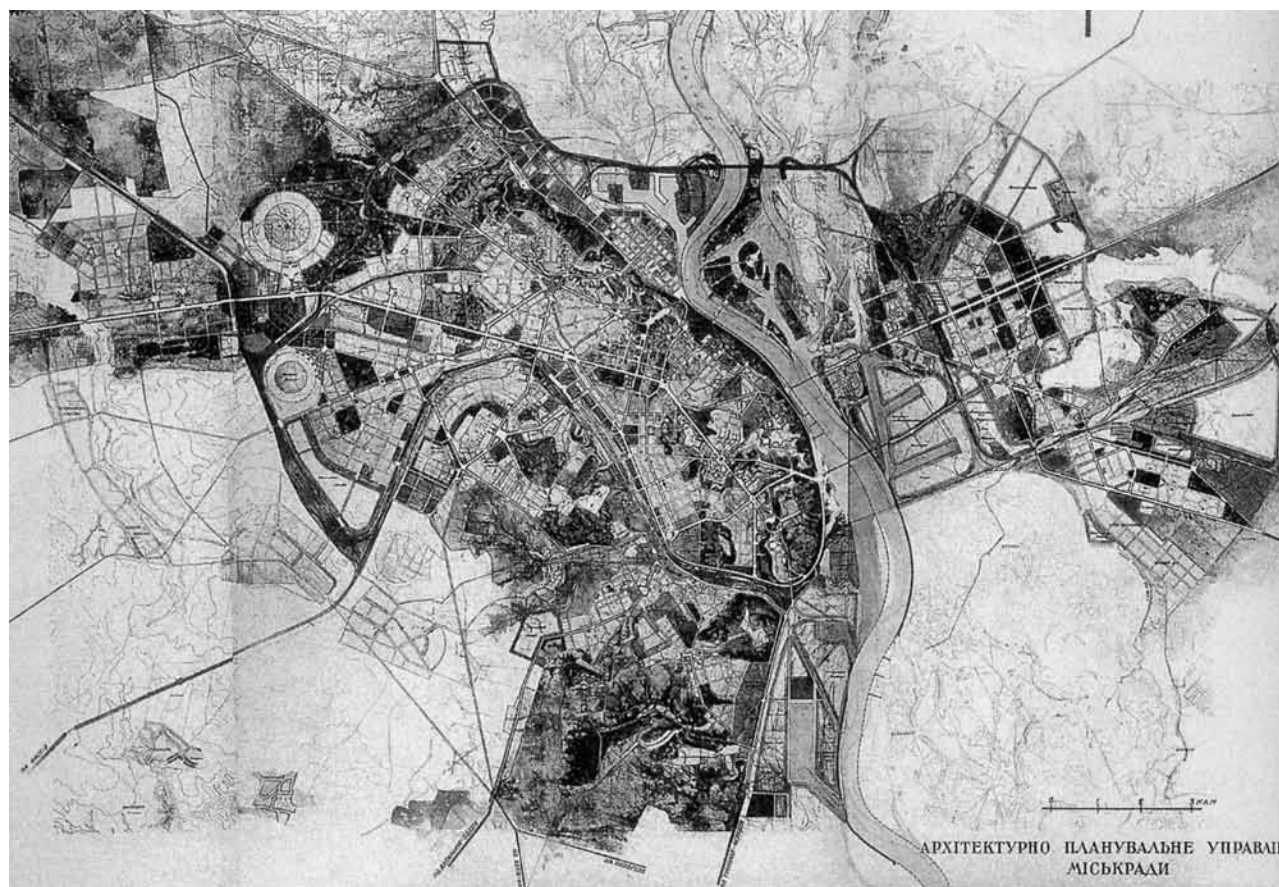
в трудных условиях политической и экономической неразберихи принимались меры для восстановления и регулирования застройки отдельных районов города. В эти годы Г.П. Ковалевским была также предложена «Программа работ по вопросу будущего развития города», куда входили такие вопросы как функциональное зонирование территорий, отношение к памятникам культуры, вопросы развития транспорта, архитектурно-художественного облика города²⁵.

Однако в сложившейся части города в эти годы практически не проводилось реконструктивных мероприятий, лишь на окраинах, на свободных территориях велось незначительное строительство. Важным мероприятием было расширение городской черты Киева за счет правобережных и левобережных территорий. Между тем территория Киева, расположенного на сложном рельефе с отсутствующим функциональным зонированием и разрывами между частями города, очень нуждалась в упорядочении.

В 1926 г. в киевском Отделе коммунального хозяйства под руководством архитектора П.П. Хаусто-

ва были возобновлены работы по подготовке общей планировки города. Через год были приняты «Временные правила», регулирующие застройку Киева, в которых нашли отражение те градостроительные идеи, которые затем, в 1930-х гг., легли в основу генерального плана. В частности, правилами были четко определены границы промышленных районов, за пределами которых разрешалось строить только предприятия коммунального характера. Жилые районы делились на четыре строительные зоны, в зависимости от разрешаемой плотности застройки, этажности, используемых материалов. Принимались меры и к охране памятников старины.

Характер развития Киева как промышленного центра был определен лишь в начале 1930-х гг. Город стал рассматриваться как центр легкой индустрии, среднего машиностроения, промышленности по переработке сельскохозяйственного сырья. За годы советской власти в Киеве была создана довольно крупная промышленность этих направлений. Однако перенос столицы в Киев был воспринят как повод для того, чтобы в значительной степени увеличить уровень индустриализации го-

Проект генерального плана Киева. 1935

рода. Поэтому в генеральном плане, разработка которого была завершена в 1938 г., был предусмотрен весьма значительный промышленный рост как за счет строительства новых предприятий, так и расширения старых²⁶. Соответственно возрастало и население Киева с существующего уровня 700 тыс. до 1200 тыс. человек.

Генеральный план предусматривал очень большой объем реконструктивных работ, который к тому же осложнялся техническими трудностями решения вопросов транспорта и инженерной подготовки территории на сложном и разнообразном рельефе. Одной из важнейших задач генплана стало преодоление исторически сложившейся разобщенности различных районов города. Причиной этому были не только рельеф, пойма Днепра или глубокий железнодорожный ввод на территорию города. Район Печерска, например, чрезвычайно благоприятный для застройки, при Николае I был отведен по строительству большой крепости, вокруг которой была установлена зона, свободная от застройки. Некоторые другие районы Киева, наоборот, отличались чрезмерной скученностью жилой застройки при полном отсутствии зеленых насаждений²⁷. Одним из самых серьезных недостатков сложившейся планировки считалось состояние берегов Днепра, случайно застроенных и не играющих никакой роли в архитектурной организации города.

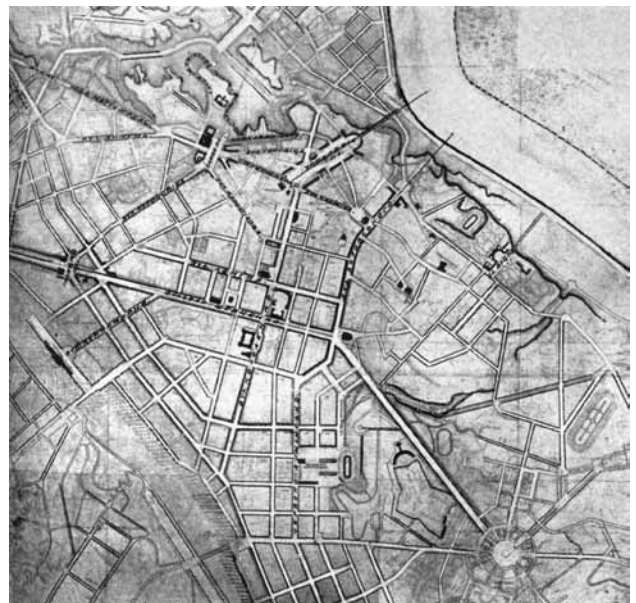
Генеральный план предусматривал рост территории города сразу в нескольких направлениях. В южной части создавался новый Печерско-Зверинецкий район, расположенный в прекрасной здоровой местности. Там же создавались портовые сооружения и располагалась промышленность, потребляющая большой объем воды. В этом же районе располагались комплексы научного значения — Академия наук УССР с системой научно-исследовательских институтов, медицинский городок. На юго-западе размещалась промышленность, и там же получали значительное развитие жилые районы, расположенные вблизи Голосеевского лесного массива. В новом северном районе располагалась Петровско-Курневская промышленная площадка с развитием в том же направлении жилого района Лукьяновки. В восточной части, за Днепром, также создавался новый мощный жилой район Дарница и разворачивалось промышленное строительство²⁸.

Значительным преобразованиям подвергалась уличная сеть, а также система зеленых насаждений, которая в генплане получила кольцевую структуру. Объединялись и расширялись существующие

городские парки. Проводились масштабные работы по озеленению склонов Днепра, строительству благоустроенной набережной а также создания вокруг города сплошного защитного кольца на основе дополнения новыми посадками существующих лесных массивов (Пуща-Водица, Святошино, Голосеево, Дарница) с превращением их в лесопарки, предназначенные для отдыха горожан.

Однако основное внимание в генплане было уделено Центральному району, где сосредоточивались крупнейшие административные, культурные и хозяйственные учреждения города. В этом районе решено было создать правительственный центр Украины, проектирование которого, несомненно, стало самым значительным событием в украинской архитектуре середины 1930-х — начала 1940-х гг.

Площадка для строительства после рассмотрения пяти вариантов размещения специальной правительственной комиссией²⁹ была выбрана на доминирующих высотах над Днепром, в месте, где когда-то располагался Михайловский монастырь. Постройки монастыря предназначались к сносу. Создаваемая правительственная площадь представляла из себя вытянутый с юго-запада на северо-восток огромный по размерам прямоугольник, к которому с северо-восточной стороны примыкало полукруглое пространство, образованное зданиями СНК УССР и ЦК КП(б)У, между ними должен был располагаться памятник Ленину высотой около 80 м. С юго-западной стороны примыкала существующая пл. Героев Перекопа, которая долж-

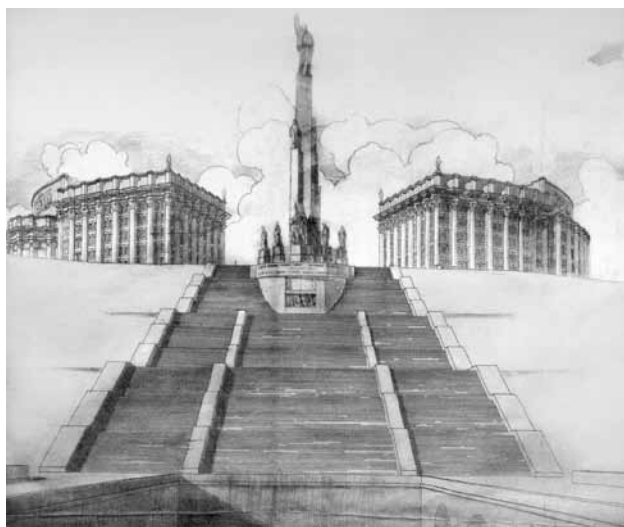
Киев. Правительственная площадь в структуре городского центра

на была представлять собой аванплощадь, предназначенную для пропуска транзитного движения и демонстраций. Позади полукруглой части располагался монументальный спуск к Днепру. Общий размер площади составлял около 9 га³⁰.

Проектирование правительственного центра началось в 1934 г. и проходило параллельно разработке генплана. Был проведен заказной закрытый конкурс, в котором участвовали киевские и харьковские архитекторы, а также бригада В.А. и А.А. Весниных. Ни один из представленных шести проектов не был принят к исполнению, хотя в каждом были найдены удачные решения той или иной части сложной, комплексной задачи. На основе этого конкурса было уточнено задание и затем объявлен второй закрытый конкурс. Теперь уже

10 заказных проектов было распределено между мастерскими Киева, Москвы и Ленинграда³¹. За основу был принят проект ленинградского архитектора И.Г. Лангбарда, однако поиск вариантов на этом отнюдь не был прекращен.

Грандиозное конкурсное проектирование правительственной площади и примыкающей аванплощади в Киеве, осуществлявшееся в несколько туров в течение шести лет, вплоть до самой войны, имеет сложную и не до конца изученную историю³². В этот процесс были вовлечены огромные «архитектурные силы» Украины, Москвы, Ленинграда, подготовлены десятки вариантов планировки и застройки обеих площадей, но в результате, как это нередко бывало в истории советского градостроительства, проект так и не был осуществлен.

Конкурсный проект правительственной площади.
Вид со стороны Днепра. Арх. И.Г. Лангбард. 1936

Конкурсный проект правительственной площади.
1-й тур. Вид со стороны Днепра. Арх. В.А. и А.А. Веснины

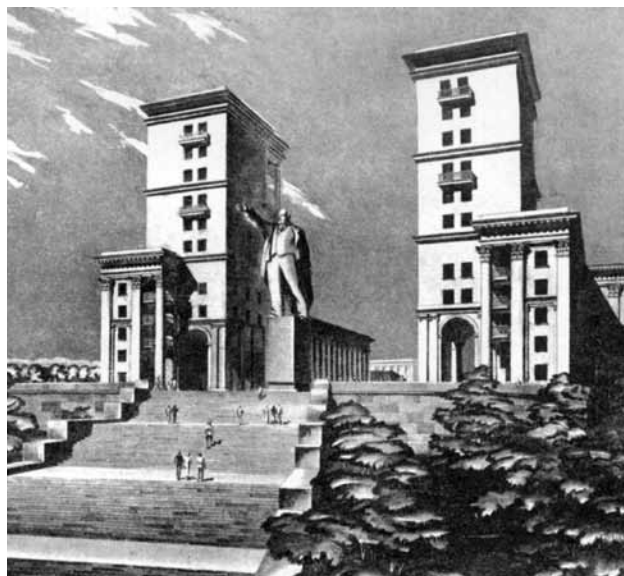

Конкурсный проект правительственной площади. 2-тур.
Проект здания СНК УССР. Арх. В.И. Заболотный. 1935

Конкурсный проект правительственной площади. 2-тур.
Проект здания СНК УССР. Арх. П.Ф. Алешин. 1935

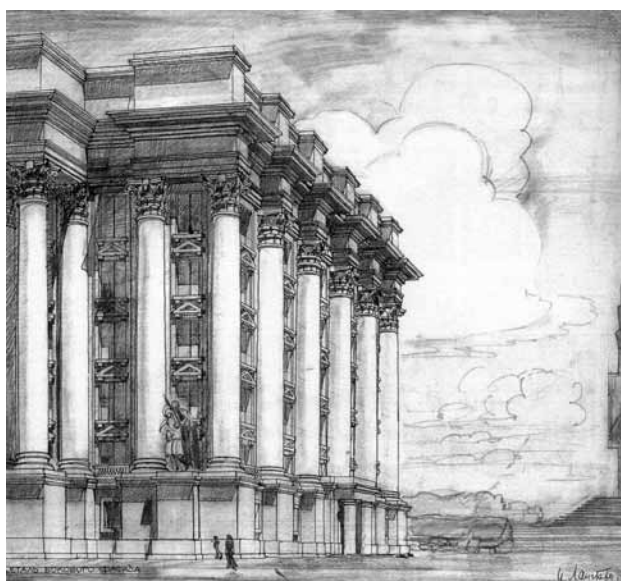
Конкурсный проект правительственной площади. 2-тур.
Вид со стороны Днепра. Арх. И.А. Фомин

Конкурсный проект правительственной площади. 2-тур.
Вид со стороны Днепра. Арх. Д.Н. Чечулин. 1935

Конкурсный проект правительственной площади. 2-тур.
Перспектива. Арх. Д.Н. Чечулин, Г.М. Орлов. 1935

Конкурсный проект правительственной площади.
Арх. И.Г. Лангбард. 1936

Единственным построенным зданием из задуманного ансамбля оказалось здание ЦК КП(б)У, (впоследствии МИД Украины), сооруженное по проекту И.Г. Лангбарда в 1937–1938 гг. на Михайловской площади. В то же время в районе Липок (ул. Грушевского) было построено по проекту И.А. Фомина и П.В. Абросимова крупное административное здание, предназначавшееся сначала для НКВД, а затем ставшее Домом правительства УССР (Совнарком, после войны Совмин, ныне

Кабинет министров). В том же районе в 1938 г. было сооружено здание ЦИК Украины (с 1938 г. Верховный Совет, ныне Верховная Рада). Архитектор В.И. Заболотный, проект которого победил на конкурсе, получил за это здание Сталинскую премию I степени.

Украина и Белоруссия шли разными путями не только при проектировании столичных городов, но и других городов этих республик. В Белоруссии это были в основном работы по расширению и рекон-

Киев. Здание Совнаркома УССР.

Арх. И.А. Фомин, П.В. Абросимов. 1935–1937

Киев. Здание Верховного Совета УССР.

Арх. В.И. Заболотный. 1936–1939

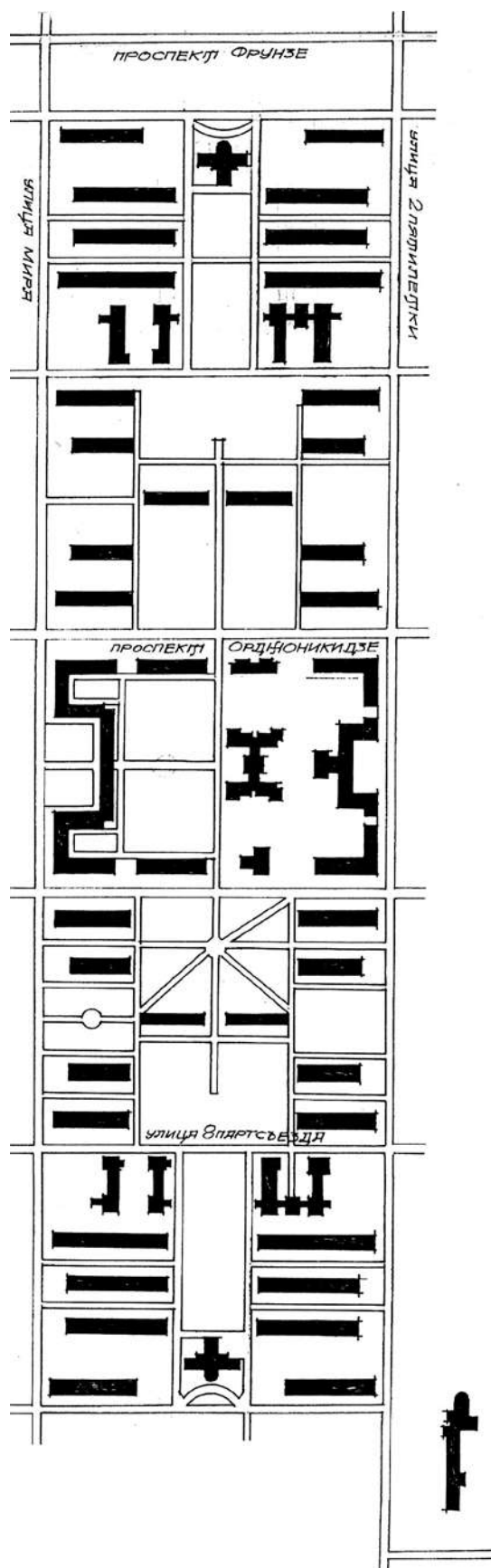
струкции сложившихся городов, которые начались с разработки в 1926 г. известным градостроителем В.Н. Семеновым схемы урегулирования не только Минска, но и Орши. В Белоруссии при общем небольшом количестве архитекторов практически отсутствовали специалисты по градостроительству, поэтому не только генплан столицы Минска, но и генпланы других городов выполнялись за пределами республики. Так, генплан Гомеля разрабатывался в Москве архитектором И.А. Сергеевым, генплан Витебска — в Харькове архитектором А.М. Касьяновым. Лишь в 1931 г. на базе проектного бюро Белжилсоюза в Минске был создан филиал Гипрогора РСФСР. Небольшие проектные группы действовали в Белгосстрое и Белсельстрое. В 1933 г. был создан Белгоспроект, где впервые стали функционировать планировочные мастерские. В 1930-е г. здесь были составлены генеральные планы Могилева (арх. М.Н. Андросов, Н.Е. Трахтенберг), Орши и Мозыря (арх. П.И. Кириенко), Полоцка (арх. И.Х. Раппапорт), Слуцка и Речицы (арх. Г.А. Парсаданов)³³.

Совершенно иная картина разворачивалась на Украине, где преобладало проектирование новых «социалистических городов», активно отрабатывались приемы, повлиявшие на все советское градостроительство.

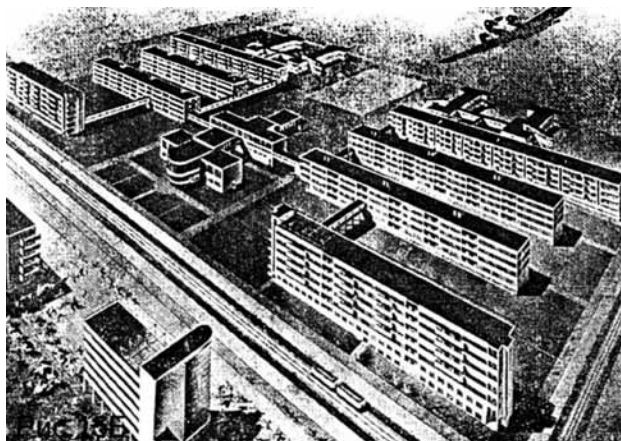
Как известно, одним из первых таких опытов был «Новый Харьков», или поселок Харьковского тракторного завода, разработанный в Проектно-консультационном бюро при НКВД УССР в 1929–1930 гг. под руководством П.Ф. Алешина. Поселок возводился в 7 км к юго-востоку от столицы. На участке, свободном от застройки и хорошо связанном с городом, была реализована на практике идея линейного города. Производственная территория тракторного завода отделялась от жилого поселка зеленой полосой шириной 500 м. Поселок и производственные корпуса возводились одновременно. В первую очередь входили пять крупных жилых кварталов-комплексов площадью 8–10 га, где помимо жилых домов высотой от 4 до 6 этажей строились учреждения бытового обслуживания.

Авторы проекта писали: «Социалистические города... представляют собой законченный организм, продуманный и рассчитанный от начала до конца. Свободное распоряжение земельным фондом, на который нет частной собственности, создает важнейшие предпосылки к целесообразной планировке наших городов. (...) социалистические города строятся с приближением к максимальному комфорту обслуживания населения при условии равенства этого обслуживания и исключения контраста роскоши и бедности»³⁴. Проект «Нового Харькова» был одним из первых примеров, на которых отрабатывались принципы проектирования «соцгородов» — концепции, которой суждено было сыграть ключевую роль в советском градостроительстве³⁵.

Другим ярким и получившим большую известность архитектурно-градостроительным объ-

План кварталов соцгорода «Новый Харьков». Рук. арх. П.Ф. Алешин. 1930–1932

Жилые кварталы первой очереди строительства соцгорода «Новый Харьков».

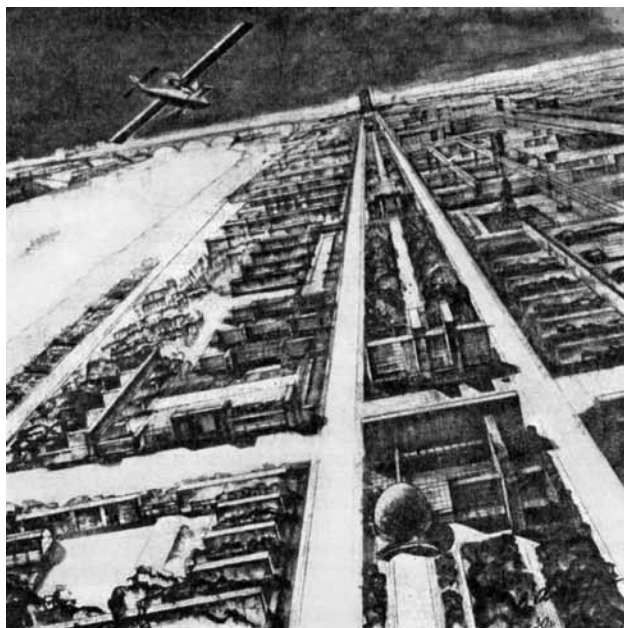
Перспектива. Рук. арх. П.Ф. Алешин

ектом стало проектирование города Большое Запорожье и его части — «соцгорода» при Днепрогэс. Возможность постройки гидроэлектростанции на Днепровских порогах обсуждалась еще до революции, и этот интерес многократно возрос в начале 1920-х гг., когда инженером И.Г. Александровым были предложены первые конкретные варианты решения «Днепровской проблемы»³⁶. Строительство Днепрогэса развернулось в середине 1920-х гг. Здание машинного зала гидроэлектростанции, построенное в 1929–1932 гг. под руководством одного из лидеров конструктивизма В.А. Веснина³⁷, стало одним из наиболее ярких архитектурных событий того времени. Архитектурно-художественные достоинства здания машинного зала и плотины были так высоки, что Днепрогэс на долгие годы стал символом индустриализации, символом достижений нового общества.

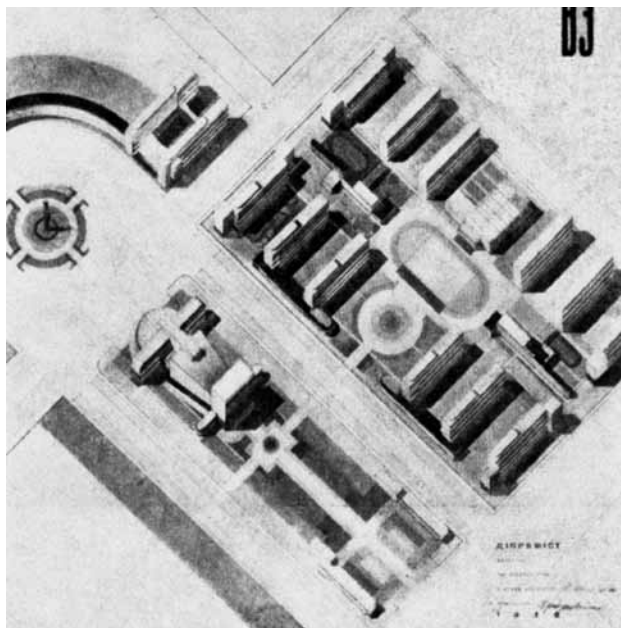
Город Большое Запорожье начали строить на рубеже 1920–1930-х гг. как поселение для рабочих двух крупнейших промышленных комплексов, создававшихся в соответствии с политикой индустриализации страны, — Днепрогэс и Днепрокомбината, состоявшего из металлургического, алюминиевого и других заводов-гигантов. В августе 1929 г. Комитет содействия Днепрострою, возглавляемый председателем СНК УССР В.Я. Чубарем, постановил приступить к составлению проекта планировки социалистического города Большое Запорожье. В апреле 1930 г. была утверждена схема планировки, а в 1932 г. Гипроград при НКХ УССР завершил разработку генерального проекта города (рук. И.И. Малоземов)³⁸.

На Днепрострое впервые в советской градостроительной практике комплексно решались вопросы проектирования крупного промышленного

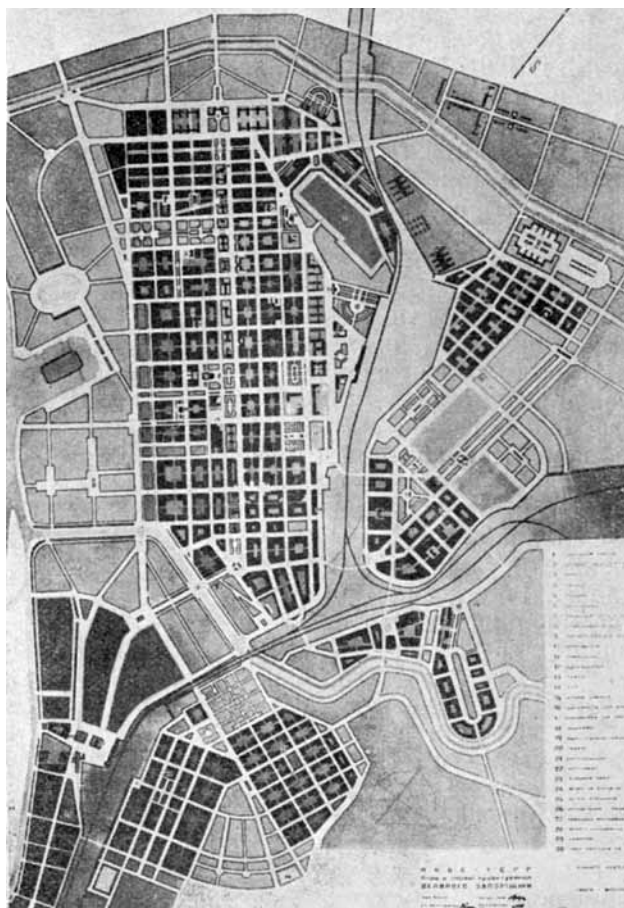

Большое Запорожье. Перспектива застройки района Вознесенки. Начало 1930-х гг.

Большое Запорожье. Проект застройки жилого квартала на Вознесенке

Большое Запорожье. Проект реконструкции территории старого города

узла и города. Строительство гиганта гидроэнергетики, каким был тогда Днепрогэс, шло параллельно с сооружением «социалистического города» — одного из немногих, где на практике получил проверку целый ряд положений, разрабатываемых в то время теорией социалистического градостроительства: связь города и промышленности; организация кварталов, принципы озеленения и т.д.

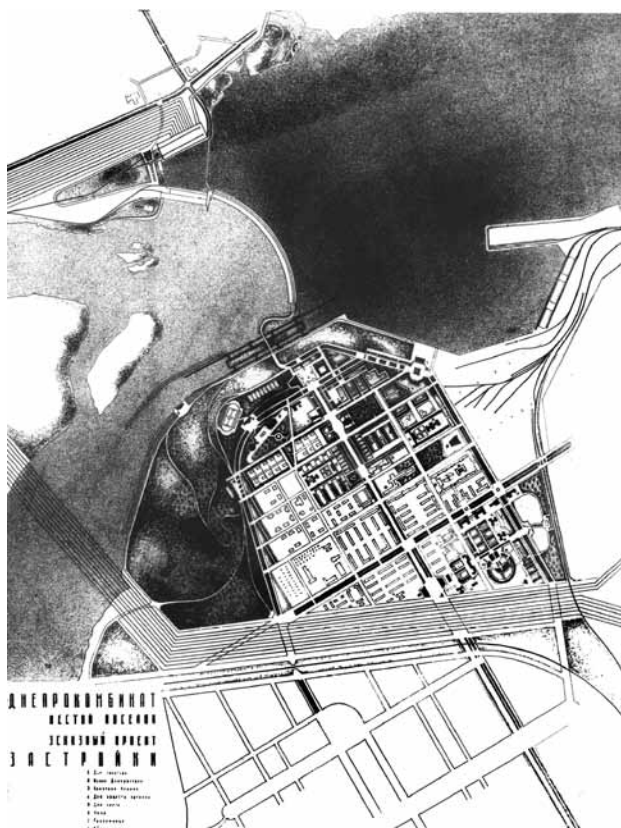
Собственно «соцгород» (так называемый Шестой поселок) должен был войти составной частью в строящийся город Большое Запорожье, территория которого охватывала старинный город Александровск, село Вознесенка, село Павло-Кичкас, остров Хортица на Днестре и застройку на противоположном, правом берегу реки. Общегородской центр решено было возводить на месте села Вознесенка, расположенного между старым Александровском и новым Шестым поселком в районе плотины Днепрогэс. Главная магистраль вела от Александровска к плотине, пересекая территорию села Вознесенка и далее Шестой поселок, поперечные зеленые бульвары соединяли город с берегом Днестра.

Согласно генеральному плану Большое Запорожье складывалось из семи крупных городских районов со своими самостоятельными культурно-общественными, бытовыми и административными центрами. По сути, это было децентрализованное созвездие самодостаточных в функциональном отношении городков, предназначенных для расселения рабочих вблизи производства и объединенных

Макет комплекса Днепрогэса и жилого района Большого Запорожья. Первая очередь застройки

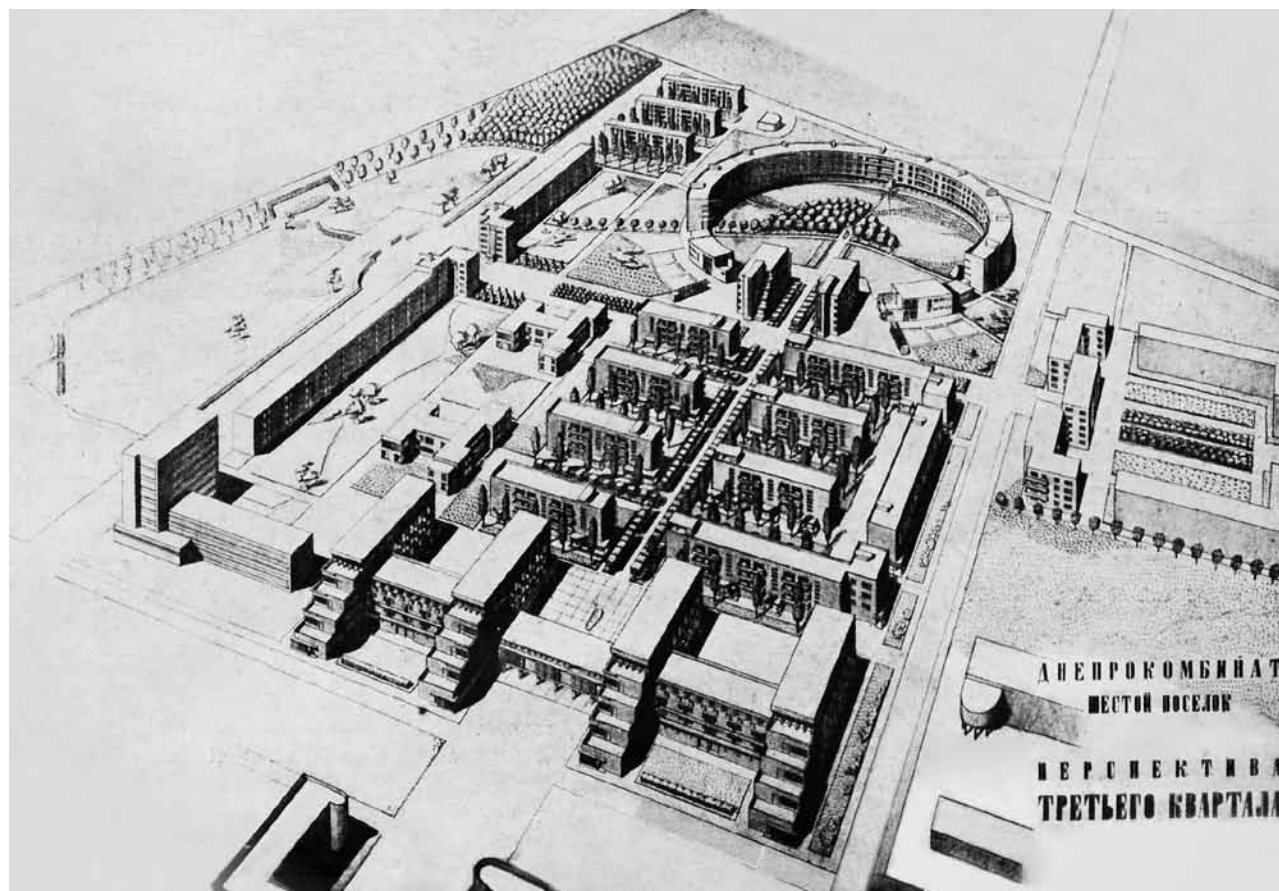

Эскизный проект схемы гидротехнических сооружений Днепростроя и застройки шестого поселка Большого Запорожья

транспортными коммуникациями. Такая линейно-звездчатая схема города отчасти была обусловлена реальной градостроительной ситуацией — разбросанностью промышленных площадок, рядом с которыми предстояло поселить рабочих, и сложным рельефом, а отчасти складывалась под влиянием концептуальных градостроительных поисков конца 1920-х — начала 1930-х гг., проектов Сталинграда, Кузнецка, Магнитогорска, Нового Чарджоу, Автостроя, сопровождавших дискуссию о социалистическом расселении³⁹.

В каждом районе, в том числе в сложившихся частях города, подвергавшихся полной реконструкции, предусматривались лентообразно развивавшиеся центры, расположенные по длинной оси районов. Параллельно или перпендикулярно к ним располагались центры подрайонного значения, где были сосредоточены детские и бытовые обслуживающие учреждения⁴⁰. В городе, расположенном в степной зоне, была предусмотрена развитая и тщательно продуманная система озеленения, в том числе в жилых кварталах под зеленые насаждения отдавалось до 70% площади⁴¹. На острове Хортица, расположенном между старым и новым руслом Днепра, создавался обширный парк культуры и отдыха со стадионом и физкультурным комбинатом.

Предусмотренная проектом Большого Запорожья экстенсивность застройки стала объектом критики в 1934 г., когда утвержденный Правительством

Перспектива 3-го квартала Шестого поселка соцгорода

УССР генплан поступил в законодательном порядке на рассмотрение в Совет труда и обороны (СТО), где была создана специальная правительственная комиссия. «На 1 га территории, — писал эксперт, — приходится 11 человек населения. Если вспомнить, что плотность, принимая теоретически по системе городов-садов, определяется в 60–70 чел. на 1 га, то надо признать, что здесь имеется огромный простор планировочного решения»⁴². Предлагалось повысить плотность застройки, главным образом за счет повышения этажности⁴³. Вместе с тем отмечалось, что генплан Большого Запорожья был первым по времени начала работы проектом социалистической реконструкции крупнейшего промышленного центра и первой работой, поступившей в союзное правительство от Гипрограда УССР. Поэтому этот проект являлся в планировочной практике СССР «событием крупнейшего значения».

До войны успели воплотить в жизнь, хотя и не до конца, лишь первую очередь строительства, так называемый Шестой поселок, где все было организовано архитекторами на разумных началах. Это был один из редчайших в советской градострои-

тельной практике случай, когда проектные работы по городу выполнялись параллельно со строительством промышленных объектов и под одним и тем же началом: группа проектировщиков работала под непосредственным руководством главного архитектора Днепростроя В.А. Веснина (группа в составе гл. арх. Г.М. Орлова, арх. В.Г. Гончарова, В.В. Каптерева, И.Т. Купецко, В.А. Лаврова, В.С. Попова, П.М. Сталина).

Тем не менее, уже в 1934 г. Г.М. Орлов выступил со статьей о многочисленных трудностях строительства поселка (единственной части Большого Запорожья, где велись тогда комплексные работы), которые он предлагал обсудить на предстоящем Всесоюзном съезде ССА СССР, понимая, что они имеют далеко не единичный характер. В частности, он писал: «Строительство нового города на Днепре шло дружно и с большим эффектом в период 1929–1931 гг. (тогда было единое управление по постройке Днепрогэса и заводов). (...) В последующие годы, в связи с бурным развитием промышленного строительства, *внимание к городу ослабевает*. Жилищную нужду с большим успехом удовлетворяют

Панорама строящегося соцгорода

временные поселки, которые расположились вокруг всей заводской территории. Площадка же соцгорода стала «резервом», откуда все время снимают материалы и рабочих для подкрепления промышленного строительства. <...> Здания общественного назначения <...> строятся либо чрезвычайно медленно, либо совсем не строятся. <...> Мне кажется, что так же, как производят у нас приемку новых заводов, нужно принимать и жилые районы. Ведь жилой район на несколько десятков тысяч жителей имеет не меньшее хозяйственное значение, чем любое предприятие [выделение курсивом Г.М. Орлова]⁴⁴.

Кроме строительства жилья, проект поселка предусматривал объекты общественного питания, больничный городок, стадион, школу-гигант, общественно-просветительские учреждения, внутриквартальное озеленение, парк и т.п. В каждом жилом квартале площадью от 4 до 10 га предусматривались детсады, ясли, квартальные столовые, кухни, прачечные и хозяйственные помещения. Жилые дома строились с индивидуальными квартирами, здесь удалось избежать крайностей «обобществленного быта». Создавалась удобная, сомас-

штабная человеку жилая среда, хотя и непривычная по своему облику: перетекающие пространства; отсутствие выраженного центра; простота и геометричность архитектурных форм; огромные горизонтально вытянутые окна; плоские крыши; белые стены; обилие зелени. Аскетичность облика конструктивистских построек, вызывавшая критику в прессе⁴⁵, несколько смягчалась введением облицовки некоторых зданий (больничный городок, квартал-коммуна) розовым туфом, обработанным «под шубу», таким же, какой использовался в здании машинного зала ГЭС.

Новое отношение к пространству квартала сочелось в Шестом поселке с ясной, классицистической в своей основе, общей планировочной схемой, построенной на двух пересекающихся осях: продольной, ведущей к Днепровской плотине (пр. Ленина), и поперечной, направленной в сторону индустриальных гигантов Днепрокомбината (Аллея энтузиастов, позднее пр. Сталина, затем пр. Metallургов). Эта особенность планировки города позволила в дальнейшем достаточно болезненно и органично перейти от одной градо-

строительной концепции к другой, основанной на освоении классического архитектурного наследия.

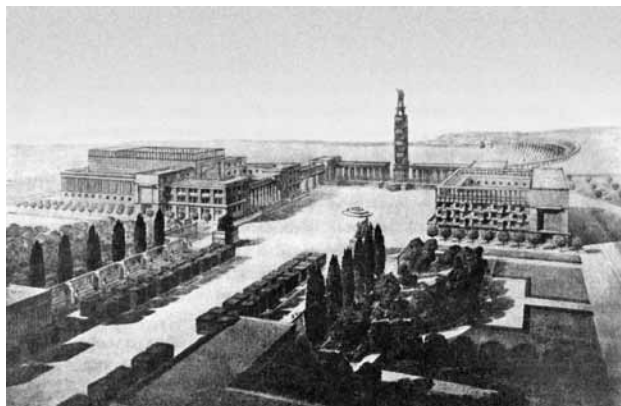
Кроме первых кварталов, предстояло еще застроить территорию между поселком и плотиной, где предполагался снос временных сооружений, связанных с постройкой ГЭС, а также самый большой по площади 3-й квартал (11 га), завершающий группу жилых кварталов по Аллее энтузиастов, на границе с предзаводской площадью Днепрокомбината. Этот квартал уже представлялся авторам (Г.М. Орлов, В.А. Лавров) как ответственный в градостроительном отношении ансамбль с достаточно традиционным членением пространства и законченной художественной композицией.

Основу решения составлял большой круглый двор-парк диаметром 150 м, обстроенный 4-этажным домом в виде незамкнутого кольца. Во двор вели параллельно поставленные жилые дома, образовавшие нечто вроде торжественных пропилеев. Внутри квартала здания были поставлены так, что, представляя собой отдельные ансамбли и образуя внутренние дворы, они одновременно имели хорошую связь с улицей и главной аллеей квартала, а также с площадкой для отдыха и игр. Учреждения обслуживания, ранее равномерно распределенные по всей территории квартала, здесь предполагалось разместить в одном здании в 8–10 этажей, образующем высотную доминанту со стороны Аллеи энтузиастов, на углу квартала и предзаводской площади.

Определенные решения претерпели и архитектурные формы. Они значительно отошли от простых прямоугольных конфигураций, стали разнообразнее и пластичнее за счет введения системы

объемов, выступов, лоджий, криволинейного очертания балконов. Обработке фасадов придавался различный характер в зависимости от их местоположения. По периметру расположились дома с более сложным профилем стен, внутриквартальные дома выглядели более просто⁴⁶.

Тот же процесс классицизации и усложнения пространственных решений происходил и в городе в целом⁴⁷. Конструктивистский город-линия, принципиально не имевший ни начала, ни конца, постепенно трансформировался в градостроительный ансамбль. Большое внимание уделялось также проектированию въездной площади со стороны плотины, которая получает в проектах уравновешенное композиционное решение с памятником В.И. Ленину на высоком пьедестале, с колоннадой по обеим сторонам памятника, через которую открывался вид на гидросооружения. К площади и главной ма-

Проект площади у плотины Днепрогэса

Застройка главной магистрали Большого Запорожья — ул. Ленина. Конец 1930-х гг.

гистралаи стягивались все самые ответственные общественные здания. На стыке главной магистрали и площади были запроектированы две скульптурные группы: «техника в период реконструкции»; «кадры социалистического строительства»⁴⁸.

Элементы классицистической композиции города усматриваются и в проекте застройки набережной у водного вокзала, в непосредственной близости от пл. Ленина. Этот комплекс 8-этажных домов-башен, расположенный, как и площадь, на высоких отметках, призван был формировать силуэт города, рассчитанный на восприятие издалека.

Во второй половине 1930-х гг. подвергается значительной корректировке и застройка ул. Ленина. На начальном отрезке появляются два симметрично поставленных дома (арх. Г.М. Орлов, П.М. Сталин), торцы ранее построенных 3-этажных типовых домов, расположенных по принципу «строчной» застройки, объединяются домами-вставками (арх. В.А. Лавров).

Город, создававшийся на стыке двух эстетических концепций, двух градостроительных парадигм, получался, как ни странно, удивительно цельным, возможно потому, что каждый из двух подходов дополнял, а не подавлял другой⁴⁹. Старые каноны уходили, новые еще не сформировались в полной мере. Эта атмосфера свободного поиска, порой неожиданные пластические ходы и неординарное толкование исторических мотивов (например, дома-вставки, напоминающие об архитектуре восточных деспотий, сочетание трансформированных античных и древнеегипетских форм), наложенные на конструктивистскую основу, и определили своеобразие довоенного облика Запорожья.

Облик этот проступил достаточно четко, несмотря на то что многое из задуманного до войны не успели осуществить. Не был до конца построен 3-й квартал с его четырьмя ступенчатыми зданиями гостиниц, главная площадь, набережная, район гавани, предзаводская площадь.

С наиболее сложными и принципиально новыми задачами советское градостроительство Украины столкнулось при реконструкции Донецкого угольного бассейна, важнейшей энергетической базы страны. С дореволюционного периода и в первые десятилетия советской власти строительство здесь велось в основном поселками при каждом промышленном предприятии, отличавшимися низким уровнем жизни, отсутствием благоустройства и социально-бытового обслуживания. В 1920-е г. были предприняты первые попытки создать в этом регионе «культурные» поселки или,

как это делал Донуголь, заказывать архитекторам отдельные проекты современных небольших поселений-коммун при группе рудников, не базировавшиеся на серьезных расчетах⁵⁰. В дальнейшем в связи с грандиозными планами индустриализации страны ситуация коренным образом изменилась. Постановлением СНК УССР в августе 1929 г. была создана специальная правительственная комиссия по строительству новых городов Донбасса, в которую вошли как государственные деятели, так и видные архитекторы и экономисты-градостроители. В 1930 г. было проведено масштабное технико-экономическое обследование района Донбасса, сделаны наброски по размещению новой промышленности и росту населения, развитию автомобильных и железных дорог, инженерных сетей и пр. На этой основе была составлена общая планировочная схема Донецкого бассейна, охватывающая площадь в 23 тыс. кв. км. Вся территория делилась на 13 промышленных районов, в каждом из районов предполагалось строительство нового социалистического города. Работы по составлению проекта районной планировки Донбасса продолжались в Гипрограде УССР. Выдающиеся труды украинских экономистов Д.И. Богорада, М.Л. Давидовича, А.Л. Эйнгорна внесли большой вклад в теорию районной планировки, в методологию проектирования городов. Это был неординарный по глубине проработки и масштабу проект, но экономические условия страны не позволили реализовать его в полной мере⁵¹.

Реконструкция г. Большое Сталино (Донецка) проводилась в увязке с районной планировкой Донбасса и, в частности, Сталинско-Макеевского промышленного района. Важную роль играл г. Сталино как политический, административно-хозяйственный и культурный центр всего Донбасса, которая сохранялась за ним и на будущее. Но главными факторами, определявшими строительство города, были колоссальный рост промышленности новых заводов, расширение старых и ввод в эксплуатацию новых угольных шахт, в частности 12 шахт-гигантов, связанный с этим быстрый рост населения, необходимость огромных объемов жилищного и коммунального строительства в короткие сроки. По расчетам, жилой фонд за 7–8 лет должен был возрасти в три раза. Генеральный проект реконструкции города был составлен одесским филиалом Гипрограда в 1932 г. (арх. П.А. Головченко, А.И. Станиславский, инж. В. Гриценко). Проектом предусматривалось разместить в городе в конце расчетного периода до 400 тыс. человек.

Сталино был одним из городов Украины, где на первом месте стояла проблема организации крупного капитального строительства на территории, поверхность которой подвержена деформации вследствие подземных выработок. Поэтому застройка города зависела не только от градостроительно целесообразных приемов планировки, но прежде всего основывалась на сводном плане подземных выработок, который самым тщательным образом был составлен перед началом проектирования. Благодаря этому плану были установлены границы площадок, на которых возможно или совершенно недопустимо городское строительство⁵². В границах города местность, и без того сложная, была усугублена естественными условиями, создававшимися реками Кальмиус и Бахмутка. Реки делили территорию на три района: центральный, восточный и западный, которые, в свою очередь, были пересечены множеством оврагов.

В эту непростую градостроительную ситуацию предстояло как можно органичнее вписать пря-

Сталино. Планировка центрального и западного районов

Сталино . Проект реконструкции центрального района.
План. Конец 1930-х гг.

моугольную планировку, отклоняющуюся на 10–30 градусов от меридиана. Такая уличная сеть создавала наиболее благоприятные условия инсоляции жилых кварталов и наименьшие затраты на производство работ по благоустройству.

Климат города, как и в большей части Донбасса, не был благоприятным — он был подвержен летом несущим облака пыли суховеям, а зимой — сильным ветрам с севера и северо-востока. В городе почти не было растительности, поэтому по заказу Гипрограда Академией наук УССР разработал специальный перечень растений, которые можно использовать при озеленении города⁵³. Разработанный план озеленения Сталино намечал строительство парков, лесозащитных полос вокруг города шириной до 2 км, бульваров, городских скверов, а также создание обширных открытых искусственных водоемов площадью около 100 га . Окружающие город рабочие поселки также были включены в эту систему озеленения. Норма внутригородских зеленых насаждений сразу была принята повышенной — 25,5 кв. м на человека, а вместе с внутриквартальной зеленью — 36 кв. м⁵⁴. Особенное внимание в генплане было уделено борьбе с помощью крупных массивов зелени на площади 2500 га с промышленными газами и задымлением. Собственно, проблемы озеленения и определили архитектурно-

планировочное решение города. В генплане основной градостроительной идеей стало создание двух композиционных осей вдоль рек, представлявших собой мощные зеленые полосы с каскадом озер, сочетавшиеся в перпендикулярными им бульварами и озелененными проспектами. На главной магистрали, ул. Артема, организовывался ряд площадей.

В целом генплан Сталино достаточно долго сохранял свою актуальность, поскольку в нем были подробно разработаны вопросы экономики, геологии, баланса территории, транспортной схемы и пр. Но во второй половине 1930-х гг. на первый план все более стали выходить вопросы архитектурного образа города, его композиции и силуэта. И в этом смысле превалирование функциональных качеств генплана, умноженное на недостатки практического строительства, конечно, давало повод для критики: «Отсутствие хотя бы эскизного решения ансамбля застраиваемых участков привело архитектуру г. Сталино не только к стиливому разнообразию, но и к целому ряду неудовлетворительных объемно-пространственных решений»⁵⁵. Проводившиеся повсеместно надстройки зданий не давали убедительного результата.

Генеральный план Сталино до войны так и не получил утверждения, что было связано с быстрыми изменениями как перспектив промышленного развития, так и территории города, куда вошли несколько поселков, не предусмотренных генпланом. Все это привело к неизбежным ошибкам в расчете населения⁵⁶.

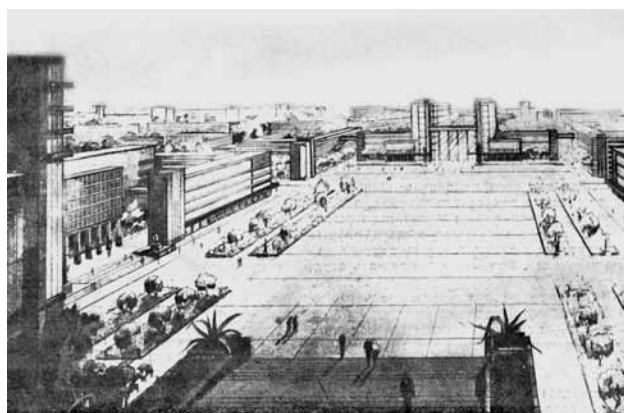
За короткий срок с 1930 по 1932 г. в Гипрограде были разработаны генеральные планы Кадиевки, Лисичанска, Мариуполя, Краматорска и других городов Донецкого бассейна.

В этой работе одно из важных мест занимало проектирование Новой Горловки, начатое еще до создания Гипрограда, в 1929 г., в рамках Прави-

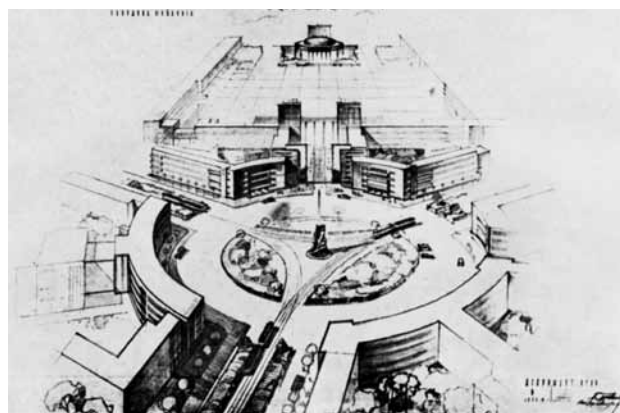
тельственной комиссии по строительству новых городов Донбасса. Это был первый из намеченных к строительству 13 социалистических городов. Был разработан эскизный проект планировки и схема застройки некоторых кварталов, определены типы жилья для застройки города. Характерно, что основным типом жилья были признаны многоэтажные дома с обычными семейными квартирами, а дома с обобществленным бытом допускались только как опытные⁵⁷.

Место для строительства нового города было выбрано рядом с поселком Горловка. Изысканиями выдающегося градостроителя, экономиста и инженера А.Л. Эйнгорна было доказано, что обычное для Донбасса поселковое строительство обойдется дороже, чем строительство крупными жилыми массивами со всеми видами благоустройства. Поэтому Новая Горловка с самого начала получила сугубо городской характер застройки с большим количеством зеленых насаждений и центральным административным районом, расположенным рядом с парком культуры и отдыха. Последний располагался в крупном овраге, пронизывающем всю территорию города вдоль его продольной оси. По дну оврага город пересекали три магистрали, одна из них имела вместе с бульваром ширину 70 м. Таким образом основная территория города освобождалась от транзитного движения. В городе предлагалось организовать три района, каждый со своей полосой обслуживания, построенных по ступенчатому принципу. На северо-востоке и юго-западе располагались зоны промышленного строительства.

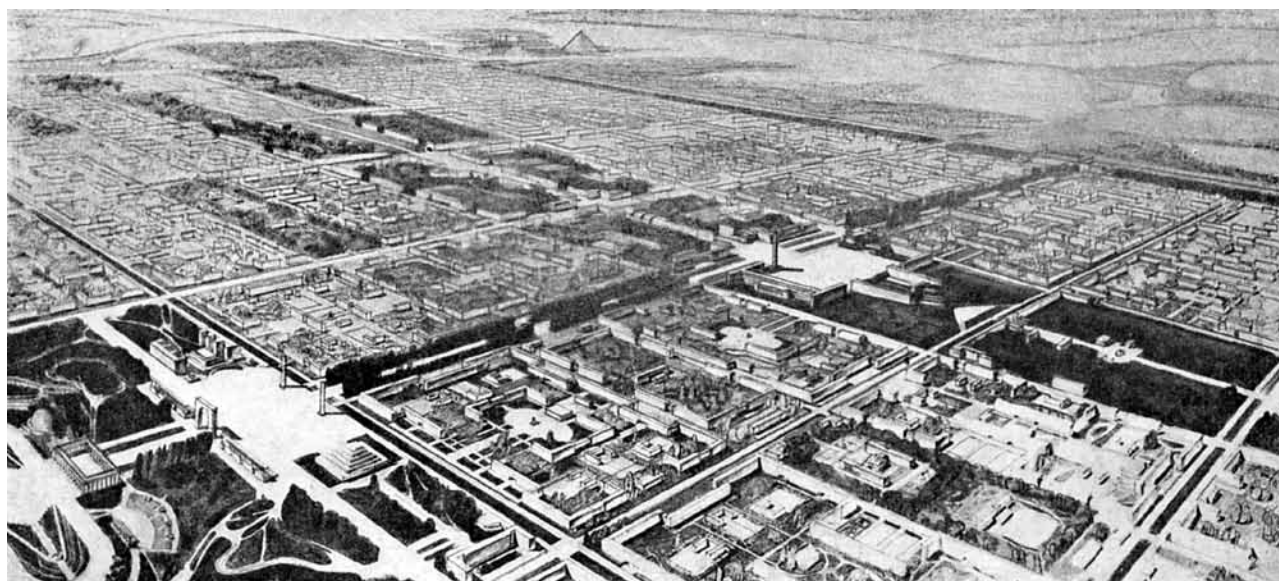
Учитывая значение Новой Горловки для развития горнодобывающей промышленности всего Донбасса, предполагалось, что в 1933 г. в городе будет проживать 50 тыс. жителей, а через 20 лет население увеличится втрое. На основе схемы плани-

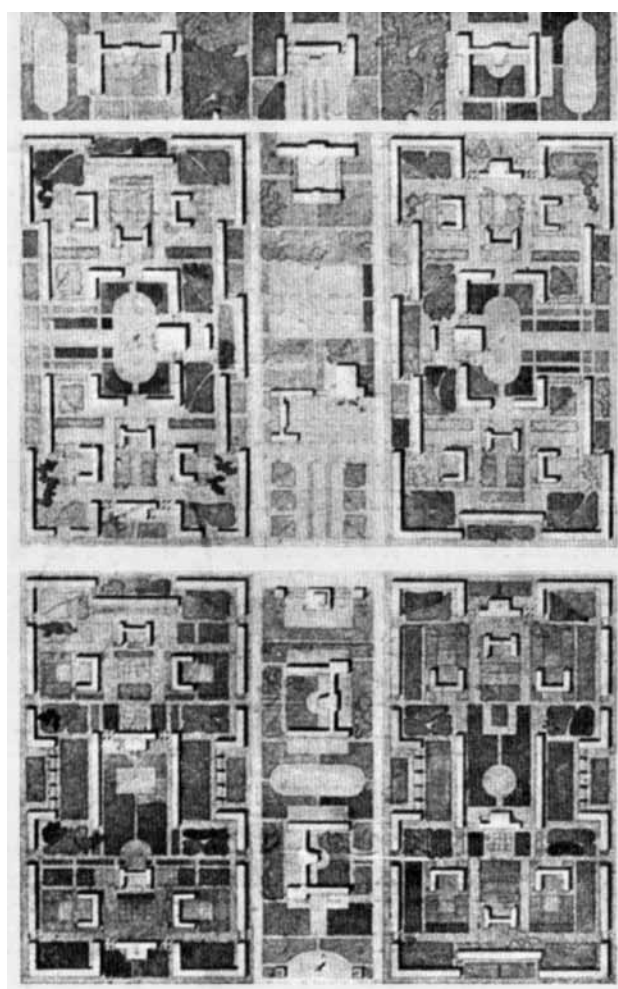
Новая Горловка. Проект прямоугольной площади

Новая Горловка. Композиция двух центральных площадей

Проект Новой Горловки. Перспектива. *Стандартгорпроект*

Новая Горловка. Планировка жилого квартала. *Стандартгорпроект*

ровки в Гипрограде в 1931–1932 гг. был разработан генеральный план Новой Горловки. При этом расчетное количество населения, в соответствии с новыми экономическими перспективами, уже составляло 250 тыс. человек⁵⁸.

В проекте с самого начала значительное внимание было уделено архитектурному облику центрального района города. В основу легла композиция из двух смежных площадей⁵⁹. Круглая площадь располагалась на пересечении основных магистралей города, была четко связана с вокзалом и внешними автомобильными дорогами. Вторая площадь, прямоугольных очертаний и гораздо больше по размеру, предназначалась для манифестаций, митингов, парадов. Она связывалась с круглой площадью монументально оформленным проездом-проходом, а с противоположной стороны примыкала к одной из магистралей, позволявших быстро эвакуировать большие массы людей, и далее к обширному парку. Застройка площади складывалась в основном из сооружений культурно-просветительского характера — музеев, картинной галереи, библиотеки, театра. Здания руководящих административно-политических и хозяйственных организаций располагались так, чтобы выходить фасадами на обе площади. Одновременно, как это нередко бывало в советском градостроительстве, проектирование Новой Горловки велось в Горстройпроекте.

Одно из центральных мест в строительстве новых городов Донбасса занимала Макеевка — центр добычи коксующихся углей и металлургической промышленности. Здесь в 1923–1924 гг. началась

Макеевка. Проект квартала-комплекса. Арх. М. Стам

масштабная реконструкция промышленности и шахт. Предполагался рост населения к началу 1940 г. с 17 тыс. до 250 тыс. человек. Разработка проекта генерального плана города проводилась в Горстройпроекте под руководством голландского архитектора Марта Стама⁶⁰.

В проекте чрезвычайно большое внимание было уделено анализу тех неблагоприятных факторов, которые влияли на характер застройки. В первую очередь — промышленные отходы, вредные газы, отравлявшие атмосферу и приводящие к очень тяжелым условиям проживания в при заводских поселках. «Существующие на этой территории поселки, — писал М. Стам, — не только не могут быть расширены, но, считаясь с здоровьем рабочих, следует, наоборот, стремиться к ликвидации этого жилфонда. Эта ликвидация должна распространиться также на находящиеся поблизости различных шахт поселки»⁶¹. Другие неблагоприятные факторы, как и в большинстве поселений Донбасса, были связаны с резким степным климатом, отсутствием лесов, постепенно истребленных по мере промышленного развития региона.

По проекту реконструированная территория старой Макеевки могла развиваться только как административный и культурный центр, а основная селитба выносилась в северную и южную части, на участки с более благоприятными условиями⁶². Старый город должен был превратиться в направленный с юга на север целый ряд городских центров: народного образования, обслуживания, административный и культурный. На самых высоких отметках центра предполагалось расположить Дом Советов и городской театр. Большое внимание уделялось озеленению — даже без защитных

полос на одного жителя должно было приходиться 45 кв. м зелени.

Первая очередь жилищного строительства намечалась в северной, более здоровой части города на расстоянии не менее 2 км от промышленной зоны, на участке, где угли залежали на глубине 150–200 м, не создавая опасности проседания почвы. Жилые районы застраивались «квартальными комплексами» на 10 тыс. жителей, состоявшими из четырех кварталов с развитой системой обслуживания⁶³.

Говоря об архитектурном облике города, М. Стам подчеркивал его принципиальную новизну. Город не должен был производить впечатления сложившегося постепенно, на основе частной инициативы и частных интересов, как при капитализме. Единовременность, плановость строительства, полнота обслуживания потребностей рабочих — все это должно было выражаться в застройке города.

Исходная ситуация для проектирования в Макеевке, пожалуй, в большей степени, чем в других городах Донбасса, была настолько осложнена, что это потребовало значительных усилий по дальнейшему изучению территории, в том числе схемы угольных выработок и возможных «зон обрушения», более тщательной разработки технико-экономических обоснований для развития города. Эта работа в течение 1930-х гг. продолжалась в Горстройпроекте под руководством экономиста-градостроителя С.Н. Покшишевского. Был разработан метод «исключения территорий», который был положен в основу дальнейшего архитектурно-градостроительного проектирования города⁶⁴.

Мощное индустриальное развитие, которое получила Украина в 1930-е гг., сказывалось не только на столичных городах или на строительстве новых

Днепропетровск. Проект оформления набережной. Середина 1930-х гг.

промышленных городов, но затрагивало в значительной мере практически все сложившиеся города, влияя на их реконструкцию. Примером может служить Днепропетровск, до революции благоустроенный, обладавший регулярной планировкой город Екатеринослав. В советское время он стал одним из важнейших индустриальных центров угольно-металлургической промышленности, частью Днепропетровско-Донецкого комбината, сохранившего свое значение и после ввода в эксплуатацию крупнейшего Урало-Кузнецкого комбината⁶⁵.

Расположение Днепропетровска на мощных водной и железнодорожной магистралях также способствовало росту его экономики. Однако при огромном объеме промышленного и жилищного строительства генеральный план города до 1931 г. не разрабатывался⁶⁶. Он был завершён в 1936 г. Гипроградом (рук. арх. М.П. Шаповалов, арх. М.Р. Карпович, Т.Е. Возненко) и предусматривал широкие реконструктивные мероприятия, «гарантирующие превращение Днепропетровска в образцовый социалистический город»⁶⁷. Но времена изменились, изменилось и само понимание социалистического города. Строительство жилых кварталов с обслуживанием в этом проекте явно потеряло свою актуальность, а все внимание было сосредоточено на формировании многоэтажной монументальной застройки центральной магистрали — пр. К. Маркса, где строились как административные, так и штучные жилые здания, а также включении в градостроительную композицию водной глади Днепра,

на другом берегу которого создавался обширный парк, контрастирующий с новой застройкой набережной⁶⁸.

Другим примером реконструкции сложившегося города со своими планировочными традициями может служить Одесса. Двойное назначение города: портово-промышленное и курортное — определили тот интерес, который проявлялся к Одессе с конца 1920-х г. Первоначальная схема реконструкции была разработана в 1927–1929 гг. архитектором М.Ф. Бесчастновым и проф. Я.С. Гольденбергом. В 1931–1934 гг. схему разрабатывал одесский филиал Гипрограда, учитывавший развитие в городе металлообрабатывающей, сельскохозяйственной и пищевой промышленности. Получала развитие приморская заводская окраина — Пересыпь, где размещались предприятия, связанные с морским портом. Второй промышленный район развивался на северо-западной окраине, сюда выводились многие предприятия из жилой зоны и возводились новые. Основные жилые районы располагались к югу, вдоль морского побережья, ранее застроенного частными дачами и санаториями. Город вытягивался вдоль побережья на 30 км, для связи отдаленных районов проектировалась электрическая железная дорога и трамвай⁶⁹.

В 1937–1939 гг. проект планировки города был разработан Архитектурно-планировочным управлением горсовета. В нем были в значительной степени пересмотрены основные положения планировочной схемы Гипрогора, в основном сохранялась

Днепропетровск. Проект Дома советских организаций. Середина 1930-х гг.

сложившаяся система улиц в старой части города, менялась организация и застройка жилья, расположение парков, отчасти направления роста города. основное внимание уделялось художественным проблемам застройки центра⁷⁰. До войны Одесса все же не получила четко проработанного и экономически обоснованного генерального плана, соответствовавшего объему и характеру ее промышленного роста.

Стилистика застройки городов практически во всех республиках во многом определялась отношением к национальному архитектурному наследию. 1930-е гг. — время активного поиска решения проблемы освоения наследия, как мирового, так и национального. Тема эта практически не сходилa со страниц архитектурной печати. В последние предвоенные годы Кабинет теории и истории архитектуры Академии архитектуры СССР разослал ведущим архитекторам страны анкету с вопросами о путях поиска национального своеобразия советской архитектуры и освоения архитектурного наследия.

В ответах многих крупных архитекторов предлагалось понимать наследие не как конечный результат творческого процесса, а как сам творческий процесс. Так, М.Я. Гинзбург писал: «Мы привыкли обычно понимать под наследием классические архитектурные памятники, к которым можно подходить как к чему-то обезличенному, имеющему ту или иную ценность в зависимости от возможного их применения и использования в текущей рабо-

те. Однако если подойти к греческой архитектуре с точки зрения живого творчества, картина получается совершенно иная»⁷¹.

Критиковался подход к наследию только как к набору готовых форм: «Исследователей интересует чаще всего не основной и действительно важный вопрос: каким образом, какими путями, каким методом приходили создатели ордерных систем к своим результатам, а лишь сам, отвлеченно взятый, результат их творчества, воспринятый как незыблемый канон», — писал И.Л. Маца⁷².

Провозглашаемое в теории отречение от копирования «архаичных деталей» чаще всего не реализовывалось, находясь в явном противоречии с требованием легкости узнавания наследия, «наглядности» связей. Предлагались разного рода «обходные маневры». Так, А.В. Щусев, критикуя стилизаторство в архитектуре, «копирование архаичных форм», в то же время видел путь практического освоения наследия в использовании «орнаментального фольклора», декорирующего здание⁷³.

Однако еще на первом Всесоюзном съезде архитекторов в 1937 г. стало достаточно ясно, что вопрос о выработке национальной формы социалистической архитектуры не предполагает долгих и изысканных творческих поисков, он должен быть решен твердо и быстро, поскольку рассматривается как один из основных инструментов новой культуры. В основном докладе «Задачи советской архитектуры» К.С. Алабян чеканил формулировки столь же жесткие, сколь и неопределенные по содержа-

нию: «...мы очень мало работали над проблемой национальной формы в нашей архитектуре, между тем социалистическое содержание может быть выражено только через национальную форму искусства... Архитектор, лишенный национальной гордости, не впитавший в себя все лучшее, что имеется в народном искусстве, не может создать подлинно реалистического произведения (...) В многообразии национальных культур народа наше колоссальное преимущество, во взаимном оплодотворении искусств братских народов — залог нашего творческого роста»⁷⁴.

На переломе культурной ситуации Украина, чья архитектура 1920-х — начала 1930-х гг. была ориентирована целиком на новаторство и использование принципов конструктивизма, чувствовала себя, возможно, гораздо менее уверенно, чем республики Средней Азии и Закавказья, где поиски национальной формы практически не прерывались, хотя и проходили с разной мерой успешности. Конечно, риторика о необходимости поиска национальной формы присутствовала в выступлениях украинских архитекторов и на Всесоюзном съезде, и на республиканских мероприятиях, проводившихся в порядке подготовки к нему: III пленуме Украинского оргкомитета ССА в декабре 1935 г.⁷⁵; специальном совещании в Киеве в начале 1936 г.⁷⁶; на Всеукраинском съезде архитекторов, состоявшемся за несколько дней до открытия Всесоюзного съезда — в июне 1937 г.⁷⁷ Но ничего конкретного за этими словами не стояло, кроме вялой дискуссии о том, нужно ли рассматривать в качестве наследия украинское барокко или необходимо сосредоточиться исключительно на народном творчестве. Практический же результат был скорее отрицательный: на украинской архитектурной выставке, состоявшейся в Киеве в порядке подготовки к съезду летом 1936 г., ее устроители не решились предъявить то, что еще недавно считалось главными достижениями архитектуры республики, — Днепрогэс, здание Госпрома, материалы конкурса на театр массового действия и т.п. Достижений на пути освоения национального и классического наследия предъявить пока не было возможности.

Характерно, что А.Л. Эйнгорн, также выступивший на Всесоюзном съезде, не касался этой темы, а говорил о совершенно другой проблеме: повсеместном отсутствии комплексности в застройке социалистических городов распылении строительства на огромных территориях нарушениях проектов. Поэтому проектировщик-градостроитель, говорил он, не в состоянии увидеть в натуре результаты

Харьков. Жилой дом с обслуживанием.
Арх. И.Г. Таранов-Белозеров, М.Л. Мовшович,
В.П. Костенко. 1931–1933

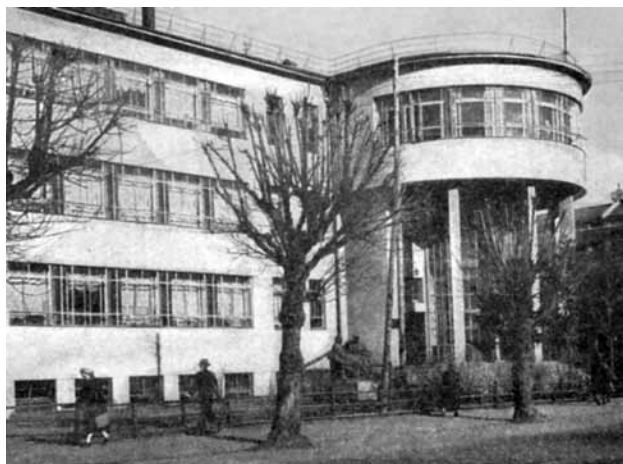

Харьков. Жилой дом «Коммунар».
Арх. А.В. Линецкий, В.Н. Богомолов. 1932

Харьков. Жилой дом ЮЖД. Арх. А.Н. Бекетов

Минск. Белорусская государственная библиотека им. Ленина. *Арх. Г.Л. Лавров*

Минск. Гостиница «Беларусь». *Арх. А.П. Воинов. 1934–1938*

своей работы, проанализировать этот опыт, учесть ошибки. Но эта важнейшая жизненная проблема не нашла на съезде своего отражения, а через год, на III пленуме правления ССА 1938 г., все недостатки в строительстве городов были списаны на происки врагов народа.

В Белоруссии проблематика национальной формы обсуждалась в еще меньшей степени, чем на Украине, в том числе в силу немногочисленности и слабой активности местных архитектурных кадров. Так, на Всесоюзном съезде архитекторов Украина была представлена делегацией в 80 человек — самой большой среди национальных республик, а Белоруссия — делегацией в составе 4 человек — самой маленькой по численности⁷⁸. В большинстве

крупных построек, возводившихся в столице республики Минске, ощущались определенные отголоски конструктивистской эстетики, например в творчестве архитектора Г. Лаврова, построившего Государственную библиотеку им. Ленина в столице республики. Основные здания — Дом правительства и Театр оперы и балета, спроектированные ленинградским архитектором И.Г. Лангбардом и задававшие тон в застройке города, были выполнены в нарочито упрощенных «постконструктивистских» формах. Но его же Окружной дом офицеров — это уже попытки использовать столь же упрощенный классический ордер. В этом же «неопределенно-классическом» направлении и развивалась архитектура Белоруссии во второй половине 1930-х гг.

Примечания

Градостроительство республик Средней Азии и Казахстана

1. Часть территории современного Казахстана географически относится к Средней Азии. В культурном отношении это единый ареал.
2. Первым государственным образованием стала Туркестанская АССР в составе РСФСР, образованная 30 апреля 1918 г. на территории бывшего Туркестанского генерал-губернаторства (после Февральской революции Туркестанский край), включавшей Закаспийскую, Самаркандскую, Семиреченскую, Ферганскую, Сырдарьинскую области. Столицей республики стал Ташкент.

В то же время с 1918 г. шла подготовка к созданию казахской автономии в составе РСФСР. 26 августа 1920 г. была образована Киргизская АССР (в апреле 1925 г. переименована в Казахскую АССР, по дореволюционному названию народностей — кайсак-киргизы или кайсак-казаки). В состав республики была дополнительно введена Оренбургская область, столицей республики стал г. Оренбург.

В ходе национально-государственного размежевания в октябре 1924 г. распалась Туркестанская АССР, на ее территории образовались Узбекская ССР и Туркменская ССР. Семиреченская и Сырдарьинская области были присоединены к Казахстану, а из его состава выведены Каракалпакия (с 1932 г. Каракалпакская АССР, передана Узбекистану в декабре 1936 г.) и Оренбургская область (февраль 1925 г., возвращена в состав РСФСР). 5 декабря 1936 г. Казахской АССР был придан статус союзной республики с названием Казахская ССР.

С октября 1924 г. в составе Узбекской ССР образовалась Таджикская АССР, которая стала самостоятельной республикой в составе СССР в октябре 1929 г.

В это же время в составе Киргизской АССР (нынешний Казахстан) была выделена Кара-Киргизская АО (1926), позднее преобразованная в Киргизскую ССР (декабрь 1936).

Нельзя не упомянуть и о недолгом существовании Бухарской Народной Советской Республики (БНСР), возникшей в 1920 г. после ликвидации Бухарского эмирата. В сентябре 1924 г. она была преобразована в Бухарскую Советскую Социалистическую республику, но через месяц ликвидирована. Ее территория вошла в состав Узбекской ССР, Туркменской ССР, Таджикской АССР.

Сходная судьба постигла Хорезмскую Народную Советскую республику (ХНСР), созданную в 1920 г. в связи с ликвидацией Хивинского ханства. В октябре 1923 г. она была преобразована в Хорезмскую Социалистическую Народную Республику, а в период национально-территориального размежевания (осенью 1924 г.) ликвидирована. Ее территория была разделена между Узбекской ССР, Туркменской ССР и Каракалпакской АО, входившей тогда в РСФСР.

3. Гинзбург М.Я. Национальная архитектура народов СССР // Современная архитектура. 1926. № 5–6.
4. Воронин Л. Среднеазиатские города и вопросы их планировки // Строительная промышленность. 1927. № 2. С. 131–137.
5. Опубликовано в: Советская архитектура. 1931. № 1–2.
6. Соколов Н.Б. Новый Чарджуй // Планировка и строительство городов. 1933. № 6. С. 7–13.
7. Хитер О.Е. Комплекс правительственных зданий в Чарджуе // Планировка и строительство городов. 1933. № 6. С. 24–27.
8. Лавров В., Попов В. К проблеме реконструкции городов в условиях Средней Азии. Статья первая // Советская архитектура. 1931. № 3. С. 30–37.
9. Подробнее см.: Аскарлов Ш.Д. Генезис архитектуры Узбекистана. Ташкент: Изд. журн. SAN'AT, 2014. С. 119–120.
10. См.: Аскарлов Ш.Д. Среднеазиатский конструктивизм. Строительство и архитектура Узбекистана. 1975. № 2. С. 20–25.
11. См.: Там же.
12. Зияев А.А. Этапы формирования и преемственного развития центра г. Ташкента. Дисс. ... канд. арх. Ташкент, 1984.
13. Постановление СНК УзССР и ЦК КП(б)Уз «О генеральном плане реконструкции г. Ташкента» // О плане реконструкции города Ташкента. Ташкент: Гос.изд. УзССР, 1938. С. 5.
14. Кузнецов А. Реконструкция столицы Узбекистана // Архитектура СССР. 1939. № 7. С. 6–15.
15. Мостаков А. Молодые планировщики // Архитектура СССР. 1939. № 3. С. 45–48.
16. Там же.
17. Косенкова Ю.Л. Советский город конца 1940-х — начала 1950-х гг. От творческих замыслов к практике строительства. М.: URSS, 2009.
18. Подробнее об оренбургском периоде биографии И.В. Рянгина см.: Исковский А. 18 киловатт для Ивана Рянгина, абонента № 1738 // Оренбургская неделя. 2014. № 7. 12 февраля; Интернет-публикация: www.onlineon.ru/2014-02-06/article/10278/refine/#refine.
19. Рянгин И.В. Оренбург будущего // Советская Киргизия (журн.). 1924. № 5, 6.
20. Глаутдинов Б., Сейдалинов М.Г., Карныков А.С. Архитектура Советского Казахстана. М.: Стройиздат, 1987. С. 38.
21. Там же. С. 39.
22. Малиновская Е.Г. Соцгород «Большая Алма-Ата» как важная страница истории советского зодчества 1920–30-х годов // Искусствознание. 2011. № 3–4. С. 277–314.
23. Алма-Ата. Планировка и реконструкция / Под ред. и с предисл. М.Н. Сарумова. Алма-Ата: Казгосиздат, 1937.
24. Глаутдинов Б., Сейдалинов М.Г., Карныков А.С. Архитектура Советского Казахстана. М.: Стройиздат, 198. С. 60–61.
25. Кацнельсон Ю.И., Азизов А.К., Высоцкий Е.М. Архитектура советской Туркмении. М.: Стройиздат, 1987. С. 70.
26. Паршутова Т.В. Возрастание роли системы озеленения в формировании планировочной структуры Ашхабада // Градостроительство и архитектура Туркмении. Тематический сб. Ашхабад. 1976. С. 79–86.
27. Кацнельсон Ю.И., Азизов А.К., Высоцкий Е.М. Архитектура советской Туркмении. М.: Стройиздат, 1987. С. 62.
28. Интергельпо — промысловый кооператив из Чехословакии, добровольно направившийся после призыва В.И. Ленина строить социализм на территорию нынешней Киргизии. Главным образом состоял из чехов, словаков и венгров. В 1925 г. был признан лучшим кооперативом Советского Союза. Ликвидирован в 1943 г., многие интергельповцы были репрессированы, другие вернулись в Чехословакию либо погибли на фронте. Часть интергельповцев осталась жить в г. Фрунзе — <https://ru.wikipedia.org/wiki/Интергельпо>.
29. Труды киргизской комплексной экспедиции 1932–1933 гг. М.: АН СССР, 1933.
30. Калмыков В. Архитектурно-планировочные проблемы Средней Азии // Планировка и строительство городов. 1935. № 2. С. 27–33.

31. *Веселовский В.Г., Мукимов Р.С., Мамадназаров М.Х., Мамаджанова С.М.* Архитектура Советского Таджикистана. М.: Стройиздат, 1987. С. 61.
32. *Попов Ф.В.* Планировка Сталинабада // Социалистический город. 1937. № 2. С. 13–15.
33. *Ситко В.* К вопросу о планировке Сталинабада // Социалистический город. 1937. № 7. С. 7–8.
34. *Попов Ф.В.* К вопросу о социалистической реконструкции городов Средней Азии // Социалистический город. 1936. № 10. С. 18–23.
35. Там же. С. 18.
36. *Георгиевский М.* Сталинабад // Архитектура СССР. 1939. № 7. С. 23–24.
37. *Веселовский В.* Архитектурная практика Сталинабада // Архитектура СССР. 1941. № 6. С. 44–47.
38. *Глаутдинов Б., Сейдалин М.Г., Карныков А.С.* Архитектура Советского Казахстана. М.: Стройиздат, 1987. С. 35.
39. Там же. С. 64–65.
40. *Орлов Г.М., Лавров В.А.* Проект Чирчикстроя // Архитектура СССР. 1936. № 6. С. 46–48.
41. *Лавров В.* Верхний город Чирчика // Архитектура СССР. 1939. № 7, С. 16–18.
42. Подобные проекты и проекты конструктивистов для Средней Азии рассмотрены С.О. Хан-Магомедовым: Архитектура советского авангарда. Книга первая. Проблемы формообразования. Мастера и течения (Раздел 3. В республиках Средней Азии и Казахстана).
43. См.: *Аскарлов Ш.Д.* Среднеазиатский конструктивизм // Строительство и архитектура Узбекистана. 1975. № 2. С. 20–25.
44. Там же.
45. Дом правительства в г. Алма-Ата. Конкурс МАО // Строительная промышленность. 1928. № 5. С. 375–377.
46. *Глаутдинов Б., Сейдалин М.Г., Карныков А.С.* Указ. соч. С. 54.
47. *Кричевский Д.* Дворец правительства Казахской ССР // Архитектура СССР. 1939. № 7. С. 19–22.
48. *Полупанов С.* Зал заседаний Верховного Совета Узбекской ССР // Архитектура СССР. 1940. № 12. С. 50–52.
49. См.: *Пугаченкова Г.А.* Вклад ученых Узбекистана в изучение архитектурного наследия республики // Строительство и архитектура Узбекистана. 1973. № 7. С. 1–3; *Маньковская Л.Ю.* Беречь изучать архитектурное наследие // Строительство и архитектура Узбекистана. 1977. № 8. С. 1–5.
50. *Михайлов Б.* Форма и содержание в архитектуре // Архитектура СССР. 1941. № 2. С. 40.
51. *Михайлов Б.* Ордер в советской архитектуре // Архитектура СССР. 1939. № 8. С. 36.
52. *Фомин И.А.* Творческие пути советской архитектуры и проблема архитектурного наследия // Архитектура СССР. 1933. № 3–4. С. 16.
53. *Фомин И.А.* Принципы творческой работы архитектурной мастерской № 3 // Академия архитектуры. 1934. № 1–2. С. 83–91.
54. *Гинзбург М.Я.* Наследие и новаторство. С. 52; см. также: *Маркузон В.Ф.* Готическая архитектура и проблема художественного образа // Архитектура СССР. 1940. № 6. С. 66.
55. *Жолтовский И.В.* Классика и эклектика. Беседа, записанная А. Габричевским // Строительная газета. 1940. 4 апреля. См. также: *Гольц Г.П.* Об архитектуре. Из архива Г.П. Гольца 1936–1946 гг. // Мастера советской архитектуры об архитектуре. М.: 1975. С. 326.
56. *Гольц Г.П.* О социалистическом реализме в архитектуре. 1941. Рукопись. ЦНИИТИА. Б-6028. С. 8.
57. *Борисовский Г.Б.* Архитектурные формы и конструкции // Архитектура СССР. 1940. № 11. С. 54; *Буров А.* Проблемы фасада жилого дома // Архитектура СССР. 1938. № 5. С. 32–42; *Маркузон В.Ф.* Метафора и сравнение в архитектуре // Архитектура СССР. 1939. № 5. С. 57–59.
58. *Полупанов С.Н.* Опыт разработки национальных мотивов в архитектуре Узбекистана // Архитектура СССР. 1937. № 5. С. 31–34; он же: Зал заседаний Верховного Совета Узбекской ССР // Архитектура СССР. № 12. С. 50–52.
59. *Мельников К.С.* Архитектуре первое место // Строительство Москвы. 1934. № 1. С. 9–11.

Градостроительство республик Закавказья

1. *Алескеров Г.* К истории образования центральных кварталов Баку и вопросы их реконструкции // Известия АН Азерб. ССР. Серия обществ. наук. 1960. № 2.
2. *Бретаницкий Л., Саламзаде А.* Архитектура советского Азербайджана. М.: Издательство лит по стр-ву, 1973. С. 12–15.
3. *Асатиани Н.Л.* Грузинское советское градостроительство 1920–30-х гг. / Автореф. ... дисс. канд. иск. Тбилиси, 1984. С. 23–25.
4. История формирования союзных республик Закавказья была очень сложной. После Октябрьской революции в России 28 ноября 1917 г. в Тбилиси был создан Закавказский комиссариат во главе с меньшевиками, создавший в

феврале 1918 г. новый орган государственной власти — Закавказский сейм. Сейм объявил Закавказскую Демократическую Федеративную Республику, которая распалась уже в мае 1918 г. на три новых государства: Грузинскую Демократическую Республику, Азербайджанскую Демократическую Республику, Республику Армения.

18 февраля 1921 г. Грузия была провозглашена Советской Социалистической Республикой. В марте 1921 г. в Москве РСФСР и Турция подписали договор, по которому Турция отказывалась от Батуми и северной части Аджарии. Согласно договору Аджария признана частью ССР Грузии. 16 декабря 1921 г. ССР Абхазия и ССР Грузия подписали Союзный договор, согласно которому Абхазия на федеративных началах входила в состав ССР Грузии. 19 февраля 1931 г. ССР Абхазия была преобразована в автономную республику в составе Грузии.

В Цхинвале (ныне Цхинвали) советская власть была установлена в марте 1921 г., а год спустя, в 1922 г., Цхинвал стал столицей Юго-Осетинской автономной области в составе Грузинской ССР. В этом же году Цхинвал получил официальный статус города.

Независимая Республика Армения перестала существовать в 1920 г. 29 ноября 1920 г. в Армении была установлена советская власть и образована Армянская ССР. По итогам завершения Первой мировой войны и поражения в ней Османской империи 10 августа 1920 г. в городе Севр во Франции между союзными державами и Османской империей был подписан мирный договор, по которому предполагался раздел империи. В частности, согласно этому договору к армянскому государству должна была перейти значительная часть Западной Армении с выходом в Черное море. Однако Турция отказалась ратифицировать договор. Вспыхнувшая армяно-турецкая война ни к чему не привела. 16 марта 1921 г. в Москве был подписан договор между Турцией и РСФСР, согласно которому Армении возвращался город Александрополь (позже Ленинакан, ныне Пюмри) с некоторыми прилегающими территориями, а Нахичеванский уезд и часть других территорий были переданы под протекторат Азербайджанской ССР в качестве автономии.

Азербайджанская ССР была образована 28 апреля 1920 г. сразу после падения Азербайджанской Демократической Республики. В состав Азербайджанской ССР позже вошли Нахичеванская Автономная Советская Социалистическая Республика и Нагорно-Карабахская автономная область.

12 марта 1922 г. в Тифлисе конференция представителей ЦИК Азербайджанской ССР, ЦИК Армянской ССР и ЦИК Грузинской ССР утвердила договор о создании Федеративного Союза Социалистических Советских Республик Закавказья (ФСССРЗ).

13 декабря 1922 г. 1-й Закавказский съезд Советов (Баку) преобразовал ФСССРЗ в Закавказскую Социалистическую Федеративную Советскую Республику (ЗСФСР) при сохранении самостоятельности входивших в нее республик.

30 декабря 1922 г. ЗСФСР с РСФСР, БССР и УССР объединяются в Союз ССР.

5. В частности, см. гл. 2 настоящего издания (М.Г. Меерович).
6. Серебровский А.П. — профессиональный революционер, организатор промышленности, ученый-экономист. Возглавлял Азнефть с 1920 по 1930 г. Позднее стал заместителем С. Орджоникидзе по Наркомату тяжелой промышленности. Расстрелян в 1938 г.
7. *Эфендизаде Р.М.* Архитектура советского Азербайджана. М.: Стройиздат, 1986. С. 59.
8. *Багирбекова Н.* К истории поселкового строительства Азнефти // Исследования и материалы по архитектуре и искусству Азербайджана. Баку, 1966.
9. *Давидович В.Г., Чижикова Т.А.* Александр Иваницкий. М.: Стройиздат, 1973.
10. *Эфендизаде Р.М.* Указ. соч. С. 66.
11. Авторы: А. Иваницкий, В. Веснин, А. Самойлов, А. Пастернак, В. Кратюк, Р. Поляк, М. Горячев, М. Князьков, Н. Скобеев, С. Сулин, А. Андреева-Бодунова, Д. Тарасов, Т. Чижикова; консультанты: А. Веснин, Л. Веснин, В. Образцов, П. Диатроптов, Н. Роллов.
12. *Семенов-Прозоровский В.* Планировка Баку // Архитектура СССР. 1934. № 6. С. 46—51.
13. *Сосфенов И.* Новый Баку. Путевые заметки // АС. 1934. № 6. С. 36—45.
14. *Сосфенов И.* Указ. соч. С. 44.
15. Арх. В. Семенов-Прозоровский, Н. Беседа, В. Арманд, В. Пашков.
16. *Семенов-Прозоровский В.* Планировка Баку // Архитектура СССР. 1934. № 6. С. 46—51.
17. Там же.
18. Схема планировки высоко оценивалась экспертами проекта — М.Я. Гинзбургом и В.А. Весниным. Работа не была завершена, прервавшись на стадии эскиза, но оказала большое влияние на последующее проектирование города.
19. *Дадашев С.А., Усейнов М.А.* Генеральный план г. Баку // Архитектурная газета. 1938. № 24. 28 апреля. С. 3.
20. *Семенов-Прозоровский В.В.* Новая планировка столицы Азербайджана // Архитектурная газета. 1937. № 63. 8 сентября. С. 2.
21. *Эфендизаде Р.М.* Указ. соч. С. 73.

22. Ковальская-Ильина П.В. Озеленение Баку // Архитектурная газета. 1936. № 27. 12 мая. С. 3.
23. Бальян К.В. Современная национальная архитектура Армении. Ереван: Айастан, 1987.
24. Там же. С. 63–66.
25. Там же..
26. Ежегодник «Октембер-Ноембер». 1932. С. 335. Цит. по: Григорян А.Г. Градостроительная культура Советской Армении 1920–1930 годов // Известия Академии наук Армянской ССР. Сер «Общественные науки». 1960. № 3. С. 26.
27. Газета «Хорурдаин Айастан». 1928. № 390. Цит. по: Григорян А.Г. Указ. соч.
28. Бальян К.В. Советская архитектура Армении: две концепции развития // Архитектура сталинской эпохи. Опыт исторического осмысления / Сост. и отв. ред. Ю.Л. Косенкова. М.: КомКнига, 2010. С. 226–236.
29. В этот период были репрессированы и главный архитектор Еревана Н.Г. Буниатян (Бунятатов), поддерживавший направленность работы Таманяна, и критиковавшие ее архитекторы-конструктивисты, выпускники ВХУТЕИНА М.Д. Мазманиян и Г.Б. Кочар.
30. Григорян М. В поисках прошлого. — <http://markgrigorian.livejournal.com/622398.html>
31. ССА СССР. Планировка и строительство городов СССР. Мат-лы III пленума Правления ССА СССР. 7–11 июля 1938 г. М.: Изд. ВАА, 1938. С. 83.
32. Григорян А.Г., Товмасыан М.Л. Архитектура Советской Армении. М.: Стройиздат, 1986. С. 51.
33. Малоземов И. Столица солнечной Армении // Архитектурная газета. 1937. № 73. 28 октября. С. 2.
34. Асатиани Н.Л. Грузинское советское градостроительство 1920–1930-х годов. Тбилиси: Мецниереба, 1989. С. 29.
35. Подробнее см.: Асатиани Н.Л. Указ соч. С. 29–30.
36. Цинцадзе Н.Д. Новые районы Тифлиса // За социалистическое коммунальное хозяйство ЗСФСР. 1932. № 1. С. 61–62.
37. Там же.
38. Мгалоблишвили Н. Зеленые насаждения новому Тифлису // За социалистическое коммунальное хозяйство ЗСФСР. 1932. № 1. С. 58–59.
39. Сахурия Г. Кура—транспортная магистраль города // Социалистическое хозяйство Закавказья. 1934. № 9. С. 161–164.
40. Подробнее см.: глава 22 настоящего издания (Ю.Л. Косенкова).
41. Чавчавадзе Г.И. Проект социалистической реконструкции города Тифлиса // Социалистическое хозяйство Закавказья. 1935. № 1. С. 98–108.
42. Асатиани Н.Л. Указ соч.
43. Большой Тифлис. На общественном просмотре проекта реконструкции Тифлиса // Архитектурная газета. 1935. № 17. 23 марта. С. 1.
44. Там же.
45. Цит. по: Чавчавадзе Г.И. Указ соч.
46. Роговский В. Съезд архитекторов Грузии // Архитектурная газета. 1936. № 13. 3 марта. С. 4.
47. Сумбадзе Л.З., Лордкипанидзе Б.В. Реконструкция Тбилиси // Архитектурная газета. 1936. № 70. 18 декабря. С. 3.
48. Щусев А.В. Путевые впечатления. Ч. III // Архитектурная газета. 1936. № 37. 3 июля. С. 3.
49. Роговский В. Столица Закавказья // Архитектурная газета. 1936. № 25. 1 мая. С. 3.
50. Калашников М.Г. На берегах Куры // Архитектурная газета. 1936. № 58. 18 октября. С. 2.
51. Северов Н.П. Набережные Тбилиси // Архитектурная газета. 1937. № 13. 3 марта. С. 3.
52. Асатиани Н.Л. Указ соч. С. 65–66.
53. Гинзбург М.Я. Проект парка культуры и отдыха в Тифлисе // Архитектура СССР. 1935. № 9. С. 35–42.
54. Там же.
55. Северов Н. Парк культуры и отдыха в Тифлисе // Архитектурная газета. 1936. № 24. 28 апреля. С. 2.
56. Ильина М. Парк культуры и отдыха им. Сталина в Тбилиси // Архитектура СССР. 1938. № 11. С. 50–55.
57. Морозов А. Столица Грузии застраивается без плана // Архитектурная газета. 1938. № 37. 3 июля. С. 2.
58. ССА СССР. Планировка и строительство городов СССР. Мат-лы III плен. Правл. ССА СССР. 7–11 июля 1938 г. М.: ВАА. 1938. С. 103–104.
59. Мамедбеков К.Г. Сумгаит. Архитектурно-планировочное развитие. Баку: Элм, 1988.
60. Непринцев М.Н. Социалистическая планировка Нахичевани // За социалистическое коммунальное хозяйство ЗСФСР. 1932. № 2–3. С. 49–55.

61. *Непринцев М.Н.* Социалистическая планировка Ордубата // За социалистическое коммунальное хозяйство ЗСФСР. 1932. № 1. С. 46–52.
62. ССА СССР. Планировка и строительство городов СССР. Мат-лы III пленума Правления. ССА СССР. 7–11 июля 1938 г. М.: ВАА, 1938. С. 74.
63. *Григорян А.Г.* Указ. соч. С. 28.
64. *Асатиани Н.Л.* Указ соч. С. 27.
65. Там же.
66. *Комахидзе Д.Х.* Батуми. Планировка и застройка города. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1968. С. 32.
67. *Кобахия З.* Социалистическая планировка Сухума // За социалистическое коммунальное хозяйство ЗСФСР. 1932. № 4. С. 34–38.
68. *Зубин А.А., Смирнов А.С.* Планировка Сухума // Планировка и строительство городов. 1933. № 3. С. 12–16.
69. Там же.
70. *Асатиани Н.Л.* Указ соч. С. 39.
71. *Заславский А.* Планировка курорта Гагры // Архитектура СССР. 193. № 8. С. 46–49.
72. *Щусев А.* Строительство курорта «Псырца» в Абхазии (бывш. Новый Афон) // Архитектура СССР. 1936. № 12. С. 24–28.
73. *Асатиани Н.Л.* Указ. соч. С. 48.
74. *Сумбадзе Л.* Проект планировки и реконструкции г. Гори // Архитектура СССР. 1939. № 12. С. 42–48.
75. Там же.
76. *Орджоникидзе В.* Планировка городов Грузинской ССР // Архитектура СССР. 1938. № 23. 24 апреля. С. 3.
77. *Фридолин П.* Наши творческие искания // Архитектурная газета. 1935. № 3. 13 января. С. 4.
78. Какой должна быть архитектура Азербайджана: Материалы дискуссии // Архитектурная газета. 1935. № 7. 3 февраля. С. 2.
79. *Дадашев С.* Доклад на I Всесоюзном съезде ССА СССР // Архитектурная газета. 1937. 20 июня. № 42. С. 3.
80. *Степченко Г.* Не уродовать рабочие поселки // Архитектурная газета. 1936. № 16. 18 марта. С. 2.
81. *Фридолин П.П.* Наши творческие искания // Архитектурная газета. 1936. № 1. 3 января. С. 2.
82. *Дадашев С.А., Усейнов М.М.* О колоннах, печных трубах, об архитектуре Москвы и Баку // Архитектурная газета. 1936. № 7. 3 февраля. С. 3.
83. *Буняттов Н.Г.* Ереван — столица Армении // Архитектурная газета. 1936. № 66. 28 ноября. С. 4.
84. *Армен (без инициалов).* Современная архитектура Армении // Архитектурная газета. 1935. № 26. 8 мая. С. 2.
85. Там же.
86. *Кочар Г.* Архитектура Советской Армении // Архитектурная газета. 1936. № 69. 12 декабря. С. 3.
87. *Кочар Г.* Опыт жилищного строительства в Армении // Архитектурная газета. 1936. № 49. 3 сентября. С. 2.
88. М. (Без фамилии) В мастерских Эривани // Архитектурная газета. 1935. № 37. 3 июля. С. 2.
89. *Северов Н.П.* Столица Советской Грузии // Архитектурная газета. 1937. № 82. 12 декабря. С. 4.
90. Как работает союз архитекторов Грузии // Архитектурная газета. 1937. № 20. 8 апреля. С. 3.
91. *Асатиани Н.Л.* Указ. соч. С. 40.
92. Одновременно со зданием Заксовнаркома Н. Северов построил совершенно другое по стилистике здание Государственного музея Грузии, где автор обратился к национальной архитектуре.
93. *Квирквелия Т.Р., Мгалоблишвили Н.М.* Архитектура советской Грузии. М.: Стройиздат, 1986. С. 67.
94. *Инцквелели С.* Об архитектуре Грузии // Архитектурная газета. 1936. № 8. 8 февраля. С. 2.
95. Как работает союз архитекторов Грузии // Архитектурная газета. 1937. № 20. 8 апреля. С. 3.
96. Архитектура Советской Грузии. Доклад тов. М.К. Шавишвили на первом Всесоюзном съезде советских архитекторов // Архитектурная газета. 1937. № 43. 20 июня. С. 1.
97. *Северов Н.* Архитектура Тбилиси // Архитектура СССР. 1941. № 1. С. 1–14.
98. *Самойлов А.* Строительство дворца правительства Грузии // Социалистическое хозяйство Закавказья. 1934. № 8. С. 167–183.
99. *Корнфельд Я.А.* Дворец правительства Грузии // Архитектурная газета. 1935. № 59. 22 октября. С. 2.
100. Там же.
101. *Кокорин В.* На проспекте Шота Руставели // Архитектурная газета. 1938. № 62. 7 ноября. С. 2.

Градостроительство Украины и Белоруссии

1. Советская социалистическая Республика Белоруссия была впервые провозглашена в январе 1919 г., когда она вышла из состава РСФСР. В феврале объединилась с Литовской Советской республикой в Социалистическую Советскую Республику Литвы и Белоруссии, прекратившую свое существование в результате польской оккупации. В июле 1920 г. была восстановлена Белорусская Советская Социалистическая Республика. БССР в числе четырех советских республик 30 декабря 1922 г. подписала Договор об образовании СССР.
В марте 1924 г. и в декабре 1926 г. территории РСФСР: части Витебской (с Витебском), Смоленской (с Оршей), Гомельской (с Гомелем) губерний — были переданы в состав Белорусской ССР. Тем самым ее территория увеличилась более чем вдвое. В ноябре 1939 к БССР была присоединена Западная Белоруссия
Украинская Народная Республика Советов была провозглашена в декабре 1917 г. В декабре 1917 — феврале 1918 г. на территории Украины также были провозглашены Донецко-Криворожская Советская республика и Одесская Советская республика. Однако уже к апрелю 1918 г. в связи с немецкой оккупацией они перестали существовать. Весной 1919 г. советская власть снова была восстановлена на Украине, была провозглашена Украинская Социалистическая Советская Республика со столицей в Харькове. В ней образовались Бессарабская и Галицийская автономии, в 1921 г. вышедшие из состава республики. 22 декабря УССР подписала договор о создании СССР. В 1936 г. в связи с принятием новой Конституции переименована в Украинскую Советскую Социалистическую Республику. Была вторым по важности (после РСФСР) компонентом СССР, превосходя по уровню производства остальные союзные республики.
2. *Алешин В.Э.* Развитие представления о социалистическом поселении в градостроительстве Украины в 1920-х — начале 1930-х гг. Дисс. ... канд. арх. Киев—Москва, 1987.
3. *Аникин В.И., Бовт И.И., Воинов А.А., Потапов Ю.Ф., Соколовский В.Э.* Архитектура Советской Белоруссии. М.: Стройиздат, 1986. С. 38—40.
4. Там же. С. 24.
5. (Без автора). К конкурсу на здание Белорусского гос. университета. // Строительная промышленность. 1926. № 8. С. 568—569; *Шарков И.* Конкурс на постройку Дома правительства БССР в Минске // Строительная промышленность. 1929. № 12. С. 1056—1060.
6. *Шведер В.* Столице БССР — социалистическую планировку // За социалистическую реконструкцию городов (СОРЕГОР). 1933. № 1. С. 45.
7. *Гофман Б.С.* Генеральный проект планировки Минска // Планировка и строительство городов. 1935. № 12. С. 3—6.
8. *Киловатов Ю.М.* Планировка и архитектура столицы Белоруссии // Планировка и строительство городов. 1935. № 12. С. 7—14.
9. *Черкасова Е.Т.* Идеи и реализация плана социалистической реконструкции Харькова 1933—1935 годов. Советское градостроительство 1920—1930-х годов. Новые исследования и материалы / Сост. и отв. ред. Ю.Л. Косенкова. М.: Книжный дом «Либроком», 2010. С. 129—155.
10. *Черкасова Е.Т.* Указ. соч. С. 129—130.
11. *Ожиганов И.* О завтрашнем Харькове. К вопросу об устройстве городов-садов в Харькове // Жилищная кооперация Украины. 1927. № 17. С. 11—14; *Селивановский В.* Еще к вопросу об устройстве в Харькове «города-сада» // Жилищная кооперация Украины. 1928. № 2. С. 22—24; *Местецкий Я.И.* Еще о «городе-саде» // Жилищная кооперация Украины. 1928. № 6. С. 20—23 и др.
12. *Алешин В.Э.* Указ. соч. С. 152—153.
13. Там же. С. 147—148.
14. Там же.
15. Подробнее см. гл. 22 настоящего издания (Ю.Л. Косенкова).
16. *Эйнгорн А.Л.* Перепланировка и архитектурная реконструкция Харькова // Архитектура СССР. 1934. № 2. С. 38—51.
17. Там же. См. также: *Эйнгорн А.Л.* Социалистическая реконструкция Харькова // За социалистическую реконструкцию городов (СОРЕГОР). 1935. № 10—11. С. 10—17.
18. (Без автора). Конкурсные проекты здания госпромышленности в Харькове, дома культуры для Ленинграда // Строительная промышленность. 1926. № 5. С. 380.
19. *Марковников Н.* Ежегодник Ленинградского Общества архитекторов-художников / Конкурсные проекты Дома Госпрома и Дома правительства в Харькове // Строительная промышленность. 1928. № 9. С. 652—655.
20. *Черкасова Е.Т.* Указ. соч. С. 144.
21. Редакционная врезка к ст.: *Перетяткович Б.* Дом кооперации УССР // Строительная промышленность. 1929. № 10. С. 892.

22. *Касьянов А.* Реконструкция центра Харькова // Архитектура СССР. 1934 . № 2. С. 52–59.
23. *Сосфенов И.* Площадь Дзержинского в Харькове // Архитектура СССР. 1934. № 2. С. 60–61.
24. *Черкасова Е.Т.* Указ соч. С. 153.
25. *Алешин В.Э.* Указ соч. С. 44–45.
26. *Хаустов П.П.* Генеральный план реконструкции Киева и его реализация // Социалистический город. 1936. № 12. С. 19–24.
27. Там же. С. 20.
28. *Хаустов П.* Генеральный план реконструкции Киева // Архитектура СССР. 1938. № 5. С. 4–9.
29. *Холостенко М.* Архитектурная реконструкция Киева // Архитектура СССР. 1934. № 12. С. 19–25.
30. *Довгалюк И.И.* Правительственная площадь в Киеве // Архитектурная газета. 1938. № 37. 3 июля. С. 2.
31. *Молокин А.Г.* Проектирование Правительственного центра УССР в Киеве // Архитектура СССР. 1935. № 9. С. 11–28.
32. Подробнее о перипетиях конкурса см.: *Ерофалов-Пилипчак Б.* Архитектура советского Киева. Киев: Дом А+С, 2010.
33. *Аникин В.И., Бовт И.И.* и др. Указ соч. С. 26.
34. Цит. по: *Алешин В.Э.* Указ соч. С. 112–113.
35. Подробнее об этом см. гл. V настоящего издания.
36. *Могилко И.* Новая схема шлюзования Днепровских порогов // Строительная промышленность. 1926. № 9. С. 626–627.
37. В группу Днепростроя по проектированию гидроэлектростанции, мостов и поселков правого берега входили: В.А. Веснин, Н.Я. Колли, Г.М. Орлов, С.Г. Андреевский. Рабочий проект гидроэлектростанции выполнен бригадой под рук. арх. Г.М. Орлова.
38. *Малоземов И.* Большое Запорожье // Советская архитектура. 1932. № 5–6. С. 72–81.
39. *Хазанова В.Э.* Советская архитектура первой пятилетки. М.: Наука, 1980.
40. *Малоземов И.* Архитектурный облик Большого Запорожья // За социалистическую реконструкцию городов (СОРЕГОР). 1934 . № 6. С. 16–17.
41. *Малоземов И.* Большое Запорожье. // Советская архитектура. 1932. № 5–6. С. 74.
42. *Петров М.Н.* Все ли верно в проекте Большого Запорожья? // Планировка и строительство городов. 1934. № 9. С. 3–8.
43. *Попов Ф.* Генеральный проект Большого Запорожья // За социалистическую реконструкцию городов (СОРЕГОР). 1934. № 6. С. 11–14.
44. *Орлов Г.* Заметки архитектора // За социалистическую планировку городов (СОРЕГОР). 1934. № 6. С. 23–25.
45. *Миндлин Э.* Город Большое Запорожье // За социалистическую планировку городов (СОРЕГОР). 1932. № 5–6. С. 56–60.
46. *Орлов Г., Лавров В.* Большое Запорожье // Архитектура СССР. 1933. № 3–4. С. 33–37.
47. *Бажанова Т.* Драма в двух действиях с прологом и эпилогом (Б. Запорожье) // Архитектура СССР. 1991. № 3 (май–июнь). С. 84–95.
48. *Лавров В., Орлов Г.* Архитектурно-планировочный ансамбль Большого Запорожья // Архитектура СССР. 1936. № 9. С. 34–37.
49. *Лавров В., Орлов Г.* Большое Запорожье // Архитектура СССР. 1939. № 12. С. 49–55.
50. *Вегман Г., Латышева М.* Проект планировки города Коминтерновска // Современная архитектура. 1930. № 3. С. 23–25.
51. См. об этом также гл. 4, ч. 1 настоящего издания (Ю.Л. Косенкова, М.Г. Меерович).
52. *Головченко П.А.* Большое Сталино // Советская архитектура. 1934. № 1. С. 17–30.
53. Там же. С. 20.
54. Там же. С. 21.
55. *Котовский Л.* Реконструкция и застройка г. Сталино // Архитектура СССР. 1939. № 8. С. 44–46.
56. *Килессо С.К., Кишкань В.П., Петренко В.Ф.* и др. Донецк. Архитектурно-исторический очерк. Киев: Будівельник, 1982.
57. *Мирер В.* Новая Горловка // Коммунальное дело. 1930. С. 52–56.
58. *Рооп А.* Новая Горловка // Социалистический город. 1935. № 4. С. 12–16.

59. А.Э. [А. Эйнторн] Две площади в Новой Горловке // Архитектура СССР. 1933. № 6. С. 22.
60. Подробнее см. гл. 26 настоящего издания (Е.В. Конышева).
61. *Стам М.* Макеевка / Пер. с нем. // Советская архитектура. 1933. № 5. С. 22–28.
62. *Борщевский А.* Макеевка // За социалистическую реконструкцию городов (СОРЕГОР). 1933. № 5. С. 24–30.
63. *Блохин П.* Планировка жилых кварталов соцгорода. Опыт четырехлетней работы Стандартгорпроекта // Архитектура СССР. 1933. № 5. С. 4–8.
64. *Покишишевский С.Н.* Схема исключения территорий как основа городского плана (на опыте Макеевки) // Социалистический город. 1936. № 11. С. 13–16.
65. *Попов Ф.В.* Планировка г. Днепропетровска // За социалистическую реконструкцию городов (СОРЕГОР). 1934. № 3. С. 18–20.
66. *Трестлинг Р.Б.* Днепропетровск на путях социалистической реконструкции // Архитектура СССР. 1935. № 6. С. 70–71.
67. *Трестлинг Р.Б.* Реконструкция Днепропетровска // Архитектура СССР. 1936. № 6. С. 49–50.
68. Там же. С. 49
69. *Зорин* (без иниц.). Одесса и Николаев // За социалистическую реконструкцию городов (СОРЕГОР). 1933. № 5. С. 30–34.
70. *Зейлигер О.* Архитектура Одессы // Архитектура СССР. 1939. № 11. С. 48–52.
71. *Гинзбург М.* Наследие и новаторство // Архитектура СССР. 1940. № 7. С. 51.
72. *Маца И.Л.* Какая теория архитектуры нам нужна // Архитектура СССР. 1940. № 6. С. 57.
73. *Щусев А.В.* Национальная форма в архитектуре // Архитектура СССР. 1940. № 12. С. 55.
74. *Алабян К.С.* Задачи советской архитектуры // Архитектурная газета. 1937. 18 июня. С. 2.
75. Архитектурная газета. 1936. 8 января.
76. Там же.
77. Архитектурная газета. 1937. 8 июня.
78. Архитектурная газета. 1937. 18 марта.

На периферии: проблемы планировки и застройки селений

Ю.Л. Косенкова

Благоустройство сельских поселений как общественно значимая задача определилось задолго до прихода советской власти. С введением земства в России в результате реформ 1864 г. застройка селений регулировалась специальными правилами, издававшимися губернскими земскими собраниями в виде обязательных постановлений. Для лучшего регулирования мероприятий по благоустройству села Министерством внутренних дел были изданы специальные «Временные правила по строительной части», в которых имелись подробные указания о планировке селений, о застройке усадьбы, об устройстве двора, улиц, площадей, о зеленых насаждениях и т.п.

Селения должны были строиться по особым планам, составляемым уездными земскими управлениями, по соглашению с местными земскими начальниками. Планы представлялись на утверждение губернатора с отзывами сельского схода и землевладельцев, собственность которых находилась в черте земель, охваченных планировкой. Планы, правда, в большинстве случаев не выполнялись. Только в начале XX в. внимание было обращено на противопожарные разрывы между строениями и на ширину дорог и улиц. В эти же годы из отдельных элементов благоустройства селений при земствах начала развиваться деятельность по огнестойкому строительству, сельскому водоснабжению и мелиоративным работам. Начавшееся при Столыпине расселение крестьян на хутора находилось вне влияния земств и выполнялось Министерством земледелия и государственных имуществ. С началом войны (1914) все мероприятия по благоустройству селений приостановились¹.

В 1916 г. инженер В.Сахаров, размышляя на страницах журнала «Зодчий» о тех переменах, ко-

торые должны произойти в сельском строительстве после окончания войны, писал: «Наше население до крайности рутинно, и в настоящее время мы встречаем в большинстве глухих деревень тип избы, мало чем отличающийся от жилища Рюриковской эпохи; ...До настоящего времени правительство почти не стесняло частное строительство вне городов, предоставляя каждому строиться, как ему вздумается. По-видимому, настал теперь момент для обязательного вмешательства правительства в сельское строительство и для направления его по тщательно разработанному плану в широкое русло предстоящего грандиозного культурного развития родной страны»². Автор был уверен, что правительством и общественными организациями будут отпущены огромные суммы на восстановление села, и был озабочен тем, чтобы эти средства расходовались продуктивно, а не уходили на воспроизводство многочисленных исконных недостатков сельского строительства.

Далее Сахаров писал о низкой культуре организации крестьянского жилища как в функциональном, так и в гигиеническом и художественном отношении. «Ныне настал очень благоприятный момент для того, чтобы разбудить заложенные в народе, но временно забытые, высшие стремления; однако, для этого нужен толчок извне, а быть может и принуждение в виде законодательных постановлений, регламентирующих жилищный вопрос»³. Среди наиболее серьезных проблем сельского строительства первое место отдавалось автором пожарной опасности и необходимости развивать огнестойкое строительство, причем после тщательных обследований предполагалось создать свой тип огнестойких конструкций для каждого района в зависимости от наличия местных материалов. Правда,

тут же оговаривалось, что различного рода кирпичные, бетонные конструкции, гончарная черепица, железная кровля вряд ли будут доступны для самостоятельного строительства населения, так как потребуют широкого содействия земских и правительственных организаций в постройке местных заводов. Поэтому солома, глина, деревянная дрань будут еще сохранять свое значение.

Автор сетовал также на крайнюю нерациональность и неоправданную скученность планировки сельских поселений. Должны быть законодательно определены ширина улиц и усадебных участков, разрывов между строениями, введение широких зеленых полос для противопожарной безопасности. Вместо кабаков, мечтал автор, в деревнях появятся школы, читальни, кинематографы, народные дома, для которых должно быть избрано «достаточно центральное и обширное место с свободной площадью для собраний, игр и спорта». Должны быть разработаны гигиенические правила устройства селений, введение водопровода и канализации, замощение улиц и т.п.

Весь этот сложный комплекс социальных ожиданий, опасений и проектных планов в отношении благоустройства и застройки села был унаследован советской властью, но достаточно быстро в нем проявились и новые черты, связанные с чрезвычайно жесткой аграрной политикой советского государства, откровенно потребительским отношением к крестьянству как к источнику средств для форсированного развития военно-промышленного сектора, враждебностью к крестьянской культуре как основе мелкобуржуазной психологии, противопоставляемой ведущей роли передового пролетариата. Вне этого исторического контекста, нашедшего отражение в последние десятилетия в сотнях научных трудов и публикациях тысяч документов, сегодня уже невозможно понять процессы, происходившие в застройке села. Вместе с тем последняя испытывала на себе не только прямое влияние аграрной политики, но и по-своему преломляла общие тенденции советских архитектуры и градостроительства, в свою очередь определявшихся непростыми взаимоотношениями архитектурного сообщества и власти.

С первых лет существования советская власть установила два основных типа сельских хозяйств — колхозы (артели, коммуны, товарищества по совместной обработке земли — ТСОЗы) и совхозы — хозяйства, полностью находившиеся в ведении государства (рабочие совхозов получали зарплату и не имели права на личное подсобное хозяйство).

Строительство колхозов и совхозов было объявлено одной из задач созданного в ноябре 1917 г. Народного комиссариата земледелия. При НКЗеме тогда же было образовано Бюро коммун, положившее начало государственному руководству сельским хозяйством, распространявшемуся и на колхозы. В то же время руководство коллективными хозяйствами пыталась взять на себя и формирующаяся система колхозных органов — возникший в 1919 г. Всероссийский союз трудовых и производительных сельскохозяйственных коллективов. Такое сочетание государственного руководства с выборными колхозными органами, на деле игравшими, как правило, подчиненную роль, сохранялось вплоть до начала 1930-х гг., хотя конкретные организационные формы этих органов и их названия многократно менялись.

Первые коллективные хозяйства-коммуны возникли в 1917–1919 гг. Колхозам было предоставлено преимущество перед единоличными хозяйствами при распределении земли, им оказывалась материальная помощь со стороны государства, что на первых порах способствовало росту колхозов. Однако известно, что общая политика власти в деревне, направленная на изъятие хлеба любой ценой, ничем не ограниченное насилие, непосильная тяжесть различного рода трудовых повинностей⁴ привели к практическому распаду колхозного движения. Полнейшая незаинтересованность сельских жителей в общественных отработках при использовании единственного метода «стимулирования» с помощью ревтрибуналов вела к тому, что политическое доверие к власти неуклонно падало, а череда смут и восстаний все расширялась⁵. Даже в первые годы НЭПа распад коллективных хозяйств продолжался по нарастающей.

Некоторый перелом наступил только в 1925 г., когда по решению XIV конференция ВКП(б) (апрель 1925) всем слоям населения, занимающимся сельским хозяйством, предоставлялось право участвовать в кооперации, облегчались условия применения наемного труда и аренды земли. Год от года кооперативное движение набирало силу, причем на добровольной основе, охватывало все республики и районы страны. Накануне «великого перелома» конца 1920-х гг. сельскохозяйственная кооперация объединяла уже свыше 55% крестьянских хозяйств⁶. В мае 1925 г. III съезд Советов постановил строго соблюдать право свободного выбора форм землепользования, крестьянам было разрешено сдавать в аренду не только землю, но и орудия производства получала развитие «контрактация» — до-

говорные отношения крестьян с государственными, кооперативными органами или промышленными предприятиями. Благодаря этому сельское хозяйство по многим показателям достигло довоенного уровня, а затем и превысило его⁷.

Однако идеологические догмы, связанные с опасностью развития «капиталистических элементов в деревне», стремление к ускоренному развитию промышленности за счет крестьянства, очередной «хлебозаготовительный кризис» привели к тому, что на XV съезде ВКП(б), собравшемся в декабре 1927 г., уже явственно наметились тенденции к возврату к методам «военного коммунизма», «форсированному наступлению на кулака».

Известно, что перед съездом специальная комиссия Политбюро по работе в деревне обратилась к ряду видных ученых-аграрников, в том числе Н.Д. Кондратьеву, А.В. Чаянову и другим, свободно высказаться и дать свои предложения о будущем сельского хозяйства. На деле все предложения ученых, принадлежавших к разным научным школам, в равной мере не устроившие сталинское руководство, были не только отвергнуты, но и послужили толчком к разностной критике этих ученых и обвинениям в идеологическом вреде, а в дальнейшем и их аресту⁸. Начало новому витку кампании «чрезвычайщины» на селе положил Сталин во время своей командировки в Сибирь в начале 1928 г. На таком социальном фоне разворачивалась работа по благоустройству и застройке села в 1920-е г.

Задачи огнестойкого строительства и санитарной гигиены: к рациональной планировке села

Забота об архитектурно-градостроительном проектировании на селе была разделена между различными органами: Наркомземом, Наркомздравом, Наркомпросом, местными советами. Немногочисленные архитекторы, привлеченные к этому делу, весьма смутно представляли себе, как и что нужно проектировать для села, уклад жизни которого постоянно менялся. Скорее они полагались на не слишком богатый дореволюционный опыт сельского проектирования и свои романтические представления о будущем советского села.

В мае 1919 г. Наркомпрос провел конкурс на сельские народные дома, программа и задание для которого были разработаны И.В. Жолтовским⁹. Конкурс предполагал проектирование сельской чайной-читальни и небольшого клуба с театральным залом. Несмотря на то что на конкурс было

представлено около 40 проектов, он скорее показал определенную растерянность архитекторов в отношении сельской архитектуры новой эпохи, чем дал какие-либо приемлемые результаты. Так, инженер-архитектор, художник и публицист Э.И. Норверт, описывая конкурс, писал, что «архитектор не берет на себя непосильной и неблагодарной задачи изменять формы быта и не берется навязывать жизни кабинетных решений...»¹⁰. Стилистика проектов, колебавшаяся между «ампиром» и северной русской избой, в равной степени не устраивала рецензента: в первом случае из-за явной несовместимости «романовского полушубка и валенок» с ампирами колоннами; во втором — из-за «потери характера общности»: получалась просто богатая изба или красивая баня¹¹.

Между тем в практике реконструкции и застройки сел в первые послереволюционные годы решались совсем другие вопросы — огнестойкого строительства и улучшения гигиенических качеств планировки деревни¹². Собственно, практическим коммунальным обустройством возникавших коллективных хозяйств не занимался никто, эта деятельность полностью относилась на счет энтузиазма самих коммунаров. Под эгидой Наркомзема издавались немногочисленные популярные брошюры, в которых на основе знаний, во многих отношениях сформировавшихся еще до революции, рассказывалось о том, как надо организовывать коммуны, как улучшить гигиенические качества застройки, как бороться с пожарами. Так, например, брошюра П.Я. Дышлера «Как устраивать сельскохозяйственные коммуны» в 1919 г. выдержала четыре издания и в том же году вышла в расширенном пятом издании с измененным названием¹³.

Расчет на энтузиазм масс, конечно, не оправдывал себя, поскольку социальный статус коммун в 1918–1919 гг. только начал оформляться. Всероссийский съезд земотделов и сельскохозяйственных коммун, прошедший 6 декабря 1918 г., отметил, что сельскохозяйственные коммуны должны быть приведены к единой государственной форме. Он выработал «Положение о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию», которое было утверждено высшей государственной властью и получило статус закона. 19 февраля 1919 г. был разработан и утвержден Наркомземом «Нормальный устав сельскохозяйственных производительных коммун»¹⁴.

В изданиях Наркомзема делались лишь первые шаги по планировке и внутреннему благоустройству колхозных селений, исходившие пре-

жде всего из соображений пожарной безопасности и санитарии¹⁵. Правильная планировка деревень и крестьянских усадеб, посадка деревьев рассматривались как действенное средство борьбы с пожарами. Говорилось о необходимости устройства дорог, водоснабжения и канализации, организации общественных столовых, хлебопекарен, прачечных, бань, детских садов, яслей, школ. Все эти вопросы составили основу провозглашавшейся и в последующие годы архитектурно-строительной политики в селе, но при почти полном отсутствии финансирования, направляемого на индустриализацию, решались с огромным трудом.

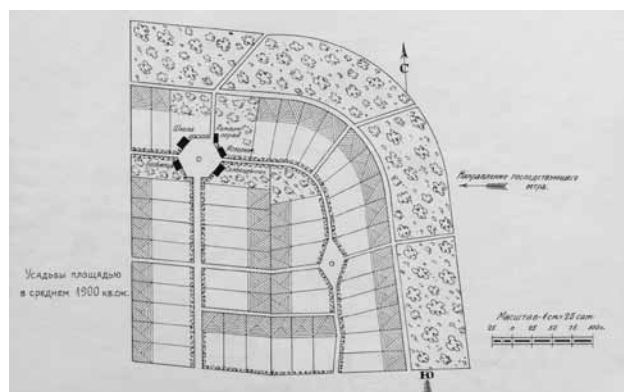
Катастрофически не хватало специалистов по сельскому строительству. В системе Наркомзема РСФСР Бюро сельского строительства в составе трех человек было организовано только в 1923 г. В таком же составе оно функционировало и в конце 1920-х гг.¹⁶ Законодательства по огнестойкому строительству практически не было, а статьи дореволюционного Устава строительного и местные обязательные постановления земских органов утратили силу.

Для развития огнестойкого строительства в деревне было признано целесообразным создавать специальные товарищества; их примерный устав, а затем и соответствующее Положение были одобрены Наркомземом в 1924 г. Фактически как строительство, так и производство огнестойких материалов возлагались на само население, не обладавшее ни соответствующими средствами, ни специальными техническими знаниями. Государство брало на себя лишь пропаганду огнестойкого строительства и подготовку инструкторов для оказания технической помощи, но их штаты были ниже потребного количества в десятки раз. В 1924 г. были созданы также центральная лаборатория и опытно-показательная

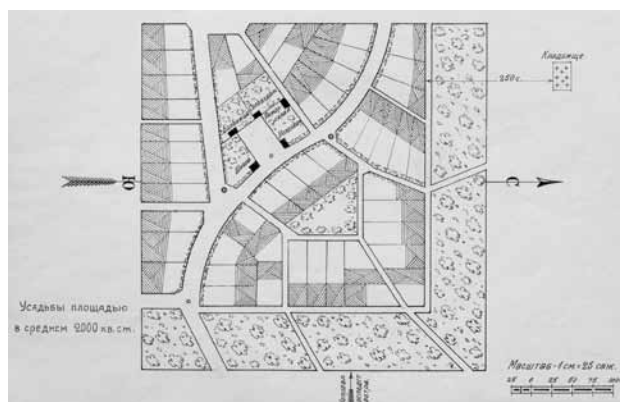
мастерская огнестойкого строительства, использовавшие оборудование и помещения мастерской огнестойкого строительства московского земства.

С 1926 по 1928 г. вышли десятки циркуляров различных ведомств и комиссий, в которых так или иначе затрагивались вопросы огнестойкого строительства на селе, но практическое решение вопросов кредитования, страхования, организации сельского огнестойкого строительства, выпуска огнестойких стройматериалов все же почти не двигалось с места. В общих тяжелых экономических условиях даже самые скромные планы отпуска кредитов на сельское строительство ежегодно не выполнялись. Лишь на рубеже 1920–1930-х гг. было принято законодательство о создании специальных фондов огнестойкого строительства¹⁷. Ничего удивительного, что в этих условиях основным материалом для огнестойкого строительства на селе были не кирпич и черепица, а саман — глина, смешанная с соломой. Соответственно, научно-исследовательская работа в этой области была также направлена «на придание ей (глине. — Ю.К.) в сыром необожженном виде водоустойчивости, неразмываемости»¹⁸.

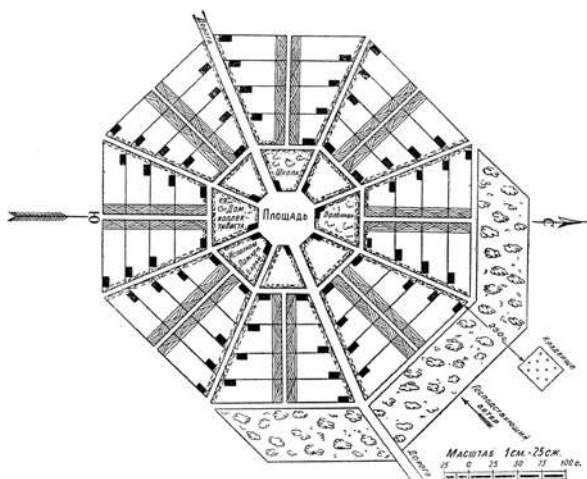
Правовые акты, впервые регламентировавшие планировку и застройку села, были приняты на Украине. 20 июля 1923 г. было принято постановление СНК УССР «О восстановлении и развитии сельского строительства в связи с землеустройством и восстановлением сельского хозяйства»; 18 февраля 1924 г. к этому постановлению была выпущена «Инструкция по нарезке и планировке новых и расширению старых селений и усадеб», где достаточно подробно были описаны необходимые противопожарные и санитарные разрывы между частями поселков и отдельными строениями, ширина и ориентация улиц по странам света и т.п. В 1924 г. СНК УССР одним из первых утвердил строительные

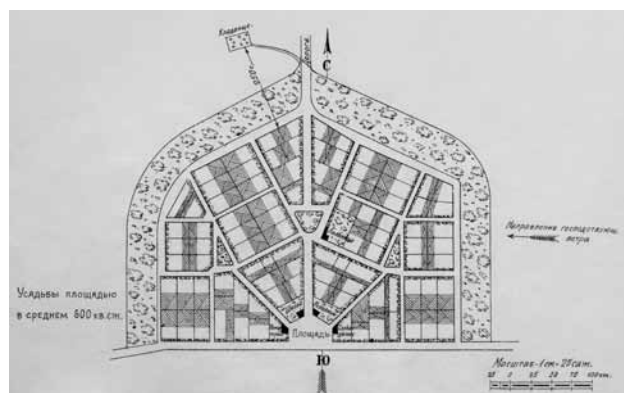
План поселка на 44 двора. Укрелиоводхоз. 1924

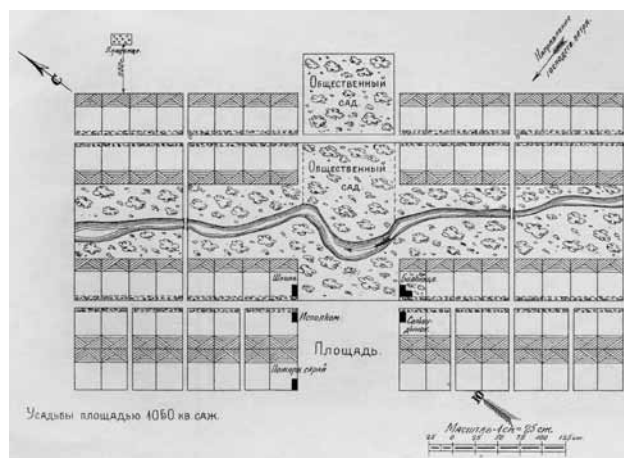
План поселка на 48 дворов. Укрелиоводхоз. 1924

Проект выселок на 68 дворов. Укрелиоводхоз. 1924

Проект веерной планировки поселка. Укрелиоводхоз. 1924

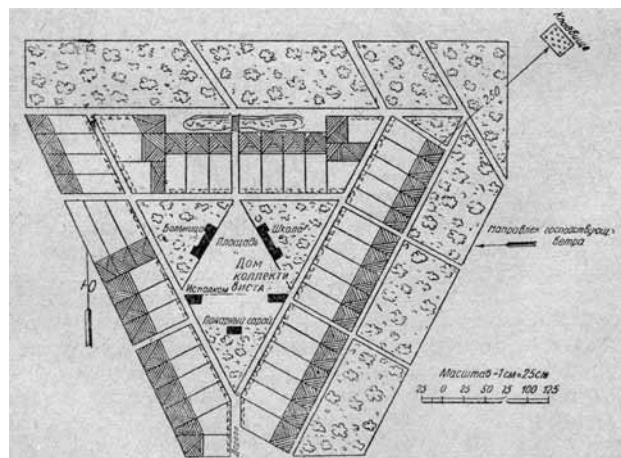
План поселка на 80 дворов. Укрелиоводхоз. 1924

правила, в которых имелся специальный раздел «Планировка и застройка селений». Для наглядной иллюстрации всех этих документов в том же 1924 г. Наркомземом УССР был выпущен «Альбом проектов планировок селений и усадеб», куда вошли планы, разработанные как сотрудниками строительной части НКЗ, так и «полученные с мест».

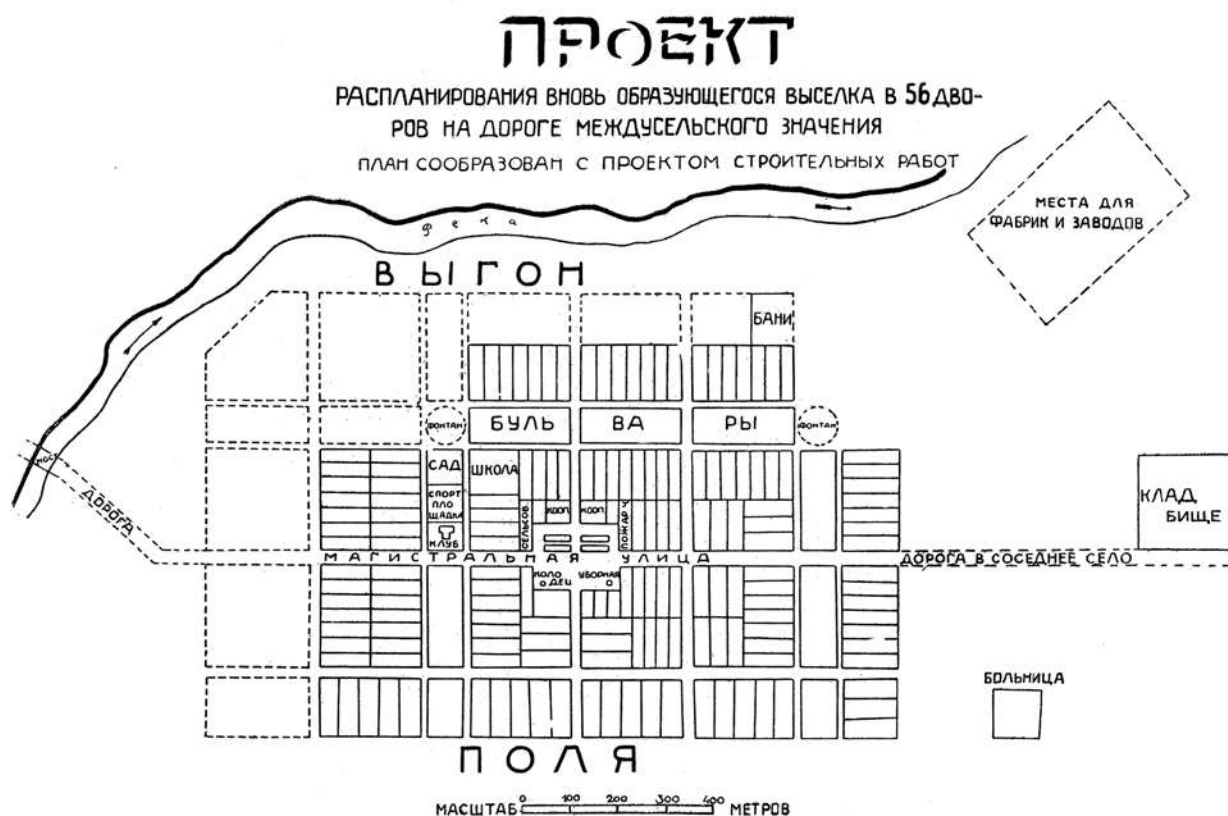
Приводимые в альбоме проекты, авторами которых, по-видимому, были инженеры-землеустроители, в большинстве своем были неудачны, разрабатывались в виде простых геометрических фигур — треугольников, прямоугольников, восьмиугольников, кругов и т.п. Наркомзем УССР, однако, не призывал следовать предложенным типам планировок, а указывал на необходимость учета конфигурации местности, величины селения, размера усадеб, климатических условий, условий землепользования и т.п.¹⁹ Это была одна из первых в стране попыток разработать типовые проекты планировок селений, которые затем неоднократно предпринимались в течение всего предвоенного периода.

В РСФСР подобные попытки дать схематичные решения планировки селений предпринимались санитарными органами. Для небольших селений проектировались парки, бульвары и даже фонтаны, а за поселками отводилось место «для фабрик и заводов».

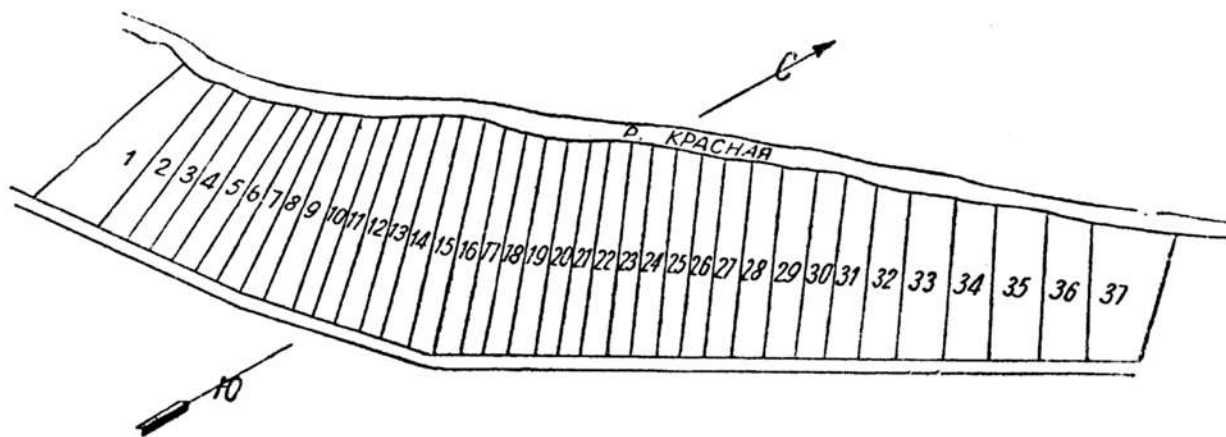
В 1924—1925 г. Наркомземом и НКВД РСФСР были составлены и утверждены «Правила распланирования и застройки селений». Здесь впервые были затронуты вопросы архитектурного облика села. Характерной особенностью была рекомендация о размещении в центре сел площадей и новых типов общественных зданий (народный дом, сельсовет, правление кооперации, магазины и т.д.).

Проект поселка на 53 двора. Укрелиоводхоз. 1924

Проект планировки выселка на 56 дворов. Мастерская Наркомздрава РСФСР

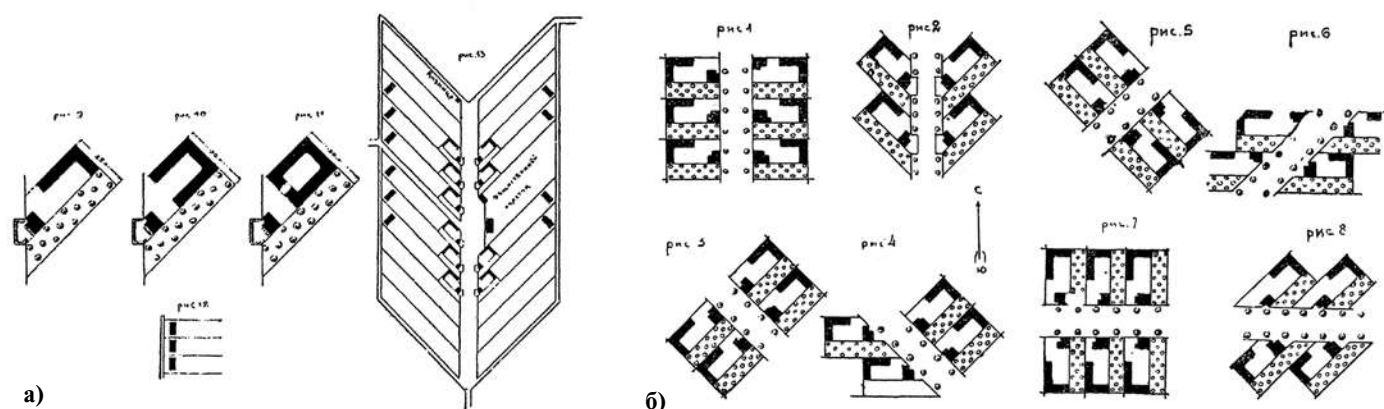

План выселка «Пасека» Белоцерковского округа. Украина

На площади предусматривалось также устройство памятника и общественного колодца. Вводилась квартальная система застройки. Школы, детские ясли, бани и т.д. рекомендовалось располагать в жилой части села, производственные постройки — на периферии. Правила также предписывали ряд противопожарных и санитарных мероприятий²⁰.

В послереволюционные годы в связи с образованием коммун и артелей происходил выход крестьян из крупных сел и образование новых поселков и небольших «выселков». Проекты новых поселений, предлагавшиеся в качестве образцов, не реализовывались, а реально возникавшие поселки развивались без плана, строились без необходи-

Система застройки села инж. С. Струкова:

а — варианты ориентации усадеб по сторонам света; б — варианты ориентации усадеб относительно улиц

мого контроля и руководства и имели самый примитивный характер. В дальнейшем, с проведением сплошной коллективизации и тенденцией к укрупнению селений и уничтожению хуторов, внимание в основном сосредоточилось на реконструкции и расширении существующих сел.

С середины 1920-х гг. шли довольно интенсивные поиски рациональных систем планировки селений, с помощью которых можно было бы решить сразу несколько технических и гигиенических задач. В связи с этим с мест поступали самые различные предложения. Например, могилевский инженер С. Струков предложил расположение межи между усадьбами колхозников под острым углом к линии улицы, что, по мысли автора, давало наилучшее освещение, и дифференциацию самих улиц по направленности относительно сторон света²¹. Предлагаемая схема планировки, как объяснял автор, отличалась эластичностью, дающей возможность селению непрерывно расти, оставаясь, однако, в каждой стадии своего развития законченным целым.

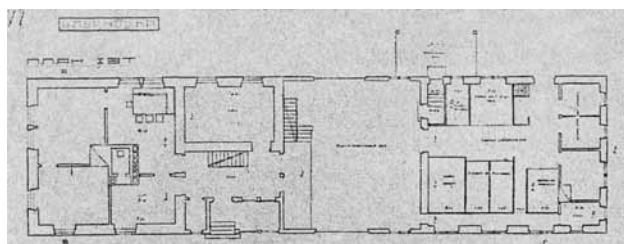
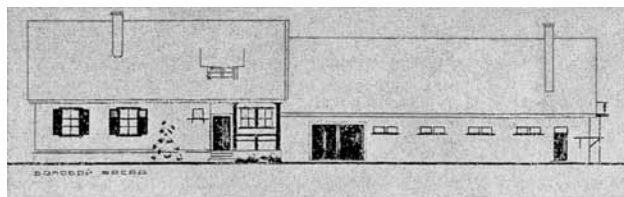
Примерно в середине 1920-х гг. санитарными органами РСФСР, занимавшимися вопросами улучшения гигиенических качеств застройки села, было впервые осознано, что необходимо не столько изобретать умозрительные схемы, сколько на плановой основе изучать существующее положение, обращая внимание на разнообразие местных особенностей. Вопросы планировки постепенно стали занимать в этих обследованиях все большее место. Результатом таких натурных обследований сел стали в конце 1920-х гг. выпуски трудов по сельской санитарии, касавшиеся вопросов сельского жилища и планировки и застройки селений²².

Поиски коллективных типов жилища для сельскохозяйственных коммун.

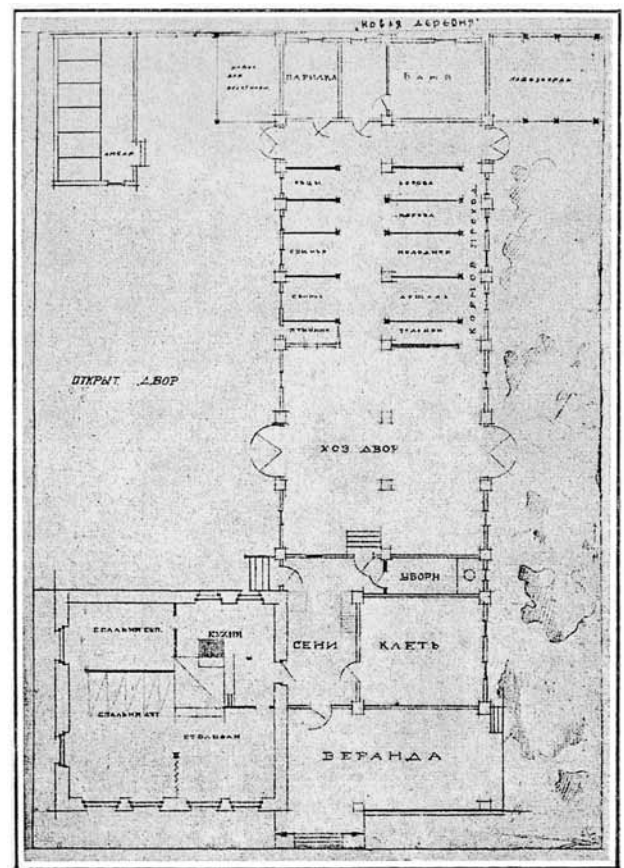
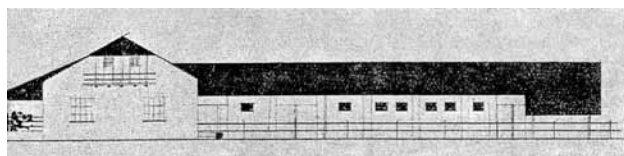
Конец 1920-х гг.

В 1926 г. прошел первый архитектурный конкурс Моссовета на составление проекта улучшенной крестьянской избы²³. В программе отмечалось, что правила планировки сельских местностей должны быть совершенно своеобразными по отношению к планировке рабочих поселков. В состав жюри вошли, кроме представителей техники, гигиены и агрономии, два председателя волостных исполнительных комитетов и пять крестьян по приглашению Московского областного земельного отдела (МОЗО). В программе указывалось, что обработка внешнего вида построек должна быть возможно простая и дешевая, «но не лишенная архитектурных форм». На конкурс поступило 14 проектов, однако первая премия не присуждалась, а сам конкурс был назван неудавшимся. Планировка отдельной крестьянской усадьбы, несмотря на внешнюю простоту, была признана значительно более трудной, чем планировка рабочего жилища.

Фактически программа этого конкурса предусматривала проектирование зажиточного крестьянского хозяйства с большим домом и развитыми хозяйственными постройками. Уже через несколько лет, с началом ускоренной коллективизации и «раскулачивания» такой тип крестьянского жилья утратил актуальность. В конце 1920-х гг. на фоне поисков форм «обобществления быта» и проектирования домов-коммун для застройки «соцгородов» многим специалистам сельского строительства казалось, что и для села необходимы подобные проекты, что они приблизят отсталую деревню к социалистическому будущему.

Конкурсный проект улучшенной избы. 2-я премия.
Инж. А.Я. Васильев, арх. А.В. Сергеев, В.В. Кратюк

Конкурсный проект улучшенной избы. 3-я премия.
Арх. И.И. Леонидов а. Фасад; б. План

Здесь, однако, ситуация была довольно противоречивой. С одной стороны, члены сельскохозяйственных коллективов активно требовали от Колхозцентра²⁴ готовых проектов для преобразования села на новых началах, с другой — совершенно не готовы были обсуждать вопрос по существу и сформулировать свои потребности в том или ином типе жилища. Это, в частности, показывает анализ журнала «Коллективист» — популярного издания по вопросам коллективного земледелия, созданного по решению Всесоюзного совещания сельскохозяйственных коллективов в 1925 г. Оно было рассчитано на читателей — непосредственных организаторов колхозов, коммун, артелей, товариществ по совместной обработке земли. На страницах журнала активно печатались не только статьи специалистов, но и письма с мест, заметки самодельных сельских корреспондентов. Вопрос о новой организации быта и нового жилища для колхозников был затронут лишь в 1928 г., и то по инициативе Колхозцентра.

Ссылаясь на требования колхозников, Колхозцентр взялся разрабатывать типовые проекты колхозных построек, в том числе и жилища²⁵, привлекая к этому не только инженеров и землеустроителей, но и отдельных архитекторов. Предполагалось, что к весне 1928 г. ряд готовых проектов будет разослан в колхозы. Допускался в качестве переходного типа от традиционной избы к коллективному дому небольшой жилой дом на 2–3 семьи. При этом в Колхозцентре считали, что разрабатывать дом на одну семью означает поддерживать единоличные хозяйства. Основным типом считался многоквартирный дом в 1 или 2 этажа, в котором должны быть организованы помещения общего пользования, что было гораздо более выгодным экономически. Это также должно было помочь «приучить колхозников к общественной жизни на новых культурных началах».

Однако каким должен быть дом-коммуна для колхозников, не знал никто, и опереться здесь было не на что, как неоднократно указывалось в печати тех лет. Очевидно, такой дом-коммуна проектировался по простейшей системе как ряд ячеек-комнат, выходящих в общий длинный коридор, поскольку в статье представителя Колхозцентра содержались довольно противоречивые рассуждения о том, что подобные общественные коридоры могут стать предметом ссор и склок, но они все же необходимы, «поскольку сближают колхозников в единый коллектив»²⁶.

Через несколько недель на страницах журнала высказались сами селяне. Так, представитель

коммуны «Юный пахарь» Омского округа Сибири писал, что вопрос проектов для села не находит выхода уже четвертый год. Идет бесплановое строительство, но даже если проекты заказываются, их ждут по 2 года, а потом оказывается, что строить по ним нельзя — дорого. Поэтому разработка проектов крупных многоквартирных домов может только затянуть дело и такие дома превращаются в низкосортные бараки. Нужен другой тип постройки — домик на 4 квартиры с капитальными стенами. Не нужно опасаться, что это толкнет к единоличному хозяйству²⁷. Ему вторил другой коммунар: мелкие дома на 2–4 квартиры более гигиеничны, более безопасны в пожарном отношении, органичнее входят в жизнь колхозника, а близость колхозников можно воспитать и без общего дома²⁸.

Однако не все колхозники были с этим согласны. Так, представитель коммуны «Красный Октябрь» Пензенской губернии высказывался за постройку больших домов, поскольку заявлений в коммуну много, а жить негде. Что касается сомнительной гигиены общих коридоров и шума, то, наоборот, общественные помещения будут скорее принуждать живущих к более частой уборке, быстрому выявлению больных соседей и предотвращению эпидемий, способствовать повышению дисциплины — муж, например, постесняется на людях бить жену и т.п.²⁹

Ему возражал представитель сельхозартеля «Красная Нива», ратовавший за проживание колхозников в небольших домиках, а все общественные и коммунальные постройки «должны быть отдельно, в центре села, куда будут сходитьсь отдохнувшие и переодевшиеся колхозники»³⁰. Некоторые говорили, что отдельная постройка общественных помещений, наоборот, будет мешать людям собираться вместе, особенно зимой³¹.

Дискуссия привлекла слишком мало участников и фактически ничего не дала для понимания того, какой тип жилища нужно разрабатывать для села. (В последующие годы, вплоть до закрытия журнала «Коллективист» в начале 1930-х гг., на его страницах этот вопрос колхозниками больше не обсуждался.) Все же Колхозцентр, опираясь на эту дискуссию и письма, приходившие с мест, дал задание разработать проекты как «общественного» типа, так и небольших домов на 2–4 квартиры. Проекты предполагалось разослать в колхозы для дальнейшего обсуждения, но работа затянулась и до проведения съездов колхозников, проходивших по всем республикам СССР в порядке подготовки к I Всесоюзному съезду колхозников (1–5 июня 1928 г.), этого сделать не удалось³².

В 1929 г. Колхозцентром, наконец, был выпущен альбом с образцами построек для колхозов, по которым, однако, строить было нельзя, они служили лишь приблизительным ориентиром для последующего заказа проектов³³. В альбом вошли, помимо проектов производственных колхозных построек, генеральные планы колхозов, в том числе для условных северного и южного районов с примерами размещения построек, приводимых в альбоме, типы жилых домов на 2 и на 3 квартиры, проекты общежития на 10 человек, общественного здания, включавшего столовую, клуб и детские ясли, проекты столовой, объединенных хлебопекарни и столовой, детского сада-интерната, а также конструкции стен по системе Герарда (каркасно-засыпные), саманных и глинобитных стен.

Большинство проектов было разработано техническим бюро Союза союзов сельхозкооперации по материалам уральской колхозной секции, поэтому в основном были привязаны к условиям Урала. Рецензент отмечал, что приводимые в альбоме четыре решения генпланов могут вызвать лишь разочарование в самой идее коллективизации сельскохозяйственного труда. В основе должна лежать единая идеологическая установка, что такое колхоз, как организуется его общая экономическая база, как осуществляется социалистическое объединение работников и пр.³⁴. Именно этого глубокого понимания жизненных условий, для которых разрабатывались проекты, и потребностей людей, которые будут пользоваться этими постройками, как раз у проектировщиков не было и не могло быть, поскольку сама социальная модель организации жизни на селе была в эти годы предельно неустойчива.

Поэтому особенно спорные решения, касавшиеся разработки сельских домов-коммун, объединявших жилые и хозяйственные помещения, не вошли в состав альбома. В первую очередь это касалось типа круглого дома-коммуны. По заказу Колхозцентра РСФСР некий жилищно-строительный кооператив в Москве взял на себя разработку двух проектов жилого дома так называемого «круглого типа», считавшегося наиболее экономичным за счет уменьшения периметра стен³⁵.

Один такой проект был разработан инженером Усовым и одобрен специальной комиссией Наркомздрава. Здесь ставилась цель наиболее гигиеничного проживания значительного количества семейств в одном здании. Это, по мнению автора, достигалось тем, что средняя комната в центре круглого здания делалась более высокой, чем остальные. Над центральным залом устраивались либо

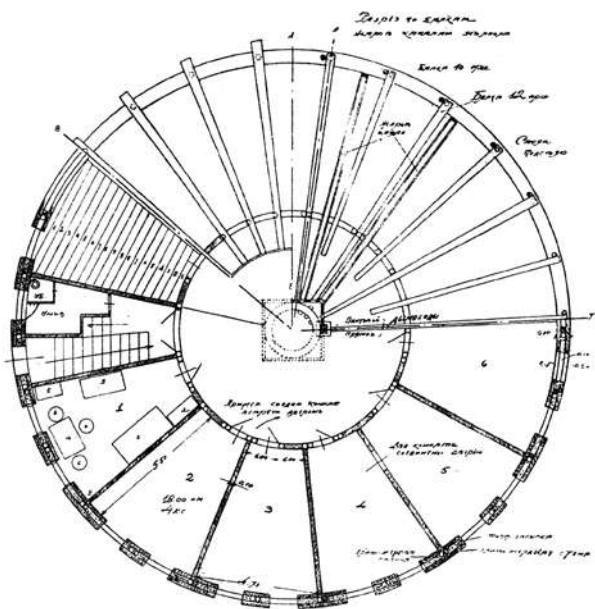

крыша, либо второй этаж. Второй этаж предназначался для размещения в нем яслей, изолятора, читального зала и пр. и со всех сторон был окружен большими окнами. Окна имелись также во всех дверях, ведущих с наружного кольцевого балкона в комнаты первого этажа, и в верхней части внутренних дверей, ведущих в центральный зал. По мысли автора, это должно было дать максимальный доступ света во все помещения.

Проект был назван «Дом солнца» и передан для опытного строительства в Ореанде (Крым), на территории санатория им. Дзержинского. Нужно было выяснить его пригодность для проживания большого числа людей в южных районах. Предполагалось, что для нужд колхозников северных районов

Круглый дом-коммуна инж. П.П. Осипова. Общий вид

Круглый дом-коммуна инж. П.П. Осипова. План

этот проект будет переработан с учетом максимального утепления, введения тамбуров, подвалов, но с применением наиболее дешевых строительных материалов³⁶.

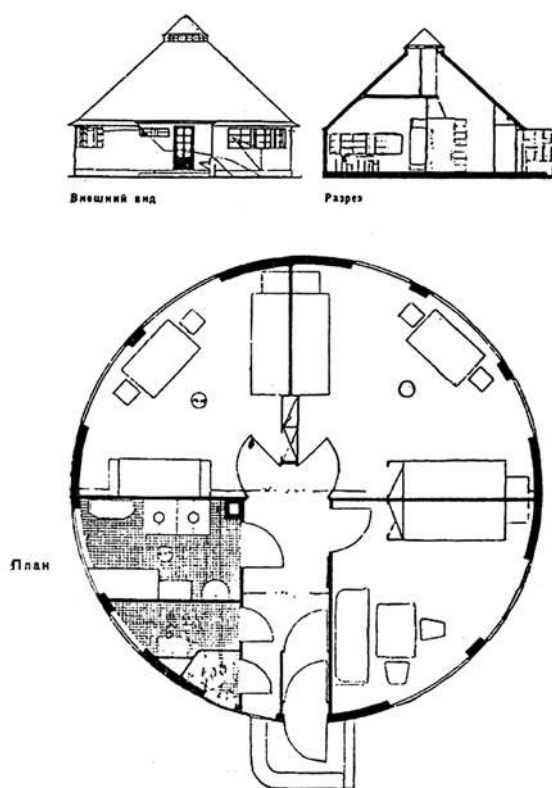
Специально для холодного климата был разработан сельский дом-коммуна круглого типа по проекту инженера П.П. Осипова и даже построен опытный образец на окраине Москвы — в Черкизово. Перед автором стояли задачи: выяснить, можно ли построить такой коллективный дом, избегая коридоров, сокращая расстояния, которые преодолевают коммунары, чтобы попасть в общественные и хозяйственные помещения; возможности строительства такого дома силами самих коммунаров и из дешевых местных, фактически бросовых, материалов (глина с соломой, хворост, жерди, пакля, опилки, торф).

Коридоры, обычные для многоквартирных домов-коммун, здесь были заменены центральным залом, что, по мнению автора, давало несомненные функциональные преимущества. Придуманная инженером Осиповым конструкция стен и технология их изготовления подробно описывались в печати тех лет. Такие стены обходились вдвое дешевле деревянных и втрое — кирпичных. В центре дома располагалась дровяная печь, от которой по трубам расходился нагретый воздух, одновременно она могла удовлетворять потребность коммунаров в горячей пище и воде с максимальной экономией топлива, а также экономилась вода (для смыва уборных использовалась вода от умывальников и мытья посуды)³⁷. В одном 2-этажном доме предполагалось расположить не только жилые помещения, но и все службы колхоза, помещения для скота, склады и мастерские.

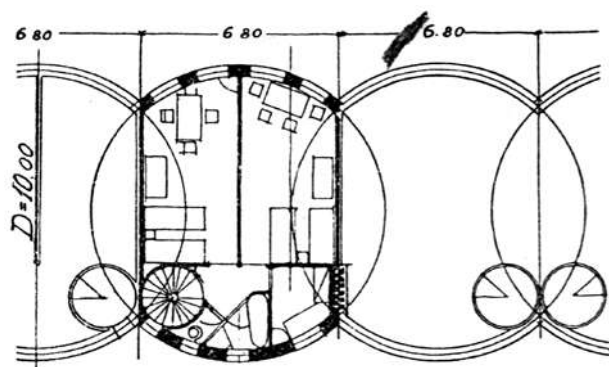
На эту постройку водили колхозников, и они осторожно высказывались, что, в общем, этот тип дома заслуживает внимания³⁸. Однако при осмотре дома специалистами выяснилось, что дом крайне скудно освещен, комнаты производят впечатление тюремных камер, потолок центрального зала провисает, при пожаре не предусмотрена эвакуация. Помещения для скота требуют выведения в отдельную постройку, соединенную с основным домом теплыми переходами. Кроме того, глину трудно применять в северных районах, так как при долгом процессе высыхания она трескается на морозе.

Тем не менее считалось, что все эти недостатки могут быть доработаны ради экономии средств, необходимых для перехода к обобществленному быту в колхозах. Инженер П.П. Осипов пошел дальше, приспособив такие же круглые здания под школу, административный центр, столовую, ясли-сад,

клуб и составив на этой основе круглый в плане поселок, в котором, как считал автор, достигалось максимальное уменьшение длины всех коммуникаций при достаточных световых и противопожарных разрывах³⁹. Кроме того, такой дом, рассчитанный на 200–500 человек, имел, как предполагалось, преимущества при расширении колхоза, поскольку строился достаточно быстро. Некоторая однотипность фасадов, по мысли автора, должна была маскироваться разноцветной окраской.

Проект одноэтажного круглого дома инж. Г.Б. Красина

Предложение арх. К.С. Мельникова для малоэтажного строительства. Система блокированных цилиндров. План второго этажа

(Получившие известность проекты «круглых» домов и поселений для оседающих кочевников архитектора В.П. Калмыкова, в которых он вдохновлялся образом традиционной юрты, были созданы им несколько позже, когда в мае 1932 г. он принял участие в комплексной экспедиции РАН совместно с Академией коммунального хозяйства СССР по изучению ресурсов и расселения в Киргизии⁴⁰.)

Два вида проектов круглых жилых домов были также предложены в это время инженером Г.Б. Красиным — для коммунального и для семейного заселения. План кольцевого дома был разработан Южным машиностроительным трестом. К.С. Мельников предложил систему блокированных цилиндров, примененную им при строительстве собственного дома в Москве, использовать для рабочего строительства⁴¹.

Архитектурно-инженерная экспертиза подобных предложений показала нерациональность использования площадей, удорожание перекрытий и в целом меньшую экономичность, чем в сравнимых по объему прямоугольных сооружениях⁴².

Поиски типовых проектов домов-коммун для села велись и в более традиционных формах. Так, в 1929 г. Наркомземом Белоруссии был проведен конкурс на составление проектов по колхозному типовому строительству⁴³. Требовалось составить типовые проекты коммуны на 25 семейств; артели на 50 семейств; артели на 10 семейств; кооперативного поселка на 15 семейств. Основным типом для колхоза считалась коммуна на 25 семейств, где предусматривалось по одной комнате на двух взрослых и одного ребенка с небольшой кухней на каждые две семьи. В этом же доме проектировались общие мужские и женские спальни на 12 подростков и 12 девушек, умывальные, ясли и детсад, общая кухня с кладовой, столовая, клуб с читальней, канцелярия и комната агронома.

С выходом известного постановления ЦК ВКП(б) «О работе по перестройке быта» в мае 1930 г. эти немногочисленные эксперименты были окончательно заброшены.

*Агроиндустриальные мечтания:
село как город. Конец 1920-х —
начало 1930-х гг.*

Поиски типов сельского коллективного жилища были рассчитаны на небольшие колхозы, коммуны, артели, возникшие в рамках кооперативной модели функционирования сельского хозяйства.

Но со второй половины 1929 г. государственная аграрная политика снова стала резко меняться.

Руководство страны взяло курс на пересмотр планов первой пятилетки в сторону существенно-го увеличения показателей. В последующие годы миллиарды рублей были вложены в огромное количество новостроек, которые так и не удалось завершить в срок⁴⁴. В ноябре 1929 г. состоялся Пленум ЦК ВКП(б), на котором была поставлена задача проведения сплошной коллективизации. В утвержденном в январе 1930 г. постановлении ЦК ВКП(б) «О темпах коллективизации» было установлено, что в трех важнейших зерновых районах: на Северном Кавказе, Нижней и Средней Волге коллективизация может быть в основном закончена осенью 1930 г. или весной 1931 г. Коллективизация других зерновых районов: Украины, Центрально-Черноземной области, Сибири, Урала, Казахстана — может быть в основном закончена осенью 1931-го или весной 1932 г. В деревню были посланы тысячи уполномоченных из числа партийных, советских, военных работников; в городах на промышленных предприятиях создавались специальные бригады помощи коллективизации⁴⁵. Весной 1930 г., как известно, коллективизация, стихия «раскулачивания» пошла под таким мощным давлением на крестьян и такими темпами, что Сталину пришлось опубликовать свою знаменитую статью «Головокружение от успехов»⁴⁶, означавшую кратковременное отступление от намеченных планов под угрозой крестьянских бунтов.

Еще в декабре 1929 г. состоялась Всесоюзная конференция аграрников-марксистов, где Сталин объявил о «ликвидации кулачества как класса» и провозгласил линию на развитие крупнейших обобществленных хозяйств и создание «совхозов-гигантов». Отчуждение крестьян от средств производства, давление на единоличника, стирание разницы между городом и деревней в пользу города при этом стали одной из важнейших составляющих «великого перелома»⁴⁷.

Из истории известно, что многие «старые» колхозы, кооперативы различного профиля и назначения, созданные в 1920-е г., накануне сплошной коллективизации были объявлены «лжеколхозами», а в 1930–1931 гг. была ликвидирована вся кооперативная система в аграрной сфере, в том числе земельные общества и Союз союзов сельскохозяйственной кооперации. Были упразднены Колхозцентр СССР и колхозсоюзы на местах. Прекратил свою деятельность Всесоюзный совет колхозов, съезды и конференции колхозников в той форме, как они сложились к этому времени, отменялись.

Все властные полномочия в сфере сельскохозяйственного производства и управления крупными сельскохозяйственными предприятиями сосредоточивались в объединенном с Наркомземом РСФСР Наркомате земледелия СССР.

К середине 1930-х гг. на первый план в руководстве колхозами вышли районные земельные отделы и их вышестоящие органы — краевые и областные земельные управления, республиканские наркоматы земледелия. Распоряжения советских и партийных органов передавались по цепочке в сельсоветы и колхозы, а многочисленные хозяйственно-политические кампании строго контролировались партийными, советскими и общественными организациями разных уровней. Собственно колхозная система управления и принятия решений была ликвидирована, но все еще сохранялась ее видимость в виде съездов колхозников другого типа: теперь в них участвовали только «колхозники-ударники» (до войны состоялись два таких съезда). Начался процесс огосударствления колхозов, закончившийся, по мнению историков, уже после войны⁴⁸.

Производственные планы колхозов были заменены разверсткой государственных заданий, диктуемых из центра. При этом была создана сложная и многоуровневая система контроля колхозов со стороны различных государственных органов, партийного и судебно-репрессивного аппаратов⁴⁹. Машинно-тракторные станции (МТС), первоначально создававшиеся как акционерные общества с участием колхозов, были огосударствлены⁵⁰, а в июне 1929 г. Советом труда и обороны (СТО) было принято решение о повсеместном создании МТС. При этом из колхозов была изъята вся имевшаяся сложная сельхозтехника. Окончательное оформление системы «обязательных поставок» государству, поглощавшей почти всю продукцию колхозов, завершилось к 1940 г.

Для осуществления планов индустриализации нужны были огромные средства, а следовательно, создание крупного сельскохозяйственного производства, подконтрольного государству. Еще в 1920-х гг. аграрники-марксисты разрабатывали проблемы организации и проектирования агроиндустриальных (АИК) или индустриально-аграрных комбинатов (ИАК или ИНАК), преследовавших цели скорейшего перевода сельского хозяйства на машинные рельсы, сочетания сельского хозяйства с переработкой его продукции, преодоления сезонности работы в сельском хозяйстве за счет временной переброски рабочей силы в индустриальную сферу и обратно, ликвидации различий между го-

родом и деревней. В градостроительном отношении АИК задумывался как село-город со всем необходимым комплексом культурных учреждений, современными видами транспорта и оборудования.

Такой комбинат должен был объединять в масштабе хозяйственного района колхозы, совхозы, МТС, промышленные предприятия по переработке сельскохозяйственного сырья, местные энергетические центры и другие предприятия и сооружения общего пользования. Создание таких комбинатов началось в соответствии с установками ноябрьского пленума ЦК ВКП(б) 1929 г. как смешанные совхозно-колхозные объединения с согласованным хозяйственным планом и общей технической базой⁵¹. Так, например, на создании АИКов строился Генеральный план развития народного хозяйства Сибири, разрабатывавшийся плановой комиссией при крайисполкоме. На территории края предполагалось сформировать 173 агроиндустриальных комбината⁵². В 1930 г. предполагалось создать по всей стране свыше 300 АИК — гигантских агро-промышленных объединений, построенных по типу промышленных комбинатов — Магнитогорского, Кемеровского и др. Фактически начали формироваться лишь единицы таких хозяйств, а после 1931 г. создание АИК прекратилось. Те, что успели создать, были ликвидированы.

Среди целого комплекса причин такого резкого поворота были отсутствие возможности огромных финансовых вложений, которых требовало создание АИК, отсутствие подготовленных кадров в колхозах и совхозах, общий низкий уровень технического прогресса в стране⁵³. Планирование АИКов расценивалось теперь с идеологической точки зрения как вредительская и антипартийная деятельность с целью ликвидации колхозов и совхозов⁵⁴.

Агроиндустриальные объединения, создававшиеся на пропагандистской волне по инициативе местных партийных деятелей и самих колхозников, где перерабатывающая промышленность существовала лишь на бумаге или представляла собой мелкое кустарное производство, очень скоро разваливались сами. Так, в 1928 г. в Северной Осетии началось широко разрекламированное создание Дигорского агроиндустриального комбината, в распоряжении которого были 16 тыс. га земли и 2500 крестьянских дворов, а в перспективе намечался переход к 40 тыс. га и 6000 дворов. Он представлялся как крупное индустриальное хозяйство с использованием электроэнергии и механизации⁵⁵. Этим мечтам не суждено было сбыться. Дигорский комбинат, объединивший в себе все села района,

просуществовал только два года. Долгожданного роста сельхозпродукции так и не произошло. Мелкие хозяйства, разбросанные на большой площади, не получилось сплотить в одно крупное производство. В селах, ранее входивших в состав комбината, были образованы обычные небольшие колхозы.

Такая же судьба постигла еще один «грандиозный» эксперимент — образованный в 1929 г. на Урале в Краснополянском районе, в 240 км от Свердловска, колхоз-коммуна «Гигант»⁵⁶. По решению специальной межколхозной конференции он объединил около 5000 крестьянских дворов всего юго-востока Уральской области. Высокий процент коллективизации не в последнюю очередь объяснялся угрозой раскулачивания со стороны комсомольцев, объявивших соревнование, кто больше объединит единоличников. В 1929 г. «Гигант» насчитывал около 10 000 членов, 4 000 лошадей, 12 000 коров. В колхозе выходила своя газета. Было намечено создание 27 «экономий» с подсобными перерабатывающими предприятиями, каждая из которых должна была специализироваться на одном из видов сельского хозяйства.

«Гигант» прославился на всю страну, о нем писали местные и центральные газеты и даже американские журналисты. Если верить печати того времени: «Строится гараж на сто тракторов, громадная мастерская по ремонту сельскохозяйственных машин, свыше 30 скотных дворов, вместимостью от 100 до 400 голов в каждом. Второй месяц в колхозе функционируют тракторные курсы, на которых обучаются 160 колхозников, в числе которых есть и девушки. Наряду с промышленным строительством в виде маслозаводов, сыроварен, маслобойных заводов, льнообделочных, кирпичных заводов и т.д., начато большое жилищное строительство. Запроектирована постройка 30 общежитий, 40 столовых, 40 ясель, 24 бань, 40 детских садов, 8 школ крестьянской молодежи, профтехнической школы, 5 народных домов, больницы. Сейчас район телефонизируется, уже работает телефон между штабом колхоза «Гигант» и окружным центром — г. Ирбитом»⁵⁷. Несмотря на все это, эксперимент лопнул уже весной 1930 г. Хозяйство оказалось неуправляемым и распалось на 150 мелких коммун, а намерение руководства обобществить все, что только возможно, вызвало недовольство крестьян⁵⁸.

Тем не менее общая тенденция к укрупнению коллективных хозяйств, созданию кустовых (групповых) объединений сохранялась⁵⁹. Были созданы такие относительно крупные колхозные хозяйства,

как коммуна «Сеятель» Сальского округа, товарищество «Красиво-Меченское» Тульской губернии.

Ставка на получение средств на индустриализацию за счет экспорта зерна заставила власть параллельно запустить еще один крупный сельскохозяйственный «проект». В июле 1928 г. Пленум ЦК ВКП(б) принял резолюцию «Об организации новых (зерновых) совхозов», в которой ставилась задача получения в 1929 г. 5–7 млн пудов товарного хлеба. 1 августа 1928 г. последовало постановление ЦИК и СНК СССР «Об организации крупных зерновых советских хозяйств», в котором говорилось о необходимости получить к 1933 г. не менее 100 млн пудов товарного зерна. По этому же постановлению вновь организованные советские хозяйства объединялись в трест общесоюзного значения

«Зернотрест», подчинявшийся непосредственно Совету труда и обороны (СТО)⁶⁰. Для общего руководства при Президиуме ЦИК СССР был учрежден Комитет содействия строительству крупных зерновых советских хозяйств с комиссией экспертов при нем. В местах организации хозяйств учреждались комитеты содействия при краевых, областных, губернских и окружных исполнительных комитетах.

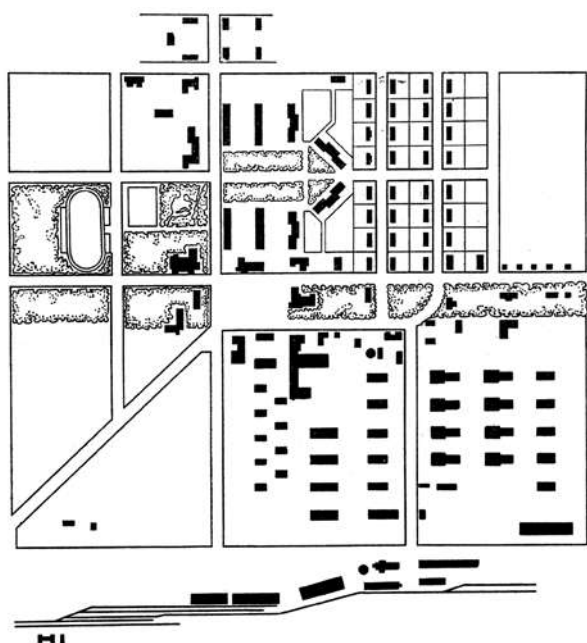
К концу 1928 г. на Северном Кавказе и Урале, на Нижней и Средней Волге и в Казахстане было создано несколько таких хозяйств. Первым и самым известным стал совхоз №1 «Гигант» Северокавказского края (ныне Ростовская область).

Для совхоза была выписана американская сельскохозяйственная техника и американские специалисты, которые должны были ее обслуживать. Совхоз рассматривался как учебная база для подготовки сельских специалистов и механизаторов, здесь работал агротехникум.

Государство выделило для «Гиганта» 240 000 га земли, из которых только 9% были готовы для засева, остальные представляли из себя целину. На распаханных целинных землях был получен хороший урожай, что сделало совхоз необычайно популярным. За один только 1930 г. совхоз посетили 50 000 экскурсантов — делегации колхозников, советские писатели, в том числе М. Горький, А.Н. Толстой и другие. Посетили совхоз Н.К. Крупская, М.И. Калинин и даже крупнейший американский фермер — миллионер Кэмбел. Однако к концу первой пятилетки в «Гиганте», как и в других крупнейших совхозах, начался резкий спад производства, связанный с истощением земель вследствие применяемых примитивных агротехнологий, износом импортной техники, уравниловкой в оплате служащих совхоза. В 1934 г. площадь полей совхоза «Гигант» составила 2600 кв. км, и он был разделен на четыре самостоятельных совхоза⁶¹.

Другой не менее известный крупнейший совхоз № 2 был построен в том же районе, в 25 км от совхоза «Гигант», недалеко от железнодорожной станции «Верблюд» и имел 50 000 га территории⁶². Он также рассматривался как учебно-опытная база для подготовки сельскохозяйственных кадров. По специальному постановлению СНК СССР на базе этого совхоза в 1930 г. был развернут Институт инженеров-механиков социалистического земледелия, студенты которого прибывали со всех концов страны, а преподавали в нем иностранные специалисты⁶³.

Строительство главной усадьбы совхоза — поселка «Зерновое», первая очередь которого была предусмотрена на 1200 жителей⁶⁴ (с 1933 г. поселок городского типа «Зерновое», с 1951 г. город Зерно-

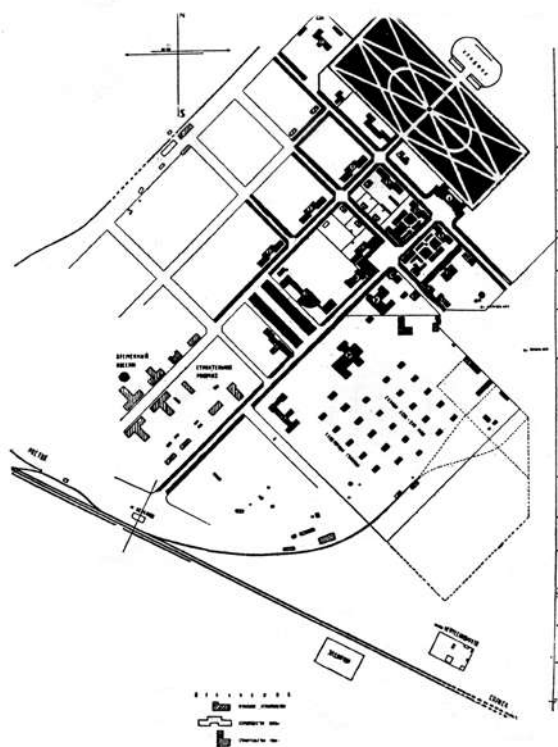
Планировка совхоза «Гигант» Ростовской обл.

Совхоз «Гигант». Здание техникума

Проект застройки учебно-опытного совхоза «Зерновой» Ростовской обл. *Макет*

Совхоз «Зерновой». *Генплан*

град) было поручено советско-германскому акционерному обществу «Русгерстрой», созданному в Москве в 1926 г. Все дома строились капитальными, из теплого бетона, с оборудованием водопроводом и канализацией, с подключением к районной станции отопления. Строились квартиры в 2–3 комнаты в 3-этажных блочных домах для семейных, общежития, отдельные дома для научного персонала и дирекции, в том числе несколько 2-этажных коттеджей с квартирами в двух уровнях. Функциони-

Совхоз «Зерновой». Здание ВТУЗа

ровали поликлиника и больница, несколько школ, ясли, клуб, театр, стадион, общественные столовые, гаражи, мастерские, научные лаборатории. Создавались также мощеные дороги, в том числе к совхозу вело современное шоссе. Поселок снабжался водой из артезианских скважин. Для защиты от пыльных ветров зеленые насаждения располагались как внутри, так и по окраинам поселка. Для ускорения строительства в совхоз прибывали эшелоны с техникой и строительными материалами⁶⁵.

Разумеется, сюда также возили делегации иностранных (из Франции, США, Венгрии, Германии) и советских писателей. Приезжали политические деятели из Франции, США, Англии, Южной Африки, Швейцарии. Посетил совхоз и М.И. Калинин. В 1930 г. здесь проводилось техническое совещание руководителей зерновых совхозов Северного Кавказа с участием американских сельскохозяйственных специалистов. В 1934 г. в совхозе даже проводился Международный антиревматический конгресс.

В проектах, разработанных по заданию Зернотреста и утвержденных специальной комиссией содействия строительству при СТО, поселок совхоза, расположившийся на площади 22 га, с самого начала рассматривался как небольшой город. Здесь не были предусмотрены индивидуальные участки. Было проведено правильное с точки зрения гигиены зонирование территории. При расположении зданий были учтены как условия инсоляции, так и господствующее направление ветров. Производственная зона была хорошо защищена и изолирована от жилой зоны, при этом связана с железнодорожной станцией. От железнодорожной станции к центральной площади поселка вела прямая, широкая, хорошо озелененная улица (инж. В.И. Ерамишанцев и др.).

С 1930 г. по образцу зерносовхозов на Северном Кавказе строился Карабалыкский учебно-опытный совхоз в Казакской АССР (ныне Республика Казахстан), в 10 км от железнодорожной станции Тугузак. Совхоз имел территорию в 120 тыс. га и предназначался для выращивания кадров механизаторов для восточных районов РСФСР, в том числе Сибири⁶⁶. Вместо вуза здесь строился техникум социалистического земледелия на 600 человек. Строительство в этом совхозе намечалось уже скромнее: жилые дома строились частично из кирпича, частично по

каркасно-камышитовой системе. Были предусмотрены водопровод и канализация.

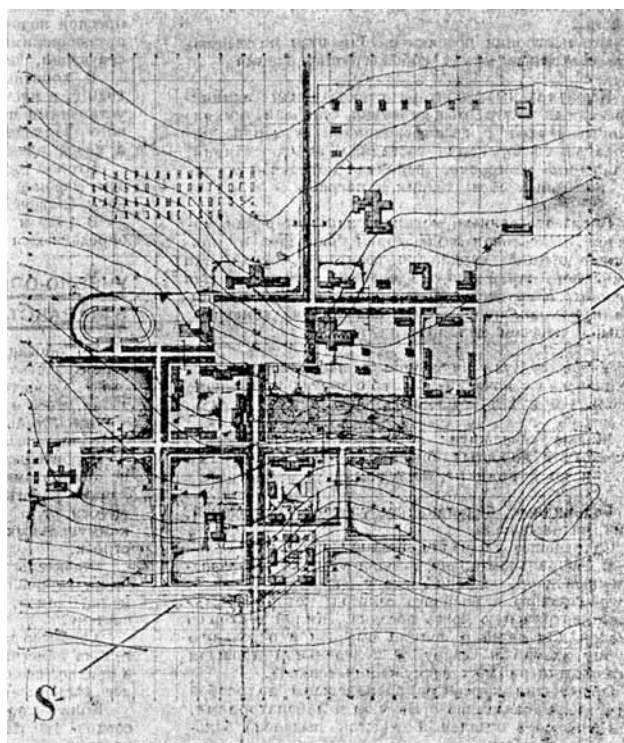
В русле стремления к укрупнению сельских поселений, стиранию различий между городом и деревней к середине 1930-х гг. стало популярным говорить о том, что пора переходить к строительству «агрогородов». Но нельзя не обратить внимания на ту метаморфозу, которая в короткий срок произошла с понятием «агрогород». На рубеже 1920–1930 х гг. это понятие еще имело социальный и технико-экономический смысл, близкий по содержанию к упомянутым выше АИКа: «...агрогород есть сложный социальный организм, связанный с хозяйствованием на определенной территории, как сельскохозяйственной добывающей фабрики. ... размеры эксплуатируемой территории определяют-ся от 2000 до 200 000 га»⁶⁷.

В центре агрогорода должна была располагаться МТС со своей системой мастерских и энергетической базой. Сеть колхозов должна была объединяться в производственные кусты по 20–25 тыс. га земель сельскохозяйственного пользования. Десятки хозяйств, входящие в состав агрогорода, «должны быть членами одного организма, управляемого одним волевым центром». В основе агрогорода должен лежать единый организационно-хозяйственный план и проект технической организации территории. Только на этой основе может быть составлен генеральный план агрогорода — технический документ, охватывающий десятки и сотни тысяч гектар, гораздо более сложный, чем генеральный план обычного города; «...задача проектирования агрогорода не менее сложна, чем задача проектирования административного или промышленного города»⁶⁸.

Судя по всему, в тот же период 1931–1932 гг., когда власти признали неосуществимой идею АИКов-ИНАКов, агрогород как параллельно существовавшее сложное технико-экономическое понятие также перестал существовать. Но броское название продолжало жить своей жизнью, только теперь его содержание сводилось скорее к несколько улучшенному качеству строительства и осуществлению благоустройства в колхозах, «как в городе».

Продолжавшееся в предвоенные годы обессиливание деревни, раскулачивание, массовые репрессии, изъятие урожая, голод 1932–1933 гг., тщательно скрывавшийся правительством, не позволяли всерьез ставить вопрос о развертывании строительства на селе, тем более о реализации архитектурно-планировочных идей агрогородов.

Пожалуй, единственным получившим известность экспериментом было строительство агро-

Проект планировки учебно-опытного совхоза «Карабалыкский»

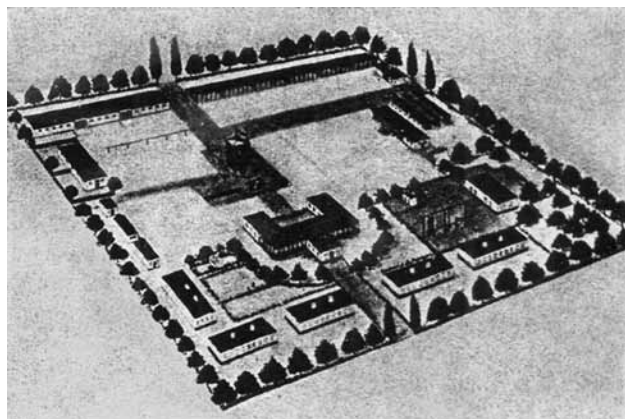
городов в Кабардино-Балкарской автономной области⁶⁹. Руководство области созвало в Нальчике в октябре 1933 г. архитектурную конференцию с участием московских, ленинградских и ростовских архитекторов, местных инженеров и техников, колхозников-ударников. Конференция была в основном посвящена реконструкции областного центра Нальчика и пересмотру его генерального плана, ранее разработанного ростовскими архитекторами, а также строительству в городе нового Дома Советов (впоследствии — Дом правительства). Тогда же было принято решение о строительстве в области трех агрогородов⁷⁰. Была развернута пропагандистская кампания, в ходе которой право на превращение села в агрогород предоставлялось только тем колхозам, кто раньше всех выполнит свои обязательства перед государством, выдаст больше продукции на трудодень и т.п. Через полгода усиленного соцсоревнования было разрешено приступить к перестройке трех лучших колхозов области: «Ленинцы», Кенже-Пальчинского и Заюково-Баксанского⁷¹.

На конференции архитекторы во главе с И.В. Жолтовским взяли на себя обязательство помочь в порядке шефской помощи с проектами. Пожалуй, это было первое обращение не к отдельным архитекторам, и раньше иногда привлекавшимся для тех или иных работ, а к архитектурному сообществу в целом в связи со строительством на селе. По возвращении из Нальчика московская группа архитекторов выступила с пафосной статьей в «Правде»: «Нас позвали не для обычной “узкоспециальной” работы, а для участия в громадном деле, содержание и масштабы которого становились все яснее и определеннее, приобретали все более и более реальные очертания, с каждым днем, с каждым часом нашего пребывания в Нальчике»⁷². Правда,

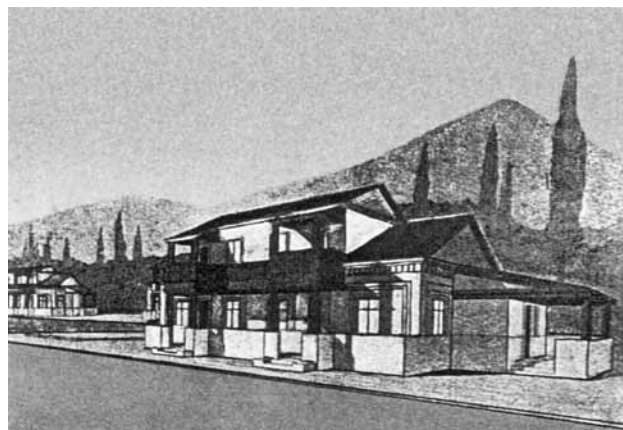
как признавались авторы статьи, раньше они знали о колхозном строительстве только по газетам и архитектору впервые приходится иметь дело с таким объектом, как планировка колхозной территории. Тем не менее архитекторы, побывавшие в Кабардино-Балкарии, взялись не только за работу по реконструкции областного центра Нальчика, но и приняли обязательства по совершенно новой для них работе — планировке колхозов и проектированию колхозных зданий.

Программа проектирования агрогородов, составленная руководством области, была очень расплывчата и в конечном итоге не слишком притязательна: расположение поселков на здоровом, сухом месте; выделение специальных территорий для животноводства; электрификация и телефонизация; снабжение здоровой питьевой водой; замощение дорог и тротуаров; зеленые насаждения на улицах; разбивка парка культуры и отдыха со стадионом, детской площадкой, летним кинотеатром и оранжереями. На центральной площади должны были располагаться сельсовет, учреждения связи, клуб с зимним кинотеатром. Необходимо было построить в каждом поселке школы, гостиницу, дом престарелых, больницу, амбулаторию, баню, прачечную, столовую, 2-квартирные дома для специалистов, общежития для одиночек. Основным типом застройки оставались личные усадьбы колхозников⁷³.

Проектирование, в силу занятости столичных архитекторов и неуточненности заданий, значительно затянулось. Лишь в 1935 г. московская мастерская № 10 во главе с В.Д. Кокориным представила проекты сельсовета, школы и жилых домов для колхоза «Ленинцы». В соответствии с градостроительными представлениями середины 1930-х гг. композиционным и смысловым центром

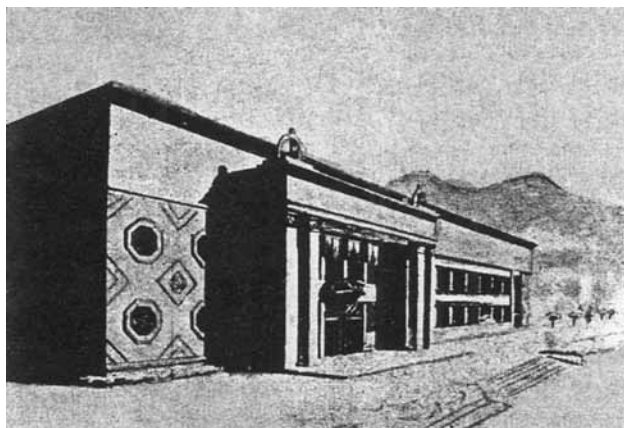

Планировка агрогорода колхоза «Ленинцы» в Кабардино-Балкарии. Перспектива

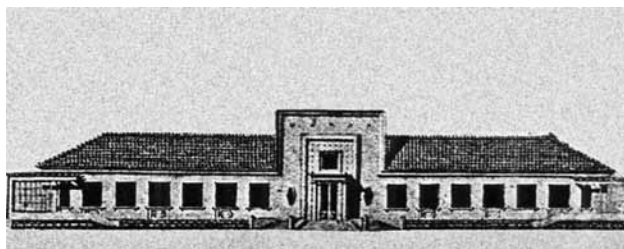

Колхоз «Ленинцы». Проект жилого дома. Арх. П.А. Масальский

Колхоз «Ленинцы». Проект сельсовета.
Арх. И.А. Звездин

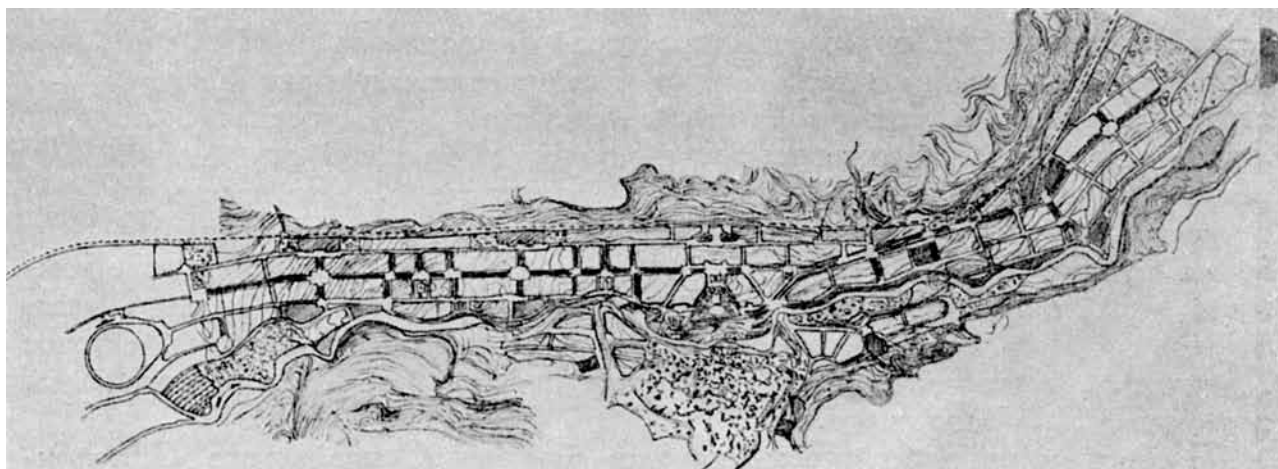
Колхоз «Ленинцы». Проект школы.
Арх. В.Н. Жолткевич

поселка становился, как его называли архитекторы, дом Советов (сельсовет), располагавшийся на главной площади, на пересечении двух основных магистралей. Автор (арх. И.А. Звездин) постарался придать зданию сельсовета как можно более монументальный характер путем повышения односкатной крыши и введения ее лобовой части в архитектурную композицию фасада. Одноэтажная школа

(арх. В.Н. Жолткевич) также получила повышенный объем за счет вестибюля, оформленного на фасаде в виде мощного портала с отделкой цветной майоликой. Для колхоза были выполнены также два типа двухквартирных сблокированных домов (арх. И.А. Масальский и М.В. Аполлонов), где монументальные фронтоны сочетались с глубокими лоджиями — дань местному климату⁷⁴.

Трудно сказать, что еще было спроектировано для трех агрогородов и что из спроектированного было построено. Но в современных публикациях местных краеведов упоминается, что в колхозе «Ленинцы» тогда было построено 16 стандартных птичников, три корпуса свиноводческой фермы, четыре — молочно-товарной, на окраине возвели шесть двухквартирных жилых домов, административные здания правления колхоза, сельсовета, средней школы, клуба. В 1934 г. в газете «Правда» был опубликован очерк Михаила Кольцова «Чудо в Кабарде» о колхозе «Ленинцы».

Есть также краткие упоминания о том, что проектированием агрогорода колхоза им. Кирова в селе Заюково занималась бригада Наркомзема под руководством М.С. Осмоловского. Этот проект в середине 1930-х гг. критиковался Всесоюзной академией архитектуры: 9 км, на которые растянулся агрогород, уничтожали возможность архитектурной композиции; все усадьбы и жилые кварталы агрогорода получались однотипными; использовался исключительно городской подход, многоквартирные дома; специфика села полностью исчезла⁷⁵.

Проект планировки агрогорода им. Кирова в Кабардино-Балкарии

*Строительство «типовых» совхозов
и колхозов: экономия ресурсов*

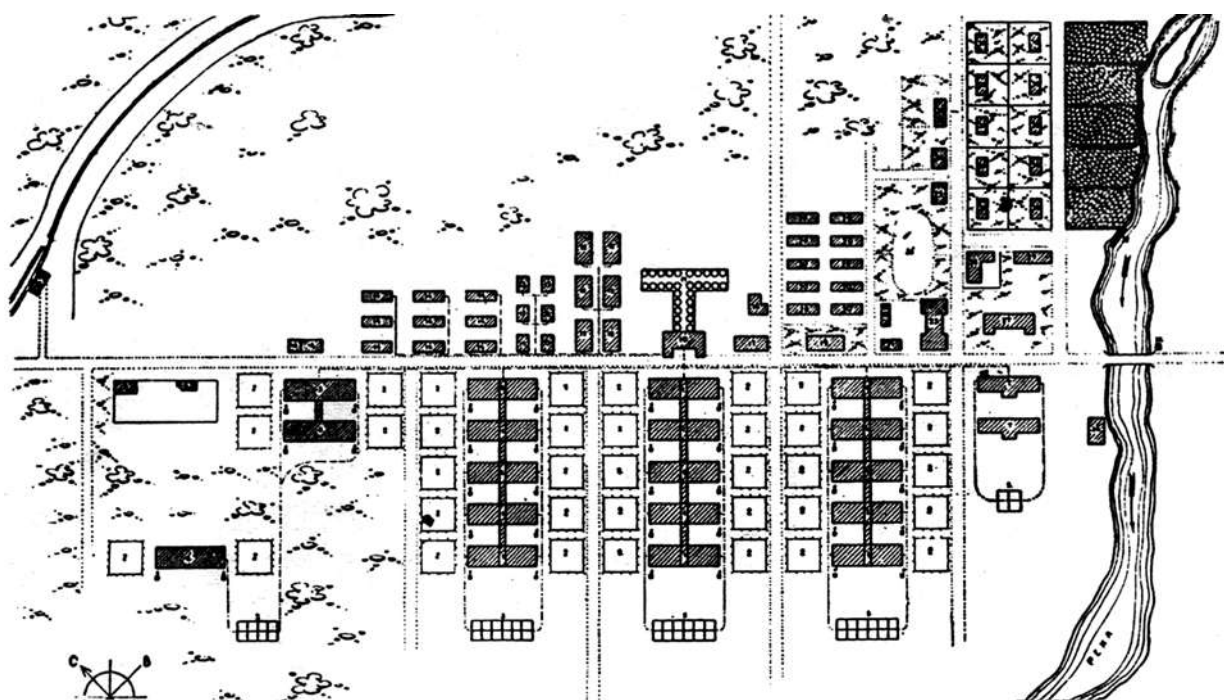
Конец 1920-х гг. был отмечен выходом двух нормативных документов, регламентирующих застройку селений. Было издано постановление СНК РСФСР от 31.08.1927 «О распланировании и застройке сельских поселений», согласно которому местные исполнительные комитеты должны были произвести планировку селений в следующих случаях: а) вновь образуемых; б) подвергшихся значительным разрушениям вследствие стихийных бедствий; в) тех селений, о перепланировании (переустройстве) которых возбуждены ходатайства самими земельными обществами⁷⁶. В постановлении было оговорено, что составление планов селений производится землеустроительными учреждениями с участием представителей органов коммунального хозяйства и здравоохранения. Все расходы по планировке, за исключением стихийных бедствий, относились за счет населения.

В 1928 г. в развитие постановления была выпущена инструкция, составленная совместно Наркомземом, Наркомздравом, НКВД, Наркомфинансов. Здесь более подробно были расписаны все виды работ, которые следовало производить в деревне. На Наркомзем возлагалось содействие рационализации и общее руководство сельским строительством, распространяющееся: а) на строения сельскохо-

зяйственного, ветеринарного и лесного характера, подведомственные Наркомзему; б) крестьянские усадебные постройки—жилые строения, служебные хозяйственные постройки, риги, овины, бани, мелкие кустарные и промышленные строения в черте усадебных участков, колодцы и другие водохранилища; в) общественные сельские сараи и постройки сельскохозяйственного назначения. На НКВД было возложено руководство строительством сельских общественных зданий, фабрично-заводских и промышленных заведений, а также наблюдение за выполнением установленных норм строительства и надзор за благоустройством улиц, площадей, кладбищ и прочих мест общественного пользования. Наркомздрав должен был осуществлять наблюдение за выполнением санитарных норм и правил в селениях и разработку таких правил⁷⁷.

Никаких архитектурных задач в этих документах не ставилось. Более того, разделение сфер ответственности и проектирования между разными ведомствами изначально создавало ситуацию, когда планировка и застройка села велись рассогласовано, без единой цели, а чаще всего не велись вообще, поскольку у коллективных хозяйств просто не было на это средств.

Вновь, как и в первые послереволюционные годы, стали появляться популярные пособия, посвященные благоустройству колхозного села и рассчитанные в основном на самостоятельность на-

Проект планировки типового животноводческого совхоза

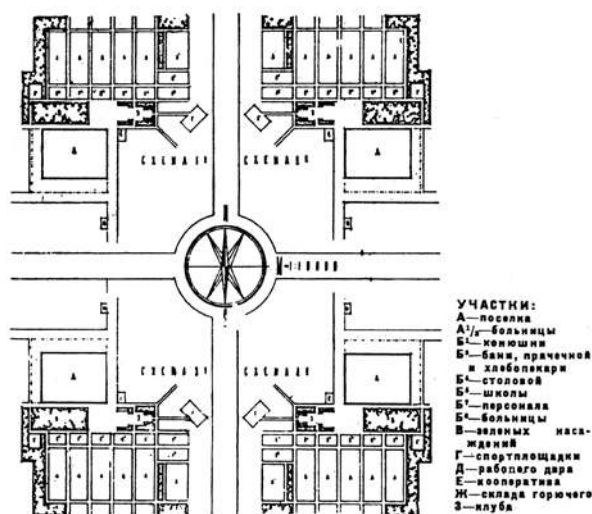

Схема центральной части усадьбы типового зерносовхоза

селения⁷⁸. Практическое проектирование и строительство на селе по-прежнему находились в руках землеустроителей, а то и вовсе людей крайне низкой квалификации.

Немногом лучше дело обстояло в совхозах. Во многих совхозах, не говоря уже о колхозах, отсутствовали генпланы, особенно в союзных республиках. Так, научная экспедиция Закавказского института сооружений, обследовавшая районы западной Грузии, установила, что из-за отсутствия генпланов в совхозах был допущен целый ряд грубых планировочных и строительных ошибок. Участки под поселки выбирались неудачно, без соблюдения санитарных и технических требований. Иногда застройка, бессистемная по своему характеру, велась даже в самых сырых, малярийных районах⁷⁹.

Все совхозы, за исключением единичных крупнейших зерновых «учебно-опытных» хозяйств, должны были строиться по типовым проектам планировки, разрабатываемым для условных градостроительных и экономических ситуаций⁸⁰.

Основная тенденция в переустройстве совхозных поселений была достаточно ясна: они рассматривались как переходные формы к городу с соответствующим типом застройки и планировки. Однако не все было так просто. В прессе тех лет отмечалось, что строительство в учебно-опытных зерновых совхозах разительно отличается от так называемых типовых совхозов, — здесь застройка в основном идет из глины и соломы и имеет вид мелкого сельскохозяйственного строительства⁸¹. Практически это ничем не отличалось от строительства в колхозах⁸².

Некоторые государственные тресты и кооперативные союзы выпускали свои собственные нормы по строительству в совхозах и колхозах своей системы⁸³. Так, инженеры Сахаротреста, стремясь к максимальному снижению стоимости строительства, усовершенствовали обычные для того времени конструкции соломенно-глинобитных и глинолитных стен и глиносоломенных крыш за счет повышенного содержания соломы, что должно было дать значительную экономию в строительстве⁸⁴.

Критиковались и типы жилой застройки в совхозах — пресса отмечала, что появляется в основном индивидуальное жилье с неизбежными кухнями, а также «все прелести планировки поселка со стереотипными домиками, с палисадниками, расположенными по правой и левой сторонам улиц, образующих типичные кварталы любого типичного поселка»⁸⁵. Задания на производственные совхозные постройки также оставались непроработанными функционально и технологически, что вело к крупным ошибкам в зонировании территории совхозных поселков.

Случайность планировочных и архитектурных решений списывалась, как всегда, на то, что «организация зерновых фабрик, конечно, могла возникнуть только в СССР», поэтому «мы почти совершенно не можем почерпнуть опыта у Запада»⁸⁶. В то же время много говорилось о том, что в Америке крупные капиталистические зерновые хозяйства тратят до 40 руб. на 1 га, а у нас все еще до 60 руб., поэтому на рационализацию и удешевление сельскохозяйственного строительства должны быть направлены все силы⁸⁷.

При полном отсутствии опыта проектирования так называемых типовых совхозов, как зерновых и животноводческих, так и иного профиля, от проектировщиков требовали сразу же дать «тип» такой планировки, пригодный во всех климатических условиях, при всех условиях рельефа и расположения главных проездов, рациональный и экономичный. При этом программа конкурса на проект типового совхоза, проведенного Обществом гражданских инженеров по заданию Зернотреста в конце 1928 г., страдала крайней расплывчатостью⁸⁸. Поэтому наряду с открытым конкурсом Зернотрест объявил небольшой закрытый конкурс, надеясь на мастерство привлекаемых архитекторов. Однако главным в этом конкурсе была все же не планировка, а необходимость предельной минимизации затрат денежных и материальных средств, максимального сокращения срока постройки жилых и производственных зданий, стандартизация элементов, облегченные конструкции, возможность обойтись без дефицит-

ных материалов. На конкурс поступило 82 проекта и 4 проекта отдельно по конструктивным системам. Однако каких-либо ощутимых качественных результатов и новых решений он не принес⁸⁹.

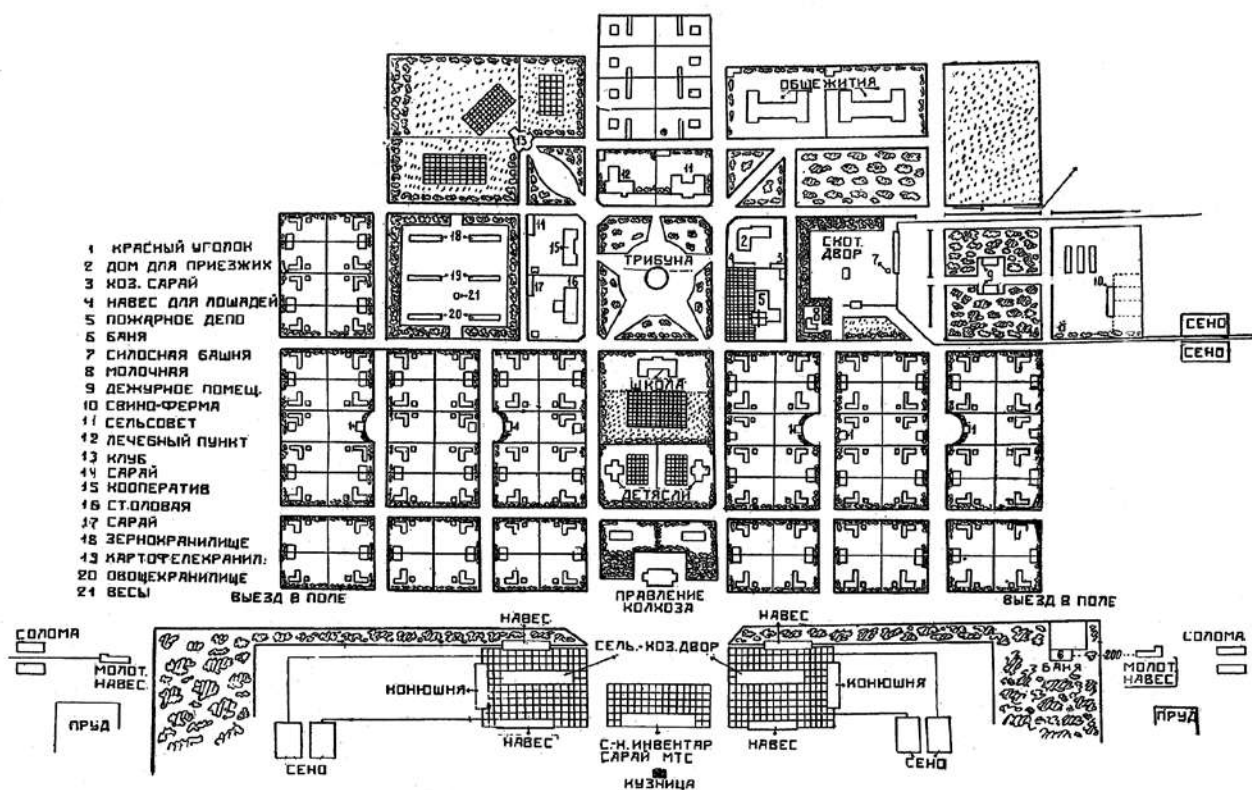
Какой-либо серьезной научно-исследовательской работы в области проектирования сельских поселений в 1920-х гг. не велось. Некоторые надежды возлагались в этом плане на созданную в 1931 г. Академию коммунального хозяйства при СНК РСФСР, но они не оправдались, поскольку академия не справлялась с выработкой нормативов даже для проектирования городов. Фактически не было методической литературы по строительству в колхозах, совхозах и МТС⁹⁰.

Вопросы, связанные с планировкой сельских населенных пунктов, должны были обсуждаться на предстоящем в Москве первом Всесоюзном съезде по планировке и строительству городов, который предполагал созвать ВСКХ при ЦИК СССР в декабре 1933 г. Оргкомитет съезда наметил в одной из секций два доклада по планировке колхозов и совхозов. Однако это мероприятие так и не состоялось.

Разработка и издание типовых проектов по сельскохозяйственному строительству и планировке центральных усадеб совхозов выполнялись разными организациями: в 1931 и 1932 гг. — Гипросель-

хозом под руководством специальной комиссии; в 1933 г. — Госсельпроект и Институтом по проектированию сельскохозяйственных сооружений (ВНИИПсельхоз), затем в 1934 г. преобразованным в Сельскохозяйственный всесоюзный научно-исследовательский институт строительства и материалов (СХВНИИСМ). Не было твердых заданий и проверенных опытом норм, а чрезвычайно большие объемы сельскохозяйственного строительства требовали срочного выпуска типовых проектов, так как на местах отсутствовали подготовленные технические кадры. В 1931 г. было издано 126 типовых проектов, охватывающих 12 серий, в 1932 г. — 203 проекта, охватывающих 17 серий. Основные установки — максимальное упрощение и удешевление строительства, широкое применение местных строительных материалов и неквалифицированной рабочей силы, сокращение срока строительства. Проекты представляли собой рабочие чертежи, снабженные подробными пояснительными записками и производственными сметами. Начиная с 1933 г. темп работ в области типового проектирования снизился⁹¹.

Но, несмотря на такую, казалось бы, обширную работу, дефицит типовых проектов ощущался повсеместно. Так, НТС Московского областного земельного управления (МОЗУ) жаловался на «про-

Проект типового генплана колхоза на 100 дворов. Бригада МОЗУ

рыв» в области обеспечения типовыми проектами для сельского хозяйства, а особенно в части генеральных планов колхозных центров, жилого дома колхозника, построек административного и культурного назначения. Была создана специальная бригада, которой было поручено разработать примерные проекты таких генпланов и построек. Но они также исходили из условной ситуации — например, некий колхоз средней мощности (90–100 дворов), строящийся на новом месте, состоящий из четырех полеводческих и двух животноводческих бригад. Проект был основан на достаточно упрощенной регулярной планировке, по центральной оси которой была расположена площадь для демонстраций в виде пятиконечной звезды⁹².

Пресса писала, что в проектах МОЗУ типов жилых домов колхозников и их усадеб чувствуется примитив — архитектура без претензий, без художественности, хотя функционально они продуманы хорошо. Отмечалось, что в целом в таком сложном регионе, как Московская область, сельхозстроительство отличается бесплановость, кустарщина, невыполнение программ, большая стоимость строительства. Колхозное строительство в основном идет самотеком⁹³.

После 1932 г. в соответствии с общей тенденцией советской архитектуры к созданию ансамблей и освоению архитектурно-художественного наследия к проектам, рождавшимся в организациях системы Наркомзема, предъявлялось все больше претензий. Так, в прессе отмечалось, что наиболее старой и мощной организацией являлся Сельхозпроект, но это скорее фабрика типовых проектов, чем архитектурно-творческая мастерская. К планировке подходит продуманно, решая в единстве весь комплекс колхоза, но с архитектурной стороны его проекты беспринципны — ампиры, конструктивизм, английские коттеджи, русские избы — нет единого ансамбля⁹⁴.

Разработка проектов планировки колхозных селений, как «типовых», так и для конкретных условий, в середине-конце 1930-х гг. активно велась и на Украине. Здесь лидировал Украинский институт коммунальной гигиены, где с 1936 г. началось широкое санитарное обследование состояния благоустройства и строительства в колхозных селах⁹⁵. Начатое на Украине, это обследование в дальнейшем охватило ряд сел Белоруссии и РСФСР, главным образом в ее европейской части. В 1936–1937 гг. было обследовано 103 колхозных села. В обследовании принимали участие 63 человека, в том числе санитарные врачи, землеустроители, инженеры, планировщики, техники.

На Всесоюзном открытом конкурсе на планировку колхозов и жилых домов для колхозников, организованном Сельхозпроектом Наркомзема СССР в 1936 г. (первые премии в этом конкурсе не присуждались), украинские планировщики были отмечены несколько раз. Так, институт коммунальной гигиены разработал типовой проект планировки нового колхозного села применительно к южному степному району СССР (авт. В.И. Васильченко, А.Н. Марзеев). Проект был признан лучшим из представленных типовых проектов и получил почетную премию⁹⁶.

Формирование типологии сельских населенных пунктов в середине 1930-х гг.

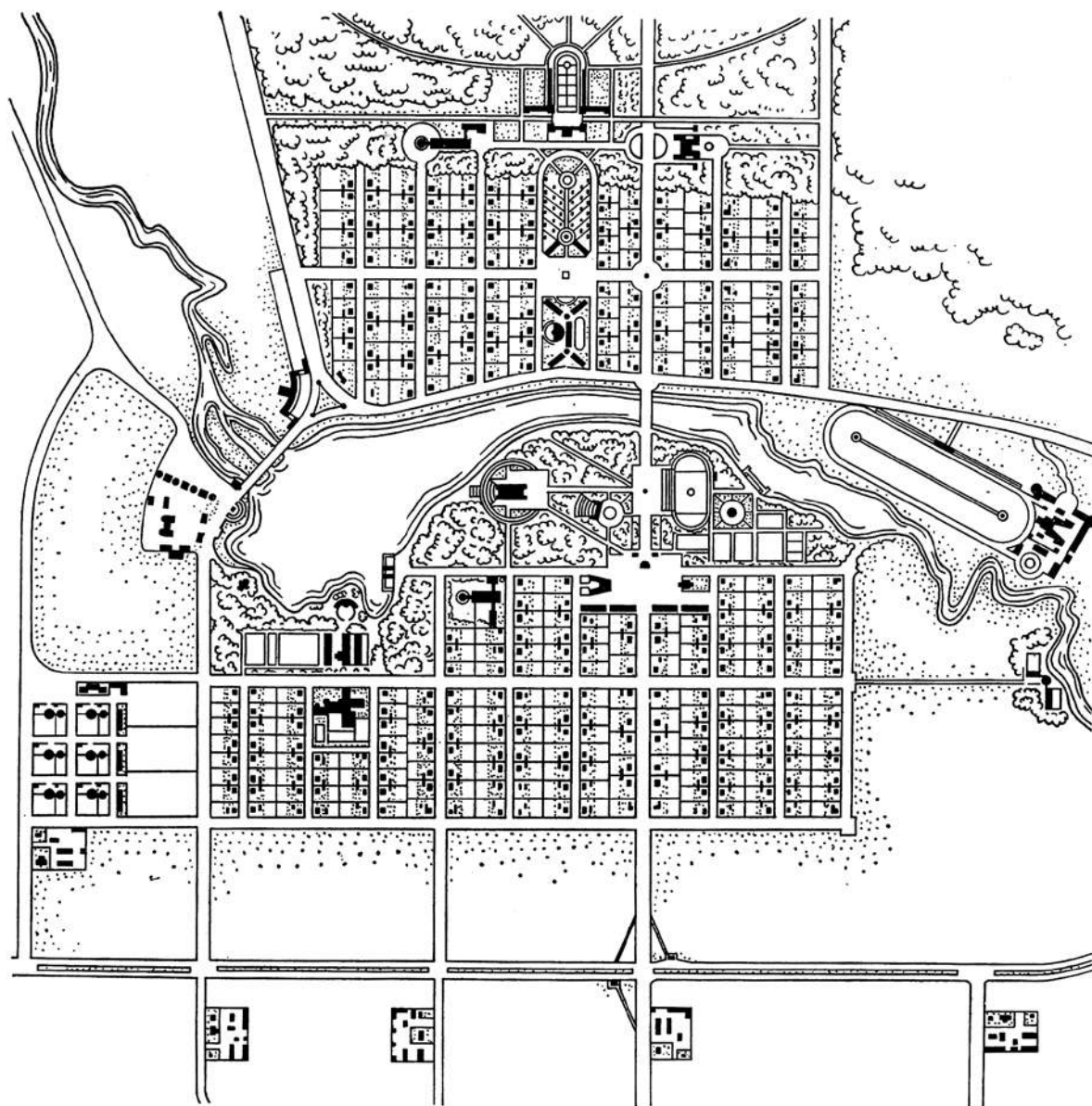
К середине 1930-х гг., когда результаты бурного процесса сплошной коллективизации обрели более или менее ясные очертания, сложилась достаточно четкая классификация населенных пунктов, исходившая из признака наличия коллективных хозяйств. В силу общей неизученности сел и отсутствия их классификации по каким-либо другим признакам она давала возможность как-то дифференцировать задачу для проектировщиков.

Колхозные населенные пункты подразделялись: районные центры — села, в которых сосредоточены все районные административные учреждения и предприятия, обычно с МТС и несколькими колхозами; населенные пункты, в которых имеется несколько колхозов с наличием МТС или без нее; населенные пункты с одним колхозом (село-колхоз); колхозы, размещенные в нескольких населенных пунктах (село-бригада); индивидуальные хутора, подлежащие сселению⁹⁷.

В связи с этим, в частности, актуализировалась задача реконструкции центральных усадеб (колхозных центров), располагавшихся, как правило, в старых, сложившихся селах.

На практике немногочисленные примеры планировки колхозных сел, рассматриваемые как удачные в середине 1930-х гг., были, как правило, связаны с индивидуальным проектированием, в том числе реконструкцией планировки бывших помещичьих усадеб, где уже была заложена основа, учитывающая особенности природного ландшафта, расставлены архитектурные акценты.

Примером может послужить реконструкция села Голубовка 1934–1935 гг. — центральной усадьбы колхоза им. В.В. Куйбышева Черниговской области (арх. К.К. Лопяло). В этом проекте искусственный

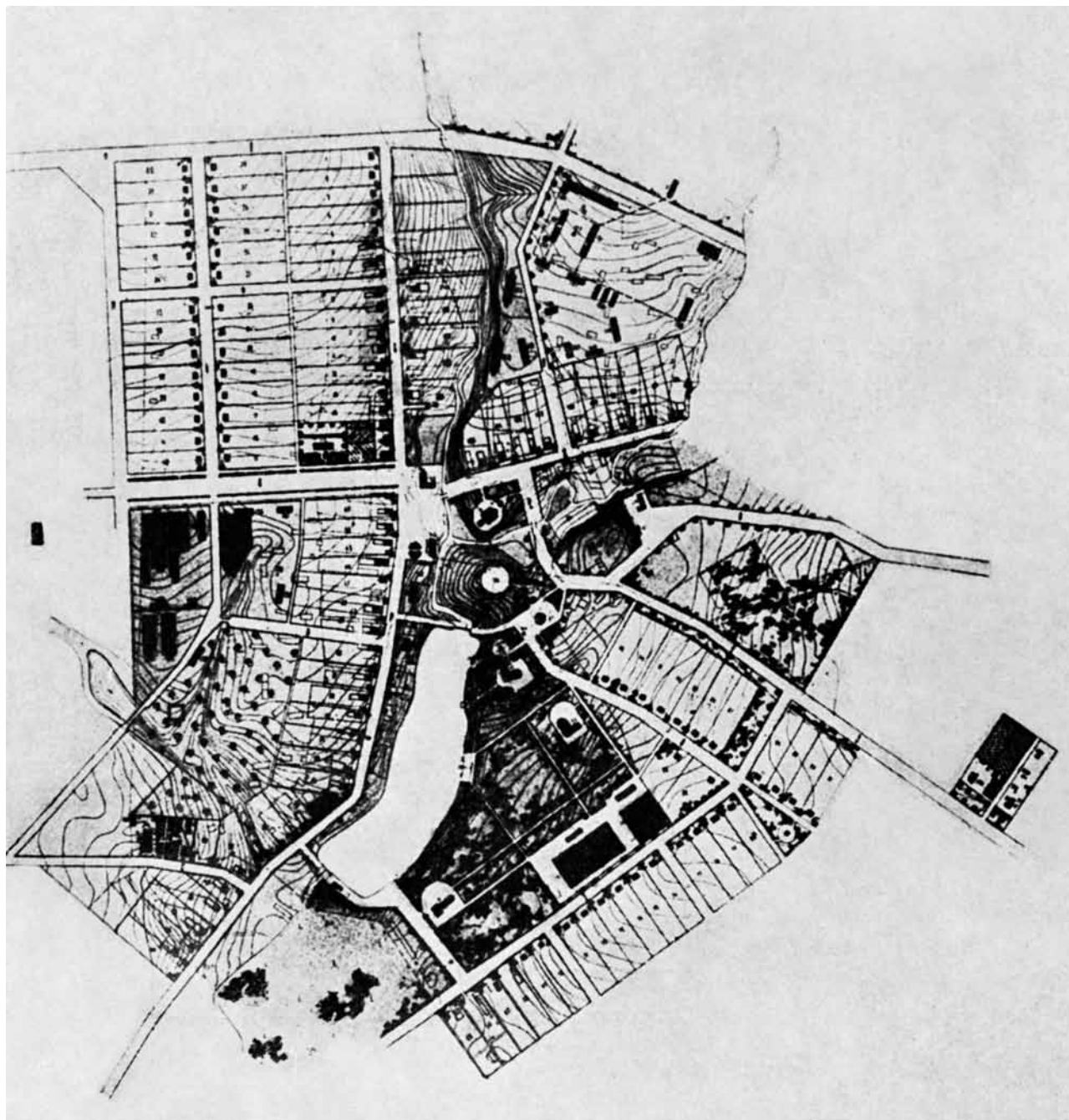
Планировка деревни Голубовка. Украина

пруд и реконструированный помещичий парк послужили осью градостроительной композиции, вокруг которой расположились регулярные кварталы жилой застройки. Обе части поселка связывались между собой главной улицей, соединенной мостом и живописными набережными. На главной улице располагался общественный центр с площадью, застройка которого раскрывалась на пруд и парк.

Удачей была признана и реконструкция села Алешино (Новое Алешино), принадлежавшего до революции семье промышленников Арманд⁹⁸. Перепланировка была проведена проектной группой Московского областного земельного управления

(МОЗУ). Проектировщики-землеустроители проявили осторожность в ломке сложившейся планировки и сносе жилого фонда, использовали существующий пруд для разбивки вокруг него парка⁹⁹. Однако в связи со строительством канала Москва—Волга в Новое Алешино были переселены жители соседних сел, при этом усадьбы колхозников пришлось значительно уменьшить. Были оставлены на своем месте и некоторые неудачно расположенные производственные постройки, возникшие ранее¹⁰⁰. Сносить подобные постройки вообще запрещалось. Тем не менее изначальная красота и тактичное использование сложившейся градостроительной си-

Планировка центральной усадьбы колхоза «Новое Алешино». МОЗУ

туации сделали это село одним из немногих приводившихся в пример в литературе того времени¹⁰¹.

Другой тип индивидуального проектирования сел в это время был связан с реконструкцией крупных исторически сложившихся станиц.

Примером успешной реконструкции крупного сельского населенного пункта стала станица Красноармейская Азово-Черноморского края¹⁰². Старинная казачья станица с 1935 г. стала районным центром с населением около 12 000 человек, на ее территории

образовалось сразу шесть колхозов, что привело к планировочному хаосу. На объединенном заседании бюро райкома ВКП(б), райисполкома и станичного совета было решено пригласить бригаду Научно-исследовательского института организации территории (НИИОТ Наркомзема СССР), которая предприняла ряд предварительных обследований станицы, в том числе возможностей улучшения гигиенических условий. Вместе с тем решалась задача такой перепланировки, при которой станица переставала быть

Проект перепланировки станции Красноармейская

механическим конгломератом нескольких колхозов, а решалась как единый организм с главными и второстепенными архитектурными центрами, с организацией парка культуры и отдыха на берегу речки¹⁰³.

Другим часто приводившимся позитивным примером служила реконструкция колхозного села Чапаевка на Украине (крупное казацкое село Богушская слободка, известное с начала XVII в.) Проектирование Чапаевки проводилось по инициативе оргкомитета Союза архитекторов Украины бригадой, организованной Облпланом и Гражданстройпроектом¹⁰⁴. На основе специально проведенного всестороннего обследования был создан пятилетний план реконструкции всего села с технико-экономическими обоснованиями.

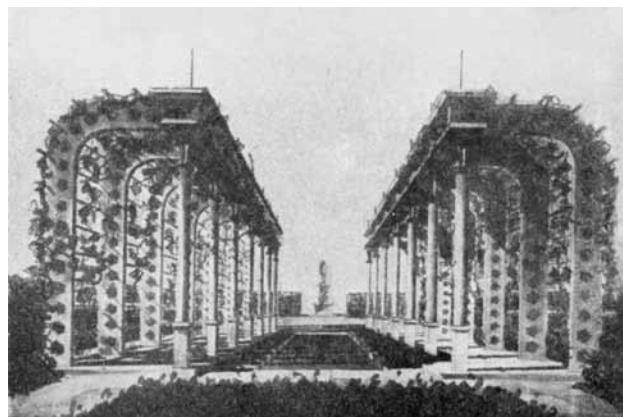

Село Чапаевка. Украина. Перспектива колхозного стадиона

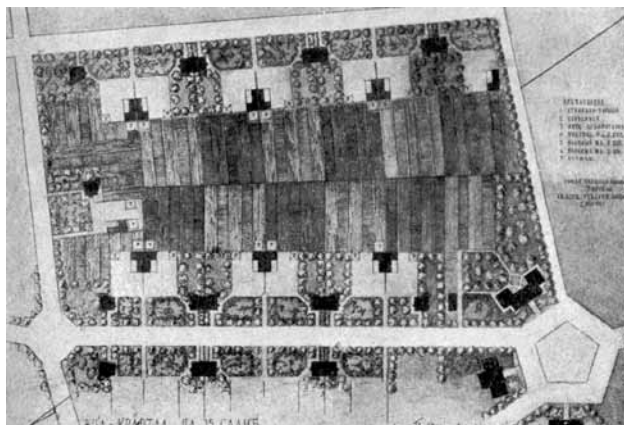
Разрабатывались новая планировочная схема, организация жилых кварталов, решение спортивно-парковой зоны со стадионом на 2500 зрителей. Бригада регулярно выезжала в село и обсуждала вопросы с колхозниками. По указанию колхозников общая схема несколько раз передельвалась. Предполагалось даже строительство специального квартала для ударников и стахановцев сельского хозяйства, заново застраиваемого на месте «кулацких» усадеб. Были реконструированы все главные улицы, проложена кольцевая дорога, связывающая 10 бригадных хозяйств.

Перепланировке подверглись жилые кварталы Чапаевки, где все личные хозяйственные постройки переносились в глубь усадеб, а перед домами разбивались палисадники. Двухквартирные жилые дома с изолированными входами, предложенные изначально архитекторами, колхозниками были отвергнуты и заменены на индивидуальное жилище. На реке Золотоноше был устроен искусственный пруд, построены водная станция, детский сектор с пионерским дворцом, сельсовет, магазин, столовая, пекарня, почта, телеграф, агрошкола и техникум по пчеловодству. Был разработан проект кинотеатра, но колхозники сами построили кинотеатр, переделав под него церковь по проекту председателя колхоза. Такой комплексный подход к реконструкции села с предварительным обследованием и разработкой плана реализации был, конечно, редчайшим исключением.

В конце 1936 г. «Правда» выступила с передовой статьей, посвященной благоустройству колхозного села¹⁰⁵. Чапаевка приводилась как пример правильной реконструкции сельского поселения. В статье критиковалась инерция руководителей, отсутствие местных строительных материалов, в то время как

Село Чапаевка. Арка входа на стадион

Село Чапаевка. Планировка жилых кварталов

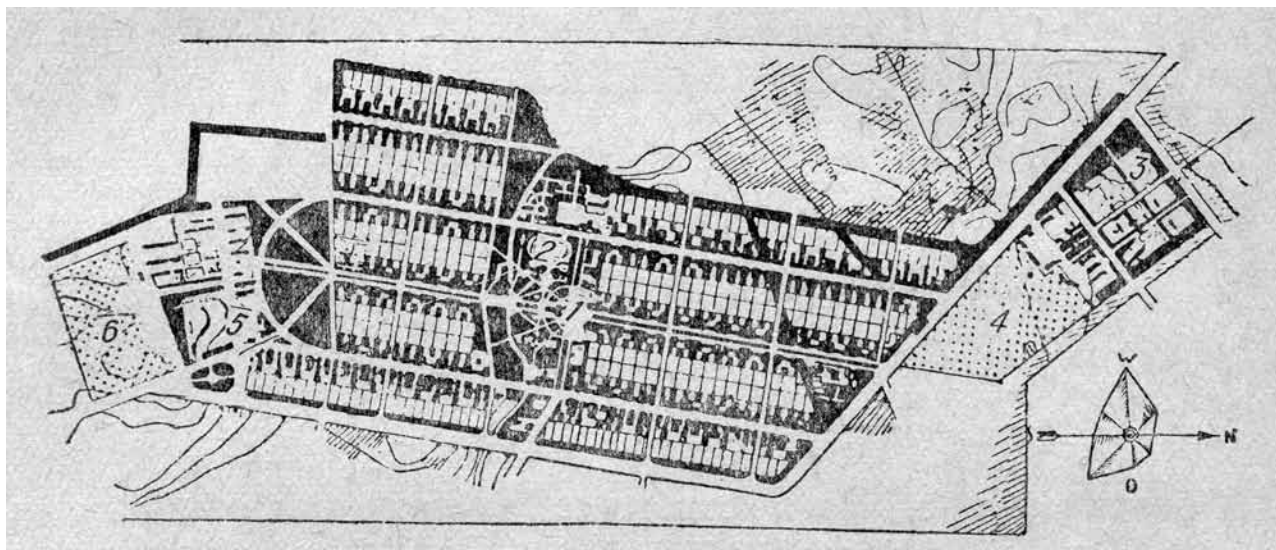

Село Чапаевка. Фасад односемейного жилого дома колхозника

можно самим делать кирпич и черепицу. Отмечалось, что в селах не знают, с чего начать, по какому плану работать. Надо посоветоваться с архитектором, с коммунальным работником, с лесомелиоратором, но это не предусмотрено бюджетом, и помощи колхозники не получают. Однако никаких конкретных организационных мер и новых схем финансирования в статье «Правды» предложено не было.

Другой серьезной проблемой в проектировании села в середине 1930-х гг. стало уничтожение хуторской системы расселения и переселение людей в уже существующие или вновь создаваемые колхозные поселки. Хуторская система расселения, помимо идеологических причин (борьба с единоличными хозяйствами), в логике коллективного хозяйственного устройства доставляла немало хлопот, образуя «дыры» в системе колхозного землепользования, что затрудняло работу сельскохозяйственных машин, снижало дисциплину колхозных бригад и их выход на работу, увеличивало количество дорог, мешало организовать «культбыт» и т.п.¹⁰⁶ Особенно актуальной эта проблема была на Украине, где целые районы на 90–95% состояли из хуторов, отстоявших один от другого на 3–5 км. По плану 80 тыс. хуторов только по 15 районам Киевской области подлежали переселению в 1935–36 гг. Для этого необходимо было запроектировать 340 населенных пунктов¹⁰⁷. Была создана областная комиссия, развернуто проектирование, но проектами удавалось охватить далеко не все села.

Параллельно шел стихийный процесс переселения из хуторов в села, что создавало множество градостроительных ошибок, с которыми практиче-

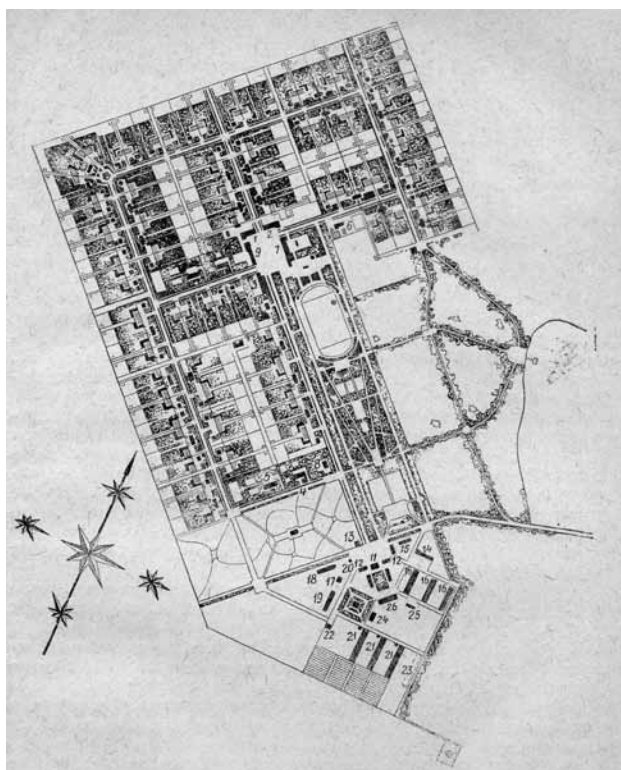

Проект планировки села Киянки

ски невозможно было впоследствии бороться, — хозяйственные дворы оказывались зажатými среди жилья, отсутствовала возможность провести благоустройство и т.п. Многие колхозы при сселении хуторов выбирали участки в геометрическом центре территории своего землепользования, не желая объединяться с другими колхозами в одно село. Возникали карликовые села, в то время как для организации «культбыта» требовалось 400–500 дворов.

Все же обследование сел, проводившееся Украинским институтом коммунальной гигиены, знание конкретных условий проектирования приносили свои плоды. Так, на Всесоюзном конкурсе, организованном Сельхозстройпроектом в 1936 г., получил поощрительную премию проект нового села Киянки, куда должны были переселить жителей хуторов Киевской области¹⁰⁸. Проект был выполнен тремя организациями — Украинским институтом коммунальной гигиены (авт. В.И. Васильченко), бригадой научно-исследовательского отдела землеустройства Украинского института мелиорации и Киевского областного земельного управления. Специальная комиссия выбрала наиболее удобную в отношении полей, дорог и железнодорожной станции площадку. На этой площадке

Проект планировки села Красный Партизан

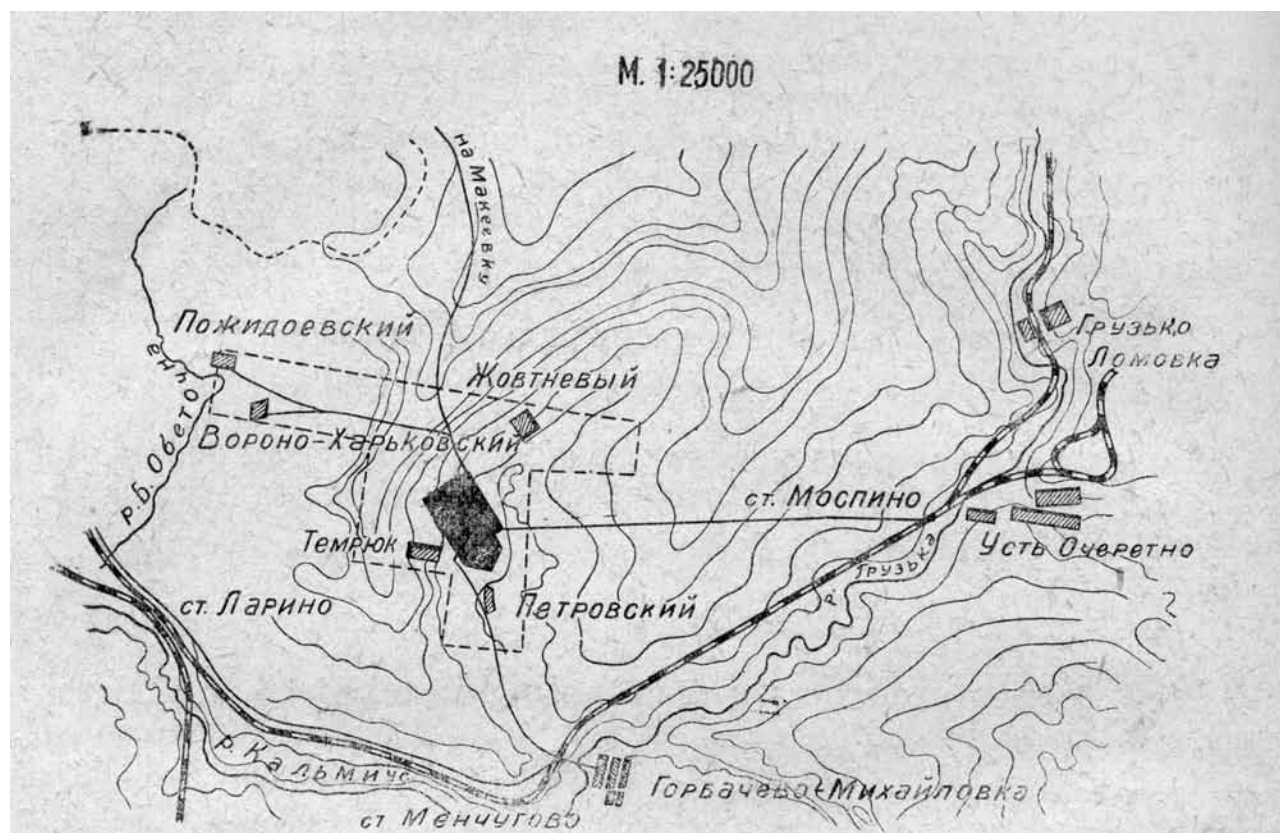

Схема расположения хуторов вокруг села Красный Партизан

уже ранее было построено несколько усадеб, сельсовет и школа. Село проектировалось на 250 дворов, с приусадебными участками в 0,35 га, с местной промышленностью в виде кирпичного и черепичного заводов. В селе также были запроектированы: сельсовет, школа, кино-клуб, амбулатория, два детских сада, детские ясли, кооператив, столовая, дом для приезжих, баня, электростанция, «хата-лаборатория».

Было проведено четкое зонирование территории: сектора жилой, культурно-бытовой; два производственных, включая два колхозных сада (по числу колхозов в селе) на краю села на юге и севере. Производственные сектора примыкали к полям и транзитной магистрали, были отделены от жилья зелеными разрывами. Жилая часть состояла из кварталов правильной формы, разделенных прямыми широкими улицами (16–18 м), правильно ориентированными в отношении стран света и господствующих ветров. Центр села был четко выражен в виде площади, застроенной общественными зданиями. На берегах небольшой речки организовывался парк размером 6 га. Это был первый на Украине проект нового колхозного села, который получил возможность реализации.

Проблема сселения разбросанных хуторов решалась в другом украинском проекте, также получившем поощрительную премию на конкурсе (арх. Д.П. Гаузнер, инж.-экон. М.Г. Флеер, при участии арх.-худ. В.М. Оленева, тех.-арх. В.И. Терлецкого, инженеров и агрономов). Это был проект планировки колхоза «Красный партизан» на Донбассе, территория которого охватывала пять хуторов на расстоянии от 0,5 до 4,5 км от центральной усадьбы на хуторе Темрюк¹⁰⁹. Разбросанность хуторов, затруднявших хозяйственную деятельность колхоза, значительная изношенность имевшегося на хуторах жилого фонда побудили авторов запроектировать для колхоза новый населенный пункт к северу от хутора Темрюк. Были тщательно учтены все условия: спокойный рельеф, наличие речки, ветровой режим и др. Село было запроектировано компактно, с четким зонированием — центральная площадь культурно-бытового сектора располагалась между жилым и производственным секторами, примыкала к парку. Парк, в свою очередь, примыкал к колхозному фруктовому саду, расположенному на берегу большого пруда. Жилой сектор, состоявший из правильной формы жилых кварталов с усадьбами колхозников в 0,4 га, занимал наиболее возвышенную территорию. Прямые улицы связывали отдельные сектора и части селения.

Проект был составлен с учетом природных условий, гигиенических требований и хозяйственных интересов колхоза. Тем не менее при решении вопроса о реализации он подвергся критике за ряд маложилищных, как тогда считалось, установок: перенос селения на новое место вместо расширения хутора Темрюк; спаренные дома; общежитие для холостых и малосемейных; канализация и пр.

Научно-исследовательский институт организации территории (НИИОТ) Наркомзема разрабатывал проекты сселения хуторов для Западной области РСФСР¹¹⁰, в частности проект планировки хозяйственного центра Вышегородского колхоза «Наши достижения». Здесь также приходилось работать на основе индивидуального проектирования, однако к работе не был привлечен ни один архитектор, как и во многих других случаях проектирования сел¹¹¹.

Основной объем планировок колхозных сел продолжал оставаться, как и в 1920-е гг., в руках организаций землеустроительного профиля и коммунальной гигиены, что не исключало в середине 1930-х гг. привлечения к работе отдельных архитекторов.

Проектирование для села как объект внимания архитектурного сообщества

К середине 1930-х гг. необходимость научной работы в области сельского проектирования с масштабным участием архитектурного профессионального сообщества была все же вполне осознана. Поэтому практически с начала функционирования Всесоюзной академии архитектуры (ВАА) при ней был создан Научный кабинет сельскохозяйственной архитектуры (1934). Возглавлял эту структуру арх. А.М. Кондахчан, затем арх. Г.М. Мартынов. Ученым секретарем стал арх. М.И. Рзянин. В первую очередь здесь стали разрабатываться три темы: колхозные дома культуры; жилая усадьба колхозника; планировка колхоза. На научном совете кабинета было заслушано сообщение арх. З.М. Розенфельда «Национальные особенности колхозной архитектуры». С сообщениями выступили также «научные корреспонденты»¹¹² ВАА Г.М. Мартынов, И.П. Машков, Н.О. Беккер и другие. Профессор Н.В. Марковников работал над темой «Пути использования архитектурно-технических достижений заграничного поселкового строительства в колхозном строительстве»¹¹³.

В связи с открытием кабинета со статьей о колхозном строительстве выступил М.Я. Гинзбург: «Наши архитекторы — это строители города по

преимуществу. Но они должны проникнуться сознанием, что строительство села открывает для их творчества широчайшие перспективы, масштабы не менее грандиозные, чем строительство города.

Речь идет о коренной перестройке быта и всего уклада жизни 75% населения нашей необъятной страны. Специфика стройки на селе таит в себе такие возможности, которых у него пожалуй нет в городском стр-ве»¹¹⁴.

Представляется, что эта небольшая статья точно отразила позиции архитектурного сообщества того времени в отношении сельской архитектуры. Так, говоря о специфике строительства на селе, даже такой теоретик, как Гинзбург, упоминает лишь о возможности для архитектора легче устанавливать «взаимосвязь между архитектурным сооружением и окружающей его природой». Социальные вопросы обустройства и образа жизни на селе, проблема изучения потребностей и предпочтений самих колхозников вполне в духе того времени обходятся стороной. Более того, речь идет о «коренной перестройке» быта и уклада жизни колхозников, но каковы цель и принципы такой перестройки — не определяется.

По мысли Гинзбурга, начинать надо с проектирования и поиска архитектурных форм МТС, поскольку это «тот производственный центр, вокруг которого, как и вокруг промышленных сооружений города, постепенно создаются населенные места»¹¹⁵. Такой подход к селу по аналогии со строившимися в эти годы промышленными «соцгородами» был очень характерен практически для всех высказываний архитекторов этого времени, несмотря на то что, казалось бы, все были против «механического перенесения» качеств городской архитектуры в село. Присутствовал в статье Гинзбурга и еще один важный и очень характерный момент: стремление рассматривать создаваемые архитектором «правильные» образцы (в том числе и «архитектурные формы МТС») в качестве своеобразного катализатора, подхлестывающего самостоятельный процесс застройки села, осуществляемый силами самих колхозников. Такой подход определил в дальнейшем практически все «академическое» проектирование для села.

Чуть позже об определяющей роли производственных центров в архитектуре села писала ученый секретарь Промстройпроекта М.И. Ильина: «Сохранив в деревне все ее преимущества перед городом (простор, чистый воздух, зеленые массивы, близость к природе и т.д.), мы должны на основе “видоизменения и социалистической переделки деревни и подъема ее до уровня передовой город-

ской культуры” (Каганович), создать на базе МТС, совхозов и колхозов культурные очаги в форме социалистических городов и поселков»¹¹⁶.

Сельская архитектура должна быть полностью включена в общую систему развития промышленного производства, стать ее частью. Ошибка архитекторов, по мысли Ильиной, состояла в том, что они идут по пути проектирования отдельных зданий, в лучшем случае отдельных элементов района; МТС, полевых станков, хозяйственных центров колхозов — вне увязки их в масштабе производственно-экономического района. Схема районной планировки — первое и обязательное условие целесообразной организации сельскохозяйственного производства. В этой работе обязательно должны участвовать архитекторы. Только после этого можно переходить к проектированию отдельных МТС, колхозов, совхозов и их хозяйственных центров. В эти годы, однако, принципы работы над районной планировкой в связи с новым промышленным районированием страны еще только складывались, и их совмещение с параллельно идущим процессом проектирования села было затруднительно.

К середине 1930-х гг. относится одна из редких попыток архитектурного сообщества спросить самих колхозников, чего бы они хотели. 11–17 февраля 1935 г. в Москве проходил второй Всесоюзный съезд «колхозников-ударников», параллельно с которым оргкомитет Союза советских архитекторов (ССА) организовал Всесоюзное совещание архитекторов по колхозной архитектуре с участием колхозников (открылось 15 марта)¹¹⁷. Совещание сопровождалось выставкой проектов для села, разработанных в том числе с участием ВАА.

В эти же дни Радиокomitee обратился к колхозникам с просьбой присылать свои пожелания и предложения по вопросам колхозной архитектуры. Такой официально-поверхностный подход к этой глубокой социальной проблеме, конечно, практически ничего не дал, хотя ответов, в том числе графических, пришло довольно много¹¹⁸. Одни колхозники, как и в упомянутой выше дискуссии в журнале «Коллективист» в конце 1920-х гг., поддерживали односемейный дом, другие его отвергали, в соответствии с пропагандистскими установками обосновывая это тем, что многоквартирное жилье будет способствовать росту коллективизма, а также культурных и гигиенических навыков. Были и попытки определиться со стилистикой сельской архитектуры. Колхозник Титов из Московской области писал: «Я предлагаю выработать свой, советский колхозный стиль, который соответствовал бы духу

времени и служил бы пропагандой за укрепление советской власти, а посему и предлагаю крышу в виде куполообразной пятиконечной звезды, посредине шпиль, а на шпиле шар, на котором должен быть герб — серп и молот»¹¹⁹.

В основном же колхозники писали о том, что сельский дом должен быть радостным, ярко окрашенным, с большими окнами, красивым крыльцом с цветными стеклами, застекленной террасой, иметь 3–4 комнаты, переднюю, кухню, даже ванную. Многие предлагали активно использовать элементы традиционного сельского жилища — слуховые окна, ставни, резные наличники, рубку «в лапу». Перед домом непременно должен быть разбит палисадник с цветами, а позади дома — фруктовый сад. Помещения для скота должны быть соединены с домом теплым переходом.

Фактически описывалось как идеал то самое зажиточное индивидуальное «кулацкое» жилище, с которым шла борьба не на жизнь, а на смерть в ходе коллективизации. У власти в этом отношении были другие установки. Считалось, что с организацией колхоза назначение индивидуальной усадьбы резко меняется. Она разгружается от большинства хозяйственных функций и получает значение места поселения колхозника и базы его небольшого подсобного хозяйства. Овины, риги, сенные сараи, амбары — все является излишним и ненужным. Организуя подсобное индивидуальное хозяйство колхозника на усадьбе, не нужно смотреть на него, как на основной путь реализации лозунга партии «сделать всех колхозников зажиточными». Путь к колхозной зажиточной и культурной жизни лежит через развитие общественного колхозного производства.

Проект колхозного жилого дома, демонстрировавшийся на выставке к совещанию, разработанный Сельскохозяйственным кабинетом ВАА, тем не менее, был относительно близок к идеалу колхозников. Он включал в себя три комнаты, две кухни — одну «чистую» и одну «черную» для приготовления корма скоту, стирки и пр. В доме предусматривались ванная, кладовые, два погреба — сухой и для льда. Скотный двор относился в конец участка с выходом на специальную скотопрогонную дорогу. Ближе к дому располагались палисадник, цветники, фруктовый сад (арх. О.А. Вутке). В дальнейшем этот проект не раз подвергался критике за излишества, в том числе за «черную» кухню, рассчитанную на развешивание личного хозяйства.

Выставка выявила двойственное отношение архитекторов к сельским объектам проектирования. Сотрудник Сельскохозяйственного кабинета ВАА

арх. Н.О. Беккер, выступая со статьей в «Правде» по поводу совещания 1935 г., писал: «Архитектор не может преподавать селам какой-либо стандартный, общий для всех план. Но если зрело и вдумчиво подойти к определенному объекту, учесть природные условия и материальные ресурсы села, если ясно представлять себе перспективу его дальнейшего развития, то архитектор может создать поистине волнующую по своему социальному звучанию работу»¹²⁰. На совещании не раз звучала мысль о необходимости переходить от типового проектирования к индивидуальному, в том числе и в планировке¹²¹. В то же время все проекты, представленные на выставке, были сделаны «вне места и времени», хотя и не трактовались как типовые.

Возможно, именно в этом сказывалось понимание архитекторами безнадежных трудностей строительства на селе — нехватки сил, ресурсов, финансов. Надежда была, как всегда, на энтузиазм масс, которые должны следовать заданному извне высокому идеалу: «Если один, два, три сельскохозяйственных центра и района — наиболее мощных — архитектурно организовать и построить на основе лучших проектов наших лучших мастеров архитектуры, то другие районы, равняясь по высокому архитектурному уровню, будут вовлечены в процесс архитектурного соревнования, и средства, необходимые для строительства больших и парадных сооружений, будут ими самими созданы»¹²². Однако в реальности этот «эффект катализатора» не срабатывал, поскольку в селе практически не было не только местных архитекторов, но и мало-мальски грамотных строителей, а также средств для заказа проектов и материалов для их осуществления.

Это не мешало архитекторам мечтать об урбанизации села. В ходе обсуждения материалов выставки на Всесоюзном совещании раздавались отдельные голоса о неоправданной урбанизации проектов, но они были подавлены лозунгами: «Мы идем сегодня семимильными шагами по пути ликвидации противоположности между городом и деревней и нет никакого “греха” в том, что у ряда архитекторов есть желание видеть в больших сельскохозяйственных центрах монументальные красивые сооружения, пусть городского, даже столичного типа — сооружения, которые могли бы стать гордостью всего Союза»¹²³.

Планировка и архитектура МТС и поселков при них, трактовавшихся как основа будущих городов, становятся в это время излюбленным объектом проектирования для архитекторов. Одновременно элементы планировки МТС рассматривались как

элементы будущего развитого градостроительного ансамбля по аналогии с уже устоявшимися к этому времени приемами реконструкции городов. Машино-тракторная мастерская трактовалась как его производственная основа. Центральная площадь МТС, окруженная наиболее красивыми зданиями, должна была располагаться на пересечении главных осей генплана. В дальнейшем она превращалась в одну из главных площадей города. Планировка должна была предусматривать развитие в дальнейшем других центров — культурного, школьного, административного, лечебно-санитарного и т.п. В каждом центре, по аналогии с общей градостроительной концепцией того времени, предусматривалась высотная композиция из зданий общественного назначения. Разбивались парки, сады, газоны, цветники и т.п.¹²⁴

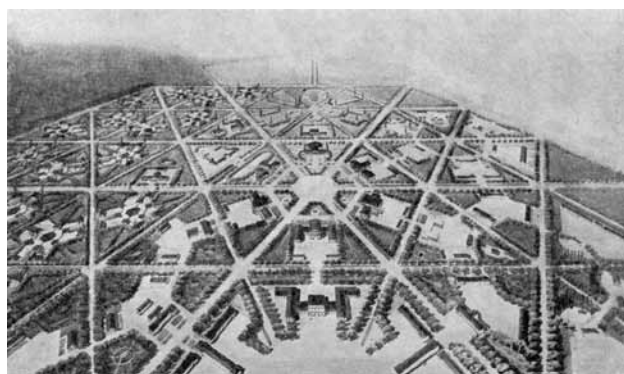
В первом приближении МТС проектировались для условной ситуации, отрабатывались три отвлеченных варианта генеральных планов, сравниваемые по степени экономичности и функциональной целесообразности: прямоугольное сопряжение улиц и кварталов; радиальное сопряжение улиц и кварталов (треугольное решение кварталов); комбинация первого и второго вариантов¹²⁵. Автор этой системы архитектор А.М. Кандахчан считал, что при сопряжении улиц под углами, кратными 60 град., планировка легче приспособляется к рельефу, требует меньше земляных работ, лучше защищает от ветра, чем при прямоугольной системе. Работа была подвергнута критике за формализм.

Гораздо успешнее в середине 1930-х гг. шла работа над планировкой поселков МТС в Грузии, где в 1935 г. при Наркомземе был организован Грузсельпроект. Разнообразие природно-климатических условий, живописность природы, живые традиции народного творчества — все это способствовало поиску нетривиальных планировочных решений,

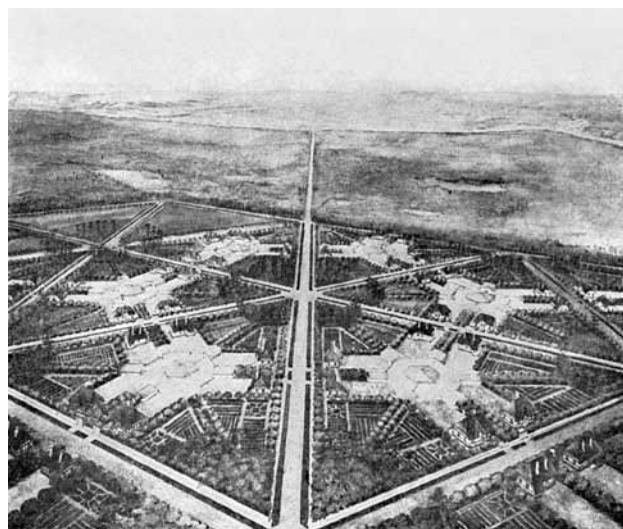
хотя с архитектурной точки зрения эти проекты подвергались критике¹²⁶.

Еще одним излюбленным, почти символическим объектом проектирования стали в эти годы стационарные полевые станы (или, как тогда говорили, полевые таборы). Из-за необходимости повышения упавшей в ходе коллективизации трудовой дисциплины, предотвращения саботажа, а также из-за отсутствия дорог и транспорта колхозные бригады на весь сельскохозяйственный сезон переводились фактически на казарменное положение. Проблема проектирования стационарных полевых станов возникла примерно в 1932–1933 гг. и особенно актуализировалась в период деятельности политотделов МТС с их контрольно-карательными функциями¹²⁷.

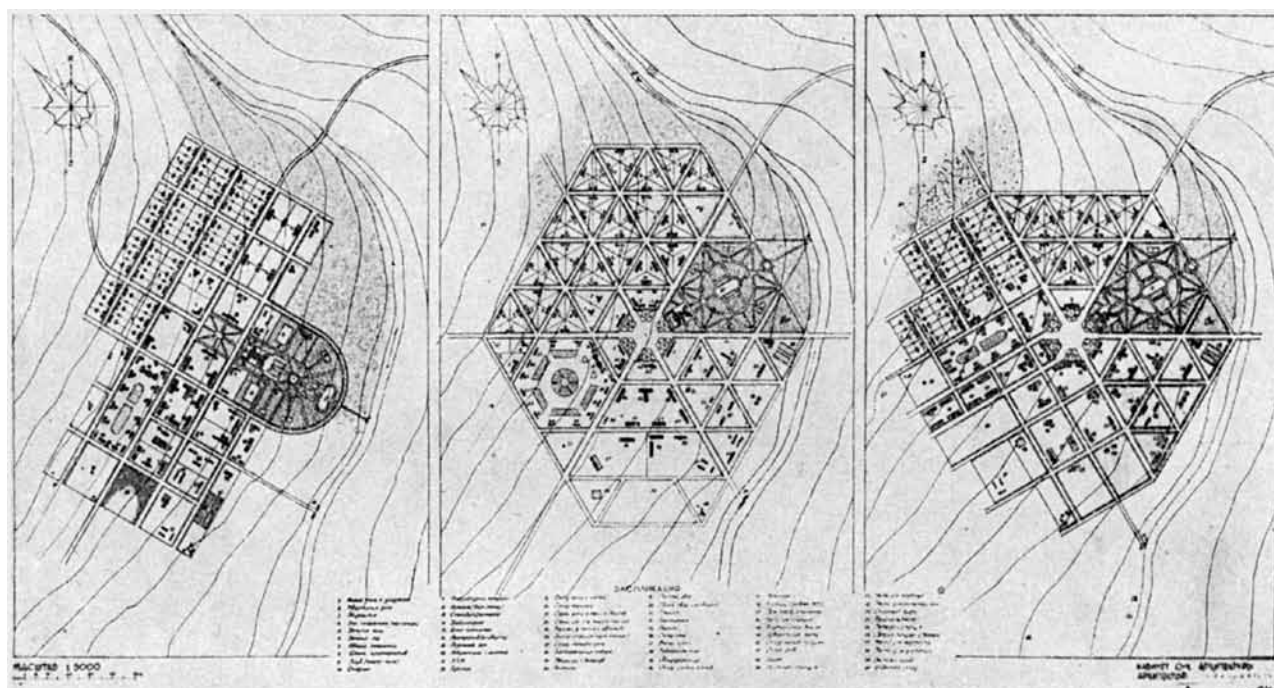
В ходе обсуждения этой проблемы утверждалось, что полевой стан — это не хутор, тем не менее стационарные полевые станы для каждой колхозной бригады в идеале, по разным предложениям, должны были копировать в миниатюре целый поселок: в их составе нужны были женские и мужские общежития для колхозников с отдельными комнатами для бригадира и учетчика, дома для семейных, столовая, кухня, баня, красный уголок-читальня, детский сад-ясли, конный двор, сараи для техники, склады для горючего, зернохранилище, молотильный сарай, зеленые насаждения, благоустроенные проезды и дорожки и пр. Все это должно было строиться не на один год, но при этом строить предлагалось из самых дешевых подручных материалов в летнем, неутепленном варианте. Тем не менее

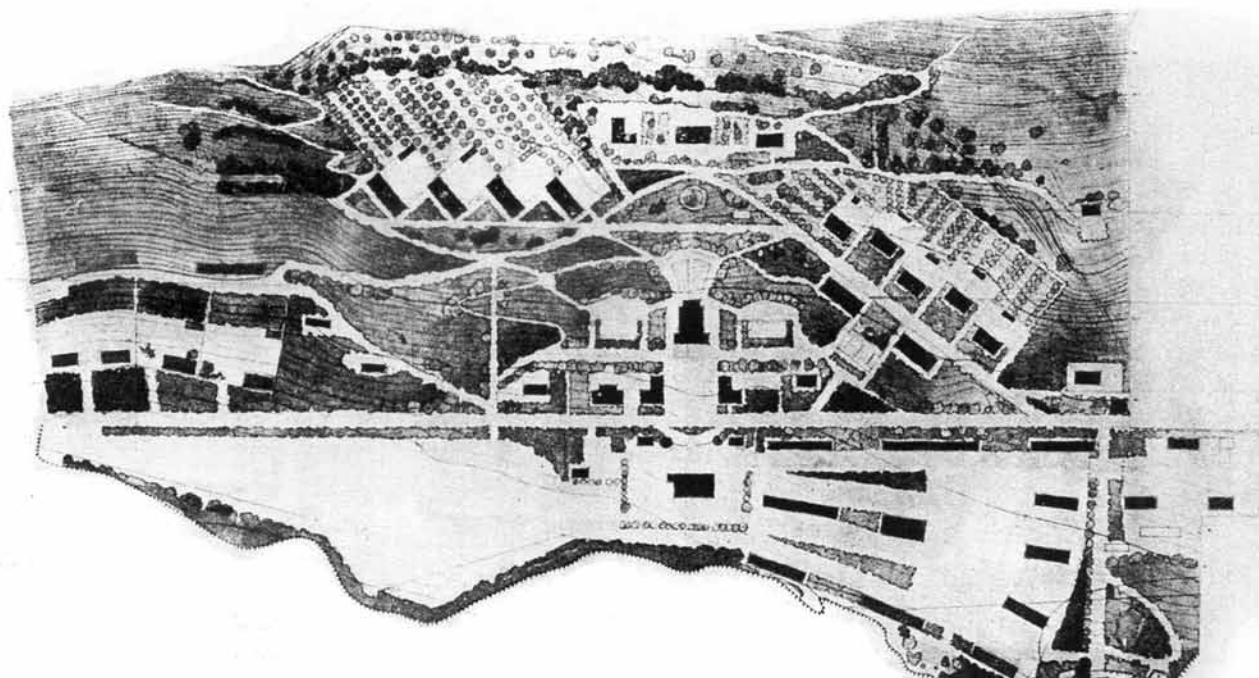
Генплан (перспектива) архитектурно-строительного комплекса МТС. Арх. А.М. Кандахчан. 1935

Архитектурно-строительный комплекс МТС. Перспектива. Жилые кварталы треугольной формы и их озеленение. Арх. А.М. Кандахчан. 1935

Архитектурно-строительный комплекс МТС. Три варианта идеальных схем генплана. Арх. А.М. Кандахчан. 1935

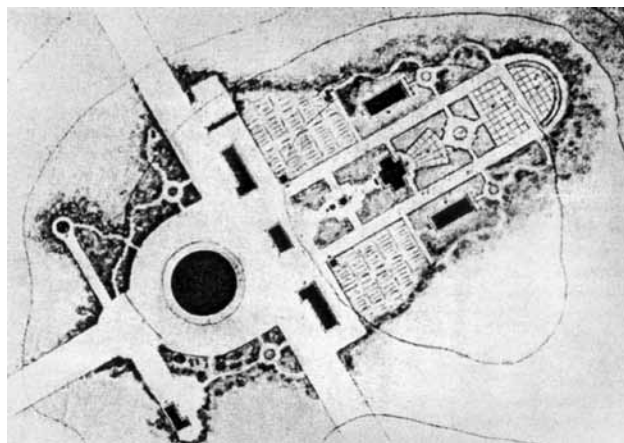
Проект планировки территории МТС в Асурегах. Грузия. Грузсельпроект

общая стоимость такого полевого стана, по расчетам ВНИИПсельхоза, составляла 40–50 тыс. руб., а каждый колхоз должен был иметь 7–10 таких станов. Всего же колхозов в СССР насчитывалось в это время около 200 000¹²⁸.

Некоторые ученые, входившие в состав научного техсовета ГУКС Наркомзема СССР, как, например, Я.Ф. Бибилов, были против этой идеи, поскольку слишком много расходовалось земли (не менее 2 га на каждый полевой стан) и слишком дорого обходилось их строительство в масштабе страны. К тому же в эти годы в сельское хозяйство внедрялась «пятипольная система», что делало ненужными стационарные полевые станы, если поле на следующий год засеивалось не зерновыми, а травой или, скажем, арбузами. Бибилов предлагал строить полевые станы из легких сборных конструкций или в виде вагончиков на колесах¹²⁹.

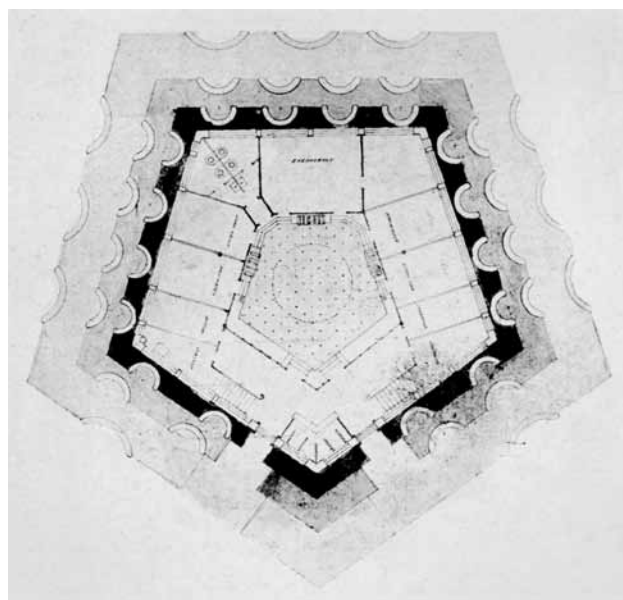
Ему возражали архитекторы, от которых ждали именно разработки генеральных планов «удобных и дешевых» стационарных полевых станов¹³⁰. Такая «модель» сельского поселения давала им возможность отработать приемы планировки и быстро получить наглядный результат. Генплан полевого стана виделся в виде законченного регулярного ансамбля, в который включались и подводящие дороги. В проектах создавались улицы шириной 10–13 м, учитывалось направление господствующих ветров. В качестве высотной доминанты всей композиции выступала вышка для охраны урожая, в качестве парка — небольшой фруктовый сад. Среди моря зреющего хлеба полевые станы должны были располагаться на повышенных точках рельефа. «Группа таких оазисов, сверкающих в потоках солнечных лучей, будет создавать радостный ансамбль колхозных полей, заряжающий энергией коллективного труда»¹³¹.

Проект планировки полевого стана. Арх. М.И. Рзянин

Фактически архитектура для села была введена в круг актуальных профессиональных проблем всего архитектурного сообщества лишь в 1934–1935 гг. 20 октября 1935 г. по инициативе отдела культурно-просветительской работы ЦК ВКП (б) в Академии архитектуры состоялось совещание актива московских архитекторов, посвященное проектированию колхозных домов культуры. На совещании было решено организовать Всесоюзный открытый конкурс на проектирование домов культуры¹³². Такой конкурс «на составление эскизных проектов типовых домов культуры и красного уголка для колхозов СССР» был объявлен ССА СССР и Всесоюзной академией архитектуры в ноябре 1935 г.¹³³ На конкурс поступило 175 проектов из разных городов страны, причем многие проекты были присланы после окончания срока (27 декабря того же года). Жюри, отметив некоторые удачные планировочные решения, в целом сочло конкурс неудавшимся, особенно в части архитектурного оформления зданий. Поэтому первые и вторые премии не присуждались, только третьи и поощрительные премии¹³⁴.

Как отмечал Р.Я. Хигер, общий уровень работ, поданных на конкурс, был невысок. Проекты красных уголков выполнены в виде египетских усыпальниц, ампирных павильонов, индустриальных сооружений, киосков фруктовых вод и т.п. Клуб на 100 человек решался в виде деревянной церкви с явным стремлением искусственно развить в высоту небольшое сооружение. Во многих вещах сквозила тенденция воспроизведения деревянной рубленой архитектуры севера, воспринятой через альбомы

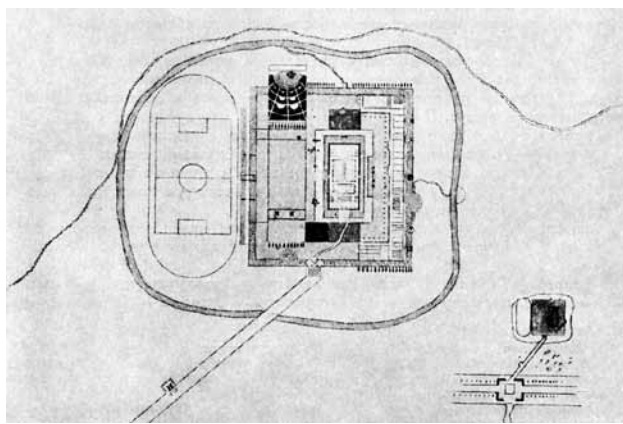

Проект колхозного клуба. План. Арх. И.И. Леонидов

Проект «колхозного форума». Перспектива. Арх. И.И. Леонидов

Проект «колхозного форума». План. Арх. И.И. Леонидов

дач в русском стиле, распространенных до революции. Имело место увлечение псевдомонументальной пластикой и даже формами триумфальной арки. Критике подвергся и разработанный ранее проект И.И. Леонидова, представившего проект клуба на 180 мест в виде одноэтажного пятиугольного в плане сооружения с неосвещаемым залом посередине. Значение конкурса, отмечал рецензент, не в его плодах, а в том, что он привлек к проблеме огромное внимание архитекторов всей страны¹³⁵.

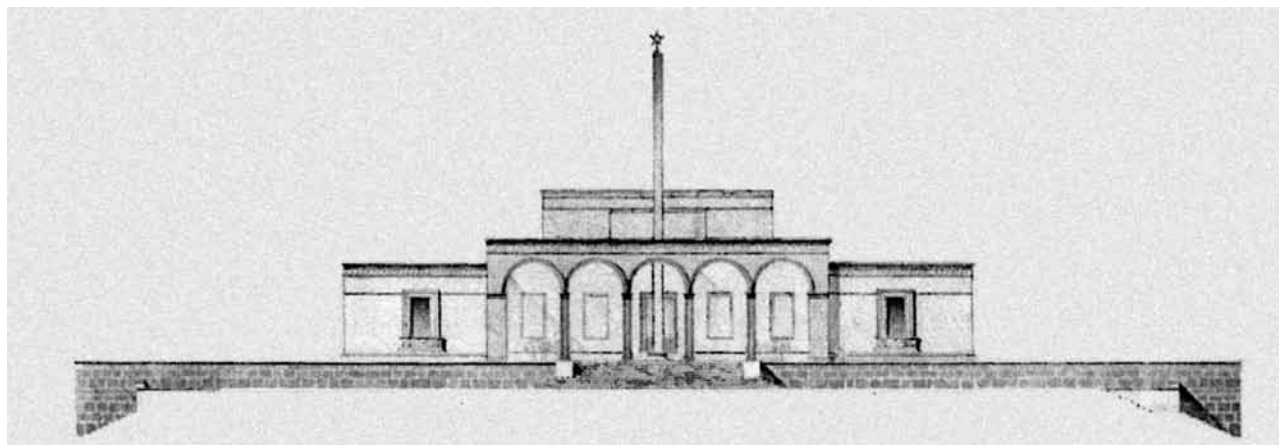
Необходимость участия архитектора в проектировании сельских клубов—домов культуры ощущалась очень остро. Конкурс, однако, не принес удовлетворительных результатов. Особой критике были подвергнуты проекты Р.Я. Хигера, представившего 6-этажный дом культуры сложной конструкции, требовавшей использования большого количества железобетона, и И.И. Леонидова, спроектировавшего за пределами территории некоего условного села, на возвышенном участке «колхозный форум», расположенный в парке культуры и отдыха и объединивший в себе, по мысли автора, всю культурно-политическую жизнь села. Сюда входили дом

культуры, площадь для собраний, зеленый театр, стадион и пр. Предполагалось, что протяженная кирпичная стена, окружавшая площадь, и внешние стены клубных помещений будут расписаны фресковой живописью, имеющей целью пропаганду и ознакомление колхозников с отдельными научными дисциплинами и событиями общественно-политической жизни. От селения к форуму вела специальная дорога с зелеными насаждениями, газонами и беседками¹³⁶.

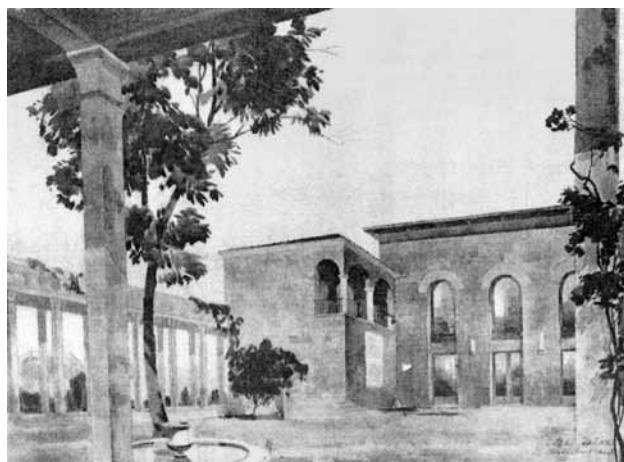
В дальнейшем Всесоюзной академией архитектуры к проектированию колхозных клубов и красных уголков был привлечен ряд крупных архитекторов: А.В. Щусев, Д.Ф. Фридман, Б.М. Иофан, А.Г. Мордвинов, Я.А. Корнфельд, А.С. Урбан, К.С. Алабян, И.И. Фомин и Е.А. Левинсон¹³⁷. Некоторые проекты были рассчитаны на конкретные условия с последующей реализацией. Был заказан ряд проектов для северных районов Союза, Северного Кавказа, Закавказья и Средней Азии. Они трактовались не как типовые, а скорее как «образцовые» проекты.

В двухтомнике «Проблемы архитектуры», отразившем работы Академии 1935 г., но вышедшем в 1936 и 1937 гг., проректор Академии А.Я. Александров отмечал сельскую тематику как самое слабое звено в работе ВАА, что он объяснял не только ее новизной и трудностями привлечения к ней квалифицированных мастеров, но «еще неизжитым несколько высокомерным отношением к колхозной архитектуре, как к архитектуре якобы второразрядной, отчасти же — ложным представлением о трудностях этой работы»¹³⁸.

Анализируя ошибки, допускавшиеся в предшествующей практике проектирования для села, Александров выделил три главные: задача ликвидации противоположности между городом и деревней понимается грубо, упрощенно, как задача ликвида-

Колхозный клуб на 200 человек для Средней Азии и Кавказа.
Арх. А.В. Щусев, А.К. Ростковский

Клуб на 200 человек для Северного Кавказа.
Перспектива. Арх. А.С. Урбан

ции деревни со всеми ее особенностями и замена ее городом; новое на селе рассматривается лишь как некоторая подчистка устоявшихся архаичных решений и внедрение элементов благоустройства; распространено не критическое, чисто внешнее перенесение элементов орнаментики и украшений в архитектуру села. К первым опытам Академии он также отнесся скорее отрицательно, критикуя их за утопичность и формальный подход к задаче¹³⁹.

Клубу как наиболее значительному общественному сооружению в селе придавалось огромное значение, в нем был сосредоточен образ новой деревни. «Колхозный клуб, колхозный дом культуры и даже колхозный красный уголок нужно рассматривать, как очаг действительно новой, социалистической культуры. Этот новый тип здания явится тем архитектурным композиционным центром, вокруг которого, очевидно, будет органически развиваться планировка нового колхозного села»¹⁴⁰.

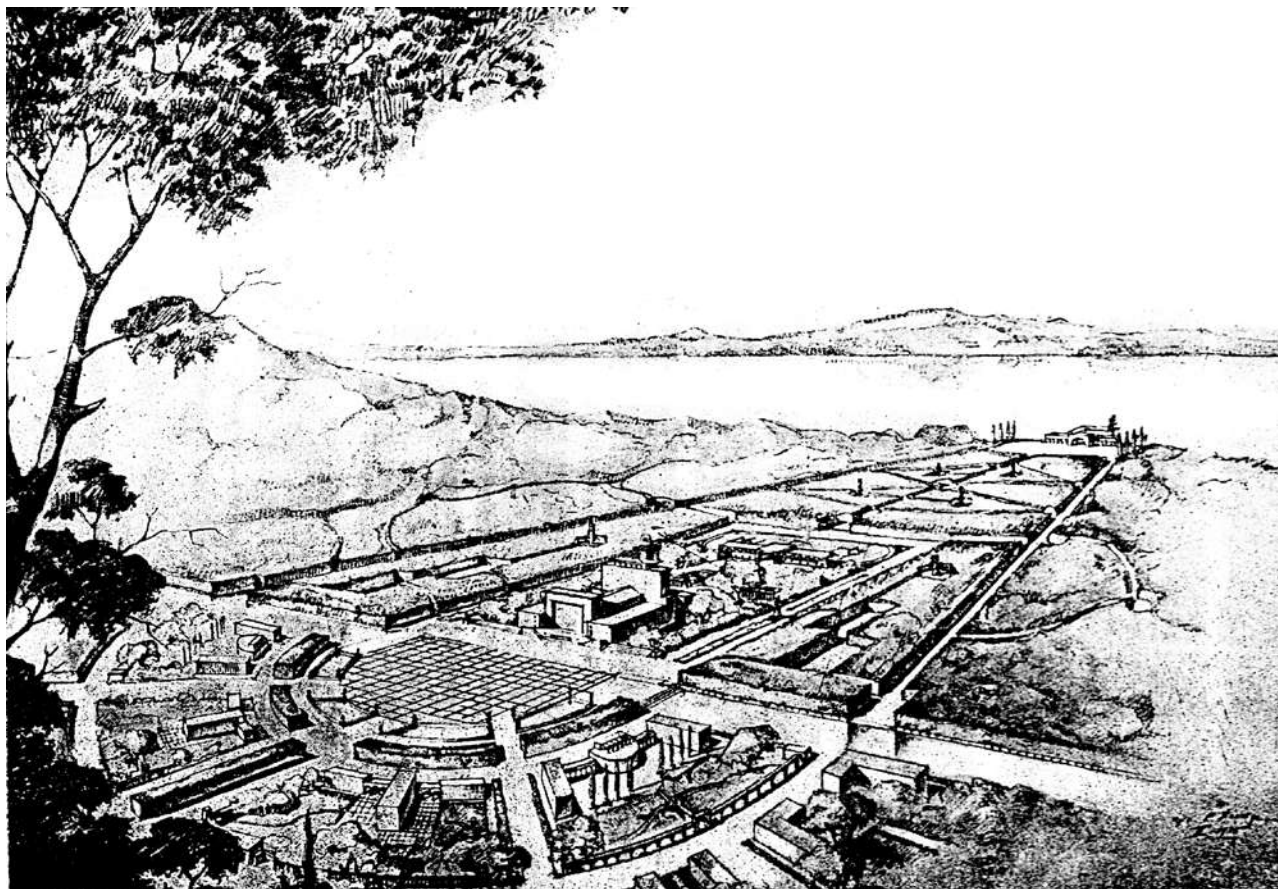
Во многих случаях клубы возводились за государственный счет не только в совхозах, но и в колхозах. Над программами строительства сельских клубов работали ВЦСПС, Наркомзем и др., по специальной программе ряд сельских клубов-кино-

театров был построен на Украине. Но в этих программах сельский клуб мало чем отличался от городского. Возникало множество вопросов, таких как интенсивность работы сельского клуба в зимнее и летнее время, специфика клубных помещений (например, наличие чайной, демонстрационных залов для показа достижений животноводства и земледелия, антирелигиозный кабинет, астрономическая вышка с телескопом), материалы и конструкции, доступные для села, планировка площади для собраний и демонстраций перед клубом и т.п., но убедительных ответов на них не находилось¹⁴¹.

Как правило, осуществленные постройки вызвали нарекания, как, например, клуб в зерносовхозе «Гигант», выстроенный к 15-й годовщине Октябрьской революции в центральной усадьбе совхоза: унылое сооружение, примитивный объем, скучные стены, серая окраска, безобразное качество строительных работ — «плохая разновидность плохого понятого конструктивизма». Для зерносовхоза им. Юркина Воронежской области, наоборот, был разработан проект «богатого» клуба в монументальных классических формах, с ложным портиком¹⁴². Большинство клубов в колхозах все же строилось населением самостоятельно, без проектов. Они по внешнему виду мало чем отличались от обычных жилых домов, если, конечно, для этой цели не использовались церкви. Как уже упоминалось, перестройка церкви в украинском селе Чапаевка, автором которой был председатель колхоза, неоднократно ставилась в пример как удачное решение.

Участие архитекторов в разработке планировки колхозных сел было выражено не так ярко, как при

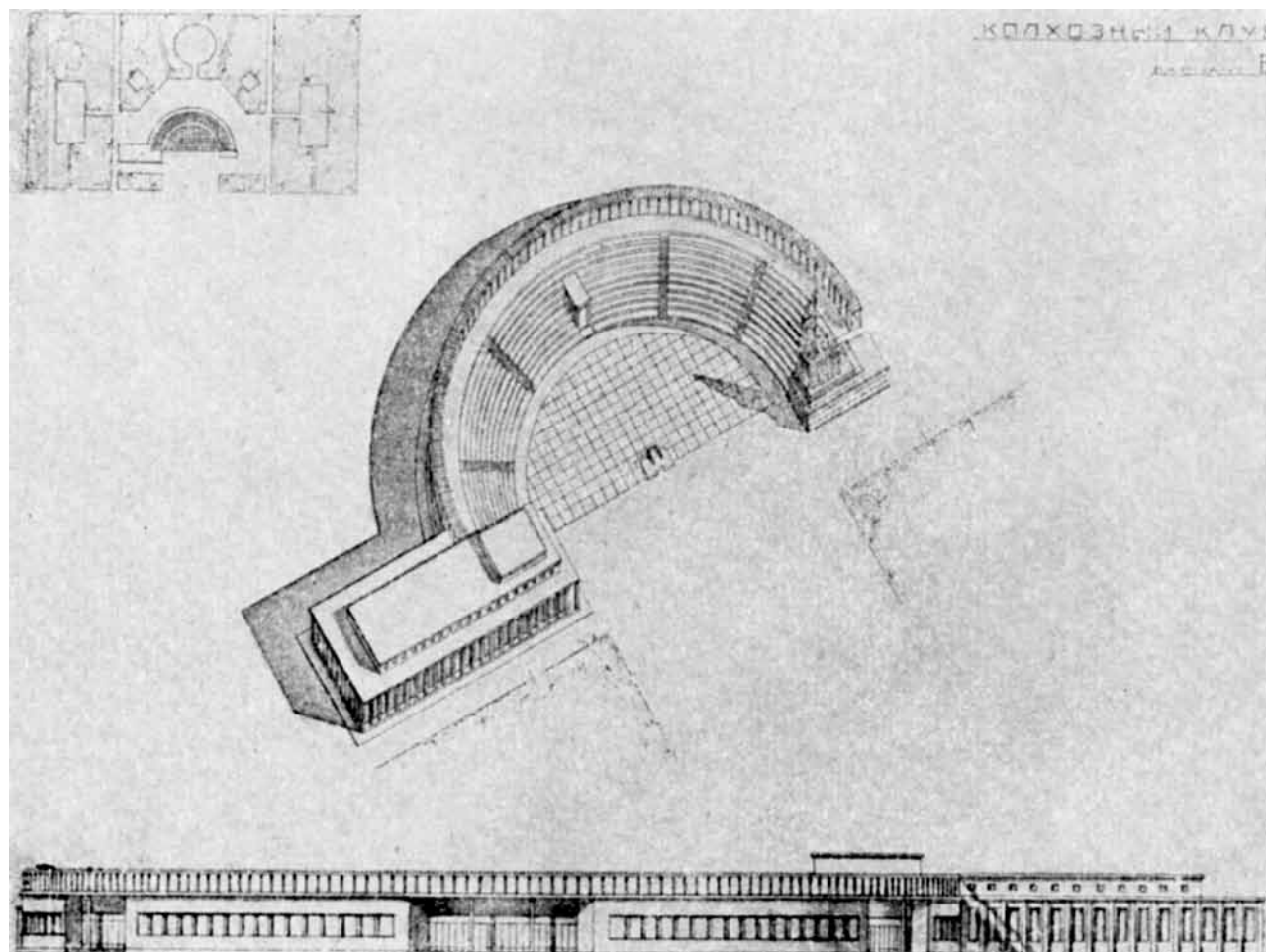

Проект ансамбля главной площади и парка в агрогороде. *Арх. Р.Я. Хигер*

Проект Дворца культуры в агрогороде. *Арх. Р.Я. Хигер*

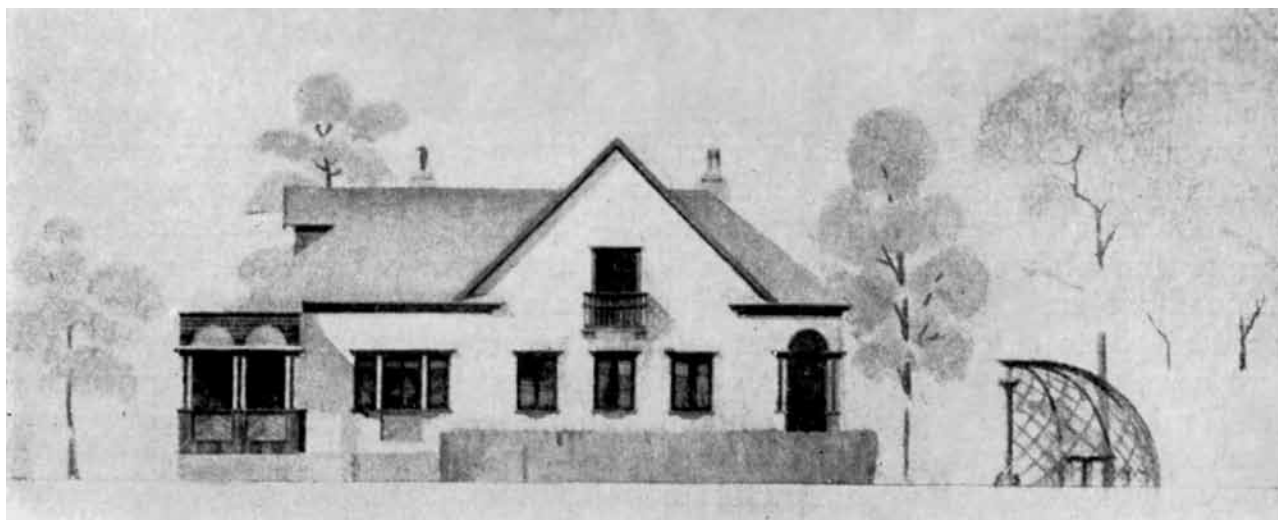
Проект колхозного клуба с залом на 200 человек. Вариант В. Арх. Р.Я. Хигер

проектировании общественных зданий. В основном разрабатывались общие принципы планировки селений как единого архитектурного ансамбля. Было установлено, что в колхозах необходимо исходить из односемейного дома и главной единицей архитектурного комплекса жилой зоны является усадьба колхозника, которую также нужно рассматривать как небольшой архитектурный ансамбль. Сложность состояла в том, что нельзя стандартно решать усадьбу колхозника, повторяя один тип по всей жилой зоне. Рельеф местности и индивидуальность самих усадеб этого не позволяют, но в то же время вся жилая зона должна решаться как единая архитектурная композиция. Исходя из этих соображений предлагалось делать протяженность квартала по одной стороне улицы не более 200 м и включать в квартал не более шести усадеб. Через каждые 150–200 м кварталы должны пересекаться проездами шириной от 20 до 30 м¹⁴³. Различные типы застройки колхозных усадеб и связанные с ними типы жилых домов для колхозников разрабатывались в эти годы Акаде-

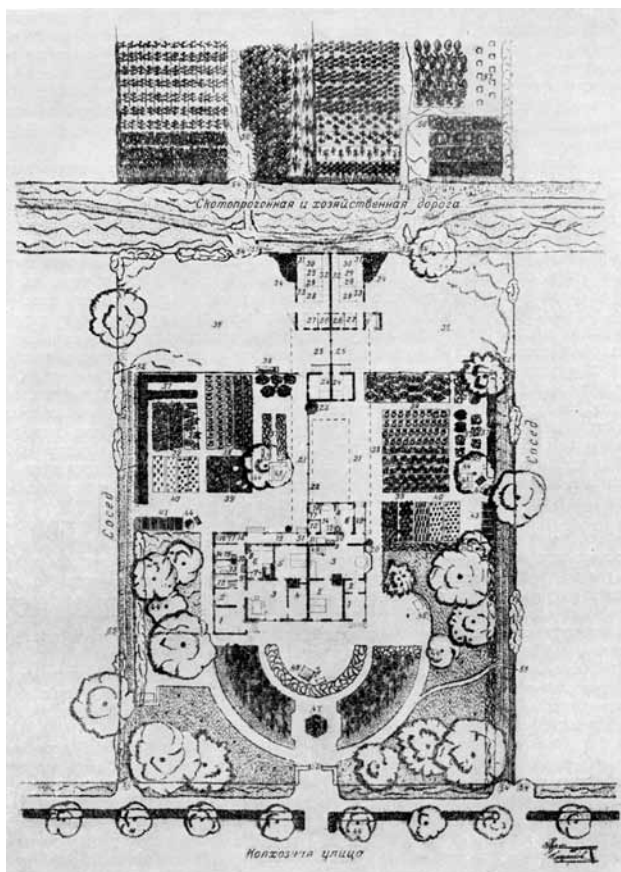
мией¹⁴⁴. Экспериментальные проекты жилых домов прорабатывались в разных вариантах планировки и в разных строительных конструкциях и материалах¹⁴⁵.

«Автор считает, — писал архитектор О.А. Вутке, — что наша архитектурно-художественная задача на данный момент сводится в основном и главном к созданию такого образа деревенского жилища, который совершенно стер бы старый образ идеологического выражения подневольности, культурной забитости и замкнутости, свойственный всем дореволюционным крестьянским избам»¹⁴⁶.

В целом мажорная тональность и идеологическая насыщенность отличали публичные высказывания архитекторов этого времени, как бы заставляя реальные проблемы проектирования села: «Радость, зажиточность, торжество вооружения техникой, победа над вековым классовым врагом — кулаком, рост культуры, прочнейший союз с пролетариатом, победа социализма и любовь к вождям партии — вот основное содержание образов, идей, которыми должна быть насыщена архитектура зда-

Фасад двухсемейного колхозного дома

Усадьба колхозника. План

14 проектов двух-, трех-, четырех-, пяти- и шестикомнатных домов, три проекта двухквартирных домов и два проекта построек служебно-хозяйственного назначения. К этому времени опыт практического строительства уже убедил архитекторов в том, что наиболее приемлемыми для колхозников являются односемейные двух- и трехкомнатные дома, однако выпуск альбома явно запоздал и отражал ситуацию 1935 г., когда эти проекты и были разработаны. Уставевшими было сочтено и расположение животноводческих построек отдельно от жилого дома, хотя установки в этом вопросе неоднократно менялись и мнения самих колхозников не совпадали друг с другом. При этом проектирование уборных отдельно от дома было сочтено правильным ввиду безнадежности положения с водопроводом и канализацией. Критике подверглась и слишком малая площадь сеней и кладовой — 1,5–2 кв. м, что делало дома колхозников больше похожими на пригородные дачи. Нарекания вызвало и то, что архитектурный образ колхозного жилища не был найден: хотя проекты разрабатывались для различных климатических районов страны, они все же по своей архитектуре оставались полностью обезличенными.

Курс на минимизацию расходов способствовал тому, что в реальности жилые дома в колхозах и совхозах продолжали строить самыми примитивными способами. Особенно это касалось районов Средней Азии, с весьма низким уровнем жизни, бедных строительными материалами, с населением, часть которого еще недавно вела кочевой образ жизни. Здесь достижением считалось строитель-

ний и планировка колхозных сел»¹⁴⁷. Задаче демонстрации радости и зажиточности служили и многие проекты общественных зданий для колхозников, в том числе санаториев.

В реальности же дело обстояло по-другому. В 1938 г. вышел новый альбом типовых проектов, специально посвященный колхозным жилым домам¹⁴⁸. Но проекты, разработанные Сельхозстрой-проектом НКЗ СССР с участием архитекторов, получили отрицательную оценку. Альбом содержал

Проект колхозного санатория в БССР.

Арх. М.Г. Салин, С.С. Бородин

ство двухкомнатного односемейного (как правило, это были многодетные семьи) дома в виде примитивного прямоугольника с окнами, обращенными на улицу, что противоречило азиатским традициям построения жилища. Дома состояли из двух комнат по 13 кв. м, причем одна комната была проходной. Кухня 5 кв. м сообщалась с террасой также 13 кв. м. В домах такого типа не предусматривалось никаких помещений для хранения хозяйственных вещей и продуктов питания. Их заменяли юрты, которые ставились на приусадебных участках¹⁴⁹. Считавшиеся зажиточными «колхозники-стахановцы» могли позволить себе построить третью небольшую комнату. Все санитарные устройства сводились к бочке с водой, поднятой на столбах и естественным образом летом нагревавшейся на солнце, а зимой замерзавшей. Архитектура домов также оставалась крайне примитивной.

Проект двухкомнатного колхозного жилого дома для Средней Азии.

Ак. арх. СССР. Арх. Г. Али-заде. Конец 1930-х гг.

В то же время установка на демонстрацию колхозникам образцов нового строительства в селе получила свое наиболее полное выражение на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке (ВСХВ), открывшейся в 1939 г.¹⁵⁰

Раздел выставки «Новое в деревне» показывал посетителям в натуре производственные сельскохозяйственные постройки, клубы, школы, административные здания и жилые дома в деревне. Более 20 объектов, выстроенных в этом разделе, как бы служили наглядной иллюстрацией к высказыванию Сталина на XVII съезде ВКП(б) (1934), обильно цитировавшемуся во всех работах по архитектуре села в последующие годы и едва ли не служившему прямым руководством к действию: «...изменился облик деревни. Старая деревня с ее церковью на самом видном месте, с ее лучшими домами урядника, попа, кулака, на первом плане, с ее полуразваленными избами крестьян на заднем плане — начинает

Москва. ВСХВ. Раздел «Новое в деревне». Колхозный родильный дом. Арх. мастерская Наркомздрава

Москва. ВСХВ. Раздел «Новое в деревне».

Сельсовет. 3-я архитектурная мастерская НКТП

исчезать. На ее место выступает новая деревня с ее общественно-хозяйственными постройками, с ее клубами, радио, кино, школами, библиотеками и яслями, с ее тракторами, комбайнами, молотилками, автомобилями...

...Исчезает противоположность между городом и деревней»¹⁵¹.

Специально спроектированные и построенные, эти выставочные экспонаты должны были служить учебным пособием для колхозников, стимулируя их к улучшению благоустройства своих собственных поселков. Но в условиях деревни конца 1930-х гг. они на долгие годы лишь подменили собой деревенскую реальность, превратились в символ благополучия, которого в действительности не было.

При этом «образцовость» экспонатов в архитектурном отношении также была достаточно спорной. В то время, как на площади Колхозов выставки расцвели пышным цветом яркие национальные павильоны союзных республик, архитектура построек раздела «Новое в деревне» оставалась такой же безликой, как и ранее предлагавшиеся к строительству проекты, вне времени и пространства. Объяснялось это тем, что большинство объектов было построено по имеющимся типовым проектам, причем разработанным разными ведомствами, курировавшими разные сферы сельского строительства. Так, школа была построена по типовому проекту Наркомпроса, детские ясли и родильный дом — по типовым проектам Наркомздрава, хозяйственно-животноводческие постройки колхоза и постройки МТС — по типовым проектам Сельхозстройпроекта Наркомзема, сельсовет и клуб — по проектам, разработанным по заданию Управления выставки¹⁵². Все эти постройки были функционально и стилистически плохо увязаны между собой, несмотря на наличие регулярного генерального плана раздела выставки.

Ужесточение сроков и условий планировки селений. Конец 1930-х гг.

Праздничные демонстрации колхозной жизни на выставке проходили параллельно новому наступлению на права колхозников, имевшему прямое отношение и к планировке селений.

27 мая 1939 г. было опубликовано постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания»¹⁵³. Постановлению предшествовали ряд совещаний и специальный пленум ЦК ВКП(б), где был сделан доклад «О мерах ограждения общественных кол-

хозных земель от разбазаривания в пользу личных хозяйств колхозников». В открытой печати не были опубликованы материалы пленума, а только само постановление, после выхода которого началось изъятие части личных подсобных хозяйств путем пересмотра норм, установленных Уставом сельхозартели 1935 г., пресечения предпринимательства, а также новая волна переселения части крестьян («мнимых колхозников», «дармоедов», по терминологии Сталина) в Сибирь, Казахстан, на Дальний Восток или в города и промышленные центры для пополнения их рабочей силой. По этому постановлению при СНК СССР образовывалось Переселенческое управление с органами в союзных республиках, областях и краях¹⁵⁴. Для внесения «самими колхозниками» изменений в Устав 1935 г. намечалось созвать осенью 1939 г. очередной съезд колхозников СССР, но он так и не состоялся.

По постановлению изъятию подлежали не только излишки приусадебных участков, но и все земли личного пользования колхозников вне усадеб (левады, огороды, бахчи и т.п.). Постановление требовало также окончательно ликвидировать хуторские приусадебные участки колхозников, имеющиеся особенно в Белоруссии, на Украине, в Смоленской, Калининской, Ленинградской областях, сселяя этих колхозников к одному месту и наделяя их участками по уставным нормам. Закончить эту работу предполагалось к 1 сентября 1940 г. Постановление резко ограничивало участки единоличных хозяйств и участки колхозников в хлопковых районах — до 10–20 сотых гектара. Участки колхозников, «оторвавшихся от колхозной жизни» или не вырабатывавших положенного количества трудовых дней, поступали в общественный фонд колхоза¹⁵⁵.

Буквально за несколько дней до опубликования постановления, с 19 по 21 мая 1939 г., в Москве состоялось Всесоюзное совещание по планировке и строительству колхозов, совхозов и МТС, созданное ССА, Наркомземом, Наркомсовхозов и ВАА¹⁵⁶. На совещании были заслушаны доклады¹⁵⁷, организована выставка.

Основной мотив, прозвучавший как в докладах, так и в прениях, — курс на еще большую экономию в сельском строительстве и планировке сел, отказ от всех «излишеств», которые ранее непосредственно связывались с повышением «культурного уровня» деревни и «стиранием различий между городом и деревней».

Оказалось, что в селах проектировалось слишком много улиц, проездов, разрывов, скотопроездов, площадей и неоправданных зеленых

насаждений, парков культуры и отдыха, цветников, газонов и дорожек, тогда как «колхозники не ощущают в них потребности»¹⁵⁸ (с. 7). Все это вело к «непомерным затратам» на благоустройство сельских населенных мест.

В области проектирования колхозного жилища критиковались завышенное количество комнат, преувеличение жилой площади и площади подсобных помещений, «излишества» в сантехническом оборудовании дома (ванная комната, теплая уборная, рассчитанная на канализацию и водопровод). Рекомендовалось вообще воздержаться от проектирования санитарных помещений со ссылками на мнение колхозников, которые якобы считали, что им этого не нужно. Спальни предлагалось проектировать не более 8 кв. м, несмотря на возражения гигиенистов, что в сельском доме спальней наверняка будут пользоваться как минимум двое людей, поэтому ее нужно делать не менее 12 кв. м. Общую комнату предлагалось проектировать в 15–20 кв. м.

Критиковалось и недостаточное использование наиболее дешевых строительных материалов. Приводилась в пример Кабардино-Балкария, где до 1937 г. дома проектировались из кирпича и тесаного камня (местного туфа), когда самым дешевым материалом является саман. Устройство больших пролетов в жилище было признано ненужным, так как оно требовало использования хорошей древесины.

С одной стороны, в докладах и выступлениях на Всесоюзном совещании 1939 г. повторялись критические высказывания, звучавшие, как минимум, все предыдущее десятилетие, с другой стороны, не было предложено ничего нового.

Так, много говорилось о неверном и неумелом использовании *типовых генпланов и проектов сооружений*, которые не подвергались переработке на местах с учетом существующих конкретных условий. Раздавались сетования, что целые колхозы, расположенные по соседству, строились по одному типовому проекту, а в то же время типовое проектирование разбросано по разным ведомствам — Наркомзем, Наркомпрос, Наркомздрав и т.п. Однако ничего не было сказано о том, кто и как должен приспособлять типовые проекты в условиях, когда строительство в колхозах, а во многом и в совхозах осуществлялось силами самого населения. Наоборот, говорилось о том, что типовых проектов нужно выпускать как можно больше.

В качестве одного из основных недостатков планировки и застройки сел часто называлось *механическое перенесение в деревню городской архитектуры и городских планировочных решений*.

В частности, прозвучала резкая критика проекта строительства одного из «аггородов» в Кабардино-Балкарии — Заюково, предусматривавшего радикальную перепланировку, создание широких улиц, правильных кварталов, строительство новых жилищ, хозяйственных построек, парка культуры и т.п. Вместе с тем, как и годами ранее, на совещании в качестве руководства к действию приводилась цитата из речи Л.М. Кагановича на июньском 1931 г. пленуме ЦК ВКП(б): «Кроме роста новых городов в промышленных центрах, мы уже имеем рост новых городов на базе крупного социалистического сельского хозяйства. Сотни крупных совхозов и колхозов, тысячи машинотракторных станций уже являются фундаментом новых тысяч городов в сельскохозяйственных районах, ибо эти сельскохозяйственные районы преобразовываются, как говорил Ленин, “на основе соединения промышленности с земледелием, на почве сознательного приложения науки и комбинации коллективного труда”» (с. 19). Совхозы, крупные колхозы и населенные пункты при МТС все также предлагалось рассматривать в качестве переходных форм к будущим городам.

По-прежнему хорошим тоном считалось воспроизводить в проектах сельских поселений «знаковые» композиционные приемы города, идущие от генплана Москвы, его ансамбля с высотным Дворцом Советов. Клуб вновь был назван самым значительным организующим началом в ансамбле колхоза. Обсуждались только вопросы, связанные с трудностями «набора» значительного строительного объема и высоты этого типа сооружения, для того чтобы оно стало центром композиции села.

Предлагалось объединять в одно здание с клубом сельсовет (клуб — не только центр развлечений, но и первичный центр хозяйственного руководства) и другие сельские учреждения, делать повышенную крышу, строить башни, использовать укрупненный архитектурный масштаб, выбирать для строительства повышенные площадки, там, где раньше располагались церкви, и т.п. При этом кооперация колхозов для постройки крупного клуба не поощрялась — слишком далеко он оказывался от жилища. Все это находилось в явном противоречии с курсом на уменьшение объемов сельских построек, на экономию ресурсов. Вопрос о стилистике «главного здания» сельского поселения пока оставался нерешенным — нельзя было переносить «готовые схемы с портиками и аркадами», но нельзя было допускать и строительство «функциональных» клубов — «бесформенных безобразных конгломератов».

тов различных объемов, по уродству граничащих с прямым издевательством» (с. 37).

На совещании не раз упоминалось в качестве недостатка *слабое изучение народной архитектуры и сельскохозяйственной специфики*. В то же время критиковалось перенесение в сельскохозяйственную архитектуру архаичных деталей. Предложение М.Я. Гинзбурга изучать в народном творчестве не только детали, но и своеобразие общей планировочной структуры сел, связанной с рельефом местности, с характером сельскохозяйственной деятельности, «повисло в воздухе», не найдя никакого отклика. На самом деле «геометрические схемы, лишённые художественного содержания», как назвал обычную практику сельской планировки Гинзбург (с. 60–61), в гораздо большей степени отвечали задачам типового проектирования и форсированного перекраивания сельской системы расселения, поставленным властью.

Практически в каждом докладе и выступлении на совещании звучали вопросы *отсутствия единого руководства проектированием для села и катастрофической нехватки квалифицированных кадров*. Вся практическая работа по строительству на селе, а во многом и проектирование в конце 1930-х гг., как и в первые послереволюционные годы, находилась в руках землеустроителей и техников, недостаточно подготовленных для этой деятельности. Приводился в пример Смоленск, где в 1938 г. без участия архитекторов, предельно упрощенно, чтобы снизить стоимость работ, составили 101 схему колхозных поселков, в 1939 г. предполагалось создать 300 таких схем. Когда все же решили пригласить архитектора для консультации, не нашли ни одной подходящей кандидатуры (с. 53).

Из-за отсутствия кадров надзор за сельским строительством практически отсутствовал. На совещании предлагалось создать институт областных архитекторов для контроля за строительством на селе, но и эта идея упиралась в проблему отсутствия квалифицированных кадров, по поводу которой никаких предложений сделано не было.

Еще одним важным недостатком планировки и застройки села было названо отсутствие научной работы в этой области. Все существовавшие научные учреждения этого профиля в системе Наркомзема к концу 1930-х гг. были ликвидированы, не оставив существенного вклада в науку. Оставшийся Сельхозстройпроект был обычной хозрасчетной проектной конторой (с. 75). ВАА, с 1934 г. проявлявшая интерес к сельхозпроектированию, рассматривала его в основном с точки зрения художественных проблем.

ВНК совхозов, в 1932 г. выделившимся из Наркомзема, лишь в 1938 г. была создана своя проектная организация Совхозпроектмонтаж, где о научной работе не было речи. На совещании говорили о том, что в Наркомсовхозов не понимают значения планировки, считают ее ненужной, навязанной свыше (с. 76). В то же время по линии Наркомсовхозов намечалось в ближайшее время выполнить 3855 проектов центральных усадеб, ферм и отделений совхозов.

Стагнация архитектурно-планировочной мысли, продемонстрированная на Всесоюзном совещании 1939 г., была закономерно связана с противоречивостью и в то же время жесткостью государственной аграрной политики, навязыванием извне нормативов (например, размеров личных усадеб колхозников), которые в значительной мере определяли планировку селений, и, главное, глубоким расхождением между новаторством и социальным оптимизмом, присущим по определению профессиональному архитектурному мышлению, и стремлением к социальной «переработке» сельского населения и ужесточению условий его существования, демонстрировавшихся властью. При всем желании соответствовать конъюнктуре государственных заданий, сквозь привычную риторику к концу 1930-х гг. заметно проступали растерянность и страх специалистов, занимавшихся проектированием для села. Никто не решался на какие-либо принципиальные утверждения в профессиональной сфере¹⁵⁹.

Так, например, Инструкция по планировке сельскохозяйственных населенных мест, выпущенная в 1928 г. Наркомземом РСФСР, в 1937 г. была отменена как «вредительская»¹⁶⁰. Нормативные данные в ней были сочтены завышенными, что повлекло излишние расходы на строительство. Но, несмотря на предложение СНК СССР выпустить новую инструкцию, она так и не была разработана Наркомземом СССР (с. 57).

Даже в отношении МТС как приоритетного объекта проектирования не было твердых установок. На совещании говорили о том, что МТС проектировались на 200 тракторов, а потом выяснялось, что их разукрупнили. Вопрос о том, нужно ли выделять приусадебные участки работникам МТС, оставался открытым, поэтому уже разработанные проекты поселков никто не решался утвердить.

Для колхозных сел не было твердых установок и в спорном вопросе о расположении производственных территорий. Иногда производственная группа проектировалась в виде единого пятна без подразделения на бригадные дворы. Иногда все произ-

водственные постройки расчленились по бригадам. В других случаях бригадные дворы переносились в жилые кварталы, к которым тяготело расселение той или иной бригады (с. 63). Каково бы ни было конкретное решение, оно всегда могло попасть под огонь политизированной критики.

Пленумом ЦК ВКП(б) и постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 29 мая 1939 г. «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания» определялись жесткие сроки (до 1 сентября 1940 г.) ликвидации в стране хуторской системы расселения. Эта работа началась еще в середине 1930-х гг., но по состоянию на 1939 г., как отмечалось на совещании, имелось еще 746 500 хуторов и 500 000 кочевых хозяйств. Нужно было в срочном порядке ликвидировать такое расселение, выполнив тысячи новых проектов. В этот план не входили работы по реконструкции существующих деревень, а также планировки МТС, совхозов, селекционных станций, биофабрик и др. (с. 77)

Хуторская система расселения была развита не только в западных районах страны, но и в республиках Средней Азии, где хутора в поливных районах земледелия были намертво привязаны к сложившейся ирригационной системе¹⁶¹ либо представляли собой становища кочевых скотоводческих народов. Проводившиеся ранее попытки перевести последние на оседлый образ жизни часто заканчивались трагически — скот быстро выедал все окрестные пастбища и начинался массовый падеж. На каких принципах должна была строиться ликвидация хуторского расселения в этих районах — оставалось совершенно неясным.

Несмотря на, казалось бы, называвшиеся на Всесоюзном совещании объемы предстоящих работ по ликвидации хуторской системы расселения, на деле здесь было много неопределенности. Неизвестно было, например, как развернется работа вновь создаваемого Переселенческого управления, сколько тысяч людей будет «изъято» из населения европейской части страны, где именно и как нужно будет проектировать новые поселения в восточных районах (и нужны ли будут вообще такие проекты, ведь в предыдущие годы «спецпереселенцы» обходились без этого) и т.п. При огромных масштабах государственной программы по перекраиванию системы сельского расселения не было определено, кто и на какие средства будет строить новые села и расширять старые. Вместо этого вбрасывались лозунги, вроде необходимости широко использовать опыт строительства Ферганского канала, прокладка которого началась в 1939 г., вовлекая тем самым

«широчайшие массы трудящихся в общественную работу»¹⁶².

Характерно, что резолюция Всесоюзного совещания 1939 г.¹⁶³ освещала не принципиальные вопросы организации системы сельского проектирования, а в какой-то степени пыталась подменить отсутствующую инструкцию по планировке и строительству селений, регламентируя частные вопросы. Совещание еще раз осудило практику «излишней геометричности» планировки колхозов и совхозов и в очередной раз предостерегло архитекторов от «механического перенесения» в планировку сельскохозяйственных населенных мест приемов городской планировки. Было также в очередной раз констатировано, что лучшие мастера советской архитектуры «стоят в стороне от этого важного дела».

И все же Всесоюзное совещание 1939 г. — фактический первый по-настоящему представительный форум, специально посвященный планировке и застройке сел, очевидно, дал толчок к более масштабной и организованной работе, направленной, в том числе и на изучение народного творчества, спецификации местных условий. В этом контексте новая статья М.Я. Гинзбурга о проблемах проектирования для села, вышедшая в последнем довоенном номере журнала «Архитектура СССР»¹⁶⁴, уже не выглядела столь чужеродной, как несколько лет назад. В статье, открывавшей большую подборку материалов о проектах для села, Гинзбург развивал свои прежние мысли о том, какие возможности предоставляют сельские архитектура и планировка для творчества архитектора, возражал против механического повторения городских мотивов и гигантомании, призвал изучать и использовать особенности народного творчества и местного ландшафта. Он рассматривал разницу между типизацией, как она понималась в народном творчестве, и той механической типизацией и заготовкой «впрок» типовых проектов, которые процветали в проектировании для села.

В предвоенные годы Академия архитектуры организовала несколько экспедиций в различные союзные республики и регионы РСФСР для изучения народного творчества и местных условий, а также изучения практики строительства жилищ для колхозников и сельских общественных зданий последних лет. Это позволило выявить и в какой-то степени осмыслить те ошибки, которые были сделаны в предыдущие годы¹⁶⁵.

Вместе с тем несколько окрепшие в предвоенные годы архитектурные организации в союзных республиках позволили проводить местные конкурсы не только на Украине, но и в Грузии, Кирги-

зии, Узбекистане, других республиках. «На местах» проводились специальные совещания и пленумы отделений ССА, посвященные колхозной архитектуре. Это давало возможность более дифференцированно подходить к задаче, например проектировать жилые дома отдельно для восточной и западной Грузии, для степных и высокогорных районов Средней Азии и т.п.¹⁶⁶

Проблема строительства колхозных клубов также в значительной степени была развернута в сторону учета местных особенностей. «Больше чем в какой-либо иной теме, — писал критик, — архитектор обязан здесь углубиться в изучение народного творчества, чтобы найти пути его отображения в своих проектах»¹⁶⁷. В эти годы начиналось проектирование сельских клубов для конкретных условий севера, юга и средней полосы России, для условий каждой из союзных республик.

Более сложно обстояло дело с планировкой сельских поселений. В предвоенные годы здесь по-прежнему широко применялись геометризованные схемы типовых проектов поселков, почти не учитывающие местные условия. В какой-то мере это объяснялось, очевидно, крайне сжатыми сроками осуществления гигантского объема проектирования, связанного с ликвидацией хуторской системы расселения. Борьба в основном шла за «устранение излишеств» в планировке и, соответственно, удешевление стоимости новых сел. Но и здесь наметились некоторые подвижки. Так, например, при составлении 54 проектов новых генеральных планов селений, осуществляемых Сельхозстройпроектом Наркомзема СССР по программе сселения хуторов в Демидовском районе Смоленской области, проводились консультации с местными колхозниками, которые предъявили архитекторам конкретные требования культурно-бытового и хозяйственного порядка¹⁶⁸.

Несколько менялись и критерии оценки проектов планировки сел. Так, в предвоенные годы была высоко оценена работа харьковского отделения Гипрограда с точки зрения приемов и методики построения архитектурно-планировочной композиции генплана села. В частности, приводилась в пример планировка колхозного села Зачепиловка Харьковской области (арх. А.Е. Буценко), спроектированного на четкой геодезической основе. Элементы генерального плана: общественная зона, жилая, спортивная, рекреационная, улицы, проложенные по естественным водоразделам, река — все это, по мнению критики, идеально вписывалось в рельеф местности и создавало целостный, выразительный архитектурный ансамбль¹⁶⁹.

К концу предвоенного периода накопился уже достаточно большой опыт планировки и застройки сел, как положительный, так и отрицательный. Это позволило Сельхозстройпроекту Наркомзема СССР разработать сборник норм и правил планировки и застройки сельских населенных мест, а также (с участием Совхозстройпроекта) новые технические условия по проектированию зданий и сооружений сельскохозяйственного назначения¹⁷⁰.

Все эти едва наметившиеся перемены в отношении к планировке и застройке сел были, конечно, сломаны начавшейся войной и последовавшим новым витком чрезвычайного напряжения сил в восстановлении разрушенного, когда вновь не было условий для вдумчивой профессиональной работы по планировке и застройке села.

* * *

Изучение материалов планировки и застройки села в 1920—1930-е гг. показало прежде всего крайнюю неустойчивость социальной основы для проектирования, неоднократное произвольное изменение властью уклада жизни сельского населения. Колхозы первых послереволюционных лет, конца 1920-х гг., периода «сплошной коллективизации» и конца 1930-х — начала 1940-х гг., а также принадлежавшие государству совхозы представляли собой разные социальные образования, игравшие различную роль в общей системе сельского расселения и, по существу, дававшие архитекторам разные основания и возможности для проектирования. Другое дело, что эти основания практически не были архитекторами ни изучены, ни осмыслены, ни воплощены в проекты, на что имелись объективные причины: крайняя малочисленность архитектурного сообщества, его увлеченность большими идейными проблемами построения архитектуры нового мира, каково бы ни было их содержание; выкачивание из деревни властью всех ресурсов в пользу индустриализации и, соответственно, крайняя примитивизация «предлагаемых обстоятельств» для архитектурно-градостроительного творчества на селе, входящая в противоречие с официальными лозунгами; отсутствие, в силу постоянно менявшейся социальной модели сельской жизни и жестко задаваемых сверху нормативов, позитивного концептуального ядра архитектурно-градостроительных поисков. Последние шли скорее «от противного», колебались между полюсами «архаизации» и «механического перенесения» городских приемов.

Плохую постановку проектного дела, нехватку не только архитекторов, но и землеустроителей,

в основном занимавшихся планировкой сел, инженеров-конструкторов и других специалистов пытались компенсировать разработкой «типовых» проектов генеральных планов и отдельных сооружений. Однако выработка «типов» не основывалась на каком-либо реальном опыте и практической апробации; как правило, исходные условия просто придумывались самими проектировщиками. Адаптировать отвлеченные типовые проекты к конкретным условиям того или иного села было некому, этот разрыв так и не был преодолен. Академия архитектуры, подключившись в середине 1930-х гг. к сельской тематике, давала, как правило, «образцовые» проекты, созданные точно так же для условно придуманных ситуаций. Область индивидуального проектирования сел с их предварительным обследованием была в эти годы слишком узкой и в первую очередь осуществлялась научно-проектными организациями санитарно-гигиенического профиля.

В сельском строительстве в силу противоречивости тезиса о «стирании различий между городом и деревней», безусловно, можно найти слабые и порой доведенные до абсурда реплики городских архитектурно-строительных приемов. Но, вместе с тем, изучая материалы, связанные с планировкой и застройкой сел, можно заметить также, что в социальном плане здесь происходили процессы, в известном смысле противоположные строительству городов. Теория и практика «соцгородов», активно строившихся в СССР в конце 1920-х — начале 1930-х гг. при крупном промышленном производстве, с их жесткой регламентацией населения по формулам «трудового баланса» к середине—концу

предвоенного десятилетия в значительной степени стала размываться, а сам термин «соцгород» почти вышел из употребления. В селе, напротив, регламентация численности и состава населения по принципу всеобщей занятости в коллективном производстве не ослабевала на протяжении 1930-х гг., сначала в виде «кулацкой ссылки», переселения целых колхозов в восточные районы страны, затем лишения прав крестьян, занятых на отхожих промыслах, безвозвратного лишения подсобного хозяйства колхозников, не выполнявших нормы трудодней и их высылки, а также жесткого уменьшения размеров личного подсобного хозяйства для всех остальных, с тем чтобы оставшиеся колхозники целиком посвящали себя общественному труду. Все это создавало постоянно существовавшую неопределенность в проектировании для села.

В ходе индустриализации менялась общая система расселения в стране, но для села никак не находилось в ней определенного места, несмотря на неоднократные указания на необходимость включать сельские объекты в общие проекты планировки промышленных районов. В лучшем случае они рассматривались в качестве подсобных пригородных хозяйств для крупных городов. Такому положению отчасти способствовала нестабильность и неоднородность самой сельской системы расселения. Задуманные перед войной жесткие административные меры по приведению ее в кратчайшие сроки к единообразию создавали для проектировщиков села целый комплекс дополнительных сложностей, к преодолению которых сельское проектное дело не было подготовлено.

Примечания

1. Петров М.Н. Раздел IV. Благоустройство селений // Статья «Благоустройство населенных мест». Большая медицинская энциклопедия (изд. 1-е); Под ред. Н.А. Семашко. Т. 1. М.; 1928. С. 513.
2. Сахаров В. Мысли о сельском строительстве // Зодчий. 1916. № 23. 5 июня. С. 213–219.
3. Там же. С. 214.
4. Хазиев Р.А. «Национализация хлебопродуктов», «конно-натуральные оклады», «дровяные повинности», «экстренные трудовые мобилизации» уральских крестьян в 1917–1921 гг.: Новая социальная практика ранней эпохи советского государства // Вестник Башкирского университета. 2008. Т. 13. № 3. С. 611–613.
5. Глумная М.Н. Колхозы и власть на европейском севере России. volog.ranepa.ru/download/Nauka/2005/glymnay.pdf
6. Тепцов Н.В. Аграрная политика: на крутых поворотах 20–30-х годов. М., 1990. С. 10.
7. Тепцов Н.В. Указ. соч. С. 14.
8. Галас М.Л. Разгром аграрно-экономической оппозиции в начале 1930-х годов: дело ЦК Трудовой крестьянской партии // Отечественная история (РАН). 2002. № 5. С. 89–112.
9. Государственная архитектурная мастерская // Художественная жизнь. Бюллетень художественной секции Наркомпроса. 1919. № 1. С. 29.

10. *Норверт Э.* Конкурс проектов народного дома // Художественная жизнь. Бюллетень художественной секции Наркомпроса. 1919. № 1. С. 26–27.
11. Нельзя не заметить, что и в 1930-е гг. поиски образа сельского клуба (при резко отрицательном отношении к конструктивистским постройкам), как правило, не выходили за рамки «ампирной» и «избяной» стилистики, что неизменно вызывало критику.
12. Планировка как таковая еще не была выделена в самостоятельную дисциплину. Так, проф. Л.Н. Воронин в 1926 г. указывал, что «планировка городов» относится авторами, как русскими, так и иностранными, либо к отделу санитарии, водоснабжения, канализации (даже медицинских курсов гигиены), либо к курсам так называемых сухопутных сообщений — дороги, улицы, городской транспорт, поэтому в каждом случае получает одностороннее освещение. См.: *Воронин Л.Н.* Рациональное устройство жилищ, поселков и городов. М.: Гос. техническое издательство, 1926.
13. *Дышлер П.Я.* Почему и как надо устраивать сельскохозяйственные коммуны. Пг.: 1919.
14. Там же. Приложения.
15. *Дышлер П.Я.* Сельское благоустройство. Пг.: Наркомзем, 1919.
16. *Адов И.* Итоги работы земельных органов РСФСР по сельскому огнестойкому строительству за пятилетие 1923–1928 гг. // Строительная промышленность. 1929. № 7. С. 622–625.
17. Там же. С. 624.
18. Там же. С. 623.
19. Альбом проектов планировок селений и усадеб. Укрмелиоводхоз, Сельстройчасть. Харьков, 1924.
20. *Хазанова В.Э.* Архитектура первых лет Октября. М., 1970. С. 60.
21. *Струков С.* О планировке селения // Строительная промышленность. 1925. № 6–7. С. 497–499.
22. *Брагин Е.А.* Планировка и застройка селений. М.: Изд. НКЗдрава, 1927; Сельское жилище. По данным работ санитарных органов РСФСР / Под ред. проф. А.Н. Сысина и д-ра Е.А. Брагина, с предисл. проф. Н.А. Семашко. М.—Л.: Изд. НКЗдрава РСФСР, 1928; Планировка и застройка селений. По данным обследования санитарных органов РСФСР / Под ред. проф. А.Н. Сысина и д-ра Е.А. Брагина. М.—Л.: Госуд. медицин. изд-во, 1930.
23. *Вендеров Б.* Первый конкурс Московского Совета РК и КД на составление проекта улучшенной крестьянской избы // Строительство Москвы. 1926. № 8. С. 3–7.
24. Всероссийский союз сельскохозяйственных коллективов (Колхозцентр) был образован в апреле 1927 г. для общего руководства созданием колхозов в РСФСР. Союз и его органы входили в качестве самостоятельной системы в общую систему сельскохозяйственной кооперации, возглавлявшуюся Наркоматом земледелия РСФСР. В 1929 г. в связи с созданием Наркомата земледелия СССР он был переименован в Колхозцентр РСФСР и СССР. После завершения сплошной коллективизации необходимость в существовании Колхозцентра и его местных органов отпала, в декабре 1932 г. они были ликвидированы. Руководство колхозным строительством было передано в руки земельных органов и МТС. См.: *Глумная М.Н.* Указ. соч.
По этой же схеме на Украине в 1927 г. был создан Всеукраинский союз сельскохозяйственных коллективов (Укрколгосп).
25. *Кажинский Б.Б.* Даешь типовые проекты колхозных строений! // Коллективист. 1928. № 1 (56). С. 11–14.
26. Там же.
27. *Кузнецов.* Не надо небоскребов // Коллективист. 1928. № 4(59.) С. 12–13.
28. *Губанов Н.* Жилые постройки должны быть мелкими // Там же. С. 13–14.
29. *Демкин А.* Не тяните назад // Там же. С. 14–16.
30. *Клишин И.* Правда ли, тов. Демкин? // Коллективист. 1928. № 9–10 (64–65). С. 28.
31. *Максименко А.* Все вместе, и душа на месте // Там же. С. 28–29.
32. Б.К. [Кажинский Б.]. Новое о проектах колхозных строений // Коллективист. 1928. № 9–10 (64065). С. 29–32.
33. Альбом проектов построек для колхозов. М.: Колхозцентр: Книгосоюз, 1929.
34. *Татаринев Е.* Колхозное строительство / Рец. на «Альбом проектов построек для колхозов» М.: Колхозцентр, Книгосоюз, 1929 // Строительная промышленность. 1929. № 12. С. 1076–1080.
35. Б.К. [Кажинский Б.]. Строительство колхозов // Строительная промышленность. 1929. № 2. С. 140–143.
36. *Кажинский Б.* Новое о проектах колхозных строений // Коллективист. 1928. № 9–10 (64065). С. 29–32.
37. Там же. С. 30–31.
38. *Кажинский Б.* Строительство колхозов. // Строительная промышленность. 1929. № 2. С. 140–143.
39. *Осипов П.П.* Стандартное круглое здание для с.-х. поселка // Строительство Москвы. 1930. № 5. С. 14–15.
40. *Белюсов В.Я., Рысс Ц.Г., Калмыков В.П.* К вопросу о социалистическом расселении в Киргизской АССР. АН СССР, Совет по изучению природных ресурсов (СОПС), Академия коммунального хозяйства при СНК РСФСР. Труды

- Киргизской комплексной экспедиции 1932–1933 гг. Т. V. Вып. I. М.–Л.: Изд. АН СССР, 1935. См. также: Гл. 13 настоящего издания (Ю.Л. Косенкова).
41. Джус К. К вопросу экономического проектирования жилищ // Строительная промышленность. 1929. № 12. С. 1049–1051.
42. Хигер Р., Джус К. К проблеме экономического обоснования проектирования жилища // Строительная промышленность. 1929. № 8. С. 673–674; см. также: Джус К. К вопросу экономического проектирования жилищ // Строительная промышленность. 1929. № 12. С. 1049–1051.
43. Татаринов Е. Строительство колхозов и совхозов // Строительная промышленность. 1929. № 3. С. 267–271.
44. Кузьмин В.И. Исторический опыт советской индустриализации. М., 1969. С. 71.
45. Тепцов Н.В. Аграрная политика: на крутых поворотах 20–30-х годов. М., 1990. С. 32.
46. Правда. 1930. 18 марта.
47. Тепцов Н.В. Указ. соч. С. 36.
48. Глумная М.Н. Указ. соч.
49. Тепцов Н.В. Аграрная политика: на крутых поворотах 20–30-х годов. М.: 1990. С. 47–50.
50. В целях укрепления дисциплины и контроля над колхозниками по решению пленума ЦК ВКП(б) 1933 г. при МТС были созданы политотделы, наделенные политическими и карательными полномочиями, распространявшимися на все колхозы, обслуживаемые МТС. Дублируя райкомы партии и отделы ОГПУ, контролировавшие колхозы, политотделы, действовавшие всего два года – в 1933 и 1934 гг., оставили тяжелый след в истории сельского хозяйства. См: Зеленин И.Е. Политотделы МТС – продолжение политики «чрезвычайщины» (1933–1934 гг.) // Отечественная история (РАН). 1992. № 6. С. 42–61; Тепляков А.Г. Институт заместителей начальников политотделов по работе ОГПУ-НКВД в МТС и совхозах Сибири в середине 1930-х гг. // Урал и Сибирь в сталинской политике. Новосибирск: Сибирский хронограф. 2002. С. 173–185.
51. Бражник М.В. Интеграционные аграрно-промышленные формирования в России в 1920–30-х гг. // Проблемы современной экономики. Евразийский международный научно-аналитический журнал. 2006. № 3–4 (19–20) <http://www.m-economy.ru/art.php3?artid=21773>
52. Ильиных В.А. Сельское хозяйство Сибири в XX веке: поиск модели устойчивого развития. <http://ns.history.nsc.ru/iva95.htm>
53. Бражник М.В. Указ. соч.
54. Бесчастнов, Ипполитов, Ливянт (без иниц.) и др. Об АИКах и ИНАКах т. Никулихина и о путях социалистической реконструкции сельского хозяйства // На аграрном фронте. 1932. № 2. С. 162–168.
55. Гуцаев А. Судьба Дигорского агрокомбината. // Северная Осетия. 2012. 1 ноября.
56. Караваяев А., Сосновский А. Краснополянский гигант. М., 1929.
57. Глязер С., Шаховский В. В гостях у «Гигантов» // Смена. 1929. № 133. URL: <http://smena-online.ru/stories/v-gostyakh-u-gigantov>.
58. Краснополянское // Свердловская область. Иллюстрированная краеведческая энциклопедия / Под ред. Н. Рундквиста. Свердловск, 2009.
59. Самосюк Ф.О. Забыто строительство крупных колхозов. // Коллективист. 1928. № 9–10 (64–65). С. 3–4.
60. В 1932 г. из НКЗема СССР выделился Наркомат совхозов СССР, а Зернотрест превратился в главное управление зерносовхозов.
61. Совхоз «Гигант» Ростовской обл. // dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/629656; Совхоз «Гигант» <http://patr.ucoz.ru>
62. Ерамишанцев В. Учебно-опытный совхоз Зернотреста // Строительная промышленность. 1929. № 9. С. 782–785.
63. Ерамишанцев В. Учебно-опытные совхозы // Строительство Москвы. 1930. № 5. С. 11–13.
64. Ерамишанцев В. Учебно-опытный совхоз Зернотреста // Строительная промышленность. 1929. № 9. С. 782.
65. Там же. С. 783.
66. Ерамишанцев В. Учебно-опытные совхозы // Строительство Москвы. 1930. № 5. С. 11–13.
67. Врезубов И.И. Агрогород // Строительство Москвы. 1930. № 5. С. 5–6.
68. Там же.
69. За всем этим стоял первый секретарь обкома ВКП(б) Кабардино-Балкарской АО Б.Э. Калмыков, который, по воспоминаниям современников, был чрезвычайно амбициозным и жестким местным диктатором, организовавшим в области массовые расправы. Был сам репрессирован в 1938 г. Расстрелян в 1940 г. См.: Сахаров А. Злая воля. Документальная повесть. Майкоп, 2008.
70. Правда. 1933. 6 ноября.

71. Ботов Ф.И. Кабардино-Балкарская область строит агрогорода // Архитектура СССР. 1934. № 8. С. 36–39.
72. Архитектурная конференция в Нальчике (Из впечатлений архитекторов от поездки в Кабардино-Балкарскую область) // Правда. 1933. 6 ноября. С. 2. Подписи: И. Жолтовский, К. Алабян, А. Буров, А. Власов, Г. Гольц, В. Дедюхин, С. Кожин, И. Соболев, М. Парусников.
73. Ботов Ф.И. Указ соч. С. 39.
74. Кокорин В. Архитектура агрогорода // Архитектура СССР. 1935. № 1. С. 8–9.
75. Беккер Н.О. Планировка и реконструкция колхозного села // Проблемы архитектуры. Сб. материалов. Т. I. Кн. 2. М.: ВАА, 1936. С. 215–235.
76. <http://lawru.info/dok/1927/08/31/n1201723.htm>
77. РСФСР. НКЗ. Инструкция о распланировании и застройке сельских мест поселения (от 11 августа 1928 г.). М.: Новая деревня, 1928.
78. Вerezубов И.И. Благоустройство селений и кооперация. М.: Новая деревня, 1925; Он же: Устройство и благоустройство земледельческих селений. Пособие для крестьянского юношества старшего возраста. М.: Госиздат, 1928.
79. Ильина М. Архитектура колхозов и МТС Грузии // Архитектура СССР. 1936. № 11. С. 51–55.
80. Воробьев С.И. Планировка усадьбы типового зерносовхоза // Строительство Москвы. 1930. № 5. С. 9–11; Кондаччан А.М. Типовой проект животноводческого совхоза // Строительство Москвы. 1930. № 5. С. 7–9.
81. Ерамишанцев В. Учебно-опытные совхозы // Строительство Москвы. 1930. № 5. С. 11–13.
82. Прейс (без иници.). Постройки сельскохозяйственного значения. М., 1927; Альбом построек в колхозах. Киев: Укрколгосп, 1929.
83. Проект норм для проектирования и возведения жилых и хозяйственных построек в совхозах и заводах Сахаротреста. М., 1928; Инструктивные данные для постройки скотных дворов. М.: Маслоцентр, 1928.
84. Бюллетень Сахаротреста. 1929. № 2–3; Татаринов Е. Среди проблем совхозного строительства // Строительная промышленность. 1929. № 9. С. 285.
85. Кульбацкий Ю.Ф. Внимание строительству в зерносовхозах! // Строительство Москвы. 1930. № 5. С. 4–5.
86. Там же.
87. См. редакторскую врезку: Строительство Москвы. 1930. № 5. С. 4.
88. Татаринов Е. Строительство колхозов и совхозов // Строительная промышленность. 1929. № 3. С. 267–271.
89. Там же.
90. Томашевский А.Д. Основные вопросы планировки населенных мест в совхозах и колхозах ЦЧО // Социалистическое строительство ЦЧО. 1933. № 11. С. 146–151.
91. Разумов М. Типовое проектирование в системе НКЗема // Наше строительство. 1934. № 9–10. С. 405–406.
92. Пиотровский М. Планировка колхозного центра и колхозных жилых домов // Наше строительство. 1934. № 9–10. С. 426–427.
93. Кондратьев В.В. Сельхозстроительство Московской области — боевой участок социалистического наступления // Строительство Москвы. 1931. № 2. С. 25–29.
94. Ильина М. Архитектура колхозного села // Планировка и строительство городов. 1935. № 9. С. 21–27.
95. Марзеев А.Н. Планировка и реконструкция колхозного села. / Украинский институт коммунальной гигиены. Киев: Госмедиздат УССР, 1941. С. 4.
96. Там же. С. 85.
97. Беккер Н.О. Планировка и реконструкция колхозного села // Проблемы архитектуры. Сб. материалов. Т. I. Кн. 2. М.: ВАА, 1936. С. 215–235.
98. А.Е. Арманд, первый муж Инессы Арманд, после революции из-за голода был вынужден вернуться в село и вести сельское хозяйство на 4 га земли. В 1930 г. его семью пытались раскулачить и выслать, но это решение не было утверждено. В 1931 г. он стал членом Алешинского колхоза, где занимался ремонтом техники.
99. Ильина М. Архитектура колхозного села // Планировка и строительство городов. 1935. № 9. С. 21–27.
100. Кожеуров И. Распланирование колхозных населенных пунктов // На аграрном фронте. 1934. № 11. С. 37–48.
101. Беккер Н.О. Планировка и реконструкция колхозного села // Проблемы архитектуры. Сб. материалов. Том I. Кн. 2. М.: ВАА, 1936. С. 215–235.
102. Богданов В., Федосеев В. Реконструкция станицы Красноармейской // Архитектура СССР. 1936. № 2. С. 48–51.
103. Богданов В., Федосеев В. Указ. соч.
104. Таций А.А. Планировка и реконструкция колхозных сел Украины // Проблемы архитектуры. Сб. материалов. Т. II. Кн. I. М.: ВАА, 1937. С. 307–335.

105. Благоустройство колхозного села ./Передовая./ // Правда. 1936. 29 декабря. С. 1.
106. *Васильченко В.И.* Планировка и благоустройство колхозного села. Минск: Гос. изд. при СНК БССР, 1940.
107. *Тацкий А.А.* Указ соч. С. 317.
108. *Марзеев А.Н.* Указ соч. С. 91–92.
109. Там же. С. 93–96.
110. Западная область существовала с 1929 по 1937 г. с центром в г. Смоленске.
111. Планировка новых хозцентров колхозов (Районы хуторского типа расселения) / Под ред. и с предисл. И. Шулейкина. М.: НИИОТ, 1935.
112. Напомним, что ВАА изначально создавалась в первую очередь как образовательное заведение для дипломированных архитекторов и звания «член-корреспондент» тогда еще не существовало.
113. Научный кабинет сельскохозяйственной архитектуры // Академия архитектуры. 1936. № 5. С. 77.
114. *Гинзбург М.Я.* К вопросу архитектурного оформления с-х. строительства // Наше строительство. 1934. № 9–10. С. 435.
115. Там же.
116. *Ильина М.* Архитектура колхозного села // Планировка и строительство городов. 1935. № 9. С. 21–27.
117. *Беккер Н.* Колхозная архитектура // Правда. 1935. № 73. С. 2; *Тэсс Т.* Подготовка к новоселью / К Всесоюзному совещанию по вопросам колхозной архитектуры // Известия. 1935. 17 марта. № 66. С. 3.
118. *Кашкарова Л.* Колхозная самодеятельность в архитектуре // Архитектура СССР. 1937. № 1. С. 15–17.
119. Цит. по: *Кашкарова Л.* Указ соч. С. 16.
120. *Беккер Н.* Колхозная архитектура // Правда. 1935. № 73. С. 2.
121. *Ильина М.* Архитектура колхозного села. // Планировка и строительство городов. 1935. № 9. С. 21–27.
122. Р.Х. [Р. Хигер]. За новую архитектуру села // Планировка и строительство городов. 1935. № 9. С. 28–32. См. также: *Хигер Р.* Клуб в колхозе // Архитектура СССР. 1935. № 1. С. 6–7.
123. Р.Х. За новую архитектуру села // Планировка и строительство городов. 1935. № 9. С. 28–32.
124. *Кандахчан А.М.* Архитектурно-строительный комплекс МТС // Проблемы архитектуры. Сб. материалов. Т. I. Кн. 2. М.: ВАА, 1936. С. 237–247.
125. *Кандахчан А.М.* Указ. соч. С. 245.
126. *Ильина М.* Архитектура колхозов и МТС Грузии // Архитектура СССР. 1936. № 11. С. 51–55.
127. Предполагалось, что колхозники на полевых станах будут полностью переведены на общественное питание. В то же время в 1933 г. политотделы МТС внедрили такую меру повышения дисциплины, как «котел ударника» — систему дифференцированного питания. Тот, кто не выполнял норму, полностью снимался с довольствия // Политическое управление МТС НКЗ СССР. Материалы о работе политотделов МТС за 1933 год. Только для членов КП(б): http://1.iesod3.z8.ru/self0023/070109_matrabpolitotdelovmts1933.rar
128. *Бибииков Я.Ф.* Новый тип сельскохозяйственного строительства в колхозах — полевой стан // Наше строительство. 1934. № 9–10. С. 421–422.
129. Там же. С. 422.
130. Строитель. О колхозных полевых таборах // Наше строительство. 1934. № 9–10. С. 423; См. также: *Иванов И.А.* Как построить колхозный табор. Воронеж: Коммуна, 1934.
131. *Беккер Н.О.* Планировка полевого стана // Академия архитектуры. 1935. № 4. С. 49–52.
132. Архитектура СССР. 1935. № 12. С. 61.
133. Архитектура СССР. 1936. № 4. С. 76.
134. *Хигер Р.Я.* Всесоюзный конкурс на колхозный дом культуры // Архитектура СССР. 1936. № 3. С. 44–49; Проекты колхозных клубов // Академия архитектуры. 1936. № 5. С. 63–70.
135. *Хигер Р.Я.* Всесоюзный конкурс на колхозный дом культуры // Архитектура СССР. 1936. № 3. С. 44–49.
136. *Колли Н.Я.* О проектировании домов культуры, клубов и красных уголков в колхозах // Академия архитектуры. 1936. № 5. С. 71.
137. *Хигер Р.Я.* Колхозные клубы и дома культуры // Архитектура СССР. 1936. № 11. С. 40–50.
138. *Александров А.Я.* От редакции // Проблемы архитектуры / Под ред. А.Я. Александрова. Т. I. К. I. М., 1936. С. XIV.
139. Там же. С. XV–XVI. Второй том издания «Проблемы архитектуры», отразившего работы ВАА 1935 г., вышел в 1937 г. и сопровождался вводной статьей без подписи. Руководство Академии было репрессировано.
140. *Колли Н.Я.* О проектировании домов культуры, клубов и красных уголков в колхозах // Академия архитектуры. 1936. № 5. С. 71.

141. Хигер Р.Я. Общественные сооружения в колхозах // Проблемы архитектуры. Сб. материалов. Т. I. Кн. 2. М.: ВАА, 1936. С. 271–302.
142. Там же. С. 275.
143. Беккер Н.О. Планировка и реконструкция колхозного села. // Проблемы архитектуры. Т. I. Кн. 2. С. 222–223.
144. Вутке О.А. Архитектура колхозного жилища // Академия архитектуры. 1935. № 4. С. 44–48.
145. Вутке О.А. Об архитектуре колхозного жилища // Проблемы архитектуры. Сб. материалов. Т. I. Кн. 2. М.: ВАА, 1936. С. 249–269.
146. Там же. С. 268.
147. Тацкий А.А. Указ. соч. С. 334.
148. Жилые дома для строительства в колхозах, совхозах и МТС. Проекты, разработанные и изданные Сельхозстрой-проектом НКЗ СССР. М.: 1938 / Рец. Г.М. Мартынова см.: АС. 1938. № 4. С. 82–83.
149. Мартынов Ю. Архитектура колхозных строений в Туркмении // Архитектура СССР. 1939. № 2. С. 42–45.
150. Всенародный смотр побед колхозного строя (Передовая) // Архитектура СССР. 1939. № 8. С. 1–3.
151. Цит. по: Марзеев А.Н. Указ. соч. С. 3.
152. Мартынов Г. Новое в деревне // Архитектура СССР. 1939. № 9. С. 41–44.
153. Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 29 мая 1939 г. «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания» libussr.ru/doc_ussr/ussr_4188.htm
154. С. 1930 по 1933 г. Наркомат земледелия СССР занимался проблемой «аграрного перенаселения» методом планового переселения, сменив при этом Всесоюзный переселенческий комитет (ВПК) при ЦИК СССР. В 1933 г. эта функция ввиду неудовлетворительно организованного и исполняемого НКЗ переселения была передана Всесоюзному переселенческому комитету при СНК СССР, проработавшему с 1933 по 1936 г.
155. О значении приусадебного хозяйства колхозника в его выживании (колхозы с ним расплачивались, как правило, только небольшим количеством зерна и исчезающе малым количеством денег) и в экономике страны в целом написано немало современных исторических исследований. В 1937 г. это мельчайшее хозяйство обеспечивало 40% национального дохода, созданного в сельском хозяйстве, и давало от половины до двух третей всей продукции животноводства. По постановлению ЦК ВКП(б) и СНК СССР в 1939 г. был проведен новый обмер всех индивидуальных участков для выявления и изъятия излишков земли у тех, чьи наделы по размерам превышали установленные нормы: колхозами было отторгнуто у частных лиц 2,5 млн га. Сверх того было установлено, что не могут считаться членами колхозов и, следовательно, сохранять право на приусадебный участок те семьи, члены которых не вырабатывают минимума трудодней. http://hister1.ru/kurs_sssp/podrobno/bit_krestianina.htm
156. ССА СССР. Планировка и строительство колхозов, совхозов и МТС. Материалы совещания, созванного Союзом советских архитекторов совместно с Наркомземом, Наркомсовхозов и Академией архитектуры СССР. М.: Изд ВАА, 1940.
157. Доклады, прочитанные на совещании: Буденный Л.М. Планировка и благоустройство сельскохозяйственных населенных мест — колхозов, МТС и совхозов. Указ изд. С. 5–15; Осмоловский М.С. Планировка и строительство в совхозах. Указ изд. С. 16–24; Мартынов Г.М. Проектирование и строительство жилых домов в колхозах и совхозах. Указ. изд. С. 25–32; Корнфельд Я.А. Проектирование и строительство клубов в колхозах и совхозах. Указ. изд. С. 33–41.
158. Здесь и далее в скобках приводятся страницы указанного издания: «Планировка и строительство колхозов, совхозов и МТС. Материалы совещания...».
159. Напомним, что в 1938 г. прошел III пленум правления ССА, где все ошибки и неразбериха в градостроительстве объяснялись политическими причинами и были списаны на происки «троцкистско-бухаринских агентов фашизма».
160. Три наркома земледелия, сменявшие друг друга, в эти годы были репрессированы.
161. Татур П.К. Планировка колхозных поселков в орошаемых районах // Социалистическое сельское хозяйство Узбекистана. 1939. № 10. С. 44–48.
162. Васильченко В.И. Указ соч. С. 5. Большой Ферганский канал (1939–1940) — одно из крупнейших гидротехнических сооружений в СССР протяженностью 350 км., имевшее два «тракта». Он проходил по территории трех союзных республик — Узбекской, Киргизской и Таджикской ССР. На строительство канала было «брошено» 160 000 крепостян со своими кирками и лопатами.
163. Резолюция совещания по планировке и строительству в колхозах, МТС и совхозах, созванного Правлением союза советских архитекторов СССР совместно с Наркомземом СССР, Наркомсовхозов СССР и Всесоюзной академией архитектуры 19–21 мая 1939 г. См. в кн.: Марзеев А.Н. Указ. соч. С. 142–144.
164. Гинзбург М. Узловые вопросы сельскохозяйственной архитектуры // Архитектура СССР. 1941. № 6. С. 48–50.

165. *Мартынов Г.* Жилой дом колхозника // Архитектура СССР. 1941. № 6. С. 51–55; *Он же:* Проектирование и строительство колхозного жилища // Академия архитектуры СССР. Сборник работ. Вып. I. М., 1940. С. 29–70.
166. *Мартынов Г.* Жилой дом колхозника // Архитектура СССР. 1941. № 6. С. 51–55.
167. *Корнфельд Я.* Колхозный клуб // Архитектура СССР. 1941. № 6. С. 55–60.
168. *Буденный Л.* Планировка и благоустройство колхозного села // Архитектура СССР. 1941. № 6. С. 61–64.
169. Там же. С. 63.
170. Там же.

По союзным республикам

Киев. Вид на ул. Крещатик. Конец 1930-х гг.

Киев. Крещатик перед началом войны. *Июнь 1941*

Харьков. Привокзальная площадь и здание почтамта. *Арх. А.Г. Мордвинов. 1928*

Харьков. Площадь перед зданием Госпрома. 1930-е гг.

Харьков. Жилой дом на Сумской ул.
Арх. А.В. Линецкий, М.Ф. Покорный.
1929–1932

Б. Запорожье. Жилой дом на пр. В.И. Ленина. Арх. Г.М. Орлов, П.М. Сталин. 1937

Б. Запорожье. Здание столовой-ресторана. Арх. С.А. Маслих. 1930–1931

Сталино (ныне Донецк). Здание почтамта. Арх. А.Г. Мордвинов. Конец 1920-х гг.

Сталино. Дом культуры им. Коминтерна. Архитектурная мастерская «Клубстроя» при Всеукраинском комитете Союза горнорабочих. Арх. М.С. Луцкий, Т.О. Попов, П.А. Хромов. Конец 1920-х гг.

Гомель. Новые жилые дома на Комсомольской ул. Середина 1930-х гг.

Гомель. Застройка Комсомольской ул. *Середина 1930-х гг.*

Минск. Застройка района Немиги. *1930-е гг.*

Минск. Строительство Дома правительства БССР. Конец 1920-х гг.

Минск. Новое здание Физкультурного института. 1939

Баку. Площадь им. К.Маркса. 1934

Баку. Дом работников Госбанка. Арх. Г.М. Тер-Микелов. 1930-е гг.

Баку. Жилой дом Баксовета. Арх. С.А. Дадашев, М.А. Усейнов. Вторая половина 1930-х гг.

Баку. Здание Дворца печати. Арх. С.С. Пен. 1931–1934-х гг.

Ереван. Площадь им. С.Г. Шаумяна. 1930-е гг.

Ереван. Вид на пл. им. В.И. Ленина. Конец 1930-х гг.

Ереван . Кинотеатр «Москва». Арх. Т.М. Ерканян, Г.Б. Кочар. 1933–1936

Тбилиси. Застройка просп. им. Ш. Руставели. Слева — здание филиала Института Маркса—Энгельса—Ленина.
Арх. А.В. Щусев. 1938

Батуми. На ул. И.В. Сталина. Вход в Пионерский парк. Середина—конец 1930-х гг.

Ташкент. На ул. К. Маркса. Конец 1930-х гг.

Ташкент. На ул. им. газеты «Правда Востока»

Ташкент. Театр в старом городе. Арх. А.Л. Цитович. 1928. Праздничное оформление. 1934

Алма-Ата. Здание терапевтической клиники. Арх. И.Л. Длугач, А.И. Каплун. 1937

Алма-Ата. Дом правительства КССР. Арх. М.Я. Гинзбург. 1927–1931

Алма-Ата. Застройка ул. Д.А. Фурманова. Конец 1930-х гг.

Алма-Ата. Здание клуба-театра НКВД КССР. Арх. И.И. Буровцев. 1931–1934

Караганда. Новые жилые дома, построенные скоростным методом. 1941

Балхаш. Вид центральной части города. 1940

Балхаш. Жилой дом стахановцев Балхашского медеплавильного комбината. 1940

Ашхабад. Центральная гостиница. Арх. С.А. Бабенко. Конец 1930-х гг.

Ашхабад. Музыкальное училище. Арх. А.П. Максимов, П.В. Кухтенков. 1937

Сталинабад (ныне Душанбе). Здание Народного дома. 1929–1931

Фрунзе (ныне Бишкек). Кинотеатр Ала-Тоо. Арх. В.П. Калмыков. 1938

РАЗДЕЛ IV

Городской контекст

---

*На стр. 706: Москва.
Страстная (Пушкинская) пл.
Середина 1930-х гг.*

Трехмерное пространство города в работах мастеров архитектуры

Ю.П. Волчок

Понимание современного градостроительства как трехмерного, объемно-пространственного становится в наше время все более закономерным. Важно показать, что этот процесс не в XXI в. начался, а имеет более чем вековую традицию, в частности, и при восприятии градостроительства как в столицах, так и в малых городах. «Инструментами» для зачина в этом разговоре могут стать:

- во-первых, осмысление роли художественной интерпретации в выявлении устройства города;

- во-вторых, важно зафиксировать внимание на закономерности реализации двухчленной «формулы», объединяющей историко-культурные и социально-экономические условия градостроительства. При этом подчеркнута именно в такой последовательности: историко-культурные особенности, сформировавшие индивидуальность места, выходят на первый план;

- в-третьих, ключевой в отечественных градостроительных поисках в первые три десятилетия XX в. стала проблема взаимоотношений города и деревни, городского и сельского укладов жизни, перетекания населения из деревни в город;

- в-четвертых, осознание реалий формирования трехмерного развития города в творчестве активно проектирующих архитекторов практически всех творческих направлений — и авангардных, и традиционалистски ориентированных.

Зафиксированный в творческих поисках модерна постулат «изнутри наружу» сформировал интерьерное отношение к проектированию, выходящее за пределы объема дома в пространство города, организуя и зачастую активно переосмысливая его структуру. Сложившись воедино, эти историко-культурные предпосылки формировали архитектурно-художественный профессионализм в отношении к городу

в границах градостроительного искусства, для которого пространство и движение во времени органично в своей слитности реализовались в осмыслении городской структуры, ее совершенствования в каждом индивидуально прочитываемом месте города.

Но именно здесь необходимо ввести и еще одно, пятое обстоятельство, радикально повлиявшее на эволюционно закономерное развитие градостроительства. Революционные преобразования в социально-общественном устройстве сформировали иные «предлагаемые обстоятельства» для градоформирующего творчества. Рассмотрение его в границах «интерьерного» подхода к реконструкции исторической картины отечественного градостроительного искусства позволяет ввести проблематику градостроительства в круг гуманитарного знания. Существенной особенностью его в интересующее нас здесь время стало то, что профессиональное отношение к объекту исследования и практического творчества, проектирования строилось не столько по дисциплинарному признаку, сколько по методологии осмысления, которая без видимых затруднений могла объединить гуманитарные, художественные, естественнонаучные и технологические взгляды в слитном понимании существа исследуемого и проектируемого объекта. Город не был исключением из этого методологического правила.

После переезда правительства в Москву в 1918 г. градостроительная судьба новой столицы радикально изменилась. Теперь речь идет о формировании новой градостроительной программы для Москвы, как современной, так и на прогнозируемое будущее, при этом в новых социально-экономических условиях жизни города. При этом надо иметь в виду, что существенно менялся социальный состав москвичей. В городе активно росло число «новых горо-

жан» — горожан в первом поколении, объективно тормозящих развитие (в накоплении) городской культуры. Наряду с этим, Москва становится столицей первого в мире государства с новым социально-общественным устройством. Понятие «новое» обретает дополнительные содержательные оттенки. Применительно к проблемам градостроительства они связаны не столько с освоением новых территорий, сколько с качественными изменениями в границах сложившегося города. На этом фоне новое содержание получает и понятие «план», совпадающее с сутью планового хозяйствования и организации управленческих структур, изживающих традиции землепользования, увязанные с правовыми отношениями, веками формировавшимися на основе частной собственности.

Уже в 1918 г. при Моссовете была организована архитектурно-планировочная мастерская под руководством академиков архитектуры И.В. Жолтовского и А.В. Щусева. Задача для мастерской была поставлена обезоруживающе конкретно: разработать градостроительный план «Новая Москва». Само название плана, состоящее из, казалось бы, привычных слов, превращалось в систему уравнений со многими неизвестными: «новое», «план», «столица первого в мире социалистического государства»...

Город, новый план градостроительства Москвы вместе со всеми аспектами нового жизнеустройства в стране вращались в логику и тесно увязанные с ней регламентирующие правила социального эксперимента. Для города такие радикальные преобразования в миропонимании были особенно трудно переживаемы: в диалог вступали веками складывающиеся закономерности градостроительства, основанные на радиально-кольцевой структуре градоформирования, и новые представления об организации жизни в городе. Диалог между ними: с одной стороны, тенденцией, вбирающей в себя эволюцию города, и с другой — революционным восприятием будущей урбанистической программы столицы — вызвал к жизни множество различных градостроительных концепций и разнообразие образных представлений о перспективах развития города.

Здесь нет возможности проследить с необходимой полнотой, как формировались и буквально одновременно с этим трансформировались под влиянием дидактических и сиюминутных политических и экономических обстоятельств и предпочтений «градостроительные правила». Под их влиянием складывалась весьма «причудливая» конфигурация методологии отношения к городу. По этой причине

также важно понять, на какие тенденции в градостроительстве, сложившиеся к этому времени, опирались новые творческие поиски.

Вернемся на некоторое время назад, в послепожарную Москву.

План Москвы 1825 г. Что он добавил к знанию о городе? Этот документ называется «План Столичного города Москвы» и фиксирует планировку, сложившуюся в городе с учетом размещения общественных зданий, в том числе и выполняющих столичные функции. Видимо, этот аспект жизни города авторам плана представлялся весьма существенным, более важным, нежели бульвары, сады и другие «зеленые клинья», врезающиеся в город. Они на плане 1825 г. не показаны.

«Комиссия для строений» продолжает в это время целеустремленную работу по корректировке уличной сети, выпрямлению улиц и переулков. 1831 г. — Комиссия предложила чертеж спрямления Хохловского переулка, добиваясь получения «прямого луча» видимости от Хохловской площади на церковь Троицы в Хохловке. На эту деятельность «Комиссии для строений» надо обратить особенно пристальное внимание. Петербург по сей день славится своими площадями, набережными и прямыми улицами-магистралями, в совокупности с петровских времен формирующими структуру его градостроительства. Москва, в противоположность Петербургу, как известно, в своем градообразовании опиралась на вязь взаимоувязанных в единое целое переулков и внешне мало организованную уличную сеть, которая едва ли не по сей день вызывает у архитекторов потребность их корректировать в соответствии с представлениями об уровне градостроительства в столичном по статусу городе.

Диалог представлений о требованиях городской культуры и возможностях, достигнутых на своем уровне лестницы цивилизации, предъявляемый горожанам, достаточно ярко проявился в опыте проектной работы «Комиссии для строений» еще на рубеже первой трети XIX в., и сегодня он остается предметом острых дискуссий и обсуждений в связи с необходимостью и потребностью сохранения традиций и историко-культурных ценностей в градостроительстве Москвы. Этот разговор невозможен без фиксации городских панорам. Если в начале XVIII в. они были рисованными, то в последней четверти XIX в. панорамы создавались фотоспособом. Наиболее популярны у исследователей круговые фотопанорамы с обходной галереи храма Христа Спасителя из альбома Н.А. Найденова, изданного в 1867 г.¹

Генеральный план Москвы по-прежнему содержит в себе планировочную структуру города и ее проекцию из плоскости в пространство. Объемно-пространственная модель Москвы, ее устойчиво сложившаяся во времени радиально-кольцевая структура закрепились в образе города. Идеализированная модель этого образа была удачно реализована в 1879 г. в проекте Промышленной выставки 1882 г. на Ходынском поле². (Об этом проекте у нас есть основание вспомнить в связи с концепцией «Новой Москвы» И.В. Жолтовского и, кстати, с его проектом Шестигранника на Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке 1923 г. на территории парка Горького, а также с генеральным планом Москвы — городом-автоматом инженера Г.П. Марсакова, выполненным им во второй половине 1930-х гг.). Но это обобщенная модель, а какие закономерности сформировались на протяжении XIX в. в Москве и какие «годовые кольца» оставили они на карте реального города? При всей живописности планировочной структуры Москвы она постепенно обретает упорядоченные черты. 20 лет работы «Комиссии для строений» по совершенствованию конкретных фрагментов городской структуры (выпрямление улиц, укрупнение фасадов за счет объединения нескольких мелких в один, более крупный, и др.) не прошли даром. Позднее, в первой половине XX в., особенно в начальные годы реализации генерального плана реконструкции Москвы 1935 г. этот прием совершенствования планировочной структуры и архитектурного облика города активно использовался московскими проектировщиками и строителями. За век до того, к началу 1830-х гг. принципы застройки города уже с достаточной основательностью сложились. Это касается не только радиально-кольцевой структуры, но и зеленых клиньев, бульваров, садов... Немалую роль для дальнейшей судьбы города здесь сыграло изменение социального состава горожан, перераспределение их местожительства по структурным зонам города. Серьезное место в формировании города в эти годы начинают занимать доходные дома. С точки зрения фиксации планировки городской структуры они играют в новых условиях, по сути, ту же роль, что слободы на «Годуновом» или «Сигизмундовом» планах.

В 1840–1850-е гг. резко возросла деловая активность в городе, значительно увеличилось число промышленных предприятий разного масштаба и функционального назначения. Упразднение «Комиссии для строений в Москве», совпавшее по времени с этим процессом, можно рассматривать

как начало разрушения традиции классической архитектуры в городе. Появление новых, в том числе и крупных, фабрик, как правило, вдоль рек, возле воды и на пустырях-огородах, также привело к корректировке планировочной структуры Москвы. Распадается к тому времени потребность, присущая классицизму, эстетически осмысленного, целостного восприятия города, в том числе и в устройстве его плана. К 80-м гг. XIX в. город подходит к новому рубежу в формировании своей градоустроительной автобиографии, которая вплоть до середины десятилетий следующего века укреплялась в Москве. Вновь возникающие типы зданий, их очевидное укрупнение в габаритах и новые условия и правила «расстановки» возводимых объемов в городе приходили в противоречие с градоустроительными закономерностями формообразования.

И еще одна существенно важная нить, связывающая планы начала XVII в. с характеристикой Москвы в начале XX в. Автор «Сигизмундова плана», в частности, внимательно фиксирует особенности городской структуры и облика Москвы, но при этом он старается подчеркнуть те черты городской структуры города, которые характеризуют Москву как европейский город, поскольку ему удастся выявить в московских реалиях и передать в чертеже «общеευропейские черты»³.

Немалое методологическое значение при этом играет и подача плана — «с птичьего полета». В такой редакции мы видим *проекцию в пространство планировочного решения города*. Он раскрывается нам благодаря такому приему в своей объемно-пространственной целостности, объемлющей в одном чертеже структуру городского «каркаса»: его уличную сеть, характер застройки, соотношение высот и другую конкретную информацию, несомненно обогащающую наше знание о городе на один из существенно важных временных «срезов» его исторического развития — первую половину XVII в. Уместно вспомнить, что в доме К.С. Мельникова висит только один план Москвы, именно XVII в. (Он сохранился по сей день.) Почему, на наш взгляд, аксонометрически устроенная, с высокой точки обзора подача ранних планов Москвы весьма существенна для понимания автобиографии города вплоть до наших дней? Особенно в ситуации глобальных преобразований в структуре и размерах городской территории, к которым готовился город, вновь став столицей в XX в. В первую очередь, потому, что «Петров чертеж» и последующие за ним планы отчетливо передают логику и закономерности формирования радиально-кольцевой городской структуры Москвы.

В 1630 г. появился еще один знаковый для реконструкции автобиографии Москвы план — план из книги А. Олеария «Путешествие в Московию, Персию и Индию». Почему на этот план важно обратить внимание? По трем причинам. Во-первых, план появился вскоре после московского пожара 1626 г. Во-вторых, Олеарий — математик. У него иное понимание и прочтение образности города: его план более плоскостной. В-третьих, автор выполнял свой план, видимо взяв за основу «Петров чертеж». Это методологически весьма существенно, так как позволяет более точно выявить те изменения, что появляются в послепожарном городе⁴.

Авторитетом у исследователей пользуется план Москвы 1661–1662 гг. из книги А. Мейерберга «Путешествие в Московию»⁵. Этот документ считается наиболее информативным из этой группы планов, восходящих к «Петрову чертежу» и выполненных в технике аксонометрического рисунка. К неоспоримым достоинствам этого плана специалисты относят подробную и содержательно точную экспликацию к нему.

Второй половиной XVII — началом XVIII в. датируется распространение в Москве еще одного изобразительного приема осмысления целостности и характера застройки Москвы. В этот период начали появляться панорамы города. Наиболее преуспели в этом художники, приезжающие в Москву с иностранными посольствами и специалистами-топографами, и др. Многие панорамы по структуре и глубине охватываемой «в кадре» территории города близки между собой, хотя выполнены разными авторами. Объяснение этому очевидно — тогда, как и в наши дни, наиболее удачной точкой для осмотра, осмысления и изображения панорамы города «в целом» была и остается «смотровая площадка» на бровке Воробьевых гор.

Пожалуй, уже здесь, анализируя последовательность планов Москвы, можно сделать один из выводов, к которому мы будем неоднократно обращаться и в дальнейшем, собирая закономерности, присущие специфике изложения автобиографии города в 1920–1930-е гг., когда интерес к обретению нового был особенно обострен. Закономерности градостроительства формируются не просто десятилетиями — веками и проявляются не только в «синхронных срезах», но и в более позднее время. Так, нововведения, связанные с реформами Петра I, мало успели реализоваться во второе и третье десятилетия XVIII в. и практически никак не проявились в эти годы в облике и структуре Москвы, но они заложили основания для кристаллизации си-

стематических тенденций в развитии города вплоть до конца этого века. Достаточно радикально менялась система расселения в городских границах и на окружающих его территориях. Новые подходы особенно наглядны, в частности, в отношении их к городским слободам. Последовательно укрупнялась структура жилой застройки. Вдоль улиц начали возводить городские усадьбы. Появились крупные общественные здания в центре города, началось «тотальное» мощение улиц, их благоустройство. Основанием для этих достаточно ощутимых для города преобразований послужили правовые градоустроительные документы, восходящие к Петровской эпохе.

В 1739 г. был завершен план Москвы И.Ф. Мичурина. У этого плана есть несколько особенностей, отличающих его от предыдущих графических описаний города. Во-первых, это *первый план Москвы, выполненный на основе геодезической съемки*. Наряду с этим, план реализует программу градостроительства эпохи классицизма; он, помимо фиксационных, выполняет и «проектные функции», ориентированные в будущее. Особенно существенно, что этот план, видимо, первый, в котором проектируемое будущее идеализируется. Улицы показаны нереально для Москвы прямыми; на чертеже размещена несуществующая сплошная (блокированная, в современной терминологии) застройка вдоль основных трасс; пунктиром намечена трассировка еще не возведенного Камер-Коллежского вала...

В 1775 г. появился еще один план города — *первый план реконструкции Москвы*, так называемый прожектированный план. В книге «Памятники архитектуры Москвы» (Кн. I. М., 1982) этот план публикуется впервые⁶. Проектная составляющая «прожектированного плана» нацелена на упорядочение, спрямление и расширение улиц, на сооружение водоотводного канала, создание торговой сети в городе и др. Впоследствии все чаще этот план по его значимости и отдаленным последствиям сопоставляют с планом реконструкции Москвы 1935 г.⁷

Жолтовский уже в 1918 г. предложил первый эскизный проект плана Новой Москвы. Интересно зафиксировать внимание на том, как сложился в этом плане образ города в будущем. В основном автор сосредоточился на разуплотнении исторического центра, озеленении города. Жилые зоны (в неизбежно расширяющемся городе при возрастающем населении) располагаются по проекту на периферии, а точнее — в пригородных зонах, в поселках-садах. Многие из предложенных нововведений

из эскизного проекта перешли в план «Новая Москва», работу над которым мастерская завершила в 1923 г. под руководством А.В. Щусева. Получили они развитие и в плане «Большая Москва» инженера С.С. Шестакова, над которым он работал в 1921–1925 гг.⁸ Этот план, как в свое время «проектированный план» 1775 г., оказался «долгоиграющим». Со временем его методологические достоинства и универсальность становятся все более явными и очевидными.

И план «Новая Москва», и план «Большая Москва», осваивающие значительные территории, сохраняли радиально-кольцевую структуру изначального градостроительства в Москве. Но при этом они были продуманы таким образом, чтобы не перекрывать возможность радикального переосмысления структуры города — перерастания радиально-кольцевой, замкнутой на себя интровертной системы планировки в противоположную ей — открытую, ориентированную на саморазвитие.

Строго говоря, взаимоотношения закрытой и открытой систем в градостроительстве становятся начиная с 1920-х гг. одной из активных проблем экспериментального моделирования социально-функционального устройства нового общества. Пожалуй, и в наши дни, когда общественные отношения и социально-экономический уклад жизни в стране в постсоветский период начиная с 1991 г., вступили в новую стадию мироустройства, взаимосвязь закрытой и открытой систем градорегулирования может оказаться удачной моделью для конструирования новых для нас общественных отношений, и как следствие, сегодня существенно возрос интерес к интерпретации градостроительных идей и концепций в 1920-е (в основном) годы. Более того, они начинают замещать собой проблематику градостроительной политики, вытесняя на «периферию» науковедения собственно архитектурный профессионализм.

В 1929 г. проходили многочисленные дискуссии о том, какой должна стать Москва в будущем, в какой логике ей развиваться — эволюционно-традиционной, сохраняя все лучшее и достойное, в первую очередь памятники архитектуры и другие культурологически ценные исторические объекты, или опираясь на радикальные преобразования города (к анализу некоторых из этих концепций мы еще обратимся ниже).

Отдельная тема — конкурс на проектирование Дворца Советов, многоэтапная эпопея которого растянулась практически на два десятилетия начиная с 1931 г.⁹ Он не просто наложился по вре-

мени на подготовку к содержательной реформе градоустроительной структуры по генплану реконструкции Москвы 1935 г.¹⁰, но будущий Дворец Советов стал его органической составной частью — смысловым и градообразующим центром Москвы. Практически впервые в истории города его центр начал «расслаиваться» на исторически ценный и политически и административно актуальный. В плане 1935 г. оказались заложены, наряду с другими многочисленными нововведениями в градоустройстве, основы полицентризма. Если учесть, что основные программные установки по формированию городского каркаса, заложенные в логику этого плана В.Н. Семеновым, не реализованы по сей день, то и радикальные преобразования, предложенные генпланом 1971 г. с решительным переходом к полицентризму, можно рассматривать как отдаленные следствия градоустроительных поисков на рубеже 1920–1930-х гг. Проросшие сквозь систему генерального плана 1935 г. и нашедшие убедительный прием сосуществования закрытой и открытой систем градостроительства, идеи генплана Москвы 1971 г. можно считать культурологически емкими и значительными. Большую Москву с расчетной численностью населения 8 млн. человек Н.Н. Уллас предлагал скомпоновать в восемь планировочных зон — центральную и семь периферийных, ее окружающих, при этом формирующихся вдоль основных вылетных магистралей¹¹. Проектная градоустроительная концепция примеряла радиально-кольцевую структуру города с возможностью перехода от моноцентрического, единственного для всего многомиллионного города центра к полицентрической системе с восьмью городскими центрами, вокруг которых складываются, по сути, самостоятельные города с 1 млн. жителей в каждом из них. Но, что не менее существенно, в каждой из планировочных зон формируются свои места приложения труда. Местожительство москвичей приближается к работе. Общественные центры в планировочных зонах призваны создать необходимые условия для ощущения полноценной городской жизни. Исторический центр Москвы перерастает из единственного в единый, что существенно повышает его статус в жизни города, поскольку меняется мотивация и для посещения исторического центра столицы. Из всего множества функций географического центра он становится историко-культурным достоянием для всех граждан страны и ее гостей.

И только в модели градостроительства Москвы по плану 1971 г. уходит в прошлое чрезмерная интро-

вертность города, противоречащая активному развитию городской территории. Интерьерный подход, успешно реализуемый при восприятии целостности города на времена «Годунова чертежа» или даже «прожектированного плана» 1775 г., не мог и спустя два века собрать целостность громадной городской структуры при условии, что все связи в ней, начиная от транспортных и кончая управленческими, строятся через центр города. План не удалось реализовать в полной мере. Управленческие, экономические и собственно градоустроительные обстоятельства вошли в противоречие между собой. От центров планировочных зон в историю города вошли отдельные, штучные объекты. Они воспринимаются случайными и градоустроительно незакономерными. Здесь, как нигде, наглядно видно, к чему приводят чрезмерно частые изменения трактовки ценностно-целостных отношений к городским реалиям и, как следствие, повторяемые с завидной регулярностью утверждения о совершённых градоустроительных ошибках и необходимости изменения творческой направленности в архитектуре. Отсюда многие (теперь уже многие) объекты, создаваемые в одной системе ценностных координат, вынуждены жить в городе и воспринимаются в рамках иной, следующей по хронологии системе ценностей, при этом не желающей и не умеющей наследовать ее обретения. Более того, последующая отторгает предыдущую, признает ее ошибочной, не имеющей на «современный» взгляд никакой перспективы. На этом фоне фиксация 80-летия Генплана реконструкции Москвы середины 1930-х гг. в 2015 г. имеет решающее значение для понимания сути градоустроительных процессов в логике архитектоники большого времени.

Самоценность города

Проектируя и осмысливая город, мы, по сути, суммируем отдельные «тематические слои» различных профессиональных интересов применительно к градоустройству. Планировщики, транспортники, экономисты, экологи, демографы, методологи, культурологи, историки и многие другие специалисты имеют свой, годами складывающийся взгляд на развитие и судьбу города. Каждый из них добивается общего понимания своего приоритета и осознания необходимости включения именно его раздела в папку генплана. Говорить о взаимопонимании при этом становится со временем все более проблематично. Из круга профессионального внимания к

городу постепенно уходит понятие о градостроительном искусстве и вместе с ним — художественно-эстетическое осмысление целостно-ценностных отношений в градоустройстве. Город все с большим трудом внедряется в интересы научно-проектного сообщества как целостность или, точнее, как путь формирования не просто территориальной, но содержательно-ценностной целостности. Поворачиваясь к исследователям той или иной гранью, город неизбежно теряет многие смыслы, в первую очередь гуманитарные, в конструировании связей, удерживающих его целостность. Этот процесс с неизбежностью распространяется и на историческое знание о городе. Опыт 1920-х и 1930-х гг. в этой связи наиболее уязвим, поскольку, будучи экспериментальным по «духу», он притягивает к себе повышенное внимание, в том числе как «полигон» для отработки различных концепций, ориентированных, однако, на миропонимание не того, а нашего времени. Вместе с тем нельзя не зафиксировать, что в гуманитарном знании: религиозном, философском, предметном (тематическом) — именно город как целостность становится той образной моделью, что в состоянии обеспечить и удержать представления о целостности, которые столь хрупки и недолговечны в процессе творчества. Разумеется, для этого разговора я выбрал из литературы последних лет только те (минимально необходимые) работы, в том числе и зарубежные, которые вносят в заголовки понятие о городе (граде) применительно к обретению целостного знания: о религиозно-философском пути¹², классической опере¹³, русском романе¹⁴ — иными словами, об отечественных культурных ценностях, целостность которых обобщается в образе города (града).

Теперь пришло время зафиксировать несколько содержательных слоев осмысления градоустройства Москвы в его трехмерной объемно-пространственной проекции из плоскости чертежа и в динамике эволюции городского развития. Обретение такой пространственно-временной матрицы позволяет сформировать эволюцию (накопление ценностей) последовательности московских планов: фиксационных, опорных, проектных — и благодаря этому сформировать динамику (движение) знания, заложенного в проектном тексте автобиографии города.

Книги «Москва Пастернака»¹⁵ и «Москва Мандельштама»¹⁶ совместно вводят нас в первый (фундаментальный) слой формирования диалога о целостности города. При этом надо вспомнить, что И.А. Бродский называл О.Э. Мандельштама «поэтом цивилизации», а Б.Л. Пастернак с детства воспитыв-

вался в среде, одухотворенной искусством и художественной культурой. Таким образом, фиксируется формирование не просто двойного взгляда на город — общий для них объект осмысления, но и диалога для выявления закономерностей устройства генерального плана города: диалога культуры и цивилизации.

Книга Анри Бергсона «Длительность и одновременность» была написана в 1911 г. На русском языке впервые опубликована петроградским издательством «Academia» в 1923 г., в 2006 г. книга была переиздана московским издательством «Добросвет»¹⁷. Бергсон весьма емко сформулировал мотивы написания этой книги. Речь идет о новых приемах мышления, которые в гуманитарную науку, философию привнес А. Эйнштейн. Бергсона интересовало, в частности, насколько его концепция длительности соотносится с выводами естествоиспытателя.

Применительно к городу единовременность восприятия длительности и одновременности несомненно, плодотворна, особенно для выявления подлинных ценностей, послойно накапливаемых наземными (и не только) культурными слоями археологического целого городской структуры. Постепенно формируется понятие «укорененность» применительно к истолкованию того или иного места в пространстве города. Ко времени существенной активизации градостроительных дискуссий на рубеже 1920-х и 1930-х гг. этот процесс настолько окреп, что генплан 1935 г. стал планом реконструкции города, способного сохранить свои культурологические ценности. Городской контекст постепенно начинает обретать необходимое содержательное наполнение. Он усложняется, появляется буквально физически ощущаемое движение, формируется столь необходимое для понимания устройства города множество точек зрения: как буквально, — большое число точек «фотофиксации», так и определяющих разнообразие авторских позиций, вплоть до «паралаксного видения», о котором идет речь в книге Славоя Жижека «Устройство разрыва»¹⁸. Его теорию, философскую конструкцию с еще одним «слоем» истолкования города связывает предисловие к этой книге, написанное В.Л. Глазычевым: «Чтение Жижека, Делеза, да и Лакана необходимо уже потому, что это необходимая гимнастика способности к мышлению, пребывающей в большом дефиците, судя по той неспособности различить управление развитием от управления функционированием, каковую демонстрируют эконом-математически обученные новые управленцы»¹⁹.

Такой «поворот» разговора обретает свой поэтапный до поры смысл. Непреодолимая разница

между развитием (города) и функционированием (территории) создает неизбежные разрывы в «физическом теле» и интерпретации города. Со временем с ними (разрывами) приходится считаться, их надо обживать, обустраивать, превращая в «природный ландшафт», исторически сложившуюся или «благоприобретенную» городскую данность, существенно помогающие читать городские планы. Как известно, в профессиональном сообществе имеют хождение планы в разных масштабах: 1:500, 1:1000, 1:2000, 1:4000, 1:5000, 1:20 000. Карта (план) Москвы из космоса также вызывает к себе немалый научный интерес. Эти разномасштабные планы, как правило, группируются в «пакеты» научных или проектных интересов. Для одних московские планы повседневно значимы в исследовательской практике в диапазоне от 1:500 до 1:2000; у других профессиональное внимание сосредоточено на планах, предъявленных в масштабах, удобных для крупных градостроительных исследований, — от 1:5000 до 1:20 000. Обсуждая проблемы и перспективы города в целом, заложенные в его генеральном плане, неизбежно приходишь к выводу о целесообразности работать с планами во всей линейке масштабных соотношений — от карты Москвы из космоса до квартальной застройки в пятисотом масштабе.

Следующий исследовательский слой формируют материалы историко-градостроительного анализа той или иной территории города. Формирование исторических срезов — это едва ли не буквально выявить, а точнее, прошунтировать автобиографию Москвы в совокупности ее планов.

Профессиональный метод истолкования городского устройства на уровне предпроекта объединяет всегда точно выверенный, интуитивно выстроенный анализ исследователя и неуклонное стремление к синтезу, возможному в основном при переходе на проектный язык. Формируемое при этом «двуязычие» позволяет выстроить свою личную конструкцию диалога между исследованием и проектом.

Срезы позволяют воспитать в себе умение прочитывать в карте морфологические смыслы, столь необходимые в градоустройстве и архитектурном формообразовании. Применительно к картам и градостроительным схемам 1910–1930-х гг. это особенно актуально, так как в них общие градостроительные тенденции, как правило, отступают «в тень» и требуют индивидуального отношения не только к содержанию плана, но и к тому, как и в каких условиях формировались граничные условия, в которых он создавался.

*Генеральный план новой Москвы
и литературные образы города в будущем
(из опыта 1920-х гг.)*

«Между Европой и Азией лежит Москва», — писал не позднее 1928 г. искусствовед, профессор А.А. Сидоров; и дальше: «Когда-то город царей, наследница Византии, носительница фантастической идеи “Третьего Рима”. Во времена императоров восемнадцатого, девятнадцатого веков — прекрасный провинциальный город, причудливый, погруженный в себя и немного ленивый. Перед революцией — это город крупной индустрии, центр либеральной интеллигенции, гражданской оппозиции, частных коллекций, в которых Матисс и Пикассо соседствуют с иконами. Потом революционная Москва первых ужасных лет разрушений, голодная и одичавшая, близка к смерти. И сегодня красная Москва, советская столица, огромный сгусток необъятной энергии. Из всех городов Москва, пожалуй, вызывает наиболее противоречивые чувства. Имеет ли Москва лицо? Тысячу лиц? Или ни одного? Москву с давних пор называют сердцем России. Она много страдала, но по сей день динамична и жизнеспособна. Познать сущность беспокойного сердца трудно. Поэтому Москва осталась загадкой»²⁰. «Между европой и Азией...». Разумеется, речь идет не об Евразийстве в логике размышлений Л.Н. Гумилева о мeste российской культуры в истории. Здесь иное. А.А. Сидоров предлагает свою трактовку «загадки» Москвы, в которой достаточно органично в его время уживаются городской (европейский) и сельский (азиатский — в его интерпретации) уклады жизни. Между тем «прекрасный провинциальный город» должен аккумулировать «сгусток энергии» города столичного и обрести «новое лицо» или «тысячу (новых) лиц».

С этой (последней) мыслью (по Сидорову) удивительно точно и емко совпадает ощущение Москвы писателем Михаилом Осоргиным, которым открывается его роман «Сивцев Вражек» (улица в Москве, в районе Арбата): «В беспредельности Вселенной, в Солнечной системе, на Земле, в России, в Москве, в угловом доме Сивцева Вражка, в своем кабинете сидел в кресле ученый — орнитолог Иван Александрович»²¹.

Автор указывает здесь «точные координаты» конкретного места в городе, имеющего одно из «тысячи лиц» Москвы, и при этом мы понимаем, что его невозможно помыслить без реального Ивана Александровича, это место обживающего. Обживающего буквально, изнутри, в стенах «своего кабинета», т.е. своего дома, своего личного места в городе.

Что объединяет эти два текста и заложенный в них взгляд на город, кроме очевидной их временной близости между собой?

Достаточно *отстраненный взгляд на город*, естественный для обеих книг, поскольку они рассчитаны на читателя, далекого от московских реалий, мало с ними знакомого и пытающегося понять «жизнь и судьбу» (по выражению другого писателя, рассказывающего о Москве позднее — в 1940—1950-е гг., — Василия Гроссмана)²² новой столицы России из контекста совсем иной, в том числе и городской, европейской культуры Берлина и Парижа (в данном случае). Об этом стоит вспомнить чуть позже, когда речь пойдет о различных, особенно ранних, планах Москвы, дошедших до наших дней в зарубежных, в том числе и авторских, публикациях много веков назад.

Также важно обратить внимание еще на одну особенность предлагаемой нашими авторами отстраненности: они показывают (в случае А.А. Сидорова, издавшего в Берлине фотоальбом о сегодняшней для него Москве) и рассказывают (в случае М.А. Осоргина, написавшего роман о той Москве, которую был вынужден покинуть в 1922 г.) о современном им городе.

Именно о современном, хотя он вбирает в себя реалии исторического прошлого, а авторы при этом пытаются заглянуть и в будущее. Но это и не рассказ об «исторической» Москве, и не полуфантастический разговор о «городе будущего». Примеров того и другого, в том числе принадлежащих этому времени, можно привести достаточно много. В отличие от них в представленных текстах Сидорова и Осоргина установился буквально единственно возможный баланс между прошлым и будущим, который и выражает ощущение современности как единое (хронотопное, по М.М. Бахтину) представление о взаимоотношениях пространства, места и времени, точнее — о взаимоотношениях места и времени в пространстве города.

Генеральный план «Новая Москва», начатый разработкой в 1918 г., хотя и не был законодательным документом, тем не менее стал отправной точкой, основой целого ряда проектных поисков, затрагивающих и по-разному решающих как градостроительные проблемы, так и образные. Поскольку их авторы трактовали свою задачу в целом культурологически расширительно, общим для них была не просто разработка градостроительной концепции развития Москвы, но и поиски образа города будущего. Нередко они были напрямую связаны с выявлением содержания, места в городе, об-

лика гипотетического «главного здания» и отсюда — с решением силуэта города. Проблема высотности, таким образом, становится очевидной. Однако при всей ее очевидности, на первый взгляд, неожиданна множественность градостроительных концепций, порой взаимоисключающих друг друга. Ключ к обсуждению этой проблемы надо искать прежде всего в разных подходах, в разных точках зрения на то, какой должна быть Москва в будущем²³.

В этом смысле все градостроительные поиски тех лет можно сгруппировать как минимум по трем направлениям.

1. Москва, оставаясь символической столицей, перестает существовать как город.
2. Москва — город-сад.
3. Москва — крупный индустриальный урбанизированный центр.

Естественно, что с этих разных точек зрения по-разному формировались проблема высотности и логика градоустройства. Внутри каждого из этих направлений также существовало большое число самых разных, подчас неожиданных конкретных предпроектных предложений. Три указанных выше принципиальных направления в поисках образа Москвы будущего выявились не только среди архитекторов-профессионалов, но имели сторонников и в среде деятелей культуры, в том числе литераторов.

Так, например, литератор и общественный деятель А.В. Чаянов, активный приверженец первого направления, воспользовавшись формой утопического романа, переносит нас в Москву 1984 г., в столицу государства, в котором попросту нет городов, а есть лишь «место приложения узла специальных связей», «место сближения», «центральная площадь уезда», не место жизни, «а место празднеств, собраний и некоторых дел. Пункт, а не социальное существо»²⁴. Повествование позволяет проследить путь развития Москвы от Октябрьской революции практически до конца XX в. К 1930-м гг. она, по Чаянову, становится крупнейшим центром с «огромным скоплением городского населения», которое вызывает беспокойство. Пользуясь условной формой романа, автор фантазирует: последовал декрет об уничтожении городов; из Москвы вывели всю промышленность; «инженерный корпус приступил к планировке новой Москвы; сотнями уничтожались московские небоскребы, нередко прибегали к динамиту; перед разрушителями лежали чертежи Жолтовского»²⁵. К 1944 г. Москва приняла тот вид, который застал герой, перенесенный на несколько десятилетий вперед: «пропали каменные громады, когда-то застилавшие горизонт, отсутствовали це-

лые архитектурные группы, не было на своем месте дома Нирнзее... Зато все кругом утопало в садах»²⁶.

Мы далеки от того, чтобы обсуждать содержание позиции автора и как она соотносится с профессиональными архитектурными концепциями.

Другая позиция, другое направление: Москва — город-сад. И другое литературное воплощение будущего облика столицы. Вот как, например, в 1925 г. описывал Москву конца XX в. Валентин Катаев: «Непосредственно от аэродрома (на Ходынском поле. — Ю.В.) прямое как стрела шоссе вело, рассекая восточную часть города, к полноводной и широкой Москве-реке, где соединялось с Ленинским проспектом»²⁷, который такой же прямой линией вел в центр... Этот громадный мировой центр ни в какой мере не напоминал громоздкий американский сити. Вокруг не было ни стоэтажных небоскребов, ни унылых фабричных корпусов, ни рабочих предместий... Сплошная стена черемухи, стоящей в полном цвету, неслась по обеим сторонам шоссе. Изредка из зеленых облаков деревьев вдруг выскакивала графитная крыша небольшого веселого домика, тенистая площадка, еще темная и сырая от дождя. На пересечении с Ленинским проспектом... предстала центральная часть Москвы... Город шел уступами и плоскими террасами. Там было много зелени и стекла. Синие воздушные мосты сильными дугами начинались где-то в зелени и пропадали вдали... Золотые луковичы стариннейших церквей блистали антикварным золотом среди стеклянных куполов громадных, полных голубого воздуха, аудиторий и библиотек. Величественные портики и колоннады белели на яркой зелени парков. Вагоны воздушной железной дороги почти бесшумно летели над головой, скрещиваясь и расходясь... Почти везде еще сохранились кусочки старой Москвы. Крошечные церкви, часовни, трамвайные станции были бережно заключены под стеклянные колпаки... Справа от того участка Ленинского проспекта, где некогда была улица Волхонка, на месте храма Христа-Спасителя, возвышалось гигантское куполообразное здание музея Всемирной Революции»²⁸.

Итак, по Катаеву, будущая Москва — город-сад или, правильнее было бы сказать, — город в саду, в котором нет места ни «стоэтажным небоскребам», ни фабрикам, ни деловым зданиям. В центре города располагаются «полные голубого воздуха аудитории и библиотеки». В соответствии с таким представлением о предназначении столичного города его содержательным, смысловым и символическим центром становится «гигантское куполообразное здание музея Всемирной Революции».

В том же 1925 г. один из литературных героев другого писателя — Алексея Толстого, архитектор по профессии, представлял себе будущую Москву, состоящую в основном из тех же компонентов, что и у Катаева. Однако, проектируя ее, он «впускал» в город не только сады вдоль Москвы-реки, но и уходящие к звездам дома-великаны. «...Сейчас, уходя вниз, к пышным садам Москвы-реки, — рассказывает о своем проекте будущей столицы герой Алексея Толстого, — стояли в отдалении друг от друга уступчатые, в двенадцать этажей, дома из голубоватого цемента и стекла... Весенняя влажность вилась в перспективах раскрытых улиц, между уходящими к звездам уступчатыми домами, и их очертания становились все более синими, все более легкими»²⁹.

Широко публиковавшиеся материалы профессиональных градостроительных и литературно-образных разработок являют собой как бы два «полюса» единой проблемы формирования представлений об облике Москвы будущего.

Это привело к потребности и самим профессионалам-архитекторам попытаться перевести свои представления о перспективах Москвы с языка архитектурной графики на широко доступный язык публицистики и тем самым добиться общего представления, единого понимания проблемы развития столицы.

В архиве сохранилась неопубликованная до поры статья одного из авторов первого генерального плана Москвы А.В. Щусева, которую автор назвал «Полет над Москвой 1950 года». В ней Щусев словно сводит воедино оба полярных направления футурологических предложений. Под его пером генеральный план как будто приобретает третье измерение и перспективные виды, нарисованные на подрамниках в мастерской Моссовета, становятся живой наглядной перспективой будущей Москвы.

Композиционный центр столицы — Кремль превращен в музей. Правительственные здания вынесены в Петровский парк, частью превращенный в общественный центр. Вблизи, на Ленинградском шоссе, размещены центральные государственные учреждения. Здания для них построены в виде дворцов с замкнутыми парадными дворами, анфиладами зал и кабинетов. Со строительства этих зданий начнется планомерная застройка северо-западной части города. Силуэт города обобщенно напоминает конус. В центре — башни-небоскребы. От центра к периферии застройка понижается до трех этажей. Правда, по мысли Щусева, высотные здания, «редко поставленные», возможны и на окраинах, например на Ходынском поле. Большое

внимание Щусев уделяет облику центра города. Его основу составляет система увязанных между собой площадей — Красной, Свердлова, Революции, Охотнорядской, где высится гигантское здание Дворца СССР. С новой площадью Румянцевского музея Красная площадь связана бульваром. В Китай-городе — торговый центр с трехъярусным, в виде бетонных террас Зарядьем, где сооружены высотные здания современного типа³⁰.

Обратим внимание еще на две особенности будущей Москвы, которые, по Щусеву, не исключают друг друга. С одной стороны, в городе сохраняются практически все архитектурные памятники как одно из наиболее активных средств формирования его единой пространственной среды, а с другой — неотъемлемой частью столицы становятся промышленные районы. А. Щусев писал по этому поводу, что «при постройке новых фабрик и заводов возникает новая струя архитектурного и инженерного творчества. Фабрики сами по себе для зодчего современности представляют чрезвычайно интересный объект в смысле творчества. То, на что ранее обращалось внимание лишь как на утилитарную необходимость, ныне является символом коллективного труда с его безграничным развитием. Начиная со способов конструкций, эти здания по своему колоссальному масштабу уже представляют большой интерес, а комбинация стен и пролетов, плоскостей, цилиндров, кубов, конусов и труб дает те элементы новой архитектуры, о которых мечтают современные зодчие»³¹.

Как мы видим, образная концепция будущей Москвы, принадлежащая Щусеву, не может быть отнесена ни к одному из упоминавшихся выше направлений развития столицы. Включая в себя отдельные содержательные элементы каждого из них, она дает своеобразный сплав: в облике Москвы мы находим черты города-сада, которому не чужды, однако, ни небоскребы, ни промышленные сооружения, ни памятники старины.

Чтобы понять, каким образом могла сложиться в единое целое такая сумма представлений о Москве, надо вернуться несколько назад и вспомнить об истоках формирования идей первого генерального плана Москвы. Как уже говорилось, основными его авторами были А.В. Щусев и И.В. Жолтовский. И в проекте генерального плана, естественно, отразились личный опыт и пристрастия обоих. Удивительным образом сплелись склонность Щусева к древнерусской архитектуре и знание Жолтовским архитектурной классики. Щусев исходил в общей работе из восстановления традиционной плани-

ровки Москвы XVII — начала XVIII в. Жолтовский же работал над проектом, основываясь на своей теории статического и динамического, по которой в общих чертах город, представляющий собой законченный художественный организм, должен иметь статическое, т.е. главное, определяющее начало. Применительно к Москве таким статическим началом, вокруг которого формируется вся композиция, становится Кремль. Организация городского плана, его центральных площадей и улиц, играющих здесь роль динамического начала, подчинялась этой композиционной доминанте³². Кроме того, как писал Щусев, работу над планировкой Москвы авторы понимали как «научно-проектировочную». Цель ее видели в создании плана реконструкции Москвы на новых социальных основах, и поэтому своими непосредственными предшественниками считали авторов проекта перепланировки Парижа, выполненного во времена французской революции³³.

Общность понимания социальной основы будущего развития столицы и удачное наложение друг на друга разных авторских концепций стали необходимым и достаточным условием для совместной работы над генеральным планом «Новая Москва». Содержательная его основа имела фундамент исторической традиции, а общие результаты ее, уходя в далекую перспективу, по своему масштабу поднимались до уровня лучших социально-градостроительных утопий.

Однако такой подход к формированию идеи города будущего составлял только одно из реально существовавших направлений профессиональной трактовки развития и реконструкции Москвы, что порождало многочисленные дискуссии с остроумными выступлениями в профессиональной печати. В частности, уже в 1921 г., т.е. практически еще в период работы над генеральным планом, Эль Лисицкий резко критиковал подход его авторов к решению проблемы. Вслед за этой критикой Лисицкий сам выступает с проектом частичной реконструкции Москвы. Утверждая, что доставшиеся нам в наследство города плохо отвечают современным нуждам, он в то же время понимал невозможность «сбросить» их с сегодня на завтра и «правильно» выстроить. Поэтому Лисицкий, как и авторы генплана, исходил из сохранения радиально-кольцевой структуры города. Но при этом он не только не тяготел к прошлому, но старался максимально преодолеть его, насыщая свой план острохарактерными чертами современности.

Радиально-кольцевая система города как исторически сложившаяся в Москве присутствует и в

проекте Щусева—Жолтовского, и в проекте Лисицкого. Но если в первом случае она понимается как одна из самых лучших, наиболее приемлемых и для города в будущем (и потому максимально сохраняется), то во втором, воспринимая ее как реальность, но полагая, что она обладает целым рядом недостатков, Лисицкий пытался максимально их преодолеть. В частности, он считал, что в местах пересечения кольцевых магистралей с основными радиальными возникают «критические точки», которые рассматривались автором как система площадей, расположенных по кольцу «А». Эти площади, трактованные как «узлы» единой общегородской транспортной магистрали, Лисицкий предлагал застраивать «горизонтальными небоскребами» — крупными горизонтально протяженными зданиями, поднятыми высоко над землей на трех вертикальных опорах. Под небоскребами проектировались органично с ними сочетающиеся станции метрополитена, а на земле у их опор — остановки наземного транспорта.

Строительство зданий, высоко поднятых на опорах вверх, не просто позволяло отводить для них незначительное количество всегда ценной в центре города земли, но и давало возможность «оторвать» их от существующей застройки. Восприятие нового и старого города как бы в двух планах, в двух измерениях создавало единую пространственно-целостную структуру города. Таким образом, в проектном предложении Лисицкого исторически сложившаяся ткань города сохраняется, а новый облик столицы создается на контрастах прошлого и будущего. В этом облике «горизонтальным небоскребам» отводилось существенно важное место. Они были призваны дать новые масштабные соотношения городу, «в котором человек сегодня больше не мерит собственным локтем, а сотней метров», а также сделать ясной ориентацию в городском пространстве, поскольку сама постановка «небоскребов» должна была указывать направление движения — к Кремлю или от него, вдоль бульвара или в обратную сторону³⁴.

Градостроительное искусство

Важно зафиксировать, что именно в понимании сути городской проблематики, устройства города и формирования городской культуры встречные потоки градоустройства находят гармонию существования, растворяясь в реалиях городской жизни или формируя их. Город не просто примеряет их на себя или примиряется с ними, а в диалоге идущих друг другу навстречу, внешне разнородных

и едва ли, на первый взгляд, совместимых потоков творческих усилий черпает силы для своего становления — возрождения.

В 1926 г. Н.М. Бахтин (старший из братьев) писал: **«Всякое подлинное творчество сознает себя не как начало или продолжение, но как Возрождение — так может быть сформулирован этот единственный закон»**³⁵ (выделено мною. — Ю.В.).

Только один связанный с этим пример. «Сделанная» живопись П.Н. Филонова, родившегося в Москве, заинтересованно всматривается в город, жизнь и устройство улицы. Разумеется, для художника город — скорее понятие, нежели реальность. Он создает, «делает» свой умозрительный город (1910–20-е гг.). При этом город, улица, многочисленные беспредметные композиции, которые воспринимаются (в том числе и по технике живописи, и по строю картины) как фрагменты «проектируемого» художником города, реализуют выдвинутый Филоновым «принцип сделанности». Сделанность у П.Н. Филонова сближает аналитическую живопись с аналитической философией своего времени как метафору общности, совместимости несовместимого и доказательство принципиальной возможности сосуществования противоборствующих противоположностей. Он ищет художественные приемы «сделанности» для их целостного восприятия.

Они методологически корректно развивают логику формирования нового гуманитарного знания, зафиксированного А.А. Богдановым в его книге «Тектология» (всеобщая организационная наука или гуманитарная наука о строительстве, 1914). Нет необходимости останавливаться здесь на том, что в архитектурно-градостроительном деле «Тектология» по сей день задействована существенно меньше, чем, в частности, в кибернетике, если задействована вообще. Но К. Фремптон, и в наше время — один из не только старейших, но авторитетных лидеров архитектурной и градоведческой науки, упоминает Богданова именно как автора «Тектологии» среди основоположников архитектурного авангарда в нашей стране.

Градостроительное искусство и на практике, и в знании, в первую очередь в гуманитарном знании о градостроительстве, становится, точнее может и должно стать, вровень с градостроительной наукой, впечатленной в наши дни открывающейся перед ней возможностью стать строгой (по определению) наукой — урбанологией. Однако нет иного способа возродить полноценно целостное восприятие города, как воссоздать внутрипрофессиональный диалог градостроительной науки и градостроительного

искусства, обеспечивающий и создающий вновь условия для культурологически емкого жизнеустройства в каждом конкретном городе. При этом город не только объект осмысления и проектирования. Он становится полноценным участником процесса своего становления и саморазвития. Надо только проявить заинтересованность в партнерстве с городом в полномерном, действительно системно всестороннем выявлении его устройства и закономерностей, формирующих «события исчезающего вдали будущего». В противном случае вновь создаваемые на основе Градостроительного кодекса правила градоустройства скорее нанесут новые травмы городам, нежели будут способствовать их полноценному совершенствованию.

Н.А. Ладовский, И.И. Леонидов, К.С. Мельников, М.Я. Гинзбург, как впрочем, и некоторые другие Мастера, и в иные годы умели вступать в диалог с городом и благодарно использовать в своем творчестве его «подсказки». Распознавание «образов города», доступное науке о градостроительном искусстве, может предоставить широкую палитру для творческого осмысления историко-культурного потенциала и объемно-пространственной структуры города, диалога Мастеров архитектуры с городом, формирующего в итоге основания для стилового единства Места.

Мало кто вспоминает, что одновременно с градостроительной концепцией развития Москвы — параболой, кстати осмысленной автором не только в схемах, а и в наложении на реальную карту Московской губернии, Н.А. Ладовский получил авторское свидетельство на прием массового промышленного домостроения на основе сборного железобетонного каркаса, обустраиваемого ячейками — «жилыми кабинами» заводского изготовления.

Иными словами, Ладовский одновременно озабочен поисками ответов на вопросы, Что и Как строить в Москве на перспективу.

Именно в таком подходе, когда территориальное планирование и его проекция в пространство неразрывны в едином объемно-пространственном решении обустройства конкретного места в городе, формируется творческая программа в границах градостроительного искусства, жизненно необходимая для полноценно содержательного обеспечения создаваемой проектной концепции.

С этой точки зрения представляет серьезный методологический интерес обращение к книге Н.А. Милютина «Соцгород» (1930)³⁶. По мнению автора книги, наиболее перспективными архитекторами-градостроителями зарекомендовали себя (ко

времени написания книги) Ле Корбюзье, В. Гропиус, М.Я. Гинзбург, Веснин (видимо, А.А. Веснин — Ю.В.) и И.И. Леонидов. Милютин оказался прав, все они действительно вошли в историю, но в основном как архитекторы-объемщики. На мой взгляд, это ни в коей мере не противоречит мнению Милютина, поскольку он вводит их творчество в границы градостроительного искусства, подчеркивая реализацию планировочных задач и объемных композиций как единого, неразрывного концептуального целого.

Возможно, благодаря в первую очередь этому «тезису» о единстве, общности, целостности плоскостного и объемно-пространственного проектирования, книга Милютина обрела уникальную, едва ли не исключительную судьбу. То, что ее и по сей день, как никакую другую, переводят с русского на различные европейские языки, говорит о ее востребованности. Она по-прежнему, как и 80 лет назад, сохраняет актуальность для теории и практики градостроительства как «руководство к действию» **всегда в настоящем времени**. При этом понятие «сохранение» сохраняет и свой первозданный смысл: книгу издают и в XXI в. едва ли не факсимильно, стараясь максимально удержать и передать современному читателю «дух времени», интонационную его окраску, столь многозначительно переданную в ее книжном макете 1930 г.: горизонтальном формате, оформлении, написании шрифта, характере и подборе иллюстраций. Из числа последних изданий — перевод на французский язык с предисловием профессора, иностранного члена РААСН Ж.-Л. Козна (2002) и перевод на немецкий язык с предисловием архитектора Д.С. Хмельницкого (2008). Последний издан в виде двухтомника (на русском и немецком языках) в общем коробе и полиграфическом оформлении, неукоснительно сохраняющем образ оригинала. В Москве в 2007 г. после долгого ожидания вышла книга Ю.П. Бочарова и С.О. Хан-Магомедова о Н.А. Милютине. В 2012 г. была издана книга Е.Б. Овсянниковой «Соцгород Н.А. Милютина».

Единовременное существование книги Милютина в том и нашем времени позволяет говорить о его (времени) протяженности и, как следствие, по-новому осознать содержание понятия «современность».

И.И. Леонидов — один из лидеров ОСА (Объединение современных архитекторов), осмысливая, где и как разместить Институт Ленина на Воробьевых горах, буквально по горизонталям рассчитал постановку его не на бровке (как ошибочно представляется многим), а на склоне. Такое решение существенно повлияло на восприятие сооружения,

которое смотрится не просто на фоне неба, а встроенным, укорененным в природное окружение. При этом Леонидов поставил институт не на ось, соединяющую его с храмом Христа Спасителя (ко времени проектирования он не был разрушен), а отодвинул здание от оси, «положив» на нее дорогу-луч, идущую от храма вдаль — в бесконечность. Казалось бы, это нюансы, частности, но именно они делают город полноценно запроектированным городом.

Поэтому сегодня, обсуждая проблемы формирования предмета охраны, в первую очередь, районов жилой застройки 1920–1930-х гг. в Москве, важно, чтобы наряду с материально очевидными их ценностями на первый план выходили и планировка территории, и дворовые пространства, и ракурсы, и градостроительная многофункциональность. Такой подход позволил, в частности, сохранить иофановский поселок в Москве, созданный на основе уникального сплава возрожденческой по своей природе планировки кварталов, «вывезенной» Б.М. Иофаном из Италии, с конструктивистским в своей основе подходом к планировке и застройке, обретенным им в Москве

Диалог с городом, выявление ценностных особенностей, индивидуальности того или иного места в городе — одна из знаковых черт градостроительного искусства как основы, а точнее — первоосновы, «архепрофессиональных» усилий по формированию приемов устройства структуры и целостности города на разных этапах «большого времени» в его жизни.

Из опыта рефлексии 1960-х гг. на 1920-е уместно сослаться на конкурсские проекты 1961 г. для московской ЭКСПО-67, в частности на проект Л.Н. Павлова и его живописный цикл 1966 г. В картине — образе генерального плана центра Москвы — единовременное существование открытой параболы Москвы-реки и закрытой радиально-кольцевой системы обнажает хрупкость, едва ли не на пределе возможного, их совместного существования. Павлов со всей очевидностью раскрывает позицию, занимаемую им, в пользу решительного предпочтения открытой системы организации структуры города. В его проекте международного «выставочного города» предлагается организовать выставку вдоль Москвы-реки от ЦПКО им. Горького к Ленинским (Воробьевым) горам. И то, что в контексте конкурса проект Павлова оказался неуместным, не снижает его ценности, а убедительно подчеркивает именно естественность для этого мастера хронотопного, стратегического по своей природе миропонимания архитектурного устройства большого времени. При этом Л.Н. Павлов неоднократно подчеркивал

преемственность и неотрывность своих взглядов на градоустройство с творчеством И.И. Леонидова.

Архитектоническая лепка формы архитектурного объема на картинной плоскости и возвращение его образа в обратной проекции из плоскости в пространство активно сближают живописный цикл Л.Н. Павлова с аналитической живописью П.Н. Филонова. И если для авторов публикаций о Филонове вполне естественно рассматривать его творчество как едва ли не самостоятельное, но во всех случаях — самоценное проявление модернизма, то живописный цикл Л.Н. Павлова можно воспринимать как одно из направлений развития (в новое время) аналитического искусства, восходящее к авторскому его пониманию Художником.

Живописная работа П.Н. Филонова 1920-х г. «Формула Вселенной (Земля в пространстве)» позволяет сформировать один из возможных образов архитектурно-градоостроительной длительности во времени объемно-пространственных универсалий. Кольцо как геометрическая форма, которая легла в основу конкурсного проекта под руководством Я.Б. Белопольского на том же конкурсе ЭКСПО-67 в Москве, в таком контексте с очевидностью перерастает только космическую тематику (именно этим, как правило, ограничивается разговор о концепции проекта в литературе об этом конкурсе).

Урбанисты и дезурбанисты: культурологический эксперимент

А.С. Ахиезеру принадлежат основные социокультурные характеристики урбанизации в России. Их достаточно много. Напомню только некоторые из них, наиболее существенные для нашего разговора.

«1. Слабость развития урбанистической культуры, слабость творческого потенциала урбанизации, которая является в истории импульсом для развития общества, каждого человека. Формирование ее двуединого механизма не достигло завершающей стадии, когда урбанизация становится мощной движущей силой развития городской цивилизации современного общества...

3. Раскол отношений города и деревни, что выражалось в угрозе распада базисных интересов общества, в хронической неспособности наладить по сей день механизм “смычки города и деревни”, в неспособности общества сформировать органическое взаимопроникновение города и деревни, как культурное, так и хозяйственно-экономическое.

4. Урбанизация, напряжение урбанизированной городской культуры (конструктивная напряженность) не смогли достигнуть уровня, способного создать культурную основу для интенсификации сельского хозяйства, для его качественного перелома...

8. Слабость городов как центров интеллектуализации общества, как субъектов осевого времени...

10. Административное вмешательство в развитие поселений приводило к разбалансированию развития общества между юридически или фактически принадлежащей стране территорией и развитием городов, вообще сбалансированным расселением (например, перенаселенность в городах могла сочетаться с обезлюдением межгородских пространств, что проявилось, в частности, в недостаточном количестве городов для подъема межгородских территорий...

Эта слабость городов в качестве синтеза, необходимого для культурной интеграции, подъема территорий, противостоит опыту Запада, где еще в начале Нового времени “структурным стержнем Запада” оказался пояс земель, где преобладали союзы городов (балтийская Ганза, Фландрия, Швейцария, итальянский Север)...

Этот текст А.С. Ахиезера опубликован в 2006 г. в книге «Труды», в том ее разделе, который озаглавлен «Специфика российской истории»³⁷, и несколько дальше он пишет: «Каждое общество воспроизводится через воспроизводство “конструктивной напряженности”, т.е. культурно-содержательной направленности мышления и деятельности любого субъекта на утверждение ценностей общества...»³⁸.

Я хотел бы сосредоточиться на показе возможностей и отдаленных следствий конструктивистской методологии применительно к обсуждению урбанистической проблематики в 1910–1930-е г., поскольку есть основания соглашаться с Ахиезером в том, что проблемы урбанизации (в самом широком диапазоне содержания этого понятия) еще далеки от своего благополучного разрешения.

Для этого нам вновь придется вернуться на 80–85 лет назад и вспомнить основные «фрагменты» конфликта концепций урбанистов и дезурбанистов в 1920-х г.

Исторические события тех лет и то, как формировались реальные тенденции (урбанистические и дезурбанистические), изложены в двухтомнике С.О. Хан-Магомедова³⁹. При этом С.О. Хан-Магомедов достаточно беспристрастно, как бы отстраненно реконструирует общую картину непростых взаимоотношений, сложившихся в ОСА к этому времени. И я думаю, что расслоение участников Объединения

на приверженцев системы соцрасселения и дезурбанистов — скорее следствие этого процесса, нежели его причина. Но это ближе к финалу этих событий. А в начале? Очень важно, что формирование «лабораторного эксперимента» по осмыслению двух концептуально разных подходов к организации системы расселения: урбанизированной, так как ее интерпретировал Л.М. Сабсович, и дезурбанистской, в понимании М.А. Охитовича — на первых этапах ее формирования происходило в границах «конструктивного напряжения».

Надо зафиксировать, что на этот эксперимент пошли именно лидеры ОСА: А.А. Веснин и М.Я. Гинзбург, взяв на себя вполне жестко регламентированные ролевые функции. Первый стал лидером урбанистического направления, а второй представлял интересы дезурбанизма. Конструктивистский метод заработал в полной мере.

А дальше С.О. Хан-Магомедов не просто описывает, как дискутировали между собой не только представители и лидеры этих течений, но и приводит факты, позволяющие понять, на мой взгляд, истинную картину происходившего в те годы.

Здесь нужно сделать одну очень важную оговорку. Мы обсуждаем взаимоотношения между урбанистами и дезурбанистами сегодня, спустя 25 лет бытования в постсоветском пространстве. Это одна сторона дела и следствие ее — социоэкономические концепции Сабсовича и его оппонента воспринимаются теперь совсем на другом интеллектуальном фоне, нежели это было возможно (доступно), скажем, четверть века назад.

С другой стороны, нельзя не зафиксировать внимание на том, что за это время в мире опубликовано великое множество книг и других крупных работ о *методологии конструктивизма* и о роли в его становлении архитектуры советского авангарда. На этом фоне концепции соцгорода и дезурбанизма из сегодняшнего дня воспринимаются полноценно, только «поменявшись местами». Строго говоря, идеи Сабсовича лимитировать развитие городов малой численностью 30–50 тыс. жителей (уже тогда, кстати, не могли понять, каким образом ограничивать, лимитировать численность населения в них) в предлагаемой им логике приводили к тому, что речь шла не столько о городах, сколько о рабочих поселках (слободах) при крупном производстве. Исторические города просто выпадали из такого рассмотрения. Они, равно как и крупные города, становились скорее исключением из правила, поскольку практически не участвовали в сложении вновь обретаемой системы урбанизации.

Дезурбанисты были ближе к идеям подлинной урбанизации в организации пространства. У меня складывается впечатление, что лидеры течений понимали это и не зря в редакции журнала СА было принято решение отдать целый номер под изложение концепции дезурбанистов. Закономерно парный ему выпуск журнала с предъявлением позиции «урбанистов», как я понимаю, даже не формировался.

Несколько дополнительных штрихов: в статье, оценивающей деятельность дезурбанистов с точки зрения их оппонентов, нет ни конфронтации, ни критики, ни дискуссии.

В теоретических «тезисах» противостояние дезурбанистов и их оппонентов не прочитывается. Если оно и возникает, то только при обсуждении проектов, а главное, в разном восприятии актуальности времени.

Основная группа членов Общества современных архитекторов озабочена реализацией идей градоформирования уже сегодня, немедленно. Дезурбанисты работают на будущее, допуская необходимость переходного периода в то время, когда подлинно урбанистические идеи станут актуальными.

Строго говоря, между ними не было и не могло быть конфликта, так как они работали на разное время, полноценно дополняя друг друга. Их разработки при желании методически легко «складывались». «Линейный город» дезурбанистов мог вобрать в себя соответствующим образом сформированную систему соцгородов — поселков при производствах.

Секция социалистического расселения (дезурбанисты) для переходного периода предложила четыре основных принципиально различных способа планировки, каждый из которых был обозначен своим термином: «дезурбанистическая», «децентрализованная», «ацентрическая», «дисперсивная». При этом, как пишет Хан-Магомедов, «первые три типа планировки определялись как переходные, а четвертый — как последовательно социалистический».

Этот последний тип планировки — «дисперсивный» (собственно социалистический) — предназначался для районов, где можно было организовать объединение интересов сельского хозяйства и производства и тем самым озаботиться преодолением противоречий и разночтений в качестве сельской и городской жизни. (На что обращал внимание в одном из своих тезисов А.С. Ахиезер.)

В докладе заказчика работ Секции — Президиума Госплана — эти четыре типа планировки прозвучали несколько мягче и информативнее: «первый тип — это экономический район или, вернее, микрорайон, причем, каждый район имеет свою опре-

деленную физиономию, которая у разных районов бывает различна.

Второй тип: сейчас и американцы, и наши строители строят нам предприятия — гиганты, да и старые наши гиганты, которые пользуются еще старой техникой, мы их разгрузить не можем...

Третий тип — для регионов чисто добывающих, где нет центров.

Самый последний тип — это когда добывающий район делается одновременно и центром обработки... Это уже планировка дисперсная»⁴⁰.

Отмечу, что обсуждаемых планировок четыре, и это дает основание говорить об объемлющей целостности методологического подхода к формированию концепции дезурбанистов в границах их собственно архитектурно-строительной деятельности. Поэтому выглядит вполне закономерным, что при переходе команды М.Я. Гинзбурга в 1931 г. в Гипрогор (без М.А. Охитовича) их подразделение называлось «Секция сборного строительства и планировки».

Уместно вспомнить, что Н.А. Ладовский к этому времени (с 1928 г.) возглавил выделившуюся из АСНОВы АРУ (Объединение архитекторов-урбанистов) и ему принадлежит концепция планировочной схемы динамического города и неотъемлемая его часть — авторское свидетельство на жилище из сборного железобетона с объемными жилыми ячейками-кабинами. Эта работа Н.А. Ладовского как бы выполнена по плану «секции сборного строительства и планировки» Гипрогора под руководством М.Я. Гинзбурга.

Максимализм в постановке задачи и формулировке методологии ее решения привел к тому, что профессиональные интересы и возможности методологии конструктивизма и рационализма нашли уровень взаимопроникновения, взаимодополнения. Профессия архитектора набрала в нашей стране действительно максималистскую высоту. Но к этому времени кончился 1931 г. и уже очень скоро интересы и задачи архитектуры переместились в другую плоскость. Конструктивистский метод должен был искать себе иную сферу приложения усилий. Конструктивистское напряжение в архитектурно-строительном творчестве на время оказалось не востребовано.

*«От существующего к возникающему».
Зеленый город и другие...*

Интерес к опыту архитектуры и градостроительства 1920–1930-х г., в первую очередь в Москве,

устойчиво сохраняется по сей день и, видимо, еще долго не будет «отпускать» от себя исследователей в самых разных странах. Подтверждение тому — многочисленные выставки (каталоги), книги и другие крупные публикации в самых разных странах, которые во множестве появляются вплоть до наших дней и исчисляются уже многими сотнями. Самые разнообразные аспекты экспериментального творчества в эпоху советского авангарда обсуждаются в них. В первую очередь это и роль утопического сознания в социально-экономическом эксперименте, и опыт обретения нового в архитектурно-художественном формообразовании, и становление универсальной методологии организации пространства, и поиски современных приемов градостроительства и градостроительства.

Я сознательно привожу этот перечень, связывая перечисление союзом «и», который по удачному и своевременному наблюдению художника Василия Кандинского должен был символизировать объединительное, системное, архитектурное по своей природе Начало (архе — в его античной интерпретации) подлинно творческого мышления: стремление к обретению и устройству целого⁴¹.

В этой связи взаимоотношения и профессиональный диалог архитектуры России и Италии — особая тема. Она имеет глубинную историю и, на мой взгляд, применительно к XX и XXI в., к советскому времени и к нашим дням еще недостаточно изучена. Исследования самой различной проблематики в границах этой темы имеют весьма плодотворную перспективу, равно как академическую — обретение нового знания об истории этих взаимоотношений, так и практическую, способную оказаться действительно полезной в реальном проектировании и осмыслении практики современного градостроительства, а также при поиске наиболее перспективных подходов к сохранению наследия, в первую очередь градостроительного наследия 1920–1930-х г. Достаточно внимательно вчитаться в книги М.Я. Гинзбурга — одного из основоположников, теоретиков и лидеров конструктивизма в России, автора знаменитого экспериментального жилого дома на Новинском бульваре в Москве (Дома Наркомфина, 1927) и целого ряда иных проектов, в том числе и градостроительных — дезурбанистических по своему концептуальному видению, чтобы понять, как наследие итальянской классической архитектуры вросло в логику формирования, теорию и практику конструктивистского метода. Короткое тому подтверждение: книга известного и популярного в конце XIX — начале XX в. француз-

ского искусствоведа и писателя Габриэля Сеайля «Леонардо да Винчи как художник и ученый (1452–1519). Опыт психологической биографии» была издана в 1890 году, спустя восемь лет — переведена на русский язык. Уверен, что она не могла пройти мимо внимания М.Я. Гинзбурга — выпускника Миланского политехнического университета, равно как и роман Дмитрия Мережковского «Воскресшие боги. Леонардо да Винчи», над которым автор работал в 90-е гг. XIX в. В 1895 г. Мережковский публикует в журнале «Северный вестник» стихотворение «Леонардо да Винчи», в нем уже можно увидеть основу той концепции, вокруг которой формируется и содержание романа, и его прогнозное предназначение, и основания современного прочтения проблемы преемственности.

«Пророк, иль демон, иль кудесник,
Загадку вечную храня,
О Леонардо, ты — предвестник
Еще неведомого дня».

Спустя два года в журнале «Космополис» Мережковский публикует очерк по впечатлениям своего путешествия на родину Леонардо «Селение Винчи (из путевого дневника)». Оговорю сразу, чтобы быть правильно понятым: я не выстраиваю прямой преемственности между эпохой становления возрожденческой культуры и мировосприятием архитектурной культуры в первой трети XX в. в России. Хотя уместно вспомнить, что спустя уже 2–3 года после проведения конкурса на концепцию «Зеленого города» о наследии архитектуры Возрождения и ее античных истоках в России стали говорить едва ли не больше и заинтересованней, чем где бы то ни было. Задача значительно лаконичнее, хотя бы потому что Эпоха нового «Большого стиля», основы которого, по аргументированному мнению М.Я. Гинзбурга (в книге «Стиль и эпоха»), формировались в 20-е г. прошлого века, по сей день не сложилась. Мастера 1920-х г., таким образом, по сути, также «предвестники еще неведомого дня...».

В книге М. Мериджи «Зеленый город и другие...» обсуждается один из на первый взгляд малых, конкретных, сугубо профессиональных вопросов градостроительства в советской России на переломе 1920–1930-х г.: проектирование маленького, по сути сезонного (для летнего отдыха) населенного пункта под Москвой. Однако все проблемы, переживания, как общественные, так и профессиональные, с этим связанные, требуют глубокого проникновения в содержание проблемы и точности в выборе методоло-

гии исследования, которые могут быть продиктованы опытом и едва ли не интуитивно сформированы. Но такие интуиции, как известно, складываются годами искренне заинтересованного обретения разнообразного знания. Это, как правило, фокусирует зрение исследователя на главном в предмете своих занятий. На мой взгляд, в фокус внимания авторов книги о Зеленом городе попало действительно едва ли не самое существенное и для понимания взаимоотношений культуры и уровня развития цивилизации в советской России в 1920–1930-е г., и для формирования логики преемственности в применении методологических универсалий, вырабатывавшихся в экспериментальных творческих поисках тех лет, их диалога с сегодняшним днем. Речь идет о драматических взаимоотношениях города и деревни, городского и сельского (деревенского) укладов жизни, урбанистов и дезурбанистов как представителей двух как бы противоборствующих профессиональных подходов в градостроительстве тех лет и др.

Вернемся к публикациям о Леонардо да Винчи в России 90-х г. XIX в. (их, кстати, существенно больше, чем те два научно-художественных, документально-исторических романа, о которых мы вспоминаем в этом тексте). Почему они оказались столь важны для понимания работы итальянских коллег? Оба автора, и Г. Сеайль, и Д.С. Мережковский, совершили путешествие на родину Леонардо да Винчи. Вспомним, как назывался очерк Мережковского об этом путешествии: «Селение Винчи (из путевого дневника)». А как это место в переводе на русский язык звучит в романе Г. Сеайля? «Винчи — маленькое местечко».

В разнице традиций восприятия места в России и вне ее — в западной культуре и кроется различие того, в каком же населенном пункте родился Леонардо: в том, где исторически сформировался уклад жизни, основанный на крестьянском труде, связанном с землей, или в том, где большая часть жителей — уже наемные рабочие, горожане, как правило, в первых поколениях? «Местечко» или «селение» — в данном случае очень важное различие для уяснения проблемы. Местечко, на слух русскоговорящего человека, — маленький, провинциальный, весьма небогатый, но все-таки больше город, нежели село. Селение, в устах Мережковского, — это скорее богатое, зажиточное, крупное, но все-таки село — деревня, а не городской «населенный пункт». Суть этого двойного содержания образа и уклада жизни — одновременно крестьянского, деревенского и городского (пожалуй, важно подчеркнуть, что именно в такой последователь-

ности) — и легла в основание многих теоретических, экспериментальных, проектных поисков в 1920–1930-е г. В формировании государственной градостроительной политики закрепилось понятие «поселок городского типа», фиксирующее двойное по существу содержание жизни, при котором большинство жителей совмещали, чаще всего посезонно и крестьянский труд на земле, и наемный — на производстве.

Поселки городского типа в основном формировались при различных производствах, но кроме этого были и поселки-курорты, для сезонного отдыха — дачные поселки для горожан, которые хотелось создавать с учетом городского уклада жизни дачников. Однако сельский труд для большинства из них был неизменной потребностью. Сосуществование двух укладов жизни становилось непреодолимой необходимостью большинства для горожан в первом поколении.

Дворянская усадьба (отчасти), загородная дача зажиточных горожан на рубеже XIX и XX вв., а также село, деревня, местечко, поселок городского типа — самые разные уклады жизни, в том числе и вновь обретаемые, а точнее, предполагаемые в недалеком будущем, закрепились участниками многочисленных конкурсов тех лет (конкурс на «Зеленый город» — поселок под Москвой — один из наиболее ярких из них по составу участников и результатам). Авторы пытались так или иначе слить в единое целое нового по сути, отвечающего современному для 1920-х г. социально-общественным и экономическим условиям проживания, и вбирающим в себя представления о том, каким может быть жизнотворчество и, как следствие, градостроительство в неотдаленном будущем и (неизбежно) свои личные переживания и опыт прошлой жизни.

Жизнеустройство и градостроительство, реализующее широко известную «формулу» отца Павла Флоренского: «Миропонимание — это пространствопонимание» — имеют значимую перспективу. И именно ему (Флоренскому) принадлежит ставшая впоследствии еще более популярной (поскольку современные авторы именно с ней связывают «генетические» корни топологии как современного нам способа описания пространства и пути) концепция перехода из плоскости в пространство, изложенная в книге «Мнимости геометрии», опубликованной в 1921 г.⁴²

Почему об этом нельзя не вспомнить здесь? Потому что многолетние усилия по изучению советской архитектуры 1920–1930-х гг. в прошлого века и современные градостроительные эксперименты

для Ломбардии и других мест Италии, в иных странах на Западе и Востоке, вплоть до Китая, изначально реализуются в рамках градостроительного искусства — метода, вбирающего в себя интересы планировочного (на плоскости) градостроительного мышления и объемного, размышляющего о градостроительстве в границах объемно-пространственной композиции (организации).

Это одна из наиболее глубоких и сложных, но во всех случаях неотъемлемых сфер профессионального, творческого, собственно архитектурного проникновения в проблематику градостроительства. Урбанистическая наука во всем своем многообразии не может исключить градостроительное искусство из размышлений о городе.

Особенно это методологически ощутимо при осмыслении взаимоотношений городского и сельского укладов жизни. Размышления об этом опять становятся актуальными. Я пишу — «становятся», как и «современность» — наши коллеги в 1920-е г. в настоящем, текущем времени, т.е. актуальны они и сегодня, спустя едва ли не век.

В чем специфика, уникальность, единичность и прогнозная перспектива советского эксперимента в 1920-е г. в сфере градостроительства? Не выходя далеко за интересы этой работы, надо в первую очередь говорить о четырех проблемах:

- социальный эксперимент и во взаимоотношениях города и деревни, в том числе жизнеустройство в новых условиях;
- проблема пространства, его культурное переживание, установление связей (и не только транспортных), выявляющих конструктивные методы организации пространства;
- формотворческие идеи — проблема, для обсуждения в границах градостроительного искусства вполне уместная. Особенно если нас интересует новое в формообразовании и организации пространства;
- как происходило становление концепций урбанистов и дезурбанистов?

На последнем нельзя не остановиться хотя бы потому, что знание исторических реалий тут зачастую уступает пока мифологии, в которой закрепилось искреннее убеждение о противостоянии профессиональных интересов и творческих концепций урбанистов и дезурбанистов.

Внешне это противостояние выглядит достаточно убедительно. Урбанисты приветствуют «движение к городу», а дезурбанисты — явные противники «тотальной урбанизации» и приверженцы концепции города-сада и других «разрушающих» урба-

низированный город подходов к градостроительству (книгу Камилло Зитте «Художественные основы градостроительства» хорошо знали в России тех лет).

А как было на самом деле и почему знать это так важно? И почему стоит обратить внимание на книгу М. Мериджи? Она задумана и устроена (насколько можно судить по результатам) как одно из отдаленных следствий конструктивистской методологии применительно к обсуждению урбанистической проблематики.

Внимание к осмыслению в России творческого опыта Леонардо да Винчи, как и «встречное движение» к универсалиям в творчестве, характерном для московского авангарда, могут помочь в формировании полноценных концепций, опирающихся на новации (неизбежные здесь) в градостроительстве прирастающих в Москве территорий. В том числе особый интерес среди специалистов вызывает предложение Н.А. Ладовского по расширению границ Москвы в направлении к Ленинграду.

Архитектор К.С. Мельников и Москва: диалог с городом

«В беспредельности Вселенной, в Солнечной системе, на Земле, в России, в Москве...», в собственном доме в Кривоарбатском переулке (совсем рядом с улицей Сивцев Вражек на Арбате), в своем кабинете сидел архитектор Константин Степанович. Пожалуй, такой адрес своему Месту в Москве мог дать и сам К.С. Мельников. Текст М.А. Осоргина даже стилистически близок мельниковскому и очень точно, на мой взгляд, выражает его самоощущение. Мельников предьявляет «визитную карточку» на фасаде, крупно над входом, соизмеряя свое имя, свою личность, свою профессию, свое творческое «Я» с масштабом описания адреса своего Дома.

Этому можно искать множество объяснений, но наиболее точное сводится к тому, что интровертный, весьма «закрытый» для общения человек, К.С. Мельников был на удивление открытым, абсолютно бескомпромиссным и мужественным художником. На этой взаимоисключающей, по первому ощущению, парности и строится профессиональное творческое общение архитектора Мельникова с городом.

Но эта взаимодополняемость его творческих и человеческих качеств удивительно гармонично совместилась с арбатским адресом. Пожалуй, близкие по смыслу качества, характеризующие как достоинства личности, легли в основу того, что современный

исследователь, культуролог, проф. Г.С. Кнабе назвал ««Арбатской цивилизацией 1920–30-х годов»⁴³.

Самодостаточность и стремление к индивидуальности и совершенству в творчестве не давали оснований Мельникову вступать в какие-либо профессиональные сообщества. Творческие группировки тех лет никак не могли прописаться по адресу, занимаемому им в профессии.

Единственным и равноценным в ощущениях партнером для дискуссий, размышлений, сотворчества у Мельникова был город, а точнее современный ему город, что по смыслу весьма близко к тому, как трактовал это понятие А.А. Сидоров, о чем речь шла вначале.

И понятно в этой связи, что именно искусствовед А.А. Сидоров одним из первых обратил внимание и откликнулся на творчество Мельникова в печати⁴⁴. За этим кроется еще одна «загадка» диалога архитектора с городом применительно к Москве.

Только в 1925 г. был переведен на русский язык ставший уже к тому времени классическим труд К. Зитте, опубликованный в Германии в 1889 г.: «Городское строительство с точки зрения его художественных принципов». (Во Франции его успели перевести в 1902 г., на родине автора к 1921 г. он выдержал уже пять изданий.) Книгу о художественном восприятии города перевели и опубликовали в 1925 г. А.А. Сидоров увидел и высоко оценил в архитекторе Мельникове художника в 1924-м.

Потребность осмысления целостности города и как объекта собственно художественной деятельности становится для Москвы очевидной. Но у этой потребности много разных оснований, в том числе и проистекающих из трудностей сосуществования городского и крестьянского укладов жизни в новой столице России. Отсюда вполне искренняя уверенность или, как минимум, надежда заместить решение многих проблем, связанных с урбанизацией городской структуры, теми результатами, что могут дать средства художественной культуры.

На этом фоне хорошо известные еще в дореволюционной России идеи Говарда «города-сада» обретают совсем иное, новое содержание: от пролетарского, советского города-сада, пригородов (и предместий)-садов к понятию «сад-город».

Обживание городского пространства как интерьерного продиктовано отнюдь не смирением к данности, а скорее обостренным чувством реальности, которая требует незамедлительного облагораживания. «Для городской улицы со сплошной застройкой ее сторон возможно создать *композиционный вид улицы, ее интерьер*» (выделено К.С. Мельниковым)⁴⁵.

Интерьерный подход к городу, примиряющий, как казалось, многие противоречия, а точнее, несоответствия европейского (по Сидорову) понимания возможностей архитектурного формообразования и азиатских условий существования, предлагаемых городской реальностью, позволил Мельникову снять с обсуждения любые ограничения в творчестве независимо от того, откуда они исходят: извне или становятся следствием чрезмерного самоконтроля и самоцензуры, толкающих на профессиональные компромиссы в области архитектурного формообразования и градостроительства.

Городской интерьер для Мельникова начинался буквально с интерьера собственного дома, который вырастал из логики крестьянской избы, отчего дома, постепенно, но последовательно, судя по авторским эскизам, все более убежденно — к идеальной и столь много говорящей автору форме круга⁴⁶. Именно в ней олицетворяется максимализм предельного перехода от необязательных случайностей композиционного решения в предлагаемых городом обстоятельствах к абсолютно чистому, уверенно совершенному решению.

Наряду с этим, Мельников любил и умел работать с картами Москвы. Разумеется, он и не собирался копировать «карту» города или просто интерполировать ее в современность. Элементы городской структуры, важные для него в том или ином случае, мастер переосмысливал в первую очередь как художник. Это отчетливо видно на макетах как Арбатской площади, так и жилого района на Щипке.

Знакомство с территорией Сретенки и примыкающей к ней Сухаревской (Колхозной) площади также дало ему импульс для новых проектных замыслов. В планировке Сухаревского рынка просматривается опыт «плотной упаковки» буквально рядом расположенных переулков, пересекающих Сретенку. Любопытно, что один из них, ближе расположенный к рынку, называется Последний переулок. Последний переулок — в самом центре города, городская улица у его границы (на то время). Структура городской ткани начинает постепенно выравниваться.

Полукружие усадьбы городской больницы на Колхозной каким-то неявным способом навело на идею проектного решения в плане Ново-Рязанского гаража для грузовых автомобилей. Но и здесь ассоциативный ряд у Мельникова глубже и много богаче. На плане города внятно прочитываются близкие по геометрии полукружия поворотного круга при крупных московских вокзалах (в районе Казанского, в частности). Мельников совмещает эти два предназначения «подковообразной» в плане

формой, и тогда гараж для автобусов — здание весьма прозаического утилитарного назначения — обретает дополнительное содержание, ранее доступное только городской усадьбе, возможно наиболее авторитетному типу застройки в Москве XIX в.

Мельников никак не акцентирует это родство, оставляя его одной из тех городских загадок, о которых писал Сидоров. Она раскрывается только «просвещенным» или вовсе остается «тайной» личных отношений архитектора с городом. И это далеко не единственный пример конфиденциальных взаимоотношений построек Мельникова со знаковыми для него элементами городской структуры.

Москва: диалог с городом и «утверждение нового» в проектах И.И. Леонидова

Начиная с 1980-х гг., проблема Места буквально ворвалась в круг отечественного градостроительного сознания. Вновь обострился интерес к экспериментальным и концептуальным поискам Нового в градостроительных проектах 20-х гг. прошлого века. И поэтому работы по градоведческому анализу наследия К.С. Мельникова, Н.А. Ладовского, братьев Весниных, М.Я. Гинзбурга, И.И. Леонидова и других мастеров авангарда в контексте городской культуры их эпохи и современного нам города обретают самостоятельную значимость. Так, в частности, все разговоры о том, что Наркомтяжпром был бы не согласован с историческим окружением и неуместен на Красной площади, обретают несколько иной смысл, когда «видишь», как он мог сосуществовать со своим окружением **по замыслу** Леонидова и, тем более, в наши дни — «после» возведения московского Сити и многочисленных, достаточно случайных вмешательств «высоток» в силуэты центра.

Отсюда закономерно вытекает и потребность по-новому осмыслить отношение Леонидова к городу и его историческому наследию. Оно было не менее уважительным к историческим ценностям и городским реалиям, нежели в наши дни. Сохраняя в историческом центре все действительно ценное, Леонидов, возводя в своих проектах современную и по сей день архитектуру, добивался ощущения самостоятельности в новой Москве.

Комплекс «Известия». Преддипломный (курсовой) проект типографии комбината «Известия» (руководитель А.А. Веснин, 1926) — одна из первых попыток осмыслить композицию комплекса «Известия» с высоким редакционным корпусом.

Наиболее существенно, анализируя эту, еще студенческую, работу, определить точное место размещения комплекса «Известия» по проекту Леонидова в пространстве площади — на углу улицы Горького (ныне Тверской). Автор разместил комплекс строго в границах отведенного под застройку участка, объединив в едином проектном решении территорию и первой, и второй (зарезервированной на будущее) очереди строительства. Он не пытался приблизить комплекс «Известия» к «красной линии» (фронту застройки) по улице Горького. Соотношение высот рядом расположенных (вновь проектируемого в современных формах) здания и Страстного монастыря, в те годы еще стоявшего на площади Пушкина (его снесли позднее), задавало образную и композиционную взаимосвязь новых вертикалей в городе с историческими. Этот прием Леонидов развил позднее в конкурсном проекте Наркомтяжпрома.

Институт библиотековедения на бровке Воробьевых гор — Институт Ленина (1927). Проектная программа института была задумана весьма обширной и многофункциональной. На основе этой программы и была сформулирована тема дипломного проекта И.И. Леонидова во ВХУТЕМАС (руководитель А.А. Веснин). Дипломный проект экспонировался на первой выставке современной архитектуры в 1927 г. Макет Института Ленина стал одним из центров экспозиции. Выставка проходила в новом здании ВХУТЕМАС на улице Рождественка, дом 11, где ныне располагается Московский архитектурный институт.

Самостоятельной исследовательской задачей стало уточнение месторасположения института, его «посадка» на территории Ленинских гор (ныне Воробьевых).

Анализ показал: Леонидов использовал в проекте не условный (рисованный), а подлинный рельеф территории, предназначенной под строительство. Совмещение (наложение) рисунка горизонталей в проекте на геодезическую схему склона Воробьевых гор по состоянию на 1920–1930-е г. дает основания утверждать, что Леонидов разместил композицию не на самой высокой отметке (точке) горы, а «встроил» ее в склон. Тем самым он добился уникального зрительного и эмоционального эффекта: комплекс института как бы вырастает из тела (массива) горы, укореняется в нем и воспринимается не просто на фоне неба, а в пространстве, формируемом и горой, и небом. Другое наблюдение: Леонидов несколько сместил комплекс института с оси (зрительной оси), объединяющей инсти-

тут с храмом Христа Спасителя. Он зафиксировал эту ось прямой линией — дорогой-лучом, уходящим от храма в даль (в бесконечность). Институт как бы пропускает этот луч-дорогу, не преграждая ей путь. (Об этой работе И.И. Леонидова говорится и выше, правда, в другом контексте.)

«Дом Наркомтяжпрома». В 1934 г. И.И. Леонидов был приглашен для участия в предварительном конкурсе на Дом Наркомтяжпрома. Л.М. Лисицкий в статье-комментарии к конкурсным проектам обратил внимание (вопреки мнению редакции) на то, что «Леонидов, единственный, который, как это видно из серии его рисунков, стремится найти единство нового комплекса (Кремль — собор Василия Блаженного — новое здание)...»⁴⁷.

В 1936 г. работа по проектированию Дома Наркомтяжпрома продолжилась. Сменилось место его размещения. Теперь дом предполагалось отодвинуть от Красной площади вглубь — в Зарядье. И.И. Леонидова, как и К.С. Мельникова, для участия в новом конкурсе не пригласили...

Шкала ценностей архитектурного качества при остром осознании необходимости возрождения профессионального качества в архитектуре смещается к этому времени в иное культурное пространство. Соотнесение (совмещение) современного формообразования и исторического наследия предпочитали реализовывать «литературными», повествовательными средствами. Объемно-пространственная композиция «отрывалась» от решения фасада и практически не участвовала в диалоге «нового со старым». Логика фасадной плоскости вновь проектируемого здания должна была вступить в уважительный «разговор» с историческим окружением.

Леонидов выстраивал диалог нового со старым не изобразительными, а собственно архитектурными средствами. В проекте Дома Наркомтяжпрома именно историческое окружение подсказало ему идею формообразования в виде трех расположенных на едином стилобате, но разных по рисунку объемов. Они легли в основу художественного образа комплекса Наркомтяжпрома по его проекту.

Здесь надо зафиксировать столь характерное для этого мастера формотворческое «правило» — безграничное, целостное восприятие пространства. Проекты Леонидова — едва ли не первая столь точная, «буквальная» интерпретация размышлений М. Хайдеггера о том, как мыслить пространство, исходя из него самого.

«Столб воздуха» над площадью, формируемый, в частности, высотным корпусом комплекса «Известий» или Наркомтяжпрома, по Леонидову, не фикс-

сирует пространство над городом, а создает трехмерное, целостное, единое пространство города. В этой логике размышлений об устройстве города чем выше сооружение, фиксирующее пространство в том или ином месте города, тем оно (городское пространство) «качественнее». Понятие «качество архитектуры» для Леонидова становится с этих лет буквально главенствующим для понимания и определения профессионального творчества по современному градоустройству.

Другой нитью «архитектурной ткани» (по М.Я. Гинзбургу) у Леонидова вплетается супрематическое наследие, в первую очередь в понимании его (супрематизма) К.С. Малевичем и Л.М. Лисицким, особенно при переходе осмысления пространства из плоскости в объем. У Малевича — в архитектониках как реализация супрематического плана, у Лисицкого — в проунах (проектах утверждения нового). Здесь в равной мере важно в нашем случае, что это — именно **проекты** и то, что в них **утверждается новое**.

В декабре 1920 г. К.С. Малевич написал статью «Супрематизм», в которой подводил итоги развития этого направления в изобразительном искусстве: «...Установив определенные планы супрематической системы, дальнейшее развитие уже архитектурного супрематизма поручаю молодым архитекторам в широком смысле этого слова, ибо вижу эпоху новой архитектуры только в нем»⁴⁸.

В том же 1920 г. в Витебске силами группы «Уновис» была поставлена опера «Победа над Солнцем» (либретто написал А.Е. Крученых). Лисицкий создал к этому действию «фигурины» — эскизы костюмов, которые отдельной папкой литографий были опубликованы в 1923 г. в Германии и получили широкую известность в Москве⁴⁹. Для нашего анализа проектного творчества И.И. Леонидова эта работа Лисицкого — знаковая. Здесь слились воедино многие ключевые для миропонимания — пространствопонимания Леонидова понятия: формирование поэтического (у Крученых) и художественного образов (у Малевича и Лисицкого); понятие «проект» (супрематические проуны у Лисицкого — одна из самых первых реализаций «завещания молодым архитекторам» Малевича). Не малую роль играет и название оперы — «Победа над Солнцем», особенно если вспомнить у В.В. Кандинского «Солнце Москвы»⁵⁰ и жанр театрального искусства, о котором идет речь. Опера с ее многоплановыми (в разных уровнях в пространстве, как правило) мизансценами, как ничто другое в искусстве, передает сам эффект перехода из плоскости в пространство: про-

живание в нем, его целостность и единство устройства (организации) пространства.

Конкурс на Дворец Советов в Москве — крупнейшее и значимое международное творческое соревнование в советской России, многоступенчатая эпопея которого началась в 1931 г., а итоги подводились в феврале 1934 г. И.И. Леонидов, к сожалению, в нем не участвовал. На то были веские и весьма драматические для его судьбы основания. В 1930 г. коллеги-архитекторы, группирующиеся вокруг ВОПРА (Всероссийское общество пролетарских архитекторов), инициировали кампанию безудержной, разносной критики творчества Леонидова. В историю она вошла под названием борьбы с «леонидовщиной». «Пролетарские» архитекторы боролись с влиянием конструктивистского понимания архитектуры, наиболее ярким представителем которого к этому времени стал Леонидов. Поводом для критической кампании стал проект Дворца культуры (1930), в котором он развивал свою концепцию клуба «нового социального типа». Основу логики проектирования, предлагаемой Леонидовым, составлял именно градоустроительный подход, при котором Дворец (клуб) формировался как самоценный фрагмент городской застройки.

Эпопея с подведением итогов конкурса на Дворец Советов, а по сути, выбором направленности в дальнейшей судьбе искусства архитектуры, затянулась вплоть до 1934 г. Годом раньше, в 1933-м, появилась потребность «посоветоваться с народом» по вопросу о том, какая архитектура пользуется «спросом». Стали устраивать ставшие ежегодными, приуроченные к значительным государственным праздникам выставки архитектурных проектов («архитектурные премьеры») в витринах магазинов вдоль только что обновленной центральной улицы Москвы — улицы Горького (ныне Тверская). Мнения горожан суммировались, обобщались и становились мотивом для обсуждения архитекторами итогов выставок.

В 1933 г., выступая в дискуссии по результатам такой выставки, М.Я. Гинзбург говорил о своем ощущении (впечатлении) «громадной растерянности, которое производили многие работы». Впечатления от выставки год спустя — иные, возможно еще более тревожные. «Когда я ходил по улице Горького, меня не покидало чувство творческой нечистоплотности», — подытожил М.Я. Гинзбург. И тут же (в очередной раз) попытался разъяснить существо конструктивизма, констатируя, сколь несвоевременно отказываться от творческих возможностей функционального метода в архитектурном творче-

стве. «В прошлом (1933) году т. Буров говорил, что конструктивисты его замучили тем, что у них все запрещено: "...да и нет не говорите, черное, белое не носите". В витринах же как раз наоборот. Все позволено, все разрешено, и вот такая творческая распушенность, независимо от стиля дает свои плоды. Любопытно, что подтверждается один из очень важных творческих законов — закон, говорящий, что препятствия, которые нужно преодолевать, сдерживающие элементы, которые ограничивают художника, никогда не являются такими опасными, как полная расхлябанность, полная творческая безыдейность, беспредельный простор...»⁵¹.

Какие обобщения можно сделать по результатам этой дискуссии?

Их, пожалуй, два, наиболее значимых. Первое сформулировал Г.П. Гольц. Очень важно, по его мнению, сохранить ситуацию 1934 г.: пусть и в дальнейшем сосуществуют все творческие направления в архитектуре и, как следствие, в застройке Москвы.

Второй вывод: необходимо резко поднять качество архитектурных решений, совершенствуя профессионализм архитекторов, в том числе и знание ими истории архитектуры, возможностей современной техники и т.д.

Просвещение архитекторов и просветительство общества, в том числе и средствами архитектуры, становятся первостепенной задачей — к этому сводился основной тезис выступления М.Я. Гинзбурга. Эту точку зрения разделило с ним большинство участников дискуссии. Проблема качества архитектуры выдвигается на первый план.

И.И. Леонидов участвовал в этой дискуссии. Но в достаточно полном отчете о ней в журнале «Архитектура СССР», № 6 за 1934 г., выступление Леонидова не приводится. Однако у нас есть основания предполагать, о чем мог говорить Леонидов в этой дискуссии, поскольку годом ранее в журнале «Строительство Москвы» была опубликована короткая «реплика» Леонидова под названием «Качество архитектуры на высшую ступень». «К вопросу качества и художественности архитектуры со всей серьезностью мы должны подойти сегодня же... Мы обязаны создать *советский* (выделено. — *И.Л. Леонидовым*) стиль архитектуры»⁵². И далее Леонидов говорит о необходимости уважать архитектора, творческий труд. Чувствуется в этом тексте, что Леонидов продолжает дискутировать со своими творческими и идейными во всем, что касается архитектуры, противниками. (Стоит заметить, что это первое со времени антилеонидовской кампании выступление его в печати.)

В том же номере журнала «Архитектура СССР» (№ 2 за 1934 г.), в котором опубликовано «Постановление Совета строительства Дворца Советов при Президиуме ЦИК Союза ССР» об утверждении архитектурного проекта и авторского коллектива по проектированию Дворца в составе: Б.М. Иофан, В.Г. Гельфрейх и В.А. Шуко, была напечатана большая (по объему) и, несомненно, программная (по содержанию) статья А.А. Веснина, В.А. Веснина и М.Я. Гинзбурга «Проблемы советской архитектуры» (в рубрике «Творческая трибуна»). Авторы статьи завершают обсуждение круга актуальных проблем архитектурного творчества вопросом «о полноценности творческого диапазона архитектора». «Мы (страна. — *Ю.В.*) стали богаче, у нас стало больше возможностей, мы можем себе сейчас позволить отказ от аскетизма (характеристики художественных возможностей конструктивизма в дискуссиях тех лет. — *Ю.В.*) и гораздо более широкий размах. Вполне естественно, что наша палитра должна стать полноценной творческой палитрой. Но здесь нужно найти настоящий такт. Такт и экономический и художественный одновременно».

Проблематика этой статьи по существу раскрывает содержание тезиса Леонидова о необходимости («мы обязаны...») создания советского стиля, так, как его понимают в эти годы лидеры конструктивизма. Участие Леонидова в дискуссии этого же журнала, также под рубрикой «Творческая трибуна», на тему «Техника — материал — стиль» озаглавлено им «Палитра архитектора»... Леонидов и его старшие коллеги-учителя по-прежнему чутко слышат и поддерживают друг друга. Леонидов как будто продолжает текст программной статьи Весниных и Гинзбурга в рамках новой дискуссии.

«Овладела ли современная архитектура новыми материалами и конструкциями не только в техническом, но и в художественном смысле? По каким путям должна идти дальнейшая творческая работа советской архитектуры в деле освоения новейшей строительной техники?» Такие вопросы редакция журнала поставила перед потенциальными участниками обсуждения.

На инициативу журнала откликнулись А.И. Фомин («Против фетишизации материала»), М.Я. Гинзбург («Архитектурные возможности современной индустрии»), Н.Я. Колли («О материале и стиле»), А.К. Буров («Правда материала»), К.С. Мельников («Архитектурное освоение новых материалов»), Ю.К. Милонов («Строительная техника и архитектурные пропорции») и И.И. Леонидов со статьей «Палитра архитектора»⁵³.

Возможно, именно в представлении разнообразия публикуемых взглядов журнал видел один из основных результатов обмена мнениями. Но для нас важнее ощутить, что стояло за самим фактом постановки темы для обсуждения. По этой причине общая картина формообразования, рождающаяся в диалоге архитектурно-художественного мышления, сложившаяся к середине 1930-х г. во вполне определенную целостность, значительно существеннее для понимания и осмысления и той творческой позиции, что предъявил в дискуссии И.И. Леонидов, и того, как она соотносится с реальной картиной взаимоотношения техники и архитектурно-художественного творчества в те годы в нашей стране.

Как раскрывает в этой связи И.И. Леонидов метафору «Палитра архитектора» в достаточно компактном (менее одного журнального разворота) тексте?

При этом нельзя не вспомнить, что И.И. Леонидов крайне редко выступал в печати и ни в коей мере не претендовал на теоретические обобщения современных ему проблем архитектуры.

Его участие в этой дискуссии — по существу, удачный повод высказать свое творческое кредо. И оно прочитывается значительно глубже, нежели только мысли, необходимые в ответ на поставленные редакцией вопросы.

Нельзя не отметить и форму представления текста. Он скомпонован автором как тезисы—«мазки на палитре» художника. Она (палитра) объединяет, организует смыслы, а их (мазков) совокупность позволяет, «смешиваясь» между собой, открывать новые оттенки в сути той проблемы, которую наряду с другими участниками дискуссии обсуждает И.И. Леонидов.

Палитра архитектора компактна в данном случае только потому, что она самодостаточна в своей ценности (в миропонимании ее автора).

И.И. Леонидов рассказывает не о том, **как пользоваться** палитрой архитектору-художнику, а **как создавать** ее. Первый тезис, предъявляемый автором, звучит так: «одним из решающих факторов, определяющих стиль и общую композицию архитектурного сооружения, наряду с социально-бытовыми условиями, является техника строительных материалов и конструкций. Общеизвестно, что впервые со всей остротой это положение было сформулировано нашими функционалистами».

Не важно, что вслед за этим И.И. Леонидову пришлось оговаривать «механистичность» подхода к этой проблеме у нас в стране и на Западе в предшествующее публикации десятилетие. Сам

факт упоминания о наследии функционализма (конструктивизма) и неизбежной преемственности в обсуждении заявленной проблемы говорит о многом. Она задает не только «точку отсчета», но и точно выверенный этический уровень общего разговора, осознанную профессиональную ответственность за свое (недавнее) прошлое. У автора это разговор о преемственности миропонимания, сформулированного конструктивизмом, по сути — возвращение к совсем недавно попраным ценностям. В устах только-только возвращающегося в активную профессиональную жизнь архитектора это звучало особенно ярко и определенно.

Этот тезис задал тон всему остальному осмыслению Леонидовым поставленной для обсуждения темы. «Архитектор не должен подходить к строительной технике только с узкоконструктивной точки зрения. Он должен... философски осваивать возможности строительной техники. Он должен творить новые формы и конструкции из данного материала. Это элементарная творческая необходимость, требующая определенной смелости в поисках новых форм».

За этим тезисом И.И. Леонидова стоит вполне сложившийся опыт и философского осмысления, и формотворческих поисков в отечественной архитектуре и инженерии. Убежден, что о многих из них Леонидов, естественно, знал. Но в качестве примера ссылается только на работы французского инженера-архитектора Фрейсине. Возможно, что этой «фигурой умолчания» он ограждал коллег от неочевидной для него реакции на этот текст; а возможно и иное: эллинги Фрейсине были построены, широко публиковались и были европейски известны. Большинство же творческих разработок в нашей стране оставались на бумаге либо в лабораторных, экспериментальных моделях. Хотя их формообразующие возможности, как стало очевидно много лет спустя, были самого высокого уровня. Ссылка на зарубежного автора отправляет и к основной идейной подоплеке конструктивизма как основы интернационального стиля, весьма очевидной в 1920-е г., но вряд ли уместно об этом было говорить в середине 1930-х г. На первый план выдвинулись иные ценности, требующие исключительности облика (образа) советских городов. Третий системобразующий тезис в статье («мне кажется, что единственно правильным решением вопроса явилось бы близкое сотрудничество архитектора и инженера уже в первоначальной стадии работы над проектом...») возвращает к осмыслению внутреннего диалога, формирующего профессию архитектора,

работающего в основном над совершенствованием интерьера города..

Существует множество причин, по которым профессиональные связи между архитектурой и инженерией обрывались в те годы. При этом они разрушались именно в том месте, где должны быть наиболее прочными, — там, где рождались новые идеи архитектурно-конструктивного формообразования.

И.И. Леонидов был не единственным, кто видел эту проблему и высказывался сходным образом. (Разумеется, в основном это были авторы из круга ОСА, а также крупные инженеры-конструкторы.) Но во всех случаях важно зафиксировать авторскую позицию, и Леонидов не замедлил это сделать.

Четвертый, по сути итоговый, тезис статьи опять сводит в неразрывное целое этические и художественные проблемы профессии. (Точно так же, как в статье Весниных и Гинзбурга, но на конкретном материале архитектурных форм, из совокупности которых и лепится городской интерьер.) «Как рисуется проблема фасада в свете современной строительной техники?.. Фасадной плоскости как таковой в жилом сооружении может и не быть. И вообще навряд ли можно считать сейчас спорным положение, что фасад должен быть исключительно пространственно-объемным. Иначе можно любому фронту сооружения приклеить любую фасадную декорацию. Да так оно, в сущности, в громадном большинстве случаев и бывает сейчас. Это не подлинное архитектурное искусство, а нечто вроде “архитектурной аппликации”, маскирующей убожество вкуса и творческое бессилие мастеров». Очень важно зафиксировать внимание на словах о «фронте сооружения». В контексте его статьи речь закономерно перетекает от «штучного» объекта к застройке, реализующей градостроительные проблемы городской структуры, совершенствования ее.

Леонидов здесь в предельно обнаженной, жесткой форме поднимает в конечном счете основной вопрос подлинного профессионализма — об архитектурной культуре и архитектурной ответственности архитектора в любых, в том числе и во вновь предъявленных после 1932 г., условиях творчества. Современная (для своего времени) архитектура в миропонимании и исполнении И.И. Леонидова может достойно сотрудничать с градостроительным наследием в формировании нового слоя в историко-культурном напластовании, формирующем биографию города.

В творческом наследии Леонидова наиболее емко сфокусировалось сложившееся в 1920-е г. понимание архитектурой ценности трехмерного под-

хода к устройству города, его изначальной пространственности. Планировочная работа с городом, по сути, возможна при этом как следствие проекции из пространства города на плоскость чертежа.

* * *

На протяжении длительного времени мы были лишены необходимости осмысления естественного пребывания во времени, а приучены к иной необходимости — и по сей день по многим причинам активно реализуемой — различных манипуляций над временем: ускоряем его либо пытаемся остановить или выразить через понятия совсем иного смыслового круга.

«Место» — пожалуй, самое загадочное понятие в нашей отечественной истории градостроительства Новейшего времени. Но, строго говоря, приходится констатировать, что подлинной загадки в этом нет, поскольку нет и полноценного осознания самого понятия «место».

Жизнь «без места» в общественном сознании закономерно нашла свое отражение и в языке: приставку «при» мы заменили приставкой «пере». Перестройка (а применительно к городу и по сей день реконструкция понимается зачастую именно таким образом), а не «пристройка», т.е. накопление со временем городских историко-культурных и архитектурно-художественных ценностей, определяет в основном общественное и, как следствие, профессиональное сознание.

Бахтинское понятие «хронотоп» получило во всем мире значительный резонанс именно как попытка осмыслить взаимоотношение понятий «время» и «место». Но и по сей день во многих текстах о городе в нашей стране, где трактуются различные производные, вослед и вокруг этого понятия оно интерпретируется не как взаимоотношения времени и места, или пребывания времени на данном месте, или приращения нового качества, со временем созревающего на том или ином месте, а качественно иначе — привычнее — взаимосвязи времени и пространства.

Понятие места как бы замещается в этой конструкции понятием пространства. Именно замещается, вытесняется, преодолевается. Хотя в начальном понимании должно было быть наоборот: понятие пространства растворяется в содержании индивидуально очерченного места, персонифицируется в нем, обретая имя собственное.

Неестественность восприятия времени закономерно приводит к искусственности проектирования в пространстве. «Овладение пространством»,

«покорение пространства» и многие другие аномальные по сути, но достаточно последовательно понимаемые в историческом контексте словосочетания логично дополняют сложившуюся конструкцию взаимоотношений понятий «время—место—пространство».

Опыт диалога с историей здесь, без сомнения, окажется весьма полезным, впрочем как и внимательный интерес к современному мировому опыту в развитии архитектурно-градоустроительного процесса. Именно в развитии — в динамике. И в этом одно из основных обретений в профессиональном сознании — умение мыслить не сменой статических картин наложения, напластования временных слоев, а в динамике, слитном движении времени, т.е. навык осмысливать архитектуру во времени даётся с большим трудом.

Добавляет проблем и устоявшееся представление об архитектурном ансамбле в городе как единовременном понятии. Отсюда при реконструкции новое и старое должно составить «ансамбль», по облику своему как бы одному времени принадлежащий. При этом желательно, чтобы возникло ощущение если и не исторической подлинности, то исторической ценности вновь создаваемого в пространстве данного места. Эффект при этом неизбежно может быть только обратным, так как ставится под сомнение историческая подлинность и девальвируется ценность достоверно исторических фрагментов, на данном месте существующих.

Понятие «ансамбль» обретает полноценную работоспособность, когда из пространственного, формирующего содержание и культурологические смыслы по горизонтали, перерастает в понятие «ансамбль во времени», способное собирать, накапливать нанизываемый с течением времени в пространстве данного места разнообразный исторический опыт.

Истинное изменение в отношении к архитектурно-строительному творчеству, реконструкции застройки и градоосмыслению может произойти только тогда, когда в профессиональном и обще-

ственном сознании кристаллизуется новая конструкция взаимоотношения понятий «время—место—пространство».

Возможно, ключевая проблема, связанная с этим, — разное понимание целостно-ценностных закономерностей применительно к историческому наследию и наследию Новейшего времени. Но подвижность новейшей истории и всегда непростые взаимоотношения ее с исторической культурой — действительно общее правило, и формироваться оно начало именно в 10–30-е гг. прошлого века. Всегда существовало свое «новейшее время», и современникам его приходилось решать ту же по постановке задачу — искать основания для диалога между прошлым и настоящим и конструировать «картину миропонимания», способную соотнести Новейшее время с историческим опытом. И город на эти поиски чутко реагировал.

Представления о пространстве, времени и закономерностях их совместного бытования в XX в. значительно отличаются от предшествующих. Да и внутри XX столетия они значительно меняются. Формула-метафора «здесь и теперь», ставшая общим местом для культуры последней четверти века, строго говоря, вобрала в себя исторический опыт конца XIX в. — первой трети века нынешнего.

Сегодня тем более есть основания интерпретировать эту «формулу» несколько иначе: «Здесь и везде. Теперь и всегда». В таком виде она в большой мере адекватна и реалиям культуры наших дней, и задачам реконструкции исторического города, этим реалиям соответствующим.

Как же искать наиболее естественно воспринимаемую при этом взаимосвязь пространства, места и времени?

Наиболее перспективно попытаться сделать это через понятие «автобиография места», поскольку оно обеспечивает главное здесь — **непрерывность во времени**, что позволяет восстановить достоинство подлинного содержания слитного существования ключевых понятий: пространство, место, время, движение...⁵⁴

Примечания

1. Памятники архитектуры Москвы. Кн. I. Кремль. Китай-город. Центральные площади. М.: Искусство, 1982. С. 166.
2. Там же. С. 205.
3. Там же. С. 65.
4. Там же.

5. Там же. С. 79.
6. Там же. С. 139.
7. Никулина Е.Г. Генеральный план 1935 года и историческая городская ткань / Елена Никулина. Городская ткань: архитектура и время. М., 2011. С. 74–75.
8. Хазанова В.Э. Советская архитектура первой пятилетки: проблемы города будущего. М.: Наука, 1980.
9. Астафьева-Длугач М.И., Волчок Ю.П. Становление образа Москвы в проектах-замыслах / М.И. Астафьева-Длугач, Ю.П. Волчок, А.М. Журавлев и др. Москва. М.: Стройиздат, 1979. С. 283–349.
10. Яковлева Г. Москва – город-сад 1935 года // Архитектура СССР. 1989. № 7. С. 10–14.
11. Иконников А.В. Архитектура Москвы. XX век. М.: Московский рабочий, 1984. С. 163–168.
12. Голлербах Е. К незримому граду. Религиозно-философская группа «Путь» (1910–1919) в поисках новой русской идентичности. СПб.: Алетейя, 2000.
13. Парин А. Хождение в невидимый град. Парадигмы русской классической оперы. М.: Аграф, 1999.
14. Гриффитс Фредерик Г., Рабинович Стенли Дж. Третий Рим. Классический эпос и русский роман (от Гоголя до Пастернака). СПб.: Ивана Лимбаха, 2005.
15. Сергеева-Клятис А., Смолицкий В. Москва Пастернака. М.: Совпадение, 2009.
16. Видгор Л.М. Москва Манделштама. М.: Корона-Принт, 1998.
17. Бергсон А. Длительность и одновременность (о теории Эйнштейна). М.: Добросвет, 2006.
18. Жижек С. Устройство разрыва. Паралаксное видение. М.: Европа, 2008.
19. Глазьев В.Л. Предисловие к указанной книге Славоя Жижека. С. 8.
20. Alexus A. Sidorow. Moskau. Berlin, 1928. P. VII.
21. Осоргин М.А. Сивцев Вражек. Роман написан в эмиграции и опубликован в издательстве книжного магазина «Москва» в Париже в 1929 г. Цит. по кн.: Осоргин М. Времена. Екатеринбург: изд. Российская книга, 1992. С. 3.
22. О творческой судьбе писателя Василия Гроссмана, в том числе историю публикации романа «Жизнь и судьба» см.: в частности: Липкин С.И. Жизнь и судьба Василия Гроссмана. М., 1990.
23. Астафьева-Длугач М.И., Волчок Ю.П. Становление образа Москвы в проектах замыслах / Астафьева-Длугач М.И., Волчок Ю.П., Журавлев А.М. и др. Москва. М.: Стройиздат, 1979. С. 283–349.
24. Кремнев Ив. (А.В. Чайнов). Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии. М., 1920.
25. Там же. С. 15.
26. Там же. С. 6. (Э.-Р.К. Нирнзее – архитектор, автор многоэтажного жилого дома в Б. Гнездиновском).
27. В.И. Катаев имеет в виду другую магистраль, а не существующий ныне одноименный проспект.
28. Валентин Катаев. Остров Эрендорф. М.: Госиздат, 1925. С. 92–93.
29. Толстой А.Н. Голубые города / Собр. соч.: В 10 т. Т. 4. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958. С. 51.
30. РГАЛИ. Ф. 964. Оп. 3. Д. 66. Л. 1–6.
31. РГАЛИ. Ф. 964. Оп. 3. Д. 66. Л. 11 об.
32. РГАЛИ. Ф. 2423. Оп. 1. Д. 7. Л. 2–9.
33. РГАЛИ. Ф. 684. Оп. 1. Д. 2904. Л. 2–2 об; Ф. 2094. Оп. 1. Д. 1099. Л. 27–30.
34. АСНОВА. Известия Ассоциации новых архитекторов. 1926. № 1.
35. Бахтин Н.М. Вера и знание // М.М. Бахтин и философская культура XX века. Вып. I. 4. 2. СПб., 1991. С. 134–135.
36. Милютин Н.А. Проблемы строительства социалистических городов. Соцгород. М., 1930.
37. Ахизер А.С. Труды. М.: Новый хронограф, 2006. С. 38–40.
38. Там же. С. 42.
39. Хан-Магомедов С.О. Архитектура советского авангарда. Кн. 1 и 2. М.: Стройиздат, 1996, 2001.
40. Хан-Магомедов С.О. Т. 2, с. 220.
41. Кандинский В. О духовном в искусстве. 1911 г. Цит. по кн.: Кандинский В. О духовном в искусстве. М., 1992.
42. Мамардашвили М.К. Психологическая топология пути / М. Пруст. В поисках утраченного времени. СПб.: РХГИ // Нева, 1997.
43. Об этом можно судить по текстам К.С. Мельникова, в частности приведенным (собранным) в книге «Константин Степанович Мельников». М.: Искусство, 1985. Сост.: А.А. Стригалева и И.В. Коккинаки.
44. Кнабе Г.С. Арбатская цивилизация и арбатский миф. В сб.: Москва и московский текст русской культуры. М., 1998.

45. *Иванов Вяч.* Байронизм как событие в жизни русского духа. В кн.: Родное и Вселенское. М., 1994. С. 270–271.
46. См. в кн.: Андрей Белый. Символизм как миропонимание, 1994.
47. *Лисицкий Л.* Форум социалистической Москвы // Архитектура СССР. 1934. № 19. С. 5.
48. *Хан-Магомедов С.О.* Новый стиль, объемный супрематизм и проуны. Каталог выставки «Л.М. Лисицкий. 1890–1941». М., 1990. С. 39.
49. *Немировская М.А.* Произведения Л.М. Лисицкого в Третьяковской галерее / Каталог «Л.М. Лисицкий. 1890–1941». М., 1990. С. 20–21.
50. *Кандинский В.* Ступени. Текст художника. М., 1918. С. 26–27.
51. Уроки майской архитектурной выставки. Творческая дискуссия в Союзе Советских архитекторов // Архитектура СССР. 1934. № 6. С. 12.
52. *Леонидов И.И.* Качество архитектуры на высшую ступень // Строительство Москвы». 1933. № 4. С. 13.
53. *Леонидов И.И.* Палитра архитектора // Архитектура СССР». 1934. № 4. С. 32–33.
54. *Васильев А.В.* Пространство, время, движение. Исторические основы теории относительности. Петроград: Образование, 1923.

Архитектурно-градостроительное наследие в советском городе довоенного периода

А.С. Щенков

В отечественной довоенной истории можно выделить три периода, различающиеся тем, как решалась и даже просто как воспринималась проблема «советский город и архитектурное наследие». Первый период можно назвать инерционным: в среде практически всей массы профессионалов-архитекторов продолжали жить прежние представления о нормах профессии. Только художники-авангардисты, получившие доступ к реализации плана монументальной пропаганды и праздничному оформлению центров городов, заявляли своими работами о появлении в городском пространстве, и именно в исторических центрах, принципиально новых средств выразительности.

Второй период начался с 1923–1924 гг., когда стал складываться и заявлять о себе язык архитектурного авангарда со своим особым отношением к сложившемуся городу и его ценностям. Архитектурный авангард сосуществовал, как известно, с характерным еще для предыдущего десятилетия неоклассицизмом, отношение которого к наследию было заметно иным. Это был период постепенно усиливавшегося наступления на историческое наследие городов, преимущественно на произведения культовой архитектуры. Однако это была кампания уничтожения знаковых произведений прошлого, мало затрагивавшая структуру исторического города в целом.

Наконец, в начале 1930-х гг. произошел декретированный сверху поворот в сторону классических традиций. Существенно то, что этот поворот был связан с формированием концепции соцреализма. Стало складываться представление об идеале социалистического города, и появился целый ряд проектов, стремившихся реализовать этот идеал. В этот период архитектурное наследие осмысливалось совершенно иначе, чем в предыдущие. С появлением

концепции тотальной городской реконструкции произведения прошлого, теперь уже не только знаковые, могли сноситься ради идеи нового целого, притом что это новое целое строилось с опорой на преемственное использование наследия.

Конечно, границы периодов могут быть очерчены только примерно, с определенной долей условности, в силу того что всегда новые тенденции формируются постепенно, а старые на них накладываются.

Инерция и первые симптомы нового отношения к архитектурному наследию в советском городе в 1917–1923 гг.

Исторический переворот, происшедший в октябре–ноябре 1917 г., был далеко не сразу оценен современниками по достоинству. Культурная жизнь страны какое-то время текла по ранее установившемуся руслу. По-прежнему соседствовали реалистические и авангардные направления, а также питавшие их идеалистические и материалистические убеждения, различные историософские модели.

Наиболее заметное и быстрое изменение было связано с вдруг появившейся проблемой: определить судьбу национализированных художественных памятников, сооружений и их интерьеров, содержащихся в них коллекций. Громадное количество уникальных произведений вдруг потеряло своих хозяев. Необходимость уяснить будущее таких памятников, выстроить новые механизмы их охраны привлекла к себе на какое-то время внимание широкой общественности. О художественных ценностях и предпринимаемых мерах для их учета и сохранения заговорила пресса.

Это было достаточно необычное явление, поскольку чаще памятники оказываются на периферии общественного сознания, становясь предметом серьезного внимания лишь достаточно узкого круга специалистов. Так было в предреволюционные годы¹, так, как увидим, будет и в последующие десятилетия (внимание к памятникам вернется в конце 1920-х гг., но тогда уже — в связи с проблемой их сноса). Центральными, как правило, оказываются проблемы развития нового, современного искусства. Об искусстве прошлого обычно если и говорили, то по преимуществу в связи с вопросом о том, как оно влияет на формирование нового. Уже приходилось отмечать в публикациях, что культурное сообщество начала XX в. не было единодушно в понимании путей развития культуры. И в предреволюционную эпоху, и в первые послереволюционные годы часть общества видела перспективу в развитии устоявшихся художественных традиций, другая же часть призывала сбросить традицию и классиков с «парохода современности». В обоих случаях на первом месте была именно традиция, а не собственно памятники. Однако в первые послереволюционные месяцы много писали и говорили именно о памятниках и художественном наследии². Существенно, что все обсуждение темы памятников велось с позиции признания сложившейся системы культурных ценностей. Впрочем, уже к концу 1918 г. вопросы памятников древности постепенно занимают привычное для них скромное место в культурной жизни страны.

Весьма существенно, что на протяжении примерно полутора послереволюционных десятилетий сохраняется заметное многообразие культурных направлений, по-разному относящихся к проблеме наследия, наследования, традиции.

Ярко заявлял о себе немногочисленный, но, как и раньше, очень активный «авангард». Авангардное искусство, как известно, проявило себя в первую очередь в живописи. Протест против натуралистической изобразительности формы, дидактичности содержания, которые были присущи искусству второй половины XIX в., породили здесь в свое время поиски средств выразительности, которые освобождали бы художественное произведение от повествовательности. Поиски в области изобразительного искусства имели самое непосредственное отношение к формированию русского архитектурного авангарда, вторгшегося в исторический город в 1920–1930-е гг. и вызвавшего необходимость по-новому увидеть проблему взаимосвязи в нем истории и современности. Существенно для на-

шей темы появление в предреволюционные годы футуризма, который заговорил о городе как о продукте современной техники с новым темпом жизни, с калейдоскопической сложностью и фрагментированностью его структуры. Такое представление о городе в литературе и изобразительном искусстве осталось на уровне деклараций и некоторых художественных опытов, но в послереволюционное время оказало свое влияние на понимание природы города как архитектурного организма, на отношение к культурному наследию городов.

Революционные преобразования дали важный импульс для развития новых направлений в искусстве, с самого начала оценивавших себя в качестве революционных. Художественные поиски связывались с новизной, революционностью всей социально-политической и культурной ситуации в стране. Программная устремленность в будущее была вроде бы вполне созвучна вектору революционных изменений. Апология техники, движения, динамических изменений в быту и языке соединялась с декларативным отвержением всего устоявшегося, традиционного. Полярным «авангарду» по своему отношению к наследию был лагерь традиционалистов. Здесь было меньше самоназваний и деклараций, меньше каких-то специальных организаций. Традиционалисты стремились просто продолжать привычную культурную работу, реагируя, впрочем, во многих случаях на происходившие в обществе изменения.

В рассматриваемые годы весь спектр творческих течений в искусстве мог существовать и развиваться достаточно свободно. Власть только присматривалась к происходящему и, видимо, взвешивала степень полезности или опасности каждого из направлений. Весьма характерно отношение партийного и государственного руководства к художественному авангарду. Теоретики нового искусства подчеркивали революционность своих взглядов и работ, но власти относились к ним весьма настороженно. С одной стороны — в силу непривычности, непонятности для них новых форм искусства, с другой же — «опасаясь создания на базе искусства какой-то параллельной революционной»³ организации. А.В. Луначарский свидетельствовал, что «к современному искусству чисто формальному интерес чрезвычайно мал»⁴, «я протянул руку “левый”, но пролетариат и крестьянство им руки не протянули»⁵. При поправках на возможную необъективность наркома просвещения следует признать, что в целом он, конечно, был прав: в широких массах авангард не пользовался популярностью. Офи-

циальная позиция властей при критике многих аспектов буржуазной культуры предполагала положительную оценку многовекового культурного наследия в целом, необходимость определенной ответственности.

Преемственность эта, правда, должна была быть весьма выборочной, отвечая политическим и идеологическим задачам власти. Монополизировав в 1917–1918 гг. государственную власть, большевистское правительство было озабочено в дальнейшем установлением контроля и монополии в области идеологии. Но пока это мало затрагивало интересующую нас область отношения к культурному наследию. Первые пять послереволюционных лет новой власти было не до проблем архитектуры вообще и недвижимых памятников в частности. Но в то же время не было недооценки значения воздействия на людей образов города. Свидетельство этого — появившийся сразу после революции план монументальной пропаганды.

* * *

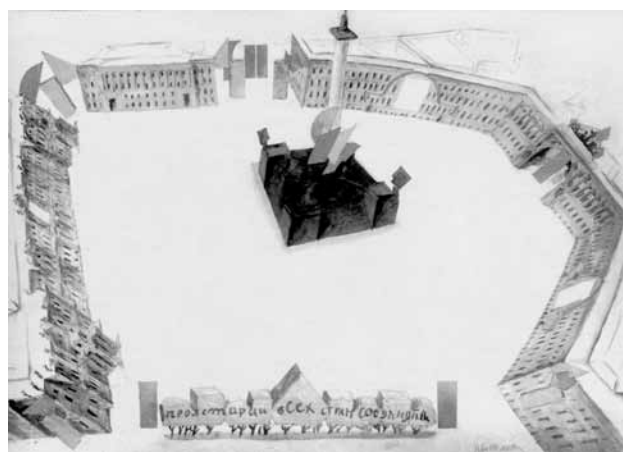
В первые послереволюционные годы реальное строительство практически не велось. Но сразу же возникла довольно обширная область «бумажного» проектирования. Задумывались новые типы общественных зданий, мемориалы. В той или иной мере проекты затрагивали проблему наследия.

Реализация подобных проектов могла осуществиться только в будущем. Однако возникла потребность немедленно продекларировать наступление новой эры, в чем-то изменив городское окружение. Первым актом в этом направлении стал декрет «О снятии памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг, и выработке проектов памятников Российской Социалистической Революции», выпущенный 12 апреля 1918 г. В декрете несколько позиций: 1) требование снять памятники указанного в названии декрета содержания, если они не представляют художественного или исторического интереса; 2) «мобилизовать художественные силы» на выработку проектов памятников, «долженствующих ознаменовать великие дни Российской Социалистической Революции». Поскольку выполнение пунктов 1 и, особенно, 2 требует времени, «спешно подготовить декорирование города в день 1-го мая и замену надписей, эмблем, названий улиц, гербов и т.п. новыми, отражающими идеи и чувства революционной трудовой России»⁶. В развитие указанного декрета 17 и 30 июля 1918 г. выходят постановления Совнаркома «О постановке в Москве памятников великим людям» и «Об утверждении

списка памятников великим людям»⁷. Интересно, что в последнем из них приказано выкинуть из подготовленного списка Владимира Соловьева. Чья-то попытка включить философа-идеалиста в число великих людей социалистической России показывает, что далеко не всем были понятны идеология и принципы руководства новой власти в стране.

Названные декрет и постановления более известны как Ленинский план монументальной пропаганды. Во исполнение этого плана в Москве и других городах было поставлено некоторое количество памятников разного художественного качества в рамках же интересующей нас темы более существенна реализация мероприятий, непосредственно связанных с архитектурным наследием городов. Прежде всего это требовавшееся декретом «декорирование города в день 1-го мая» и последующая практика праздничного оформления городов в 1918, 1919 и даже в 1920-е гг. Наиболее активны в таком оформлении были художники левой ориентации, стремившиеся не только ввести в городскую среду сюжеты и символику революционной направленности, но и разрушить старый облик того или иного места. В некоторых случаях это было очень трудно сделать. Например, на Дворцовой площади нельзя было убрать Александровскую колонну или задрапировать венчающего ее ангела. Приходилось довольствоваться устройством кубистической трибуны у основания колонны. В соседстве с менее грандиозными памятниками возможности для трансформаций городской среды, естественно, расширялись.

Идеологию подобных композиций ясно выразил В. Дмитриев, руководивший художественной мастерской в Минске: «Если перед нами зда-

Проект оформления Дворцовой площади в Петрограде к годовщине революции. Худ. Н.И. Альтман. 1918

ние, пусть даже и прекрасное здание, мы не станем подлаживаться под его стиль, мы не станем наши украшения робко вкрапливать в замысел прошлой культуры, нет, пусть врежется в него, как молот»⁸. Это было им сказано в 1919 г. в связи с готовившимся оформлением Минска ко дню Красной Армии. Авангардные композиции вызывали, однако, отрицательную реакцию у населения. Исполком Петровета в апреле 1919 г. в связи «с жалобами из районов на футуристическое засилие, наблюдавшееся на всех наших предыдущих празднествах», постановил: «Ни в коем случае не передавать организацию первомайского праздника в руки футуристов из отдела изобразительных искусств»⁹.

Наряду с авангардными решениями, встречались композиции достаточно традиционного характера. Среди них — обелиск Октябрьской революции (более известный под поздним названием обелиска Советской конституции) на Советской (бывшей Скобелевской) площади в Москве¹⁰. Архитектурная тема памятника была определена уже в первом, временном варианте, сооруженном к 7 ноября 1918 г. Сама тема обелиска достаточно традиционна, данный обелиск был поставлен на трехгранном постаменте, каждая грань которого была декорирована ампирной аркой¹¹, что дополнительно подчеркивало приверженность автора историзму. К торжеству первой годовщины революции здание Моссовета (дом генерал-губернатора) было выкрашено в красный цвет с белыми деталями, все же прочие здания, окружавшие площадь, — в желтый. Колористическое единство окружения придало площади цельность. Сами цвета, как и тема обелиска, были вполне типичны для классицизма, сложилась стилистическая общность всей площади. Очевидец праздника писал: «Только одна площадь в Москве производила целостное впечатление благодаря общему единству своего убранства. Это — Советская площадь»¹². В этих словах следует видеть сопоставление данной площади с оформлением других площадей городского центра. Надо добавить, что при замене временного обелиска постоянным (открыт 27 июля 1919 г.) у основания обелиска появилась символическая женская фигура, выполненная Н.А. Андреевым. Городская пожарная каланча, стоявшая за обелиском и конкурировавшая с ним своей вертикалью, была почти полностью снесена, от нее оставили только портик, осмысленный как пропилеи, ведущие на площадь.

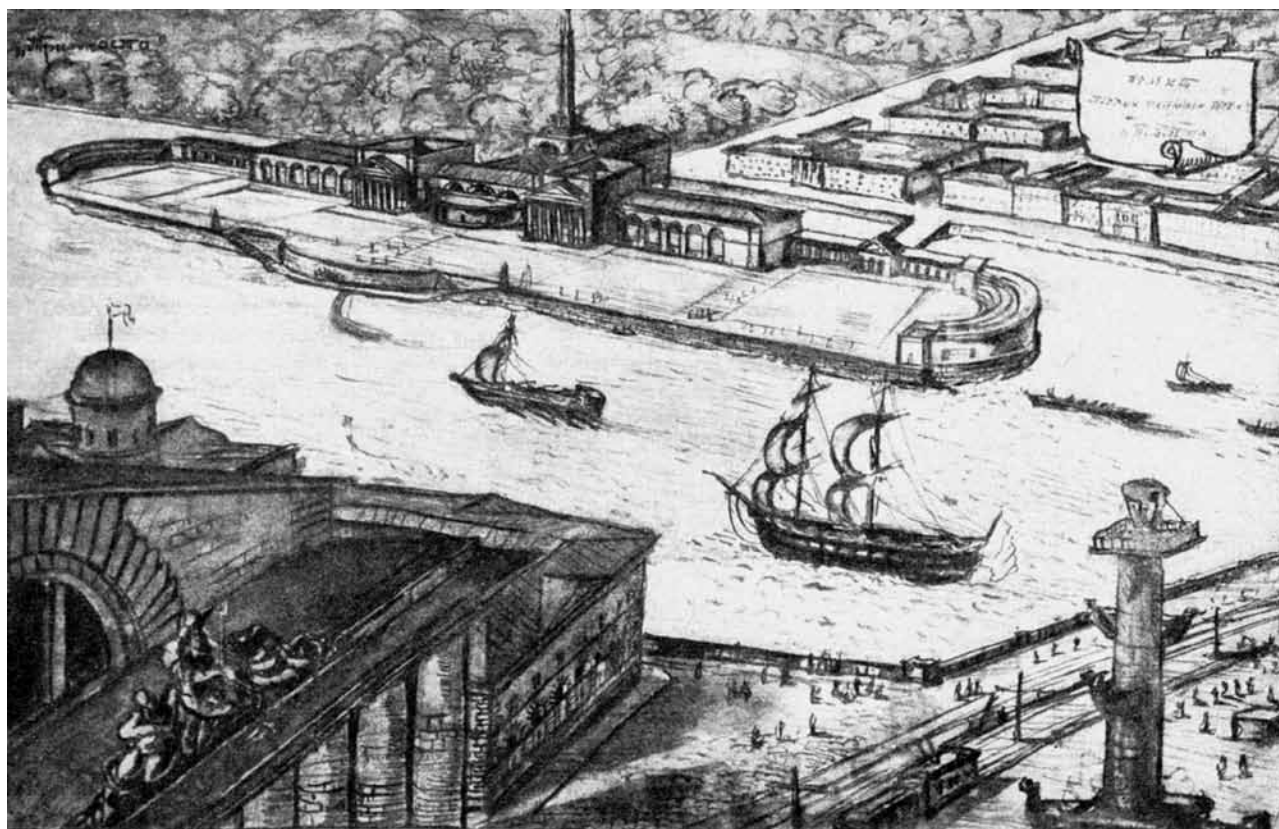
Проекты сооружений и ансамблей первых послереволюционных лет (преимущественно «бумажные») показывают, что первоначально в них

Обелиск Октябрьской революции (обелиск Советской конституции) на Советской площади в Москве

господствовало традиционное стилевое мышление. В 1919 г. В.Г. Гельфрейх проектирует сельский Народный дом в виде ампириного дворца или театра, И.А. Фомин предлагает грандиозную ордерную композицию для Дворца рабочих Петергофского района, а в Ярославле Д.В. Разов в проекте того же года придал жилому барaku для строительных рабочих черты изящного классицистического особняка¹³. Весьма характерен для своего времени конкурс на «Первые районные термы» в Петрограде 1920 г. В проектах преобладала ордерная архитектура, но использовалась и тема средневекового замка.

Конкурс интересен тем, что возникала проблема взаимодействия с историческим окружением, так как площадкой проектирования был выбран Ватный остров вблизи Биржи с Петроградской стороны. Из пяти представленных проектов один предлагал фронтальную композицию, обращенную к Бирже, программно симметричную по отношению к Адмиралтейству (Н.А. Троцкий, Л.М. Тверской и Д.П. Бурыйшкін). В остальных проектах рассматривалась только зона видимости нового объекта и решались частные планировочные задачи. Можно констатировать, что все проекты, пусть с разной мерой успешности, занимались новым

Конкурсный проект первых районных терм в Петрограде. Арх. Н.А. Троцкий, Л.М. Тверской, Д.П. Бурыйкин. 1920

проектированием в старом городе, не занимаясь специально проблемой наследия, но стремясь не разрушить ценных черт сложившихся ансамблей. Жюри конкурса в составе Л.Н. Бенуа, И.А. Фомина, С.С. Некрасова одобрило четыре проекта из пяти, присудив первую («фронтальная композиция»¹⁴) и вторую («замок»¹⁵) премии и рекомендовав еще два проекта к приобретению¹⁶.

Проектирование терм было связано с более общей установкой Петросовета на благоустройство и преобразование центра города. В мае 1919 г. был объявлен конкурс на проекты благоустройства анфилады главных площадей города и района Биржи. В части собственно благоустройства проектантам давалась достаточная свобода, допускалась перепланировка или уничтожение Александровского сада. Предполагалось упразднение зданий, закрывающих со стороны набережной двор Адмиралтейства. Подчеркивалась необходимость сохранения Александровской колонны. Важнейшая идея задания — раскрытие вида на основные памятники центра и создание «необходимого простора для собраний и движения публики»¹⁷. Результаты конкурса, видимо, не удовлетворили устроителей, и в сентябре конкурс был объявлен вторично. В 1920 г. проблемой регу-

лирования центра Петрограда занималась уже мастерская Совкомхоза. Работа не дала значительных результатов, но конкурс на термы был связан с этим движением преобразования центра.

Непосредственно с проблемой наследия был связан еще один неосуществленный проект 1919 г.: восстановления исторического вида Кленовой аллеи у Инженерного замка (архитектор В.Г. Гельфрейх). Единственной целью было возвращение былой полноты историческому ансамблю путем расчистки его от поздних построек и посадки вновь деревьев. Горсовет постановил «восстановить весь ансамбль Инженерного замка со рвом, площадью и Кленовой аллеей, разобрав все здания, так или иначе обезобразившие это место»¹⁸. Попытка восстановить исторический ансамбль уникальна для того времени, в ней чувствуется соединение неоклассицистической инерции предреволюционных лет с иллюзией свободы градостроительных преобразований в новую эпоху.

Единственным реализованным проектом градостроительного характера в те годы было оформление памятника Жертвам Революции на Марсовом поле. Это мероприятие было во многом вынужденным. После Февральской революции долго

не знали, что делать с неопознанными телами погибших в те дни. Была даже идея похоронить их на Дворцовой площади, убрав Александровскую колонну. Только 23 марта они были похоронены на выбранном для этого Марсовом поле. Тогда же родилось и определение: «Жертвы Революции». Нетрадиционность этих похорон, характер их оформления ярко обрисовал И.А. Бунин: «Я видел Марсово поле, на котором только что совершили, как некое традиционное жертвоприношение революции, комедию похорон будто бы павших за свободу героев. Что нужды, что это было, собственно, издевательство над мертвыми, что они были лишены честного христианского погребения, заколочены в гробы почему-то красные и противоестественно закопаны в самом центре города живых? Комедию проделали с полным легкомыслием... из края в край изрыли и истоптали великолепную площадь, обезобразили ее буграми, натыкали на ней высоких голых шестов в длиннейших и узких черных тряпках и зачем-то огородили ее дощатым забором, на скорую руку сколоченным...»¹⁹.

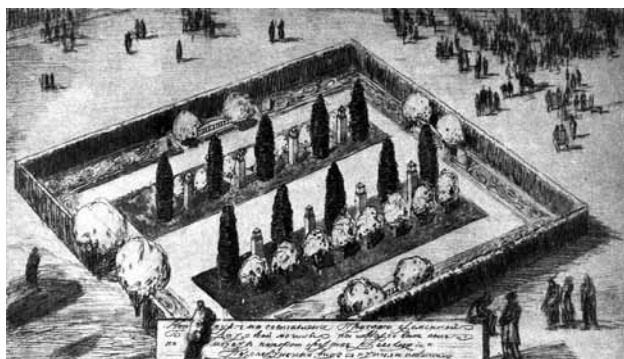
Уже после похорон прошел конкурс на архитектурное решение мемориала (не ранее апреля 1917 г.), в нем победил Л.В. Руднев. Его проект постепенно реализовывался на протяжении 1917–1919 гг. В 1919 г. на художественном совете архитектурной мастерской было решено рассматривать Марсово поле как часть паркового комплекса, включающего, кроме него, Летний и Михайловский сады, но придать Полю партерный характер. Соответствующий проект озеленения и благоустройства в 1920 г. разработал И.А. Фомин²⁰. Партерность озеленения вместе с плоскостным характером мемориала позволили сохранить Марсово поле как открытое пространство, преемственно связать новое решение с прежним. Этому же способствовал заложен-

ный Рудневым принцип регулярности планировки формировавшегося ансамбля. Новаторство было только в брутальном, неордерном характере самого мемориала.

В 1922 г. был объявлен конкурс, результатом которого тоже стало реальное строительство. Это конкурс на благоустройство площади Диктатуры в Петрограде, главной задачей которого стало устройство въезда в Смольный. Как хорошо известный проект-победитель В.А. Шуко, так и проекты других участников (Л.В. Руднев, Л.А. Ильин) основывались на традиционно ордерных решениях, считавшихся, видимо, единственным возможным средством развития знаменитого классического ансамбля.

Традиционное отношение к организации города, равно как и сложившееся еще в 1910-е гг. отношение к наследию, господствовали и в московской практике. Хотя после переезда правительства в Москву появилась мысль о необходимости создать здесь современный центральный комплекс, отвечающий новой роли города. Такая мысль прозвучала, в частности, в выступлении Г.Д. Дубелира при обсуждении программы перепланировки и расширения Москвы в Отделе градостроительства ВСНХ в декабре 1918 г. Программу докладывали Б.А. Коршунов, П.А. Маматов и И.В. Жолтовский. Дубелир высоко оценил главную идею эскизного проекта: сохранение основной схемы исторически сложившегося радиально-кольцевого плана. При этом указал на желательность постройки рядом с Кремлем (который должен остаться неприкосновенным и только реставрироваться) нового государственного административного центра. Для его размещения он предложил место между Москвой-рекой и Варваркой.

Идея создания нового крупного архитектурного комплекса не попала в резолюцию совещания, но

Конкурсный проект братской могилы Жертв Революции на Марсовом поле в Петрограде. Девиз «Две сабли». Не ранее апреля 1917

Проект благоустройства площади Жертв Революции в Петрограде. Арх. А.И. Фомин. 1920

в целом выступление Дубелира отразило общее представление о пути совершенствования структуры города: развитие в рамках традиции при модернизации планировки и застройки с созданием новых архитектурных комплексов.

Модернизация планировочной структуры включала в себя два существенных вопроса. Первый из них — территориальное развитие города и совершенствование системы его транспортного обслуживания. Эта тема рассматривалась в масштабе структуры города в целом, лишь косвенно затрагивая проблемы наследия старых городских районов. На перспективу планировалось развитие метрополитена, связывающего периферийные районы с центром и основными местами приложения труда. Предполагалась некоторая разгрузка исторического центра за счет рациональной застройки периферийных участков в пределах кольцевой железной дороги.

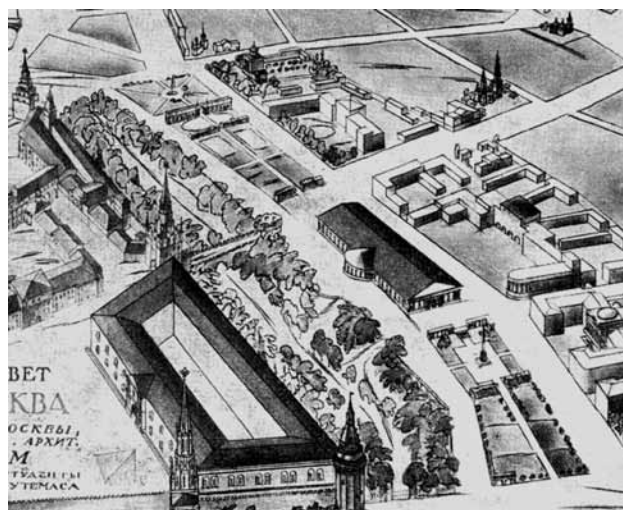
Второй вопрос теснее связан с зоной исторической застройки. Это вопрос общегигиенических условий жизни в городе. Предполагалось создание пронизывающих город зеленых клиньев, но при этом высказывались разные мнения о рациональности создания значительных зеленых массивов или же дисперсного придомового озеленения²¹.

И общая концепция соединения модернизации города с поддержанием традиционных его черт, и частная идея развития городского озеленения нашли свое воплощение позже, в градостроительных проектах 1922—1925 гг. Основа этих проектов — созданный в 1919—1920 гг. под руководством А.В. Шусева план «Новая Москва» (в рамках работы Особой ученой комиссии по перепланировке Москвы). Отдельные районы и узлы старого города были детальнее разработаны в проектах 1923—1925 гг.

Один из принципов проектирования — активная «расчистка» города, удаление значительной части застройки, представлявшейся неценной. За счет этого планировалось расширение основных улиц, обильное введение нового озеленения. Так, уничтожалась вся застройка между Манежной и Моховой улицами, оставлялся только Манеж. Сами улицы, и Моховая, и Манежная, становились значительно шире. Расширялись также такие радиальные направления, как Воздвиженка и Тверская. Новое озеленение активно вводилось внутрь кварталов, но, кроме того, создавался ряд новых общественных озелененных пространств.

Один из самых показательных примеров — уже упоминавшееся пространство между Манежной (в 1920-е гг. Неглинной) и Моховой улицами. И к югу, и к северу от Манежа проектировалось пар-

терное озеленение, пространственно связывавшее Кремль и цепочку классицистических ансамблей по Моховой от Пашкова дома до Старого университета. В этом партерном пространстве формировалось несколько площадей, построенных по единому принципу: они были ограничены зданиями только с севера и юга, так, чтобы не нарушать упомянутой выше зрительной связи (использован прием, употребленный в XVIII в. Габриэлем при создании площади Согласия в Париже). Спроектированные полоски застройки были по центру разорваны, чтобы открыть продольную ось. На пересечении же продольной и поперечной осей каждой площади проектировался центрирующий композицию памятник. Принятый принцип планировки хорошо читается на известном аксонометрическом чертеже района «от Дворца труда до Каменного моста».

План «Новая Москва». Район от Дворца труда до Каменного моста. Фрагмент. Арх. А.В. Шусев. 1923

Рассмотренный пример показывает, что проявляются две уже знакомые нам тенденции. С одной стороны — сохранить то, что кажется безусловно ценным. С другой — достаточно смело преобразовывать сложившуюся городскую застройку. Представление о значении старой морфологии ограничено особенностями восприятия города в первой половине века (привлекательность массовой старой застройки с ее масштабом и «неправильностями» начнут ценить только по мере ее исчезновения).

Преобразования основываются главным образом на композиционных нормах классицизма. Но в некоторых случаях использовались приемы, свойственные нерегулярному городу. Так, на углу Волхонки и Малого Знаменского переулка проекти-

ровалась башня, сопоставимая по высоте с храмом Христа Спасителя, с которым она находилась бы в визуальной связи. Башня должна была фланкировать протяженный ордерный фасад расположенного рядом музея Александра III (теперь Музея изобразительных искусств им. Пушкина).

На так называемом Острове, на месте кондитерской фабрики Эйнем предполагалось поставить протяженный П-образный корпус с башней по центру. Эта башня со шпильеобразным завершением могла ассоциироваться и с гостиницами дворами XVII в., и с петербургским Адмиралтейством. На всем пространстве Острова убирались многоэтажные дома, что должно было восстановить былой контраст южного фасада Кремля и заречной застройки²². Рассмотренные участки показывают, что при сохранении известных уникальных сооружений город как целое должен был подвергнуться решительным преобразованиям.

План «Новая Москва». Фрагмент перспективы Хамовнического и Замоскворецкого районов. Фрагмент. Арх. А.В. Шусев, В.Д. Кокорин. 1924

На основании проектных проработок «Новой Москвы» в 1925 г. для столицы были разработаны строительные правила. Город предполагалось разделить на шесть поясов — Кремль, Китай-город, территория внутри бульваров, от бульваров до Садового кольца, от Садового кольца до Камер-Коллежского и, наконец, вне его. В Кремле застройка запрещалась, за исключением сооружений, возводимых по особому решению Правительства. В остальных зонах строительство разрешено, максимальная высота установлена в 11 саженей, предусмотрено постепенное понижение застройки по

мере движения к периферии. В Китай-городе дома должны быть не выше 6 и не ниже 3 этажей, жилье строить нельзя. В Бульварном кольце дома не выше 5 этажей, а по главным улицам — не ниже 3 этажей. За бульварами предполагалось строить здания не выше 4 этажей²³. Очевидна ориентация на сложившийся характер застройки, точнее — на сложившиеся предельные высоты, к которым должна была подтягиваться вся застройка.

Характерен охранный статус Кремля, но и здесь допускались исключения по особому решению. Об исключениях вне Кремля не говорится, хотя одно из них было запланировано еще в 1922 г. Это — строительство Дворца труда, площадкой для которого должно было стать место торговых рядов между Охотнорядской и Воскресенской площадями (последняя уже была названа площадью Революции). Выбор места, видимо, принадлежал Московскому архитектурному обществу, поскольку именно ему Моссовет поручил проведение конкурса на Дворец. Этот выбор можно объяснить центральностью положения участка и видимой малоценностью большей части его сооружений (достаточно очевидна была ценность корпуса Бове со стороны Театральной площади, правда уже перестроенного; об историко-архитектурном исследовании остальной территории речи, конечно, не было). В задании оговаривалось, что при проектировании «массы здания необходимо согласовывать с прилегающими площадями и улицами и, главным образом, с Театральной пл. и театрами». Указывалось также, что проектируемое сооружение должно было строиться в простых современных формах «вне специфического стиля какой-либо прошлой эпохи»²⁴.

Отношение к архитектурному наследию городов в сосуществовавших традиционной и авангардной профессиональных парадигмах. 1923—1934

Говоря о плане «Новая Москва», концептуально выстроенном еще в 1919—1920 гг., но прорабатывавшемся и в 1924—1925 гг., пришлось отчасти вторгнуться во второй период предложенной хронологической рубрики. Это вполне естественно, поскольку профессиональное мышление, характерное для раннего советского периода, продолжало существовать и развиваться и в последующие годы. В то же время нельзя не признать, что с проектирования Дворца труда (сентябрь 1922 — февраль 1923) начинается новый этап осмысления проблемы вза-

имодействия наследия и современности в сложившемся городе.

В ряде конкурсных предложений впервые заявляет о себе архитектурный авангард. Городу предлагаются непривычные архитектурные формы, появляется новое отношение к городскому окружению. Хотя наряду с принципиальными новациями были и проекты, основанные на традиционном типе профессионального мышления.

К этим последним можно отнести, например, проект Н.А. Троцкого, получивший на конкурсе первую премию. Новый образ он искал, используя массивные стены, крупные купольные конструкции. Грандиозные призматические пилоны, прорезывающие купольное ядро здания и напоминающие контрфорсы константинопольской Софии, придавали сооружению напряженность и драматизм. Формы здания необычны, но в принципе традиционны для города. Троцкий постарался ответить требованиям задания о согласовании архитектуры его здания с окружением. Купольная часть охвачена малоэтажным подиумом, полностью занимающим участок проектирования, так что и на Тверскую, и на Театральную площадь выходят трехэтажные фасады, организованные колоннадами из редко расставленных массивных колонн. Впрочем, колоннами их можно назвать условно, скорее это круглые столбы довольно приземистых пропорций. Конфигурация подиума отчасти повторяет очертания сносимого корпуса Бове, фиксируя поворот улицы от Охотного ряда к Театральному проезду.

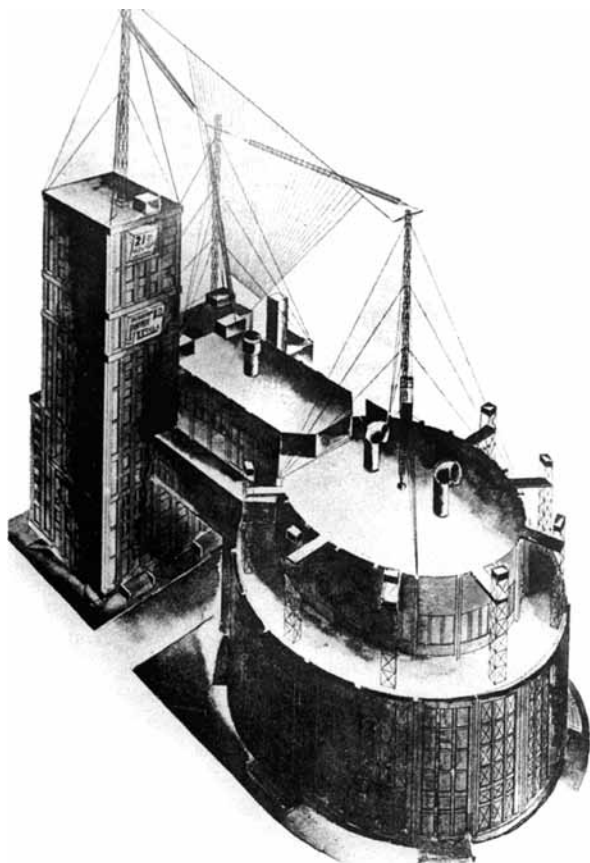
Архитектурные проекты авангардной направленности значительно свободнее располагали на участке свои сооружения, не считаясь с обыкновением формировать периметральную застройку улиц или образовывать геометрически правильные площади. Получивший пятую премию И.А. Голосов построил свою композицию на неуклонном следовании направлениям двух взаимно перпендикулярных осей. Одно из направлений поддерживало продольную ось Театральной площади, другое — перпендикулярную. Композиция Голосова была многосоставной и включала в себя два больших зала и целый ряд других помещений, выделенных в достаточно автономные объемы. Поскольку Охотнорядская и Воскресенская площади, а также Тверская улица расположены под разными углами к осям Театральной, голосовские одинаково ориентированные объемы выходили на них углами, образуя сложный неровный фронт. Эти объемы имели разную пластическую трактовку, образуя в целом своеобразный коллаж, в котором над упрощенны-

ми, но относительно традиционными 3—5-этажными фасадами поднимались своеобразно решенные своды больших залов. Складывался образ какого-то плотно застроенного городка, выросшего посреди малоэтажной среды старой Москвы.

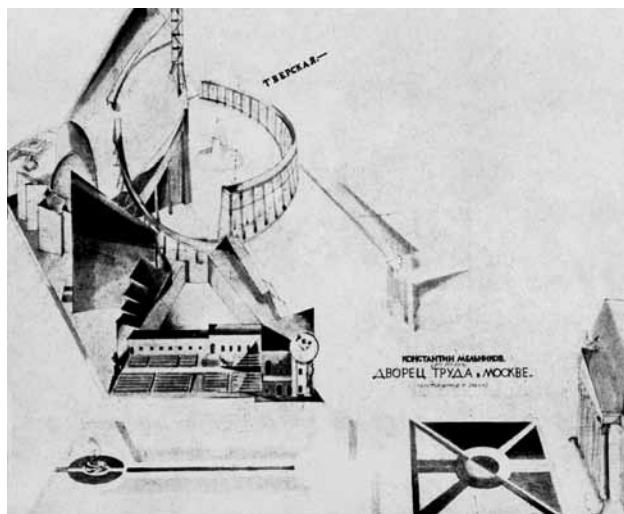
Еще более свободно размещены в пространстве элементы комплекса дворца, запроектированного К. Мельниковым (не отмеченного жюри). Два зала в виде громадных рупоров, направленных в противоположные стороны, соединены сложной цепочкой мелких объемов для дополнительных функций дворца. Залы связываются, кроме того, дугой грандиозной колоннады, один край которой поднимается выше самого большого зала. Предложена еще вторая дуговая в плане колоннада, пересекающая Охотнорядскую площадь и требующая сноса части застройки квартала между площадью и Георгиевским переулком. Сохранялся казаковский дом Благородного собрания, а церковь Параскевы Пятницы, видимо, сносилась, примерно на ее месте предполагался какой-то монумент. Задумана сложная пространственная структура с сетью колонн, оплетающих главные объемы, с пространственно развитой тканью второстепенных объемов. Ядро композиции — свободно расположенные, но взаимосвязанные массы двух главных залов. Как заметил позднее сам Мельников, «объемы аудиторий, как семейство мамонтов, разлеглись на площадях Старой Москвы»²⁵.

Если с Охотнорядской площадью Мельников обошелся бесцеремонно, не находя в ней чего-то ценного, то с Театральной площадью он постарался композиционно связаться. Новый объем повторяет плановые габариты углового ризалита Бове, затем красная линия площади, идущая в сторону Китай-города, поддержана габаритом проектируемых трибун. За трибунами поставлен протяженный корпус, связанный с упоминавшимся выше ризалитом. Вся система мелких объемов комплекса коллажно дробна, составлена из схематично поданных габаритов, архетипически восходящих к традиционным городским постройкам XIX в.

Коллажность, схематичность габаритов, равно как и своеобразие форм главных объемов, динамика композиции и у Мельникова, и у Голосова заставляют вспомнить проектные эксперименты группы Н.А. Ладовского, с которым в разной мере, но были связаны оба автора, а также вспомнить и период их совместной работы²⁶. Заметим, что Н.А. Ладовский и основной состав его группы в конкурсе не участвовали, протестуя против того, что организацию конкурса поручили «рутинному» Московскому архитектурному обществу²⁷.

Конкурсный проект Дворца труда в Москве.
Арх. бр. Веснины. 1923

Конкурсный проект Дворца труда в Москве.
Арх. К.С. Мельников. 1923

Особое место в серии проектов конкурса занял самый знаменитый из них — проект братьев Весниных, первое вполне сформированное произведение советского конструктивизма. В отличие от рассмотренных выше предложений архитектурного авангарда Веснины представили очень компактное сооружение, включавшее разновысокий башенный объем и громадный цилиндр зала (между ними в нижнем ярусе был проезд, но для нашей темы это несущественно). Не вдаваясь в анализ давно и хорошо изученного проекта, остановимся только на вопросе о взаимодействии задуманного дворца с окружением, с наследием старого города. Графический материал проекта приводит к мысли, что авторы сознательно абстрагировались от проблемы связи со сложившимся городом. Нигде нет даже указания на то, какова ориентация комплекса: зал обращен к Тверской или к Театральной площади. Это вряд ли небрежность авторов, это скорее декларация независимости от какого-то диктата со стороны наследия, со стороны традиции: на предложенном участке вырастает НОВОЕ. Вот и все.

Одновременно с публичным представлением первых авангардных проектов появились и первые публикации, осмысливающие взаимосвязь новой архитектуры и архитектурной традиции. В авангардном мышлении существовало, прежде всего, простое отрицание всего ранее делавшегося. Для этого виделось два основания. Во-первых, прежняя архитектура не отвечала изменившейся типологии сооружений и новому уровню строительной техники. Еще в предреволюционные годы К.С. Малевич писал, что паровозы должны краснеть от стыда при виде классицистических вокзалов. Во-вторых, изменился образ жизни и мировосприятие человека, и архитектура минувших эпох стала для современности чужой. (Характерно утверждение В.Ф. Кринского, что «римляне не так понимали Пантеон как мы», они были люди «с совсем иным пониманием «вселенной», чем наше.) Но в 1923–1924 гг. в среде идеологов авангарда появилась попытка выявить не только различия, но и черты общности в старой и новой архитектуре. Отчасти оказывается затронутой и проблема преемственности, и вопросы отношения к наследию. Наиболее существенны в этом отношении работы М.Я. Гинзбурга «Ритм в архитектуре» (1923) и, особенно, «Стиль и эпоха. Проблемы современной архитектуры» (1924). Сейчас не место сколько-нибудь последовательно анализировать изложенные в этих книгах идеи автора; заметим только, что Гинзбург связывал свои историко-теоретические построения с уже начинавшейся

проектной практикой конструктивизма. Так, он сопоставляет динамику исторических произведений (готики, барокко) и динамику веснинского Дворца Труда,²⁸ показывая, что наличие внутренней динамической системы лежит в основе любого архитектурного произведения, в ней его композиционная идея.²⁹

В подавляющем большинстве практических работ авангардного направления 1920-х годов наследию не уделялось специального внимания; оно воспринималось, главным образом, как не имеющее особой ценности окружение, которое со временем уйдет под натиском нового. Например, так, как позже исчез Симонов монастырь ради строительства Дворца культуры Пролетарского района в Москве в 1931–1937 годах.

Показателен проект здания издательства «Известий» на Страстной площади. (Г.Б. Бархин, 1925). Ситуация заставляла вписываться в периметр сложившейся застройки, но и своими габаритами, и характером архитектуры здание заявляло о своей принадлежности к совершенно иному миру, чем его окружение. Нельзя не заметить, что проект представлял собой реплику на тему башни «Чикаго Трибюн» В. Гропиуса. Понятно, какие образы современности были для автора ориентиром.

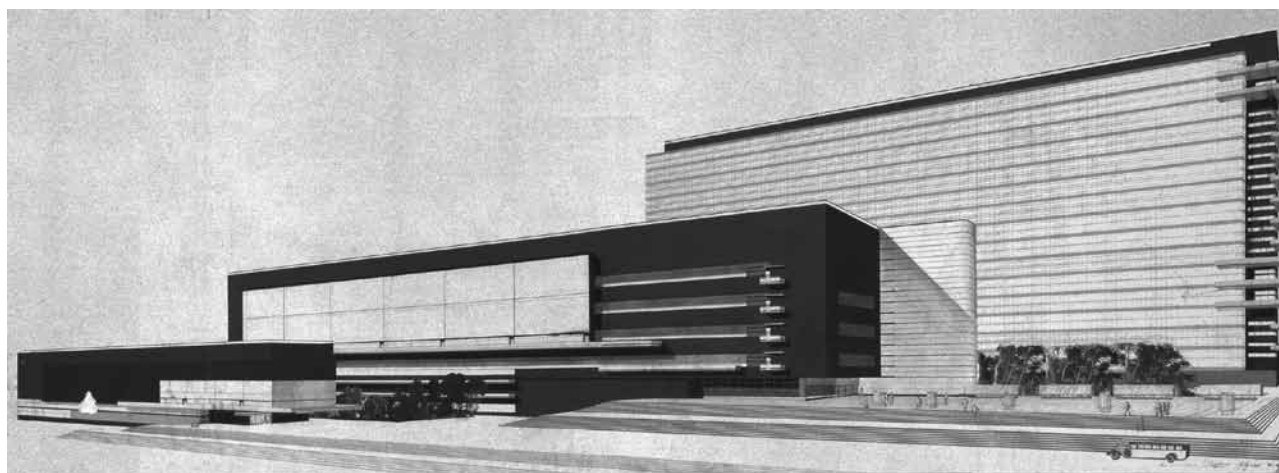
Подобные образы городской застройки были популярны. Заведующий Московским управлением недвижимого хозяйства Н.Ф. Попов в своей известной отповеди А.В. Щусеву писал: «Мясницкой не нужны ни церкви, ни больницы. Мясницкой нужны многоэтажные дома из железа и зеркальных стекол: побольше стекла, поменьше камня. Мясницкой нужны витрины, заставленные машинами и залитые светом. На Мясницкой лишняя не толь-

ко церковь Евпла, но и Флора и Лавра, и Меньшикова башня»³⁰.

Новые проекты были нацелены на создание сооружений принципиально новой структуры и, часто, непривычных размеров. Но к этому добавилось нетрадиционное пространственное мышление. Развитие функциональных начал в конструктивизме привел к т.н. павильонному типу формируемых новых структур³¹. Сооружения расчленяются на ряд взаимосвязанных объемов, каждый из которых должен оптимально ответить определенной функции. Структура сооружений усложняется, становится пространственно развитой и сугубо ассиметричной. Функциональная мотивация конструктивистов получает поддержку в новой эстетике, восходящей к супрематизму и архитекторам Малевича. Свободное размещение объемов в пространстве, которое в проекте Дворца Труда Мельникова было столь необычным, стало своего рода нормой профессионального мышления. Нормой, резко отличавшейся от привычного в архитектуре, от принципов, по которым был выстроен город Нового времени.

Появившийся принцип свободной пространственной организации комплексов требовал для строительства обширных земельных участков, поэтому наиболее полно реализовывался в районах, лишенных плотной застройки (Дом Наркомфина на Новинском бульваре, Дом-коммуна вблизи Донского монастыря в Москве), особенно если расчистка земли была predetermined идеологическими соображениями (как при сносе Симонова монастыря).

Среди проектов, затрагивавших участки в центральных районах города, характерны предложения, представленные на конкурс 1928 года на строительство Библиотеки имени Ленина, запланированное

Конкурсный проект Библиотеки им. Ленина в Москве. Арх. В.И. Фидман, Д.Ф. Фридман. 1928 г.

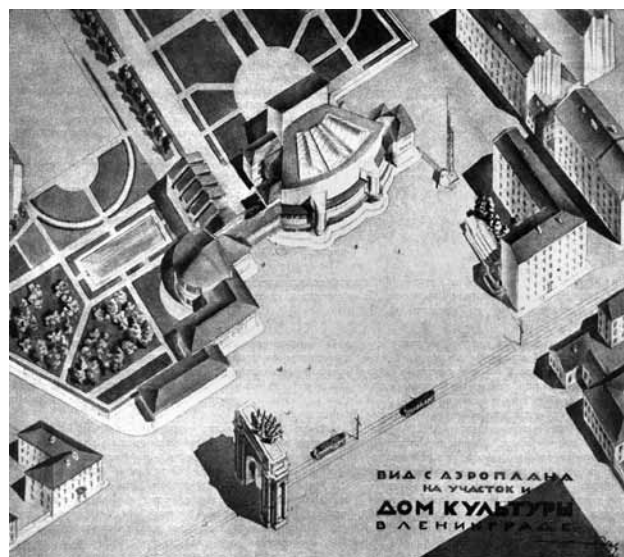

на месте здания архива Министерства иностранных дел в Москве. Во всех проектах комплекс библиотеки складывался из группы разновысоких объемов, причем наряду с неизбежным противопоставлением пластины книгохранилища и объема главного читального зала во всех проектах возникал еще целый ряд дополнительных членений. Чаще всего по Моховой выстраивался фронт протяженного корпуса, за которым, в каждом проекте по-своему, и группировались остальные объемы комплекса. Книгохранилище, таким образом, в значительной мере пряталось за объемы первого плана. Только проект В.И. Фидмана и Д.Ф. Фридмана выдвигал эту высотную часть комплекса на всеобщее обозрение. Именно этот проект в наибольшей мере демонстрировал идею свободного размещения комплекса в пространстве, минимально связываясь с линиями застройки старого города. Примечательно, что ни один проект не изображал соседние здания, не показывал характер связи с ними своего комплекса. Не изобразил соседей и автор «Новой Москвы» А.В. Шусев. И это в ситуации, когда соседом должен был стать знаменитый дом Пашкова. Это не было упущением или демонстративным пренебрежением к окружению. Такова была норма подачи проекта, и она отражала господствующее убеждение в праве архитектора проектировать без оглядки на сложившийся контекст. Если архитектор и думал о взаимодействии нового сооружения с окружением, это оставалось в его творческой лаборатории и на суд жюри не выносилось.

Иногда новый планировочный принцип соединялся с элементами традиционной пространственной организации комплексов. Это могло быть результатом специального замысла, особенно если архитектор не был последовательным авангардистом. В качестве примера можно вспомнить конкурсный проект Дома культуры Московско-Нарвского района в Ленинграде, выполненный в 1925 г. В.А. Шуко. Сложный, многосоставный объем комплекса (вполне в принципах «павильонной компоновки») формирует относительно традиционный периметр площади, край которой замыкает арка триумфальных ворот Нарвской заставы. В центре площади — симметричный объем главного зала, ленточное остекление которого перерезают два вертикальных пилона, подчеркивающих ось симметрии³². Надо заметить, что реализованный проект А.И. Гегелло и Д.Л. Кричевского подхватил ту же тему симметричного фасада с двумя вертикальными пилонами (1925–1927), с той только разницей, что весь объем Дома культуры стал у них

симметричным и компактным. Как и в ряде других рассмотренных случаев, на площади сохранялся отдельный исторический объект — Триумфальная арка, при полной реконструкции его окружения. В данном случае это не вызывало проблем, поскольку в периферийном районе Нарвской заставы ценного окружения памятника не сохранилось. В более центральных районах Ленинграда подобных решений тогда не было: единообразие застройки центра заставляло, в отличие от Москвы, видеть в ней эстетическую ценность.

Оглядывая целый ряд проектов и построек 1920-х гг., можно заключить, что господствующей была идея независимости нового строительства от сложившегося окружения. Различие позиций было в том, что для одних мастеров было вполне орга-

Конкурсный проект Дома культуры Московско-Нарвского района в Ленинграде. Арх. В.А. Шуко. 1925

Площадь Нарвской заставы в Ленинграде. Фото 1930-х гг.

нично стремление придерживаться в той или иной мере традиционных приемов пространственной организации застройки, другие же отвергали традицию в принципе. Одни были готовы сохранять некое количество произведений прошлого, другие же обрекали их все на вымирание.

Среди авангардных проектов середины 1920-х г. заметно выделяются два. Во-первых, это знаменитый небоскреб В.Ф. Кринского (1922–1923). Это проект не конкурсный, не заказанный для реализации, это проект-концепция. Но в качестве таковой он привязан к конкретному месту. Привязка — часть концепции. Небоскреб предполагался для установки на Лубянской площади в качестве Дома ВСНХ. Архитектор признавался, что в поиске образа сооружения он руководствовался строчкой В.В. Маяковского: «Шарахнем в небо железо-бетон»³³. Автор сделал все, чтобы не допустить и мысли о связи сооружения со сложившейся застройкой, начиная с того, что вертикальные каркасные решетки соседствуют с наклонными, разрушая привычную для городской ткани тектоническую схему. К этому добавлена своеобразная игра масштаба: масштаб членений небоскреба несколько раз меняется, оставаясь на каждом участке сооружения совершенно несоизмеримым с существовавшим окружением. Получался громоздкий монстр, встававший среди старого города.

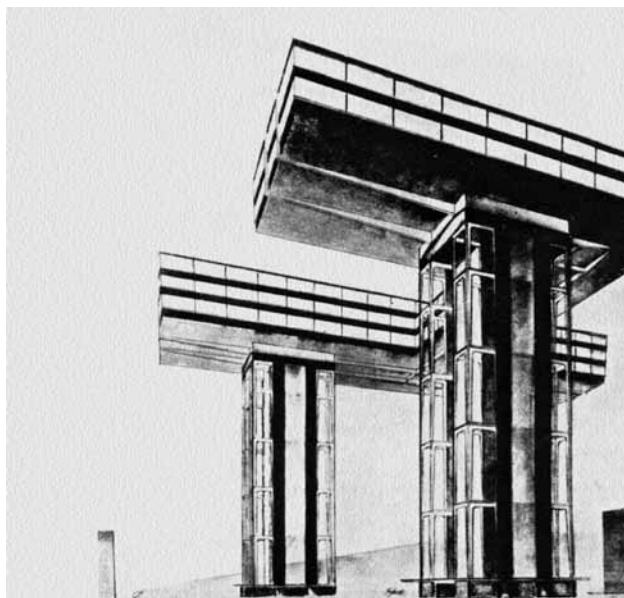
Дом ВСНХ в Москве. Арх. В.Ф. Кринский. 1922–1923

Другой проект — не менее известное предложение Л.М. Лисицкого создать в Москве серию «горизонтальных небоскребов» (1924–1925). В этом предложении отношение к сложившейся застройке, как и во многих других проектах, абсолютно пренебрежительное, даже более отрицательное, чем у других. В функциональном отношении существующие города устарели, «темпам и нуждам нашего дня они уже не удовлетворяют»³⁴. В художественном плане у Лисицкого появляется установка вообще на создание новой системы взаимосвязей в реальном мире. В докладах 1921–1922 гг. Лисицкий заявлял, что отвлеченный геометризм так называемых проунов должен заменить традиционную живопись «вместе с церковью и... с дворцом», которым она служила. Замечено, что автор нигде не пояснил, что такое «проун» (неопределенность, размытость понятия была, конечно, удобна), но утверждал, что проун — станция на пути к новой форме³⁵. Реализацией идеологии проунов и стали горизонтальные небоскребы. Странные, непонятные геометрические тела должны были возникнуть над привычной застройкой Москвы. Лисицкий с явным удовлетворением писал о проектируемом «небоскребе»: «Он стоит на трех ногах и покачивается. Разве это не сумасшествие?»³⁶

Формальное объяснение их уместности или необходимости — создание многоуровневых структур в сложных в транспортном отношении узлах. Реально они никак не улучшали ситуацию, поскольку предназначались не для обслуживания транзита, а для размещения офисов. В размещении «небоскребов» была еще одна градостроительная идея. Они все должны были быть ориентированы вдоль радиальных трасс, изображая собой некие векторы, обращенные к центру. Предполагалось, что это улучшит ориентацию в городе. Это, конечно, тоже было натяжкой, поскольку планировка города в своей основе и без этого была вполне ясной. Важно, видимо, было то, что «небоскребы» должны были положить начало формированию новой структуры города, принципиально отличной от сложившейся с ее церквями и дворцами. Проект Лисицкого должен был стать «станцией на пути к новой форме» города, к глобальному переустройству поселений в духе проунов и архитекторов. По своей идеологической заряженности концепция Лисицкого намного превосходила все создававшееся в те годы авангардом.

Надо добавить, что проект Лисицкого примечателен не только самими «небоскребами». На схеме генплана город изображен сильно измененным, неким городом будущего: почти все крупные улицы представлены значительно расширенными, с дву-

Проект горизонтального небоскреба в Москве.
Арх. Л.М. Лисицкий. 1924–1925

мя отдельными лентами движения, иногда разноуровневыми, проходящими одна над другой, или уходящими в тоннель. Их реальные направления подчас изменены, а между Тверской и Петровкой спланировано огромное открытое пространство, по оси которого тупиком изображен фрагмент Дмитровки. «Небоскребы» в авторских фотомонтажах врисовывались в реальные картины Москвы 1920-х гг., но в то же время осмысливались и как возможная часть совершенно иной, измененной среды. Эта вторая проектная линия не развертывалась ни в текстах, ни в графике, но все-таки присутствовала на ситуационном плане.

Еще раз подчеркнем, что авангардное архитектурное творчество было принципиально важным, но относительно небольшим по объему. Особенно в том, что касается реализованных проектов. Строили в те годы вообще немного, определенную долю построек занимали сооружения, поддерживающие традиции историзма, ордерной архитектуры. Не отказывался от своих архитектурных убеждений И.В. Жолтовский, традиционные представления об архитектурном формообразовании и о принципах связи старого и нового сказывались в проектах Ф.О. Шехтеля, Л.В. Руднева, И.А. Фомина и других.

Весьма показательны в этом отношении проекты строительства Мавзолея Ленина на Красной площади. Решение о захоронении на Красной площади, сформулированное в постановлении ЦИК 25 января 1924 г., мотивировалось тем, что у кремлевской стены уже были захоронения борцов Октябрьской

Проект размещения горизонтальных небоскребов в Москве. *Арх. Л.М. Лисицкий. 1924–1925*

революции³⁷. Но в выборе конкретного места для устройства первоначального склепа можно подозревать участие архитектора, скорее всего А.В. Щусева. (Важно, что к месту склепа привязывалось потом все дальнейшее проектирование.) На авторском рисунке Щусева, изображающем этот первоначальный склеп, показаны Сенатская башня и купол Сената, причем все три объекта отчетливо расположены на одной оси. С самого начала в расположении склепа была заложена идея использования давно сложившейся поперечной композиционной оси площади, присутствовала мысль о необходимости взаимосвязи нового сооружения с историческим окружением.

В декабре 1924 г. были составлены и обнародованы условия конкурса на строительство постоян-

Проект временного Мавзолея Ленина. *Арх. А.В. Щусев. 1924*

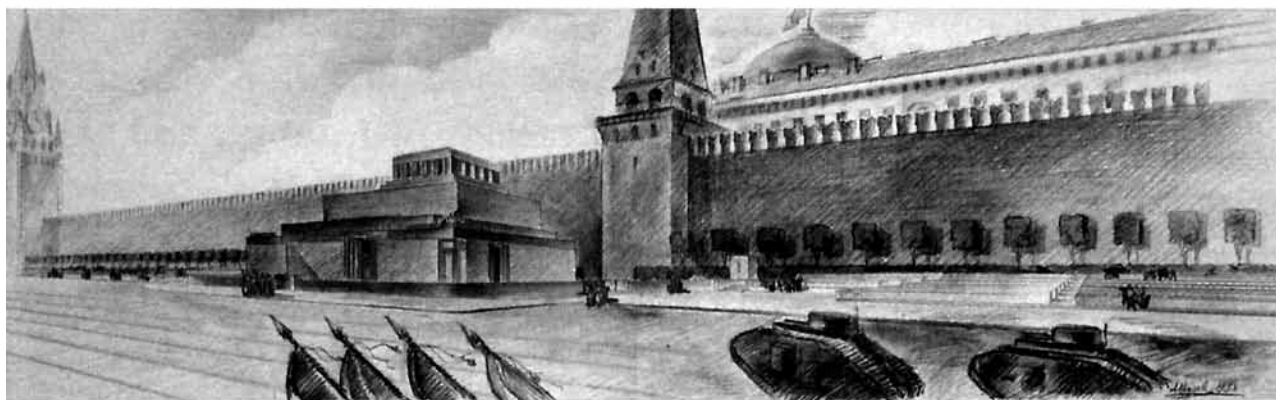

ного Мавзолея Ленина. Условия разрабатывались комиссией во главе с А.В. Луначарским, в ее состав входили И.А. Фомин, В.А. Шуко, А.В. Щусев, И.И. Рерберг, Л.Н. Бенуа). Перечисленные имена говорят о предпочтении, которое отдавалось мастерам традиционного склада. В условиях ничего не говорилось о необходимости связи со сложившимся ансамблем площади. Это понятно, поскольку идея Мавзолея Вождю не могла быть связана с оглядкой на прошлое, по крайней мере, это не могло быть высказано напрямую. Но, тем не менее, в условиях появилось указание, что мавзолей «не должен быть особенно высок»³⁸.

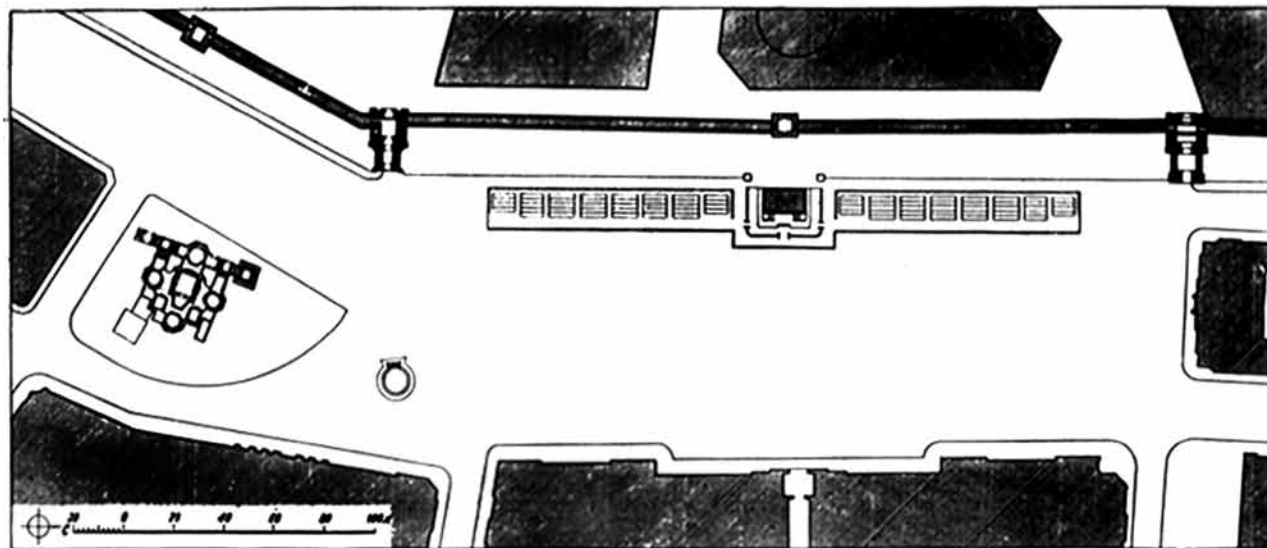
В поданных на конкурс проектах появились пирамида, покоящаяся на аркаде (Ф.О. Шехтель), каменный куб с рельефным нижним ярусом (Л.В. Руд-

нев). Не обращаясь к классическому ордеру, авторы стремились использовать мотивы архитектуры прошлого. В большинстве случаев незаметно попыток связаться с историческим окружением. Руднев, например, делает набросок, изображающий мавзолей с его окружением. Весьма схематично изображен вдали Исторический музей, непосредственно за мавзолеем — кремлевская стена. Но нет никаких башен, никакой застройки за стеной. Проектируемый куб стоит почти в пустыне, изображенный стаффаж — только условное обозначение места строительства³⁹.

Щусевский проект привлекал, конечно, компактностью, лаконизмом, естественным соединением мавзолея и трибуны. Но были и черты, сделавшие его органичной частью ансамбля площади.

Москва. Перспектива Красной площади с гранитным мавзолеем. 1930-е гг.

Москва. Схема плана Красной площади с Мавзолеем Ленина

Наряду с закреплением перпендикулярной оси площади (что заставило перенести памятник Минину и Пожарскому), важен еще ряд качеств собственно данного сооружения. Центр мавзолея сдвинут в сторону кремлевской стены, что «привязывает» его к Кремлю. Эта же сдвигка открывает более широкий вид на Покровский собор и Спасскую башню. С Кремлем и собором мавзолеев связывает его колористическое решение. Ритм стоек верхнего яруса мавзолея соответствует ритму зубцов стен и башен. Все это, с одной стороны, вписывает мавзолеев в историческое окружение, а с другой — заставляет это окружение поддерживать связанный с ним монументальный мемориал.

Можно еще раз убедиться, что в решении локальных градостроительных задач вписывания новой постройки в сложившееся окружение, преобразования площади или квартала застройки в рассматриваемое время существовали практически только две концепции. Одна из них, преобладающая, рассматривала новое независимо от контекста, преследуя единственную цель — создать сооружение, отвечающее творческой направленности, творческим убеждениям автора. Предполагалось, что связь с окружением или сложится сама собой, или решится путем изменения самого окружения. Другая концепция основывалась на необходимости целенаправленного выстраивания связи с окружением на основании традиционных, но по необходимости переосмысливаемых приемах формирования ансамбля.

На уровне более широкой градостроительной концепции существовало традиционное представление о пути развития города и его центральной части, основывающееся на поддержании и некоторой корректировке сложившейся структуры. На этой основе разрабатывался, например, план «Новая Москва». В то же время новаторские предложения, предполагавшие иное видение перспектив городского развития, проблемы реконструкции исторического города практически не затрагивали. Как заметил С.О. Хан-Магомедов, в профессиональном мышлении конструктивистов преобладала идея создания автономных, замкнутых в себе пространственно-планировочных элементов, из которых «набирались» города и жилые районы⁴⁰.

Из представителей авангарда ближе всех к проблемам фундаментальной структурной реконструкции исторического города подошел Н.А. Ладовский в известной концепции «Новая Москва» (1929). Предложение по разрыванию кольцевой системы города и по приданию ему осевой направленности

предполагало версию динамического развития центра, за счет чего снималась острота необходимых преобразований значительной части исторически сложившейся архитектурно-пространственной структуры. Активному преобразованию должен был подвергнуться главным образом сектор вдоль Тверской, хотя и в других районах предусматривалось создание широких озелененных лучевых направлений от центра до периферии города. Проектная идея Ладовского в своей проработке осталась на уровне крупной градостроительной концепции, почти не затронув проблем трансформации самой застройки и, конечно, не рассматривая вопросов ценности архитектурного наследия.

Наряду с концепцией Н.А. Ладовского, надо еще раз вспомнить схему, представленную на подоснове проекта Л.М. Лисицкого «Горизонтальные небоскребы». Эта схема вызывает определенные вопросы. Как уже говорилось, на ней транспортная схема по сравнению с существующим положением решительно модернизирована, причем автором не прокомментирована. Чтобы представить себе возможные причины ее появления и ее назначение, надо иметь в виду, что Лисицкий разрабатывал свой проект «небоскребов» в Швейцарии, где находился на излечении. Оттуда он в январе 1924 г. писал С. Кюперс с просьбой достать ему план Москвы⁴¹. Видимо, Лисицкий только по полученному плану, сидя в Швейцарии, разработал некую утопическую транспортную схему города и наметил новые площади. Если так, то перед нами футуристический набросок в духе фантазий Сант-Элиа. Вспомним, что рисунки итальянского архитектора, экспонировавшиеся в 1914 г. в Милане, были изданы как раз в начале 1920-х г. в журналах «Стиль» и «Штурм» и произвели заметное впечатление на архитектурную общественность⁴². Следует признать, что набросок Лисицкого несопоставим по проработанности с концепцией Ладовского, но интересен как иллюстрация еще одного направления реконструктивных идей эпохи.

В начале 1930-х гг. стали формироваться и обретать реальные очертания идеи крупномасштабного социалистического преобразования столицы, а затем — и других городов. Начало обширному циклу проектных и практических работ было положено в 1932 году стартом многоэтапного конкурсного проектирования Дворца Советов. Этот цикл проектных работ, относящийся к рассматриваемому в данном параграфе периоду, достаточно детально изучен, но неизбежно должен быть рассмотрен, поскольку он открывает новый этап развития реконструктивной

мысли и практики. Этому будет посвящен следующий раздел данной главы.

Сейчас же надо заметить, что картина десятилетия была бы неполной, если, фиксируя появившиеся в это время новации, оставлять в стороне программно производившееся уничтожение произведений прошлого. Именно программно, поскольку решалась задача, во-первых, ликвидации функционирующих объектов, служащих тому, что квалифицировалось как «чуждая идеология». Во-вторых же, разрушались сами памятники, существование которых говорило о наличии такой идеологии.

С 1923 г. началась кампания по «ликвидации» храмов. «Ликвидация» не всегда предполагала уничтожение сооружения, но обязательно — ликвидацию некоторых его характерных признаков — снятие креста или уничтожение главы, снятие колоколов, в интерьере — разборку иконостасов. Очень быстро эта кампания почти везде превратилась в практику сноса объектов культовой архитектуры. Музейный отдел Наркомпроса, Центральные научно-реставрационные мастерские (ЦНРМ) и губмузеи пытались отстаивать хотя бы наиболее ценные произведения, отдавая менее значительные. Борьба, отмеченная частными успехами и громадными потерями, продолжалась до 1934 г., когда ЦНРМ были ликвидированы, сопротивление со стороны каких-либо органов охраны наследия практически прекратилось. После 1934 г. поднялась новая волна разрушений в связи с реализацией планов реконструкции городов, жертвами которой стали также многие произведения гражданской архитектуры. Но об этом периоде будет сказано позже.

В рассматриваемое сейчас десятилетие уничтожение памятников культовой архитектуры происходило очень неравномерно, оказываясь в зависимости от ряда местных условий, сегодня подчас трудно восстанавливаемых. Так, например, в 1923 г. во Владимире на заседании по ликвидации церквей было постановлено закрыть все церкви музейного значения, причем не только во Владимире, но и в других городах региона. Однако «энергичным вмешательством В.А. Мамуровского» (сотрудника Главмузея) удалось добиться разделения церквей на категории, а суздальские Спасо-Ефимиевский, и Покровский монастыри, Рождественский во Владимире были оставлены за музейным отделом⁴³. Дальнейший процесс уничтожения храмов Суздаля почти не коснулся, «ликвидированные», заброшенные церкви достояли до того времени, когда началась их реставрация.

В Новгороде широко проведенная «ликвидация» почти нигде не переросла в уничтожение.

Административный отдел затребовал в 1924 г. от музейного комитета точный список всех храмов города, подходящих под поднятие «музейного памятника старины» и подлежащих передаче в полное ведение Губмузея. Такой, казалось бы, относительно мягкий подход поверг директора Губмузея Н. Порфиридова в панику: «1 — если рассуждать строго, в Новгороде, “городе-музее”, все храмы, за единичными исключениями, «памятники старины, подлежащие охране». 2 — но (оставляя в стороне то обстоятельство, что такое принятие под охрану всех памятников г. Новгорода без формального объявления его именно “городом-музеем” показалось бы местным властям странным) оно, в случае фактической передачи Губмузею всех этих храмов, ставит острый вопрос о способах и средствах их охраны. ...Между тем по Новгороду не отпускается средств даже на совершенно первостепенные памятники мирового значения»⁴⁴. Порфиридов просит Москву, Главмузей определить точный список новгородских памятников, подлежащих охране (для чего посылает полный список памятников с разбивкой их на три группы), и разъяснить, как будет с содержанием закрепленных за Губмузеем памятников⁴⁵. Москва, впрочем, не многим больше знает, как быть в такой ситуации, и для начала предлагает известный прием — откупиться несколькими менее значительными памятниками: Главмузей, «оставляя открытыми общие вопросы охраны древних церквей города, настоящим сообщает, что по группе III признаются не заслуживающими никакой охраны: 1 — церковь Михаила Архангела на Прусской, 2 — церковь Арсения на берегу, 3 — собор Покрова в Зверином монастыре, 4 — церковь Лазаря, приписанная к Зверину монастырю, 5 — Собор Святого Духа в Зверином монастыре». Подписал это временно исполняющий должность заведующего отделом Ларионов⁴⁶.

Пока не удалось точно установить меру утрат новгородских памятников в интересующий нас период 1924–1934 гг. Многократно составлявшиеся, сокращавшиеся, корректировавшиеся списки памятников не дают окончательной картины. Тем более, что формально согласованные списки и реально сохраненные или разрушенные памятники часто мало коррелировались. В частности, из приведенного списка памятников, отдававшихся «на заклание», собор Покрова в Зверином монастыре благополучно дождался наших дней. Исчезли относительно немногие произведения, но большинство храмов, будучи переданы Губмузею, оказалось без минимально необходимого финансирования

Кострома. Центр города. Фото начала XX в.

и постепенно разрушались. До настоящего времени в Новгороде на посаде все-таки сохранилось 35 храмов.

В других городах ситуация была значительно хуже: в Архангельске, например, были уничтожены все городские храмы. В числе сильно пострадавших городов была Кострома. Уничтожен стоявший на бровке холма над Волгой городской Успенский собор XVII в. с высокой колокольней XVIII в. Именно он определял характер волжской панорамы города. Из примерно 30 храмов города сохранились три или четыре в самом городе, два в Заволжье и, кроме того, два монастыря — Богоявленский и Ипатьевский. Утраты резко изменили облик города, обеднив его ландшафт. Более рельефно выступила классицистическая основа его массовой застройки, но пропали организовывавшие эту массу доминанты.

В Нижнем Новгороде в XIX в. было два городских собора, два монастыря, более 20 приходских храмов⁴⁷. К концу 1930-х гг. был уничтожен Преображенский собор в кремле и большая часть храмов старого посада. В пределах старого города их осталось только шесть, четыре из которых прятались в улочках за Почайной. В кремле оставался небольшой Михаил-Архангельский собор (XVI в.), у Ивановской башни кремля осталась обезглавленная Предтеченская церковь. И только на нижней набережной, на Рождественской улице, осталась красоваться узорчатая Строгановская Рождественская церковь.

В Ростове уничтожены 16 из 28 храмов, большая часть оставшихся подверглась «упразднению». Но при этом сохранились Ростовский кремль и Спас-Яковлевский монастырь⁴⁸. В Ярославле была уничтожена примерно треть приходских храмов, причем пик кампании пришелся на 1929–1932 г.; стоявший

Кострома. Центр города после сноса собора. Фото 1940-х гг.

же на стрелке при впадении в Волгу Которосли Успенский собор (XVII в.) был разрушен вместе с колокольней несколько позднее, в 1937 г.⁴⁹ Многие из оставшихся храмов были «упразднены» и теряли характерные черты своего облика. Нанесенный урон был, казалось бы, заметно меньше, чем в Костроме или Нижнем Новгороде, поскольку в городе и пригородах оставалось (правда, вместе с «упраздненными») около 50 церквей⁵⁰. Однако снос уничтожил по преимуществу храмы центра, чем достигался примерно тот же эффект, что и в Костроме. Так, по периметру Плац-парадной площади исчезли храмы Иоанна Златоуста (XVII в.), Воскресения (1660-е гг.), Введения (1680-е гг.), «упразднены» Афанасьевский монастырь и церковь Космы и Дамиана (XVII в.). Внутри центрального ядра уничтожены также ансамбль Варваринского прихода из двух храмов (XVII и XVIII вв.), Всехсвятского прихода (два храма XVII в.). На внешней стороне ограничивающих центр бульваров был снесен ансамбль из двух церквей и колокольни на Власьевской площади, Симеоновская и Введенская церкви (XVIII в.) на Семеновской (Красной) площади.

Относительно невелики были потери Петрограда. Были, правда, уничтожены все «тоновские» храмы и значительное количество более поздних псевдорусских и неорусских церковных построек. За исключением сохранившегося храма Спаса на Крови, все они располагались на городской периферии. В частности, самые известные церкви Тона стояли в районе Сенной площади, вблизи Новой Голландии, в Коломне. Обеднела окраинная часть города, погибли некоторые значительные памятники из числа самых поздних, такие как храм Спаса на Водах, однако в центре почти все храмы сохранились. Можно предположить, что их уничтожению мешала явная

их включенность в регулярную систему застройки и, кроме того, относительно светский, дворцовый характер ордерной архитектуры церквей. Важно еще заметить, что в Петрограде преобладали редко представленные очень крупные храмы, уничтожение которых сразу превращалось в событие, особенно если бы это происходило в центре.

Другая ситуация складывалась в Москве. Небольшие церкви, живописно располагавшиеся в разнохарактерном окружении, легко было квалифицировать как нечто незначительное, мешающее. Одна за другой они постепенно «ликвидировались», а затем многие уничтожались. В пределах Садового кольца было уничтожено более половины храмов, причем заметна разная активность в их ликвидации в различных зонах города. В Китай-городе пропало 40% церквей, в Белом городе — 55, в Земляном (без Замоскворечья) — почти 70%, в Замоскворечье — всего треть. Причины этой неравномерности не ясны, но очевидна значительность утрат почти везде (лучше сохранилось Замоскворечье). Уничтожались такие яркие памятники, как Казанский собор, церковь Никола Большой Крест, Владимирская в Китай-городе, храм Христа Спасителя, собор Воздвиженского монастыря, церковь Успения на Покровке в Белом городе. Значительная часть оставшихся храмов лишалась завершений, и они сливались с массой разнохарактерной городской застройки.

Можно констатировать, что в рассматриваемое десятилетие происходило значительное изменение облика исторических городов, но не столько благодаря новому строительству, сколько за счет уничтожения прежних городских доминант. Процесс этот в разной мере захватывал те или иные города, в наибольшей мере повлиял на крупные центры, сохранявшие черты средневекового наследия, до регулярной пространственной структуры. Лучше сохранились многие уездные города и, кроме того, более крупные центры, не имевшие серьезного промышленно-торгового потенциала, как, например, Новгород. Сильнее деформированы Ярославль, Кострома, Нижний Новгород. Города с преобладанием классического, как бы уже секуляризованного наследия сохранились лучше. Это Тверь и, конечно, Петроград. Большой урон понесла Москва.

Болезненные утраты выдающихся памятников прошлого вызвали протест. В 1920-е гг. его еще нередко высказывали в прессе, но тон задавали статьи, приветствовавшие происходившие преобразования и пренебрежительно оценивавшие наследие прошлого. Примером этого служит упоминавшаяся выше статья Попова.

Важно, однако, заметить, что у всех общественных деятелей и специалистов, так или иначе связанных с наследием, преобладало шутливое восприятие произведений прошлого — пытались спасти погибавшие уникалы, но редко говорилось об утрате архитектурно-пространственных характеристик города в целом. В 1925 г. И.Э. Грабарь, говоря о начинавшейся ликвидации старой застройки, высоко отзывался о щусевском проекте «Новая Москва»: «Эта новая Москва... получит проспекты и площади, не уступающие Парижу, но этой прекрасной идее не будет принесено в жертву ни одно действительно ценное сооружение»⁵¹. Только у некоторых авторов, участвовавших в полемике тех лет, стали проскальзывать мысли о ценности более крупных структурных единиц старого города. Среди немногих был П.В. Сытин, который, напоминая, как и Грабарь и Щусев, об общеевропейской практике сохранения архитектурного наследия городов, убеждал в необходимости сохранить Кремль, Китай-город и их окружение в качестве музея Старой Москвы⁵². Сытин указывал на связь старой планировки с особенностями исторической застройки. «Стены Кремля и Китай-города... указывают логику развития уличной сети города Москвы, [логику] окончания у их ворот всех радиальных улиц и законченную перспективу последних. Без них непонятен, логически и художественно неприемлем центр города»⁵³.

Несколько забегаая вперед, укажем, что к концу 1930-х гг. правительственный курс в отношении наследия стал меняться: усложнившаяся международная ситуация требовала мер по поддержанию в населении патриотизма. Стали развиваться исторические исследования, вернулись имена писателей, давно не получавших поддержки современной прессы. Широко отметили столетие со дня гибели

Москва. Страстной монастырь в дни 100-летия гибели Пушкина. Фото 1937

Пушкина. На этом фоне слегка изменилось (что, впрочем, не многие уловили) отношение к архитектурному наследию. Весьма характерно было появление на колокольне «упраздненного» Страстного монастыря в Москве громадного плаката с портретом Пушкина и текстом «Товарищ, верь, взойдет она, звезда пленительного счастья...». Вскоре после этого колокольню начали разбирать.

*Архитектурное наследие и социалистическая реконструкция городов.
1932–1941 гг.*

С начала 1930-х гг. стала складываться программа глобального переустройства структуры и облика городов, стала разрабатываться концепция социалистического города. Побудительными причинами этого были чисто утилитарные потребности в строительстве жилья, совершенствовании транспортной сети и городского благоустройства. Но в еще большей степени сказывалась потребность в формировании нового образа города.

Опыты реконструкции Москвы*

В июне 1931 г. Пленум ЦК ВКП(б) поставил задачу социалистического преобразования городов, и в первую очередь Москвы. Несколькими месяцами ранее принято решение о строительстве в Москве Дворца Советов — в апреле был создан Совет строительства и проведен первичный отбор площадок для выбора места строительства. В том же 1931 г. проведен первый тур конкурса на проект дворца.

В 1932 г. проведен закрытый конкурс на идею реконструкции Москвы и, в то же время, второй тур конкурса на дворец. Таким образом, применительно к Москве параллельно решались вопросы общегородской структуры и образа города. Первое время проектный поиск в обоих направлениях давал весьма широкий разброс решений, касавшийся, в частности, и области отношения к архитектурному наследию города. Но в 1933–1934 гг. стала определяться правительственная концепция в решении всех архитектурно-градостроительных вопросов, и проектные предложения стали реализовывать эту концепцию.

Концепция Дворца Советов и направленность в собственно архитектурной области определились раньше, в 1934 г. конкурсный поиск был завершен принятием последней версии проекта Б.М. Иофана.

Интересна и достаточно показательна для характеристики отношения к наследию история выбора места для Дворца Советов. Первоначально, в апреле 1931 г., в качестве площадок для строительства предлагались Охотный ряд (место проектировавшегося ранее Дворца труда), несколько точек Китай-города (в частности, Верхние торговые ряды на Красной площади), Болотная площадь напротив Кремля, место храма Христа Спасителя. Решением Совета строительства Дворца Советов 30 мая наиболее удачной площадкой был назван Китай-город, наименее удачной — место храма Христа Спасителя. На следующий день Совет строительства заседал совместно с подчиненным ему Техническим советом. Для дальнейшего обсуждения оставлены Китай-город и Болотная площадь. 2 июня руководство Совета и несколько ведущих архитекторов докладывают результаты работы в Кремле Сталину, Молотову, Кагановичу, Ворошилову. Принято решение — строить на месте храма Христа Спасителя.

Очевидно, что решение принято Сталиным⁵⁵. Достаточно также очевидно, что причина такого решения прежде всего в том, что храм наглядно показал даже непрофессионалам выигранность места, оказался инструментом своего рода натурального макетирования. К тому же принятое решение уничтожало эффектно выглядевший, почитаемый многими культовый объект, своего рода конкурент дворцу. Решались сразу две задачи. Принятое постановление, безусловно, характеризует логику решений заказчика, но оно, может быть, не очень показательна в качестве иллюстрации отношения именно к наследию: храм Христа Спасителя не расценивался архитекторами и искусствоведами как ценное произведение прошлого.

Для рассмотрения проблем наследия важнее остановиться на проектных решениях конкурса. В этой проблеме открываются две стороны. Во-первых, отношение к произведениям прошлого, к традиции как возможной основе для нового проектирования. Во-вторых, отношение к наследию как предмету охраны или средовому фактору, требующему отклика со стороны возникающего ансамбля. Что касается первой стороны дела, именно в этом конкурсе проявилась новая концепция заказчика, ориентировавшая архитекторов на использование классики. На сохранении наследия это отразилось весьма опосредованно и далеко не сразу. Но констатировать начавшийся поворот необходимо. Вторая сторона проблемы, связанная с возможным сохранением наследия или диалогом с ним, на кон-

* Данная часть главы написана автором совместно с П. Логиным.

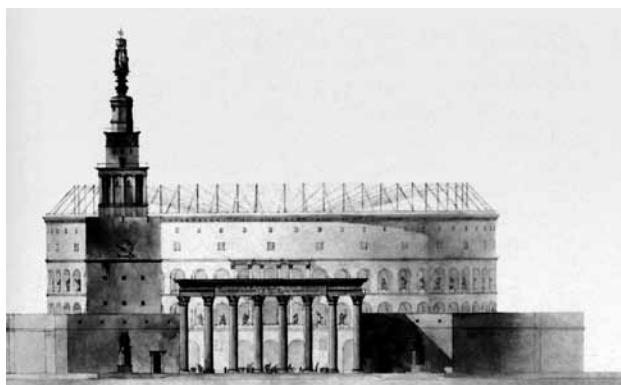
курсе почти не проявилась или, точнее, проявилась почти во всех проектах пренебрежением к историческому окружению будущего дворца.

Обе стороны проблемы заставляют обратить внимание на проект И.В. Жолтовского. На втором, ключевом, пожалуй, этапе конкурса победителями были названы И.В. Жолтовский, Б.М. Иофан и Г. Гамильтон (к участию в конкурсе были приглашены пять зарубежных мастеров, среди которых Ш. Корбюзье и Г. Гамильтон). Наибольший интерес привлекал проект Жолтовского, базировавшийся на ренессансных архитектурных традициях. (Среди проектов, не отмеченных Советом строительства, центром внимания был проект Корбюзье.)

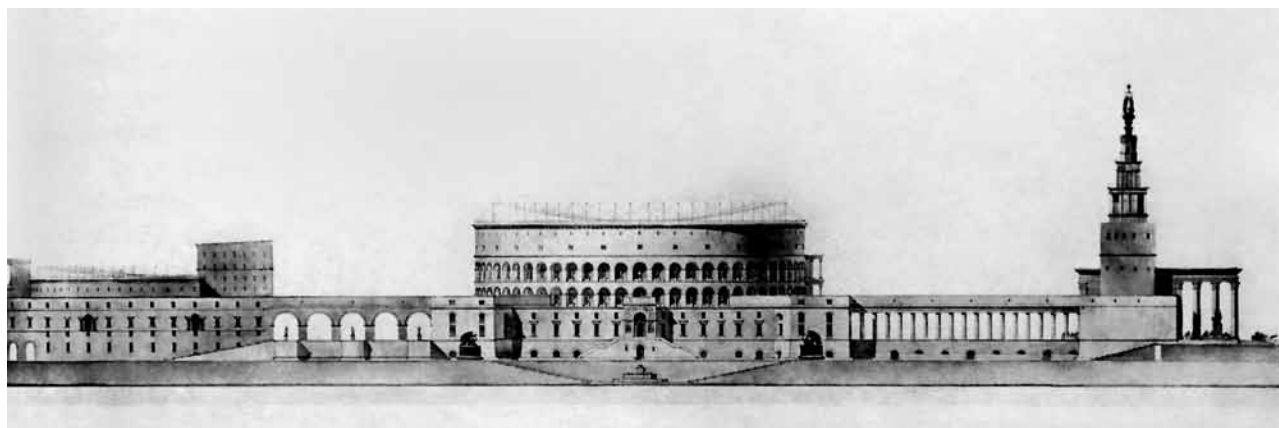
Работа Жолтовского привлекала и качеством архитектурной проработки проекта, и особенно тем, что среди победителей оказалось произведение историзма. Что за этим стояло, для большинства было не ясно. В журнале «Советская архитектура» в номере 2–3 за 1932 г., почти полностью посвященном второму туру конкурса на составление проекта Дворца Советов, архитектор Н.П. Заплетин (ответственный секретарь комиссии техэкспертизы по проектам ДС) так отзываясь о проекте Жолтовского: «В отношении идеологической выразительности акад. Жолтовский дает решение, для нашей архитектуры неприемлемое». Оно является «односторонним “академическим” показом исторических архитектурно-художественных тем, мертвым подражанием классике периода ее оторванности от общественно-политической жизни». Далее он пишет: «Некоторыми товарищами это постановление Совета строительства о результатах конкурса понимается односторонне, как возврат к классике. Это неверно. Факт отнесения реставраторского решения ДС акад. Жолтовского к числу лучших не озна-

чает принятия такого проекта к непосредственному строительству, а говорит о необходимости поднятия качества проектирования, большей мобилизации внимания к культурному наследию прошлого в ленинском понимании»⁵⁶.

Для нас сейчас важно отметить, что проект Жолтовского в большей мере, чем другие, заставил обратиться к вопросу о взаимосвязи Дворца Советов с историческим окружением и, главное, с Кремлем. И Заплетин, и писавший о конкурсе Щусев останавливаются на вопросе о том, что Жолтовский решал задачу взаимодействия Дворца Советов с Кремлем. В разработке этой темы И.В. Жолтовский идет дальше других конкурсантов, не акцентировавших вопрос о взаимосвязи проектируемого сооружения с памятниками центра. По словам Заплетина, Жолтовский считал, что «Дворец Советов должен быть диалектически противопоставлен» формам московского Кремля⁵⁷. Щусев раскрывает и, видимо, утрирует эту идею: «По мнению Жолтовского, Кремль является организующим началом

Конкурсный проект Дворца Советов. Восточный фасад. Арх. И.В. Жолтовский. 1932

Конкурсный проект Дворца Советов. Южный фасад. Арх. И.В. Жолтовский. 1932

Москвы, он есть теза и этой тезе должен быть подчинен Дворец Советов. Совет строительства Дворца утверждал обратное и считал, что Кремль должен быть подчинен Дворцу Советов»⁵⁸. Термин «теза» в сопоставлении с репликой о «диалектическом противопоставлении» заставляет предполагать, что Жолтовский говорил о тезисе, антитезисе и синтезе, а не об элементарном подчинении дворца Кремлю. О том, как мыслился синтез, судить трудно, поскольку эта тема не раскрыта в известных публикациях, не представлена сколько-нибудь полно в доступной нам графике.

Только одна сторона проекта, касающаяся взаимосвязи дворца и Кремля, затронута в статье Заплетина: «для оформления площади, окружающей ДС, в проекте выдвигается интересная мысль: первая линия домов по Волхонке по обе стороны сносится и на ее месте строятся трибуны; такие же трибуны строятся и перед Кремлевским садом»⁵⁹. Отмечено, что здание Музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина архитектора Р.И. Клейна (1892–1912) сохраняется и включается в общую композицию трибун в качестве крупного центрального акцента. Далее Н.П. Заплетин пишет: «Мысль объединить площадь, создав ансамбль окружающей ее застройки, ценна как дающая возможность включить ДС в общий ансамбль города». «Со стороны набережной проектом предусмотрена лестница и спуск к реке»⁶⁰.

Насколько можно понять, Жолтовский, прежде всего, ориентировался в своем решении на имперские образы Рима. В проекте дворца собирались Колизей, ордерные площади Форумов и даже подобие Фаросского маяка. Но, как уже говорилось, Жолтовского занимала и проблема взаимосвязи нового дворца с Кремлем. С.О. Хан-Магомедов заметил, что «пространственность организации, отсутствие подавляющей гигантомании придавали комплексу Дворца Советов сомасштабный городу характер. ... Автором предложен диалог двух равноправных пространственных ансамблей»⁶¹. Перед нами тезис, антитезис и синтез.

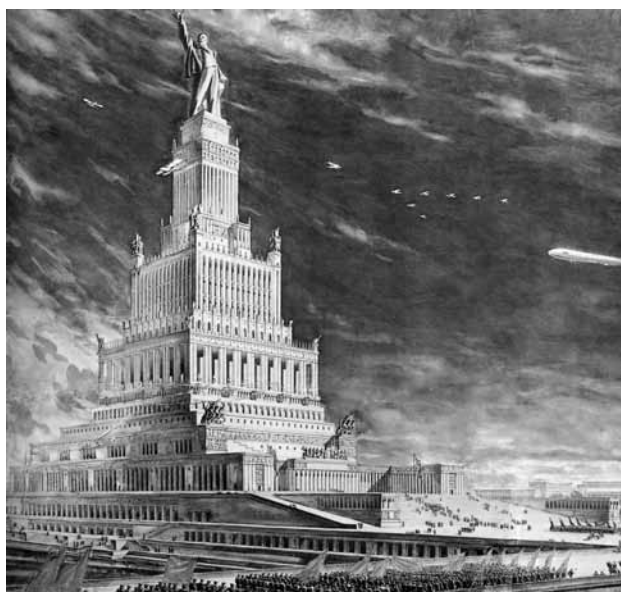
В феврале 1932 г. вместе с результатами второго тура публикуются новые требования, которые должны быть учтены в третьем туре: «Преобладающую во многих проектах приземистость здания необходимо преодолеть смелой высотной композицией сооружения. ... Не предвещая определенного стиля, Совет строительства считает, что поиски должны быть направлены к использованию как новых, так и лучших приемов классической архитектуры»⁶². Этой формулой практически поставлена задача обра-

титься к архитектурной классике. Но, как покажут последовавшие этапы проектирования дворца, никто не пошел по пути прямого цитирования форм прошлого. Уже нашупывался набор приемов, некий архитектурный язык, который потом будут квалифицировать как версию ар-деко (А.В. Иконников) или постконструктивизм (С.О. Хан-Магомедов). В рамках данного текста нет необходимости выяснять связь этой архитектуры с западными ар-деко и неоклассицизмом, достаточно констатировать ее особенность, уяснить ее, пусть опосредованную, связь с архитектурой историзма.

Примечательна реакция профессиональной прессы на постановление об использовании «лучших приемов классической архитектуры». Типичен отклик журнала «Строительство Москвы»: «Нельзя отказаться от прошлого, от наследия нашей архитектуры. Нельзя отказаться от того, что дает нам мировая культура, мировое искусство и прежде всего классика. Но мы ничего не возьмем без критики. Классика не как форма вне содержания, а как принцип. Живая архитектура, а не археология»⁶³.

Последующие туры не принесли ничего нового в решение вопроса о взаимоотношении новой архитектуры с памятниками прошлого, со сложившимся окружением. Подавляющее главенство нового комплекса стало единственным принципом в проектировании.

Сразу же после завершения конкурса на Дворец Советов разворачивается новый многоэтапный конкурс на крупный монументальный комплекс в историческом городе. Речь идет о конкурсном про-

Конкурсный проект Дворца Советов. Арх. Б.М. Иофан. 1933

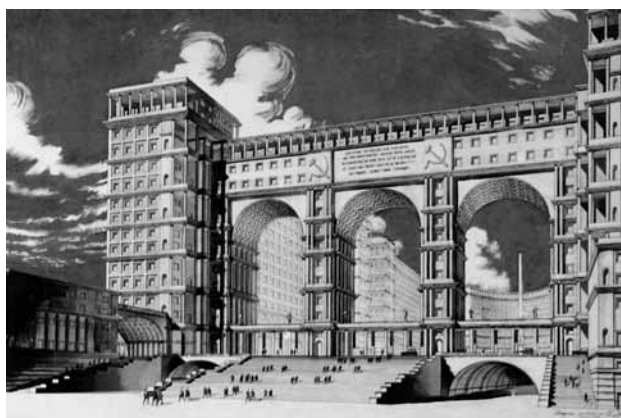
ектированием здания Наркомтяжпрома на Красной площади, начатом в 1934 г. Этот конкурс в рамках нашей темы достаточно важен. При проектировании Дворца Советов проблему его взаимосвязи с архитектурным наследием можно было решать относительно просто: считалось, что между ним и Кремлем нет ничего ценного, два комплекса ставились в едином пространстве, противопоставляясь один другому. Значительно сложнее оказалась подобная задача в конкурсе на здание Наркомтяжпрома. Задание, ориентируясь, видимо, на директивные документы предыдущего архитектурного состязания, никак не оговорило требования, вытекающие из общепризнанной ценности площади и непосредственного соседства с Кремлем. Это было отмечено в посвященной конкурсу статье Д.М. Арановича в журнале «Строительство Москвы». Он пишет о проектном задании конкурса: «Ни слова об архитектурно-композиционном решении всесоюзного центра, ни слова о желательных размерах, о пределах увеличения Красной площади, об обязательном соблюдении масштабности в отношении таких сооружений, как Мавзолей Ленина, кремлевская стена, о вертикальной планировке увеличенной Красной площади и обтекающих ее территорий и т.п.»⁶⁴. Специфичность задачи отмечена и в посвященной проектам Наркомтяжпрома редакционной статье «Архитектуры СССР». «Архитектору пришлось иметь дело здесь — в отличие от многочисленных других случаев перепланировки и реконструкции старых московских ансамблей, — с архитектурным наследством исключительно высокого художественного и исторического значения»⁶⁵. Как отмечено в этой последней статье, ценными признавались Кремлевский ансамбль, собор Василия Блаженного. В жертву приносились «низкокачественные произведения архитектурного безвременья» — здания бывших Торговых рядов и Исторического музея.

Представленные проекты выявили два важных факта. Во-первых, практически все участники, вне зависимости от задания, решали для себя проблему взаимосвязи старого и нового, и эта проблема оказалась одной из ключевых. Во-вторых, конкурс показал, что итоги проектирования Дворца Советов еще не поставили точку в поисках стилистической направленности советской архитектуры, — спектр предложенных решений оказался очень широк.

Как отмечал в том же журнале Л.М. Лисицкий, общей чертой конкурса было качание стилового маятника в сторону, противоположную функционализму⁶⁶. Тем не менее, близкие к прежней своей направленности работы представили Веснины и

Конкурсный проект на здание Наркомтяжпрома на Красной площади в Москве. 1-й тур. Арх. бр. Веснины. 1934

Конкурсный проект на здание Наркомтяжпрома на Красной площади в Москве. 1-й тур. Вид со стороны пл. Революции. Арх. И.А. Фомин. 1934

М.Я. Гинзбург, в характерной для него манере поиска сделал свой знаменитый проект И.И. Леонидов. Противоположный полюс наиболее отчетливо представил И.А. Фомин.

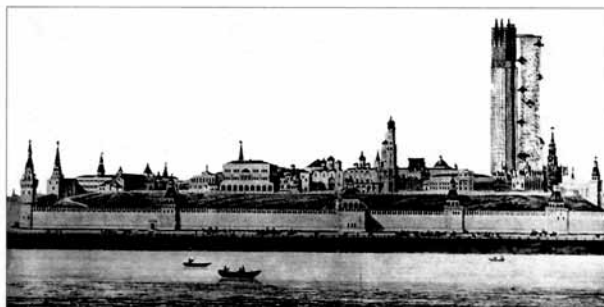
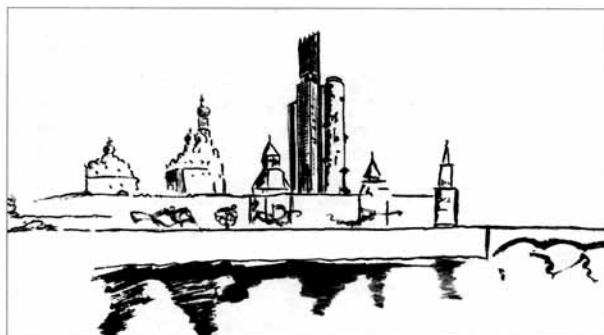
Большее половины участников отодвинули от Кремля высотную часть своего комплекса, выведя на Красную площадь относительно низкий стилобат. Причем это декларировалось в пояснительных записках. Авторский коллектив под руководством И.А. Голосова, отмечавший исключительное художественное и историческое значение ансамбля Красной площади, утверждал, что «исключает возможность разрешения нового здания большим объемом на площади, ибо в противном случае этот ансамбль будет “задавлен” массой нового здания»⁶⁷. Авторский коллектив И.А. Фомина и М.А. Минкуса считал «совершенно неправильным сильно деформировать Красную площадь». «Все ее очарование заключается в выразительной мощи кремлевской стены. Если будет снесен ГУМ и на его месте поставлен значительный архитектурный массив, то стена превратится в какой-то макет»⁶⁸.

При некотором сходстве позиций разница была, однако, в том, что у И.А. Голосова, например, первый план имел всего 4 этажа, а задвинутая вглубь башня — 15 этажей, тогда как А.М. Заславский и А.М. Файфель выстраивали 8-этажные корпуса по Красной площади и площади Свердлова, доводя высоту к середине участка до 47 этажей. Проект же Б.А. Коршунова и А.А. Зубина предлагал на первом плане корпус в 13 этажей.

Практически не отступали высотной частью от края площади М.Я. Гинзбург и Веснины. И.И. Леонидов, противопоставил Кремлю фронт низких трибун, но в центре, напротив мавзолея, построил в них свои башни. В.И. Фидман, напротив того, отодвинул высотную часть к Лубянской площади, отступив от Кремля, но практически уничтожив застройку Китай-города.

Можно заключить, что проблема взаимоотношения исторического центра — Кремля и Красной площади с новым комплексом решалась двояко: или попыткой так или иначе отодвинуться, чтобы не разрушать старый ансамбль, или признанием приоритета нового, укрепляющегося невзирая на ущерб, наносимый наследию. Только один автор попытался вырваться из рамок этой альтернативы, это И.И. Леонидов. Он увидел необходимость кардинально переоценить роль составляющих в древнем ядре столицы. «До сих пор архитектура Кремля и храм Василия Блаженного служили архитектурным центром Москвы. Естественно, что с возведением нового грандиознейшего сооружения на Красной площади изменится и роль отдельных памятников в ансамбле этого центрального московского комплекса». Эта простая истина вытекала из самого задания — небольшой размер участка и заданная величина здания в 1 100 000 м³. Исходя из этого, И.И. Леонидов считал, «что архитектура Кремля и собора Василия Блаженного должна быть подчинена архитектуре Дома Наркомтяжпрома, а само здание НКТП должно занять центральное место в городе». При этом архитектура Красной площади и Кремля оценивалась им как «тонкая и величественная музыка». «Введение в эту симфонию нового, громадного по масштабу и сильного по звучанию инструмента допустимо только при условии, что этот инструмент будет ведущим, и по своему архитектурному качеству будет превосходить все остальные здания ансамбля... Исторические мотивы должны быть композиционно подчинены по принципу художественного контраста этому ведущему объекту»⁶⁹. И.И. Леонидов, возможно, сам понимал, что принимает очень не только ответ-

Конкурсный проект на здание Наркомтяжпрома на Красной площади в Москве. 1 тур. Эскизы панорам центра. Арх. И.И. Леонидов 1934

ственное, но и рискованное решение. Трудно сказать, во что бы превратилось его воплощение, но безусловно то, что наша культура обогатилась талантливейшим проектным предложением.

Конкурс затронул обширный пласт вопросов, связанных с планировочным решением значительного фрагмента городского центра. Л.М. Лисицкий в уже упоминавшейся статье писал: «Конкурс проектов дома Наркомтяжпрома — это одновременно конкурс на реконструкцию Красной площади, на реконструкцию бывшего Китай-города и всех прилегающих центральных площадей Москвы...». В самом названии его статьи («Форум социалистической Москвы») заключалась витавшая в атмосфере общественной жизни идея центра политической жизни и парадного архитектурного ансамбля, который должен был разместиться рядом с Кремлем и, в первую очередь, в Китай-городе. Поэтому многие участники конкурса восприняли именно эту идею, расширив зону своей творческой деятельности далеко за пределы отведенного по заданию участка, ограниченного Блюхеровским переулком (Богоявленским), улицами Ильинка и 25-го Октября (Никольская). Сложившаяся застройка Китай-города воспринималась как не имеющая историко-культурной ценности. В частности, В.И. Фидман в своей пояснительной записке писал: «Ввиду исключительного значения и ответственности планировки

центра столицы мирового пролетариата современный Китай-город, представляющий собою хаотичную московско-купеческую застройку, подлежит полной реконструкции»⁷⁰.

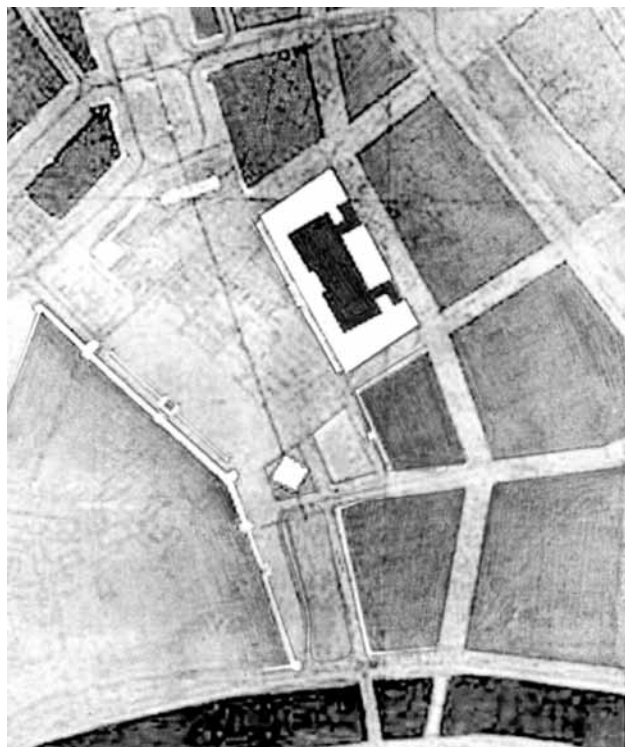
Среди планировочных вопросов, возникавших при проектировании Наркомтяжпрома, были вопросы о габаритах Красной площади, о степени ее открытости и связанности с прилегающими площа-

дями, наконец, вопрос создании новых планировочных направлений в Китай-городе.

У М.Я. Гинзбурга, у Весниных сносимый Исторический музей не компенсируется другим заметным зданием, комплекс Наркомтяжпрома стоит свободно, вне четко ограниченных площадей. В этом пространственном решении, характерном для авангарда, отчетливо видно пренебрежение традиционной структурой Красной площади: новому сооружению необходима новая пространственная среда.

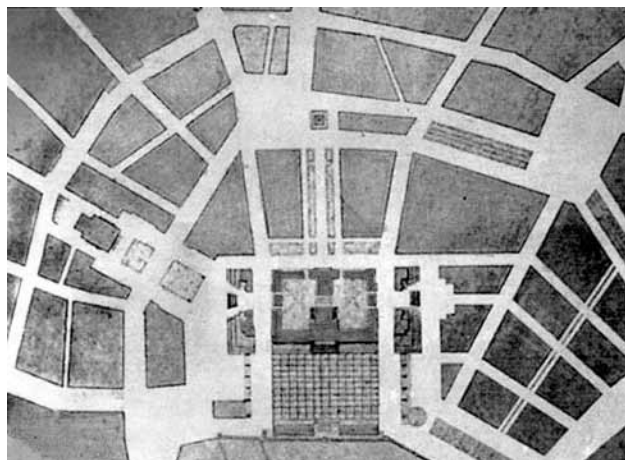
Другой тип решительных реконструктивных преобразований более традиционен. И.А. Фомин, а также А.М. Заславский и А.М. Файфель прокладывают через весь Китай-город эспланаду, перпендикулярную кремлевской стене и ориентированную на мавзолей. Все три проекта предлагают, кроме того, перпендикулярную ось, связывающую с новым комплексом Театральную площадь. В.И. Фидман не только продолжает до Красной площади ось Театральной, но и формирует симметричную ей площадь со стороны Зарядья. При этом, как и в некоторых других проектах, сносится Гостиный двор. В одном из вариантов проекта Голосова Красная площадь получает трапециевидное очертание, причем расширяется настолько, что Большой театр соединяется осью с Покровским собором.

Во всех указанных случаях сказывается господствующее представление о том, что старый город — это только площадка для создания новой, усовер-

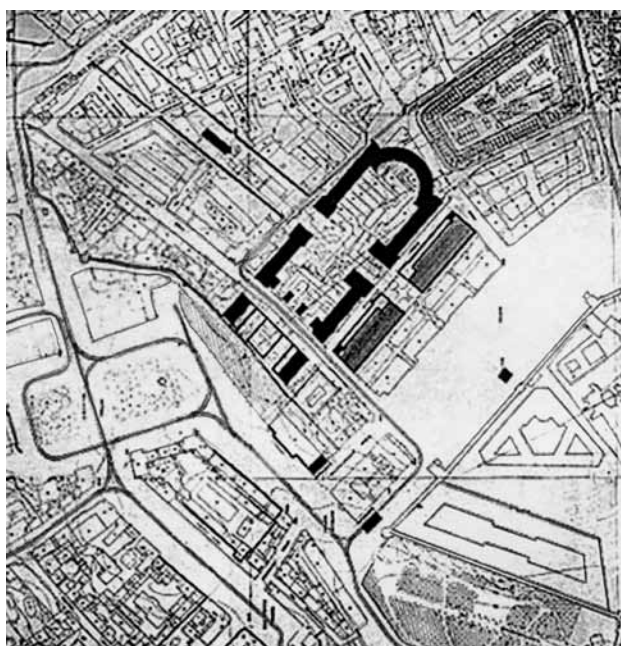
Конкурсный проект на здание Наркомтяжпрома на Красной площади в Москве.

1-й тур. Генплан. Арх. И.А. Голосов. 1934

Конкурсный проект на здание Наркомтяжпрома на Красной площади в Москве.

1-й тур. Генплан. Арх. В.И. Фидман. 1934

Конкурсный проект на здание Наркомтяжпрома на Красной площади в Москве.

1-й тур. Генплан. Арх. И.А. Фомин. 1934

шенствованной структуры города. Только отдельные объекты-памятники заслуживают какого-то включения в эту новую систему. Систему, отвечающую представлению автора о грамотном решении, отвечающую, кроме того, техническому заданию на проектирование и, у разных авторов по-разному, идеологическому заданию (пусть не вполне прописанному, но достаточно понятному).

Конкурс не дал и, очевидно, не мог дать положительных результатов. Грандиозное здание Наркомтяжпрома замыслилось, насколько можно судить, как своего рода отклик на Дворец Советов. Но место оказалось слишком сложным, слишком нагруженным культурными смыслами, не потерявшими своей ценности. Этим не удавалось пренебречь. И потому основная тема редакционной статьи в «Архитектуре СССР» — двойной упрек: старое не увязало с новым, новое не выразило идею. Проблема сочетания старой и новой застройки в едином ансамбле Красной площади «оказалась камнем преткновения для всех без исключения авторов форпроектов. Иные из них пытались со всей серьезностью подойти к решению комплексной задачи, к увязке нового произведения советской архитектуры с замечательным старым ансамблем. Однако во всех проектах чувствуется отсутствие большого идейного проникновения в сущность поставленной задачи — стремление уйти от решения этой задачи по существу при помощи чисто количественных эффектов. Но и самый “пафос количества”, которым проникнуты некоторые из представленных проектов, сплошь и рядом переходит в элементарные эффекты “небоскрежного” типа»⁷¹.

Интересно отметить, что в журнале «Строительство Москвы», в обзорной статье Д.М. Арановича господствует совсем другая интонация. Автор мало озабочен, как это ни странно, «идейным проникновением» (за исключением вопроса о сохранении композиционной роли мавзолея). Зато очень внимателен к тому, насколько тот или иной проект сохраняет масштаб площади и меру ее замкнутости — те качества, с которыми, по его убеждению, связаны композиционные достоинства старого ансамбля⁷². Аранович опасается, что во многих проектах массив Наркомтяжпрома визуально разрушит мавзолей и Кремль, «как это произошло с Домом союзов после возведения в Охотном ряду нового здания Комитетов СТО и СНК»⁷³. Статья, как и некоторые пояснительные записки участников, свидетельствует об актуальности для многих специалистов историко-художественной ценности центра старого города.

Проведенный в 1935 г. второй тур конкурса не дал принципиально новых результатов. Очевидная безуспешность попытки поставить Наркомтяжпром на Красной площади заставила выбрать для третьего тура конкурса (1936) другую, менее ответственную площадку в Зарядье, но и здесь конкурс не был успешным. На конкретных результатах второго и третьего туров в рамках настоящей работы можно не останавливаться, поскольку они не дали чего-то принципиально нового в вопросе соотношения старого и нового в центре Москвы.

Скорее можно говорить об опыте первого тура, отчасти учтенного в проработках генерального плана города.

Вскоре после завершения названных конкурсов создается, как известно, новый генеральный план города, предусматривающий, в частности, формирование системы открытых пространств, связанных с будущим Дворцом Советов. Расчищается вся застройка между Кремлем и дворцом, на этот последний ориентируется обширная эспланада, образованная сносом всего строительного массива между Пречистенкой и Остоженкой (вскоре переименованной в Метростроевскую). Но, прежде чем рассматривать генеральный план Москвы 1935 г. и связанные с генпланом проекты отдельных узлов старого города, остановимся на предшествовавшем проекту конкурсе 1932 г. на идею генплана.

В градостроительном конкурсе 1932 г. присутствовали, как известно, самые различные проектные версии, причем в большинстве случаев предлагались кардинальные трансформации существующего города — от разуплотнения и дезурбанизации (Э. Май) до сноса старого города и формирования новой урбанизированной структуры (Ле Корбюзье). Группа ВОПРА предлагала встроить старый город в новую крупную планировочную сетку; Н.А. Ладовский предъявил уже разработанную им схему динамического города, разрывающего кольцевую систему.

Почти во всех вариантах наследие понималось только как устаревшая инертная масса, непригодная или только отчасти пригодная для формирования нового города. Хотя даже Корбюзье при всей решительности предлагавшихся им трансформаций («в Москве все нужно переделать, предварительно все разрушив») оговаривал возможность сохранения некоторых историко-архитектурных уникумов. «Несомненно, Кремль и Стены должны быть сохранены... Вместе с Кремлем Красная площадь и мавзолей Ленина точно так же имеют большую историческую ценность. Церковь Ивана Грозного

в конце Красной площади составляет сейчас целое откровение в области искусства, истории и философии. ... Большой театр — произведение зодчества, которое следует сохранить, точно так же, как и некоторые московские церкви, а равно монастыри в окрестностях Москвы, имеющие художественную и историческую ценность... Характерные памятники стиля ампир, рассеянные по всему городу, точно так же могли бы быть сохранены»⁷⁴. Естественно, речь шла о штучном, выборочном сохранении каких-то памятников. Причем некоторые среди них были поименованы как безусловные объекты сохранения — Кремль, Покровский собор, Большой театр; большая же часть охарактеризована как определенная категория объектов, которые **могут** быть сохранены, но при необходимости, судя по всему, часть из них может быть и разрушена.

Выше уже было замечено, что штучное восприятие произведений прошлого было самым распространенным среди всего цеха профессионалов. И.Э. Грабарь, говоря в 1925 г. о начинавшейся ликвидации старой застройки, утверждал, как помним, что новая Москва получит проспекты и площади, не уступающие Парижу, но этой прекрасной идее не будет принесено в жертву ни одно действительно ценное сооружение. Ход мышления весьма близок к присущему Корбюзье, разница только в том, какой объем сооружений прошлого тот или иной автор относил к числу требовавших охраны.

Заметно отличается предложение, касающееся судьбы старого города, у Ладовского. Как описывал его концепцию Д.Д. Михайлов, при развитии предлагавшейся архитектором динамической оси «с одного бока новой Москвы притулилась, как старушка в пестром платке, теперешняя наша Москва. В ней не тронута ничего. Она сохранилась, как город-музей, как замершая история»⁷⁵. Конечно, утверждение, что в ней ничего не тронута, не вполне отвечает проектному предложению: как уже указывалось выше, в старом городе предлагались некоторые новые широкие бульвары, но в целом изложение Михайлова можно принять как отвечающее замыслу Ладовского.

В данной главе не приходится останавливаться на вопросе о том, в какой мере реалистичны или утопичны были идеи существенного преобразования Москвы, какие реальные альтернативы были у принятого решения перестраивать старый город, сохраняя в целом его структуру. Это решение готовилось проектными проработками команды В.Н. Семенова на протяжении 1933–1934 гг. и реализовалось в Постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) 1935 г.

Принятие концепции, разрабатывавшейся Семеновым, было, видимо, предreshено сразу после конкурса 1932 г., или даже одновременно с ним. О нем скажем несколько позже. Сейчас же остановимся на одном, частном казалось бы, вопросе. В том же 1932 г. принимается решение о надстройке зданий исторического города. Прагматический смысл надстройки понятен — она давала повышение плотности городской застройки, а одновременно выравнивала ее по высоте в духе классицистических представлений о правильности, организованности застройки. Но помимо сиюминутной прагматики предопределялись решения и более фундаментального плана: обновляемая таким образом застройка закрепляла сложившуюся планировку, и тем самым снимался вопрос о крупных структурных преобразованиях.

В пятом номере журнала «Строительство Москвы» за 1932 г. появилась статья «Надстройка — важнейшая часть реконструкции Москвы». В ней была дана, что вполне понятно, неблагоприятная оценка застройки Москвы, доставшейся городу от прежних времен. «Планировка Москвы возникла в результате исторического процесса, развивавшегося в феодальных и капиталистических условиях городского организма, причем в ней, как в зеркале, отразилось все разнообразие прожитых городом эпох. ...Лицо старых улиц Москвы представляет с архитектурной точки зрения в большинстве случаев негармоничную картину пестрой индивидуальной застройки, проводившейся домовладельцами, совершенно не считавшимися с этажностью и оформлением окружающих зданий. Смешение самых разнообразных стилей зачастую в неудачной трактовке при самой разнообразной этажности застройки, узкие искривленные улицы — вот с чем столкнулся Моснадстрой в разрешении возложенной на него задачи»⁷⁶. Обсуждение проблемы продолжалось в течение года. Выход из ситуации, которую, как пишет журнал, не смогли исправить, а может, и усугубляли архитекторы-конструктивисты, озабоченные только проблемами стилового формообразования, виделся в плановой реконструкции застройки Москвы, направленной на формирование ансамблей улиц и площадей⁷⁷. Конкретное воплощение идеологически окрашенных идей будущего городского строительства Москвы виделось в надстройке этажей в домах на сложившихся улицах (Арбат, ул. Герцена, Б. и М. Дмитровка, Маросейка, Моховая, Мясницкая, Покровка, Полянка, Пятницкая, Сретенка, Тверская и 1-я Тверская-Ямская), в реконструкции на этих улицах всех объектов «ввиду представля-

Москва. Улица Кирова (теперь Мясницкая). Торговый дом Кузнецова. Надстройка 1930-х гг.
Арх. Ф.О. Шехтель. Фото 1960-х гг.

Москва. Улица Пушкинская (теперь Дмитровская).
Надстройка дома с 1930-х гг. Фото 1980-х гг.

ющейся возможности во многих случаях с помощью надстройки нескольких этажей объединить отдельные, ничем не связанные здания общим архитектурным замыслом»⁷⁸. Идея надстройки была, конечно, внутренне противоречива, поскольку, выравнивая этажность, закрепляла те самые узкие и искривленные трассы, на которые сетовали авторы журнала.

Предлагалось два метода архитектурно-художественного «оформления каждого отдельного сооружения». «Если архитектура надстраиваемого здания представляет собой ценное или хотя бы интересное решение в одном из старых стилей, проектировщику следует закомпоновать надстройку в том же

стиле, если сооружение по своей архитектуре не представляет ничего интересного или же надстраивается большее количество этажей, чем имеется в здании, проектировщику представляется возможность решить всю композицию в новых формах»⁷⁹. В цитируемой статье весьма характерно пренебрежение стилистическим единством застройки ради ее градостроительного единообразия.

Скоро, однако, практика надстроек заставила обратить внимание на стилистику получавшихся строительных комплексов. «Архитектурное оформление надстраиваемых этажей ударило в две крайности, — пишут А.М. Заславский и Л.О. Бумажный в уже упоминавшейся статье. — Одна крайность, когда автор, не считаясь с архитектурой существующего трех-четырёхэтажного здания (хотя бы и в старом стиле), сбивает все наличное оформление и вводит свое “архиновое”, ухудшая тем самым внешний вид надстраиваемого здания против существовавшего ранее. Другая крайность — нарушение единства при сохранении прежнего решения фасада. Также недопустимо, оставляя 4–5 этажей в старом стиле, надстраивать новый этаж, ни в какой степени не увязывая его с существующим оформлением» и далее: «Не обязательно слепо повторять и копировать архитектурную обработку, имеющуюся в нижних этажах, но следует вводить такие архитектурные элементы, которые не нарушали бы органической связи здания с надстраиваемыми этажами. ...В дальнейшем при проектировании надстройки того или иного здания необходимо учитывать оформление рядом стоящих строений, а также место, которое занимает данное здание в отношении архитектурного оформления улицы или магистрали»⁸⁰.

Заметно появившееся стремление добиваться стилистического единства, неизбежно ориентируясь при этом на уже имеющийся в улице исторический контекст. Историзм начинал укореняться в представлениях о норме архитектуры советского города. Архитектурное наследие (главным образом ордерное) получает возможность хотя бы отчасти вписываться в обновляемый город.

Все изложенное подводило к принятию решения, зафиксированного в генеральном плане Москвы 1935 г. В постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) констатировалось, что отвергаются проекты сохранения существующего города как законсервированного музейного города старины, так же как и предложения о сломке старого города и строительстве нового по принципиально иному плану. Формулировался принцип сохранения основ исторически сложившегося города, но с коренной его

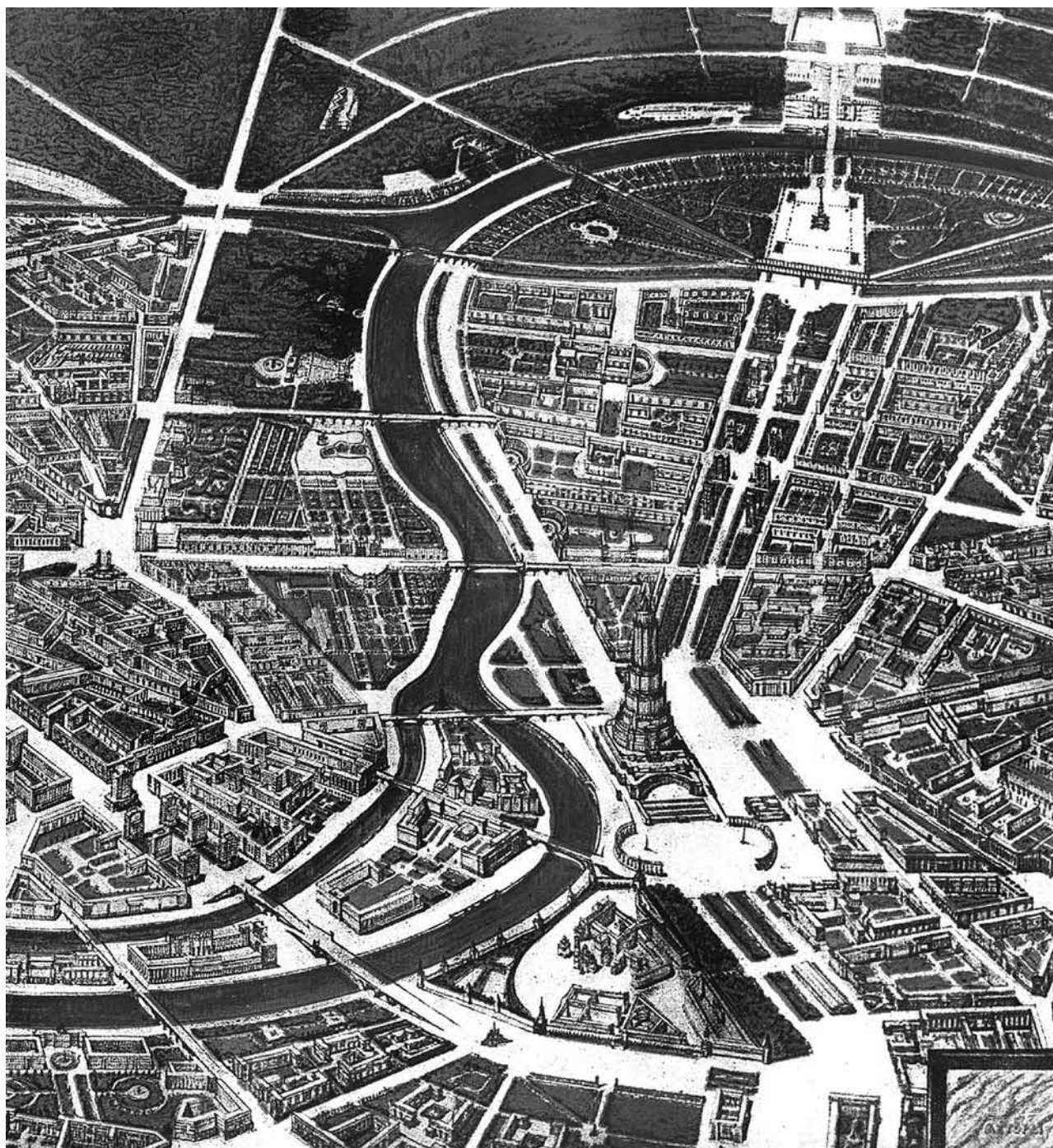

перепланировкой — с «упорядочением» сети городских улиц и площадей.

Реализация этого принципа виделась в ряде мероприятий, прописанных в постановлении. Это — создание широкой эспланады, связанной с будущим Дворцом Советов: от площади Дзержинского до Лужников и далее по мосту на Ленинские горы. Должно было быть расчищено все пространство, начиная от гостиницы «Москва», со сносом

зданий между Моховой и Манежной, расширением Волхонки и Остоженки.

Предполагалась кардинальная реконструкция исторического центра. Требовалось расширить вдвое Красную площадь, «освободить от существующей застройки» Китай-город, за исключением отдельных крупных сооружений. В Зарядье поставить Дом промышленности, на остальной территории Китай-города «построить несколько монументаль-

Москва. Проект Генерального плана 1935 г. Фрагмент перспективы

ных зданий государственного значения». Реконструировать (без уточнений, как именно. — *А.Ш.*) примыкающие к Китай-городу площади Ногина, Дзержинского, Свердлова, Революции.

Основные радиальные и кольцевые улицы следовало расширить до 30–40 м за счет сноса зданий и упразднения озеленения. Пробить три городских диаметра, проходящих в центре: первый — по Кировской (Мясницкой), Театральному проезду, Охотному ряду, Моховой, Волхонке (это эспланада Дворца Советов); второй — по ул. Горького (Тверской), Кузнецкому мосту, Старой и Новой площади, Солянке, Яузской; третий — по Рождественке, Китай-городу, Ордынке. Должны были быть реконструированы и другие площади и улицы города.

В тексте постановления не были прописаны многие детали утвержденного проектного решения, среди них — очень существенные. В частности, планировалось не только расширение Красной площади за счет сноса ГУМа, но и прокладка между Ильинкой и Никольской новой эспланады, ориентированной на мавзолей и на возвышающийся над Кремлем Дворец Советов⁸¹ (такую трассу предлагали в нескольких проектах Наркомтяжпрома).

Принятым правительственным постановлением ясно задавалась общая направленность реконструктивных работ. Ни о каком внимании к наследию речь не шла, предстояла тотальная смена практически всей застройки города. Сохранение основной планировочной схемы города облегчало распределение намеченных мероприятий во времени. Генплан рассчитан на 10 лет, выделена трехлетняя первая очередь. Принятый подход особенно ясно иллюстрируется теми узлами города, по которым намеченные мероприятия прописаны более подробно.

Нельзя не заметить, что постановлением в ряде позиций декретированы более решительные переделки, чем это зафиксировано в проектной графике генплана. Магистраль север—юг (Рождественка—Ордынка) на плане не пробита через Китай-город, не спланирована как диаметр. С ул. Горького не пробита трасса к Старой площади, из-за чего и этот диаметр нереализуем. Вместо этого закреплён сложившийся диаметр ул. Горького — Ордынка с транзитом через Красную площадь. Проект оказался более щадящим и более реалистичным, чем постановление. Можно предположить, что проект постановления готовился на основании промежуточной версии плана, или допустить произвол составителей текста, навязывавших архитекторам свое решение, или найти третье объяснение полувывшегося расхождения. Для нас сейчас это не важ-

но, поскольку общая направленность документа вполне ясна, она предопределила направленность реальных работ, хотя реализация плана оказалась весьма затруднительной, даже ее первоочередная трехлетняя программа не была выполнена до войны хотя бы на треть.

Формирование эспланады вдоль Кремля к Дворцу Советов ограничилось созданием Манежной площади, расчистка Китай-города — сносом нескольких кварталов Зарядья. Площади по периметру Китай-города созданы не были, но проведена некоторая работа по их проектированию. Одним из самых крупных результатов реализации генерального плана в части реконструкции исторического города стало расширение почти в три раза улицы Горького (Тверской). Восьмизэтажные здания задали совершенно новый для города масштаб (хотя на улице уже стояло несколько крупных доходных домов конца XIX — начала XX века). Новой была не только высота, но и протяженность возникших корпусов, вызвавших необходимость создания высоких проездных арок для связи улицы с примыкающими переулками. Частое расположение переулков было вызвано мелкомасштабностью застройки в зоне, примыкавшей к Тверской. Эта старая дробная застройка продолжала существовать и после реконструкции улицы, а новые корпуса служили ширмой, отгораживавшей старое от нового.

Под первую очередь реконструкции (проект А.Г. Мордвинова) были снесены дом Б.А. Голицына (бывш. М.И. Долгорукова, 1775), дом Бекетова (XVIII в., перестройка 1815–1831), флигель дома С.М. Голицына (арх. М.Ф. Казаков, надстройка II пол. XIX в.)⁸². Причем, если дом Долгорукова-Голицына был снесен перед началом строительства (1937–1939), то другие два — после его окончания. Вместе со всей старой застройкой они стояли перед новыми домами до конца стройки, по завершении же фасадных работ они были взорваны летом 1938 г. с театральным эффектом: старая застройка вдруг осела и из-за прежней уличной декорации открылась новая: протяженные 8-этажные дома, увенчанные скульптурой. Эффектное зрелище затем многократно воспроизводилось кинохроникой, на дальнейших этапах реконструкции улицы были снесены среди прочего еще две постройки М.Ф. Казакова, подвергшиеся, правда, поздним переделкам: дом Прозоровского на углу М. Гнездиковского и дом Салтыкова на углу Газетного переулка. Первый исчез в 1937 г., а второй — в 1940 г. Казаковский же дом Ермолова на углу Настасьинского переулка был встроен в 1936 г. в многоэтажное со-

оружие для Наркомлеспрома и тоже практически исчез из города⁸³. Два памятника при расширении Тверской были передвинуты. Это дом генерал-губернатора (М.Ф. Казаков, 1778–1782), перемещенный на несколько метров в 1937–1938 гг.⁸⁴, и дом Д.И. Нарышкина (1778–1780, позднее Глазная больница), развернутый фасадом в переулок в 1941 г.⁸⁵ При этом памятник был поставлен на дополнительный цокольный этаж, изменен абрис проемов бывшего первого этажа — облик сооружения значительно изменился, что говорит о том, что на здание не смотрели как на памятник.

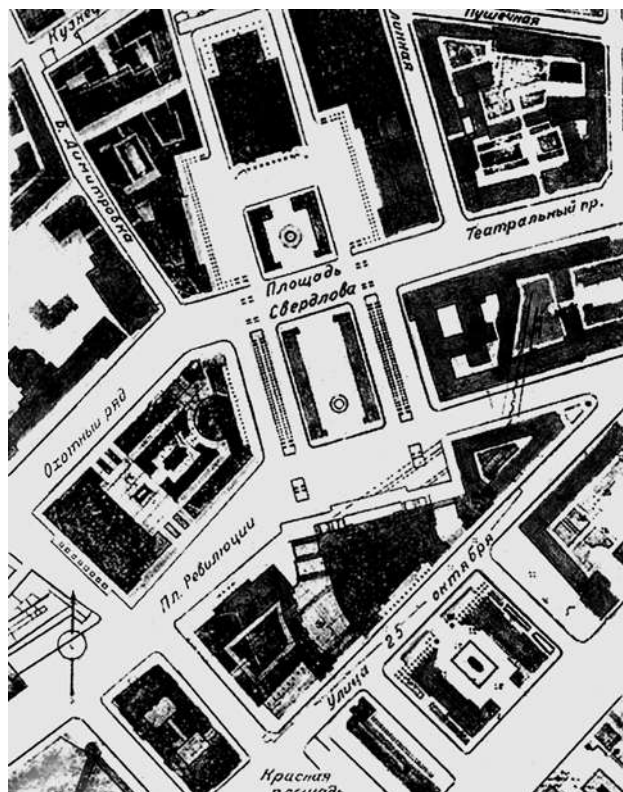
Одновременно со сносами гражданских построек был уничтожен Страстной монастырь (в 1937 г.) на пересечении Тверской и линии бульваров. Это объяснялось тем, что расширение улицы и «застройка домами большой высоты» требуют иных габаритов площади. Интересно, что статья о реконструкции площади, получившей уже название Пушкинской, полна комплиментарных выражений в адрес поэта, автор рассматривает «пушкинскую» историю места и, одновременно, утверждает необходимость сноса связанного с его именем дома Римских-Корсаковых ради единообразия застройки: «диссонанс уступит место ансамблю». Снос этот, правда, был отнесен на вторую очередь (и произошел, как мы знаем, только в начале 1970-х гг.)⁸⁶.

Наряду с осуществленными проектами, велась работа над составлением новых, которым не суждено было осуществиться. Они, тем не менее, весьма показательны, иллюстрируют направленность архитектурного поиска. Так, в 1936 г. провели конкурс на строительство Большого академического кинотеатра на площади Свердлова⁸⁷. Кинотеатр должен был стоять визави с Большим театром, замыкая противоположную сторону спланированной Бове Театральной площади. Он должен был встать на участке между Никольской улицей и площадью Свердлова. Уничтожался Заиконоспасский монастырь (XVII–XVIII вв.), сносились часть китайгородской стены (стена со стороны Старой и Новой площадей была разобрана в 1934 г.). Уничтожалась ориентация Театральной площади на стену и храмы Китай-города. Но при этом не только Театральная площадь, но и Китай-город должны были получить требовавшееся по постановлению новое монументальное сооружение.

В конкурсе приняли участие Д.Н. Чечулин, А.Н. Душкин, Ю.В. Шуко. В программу, видимо, входило не только проектирование кинотеатра, но и реконструкция всей площади. Характерно решение Д.Н. Чечулина. Он перестраивает Метрополь

в духе постконструктивизма, аналогичный корпус ставит со стороны гостиницы «Москва», надстраивает Малый театр ради получения единообразного обрамления площади. Его кинотеатр господствует над этим обрамлением, Большому же театру, окруженному надстроенными зданиями, отводится явно второстепенная роль.

Альтернативой такому решению было проектное предложение И.В. Жолтовского. Он, видимо, не был участником конкурса, но, как указал С.О. Хан-Магомедов, разрабатывал проект реставрации театра и воссоздания классической колоннады по периметру площади, будучи увлечен проблематикой театральных зданий⁸⁸. В 1936 г. разработка этой идеи была представлена в проекте И.В. Ткаченко и В.В. Шилов⁸⁹. Известна их перспектива от кинотеатра в сторону Большого театра, а также проектный план площади, включающий пятно проектируемого кинотеатра⁹⁰. Видно, что здесь решается совсем иная задача, чем у Чечулина. «Метрополь» отгораживается от Театральной площади свободно стоящей колоннадой (явно воспринимая творение Валькотта как чужеродное тело). Такая же колоннада ставится симметрично со стороны гостиницы

Конкурс на строительство Большого академического кинотеатра на пл. Свердлова. Местоположение кинотеатра, предложение И.В. Жолтовского по реконструкции площади. 1936

Конкурс на строительство Большого академического кинотеатра на пл. Свердлова. Арх. Д.Н. Чечулин. 1936

«Москва». Площадь в ее юго-восточной части сужается, из-за этого утрачивается единство приема ее пространственной организации, но зато сохраняется классицистический характер и доминирующая роль Большого театра. Совершенно очевидно, что такое внимание к памятнику, стремление компенсировать ущерб, нанесенный ему временем, — нетипичное явление для отечественной архитектуры 1930-х гг.

Только к концу 1930-х гг. в силу ряда политико-идеологических обстоятельств отношение к культуре прошлого, к наследию стало немного меняться к лучшему. Наряду, правда, с сохранявшейся инерцией негативной оценки прошлого. Пошла на спад динамика сноса памятников. Направленность и идеология реконструктивных мероприятий в основном оставались прежними. Но весьма симптоматично было появление статьи А.В. Бунина в журнале «Архитектура СССР» в 1939 г.

Бунин начинает статью «Красная площадь» с обращения к архитекторам: подходить к перестройке старых площадей, в особенности таких, которые имеют художественную ценность, нужно «чрезвычайно осторожно», «на архитектора ложится ответственность за весь ансамбль», «каждый шаг, связанный с перестройкой площади, не может быть произвольным». Далее Бунин задается вопросом, «какие же требования предъявит к композиции

площади уже существующий ансамбль». Такая постановка вопроса несколько лет ранее была бы вообще вряд ли возможна, сам ход мысли оказывается весьма симптоматичен.

Бунин анализирует планировочные характеристики площади: «Современная Красная площадь имеет удлиненный план. Она тянется вдоль Кремля». И это, по Бунину, очень важно. Все здания, за исключением соборов и башен, а также пространства внутри и вокруг Кремля имеют тянутый план, что объясняется дисциплинирующей функцией стены. Она «заставляет строить композицию параллельно ей, следуя за ее поворотами и изломами». В объемном оформлении площади преобладает все та же продольная направленность: «О Красной площади можно сказать, — пишет Бунин, — что она обладает движением, площадь “ведет”». «Спасская башня и церковь Василия Блаженного замыкают перспективу, но они не являются ее конечной целью; нас тянет следовать все дальше и дальше, и это ощущение не остается без вознаграждения, ибо уже с перелома поверхности от Спасской башни открывается панорама города с широким горизонтом. Таким образом, Красная площадь есть выход от частного к общему, от замкнутых городских ансамблей — к просторам». Наиболее выгодными для кремлевской стены точками зрения являются не фронтальные, а «вкось и с угла, когда возникают ракурсы»⁹¹.

А.В. Бунин говорит и о поперечной оси, которая, в некоторый противовес ярко выраженной продольной, постоянно наращивала свое значение на протяжении XIX в. и первой четверти XX. Это происходило, начиная от надстройки Росси Никольской башни, снизившей тем самым преобладающее значение Спасской, и заканчивая постройкой Мавзолея В.И. Ленина и трибун на оси Сенатской башни, за которой уже высится купол здания Сената и Синода, притянутый М.Ф. Казаковым к середине площади. Все эти исторические рассуждения автора подводят к решению практических вопросов о путях реконструкции площади и ее окружения. Бунин указывает: «При расширении площади длина не будет столь преобладать над шириной, и здесь вполне возможен вопрос: какой же оси отдать предпочтение — продольной или поперечной?» Бунин расценивает продольную ось как главную, а поперечную — как подчиненную ей. Поэтому, «решая план площади, — пишет А.В. Бунин, — мы отклоним квадрат и всякую другую статическую композицию и отдадим предпочтение прямоугольнику»⁹².

Далее рассуждения касаются пространств, смежных с Красной площадью. «В интересах городского движения Москворецкая улица будет расширена; однако расширять ее можно только до определенных пределов, так как в противном случае нарушится замкнутость пространства, храм Василия Блаженного потеряет связь с боковыми фасадами площади, а сама площадь превратится в сквозной проезд. По тем же соображениям желательно сохранить излом Москворецкой улицы, повторив его в новом здании, параллельно средним Торговым рядам»⁹³. Здание Исторического музея, не представляющее, по мнению А.В. Бунина, художественной ценности, обладает большой градостроительной ролью по отношению к Красной площади и поэтому подлежит обязательному сохранению. Пространство площади воспринимается и ощущается как просторное только на контрасте размеров площади и главных входов на нее по узким проходам вдоль стен Исторического музея. Если снести это здание, то «после широчайшей улицы Горького и Манежной площади даже увеличенная Красная площадь может показаться недостаточно обширной»⁹⁴.

Говоря о проекте пробивки новой улицы между Ильинкой и Никольской с ориентацией на мавзолей, автор замечает: «Можно заранее предсказать неудачу этого мероприятия, ибо при одновременном расширении Ильинки и Никольской между улицами останутся лишь небольшие строительные участки». При этом сама улица, «направленная на фасад

мавзолея, принесет ничтожную пользу городскому движению, однако она способна сильно повредить архитектуре всей Красной площади. Эта улица покажет мавзолей на таком расстоянии, на котором он может только потеряться; эта улица подчеркнет невыгодную для ансамбля кремлевской стены поперечную ось площади, она разрушит замкнутость пространства и, наконец, она сделает Красную площадь проезжей во всех направлениях»⁹⁵.

Здесь надо заметить, что автор вовсе не отказывается от идей трансформировать площадь и ее окружение, он только предлагает коррективы к принятому решению. Не надо расширять площадь, не надо пробивать новую улицу. Но не вызывает возражений расширение Ильинки и Никольской, а следовательно, снос их застройки, признаваемой, видимо, неценной. Столь же спокойно автор относится к сносу застройки по Москворецкой улице. Примечательно еще одно обстоятельство: указывая, что дальняя точка зрения на мавзолей ему не выгодна, Бунин ни слова не говорит о Дворце Советов, который тоже должен бы восприниматься с новой трассы. Видимо, реальность его строительства настолько уже очевидна, что в рассуждении о композиции центра о нем можно забыть.

Переходя к объемному оформлению площади, А.В. Бунин принимает как само собой разумеющееся, что Верхние торговые ряды сносятся. Он рассуждает уже о новом здании и говорит, что возводимая постройка должна быть протяженным объемом от угла до угла площади с высотой до верхнего венчающего карниза в 24–26 м. Подобная высота новой застройки дает «хорошие отношения по поперечному разрезу площади» и не выпадает за предел, устанавливаемый зданием Верховного Совета (бывш. Сената). «Включение новых башенных композиций, — что наблюдается во всех конкурсных проектах здания Наркомата тяжелой промышленности прежних годов, — вряд ли будет целесообразным». «Кремлевские башни дают достаточно выразительный силуэт для целой площади; построить же новую вертикаль можно только обоснованно, не говоря уже о том, что это сделать чрезвычайно трудно при наличии стольких стилистически разнородных башен, уже использованных в архитектуре Кремля». Непрерывность застройки вдоль площади достигается, по А.В. Бунину, за счет перекрытия Никольской улицы и Ильинки двухпролетными арками. «Большая однопролетная арка может показаться излишне торжественной и рассматриваться как главный вход. Однопролетную арку к тому же трудно вписать в композицию,

учитывая значительную ширину улицы. Поэтому в данном случае более уместны двухпролетные арки, тем более что главный вход на площадь остается все же со стороны Исторического музея». Новая стена, по мнению А.В. Бунина, должна обладать «той же монументальностью, той же размеренностью и тем же спокойствием», что и кремлевская стена. Только в этом случае она будет отвечать фасаду Красной площади со стороны Кремля. «Центр фасада против мавзолея может быть в меру отмечен»⁹⁶.

Обнаруживается давно забытый подход к реконструкции, когда новая архитектура не противопоставляется ранее сформировавшейся, когда архитектор воспринимает себя как соавтор и соподвижник мастерам прошлого. Характерна статья И.В. Жолтовского годом позже на ту же тему реконструкции Красной площади. Обсуждалась знакомая тема замены Верхних торговых рядов и Исторического музея. Автор пишет: «Красная площадь уже потому не ансамбль, что Исторический музей и Ряды по своему художественному качеству совершенно несоизмеримы с Василием Блаженным и Кремлевской стеной»⁹⁷. Кроме того, И.В. Жолтовский пишет о неподчинении упомянутых зданий главному статическому центру всей композиции площади — собору Василия Блаженного, что в первую очередь относится к размерам построек и их шпильевым завершениям, которые нивелируют доминирующее значение собора, снижают зрительную устремленность к нему. Все сказанное означало, что необходима замена названных зданий, и Красная площадь должна была ждать новую реконструкцию. Теперь уже — в классицистическом ключе.

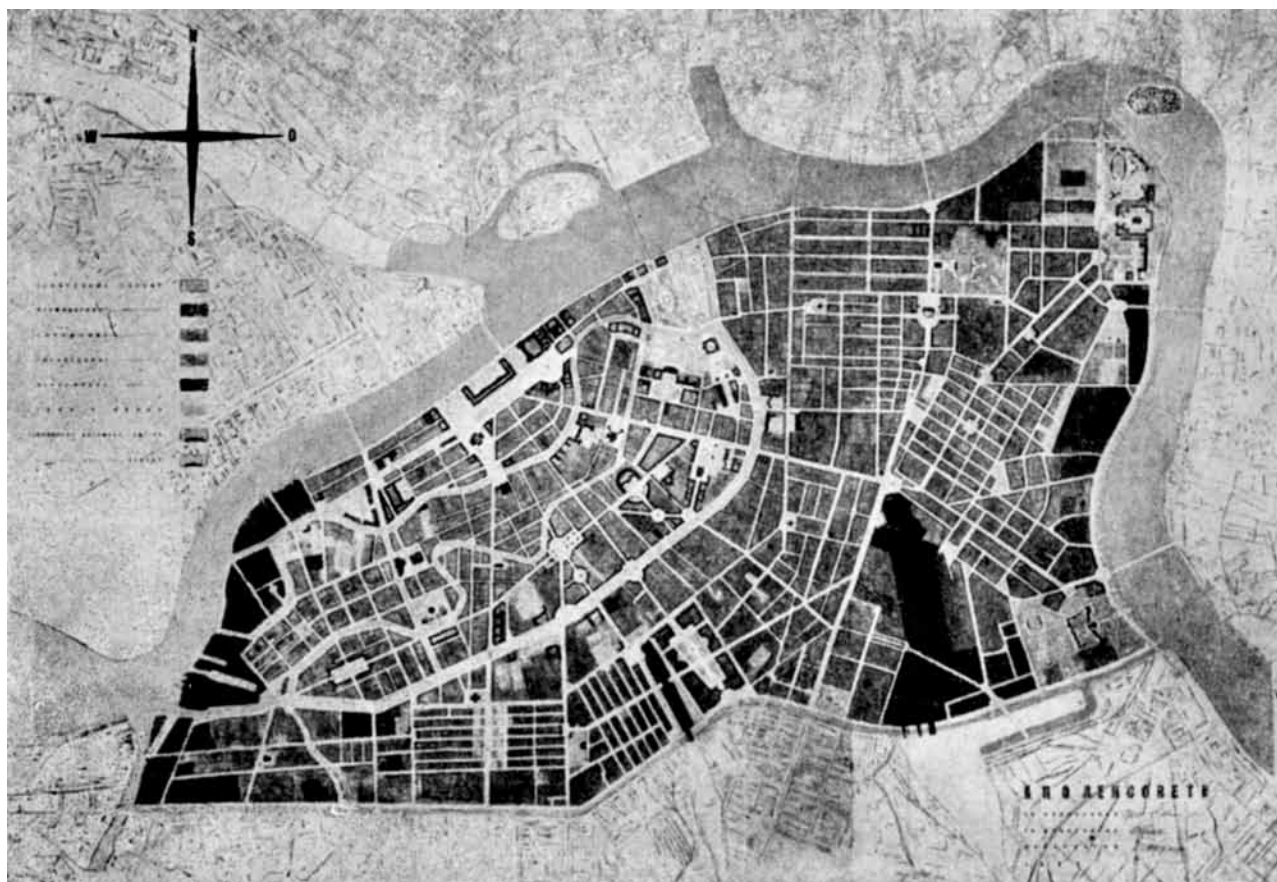
Наследие в реконструктивных преобразованиях других городов страны

Московский подход к реконструкции исторических городов, предопределенный идеологическими установками заказчика в 1930-е гг., не противоречил в своих основах взглядам, складывавшимся в профессиональной среде в предыдущее десятилетие, хотя и реализовывался в условиях складывавшегося господства иной стилистики. Предметом споров могло быть только отношение к тому или иному конкретному произведению прошлого или к какой-то группе памятников. Хотя приведенные примеры проектной работы А.В. Щусева (мавзолей), И.В. Жолтовского (Дворец Советов, Театральная площадь), некоторых участников конкурса на комплекс Наркомтяжпрома говорят о том, что многие мастера думали о проблеме органического сочетания старого и нового, а иногда даже о подчинении нового старому.

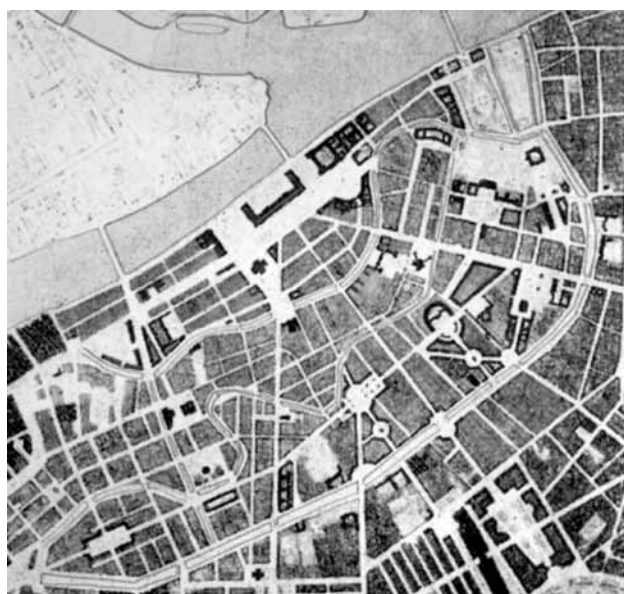
Некоторую особенность можно увидеть в отношении к историческому городу ленинградских зодчих. Это, видимо, объяснялось очевидной для всех структурной целостностью основного массива старого города. Была понятна неуместность и даже технико-экономическая затруднительность крупномасштабного вторжения в сложившуюся городскую ткань. Видимо, поэтому не вызвало возражений предложение Л.А. Ильина о формировании нового городского центра в новом районе на юге города (тогда как в Москве подобные идеи были отвергнуты сразу).

Но это не значит, что в Ленинграде было принципиально иное отношение к наследию. Попытки решительной реконструкции городских площадей были, но они были связаны с периферийной зоной, той самой, где уже раньше начали более смело разрушать храмы. Активный реконструктивный подход отчетливо виден в проекте планировки города 1937 г.⁹⁸ В нем в зоне между Екатерининским каналом и Фонтанкой появилось много новых предложений. Они многочисленны, многословны, все основаны на планировочных приемах классицизма. Заметно стремление активизировать ось симметрии городского плана, нарушенную главенством бокового луча трехлучия — Невского проспекта, развить композицию в сторону оси симметрии. На Садовой улице создается новая площадь, симметричная Сенной по отношению к геометрической оси плана — улице Гороховской (позднее Дзержинского). Основой новой площади должен был стать классический объем здания Госбанка, перед которым расчищалось полукруглое пространство. Благодаря этой площади, запроектированной на полпути от Невского к Сенной, на Садовой улице должна была возникнуть цепочка пространственных акцентов, уводящих от Невского проспекта в глубь застройки города. Чтобы усилить симметрию по отношению к Гороховской, и у Сенной, и у Новой площади добавлены маленькие круглые площади-спутники, увеличивающие, увы, дробность рисунка.

Новому проектному рисунку нельзя отказать в понимании ситуации, во внимательном отношении к планировочным особенностям города. Можно лишь предположить, какие формы обрела бы новая архитектура города и что было бы утрачено при его реализации. Некоторое представление об этом можно получить по чуть более позднему проекту реконструкции Сенной площади (1939)⁹⁹. По этому проекту сносилась Успенская церковь (XVIII в., барокко, ее снос предполагался уже планом 1937 г.),

Проект планировки северной части центра Ленинграда.
Фрагмент. 1937

выравнивается надстройками или перестройками высота всего периметра охватывающих площадь зданий. Некоторые высокие дома конца XIX — начала XX в. сохранялись, но произведения первой половины XIX в. заменялись новыми. Сохранялась гауптвахта, а от Успенской церкви оставлялась паперть с портиком, симметричным гауптвахте. Ось выходящего на площадь Московского проспекта

должна была фиксироваться вертикалью нового монумента.

Как и в проекте застройки района, в реконструкции площади присутствует внимание к структурным особенностям места, к некоторым деталям композиции. В то же время заметна как будто заданная схематичность: застройка площади выравнивается под один карниз; кроме того, программно упраздняется культовая доминанта.

Периферийная зона старого Петрограда провоцировала и более решительные предложения по реконструкции ее застройки. С.В. Липгарт опубликовал несколько эскизных проектов питерского архитектора Я.О. Рубанчика, рисовавшего картины преобразований некоторых площадей этой зоны¹⁰⁰.

На пересечении Московского и Загородного проспектов он предлагал перестроить Технологический институт, главный корпус которого датируется 1830-ми гг. Вместо восьмипиластрового коринфского портика вырастала брутальная колоннада высотой в 4 этажа, куполок заменялся двухъярусной ротондой. Три дома напротив института объединялись общим фасадом, напоминавшим образцы

Ленинград. Проект реконструкции Сенной площади. 1939

фоминской пролетарской дорик. Укрупненный масштаб и упрощенная пластика должны были придать площади монументальность, отвечающую значительности места: Московский проспект вел в новый городской район, к новому центру.

Вблизи моста лейтенанта Шмидта Рубанчик прорисовывал новый облик площади Труда. Архитектор смело перестраивал казармы начала и середины XIX в., соединял их выравненные по высоте корпуса висячим аттиком, образуя подобие триумфальной арки, кардинально перестраивал манеж, дополнял, кроме того, обновленные постройки свободно стоявшим на площади башнеобразным монументом. Единственное здание, не затронутое переделками, — Дворец Труда, расположившийся

в бывшем Николаевском дворце (А.И. Штакеншнейдер). Площадь Труда, соседствующая с Новой Голландией, насыщенная XIX в., — это уже не совсем периферия. И тем не менее автору кажется уместным подобное предложение. Возможно, он пытался компенсировать утрату — снесенную здесь тоновскую церковь Благовещения.

Трудно сказать, в какой мере творческие идеи Рубанчика были характерны для Петрограда, но в общий контекст архитектурных представлений эпохи они, конечно, вписываются. В этом можно убедиться, присоединив к материалам крупнейших центров страны некоторые наблюдения, касающиеся реконструктивной практики регионов.

Обширные реконструктивные мероприятия проводились в Ярославле. Его планировкой занимались уже в 1918–1919 гг., в середине 1920-х гг. наряду с историческим центром предметом внимания стали окружающие его рабочие поселки, стала складываться идея «Большого Ярославля». Значительная часть проектных усилий была обращена на застройку и благоустройство периферийных районов города. Но к 1936 г., когда был разработан новый генеральный план Ярославля, естественно возник вопрос о местоположении нового центра и его связи со всей городской архитектурно-пространственной структурой. Из двух участков: более близкого к новым районам Флотского спуска или же Стрелки с собором — был выбран второй, как более рациональный в экономическом отношении¹⁰¹.

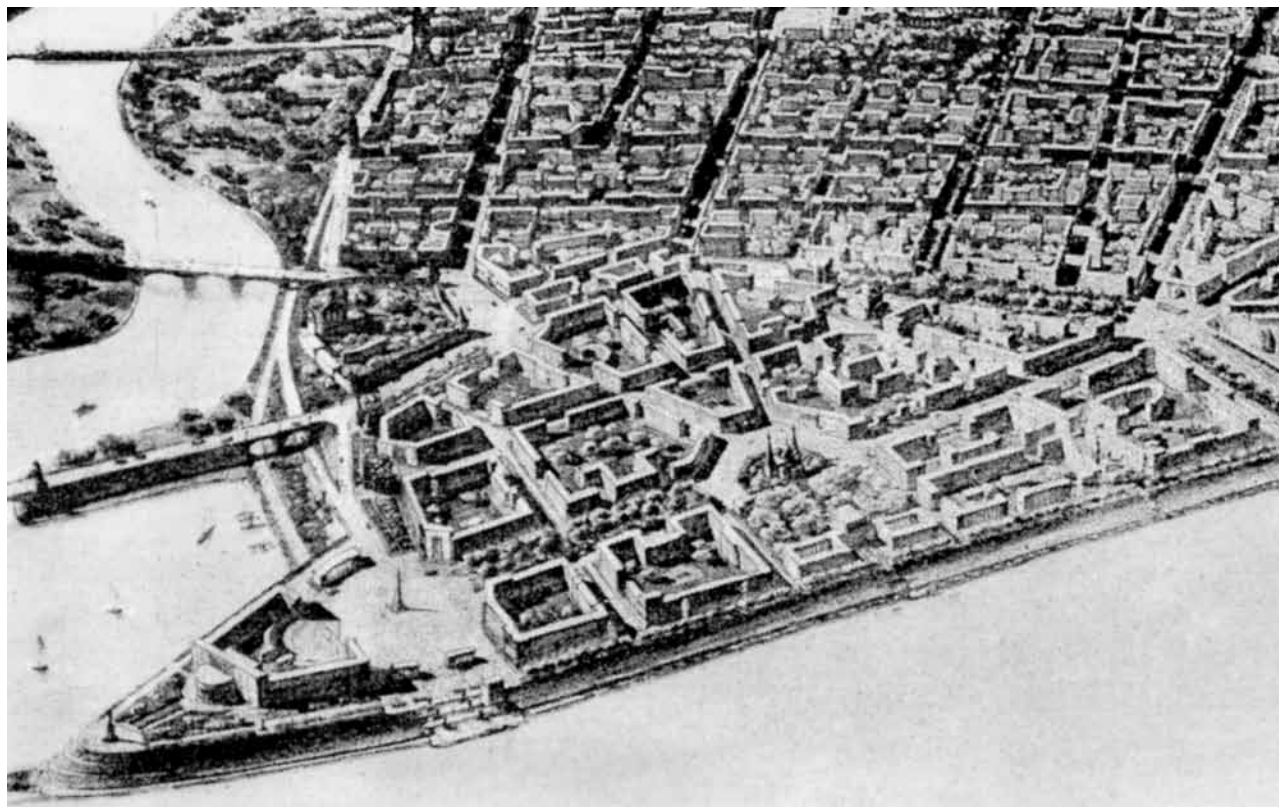

Ленинград. Эскизный проект реконструкции площади Труда. Арх. Я.О. Рубанчик. 1930-е гг.

Это означало необходимость уничтожения собора и строительства на освободившемся месте нового монументального сооружения для областной власти. Известны рисованные панорамы ярославского центра, сделанные автором генплана города Н.В. Барановым, опубликованные им в книге «Композиция центра города». (М., 1964) а также Н.С. Сапрыкиной в статье «“Новый” и “Большой” Ярославль — этапы реконструкции и развития». На приведенном рисунке вместо собора проектируется ярусная башня. Не ясно, предложено ли изображенное сооружение в 1930-е гг. или при публикации книги. Скорее последнее. Есть и другая версия нового сооружения, безусловно датированная 1938 г., и изображенная в панораме-«птичке», тоже подписанной Н.В. Барановым¹⁰². Изображена вся застройка центра города, в ней на мысу стоит многоэтажная пластина, П-образно охватывающая контур стрелки, к острию мыса обращен примкнувший к пластине зал, а перед ним — монумент. Думается, что такое решение стилистически отвечает характеру рассматриваемой эпохи, хотя с точки зрения концепции отношения к наследию старый и новый варианты равноценны. Панорама позволяет увидеть, что предполагалось уничтожение Афанасьевского монастыря и всех еще оставшихся

храмов, приближенных к эспланаде (теперь пл. Челюскинцев). Застройка между Советской (Ильинской) площадью и Волгой уничтожалась, вместо нее разбивался парк. Только по самой набережной ставился рядок новых домов. Новые дома примерно одной этажности занимают всю территорию старого города, город в панораме удручающе монотонен. Немногие сохранявшиеся храмы, так же как и редкие новые башенки, призванные обогатить панораму Ярославля, практически не в состоянии разбить эту монотонность.

Самое удивительное, что в центре Советской площади оставалась Ильинская церковь, сохранявшая свою роль доминанты благодаря островному размещению на площади и своему месту в радиальной планировке¹⁰³. Она собирает воедино все лучевые направления классицистически регулярного центра. Надо вспомнить, что за 10 лет перед тем в Вологде снесли Никольскую церковь на Сенной площади, которую горячо отстаивал Главмузей. Было указано на «неуместность наличия здания церкви на площади, имеющей ныне революционное значение»¹⁰⁴. Видимо, к моменту планирования реконструкции Ярославля кампания по сносу шла на нет, да и выросшая популярность классицизма мешала убрать ориентир, собирающий воедино ре-

Ярославль. Проект реконструкции центра города. Фрагмент. Арх. Н.В. Баранов. 1938

Ярославль. Проект реконструкции Советской (Ильинской) площади. 1935

гулярную планировку. Сохранился проект реконструкции самой Ильинской площади, где новация заключалась в замене скромного дома полицейского управления на несколько более крупное сооружение, ордерный строй и размеры которого были ближе к соседним произведениям классицизма. В центре же проектная панорама фиксировала сохранение Ильинской церкви. Судя по всему, проектный рисунок принадлежал Н.В. Баранову.

Интересно рассмотреть реконструкцию Воронежа — областного центра в совершенно другом регионе, с иными хозяйственными и ландшафтными условиями. Воронеж, может быть, даже в большей мере, чем Ярославль, стал крупным индустриальным центром страны. Здесь развивалось авиастроение, производство каучука. В силу этого город обладал относительно большими экономическими возможностями. В 1930-х гг. началась работа по составлению генерального плана Воронежа. Варианты плана были разработаны и опубликованы в 1934 г.¹⁰⁵ Они различались, главным образом, решением вопроса о территориальном развитии города, о характере освоения заречной части (левобережья р. Воронежа), где были размещены новые индустриальные комплексы. Но все варианты были близки друг к другу в характере преобразования исторической части города.

Здесь еще до принятия генплана начиналось строительство отдельных новых сооружений вдоль главной улицы старого города, улицы Революции (в прошлом Большой Дворянской). Как отмечено в современном путеводителе, строительство велось «в формах конструктивизма, который резко контрастировал со сложившейся старой застройкой»¹⁰⁶. Известно изображение одного из этих зданий, возведенного в самом начале улицы в 1930–1934 гг. по проекту А.И. Попова-Шамана. Шестиэтажное здание торгового и административного назначе-

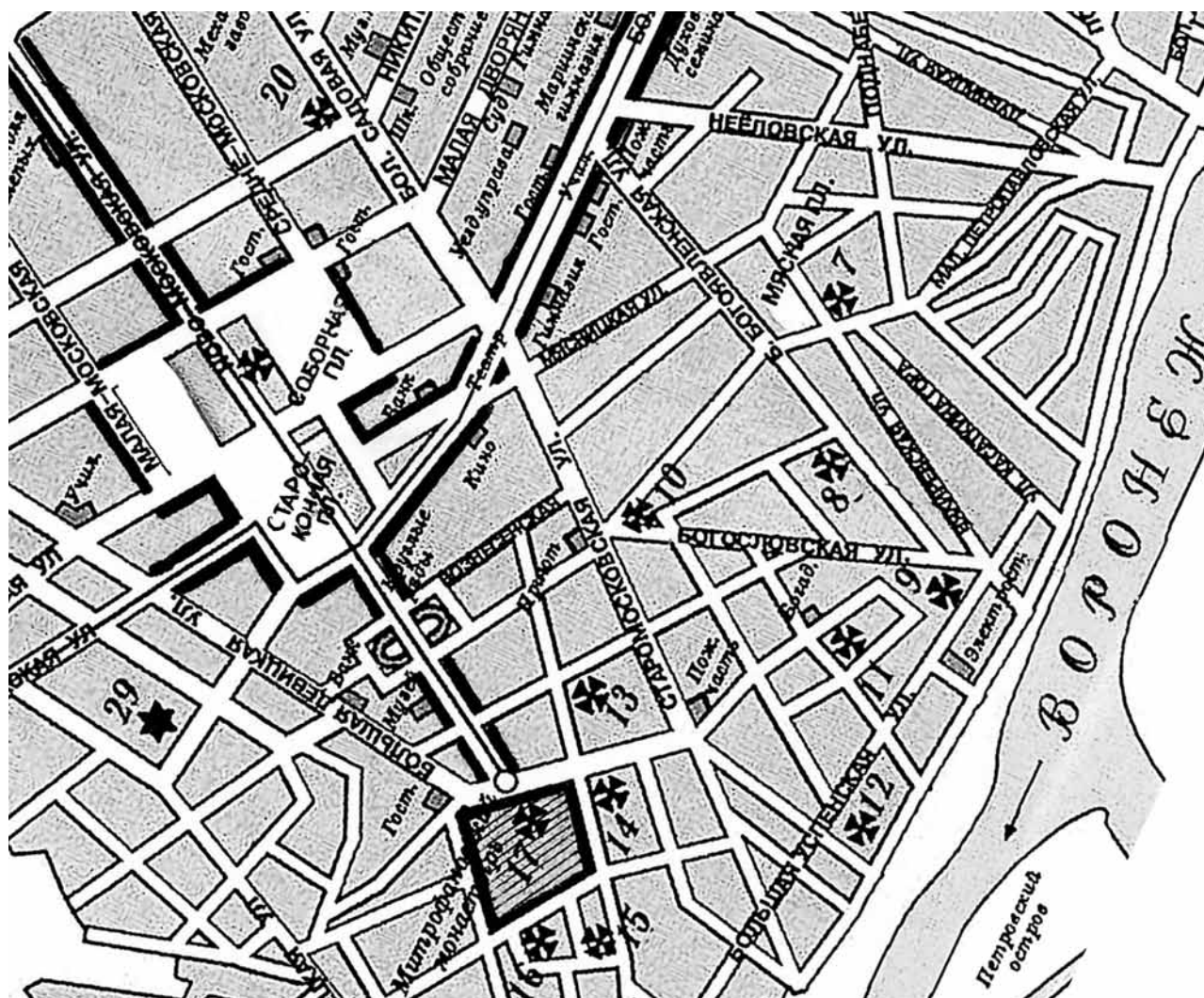
Воронеж. Административное здание «Утюжок».
Арх. А.И. Попов-Шаман. 1930–1934

ния выделялось ленточными окнами, имело закругляющийся торец, поскольку стояло на развилке двух улиц. Криволинейная часть отделялась от прямолинейной несколько повышенной башенной частью. Интересное само по себе сооружение, конечно, вырывалось своим масштабом и рисунком из исторического окружения.

Генеральный план города предполагал дальнейшее преобразование застройки Воронежа с повышением ее этажности, с уничтожением основных церковных доминант. Одновременно с вариантами генплана города был опубликован эскизный проект застройки его нового административно-культурного центра. Центр планировалось сформировать на пересечении двух главных улиц — улицы Революции (Большой Дворянской), идущей примерно в широтном направлении, и перпендикулярной ей улицы Плеханова (Ново-Московской), соединявшей соборную площадь с главным ансамблем города — Митрофаниевским монастырем. Эскизный проект застройки предполагал снос собора, а на пересечении названных улиц — устройство громадного центрального пространства, включающего в себя прежние Соборную, Старо-Конную, Хлебную площади (две последние — рыночные). На бывшей Старо-Конной по проекту Попова-Шамана возводилось здание обкома, завершавшего улицу Революции. На месте Хлебной площади должно было возникнуть грандиозное здание театра, а напротив него в глубине бывшей Соборной площади — еще одно административное здание. Здания повышенной этажности сочетались с фрагментами сохранявшейся 2–3-этажной застройки.

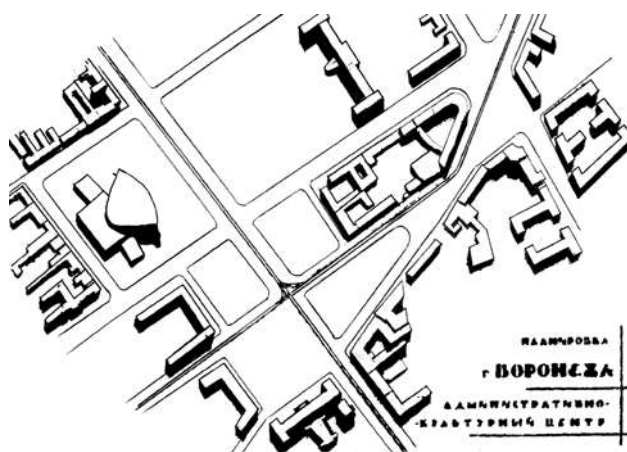
Преобразования не были осуществлены в задуманном масштабе. Был возведен дом обкома, в 1934 г. находившийся уже в процессе строительства, но на месте планировавшегося театра ничего не строили, там до конца XX в. располагался рынок.

Воронеж. Схема проекта трансформации городских пространств центра в 1930-е гг.

Жирным выделено пространство планировавшейся центральной площади и примыкающих улиц. Заштрихованный квартал – комплекс Митрофаниевского монастыря (в 1950-е гг. снесенного для строительства университета).
Схема автора

Воронеж. Проект реконструкции центра. 1934

Воронеж. Здание обкома.

Арх. А.И. Попов-Шаман. Сер. 1930-х гг.

Воронеж. Ново-Московская ул. Вид на городской собор.
Открытка нач. XX в.

Воронеж. Ново-Московская ул. Вид в сторону Митрофаниевского монастыря. Открытка нач. XX в.

Театр же в конце 1930-х гг. стали строить на той же площади, что и обком (пл. Ленина), разгородив его корпусом пространства бывших Соборной и Хлебной площадей (впоследствии застроенных), так и не вошедших в парадное пространство центра. Собор, закрытый в 1932 г., просуществовал до 1959 г., когда был уничтожен практически одновременно с Митрофаниевским монастырем. Долгое существование, пусть в обезображенном виде, центральных храмовых доминант — явление нередкое, вызывавшееся, видимо, чисто экономическими соображениями.

Наряду с такими областными центрами, как Ярославль и Воронеж, следует остановиться и на городах районного масштаба. Большая их часть не подвергалась сколько-нибудь существенной реконструкции, поскольку на это не было средств. Возникало несколько утилитарно необходимых сооружений, уничтожались некоторые храмы как символы чуждой идеологии, но во многом города такого масштаба продолжали сохранять черты прежнего облика.

Попытки преобразовать город появлялись, только если в нем разворачивалось промышленное строительство. Одним из таких городов был Рыбинск, старый торговый город, превратившийся еще и в промышленный центр, прежде всего — центр моторостроения. Этапы его архитектурной истории в послереволюционные годы достаточно типичны. Поначалу сохранялась тяга к неоклассицизму. В 1921 г. архитектор А.М. Вейзен проектирует новый театр взамен сгоревшего в 1920 г. Этот тщательно прорисованный неоклассический проект никогда не был осуществлен. Но два других здания в таком стиле, правда значительно более скромные, были построены. Это железнодорожная больница и вблизи от нее — рабочий клуб¹⁰⁷.

Позже стилистика меняется, объем строительства в историческом городе остается крайне скромным. В конце 1920-х — середине 1930-х гг. появляется несколько произведений конструктивизма. Прежде всего надо назвать здание Клуба моторостроителей, возведенное в начале 1930-х гг. на краю старого города по проекту Я.А. Корнфельда (строительство 1931–1937 гг., на последнем этапе работ были сделаны переделки в характере постконструктивизма). Характерно появление клуба в окраинном рабочем районе. Клуб встал на практически незастроенном месте в парковом окружении. Вопросы сочетания старого и нового здесь не возникли. Несколько более конфликтно стало появление на главной улице города (Ленина, ранее Крестовой) кинотеатра, возведенного тоже в начале 1930-х гг. ярославским архитектором И.И. Князевым. Относительно небольшая высота и расчлененность объема смягчают контраст нового сооружения и старой застройки, хотя преобладание глухих стен, ленточные окна, динамичные сдвиги форм были явно чужды застройке улицы. В 1934 г. на месте снесенной церкви Спаса встал Главпочтамт, здание, в котором характерные для конструктивизма сдвиги объемов, сильная горизонталь охватывающего дом балкона уже соседствуют с чертами постконструктивистской пластики. Трех-четырёхэтажный дом за счет этого меньше вырывается из окружения. В целом конструктивистский период оставил в городе мало следов.

Повышенное внимание к городу появилось в середине 1930-х гг. Развивалась его промышленность, но, кроме того, важным событием стало сооружение Рыбинского гидроузла и затопление в связи с этим обширной территории в долине Шексны. Рыбинск стал одним из центров расселения людей из затопленных городов и поселков. При начале

Рыбинск. Кинотеатр Центральный на ул. Ленина. Арх. И.И. Князев. 1930–1932

строительства гидроузла было принято решение о корректировке генерального плана города. Планировалось создание новых районов выше по Волге и в Заволжье, развитие застройки за притоком Волги, речкой Черемхой. Город получал практически новый статус, и проект генерального плана потребовалось сопроводить эскизным проектом реконструкции центра. Генплан города разрабатывали В. Потапов и А.И. Савидов под руководством В.Н. Семенова. Проект реконструкции центра разрабатывал сам Семенов¹⁰⁸.

На территории старого города не оставлялось ни одного старого здания, за исключением так называемой Новой хлебной биржи — здания в «русском стиле» 1910-х гг. (арх. А.В. Иванов). Должны были быть уничтожены не только все храмы (православные и католический), но и старая ампириная биржа, классицистическая пожарная часть с надстроенной в 1912 г. каланчой — интереснейшим инженерным сооружением в стиле модерн (арх. И.К. Хотин), много других интересных сооружений XIX в., также и скромные произведения недавнего конструктивизма. Оставался только Клуб моторостроителей Я.А. Корнфельда.

Планировочная сетка нового проекта в основном сохраняла прежнюю основу, но кварталы укрупнялись втрое. Предполагалась периметральная застройка из 4-этажных протяженных корпусов с громадными внутриквартальными озелененными пространствами. В планировочных узлах формиро-

вались классицистические по своей структуре площади с фиксацией углов ризолитами, колоннадами, башенного характера надстройками. Клуб моторостроителей встраивался в новую площадь, его сложный асимметричный фасад прикрывался встраивавшейся перед ним аркадой. В оформлении площадей появлялись обелиски, пилоны.

Мыс при впадении в Волгу Черемхи был отмечен башней скульптурного характера. Проектировался мост через Волгу, причем его эстакада со стороны старого города возводилась точно на месте сносимого Спасского собора (1833–1851, арх. А.И. Мельников, И.И. Шарлемань, Д.И. Висконти, колокольня конца XVIII в.). Собор в период проектирования генплана был давно закрыт, в нем размещался речной вокзал города. В брошюре «В помощь пропагандисту», выпущенной в связи с утверждением нового генплана, среди достоинств будущего города отмечалось: «Нет высокой башни водного вокзала. Вокзал вместе с дебаркадером переведен чуть ниже»¹⁰⁹.

Рецензировавший проект А.М. Мостakov в целом оценил работу весьма положительно. Но при этом отмечал, что в силуэте набережной не выражено движение к главной площади, от чего набережная приобретает «безразличное выражение». Та же претензия к вокзальной магистрали: сильные оси симметрии, курдонеры не подчеркивают основных ансамблей¹¹⁰.

Мостakov справедливо отмечает недостатки проектного решения, но они практически неиз-

Рыбинск. Проект реконструкции района городского театра (Площадь свободных искусств). Арх. В.Н. Семенов. 1937

бежны при господстве горизонталей 4-этажной застройки. Похожий результат уже отмечен выше в проекте реконструкции Ярославля.

Проект реконструкции Рыбинска не был осуществлен из-за начавшейся Великой Отечественной войны, но темпы реализации и его, и генеральных планов других городов, утвержденных в 1935–1936 гг., заставляют предполагать, что сколько-нибудь полная их реализация из-за недостатка средств на глобальную трансформацию городов вряд ли была возможна не только в расчетные 10 лет, но и в значительно более далекой перспективе.

Что реально дал городам рассмотренный период реконструкции их исторически сложившихся центров? Города утратили значительную часть своего архитектурного наследия и формировавшегося этим наследием своеобразия. Причем большая часть утрат не была связана с практическими потребностями функционирования города, а определялась идеологической программой по изменению их облика. Нередкий в 1930-е гг. аргумент, что снос того или иного храма обусловлен потребностями транспортного движения, опровергается тем, что на местах сноса многих из них надолго остались скверы, т.е. пространства не были востребованы транспортными потоками.

В то же время города обогатились некоторым количеством новых значительных произведений

конструктивизма, постконструктивизма, неоклассицизма. Такие произведения наиболее органично встраивались в город там, где они подчинялись господствующему принципу планировки. В Москве можно вспомнить Госбанк И.В. Жолтовского, Пресненский универмаг братьев Весниных. Уникален пример постановки мавзолея на Красной площади, когда сооружение не просто вписалось, но придало новое качество сложившемуся историческому ансамблю. В Ленинграде вмешательств в исторический центр было заметно меньше, но нельзя не отметить реконструкцию Марсова поля.

Сооружения с принципиально авангардной архитектурно-пространственной структурой хорошо вписывались в пригородные озелененные участки, как, например, здания Наркомфина в Москве, Клуба моторостроителей в Рыбинске. Встречавшиеся примеры их успешного включения в плотно застроенную часть города обуславливались подчас неполнотой реализации проекта, что произошло, например, с Домом политкаторжан Весниных. Но нередко были случаи, когда новое здание вторгалось в старый город, не пытаясь с ним связаться и надолго оставаясь диссонансом (что, впрочем, было распространено и в предреволюционной архитектурной практике).

Наиболее значительным явлением в области реализации планов реконструкции городов стала

Москва. Манежная площадь. Фото 1940-х гг.

застройка Манежной площади и улицы Горького в Москве. Расширились городские пространства, появился достаточно целостный новый комплекс: гостиница «Москва», дом СТО (Совет труда и обороны), жилые дома Мордвинова. Они стали частью нового многоэтажного комплекса в самом центре города, связались с крупными домами дореволюционной постройки вдоль края бывшего Китай-города — с «Метрополем», с домом страхового общества «Россия» на Лубянке, с домом Северного страхового общества и «Боярским двором» в Китай-городе, с «Деловым двором» на площади Ногина. На относительно крупном фрагменте городского центра сложился новый облик города — плотно, интенсивно застроенного. Строительство было связано со значительными утратами ценного наследия, в то же время вновь возникавшие дома находили пре-

емственную связь с предреволюционным деловым строительством в городском центре. Их появление было в тех условиях достаточно закономерно, это была программа, прежде всего, реконструкции образа города. Создание новой Тверской (ул. Горького) было важным идеологическим событием: населению и гостям столицы был представлен первый фрагмент будущего города социализма.

Вне указанного центрального пятна системных изменений было немного. Новая многоэтажная застройка появлялась разбросанными по старому городу фрагментами, предусмотренное генпланом 1935 г. расширение улиц оставалось невостребованным еще многие десятилетия: нерасширенные улицы вполне справлялись с транспортной нагрузкой. В качестве иллюстрации этого можно указать, что Садовое кольцо, расширенное в довоенные годы за счет упразднения озеленения, было так мало загружено, что на бывшем Новинском бульваре еще в начале 1950-х гг. днем проводились репетиции войск к майскому и ноябрьскому парадом и это не мешало движению — для транспорта оставляли по одной полосе в каждую сторону. (Автор главы был этому свидетель, он в детстве любовался такими репетициями парада из окон своего дома.)

Проекты реконструкции исторических центров городов, связанные с разработкой генеральных планов 1935–1937 г., во многих городах не успели привести к серьезным структурным преобразованиям в довоенный период, но задали программу, долго влиявшую на развитие уже послевоенного города.

Примечания

1. Шенков А.С. Памятники архитектуры в культурной жизни Москвы кон. XIX — нач. XX в. // Искусство христианского мира. М., 1996; Проблемы наследия в советской дореволюционной культуре // Памятники архитектуры в Советском Союзе. М., 2004.
2. Лапшин В.П. Художественная жизнь Москвы и Петрограда в октябре — декабре 1917 г. // Советское искусствознание-77. Вып. 1. М., 1978.
3. Луначарский А.В. К вопросу о политике РКП(б) в художественной литературе. М., 1924. С. 75; Письмо ЦК РКП(б) 1 декабря 1920 г. о пролеткультах // О партийной и советской печати. Сборник документов. М., 1954. С. 221.
4. Доклад А.В. Луначарского на конференции ГТГ, 1929 г. // Луначарский А.В. Об изобразительном искусстве. Т. 2. М., 1967. С. 316.
5. Луначарский А.В. Искусство в Москве (1922 г.) // Там же. С. 116.
6. Охрана памятников истории и культуры (сборник документов). М., 1968. С. 2.
7. Там же. С. 3, 5.
8. <http://www.minsk-old-new.com/minsk-3194.htm>. по: Прокопцов В.И. В поисках гармонии и красоты. Минск. // Наука и техника, 1988.
9. Искусство улиц и площадей. Ч. 1. Эволюция трибун. <http://isl.livejournal.com/213969.html>

10. На открытке 1929 г. «Советская площадь» памятник назван «обелиском Октябрьской революции». Издание треста «Мосрекламсправиздат». М., 1929.
11. Из истории советской архитектуры 1917–1925 гг. Документы и материалы. М., 1963. С. 212.
12. <http://www.mos.ru/wps/portal/WebContent?rubricId=4005>
13. Из истории советской архитектуры 1917–1925 гг. Документы и материалы. М., 1963. С. 104, 136–137, 142.
14. Троцкий Н.А., Тверской Л.М., Бурышкин Д.П. Поскольку Н.А. Троцкий и Л.М. Тверской подали отдельно проект с другой концепцией, можно думать, что замысел победившего проекта принадлежал Д.П. Бурышкину.
15. Автор — И.Г. Лангбард.
16. Из истории советской архитектуры 1917–1925 гг. Документы и материалы. М., 1963. С. 163–167.
17. Там же. С. 67–68.
18. Там же. С. 69.
19. Цит. по: http://www.folk.ru/Research/adonyeva_ritual_plostch.php
20. Из истории советской архитектуры 1917–1925 гг. Документы и материалы. М., 1963. С. 203–209.
21. Там же. С. 37–38.
22. Публикацию проектных чертежей см: Из истории советской архитектуры 1917–1925 гг. Документы и материалы. М., 1963. С. 44, 47; Памятники архитектуры Москвы. Кремль. Китай-город. Центральные площади. М., 1982. С. 215.
23. Известия, 1925. 17 окт. № 238.
24. Из истории советской архитектуры 1917–1925 гг. Документы и материалы. М., 1963. С. 146.
25. Цит. по: Хан-Магомедов С.О. Константин Мельников. М., 1990. С. 71.
26. См. Хан-Магомедов С.О. Живискульптарх 1919–1920. М., 1993. С. 32–33; Он же. Константин Мельников. М., 1990. С. 53.
27. Хан-Магомедов С.О. Александр Веснин и конструктивизм. М., 2007. С. 212.
28. Гинзбург М.Я. Стиль и эпоха. М., 1924. С. 100.
29. Там же. С. 99.
30. Цит. по: Из истории советской архитектуры 1917–1925 гг. М., 1963. С. 50.
31. Хан-Магомедов С.О. Конструктивизм. Концепция формообразования. М., 2003. С. 490.
32. Из истории советской архитектуры 1917–1925 гг. Документы и материалы. М., 1963. С. 153, 154.
33. Хан-Магомедов С.О. Рационализм. М., 2007. С. 128.
34. Цит. по: Хан-Магомедов С.О. Супрематизм и архитектура. М., 2007. С. 408.
35. Там же. С. 282.
36. Цит. по: Хан-Магомедов С.О. Супрематизм и архитектура. М., 2007. С. 408.
37. Из истории... С. 224.
38. Из истории... С. 229.
39. Там же. С. 228.
40. Хан-Магомедов С.О. Рационализм. М. 2007. С. 385.
41. Хан-Магомедов С.О. Лазарь Лисицкий. М., 2011. С. 149.
42. Иконников А.В. Архитектура XX века. Утопии и реальность. Т. 1. М., 2001. С. 207–208.
43. ЦИАМ Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 437. Л. 72.
44. Там же. Д. 422. Л. 14 – 14 об.
45. Там же.
46. Там же. Д. 424. Л. 4.
47. На плане первой половины XIX в. указано наличие 27 приходских храмов (РГВИА). В 1893 г. был 21 приходской храм (Брокгауз и Ефрон). Порядок цифр этим вполне определяется.
48. Монастыри и храмы земли Ярославской. Т. 1. Ярославль—Рыбинск. 2000. С. 44–61, 93–110.
49. Сапрыкина Н.С. «Новый» и «Большой» Ярославль — этапы реконструкции и развития // Советское градостроительство 1920–1030-х гг. М., 2009. С. 183, 185.
50. Монастыри и храмы земли Ярославской. Т. 3. Ярославль—Рыбинск. 2001. С. 12–172.
51. Грабарь И.Э. Сломка зданий и городское благоустройство // Грабарь И.Э. О русской архитектуре. М., 1969. С. 360.
52. Сытин П. Новая Москва и памятники старины // Коммунальное хозяйство. 1926. № 6. С. 34.
53. Сытин П. Надо ли сохранять все старое? // Коммунальное хозяйство. 1925. № 23. С. 47.
55. Хмельницкий Д. Зодчий Сталин. М.: НЛЮ, 2007. С. 45–46.

56. *Заплетин Н.П.* Дворец Советов СССР (по материалам конкурса) // Советская архитектура. 1932. № 2–3. С. 18.
57. Там же.
58. *Щусев А.В.* Международный конкурс дворца Советов // Дворец Советов. М., 1933. С. 74.
59. *Заплетин Н.П.* Дворец Советов СССР (по материалам конкурса) // Советская архитектура. 1932. № 2–3. С. 15.
60. Там же.
61. *Хан-Магомедов С.О.* Иван Жолтовский. М., 2010. С. 220.
62. О проекте Дворца Советов. Постановление правительственного совета строительства Дворца Советов // Дворец Советов. М., 1933. С. 59.
63. За архитектуру, против прорабского конструктивизма // Строительство Москвы. 1932. № 6. С. 6.
64. *Аранович Д.* Архитектурная реконструкция центра Москвы // Строительство Москвы. 1934. № 10. С. 21.
65. Архитектура СССР. 1934. № 10. С. 4.
66. *Лисицкий Л.* Форум социалистической Москвы // Архитектура СССР. 1934. № 10. С. 5.
67. Архитектура СССР. 1934. № 10. С. 7.
68. Там же. С. 18.
69. Там же. С. 14–15.
70. Там же. С. 22.
71. Там же. С. 4.
72. *Аранович Д.* Архитектурная реконструкция центра Москвы // Строительство Москвы. 1934. № 10. С. 27 и др.
73. Там же. С. 23.
74. Корбюзье. Ответы на вопросы из Москвы // Корбюзье. Планировка города. М., 1933. С. 203.
75. Цит. по: *Хазанова В.Э.* Советская архитектура первой пятилетки. М., 1980. С. 295.
76. Надстройка – важнейшая часть реконструкции Москвы // Строительство Москвы. 1932. № 5. С. 9.
77. *Заславский А., Бумажный Л.* За архитектурно-художественное оформление Москвы // Строительство Москвы. 1933. № 6.
78. Указ. соч. Надстройка – важнейшая часть реконструкции Москвы // Строительство Москвы. 1932. № 5. С. 9.
79. Там же. С. 10.
80. *Заславский А., Бумажный Л.* Указ. соч. С. 8.
81. *Чернышев С.Е.* План реконструкции столицы // Строительство Москвы. 1935. № 7–8. С. 12.
82. *Белецкая Е.А.* Архитектурные альбомы М.Ф. Казакова. Альбомы партикулярных строений. М., 1956. С. 250, 264; *Сытин П.В.* История планировки и застройки Москвы. Т.П. М., 1954. С. 160
83. *Белецкая Е.А.* Указ. соч. С. 245, 247; Памятники архитектуры Москвы. Белый город. М., 1989. С. 133.
84. Там же. С. 147.
85. Памятники архитектуры Москвы. Земляной город. М., 1989. С. 183.
86. *Родин А.Ф.* Пушкинская площадь // Строительство Москвы. 1937. № 2. С. 21.
87. Некоторые материалы конкурса опубликованы: *Лингарт С.* Преемственная реконструкция исторических ансамблей в 1930-е годы. <http://www.kapitel-spb.ru/index.php/component/content/article/115--1930-?showall=1>
88. *Хан-Магомедов С.О.* Иван Жолтовский. М., 2010. С. 161, 165.
89. Архитектура СССР. 1936. № 8. С. 5. См. также: *Старостенко Ю.Д.* Реализация представлений об ансамбле в проекте реконструкции центра Москвы 1936 г. / Ю.Д. Старостенко // Капиталь: [сайт журнала]. Опубликовано в разделе «Событие: Monumentalia & Modernita-2013». – Режим доступа: <http://kapitel-spb.ru/article/старостенко-ю-д-реализация-представл/?e=1692>
90. *Лингарт С.* Указ. соч. (автор публикации приписывает чертеж Жолтовскому).
91. *Бунин А.В.* Красная площадь // Архитектура СССР. 1939. № 4. С. 36–37.
92. Там же. С. 37–38.
93. Там же. С. 38.
94. Там же. С. 39.
95. Там же. С. 38.
96. Там же. С. 39.
97. *Жолтовский И.В.* Ансамбль в архитектуре // Строительная газета. 1940. № 73. С. 73.
98. Академия Архитектуры. 1937. № 3. С. 38. Автор приносит глубокую благодарность Ю.Л. Косенковой, любезно предоставившей ему планы и перспективы ряда опубликованных градостроительных проектов, рассмотренных в настоящем разделе.

- 99. Советская архитектура. 1939. № 6. С. 51.
- 100. *Липгарт С.* Указ. соч.
- 101. *Сапрыкина Н.С.* Указ. соч. С. 189.
- 102. Архитектура СССР. 1938. № 4. С. 11.
- 103. Планировка и строительство городов. 1935. № 12. С. 17.
- 104. Памятники архитектуры в Советском Союзе. М., 2004. С. 81.
- 105. Советская архитектура. 1934. № 1. С. 10.
- 106. Воронеж: встреча с прошлым и настоящим. Воронеж, 2008. С. 48.
- 107. Рыбинск. Градостроительство и архитектура. Рыбинск: РМП, 2011. С. 292–295.
- 108. Там же. С. 319.
- 109. Там же. С. 325.
- 110. Там же. С. 323.

Жилище в структуре советского города 1920—1930-х гг.

Г.Н. Яковлева

Общеизвестные последствия революционных потрясений жизненных основ Российской империи: экономическая разруха, деструктивная хозяйственная ситуация — привели к катастрофическому разрушению малых и больших городов. Тектонические социальные сдвиги породили стремительное исчезновение значительной части жилищного фонда городов. Во многих городах была совершенно разрушена коммунальная инфраструктура¹. В первые годы после окончания Гражданской войны все мероприятия в области жилищного хозяйства направлялись, главным образом, на восстановление наименее пострадавших во время войны домов. Ситуацию с жильем существенно усложняла стремительная миграция в города (особенно в большие) сельского населения в поисках работы и пропитания. В этой связи экспроприация частного жилья не могла существенно облегчить тяжелую жилищную проблему страны.

Начало восстановительного периода, очевидно, можно отнести к 1924 г., когда кроме ремонта пострадавшей части жилищного фонда начинается строительство жилья для новых городских и пригородных жителей. Средняя жилая норма площади на одного городского жителя составляла 5,8 кв. м. В июле 1926 г. объединенный Пленум ЦК ВКПб в своем постановлении указал, что все более усиливающийся жилищный кризис задерживает развитие промышленности, препятствуя вовлечению в производство новых рабочих. Это высказывание делает очевидной мотивацию развертывания жилищного строительства: расширение и укрепление в первую очередь промышленности. Этот фактор будет и в дальнейшем определять жилищную политику нового строя.

Данный период восстановления жилищного фонда характеризуется значительной долей участия

в процессе строительства кооперативных и индивидуальных средств населения, которое поддерживало государство определенными льготами в отводе земель и выдаче кредитов. В целях стимулирования роста жилищного строительства был создан Центральный банк кредитования коммунального и жилищного строительства (Цекомбанк) и сеть местных коммунальных банков. Эта ощутимая помощь со стороны государства обусловила рост сети жилстроительных кооперативов. Однако следует заметить, что эти меры не могли ослабить напряжения жилищного кризиса, который со временем приобрел хронический характер. Помощь индивидуальному застройщику со стороны государства не в последнюю очередь была продиктована желанием прекратить самозахват городских и пригородных земель для индивидуального строительства. Крайняя острота жилищного кризиса неоднократно отмечалась в постановлениях ВКП(б).

Что касается реакции архитекторов на эту проблему, то можно констатировать, что поиски нового типа жилья проходили во взаимосвязи с поисками будущего типа поселения. Жилищный кризис, разразившийся после революционных потрясений, в профессиональном сознании советских архитекторов, кроме прочих причин, был связан с осознанием мировой архитектурной мыслью этого времени общего кризиса городов. Это обстоятельство не в последнюю очередь обусловило параллельные поиски как новых форм расселения, так и новых типов жилых домов. Нарботки новых типов домов носили чрезвычайно напряженный характер, что объясняется поисками оптимально-экономных типов новой застройки. Пояснительные записки к проектам были снабжены тщательными подсчетами расходов материалов, ценами метров и кубометров,

рентабельности типов постройки и т.д. Естественно, что напряженный путь поисков наиболее экономного жилья приводил инженеров и архитекторов к стремлению как к выработке научно-обоснованных санитарно-технических норм проектирования, так и к наработке типовых проектов будущего жилья.

Поиски новых типов жилья для рабочих с понятной для экономической ситуации неизбежностью сводились к проектам деревянных домов или к малоэтажной застройке, выполненной в непривычных для нашего климата материалах и строительных технологиях. Ряд архитекторов и теоретиков градостроительства были принципиальными сторонниками малоэтажной застройки (например, Г.Б. Бархин, Н.В. Марковников, М.Г. Диканский и др.) на том основании, что отмена частной собственности на землю в конечном итоге должна привести к низкой арендной плате и низким налоговым обложениям земли². Очевидно, эти доводы не в последнюю очередь утвердили последователей движения городов-садов в том, что в социалистическом государстве сложились благоприятные условия для распространения именно этого типа расселения нового общества. Кроме экономической составляющей привлекательности городов-садов, в программах этого движения можно проследить элементы как поселений-коммун, так и марксистскую идею сращивания города и деревни (актуализированную позже дезурбанистами)³.

Размеры дома, вернее — квартиры, были лимитированы как для поселковой, так и для городской застройки. Так, если на квартиру в поселковом доме могло приходиться 340–450 кв. м, то метраж городской квартиры мог колебаться от 90 до 135 кв. м. Соответственно, величина поселкового и городского дома определялась количеством квартир по первому этажу. Естественно, существовал лимит площади застройки к величине усадебного участка. Так, по постановлению Наркомтруда и Наркомздрава к 1924 г. застройка не должна была превышать $\frac{1}{3}$ общей площади участка. Часто за отсутствием грамотного заказа от кооперативного объединения проектировщики сами составляли нормы и объемы застройки, нередко опираясь на европейский опыт. Однако европейская практика не всегда могла ответить на проблему планировки хозяйственных построек на усадебном участке, и не только на поселковом, но даже в центре Москвы. Так, американская фирма, строящая в 1924 г. два кооперативных 4-квартирных дома в Скертном и Хлебном переулках Москвы, очевидно, впервые столкнувшись с печным отоплением, вынуждена была возводить кирпичные

дровяные сараи на огороженных кирпичной стеной участках, тогда как сами дома были каркасно-защипные; участки использовались под небольшие сады и огороды. Дома, вопреки нормам, занимали примерно $\frac{1}{3}$ площади участка.

Однако существовали и нормы жилых квартир, выработанные Наркомтрудом и Наркомздравом, в зависимости от состава семьи. Так, квартира для малосемейного рабочего предусматривала две комнаты и кухню, туалетную комнату и переднюю. Второй тип квартиры (для средней семьи) состоял из кухни-столовой, двух спален, сеней, кладовой и туалетной комнаты. Площадь квартиры должна быть от 61 до 66 кв. м. Многосемейная квартира предусматривала наличие кухни, отдельной комнаты-столовой, двух спален, передней и туалетной комнаты. Естественно, что реальная практика часто расходилась с данными нормами.

В новых поселках, лишенных воды и канализации, одноэтажный 2-квартирный дом являлся наиболее распространенным типом застройки. Эти дома назывались парными и предназначались для малосемейных рабочих. Они проектировались шириной примерно в 6,4 м и соответственно по фасаду — в 12,8 м. Другой вариант: ширина 8,5 м, длина 19 м. Эти типы парных домов были наиболее распространены в рабочих поселках Московской области. Трехквартирный дом у нас, как и на Западе, встречался довольно редко; 4-квартирные двухэтажные дома были вторыми по распространению типами застройки, они часто имели самостоятельные входы в каждую квартиру либо с поэтажное расположение каждой квартиры с одной или двумя общими лестницами. Четырехквартирные дома по сравнению с парными имели преимущество как в отношении экономии внешних стен, так и в интенсивности застройки поселковой улицы. Так, если длина на улице двух смежных усадеб, застроенных парными домами, составляла не менее 55–60 м, то длина одного усадебного участка, застроенного 4-квартирным домом, составляла 37–40 м. Однако размеры и очертания части приусадебного участка, находящийся в использовании каждой из четырех семей, не могли быть одинаковыми.

Первое поселковое строительство в пригородах промышленных центров и при отдельных крупных предприятиях возникает в достаточно специфической форме. Образ жизни будущих обитателей поселка закономерно оказывает влияние как на состав и объем хозяйственных построек приусадебного участка, так и на планировочную систему поселения. Если будущие жители поселка — мест-

ные уроженцы, то, как правило, они стремятся иметь рядом с жилым домом усадьбу, удобную для хозяйства. Обычно этот тип поселка возникает при предприятиях, уже существующих достаточное время; если основной контингент — миграционное население, то отпадает сама необходимость в усадьбе. Поселки того и другого типа имели в перспективе благоустройство поселения (водопровод, канализацию и т. д.). Как правило, городской или полугородской тип поселка, преобладающий в окрестностях больших городов (Москвы, Ленинграда, Харькова и т. д.), уже имел элементарное благоустройство в отличие от полусельского типа поселения при крупных предприятиях и строящихся электростанциях. Закономерно внимание советских планировщиков в середине 1920-х гг. к опыту английского и немецкого поселкового строительства, в чьей практике дом отступал от границы улицы на 5–12 м, а хозяйственный двор, как правило, располагался позади дома, тогда как усадебный сад был вынесен в сторону улицы; в СССР службы и хозяйственный двор проектируются иногда сбоку от дома или в сторону улицы, часть усадьбы позади дома отводится под сад. Эта планировка применялась как в поселках полусельского типа, так и в городских. Типичным примером такого поселка явился рабочий поселок при заводе «Красный богатырь», начатый строительством в 1924 г.

Первые поселки, которые задумывались как поселения нового типа молодого государства с максимально удешевленным жилищным строительством и экономным благоустройством (если оно имелось), все-таки осуществлялись как достаточно дорогие и нерентабельные экстенсивные поселения — это признавалось уже к концу 1920-х г. Достигнуть компактности и плотности планировки предлагалось или равномерной периметральной за-

стройкой кварталов, или постановкой домов вдоль длинных сторон квартала торцами к улицам при сокращении разрывов между домами. Тогда сокращался удельный вес площади самой усадьбы, сведенной к общественному саду, как практиковалось в европейских поселках, в то время как экономическое положение в стране настоятельно требовало именно усадебных наделов. Правда, архитектор Н. В. Марковников вплоть до конца 1920-х г. страстно отстаивал не просто малоэтажное строительство, но и принципы поселковой застройки. Призывая удешевить поселковое строительство за счет удешевления строительства домов, он отстаивал целесообразность домов с городскими квартирами с небольшими индивидуальными садиками, а в крайнем случае — с общественным садом⁴.

Кроме отрицания рентабельности поселкового строительства, в устройстве самого поселка архитекторы конца 1920-х гг., захваченные идеей обобществления быта, не видели даже зародыша ее развития в самом типе поселения. Однако организация жизни квартала нового поселка или города противоречила проектным замыслам архитекторов, вдохновленных идеей обобществления быта и здорового досуга жителей. Обследования новостроек (Магнитогорск, Сталинск, Бобрики, Электросталь) показывали расхождение между проектом поселения и реальной жизнью, что сказывалось, в том числе, и на искажении планировочного замысла. Ряд элементов обслуживания, расположенных часто вне квартала, заменяется самообслуживанием. Внутри квартала самостийно возникали сараи и помещения для птицы и скота и т. д., которые, как правило, располагались на территориях, предназначенных под зеленые массивы, спортивные площадки. Это обстоятельство затрудняло последующую реконструкцию квартала, приближающую его к проектной реальности. Один из критиков объяснял эту ситуацию невозможностью для советских архитекторов разрешить градостроительные задачи в реальных условиях жизни общества и воспринимать жизнь как процесс в отличие от статичной проектной картины. Он отмечал, что создание неподвижной проектной картины должного — акт устранения от сущего⁵.

Следует отметить, что проекты первых городских поселков также не предусматривали изменения образа жизни членов кооператива. Главной задачей этих поселков (например, московских — Сокол, Дружба, Вал, Квартирохозяин) было улучшение жилищных условий горожан. Так, ленинградский Палевский жилмассив не претендовал на обо-

Поселок Красный Богатырь. Жилой дом. 1925

собленный поселковый статус. Это была застройка свободного участка двумя новыми кварталами 2 и 3-этажных кирпичных домов с семейными квартирами. Однако в каждом из двух кварталов предусматривались контора, прачечная и сараи для дров. Строительство кооперативных поселков в черте города осложнялось требованием более интенсивного использования ценной городской земли, что влияло на этажность домов и плотность самой застройки. Следует отметить, что в отличие от загородного поселкового строительства, которое иногда носило характер самостроя, в Москве постановлением Московского комитета содействия (жилищному строительству) и Мосгорбанка от 1924 г., не выдавалась ссуда на строительство, если проект застройки не был утвержден. В этом же году комитет содействия рассмотрел ряд планов 2, 3 и 4-комнатных квартир и утвердил планы блочных, парных, коттеджных домов, а также варианты домов разного состава квартир. Было одобрено 12 типов домов, представленных Госстроем, Стандартстроем, Мосдревом, архитекторами Марковниковым, Великовским, Гринбергом и другими. Каждый из трех перечисленных архитекторов представил свою экономную систему постройки жилища: Марковников — облегченный тип дома с максимальным использованием чердачного пространства; Великовский — пластинчатую систему стен с термолитовыми плитами; Галахов — обшивные стены с термолитовой изоляцией.

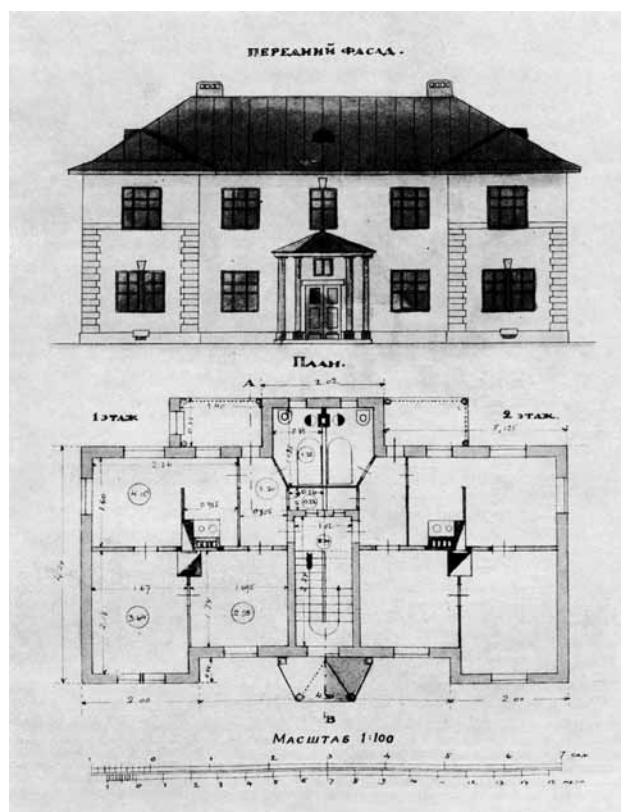
Показательно, что критерием оценки результатов конкурсов на тип рабочего жилища и планировку поселка, которые объявило московское жилищное общество, служили приложенные к проекту сметные материалы. В решении проблемы эконо-

мии поселковой земли решающую роль играли величина приусадебного участка, компоновка общих дворов и малый фронт застройки вдоль улицы. В планировке поселка, поданной на конкурс, каждый архитектор работал со своими спроектированными типами домов. Примером подобной комплексной работы архитектора может служить хрестоматийный в истории советской архитектуры московский поселок городского типа Сокол архитектора Н.В. Марковникова.

Недалеко от поселка Сокол в пределах муниципальной границы Москвы возник кооперативный поселок Дукстрой (инженер Б.И. Вендеров). Под поселок была отведена часть Ходынского поля — узкая полоса земли, выходящая на Ленинградское шоссе и заключенная согласно плану Большой Москвы между участками «Бегов» и Беговой улицей. Ради экономии земли службы в виде дровяных сараев с погребами и с отделениями для каждой квартиры были соединены на границах смежных участков. Все дома имели палисадники не менее 6 м в глубину, у каждой квартиры был небольшой садик от 70 до 100 кв. м. Однако уже в 1928 г. в Москве отказались от возведения этих типов поселков в пределах Камер-коллежского вала. Во многих

Москва. Поселок городского типа Сокол.
Арх. Н.В. Марковников

Москва. Рабочий поселок завода «Дукс».
Арх. Б.И. Вендеров. 1924–1925

профессиональных публикациях аргументированно доказывалось, что, учитывая дальнейший рост Москвы, подобного типа застройку не рекомендуется допускать и в большем радиусе, по крайней мере в пределах Окружной железной дороги.

В это же время в больших городах возводятся массивы новой жилой застройки, носившие, по всей вероятности, переходный характер от поселковой застройки к многоэтажным кварталам, решенным как единый жилой комплекс. Например, коммунальная 2-этажная застройка в районе Красной Пресни в Москве на выделенном участке с палисадниками и участками для огородов; к переходному типу застройки можно отнести и Палевский жилой массив в Ленинграде (1925–1928, арх. И.А. Рыбин и А.И. Зазерский), в котором интересна планировка 2-этажных домов с выступающими относительно друг друга (пилой) блоками, с квартирами на первом и втором этажах. Каждый квартал предполагался как отдельное жилищное товарищество и должен был иметь контору, прачечную и сараи для дров. Участок предполагался к застройке 2 и 3-этажными домами, дома строились каменными. В этом жилмассиве в отличие от московского уже не предусматриваются индивидуальные огороды и сады⁶. Однако замкнутые озелененные дворы сохраняли отзвуки города-сада; жилье и система обслуживания образовывали единый комплекс.

Авторы кварталов 3–4-этажной застройки, обрамляющей Тракторную улицу в Ленинграде (1926–1928, арх. А.И. Гегелло, А.С. Никольский и Г.А. Симонов), уже не предусматривали внутрихозяйственных служб, что позволяло архитекторам более свободно работать с общей планировкой и

Ленинград. Застройка Палевского участка.
Арх. А.И. Зазерский, И.А. Рыбин. 1927

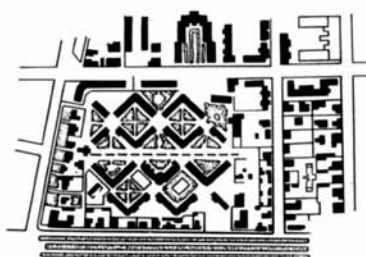

Ленинград. Жилой квартал на Тракторной ул.
Арх. А.И. Гегелло, А.С. Никольский, Г.А. Симонов. 1926–1927

пространственной проработкой фронта уличной застройки с помощью отступов от красной линии, игры объемов, объединенных полуарками.

Можно сказать, что в Шаболовском жилом комплексе в Москве (арх. Н.П. Травин, 1927–1929) принцип свободной планировки распространяется внутрь квартала. Пяти-семиэтажные корпуса, Г-образные в плане, развернуты под углом в 45° к сторонам квартала и его проездам, создавая необычные динамичные перспективы, которые усиливает игра высот домов, нарастающих к углам, внося свою пространственную ритмику. В этом плане интересно также планировочное решение квартала по Почтовой улице в Москве (1928). Прямоугольный квадрат почти по диагонали пересекает внутриквартальная улица, и почти строчная монотонная застройка выстраивается пилой вдоль диагональной оси. Дома на углах участка представляют собой блоки из двух корпусов под 90° со встроенными в угол остекленными объемами, оформляющими лестницу и входы в корпуса. Бруно Таут, анализируя новую жилую застройку в Москве, отмечает уязвимость квартальной планировки именно в решении угловой застройки. Советские архитекторы также признавали трудность в решении угловой застройки, которая часто заключалась в невозможности связать ее с типовой планировкой квартир.

Очевидно, больше всего у современников вызывала нарекание строчная застройка при однообразии числа этажей. Так, в 1928 г. на заседании жилищно-строительного комитета Моссовета были выработаны указания строительным конторам: к разработке проектов привлекать архитекторов, имеющих опыт в городской планировке.

Москва. Шаболовский жилой массив. *Общий вид, план.*
Арх. Н.П. Травин. 1927–1929

В целях достижения большей силуэтности застройки допускать большую свободу в сочетании разной этажности (до 6 этажей). Визуального разнообразия рекомендовалось достигать применением штукатурки и цвета. Однако следует отметить, что в больших старых городах строчная застройка применялась довольно редко. В Москве можно привести застройку Писцовой улицы (1930, арх. О. Стран). Новый жилой комплекс занимал участок в 150 тыс. кв. м при 25% застройки и был рассчитан на 8 тыс. человек. Разрывы между 5-этажными домами, состоящими из трех или пяти секций, составляли 25 м. Аналогичный тип застройки был применен на Крестовском острове в Ленинграде (арх. В.Д. Дмитриевский, В.А. Латынин, И.В. Рянгин, 1931–33).

Следует отметить, что к началу 1930-х гг. отмечалось влияние строчной застройки на структуру всего проектируемого поселения. Так, анализируя проект нового города около станции «Павшино», известный архитектурный критик Д.М. Аранович отмечал «механичность геометрии» даже планировки озеленения. Требования заказчика застрой-

ки кварталов однотипными 4-этажными домами в шесть секций резко ограничило возможности планировщиков. Кроме того, что единственный тип дома в строчной застройке существенно лимитировал размеры квартала и его структуру, он ограничивал и вариативность улиц, делая их однотипными. Автор статьи выступал против диктата единственного критерия эффективности застройки — технико-экономических показателей⁷.

В самой Москве кроме упомянутых выше жилых массивов были застроены и другие свободные участки городских окраин. Однако они уже не отличались, как Шаболовский комплекс, поисками новых пространственных решений. Из них интересно отметить Усачевский массив (1925–1928) и Дангауэровский поселок, в планировке которого видны попытки архитектора перебить монотонность строчной застройки перпендикулярными к основной строчке корпусами: их отличала развитая система зданий общественного назначения. Усачевский комплекс представлял квартал с развитой сетью обслуживания на благоустроенной территории (магазины, амбулатория, баня и детские и образовательные учреждения). Значительный жилой массив этого времени — Дангауэровский поселок, разбитый на десять кварталов с различным числом зданий, также имел в своем составе общественный центр, состоящий из зданий культурно-бытового и коммунального назначения. Следует отметить застройку Дубровки в Москве, где также предприняты попытки разнообразить пространственное решение кварталов разницей в высотности домов.

Уже к концу 1920-х гг. уточняются нормативы плотности квартальной застройки. Эта работа, в которой принимали участие П.И. Гольденберг (специалист по квартальной застройке) и В.И. Долганов, была проделана по заданию планово-земельного отдела Мосгорисполкома⁸. В предисловии к брошюре, где анализируются данные исследовательской работы, известный советский градостроитель В.Н. Семенов высказывает мнение, что тип будущего квартала может быть выяснен тогда, когда определится форма организации быта поселения. Известно, что перспектива организации быта в это время мыслилась исключительно в полном обобществлении. Новый порядок соотношения общественной и частной жизни поселения должен, по мнению Семенова, повлечь за собой переструктурирование квартала как модуля пространственной организации нового типа городской жизни и, в частности, уничтожение строительных участков и дворовых проездов. Так как в это время

дом-коммуна, квартал-коммуна, поселок-коммуна были общепризнанными в профессиональной среде ориентирами советского градостроительства, то реальная квартальная застройка многоквартирными домами, которая велась до сих пор, объявляется первой ступенью продвижения городского населения к кварталу-комбинату.

Однако в силу недостатка обеспечения больших благоустроенных участков водопроводом и канализацией уже во второй половине 1920-х гг. становится очевидной невозможность соблюдения норм застройки новых кварталов. Уже в 1927 г. в застройке Москвы была превышена средняя этажность новых домов (до 5 этажей, тогда как гигиенисты настаивали на 3–4-этажной застройке), а средний коэффициент застройки был доведен до 35%. При этом строится ряд домов переходного типа или один подобный дом в новой застройке. Как правило, это дома коридорного типа, и рассчитаны они на рабочих, не ведущих домашнего хозяйства; в некоторых домах намечено устройство столовой. Так застроен участок по Арсеневскому переулку: один из семи корпусов является общежитием, и в одном из них устроена столовая.

Условия исторической застройки городов СССР, естественно, диктовали свои ограничения в процессе поисков новой планировки и застройки как селитебной территории, так и промышленных комплексов. В этой ситуации планировка новых промышленных центров, работы по которой начались в основном в первой пятилетке, открывали перед архитекторами большие возможности в поисках новых методов комплексной планировки промышленных центров и жилых массивов при них. Начинается форсированное строительство новых городов: Новокузнецка, Электростали, Сталинска, Волжского, Большого Запорожья, Магнитогорска, Магадана, Комсомольска-на-Амуре, Игарки, Караганды; новых поселений при электростанциях и т.д.

Очевидно, самым значимым явлением в планировке и строительстве новых городов явилось строительство Запорожья, начатое в 1928 г. (В.А. Веснин, И.И. Малоземов). Строительство города началось одновременно с возведением Днепровской ГЭС. Кроме ГЭС, был построен ряд промышленных предприятий — завод «Запорожсталь», алюминиевый завод и др. Распыление города по большой территории привело к значительному удорожанию благоустройства и повышению расходов по коммунальному хозяйству. Вследствие этого в 1934 г. проект был пересмотрен в сторону уплотнения города за счет повышения этажности, частичного уменьшения ширины

улиц. Так, если плотность жилых кварталов в начальном проекте составляла 350 человек на гектар при 9 кв. м на человека, то постановление президиума ВСКХ от 1934 г. дало директиву повысить плотность заселения кварталов до 420–450 человек на гектар путем повышения этажности до 5–6 этажей. Генеральным проектом планировки Запорожья была принята система раздельного размещения жилых и общественных территорий в районе⁹.

Другим примером широкомасштабных градостроительных работ можно, очевидно, назвать планировку Магнитогорска, начатую в 1930 г. группой немецких архитекторов под руководством Э. Мая. Не вдаваясь в подробности дальнейшей судьбы этого плана, следует отметить его последовательное подчинение экономическим и санитарно-гигиеническим требованиям к градостроительству того времени. Неукоснительное и логическое воплощение принципов новой градостроительной системы в масштабах целого города породило негативную реакцию современников.

Известно, что конец 1920-х — начало 1930-х гг. отмечены необычайной интенсивностью проектной активности, выразившейся в двух глобальных концепциях расселения всей страны — урбанизма и дезурбанизма. Эти градостроительные концепции, отличавшиеся как радикализмом отношения к предметно-пространственной среде, так и внутренней экстенсивной силой распространения, по определению не могли не повлиять на проекты конкретных городов и жилых образований и в какой-то степени на градостроительную практику. Необходимо вспомнить и о другой градостроительной концепции этого времени — о линейном городе Н.А. Милютина. Концепция линейного города Милютина в какой-то степени явилась попыткой разрешить проблемы вновь строящихся городов, где по мере роста жилищного строительства увеличивалось удаление жилмассива от промышленной зоны. Жизнь города, организованная вдоль стержня движения, позволяла, по мысли автора, организовать бесперебойное и быстрое сообщение всех жизненных нервов города: жилья, промышленности, общественно-культурных комплексов и зелени. Эта схема освобождала рост города в двух направлениях; очевидно, схема убеждала планировщиков своей простотой и открытостью. Параллельные функциональные полосы города: железная дорога, производственная зона, санитарно-защитная зона и сельскохозяйственная зона объединялись поперечными связями, город уподоблялся точному производству.

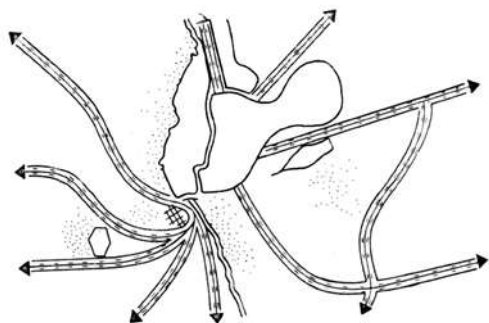

Эта концепция нашла отражение в проекте Магнитогорска бригады студентов АСИ под руководством Н.А. Ладовского. Застройка квартала, в частности, предусматривала его дальнейшую реконструкцию, приближающую его к коммунальному общежитию. Территория квартала дифференцировалась по возрастным группам населения; застройка предполагалась 4-этажными корпусами с пока еще обособленными кварталами. Планировка представляла варианты строчной застройки.

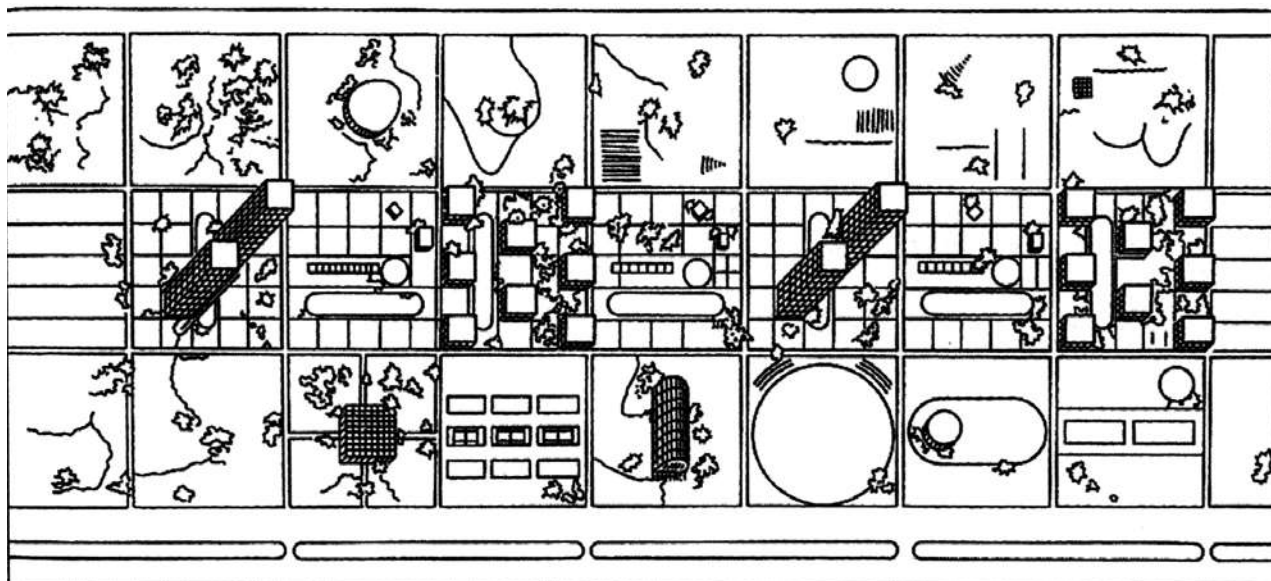
На примере Магнитогорска можно видеть, как планировка реального города привлекала силы разных направлений градостроительной мысли и способствовала рождению универсальных проектов расселения. Так, конкурсный проект «Маг-

нитогорье», разработанный в 1930 г. группой конструктивистов (М.О. Барщ, В.Н. Владимиров, Н.Б. Соколов) вместе с идеологом дезурбанизма М.А. Охитовичем, соединял схему линейного города с концепцией дезурбанизма. Однако в отличие от проекта бригады АСИ, испытывающей влияние принципов АРУ, дома в проекте конструктивистов намечались сборно-разборными, что в принципе снимало проблему планировки квартала. Сама селитебная территория, застроенная кочующими домами, не имела каркаса расселения, кроме железнодорожных путей. Следует отметить, что и сам автор линейного города Н. Милютин предлагал осуществлять застройку города стандартными жилыми домами заводского производства, состоящими из 4–6 типов жилых ячеек.

И наконец, хрестоматийно известный проект Магнитогорска бригады И.И. Леонидова, где все жилье города должно было расположиться вдоль 25-километровой прямой дороги, устремленной к совхозу-гиганту. Лента жилой застройки наложена на зеленую зону; в шахматном порядке чередуются стеклянные небоскребы и компактные жилые ячейки-кубики. Жилые и общественные здания стоят свободно на большом расстоянии друг от друга, что скрадывает жесткую геометричность плана. Можно сказать, что это урбанистический проект города без негативных последствий (теснота, замкнутые кварталы и дворы и т.д.) и отчасти дезурбанистический, поскольку жесткий планировочный каркас и система небоскребов удерживают селитебную территорию от разрушения.

Конкурсный проект социалистического расселения в Магнитогорске «Магнитогорье». М.А. Охитович, арх. М.О. Барщ, В.Н. Владимиров, Н.Б. Соколов. 1930

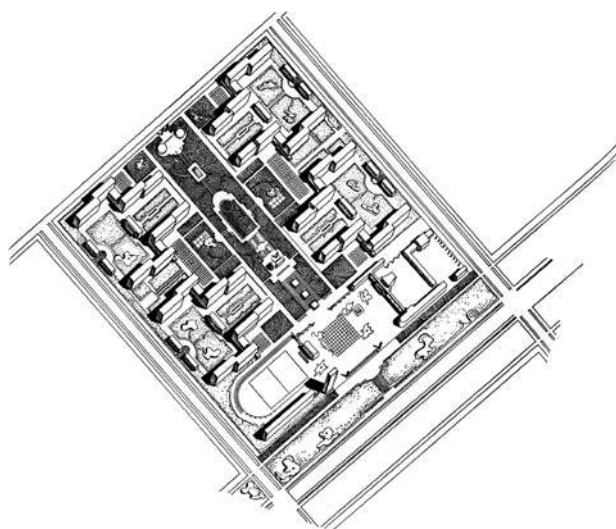
Конкурсный проект социалистического расселения в Магнитогорске. Аксонометрический генплан. Бригада арх. И.И. Леонидова. 1930

Другим примером использования идеи поточно-функциональной схемы города стал проект соцгородка Новый Харьков Харьковского тракторного завода (1929–1930, рук. П.Ф. Алешин). Поселок несколько больше, чем на схеме Милютина, развит в глубину, и общественный центр запроектирован компактным пятном.

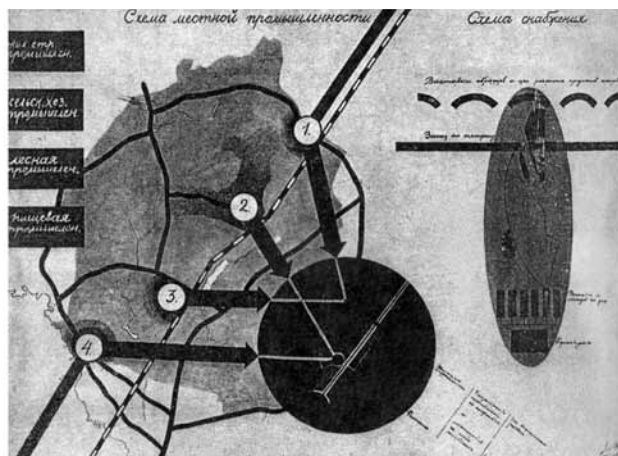
Проект планировки Сталинграда (В.Н. Семенов, Д.М. Соболев) является еще одним примером использования схемы линейного города. Однако в отличие от проектов Магнитогорска бригады Леонидова бригады АСИ и конструктивистов, вдохновляемых умозрительно впечатляющей схемой, линейная схема Сталинграда была предопределена реальной ситуацией. Четыре уже существующих, но недостаточно развитых района (или «города») было необходимо объединить в единое функционально-пространственное образование вдоль берега Волги, в единый мощный город, не уничтожая, однако, уже сложившихся административных и культурных центров этих районов. Как и в случае с Магнитогорском, мотивацией строительства Сталинграда стало создание нового промышленного центра, ведущим предприятием которого стал построенный тракторный завод; кроме того, город испытывал стремительный прирост населения. В проекте были четко зонированы промышленная зона (основная и обслуживающая), селитебная территория, транспортная магистраль и зеленые насаждения. Весь город разделялся (вернее, четко прописывался) на четыре района, связанных между собой трамвайными, железнодорожными и водны-

ми путями. Основой планировки каждого района был парк с общественным центром, вокруг центра — жилые комбинаты. В свою очередь, общественные учреждения каждого комбината группировались ближе к парку; районы отделялись от промышленной зоны зелеными насаждениями. Организация обслуживания состояла из двух ступеней: для района в целом и для каждого квартала в отдельности. Жилые комбинаты были рассчитаны на 65 тыс. человек, что несколько превышает оптимальное количество населения идеального города по расчетам теоретика урбанизма экономиста Л.М. Сабсовича. В каждом жилом комбинате намечалась своя двухступенчатая система обслуживания: первичная группа (800 чел.) и удвоенная первичная группа (1600 чел.). Планировка кварталов представляла собою строчную систему застройки, где строчки домов были сдвинуты по отношению друг к другу на половину типового корпуса, что давало возможность как вариантного решения рисунка магистралей, так и внутриквартальных проездов. Можно констатировать, что приведенные проекты, использовавшие линейную схему развития города, показывали разнообразие подходов к жилой застройке — от сборно-разборных индивидуальных домов дезурбанистов, небоскребов бригады Леонидова и до жилых комбинатов Семенова, где жилье структурировало планировку всего района.

Для полноты представления о влиянии новых концепций расселения на проектную мысль следует вспомнить проект Зеленого города М. Гинзбурга, который предполагалось построить в 30 км севернее Москвы в качестве центра общественного отдыха. Следует отметить, что этот проект, как и проект Магнитогорска (М.О. Барщ, В.Н. Владимиров, Н.Б. Соколов, М.А. Охитович) предполагал линейную систему развития поселения, постепенно разгружающего Москву, с концепцией дезурбанистов. Параллельно магистралям должны были тянуться ленты жилья, свободные в своем бесконечном развитии; параллельно железнодорожным путям за поселением расположен лес. Дома представляли собою двухуровневые постройки: верхний уровень — блок жилых ячеек, каждая из которых имеет свой вход и лестницу; нижний уровень — это собственно терраса, по которой осуществляется проход к общественному сектору. Однако эта структура, по концепции дезурбанистов, недолговечна, поскольку подразумевает оторванность рабочей семьи от конкретного места приложения труда и свободную миграцию населения с типовыми элементами сборно-разборных ячеек, которые могут

Сталинград. Проект застройки жилого комплекса.
Аксометрический план. Арх. В.Н. Семенов,
Д.М. Соболев. 1930

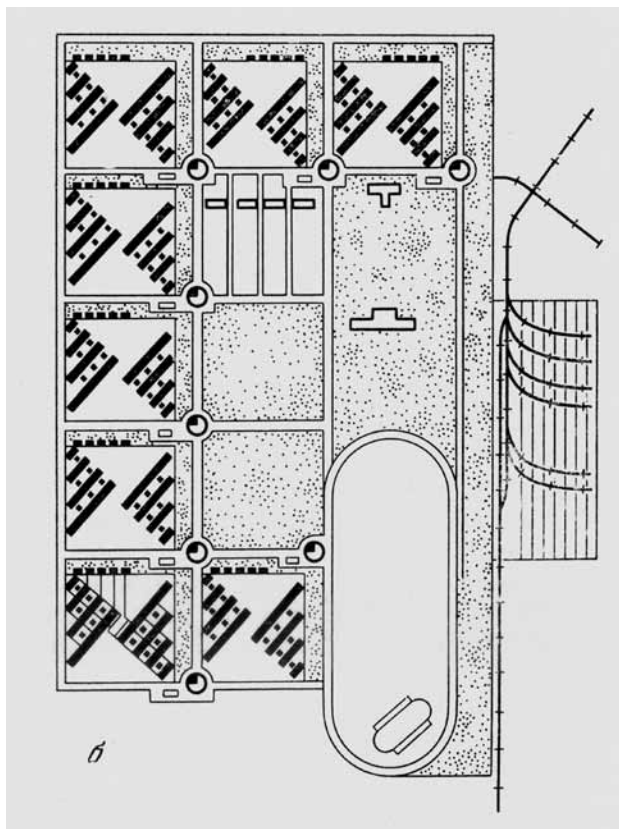

Конкурсный проект Зеленого города. Схема учебы и соцвоспитания. Арх. М.Я. Гинзбург, М. Барц. 1930

свободно блокироваться в дома в другом месте. Несмотря на то что система соцрасселения дезурбанистов, как декларировала САСС, есть коммуна домов разной степени обобществления, сама традиционная структурная единица городской застройки — квартал отрицается дезурбанистами по определению: «...мы исключаем в принципе для системы соцрасселения всякую форму квартальной застройки...»¹⁰.

Принципы радикального дезурбанизма, представленные в концепции Зеленого города, не всегда разделялись членами ОСА; примером тому может служить проект Магнитогорска бригады И.И. Леонидова, принципы которого повторяются в проекте бригады ОСА города-коммун при автозаводе в Нижнем Новгороде. Объединяет эти три проекта линейная система расселения. Однако застройка жилой части города, как и в проекте Леонидова, предполагается многоэтажными спальными корпусами. Первый этап застройки — 6-этажные корпуса, второй — 16-этажные; группа помещений культурно-бытового обслуживания, так же как и в Магнитогорске, выносится в культурную зону.

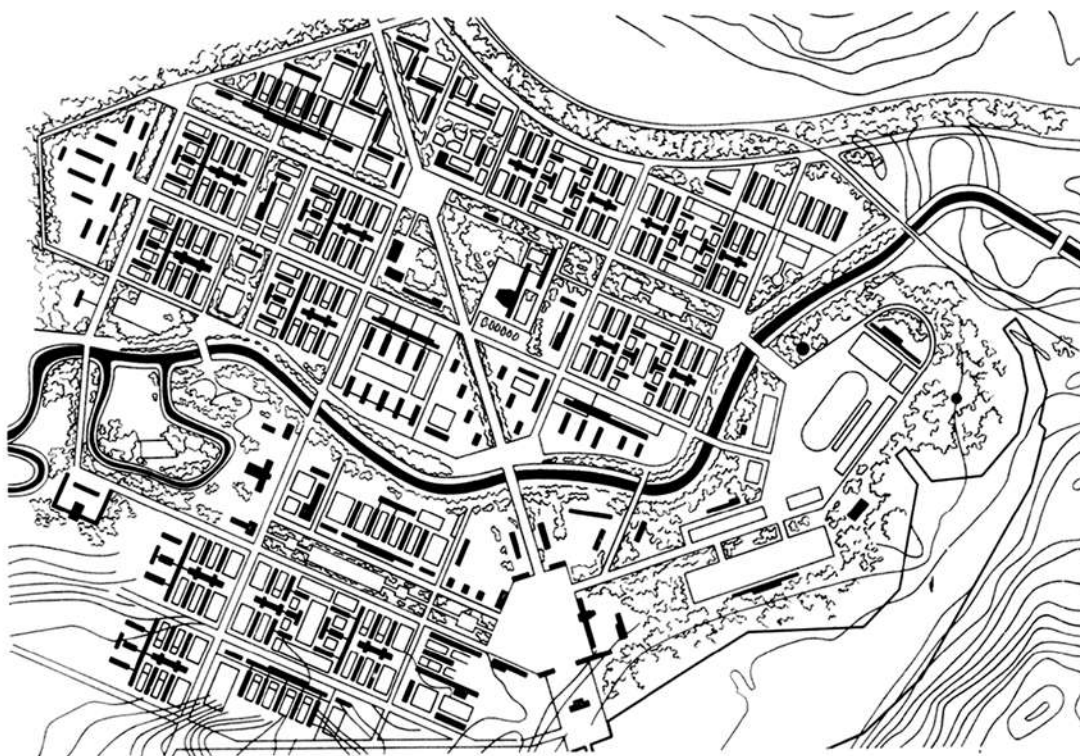
Следует вспомнить, что в конкурсе на проект Автостроя участвовали также представители других творческих объединений: АРУ, МАО, архитектурные факультеты МВТУ и ВХУТЕИНа. Проект АРУ (Г.Т. Крутиков, В.А. Лавров, В.С. Попов), как указано в программе конкурса (1929), ориентируется на 50 тыс. жителей при полном обобществлении обслуживания. Однако бригада АРУ внесла свои изменения в социальную программу города. Город на первом этапе жизни должен представлять переходный тип к полному обобществлению всех социальных функций.

Конкурсный проект планировки города-коммуны Автострой. Фрагмент плана. Бригада АРУ. Арх. Г.Т. Крутиков, В.А. Лавров, В.С. Попов. 1929

Следует отметить, что общее стремление представителей различных советских архитектурных и градостроительных концепций к преодолению традиционной квартальной застройки путем поисков нового (функционально обусловленного) модуля планировки и развития города — жилого комбината — породило множество толкований этой структурной единицы города. Так, если обратиться к проекту города Кузнецка (А.А. и Л.А. Веснины, 1929–1930), который, можно сказать, является воплощением концепции урбанизма, то можно увидеть, что город решается как единый «производственно-жилищно-культурный комбинат». Неопределенность величины нового градостроительного модуля позволяет представить его то целым городом, то его структурной единицей. Так, например, в отличие от проекта Кузнецка проект жилкомбината для Сталинграда И.А. Голосова 1930 г. — это единое пространственное и функциональное образование, состоящее из трех сообщающихся пластин-корпусов, где средний жилой корпус достигает длины 540 м. В свою очередь, проекты сталинградских жилкомбинатов В.Н. Семенова, рассчитанные на 65 тыс. жителей, — это, по

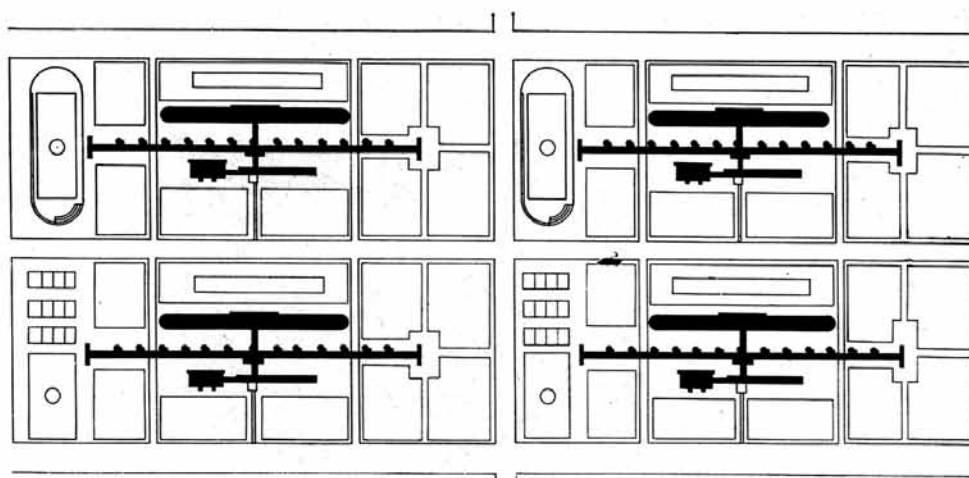
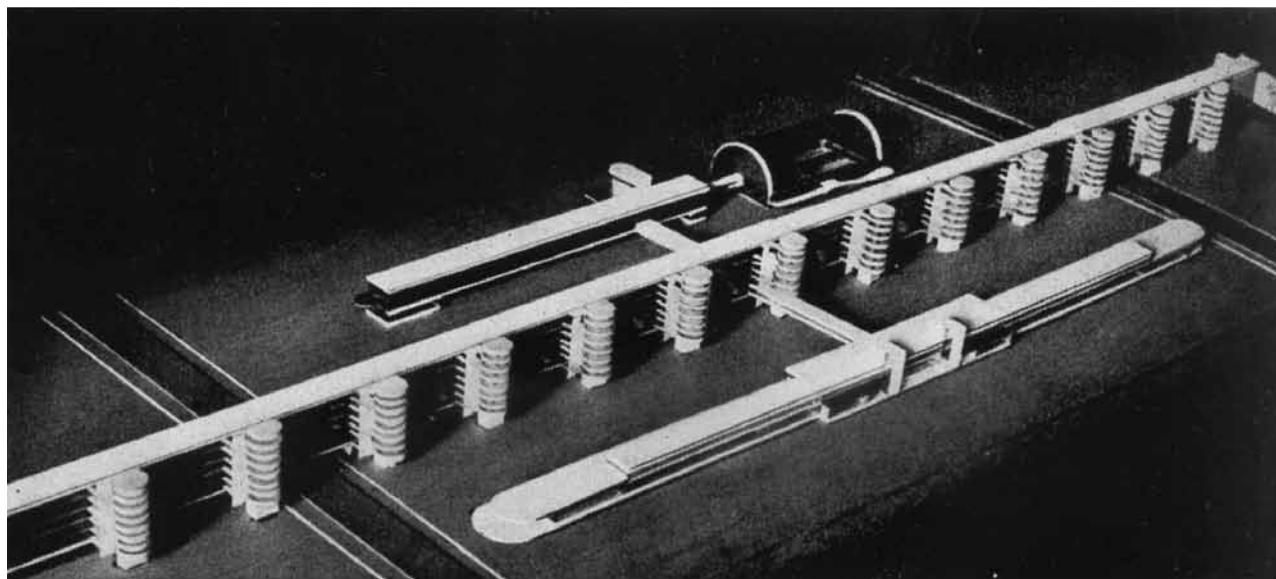

Кузнецк. Проект планировки города. Арх. А.А. и Л.А. Веснины. 1930

сути, две расчетных величины населения города в концепции урбанистов (например, Кузнецк архитекторов Весниных, рассчитанный на 35 тыс. чел.).

Говоря о внутренней логике формирования идеи жилкомбината как о новой структурной единице социалистического города, следует вспомнить мощный катализатор этой проектной идеи — ведущую тему прогностической мысли конца 1920-х — начала 1930-х гг.: движение к полному обобществлению быта и примату общественной жизни над частной. Следует отметить почти автономный от реальной жизни процесс саморазвития социоцентризма проектной мысли этого времени, что можно проследить в комплексе программных текстов архитектурных проектов, от жилища до города, однако это тема специального исследования. В данном случае интересно функционально-пространственное решение социальной задачи, направленное на поиски оптимального варианта переустройства социума. Здесь можно обнаружить парадоксальное явление: поиски оптимального варианта радикального переустройства системы жизнеустройства рождает множество вариантов ее пространственного обеспечения. Представление о мире как о рационально организован-

ной интегральной системе с неизбежностью рождает умоглядную социальную механику, которая, в свою очередь, инициирует большое количество программ преобразования социума и пространственной упорядоченности среды его обитания. Рациональная программность градостроительных проектов, не стесненная реальной жизнью или фундаментальными непреходящими законами сложения городской структуры, уподобляет структурную составляющую подлежащего преобразованию традиционного или вновь построенного города производственному комбинату со сквозной функцией воспитания нового общества. Сила проектной воли, вменяемой реальной жизни обуславливает и величину нового городского или поселкового образования. Кроме того, сквозная функция комбината, потенциального генератора всеобщего единства и системной организованности, должна обеспечить в дальнейшем саморазвитие этого образования, делая его законченным и самодостаточным модулем, но уже системы расселения. Так преобразовательная энергия обнаруживает свою экстенсивную природу. Однако эта идея мирозамышления хотя и косвенно, но повлияла на реальную градостроительную практику своего времени.

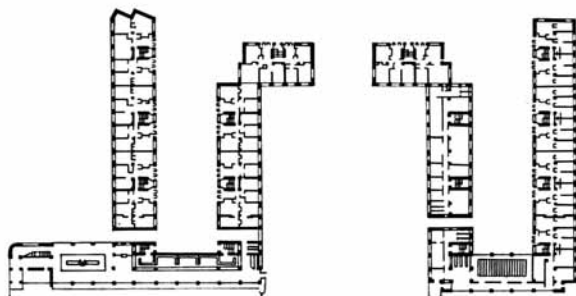
Сталинград. Конкурсный проект жилого комбината. Макет. Генплан. Арх. И.А. Голосов. 1930

Идея связать жилье с системой первичного общественного обслуживания во второй половине 1920-х гг. начинает переноситься на городские кварталы. В том же 1926 г. Президиумом Московского совета по инициативе Замоскворецкого кооператива был объявлен открытый конкурс на проект дома-коммуны. Дом предназначался к постройке на Хавской улице. Утвержденный проект представлял собою дом, состоящий из двух групп помещений: первая группа — индивидуальные квартиры для семейных; вторая — собственно коммунальная часть, т.е. общежитие, в состав которого входили столовая, клуб, ясли и детский сад. Год спустя этот дом, да и весь конкурс подверглись критике за отсутствие радикальности планировки новых общественных функций, за приверженность дореволюционному типу квартир, нанизанных по горизонтали на коридор;

отмечалась неэкономичность проектов¹¹. Однако искомой экономии невозможно было достигнуть даже путем минимизации жилого сектора, поскольку общественный сектор от проекта к проекту увеличивался в своих абсолютных размерах. Сквозная непрерывная общественная функция имела тенденцию захвата все большего пространства. Уже к 1931 г. различные комиссии по отбору типовых проектов не могли выбрать ни одного в качестве типового, где бы стоимость строительства по экономическим показателям была меньшей или хотя бы равной стоимости обычных квартирных домов.

Не анализируя последовательное развитие проектов домов-коммун, можно отметить их главную тенденцию к увеличению абсолютных размеров домов путем совмещения в одном здании всего набора функций жизнедеятельности коммуны, что

вызывало сложность структуры здания и громоздкость его объемов. Собственно, эти здания (например, жилкомбинат И.А. Голосова для Сталинграда или кузнецкие жилкомбинаты А.А. и Л.А. Веснинных) должны были занимать пространство целого квартала. Уже в 1928 г. архитектор Кузьмин одним из первых спроектировал «сверхколлективистический» дом для Анжеро-Судженска. Это был по сути квартал спальных корпусов разных типов — для женатых рабочих, стариков, групповые спальни взрослых, спальни для подростков. Единый дом с переходами между составленными корпусами планировался по периметру квартала. Веснинский

Иваново-Вознесенск. «Дом-коллектив». Общий вид, план. Арх. И.А. Голосов. 1929–1930

типовой дом-коммуна, рассчитанный на 1100 человек, представлял собою развитую в пространстве трехчастную композицию из параллельных пластин, соединенных между собою переходами жилых корпусов, где центральный корпус занимался общественным сектором. В свою очередь, 400-квартирный «Дом коллектива» И.А. Голосова в Первом Рабочем поселке Иваново-Вознесенска, состоящий из шести 5-этажных корпусов, соединенных в проекте коридором в общую систему, также занимает площадь целого квартала. Известный проект-манифест дома-коммуны сотрудников Стройкома РСФСР на 1 тыс. человек (авторы — конструктивисты М.О. Барщ и В.Н. Владимиров) представлял, по их словам, «научную организацию производственно-бытовых процессов и их максимальную коллективизацию» и также фактически являлся кварталом-коммуной. Несмотря на то что огромный крестообразный дом «опытно-показательной коммуны» должен был, согласно проекту, занимать 10 % участка застройки, но в силу своего пространственного развития фактически распостранялся на участок, равный кварталу 200 × 230 м.

Процесс увеличения размеров коллективов-коммун, организованных как производственный поток непрерывной социальной функции, по необратимой логике саморазвития требует расширения пространства жизнедеятельности. Замышленная интенсификация социальных процессов приводит в проективном сознании к экстенсивному выбросу социальной энергии вовне. Закономерно, что дом-коммуна становится чем-то большим, чем дом; квартал, занимаемый домом, также требует расширения традиционных границ. Проектная идея, обретя собственную логику развития, как будто эмансипировалась от воли проектировщиков. Архитектор Д.Ф. Фридман, комментируя свой проект генерального плана квартала-коммуны как структурной единицы плана Новой Москвы, определяет величину и характер новообразования города будущего: «Квартал-коммуна является территориально превосходящим в несколько раз квартал современного города. Территория представляет собою свободную зеленую площадь, пересеченную аллеями для пешеходов, ведущими к выходу на главную магистраль, то есть, к местам работы. Совершенно отмирает густая сеть улочек, переулков и тупиков, а также черные грязные дворы»¹². В свою очередь, в представленном студентами архитектурного факультета ВХУТЕИНа (Т.Н. Варенцов, И.П. Киркесали, В.А. Лавров, В.С. Попов, Г.Т. Крутиков) проекте нового города членение ткани города на

кварталы уже не предусматривается. В разреженной городской ткани проекта Зеленого Города М.Я. Гинзбурга — манифесте дезурбанистов, трудно обнаружить структуру традиционного города. Кроме того, линейные поселения вдоль железной дороги слиты с сельскохозяйственным производством.

То же вовлечение природы в производственную поточную систему можно обнаружить в проекте поселка-коммуны Костино Н.А. Ладовского. Кроме марксистского тезиса о слиянии города и деревни, в данной проблеме очевидно проявляются притязания проектной культуры этого времени на универсальное единство природной и искусственной среды путем их глобальной упорядоченности. Ладовский предполагал, что население деревни, около которой намечалось возведение поселка-коммуны, может разместиться в 16-этажном доме. Поселок Н.А. Ладовского, как и квартал-коммуна Д.Ф. Фридмана, располагается на участке паркового характера; собственно селитебная часть представляет собою единый партер, без разделения на отдельные участки. Застройка должна была состоять из трех рядов домов, разных по высоте — от небольших домиков для семейных рабочих до 16-этажных «небоскребов». Беглый обзор приведенных проектов разной величины объектов проектирования, идущих от большого дома-коммуны к кварталу-коммуне и до поселка-коммуны, и целого города (например, Автострой под Нижним Новгородом), обнаруживает тенденцию к размыванию традиционного каркаса и структуры города по мере экстенсивного развития сквозной социальной функции в пространство за чертой города.

Показательна реакция профессиональной критики на громадный зазор между прогностической мыслью и реальной жизнью: «Не будучи в состоянии разрешить задачи организации города в современных условиях с перспективой на будущее, планировщик идет обратным путем: он проектирует “идеальный” жилой комбинат на условный “конец генерального плана”»¹³. По мнению автора статьи, величину этого зазора должны сократить научно обоснованные нормы проектирования любых типов и величин социальных организмов. Кроме того, самой природе радикального проектирования присуще рациональное обоснование реконструкции реальной жизни.

Поиски оптимальной формы организации жизнедеятельности по определению присущи проектной культуре этого времени. Однако природа типового проекта как оптимальной формы даже части будущей целостной структуры (дома, жилком-

бината, поселка, города) вступает в противоречие со стремлением проектного сознания к рождению все новых видов пространственного решения идеальной формы жизнедеятельности. Этому обстоятельству не противоречит работа многих авторов проектов в типовом проектировании. Однако и при реализации утвержденных проектов современники констатируют разрыв между ведомственными нормативами застройки и реальной жизнью. Отмечалось наличие двух измерений времени — проектного, ориентированного на «конец генерального плана», и времени, протекающего в реалиях повседневной жизни. Несмотря на то что следующий этап культуры характеризуется радикально противоположной проектной концепцией преобразования действительности, параллельное существование проектной космогонии и реальной жизни остается устойчивым признаком советской культуры.

Знакомство с прогностической градостроительной мыслью и реальной проектной практикой конца 1920-х гг. приводит к констатации беспрецедентного выбора жизнестроительной проектной активности, захватившей в свой поток экономистов, социологов и представителей других смежных областей градостроительства. Накопившийся с послевоенного времени проектный потенциал с начавшейся форсированной индустриализацией страны, обернулся множеством проектных концепций — от жилкомбинатов до систем расселения страны. Однако можно заметить, что почти все эти концепции объединяет одна черта — экстенсивный характер освоения жизненного пространства. В реальном проектировании наблюдается одна устойчивая тенденция — отражение в проектной практике если не целостной градостроительной концепции, то ее потенции в построении городской структуры. Как отмечалось выше, в проектах конкретных поселений можно заметить тенденцию к размыванию традиционного базисного планировочного каркаса, когда саморазвитие функции ломало представление о квартале как модуле городской структуры, а значит, и представление о самой структуре.

Сам феномен мощной волны прогностической мысли характерен как множественностью градостроительных концепций, так и их принципиальным радикализмом по отношению к традиционной городской среде. Представляется, что сама экстенсивная фаза развития проектной активности обусловила, если так можно выразиться, интенсивную вариативность проектных концепций, начиная с проектов домов и кончая системой расселения всей страны. Можно сказать, что форсированные тем-

пы радикальной перестройки народного хозяйства нашли отклик в экстенсивном характере градостроительных концепций.

Трудно представить, в какой степени градостроительные концепции конца 1920-х — начала 1930-х гг. повлияли бы в дальнейшем на конкурентную практику застройки городов, если бы поперек мощного потока проектной мысли не сформировалась одна на первый взгляд цельная и простая концепция построения городского организма, которая на много лет определила практику и теорию советского градостроительства. Очевидно, эта цельность и простота и позволили ей стать универсалией культуры, способной работать на всем разнородном по климатическому, географическому и этническому характеру ландшафты страны.

Известно, что структура этой модели города складывалась в процессе формирования генерального плана конкретного города — столицы СССР. Подписи представителей государственной власти под программным текстом реконструкции Москвы легитимизировали этот проект в качестве универсального градостроительного прототипа реконструкции старых и строительства новых городов страны. Пространственная модель универсального города как бы собиралась из элементов городского организма, которые рассредоточила или упразднила авангардная прогностическая мысль.

Ответом на размывание структуры традиционного города в прогностических проектах конца 1920-х гг. в основу плана Москвы лег жестко прописанный простой до элементарности базовый планировочный каркас. Принципиальный моноцентризм городского пространства, определивший все уровни построения городского организма, явился в свою очередь, ответом на полицентрические или децентрализованные проекты систем расселения будущего 1920-х гг. — от «планит» К.С. Малевича до города-линии Н.А. Милютин. Если в проектах 1920-х гг. городское образование любого уровня организованности мыслилось как конденсатор саморазвития новых социальных отношений и подразумевало принципиальную изменчивость предметно-пространственной среды, то в универсальном проекте уже задан порядок организации жизни в городе, не оставляющий места ее изменчивости или импровизации. Полицентризм проектов 1920-х гг. не может обеспечить сквозной упорядоченности структуры города. Единый центр решений как главный ансамбль полагается парадигмой построения городского пространства. Противовесом подвижным открытым градостроительным системам 1920-х гг. служит герметичная супермодель

универсального города. Порядок не в последнюю очередь должен быть обеспечен высокой степенью художественного единства города как ансамбля, как реализованного единого творческого замысла. Важной содержательной частью проекта реконструкции Москвы становится объемно-пространственная композиция города, обозримая законченность его гигантской модели.

Принцип объемно-макетного градообразования влечет за собой представление о правильной последовательности проектирования — равномерном центробежном продвижении от ядра к периферии. Реконструированный центр полагается генератором преобразования исторической городской ткани. Сквозной порядок новой планировочной структуры векторно транслируют главные магистрали города, пучком расходящиеся из центра. Они должны были держать еще не реконструированную городскую ткань исторического города, воспринимаемую уже как косный хаос. Художественный образ города, представленный на огромных отмытках, должен явиться залогом, детально проработанной экономической, функциональной, инженерной подосновой реконструируемого исторического пространства.

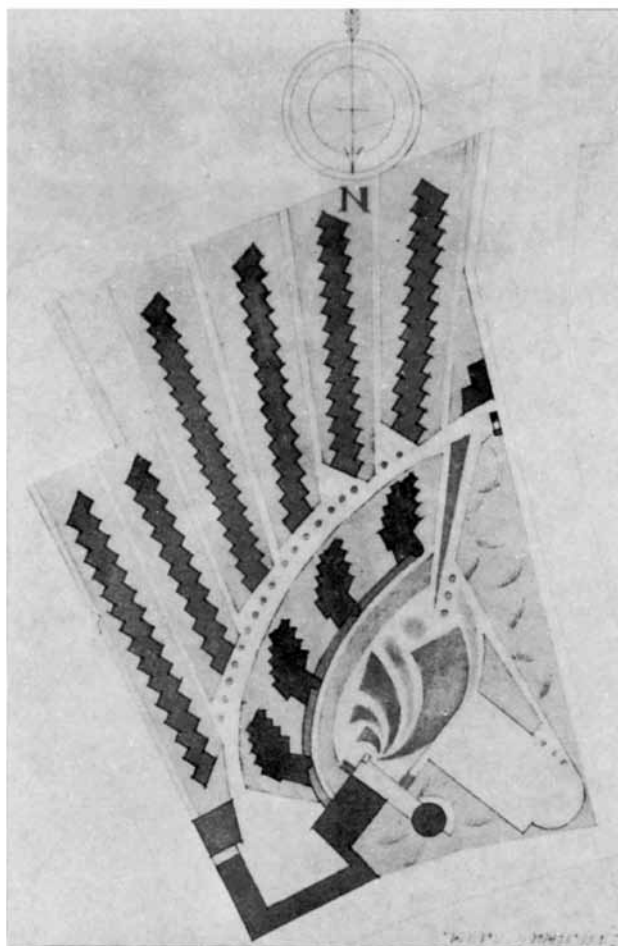
Векторы магистралей становятся самой содержательной стороной планировочной и проектной деятельности. Широкие главные магистрали определяют судьбу улиц и переулков исторического города. Базовый планировочный каркас пронизывает городскую ткань, которая мыслится теперь как наполнитель пространства между магистралями с уплотнением по сторонам гигантских улиц-коридоров. Непрерывный фронт застройки магистралей естественно складывается из фасадов домов, которые уже невозможно развернуть торцами, нарушив организованную перспективу. Все элементы срежиссированных перспектив жестко взаимообусловлены внутренней логикой построения города как суперансамбля.

Простота и цельность единого замысла города на первый взгляд предполагает краткий период его формирования. Однако на примере генерального плана Москвы 1935 г. можно проследить постепенный процесс складывания этой целостности, ставшей универсальной для советского градостроительства на много лет. В данном случае представляется возможность приближения к внутренним закономерностям сложения новой городской структуры через трансформацию понятия о ее модуле-квартале. Собственно, как отмечалось выше, модулем в новой градостроительной концепции квартал ста-

новится в качестве ответа на интенсивное размывание этого понятия в прогностической мысли конца 1920-х г. с заметным влиянием на конкретную проектную практику. Формирование представлений о квартале как единице городского пространства идет параллельно как в теории, так и на практике советского градостроительства. В процессе разработки генерального плана Москвы 1935 г. проекты реконструкции главных магистралей и возведений опорных ансамблей создавались под влиянием возникшего в это время понятия столичности большого города — первого в мире социалистического государства, что для авангардного мышления было совершенно неактуально. Однако это понятие определяло не только проекты городских ансамблей и магистралей, но и кварталов замышленного нового города. Так, главный разработчик генерального плана В.Н. Семенов, провозглашая квартал первичным элементом города, констатировал совершенную непригодность предшествующих градостроительных концепций Москвы и других городов¹⁴.

В унисон этому утверждению звучит высказывание идеолога советского градостроительства С.М. Горного, что свободная планировка квартала, практиковавшаяся до сих пор, отвечая требованиям гигиенистов, «совершенно игнорирует архитектуру улиц», когда «советские трудящиеся требуют организации жизни»¹⁵. Например, застроенным в 1920-х гг. московским кварталам Нижней Пресни, Дангауэровки, Дубровки и т.д. инкриминируется теперь отсутствие единого композиционного замысла, механистичность планировки, исключительный приоритет утилитарной стороны застройки, игнорирование запросов живого человека. Жупелом критики квартальной планировки 1920-х гг. становится нечасто встречающаяся в чистом виде строчная застройка. Собственно, почти вся свободная планировка квартала, дома с меридиональной планировочной осью определяются в это время как строчная застройка. Естественно, что прилагательные к этой планировочной системе употребляются самые уничижительные. Распространился прием прикрытия «старых грехов» строчной застройки широким фасадом нового дома (дом архитектора В.Б. Орлова на шоссе Энтузиастов или прикрытия строчной застройки Э. Мая в Сталинске).

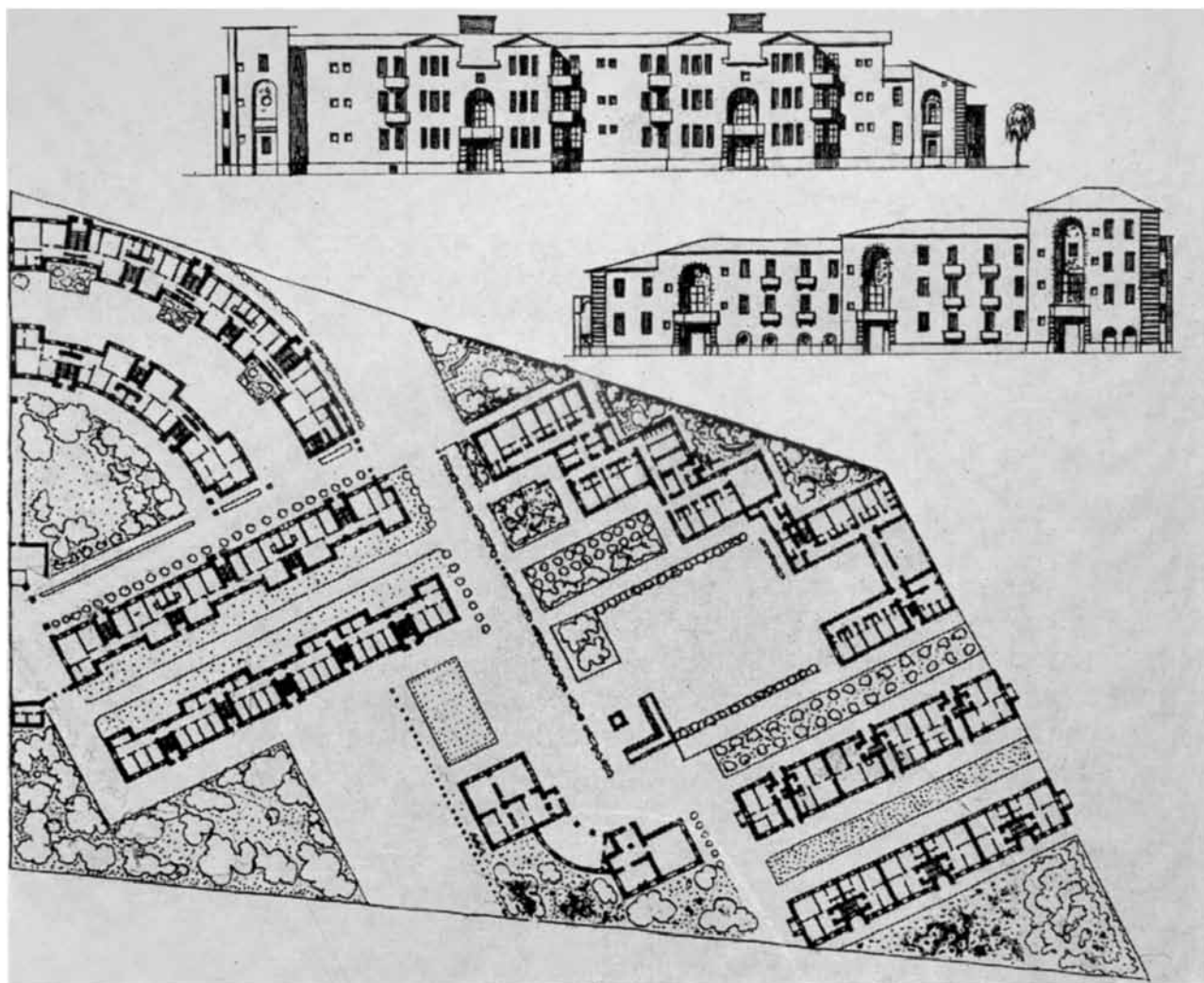
Никто не вспоминает предложенные на конкурс 1922 г. разнообразные виртуозные планировочные решения застройки ряда рабочих районов. Например, проект планировки части Большой Серпуховской улицы К.С. Мельникова, где использован прием веером расставленных рядов

Москва. Проект застройки рабочего квартала на Б. Серпуховской ул. План. Арх. К.С. Мельников. 1922

сблокированных домов, состоящих из сдвинутых друг относительно друга двухэтажных квартир. Или проект И.А. и П.А. Голосовых для Симоновского участка, варианты строчки в застройке Кузнецка А.А. и Л.А. Весниных (1930), проект города-коммуны Автостроя (1929) Г.Т. Крутикова, В.А. Лаврова и т.д. Следует отметить, что подобное отношение к ближайшему периоду проектной практики обусловлено, кроме всего прочего, и постановлением ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1933 г. «О составлении и утверждении проектов планировки и социалистической реконструкции городов и других населенных мест Союза ССР», где рекомендуется обратить внимание на архитектурную сторону застройки, под которой подразумеваются художественные приемы композиции. Показательно, что упоминавшаяся выше работа планово-земельного отдела Мосгорисполкома (арх. П.И. Гольденберг и В.И. Долганов), выпущенная в 1931 г., посвященная анализу планировочных систем квартала в зависимости от степени общественной организа-

Москва. Проект застройки рабочего квартала в Симоновском районе.
Фрагменты фасадов, генплан. Арх. И.А. и П.А. Голосовы. 1922

ции быта, посвящена исключительно традиционной системе планировки многоквартирных домов. В ней анализируется плотность застройки, этажность, плотность заселения квартала.

К 1933 г. зависимость городской застройки от процесса обобществления быта уже становится неактуальной и для проектной практики. Интересно, что победившая в планировочной практике периметральная застройка квартала еще не стала для теоретиков советского градостроительства утвердившейся безвариантной реальностью. Еще рассматриваются гигиенические преимущества строчной и периметральной планировки. В качестве отрицательных качеств строчной застройки приводится дробность внутреннего пространства квартала, образованная минимальными разрывами между фасадами домов и внутриквартальной инфраструктурой. Дробность пространства препятствует пол-

ноценному озеленению, которое возможно исключительно при периметральной застройке. Однако в данном случае заботой специалистов квартальной застройки является ансамблевая целостность и ясная считываемость квартального пространства и оформление прилегающих улиц. Собственно, безоговорочно периметральная планировка квартала должна применяться в застройке реконструируемого центра столицы, тогда как применение строчной системы возможно при застройке периферийных районов при плотности населения в центре 600–700 чел./га и 400–500 чел./га на периферии¹⁶.

Принятый в 1935 г. генеральный план Москвы снимает проблему применения разных планировочных систем застройки московских кварталов и оставляет только периметральную. Новый алгоритм построения пространства столицы не может совладать по масштабу с исторической застройкой.

Так, средний московский квартал равен примерно 3,5 га. Почти 80% московских кварталов не превышают 5 га. Высокая плотность жилой застройки (50% — в пределах кольца «А» и «Б»). Кроме того, историческая ткань города состоит преимущественно из малоэтажной застройки. В постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР указан средний размер кварталов новой застройки — 9–15 га. Основная идея постановления — коренная крупномасштабная перепланировка исторической ткани города кварталами с небольшим количеством домов с перекрытием мелких улиц и переулков.

Можно сказать, что в конечном счете на выводы из анализов той или иной системы застройки оказывала влияние идеологическая составляющая новой культуры. Так, теоретик советского градостроительства С.М. Горный выступал против квартала Корбюзье (1000 × 1000 м) и, следовательно, против советских авангардных градостроительных концепций, поскольку Корбюзье и советские авангардисты игнорируют столь актуальную для нового образа города «архитектуру улицы». И в то же время он утверждает неприемлемость мелких исторических кварталов как принадлежности капиталистического города¹⁷. Очевидно, выбор размеров кварталов Новой Москвы в данном случае обусловлен теми же мотивами, что и выбор центра города, совпадающего с историческим центром, вопреки децентрализованным концепциям авангардистов. Объективные нормы градообразования встают помехой в деле возведения универсальной модели города будущего. Так, главный разработчик генерального плана Москвы В.Н. Семенов утверждает, что «в свое время калечил архитектуру пожарник, теперь это делает гигиенист»¹⁸. Не споря с выводами исследований по инсоляции, проветриванию разных систем застройки кварталов (говоривших, как правило, в пользу строчной застройки), их не брали в расчет.

В этом контексте можно понять профессора Г.В. Шелейховского, под руководством которого было осуществлено исследование жилого квартала, выявившее целый ряд недостатков периметральной застройки, вынужденного в качестве последнего аргумента против этой системы утверждать ее капиталистическую природу¹⁹. Можно вспомнить, что и впоследствии Шелейховский отрицательно высказывался о пагубности тесной взаимосвязи элементов новой планировочной системы города: дом — квартал — ширина транспортной артерии.

Однако именно эта жесткая фатальная взаимосвязь служила идеологам новой концепции города свидетельством оригинальности и свободы разви-

тия правильно организованного городского организма. Она же позволяла смотреть теперь на авангардные градостроительные концепции как на произвольное механическое сцепление элементов городского пространства. Новая универсальная концепция города определила практику проектирования и строительства в СССР до середины 1950-х гг. Особенно остро критиковалась именно необратимая соподчиненность всех уровней построения городского пространства, где ширина магистрали диктовала длину и высоту оформлявших ее домов — фасада улицы, ее «развертку». Однако характер «облицовки» улицы неизбежно обуславливал величину квартала, величину его домов, вплоть до характера жилых секций с определенным набором квартир.

Знакомство с практическими результатами реконструкции Москвы и других городов в довоенный период не позволяет проследить последовательное воплощение в жизнь теоретических разработок в области квартальной застройки. Но именно аксиоматичность основных принципов построения городского пространства, в том числе и квартала, позволила в послевоенный восстановительный период с точностью воспроизводить в трехмерном пространстве грандиозные генеральные планы возрождения городов. Можно сказать, что в довоенной застройке квартал только предполагался за грандиозным фасадом «примагистрального» дома. А пока сквозь мощные арки и порталы просматривалась плотная многоэтажная нереконструированная ткань исторической части города (ул. Горького, Б. Мещанская и т.д.). Недаром в архитектурной печати этого времени возникают предложения право возведения магистрального фасада предоставлять застройщикам первой очереди. Тем не менее, несмотря на реальную практику осуществления генерального плана реконструкции Москвы, само представление о городе как ансамблевой целостности порождало в проектной культуре этого времени ожидание реализации его замысла как почти свершившегося факта в реальных измерениях пространства. В этой второй реальности удостоверяли огромные отмывки громадных перспектив магистралей с опорными ансамблями, широким шагом новых кварталов с многоэтажными домами и организованной зеленью. Таким образом, вплоть до начала войны велись поиски оптимального типа модуля будущего города-квартала.

Уже через год после принятия генерального плана реконструкции Москвы на третьем пленуме оргкомитета Союза советских архитекторов 1936 г., посвященном жилищной архитектуре, закладыва-

ется понятие жилого дома как подчиненной части общегородского ансамбля. Кроме того, само укрупнение квартала до 9–15 га обязывает к организации внутри него одного или нескольких ансамблей. Пространственная организация фасада дома непременно должна предусматривать террасы, ниши, эркеры, фонари и т.д.²⁰ Поиски универсальной композиции квартала, которые велись вплоть до начала войны, провоцировали архитекторов к обвинению гигиенистов, экономистов и других специалистов, работавших над проблемой квартала, в том, что они не разрабатывали ансамблевую составляющую планировки квартала, подчиненную замыслу магистрали.

Все увеличивающаяся длина вновь возводимых жилых зданий объяснялась тенденцией к полному обтеканию пространства квартала по периметру – единым зданием или их малым числом. В этой связи появляется чисто экономическая проблема: длина здания требует большого количества жилых секций и, соответственно, большого расхода на лифтовое хозяйство. Для решения этой проблемы в Академии коммунального хозяйства к 1939 г. группой архитекторов под руководством И.В. Жолтовского был разработан в нескольких вариантах эскизный проект 7-этажного многоквартирного дома коридорной системы, где вспомогательные помещения (например, душевые кабинки) находятся в подвальном этаже. Принятая в проекте коридорная система позволяла уменьшить количество лифтов в три и более раза.

Известно, что с началом интенсификации реконструкции старых и строительства новых городов в 1930-х гг. неизбежно встает проблема типизации строительства и развития строительной индустрии. Известно также, что процесс индустриализации строительства так и не был развит в объеме, отвечающем темпам и размаху застройки новых городов. Однако сами попытки типизации домостроения свидетельствуют об остроте возникшей проблемы. Так, в порядке решения проблем скоростного строительства сектором строительства Академии коммунального хозяйства при СНК РСФСР было разработано пять секций с шириной корпуса от 14 до 16 м. Секции предназначались для массового капитального строительства 4- и 5-этажных жилых зданий скоростным методом. Предусматривались также варианты секций для домов, выходящих фасадом на магистрали. В этом случае допускались планировки магазинов на первом этаже, квартиры же предусматривались с кухнями, расположенными к дворовому фасаду. Велась работа над плани-

ровкой квартир для внутриквартальных домов, где кухни могли располагаться по разным сторонам корпуса. Однако разработки по типизации не распространялись на целые дома. Вернее, как говорилось в решении второго пленума Союза советских архитекторов, состоявшегося в 1937 г.: «типизация целого жилого дома является целесообразной лишь в отдельных случаях, в условиях застройки новых мест. В обычных же условиях правильным решением следует считать типизацию отдельных секций со всеми ее элементами»²¹. Примером может служить застройка Большой Калужской улицы в конце 1930-х гг. К моменту ее застройки были утверждены к постройке в Москве в разных районах 23 дома единого типа. Однако в связи с распоряжением правительства перенести все строительство на магистрали было решено 11 домов расположить на Большой Калужской улице, три дома – на Фрунзенской набережной и т.д. Поскольку ансамбль магистрали невозможно обеспечить однотипными домами, архитекторами А.Г. Мордвиновым, Д.Н. Чечулиным и А.К. Буровым был составлен эскизный проект ансамблевой застройки Большой Калужской. При полностью сохраненной внутренней планировке была изменена даже этажность домов. Так, вместо шести этажей в типовом проекте часть домов имеет семь, восемь и даже девять этажей. Была изменена конфигурация корпусов: появились угловые секции, раскреповки, аркады, колоннады. Детали, изготовленные Трестом скульптуры и облицовки на своем заводе крепились к фасадам. Серия этих домов была построена поточно-скоростным методом из деталей заводского изготовления.

Однако со стороны планировщиков звучали постоянные требования к гигиенистам о сокращении норм габаритов детских учреждений. Частые споры самих архитекторов о составе и месте детских учреждений внутри квартала не утихали, пока в 1937 г. не появилось предложение СНК о размещении детских учреждений в первых этажах квартальных жилых домов. Если сады и ясли явились особой проблемой для планировщиков, то вспомогательные службы самого квартала часто даже не учитывались, о чем на третьем пленуме правления Союза советских архитекторов СССР, состоявшемся в 1938 г., говорил Б.Р. Рубаненко в докладе, посвященном квартальной застройке. Так, не учитывались складские помещения для магазинов, встроенных в дома, выходящих на магистрали; игнорировались прачечные, котельные, коммунальные мастерские, гаражи и т.д. Специальным постановлением пленума было указано на эти недостатки застройки города²².

Представляется, что вышеупомянутый пленум подводил предварительные итоги реализации единой универсальной структуры города. И как явствует из докладов, именно универсальность этой простой целостности была поставлена под сомнение архитекторами из разных регионов большой страны. В данном случае показательны мнения архитекторов-практиков о квартальной застройке. Так, московский архитектор Я.А. Корнфельд указывал на губительную последовательность зависимости величины жилых домов и кварталов от ширины магистралей, которая делает архитекторов ее заложниками. Соглашаясь между собой, эти элементы структуры города делают архитектора обслугой этой жесткой увязки. Непрерывный фронт домов, оформляющих магистраль, неизбежно обуславливает высоту и длину домов. Длина домов, в свою очередь, обуславливает «сверхмонументальность» застройки и характер квартала за уличным фасадом длиной 150–300 м. В свою очередь, ленинградец Г.А. Симонов считает, что верхний предел величины квартала (15 га) делает чрезвычайно трудной его застройку не только с точки зрения организации внутриквартального пространства, но и затрудняет элементарную ориентацию горожанина. Кроме того, это громадное пространство приходится оформлять целой системой подкварталов и устраивать внутриквартальные проезды. На этом пленуме указывалось на гигантоманию планировки Новосибирска, Сталинска, Кемерово, Орска, Красноярска и других городов, где площади планируются по 10 га, улицы — по 100–150 м, квартал — 9–15 га, бульвары достигают в проектах 100–150, а иногда и 300 м.

Однако на этом же пленуме против принятых норм планировки выступали не только архитекторы больших, но и малых городов и поселков, поскольку с этими нормами должны были считаться при малоэтажной застройке, тогда как закон от 1934 г. лимитирует высоту дома при планировке поселка 3–4 этажами. На пленуме вносится предложение внести в правительственные органы проект положения, уточняющего эти нормы для разных районов, поскольку существуют районы, где застройка возможна только 1–2-этажными домами, да еще с участками индивидуального подсобного хозяйства (как, например, районы Донбасса). Украинские архитекторы предлагали свои нормы застройки для поселков. Так, если нормы кварталов для малых городов были 4–6 га, то для малоэтажной поселковой застройки предлагалось 2–4 га; соответственно, ширину главной поселковой улицы в отличие от малых городов (25–40 м) утвердить в размере 20–30 м, а жилых улиц —

16–20 м. Эти же архитекторы обвиняли Гипроград в увеличении городских и поселковых территорий, подлежащих перепланировке, и в отсутствии желания упорядочить наличную застройку.

Следует отметить, что предложения архитекторов-практиков иногда имели более радикальный характер. Например, предлагалось изменить тип самого модуля новой структуры города — периметральную систему застройки квартала (доклад Н.П. Былинкина, посвященный массовому жилищному строительству)²³. Еще раньше периметральной застройке ставились в вину теснота и невентилируемость замкнутых внутренних дворов, подчиненность ориентации жилых помещений композиционной целостности квартала и т.д. Еще раньше, до пленумов 1937 и 1938 гг., высказывались сомнения в целесообразности применения этой планировочной системы квартала: «По-видимому, назревает если не перелом в оценке периметральной застройки, то некая реакция против ее безраздельного господства.» — высказывает свое сомнение специалист по квартальной планировке П.И. Гольденберг²⁴. Подсчеты плотности застройки, приведенные П.И. Гольденбергом, показывают, что чисто периметральная застройка, т.е. со свободным внутренним пространством, не может соответствовать принятой плотности населения — 500 чел./га. Иначе такой квартал в 9 га следует застраивать 9-этажными домами, а квартал в 15 га — соответственно, 10–12-этажными домами, что допустимо только в «примагистральной» застройке. Следует вспомнить также и резкую критику сплошной периметральной застройки со стороны А.А. и В.А. Весниных. Против этой системы высказывался также теоретик градостроительства архитектор В.В. Бабуров, архитектор Г.И. Котов и другие. Б.Р. Рубаненко в своем докладе, посвященном квартальной застройке, высказывался против применения этой системы планировки во всех градостроительных ситуациях, например при застройке набережных и т.д. Упоминалось также, что иногда внутри квартала размещаются административные здания и даже производственные сооружения. Все критики замкнутой периметральной застройки единодушно признают ее уместность в северных широтах с сильными ветрами, а также на юге страны²⁵.

Знакомство с критикой системы застройки квартала со стороны практиков обнаруживает покушение не целостность всей структуры города, принятой в 1935 г. при утверждении генерального плана Москвы. Очевидно, для современников жесткая взаимосвязь всех уровней этой структуры не столь

очевидна, как для последующего времени. Очевидно, что та роль, которая в этой системе отводится кварталу, несовместима с его свободной планировкой. Она не оставляет места не только для вариантиности выбранного модуля, но и для его произвольного изменения. Однако жесткая планировочная структура отнюдь не исключала административного, ведомственного и хозяйственного хаоса, начиная с процесса проектирования и заканчивая реализацией плана. Частая смена планов освоения выделенных под строительство участков даже при запущенном процессе строительства, столкновение ведомственных интересов и т.д. — все накладывалось на процесс застройки кварталов, магистралей, площадей. А главное, на профессиональную сферу архитектора, зажатого жесткой структурой мегапроекта города и хаотичностью его осуществления. Так, например, в Ленинграде первоначальный план застройки Московского шоссе предусматривал целый ряд общественных зданий. Впоследствии ситуация изменилась и планировщики вынуждены были намеченные под общественные здания участки заполнить жилыми домами, а общественные здания потом планировались на жилых улицах²⁶.

Обращаясь к практике квартальной застройки этого времени, невозможно обнаружить идеальное воплощение квартала, замысленного для нового города. Это становится особенно очевидным при взгляде если не на кварталы с отмывок и проектов планировок, то на первые приближения к застройке центра города. Можно сказать, что жилой дом ЦК Осоавиахима на Смоленском бульваре (арх. В.Г. Альтшулер, Н.Б. Баратов) в кратком размере передает прием кулисного построения квартала, выходящего на магистраль. Дом состоит из двух одинаковых 7-этажных зданий, примыкающих к выстроенному ранее в глубине участка жилому дому. Три здания образуют в плане букву П с глубоким и узким курдонером со стороны бульвара. Ранее построенное здание образует нейтральный фон для новых корпусов, которые объединяет колоннада, выходящая на красную линию, высотой в два этажа.

Курдонеры, или открытие на магистраль и улицу дворы, часто рекомендовались в застройке магистралей. Они перебивали монотонность длинных фасадов домов, оформляющих магистраль. Вторым примером жилого дома, имитирующего открытое внутриквартальное пространство, можно назвать дом на Ленинградском шоссе (арх. Б.В. Ефимович), который состоит из двух корпусов с разрывом 20 м. За корпусами расположен двор 80 м глубины, за

которым расположен третий, уже фоновый корпус с крыльями, обращенными в сторону примыкающих корпусов. Таким образом, образуется почти периметральная застройка с большим разрывом. Архитектурная критика одобрила решение открытого двора, рекомендуя более широкое использование этого приема при застройке магистралей. Тему открытого пространства, соединяющего уже новый квартал с магистралью, продолжает жилой дом на Велозаводской улице (арх. И.Ф. Милинис), грандиозной аркой во всю высоту дома. Также сквозное пространство протягивают по квартальной оси арки высотой в шесть этажей жилого дома Горьковского автостроя. Квартал И. Голосова в Автозаводском районе застроен домами от пяти до восьми этажей и состоит из замкнутых дворов, как бы нанизанных на мощную ось, протянутую сквозь высокие арки.

Естественно, что комплексно и целостно осуществить застройку квартала возможно только на свободной территории. Этот пример демонстрирует хрестоматийный для второй половины 1930-х гг. жилой комплекс на Малой Охте в Ленинграде (арх. Г.А. Симонов, Б.Р. Рубаненко, О.И. Гурьев). Этот комплекс, включая инфраструктуру, образовывал замкнутое в периметр пространство. Фронт периметра обогащен выступами, курдонерами, разрывами домов. Внутреннее пространство квартала занято сложно спланированной системой внутриквартальных домов.

Очевидно, что не освоенная городом территория Юго-Запада Москвы при осуществившейся комплексной застройке явилась бы местом идеального сплава новой планировочной системы и ее объемного наполнения. Район предполагалось

Горький. Жилой дом автозавода. Арх. И.А. Голосов. 1936

застроить исключительно крупными кварталами (12–15 га), где при 15-гектарном квартале под зелень должно быть выделено 5–6 га. Первоочередная застройка предполагалась по магистрали Большая Пироговская – Раменки и по Калужскому шоссе. По магистрали Большая Пироговская – Раменки предусмотрено размещение 65–70 крупных домов с инфраструктурой. Магистраль должна быть застроена 7–8-этажными домами сплошной застройкой без курдонеров, разрывов или отступов. Все эти пространственные приемы должны быть использованы на параллельных магистрали улицах шириною 30 м и поперечных улицах шириною от 40 до 50 м. В каждом квартале предполагается школа, два детских сада и двое яслей. Детские учреждения должны располагаться во внутриквартальной застройке более низкой этажности. Плотность застройки не должна превышать более 23% на Боль-

шой Калужской улице, и по Калужскому шоссе будет расположена большая часть учреждений и жилых домов Академии наук. Плотность населения предполагается 400 чел./га.

Очевидно, самое показательное в проектах застройки Юго-Западного района то, что они мало отличаются от масштабных проектов реконструкции исторического города. И те и другие проекты предполагают территории, подлежащие освоению очищенными от истории. Однако именно на частично реализованных проектах застройки центральной части Москвы очевидно сопротивление исторической среды крупномасштабной реконструкции. Только после войны в реализованных проектах восстановления городов крупномасштабная сетка планировки больших сегментов города проросла в трехмерном пространстве возрождающихся городов.

Примечания

1. Пузис Г. Коммунальное и жилищное хозяйство СССР за 15 лет. М., 1932.
2. Бархин Г.Б. Рабочий дом и рабочий поселок. М., 1922; Диканский М.Г. Проблемы современных городов. Движение в больших городах. Кризис жилища. М., 1926 и многочисленные статьи Н.В. Марковникова в строительных и архитектурных журналах вплоть до конца 1920-х гг.
3. Богданов Н. Проблема жилищного строительства // Строительная промышленность. 1923. С. 1–4.
4. Марковников Н.В. Современные экономические принципы планировки и застройки поселков // Строительная промышленность. 1927. № 1. С. 47–50.
5. Неврев Н. К планировке жилого района социалистического города // СОРЕГОР. 1933. № 5. С. 17–18.
6. Из пояснительной записки к проекту первой очереди застройки Палевского участка в Володарском районе // Из истории советской архитектуры. М., 1963. С. 95.
7. Аранович Д. Новый город под Москвой // Строительство Москвы. 1931. № 9. С. 11–14.
8. Гольденберг П. Долганов В. Проблема жилого квартала. М.–Л., 1931.
9. Малоземов И. Большое Запорожье // Советская архитектура. 1932. № 5/6. С. 72–80.
10. САСС на новом этапе // Советская архитектура. 1931. № 2. С. 97–102.
11. Вегман Г. Укрупненное жилье // Современная архитектура. 1927. № 1. С. 12–20.
12. Фридман Д. Дом-коммуна или квартал-коммуна // Строительство Москвы. 1929. № 12. С. 15–17.
13. Неврев Н. Указ. соч. Автором понятия «на конец генерального плана», очевидно, является С. Горный, применявший его ранее для общей характеристики советского градостроительства.
14. Семенов В.Н. Москву планировать и планомерно застраивать // Строительство Москвы. 1932. № 6. С. 2–6.
15. Горный С.М. Жилая улица // Планировка и строительство городов. 1935 г. № 12. С. 22–25.
16. Гольденберг П.И. Строчная или периметральная застройка кварталов // Строительство Москвы. 1933. № 1. С. 31–34.
17. Горный С.М. Жилая улица // Планировка и строительство городов. 1935. № 12. С. 22–25.
18. Семенов В.Н. Москву планировать и планомерно застраивать // Строительство Москвы. 1932. № 6. С. 2–6.
19. Шелейховский Г.В. Жилой квартал как низовое звено города, его элементы и нормативы // Сб. планировка и социалистическая реконструкция городов. М., 1934. Вып. 1. Стр. 164–218.
20. Симонов Г.А. Архитектура жилого дома (доклад) // Вопросы жилищной архитектуры. III пленум Оргкомитета Союза советских архитекторов. 3–5 июня 1936 г. М., 1936. С. 12–17.
21. Шарков И. Основные итоги второго пленума Союза советских архитекторов // Коммунальное строительство. 1938. № 1. С. 24–26.

22. Планировка и строительство городов СССР. Материалы III пленума правления Союза советских архитекторов СССР. М., 1938.
23. *Шарков И.* Основные итоги второго пленума Союза советских архитекторов // Коммунальное строительство. 1938. № 1. С. 24–26.
24. *Гольденберг П.И.* Возможна ли чисто периметральная застройка московских кварталов. // Строительство Москвы. 1936. № 2. С. 14–16.
25. Планировка и строительство городов СССР. Материалы III пленума правления Союза советских архитекторов СССР. 7–11 июля 1938 г. М., 1938 .
26. Там же.

Города европейской части России

Ленинград (ныне Санкт-Петербург). Жилой дом в Шемиловке.
Арх. Е.А. Левинсон, И.И. Фомин, С.И. Евдокимов. 1938

Ленинград. Жилой дом на Малой Охте. Арх. Б.Р. Рубаненко, Г.А. Симонов. Конец 1930-х гг.

Ленинград. Дворец культуры им. М. Горького. Арх. А.И. Гегелло, Д.Л. Кричевский. 1925—1927

Ленинград. Универмаг и фабрика-кухня Кировского района.
Арх. А.К. Барутчев, И.А. Гильтер, И.А. Меерзон, Я.О. Рубанчик. 1930—1931

Ленинград. Шемиловка. Здание Невского райсовета. Арх. Е.А. Левинсон, И.И. Фомин. 1938–1940

Ленинград. Кинотеатр «Москва». Арх. Л.М. Хидекель. 1939

Архангельск. Здание Северолеса на просп. Сталинских ударников. *Первая половина 1930-х гг.*

Архангельск. Дом специалистов. *Середина 1930-х гг.*

Горький (ныне Н. Новгород). Дворец культуры в соцгороде автозавода. Арх. А.З. Гринберг. 1936–1938

Горький. Дом Советов. Арх. А.З. Гринберг. 1929–1931

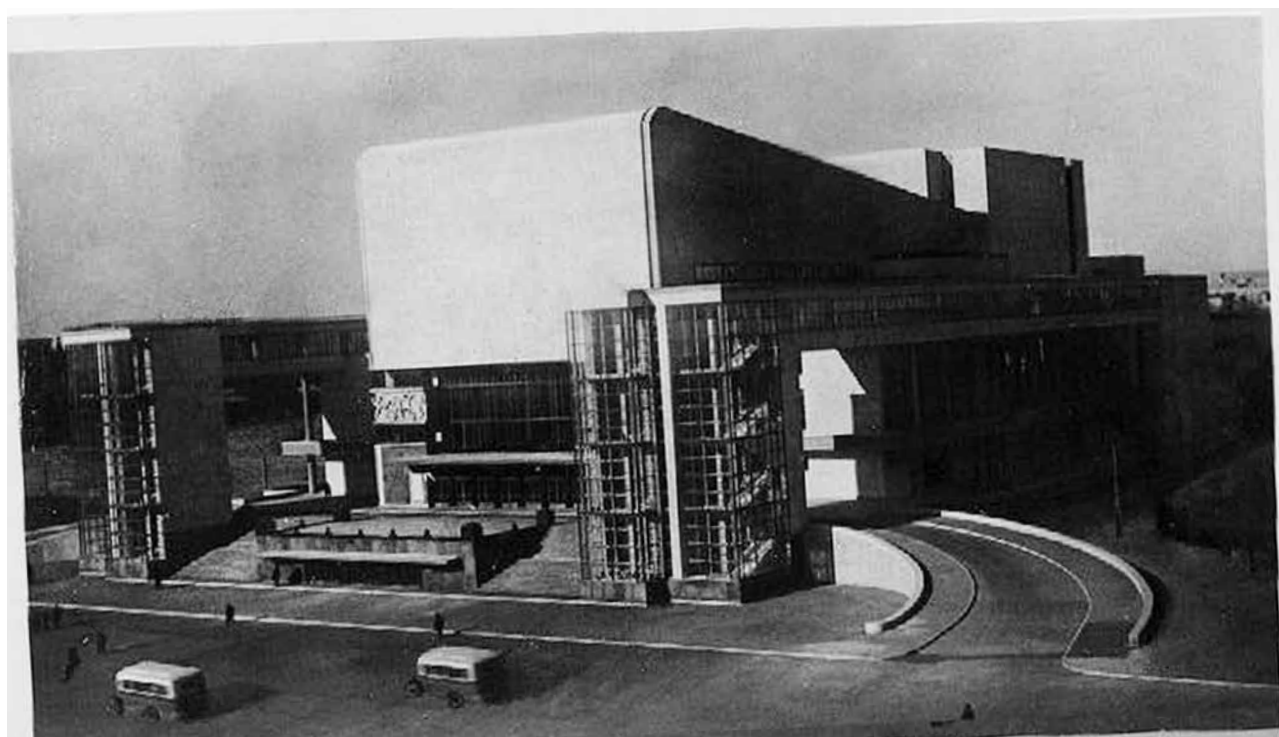
Куйбышев (ныне Самара). Застройка ул. Фрунзе

Куйбышев. Новый жилой дом для сотрудников нефтяной отрасли. 1934

Нальчик. Здание Облисполкома. Арх. С.А. Маслих и др. 1936

Ростов-на Дону. Здание театра. Арх. В.А. Шуко, В.Г. Гельфрейх. 1930–1935

Мурманск. Дом межрейсового отдыха моряков тралового флота. Арх. В.Ф. Овчинников. Середина 1930-х гг.

Калинин (ныне Тверь). Речной вокзал. Арх. П.П. Райский, Е.И. Гаврилова. 1937–1938

Сочи. Городской театр. Арх. К.Н. Чернопятов. 1938

Брянск. Дом Советов. Арх. А.З. Гринберг. 1925—1926

Сталинград (ныне Волгоград). В сквере на пл. Павших Борцов. 1937

Сталинград. Площадь Павших Борцов. 1938

Сталинград. Центральный городской универмаг. Арх. М.П. Цубикова, И.П. Иващенко, А.Н. Чекулаев. 1938

Сталинград. «Дом грузчика» на Рабоче-Крестьянской ул. Арх А.А. Коваленко. 1936—1937

Сталинград. Административно-жилой дом Легпрома. Арх. В.И. Кочедамов, И.П. Иващенко. 1934–1936

Сталинград. Субботник на Сталинградском тракторном заводе

Сочи Санаторий «Горный воздух». А.А. и Л.А. Веснины. 1928–1929

Кисловодск. Санаторий НКТП им. С. Орджоникидзе. Арх. М.Я. Гинзбург. Вторая половина 1930-х гг.
На переднем плане — строительство парковой лестницы. Арх. И.И. Леонидов

Сочи. Санаторий «Правда». Арх. П.П. Еськов. 1936

Сочи. Санаторий Наркомзема. Арх. П.П. Еськов 1933–1935

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Советское градостроительство 1917–1941

КНИГА ПЕРВАЯ

Директор издательства: Б.В. Орешин

Зам. директора: Е.Д. Горжевская

Верстка: Е.А. Лобачева

Издательство «Прогресс-Традиция»
119048, Москва, ул. Усачева, д. 29, корп. 9
Тел. +7 (499) 245-53-95
<https://progresstradition.ru>

Формат 60х90/8
Печать офсетная. Объем 102,5 п.л.
Тираж 300 экз. Заказ №

ISBN 9785898265038

9 785898 265038

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

Монография, написанная коллективом авторов — ведущих специалистов по истории отечественной архитектуры XX в., посвящена проектированию и реконструкции городов в 1920—1930-е годы. Достижения русского авангарда 1920-х гг. были отмечены рядом новаторских градостроительных проектов-концепций, однако реальное формирование городов и поселков, в которых обитали миллионы людей, происходило под влиянием множества противоречивых факторов. Идеальные образы общества и человека, выстраиваемые в этот период советской культурой, не только определяли теоретические представления о городах будущего, но влияли и на практические подходы архитекторов к формированию архитектурно-градостроительной среды. Вместе с тем профессиональный опыт и накопленные знания архитекторов вступали в сложные взаимоотношения с государственной градостроительной политикой, ее менявшимися во времени установками. Феномен советского градостроительства 1920—1930-х гг. во всей своей многогранности до сих пор остается недостаточно изученным. Монография направлена на восполнение этого пробела. Вводится в научный оборот широкий пласт новых, в том числе архивных, материалов, позволяющих лучше понять социально-культурные, технико-экономические, организационные аспекты развития градостроительства этого периода.

Архитектура и градостроительство советского периода представляют собой сложное явление, хронологически охватывающее почти весь XX век. Представляемая вниманию читателя коллективная монография — только один из шагов на пути исследования этого феномена. В то же время этот труд является логическим продолжением фундаментальных исследований истории отечественного градостроительства от древних времен до начала XX в, на протяжении многих лет проводимых в Научно-исследовательском институте теории и истории архитектуры и градостроительства.